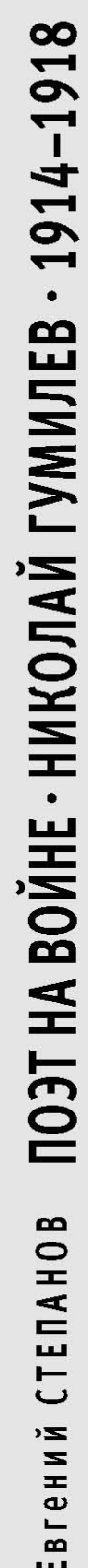
ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА

Евгений СТЕПАНОВ

ПОЭТ НА ВОЙНЕ
НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
1914–1918

ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА

Евгений Степанов

ПОЭТ НА ВОЙНЕ · НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ · 1914–1918

Л. Городецкій

Царское Село.

Евгений СТЕПАНОВ

ПОЭТ НА ВОЙНЕ
НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
1914–1918

Москва
Прогресс-Плеяда
2014

УДК 821.161.1(093.3)(092)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
С79

Оформление –
Валерий Сергутин

На фронтисписе:
Н.С. Гумилев. 3 апреля 1915. Царское Село.
Из архива М.Л. Лозинского

Степанов, Евгений Евгеньевич
С79 Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. М.: Прогресс-Плеяда. 2014. – 848 с. , 48 с. ил.
ISBN 978-5-7396-0321-0

Книга представляет собой документальную хронику, подробно рассказывающую о четырех годах, проведенных русским поэтом Николаем Гумилевым на фронтах Первой мировой войны. Повествование, основанное на многочисленных, часто уникальных, документах из отечественных и зарубежных архивов, существенная часть которых публикуется впервые, буквально по дням воссоздает малоизученную военную биографию выдающегося поэта, по-новому освещает и проясняет ее эпизоды. Автором прослежен весь фронтовой путь Гумилева – первый год войны, проведенный на фронтах Литвы, Польши, Украины, Австро-Венгрии и Белоруссии в составе Уланского полка, служба в Гусарском полку в Латвии, а затем в Экспедиционном корпусе в 1917–1918 годах в Англии и во Франции.

Это одна из последних книг, которую на протяжении нескольких лет готовил Станислав Стефанович Лесневский, но издать не успел. Его не стало 18 января 2014 года. Но эту книгу должны увидеть все те, кого интересует русская история, русская литература и Николай Гумилёв.

Издание приурочено к 100-летней годовщине начала Первой мировой войны.

УДК 821.161.1(093.3)(092)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

ISBN 978-5-7396-0321-0

***Памяти
Станислава Стефановича Лесневского
посвящает автор эту книгу***

ПОЭТ НА ВОЙНЕ. НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
1914–1918

ВВЕДЕНИЕ

Существует два диаметрально противоположных подхода к изучению биографий известных писателей и поэтов. Некоторые считают, что погружение в них ничего не дает, наоборот – даже мешает понять и осмыслить творческое наследие, что достаточно досконально изучить все произведения, сопоставить тексты с работами современников, критиков, не затрагивая при этом подробных жизнеописаний. С другой стороны, многие читатели полагают, что каждое художественное произведение является своеобразным зеркалом, в котором отражается прожитая автором жизнь, и для понимания его творчества необходимо знать, по крайней мере, некоторые биографические подробности. Как и в большинстве случаев, предполагаю, что истина лежит где-то посередине, и во многом зависит она от того, о ком идет речь. Нельзя не согласиться с тем, что в ряде случаев подлинная биография создателя подменяется либо мифологическим жизнеописанием, либо набором пикантных подробностей, копанием в грязном белье, мало что говорящем об оставленном автором наследии. К сожалению, с этим приходится постоянно сталкиваться, особенно в последнее время, и особенно по отношению к тем поэтам, о которых пойдет речь. Главным героем последующего рассказа будет Николай Гумилев, однако, касаясь его жизненного пути в описываемые годы, нельзя будет не коснуться и биографии его жены Анны Ахматовой. Замечу, что именно им в последние годы больше всего «досталось» от современных летописцев, не утруждающих себя критическим осмыслением материалов, работой в архивах и собственными изысканиями.

Автор придерживается того мнения, что знание биографии для проникновения в творческую лабораторию писателя необходимо, но знание **подлинной биографии**, опирающейся на документы, эпистолярное наследие, проверенные свидетельства и воспоминания современников. Первая попытка такого жизнеописания была предпринята в 1991 году, в работе «Николай Гумилев. Хроника»[1], вошедшей в третий том первого отечественного трехтомника сочинений поэта, вышедшего в издательстве «Художественная литература». В ней подробно, по возможности с указанием точных датировок, исключительно на основе документов, было дано достаточно полное жизнеописание поэта. В «Хронике» впервые были описаны военные годы жизни поэта. В том же издании, во втором томе, впервые достаточно подробно прокомментированы «Записки кавалериста»[2], то есть прослежен период службы Гумилева в лейб-гвардии Уланском полку с августа 1914 года по сентябрь 1915 года. На основании документов РГВИА (тогда — ЦГВИА) удалось полностью расшифровать все записи в «Записках кавалериста», подтвердившие их точность, датированы все описанные там эпизоды, точно обозначены места действий и их участники. Тогда же, в процессе работы над комментариями, впервые возникла мысль,

во-первых, по-новому представить читателям «Записки кавалериста», сопровождая каждый эпизод соответствующими подлинными документами, не вынося их в комментарии. Во-вторых, соответствующим же образом, на основе документов, которых, как оказалось, сохранилось в РГВИА великое множество, — подробно описать все военные годы жизни поэта, а именно его службу офицером в 5-м Гусарском Александрийском полку, с апреля 1916 года по март 1917 года, а также год службы за границей, в составе Русского Экспедиционного корпуса, в Лондоне и в Париже, с мая 1917 года по апрель 1918 года. И хотя до повествований о своей службе после «Записок кавалериста» дело у Гумилева не дошло, сохранилось много писем и относящихся к этим периодам художественных произведений, которые было интересно сопоставить с подлинными архивными военными документами.

Соответствующие публикации автора на эту тему появлялись в сетевом журнале Toronto Slavic Quarterly на протяжении 2006–2010 годов[3]. В первых трех выпусках «Неакадемических комментариев» (№ 17, 18, 20) подробно представлены события, связанные с предшествующими войне годами, в частности, впервые документально описано пять посещений Гумилевым Африканского континента. В том числе подробно рассказано о самом таинственном его посещении Абиссинии в 1910–1911 годах (№18), когда он, как доказывается в публикации, пересек экватор и попал в район тропической Африки. В №20 впервые рассказано об экспедиции Н. Гумилева от Российской академии наук (Кунсткамеры) в Абиссинию в 1913 году, поведана история появления «Африканского дневника» Гумилева, а также опубликованы две его дорожные «Записные книжки». Все публикации в Toronto Slavic Quarterly сопровождаются иллюстративным материалом, воспроизводящим как подлинные документы, так и изображения мест, где побывал поэт.

Вошедшая в настоящую книгу «военная хроника» вначале появилась в выпуске «Последние неакадемические комментарии-4» в № 22 Toronto Slavic Quarterly; там описываются последние мирные месяцы и история зачисления Гумилева в действующую армию, вплоть до его прибытия в Уланский полк, то есть до начала тех событий, которые он отразил в «Записках кавалериста». Задуманная «параллельная» публикация «Записок кавалериста» с соответствующими архивными документами осуществлена в выпусках «Поэт на войне 1…5». Отдельные страницы этой хроники, в основном относящиеся к двум заработанным Гумилевым Георгиевским крестам, были опубликованы в журнале «Звезда» (2010, № 4–6). Году службы Гумилева в младшем офицерском чине прапорщика посвящен выпуск «Поэт на войне-6», а также публикации в журнале «Звезда» (2010, № 9–11). Наконец, заключительный год военной службы поэта, проведенный им за границей в составе Русского экспедиционного корпуса, подробно описан в выпуске «Поэт на войне-7». Все выпуски «Поэта на войне» в Toronto Slavic Quarterly (№ 24–29 и 31) снабжены многочисленными иллюстрациями, на которых представлены как документы и фотографии некоторых действующих лиц, так и снимки автора публикации, лично прошедшего по следам Гумилева, побывавшего в большинстве мест, где он проходил воинскую службу. Это позволило уточнить многие детали, которые трудно было понять на основе исключительно архивных изысканий. Служба Гумилева в Париже в 1917 году ознаменовалась его дружбой с русскими художниками Н. Гончаровой и М. Ларионовым, и от этого знакомства сохранились разнообразные свидетельства, в первую очередь в виде оформленных художниками стихотворений поэта и в многочисленных портретных зарисовках, выполненных как Гончаровой, так и Ларионовым. Почти весь этот интереснейший иллюстративный материал, наряду с новыми обнаруженными документами, вошел в публикацию автора в журнале «Наше наследие» (№ 100 и 101).

Предлагаемая читателям книга основана на указанных публикациях, с многочисленными исправлениями и дополнениями. Использованный ранее иллюстративный материал в книгу вошел лишь частично, но дополнен впервые публикуемыми подлинными архивными документами, хранящимися в ГАРФ, РГАЛИ и РГВИА.

Автор приносит благодарность тем, кто помогал ему в подготовке книги: Майклу Баскеру (Бристоль), Линде Бернард (Стэнфорд), Н.А. Богомолову (Москва), В.Н. Вороновичу (Петербург), А.Б. Давидсону (Москва), З.Д. Давыдову (Торонто), В.П. Енишерлову (Москва), О.Л. Забицкой (Москва), Н.А. Ивановой (Красногорск), Е.А. Илюхиной (Москва), М.Г. Козыревой (Петербург), И.В. Лебедевой (Москва), С.С. Лесневскому (Москва), Т.М. Лисичкиной (Москва), С. Рабиновицу (Амхерст, США), Е.А. Резвану (Петербург), Л. Салмина-Хаскелл (Лондон), С.Я. Сербину (Москва), Р.Д. Тименчику (Иерусалим), А.Б. Устинову (Сан-Франциско), Федоровой Т.М. (Петербург), Флейшману Л.С. (Сан-Франциско). Автор особо благодарен Н.М. Иванниковой, фактически соавтору этой книги, без ее изысканий многие узлы биографии Гумилева не были бы распутаны.

ЧАСТЬ 1

ПРЕЛЮДИЯ: СЕНТЯБРЬ 1913—АВГУСТ 1914

Вступление

Начало XX века в культурной жизни России связано со стремительным развитием (и скоропостижным концом) короткого периода, названного уже после его завершения Серебряным веком. Хотя понятие «Серебряный век» включает разные стороны культурной жизни России, наиболее тесно оно слилось с выражением — «Серебряный век русской поэзии». Временными границами этого явления условно можно считать приблизительно тридцатилетний период, от последнего десятилетия XIX века, периода зарождения символизма в поэзии, до конца второго десятилетия XX века. Некоторые исследователи относят его завершение к 1917 году, полагая, что после октября 1917 года, с началом Гражданской войны, Серебряный век прекратил свое существование. Другие (включая автора) связывают его окончание с августом 1921 года, с уходом из жизни не схожих, но по-разному самых ярких его представителей, двух поэтов: со смертью Александра Блока и с расстрелом Николая Гумилева.

Если Александра Блока принято безоговорочно считать крупнейшим представителем поэзии Серебряного века, то отношение к творчеству Николая Гумилева двояко, многие не ставят его в первый ряд русских поэтов XX века. Смущает «экзотичность» его поэзии, «оторванность» ее от жизни. Последнее во многом вытекает из нежелания узнать его подлинную биографию, которая сплошь и рядом подменяется бесчисленными мифами и легендами. Отчасти в этом виноват сам поэт — слишком «нестандартно» он жил и переплавил все это в своем творчестве. Берусь утверждать — ни один из представителей Серебряного века не имел такой яркой, насыщенной событиями жизненной биографии. Поэтому для того, чтобы вникнуть в его творческое наследие, необходимо, и в его случае особенно, узнать пройденный им путь, отсеяв мифотворчество. Неслучайно Анна Ахматова в 1963 году в «Записной книжке» назвала одну из глав ненаписанной биографической книги: «Н. Гумилев. Самый непрочитанный поэт 20-го века». И там же, в другом месте, добавляла: «Все его стихи — преображенная жизнь»[4]. Постараемся же подробно рассказать о четырех годах прожитой им жизни и взглянуть на то, как она была преображена в его творчестве.

Хочется привести исповедальные слова самого Гумилева, сказанные в письме с фронта ближайшему другу Михаилу Лозинскому 2 января 1915 года (*здесь и далее все даты до мая 1917 года указаны по старому стилю*). Жить ему тогда оставалось чуть более пяти лет и в иных эпохальных событиях уже не суждено было принять участие: «Дорогой Михаил Леонидович, по приезде в полк я получил твое письмо; ‹...› Вот и ты ‹...› видишь и ценишь во мне лишь добровольца, ждешь от меня мудрых, солдатских слов. Я буду говорить откровенно: в жизни пока у меня три заслуги — мои стихи, мои путешествия и эта война. Из них последнюю, которую я ценю меньше всего, с досадной настойчивостью муссирует все, что есть лучшего в Петербурге. Я не говорю о стихах, они не очень хорошие, и меня хвалят за них больше, чем я заслуживаю, мне досадно за Африку. Когда полтора года тому назад я вернулся из страны Галла, никто не имел терпенья выслушать мои впечатления и приключения до конца. А ведь, правда, все то, что я выдумал один и для себя одного, ржанье зебр ночью, переправа через крокодильи реки, ссоры и примиренья с медведеобразными вождями посреди пустыни, величавый святой, никогда не видевший белых в своем африканском Ватикане, — все это гораздо значительнее тех работ по ассенизации Европы, которыми сейчас заняты миллионы рядовых обывателей, и я в том числе. ‹...› В полку меня ждал присланный мне мой собственный Георгий. Номер его 134060»[5].

Смею заверить читателя, что до сих пор как гумилевская Африка, так и «эта война» не нашли адекватного отображения в издававшихся в разные годы многочисленных монографиях о поэте и его биографиях. Именно это заставило автора надолго погрузиться в архивы, чтобы попытаться документально разобраться в обозначенных Гумилевым, указанных выше двух заслугах — в надежде на то, что это поможет исследователям творческого наследия устранить наконец обозначенную Ахматовой лакуну, относящуюся к третьей заслуге — «непрочитанности» его как поэта[6].

Предлагаемая книга ставит своей задачей подробно осветить военную биографию Гумилева, которая затронула без малого четыре года жизни — с августа 1914 года по май 1918 года. Даже недоброжелатели Гумилева единодушно признают, насколько Гумилев, автор «Костра», «Шатра» и «Огненного столпа», изменился и вырос как поэт. И причину этого, как мне кажется, следует искать в четырех годах, проведенных им на войне.

Пожалуй, наиболее ярким в военной биографии Гумилева был первый год войны, когда он служил рядовым вольноопределяющимся в лейб-гвардии Уланском полку. Именно к этому периоду относятся часто цитируемые строки из написанного в последние годы жизни знаменитого автобиографического стихотворения «Память»:

Память, ты слабее год от году,
Тот ли это, или кто другой
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь...[7]

Полагаю, что самым главным эпизодом в жизни любого солдата можно считать получение боевой награды. Два солдатских Георгия заработал Николай Гумилев в первый год войны. Предполагается, что об этом первом годе почти все известно, ведь о своей службе в Уланском полку Гумилев подробно рассказал в «Записках кавалериста». Однако, как убедится читатель, это далеко не так. Далее мы заново перечитаем «Записки

кавалериста», в том числе и те страницы, в которых Гумилев описывает эпизоды, связанные с полученными «Георгиями». И сопоставим их с подлинными документами, иногда живым, иногда казенным языком описывающими все те боевые действия, в которых принимали участие уланы. Это позволит, с одной стороны, уточнить время и место действия описываемых событий, а, с другой стороны, читатель сможет убедиться, до какой степени точен Гумилев в своих описаниях. Одновременно мы сможем взглянуть на него как бы со стороны и многое понять в его личности, а как следствие, и в творчестве.

Но прежде, чем начать подробный рассказ об участии Николая Гумилева в военных действиях на протяжении 1914 — 1918 годов, необходимо кратко описать тот жизненный багаж, с которым поэт подошел к августу 1914 года. Хочется подтвердить не голословность сказанного выше о неординарности его биографии. Отсчет начнем с 1905 года, когда Гумилев еще учился в гимназии[8].

1905 — В октябре выходит первая книга стихов «Путь конквистадоров», замеченная директором гимназии И.Ф. Анненским, которого многие акмеисты впоследствии считали своим учителем.

1906 — Заканчивает гимназию и летом уезжает в Париж с желанием посещать лекции в Сорбонне. Еще до отъезда в Париж началась интенсивная переписка со ставшим его наставником В. Брюсовым, которая продолжалась на протяжении многих последующих лет.

1907 — В начале года издает в Париже журнал «Сириус» (вышло три номера). Достигнув 21 года, весной уезжает в Россию, так как подлежал призыву. Вытянул жребий, по которому ему предстояло осенью начать отбывать воинскую повинность. Летом, в июле, вернулся в Париж. Почти двухмесячный путь туда пролегал через Крым (где он навестил Аню Горенко), Константинополь, Смирну, Марсель. Плывя на корабле, Гумилев мимоходом впервые оказался на Африканском континенте. В октябре еще раз ненадолго заехал в Петербург и получил там, по состоянию здоровья, «Бессрочное свидетельство» об освобождении от прохождения воинской службы. После этого в начале ноября возвратился в Париж.

1908 — Начало года — жизнь в Париже. Там в январе издал вторую книгу стихов «Романтические цветы» — «Посвящается Анне Андреевне Горенко». В мае возвращается в Царское Село. Печатается в периодике. Летом впервые появляются планы попасть в Абиссинию. К осени планы меняются, и Гумилев отправляется из Петербурга, через Одессу и Константинополь, в романтическое путешествие по Европе. Однако по причине несостоявшегося свидания с предполагаемой спутницей в Константинополе резко меняет планы и плывет в Египет, где проводит один месяц. В этой поездке он навсегда заразился любовью к Африке. В конце года возвращается в Петербург, начинает посещать «Башню» Вячеслава Иванова.

1909 — В начале года — расширение круга литературных знакомств. Весной участвует в создании журнала стихов «Остров» (всего вышло два номера). Тогда же, познакомив И. Анненского с Сергеем Маковским и М. Волошиным, принял деятельное участие в создании журнала «Аполлон», постоянным сотрудником которого был на протяжении многих лет, вплоть до его закрытия в 1918 году. В июне гостил в Коктебеле у М. Волошина. Осенью поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В ноябре — дуэль с М. Волошиным. Сразу же после дуэли, через Киев и Одессу, впервые уезжает на два месяца в Абиссинию. В день отъезда Гумилева из Киева, 30 ноября, в Петербурге скончался И.Ф. Анненский. В Абиссинии Гумилев добрался до Дире-Дауа и Харрара.

1910 — В феврале вернулся через Киев в Россию. В апреле выходит третья книга стихов «Жемчуга» — «Посвящается моему учителю Валерию Брюсову». 25 апреля в селе Никольская Слободка под Киевом венчались «студент С.-Петербургского университета Николай Степанович Гумилев» с «потомственной дворянкой Анной Андреевной Горенко». В мае — свадебное путешествие в Париж. Лето — в Царском Селе и Петербурге. В конце сентября — неожиданный отъезд в Африку, на полгода. В октябре пересек по Нилу весь Египет и часть Судана, в конце октября оказался в Джибути, откуда, через Дире-Дауа, во второй половине ноября добрался до столицы Абиссинии Аддис-Абебы, где оставался до конца года.

1911 — Первые три месяца пребывания Гумилева в Африке — самые таинственные в его биографии. По опирающемуся на документы предположению автора этих строк, Гумилев тогда пересек всю Абиссинию, включая малоизученную область Каффу, перевалил через экватор и завершил свое путешествие в Момбасе, Кения. Из путешествия привез ценную коллекцию африканской живописи, несколько рукописных книг. В конце марта, с сильнейшей тропической лихорадкой, вернулся в Царское Село. Большую часть лета провел в одиночестве в родовом имении Слепнево. Осенью учредил в Петербурге «Цех поэтов». Новый год встречал в только что открывшейся «Бродячей собаке».

1912 — Первые месяцы года — заседания «Цеха поэтов», работа в «Аполлоне», подготовка нового сборника стихов «Чужое небо», который вышел в свет в апреле, когда Гумилев с Ахматовой совершали путешествие по Италии. Большую часть лета Гумилев, без жены, провел в Петербурге, затем в Слепневе. Зарождение акмеизма. В сентябре начинается издание журнала стихов «Гиперборей». Осенью, до конца года — литературные и университетские занятия в Петербурге и Царском Селе. В декабре в университете узнали об африканских странствиях поэта, и ему было предложено организовать экспедицию от Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук (от Кунсткамеры) в Абиссинию и Сомали.

1913 — В январе в «Аполлоне» провозглашено новое литературное течение — «акмеизм». В первые месяцы года литературные и университетские занятия сочетались с подготовкой экспедиции в Абиссинию. 7 апреля Гумилев выехал со своим племянником, Н.Л. Сверчковым, из Петербурга в Одессу и далее, на пароходе «Тамбов», до Джибути. С мая по сентябрь — экспедиция по малоизученным, внутренним областям Абиссинии, сбор этнографических и энтомологических коллекций. Во время экспедиции было сделано множество ценных фотографий — в Петербург привезено почти 250 стеклянных, проявленных еще в Африке фотопластинок[9]. В конце сентября возвращаются домой, сдают коллекции и фотопластинки в Кунсткамеру и Зоологический музей. По возвращении Гумилев продолжил занятия в университете, много публиковался в «Аполлоне» и других изданиях; насыщена событиями была и его личная жизнь.

Такова предыстория, девять лет разнообразной, богатой впечатлениями жизни поэта и странника. Далее последует более подробный документальный рассказ о литературной и личной жизни поэта, предшествовавшей его записи в действующую армию, о том, как протекали последние месяцы мирной жизни Николая Гумилева после его возвращения из Абиссинии, в период с октября 1913 года до середины июля 1914 года, и затем о каждом дне военного четырехлетия поэта, с августа 1914 года по апрель 1918 года. Но перед этим необходимо понять, что́ подтолкнуло его на поле брани. Не на домыслах, а на документах убедимся, что причину этого стоит искать отнюдь не в обстоятельствах, предшествовавших началу войны. Скорее наоборот, деятельность, события, встречи — весь тот образ жизни, который вел Николай Гумилев накануне начала войны, с точки зрения «здравого смысла», должен был бы подтолкнуть его к тому, чтобы попытаться избежать призыва (который ему и не грозил); ведь так поступило подавляющее большинство тех, с кем он постоянно общался, в том числе и его ближайшие друзья, мнением которых он дорожил.

Последние мирные месяцы: октябрь 1913 — июль 1914 года

Безусловно, самым значительным событием для Николая Гумилева в 1913 году было его участие в экспедиции от Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук (от Кунсткамеры) в Абиссинию и Сомали, из которой он возвратился в сентябре 1913 года. Вряд ли поэт тогда предполагал, что больше он никогда не увидит «своей Африки» и меньше чем через год отправится в свое последнее, растянувшееся почти на 4 года «заграничное путешествие», не менее рискованное и опасное, чем «абиссинские эскапады». География его охватит более десяти ныне существующих стран, но она не выйдет за пределы Европейского континента. Именно этому, давно заинтересовавшему автора, чрезвычайно важному для поэта, но малоизвестному читателям военному периоду жизни Николая Гумилева я намерен посвятить большую часть книги.

Последние мирные месяцы ничем не предвещали грядущую катастрофу. Культурная жизнь столицы империи носила сезонный характер.

Наиболее активно она протекала в период с конца сентября по начало мая, затухая на летние месяцы. Хронологически начнем наш рассказ с 26 сентября 1913 года, когда Гумилев с «Колей Маленьким» сдавали собранные коллекции и почти 250 фотопластинок в Музей антропологии и этнографии Академии наук (Кунсткамеру)[10]. В изданном вскоре путеводителе по музею коллекции, собранные Гумилевым (так они обозначены в путеводителе), выделены в самостоятельный раздел «Абиссиния и полуостров Сомаль»[11].

Гумилев застал в Петербурге почти весь последний предвоенный сезон. Сразу же по возвращении поэта из Африки возобновилась обычная петербургская жизнь, с заседаниями «Цеха поэтов», Общества ревнителей художественного слова (ОРХС), кружка «Вечера Случевского», с посещениями «Бродячей собаки», частыми публикациями в журналах «Аполлон» и «Гиперборей». Первое заседание «Цеха поэтов» состоялось уже 1 октября в Царском Селе у Гумилевых. Можно предположить, что эта первая домашняя встреча поэта со своим ближайшим окружением была посвящена и его рассказам о своих странствиях, хотя ни одного документального рассказа о ней обнаружить не удалось. 19 октября сблизившийся в 1912 году с «Цехом поэтов» (однако в начале 1913 года отошедший от него) Николай Клюев подарил Гумилеву свою только что вышедшую книгу «Лесные были»; в дарственной надписи он своеобразно выразил чувство признательности Гумилеву: «Николаю свет Степановичу Гумилеву от велика Новогорода Обонежския пятины погоста Пятницы Парасковии усадища Соловьева гора песельник Николашка по назывке Клюев славу поет учестлив поклон воздает день постный память святого пророка Иоиля лето от рождества Бога слова тысяща девятьсот тринадцатое»[12]. Тогда же экземпляры этой книги, с подобными «декоративными» надписями были вручены Клюевым и другим адресатам, чей авторитет он высоко ценил, — А. Блоку, В. Брюсову, А. Ремизову.

Вполне естественно, что за время африканских скитаний Гумилев истосковался по женскому обществу, и сразу же после возвращения он завел много новых знакомств. Правда, одно событие «личной жизни» осталось им незамеченным — 13 октября 1913 года в Москве у Гумилева родился второй сын Орест, единокровный брат Льва Гумилева[13]. Как мне рассказывал сам О.Н. Высотский при первой встрече в Кишиневе в начале 1986 года, сам Николай Гумилев никогда не узнал о рождении второго сына, но матери братьев в 1930-е годы подружились, и тогда же братья впервые узнали о существовании друг друга[14]. Знакомство Гумилева с Ольгой Николаевной Высотской, артисткой студии В.Э. Мейерхольда, состоявшееся 13 января 1912-го в «Бродячей собаке», на вечере по случаю 25-летия поэтической деятельности К.Д. Бальмонта[15], выходит за оговоренные выше временны́е рамки, и об их знакомстве и отношениях рассказывать здесь я не буду. Однако нам придется, вольно или невольно, периодически касаться темы «личной жизни» поэта, хотя копаться в ней, строить всевозможные домыслы, совершать «открытия» в этой сфере — автор не собирается. Увы, подавляющее большинство биографических «монографий» именно на этом и сосредоточено. Слишком уж лакомый кусочек: союз двух столь неординарных личностей и поэтов — Николай Гумилев и Анна Ахматова. Ладно, когда этим занимаются беллетристы, плодовитые биографы-компиляторы и сочинители романов[16] — ведь считается, что без такого наполнения товар (понятие «книга» здесь не вполне уместно) не пойдет. Много хуже, когда соответствующие, ничем не подтверждаемые

домыслы попадают в «официальные» издания, такие как комментарии к издаваемому под шапкой Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) «Полному собранию сочинений» Н.С. Гумилева, в частности, к 8-му тому с эпистолярным наследием поэта[17]. Так как в книге я буду постоянно обращаться к переписке Гумилева, периодически придется вступать в полемику с приведенными там комментариями[18] и цитировать их.

Истории личных взаимоотношений Гумилева и Ахматовой я коснулся в первых «Неакадемических комментариях», поводом для которых как раз и послужили комментарии в ПСС-8 к первому сохранившемуся письму Гумилева к Ахматовой июня 1912 года, отвергнутые редакцией. Представленный в 8-м томе ПСС «сенсационный материал», относящийся к переписке 1914 года, опять-таки затронул личные взаимоотношения между поэтами и супругами. Кто их автор — догадываюсь, но хочу заверить читателя, что сам я, хотя и значусь в выходных данных книги как один из авторов примечаний, впервые узрел представленные там комментарии только после выхода книги из печати[19]. В связи с этим ниже будут приведены некоторые документы, нарушающие стройность «академических» комментариев, в частности, личный дневник одной из участниц событий. Одного этого дневника достаточно, чтобы, не тратя лишних слов, опровергнуть представленный в ПСС «сенсационный материал», связанный с одним из увлечений Гумилева этого периода. Сама Ахматова в «Записных книжках» не раз обращалась к тому, как трактуют их взаимоотношения мемуаристы и критики, ниже я приведу несколько примеров. Ведь к концу 1913 года «донжуанские списки» как Гумилева, так и Ахматовой включали немало имен.

Вернемся к документальной хронике предвоенных событий. Любопытный эпизод, относящийся к «Вечеру современной поэзии», состоявшемуся в «Бродячей собаке» 29 октября 1913 года[20], описан в письме А.А. Конге к Б.А. Садовскому от 3 ноября 1913 года; его участница — известная советская писательница Мариэтта Шагинян: «Вы, вероятно, замечали, будучи в “Собаке”, что Гумилеву сильно понравилась Мариэтта. После Вашего отъезда произошли дальнейшие события на этой почве. В одну из суббот Гумилев подсел к нам, пригласил ее (Мариэтту, а не субботу) в “Гиперборей”, на что она по моему наущенью дала “гордый” и уклончивый ответ. Потом сей господин развалился рядом в небрежной позе и стал в нос читать свои стихи, видимо, относящиеся к ней, ибо он предупредил ее, что прочтет стихи, которые могут ее заинтересовать, а это явствует из содержания, которое сейчас изложу. Автор стихотворения (впрочем, неплохого) идет где-то в пустыне и декламирует, обращаясь “к ней”, что он видит ее во сне каждую ночь, что в пустыне этой несчетные горы, “как твои молодые груди”, что путь его труден, но он надеется на свои силы: “Клянусь, ты будешь моей, даже если любишь другого” и т.д. Цитировал я на память, но ручаюсь, что не вру[21]. Не будучи ревнив особо, — я возмущен был его амикошонством и наглыми стихами и решил отомстить ему, так, чтобы он сам сел в калошу и было бы смешно, независимо от того, обиделся бы он или нет. Поэтому я написал стихи и прочел их в “Собаке” с эстрады на вечере поэтов. Гумилев настолько обалдел, что сам аплодировал мне и настолько, по-видимому, струсил, что за весь вечер не подошел к Мариэтте. Вот эти стихи:

Послание к поэту NN

Мой соперник, в любви бесплодной,
Я боюсь, ты ошибся ныне.
Ты увидел мираж холодный
В безопасной твоей пустыне.

Может быть, ты найдешь оазис,
Ручеек возле пальмы пыльной.
Ты, расслабленный и бессильный,
В смешноватом твоем экстазе.

Разве солнце с тобою будет
На пути твоем незаметном?
Разве эти нежные груди
Ты увидишь во сне бесцветном?

Ты задремлешь в палатке низкой
На груди негритянской сирены
И услышишь совсем близко
Иронический смех гиены.

Ты поклялся: «Будешь моею!»
Пусть же будет тебе известно:
Я клянусь, что я сумею
Показать тебе твое место.

Как Вам сие нравится? ‹…› Жму Вашу руку и жду письма.
Ваш Александр Конге.
1913, 3 ноября, СПБ»[22].

По письму артистки студии В.Э. Мейерхольда Л.С. Ильяшенко к театральному критику И.В. Джонсону (Иванову) от 23 октября 1913 года можно предположить, что сам инцидент с чтением стихов Гумилевым Мариэтте мог произойти в тот же день, когда было написано это ее письмо: «Сейчас заедет за мной Гумилев, и я поеду с ним в Собаку, буду слушать его стихи...»[23]. Видимо, и сама артистка тогда же попала в сферу внимания поэта (отмечу, что и О.Н. Высотская, когда Гумилев с нею познакомился и развивался их роман, играла в той же студии). Однако 23 октября приходилось на среду, и, скорее всего, инцидент с ухаживанием за Мариэттой произошел в одну из ближайших к 29-му суббот, 19-го или 26 октября.

С октября Гумилев продолжил занятия в университете. На осенний семестр он записался на следующие лекции[24]: «Логика» (А.И. Введенский[25]), «Введение в романскую филологию» (Д.К. Петров[26]), «Семинарий по истории испанской литературы» (Д.К. Петров), «Семинарий Плеяда» (В.Ф. Шишмарев[27]), «Просеминарий по старофранцузскому языку» (В.Ф. Шишмарев), «Античная религия» (Ф.Ф. Зелинский[28]), «Сравнительная морфология» (С.К. Булич[29]), «Введение в немецкую филологию» (А.А. Смирнов[30]), «История греческой литературы» (Е.М. Придик[31]).

Как сказано в «Трудах и днях» П. Лукницкого, для того чтобы жить ближе к университету, Гумилев «после возвращения из Африки, прожив некоторое время в Царском Селе, нанимает комнату в Петербурге на Васильевском острове — угол Тучкова пер. и Тучковой набережной («2-я Тучка») и живет здесь, по праздникам уезжая в Царское Село. Продолжает в

университете прерванные путешествием занятия»[32]. До отъезда в Африку Гумилев также снимал здесь комнату: «Живет в комнате в Тучковом переулке. Раз в неделю на праздники ездит в Царское Село. А. Ахматова приезжает сюда из Царского Села — раза два-три в неделю и часто остается ночевать. Примечание. Комнату эту сам Н.Г. и все его окружающие называли "Тучкой"»[33]. Лукницкий нигде не приводит точных адресов «Тучек». Адрес второй «Тучки» установлен точно — Тучков переулок, д. 17, кв. 29[34]. Скорее всего, в обоих случаях речь идет об одной и той же комнате или, по крайней мере, о комнатах в одном и том же доме: дом №17 в Тучковом переулке — последний, стоит на углу переулка, выходящего здесь на Тучкову набережную, рядом с Тучковым мостом. Прямо напротив подъезда дома №17, на другой стороне переулка, расположена колоннада апсиды церкви Святой Екатерины, построенной в 1811 году архитектором А.А. Михайловым. Комната, по их свидетельству, была небольшой, располагалась на мансардном этаже. Соседом Гумилева по дому был К.В. Мочульский, который еще раз появится в 4-й части книги, когда Гумилев окажется в Париже. О встречах с Гумилевым на «Тучке» Мочульский рассказывал в своих письмах В.М. Жирмунскому (все они в то время были студентами историко-филологического факультета, причем Жирмунский был командирован тогда для научной работы в Германию). Еще 22 октября 1912 года Мочульский сообщил Жирмунскому, что познакомился с Гумилевым, который ему не понравился: «...неподвижное, грубо вылепленное лицо с бесцветными глазами»[35]. Но спустя несколько месяцев, в 1913 году, отношение Мочульского к своему университетскому товарищу резко меняется: «Я последнее время очень сблизился с поэтом Гумилевым, который мне очень симпатичен (представь!), в котором я нашел больше того, чего ждал. Он готовится теперь к проверочным испытаниям по греческому и латинскому языкам, и я занимаюсь с ним сиими предметами ‹…› Для того чтобы литературная деятельность не отвлекала его от сурового пути классических штудий, Гумилев поселился в одном доме со мной, этажом выше. И часто вечерами мы плаваем с ним в облаках поэзии и табачного дыма, обсуждая все вопросы поэтики и поэзии; споря и обсуждая новое литературное течение "акмеизм", maître'ом которого он себя считает. Все это хоть и не вполне соответствует моим вкусам, тем не менее очень оригинально и интересно. При встрече расскажу подробней»[36]. «Тучка» запечатлена и в стихотворении Ахматовой «Эпические мотивы»; с нею связан написанный зимой 1913–1914 года знаменитый портрет Ахматовой Натана Альтмана:

Покинув рощи родины священной
И дом, где Муза Плача изнывала,
Я, тихая, веселая, жила
На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной невской дельте.
О, зимние таинственные дни,
И милый труд, и легкая усталость,
И розы в умывальном кувшине!
Был переулок снежным и недлинным.
И против двери к нам стеной алтарной
Воздвигнут храм святой Екатерины.
Как рано я из дома выходила,
И часто по нетронутому снегу
Свои следы вчерашние напрасно

На бледной, чистой пелене ища,
И вдоль реки, где шхуны, как голубки,
Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
О сером взморье до весны тоскуют, —
Я подходила к старому мосту.
Там комната, похожая на клетку,
Под самой крышей в грязном, шумном доме,
Где он, как чиж, свистал перед мольбертом,
И жаловался весело, и грустно
О радости небывшей говорил.
Как в зеркало, глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.
Теперь не знаю, где художник милый,
С которым я из голубой мансарды
Через окно на крышу выходила
И по карнизу шла над смертной бездной,
Чтоб видеть снег, Неву и облака, —
Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви[37].

Любопытен эпизод в «Записной книжке» Ахматовой, относящийся к осени 1913 года, связывающий «Тучку», Гумилева и описанный в стихах портрет Натана Альтмана: «Тринадцатая осень века, т.е., как оказалось потом, последняя мирная, памятна мне по многим причинам, о которых здесь не следует говорить[38], но кроме всего я готовила к печати мой второй сборник — «Четки» и, как всегда, жила в Царском Селе. В это время я позировала Анне Михайловне Зельмановой-Чудовской, часто ездила в Петербург и оставалась ночевать «на Тучке». Гумилев приехал домой только утром. Он всю ночь играл в карты и, что с ним никогда не случалось, был в выигрыше. Привез всем подарки: Леве — игрушку, Анне Ивановне — фарфоровую безделушку, мне — желтую восточную шаль. У меня каждый день был озноб (t.b.c.), и я была рада шали. Это ее Блок обозвал испанской, Альтман на портрете сделал легкой шелковой, а женская молодежь… [О шали или история одной моды] ... а женская "молодежь тогдашних дней" сочла для себя обязательной модой. Подробно изображена эта шаль на плохом портрете Ольги Людвиговны Кардовской. См. также Малышкин: "Севастополь" стр. ... "Ахматова в персидской шали до пят". А еще статуэтка Данько (20-ые годы)»[39].

В опубликованном в начале 1914 года сборнике «Пушкинист» приводятся списки участников Пушкинского семинария при С.-Петербургском университете на 1913 год, среди 65 перечисленных фамилий есть и Н. Гумилев[40]. После Нового года занятия в университете были продолжены. Занимаясь в университете, Гумилев принимал участие в романо-германском семинаре[41]. Чтобы более не возвращаться к университету, отмечу, что на весенний семестр Гумилев записался на лекции по романской филологии и истории испанской литературы (Д.К. Петров), на лекции по французской литературе и старофранцузскому языку (В.Ф. Шишмарев), по немецкой филологии, греческой литературе, античной религии. Из новых курсов посещал лекции по истории французской революции (Н.И. Кареев[42]). Это был его

последний учебный семестр. Забегая вперед, скажу, что уволен из университета он был 5 марта 1915 года — «за неуплату»[43]. Судя по малому числу зачетов, проставленных в его сохранившейся «Записи студента»[44] (так тогда называли зачетную книжку), он не слишком стремился стать «дипломированным специалистом». Скорее всего, Гумилев просто посещал интересующие его лекции и семинарии, но зачетов и экзаменов по ним не сдавал, предпочитая большую часть времени уделять литературной и прочей деятельности. Отсутствие навыков сдавать экзамены скажется позже: в армии, в 1916 году, при попытке сдать экзамен на следующий офицерский чин, он «провалится»…

Вскоре после возвращения Гумилева из Африки, в начале октября, вышел специальный номер журнала Цеха поэтов «Гиперборей»[45], весь отданный под недавно написанную пьесу Гумилева «Актеон»[46]. Вот что писал об этом номере Георгий Иванов: «Большое удовольствие ценителям поэзии принес №7 “Гиперборея”, поэтический отдел которого целиком занят новой пьесой в стихах Н. Гумилева — “Актеон”. Очаровательная лапидарность стиля, стремительное развитие действия — таковы отличительные качества этой новой пьесы. В основу ее положен миф о вольном охотнике Актеоне, оскорбившем Диану своей любовью, в наказание превращенном сею в оленя и растерзанном собственными собаками. Ритмические достоинства “Актеона” заслуживают особенного внимания. Чистыми, как плески горного ключа, гекзаметрами говорит Диана, в звучных и отрывистых стихах превосходно передана вечерняя песня охотника и ужас затравленного оленя ‹…›»[47]. В октябре вышел еще один номер журнала «Гиперборей», № 8. В нем появилась большая подборка стихов Анны Ахматовой, в которую вошло несколько важных для нее стихотворений: «Голос памяти», посвящено артистке О.А. Глебовой-Судейкиной, с упоминанием самоубийства В. Князева — первый росток «Поэмы без героя»[48]; «Косноязычно славивший меня…» — обращено к В.К. Шилейко, второму мужу Ахматовой. В вышедшем в конце года[49] сдвоенном номере «Гиперборея» (№ 9/10) появилась подборка стихотворений Гумилева, а также стихи Ахматовой вместе с несколькими обращенными к ней стихотворениями О. Мандельштама, М. Лозинского. На этом номере издание журнала «Гиперборей» прекратилось, однако была продолжена работа издательства «Гиперборей», выпустившего ряд сборников поэтов, близких к «Цеху поэтов».

5 ноября очередное заседание Цеха поэтов состоялось у поэтессы С. Гедройц[50], главного «спонсора» журнала «Гиперборей». Вера Игнатьевна Гедройц была княжной, знаменитым хирургом, в свое время ее стихи жестко раскритиковал Гумилев[51], что, однако, не помешало ей стать членом «Цеха поэтов»; во время войны Гумилев попадет в госпиталь, где она заведовала отделением. Кстати, заседание «Цеха поэтов» в госпитале и проходило: «“Цех” будет 5-го во вторник: Царское Село, Госпитальная ул., Дворц. Госпиталь»[52].

8 ноября 1913 года Гумилев присутствовал на состоявшемся чествовании К.Д. Бальмонта в «Бродячей собаке», которое завершилось дракой и скандалом[53] после выступления сына историка литературы П.О. Морозова, оскорбившего маститого поэта. «К утру Бальмонт напился пьян, сел подле Ахматовой и стал с нею о чем-то говорить. В это время к нему подошел Морозов (сын пушкинианца) и стал говорить комплименты. Бальмонт с перепою не разобрал, в чем дело, и заорал: “Убрать эту рожу!” Тогда Морозов обозлился, схватил стакан с вином и швырнул в К.Д. Этот вскочил,

но был сбит с ног Морозовым. Пошла драка. Ахматова бьется в истерике, Гумилев стоит в стороне, а все прочие избивают Морозова»[54]. Среди большой группы литераторов, подписавших письмо с выражением негодования Обществу Интимного театра, не оградившего Бальмонта от оскорблений, подписей Гумилева и Ахматовой нет. Возможно, в этом сказалась старая обида на поэта, родившаяся еще в 1906 году в Париже, когда Бальмонт, проживавший тогда там, не удостоил начинающего поэта даже ответа на его просьбу о встрече. Вместе с тем это не помешало Гумилеву в дальнейшем откликаться объективно и вполне доброжелательно на выходившие сборники Бальмонта в его «Письмах о русской поэзии».

Поражает насыщенность художественной жизни столицы в те годы, хотя, безусловно, не все ее проявления оставили документированный след в истории, и не во всех документированных событиях указано участие в них нашего героя. Здесь я просто перечисляю ряд событий, в которых участвовал Николай Гумилев и свидетельства о которых сохранились в печати или иных документах, а не опираются на недостоверные слухи и поздние воспоминания. В ноябре возобновились заседания Общества ревнителей художественного слова (ОРХС)[55]. 9 и 30 ноября в помещении редакции «Аполлона» состоялись собрания ОРХС, на которых к прежнему составу совета (А. Блок, В. Брюсов, Ф.Ф. Зелинский, Вяч. Иванов, С. Маковский) были доизбраны Н. Гумилев, Н.В. Недоброво и В. Чудовский. На этих заседаниях помимо Гумилева присутствовали А. Ахматова и О. Мандельштам, все они читали свои новые стихи. На заседании 8 декабря 1913 «особенно продолжительные прения вызвало чтение Н. Гумилевым одноактной драмы “Актеон”». 13 ноября в романо-германском кружке университета состоялся «Вечер стихов», на котором выступали Гумилев, В. Гиппиус, Г. Иванов, О. Мандельштам, В. Пяст и другие поэты[56]. 24 ноября в «Бродячей собаке» все завсегдатаи присутствовали на чествовании «хозяина» — Бориса Пронина, которому исполнилось 40 лет[57]. 22 ноября в Петербург приехал Эмиль Верхарн, и 25 ноября Гумилев посетил банкет, устроенный в его честь в «Отеле де Франс» («Hôtel de France»), где остановился французский поэт. Там он встретился с Ф.Ф. Фидлером, который предложил Гумилеву сделать запись в одном из его альбомов («В ресторане»). Гумилев откликнулся на это предложение следующим шутливым четверостишием:

На вечере Верхарена
Со мной произошла перемена,
И, забыв мой ужас детский (перед Вами),
Я решил учиться по-немецки[58].

С вечером в честь приезда Верхарна связано первое публичное выступление Ахматовой, однако выступила она не в ресторане, а на Бестужевских курсах, вместе с Блоком, о чем рассказала в «Записной книжке», в главе «Трагическая осень», так и ненаписанной своей биографической книги «Мои полвека»[59].

27 ноября в «Бродячей собаке» прошел «Вечер поэтов»[60], в котором участвовали Гумилев, А. Ахматова, С. Городецкий, Г. Иванов, О. Мандельштам, В. Хлебников, Вл. Пяст и др. К этому вечеру относится оригинальная запись Хлебникова в дневнике:[61] «Гумилев рассказал, что в Абиссинии кошки в загоне, никогда не мурлычат, и что у него кошка замурлыкала только через час после того, как он нежно гладил: сбежались абиссинцы и смотрели на удивительное дело: неслыханные звуки...»

30 ноября исполнилось 5 лет со дня смерти И. Анненского, Гумилев с Ахматовой посетили его дом в Царском Селе: «30 ноября. Пять лет смерти Анненского. АА была. Собралось всего пять–десять человек... Кривич, расстроенный, сказал: “Может быть, для памяти моего отца лучше закрыть собрание?..”»[62] 6 декабря Гумилев со Зноско-Боровским были у Кузмина: «Не выходил. Был Женя и Гумилев, и этот просит денег, и Судейкин тоже…»[63]. 7 декабря в Тенишевском училище Вл. Пяст прочитал лекцию «Поэзия вне групп», на которой присутствовали А. Блок, И. Северянин, В. Маяковский, О. Мандельштам, А. Ахматова, Н.В. Недоброво и другие; в докладе назывались «школы», возникшие из символизма, в том числе и акмеизм. После лекции в «Бродячей собаке» состоялся объявленный в афише, продолжавшийся всю ночь диспут на ту же тему[64]. 10 декабря Гумилев был объявлен в афише «Бродячей собаки» среди участников диспута после лекции Н.И. Кульбина «Футуризм и отношение к нему современного общества и критики», однако в диспуте не участвовал[65]. 14 декабря, в субботу, Гумилев с Ахматовой были в ОРХС, в редакции журнала «Аполлон», Разъезжая, д. 8, где состоялся вечер памяти И. Анненского[66]; там они встретили М. Кузмина, записавшего об этом вечере в своем «Дневнике»: «...Гумилев был с Анной Андреевной, напомнив Царское, мое житье, Аполлон, Князева почему-то...»[67] 22 декабря в «Бродячей собаке» был зачитан доклад А.А. Смирнова «Simultané» (новое течение во французском искусстве)[68]; среди приглашенных принять участие в прениях числилось имя Гумилева.

В конце года новые стихи Гумилева были опубликованы в журналах «Нива» и «Современник», в последнем — стихотворение «Старые усадьбы», обращенное к русской провинции, — редко возникавшая в его творчестве тема. Завершается стихотворение строками:

… О Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь?

И не расстаться с амулетами,
Фортуна катит колесо,
На полке, рядом с пистолетами,
Барон Брамбеус и Руссо[69].

Тогда же, в конце года, появились первые зарубежные публикации акмеистов: в Париже вышла французская «Антология русских поэтов», составленная Жаном Шюзевилем, с предисловием В. Брюсова, в которую вошли переводы стихотворений Гумилева «Попугай», «Камень», «Основатели», «Озеро Чад»[70]. Рецензию на эту «Антологию» Гумилев поместил в «Аполлоне» (1914, № 5). В последние месяцы года Гумилев сам много занимался переводами французских и английских поэтов — Т. Готье, Ф. Вьеле-Гриффена, Р. Браунинга. В журналах «Северные записки» №12 и «За 7 дней» №43 было напечатано несколько переводов из Т. Готье. В связи с переводами Теофиля Готье и готовящимся изданием полного перевода «Эмалей и камей», как пишет, со слов М. Лозинского, П. Лукницкий, Гумилев зимой «организовал так называемую “Готианскую комиссию” — заседания, на которых разбирались вопросы, связанные с переводом стихотворений Теофиля Готье. В “комиссии” принимали участие М.Л. Лозинский, С. Рафалович, А.Я. Левинсон и др.»[71].

Где Николай Гумилев встречал Новый год — достоверно неизвестно, скорее всего, как это было тогда принято, в подвале «Бродячей собаки». Однако соответствующей повестки или приглашения не сохранилось[72]. Зато точно известно, что 3 января все были в «Бродячей собаке», которая организовала редкий для себя «выездной» вечер — «Собачью карусель»[73] в зале на Малой Конюшенной, 3. Анна Ахматова, рассказывая о том, как появилось стихотворение О. Мандельштама «Вполоборота, о печаль…», вспоминала об этом вечере: «Что же касается стихотворения “Вполоборота”... история его создания такова: 6 января 1914-го Пронин устроил большой вечер “Бродячей собаки” не в подвале у себя, а в каком-то большом зале на Конюшенной[74]. Обычные посетители терялись там среди множества “чужих”. Было жарко, людно, шумно и довольно бестолково. Нам это наконец надоело, и мы (человек 20–30) пошли в “Собаку” на Михайловской. Там было темно и прохладно. Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько голосов из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: “Как вы стояли, как вы читали”. Тогда же возникли строки: “Вполоборота, о печаль!”»[75]. Как указывает Ахматова в примечании к этой записи, «в этот вечер Николай Степанович познакомился с Таней Адамович. Записала 5 января 1963 в Москве». Знакомство это положило начало достаточно длительному роману, о котором будет сказано ниже. Роман тянулся пару лет, захватил первые годы войны и красиво завершился в начале 1916 года: свой сборник «Колчан» Гумилев посвятил «Татиане Викторовне Адамович».

Однако продолжим документальный рассказ-хронику о последних мирных месяцах 1914 года — для того, чтобы продемонстрировать, насколько интенсивной была творческая и личная жизнь Гумилева в этот последний предвоенный сезон 1913–1914 годов. Поэт никак не мог предполагать, что скоро образ его жизни резко переменится. 10 января у Гумилевых в Царском Селе прошло очередное заседание «Цеха поэтов», на котором помимо постоянных членов «Цеха» присутствовал В. Хлебников[76]. Предполагалось его участие в журнале «Гиперборей». В отчете об этом заседании, видимо, подразумевая чтение Хлебниковым своих стихов, Д. Цензор написал в журнале «Златоцвет»: «… в дебатах по поводу прочитанного поэт Н. Гумилев отметил в творчестве новейших поэтов любопытное явление, требующее исследования психологов. Это — стремление уйти из времени и обосновать свои переживания вне понятий: настоящее, прошедшее и будущее…»[77]. Об этом же заседании Б.М. Эйхенбаум писал 11 января Л.Я. Гуревич: «Вчера был в “Цехе поэтов”, многих повидал — от Городецкого до ‹…› Хлебникова. ‹…› Была и очаровательная Ахматова. Читали стихи. ‹…› Ахматова готовит второй сборник»[78]. 16 января Гумилев принял участие в диспуте, состоявшемся после лекции Г.И. Чулкова «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет?» в Тенишевском училище. В газетном отчете П.Е. Щеголев писал: «Трогательно говорил в защиту торжествующего над жизнью искусства В.А. Пяст; ломали копья в защиту акмеизма гг. С.М. Городецкий, Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам: они отмежевывались, как говорится, от символизма и футуризма, но границы самого акмеизма в их речах казались символическими…»[79] В другой газете было сказано, что «наиболее интересные выступления были от лица акмеистов: Сергей Городецкий и Н. Гумилев. Первый очень остроумно, а второй очень убежденно защищавшие свою школу»[80]. Присутствовавший на лекции А. Блок

не разделил этого мнения: «Все (почти!) на лекции было бездарно, путано, гнусно или просто глупо…»[81]

18 января Гумилев посетил «Вечер Случевского», проходивший у его бывшего одноклассника и приятеля по гимназии Д.И. Коковцева[82], проживавшего на Петроградской стороне, на Бол. Дворянской, д.27, кв.4. Насыщен событиями был день 20 января. В журнале «Аполлон» было объявлено: «Общество Ревнителей Художественного Слова за вторую половину истекающего "сезона" заседало два раза, 20 января Общество собралось по случаю приезда в Петербург Вячеслава Иванова, который прочитал недавно законченный им перевод Эсхилова "Агамемнона" и объяснил во вступительном докладе те начала, которые положил он в основу предпринятого им полного перевода Эсхиловых трагедий... В прениях приняли затем участие профессора Е.В. Аничков, М.И. Ростовцев и члены совета Валериан Чудовский и Н. Гумилев. Последний, указав, что трудом Вячеслава Иванова закончится полный круг перевода на русский язык великих афинских трагиков, начатый Иннокентием Анненским, продолженный Ф.Ф. Зелинским, особую ценность положил на то обстоятельство, что переводчики эти в некотором смысле конгениальны каждый своему подлиннику; это является редчайшим и очень благоприятным совпадением»[83]. В тот же день в Петербурге, в зале Калашниковой биржи, состоялся публичный диспут о современной литературе, объявленный состав участников которого выглядел как парад символистов: Ф. Сологуб, А. Блок (не присутствовал), Вяч. Иванов, З. Гиппиус, Г. Чулков, Е. Аничков и другие[84]. О диспуте было объявлено заранее, и, скорее всего, Гумилев на нем присутствовал.

Участвовал Гумилев 26 января в «Вечере лирики» в «Бродячей собаке». Были объявлены музыканты, актеры, поэты. В отчете о вечере упомянуто чтение стихов Гумилевым, Ахматовой, Г. Ивановым, О. Мандельштамом, Пястом, Тэффи[85]. Про этот вечер Блок записал в «Записной книжке»: «Люба читает мои ненапечатанные стихи на вечере лирики в "Бродячей собаке"»[86]. Необычно был оформлен зал для этого вечера, о чем вспоминал Б. Пронин: «Этот вечер привлек страшное нашествие "фармацевтов". Судейкин почему-то сделал голубой фон, какие-то сталактитовые сооружения из тюля, что-то, грубо говоря, вроде колбас, которые драпировали лампочки; эту марлю или тюль окрасили в голубовато-бирюзовый цвет, это давало подводное освещение, и был очень хороший фон — панно на эстраде и какие-то голубые ангелы»[87].

После почти годичного перерыва в январском «Аполлоне» появились новые гумилевские «Письма о русской поэзии»[88]. Изменился их характер — теперь это были не краткие рецензии, а, скорее, развернутые статьи о творчестве поэтов, выпустивших новые книги или чем-то заинтересовавших автора «Писем». Так, большая часть январского обзора посвящалась Велемиру Хлебникову, еще не выпустившему ни одного самостоятельного сборника стихов. Данью памяти учителю можно считать заметки о «Фамире-кифареде» И.Ф. Анненского. Высоко оценивает Гумилев вышедшие в 1913 году первые книги поэтов О. Мандельштама («Камень»), В. Комаровского («Первая пристань»). Кроме этих книг рассмотрены «Громокипящий кубок» И. Северянина, «Жемчужные светила» Ф. Сологуба и анонимные «Стихи Нелли» — мистификация В. Брюсова. В «Северных записках» № 1 была напечатана статья Гумилева о французском поэте Ф. Вьеле-Гриффене и выполненный Гумилевым перевод его поэмы «Кавалькада Изольды».

Наметившееся сближение с футуристами, в частности с В. Хлебниковым, было нарушено после выхода в январе 1914 года футуристического альманаха «Рыкающий Парнас», где был декларирован коллективный манифест «Идите к черту!», в котором говорилось: «...свора адамов с пробором — Гумилев, С. Маковский, С. Городецкий, Пяст ‹…› начала кружиться пестрым хороводом вокруг утвердившихся футуристов». Манифест подписали Д. Бурлюк, А. Крученых, Б. Лившиц, В. Маяковский, И. Северянин, В. Хлебников[89].

В начале года петербургская пресса активно обсуждала события в Абиссинии, и Гумилев присоединил свой голос, выступив в редком для себя публицистическом жанре. Вспомнив любимую Африку, в журнале «Нива» №5 он опубликовал статью «Умер ли Менелик?», освещавшую политическую ситуацию в Абиссинии; статья завершалась одной из привезенных из экспедиции и переведенных Гумилевым абиссинских песен.

8 февраля Гумилев выступал на литературном диспуте «О новом слове» в Психоневрологическом институте: «Н. Гумилев находит, что символизм есть в сущности боваризм, стремление к недоступному. Символизм бежит от жизни и действия, в то время как мы все стремимся к действию»[90]. В этот же день, сразу после диспута, Гумилев отправился в ресторан «Малоярославец», где состоялся традиционный ужин участников романо-германского семинара, проводившийся в связи с празднованием годовщины Петербургского университета[91]. Согласно записи в дневнике Ф.Ф. Фидлера, на вечере присутствовали: ректор университета Э.Д. Гримм, известные профессора Ф.А. Браун (декан историко-филологического факультета, на котором учился Гумилев), Е.В. Аничков, испанист Д.К. Петров, Ф.Д. Батюшков, философ И.И. Лапшин, историк западной литературы К.Ф. Тиандер и др. «Произносились речи на всех живых и мертвых языках. Был и Гумилев, записавший мне в альбом "В ресторане" следующий бессмысленный и бесформенный акростих:

Федор Федорович, я Вам
Фейных сказок[92] не создам:
Фею ресторанный гам
Испугает — слово дам.
Да и лучше рюмок звон,
Лучше Браун, что внесен,
Есть он, все иное — вон,
Разве не декан мой он?!

Тот же Гумилев привез меня в кабаре "Бродячая собака", где я оказался в первый и последний раз. Тесно, душно, противно, неинтересно...»[93] Против 6-й и 7-й строк акростиха — восклицание Фидлера: «Что означает сей бред». В альбоме Фидлера экспромт озаглавлен Гумилевым: «Акростих восьмерка». От этого ужина сохранился коллективный снимок — редкая иконография Гумилева предвоенного периода[94]. Возможно, реакция Фидлера была связана с тем, что они опоздали на большую часть организованного в «Бродячей собаке» футуристами диспута «О новом слове», проходившего под председательством одного из преподавателей Гумилева, профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ. На этом вечере с докладами выступили Н.И. Кульбин, В.Б. Шкловский, Вл. Пяст, стихи читали Ахматова, Г. Иванов, Р. Ивнев, А. Крученых и др.[95].

12 февраля, возможно на заседании «Цеха поэтов», Гумилев был у Г. Адамовича: «Пришел Божерянов, который с нами отправился к Адамовичу. Там было не так скучно. Были Гумми, Ив‹нев?›, Мандельштам, Каннегисер, ‹Н.К.› Бальмонт (*сын поэта*)…»[96]. В письме от 11 февраля Н.В. Недоброво пишет А.Г. Горнфельду: «…как слышно, 14-го в пятницу в Литературном Обществе Гумилев и Городецкий будут делать доклад об акмеизме. Мне бы очень хотелось на них присутствовать, но, не зная порядков Общества, я не знаю, как это устроить. Поэтому я и позволяю себе обратиться к Вашей любезности, прося Вас указать, что мне нужно сделать, чтобы попасть на это заседание. Искренне уважающий Вас Ник. Влад. Недоброво. Кавалергардская, 20, тел. 115–57»[97]. 24 февраля М. Кузмин записал в дневнике[98], что «в театре была Валентина Сергеевна. Знакомых много. Наши, Эпштейны, Гумилев и т.д. Успех был, но и шикали». В этот вечер в Русском драматическом театре была премьера спектакля по пьесе приятеля Гумилева Сергея Ауслендера «Ставка князя Матвея». Пьеса пользовалась успехом.

В сохранившемся приглашении сказано: «Заседание ОРХС состоится во вторник 25-го с. февраля в 9 ч. вечера, в помещении Редакции ежемесячника “Аполлон”, Разъезжая, 8. Чтение Н. Гумилевым его эпической поэмы с вводным докладом о современной эпической поэзии. Прения»[99]. На этом заседании Гумилев прочитал свою новую эпическую поэму «Мик и Луи» и изложил свои мысли о современном эпосе. Отчеты о заседании появились в журналах «Аполлон»[100] и, более оперативно, в «Златоцвете»; в последнем издании Д. Цензор в заметке, озаглавленной «Современная эпическая поэма», писал:

«На днях в “Обществе ревнителей Художественного Слова” поэт Н. Гумилев прочел свою новую эпическую поэму “Мик и Луи” и попутно, в виде реферата, изложил свои мысли о современном эпосе, отметив его главные признаки, тождественные с признаками древнего эпоса.

Как в древнем, так и современном эпическом произведении Н. Гумилев считает необходимым три начала: религиозное, массовое и индивидуальное. Эти главные условия способствуют созданию мифа, ибо мифотворческое начало тоже особенность настоящего эпоса.

Поэма талантливого поэта “Мик и Луи” — попытка воскресить эпос. Сюжет мифологичен, хотя взят из современной жизни Абиссинии, и главными действующими лицами являются Негус Менелик, любимый Негусом и народом министр (его легендарную историю с детства в лице “Мика” и воспевает поэма), мальчик Луи — сын французского консула; затем действующими являются старый орангутанг, дух лесов, обезьянье царство и т.д.

Поэма написана ярко, фабула развивается стремительно, полная завлекательных поэтических красот. Поэме присуща вся экзотичность и колоритность творчества Н. Гумилева.

Из присутствующих и принимавших участие в диспуте — Городецким, Чудовским, Недоброво, Волынским, Ауслендером, Лозинским, Зенкевичем, Георгием Ивановым, Сергеем Маковским, Пястом и многими другими были высказаны некоторые замечания о стиле и содержании. Но в общем эту поэму можно считать очень яркой и талантливой попыткой молодого поэта»[101].

Поэма эта долгое время оставалась в рукописи, хотя Гумилев пытался издать ее тогда же в журнале «Современник» с заголовком — «Мик, абиссинский раб, и Луи, обезьяний царь». Машинопись первых пяти глав

с авторской правкой сохранилась в архиве редактора журнала Е.А. Ляцкого[102]. В те же месяцы, судя по любопытной заметке в журнале «Златоцвет», Гумилев намеревался издать помимо «африканской» поэмы (возможно, как прозаический комментарий, сопутствовавший поэме) книгу о своих путешествиях по Африке. Вот эта забытая заметка, появившаяся уже в начале 1914 года.

«Поэт в Абиссинии

Поэт Н. Гумилев издает книгу своих путешествий и приключений в Африке. Жизнь поэта должна быть полной ярких впечатлений. И влюбленный в экзотику, Н. Гумилев часто путешествует, подобно другому вечно юному поэту — К. Бальмонту. Оттого, может быть, так многоцветны их стихи.

Н. Гумилев не раз побывал в Абиссинии, доходил до самых ее глубин и таинственных пределов, побывал в совершенно недоступном для европейцев городе Шейх-Гуссейн, лежащем в глубине африканских степей, охотился на львов, подвергался не раз смертельным опасностям. Изучая чрезвычайно интересный быт Абиссинии, Н. Гумилев видел и вывез оттуда много интересных наблюдений и предметов. Если прибавить ко всему этому богатое красками воображение талантливого поэта, — можно думать, что книга будет очень интересная.

Кроме того, Н. Гумилев перевел книгу стихов Теофиля Готье “Эмали и Камеи”. Переведены стихи безукоризненно, почти буквально, — сохранены все особенности французского классика. Книги появятся на днях.

Талантливая поэтесса Анна Ахматова в ближайшие дни выпускает вторую книгу стихов под названием “Четки”, куда будет включена также ее первая книга “Вечер”»[103].

Приходится только сожалеть, что книгу об Абиссинии, возможно уже существовавшую в рукописи, так никто никогда и не увидел. Может быть, поначалу ее выход не состоялся из-за неосуществившегося издания поэмы «Мик» в «Современнике». Выбор этого достаточно «левого» журнала, за которым поначалу стоял М. Горький, вызывает вопросы. Так, в начале 1913 года М. Горький писал Е.А. Ляцкому: «Основною задачей журнала мы ставим борьбу ‹…› с косностью, умственной ленью, восточным пассивизмом, со всяческим “кладбищенством”, коему наша психика столь легко подчиняется». «...Наши доморощенные пессимисты и мистики Андреевы, Сологубы, Арцыбашевы, Мережковские и т.д.» возбуждают «физиологическое недовольство бытием», а «необходимо зажечь интеллектуальный протест против условий бытия…»[104] Не уверен, что поэма Гумилева отвечала этим требованиям Горького. Несостоявшийся ее выход в «Современнике» мог послужить причиной того, что Гумилев решил пока не издавать книгу «Поэт в Абиссинии». А вскоре события в стране и мире заставили его отказаться от большинства планов, забросили поэта в далекие от столицы края. Во время войны Гумилев однажды попытается издать поэму через посредство К. Чуковского, но опять безуспешно, об этом будет сказано ниже. Поэма «Мик» в конце концов была опубликована, но уже после выхода России из войны, возвращения поэта из Англии, в возобновленном по инициативе Гумилева издательстве «Гиперборей», причем была первой книгой, выпущенной там; об этом говорит дарственная надпись на книге М. Лозинскому:

В день рожденья Мика

Первая книга Гиперборея
Вышла на свет, за себя не краснея,
Если и будет краснеть вторая,
То как Аврора молодая,
Красными буквами пламенея,
Видом прелестным сердца пленяя.
3 июля 1918 *г.*[105]

За прошедшие годы поэма переписывалась и дополнялась, а рукопись книги Гумилева об африканских странствиях, видимо, была утеряна. После революции должна была выйти книга об африканской экспедиции 1913 года спутника Гумилева, Н.Л. Сверчкова, но, как пишет Ахматова в «Записной книжке», «книга Сверчкова о путешествии 1913 г. была отдана в издательство Гржебина и, по-видимому, там пропала»[106]. Так что единственными достоверными источниками, описывающими экспедицию в Абиссинию от Академии наук 1913 года, остаются не так давно дошедшие до читателя «Африканский дневник» и две «Записных книжки»[107].

То, что заметка в журнале «Златоцвет» об африканской книге не была «газетной уткой», говорит скорый выход двух других упомянутых в ней книг. 1 марта[108] 1914 года Гумилев подписал М. Лозинскому уже отпечатанную в типографии, но еще не облеченную обложкой тетрадку книги переводов Теофиля Готье «Эмали и камеи»:

Надпись на переводе «Эмалей и камей»

Как путник, препоясав чресла,
Идет к неведомой стране,
Так ты, усевшись глубже в кресло,
Поправишь на носу пенсне.

И, не пленяясь блеском ложным,
Хоть благосклонный, как всегда,
Движеньем верно-осторожным
Вдруг всунешь в книгу нож… тогда

Стихи великого Тео
Тебя достойны одного.

1 марта 1914 Н. Гумилев[109].

Недавно всплыла еще одна уникальная надпись на этой книге, от того же числа. Она особо интересна в свете взаимоотношений двух поэтов-супругов накануне войны. Восьмистишие красноречиво говорит о них и не нуждается в дополнительных комментариях:

Анне Ахматовой

Прочитай эту книгу снова,
Прочитай от слова до слова,
Не сейчас, а потом, на покое,
Когда лучше поймешь чужое.
И увидишь, не о тебе ли,
Для тебя эти строфы пели

И плясали звонкие рифмы,
Как на Пинде юные нимфы!

1 марта 1914 г. Н. Гумилев[110]

5 марта, в связи с выходом этой книги, М. Лозинский писал Гумилеву: «Ясный хочет, по словам А.Н. Лаврова[111], чтобы на первой странице обложки был обозначен склад издания. По-моему, это выйдет в высшей степени безобразно!! “Склад издания” надо напечатать на задней обложке, как и цену. Ни за что не уступайте, иначе лицо книги, сейчас такое милое, будет обезображено»[112]. Впервые вышедший «русский» полный перевод книги Теофиля Готье привлек к себе внимание критики. Большинство высоко оценили работу переводчика. Появились многочисленные рецензии — С. Городецкого, Н. Венгрова, А. Левинсона, Л. Войтоловского, Н. Абрамовича, а также ряд анонимных или подписанных инициалами заметок в «Златоцвете», приложении к «Ниве», в «Новом времени», «Петроградских вечерах» и других изданиях, как в столице, так и на периферии, в Киеве, Саратове. Помимо оценки самих переводов многими была отмечена изящность оформления книги. Вот, например, анонимная, скорее всего принадлежавшая Д. Цензору, рецензия в «Златоцвете»[113]:

«**Эмали и Камеи**

Такому талантливому поэту и мастеру стиха, каким является Н. Гумилев, в совершенстве удался перевод знаменитой книги Теофиля Готье “Эмали и Камеи”. Перевод этой книги, над 55 пьесками которой Теофиль Готье работал 20 лет, представляет большую трудность, благодаря исключительному совершенству и виртуозности стиха Готье, требующего такого же мастерства и от переводчика. В творчестве Гумилева, в его гибком, артистически обработанном стихе есть много общего с характером творчества Готье. Этим, может быть, и объясняется особенная любовь, с которой сделан перевод. Лучшие в сборнике стихи, — “Поэма женщины”, “Вариации на венецианский карнавал”, “Симфония ярко-белого” и др., удались Гумилеву замечательно. С наслаждением прочтется эта превосходная книга всеми любителями поэзии. Издательство бывш. М.В. Попова отпечатало книгу очень изящно».

Появилось даже стихотворное посвящение Вадима Шершеневича, обращенное к гумилевским переводам Теофиля Готье:

Чужие песни

Н. Гумилеву посвящается

О как дерзаю я, смущенный,
Вам посвятить обломки строф,
— Небрежный труд, но освещенный
Созвездьем букв: «á Goumileff»

С распущенными парусами
Перевезли в своей ладье
Вы под чужими небесами
Великолепного Готье…

В теплицах же моих не снимут
С растений иноземный плод:

Их погубил не русский климат,
А неумелый садовод[114].

7 марта Кузмин записал в «Дневнике»[115]: «…В “Собаке” было неплохо: Олет, Нижери, Гумилев, Паллада, будто прошлый год…», — этим вечером в «Бродячей собаке» прошел музыкальный вечер певицы Леони Фейгль и пианистки И.С. Миклашевской[116].

Что касается третьей упомянутой в «Златоцвете» книги, то о выходе «Четок» Ахматова упомянула в одной из «Записных книжек»: «”Четки” — 15 марта 1914. Корректуру держал Лозинский. Гумилев, когда мы обсуждали тираж, задумчиво сказал: “А может быть, ее придется продавать в каждой мелочной лавке”. Тираж 1-го издания 1100 экземпляров. Разошлось меньше, чем в год. Главная статья — Н.В. Недоброво. Две — ругательные. С. Боброва и Тальникова. Остальные — похвальные»[117]. Здесь Ахматова впервые называет имя Николая Недоброво, ее ближайшего друга этого периода, об отношениях с которым будет сказано ниже. 17 марта Ахматова надписала «Четки» Гумилеву: «Мои Четки никому нельзя давать. 17 марта 14 г.»[118]. Говоря о выходе «Четок», Ахматова в другом месте «Записных книжек» напоминает: «“Четки”, как я уже говорила, вышли 15 марта 1914, т.е. вскоре после того, как окончилась кампания по уничтожению акмеизма. С необычайным воодушевлением и редкостным единодушием всё и все ринулись душить новое течение ‹…› Дошло до того, что пришлось объявить “Гиперборей” не акмеистическим журналом. ‹…› Брюсов во влиятельной “Русской мысли” назвал Николая Степановича — “господин Гумилев”, что на тогдашнем языке означало — некто, находящийся вне литературы. Все это я говорю в связи с моими воспоминаниями о “Четках”, потому что в нескольких десятках хвалебных рецензий об этом сборнике ни разу не встречается слово акмеизм. Это было почти бранное слово. Первое настоящее об акмеизме: “Преодолевшие символизм” Жирмунского, декабрь 1916 года»[119]. Нападки на акмеизм не прекращались никогда, а весной 1914 года стал ощущаться и внутренний кризис «Цеха поэтов». Как свидетельствовала сама Ахматова, «зимой 13–14 гг. (в начале 1914) АА как-то в виде шутки написала на бумажке (при Николае Степановиче): “Просим закрыть Цех. Мы этого больше выносить не можем и умрем”. И подписала — “А. Ахматова”, а потом подделала подписи всех членов Цеха. Смеясь, показала это Николаю Степановичу, тот отнесся к этому безразлично и тоже смеялся. Потом АА дала эту бумажку С. Городецкому. Тот тоже улыбнулся, но довольно принужденно. И написал резолюцию: “Всем членам Цеха объявить выговор, а Ахматову сослать на Малую, 63 и повесить”... АА так и не знает — понял ли тогда Городецкий, что это поддельные подписи или не понял. Хотя АА и не скрывала этого никак! Все это делалось в виде милой и остроумной шутки»[120]. Но, как говорится, «в каждой шутке есть доля шутки»… Вскоре кризис подтвердится конфликтом Гумилева с Городецким, засвидетельствованным сохранившимися письмами.

15 марта в Петербурге открылась выставка Н.С. Гончаровой, «одна из самых интересных ‹…› боевых выставок сезона», на которой были представлены все периоды: импрессионизм, кубизм, примитивизм, футуризм и лучизм, особо богаты циклы деревенский и церковный»[121]. Очень вероятно, что Гумилев побывал на этой выставке, где мог познакомиться с художницей[122]. В последний год войны, в Париже, он будет постоянно бывать у Гончаровой и Ларионова.

21 марта Гумилев с Ахматовой были в гостях у мецената Н.С. Кругликова (брат художницы Е.С. Кругликовой). Как записал об этом вечере М. Кузмин[123], «там было ничего, даже очень мило. Я был очень весел и всем рад. Читал и пел, даже за ужином сидел с Городецким. И Зноски, и Гумилевы, и Белкины, и Позняковы — все были милы, даже Paul Fort не мешал…» Кузмин здесь упоминает «короля поэтов» из Франции Поля Фора (1872–1960), гастролировавшего в это время в Петербурге. С 17 по 24 марта в «Бродячей собаке» прошло несколько вечеров в его честь, на которых Гумилев мог присутствовать[124]. 22 марта Гумилев посетил «Вечер Случевского» у Н.Н. Вентцеля на Васильевском острове, 16-я линия, д.11, кв.4[125].

Не прошло незамеченным в Петербурге собрание в «Бродячей собаке», состоявшееся 28 марта 1914 года: «Вечер танцев XVIII века» танцовщицы Т.П. Карсавиной (1885–1978)[126]. Специально к вечеру был приурочен выход сборника «Тамаре Платоновне Карсавиной “Бродячая собака”». Изящно изданный, напечатанный на лиловой бумаге, он включил в себя приветственное слово Н. Евреинова и посвященные танцовщице стихи Гумилева[127], Ахматовой, Кузмина, Г. Иванова, Потемкина, а также живописные портреты, статьи и ноты. Указанная на сборнике дата «26 марта 1914» связана с тем, что в последний момент время проведения вечера было изменено. Пресса откликнулась как на вечер, так и на сборник[128]. 30 марта в «Обществе поэтов» с докладом выступил О. Мандельштам[129], там присутствовала Ахматова, но, судя по ее рассказу А. Найману, Гумилева там не было: «После доклада мы с Николаем Владимировичем Недоброво, который поселился в то время в Царском, чтобы быть ближе ко мне, поехали на извозчике на вокзал»[130]. 31 марта Гумилев был объявлен среди участников диспута после состоявшегося в «Бродячей собаке» доклада В. Пяста «Театр слова и театр движения»[131].

Так как в начале года, с выходом последнего номера (№ 9/10), прекратил свое существование главный печатный орган Цеха поэтов журнал «Гиперборей», новые стихи Гумилева появились в журналах «Златоцвет» и «Новая жизнь». Помимо издания книги переводов Т. Готье «Эмали и камеи» в начале 1914 года в «Северных записках» (№ 3 и № 4) был опубликован гумилевский перевод пьесы Роберта Браунинга «Пиппа проходит». В марте Гумилев получил письмо от своего приятеля Сергея Ауслендера: «Милый Гуми, большая к тебе просьба. Мне необходимо достать несколько стихотворных строк для перевода тома Мопассана, который выпускает издательство “Польза”. Будь другом, возьмись или попроси Анну Андреевну взять эту работу, которая займет времени около 2-х часов, не более. Заплатит “Польза” немного, вероятно, но все же заплатит, а главное, ты сделаешь огромное одолжение мне. Ради Бога не отказывайся от этого и позвони мне по телефону 419-11. Может быть, ты в пятницу днем зайдешь ко мне. Не откажи, милый Гуми, в моей огромной просьбе. Привет Анне Андреевне. ‹…› Я решил сам заехать к тебе и оставить книги, где отмечены строки. Может быть, ты сделаешь перевод, не откладывая в долгий ящик»[132]. В своих воспоминаниях Ауслендер так описывает эпизод с этим переводом:

«Весной 1914 г. я собрался ехать в Италию. В это время я кончал переводить какие-то рассказы Мопассана и заказал Гумилеву перевести стихи, которые там встречались. Чуть ли не в день отъезда я поехал к нему

на Васильевский остров. Там он снимал большую несуразную комнату для ночевки. Когда я приехал, Гумилев только начинал вставать. Он был в персидском халате и ермолке. Держался мэтром и был очень ласков. Оказалось, что стихи он еще не перевел. Я рассердился, а он успокоил меня, что через десять минут все будет готово. Вскоре приехала Анна Андреевна из Царского в черном платье и в черных перчатках. Она, не сняв перчатки, начала неумело возиться, кажется, с примусом. Пришел Шилейко. Гумилев весело болтал с нами и переводил тут же стихи. После мы вышли с Анной Андреевной и поехали на извозчике»[133].

Гумилев, когда его посетил Ауслендер, продолжал жить в упомянутой выше «Тучке». Переводы Гумилева — «Как ненавижу я плаксивого поэта…» и «Благословен тот хлеб, что нам из почвы скудной…»[134] — вошли в рассказы «Сестры Рондоли» и «Проклятый хлеб». Книга Мопассана в переводах Ауслендера вышла в том же году в Москве[135].

Оставался один месяц последнего предвоенного сезона. 7 апреля, на первом представлении пьес Александра Блока «Балаганчик» и «Незнакомка», поставленных В.Э. Мейерхольдом в Тенишевском зале, побывали многие петербургские поэты. После спектакля разгорелся спор между Гумилевым и Кузминым. Кузмину спектакль не понравился: «Пошли обедать, потом в театр. Был кошмар, всего хуже сам Блок. Невероятный вздор…»[136] Спор этот красочно (вопрос — насколько достоверно) описан Г. Адамовичем:

«После представления Блоковского “Балаганчика” в Тенишевском зале (в мейерхольдовской постановке). Диалог Кузмина и Гумилева:

Кузмин — Никогда этой чепухи не терпел! Еще у Комиссаржевской!

Гумилев — Что вы? Что вы? Пьеса прекрасная.

Кузмин — Чепуха, тоска… Это Вы притворяетесь!

Гумилев (настойчиво) — Я не притворяюсь. Пьеса прекрасная. (Обращаясь к стоящим вокруг поэтам, среди которых Ахматова, Мандельштам, Георгий Иванов и другие). Кто согласен со мной?

(Согласны все.)

Кузмин — Ну, значит, я дурак… А только я не дурак, и не думайте, пожалуйста, Николай Степанович, что я не понимаю того, что понимаете Вы. Но эти немецкие туманы застилают небо… А я хочу погреться на солнышке…»[137]. Поставленный В.Э. Мейерхольдом спектакль вызвал в основном отрицательные отклики критиков.

13 апреля Гумилев выступал в «Бродячей собаке» в прениях после доклада М. Кузмина о современной русской прозе[138]. «Н. Гумилев констатировал разрозненность публики и писателей, находил школы необходимыми, как ярлыки и паспорта, без которого, по уверению оппонента, человек только наполовину человек и нисколько не гражданин»[139].

15 апреля в комнате Гумилева в Тучковом переулке произошел резкий разговор с Городецким, прерванный приходом В. Шилейко. Как сказано в «Трудах и днях», состоялся «разговор с С.М. Городецким, выяснивший их полное разногласие в теоретических воззрениях на акмеизм, на Цех поэтов, на Литературный политехникум и т.д. После разговора произошел обмен письмами (16 и 17 апреля), которым окончательно определился постепенно, но давно назревавший разрыв отношений Н.Г. и С.М. Городецкого. *Примечание*: Вскоре в ресторане Кинша произошло формальное примирение Н.Г. и С.М. Городецкого, однако не повлекшее за собой

улучшение их отношений, оставшихся чисто внешними»[140]. 16 апреля, в продолжение прерванного разговора, Городецкий прислал Гумилеву письмо[141], тон которого он счел «совершенно неприемлемым»; тут же последовал ответ, в котором Гумилев изложил свои взгляды на спорные вопросы. Сохранился черновик этого письма, в нем Гумилев откровенно, в достаточно резкой форме (что крайне нетипично для его писем) сформулировал свое отношение к важным для него вопросам. По этому письму видно, что Гумилев, всегда ценивший дружбу, пытаясь ее сохранить (что заметно по исправлениям, имеющимся в черновике), фактически угадал то малопочетное место, которое впоследствии занял С. Городецкий в ряду советских литераторов. Так как письмо это важно для правильного восприятия личности Гумилева, приведу его полностью, используя комментарии Р. Тименчика:

«Дорогой Сергей, письмо твое я получил и считаю тон его совершенно неприемлемым: во-первых, из-за резкой передержки, которую ты допустил, заменив слово “союз” словом “дружба” в моей фразе о том, что наш союз потеряет смысл, если не будет Литературного Политехникума[142]; во-вторых, из-за оскорбительного в смысле этики выраженья “ты с твоими”, потому что никаких “моих” у меня не было и быть не может[143]; в-третьих, из-за того, что решать о моем уходе от акмеизма или из Цеха Поэтов могу лишь я сам, и твоя инициатива в этом деле была бы только предательской[144]; в-четвертых, из-за странной мысли, что я давал тебе какие-то “объясненья” по поводу издательства Гиперборей — так как никаких объяснений я не давал, да и не стал бы давать, и просто повторил то, что тебе было известно из разговоров с другими участниками этого издательства[145].

Однако те отношенья[146], которые были у нас за эти три года, вынуждают меня попытаться объясниться с тобой. Я убежден, что твое письмо не могло быть вызвано нашей вчерашней вполне мирной болтовней[147]. Если же у тебя были иные основанья, то насколько было бы лучше просто изложить их. Я всегда был с тобой откровенен и, поверь, не стану цепляться за наш союз[148], если ему суждено кончиться. Я и теперь думаю, что нам следует увидаться и поговорить без ненужной мягкости, но и без излишнего надрыва.

К тому же после нашего союза осталось слишком большое наследство, чтобы его можно было ликвидировать одним взмахом пера, как это думаешь сделать ты.

Сегодня от 6–7 ч. вечера я буду в ресторане Кинши[149], завтра до двух часов дня у себя на Тучковом. Если ты не придешь ни туда, ни туда, я буду считать, что ты уклонился от совершенно необходимого объясненья и тем вынуждаешь меня считать твое письмо лишь выраженьем личной ко мне неприязни, о причинах которой я не могу догадаться. Писем, я думаю, больше писать не надо, потому что уж очень это не акмеистический способ общенья.

Н. Гумилев»[150].

Городецкий принял предложение Гумилева и тут же прислал ответное письмо[151]:

«Дорогой Николай, я приду сегодня к Кинши, но сначала ты должен выслушать возражения на “тона” твоего письма, действительно неверные. 1) Союз для меня равняется дружбе, и потому то, что тебе кажется передержкой, есть только идеализация наших отношений. 2) “Твои” никого и

ничем не оскорбляют, смею тебя уверить. Мы с тобой не раз делили Цех на твоих и моих — вспомни. 3) От акмеизма ты сам уходишь, заявляя, что он не школа; также и из Цеха, говоря, что он погиб. Я только требую соответствия между образом мыслей и поступками. Слово "предательство" ты не имел право употреблять даже с глаголом в сослагательном наклонении. 4) Объяснений я требовал не раз насчет "Гиперборея". Ты совершенно напрасно отделывался шутками. Ответственным считаю я тебя, потому что дело было решено твоим, без моего ведома, попустительством. Никаких других оснований, кроме затронутых вчерашним разговором, у меня не было. О моем личном к тебе чувстве распространяться не считаю уместным даже в ответ на обвинение в неприязни. А выставлять меня политиканом (твое P.S.)[152] значит или не знать меня, или шутить неуместно. Надеюсь, ты теперь согласишься, что "тон" моих писем вполне приемлем и акмеистичен. С.Г.»

После встречи в Кинши отношения до известной степени восстановились. Фактически же распад «Цеха» и их расхождение было предрешено. Интересна характеристика взаимоотношений Гумилева с Городецким, данная Ахматовой в «Записных книжках», в заметке «Судьба акмеизма»[153]: «Я уже раньше указывала, что Городецкий, вкусив мистического анархизма и соборности, в 1911–12 г. вступил в союз с Гумилевым, но, немного поклевав акмеизма, убедился в его непитательности (и даже ядовитости), отряс прах и устремился дальше. Картина этого "дальше" ярко обрисована в составленной или анонимно подсказанной им Антологии 1914 (очевидно, довоенной), где Гумилев, бывший недавний союзник, объявлен стилизатором, а сам С. Городецкий — народником(!?) вместе с Клюевым, а слово акмеизм вообще отсутствует. Вся затея совершенно провалилась. Никаких народников и природников нет и в помине, а вопрос об акмеизме обсуждается на всех языках. Рецепт же Сергея Митрофановича был довольно прост: немного мифотворчества (Вячеслав Иванов) и stile russ'а и снова чулковского мистического анархизма, но "Не тем в то время сердце полно было" у элиты, за бывшим "солнечным мальчиком Сережей Городецким" уже никто не пошел, а он сам через несколько месяцев писал — "Что думает державный Он" (сб. "1914 год"). Дальнейшая судьба этого персонажа, вероятно, любопытна с многих точек зренья, но к истории русской поэзии никакого отношения не имеет».

После «перемирия» 22 апреля Гумилев участвовал в прениях по докладу Е.Г. Лисенкова об акмеизме, состоявшемуся в «Обществе поэтов»[154]. Как замечает П. Лукницкий, «в Обществе поэтов за все время его существования Н.Г. был один раз». Последнее совместное выступление акмеистов состоялось 25 апреля на заседании Всероссийского литературного общества, членами которого Гумилев вместе с Мандельштамом были избраны за неделю до выступления, 18 апреля[155]. Гумилев и Городецкий (вместе с Мандельштамом и М.А. Зенкевичем) выступили с докладами об акмеизме. Гумилев сделал теоретический доклад «Об аналитическом и синтетическом искусстве». Судя по газетному отчету, доклад содержал следующие тезисы: «Футуризм есть прямое развитие символизма, вследствие единства их аналитического метода; метод акмеизма синтетичен, и, наконец, как общественное явление акмеизм выступил на смену боваризму XIX века (мечта о преображенной жизни). При этом символисты не обладают способностью «действовать» на нас и без особого напряжения воли поняты быть не могут — что, естественно, нервирует читателя, восстанавливает его против поэта. Что же касается футуризма, то он представляет очень

благодарный материал с точки зрения экспериментальной психологии, но, разумеется, к поэзии, к действенным отношениям между людьми, никак не относится»[156]. В другой газете было сказано: «Н. Гумилев десятиэтажным штилем начал давить реализм, издеваться над символизмом и превозносить, как манну небесную, акмеизм»[157]. С положениями этого выступления перекликаются «Наброски начала доклада 1914 г.», сохранившиеся в бумагах Гумилева и впервые опубликованные Р. Тименчиком[158]. Заканчиваются наброски любопытным высказыванием Гумилева, перекликающимся с положениями нарождавшейся тогда «квантовой физики», с «волновой» и «корпускулярной» теориями — вполне в «духе времени»: «Таким образом, мы видим, что символисты рассмотрели музыкальные возможности слова, футуристы — его психологические. Но изобразительных возможностей ряда слов никто из них не разбирал, и это сделали акмеисты. Для того, чтобы это было понятнее, я объясню, что я подразумеваю под ритмом мысли: наше сознанье переходит с предмета на предмет, или на разные фазисы предмета, не непрерывно, а скачками. Опытные ораторы это знают и потому перемежают свою речь вставными эпизодами, которые легко опустить, не повредив целому. У поэзии есть другие средства, потому что наше поэтическое восприятие допускает созерцание предмета и в движении (временном), и в неподвижности». Как раз в эти годы в обществе возникла мода на теорию относительности Эйнштейна, и хотя Гумилев был плохим учеником, видимо, новое, пространственно-временное воззрение на мир не прошло мимо него.

28 апреля состоялось собрание литературной молодежи в редакции «Русская мысль». Чуть позже Ю.А. Никольский писал Л.Я. Гуревич об этом собрании: «В тот вечер ‹…› зачем Вы сердились на Гумилева?»[159] В апреле редакция иллюстрированного журнала «Лукоморье» предложила молодым поэтам печататься на его страницах; было напечатано одно стихотворение Гумилева (позже журнал печатал стихи и давал рецензии на книги Гумилева и его окружения). В очередном, майском номере «Аполлона» (№ 5) Гумилев опять поместил развернутые рецензии на новые поэтические книги: С. Городецкого («Цветущий посох» — рецензия вполне «акмеистическая»), Анны Ахматовой («Четки»), П. Радимова («Земная риза»), Г. Иванова («Горница»), В. Ходасевича («Счастливый домик»), на французскую антологию русских поэтов Жана Шюзевиля.

13 мая закрылась на лето «Бродячая собака». Весенний сезон завершался, все разъезжались. 20 мая Гумилев с Ахматовой уехали в Слепнево, как думали поначалу — на все лето. Событие это своеобразно отразилось в письме «теневого» участника, близкого друга Ахматовой Н.В. Недоброво, своему давнишнему приятелю Борису Анрепу, тогда еще лично не знакомому с Ахматовой. Это было не первое «интимное» упоминание Ахматовой в сохранившихся письмах Недоброво Анрепу. Так, еще 29 октября 1913 года Недоброво писал: «Источником существенных развлечений служит для меня Анна Ахматова, очень способная поэтесса…»[160]. И позже имя Ахматовой неоднократно упоминается в письмах. Любопытно одно «пророческое» письмо от 27 апреля 1914 года:

«Твое последнее письмо меня очень обрадовало — то, что Ты так признал Ахматову и принял ее в наше лоно, мне очень дорого; по личным прежде всего соображениям, а также и потому, что, значит, мы можем считать, что каждому делегирована власть раздавать венцы от имени обоих. Я всегда говорил ей, что у нее чрезвычайно много общего, в самой сути ее

творческих приемов, с Тобою и со мною, и мы нередко забавляемся тем, что обсуждаем мои старые, лет 10 тому назад писанные стихи, с той точки зрения, что, под Ахматову или нет, они сочинены.

Попросту красивой назвать ее нельзя, но внешность ее настолько интересна, что с нее стоит сделать и леонардовский рисунок и генсборовский портрет маслом, а пуще всего, поместить ее в самом значащем месте мозаики, изображающей мир поэзии. Осенью, приехав сюда, я думаю, Ты не откажешься ни от одной из этих задач...»[161]

Личное знакомство Ахматовой с Борисом Анрепом состоялось позже: «С Анрепом я познакомилась в Великом Посту в 1915 в Царском Селе у Недоброво (Бульварная)...)»[162].

Так что Недоброво «напророчил» не только дальнейшую судьбу Анны Ахматовой в своей статье, связанной с выходом «Четок» (так к этой работе относилась сама Ахматова, до последних дней считая ее лучшей статьей о своем творчестве)[163]. Хотя портретов Ахматовой, будь то в духе Леонардо или Гейнсборо, Анреп не оставил, но спустя десятилетия, когда Недоброво уже давно не было в живых, Анреп исполнил завет друга. В 1953 году, безусловно, помня о его словах, Борис Анреп ввел изображение Ахматовой в мозаику «Compassion» («Сострадание») на полу вестибюля Национальной галереи в Лондоне[164].

Однако, как было сказано выше, в описываемые времена Ахматова и Анреп были знакомы лишь «заочно», по письмам Н.В. Недоброво, поэтому в дальнейшем рассказе он пока участвовать не будет. 12 мая 1914 года (более поздних писем от этой переписки не сохранилось) Недоброво недвусмысленно рассказывает Анрепу о своем отношении к любимой (и любящей!) женщине[165]:

«...твое предыдущее письмо я, кроме французского словца, вслух прочел Ахматовой. Мы очень смеялись этому странному сочетанию большой проницательности, а тут же — безмерной какой-то недогадливости. Во всяком случае она просит передать Тебе, что только восторги незнакомца и способны ее тронуть, так как восторгами добрых знакомых она переобременена сверх меры и никак не может разобраться, к чему собственно они относятся. Через неделю нам предстоит трехмесячная, по меньшей мере, разлука. Очень это мне грустно. Лето мое начнется в начале июня. Я, вероятно, полностью проведу его в Крыму: мне хочется не иметь никаких обязанностей, даже лечебных, не иметь новых впечатлений, а, отдыхая телом на старых местах, писать побольше для того, чтобы развлекать Ахматову в ее "Тверском уединеньи"[166] присылкой ей идиллий, поэм и отрывков из романа под заглавием "Дух дышит, где хочет" и с эпиграфом:

И вот на памяти моей
Одной улыбкой светлой боле,
Одной звездой любви светлей.

В этом романе с поразительной ясностью будет изображено противозаконие духа и нравственностей человеческих. Сделано это будет с обыкновенным искусством...»

Письма в Слепнево Недоброво наверняка писал, об этом говорит упоминание «Тверского уединенья» в письме Анрепу, подтверждением этого является то, что разлука оказалась значительно более краткой, однако Анна Андреевна на эту разлуку откликнулась почти сразу, **в мае или начале июня**, написанным в Слепневе стихотворением, к которому мы еще вернемся: «Целый год ты со мной неразлучен...» — потому что об этом стихотворении вскоре узнал не только Недоброво...

Так что как литературная, так и личная жизнь обоих супругов в этот период была насыщенной, что и отметила Ахматова в написанных через полвека «Записных книжках». Вот несколько фрагментов из них, описывающих «романы» Гумилева (точнее, отражение их в различных попавшихся ей на глаза мемуарах) и реакцию на них Ахматовой. О своих собственных «увлечениях» того же периода она скромно умалчивает, хотя намеки на них иногда проскальзывают в планах ненаписанной книги «Мои полвека»[167]: «Петербург 10-ых годов. Башня. Цех поэтов. Акмеизм. Малая, 63. "Четки". Война 1914 г. Н.В.Н...» — т.е. Н.В. Недоброво.

«Открываю эту тетрадь критикой чудовищной писанины С.К. Маковского, которую я получила сегодня из Парижа. ‹...› Никакую красавицу в царскосельском доме я не поселяла (имеется в виду Таня Адамович, которая была просто дурнушка), и это мог выдумать только человек, который насмерть забыл дореволюционный быт и, в частности, дом Анны Ивановны, в котором такая вещь была просто невозможной. ‹...› Относительно Татьяны Викторовны Адамович, которую так роскошно подает Маковский, могу только напомнить мою строчку: "Мужа к милой провожу" (1914). (Из стихотворения: "Мне не надо счастья малого".) Это была моя единственная реакция на этот "роман" Гумилева. Начался он в 1914 г. ‹...› Но в сущности ко мне это никакого отношения не имеет, потому что скоро после рождения Левы мы молча дали друг другу полную свободу и перестали интересоваться **интимной стороной жизни друг друга**[168]. Тем не менее в 1915 г. Гумилев писал с войны: "Я ведаю, что обо мне, далеком, / Звучит Ахматовой сиренный стих...", а в 1916, когда я сказала что-то неодобрительное о наших отношениях, он возразил: "Нет, ты научила меня верить в Бога и любить Россию"»[169].

Любопытен и следующий фрагмент: «...Стихи из "Чужого неба", ко мне обращенные, несмотря на всю их мрачность, уже путь к освобождению, которое, по мнению некоторых лиц, никогда не было полным, но предположим, что было. После "Ямбов"[170] я ни на что не претендую. Но и в "Чужом небе" я не одна. Цикл стихов Маше — просто стихи из ее альбома, там же какая-то лесбийская дама (не то В. Яровая, не то Паллада), потом (уже в 14 г.) Таня Адамович, М. Левберг, Тумповская, Лариса Рейснер, А. Энгельгардт. На ком-то он собирался жениться (Рейснер), на ком-то женился (Энгельгардт), по кому-то сходил с ума ("Синяя звезда"), с кем-то ходил в меблированные комнаты (Ира?), с кем-то без особой надобности заводил милые романы (Дмитриева и Лиза Кузьмина-Караваева), а от бедной милой Ольги Николаевны Высотской даже родил сына Ореста (13 г.). Все это не имело ко мне решительно никакого отношения. **Делать из меня ревнивую жену в 10-ых годах очень смешно и очень глупо.** (*Выделено Е.С.*) ‹...› Уже, когда в начале 20-ых годов я руководила сборами воспоминаний о Николае Степановиче, я называла эти и еще очень многие женские имена, не для сплетен, разумеется, а для того, чтобы указать, к кому что относится...»[171] В 1925 году Ахматова рассказала П. Лукницкому: «Когда Н.С. уехал в Африку в 13 году, мать Н.С. как-то просила А.А. разобрать ящик письменного стола. А.А., перебирая бумаги, нашла письма одной из его возлюбленных. Это было для нее неожиданностью: она в первый раз узнала. А.А. за полгода не написала в Африку Н.С. ни одного письма. Когда Н.С. приехал,

она царственным жестом передала письма ему. Он смущенно улыбался. Очень смущенно»[172].

«...И уже совершенно чудовищная басня (из мемуарий С. Маковского) о том, что Аня была ревнивой женой. ‹...› То, что все на свете позабывший и перепутавший 83-летний Маковский мог перепечатать этот злостный вздор, не вызывает ничего, кроме жалости. И хороши же его доказательства. ‹...› Вторая басня ‹...› имеет гораздо более преступное намерение. Кому-то просто захотелось исказить образ поэта. Не будем вдумываться, с какими грязными намерениями это было совершено, но оставить это так, как есть, не позволяет мне моя совесть...»[173].

Отталкиваясь от последней фразы Ахматовой, постараемся в дальнейшем рассказе ничего не искажать, не домысливать, приводить только факты и документы. 1 июня Гумилев пригласил в Слепнево своего ближайшего друга М. Лозинского:

«Дорогой Михаил Леонидович, июнь почти наступил... я начал письмо в эпическом стиле, но вдруг и с ужасом увидал, что моя аграфия возросла в деревне невероятно. ‹...› Пожалуйста, вспомни, что ты обещал приехать, и приезжай непременно. У нас дивная погода, теннис, новые стихи... Чем скорее, тем лучше. Я почему-то, как Евангелью поверил, что ты приедешь, и ты убьешь веру в неопытном молодом человеке, если только подумаешь уклониться. О каких-нибудь делах рука не поднимается писать; лучше поговорим. ‹...› Пишу и не знаю, получишь ли письмо. Петербургский твой адрес забыл, финляндского не знаю, а Аполлон... бываешь ли ты там теперь? Ответь что-нибудь и еще лучше назначь день приезда. ‹...› Искренно твой Н. Гумилев. P.S. Аня тебе кланяется»[174].

Письмо это, проблуждав почти три недели, все-таки нашло своего адресата. Видимо, вскоре после этого произошел, с моей точки зрения (и с учетом изложенных выше и ниже соображений), малозначительный эпизод, о котором Ахматова с легким юмором рассказала Лукницкому[175]:

«...Был такой случай: Н.С. предложил АА развод. АА: “Я сейчас же, конечно, согласилась!” — Улыбаясь: “Когда дело касается расхождения, я всегда моментально соглашаюсь!” Сказала А.И. (*матери Гумилева Анне Ивановне. — Примеч. Е.С.*), что разводится с Н.С. Та изумилась: почему? что? “Коля сам мне предложил”. (АА поставила условием, чтоб Лева остался у нее в случае развода.) А.И. вознегодовала. Позвала Н.С. и заявила ему (тут же, при АА): “Я тебе правду скажу, Леву я больше Ани и больше тебя люблю...”. АА смеется: “Каково это было услышать Н.С.!” (что она Леву больше, чем его, любит). После этого Н.С. как-то так “по-дружески” сказал АА, что у Тани такая неприятность, пришли какие-то дамы в институт (Т. Адамович преподавала Далькроза[176], а окончила она Смольный институт), чтобы выбрать для своих детей учительницу танцев. Местное начальство назвало им Т. Адамович. И вот тут эти дамы заявили: “Что вы, что вы — она любовница Гумилева!” И что Таня очень расстроена, что испорчена ее репутация. АА усомнилась в истине этого рассказа Тани Адамович, сказала Н.С., что это фантазия, потому что совершенно неправдоподобно, чтоб какие-то дамы знали об этом, а если и знали, то так сугубо искали бы невинную учительницу (ибо таких не бывает), а если и искали, то не стали бы заявлять об этом во всеуслышание, в казенном учреждении, да еще местному начальству. И Н.С. быстро согласился с АА, что это фантазия Тани Адамович. После этого как будто и началось его охлаждение к Т. Адамович...»

В этом рассказе любопытно подтверждение поздних дневниковых записей о том, что «мы молча дали друг другу полную свободу и перестали интересоваться интимной стороной жизни друг друга». При этом оставаясь в курсе этой самой «интимной стороны жизни» и даже обсуждая ее друг с другом (по крайней мере, как мы видим — со стороны Гумилева). Вряд ли Ахматова была с Гумилевым столь же откровенна, но можно предположить, что и он догадывался о ее увлечениях. Возможно, что о Недоброво он не думал, предполагаю, что об их предстоящей встрече в Киеве он не знал, в отличие от Ахматовой — о свидании Гумилева с Т. Адамович в Либаве. Однако здесь более любопытно то, что высказанное Ахматовой предположение о склонности Татьяны Адамович к фантазиям оказалось точным, хотя она наверняка не читала ее поздних воспоминаний[177].

Через две недели Ахматова одна уехала в Петербург, Гумилев просил ее продать в «Ниву» очерк «Африканская охота» (напечатан: Нива. 1916. № 8). «Продала. Пробыла в Петербурге у папы несколько дней, неделю — не больше, и поехала в Киев. Не в самый Киев, а в Дарницу (мама жила там) — местечко под Киевом, станция железной дороги сейчас же за мостом. Это было, по всей вероятности, начало июля, потому что я успела пробыть там эту неделю, вернуться через Москву одна...»[178] Причину же поездки в Киев можно найти не в описанном выше «объяснении», а в поздней лаконичной дневниковой записи: «Н.В. Н‹едоброво›. В Дарнице на даче у мамы летом 1914 (июнь)»[179]. Это единственное место в «Записной книжке», где Ахматова точно указывает на встречу с Недоброво. Через пару страниц, в более пространном рассказе о пребывании этим летом в Дарнице, Недоброво уже «зашифрован» как Х.: «Летом 1914 г. я была у мамы в Дарнице, в сосновом лесу, раскаленная жара. Там, кроме меня, жила и сестра Ия Андреевна. Она ходила в другой лес, к Подвижнику, и он, увидев ее, назвал Христовой невестой. (“Подошла я к сосновому лесу”.) Беседы с Х. о судьбах России. Нерушимая стена св‹ятой› Софии и Мих‹айловский› монастырь — ad periculum maris, т.е. оплот борьбы с Диаволом — и хромой Ярослав в своем византийском гробу...». И через пару страниц — об ощущении времени: «...в Киеве, кроме св‹ятой› Софии, запомнился пышный летний ливень, когда ряд улиц превращается почти в водопады. Необычаен был Михайловский монастырь XI в. Одно из древнейших зданий в России. Поставленный над обрывом, потому что каждый обрыв — бездна и, следственно, обиталище дьявола, а храм св‹ятого› Михаила Архангела, предводителя небесной рати, должен бороться с сатаной (Ad periculum maris). Все это я узнала много позже, но Мих‹айловский› мон‹астырь› нежно любила всегда...»[180]. Ахматова, всегда придававшая большое значение «круглым датам», делала эти записи в «юбилейном», 1964 году. Для нее это был пятидесятилетний юбилей «начала конца» (1914 год), и записано это почти сразу после возвращения из Италии и Рима[181].

От этого же пребывания в Киеве сохранилось письмо М. Лозинскому, не совсем понятное, но говорящее о ее планах и настроениях; я предполагаю, что отправлено оно было в ожидании Недоброво, до его приезда. На письме вместо даты проставлено — «День Купальницы-Аграфены» (23 июня по ст. стилю), на штемпелях, Киев 25.6.14, С.-Петербург 27.6.14:

«День Купальницы-Аграфены. Очень мне жалко, милый Михаил Леонидович, но заклад Ваш Вы потеряли. За границу я не поеду, что там делать! А дней через 10 буду опять в Слепневе и уже до конца там останусь. Если даст Бог помру, если нет — вернусь в Петербург осенью глубокой. ‹...›

Лето у меня вышло тревожное: мечусь по разным городам и везде страшно пусто и невыносимо ‹…› Мне сказали, что издание "Четок" придется повторить в сентябре. Не очень я этому верю. До свидания. Анна Ахматова»[182].

Гумилев недолго оставался в Слепневе, в середине июня он уехал в Вильно, а оттуда в Либаву (Лиепая в Латвии). Цель поездки очевидна. После состоявшегося объяснения с Ахматовой — выяснение отношений с Татьяной Адамович. Ахматова об этом знала, относилась к этому достаточно равнодушно: «В 1913 он был в Африке, в 14 — поехал к Тане Адамович в Вильну, потом война. За себя ручаюсь, что я не сказала с ней десяти слов»[183]. В Либаве у Татьяны Адамович Гумилев пробыл недолго, вряд ли более недели, домысливать о его пребывании там ничего пока не будем, однако позже прокомментируем одно «свидетельство». Сейчас важно только то, что уже в конце июня или начале июля Гумилев вернулся в Петербург. Есть не очень надежное свидетельство[184], что 5 июля он посетил брата Дмитрия, был на 5-летии его свадьбы. 6 июля уехал в Териоки, остановился в пансионе «Олюсино», комната № 7[185]. Теперь можно переходить к письмам, которые вызвали столь душещипательные «академические комментарии». Первое письмо, точнее открытка «Териоки. Берег моря» — Лозинскому, из Териок (сейчас — Зеленогорск), 9 июля, в соседнее местечко Ваммельсуу (Vammelsuu) (сейчас — Серово). Как Териоки, так и Ваммельсуу относились к Финляндии и жили по «европейскому времени» — штампы на конвертах проставлялись по новому стилю. В Ваммельсуу располагалась дача жены Лозинского Татьяны Борисовны, урожденной Шапировой (1885–1955), ожидавшей рождения ребенка. Заметим — рядом располагалась дача Леонида Андреева, знаменитый «Дом на Черной речке».

«Дорогой Михаил Леонидович, прости, что так долго не писал — это аграфия. Теперь если бы ты захотел меня увидать, тебе стоит только проехать девять верст до Териок (города) и в кофейне Идеал (близ вокзала, в двух шагах от гостиницы «Иматра») спросить меня. Если я не дома, значит, в теннисном клубе (пройди туда) или на море. Но по утрам я обыкновенно дома до двух. Не можешь приехать, напиши. Твой Н. Гумилев»[186].

Ответ последовал незамедлительно, 10 июля 1914 года:

«С изумлением беспримерным, дорогой Николай Степанович, получил я сейчас твое письмо из Териок. Приди оно хоть несколькими днями раньше, это изумление было бы и приятнейшим. И я, конечно, немедленно на коне или на корабле отправился бы в Териоки, чтобы похитить тебя из этого скверного посада в очаровательное Vammelsuu. Но увы!.. теперь уже поздно... Сегодня Таня и я переселяемся в Петербург — она до конца месяца, а я совсем: только в августе буду наезжать сюда по субботам. Ну не стыдно ли тебе. Ведь ты, по-видимому, живешь в Териоках с 24-го, 25-го июня и не мог мне раньше написать. Правда, ты не мог знать, что я так скоро покину Финляндию. А все-таки стыдно. В Петербурге я ловил тебя по телефону, как и ты меня, но безрезультатно. В Слепнево я отправил тебе пространное послание, которое ты, вероятно, уже не успел получить. Писал в нем и о всяких делах... ‹…› Со мною чуть припадок не сделался, когда я узнал, что ты все это время жил у нас под боком, одержимый своей злосчастной аграфией. Несчастный ты человек, губитель услад дружества! Соберись с силами, напиши мне в Петербург, каковы твои планы, до осени ли ты будешь в Териоках, когда думаешь попасть в город. Твой М. Лозинский»[187].

Отъезд Лозинских с дачи объяснялся приближавшимися родами его жены — родила она сына Сергея уже через 10 дней, 19 июля, когда началась совершенно другая «эпоха», и Гумилев откликнулся на рождение сына Лозинского своим первым военным стихотворением. В самих письмах ничего, кроме естественного огорчения из-за невозможности встретиться с другом и обмена текущими окололитературными новостями, нет. Поэтому изумление вызывают комментарии в ПСС:

«Письмо к М.Л. Лозинскому написано в обстоятельствах, крайне сложных для поэта. ‹…› Лозинский показал себя настоящим другом Гумилева и Ахматовой, сумевшим с предельным тактом выполнить сложную "примирительную" роль в конфликте супругов, чуть-чуть было не обернувшемся полным разрывом. ‹…› Одновременно с этим письмом он отправил информацию о приезде Гумилева в Териоки и его адрес в Слепнево Ахматовой[188] ‹…› Гумилев по пути в Либаву заехал в Петербург *(??? — Е.С.)*. Ахматова также поехала в Дарницу через Петербург, так что в середине июня Лозинский оказался "между двух огней", став de facto конфидентом обоих поссорившихся супругов»[189].

В тот же день, 10 июля, когда Гумилев получил, возможно, огорчившее его, из-за невозможности повидаться, письмо от Лозинского, он пишет жене, будучи уверенным, что Ахматова еще отдыхает у родственников на Украине:

«Милая Аничка, думал получить твое письмо на Царск‹осельском› вок‹зале›, но не получил. Что, ты забыла меня или тебя уже нет в Деражне? Мне страшно надоела Либава, и вот я в Териоках. Здесь поблизости Чуковский, Евреинов, Кульбин, Лозинский, но у последнего не сегодня завтра рождается ребенок. Есть театр, в театре Гибшман, Сладкопевцев, Л.Д. Блок и т.п. Директор театра Мгебров (офицер). У Чуковского я просидел целый день; он читал мне кусок своей будущей статьи об акмеизме, очень мило и благожелательно. Но ведь это только кусок и, конечно, собака зарыта не в нем! Вчера беседовал с Маковским, долго и бурно. Мы то чуть не целовались, то чуть не дрались. Кажется, однако, что он будет стараться устроить беллетристический отдел и еще разные улучшенья. Просил сроку до начала августа. Увидим! Я пишу новое письмо о русской поэзии — Кузмин, Бальмонт, Бородаевский, может быть, кто-нибудь еще. Потом статью об африканском искусстве. Иру бросил. Жду, что запишу стихи. Меланхолия моя, кажется, проходит. Пиши мне, милая Аничка, по адресу Териоки (Финляндия), кофейня «Идеал», мне. В этой кофейне за рубль в день я снял комнату, правда, неплохую. Значит, жду письма, а пока горячо целую тебя. Твой Коля. Целую ручки Инне Эразмовне»[190].

Это письмо пропутешествовало до Киева и оттуда было переслано Инной Эразмовной, матерью Ахматовой, назад, в Слепнево. Гумилев даже не знал о том, что Ахматова гостила у матери в Дарнице, под Киевом, а тем более — о визите туда Н.В. Недоброво. Ведь до этого она обычно ездила к своим родственникам (по матери) на Украину, в Подолию, в имение Литки около станции Деражня, почему она и упоминается в письме. Письмо Гумилева нуждается в обычных литературных комментариях[191], но им предшествует преамбула про «лирический подтекст письма». Подтекста же в письме (как и в подавляющем числе писем Гумилева, чем они и хороши!) никакого нет. Он даже откровенно упомянул про Либаву — точно зная, что жена его поймет. Письмо это Ахматова получила лишь 17 июля и сразу же на него

ответила. Но до этого, 13 июля, через три дня после возвращения в Слепнево, она написала еще одно письмо, не лишенное женского коварства:

«Милый Коля, 10-ого я приехала в Слепнево. Нашла Левушку здоровым, веселым и очень ласковым. О погоде и делах тебе верно напишет мама. В июньской книге "Нового Слова" меня очень мило похвалил Ясинский. Соседей стараюсь не видеть, очень они пресные. Я написала несколько стихотворений, кот‹орые› не слышал еще ни один человек, но меня это, слава Богу, пока мало огорчает. Теперь ты au courant* (*в курсе — франц.) всех петербургских и литературных дел. Напиши, что слышно? Сюда пришел Жамм. Только получу, с почты же отошлю тебе. Прости, что я распечатала письмо Зноски, чтобы большой конверт весил меньше. Я получила от Чулкова несколько слов, написанных карандашом. Ему очень плохо, и мне кажется, что мы его больше не увидим. Вернешься ли ты в Слепнево? или с начала августа будешь в Петербурге. Напиши мне обо всем поскорее. Посылаю тебе черновики моих новых стихов и очень жду вестей. Целую. Твоя Аня»[192].

Письмо написано на двойном листе, и его «коварство» заключено во вписанных стихах. Два стихотворения. Первое — «Завещание» («Моей наследницей полноправной будь…»), впоследствии никогда при жизни не перепечатывалось. Думаю, что его можно трактовать как косвенное послание «сопернице» — Татьяне Адамович. Но — без всякого надрыва. И как подтверждение этого — вписано второе стихотворение, адресат которого для нас очевиден: «Целый год ты со мной неразлучен…» Впервые опубликовано в «Белой стае», пока без посвящения, посвящение появится позже — Н.В.Н. Предполагаю, что Гумилев не задумывался, к кому оно обращено, а если такие мысли и приходили ему в голову, то вряд ли он мог отнести его к себе. Ведь большую часть прошедшего года он провел в Африке! Но для него, в первую очередь, это просто были новые стихи жены, и как стихи (а не как исповедь!) он их и оценивал, не воспринимая как некий «тайный знак», способный что-либо изменить в их отношениях. Гумилеву, как правило, всегда был свойственен трезвый взгляд на жизнь (предполагаю, что многие в этом со мной не согласятся).

Тональность написанного через четыре дня, 17 июля, еще одного письма Ахматовой не отличается от предыдущего, хотя это уже ответное письмо. Ахматова узнала про Либаву и териокскую жизнь, но никакой особой реакции это не вызвало, видно только, что до Слепнева пока еще не дошли отголоски тех событий, которыми уже жил в эти дни весь Петербург и которые отразились в написанном в этот же день встречном письме Гумилева. Ахматова 17 июля писала:

«Милый Коля, мама переслала мне сюда твое письмо. Сегодня уже неделя, как я в Слепневе. Становится скучно, погода испортилась, и я предчувствую раннюю осень. Целые дни лежу у себя на диване, изредка читаю, но чаще пишу стихи. Посылаю тебе одно сегодня, оно кажется имеет право существовать. Думаю, что нам будет очень трудно с деньгами осенью. У меня ничего нет, у тебя, наверно, тоже. С "Аполлона" получишь пустяки. А нам уже в августе будут нужны несколько сот рублей. Хорошо, если с "Четок" что-нибудь получим. Меня это все очень тревожит. Пожалуйста, не забудь, что заложены вещи. Если возможно, выкупи их и дай кому-нибудь спрятать. Будет ли Чуковский читать свою статью об акмеизме как лекцию? Ведь он и это может. С недобрым чувством жду июльскую "Русскую мысль". Вероятнее всего, там свершит надо мною страшную казнь Valère[193]. Но думаю о горчайшем, уже перенесенном, и смиряюсь. Пиши, Коля, и стихи присылай. Будь здоров, милый! Целую. Твоя Анна. Левушка здоров и все умеет говорить»[194].

Обычный письменный диалог супругов и поэтов, как следствие этого, перемешаны бытовые и литературные вопросы. К письму приложено еще одно стихотворение, на этот раз — без «намеков»: «Подошла я к сосновому лесу…» Стихотворение написано в Дарнице и обращено к младшей сестре Ие (1894 — 1922). Стихотворение это — просто переложение приведенного рассказа сестры о визите к Подвижнику; вскоре оно было опубликовано журналом «Отечество» (1914, № 7), позже вошло в «Белую стаю» (всюду — без названия и посвящения), а в сборнике 1940 года «Из шести книг» получило подзаголовок «Моей сестре». Я предполагаю, что это дань ее памяти. Не могла же Анна Андреевна посвятить сестре, при ее жизни, такие строчки, как «…И блаженную примешь кончину…». Вспомнить же об этом в 1940 году — вполне естественно. С моей точки зрения, появление такого подзаголовка в 1940 году, после множества реально пережитых смертей близких людей, отнюдь не «блаженных», после «Реквиема», вносит в стихотворение дополнительный подтекст. Поэтому я не вполне согласен с предположением Романа Тименчика о том, что стихотворение первоначально было написано под впечатлением только что опубликованного стихотворения А. Блока «Моей сестре» (в четвертом номере «Ежемесячного журнала» за 1914 год, где одновременно была помещена рецензия М.Л. Моравской на «Четки» Ахматовой). Хотя возможно, что позднее появление такого названия у стихотворения — дальний отголосок первоначальной публикации Блока. Замечу, что у самого Блока название присутствует только в первой публикации 1914 года, в дальнейшем, в «Ямбах», оно шло без названия — «Когда мы встретились с тобой…».

В эти же дни, скорее всего, одновременно со вторым письмом Гумилеву, 17 июля, Ахматова пишет большое письмо Г.И. Чулкову (конфиденту «донжуанского списка») в Лозанну: «…здесь тихо, скучно и немного страшно. Вести извне звучат совсем невероятно, людей я не вижу и вообще как-то присмирела...»[195]. Сообщает ему о начале работы над «большой вещью» (поэма «У самого моря»), хорошо отзывается о его романе «Сатана», опять возвращается к планам поездки за границу, на шесть недель в Швейцарию[196], от которых, спустя всего несколько дней, уже по совсем другим причинам, пришлось окончательно отказаться.

Сразу же приведу последнее «мирное» письмо Гумилева, но требующее уже «военных» комментариев. Письмо на почтовой карточке написано в тот же день, 17 июля, и отправлено из Петербурга, что следует из штемпеля; по второму штемпелю видно, что до адресата оно дошло 19 июля:

«Милая Аничка, может быть, я приеду одновременно с этим письмом, может быть, на день позже. Телеграфирую, когда высылать лошадей. Время я провел очень хорошо, музицировал с Мандельштамом, манифестировал с Городецким, а один написал рассказ и теперь продаю его. Целую всех. Очень скоро увидимся. Твой Коля»[197].

«Военную» сторону письма прокомментирую чуть позже. Выше приведена вся предвоенная переписка Гумилева: по два письма от него Лозинскому и Ахматовой, и полученные им письма, одно от Лозинского и два от Ахматовой. Переписка трех хорошо знающих и доверяющих друг другу людей, у каждого из которых — свои проблемы и заботы, которых раскидало по еще пока мирной стране. В письмах — никакого надрыва. Приводя

их, мне бы хотелось предостеречь читателя от обращения к их комментариям, попавшим в 8-й том ПСС[198]. Через несколько дней все они окажутся в Петербурге, и иные события навсегда изменят их жизнь и направят ее по иному руслу:

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов...[199]

Безусловно, главное событие, определившее на многие годы судьбу не только поэтов, но и всего поколения, произошло 15 июня 1914 года (даты даются, как и ранее, по российскому старому стилю, хотя само это событие случилось в Европе, по новому стилю — 28 июня) в боснийском столичном городе Сараево. В этот день террористы дважды покушались на наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, во второй раз — удачно, эрцгерцог был убит. Как часто бывает, поначалу событие это заметили только в «верхах», и потребовался ровно месяц, чтобы оно затронуло всех. 15 июля Австрия объявила войну Сербии. «Пахнет войной (Австрия — Сербия — Россия)», — записал в этот день Блок в записной книжке[200].

Но мы пока вернемся в Териоки, на неделю назад, чтобы дополнить изложенные в письмах поэтов события. Представился редкий случай, когда можно, буквально по дням, проследить последнюю мирную неделю жизни в Териоках. Для этого мы воспользуемся сохранившимся дневником Веры Владимировны Алперс[201]. В.В. Алперс на протяжении многих лет вела дневник. В рукописном отделе РНБ в Петербурге хранятся четыре тетрадки этого дневника за 1910–1916 годы. Записи велись иногда ежедневно, иногда с перерывами. Нельзя сказать, что документы эти не были замечены, но до сих пор они связывались исключительно с именем композитора Сергея Прокофьева, близкого друга Веры Алперс на протяжении всей жизни.

Обычный дневник молодой образованной девушки, близкой к музыкальным кругам. Дневнику она поверяет свои личные переживания, впечатления, описывает встречи с различными людьми. Хотя нас больше всего будут интересовать упоминания Гумилева, но на страницах дневника встречаются (помимо Прокофьева) петербургский поэт Михаил Долинов, который в 1915 году был несколько месяцев мужем Веры Алперс; рецензии на его сборники стихов Н. Гумилев поместил в «Аполлоне» (1911, №10), на «Пленные голоса», и в 1915-м (№10), на «Радугу»; Осип Мандельштам; Всеволод Мейерхольд; Александр Блок; семья пушкиниста С.М. Бонди, скорее всего, его брат Ю.М. Бонди; Ахматова; пианист Г.Г. Нейгауз. Ниже я приведу все встретившиеся в дневнике упоминания Гумилева. Виделись они всего одну неделю, как раз ту, которая разделяет два посланных из Териок письма, с 10 по 17 июля. Но любопытны также более поздние упоминания его имени. Влюбленности никакой с ее стороны не было, поэтому в дневнике она все фиксировала «трезвым» взглядом. Этим дневник и ценен.

Самая ранняя дата появления Гумилева в районе Териок известна по приведенному выше в примечании письму Бабенчикова художнику Кульбину от 7 июля 1914 года: «...вчера приехал в Куоккалу ‹...› Н.С. Гумилев...» В Куоккале жил Чуковский, Гумилев посетил его, о чем написал 10 июля Ахматовой: «У Чуковского я просидел целый день...» Рядом с Чуковским жил Кульбин. Куоккала (Репино), Келомякки (Комарово), Териоки (Зеленогорск), Ваммельсуу (Серово) — расположенные недалеко друг от друга дачные поселки на берегу Финского залива. Судя по письму Бабенчикова, вначале, после Либавы и Петербурга, Гумилев поселился именно в Куоккале, в пансионе «Олюсино», комн. № 7, а затем, не позже 9 июля, он перебрался в Териоки. В письмах от 9 июля Лозинскому и от 10 июля Ахматовой он сообщает новый, териокский адрес — кофейня «Идеал», близ вокзала. Упоминаемый Гумилевым в письме театр Гибшмана располагался в Куоккале, но давал представления и в Териоках. Одно такое представление состоялось 6 июля, но, видимо, в письме Гумилев подразумевает «основную сцену». Любопытно, что на этом «выездном» представлении побывала Вера Алперс, о чем она сделала запись 7 июля[202], так что есть некоторая вероятность того, что впервые они встретились на этом представлении. Но думаю, что 6 июля Гумилева в Териоках еще не было, хотя последующая его задержка там была связана как раз с новым знакомством. Итак, первое упоминание Гумилева в дневнике Веры Алперс.

11 июля. Пятница.

«Опять зной нестерпимый. Интересные дни были последнее время. Вчера я сделала глупость, конечно, согласившись пойти с Гумилевым в отдельный кабинет. Какова смелость! Черт знает что такое! Пожалуй, я слишком уверена в себе. Такие штуки опасны очень. Вела я себя великолепно. Он конечно влюблен в меня. И я это чувствовала. Откровенно говоря, я трусила. Я даже посмотрела на задвижки окон………… Разговор был очень интересный. В общем, все это довольно гадко. Он мне совершенно не нравится. Конечно, приятно покорить людей хоть на время, только долго возиться с ними неинтересно. Вчера был страшно хороший день. После обеда мне так весело было играть в теннис с Долиновым. Мы, как дети, играли. А когда стемнело, я сидела с доктором у моря. Он очень интересный. Он, пожалуй, лучше всех. Наши все смеялись над моим поведением. Папа даже назвал меня “Незнакомкой”. (Впрочем, они тогда еще не знали про отдельный кабинет!) Сегодня мама была удивлена и даже огорчена немного и сказала, что теперь она ожидает от меня всего. Это ужасно. Конечно, это было легкомысленно. Но странно: у меня есть какая-то сила отдалять людей, не давать им повода не только к фамильярностям, но даже к намеку о фамильярности. Я верю в эту силу, и мне приятно ее иногда испытывать. Ну будет об этом. Тут, конечно, может быть сплетня, а может и ничего не быть. Во всяком случае я с Гумилевым буду осторожна. Дальше нельзя так продолжать. Вчера он говорил, что я должна ему написать письмо. Я была искренне удивлена и, конечно, не подумала ни писать, ни говорить с ним об этом. У него идет вполне определенная игра и намеренность меня завлечь. Но это ему не удастся. Я вижу его программу. И эти книги….. стихи……..»

Значит, первое «серьезное свидание» Веры Алперс с Гумилевым состоялось как раз 10 июля, днем, в день написания первого письма Ахматовой. «Отдельный кабинет» — скорее всего, просто комната, которую он «снял за рубль» в кофейне «Идеал». После свидания естественно звучит фраза в письме: «Меланхолия моя, кажется, проходит...» После этого свидания Гумилев не покинул Териок. Следующая запись в дневнике только 14 июля, но, судя по всему, встречаются они ежедневно.

14 июля. Понедельник.

«Стыдно, стыдно писать такие вещи. При чем тут программа, при чем тут игра. Этот человек может помочь мне воспитать саму себя. Я столько узнала о себе за последние дни, я точно вступила в другой мир, мне откры-

лась возможность иной, внутренней жизни, внутренней работы. Я знаю: мне этого не хватало. Я знала, что нужно что-то делать с собой. Но я не знала, над чем мне нужно работать. Я не знала части своих недостатков. И потом я не знала, действительно ли это недостатки. Я думала, что это, может быть, свойства натуры, может быть, достоинства. Вчера он дал отдохнуть мне немного. Он почти не говорил обо мне. Мы очень просто и мирно беседовали. Зато накануне он прямо замучил меня. Мне трудно было справиться со всем тем, что он говорил мне, несмотря на то, что я его очень хорошо понимаю. Он уверял меня, что это мне не ново, что я все это уже думала и что если б я и не встретила его теперь, то и сама через год пришла бы к тому же. Надо работать над собой, чтобы достигнуть чудес. Быть сильной духом. Вот для чего это надо! Он говорил, что у меня сила в любви к миру. Что у меня большая любовная сила. Какая-то дрожь……… Он уступил мне первенство. Не случайно, а сказал мне это. И это так…… Это сказочно. Такие прогулки, такое время могут быть только с поэтом. Я думаю как хочу, не по капризу, конечно, а так, как необходимо, он не настаивает. Он говорит, что он сам не может от меня уйти и потому просит меня распоряжаться временем. О! Я, конечно, не могу равнодушно этого слушать! А между тем я, кажется, и это приняла как должное».

По-моему, это чрезвычайно редкая и яркая зарисовка облика Гумилева. Ведь это не написанные задним числом воспоминания, а живой, сиюминутный портрет, мгновенная фотография! Такое свидетельство дорогого стоит. Следующая запись в дневнике сделана тогда, когда Гумилев уже покинул Териоки. Оставалась только одна ночь мирной жизни…

18 июля. Пятница.

«Как много я пережила за эти две недели. Они ни с чем не сравняются. Вчерашний день мог бы кончиться прямо ужасно. Я иногда не понимаю себя. Чего мне нужно? Так нельзя испытывать судьбу. Вчера Гумилев признался, т.е. объяснился мне в любви. Все это ничего, очень приятно, но это было у него, он просил меня дать ему что-нибудь, я была совершенно в его власти .... Что меня спасло? Я позволила ему целовать себя. Это гадко. Он думал, что он возьмет меня этим. Что он привяжет меня к себе, что мне это понравится. Он ошибается во мне. Как ошибся тогда с письмом. Вот я за то сразу его поняла. Поняла, что у него программа, поняла, что это гадко. Только почему я отказалась потом от этих предположений. Положим, это понятно. Ведь приятно слушать, когда тебя воспевают, когда говорят о духовной красоте. Поняла и то, что он в меня влюбился. Ему нужно мое тело. (Нет! Я понимала свое положение, что не дала ему пощечины!) Это оскорбительно, но это было бы еще более оскорбительно, если бы я стала говорить с ним на эту тему. Я никому не отдам моего тела. Потому что оно принадлежит одному человеку, который даже нежности не просит. А он любил меня. У него была страсть ко мне. Я не сумела ее принять. Я только наслаждалась ею в душе, сама с собой. Я не делилась с ним этим счастьем, я, как скупой рыцарь, уходила в подвал любоваться переливами драгоценных камней. Где же любовь, где любовная сила моя!..........»

17 июля была их последняя встреча. Не будем судить поэта слишком строго, да и судить-то не за что. Были ли у него какие-либо «программы» — нам это неведомо. Но совершенно точно известно, из датированного этим же днем письма Ахматовой, что Гумилев успел вернуться в Петербург и погрузиться в совсем другую жизнь: «Время я провел очень хорошо, музицировал с Мандельштамом, манифестировал с Городецким, а один написал рассказ и теперь продаю его…»

Гумилев остается верным себе — не уточняя деталей, пишет Ахматовой то, что есть на самом деле. От — «Меланхолия моя, кажется, проходит…», до — «Время я провел очень хорошо…». И это — правда. Последнюю мирную неделю он провел действительно хорошо.

Все это не имело ни малейшего отношения к их личным отношениям с Ахматовой, к несуществовавшему «драматическому разрыву» и «семейному скандалу», а уж тем более — к «обращению к другу за помощью» и «примирительной роли» Лозинского. Ничего этого не было и в помине, поэтому возвращаться к этому больше не буду.

Все происходило на реальном «историческом фоне», который вскоре до неузнаваемости изменился, но никак не повлиял на то, что связывало и что разделяло Гумилева и Ахматову. На исходе этих перевернувших мир событий, спустя четыре года, в 1918 году, формально они расстались, что мало отразилось на их отношениях. Это могло случиться как раньше, так и позже, могло и не случиться, в любом случае — это ничего не меняет. Свидетельство тому — время. (Благо один из них прожил долгую и непростую жизнь, подтверждающую сказанное, — чтобы понять это, достаточно внимательно почитать стихи, записные книжки…) Но сейчас речь не об этом, мой дальнейший рассказ о том, что было в реальности с другим участником событий, жить которому оставалось — всего **семь лет**, из которых **четыре года пришлись на войну**, с непридуманными опасностями для жизни, а оставшиеся **три «мирных» года завершились расстрелом**...

В июле 1914 года узловыми днями, определившими дальнейшее развитие событий в мире (случайным образом совпавшими с описанными фактами биографии поэта), оказались — три дня.

15 июля — Австро-Венгрия объявила войну Сербии, и на следующий день Белград был подвергнут бомбардировке, а в России началась частичная мобилизация.

17 июля — Николай II в 6 часов вечера объявил о начале всеобщей мобилизации, а Германия на следующий день предъявила России ультиматум о ее прекращении в течение 12 часов; ответа не последовало.

19 июля — принятый вечером министром иностранных дел России С. Сазоновым немецкий посол заявил об объявлении Германией войны России. Ровно через месяц был подписан царский указ о переименовании Петербурга в Петроград, но в действующую армию вольноопределяющийся Гумилев отправился еще из Петербурга.

Последующие несколько дней втянули в войну Францию, Бельгию, Англию — Первая мировая война, или, как ее тогда называли, Великая война, началась. Но рассказ пойдет не о глобальных событиях, а о частной жизни всего одного человека, втянутого в эти события и участвовавшего в них с первого до последнего дня. Как это ни покажется странным, такой подход дает возможность понять глобальные события лучше, чем по учебникам. По крайней мере, так было с автором. Когда я начинал заниматься военной биографией Гумилева (было это в 1980-е годы), честно скажу, Первая мировая война была для меня (уверен, и для большинства) — **terra incognita**. Думаю, и сейчас она остается «белым пятном» отечественной, да и не только отечественной, истории. В истинности этого я убедился, когда начал работать в Военно-историческом архиве (РГВИА). Тогда я занимался частной задачей, комментированием «Записок кавалериста» для первого

отечественного трехтомника Гумилева, вышедшего в 1991 году (точнее, чудом успевшего выйти, задержись мы хоть на месяц, и все бы рухнуло, фактически это было последнее, «предсмертное» издание одного из лучших советских издательств — «Художественная литература»; трехтомник был подписан в печать в августе 1991 года, ровно за неделю до «путча»). Погрузившись в «архивную пыль», я не ограничился «Записками кавалериста», а решил «пройтись» по всей военной биографии поэта. Путешествие это (в том числе — и реальное, по местам событий) оказалось увлекательным и многое дало не только для того, чтобы открыть для себя новое в биографии и творчестве поэта, но и для того, чтобы лучше разобраться в «глобальных» событиях. Стало понятным и то, почему весь этот период остается «белым пятном» отечественной истории, — 99% запрашиваемых дел я открывал первым с того момента, как они попали в соответствующие архивные описи, — карточки выдачи были девственно чисты. А какое написание подлинной истории войны может быть осуществлено без работы в архивах…

Однако вернемся от глобальных вопросов — к частному, к письму Гумилева Ахматовой от 17 июля. Фраза «время я провел очень хорошо…» в дальнейших комментариях не нуждается. Про «манифестировал с Городецким…» тоже все ясно — с 15 июля, с момента объявление войны Сербии, по всей России, более всего — в Петербурге, начались стихийные манифестации, вначале у австрийского посольства, затем по всему городу, завершившиеся разгромом немецкого посольства 23 июля; по свидетельству Лукницкого[203], Гумилев присутствовал при разгроме посольства. Ни у кого не вызывала вопросов фраза — «а один написал рассказ и теперь продаю его…». С тем, что подразумевается рассказ с автобиографической основой и реальными прототипами «Путешествие в страну эфира», я согласен. В рассказе, безусловно, отражена поездка в Либаву, встреча с Татьяной Адамович и «эфирный опыт»[204]. Об «эфирном опыте» написано много, и задерживаться на этом факте биографии поэта я не буду. Но на два, ранее никем не отмеченных момента хочется обратить внимание. Говорилось, что Гумилев в своей автобиографической прозе (сохранилось которой, увы, немного — «Записки кавалериста», «Африканский дневник», рассказ «Африканская охота» и этот рассказ) всегда бывал предельно точен в частностях и деталях. Зачем надо что-либо придумывать, переиначивать? Так, про героиню Инну сказано — «фамилия ее была нерусская» (это отмечено не мною). Я хочу обратить внимание на указанную в рассказе **дату** «опыта» и как описано расставание героев. Опыт с «путешествием» состоялся в субботу, а на следующий день героиня уехала. Рассказ писался «по горячим следам», в Куоккале и Териоках, как знак этого расставания. Мы знаем, что Гумилев появился в Куоккале 6 июля. Это было воскресенье. Следовательно, «путешествие» вполне могло состояться в субботу, 5 июля. После чего Гумилев сразу же сбежал (по рассказу — сбежала героиня) в Петербург: туда добираться всего одну ночь. И хочется обратить внимание на последнюю фразу написанного в одиночестве рассказа, который он «теперь продает»: «Я пожал плечами и понял, что самая капризная, самая красивая девушка навсегда вышла из моей жизни…»[205]. Очевидный знак расхождения с Т. Адамович и косвенное подтверждение концовки приведенного выше рассказа Ахматовой о «разводе».

Теперь о последнем фрагменте письма — «музицировал с Мандельштамом…». До сих пор эта фраза всех озадачивала. В 1920-е годы Ахматова пыталась выяснить это у самого Мандельштама: «…Помните открытку — "Манифестировал с Городецким, музицировал с Мандельштамом"? Я спрашивала Мандельштама, что это значит, он не знает и пугается! Таинственная фраза!..»[206]. Попытаюсь развеять эту тайну. У меня есть версия, и опять здесь пригодится дневник Веры Алперс. Не случайно я в «Приложении» к первой публикации дал его в более полном виде, включая не относящиеся к Гумилеву фрагменты. Оказывается, с августа 1914 года Мандельштам был частым гостем дома Алперсов, и как раз по «музыкальной части», ведь сама Вера Алперс была музыкантом, очень хорошо играла на фортепьяно. Вот несколько связанных с этим фрагментов ее дневника: «**14.08.14.** Только что разошлась компания, были: все Бонди, Долинов, Мандельштам. **17.10.14.** ‹…› У нас был Долинов и Мандельштам. Наши были на "Китеже". Я хозяйничала. Занималась музыкой. Я играла сегодня Баха — скверно. ‹…› Мандельштам говорил, что лучше сыграть невозможно. **30.11.15.** ‹…› Все это устраивает Мандельштам. Ему, конечно, очень хочется опять попасть к нам, слушать музыку, читать свои стихи...» **14 августа 1914 года** — первое упоминание Мандельштама в дневнике, уже после отъезда Гумилева в армию. Вполне вероятно, что Гумилев и познакомил их в Териоках. Про любовь к музыке Мандельштама (как и про отсутствие музыкальности у Гумилева) — хорошо известно. Поэтому фраза Гумилева «музицировал с Мандельштамом…» вполне может носить иронический характер, подразумевающий совместный визит к Вере Алперс со слушанием музыки, по желанию Мандельштама. В приведенных выше фрагментах дневника его имя не упоминается, все записи посвящены Гумилеву, но видно, что их общение не ограничивалось «интимными свиданиями», были прогулки, встречи с разными людьми... (Это, конечно, только версия, но вполне вероятная, учитывая плотность времени и места — с 10 по 17 июля, Териоки, и постоянное общение в эти же дни с автором дневника). Мандельштам этого вполне мог и не запомнить, а пугался, потому что хорошо знал о «любви» Гумилева к музыке (не с Гумилевым же он «музицировал»!). Понятно и то, что сам Гумилев прямо (с подробностями) рассказать об этом Ахматовой не счел нужным…

* * *

Прежде чем покинуть вместе с Гумилевым Териоки и рассказать о его последних мирных днях, я приведу все касающиеся Гумилева выдержки из дневника Веры Алперс. Мне кажется это важным для того, чтобы дать его «психологический портрет» — как бы со стороны. Записи охватывают все сохранившиеся тетрадки, до конца 1915 года. За все это время встретились они лишь однажды, да и то — случайно…

«**20 июля. Воскресенье. 1914 г.**

Война, война. События надвигались серьезные. Бежать, пожалуй, придется. В Петербурге плач и стон. Всех забирают. Запасных, ратников, вся гвардия идет. Война какая-то слепая. Мне она напоминает 1812 год. Все это так близко. Самое скверное это то, что папа из Кисловодска еще не приехал.

Мы не знаем, что делать. Ехать ли в ПБ или оставаться здесь. А я странная. Днем — война, говорю о ней, даже думаю иногда. А зато к ночи и утром просыпаясь, вся отдаюсь мечтам. Думаю о Прокофьеве. Гумилев дал мне намек на чувства и отношения, о которых я только могла подозревать. И потом благодаря ему я как-то больше поняла Прокофьева. Ведь он никогда ничего не говорил мне о своих чувствах, откуда же я могла знать. И я,

я тоже самое, откуда же он мог знать! А теперь я прямо брежу им. А его еще на войну возьмут. Да, наверное, наверное. Неужели не пришлет мне ни строчки, если уйдет куда-нибудь... Неужели ни одного слова не найдется для меня у любимого, но не милого! Боже мой! Это мучительно. Чувствовать человека и не иметь его, ведь даже вспомнить нечего. Нельзя ни одним моментом упиться, переживая. Все время не хватало, не хватало чего-то. — А ведь Гумилев, пожалуй, прав, что я первую неделю "сразбега", буду молиться, чтоб его убили, а потом даже не захочу этого. То есть потом я наверно забуду об нем. Он пугал меня, что будет преследовать меня зимой, что будет требовать, чтоб мы видались, и что сильное желание победит все. Я не разубедила его, я только говорила, что требовать любви нельзя. Я все-таки не верю ему. Он мне говорил, что он меня любит, что он меня чувствует. Холодный он человек все-таки. Хотя я чувствовала его страсть, только она скоро пройдет у него. *(В этом фрагменте важны не личные переживания девушки, а свидетельство о том, что **еще до отъезда из Териок, 17 июля,** Гумилев сообщил ей о своем желании идти на фронт. Это — **самое первое документальное подтверждение его намерений**! Заметим, что официального объявления войны еще не было, и Ахматовой в тот же день, уже после расставания с Верой Алперс, он ничего об этом не написал. — Е.С.)*

Сколько счастья мог бы дать мне Прокофьев. А он разве не был бы счастлив, лаская меня! Ведь он бы чувствовал, как я отдаюсь его ласкам, с каким наслаждением!

26 июля. Суббота. 1914 г.

Страшно быстро пролетела эта неделя.

Неужели доктор ко мне неравнодушен? Вчера он с нежностью иногда смотрел на меня, и потом он ловит мои движения. Это очень приятное чувство. Как будто ни одно движение не пропадает, а находит себе определенный смысл. В таких случаях я становлюсь очень скупой на движения. Это хорошо. Гумилев меня избаловал. Мне как-то все разговоры кажутся неинтересными. Вчера я говорила с Долиновым, мы сидели в общественном парке. (На что Вяч. Пав. была, кажется, в большой претензии и даже зла на меня.) Мы говорили о поэзии, о поэтах. Наверно, ему было скучно. Долинов мне нравится. Только я отношусь к нему как к младшему, в душе, конечно. Мне нужно с ним играть немножко, кокетничать насколько я могу, не нужно просто хорошо относиться. Для него это скучно. А я хочу ему нравиться. Вот странно. Я его тоже боюсь немножко. Я готова при первом случае, намеке спрятаться в свою раковину. Почему к Гумилеву у меня этого нет. Я его не боюсь, я ему верю. Или он действительно хороший человек, или же он хитрый и сумел заставить меня верить ему. Конечно, последнее вернее. Для меня это скверно.

28 июля. Понедельник. 1914 г.

Я влюблена. Так я еще не была влюблена. Долинов раздражает меня, дразнит. Когда я сидела вчера рядом с ним, мне стоило некоторых усилий, чтобы остаться сидеть на расстоянии, чтобы не прижаться к нему. Вчера я чувствовала, что у меня загораются глаза. Я старалась не смотреть на него. Хотя это, конечно, смешно. Почему стараться не смотреть, почему не сесть ближе в лунную ночь, на берегу моря! Только мне хочется, чтобы и ему этого захотелось. А он, по-видимому, очень спокоен. Ему приятно быть со мной, только у него нет никакого волнения. Впрочем, он человек бывалый и опытный, не будет волноваться понапрасну! И мне нужно начать обороняться и потом перейти в наступление, а то может быть плохо. Может быть, он отлично чувствует мое отношение, замечает, как у меня иногда понижается голос — и нарочно дразнит меня, не подходит. Я сегодня вспомнила слова Гумилева. "Как иногда бывает хорошо и странно жить!" Это признак.

9 августа 1914 г. Суббота.

Я на ночь полюбила читать Блока. Читать, плакать над ним, томиться... Днем он мне кажется другим. Мне нравится совсем уже другое. Он скорее ночной. Да, он ведь и говорит, что посвящает свою книгу... ох, ведь она и называется «Снежная Ночь». А я ночь люблю. Ночью люди другими бывают.

Я вспомнила слова Гумилева на днях, что нужно самому творить жизнь и что тогда она станет чудесной. Я это знаю, у меня иногда бывают такие моменты, я носила в своей душе какой-то мир, и вместе с тем я жила внешним миром, но я его как-то перетворяла. Это не чушь, это чудесно. Но только для этого надо жить. Я ошибалась, когда думала, что если я делаюсь равнодушной и вялой к окружающей жизни, то я живу внутренно. Это не верно. Это просто я застывала.

24 августа 1914 г. Воскресенье.

Я так устала сегодня. Мне даже кажется, что я больна. Сегодня мы в Павловске были. Насколько там хорош парк, настолько отвратительна тамошняя публика. Что-то пыльное, городское, изломанное...

Ну Бог с ней. — Я весь день занята Гумилевым. Почему-то сегодня пришлось много говорить о нем. Соловьем рассказывала о нем, потом по дороге в Павловск встретила Бушен с братом[207]. Опять его вспоминали[208]...

27 августа 1914 г. Среда.

Вчера была у Бонди. Видела Мейерхольда. Он очень мил со мной и как-то серьезен. Говорил, что соскучился обо мне. Вот кто может вскружить голову. Я еще не в безопасности. Но зато я и сама теперь могу играть. Гумилев много мне дал и многому научил меня. У меня теперь другое отношение к мужчинам. Мне кажется, что Мейерхольд заметил это, хотя он ничего не сказал мне, но он так наблюдал за мной, тихонько и не только из кокетства.

18 октября 1914 г. Суббота.

Вот отчего меня так тянуло на Невский сегодня. Прокофьев там был. Мама встретила его. А я опоздала. Боже мой, как я хочу его видеть. Гумилев говорил, что если девушка и вспоминает Бога, когда думает о своей любви, если и молится ему — то ошибается. А, по-моему, он не прав. Любовь ведь это радость. О радости разве нельзя молиться? Ведь я страдаю вот теперь. Как же мне не молиться? И это страдание не только тоска.

4 декабря 1914 г. Четверг.

Ах это ужасно! Это так томительно. Я чувствую, что я вяну, сохну не физически, а нравственно. Гумилев спрашивал меня, чего мне не хватает. Я никак не могла понять, что мне ответить. Я сама не могла понять, чего мне не хватает, мне казалось наоборот, что у меня есть что-то лишнее, с чем мне нужно расстаться (это конечно Прокофьев). Теперь я знаю, что мне действительно не хватает чего-то. Не хватает солнца, света, тепла. Я в тени, ни один луч еще не упал на меня, не проник ко мне. Что мне делать со своим сердцем? Взять и разбить его, как пустую, ненужную вещь? Я ходила сейчас гулять по Каменному острову. Я так завидовала этим парочкам, исчезавшим на острове... ‹...›

11 октября 1915 г. Воскресенье. (*Скорее всего, первая встреча с Гумилевым после июля* 1914 *г. — Е.С.*)

‹...› А у меня мысли роем кружатся в голове, и радость иногда охватывает меня. Сегодня мне приятно было; мне кланялся Гумилев. Хотя это даже неприятно может быть, как-то уж очень значительно, поклон — как будто краткое одобрение мне и привет. Фокусник. Но мне было приятно.

Я иногда бываю ужасно недовольна своим дневником. Очень уж редки в нем мысли, все чувства. А между тем я иногда высказываю недурные мысли в разговорах... ‹...›

10 ноября 1915 г. Вторник.

Я в себе чувствую какие-то силы дремлющие, какая-то атмосфера насыщенности меня охватывает. И это не моментами, а целыми днями. Но я сижу, думаю, дремлю, отвлекаюсь, но привыкла сдерживать себя. Да и что же я сделать могу? Сегодня утром я думала о Бушен и о себе. У меня есть какая-то вера. Самая простая и наивная вера в Бога, которому я могу обо всем молиться. Я раньше скрывала это, я думала, что это скучно, потом я не знала, что и о любви я могу молиться Ему же... Во всем этом меня как-то поддержал Гумилев. Он сам или любит Бога, или привык Его любить, но он как-то часто и легко упоминал о Нем. Да, что ж мне остается делать? Молиться, любить и надеяться? Это не безумие, не сомнамбулизм, мне хочется любви, счастья. Настоящего счастья...

30 ноября 1915 г. Воскресенье.

Сегодня какой-то особенный день, все меня волнует. Борис (*брат Веры Алперс. — Е.С.*) сегодня уехал в Царское к Гумилеву, образуется какое-то новое общество поэтов. Только он успел уехать, как звонит Чеботаревская, говорит, что ей Борис нужен сегодня по делу, непременно сегодня. Я за Бориса ужасно рада. То, что его Гумилев пригласил, — очень хорошо. Пускай даже тут будут какие-нибудь убыли, не все ли равно. Все это устраивает Мандельштам. Ему, конечно, очень хочется опять попасть к нам, слушать музыку, читать свои стихи. И не нужно отнимать у него эту надежду, если он может быть полезен. Я так рада теперь за Бориса. Он отошел от студии, появились свои интересы. А в студии он был ничьим, сам не актер, а так, поклонник талантов. Пускай сначала все это туго дается, все эти общества ему еще чужды, но они, эти общества, его искусства, а не чужого. А нужно завоевать себе положение».

Больше имя Гумилева в дневнике Веры Алперс не упоминается.

ЧАСТЬ 2

ВОКРУГ «ЗАПИСОК КАВАЛЕРИСТА»: АВГУСТ 1914—ДЕКАБРЬ 1915

Элементарный вопрос

Дав выписки из дневника, мы забежали несколько вперед. Вернемся в тот день, когда Гумилев и Вера Алперс виделись в последний раз — 17 июля. Этот день оказался богат на сохранившиеся письменные свидетельства: два письма Ахматовой, письмо Гумилева и записи Веры Алперс. Гумилев тогда вернулся в Петербург и успел поучаствовать с Городецким в манифестациях, поддерживающих сербов. Как свидетельствует Лукницкий в «Трудах и днях», остановился он у В.К. Шилейко на Васильевском острове, 5-я линия, д.10. Этот адрес значится под именем Гумилева Н.С., советника ОРХС, в справочнике «Весь Петербург» на 1915 год. Любопытный исторический факт: на этом доме в советское время, на майские праздники 1984 года, была установлена небольшая мраморная «неофициальная» мемориальная доска, посвященная Н.С. Гумилеву[209].

Как следует из записи в дневнике от 20 июля, уже 17 июля, еще за два дня до официального объявления Германией войны России, Гумилев сообщил Вере Алперс о своем намерении идти воевать. Прежде чем непосредственно перейти к документальному рассказу о боевых буднях поэта, на фоне «Записок кавалериста», постараемся ответить на один «элементарный вопрос». С чего вдруг Николай Гумилев решил пойти на войну? Предпринимались многочисленные попытки объяснить это, но, как правило, все ответы сводились к крайностям. Первые безапелляционные ответы прозвучали еще в конце 1920-х годов, когда на упоминание имени расстрелянного поэта еще не был наложен запрет, предпринимались попытки «объективного» анализа его творчества, но уже навешивались специфические ярлыки. Так, критик В.В. Ермилов в 1927 году писал:

«У нас мало говорят и пишут об одном из интересных поэтов первой четверти двадцатого столетия — Гумилеве. Зачинатель одной из школ русского литературного декаданса, так наз. акмеизма, мастер строгой и изысканной формы, Гумилев еще долго будет объектом внимательного изучения. Но не только поэты, критики, исследователи литературы могут найти полезный материал, изучая творчество “конквистадора”, как называл Гумилева Брюсов. Поучительнейшие выводы из этого изучения может сделать социолог, публицист, любой вдумчивый читатель, интересующийся процессом роста и консолидации **идеологии фашизма** (*выделено С.Е.*) ‹...› И в самом деле, как подлинному конквистадору, ему было безразлично, под каким знаменем бороться. Его увлекал самый процесс борьбы, романтика войны, — больше того: романтика проливающейся крови влекла

к себе Гумилева. ‹…› Война для войны, кровь для крови — вот что осталось “конквистадору” наших дней, не понимающему расстановки борющихся сил в период капитализма, перешедшего в последнюю — империалистическую — стадию. ‹…› Война радовала Гумилева просто потому, что это война. ‹…› Конечно, в творчестве Гумилева нельзя найти законченной идеологии фашизма последнего образца. Мы только отмечаем тенденции этого поэта, не понявшего главного в эпохе — революции и поэтому ставшего ее врагом. Но у врагов можно многому учиться»[210].

Анализировать аргументацию автора бессмысленно — она говорит сама за себя. Красноречивы сами названия публикаций и книг, выходивших в 1930-е годы: «Поэзия русского империализма», «Война и ее барды», «Акмеизм и империалистическая война»:

«… Агрессивно-империалистическая сущность буржуазной идеологии этих лет нашла яркое выражение в творчестве Н. Гумилева. Вряд ли можно найти другого русского поэта, который так вызывающе, с откровенным цинизмом отразил бы идеи империалистической экспансии накануне и в эпоху Первой мировой войны. ‹…› Но не только в творчестве Гумилева, наиболее откровенного выразителя империалистических идей, сказалась классовая сущность акмеизма. И другие поэты-акмеисты в годы войны вышли из узкого домашнего мирка и воспели империалистическую бойню. До войны их диапазон ограничивался “легкими”, преимущественно бытовыми и историческими темами. Легкое искусство, “веселое, не думающее о цели ремесло” (Кузмин), так же отвечало идейным запросам паразитических классов, как и агрессивная поэзия…»[211].

«…Если у Мандельштама звучат мотивы брюсовского “героического” фатализма, то у Гумилева ярче выступает христианская религиозность как организующая, мобилизующая сила, ведущая в бой новых крестоносцев. Акмеизм укрепляется на почве волюнтаризма, воинствующего ницшеанского индивидуализма, возобновляет культ мужественной силы. В поэзии Гумилева акмеизм открыто обнаруживает себя как искусство русского военно-феодального империализма. Феодальная романтика, идеализация стародворянского мира сочетаются у него с проповедью расовых идей, ожесточенной империалистической экспансии, апологией войны. ‹…› Естественно, что руководящую роль в военной литературе играли писатели акмеистического направления, поскольку акмеизм наиболее четко отражал империалистическую идеологию и вел идейную подготовку к войне. Задачи, выдвинутые войной, — мобилизация под лозунгами русского империализма, милитаристическая активизация, с одной стороны, и изукрашивание империалистической бойни, с другой стороны, как нельзя более отвечали установкам акмеизма. Особенно уместной становилась проповедь адамизма, звериности, жестокости, призывы к первичным инстинктам, восхваления бездумной удали, действования, не парализуемого рефлексией. Естественно, что Гумилев избрал себе роль певца «прекраснейшей войны», русского воинства, осеняемого в битвах крылами ангелов-валькирий; крылья победоносных “екатерининских орлов” реют над царской армией в военной поэзии Ахматовой, посвященной гл. обр. молитвам о победе, благословениям на “святое дело”, оплакиванию погибших…»[212].

В оправдание авторов следует заметить, что в их книгах еще цитировались отдельные строки поэта — «учились у врага». В 1933 году была даже предпринята попытка опубликовать «Записки кавалериста» в журнале

«Залп», как сказано на задней странице обложки журнала, №1 за 1933 год: «в новом отделе “Литературный архив” впервые публикуются большие серии документов, писем, дневников и пр. историко-литературного и военно-политического материала: Маяковского, Брюсова, Куприна, Андреева, Гумилева, З. Гиппиус и многих других с комментариями работников ИРЛИ АН СССР». Об этом даже появилась заметка в парижской газете[213], но после публикации в № 1 писем Леонида Андреева к брату отдел этот прикрыли, и более редакция журнала о своих планах печати крамольных литераторов читателя не извещала. Естественно, до публикации материалов Гумилева дело не дошло. Позже его имя было практически изъято почти из всех курсов по истории русской литературы. Если согласиться с «концепциями» авторов, можно подумать, что акмеисты наводнили русскую поэзию «гимнами войне». Разумеется, и их вождь, Николай Гумилев, ради этого ушедший на фронт. Поэтому имеет смысл привести здесь краткую «статистическую» сводку, касающуюся количества военных стихов у акмеистов, в частности у Гумилева. Заметим, тогдашняя «агитка» действует до сих пор, и даже искренние почитатели поэта полагают, что войне в своих стихах он уделил огромное внимание — ведь провел он там почти 4 года! Сразу всплывает в памяти вышедший во время войны сборник стихов с «воинственным» названием «Колчан»… Так вот, могу заверить читателя, что во всем корпусе военных стихотворений Гумилева непосредственно теме войны посвящены… 4 (четыре!) стихотворения, к которым с большой натяжкой можно добавить еще несколько стихотворений «лирико-философского» звучания[214]. Да и подавляющее большинство их было написано в самые первые месяцы, в 1914 году, кроме одного, появившегося спустя два года и как бы подводящего итоги его собственного отношения к войне, которое сложилось уже к началу 1915 года. Об этом было сказано в выше приведенном отрывке из письма М. Лозинскому[215].

Но вернемся к поставленному вначале «элементарному вопросу»: почему именно Николай Гумилев оказался чуть ли не единственным из своей «среды», кто прошел всю войну, в конце ее демобилизовался не по своей воле, за все время военной службы ни разу не попытался уклониться от дальнейшего ее прохождения, хотя возможностей (и даже причин!) для этого было множество. Пройдя всю войну и став настоящим русским офицером, он остался — поэтом. Поэтом, который, несмотря на свой боевой опыт (без кавычек!), сильно поотстал от своих «собратьев по перу» по количеству «военно-патриотических» стихов. Безусловно, война не слишком его вдохновляла. Это была просто тяжелая работа, которую он честно, как мог, выполнял.

Так зачем Гумилев «сломя голову» сразу же после объявления войны ринулся на фронт? У меня сложилась собственная версия, почему он сразу же записался добровольцем в действующую армию. Вспомним — к 1914 году за его спиной уже были африканские странствия; думаю, в то время вряд ли менее рискованные и опасные для жизни, чем участие в боевых операциях. Короче говоря, еще раз можно было не испытывать себя на «прочность». К тому же, в середине 1914 года, как было показано, весьма успешно продвигалось его собственное «вхождение в литературу» — журнал «Аполлон», акмеизм, Цех поэтов, переводы, учеба в университете — еще один повод для «отсрочки», чем воспользовались многие его друзья, например О. Мандельштам[216]. Зачем было нужно все это бросать? Мне кажется, что не последнюю роль здесь сыграла упоминавшаяся уже

«бумажка», полученная Гумилевым еще в октябре 1907 года, когда он, вслед за своим братом, должен был по возрасту отправиться на службу в армию, вытянув свой «жеребий». В этом документе, скрепленном гербовой печатью, было однозначно сказано:

«Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности (**Бессрочное**).

Сын Статского Советника Николай Степанович Гумилев явился к исполнению воинской повинности при призыве 1907 года и, по вынутому им № 65 жеребья, подлежал поступлению на службу в войска; но, по освидетельствованию, признан совершенно неспособным к военной службе, а потому **освобожден навсегда от службы**. Выдано Царскосельским уездным по воинской повинности Присутствием 30 октября 1907 года за № 34-м»[217]. Далее — подписи и печати.

Итак, Гумилев в 1907 году был **признан совершенно неспособным к военной службе**. В то время его старший брат Дмитрий, также вытянувший «жеребий», уже два года служил в армии. Уместно вспомнить и место рождения поэта, его происхождение — Кронштадт, из семьи военного врача (его дворянское происхождение — по линии матери, урожденной Львовой, из потомственных дворян Тверской губернии). Если попытаться вникнуть в «психологический портрет» поэта, можно предположить, что с такой «справкой» он не мог не чувствовать некоей собственной «ущербности» и просто смириться с таким заключением. Хотя тогда, в 1907 году, возможно, он был даже рад такому повороту событий, так как жил в это время в Париже, драматично развивался роман с Анной Горенко, будущей женой. Но теперь необходимо было доказать (не кому-то иному, самому себе!) — он не может быть «неспособным к военной службе».

Нелепо делать из Гумилева как идеолога «империалистической экспансии» и певца «воинствующего ницшеанского индивидуализма», о чем писали в 30-е годы, так и пламенного патриота и «поэта православия»[218], о чем любят писать некоторые современные исследователи. Был он, с моей точки зрения, совершенно нормальным человеком, никак не подходящим для того, чтобы его имя стало лозунгом или знаменем для кого бы то ни было. Всю свою короткую жизнь он оставался поэтом, офицером и просто честным человеком. Важным свидетельством этого являются его «Записки кавалериста», письма близким, немногочисленные военные стихи — ко всему этому я намерен обратиться, «перечитать», документально, на основе архивных документов, проследить все военные годы его жизни. Надеюсь, после этого вряд ли у кого возникнут сомнения в вышесказанном. Сопоставление подлинной жизни Николая Гумилева и ее «самовыражения» поможет лучше понять как своеобразие этой непростой личности, так и творчество поэта. Справка-освобождение 1907 года была «бита» 30 июля 1914 года другим документом, составленным другой медицинской комиссией, но об это чуть позже.

Гвардейский запасной кавалерийский полк: август — сентябрь 1914 года

Как было сказано, «военные акции» Гумилева начались с того, что он вместе с Городецким и Шилейко участвовал в манифестациях в поддержку сербов. Еще 17 июля он написал Ахматовой в Слепнево, что выезжает к ней. Но, видимо, неопределенность собственного положения, с одной стороны, и бурное развитие событий, с другой стороны, задержали Гумилева в городе, и выехал он в Слепнево только спустя несколько дней, уже после начала войны, приняв твердое решение — идти на фронт, а перед этим забрать всю семью домой. Ахматова получила письмо 19 июля. 20 июля был опубликован «Высочайший манифест». В июльском номере «Русской мысли» были опубликованы последние «мирные» стихи поэта, а 20 июля Гумилев написал свое первое «военное» стихотворение, «Новорожденному», посвященное родившемуся 19 июля сыну М. Лозинского Сереже:

Вот голос, томительно звонок —
Зовет меня голос войны, —
Но я рад, что еще ребенок
Глотнул воздушной волны.

Он будет ходить по дорогам
И будет читать стихи,
И он искупит пред Богом
Многие наши грехи.

Когда от народов — титанов,
Сразившихся, — дрогнула твердь,
И в грохоте барабанов,
И в трубном рычании — смерть, —

Лишь он сохраняет семя
Грядущей мирной весны,
Ему обещает время
Осуществленные сны.

Он будет любимец Бога,
Он поймет свое торжество,
Он должен! Мы бились много
И страдали мы за него[219].

Вот как отражены последние дни пребывания Гумилева в Петербурге в «Трудах и днях» Лукницкого: «С середины до 23 июля. Живет в Петербурге у В.К. Шилейко (Васильевский Остров, 5-я линия, д. 10) в отдельной комнате. Днем обычно уходит, а вечерами вместе с В.К. Шилейко, а иногда с М.Л. Лозинским бывает в ресторане Бернара (на углу 8-й линии и набережной). Встречи с М.К. Грюнвальд[220]. Вместе с С.М. Городецким участвует в манифестациях, приветствующих сербов, с В.К. Шилейко — в манифестациях перед посольствами; присутствовал при разгроме германского посольства. К известию о войне отнесся с большим воодушевлением и сразу же решил принять участие в военных действиях. *Открытка А.А. Ахматовой из Петербурга в Слепнево от* 17.07. *Письма, В.К. Шилейко, М.Л. Лозинский, М.К. Грюнвальд, А.А. Ахматова, Вас.В. Гиппиус, В. А. Пяст и др.*»[221].

По Лукницкому, до Слепнева Гумилев добрался только 23 июля. Всем этим сведениям из «Трудов и дней», как мне кажется, можно доверять. Думаю, что события, наложившиеся на переломную эпоху, Ахматова запомнила точно: «23–25 июля. Приехал в Слепнево (23-го), чтобы проститься с женой и матерью (рассчитывал очень скоро отправиться на фронт). 25 июля вместе с А.А. Ахматовой и А.И. Гумилевой вернулся в Петербург.

Временно остановился у В.К. Шилейко в свободной комнате (первые сутки А.А. Ахматова также жила здесь). *А.А. Ахматова, А.И. Гумилева.* С 25 по 27 июля. Живет у В.К. Шилейко. Все свое время проводит с женой, М.Л. Лозинским, В.К. Шилейко (*на Васильевском острове*). *А.А. Ахматова, М.Л. Лозинский, В.К. Шилейко*. Около 27 июля. Вместе с женой переехал в Царское Село (на Малую ул., д.63). *А.А. Ахматова*. 1-я половина августа. Живет в Царском Селе. Постоянно ездит в Петербург. В Царском Селе хлопочет о принятии на военную службу. Примечание. В 1907 г. Н.Г. был совершенно освобожден от военной службы по причине астигматизма глаз. Теперь же — хлопочет о том, чтобы ему разрешили вступить в действующую армию, невзирая на эту причину. *А.А. Ахматова и др*.» [222].

24 июля газеты опубликовали «Правила о приеме в военное время охотников на службу в сухопутные войска». Вернувшись в Петербург, Гумилев сразу же начал собирать документы, необходимые для поступления на военную службу. Так как у Гумилева было на руках полученное в 1907 году бессрочное освобождение от прохождения воинской службы, ему было непросто вторично пройти медицинскую комиссию. Но все-таки 30 июля он получил необходимый документ (рукописный, скрепленный сургучной печатью):

«Свидетельство № 91. Сим удостоверяю, что сын Статского Советника Николай Степанович Гумилев, 28 л. от роду, по исследованию его здоровья оказался не имеющим физических недостатков, препятствующих ему поступить на действительную военную службу, за исключением близорукости правого глаза и некоторого косоглазия, причем, по словам г. Гумилева, он прекрасный стрелок. Действительный Статский Советник Доктор Медицины Воскресенский. 30 июля 1914 года» [223].

Правила приема охотников требовали получения свидетельства «об отсутствии опорачивающих обстоятельств, указанных в статье 4 сих правил». Такой документ был выдан Гумилеву 31 июля полицией Царского Села (отпечатан на машинке, на бланке: «Министерство Императорского Двора. Полиция города Царское Село. 31 июля 1914 г. № 9604. Г. Царское Село»; скреплено гербовой печатью полиции Царского Села):

«СВИДЕТЕЛЬСТВО. Дано сие Сыну Статского Советника Николаю Степановичу Гумилеву, согласно его прошения, для предоставления в Управление Царскосельского Уездного Воинского Начальника, при поступлении в войска, в том, что он за время проживания в гор. Царском Селе поведения образа жизни и нравственных качеств был хороших, под судом и следствием не состоял и ныне не состоит и ни в чем предосудительном замечен не был. Что полиция и свидетельствует. Подписи — Полицмейстер, Полковник Новиков и Письмоводитель Кудрявцев» [224].

К началу августа все документы были собраны и сданы в воинское присутствие. Из приложенной к «Делу» фотографии видно, что фотографироваться Гумилев не любил — к «воинскому делу» была приложена та же самая фотография, которая сохранилась в университетском деле 1912 года. На обороте запись: «Звание Сына Статского Советника Николая Степановича Гумилева свидетельствую. Далее дата — 2 октября 1912 г., подпись (неразборчиво), печать и № 2362».

5 августа Гумилев был уже в военной форме. В этот день они с Ахматовой встретили на Царскосельском вокзале А. Блока. «…А вот мы втроем (Блок, Гум‹илев› и я) обедаем на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гум‹илев› уже в форме), Блок в это время ходит по женам мобилизованных для оказания помощи. Когда мы остались вдвоем, Коля сказал: "Неужели и его пошлют на фронт. Ведь это то же самое, что жарить соловьев"» [225]. Точную дату удалось установить по «Записным книжкам» Блока: запись от 5 августа 1914 г.: «Встреча на Царскосельском вокзале с Женей, Гумилевым и Ахматовой…» [226] Это последнее датированное событие до отъезда Гумилева в действующую армию.

Видимо, Гумилев сразу же попросился в кавалерию, и его определили в Гвардейский запасной кавалерийский полк, в котором готовили кавалеристов для гвардейских кавалерийских полков, составивших 1-ю и 2-ю гвардейские кавалерийские дивизии. Первый обнаруженный военный документ, в котором встречается имя Гумилева — Приказ № 227 от 14 августа 1914 года по этому полку: [227]

14 августа 1914 года № 227. Приказ по Гвардейскому запасному кавалерийскому полку. Кречевицкие казармы. 23-й день. По Строевой мобилизационной части:
§ 6

Охотников, ниже сего поименованных, назначенных уездными воинскими начальниками и прибывших во вверенный мне полк, зачислить в списки 2-х маршевых эскадронов нижеуказанных запасных эскадронов и на довольствии числить при соответствующих запасных эскадронах, согласно прилагаемого списка (*далее длинный список в виде таблицы*).

№ п/п	Каких запасных эскадронов маршевые эскадроны	Имена и фамилии	С какого числа подлежит зачислению на довольствие
	Из Царского Села:		
5	**6**	**Николай Гумилев**	**С 13 августа**

Гумилев был назначен в 1-й маршевый эскадрон лейб-гвардии Уланского полка, которому предстояло пройти месячную подготовку в Гвардейском запасном кавалерийском полку, располагавшемся в Кречевицких Казармах — небольшом поселке на реке Волхов, ниже Новгорода. До сих пор на том же самом месте размещается военный городок, сохранивший явно дореволюционные казарменные постройки, старинные аллеи, по которым разъезжали кавалеристы. Лукницкий называет местом прохождения обучения деревню Наволоки близ Новгорода. На самом деле Наволоки — это ближайшая железнодорожная станция, от которой идет дорога к поселку Кречевицкие Казармы; станция расположена на пути из Петербурга в Новгород, не доезжая до Новгорода нескольких десятков километров. Замечу, что к сведениям Лукницкого, касающимся прохождения Гумилевым военной службы, следует подходить с осторожностью, так как они грешат множеством вполне объяснимых неточностей: ведь изложены они только на основе рассказов Ахматовой и сохранившихся писем, никакими документами он не располагал. Например, у Лукницкого ошибочно указано, что в кавалерийский полк Гумилев записался со своим племянником, африканским спутником Колей Сверчковым. Возможно, такая попытка была, на что указывает его мать и сестра Гумилева Александра Степановна Сверчкова, но она же и добавляет, что его «по слабости легких оставили в тылу». Позже он все-таки попал на фронт, но рядом с Гумилевым его имя нигде не обнаруживается. Брат Гумилева Дмитрий, как военнообязанный запаса, был призван 21 июля 1914 года, вначале в 146-й пехотный Царицынский полк, а 9 августа 1914 года переведен в 294-й пехотный Березинский полк

и назначен там Полковым Адъютантом[228]. Дмитрий Гумилев, служивший ранее с 1906 по 1910 год, начинал войну в офицерском звании, в отличие от рядового необученного брата.

Из Кречевицких Казарм — первые военные письма домой, жене[229] и матери[230]. Оригинал письма к Ахматовой написан черными чернилами на открытке без рисунка. На лицевой стороне (горизонтально) надпись и адрес: Всемирный почтовый Союз. Россия. Открытое письмо. Текст письма — слева на лицевой стороне и на противоположной стороне (вертикально). В конце письма карандашная (архивная или Ахматовой?) пометка — из Новгорода 1914. Адрес с правой стороны: Царское Село. Малая, 63. А. Ахматовой. В верхнем правом углу штемпель — Для пакетов. Гвардейский Запасной кавалерийский полк (без даты). Над адресом штемпель получателя — Царское Село 6.9.14.

«Дорогая Аничка (прости за кривой почерк, только что работал пикой на коне — это утомительно), поздравляю тебя с победой. Как я могу рассчитать, она имеет громадное значенье, и может быть, мы Новый Год встретим, как прежде, в Собаке. У меня вестовой, очень расторопный, и кажется, удастся закрепить за собой коня, высокого, вороного, зовущегося Чернозем. Мы оба здоровы, но ужасно скучаем. Ученье бывает два раза в день часа по полтора, по два, остальное время совершенно свободно. Но невозможно чем-нибудь заняться, т.е. писать, потому что от гостей (вольноопределяющихся и охотников) нет отбою. Самовар не сходит со стола, наши шахматы заняты двадцать четыре часа в сутки, и хотя люди в большинстве случаев милые, но все же это уныло. Только сегодня мы решили запираться на крючок, не знаю, поможет ли. Впрочем, нашу скуку разделяют все и мечтают о походе как о Царствии Небесном. Я уже чувствую осень и очень хочу писать. Не знаю, смогу ли. Крепко целую тебя, маму, Леву и всех. Твой Коля».

Рассказ Лукницкого о начале воинской службы Гумилева, который приводится в комментариях к этому письму, грешит неточностями, поэтому повторять его не буду. Очевидно, что упомянутых Лукницким двух отлучек из Новгорода в Царское Село не было и не могло быть. Все отлучки четко фиксируются в приказах, они редки, а уж в первый месяц службы — невозможны! И Коли Сверчкова там не было — в комментариях его перепутали… с конем Черноземом. Конь, возможно, был личный, слепневский — в кавалерию, как правило, зачисляли с собственным «транспортным» обеспечением. («Мы оба здоровы, но ужасно скучаем…»). Первые месяцы воинской службы Гумилев воспринимал чрезмерно восторженно, но уже в начале января 1915 года отношение к войне резко изменится. Под упоминаемой в письме победой Гумилев, видимо, подразумевал успехи на Юго-Западном фронте, в Галиции, взятие в конце августа Львова и Галича армией А. Брусилова. И одновременные успехи англо-французских армий на Марне, разбивших немцев под Парижем. В тот момент действительно считалось, что взятие Берлина — не за горами…В «Бродячую собаку» Гумилев попадет, но не на Новый год, а в конце декабря 1914 года, уже поняв, что война затянется надолго, после многочисленных боев, за один из которых ему вскоре вручат первый Георгиевский крест.

Но пока лично Гумилева все эти победы и поражения не касались, учения продолжались почти до конца сентября, более месяца. Вскоре после отправки письма его там навестила Ахматова.

Пустых небес прозрачное стекло,
Большой тюрьмы белесое строенье
И хода крестного торжественное пенье
Над Волховом, синеющим светло.

Сентябрьский вихрь, листы с березы свеяв,
Кричит и мечется среди ветвей,
А город помнит о судьбе своей:
Здесь Марфа правила и правил Аракчеев.

Сентябрь 1914. Новгород[231]

О пребывании в Запасном полку сохранились воспоминания Ю.В. Янишевского[232]. Написанные спустя 40 лет, не во всем точные («стеклянного глаза» у Гумилева никогда не было!), они все-таки представляют интерес. Военных воспоминаний его сослуживцев сохранилось ничтожно мало. Большая их часть была опубликована Г. Струве в вашингтонском четырехтомнике; в дальнейшем все они будут приведены, в соответствующих местах, с комментариями.

«С удовольствием сообщу ... все, что запомнилось мне о совместной моей службе с Н.С. Гумилевым в полку Улан Ее Величества. Оба мы одновременно приехали в Кречевицы (Новгородской губернии) в Гвардейский Запасной полк и были зачислены в маршевый эскадрон лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка. Там вся восьмидневная подготовка состояла лишь в стрельбе, отдании чести и езде. На последней больше 60 % провалилось и было отправлено в пехоту, а на стрельбе и Гумилев, и я одинаково выбили лучшие и были на первом месте. Стрелком он оказался очень хорошим, хотя, имея правый глаз стеклянным, стрелял с левого плеча. Спали мы с ним на одной, двухэтажной койке, и по вечерам он постоянно рассказывал мне о двух своих африканских экспедициях. При этом наш взводный унтер-офицер постоянно вертелся около нас, видимо заинтересованный рассказами Гумилева об охоте на львов и прочих африканских зверюшек. Он же оказался потом причиной немалого моего смущения. Когда наш эскадрон прибыл на фронт, в Олиту, где уланы в это время стояли на отдыхе, на следующий день нам, новоприбывшим, была сделана проверка в стрельбе. Лежа, 500 шагов, грудная мишень. Мой взводный, из Кречевиц, попал вместе со мной в эскадрон № 6 и находился вместе с нами. Гумилев, если не ошибаюсь, назначен был в эскадрон № 3. Я всадил на мишени в черный круг все пять пуль. Командир эскадрона, тогда ротмистр, теперь генерал Бобошко, удивленно спросил: “Где это вы научились стрелять?” Не успел я и ответить, как подскочил тут же стоявший унтер-офицер: “Так что, ваше высокоблагородие, разрешите доложить: вольноопределяющийся — они охотник на львов...” Бобошко еще шире раскрыл глаза. “Молодец…” — “Рад стараться…”

Гумилев был на редкость спокойного характера, почти флегматик, спокойно храбрый и в боях заработал два креста. Был он очень хороший рассказчик, и слушать его, много повидавшего в своих путешествиях, было очень интересно. И особенно мне — у нас обоих была любовь к природе и к скитаниям. И это нас быстро сдружило. Когда я ему рассказал о бродяжничествах на лодке, пешком и на велосипеде, он сказал: “Такой человек мне нужен; когда кончится война, едем на два года на Мадагаскар…” Сам понимаешь, как по душе мне было его предложение. Увы! все это оказалось лишь мечтами…»[233]

Про Кречевицы и маршевый эскадрон Уланского полка — все точно. Об Олите будет сказано позже. Имя Янишевского, вольноопределяющегося 6-го эскадрона, неоднократно упоминается в документах Уланского полка. Небольшая неточность в фамилии командира — командиром 6-го эскадрона, как следует из документов полка, был Лев Александрович Бобышко[234]. Ошибся Янишевский только в номере эскадрона Гумилева: Гумилев был определен в 1-й, или, как его называли, эскадрон Ея Величества (ЕВ), командовал которым ротмистр князь Илья Алексеевич Кропоткин[235]. Совместная служба Янишевского с Гумилевым продолжалась более двух лет, и не только в Уланском полку. Но это все впереди…

Как уже было сказано, в конце августа Гумилев был определен в 1-й маршевый эскадрон лейб-гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка, который отправился на позиции 23 сентября. С дороги он послал письмо матери[236]. Эскадрон прибыл в полк 30 сентября. В приказе № 76 по Уланскому полку от этого числа сказано: «§ 2. Прибывших нижних чинов 1-го маршевого эскадрона унтер-офицерского звания — 2, из которых один сверхсрочной и один действительной службы, младших унтер-офицеров — 28, вольноопределяющихся унтер-офицерского звания — 3, ефрейторов — 20, фельдшеров — 2 и нижних чинов и вольноопределяющихся рядового звания — 124, зачислить на жалованье согласно аттестата за № 4512 от 24 августа с. г.»[237]. Именно эта дата занесена в известный «Послужной список»[238] Николая Гумилева, и ее ошибочно считали датой прибытия Гумилева в полк: «Согласно изъявленного желания поступил добровольцем в Лейб-Гвардии уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк, куда прибыл и зачислен уланом на правах вольноопределяющегося в эскадрон Ее Величества — 24 августа 1914»[239]. Приказ о зачислении подписан командующим Уланским полком полковником Д.М. Княжевичем[240]. Одним из 124 вольноопределяющихся рядового звания был Николай Гумилев.

Уланский полк в то время стоял на отдыхе в местечке Россиены. Отдых потребовался, потому что уланы с первых дней войны участвовали в активных боевых действиях в Восточной Пруссии. Вот краткая «летопись» боевых действий Уланского полка до прибытия в его состав Николая Гумилева[241]. Лейб-гвардии Уланский полк входил в состав 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии[242], уже участвовал в боях, совершил длительный поход по Восточной Пруссии, впервые перейдя границу 27 июля 1914 года. Границу полк переходил там же, где Гумилев принял участие в своем первом бою, что отражено в «Записках кавалериста». Самый тяжелый, но победный бой для улан состоялся 6 августа под Каушенами; за этот бой были награждены более 80 улан. Однако, как известно, первый прусский поход закончился неудачно, II Армия попала в окружение, I Армия, в состав которой входила 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия, понесла меньшие потери, однако 30 августа 1914 года лейб-гвардии Уланский полк вынужден был отступить за пределы Восточной Пруссии. Наиболее подробно этот период войны, трагедия II армии и его командующего генерала Самсонова, роль в этом поражении несогласованности действий I и II Армий описаны в 1-й части «Красного колеса» А.И. Солженицына — «Август 1914». По-иному, но так же трагически сложилась судьба командующего I Армией П.К. Ренненкампфа[243]. С представительницей этого рода Гумилев познакомится в начале 1918 года в Лондоне, влюбится в нее и посвятит ей стихи.

9 сентября 1914 года Уланский полк, как наиболее уставший, был временно выведен из состава дивизии и отправлен на отдых. На это время

полк был расквартирован в городе Россиены (теперь Литовская республика, г. Расейняй). Именно там и началась боевая военная служба поэта. Гумилева зачислили в первый эскадрон, точнее – в эскадрон Ея Величества, в приказах по полку — эскадрон ЕВ. Командиром его эскадрона был, как сказано выше, ротмистр, князь И.А. Кропоткин, но непосредственным начальником Гумилева, командиром его взвода, был поручик Михаил Михайлович Чичагов[244]. С первых дней пребывания в полку — продолжение ежедневных учений, но теперь в «полной амуниции» и в своем эскадроне. Уже в приказе по полку № 77 от 1.10.1914 сказано: «Завтра, с 9 утра произвести сменную езду по эскадронам прибывших нижних чинов 2-го маршевого эскадрона на приведенных сегодня лошадях. Завтра с 10 часов утра произвести пеший строй всем нижним чинам полка поэскадронно»[245]. Аналогичные приказы повторяются ежедневно, в течение последующих 10 дней[246]. В Россиенах Гумилев пребывал с 1 по 14 октября 1914 года.

«Записки кавалериста» — что это такое?

Мысль о написании «Записок кавалериста», видимо, пришла не сразу. Для этого надо было, по крайней мере вначале, «понюхать пороху». Первое документальное свидетельство этого периода — письмо Ахматовой, посланное из Россиен:

‹Россиены. 8 октября 1914 г. Действующая армия.›

«Дорогая моя Аничка, я уже в настоящей армии, но мы пока не сражаемся и когда начнем, неизвестно. Все-то приходится ждать и ждать, теперь, однако, уже с винтовкой в руках и с отпущенной шашкой. И я начинаю чувствовать, что я подходящий муж для женщины, которая “собирала французские пули, как мы собирали грибы и чернику” . Эта цитата заставляет меня напомнить тебе о твоем обещании быстро дописать твою поэму и прислать ее мне. Право, я по ней скучаю. Я написал стишок, посылаю его тебе, хочешь продай, хочешь читай кому-нибудь. Я здесь утерял критические способности и не знаю, хорош он или плох.

Пиши мне в 1-ю действ‹ующую› армию, в мой полк, эскадрон Ея Величества. Письма, оказывается, доходят очень и очень аккуратно.

Я все здоровею и здоровею: все время на свежем воздухе (а погода прекрасная, тепло), скачу верхом и по ночам сплю как убитый.

Раненых привозят не мало, и раны все какие-то странные: ранят не в грудь, не в голову, как описывают в романах, а в лицо, в руки, в ноги. Под одним нашим уланом пуля пробила седло, как раз в тот миг, когда он приподнимался на рыси; секунда до или после, и его бы ранило.

Сейчас случайно мы стоим в таком месте, откуда легко писать. Но скоро, должно быть, начнем переходить, и тогда писать будет труднее. Но вам совершенно не надо беспокоиться, если обо мне не будет известий. Трое вольноопределяющихся знают твой адрес и, если со мной что-нибудь случится, напишут тебе немедленно. Так что отсутствие писем будет обозначать только то, что я в походе, здоров, но негде и некогда писать. Конечно, когда будет возможно, я писать буду.

Целую тебя, моя дорогая Аничка, а также маму, Леву и всех. Напишите Коле Маленькому, что после первого боя я ему напишу[247].

Твой Коля»[248].

Оригинал письма написан на двух сторонах листа белой бумаги. Конверт не сохранился. Одновременно Гумилев послал письмо матери[249]. Видимо, в письмо Ахматовой была вложена первая военная фотография Гумилева в уланской форме[250], в полный рост, с проставленной датой, по которой датируется и письмо. Вот как описывает фотографию Лукницкий: «У А. Ахматовой хранится фотография: Николай Гумилев в военной форме, во весь рост — снятая в октябре 1914 г. (размер — 9 x 12). Н. Гумилев прислал эту фотографию с фронта. На обороте черными чернилами рукой Н. Гумилева написано:

"Анне Ахматовой.

Я не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна...
Помяни ж за раннею обедней
Мила-друга, тихая жена!

А. Блок[251]

8 октября 1914 г.

Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята тоскуя в гнезде,
— Где теперь эти сильные руки,
Эти души горящия, где!

Н. Гумилев[252]

Курры и гуси!"[253]

Карточка была затеряна и случайно обнаружена мной 8 декабря 1927[-го] в Мраморном дворце при разборке книг вместе с АА»[254]. В тексте письма к Ахматовой Гумилев цитирует строки (*«собирала французские пули...»)* из ее поэмы «У самого моря», начатой в июле 1914 года и завершенной осенью того же года. Приложенный к письму «стишок» — скорее всего, стихотворение «Наступление», опубликованное в № 10 «Аполлона» за 1914 год. Об этом можно судить по дате публикации; в хранящемся в архиве Лесмана письме стихотворное приложение отсутствует, так как, видимо, Ахматова сразу же отдала его в редакцию «Аполлона», и оно тут же было напечатано. Это — первая «военная» публикация поэта. Стихотворению было уделено пристальное внимание как со стороны хулителей поэта, разоблачавших его «агрессивно-империалистическую сущность», так и со стороны почитателей. С моей точки зрения, любопытно оно прежде всего тем, что это единственное стихотворение Гумилева, в котором он передает свое первое ощущение войны (в первую пару месяцев действительно волнующее и восторженное) — с «чужих слов», еще ни разу не участвуя в боях (что следует из текста письма). Это пересказ свидетельств однополчан об их первом наступлении на Восточную Пруссию. Потому в нем — переизбыток не свойственного поэту пафоса[255] и общих слов, отсутствие — личного (вместо «Я» — «Мы») восприятия, что сразу будет ощущаться в следующем, написанном уже после первых боев, стихотворении:

Наступление

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

О, как белы крылья победы!
Как безумны ее глаза!
О, как мудры ее беседы,
Очистительная гроза!

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И как сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага[256].

Так что к настоящему наступлению, в котором участвовал Гумилев, это стихотворение не имело ни малейшего отношения, хотя до него оставалось всего несколько дней. Правда, некоторые детали первого наступления полка на Восточную Пруссию переданы точно («Мы четвертый день наступаем...»). Действительно, продолжалось наступление с 27 июля до 20-х чисел августа, но снабжение войск продовольствием было плохо отлажено, передовые отряды далеко отрывались от продовольственных обозов («Мы не ели четыре дня...»). Эта несогласованность и привела в конечном итоге к августовской катастрофе, о чем подробно написал А. Солженицын. И о чем, по причине военной цензуры, мог не знать рядовой Николай Гумилев. По крайней мере, в просмотренных официальных военных документах причины первого отступления никак не обозначены, и до рядовых солдат их, видимо, не доводили. Нельзя же подрывать боевой дух войск!

«Записки кавалериста» начинаются с описания первого боя Николая Гумилева. Принято считать, что «Записки кавалериста» — это отдельные корреспонденции, описывающие разрозненные боевые эпизоды, в которых участвовал Гумилев. Тем более что публикации часто сопровождались подзаголовком: «От нашего специального военного корреспондента». Заметим, что газетные публикации являются практически единственным текстологическим источником, никаких рукописных материалов (об единственном исключении будет сказано ниже), относящихся к «Запискам кавалериста», пока не обнаружено. Однако подробное изучение архивных документов, связанных с боевыми действиями Уланского полка на протяжении 1914 — 1916 годов позволило сделать вывод, что «Записки кавалериста» с самого начала были задуманы автором как документальная

повесть, рассказывающая обо всех главных эпизодах первого года его участия в войне. Фактически «Записки кавалериста» полностью описывают весь период службы Гумилева в лейб-гвардии Уланском полку. Не опущена ни единая военная кампания (всего их было четыре), в которой участвовал Уланский полк на протяжении первого года войны.

Все описания боевых действий в «Записках кавалериста» даны подробно и детально точно, однако между описываемыми событиями и датами публикаций их описаний были большие временны́е сдвиги («запаздывание» составляло от 3 до 10 месяцев). Это дает основание предположить, что с первых дней своего пребывания в Уланском полку Гумилев вел подробный дневник (как и ранее, во время африканских путешествий). Хотя судьба оригинала этого дневника неизвестна, однако почти весь он и составил «Записки кавалериста»[257], печатавшиеся в газете «Биржевые ведомости» на протяжении почти года: с 3 февраля 1915 года по 11 января 1916 года прошло 17 публикаций, составивших 17 условных глав. В дальнейшем будет сохранено принятое деление «Записок» на главы, считая каждой отдельной главой (обозначены римскими цифрами) все, что было опубликовано в одном номере газеты. Однако заметим, что это не очень корректно, и если бы «Записки кавалериста» были изданы в авторской редакции, такое разбиение на главы, скорее всего, не сохранилось бы.

«Записки кавалериста» печатались крайне неравномерно. Если обратить внимание на даты публикаций[258], можно предположить, что тексты для газеты доставлялись в редакцию лично автором, а не посылались почтой с фронта, как обычно утверждается. Как было уже сказано, глава I появилась в утреннем выпуске газеты «Биржевые ведомости» 3 февраля 1915 года. В конце января Гумилев приезжал на несколько дней в Петроград. Затем в публикациях был трехмесячный перерыв, а за период с 3 мая по 6 июня 1915 года были напечатаны главы II–V. С середины марта до начала июня Гумилев находился в Петрограде на излечении. С июня по сентябрь он опять на фронте, постоянно участвует в боях, и за это время ни одной публикации. В конце сентября Гумилева откомандировали в Петроград в школу прапорщиков, и практически весь остаток 1915-го и начало 1916 года он провел в столице. С 9 октября 1915 года по 11 января 1916 года в «Биржевых ведомостях» прошло 12 публикаций «Записок кавалериста», завершивших книгу. В марте 1916 года Гумилев был произведен в прапорщики с переводом в 5-й Гусарский Александрийский Ея Величества Императрицы Александры Феодоровны полк. Завершилась его служба в лейб-гвардии Уланском полку, и продолжения «Записок кавалериста» не последовало... Заметим, однако, что архивных документов, наряду с сохранившейся перепиской, сочинениями автора и прочими источниками оказалось достаточным, чтобы представить виртуальные «Записки гусара» и последовавшие за ними «Записки комиссара Временного правительства в Париже и Лондоне», составившие последующие части книги.

В приведенных в данной публикации «Записках кавалериста» сохранены «цензурные» прочерки. Гумилев нигде точно не называет ни мест, где происходили боевые действия, ни имен участников событий, ни названий боевых частей. Заметим, что цензурные прочерки касались в основном лишь первых трех глав «Записок». В дальнейшем автор приспособился к требованиям цензуры, и все последующие тексты шли в авторской редакции, почти без «купюр». Сопоставление официальных документов и описаний автора указывает на точность и ответственность Гумилева при написании **документальной повести**. Нет ни одного выдуманного или хотя бы как-то приукрашенного (в пользу автора) эпизода. Все предельно точно. Для того чтобы в дальнейшем было проще ориентироваться в «Записках», следовало бы разделить их на четыре части, в соответствии с теми кампаниями, в которых участвовал полк Гумилева. В книге будет отражено и то, чем занимался Гумилев в промежутках между описываемыми в «Записках» событиями. Ни одной военной кампании, в которых участвовала 2-я Гвардейская Кавалерийская дивизия[259] и входящий в нее лейб-гвардии Уланский полк за период с октября 1914 года по сентябрь 1915 года, Гумилев не пропустил, и все они отражены в «Записках кавалериста», хотя однажды, по болезни, он был вынужден отлучиться в Петроград более чем на месяц (в марте — апреле 1916 года). Ниже дается предлагаемое мною возможное деление «Записок кавалериста» на части в соответствии с военными кампаниями.

Часть 1. Главы I и II. Октябрь 1914 года. Восточная Пруссия. Участие во взятии Владиславова и во втором прусском походе.

Часть 2. Главы III–VI. Ноябрь — декабрь 1914 года. Польша. Бои за Петроков. Отход армии за реку Пилица.

Часть 3. Главы VII–XI. Февраль — март 1915 года. Приграничные районы Белоруссии, Литвы и Польши. Бои вдоль Немана. Содействие наступлению русской армии на Сейны, Сувалки, Кальварию.

Часть 4. Главы XII–XVII. Июль — сентябрь 1915 года. Украина (Волынь) и Белоруссия (Брестская губерния). Бои под Владимиром-Волынским. Отход русской армии вдоль реки Западный Буг и далее, от Бреста, через Кобрин, за Огинский канал.

Начало — боевое крещение под Владиславовом: октябрь 1914 года

Перед тем как перейти к «параллельному» изложению «Записок кавалериста» и сопутствующих документов, хочу обратить внимание на характерную особенность прозаических документальных текстов Гумилева. Замечено это было еще по «Африканскому дневнику». В своих текстах, если по каким бы то ни было соображениям автор не хотел или не мог указывать полное наименование географических названий или имен действующих лиц, Гумилев всегда первые буквы соответствующих названий и имен указывал точно! Это существенно упростило изыскания и позволило расшифровать все акронимы. Чтобы не было «путаницы», в дальнейшем **весь текст «Записок кавалериста» будет дан** *курсивом*, а комментарии к «Запискам» и сопутствующие документы — обычным шрифтом, иногда предшествуя тексту Гумилева, а иногда следуя за ним.

Полк простоял на отдыхе в Россиенах (сопровождавшемся ежедневными учениями) до 14 октября, когда он был временно включен в состав 1-й отдельной кавалерийской бригады, входившей в III Армейский корпус. Начальником этой бригады был генерал-майор барон Майдель[260] (генерал М. в «Записках кавалериста»). Бригада Майделя стояла вблизи границы с Восточной Пруссией; недалеко от Владиславова (Литва, г. Кудиркос-Науместис). Штаб бригады и главные силы размещались в селах Рудзе, Бобтеле, Ашмонишки. В этот район Уланский полк подошел 16 октября.

Из донесений Майделя в штаб корпуса[261]: «**17 октября, 11 ч. 10 м.** утра. Моя пехота подходит к Владиславову. 2 эскадрона на западном берегу Шешупы у Аугуступена ‹...› Гвардейские уланы еще в резерве ‹...› **3 ч. 50 м.** дня. Владиславов и Ширвиндт взяты и укрепляются нашей пехотой. Немцы отошли густыми цепями на юг и юго-запад по обоим берегам Ширвинты. ‹...› **8 часов вечера из Рудзе** (*там размещался штаб корпуса*). Владиславов и Ширвиндт взяты и укрепляются нашей пехотой. В 4 дня наблюдал колонну, которая шла на Дайнен ‹...› Противник из Ширвиндта пошел на Пилькален, а из Владиславова — на юго-запад ‹...› **В районе — полтора эскадрона улан**. ‹...› Стал на ночлег: Владиславов и Ширвиндт ‹...› В Гвардейском Уланском полку потерь нет. Завтра в 7 ч. утра продвину разведку дальше на северо-запад и юго-запад. Неман мной больше не наблюдается, так как все силы стянуты в район Владиславова...»

Итак, по сухому донесению барона Майделя известно, что Владиславов был взят 17 октября. Это был первый бой, в котором участвовал Гумилев. В этот день, после боя, Гумилев написал матери[262]. И с описания этого дня начинается повествование.

ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТА

I

Мне, вольноопределяющемуся-охотнику одного из кавалерийских полков, работа нашей кавалерии представляется как ряд отдельных вполне законченных задач, за которыми следует отдых, полный самых фантастических мечтаний о будущем. Если пехотинцы — поденщики войны, выносящие на своих плечах всю ее тяжесть, то кавалеристы — это веселая странствующая артель, с песнями в несколько дней кончающая прежде длительную и трудную работу. Нет ни зависти, ни соревнования. «Вы — наши отцы, — говорит кавалерист пехотинцу, — за вами как за каменной стеной».

....

Помню, был свежий солнечный день, когда мы подходили к границе Восточной Пруссии. Я участвовал в разъезде, посланном, чтобы найти генерала М., к отряду которого мы должны были присоединиться. Он был на линии боя, но, где протянулась эта линия, мы точно не знали. Так же легко, как на своих, мы могли выехать на германцев. Уже совсем близко, словно большие кузнечные молоты, гремели германские пушки, и наши залпами ревели им в ответ. Где-то убедительно быстро на своем ребячьем и страшном языке пулемет лепетал непонятное.

Неприятельский аэроплан, как ястреб над спрятавшейся в траве перепелкою, постоял над нашим разъездом и стал медленно спускаться к югу. Я увидел в бинокль его черный крест.

Этот день навсегда останется священным в моей памяти. Я был дозорным и первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо одному въезжать в лес, где, может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному и поэтому исключающему возможность быстрого отступления, к движущейся колонне, чтобы узнать, не обстреляет ли она тебя. И в вечер этого дня, ясный, нежный вечер, я впервые услышал за редким перелеском нарастающий гул «ура», с которым был взят В. Огнезарная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня.

Понятно, что «генерал М.» — это начальник бригады генерал-майор Майдель, «В.» —Владиславов. А «свежий солнечный день», «нарастающий гул “ура”» и «огнезарная птица победы» вошли в два **единственных** «военных» стихотворения поэта. Предполагаю, что написаны они в эти же дни, по «горячим следам», и этим было практически исчерпано все посвященное войне творческое наследие Гумилева. Ничего не скажешь, хорош певец «русского военно-феодального империализма», который «вел идейную подготовку к войне». Первое стихотворение, «Война»[263], впервые опубликовано в газете «Отечество» № 4, 23 ноября 1914 года, следовательно, послано оно было также в письме, возможно, в отправленном 1 ноября из Ковно письме Лозинскому, но, скорее всего, в одном из многочисленных писем жене, большинство которых, увы, утрачено. Тогда же было написано, или, по крайней мере, начато, второе стихотворение «Солнце духа»[264], которое впервые было напечатано в 1915 году в «Невском альманахе жертвам войны». Три стихотворения, включая «Наступление», были, в отредактированных вариантах, «разбросаны» по «военному» сборнику «Колчан», затерявшись среди других, никак с войной не связанных стихов.

Война

М.М. Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали, как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благостный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: — Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!

Солнце духа

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед.

Как могли мы... но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая, —
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

Больше никаких военных стихотворений, хоть как-то связанных с «Записками кавалериста», не будет. Только примерно через два года появится всего одно, и последнее, «военное» стихотворение, но с другим, лишенным какого бы то ни было пафоса настроением («И год второй к концу склоняется...»[265]). Гумилев тогда служил уже в 5-м Гусарском Александрийском полку. К этому можно (да и то с натяжкой) добавить еще несколько стихотворений, в которых подход к войне скорее «философский», чем «описательный»[266], несколько случайно сохранившихся стихотворных экспромтов-посвящений[267], написанных «по случаю», и два важнейших «ретроспективных» стихотворения, в которых Гумилев оглядывается на прожитые годы. Это — поздняя редакция «Пятистопных ямбов» и «Память»[268].

Но пока Гумилев полон воодушевления. Продолжим чтение «Записок кавалериста».

На другой день мы вошли в разрушенный город, от которого медленно отходили немцы, преследуемые нашим артиллерийским огнем. Хлюпая в черной липкой грязи, мы подошли к реке, границе между государствами, где стояли орудия. Оказалось, что преследовать врага в конном строю не имело смысла: он отступал нерасстроенным, останавливаясь за каждым прикрытием и каждую минуту готовый поворотить — совсем матерый, привыкший к опасным дракам волк. Надо было только нащупывать его, чтобы давать указания, где он. Для этого было довольно разъездов.

По трясущемуся наспех сделанному понтонному мосту наш взвод перешел реку.

……………………………………………………………..………………………….

Мы были в Германии.

Приказом по III корпусу генерал Майдель должен был «занять пехотой Владиславов, с рассветом конницей выдвинуться в юго-западном направлении для действия в тылу противника на фронте Пилькален — Шталлюпенен»[269]. **18 октября** несколько эскадронов Уланского полка вошли во Владиславов. Перед уланами поставили задачу разведывать расположение неприятеля. Уланам район Владиславова был хорошо знаком, так как именно отсюда начинался их первый прусский поход в июле — августе 1914 года. Из донесений Майделя от 18 октября: «18.10. 12 ч. дня. На Ширвиндт и Владиславов наступают со стороны Пилькалена не менее 2-х батальонов с артиллерией. Ширвиндт с трудом держится, 11 моих эскадронов идут на левый фланг противника через Варупенен на Пилькаленское шоссе ‹...› Атака на Ширвиндт приостановлена, пехота отошла на 5 верст к западу. Конные батареи поорудийно отводятся под обстрелом; как только это удастся — перейду у Дворишкена со всеми имеющимися у меня силами конницы на западный берег р. Шешупы и двинусь в общем направлении на Вилюнен. Ширвиндт и Владиславов остаются заняты батальоном 221 полка. **В промежутке между Владиславовом и правым флангом 56 пехотной дивизии разведывают 2 эскадрона гвардейских улан. ‹...› В 8–45 вечера из Кубилеле.** ‹...› Была атака немцев. В 7 час. вечера — отбита, стал на ночлег в Бобтеле. У Ширвиндта найден (перерезан) подземный кабель. Завтра с рассветом перехожу Шешупу для действий в направлении на Пираген и далее к юго-западу»[270]. Гумилев 18 октября участвовал в этих разведывательных разъездах.

(Мы были в Германии.)

Я часто думал с тех пор о глубокой разнице между завоевательным и оборонительным периодами войны. Конечно, и тот и другой необходимы лишь для того, чтобы сокрушить врага и завоевать право на прочный мир, но ведь на настроение отдельного воина действуют не только общие соображения, — каждый пустяк, случайно добытый стакан молока, косой луч солнца, освещающий группу деревьев, и свой собственный удачный выстрел порой радуют больше, чем известие о сражении, выигранном на другом фронте. ***Эти шоссейные дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, рощи, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жаждой стремления вперед*** *(выделено — С.Е.), и так близки показались мне мечты Ермака, Перовского и других представителей России, завоевывающей и торжествующей. Не это ли и дорога в Берлин, пышный город солдатской культуры, в который надлежит входить не с ученическим посохом в руках, а на коне и с винтовкой за плечами?*

Мы пошли лавой, и я опять был дозорным. Проезжал мимо брошенных неприятелем окопов, где валялись сломанная винтовка, изодранные патронташи и целые груды патронов. Кое-где виднелись красные пятна, но они не вызывали того чувства неловкости, которое нас охватывает при виде крови в мирное время.

……………………………………………………………..………………………….

Здесь мне хочется, вслед за автором, сделать небольшое «лирическое отступление» и вспомнить, как нас встретили «эти шоссейные дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, рощи, эти каменные домики с красными черепичными крышами» — в начале 90-х годов прошлого века... Упомянутый Гумилевым Владиславов, нынешний

Кудиркос-Науместис в Литве, стоит у слияния рек Ширвинты и Шешупы, по которым проходила граница с Восточной Пруссией. Дорога в Пруссию проходила по мосту через Ширвинту. Этот участок дороги и мост — почти единственное, что сохранилось от старой Пруссии. Сейчас здесь проходит граница Литвы и Калининградской области России. Вплоть до 40-х годов нашего века сразу за мостом, на другом берегу Ширвинты, располагался старинный немецкий городок Ширвиндт. Это был типичный, очаровательный прусский городок с традиционным готическим костелом в центре, с тихими зелеными улицами, застроенными покрытыми черепицей домами, — его старые фотографии обнаружились в школьном музее Владиславова.

В советское время все населенные пункты Восточной Пруссии, нынешней Калининградской области России, в которых проходили описываемые в «Записках кавалериста» боевые действия, уничтожены полностью. Сохранились лишь многочисленные старые немецкие дороги. Эта часть когда-то цивилизованной страны была превращена в сплошные пустыри, на которых раскинулся огромный, обезображивающий землю артиллерийский полигон. От ночной стрельбы в расположенной напротив литовской школе постоянно вылетали стекла. Симпатичный школьный музей Владиславова посвящен уроженцу этих мест, создателю литовского гимна поэту Кудирке. Его могила, недавно почти заброшенная, а сейчас ухоженная и восстановленная, сохранилась на кладбище бывшего Владиславова, хорошо сохранившегося, красивого литовского городка с большим барочным костелом в центре, с ухоженными улочками и очаровательными домиками на окраинах, газоны перед которыми засажены экзотическими цветами. Особенно нас поразил домик местной знаменитости, народного скульптора Прано Седеревичиауса (Prano Sederevičiaus). Обычный сельский дом, а во дворике вместо грядок — «кавалеристский памятник», превосходящая жилище хозяев по высоте в два раза скульптура… лошади. И множество других оригинальных композиций. Литва всегда славилась своей народной скульптурой…

Все это резко контрастирует с «нашим» Ширвиндтом, от которого с трудом удалось найти лишь остатки старого барака или какой-то хозяйственной постройки на территории воинской части, и никаких других следов. Только дороги... Самое поразительное — это их качество. За десятилетия безжалостной эксплуатации, включая частые перемещения бронетехники и танков, они прекрасно сохранились — несколько рядов, вплоть до боковой велосипедной полосы (для нас это было особенно актуально, так как основным нашим транспортным средством были велосипеды). От Ширвиндта вглубь Пруссии веером расходились прямые, обсаженные липами дороги: к югу — на Шталюпенен (Нестеров), к западу — на Пилькален (Добровольск), к северу, вдоль Шешупы, — на Шиленен (Победино). Эти «обсаженные липами» дороги, о которых часто будет упоминать Гумилев и в дальнейшем, перед нами предстали неким сюрреалистическим пейзажем. Чудом сохранились снежно-белые остовы-скелеты умерших гигантских вековых лип, и такие «аллеи» местами тянулись на сотни метров.

Вся земля вдоль этих дорог усыпана черепицей, керамикой, остатками печных изразцов. Повсеместно — заросшие бурьяном и цветами холмики, остатки усадеб, поместий, ферм. Можно бесконечно долго бродить между ними, занимаясь «археологическими» раскопками, извлекая из земли следы былой жизни... В начале 90-х годов XX века здесь не было

никакой жизни. Хождение же по безобидной траве — опасно; часто встречались почти незаметные, заросшие, глубокие и черные провалы бывших колодцев… Одним словом, жуткое зрелище. Пожалуй, нигде не удавалось столь «физически» ощутить все те «блага» цивилизации, которыми мы одарили человечество. Воплощенная в жизнь «тактика выжженной земли». Археологический «культурный слой», созданный полным отсутствием культуры. Узенькие речки Шешупа и Ширвинта разделяют не два государства, а два мира, два разных подхода к жизни, к ее ценностям. И перекинуть мост между ее берегами будет очень непросто... На одном из современных сайтов Калининградской области утверждалось, что «Ширвиндт — единственный населенный пункт в Восточной Европе, который не был восстановлен после Второй мировой войны. Поскольку воссоздать Ширвиндт полностью вряд ли получится, предлагается построить на его месте игрушечный поселок, миниатюрный городок на площади 100 на 100 метров. Все здания, включая церковь, станут точной копией строений настоящего Ширвиндта, только высота их будет по плечо взрослому человеку…». Дай бог хоть в таком виде будет что-то восстановлено[271]. (Извиняюсь за вынужденное отступление, вызванное слишком сильным впечатлением от посещения этих мест...)

Вернемся в октябрь 1914 года...

В «Записках кавалериста» Гумилев подробно описывает участие в разъездах 18–19 октября.

Передо мной на невысоком холме была ферма. Там мог скрываться неприятель, и я, сняв с плеча винтовку, осторожно приблизился к ней.

Старик, давно перешедший возраст ландштурмиста, робко смотрел на меня из окна. Я спросил его, где солдаты. Быстро, словно повторяя заученный урок, он ответил, что они прошли полчаса тому назад, и указал направление. Был он красноглазый, с небритым подбородком и корявыми руками. Наверно, такие во время нашего похода в Восточную Пруссию стреляли в наших солдат из монтекристо. Я не поверил ему и проехал дальше. Шагах в пятистах за фермой начинался лес, в который мне надо было въехать, но мое внимание привлекла куча соломы, в которой я инстинктом охотника угадывал что-то для меня интересное. В ней могли прятаться германцы. Если они вылезут прежде, чем я их замечу, они застрелят меня. Если я замечу их вылезающими, то — я их застрелю. Я стал объезжать солому, чутко прислушиваясь и держа винтовку на весу. Лошадь фыркала, поводила ушами и слушалась неохотно. Я так был поглощен моим исследованием, что не сразу обратил внимание на редкую трескотню, раздававшуюся со стороны леса. Легкое облачко белой пыли, взвивавшееся шагах в пяти от меня, привлекло мое внимание. Но только когда, жалостно ноя, пуля пролетела над моей головой, я понял, что меня обстреливают, и притом из лесу. Я обернулся на разъезд, чтобы узнать, что мне делать. Он карьером скакал обратно. Надо было уходить и мне. Моя лошадь сразу поднялась в галоп, и как последнее впечатление я запомнил крупную фигуру в черной шинели, с каской на голове, на четвереньках, с медвежьей ухваткой вылезавшую из соломы.

Пальба уже стихла, когда я присоединился к разъезду. Корнет был доволен. Он открыл неприятеля, не потеряв при этом ни одного человека. Через десять минут наша артиллерия примется за дело. А мне было

только мучительно обидно, что какие-то люди стреляли по мне, бросили мне этим вызов, а я не принял его и повернул. Даже радость избавления от опасности нисколько не смягчала этой внезапно закипевшей жажды боя и мести. Теперь я понял, почему кавалеристы так мечтают об атаках. Налететь на людей, которые, запрятавшись в кустах и окопах, безопасно расстреливают издали видных всадников, заставить их бледнеть от все учащающегося топота копыт, от сверкания обнаженных шашек и грозного вида наклоненных пик, своей стремительностью легко опрокинуть, точно сдунуть, втрое сильнейшего противника, это — единственное оправдание всей жизни кавалериста.

…………………………………………………………..…………………………

Из донесений Майделя: «**19.10. В 6 ч. 30 м.** утра. 10 эскадронов переправились у Дворишкен. Получен приказ, что наступление откладывается. 3 дивизиона для разведки: 1) Вилюнен; 2) Шиленен; 3) Каршен. С бригадой встал в районе Кубилеле для обеспечения правого фланга корпуса. Предполагаю ночлег в Бобтеле. **20.10. В 7 часов утра** началось наступление противника на Ширвиндт. Защита сложна, так как мало пехоты, конный отряд поддерживает ее, имея за собой 2 очень плохих для артиллерии брода через Шешупу, а в 4 верстах артиллерия противника. Положение противника выгодно (высоты, отличные наблюдательные пункты). (*Поступило донесение из штаба: «Подкрепления не будет — держитесь!»*) **4–20 дня**. При наступлении больших сил трудно будет удержать переправы севернее Ширвиндта. Следует примириться с добровольной отдачей Владиславова ‹...› Огонь очень сильный, у противника не менее 5 батарей»[272].

Описанием этого обстрела Владиславова 20 октября заканчивается I глава «Записок кавалериста».

На другой день испытал я и шрапнельный огонь. Наш эскадрон занимал В., который ожесточенно обстреливали германцы. Мы стояли на случай их атаки, которой так и не было. Только вплоть до вечера, все время протяжно и не без приятности, пела шрапнель, со стен сыпалась штукатурка да кое-где загорались дома. Мы входили в опустошенные квартиры и кипятили чай. Кто-то даже нашел в подвале насмерть перепуганного жителя, который с величайшей готовностью продал нам недавно зарезанного поросенка. Дом, в котором мы его съели, через полчаса после нашего ухода был продырявлен тяжелым снарядом. Так я научился не бояться артиллерийского огня.

Этим же днем датировано несохранившееся письмо матери[273]. Следующая глава описывает события с 21 по 27 октября 1914 года. С 21 по 24 октября Уланский полк располагался вдоль границы с Пруссией по реке Шешупе, в окрестных деревнях Бобтеле, Кубилеле, Рудзе, Мейшты, Уссейне, в разбросанных по полям хуторах («О, низкие, душные халупы...»).

II

1

Самое тяжелое для кавалериста на войне — это ожидание. Он знает, что ему ничего не стоит зайти во фланг движущемуся противнику, даже оказаться у него в тылу, и что никто его не окружит, не отрежет путей к отступлению, что всегда окажется спасительная

тропинка, по которой целая кавалерийская дивизия легким галопом уедет из-под самого носа одураченного врага.

…………………………………………………………..…………………………….

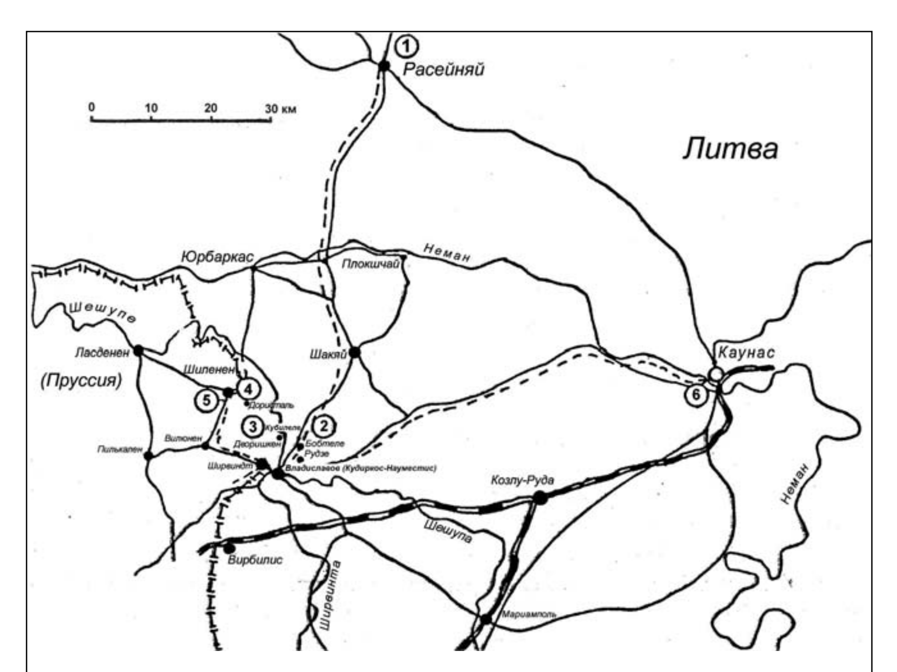
Каждое утро, еще затемно, мы, путаясь среди канав и изгородей, выбирались на позицию и весь день проводили за каким-нибудь бугром, то прикрывая артиллерию, то просто поддерживая связь с неприятелем. Была глубокая осень, голубое холодное небо, на резко чернеющих ветках золотые обрывки парчи, но с моря дул пронзительный ветер, и мы с синими лицами, с покрасневшими веками плясали вокруг лошадей и засовывали под седла окоченелые пальцы. Странно, время тянулось совсем не так долго, как можно было предполагать. Иногда, чтобы согреться, шли взводом на взвод и, молча, целыми кучами барахтались на земле. Порой нас развлекали рвущиеся поблизости шрапнели, кое-кто робел, другие смеялись над ним и спорили, по нам или не по нам стреляют немцы. Настоящее томление наступало только тогда, когда уезжали квартирьеры на отведенный нам бивак, и мы ждали сумерек, чтобы последовать за ними.

О, низкие, душные халупы, где под кроватью кудахтают куры, а под столом поселился баран; о, чай! который можно пить только с сахаром вприкуску, но зато никак не меньше шести стаканов; о, свежая солома! расстеленная для спанья по всему полу, — никогда ни о каком комфорте не мечтается с такой жадностью, как о вас!!. И безумно-дерзкие мечты, что на вопрос о молоке и яйцах вместо традиционного ответа: «Вшистко германи забрали», хозяйка поставит на стол крынку с густым налетом сливок и что на плите радостно зашипит большая яичница с салом! И горькие разочарования, когда приходится ночевать на сеновалах или на снопах немолоченого хлеба, с цепкими, колючими колосьями, дрожать от холода, вскакивать и сниматься с бивака по тревоге!

…………………………………………………………..…………………………….

Одновременно продолжалась разведка прусской территории. Через Шешупу в этом районе было две переправы, два брода: на прусском берегу у Дворишкена и на российском берегу у Кубилеле. Один из бродов упоминается в этой главе при описании разведывательного наступления, которое было осуществлено **22 октября**.

Из донесений Майделя: «**21.10. В 7,30** противник начал обстрел Владиславова и Ширвиндта, но менее интенсивно, чем вчера. Выслан эскадрон для разведки на север до Немана. В 4,30 дня удалось подавить огонь артиллерии противника. На ночлег — в Бобтеле. **22.10.** Переправа у Дворишкена временами обстреливается. Разведка установила, что батарея противника в роще южнее кладбища, что между Кл. и Гр. Варупенен ‹...› Ночная разведка на фронте Гросскенигсбрух, Варупенен, Дайнен выяснила, что противник по-прежнему стоит на местах и занимает окопы, левый фланг которых упирается в абсолютно непроходимое болото (Гросс Плинис). Разведка вызвала наступление противника, который начал продвигаться от Гросс-Варупенен на Эйхенфельд ‹...› Перед Ширвинтой у противника укрепленные позиции, которые не могут пройти ни конные, ни

Карта 1 к «Запискам кавалериста» (Главы I–II).

1 — Россиены, где стоял лейб-гвардии Уланский полк, когда туда прибыл Н. Гумилев.
2 — расположение Уланского полка под Владиславовом, когда он был прикомандирован к конному отряду генерала Майделя и занимался разведкой вдоль границы с Пруссией (главы I и II/1).
3 — разведывательное наступление с переправой через р. Шешупу у Кубилеле и Дворишкена (глава II/2).
4 — начало наступления вглубь Пруссии, ночлег в районе Дористаля (глава II/3, 4).
5 — участие Уланского полка во взятии Шиленена и Вилюнена (конец главы II).
6 — отход на отдых в Ковно перед переброской в Польшу.

пешие разведчики, даже ночью. Единственный способ наступления — движение больших сил конницы на Шиленен, предварительно пробивши завесу на р. Шешупе, которая до сих пор охраняется (или идти севернее болота, однако при этом обнажается фланг, т.к. конница оторвется от Владиславова. За ночь 5 — убитых, 14 — раненых, 2 — без вести пропавших»[274].

2

Предприняли мы однажды разведывательное наступление, перешли на другой берег реки Ш. и двинулись по равнине к далекому лесу. Наша цель была — заставить заговорить артиллерию, и та действительно заговорила. Глухой выстрел, протяжное завыванье, и шагах в ста от нас белеющим облачком лопнула шрапнель. Вторая разорвалась уже в пятидесяти шагах, третья — в двадцати. Было ясно, что какой-нибудь обер-лейтенант, сидя на крыше или на дереве, чтобы корректировать стрельбу, надрывается в телефонную трубку: «Правее, правее!»

…………………………………………………………………………………….

Мы повернули и галопом стали уходить.

…………………………………………………………………………………….

Новый снаряд разорвался прямо над нами, ранил двух лошадей и прострелил шинель моему соседу. Где рвались следующие, мы уже не видели. Мы скакали по тропинкам холеной рощи вдоль реки под прикрытием ее крутого берега. Германцы не догадались обстрелять брод, и мы без потерь оказались в безопасности. Даже раненых лошадей не пришлось пристреливать, их отправили на излечение.

На следующий день противник несколько отошел и мы снова оказались на другом берегу, на этот раз в роли сторожевого охранения.

Трехэтажное кирпичное строение, нелепая помесь средневекового замка и современного доходного дома, было почти разрушено снарядами.

…………………………………………………………………………………….

Мы приютились в нижнем этаже на изломанных креслах и кушетках. Сперва было решено не высовываться, чтобы не выдать своего присутствия. Мы смирно рассматривали тут же найденные немецкие книжки, писали домой письма на открытках с изображением Вильгельма[275].

…………………………………………………………………………………….

Из донесений Майделя: «23.10. Эскадрон, направленный к северу от болота, дошел до Данненвальде, Дористаля, Повидлаукена. Выбиваю пешим боем противника из всех деревень восточнее этой линии и южнее Гр. Кенигсбрух. Переправа у Кубилеле обстреливалась. Ночлег в р-не Дворишкена — Бобтеле. Завтра буду наступать на Биркенфельде. С бригадой двинусь севернее или южнее большого болота, что севернее железной дороги Ширвиндт — Вилюнен»[276]. Упоминаемый Гумилевым ночлег в «трехэтажном кирпичном строении, нелепая помесь средневекового замка и современного доходного дома» — это Дворишкен, от которого не осталось никаких следов. Никаких следов, к сожалению, не осталось и от посланных домой открыток «с изображением Вильгельма». Незавидная судьба постигла и когда-то многочисленные в этих краях железные дороги, но об этом — ниже. Два дня, 23 и 24 октября, эскадроны Уланского полка продолжали усиленную разведку, так как готовилось второе наступление на Восточную Пруссию. За разведку 23 октября знакомый Гумилева еще по Запасному кавалерийскому полку Г.В. Янишевский[277], вместе с 23 уланами, заработал Георгиевский крест: «23 октября, находясь в дозорах от эскадрона, зашли во фланг и тыл противника и под сильным огнем разведали точно расположение цепей и коноводов противника у дер. Альбрехт-Ноугейм» [278].

В эти дни в Уланском полку были большие потери, в том числе и убитые[279]. Во взводе Гумилева был ранен и отправлен на излечение унтер-офицер Зигфрид Лукшата из его взвода. Каждый день — по несколько убитых лошадей. Все эти сведения занесены в приказы по полку. 25 октября в приказах по полку появилась лаконичная запись:

«25.10.14. № 101 (дежурный корнет князь Кропоткин — *обратите внимание, что это — командир эскадрона Гумилева, и даже это отражено в «Записках кавалериста»*). § 3. Сего числа полк перешел границу Германии»[280].

3

Через несколько дней в одно прекрасное, даже не холодное утро свершилось долгожданное. Эскадронный командир собрал унтер-офицеров и прочел приказ о нашем наступлении по всему фронту. Наступать — всегда радость, но наступать по неприятельской земле, это — радость, удесятеренная гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы. Люди молодцевато усаживаются в седлах. Лошади прибавляют шаг.

……………………………………………………………………………………………….

…………………… *Время, когда от счастья спирается дыхание, время горящих глаз и безотчетных улыбок.*

Справа по три, вытянувшись длинной змеею, мы пустились по белым обсаженным столетними деревьями дорогам Германии. Жители снимали шапки, женщины с торопливой угодливостью выносили молоко. Но их было мало, большинство бежало, боясь расплаты за преданные заставы, отравленных разведчиков.

……………………………………………………………………………………………….

………………… *Особенно мне запомнился важный старый господин, сидевший перед раскрытым окном большого помещичьего дома.*

Он курил сигару, но его брови были нахмурены, пальцы нервно теребили седые усы, и в глазах читалось горестное изумление. Солдаты, проезжая мимо, робко на него взглядывали и шепотом обменивались впечатлениями: «Серьезный барин, наверно, генерал... ну и вредный, надо быть, когда ругается...»

……………………………………………………………………………………………

Второе наступление русской армии в пределы Восточной Пруссии началось 25 октября. Краткую запись в деле полка дополняют донесения генерала Майделя в штаб корпуса: **«**25.10**.** Дальше Биркенфельде продвинуться не мог, противник на местах. Окопы на Пилькален — заняты. После полудня стали поступать известия, что противник отходит к западу. Против нас и севернее — не трогался. Завтра двину пехоту на Пилькален, а конницу на Шиленен, Пилькален. Я в Бобтеле. 12,15, из Кенигсбруха. Перешел Шешупу у Будупенена, достиг авангарда у Дористаля. Встречен огнем мелких частей. Иду на Радцен и далее на Грумбковкашен. Сейчас надо мной пролетел аэроплан с севера на юг. 10 ч. 30 м. вечера. ‹…› Кавалерия дошла до Грумбковкашена. Разведка к вечеру дошла до Пилькалена. Расположение противника к вечеру: Вилюнен занят пехотой с артиллерией, у Пирагена две роты. 2 эскадрона и 50 велосипедистов выбиты из Шиленена — отошли на Ласденен. У Грумбковкашена встречен автомобиль с орудиями. По шоссе Вилюнен — Пилькален и Ласденен — Пилькален — обозы жителей. ‹...› Конница в 10 ч. 15 м. вечера встала на ночлег в районе Радцен — Дористаль — Бартковен. Завтра буду наступать пехотой на Вилюнен, Пилькален. Конница — севернее»[281].

Разведку на Пилькален и Вилюнен, в которой участвовал Гумилев, он и описывает в этой главе «Записок кавалериста».

………………….. *Вот за лесом послышалась ружейная пальба — партия отсталых немецких разведчиков. Туда помчался эскадрон, и все смолкло. Вот над нами раз за разом разорвалось несколько шрапнелей. Мы рассыпались, но продолжали продвигаться вперед. Огонь прекратился. Видно было, что германцы отступают решительно и бесповоротно. Нигде не было заметно сигнальных пожаров, и крылья мельниц висели в том положении, которое им придал ветер, а не германский штаб. Поэтому мы были крайне удивлены, когда услыхали невдалеке частую, частую перестрелку, точно два больших отряда вступили между собой в бой. Мы поднялись на пригорок и увидали забавное зрелище. На рельсах узкоколейной железной дороги стоял горящий вагон, и из него и неслись эти звуки. Оказалось, он был наполнен патронами для винтовок, немцы в своем отступлении бросили его, а наши подожгли. Мы расхохотались, узнав, в чем дело, но отступающие враги, наверно, долго и напряженно ломали голову, кто это там храбро сражается с наступающими русскими.*

Перейдя границу Германии, Уланский полк устремился к северу, по дороге вдоль Шешупы, в сторону Пилькалена и Шиленена (на этих местах располагаются поселки Добровольск и Победино, соответственно). Помимо «дорог, обсаженных столетними деревьями», от которых остались лишь гигантские древесные «скелеты», в начале века в этой части Пруссии было проложено множество железнодорожных путей[282]. Поезда доходили до Ширвиндта, Шиленена, а от Шиленена в сторону Дористаля и до границы с Россией шли многочисленные узкоколейки. Одну из этих узкоколеек и пересек Уланский полк.

Вскоре навстречу нам стали попадаться партии свежепойманных пленников.

……………………………………………………………………………………………….

…………………………… *Очень был забавен один прусский улан, все время удивлявшийся, как хорошо ездят наши кавалеристы. Он скакал, объезжая каждый куст, каждую канаву, при спусках замедляя аллюр, наши скакали напрямик и, конечно, легко его поймали. Кстати, многие наши жители уверяют, что германские кавалеристы не могут сами сесть на лошадь. Например, если в разъезде десять человек, то один сперва подсаживает девятерых, а потом сам садится с забора или пня. Конечно, это легенда, но легенда очень характерная. Я сам видел однажды, как вылетевший из седла германец бросился бежать, вместо того чтобы опять вскочить на лошадь.*

4

Вечерело. Звезды кое-где уже прокололи легкую мглу, и мы, выставив сторожевое охраненье, отправились на ночлег. Биваком нам послужила обширная благоустроенная усадьба с сыроварнями, пасекой, образцовыми конюшнями, где стояли очень недурные кони. По двору ходили куры, гуси, в закрытых помещениях мычали коровы, не было только людей, совсем никого, даже скотницы, чтобы дать напиться привязанным животным. Но мы на это не сетовали. Офицеры заняли несколько парадных комнат в доме, нижним чинам досталось все остальное.

Я без труда отвоевал себе отдельную комнату, принадлежащую, судя по брошенным женским платьям, бульварным романам и слащавым открыткам, какой-нибудь экономке или камеристке, наколол дров,

растопил печь и как был, в шинели, бросился на кровать и сразу заснул. Проснулся уже за полночь от леденящего холода. Печь моя потухла, окно открылось, и я пошел на кухню, мечтая погреться у пылающих углей.

……………………………………………………………….…………………………….

……………….. *И в довершение я получил очень ценный практический совет. Чтобы не озябнуть, никогда не ложиться в шинели, а только покрываться ею.*

Благоустроенная усадьба, в которой заночевал в этот день Уланский полк, — Бартковен, располагавшийся чуть севернее Дористаля. Повторяться о том, что от нее не осталось ничего, кроме кучи мусора («культурный слой» для будущих археологов!), думаю, не следует… На следующий день, 26 октября, энергичное наступление русских войск было продолжено.

На другой день был дозорным. Отряд двигался по шоссе, я ехал полем, шагах в трехстах от него, причем мне вменялось в обязанность осматривать многочисленные фольварки и деревни, нет ли там немецких солдат или хоть ландштурмистов, то есть попросту мужчин от семнадцати до сорока трех лет. Это было довольно опасно, несколько сложно, но зато очень увлекательно. В первом же доме я встретил идиотического вида мальчишку, мать уверяла, что ему шестнадцать лет, но ему так же легко могло быть и восемнадцать, и даже двадцать. Все-таки я оставил его, а в следующем доме, когда я пил молоко, пуля впилась в дверной косяк вершка на два от моей головы.

В доме пастора я нашел лишь служанку-литвинку, говорящую по-польски; она объяснила мне, что хозяева бежали час тому назад, оставив на плите готовый завтрак, и очень уговаривала меня принять участие в его уничтожении. Вообще мне часто приходилось входить в совершенно безлюдные дома, где на плите кипел кофе, на столе лежало начатое вязанье, открытая книга; я вспомнил о девочке, зашедшей в дом медведей, и все ждал услышать грозное: «Кто съел мой суп? Кто лежал на моей кровати?»

……………………………………………………………….…………………………….

В этот день уланами штурмом были взяты город Вилюнен и Шиленен. Генерал Майдель доносил в штаб 1-й отдельной кавалерийской бригады: «26.10. Из Бобтеле. Взял Вилюнен арт. огнем и конной атакой. После занятия города конницей — подошла пехота. Силы противника ‹…› — всего около полка при 2-х батареях и 2-х пулеметах на автомобилях. В беспорядке отступая в западном направлении на Пилькален и на юго-запад. У нас боя не слышно. Без разведки начать двигаться рискованно. Еще не собрал всей кавалерии после атаки. Один полк преследует на Пилькален. Стану на ночлег в р-не Вилюнена. ‹…› Прошу указать направление наступления»[283].

В донесении ротмистра Шкуратова от 26 октября в штаб дивизии сказано: «Отдельная бригада Лейб-Гвардии Уланского полка идет на Шиленен, преследуя отступающего противника»[284].

Дики были развалины города Ш. Ни одной живой души. Моя лошадь пугливо вздрагивала, пробираясь по заваленным кирпичами улицам мимо зданий с вывороченными внутренностями, мимо стен с зияющими дырами, мимо труб, каждую минуту готовых обвалиться. На бесформенной груде обломков виднелась единственная уцелевшая вывеска «Ресторан». Какое счастье было вырваться опять в простор полей, увидеть деревья, услышать милый запах земли.

……………………………………………………………….…………………………….

Шиленен был взят уланами («Дики были развалины города Ш.»). Вырвавшись «опять в простор полей», Уланский полк устремился к югу и выбил немцев из Вилюнена. На следующий день барон Майдель достаточно своеобразно докладывал о бое 26 октября командиру III корпуса генералу Епанчину: «27.10. В 20 вечера. Командующий лейб-гвардии Уланским Ея Вел. полка Полковник Княжевич во все время пребывания во вверенном мне отряде только находил причины, мешающие движению отряда вперед, и только благодаря доблести Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества полка, как господ офицеров, так и нижних чинов, полк этот показал блестящие примеры храбрости и великолепно атаковал под Вилюненом, о чем считаю долгом донести Вашему Высокопревосходительству. В атаку Лейб-Гвардии Уланский Ея Величества полк пошел под командой своих штаб-офицеров без своего командующего полка (*в документе подчеркнуто красным карандашом*) и дошел почти до Пилькалена. О доблести Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества полка, работавшего на совесть во все время пребывания во вверенном мне отряде, считаю долгом донести Вашему Высокопревосходительству. Полковник же Княжевич только мне мешал. Генерал-майор Барон Майдель»[285].

В это время Уланский полк уже покинул вверенный барону Майделю отряд, видимо, одной из причин этого был возникший конфликт двух командиров. Трудно себе представить, что Уланский полк мог доблестно действовать вопреки приказам своего командующего! От себя замечу, что барон Майдель часто выглядит в своих донесениях далеко не лучшим образом — частые кляузы, не только на Княжевича, постоянные антисемитские выпады, вроде «противник отошел, ‹…› забирая запасы, приготовленные жидами». Не самый симпатичный герой[286]. Хотя, справедливости ради, замечу, что антисемитский дух исходил из многих просмотренных мною документов, включая документы Штаба Верховного Главнокомандующего… А командир Уланского полка полковник, с 1 января 1915 года — генерал-майор Дмитрий Максимович Княжевич, вскоре был представлен к Георгиевскому оружию.

Еще накануне, вечером 26 октября, в штабе III Армейского корпуса была получена телеграмма: «Командующий армией приказал немедленно вернуть Лейб-Гвардии Уланский Е.В. полк в Россиены, о чем сообщить Майделю»[287]. Что было и исполнено. От Майделя: «27.10. 4 ч. 55 м. вечера. У меня осталось 12 эскадронов и 2 конные батареи ‹…› Уланский Е. В. полк ушел на Ковно. Взятый вчера Вилюнен мною оставлен»[288]. Об этом есть и у Гумилева.

Вечером мы узнали, что наступление будет продолжаться, но наш полк переводят на другой фронт. Новизна всегда пленяет солдат ……….. но, когда я посмотрел на звезды и вдохнул ночной ветер, мне вдруг стало очень грустно расставаться с небом, под которым я как-никак получил мое боевое крещенье.

В полковом деле 27 октября появилась запись: «Сего числа полк перешел границу Германии обратно»[289]. Этим эпизодом завершается вторая глава и первая часть «Записок кавалериста». Можно было бы переходить, хронологически, к следующим главам, если бы ни одна загадка…

Существовала ли рукопись «Записок кавалериста»?

Как говорилось выше, от «Записок кавалериста» практически не осталось никаких рукописных документов. Единственное исключение — второй вариант представленной выше II главы[290]. Загадка состоит в том, что при описании одних и тех же эпизодов мы имеем два совершенно различных текста. Хранящаяся в РГАЛИ «чистовая» рукопись соответствует эпизодам 1, 3 и началу эпизода 4 главы II в представленной выше газетной публикации. Рукопись озаглавлена, как в газете, и можно высказать предположение, что эта глава — фрагмент обработанной газетной публикации для будущей книги. Однако нет никаких указаний, когда осуществлена эта переработка, и неизвестно, существовали ли когда-либо другие переработанные главы, ведь странно, что переработанным оказался только промежуточный фрагмент «книги». Приведем здесь полностью сохранившуюся главу, с краткими комментариями, касающимися в основном «хронологической» и «географической» привязки повествования.

ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТА

II

С неделю мы пробыли около В. Ночи оставались в обширных, но грязных фольварках, где угрюмые литовцы на все вопросы отвечали неизменное «не сопранту» (не понимаю)[291]*. Спали по большей части в сараях, причем я узнал, что спать в соломе хотя и хорошо, но холодно, если же спать в сене, то наутро измучаешься, доставая из-за ворота колючие стебельки. Дни проводили за такими же фольварками, то прикрывая работающую артиллерию, то выжидая моменты для небольшого набега. Дул пронизывающий западный ветер. И, наверно, странно было видеть от понурых лошадей сотни молчаливых плясунов с посиневшими лицами.*

(Этот абзац возвращает нас во взятый в первом бою Владиславов (18 октября) и в *«низкие, душные халупы»* раздела 1 главы II, где приходилось ночевать после разведывательных разъездов в период с 18 по 24 октября. В рукописи далее сразу же следует описание начала наступления на Шиленен 25 октября, раздел 3 главы II. При этом Гумилев цитирует строки из стихотворения Ф. Тютчева «Неман»; заметьте, он берет строки из стихотворения, «привязанного» к тем же местам, где он тогда находился! Это хотя и косвенно, но подтверждает, что фрагмент — **результат переработки ранее написанного для газеты текста**. А фраза о том, что *«в первое наступление мы закладывали розы за уши лошадей»*, относится к сослуживцам поэта, а не к нему самому: ведь первый поход в Восточную Пруссию начался для Уланского полка в тех же самых местах 27 июля 1914 года. Фраза и неслучайное «**мы**» напоминает нам и об истории написания первого «военного» стихотворения Гумилева «Наступление». Дальнейшие фрагменты соответствуют эпизодам наступления и *«забавному зрелищу»* на «узкоколейке». Завершается рукопись ночлегом в *«обширном покинутом именьи»* Бартковен из раздела 4 главы II.)

Наконец пришло отрадное известие, что наша тяжелая артиллерия пристрелялась по сильным неприятельским окопам в Ш. и, по словам вернувшихся разведчиков, они буквально завалены трупами. Было решено предпринять общее наступление.

Невозможно лучше передать картины наступления, чем это сделал Тютчев в четырех строках:

...Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели...

Я сомневаюсь, чтобы утро наступленья могло быть не солнечным, столько бодрости, столько оживления разлито вокруг. Команда звучит особенно отчетливо, солдаты заламывают фуражки набекрень и молодцеватее устраиваются в седлах. Штандарт, простреленный и французами и турками, вдруг приобретает особое значенье, и каждому эскадрону хочется нести его навстречу победе. В первое наступление мы закладывали розы за уши лошадей, но осенью, увы, приходится обходиться без этого. Длинной цепью по три в ряд въехали мы в Германию. Вот где-то сбоку затрещали винтовки, туда помчался эскадрон, и все стихло. По великолепному шоссе, обсаженному столетними деревьями, мы продвинулись еще верст на десять. Повсюду встречались фермы, именья, но жителей почти не было видно. Они бежали, боясь возмездия за все гнусности, наделанные нам во время нашего отступленья, — за подстреленных дозорных, добитых раненых, за разграбленье наших пограничных сел. Немногие оставшиеся стояли у ворот, робко теребя в руках свои шапки. Понятно, их никто не трогал. Особенно мне запомнилась в окне одного большого помещичьего дома фигура сановитого помещика с длинными седыми бакенбардами. Он сидел в кресле, с сигарой в руке, но густые брови были нахмурены, и в глазах светилось горестное изумление, готовое каждую минуту перейти в гнев. «Серьезный барин, — говорили солдаты, — такой выскочит да заругается — так беда. Должно быть, из генералов!»

Глухой удар и затем легкое протяжное завыванье напомнили мне, что я не турист и это не простая прогулка. То заговорила царица боя, легкая артиллерия, и белый дымок шагах в двадцати перед нами доказал, что она заговорила на этот раз серьезно. Но кавалерию не так легко уничтожить. Не успел прогреметь второй выстрел, как полк раздробился на эскадроны, и эти последние скрылись за фольварками и буграми. Немцы продолжали осыпать шрапнелью опустевшее шоссе до тех пор, пока их не прогнала зашедшая им во фланг другая наступательная колонна. После этого маленького приключения мы около часа ехали спокойно, как вдруг услышали вдали нескончаемую пальбу, словно два силь-

ные отряда вступили между собой в ожесточенную перестрелку. Мы свернули и рысью направились туда. За пригорком перед нами открылось забавное зрелище. На взорванной узкоколейке совершенно одиноко стоял горящий вагон, и оттуда и неслись все эти выстрелы. Оказалось, что он полон винтовочными патронами, и немцы в своем поспешном отступленье бросили его, а наши подожгли. Иллюзия боя получилась полная.

Стало свежей, и в наплывающем сумраке стали кое-где выступать острые лучики звезд. Мы выставили на занятой позиции сторожевое охраненье и поехали ночевать. Биваком нам служило в эту ночь обширное покинутое именье. Поставив коня в дивной каменной конюшне, я вошел в дом. Передние комнаты заняли офицеры, нам, нижним чинам, достались службы и отличная кухня. Я занял комнату какой-нибудь горничной или экономки, судя по брошенным юбкам и слащавым открыткам на стенах.

Сохранившийся рукописный фрагмент «Записок кавалериста» — **это заново написанный текст**, в отличие, например, от главы II рассказа «Африканская охота» про ловлю акулы около Джедды, являющейся почти дословно переписанным фрагментом «Африканского дневника». Объяснения этому у меня нет, и если никогда не обнаружатся другие аналогичные фрагменты, боюсь, что это так и останется неразрешенной загадкой…

27 октября лейб-гвардии Уланский полк был выведен из состава конного отряда Майделя и направлен для соединения со своей 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией в Ковно (Каунас, Литва), для отдыха, переформирования и подготовки к переброске на другой фронт. Остальные отряды дивизии до конца октября оставались в районе Россиен, наблюдая правый берег Немана, а в первых числах ноября также были направлены на отдых в Ковно[292]. 31 октября Гумилев написал письмо матери[293], а 1 ноября 1914 года он отправил из Ковно письмо Михаилу Лозинскому, в котором подробно рассказал о начале своей боевой службы. Первое письмо Лозинскому еще восторженное, в отличие от следующего, написанного всего через два месяца. Дополнительные комментарии к тексту письма не требуются:

«Дорогой Михаил Леонидович,

пишу тебе уже ветераном, много раз побывавшим в разведках, много раз обстрелянным и теперь отдыхающим в зловонной ковенской чайной. Все, что ты читал о боях под Владиславовом и о последующем наступленьи, я видел своими глазами и во всем принимал посильное участие. Дежурил в обстреливаем‹ом› Владиславове, ходил в атаку (увы, отбитую орудийным огнем), мерз в сторожевом охраненьи, ночью срывался с места, заслыша ворчанье подкравшегося пулемета, и опивался сливками, объедался курятиной, гусятиной, свининой, будучи дозорным при следованьи отряда по Германии. В общем, я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щелканье винтовок, направленных на тебя, — я думаю, такое наслажденье испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка. Однако бывает и реакция, и минута затишья — в то же время минута усталости и скуки. Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчетов — а то бы я предложил общее и энергичное наступленье, которое одно поднимает дух армии. При наступленьи все герои, при отступленьи все трусы — это относится и к нам, и к германцам. В частности, относительно германцев, ничто так не возмущает солдат, как презрительное отношенье к ним наших газет. Они храбрые воины и честные враги, и к ним невольно испытываешь большую симпатию, потому что как-никак ведь с ними творишь великое дело войны. А что касается грабежей, разгромов, то как же без этого, ведь солдат не член Армии Спасенья, и если ты перечтешь шиллеровский «Лагерь Валленштейна», ты поймешь эту психологию.

Целуя от моего имени ручки Татьяны Борисовны (*жена Лозинского*), извинись, пожалуйста, перед нею за то, что во время трудного перехода я потерял специально для нее подобранную прусскую каску. Новой уже мне не найти, потому что отсюда мы идем, по всей вероятности, в Австрию или в Венгрию. Но, говорят, у венгерских гусар красивые фуражки.

Кланяйся, пожалуйста, мэтру Шилейко и напишите мне сообща длинное письмо обо всем, что делается у вас; только не политику и не общественные настроенья, а так, кто что делает, что пишет. Говорила мне Аня, что у Шилейки есть стихи про меня. Вот бы прислал[294].

Жму твою руку.

Твой Н. Гумилев»[295].

4 ноября утром в штабе дивизии была получена телеграмма: «Верховный Главнокомандующий повелел предоставить 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии дальнейший отдых. Оставить ее впредь до распоряжения в Ковно. Будберг»[296]. В Ковно отряд простоял до 8 ноября. Отдельные полки расположились в казармах на Зеленой Горе[297]. Эти укрепленные, подземные казармы сохранились в центре Каунаса, в 1990-х годах там был оборудован эффектный центр развлечений. Штаб дивизии размещался на Новой улице. Вторая Гвардейская кавалерийская дивизия была временно включена в состав II Армии, командующим дивизией был назначен Гилленшмидт. 8 ноября в дивизии был получен приказ[298] спешно грузиться для следования в Ивангород (сейчас г. Демблин в Польше), для переброски на другой фронт, войдя при этом в состав II Армии.

Польша, оборона Петрокова и первый Георгий: ноябрь 1914 года

Погрузка была назначена на следующий день и началась в 7 часов вечера 9 ноября. Эшелон, проследовав через Гродно, Белосток, Малкин, Минск, Пиляву, 12 ноября прибыл в расположенный в Южной Польше Ивангород[299]. 13 ноября была завершена выгрузка эшелона[300], после чего каждому отряду было предписано своим ходом перейти в район боевых действий около города Петрокова. Уланский полк был вначале переброшен в Радом, откуда походным строем направлен в район железнодорожной станции Колюшки и города Петрокова, вокруг которого шли ожесточенные бои. С описания этого перехода начинается III глава «Записок кавалериста».

III

Южная Польша — одно из красивейших мест России. Мы ехали верст восемьдесят от станции железной дороги до соприкосновения с неприятелем, и я успел вдоволь налюбоваться ею. Гор, утехи туристов,

там нет, но на что равнинному жителю горы? Есть леса, есть воды, и этого довольно вполне.

Леса сосновые, саженые, и, проезжая по ним, вдруг видишь узкие, прямые, как стрелы, аллеи, полные зеленым сумраком с сияющим просветом вдали, — словно храмы ласковых и задумчивых богов древней, еще языческой Польши. Там водятся олени и косули, с куриной повадкой пробегают золотистые фазаны, в тихие ночи слышно, как чавкает и ломает кусты кабан.

Среди широких отмелей размытых берегов лениво извиваются реки; широкие, с узенькими между них перешейками, озера блестят и отражают небо, как зеркала из полированного металла; у старых мшистых мельниц тихие запруды с нежно журчащими струйками воды и каким-то розово-красным кустарником, странно напоминающим человеку его детство.

В таких местах, что бы ты ни делал — любил или воевал, — все представляется значительным и чудесным.

Это были дни больших сражений. С утра до поздней ночи мы слышали грохотанье пушек, развалины еще дымились, и то там, то сям кучки жителей зарывали трупы людей и лошадей…

Выгрузившись 13 ноября на станции Ивангород, Уланский полк сразу же проследовал в город Радом. Полк должен был принять участие в так называемой «Петроковской операции»[301]. Далее, в боевом порядке, был выполнен марш-маневр от Радома до района ж/д станции Колюшки и города Петрокова[302]. Уланам в качестве конечного пункта первоначально была назначена железнодорожная станция Колюшки *(станция К.)*. Эти 80 верст дороги по живописным равнинам Южной Польши и описывает Гумилев в начале главы[303]. От Радома в первый день, 13 ноября, полк дошел до р-на д. Одрживоль и остановился на ночлег в имении Потворово в 8 верстах к востоку от Одрживоля. 14 ноября, пройдя через Подчащу Волю, Кльвов, Одрживоль, Ново-Място, Уланский полк дошел до района Ржечицы. В основном вся дорога, как и все последующие события, проходила в долине реки Пилица и на ее берегах.

15 ноября, двигаясь из Ржечицы через Любохню, в сторону станции Колюшки, уланы дошли до господского двора Янков и Уязда, расположенных в нескольких верстах севернее станции, где остановились на ночлег. Дорога проходила среди лесов, по долинам равнинных рек Радомки, Држевицы, Пилицы. С 15 ноября 2-я Гв. кав. дивизия вошла во временно сформированный кавалерийский корпус Гилленшмидта (совместно с 1-й Гвардейской кавалерийской дивизией, 13-й кавалерийской дивизией, 5-й Донской казачьей дивизией, Уральской казачьей дивизией и 2-й бригадой Забайкальской казачьей дивизии)[304]. Перед корпусом были поставлены задачи: заполнить промежуток между располагавшейся к северу V Армией и относящейся к Юго-Западному фронту IV Армией, в состав которой вошел кавалерийский корпус Гилленшмидта; разведка на фронте Розенберг — Калиш; порча ж/д путей; содействие нашим войскам в овладении Ченстоховской позицией[305].

16 ноября Уланский полк, после предварительной разведки, так как расположение противника было неизвестно, прибыл на описываемую Гумилевым станцию Колюшки и встал на ночлег в ближайшей деревне Катаржинов.

… Я был назначен в летучую почту на станции К. Мимо нее уже проходили поезда, хотя чаще всего под обстрелом. Из жителей там остались только железнодорожные служащие; они встретили нас с изумительным радушием. Четыре машиниста спорили за честь приютить наш маленький отряд. Когда наконец один одержал верх, остальные явились к нему в гости и принялись обмениваться впечатлениями. Надо было видеть, как горели от восторга их глаза, когда они рассказывали, что вблизи их поезда рвалась шрапнель, в паровоз ударила пуля. Чувствовалось, что только недостаток инициативы помешал им записаться добровольцами. Мы расстались друзьями, обещали друг другу писать, но разве такие обещания когда-нибудь сдерживаются?

……………………………………………………………………………………

Противник медленно отходил от станции, в донесениях Княжевича говорится: «Перехожу сегодня в р-н Колюшки. Части противника бродят в лесах у Колюшек, много пленных»[306]. 17–18 ноября полк простоял в соседнем селе Катаржинове, высылая разведывательные разъезды, а 18 ноября была получена срочная телеграмма: «Сегодня корпус Гилленшмидта прибывает в Петроков. С этого времени он поступает в непосредственное подчинение IV Армии. 19 ноября будет иметь дневку. Вероятно, уланы, конногренадеры получат распоряжение сегодня вечером или ночью. Гилленшмидту предписано войти в связь с V Армией через 5-ую Донскую казачью дивизию»[307]. Расстояние от станции Колюшки до Петрокова, около 50 верст, полк преодолел за одну ночь. Этот переход, в ночь с 18 на 19 ноября, Гумилев описывает в «Записках кавалериста». Короткий бивак в эту ночь был в деревнях Камоцын и Литослав[308].

На другой день, среди милого безделья покойного бивака, когда читаешь желтые книжки Универсальной библиотеки, чистишь винтовку или попросту болтаешь с хорошенькими паненками, нам внезапно скомандовали седлать, и так же внезапно переменным аллюром мы сразу прошли верст пятьдесят. Мимо мелькали одно за другим сонные местечки, тихие и величественные усадьбы, на порогах домов старухи в наскоро наброшенных на голову платках вздыхали, бормоча: «Ой, Матка Бозка». И, выезжая временами на шоссе, мы слушали глухой, как морской прибой, стук бесчисленных копыт и догадывались, что впереди и позади нас идут другие кавалерийские части и что нам предстоит большое дело.

Ночь далеко перевалила за половину, когда мы стали на бивак. Утром нам пополнили запас патронов, и мы двинулись дальше.

На следующий день, 19 ноября, движение улан в сторону Петрокова было продолжено. К Уланскому полку у деревни Грабица присоединилась конная артиллерия[309]. В этот же день началось наступление противника на Белхатов, в сторону Петрокова. Уланы были предупреждены о возможном столкновении с противником. Последующие два дня были бессонными и прошли в непрерывных боях, причем главный удар пришелся на Уланский полк. В «Записках» Гумилев описывает первое столкновение с немцами около Петрокова 19 ноября.

Местность была пустынная: какие-то буераки, низкорослые ели, холмы. Мы построились в боевую линию, назначили, кому спешиваться,

кому быть коноводом, выслали вперед разъезды и стали ждать. Поднявшись на пригорок и скрытый деревьями, я видел перед собой пространство приблизительно с версту. По нему там и сям были рассеяны наши заставы. Они были так хорошо скрыты, что большинство я разглядел лишь тогда, когда, отстреливаясь, они стали уходить. Почти следом за ними показались германцы. В поле моего зрения попали три колонны, двигавшиеся шагах в пятистах друг от друга.

Они шли густыми толпами и пели. Это была не какая-нибудь определенная песня и даже не наше дружное «ура», а две или три ноты, чередующиеся со свирепой и угрюмой энергией. Я не сразу понял, что поющие — мертвецки пьяны. Так странно было слышать это пение, что я не замечал ни грохота наших орудий, ни ружейной пальбы, ни частого, дробного стука пулеметов. Дикое «а...а...а...» властно покорило мое сознание. Я видел только, как над самыми головами врагов взвиваются облачки шрапнелей, как падают передние ряды, как другие становятся на их место и продвигаются на несколько шагов, чтобы лечь и дать место следующим. Похоже было на разлив весенних вод, — те же медленность и неуклонность.

Но вот наступила и моя очередь вступить в бой. Послышалась команда: «Ложись... прицел восемьсот... эскадрон, пли», и я уже ни о чем не думал, а только стрелял и заряжал, стрелял и заряжал. Лишь где-то в глубине сознанья жила уверенность, что все будет как нужно, что в должный момент нам скомандуют идти в атаку или садиться на коней и тем или другим мы приблизим ослепительную радость последней победы.

В этой части «Записок кавалериста» я вынужден отклониться от порядка расположения главок (в газетной публикации и, следовательно, во всех последующих перепечатках). Концовка главы III относится к более позднему периоду и будет приведена ниже. **Следующая глава IV** (и концовка главы III) охватывает события с 20 по 30 ноября 1914 года. **В конце предыдущей III главы и в начале IV главы присутствует явное, но, по-видимому, случайное нарушение хронологической последовательности**. Возможно, это произошло после цензурных сокращений, но не исключено и то, что сам Гумилев, когда записывал и восстанавливал события чрезвычайно насыщенных дня и ночи 20–21 ноября, бессознательно растянул эпизоды одного дня на ряд последующих дней. Это и неудивительно, если принять во внимание то, что несколько суток никто в полку не спал. Записи же делались, наверняка спустя некоторое время, так как последующая неделя была чрезвычайно напряженной, с непрерывными разъездами, столкновениями с противником. Ближайший краткий отдых отряду был предоставлен только спустя неделю, после 28 ноября. Да и тогда совершенно не очевидно, что у Гумилева нашлось время «взяться за перо», продолжив дневниковые записи.

На основе боевых документов можно попытаться реконструировать следующую последовательность событий (при этом каждому фрагменту «Записок» находится свое место). Вслед за описанием боя в главе III, перед выделенной со всех сторон цензурными отточиями фразой: ***« ‹...› Поздно ночью мы отошли на бивак ‹...› в большое имение ‹...›»*** — следует читать эпизод 2 в главе IV. Этот эпизод описывает ночь с 20 на 21 ноября, когда эскадрон улан, в котором состоял Гумилев, был отправлен на разведку для выяснения расположения противника после боя. Упоминаемый в этой главе взводный — поручик Михаил Михайлович Чичагов, о котором было сказано выше в связи с посвященным ему стихотворением «Война». Чичагов (без обозначения имени) регулярно упоминается в других главах «Записок», однако чаще его имя встречается в боевых документах. Сторожевое охранение гусар, до которого доехал гумилевский разъезд, было выставлено по линии деревень Мзурки — Будков — Пекари — Монколице. В донесении гусар об этой ночи сказано: «Ночью было получено приказание немедленно выступить и задержать наступление противника на г. Петровов до подхода нашей пехоты. Уже у м. Белхатов шел бой, где Уральская дивизия задерживала наступление противника, обозначившееся на шоссе Белхатов — Петроков. ‹...› Правее нас у дер. Велеполе — Сухнице **находился Уланский полк, который выдерживал весь натиск на себе**. ‹...› Сторожевое охранение на линии дд. Мзурки — Будков — Пекари — Монколице. Была обстреляна застава и заняты Монколице. Всю ночь шла перестрелка между неприятелем и нашими полевыми караулами. За ночь убит 1 гусар, посланный для связи с Уланами Е. В. полка...»[310].

«Художественные» подробности этой ночи — у Гумилева.

IV

2

На другой день уже смеркалось и все разбрелись по сеновалам и клетушкам большой усадьбы, когда внезапно было велено собраться нашему взводу. Вызвали охотников идти в ночную пешую разведку, очень опасную, как настаивал офицер.

Человек десять порасторопнее вышли сразу; остальные, потоптавшись, объявили, что они тоже хотят идти и только стыдились напрашиваться. Тогда решили, что взводный назначит охотников. И таким образом были выбраны восемь человек, опять-таки побойчее. В числе их оказался и я.

Мы на конях доехали до гусарского сторожевого охранения. За деревьями спешились, оставили троих коноводами и пошли расспросить гусар, как обстоят дела. Усатый вахмистр, запрятанный в воронке от тяжелого снаряда, рассказал, что из ближайшей деревни несколько раз выходили неприятельские разведчики, крались полем к нашим позициям и он уже два раза стрелял. Мы решили пробраться в эту деревню и, если возможно, забрать какого-нибудь разведчика живьем.

Светила полная луна, но, на наше счастье, она то и дело скрывалась за тучами. Выждав одно из таких затмений, мы, согнувшись, гуськом побежали к деревне, но не по дороге, а в канаве, идущей вдоль нее. У околицы остановились. Отряд должен был оставаться здесь и ждать, двум охотникам предлагалось пройти по деревне и посмотреть, что делается за нею. Пошли я и один запасной унтер-офицер, прежде вежливый служитель в каком-то казенном учреждении, теперь один из храбрейших солдат считающегося боевым эскадрона. Он по одной стороне улицы, я — по другой. По свистку мы должны были возвращаться назад.

Вот я совсем один посреди молчаливой, словно притаившейся деревни, из-за угла одного дома перебегаю к углу следующего. Шагах в пятнадцати вбок мелькает крадущаяся фигура. Это мой товарищ. Из

самолюбия я стараюсь идти впереди его, но слишком торопиться все-таки страшно. Мне вспоминается игра в палочку-воровочку, в которую я всегда играю летом в деревне. Там то же затаенное дыхание, то же веселое сознание опасности, то же инстинктивное умение подкрадываться и прятаться. И почти забываешь, что здесь вместо смеющихся глаз хорошенькой девушки, товарища по игре, можешь встретить лишь острый и холодный, направленный на тебя штык. Вот и конец деревни. Становится чуть светлее, это луна пробивается сквозь неплотный край тучи; я вижу перед собой невысокие, темные бугорки окопов и сразу запоминаю, словно фотографирую в памяти, их длину и направление. Ведь за этим я сюда и пришел. В ту же минуту передо мной вырисовывается человеческая фигура. Она вглядывается в меня и тихонько свистит каким-то особенным, очевидно условным, свистом. Это враг, столкновение неизбежно.

Во мне лишь одна мысль, живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: я его или он меня! Он нерешительно поднимает винтовку, я знаю, что мне стрелять нельзя, врагов много поблизости, и бросаюсь вперед с опущенным штыком. Мгновение, и передо мной никого. Может быть, враг присел на землю, может быть, отскочил. Я останавливаюсь и начинаю всматриваться. Что-то чернеет. Я приближаюсь и трогаю штыком, — нет, это — бревно. Что-то чернеет опять. Вдруг сбоку от меня раздается необычайно громкий выстрел, и пуля воет обидно близко перед моим лицом. Я оборачиваюсь, в моем распоряжении несколько секунд, пока враг будет менять патрон в магазине винтовки. Но уже из окопов слышится противное харканье выстрелов — тра, тра, тра, — и пули свистят, ноют, визжат.

Я побежал к своему отряду. Особенного страха я не испытывал, я знал, что ночная стрельба недействительна, и мне только хотелось проделать все как можно правильнее и лучше. Поэтому, когда луна осветила поле, я бросился ничком и так отполз в тень домов, там уже идти было почти безопасно. Мой товарищ, унтер-офицер, возвратился одновременно со мной. Он еще не дошел до края деревни, когда началась пальба. Мы вернулись к коням. В одинокой халупе обменялись впечатлениями, поужинали хлебом с салом, офицер написал и отправил донесение, и мы вышли опять посмотреть, нельзя ли что-нибудь устроить. Но, увы! — ночной ветер в клочья изодрал тучи, круглая, красноватая луна опустилась над неприятельскими позициями и слепила нам глаза. Нас было видно как на ладони, мы не видели ничего. Мы готовы были плакать с досады и, назло судьбе, все-таки поползли в сторону неприятеля. Луна могла же опять скрыться или мог же нам встретиться какой-нибудь шальной разведчик! Однако ничего этого не случилось, нас только обстреляли, и мы уползли обратно, проклиная лунные эффекты и осторожность немцев. Все же добытые нами сведения пригодились, нас благодарили, и я получил за эту ночь Георгиевский крест.

За разведку в ночь с 20 на 21 ноября Гумилев получил свой первый Георгиевский крест. В приказе № 181 по Уланскому полку от 13 января 1915 года было объявлено: «Приказом по Гвардейскому Кавалерийскому корпусу от 24 декабря 1914 г. за № 30 за отличия в делах против германцев награждаются: ‹...› Георгиевскими крестами 4 степени: эскадрона Е.В. унтер-офицер Николай Гумилев п.18 № 134060...»[311] В приказе Гумилев значится унтер-офицером, хотя на самом деле это звание ему было присвоено приказом по полку № 183 от 15 января 1915 года: «Улан из охотников эскадрона Ея Величества Николай Гумилев ‹...› за отличия произвожу в унтер-офицеры»[312]. В приказе по полку № 286 от 28 апреля 1915 года, «в дополнение к приказу по полку ‹...› от 13 января за № 181 ‹...› объявляю список нижних чинов, награжденных за отличия в делах против неприятеля Георгиевскими крестами и медалями с указанием времени совершения подвигов». В сводной таблице, под номером 59, записан унтер-офицер охотник эскадрона ЕВ Николай Гумилев, награжденный за дело 20 ноября 1914 года крестом 4-й степени № 134060[313].

Двое суток прошли в непрерывных столкновениях с противником. Эскадрон Гумилева постоянно участвовал в разведывательных разъездах. О серьезности боевых действий говорит то, что за бой 20 ноября командир Уланского полка Княжевич был представлен к Георгиевскому оружию. В представлениях сказано: «...20 ноября 1914 г. около 12 ч. дня командующий Гвардейским кавалерийским отрядом Свиты Его Величества ген.-майор Гилленшмидт приказал командиру Л.-Гв. Уланского Е.В. полка полковнику Княжевичу занять спешенными уланами позицию у шоссе к г. Петрокову, шагах в трехстах восточнее опушки леса, что между Белхатовым и Велеполе, с целью упорно задерживать дальнейшее наступление германцев, угрожавших Петрокову. В 3 ч. дня противник начал артиллерийскую подготовку, а около 4-х ч. дня под прикрытием сильного арт. огня повел энергичное наступление против улан и соседнего участка конногренадер. Со своего наблюдательного пункта впереди д. Гута я слышал сигналы на рожках и крики немецкой пехоты (во много раз сильнейшей гвардейской резервной дивизии), готовившейся атаковать. Вскоре завязался горячий бой, в течение которого был тяжело ранен командир 1 бригады ген.-майор Лопухин, и командование 1-й бригадой перешло к полковнику Княжевичу. Последний, несмотря на потери, подвергаясь серьезной личной опасности, удерживался до седьмого часа вечера, после чего в порядке отвел свою бригаду на 2-ю позицию у д. Мзурки, где прочно занял ряд хуторов намеченного наступления, которое было остановлено. Прислуга при пулеметах сильно пострадала, почему по приказанию полк. Княжевича уланы вынесли их на руках. Когда было приказано отходить, то он сам до последней минуты, оставаясь при арьергарде и находясь в большой опасности, своим примером спокойствия и распорядительности вселял в людях полную уверенность, почему отход совершился без суеты и без особых потерь в людях и имуществе (пулеметы были блестяще вынесены). Значение упорной обороны полковника Княжевича на Велепольской позиции выразилось в том, что благодаря ей мы успели твердо обосноваться на позициях Мзурки — Рокшицы, что отстаивали Петроков вплоть до 2 декабря, что мы не позволили противнику вклиниться в промежуток между двумя нашими армиями...»[314]

Во время этого боя несколько улан было убито, многие были ранены. О потерях в личном составе сказано в приказе по Уланскому полку № 127 от 20.11.1914[315]. Эскадрон, в котором служил Гумилев, судя по документам, в этот день вел разведку перед боем, участвовал в бою и вел разведку после боя, за что поэт заработал свой первый Георгиевский крест. Через несколько дней, 25 ноября, скончался от ран командир 1-й бригады

и Конно-Гренадерского полка генерал-майор Лопухин[316]. В главе III много цензурных купюр, в которые, видимо, попало и описание самого боя; в тексте остался лишь небольшой фрагмент. После боя Уланский полк отошел на бивак в Мзурки. Описание этого бивака и очередного дальнего разъезда 21 ноября — в конце главы III.

…………………………………………………………………………………………

Поздно ночью мы отошли на бивак ……………………….. в большое имение.

…………………………………………………………………………………………

……………. *В комнатке садовника мне его жена вскипятила кварту молока, я поджарил в сале колбасу, и мой ужин разделили со мной мои гости: вольноопределяющийся, которому только что убитая под ним лошадь отдавила ногу, и вахмистр со свежей ссадиной на носу, его так поцарапала пуля. Мы уже закурили и мирно беседовали, когда случайно забредший к нам унтер сообщил, что от нашего эскадрона высылается разъезд. Я внимательно себя проэкзаменовал и увидел, что я выспался или, вернее, выдремался в снегу, что я сыт, согрелся и что нет основания мне не ехать. Правда, первый миг неприятно было выйти из теплой, уютной комнаты на холодный и пустынный двор, но это чувство сменилось бодрым оживлением, едва мы нырнули по невидной дороге во мрак, навстречу неизвестности и опасности.*

Разъезд был дальний, и поэтому офицер дал нам вздремнуть, часа три, на каком-то сеновале. Ничто так не освежает, как короткий сон, и наутро мы ехали уже совсем бодрые, освещаемые бледным, но все же милым солнцем. Нам было поручено наблюдать район версты в четыре и сообщать обо всем, что мы заметим. Местность была совершенно ровная, и перед нами как на ладони виднелись три деревни. Одна была занята нами, о двух других ничего не было известно.

Держа винтовки в руках, мы осторожно въехали в ближайшую деревню, проехали ее до конца и, не обнаружив неприятеля, с чувством полного удовлетворения напились парного молока, вынесенного нам красивой словоохотливой старухой. Потом офицер, отозвав меня в сторону, сообщил, что хочет дать мне самостоятельное поручение ехать старшим над двумя дозорными в следующую деревню. Поручение пустяшное, но все-таки серьезное, если принять во внимание мою неопытность в искусстве войны, и главное — первое, в котором я мог проявить свою инициативу. Кто не знает, что во всяком деле начальные шаги приятнее всех остальных.

Я решил идти не лавой, то есть в ряд, на некотором расстоянии друг от друга, а цепочкой, то есть один за другим. Таким образом, я подвергал меньшей опасности людей и получал возможность скорее сообщить разъезду что-нибудь новое. Разъезд следовал за нами. Мы въехали в деревню и оттуда заметили большую колонну германцев, двигавшуюся верстах в двух от нас. Офицер остановился, чтобы написать донесение, я для очистки совести поехал дальше. Круто загибавшаяся дорога вела к мельнице. Я увидел около нее кучку спокойно стоявших жителей и, зная, что они всегда удирают, предвидя столкновение, в котором может достаться и им шальная пуля, рысью подъехал, чтобы расспросить о немцах. Но едва мы обменялись приветствиями, как они с искаженными лицами бросились врассыпную, и передо мной взвилось облачко пыли, а сзади послышался характерный треск винтовки. Я оглянулся.

…………………………………………………………………………………………

……………. *На той дороге, по которой я только что проехал, куча всадников и пеших в черных, жутко чужого цвета шинелях изумленно смотрела на меня. Очевидно, меня только что заметили. Они были шагах в тридцати.*

Я понял, что на этот раз опасность действительно велика. Дорога к разъезду мне была отрезана, с двух других сторон двигались неприятельские колонны. Оставалось скакать прямо от немцев, но там далеко раскинулось вспаханное поле, по которому нельзя идти галопом, и я десять раз был бы подстрелен, прежде чем вышел бы из сферы огня. Я выбрал среднее и, огибая врага, помчался перед его фронтом к дороге, по которой ушел наш разъезд. Это была трудная минута моей жизни. Лошадь спотыкалась о мерзлые комья, пули свистели мимо ушей, взрывали землю передо мной и рядом со мной, одна оцарапала луку моего седла. Я не отрываясь смотрел на врагов. Мне были ясно видны их лица, растерянные в момент заряжания, сосредоточенные в момент выстрела. Невысокий пожилой офицер, странно вытянув руку, стрелял в меня из револьвера. Этот звук выделялся каким-то дискантом среди остальных. Два всадника выскочили, чтобы преградить мне дорогу. Я выхватил шашку, они замялись. Может быть, они просто побоялись, что их подстрелят их же товарищи.

Все это в ту минуту я запомнил лишь зрительной и слуховой памятью, осознал же это много позже. Тогда я только придерживал лошадь и бормотал молитву Богородице, тут же мною сочиненную и сразу забытую по миновании опасности.

Но вот и конец пахотному полю — и зачем только люди придумали земледелие?! — вот канава, которую я беру почти бессознательно, вот гладкая дорога, по которой я полным карьером догоняю свой разъезд. Позади него, не обращая внимания на пули, сдерживает свою лошадь офицер. Дождавшись меня, он тоже переходит в карьер и говорит со вздохом облегчения: «Ну, слава Богу! Было бы ужасно глупо, если б вас убили». Я вполне с ним согласился.

Остаток дня мы провели на крыше одиноко стоящей халупы, болтая и посматривая в бинокль. Германская колонна, которую мы заметили раньше, попала под шрапнель и повернула обратно. Зато разъезды шныряли по разным направлениям. Порой они сталкивались с нашими, и тогда до нас долетал звук выстрелов. Мы ели вареную картошку, по очереди курили одну и ту же трубку.

21–23 ноября немецкое наступление было приостановлено. 1-я бригада с Уланским полком отошла к югу и встала на бивак в Кржижанове[317]. В эти дни шла сильная перестрелка, постоянно высылались разведывательные разъезды для выяснения расположения противника. Один из таких разъездов описан в эпизоде 1 главы IV.

IV

1

Немецкое наступление было приостановлено. Надо было расследовать, какие пункты занял неприятель, где он окапывается, где попросту помещает заставы. Для этого высылался ряд разъездов, в состав одного из них вошел и я.

Сереньким утром мы затрусили по большой дороге. Навстречу нам тянулись целые обозы беженцев. Мужчины оглядывали нас с любопытством и надеждой, дети тянулись к нам, женщины, всхлипывая, причитали: «Ой, панычи, не езжайте туда, там вас забьют германи».

В одной деревне разъезд остановился. Мне с двумя солдатами предстояло проехать дальше и обнаружить неприятеля. Сейчас же за околицей окапывались наши пехотинцы, дальше тянулось поле, над которым рвались шрапнели, там на рассвете был бой и германцы отошли, — дальше чернел небольшой фольварк. Мы рысью направились к нему.

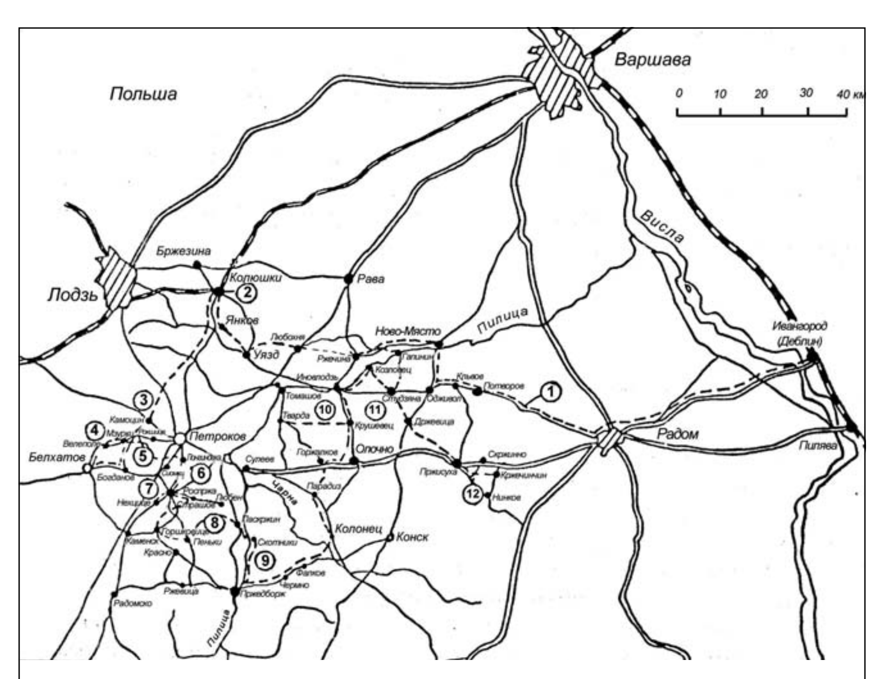
Вправо и влево почти на каждой квадратной сажени валялись трупы немцев. В одну минуту я насчитал их сорок, но их было много больше. Были и раненые. Они как-то внезапно начинали шевелиться, проползали несколько шагов и замирали опять. Один сидел у самого края дороги и, держась за голову, раскачивался и стонал. Мы хотели его подобрать, но решили сделать это на обратном пути.

До фольварка мы доскакали благополучно. Нас никто не обстрелял. Но сейчас же за фольварком услышали удары заступа о мерзлую землю и какой-то незнакомый говор. Мы спешились, и я, держа винтовку в руках, прокрался вперед, чтобы выглянуть из-за угла крайнего сарая. Передо мной возвышался небольшой пригорок, и на хребте его германцы рыли окопы. Видно было, как они останавливаются, чтобы потереть руки и закурить, слышен был сердитый голос унтера или офицера. Влево темнела роща, из-за которой неслась орудийная пальба. Это оттуда обстреливали поле, по которому я только что проехал. Я до сих пор не понимаю, почему германцы не выставили никакого пикета в самом фольварке. Впрочем, на войне бывают и не такие чудеса.

Я все выглядывал из-за угла сарая, сняв фуражку, чтобы меня приняли просто за любопытствующего «вольного», когда почувствовал сзади чье-то легкое прикосновение. Я быстро обернулся. Передо мной стояла неизвестно откуда появившаяся полька с изможденным, скорбным лицом. Она протягивала мне пригоршню мелких, сморщенных яблок: «Возьми, пан солдат, то есть добже, цукерно». Меня каждую минуту могли заметить, обстрелять; пули летели бы и в нее. Понятно, было невозможно отказаться от такого подарка.

Мы выбрались из фольварка. Шрапнель рвалась чаще и чаще и на самой дороге, так что мы решили скакать обратно поодиночке. Я надеялся подобрать раненого немца, но на моих глазах над ним низко, низко разорвался снаряд, и все было кончено.

В дальнейшем Гумилев в «Записках кавалериста» строго соблюдал хронологическую последовательность, поэтому никаких перестановок больше не будет. Описанная в эпизоде «3» главы IV «сравнительно тихая» неделя — с 24 по 30 ноября 1914 года. В начале этой недели полк оставался на прежних позициях в районе Кржижанова. Но прежде, чем продолжить чтение «Записок кавалериста», приведу одно «затерявшееся» письмо Гумилева Ахматовой, недатированное, но написанное, почти наверняка, в эту «сравнительно тихую неделю»[318]:

Карта 2 к «Запискам кавалериста» (Главы III–VI)

1 — дорога от Ивангорода, через Радом, по Южной Польше (начало главы III).
2 — расположение Уланского полка около ж/д станции Колюшки (глава III).
3 — переход от Колюшек в район Петрокова и разъезды на Белхатов (конец главы III).
4 — расположение в районе д. Мзурки, бой под Велеполе и последующая ночная разведка, за которую Н. Гумилев получил первый Георгиевский крест (глава IV/1, 2).
5 — разведка вокруг Петрокова и расположение Уланского полка у д. Сиомки (глава IV/3).
6 — бивак в Лонгиновке (конец главы IV).
7 — штаб Уральской казачьей дивизии в Роспрже (глава V/1).
8 — осуществление связи между Уральской дивизией и Уланским полком (глава V/2).
9 — дом ксендза в Скотниках (глава V/3).
10 — переход на позиции вдоль р. Пилица и наблюдение за боем пехоты у д. Тварда (глава VI/1–2).
11 — расположение вдоль Пилицы и бой у д. Иноводзь (глава VI/3).
12 — расположение Уланского полка на отдых в Кржечинчине перед переброской на другой фронт (в Олиту).

«‹Польша, конец ноября 1914›
Дорогая моя Анечка,

наконец могу написать тебе довольно связно. Сижу в польской избе перед столом на табурете, очень удобно и даже уютно. Вообще война мне очень напоминает мои абиссинские путешествия. Аналогия почти полная: недостаток экзотичности покрывается более сильными ощущеньями.

Грустно только, что здесь инициатива не в моих руках, а ты знаешь, как я привык к этому. Однако и повиноваться мне не трудно, особенно при таком милом ближайшем начальстве, как у меня. Я познакомился со всеми офицерами своего эскадрона и часто бываю у них. Ça me pose parmi les soldats (*Это меня выделяет среди солдат — франц. — С.Е.*), хотя они и так относятся ко мне хорошо и уважительно. Если бы только почаще бои, я был бы вполне удовлетворен судьбой. А впереди еще такой блистательный день, как день вступления в Берлин! В том, что он наступит, сомневаются, кажется, только "вольные", то есть не военные. Сообщенья главного штаба поражают своей сдержанностью, и по ним трудно судить обо всех наших успехах. Австрийцев уже почти не считают за врагов, до такой степени они не воины, что касается германцев, то их кавалерия удирает перед нашей, наша артиллерия всегда заставляет замолчать их, наша пехота стреляет вдвое лучше и бесконечно сильнее в атаке, уже потому, что наш штык навинчен с начала боя и солдат стреляет с ним, а у германцев и австрийцев штык закрывает дуло и поэтому его надо надевать в последнюю минуту, что психологически невозможно.

Я сказал, что в победе сомневаются только вольные, не отсюда ли такое озлобленье против немцев, такие потоки клеветы на них в газетах и журналах? Ни в Литве, ни в Польше я не слыхал о немецких зверствах, ни об одном убитом жителе, изнасилованной женщине. Скотину и хлеб они действительно забирают, но, во-первых, им же нужен провиант, а во-вторых, им надо лишить провианта нас; то же делаем и мы, и поэтому упреки им косвенно падают и на нас — а это несправедливо. Мы, входя в немецкий дом, говорим "gut" и даем сахар детям, они делают то же, приговаривая "карошь". Войско уважает врага, мне кажется, и газетчики могли бы поступать так же. А рождается рознь между армией и страной. И это не мое личное мненье, так думают офицеры и солдаты, исключенья редки и трудно объяснимы или, вернее, объясняются тем, что "немцеед" находился все время в глубоком тылу и начитался журналов и газет.

Мы, наверно, скоро опять попадем в бой, и в самый интересный, с кавалерией. Так что вы не тревожьтесь, не получая от меня некоторое время писем, убить меня не убьют (ты ведь знаешь, что поэты — пророки), а писать будет некогда. Если будет можно, после боя я пришлю телеграмму, не пугайтесь, всякая телеграмма непременно успокоительная.

Теперь про свои дела: я тебе послал несколько стихотворений, но их в "Войне" надо заменить, строфы 4-ю и 5-ю про дух следующими[319]:

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы... и т. д.

Вот человек предполагает, а Бог располагает. Приходится дописывать письмо стоя и карандашом.

Вот мой адрес: 102 полевая контора. Остальное все как прежде.

Твой всегда Коля».

Письмо это писалось параллельно с продолжением «Записок кавалериста», написанных также в «сравнительно тихую» неделю конца ноября 1914 года. В «Записках» упоминается «декабрь». Предполагаю, что подразумевался местный «новый стиль». Как будет видно далее, по «старому стилю» назвать начало декабря тихим никак нельзя.

3 (из главы III)

Следующая неделя выдалась сравнительно тихая. Мы седлали еще в темноте, и по дороге к позиции я любовался каждый день одной и той же мудрой и яркой гибелью утренней звезды на фоне акварельно-нежного рассвета. Днем мы лежали на опушке большого соснового леса и слушали отдаленную пушечную стрельбу. Слегка пригревало бледное солнце, земля была густо устлана мягкими странно пахнущими иглами. Как всегда зимою, я томился по жизни летней природы, и так сладко было, совсем близко вглядываясь в кору деревьев, замечать в ее грубых складках каких-то проворных червячков и микроскопических мушек. Они куда-то спешили, что-то делали, несмотря на то что на дворе стоял декабрь. Жизнь теплилась в лесу, как внутри черной, почти холодной головешки теплится робкий тлеющий огонек. Глядя на нее, я всем существом радостно чувствовал, что сюда опять вернутся большие диковинные птицы и птицы маленькие, но с хрустальными, серебряными и малиновыми голосами, распустятся душно пахнущие цветы, мир вдоволь нальется бурной красотой для торжественного празднования колдовской и священной Ивановой ночи.

Иногда мы оставались в лесу на всю ночь. Тогда, лежа на спине, я часами смотрел на бесчисленные ясные от мороза звезды и забавлялся, соединяя их в воображении золотыми нитями. Сперва это был ряд геометрических чертежей, похожий на развернутый свиток Кабалы. Потом я начинал различать, как на затканном золотом ковре, различные эмблемы, мечи, кресты, чаши в не понятных для меня, но полных нечеловеческого смысла сочетаниях. Наконец явственно вырисовывались небесные звери. Я видел, как Большая Медведица, опустив морду, принюхивается к чьему-то следу, как Скорпион шевелит хвостом, ища, кого ему ужалить. На мгновенье меня охватывал невыразимый страх, что они посмотрят вниз и заметят там нашу землю. Ведь тогда она сразу обратится в безобразный кусок матово-белого льда и помчится вне всяких орбит, заражая своим ужасом другие миры. Тут я обыкновенно шепотом просил у соседа махорки, свертывал цигарку и с наслаждением выкуривал ее в руках — курить иначе значило выдать неприятелю наше расположение.

Не из описываемых ли в этом эпизоде наблюдений за звездами, когда поэта «охватывал невыразимый страх», родилась впоследствии поэма «Звездный ужас», строки из которой вспоминала как в «Записных книжках» Ахматова, так и О. Мандельштам?

Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился,
Потому что столькими очами
На него взирает с неба черный,
И его высматривает тайны...[320]

В конце недели нас ждала радость. Нас отвели в резерв армии, и полковой священник совершил богослужение. Идти на него не принуждали, но во всем полку не было ни одного человека, который бы не пошел. На открытом поле тысяча человек выстроились стройным четырехугольником, в центре его священник в золотой ризе говорил вечные и сладкие слова, служа молебен. Было похоже на полевые молебны о дожде в глухих, далеких русских деревнях. То же необъятное небо вместо купола, те же простые и родные, сосредоточенные лица. Мы хорошо помолились в тот день.

В конце недели, в пятницу 28 ноября, дивизию отвели на отдых за Петроков. Уланский полк расположился в Лонгиновке[321]. В субботу 29 ноября в полку было объявлено: «Завтра в 11 часов утра около расположения штаба полка (Бол. Майков) будет отслужена Божественная Литургия, а после нее панихида по всем убитым в эту войну чинам полка. К означенному времени выслать всех желающих нижних чинов полка, а всем певчим собраться в 8½ часа утра» [322]. Полковым священником у улан был протоиерей Смоленский, пожалованный приказом № 127 от 20 ноября 1914 года орденом Св. Владимира 3-й ст.: «§ 11. Высочайшим приказом в 6-й день ноября с.г. протоиерею Смоленскому за особые заслуги пожалован орден Св. Владимира 3‹-й› ст. Объявленную о сем предписанную награду эту внести в его послужной список»[323].

С началом 20-х чисел ноября, когда Гумилев заработал своего первого Георгия, связано еще несколько событий. В том же приказе № 127 сказано: «§ 10. Сего числа я имел счастье получить от Ея Императорского Величества Государыни императрицы Александры Феодоровны телеграмму следующего содержания: “Спасибо, дорогие мои уланы, что вспомнили своего шефа в эту 20-ю годовщину. Да хранит и подкрепит Вас Господь на поле брани. Александра”». 14 ноября 1894 года в Большой церкви Зимнего дворца венчались Александра Федоровна и Николай II. В полку это событие всегда отмечали. 21 ноября в Петрограде, в «Бродячей собаке», состоялся первый после начала войны «Вечер поэтов петроградского Парнаса»[324]; среди выступавших — Ахматова, Мандельштам, Шилейко, Кузмин, Городецкий, Тэффи, Северянин и др. В программе было объявлено о чтении стихов Гумилева. А на другом фронте, в бою при дер. Грабие, в Верхней Галиции, 22 ноября был сильно контужен шрапнелью поручик 294-го пехотного Березинского полка, брат Николая Гумилева — Дмитрий Степанович Гумилев[325].

Польша, бои вдоль речки Пилица в начале декабря 1914 года

В следующей главе описываются события с 1 по 4 декабря 1914 года. 1 декабря 1914 года командир корпуса Гилленшмидт издал приказ № 14 об отходе за р. Пилицу. В нем 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии предписывалось: «2 Гв. кав. див. в 3 часа дня выслать 4 развед. эскадрона, коими занять линию обороны ‹…› у д. Милакова, Букова, Заводова, Ленкава (удерживать эти пункты). Всей дивизии с темнотой сосредоточиться в р-не Нехцице, имея 2 эскадрона в Роспрже и Каменске. В случае наступления противника задерживать его на линии Роспржа — Каменск и не отходить от этой линии до очищения Петрокова...»[326] Вместе со 2-й Гв. кав. дивизией натиск противника в эти дни сдерживали Забайкальская казачья бригада и Уральская казачья дивизия. В приказе № 15 от 1 декабря Гилленшмидт дополнительно указывает: «В случае натиска противника и невозможности удерживать позиции отходить: ‹...› Уральской казачьей дивизии — отходить в полной связи с кирасирами и 2-й Гв. кав. дивизией на Ежова — Страшов — Любен — Зыгмунтов ‹...›. 2-й Гв. кав. дивизии — отходить в полной связи с Уральской и 13 кавалерийской дивизиями на Горжковицы — Пржедборж, где наблюдать и оборонять от Тарас искл. до устья р. Черны возле Цементники. Штаб корпуса в г.дв. Домброва. Отход лишь под натиском и предупреждением соседей...»[327]

Взвод Гумилева, входивший в один из двух эскадронов улан, оставленных в Роспрже («большое местечко Р.»), обеспечивал «полную связь» с Уральской казачьей дивизией. Штаб корпуса в эти дни размещался в Сулееве, потом перешел в Опочно, и Гумилеву подолгу приходилось его разыскивать.

V

1

Было решено выровнять фронт, отойдя верст на тридцать, и кавалерия должна была прикрывать этот отход. Поздно вечером мы приблизились к позиции, и тотчас же со стороны неприятеля на нас опустился и медленно застыл свет прожектора, как взгляд высокомерного человека. Мы отъехали, он, скользя по земле и по деревьям, последовал за нами. Тогда мы галопом описали петли и стали за деревню, а он еще долго тыкался туда и сюда, безнадежно отыскивая нас.

Мой взвод был отправлен к штабу казачьей дивизии, чтобы служить связью между ним и нашей дивизией. Лев Толстой в «Войне и мире» посмеивается над штабными и отдает предпочтение строевым офицерам. Но я не видел ни одного штаба, который уходил бы раньше, чем снаряды начинали рваться над его помещением. Казачий штаб расположился в большом местечке Р. Жители бежали еще накануне, обоз ушел, пехота тоже, но мы сидели больше суток, слушая медленно надвигающуюся стрельбу, — это казаки задерживали неприятельские цепи. Рослый и широкоплечий полковник каждую минуту подбегал к телефону и весело кричал в трубку: «Так... отлично... задержитесь еще немного... все идет хорошо...» И от этих слов по всем фольваркам, канавам и перелескам, занятым казаками, разливались уверенность и спокойствие, столь необходимые в бою. Молодой начальник дивизии, носитель одной из самых громких фамилий России, по временам выходил на крыльцо послушать пулеметы и улыбался тому, что все идет так, как нужно.

Именно этот штаб в Роспрже описан во фрагменте 1. «*Рослый и широкоплечий полковник*» — это начальник штаба Уральской казачьей дивизии полковник Свечин[328]. «*Молодой начальник дивизии, носитель одной из самых громких фамилий России*» — исполнявший в эти дни обязанности командира Уральской казачьей дивизии генерал-майор граф Петр Михайлович Стенбок[329]. Ему тогда было 45 лет (род. 11 апреля 1869 г.) При первой подготовке комментариев к «Запискам кавалериста» вначале вызвала сомнение фамилия — Стенбок[330]. Но, как выяснилось, во времена Гумилева род Стенбоков был действительно знаменит, и особенно известен в военных кругах. Его корни уходят в Швецию. Позже Стенбоки приняли рос-

сийское подданство, и из их среды вышло множество крупных военачальников. Именно так и воспринял эту фамилию Гумилев.

Мы, уланы, беседовали со степенными бородатыми казаками, проявляя при этом ту изысканную любезность, с которой относятся друг к другу кавалеристы разных частей.

К обеду до нас дошел слух, что пять человек нашего эскадрона попали в плен. К вечеру я уже видел одного из этих пленных, остальные высыпались на сеновале. Вот что с ними случилось. Их было шестеро в сторожевом охранении. Двое стояли на часах, четверо сидели в халупе. Ночь была темная и ветреная, враги подкрались к часовому и опрокинули его. Подчасок дал выстрел и бросился к коням, его тоже опрокинули. Сразу человек пятьдесят ворвались во двор и принялись палить в окна дома, где находился наш пикет. Один из наших выскочил и, работая штыком, прорвался к лесу, остальные последовали за ним, но передний упал, запнувшись на пороге, на него попадали и его товарищи. Неприятели, это были австрийцы, обезоружили их и под конвоем тоже пяти человек отправили в штаб. Десять человек оказались одни, без карты, в полной темноте, среди путаницы дорог и тропинок.

По дороге австрийский унтер-офицер на ломаном русском языке все расспрашивал наших, где «кози», то есть казаки. Наши с досадой отмалчивались и наконец объявили, что «кози» именно там, куда их ведут, в стороне неприятельских позиций. Это произвело чрезвычайный эффект. Австрийцы остановились и принялись о чем-то оживленно спорить. Ясно было, что они не знали дороги. Тогда наш унтер-офицер потянул за рукав австрийского и ободрительно сказал: «Ничего, пойдем, я знаю, куда идти». Пошли, медленно загибая в сторону русских позиций.

В белесых сумерках утра среди деревьев мелькнули серые кони — гусарский разъезд. «Вот и кози!» — воскликнул наш унтер, выхватывая у австрийца винтовку. Его товарищи обезоружили остальных. Гусары немало смеялись, когда вооруженные австрийскими винтовками уланы подошли к ним, конвоируя своих только что захваченных пленных. Опять пошли в штаб, но теперь уже русский. По дороге встретился казак. «Ну-ка, дядя, покажи себя», — попросили наши. Тот надвинул на глаза папаху, всклокочил пятерней бороду, взвизгнул и пустил коня вскачь. Долго после этого пришлось ободрять и успокаивать австрийцев.

2 декабря началось наступление противника. В дивизионном деле указывается, что 2 эскадрона улан находятся в Роспрже, а противник располагается по линии Грабица — Ржахта — Монколице — Бугай[331], лежащей западнее Петрокова. Из журнала боевых действий Уральской казачьей дивизии: «В приказе по конному отряду указывалось, что ввиду необходимости сохранения фронта ю.-з. армии для нанесения удара противнику южнее группой 4-й армии приказано было в ночь на 2 декабря начать отход за р. Пилица. ‹…› 2 декабря с 11 часов утра противник перешел в наступление и начал теснить наши полки. Ввиду категорического приказания Генерала Гилленшмидта, чтобы казаки занимали западную часть линии обороны между колонией Рокшица и Вулька, на участок был направлен полк. Противник наступает главным образом через Козероги и Пекарки на Рокшице. На находящуюся южнее Уральской 2-ую Гв. кавалерийскую дивизию противник также особенного давления не производит, направив главный удар в направлении к Петрокову. К вечеру полки Уральской дивизии заняли линию Буйны — Сиомки, имея сотни в дд. Кренжня, Воля Кршитопорске ‹...› Штаб дивизии, предполагавший ночевать в д. Кржижанове, ввиду занятия противником д. Рокшице перешел ночевать в пос. Роспржу»[332]. В то же время из штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, располагавшегося в Нехцице, доносили: «2 декабря. Сегодня на фронте дивизии к 2 часам дня обозначилось наступление небольших партий противника (пехота) на фронте Богданов — Янов. ‹…› Дивизия с наступлением темноты отходит на Горжковицы, выставив охранение по линии Некцице — Михалова, и имея 2 эскадрона улан в Роспрже...»[333] Таким образом, весь день 2 декабря Гумилев провел в Роспрже, доставляя донесения от штаба Уральской казачьей дивизии в штаб своей 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии и в штаб корпуса. Только поздно вечером отдельные полки Уральской дивизии сосредоточились в Роспрже: «...командующий дивизией Граф Стенбок приказал идти в п. Роспржу, куда части дивизии и батареи прибыли в полной темноте по разным дорогам около 10–11 часов вечера и расположились квартиро-биваком в самом посаде очень тесно по грязным дворам...»[334]

Ввиду постоянного движения частей, находить каждый раз месторасположение штабов было весьма затруднительно, что Гумилев отметил в следующем фрагменте «Записок кавалериста». Фрагмент «2» описывает события 3 декабря 1914 года. Наступление противника продолжалось. 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия начала отход по дороге Сулеев — Парадиз — Опочно — Гельнев. Из приказа № 17: «За ночь противник оттеснил наше сторожевое охранение за ж/д и в 3 часа ночи занял Петроков. Всем дивизиям продолжать выполнять задания в своих полосах. Отходить только под давлением. На реке Пилица удерживать указанные участки»[335]. В Штаб Северо-Западного фронта поступило сообщение, что Гилленшмидт, не предупредив V Армию, ушел из Петрокова, порвав с ней связь[336]. Располагавшийся с вечера 2 декабря в Горжковицах штаб 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии и вся дивизия, включая Уланский полк, начали отход в сторону Пилицы. Из донесения, доставленного уланами (эскадроном Гумилева) в штаб Уральской дивизии: «Дивизия от Горжковица отходит в направлении на Кросно, Цесле, Охотник, Прждборж...»[337] Уральская казачья дивизия также начала отход. Штаб Уральской дивизии утром 3 декабря отошел из Роспржи в расположенный в четырех верстах Страшов[338]. Из Страшова Гумилеву нужно было проехать в расположение своей дивизии в Пеньки Горжковицке, где еще утром размещался штаб дивизии[339]. Дорога Гумилева в штаб дивизии должна была пройти через Роспржу.

2

На следующий день штаб казачьей дивизии и мы с ним отошли версты за четыре, так что нам были видны только фабричные трубы местечка Р. Меня послали с донесением в штаб нашей дивизии. Дорога лежала через Р., но к ней уже подходили германцы. Я все-таки сунулся, вдруг удастся проскочить. Едущие мне навстречу офицеры последних казачьих отрядов останавливали меня вопросом — вольноопределяющийся, куда? — и, узнав, с сомнением покачивали головой. За стеною крайнего дома стоял десяток спешенных казаков с винтовками наготове. «Не проедете, — сказали они, — вон уже где палят». Только я выдвинулся, как защелкали выстрелы, запрыгали пули. По главной улице двигались навстречу мне толпы германцев, в переулках слышался шум

других. Я поворотил, за мной, сделав несколько залпов, последовали и казаки.

На дороге артиллерийский полковник, уже останавливавший меня, спросил: «Ну что, не проехали?» — «Никак нет, там уже неприятель». — «Вы его сами видели?» — «Так точно, сам». Он повернулся к своим ординарцам: «Пальба из всех орудий по местечку». Я поехал дальше.

Встреченный Гумилевым артиллерийский полковник — это командир 7-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона полковник Греков. Этот дивизион входил в состав Уральской казачьей дивизии. Из журнала боевых действий 7-го Донского дивизиона: «…14 батарея двигалась с главными силами, и ей было приказано занять позиции к востоку от Страшова. Позиция была укрытая, но с наблюдательного (крыша дома) видно было плохо, так как по берегу реки были заросли. Получено донесение, что по дороге от Ежова на Роспржу наступал противник, поэтому приказано эту дорогу обстреливать, но только до Магдаленки, где еще были наши части (12 ¼ дня). В 12 ½ ч. дня приказано открыть огонь. В 2 часа дня приказано открыть огонь 4 орудиями по Роспрже, а 2 орудиями по Бялоцин. Неприятельская артиллерия хотя и стреляла по дер. Страшев и по сделанным впереди ее окопам, но поражения не было. Около 3–4 час. дня получены донесения, что с северо-запада двигается неприятель и может отрезать от пути нашего отхода, поэтому дивизия и батарея снялись с позиции и пошли через Любень — Стобница на ночлег в Домбровку, куда квартирьером послан с дороги сотник Чекин. В Стобнице от командира пехотной бригады получено сведение, что Домбровка будет занята пехотой, поэтому на ночлег пошли в Паскржин, куда части прибыли около 10 час. вечера. Ночью около 11–12 час. приказано перейти в Скотники, куда прибыли около 3–4 час. ночи. Всего пройдено 25 верст. ‹…› Сотник Чекин в Скотники прибыл только 4 декабря утром, так как посланный за ним в темноте его не нашел»[340].

Обстрел Роспржи в 2 часа дня начался сразу после встречи Гумилева с полковником Грековым.

Однако мне все-таки надо было пробраться в штаб. Разглядывая старую карту этого уезда, случайно оказавшуюся у меня, советуясь с товарищем — с донесением всегда посылают двоих — и расспрашивая местных жителей, я кружным путем через леса и топи приближался к назначенной мне деревне. Двигаться приходилось по фронту наступающего противника, так что не было ничего удивительного в том, что при выезде из какой-то деревушки, где мы только что, не слезая с седел, напились молока, нам под прямым углом перерезал путь неприятельский разъезд. Он, очевидно, принял нас за дозорных, потому что вместо того, чтобы атаковать нас в конном строю, начал быстро спешиваться для стрельбы. Их было восемь человек, и мы, свернув за дома, стали уходить. Когда стрельба стихла, я обернулся и увидел за собой на вершине холма скачущих всадников — нас преследовали; они поняли, что нас только двое.

В это время сбоку опять послышались выстрелы, и прямо на нас карьером вылетели три казака — двое молодых, скуластых парней и один бородач. Мы столкнулись и придержали коней. «Что там у вас?» — спросил я бородача. «Пешие разведчики, с полсотни. А у вас?» — «Восемь конных». Он посмотрел на меня, я на него, и мы поняли друг друга. Несколько секунд помолчали. «Ну, поедем, что ли!» — вдруг словно нехотя сказал он, а у самого так и зажглись глаза. Скуластые парни, глядевшие на него с тревогой, довольно тряхнули головой и сразу стали заворачивать коней. Едва мы поднялись на только что оставленный нами холм, как увидели врагов, спускавшихся с противоположного холма. Мой слух обжег не то визг, не то свист, одновременно напоминающий моторный гудок и шипенье большой змеи, передо мной мелькнули спины рванувшихся казаков, и я сам бросил поводья, бешено заработал шпорами, только высшим напряжением воли вспомнив, что надо обнажить шашку. Должно быть, у нас был очень решительный вид, потому что немцы без всякого колебания пустились наутек. Гнали они отчаянно, и расстояние между нами почти не уменьшалось. Тогда бородатый казак вложил в ножны шашку, поднял винтовку, выстрелил, промахнулся, выстрелил опять, и один из немцев поднял обе руки, закачался и, как подброшенный, вылетел из седла. Через минуту мы уже неслись мимо него.

Но всему бывает конец! Немцы свернули круто влево, и навстречу нам посыпались пули. Мы наскочили на неприятельскую цепь. Однако казаки повернули не раньше, чем поймали беспорядочно носившуюся лошадь убитого немца. Они гонялись за ней, не обращая внимания на пули, словно в своей родной степи. «Батурину пригодится, — говорили они, — у него вчера убили доброго коня». Мы расстались за бугром, дружески пожав друг другу руки.

Штаб свой я нашел лишь часов через пять и не в деревне, а посреди лесной поляны на низких пнях и сваленных стволах деревьев. Он тоже отошел уже под огнем неприятеля.

Пока Гумилев пробирался в штаб своей дивизии, отход корпуса продолжался. Из донесения штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии в штаб Уральской дивизии Стенбоку: «В 11 ч. выяснилось движение значительных сил противника. ‹…› Наше сторожевое охранение отошло, и сейчас дивизия заняла позицию Буйнице — Буйнички. Штаб дивизии в Пеньки Горшковицке. В случае выяснения отхода левого фланга, ввиду отхода 13 Кавалерийской дивизии, думаю задержаться недолго и отходить на Бенчковице — Цесле»[341]. В следующем донесении уже указывалось: «1.40 дня из Пеньки Горшковицке. Ввиду явно обозначенного отхода моего левого фланга дивизия сейчас начинает отходить от Пеньки Горшковицке на Цесле — Охотник — Пржедборж. В случае возможности дивизия ночует перед рекой Пилицей, если нет, то постарается занять Пржедборж»[342]. Неудивительно, что Гумилеву долго пришлось разыскивать свой штаб. Разыскал он его, видимо, в лесу, недалеко от Пилицы.

Эпизод «3» относится к вечеру того же дня. Перешедший вначале в Паскржин штаб Уральской дивизии разыскать было также непросто. Из боевого дела Уральской казачьей дивизии за 3 декабря 1914 года: «…Штаб дивизии и 7 полка с артиллерийским дивизионом к вечеру занял д. Паскржин ‹…› Ночью, ввиду донесений 5 полка о движении пехоты противника от Жерехова на Пиваки, дивизия с подошедшими 3 сотнями 5 полка была переведена по мосту у д. Скотники в эту деревню. С утра дер. Скотники стала обстреливаться ружейным огнем пехоты противника, подошедшей к Паскржину и двигавшейся оттуда цепями в направлении к берегу Пилицы. Штаб дивизии находится в Скотниках…»[343]. В другом приказе Стенбока четко указывается: «Начальник дивизии приказал Вам лично немедленно прибыть в д. Скотники в дом ксендза»[344].

3

К штабу казачьей дивизии я вернулся в полночь. Поел холодной курицы и лег спать, как вдруг засуетились, послышался приказ седлать, и мы снялись с бивака по тревоге. Была беспросветная темь. Заборы и канавы вырисовывались лишь тогда, когда лошадь натыкалась на них или проваливалась. Спросонок я даже не разбирал направления. Когда ветви больно хлестали по лицу, знал, что едем по лесу, когда у самых ног плескалась вода, знал, что переходим вброд реки. Наконец остановились у какого-то большого дома. Коней поставили во дворе, сами вошли в сени, зажгли огарки... и отшатнулись, услыша громовой голос толстого старого ксендза, вышедшего нам навстречу в одном нижнем белье и с медным подсвечником в руке. «Что это такое, — кричал он, — мне и ночью не дают покою! Я не выспался, я еще хочу спать!»

Мы пробормотали робкие извинения, но он прыгнул вперед и схватил за рукав старшего из офицеров. «Сюда, сюда, вот столовая, вот гостиная, пусть ваши солдаты принесут соломы. Юзя, Зося, подушки панам, да достаньте чистые наволочки». Когда я проснулся, было уже светло. Штаб в соседней комнате занимался делом, принимал донесения и рассылал приказания, а передо мной бушевал хозяин: «Вставайте скорее, кофе простынет, все уже давно напились!» Я умылся и сел за кофе. Ксендз сидел против меня и сурово меня допрашивал. «Вы вольноопределяющийся?» — «Доброволец». — «Чем прежде занимались?» — «Был писателем». — «Настоящим?» — «Об этом я не могу судить. Все-таки печатался в газетах и журналах, издавал книги». — «Теперь пишете какие-нибудь записки?» — «Пишу». Его брови раздвинулись, голос сделался мягким и почти просительным: «Так уж, пожалуйста, напишите обо мне, как я здесь живу, как вы со мной познакомились». Я искренно обещал ему это. «Да нет, вы забудете. Юзя, Зося, карандаш и бумагу!» И он записал мне название уезда и деревни, свое имя и фамилию.

Но разве что-нибудь держится за обшлагом рукава, куда кавалеристы обыкновенно прячут разные записки, деловые, любовные и просто так? Через три дня я уже потерял все, и эту в том числе. И вот теперь я лишен возможности отблагодарить достопочтенного патера (не знаю его фамилии) из деревни (забыл ее название) не за подушку в чистой наволочке, не за кофе с вкусными пышками, но за его глубокую ласковость под суровыми манерами и за то, что он так ярко напомнил мне тех удивительных стариков-отшельников, которые так же ссорятся и дружатся с ночными путниками в давно забытых, но некогда мною любимых романах Вальтера Скотта.

Скотники — это та деревня, название которой забыл автор. Скотники расположены за рекой Пилицей. Недавно, после многолетних поисков, удалось наконец-то установить имя ксендза. Помог мне в этом житель Польши Михал Ягелло, предки которого, как и Гумилев, воевали в этих местах, а сам Михал занимается восстановлением воинских кладбищ времен Первой мировой войны. Ведь в боях под Лодзью осенью 1914 года пало более 200 тысяч наших соотечественников. Ксендзом костела в Скотниках с 1895 по 1917 год был Роман Черникевич (R. Czernikiewicz). Скончался он 21 июня 1917 года в возрасте 60 лет. Там же, на кладбище в Скотниках, он и похоронен.

Еще в этом фрагменте «Записок» следует обратить внимание на прямое свидетельство Гумилева о том, что он вел военный дневник: *«Теперь пишете какие-нибудь записки?» — «Пишу»*. Это, безусловно, подтверждает, что Гумилев делал как краткие выписки, по ходу дела, так и, когда позволяли обстоятельства, переносил их в некую тетрадь. В данном случае, ввиду сложившихся обстоятельств (непрерывные бои и разведка), он не успел переписать ни названия деревни, которое нам удалось выяснить, ни имени ксендза, которое теперь восстановлено. Судя по зафиксированной Лукницким дате, тогда же, в доме ксендза, Гумилев написал письмо матери[345].

Польша, отход войск и бои вдоль Пилицы до середины декабря 1914 года

С 4 декабря начался организованный отход кавалерийских полков корпуса с целью выравнивания линии фронта. Штаб IV Армии отошел на восток от Пилицы в Конск[346]. В приказе № 19 от 4.12.1914 сказано: «12 ч. дня. Противник наступает четырьмя колоннами, каждая силою до дивизии. Вверенному мне корпусу наблюдать и вести разведку к западу от Пилицы и оборонять реку. ‹…› 2-й Гв. кавалерийской дивизии от Скотников искл. до Целинтишки. ‹…› Разграничительная линия кирасир и 2-й Гв. кавалерийской дивизии — Страшов — Стобница — Скотники — Млынек (на Чарне)…»[347] Гумилев вернулся в расположение дивизии, в свой полк. Из донесений Стенбоку из штаба дивизии 4 ноября: «Штаб дивизии ночует в Пржедборже. В Боровы Горы ночуют два эскадрона Улан. Охранение выставлено Калинки — Охотник — Стржельце. Кросно занят в 9 вечера пехотой противника. ‹…› Начальник дивизии предполагает задержать отступление у Пржедборжа ‹…› В 10 утра арьергарды прошли Пржедборж. ‹…› Под напором противника буду переходить на другую сторону реки, взрывая переправы ‹…› Полкам приказано переходить на правый берег. Штаб дивизии переходит в Пшенанки…»[348] В этот день Уланский полк помогал Гусарскому полку: «Ввиду обозначившегося отхода нашего правого фланга и опасности быть отрезанными от переправы у г. Пржедборжа, нам на помощь был прислан Уланский полк. Задержав насколько возможно противника, был получен приказ отходить за Пилицу. Во время переправы обстреливался мост. Выполнив задачу прикрытия отхода 3-го Кавалерийского корпуса, дивизия отошла в р-н д. Фальков, где стала на ночлег»[349]. С этого момента начался планомерный отход всех войск за речку Пилица, начиная от Пржедборжа и устья речки Тарас. Уланский полк ночевал в Олешевнице.

С 5 по 7 декабря отход на новые позиции вдоль Пилицы, точнее, восточнее Пилицы, на северо-восток, «спрямляя» ее излучину, продолжался. Через Маленец[350] и Соколово, как сказано в журнале боевых действий, «дивизия 7 декабря собралась в д. Соколово. Переход 20 верст через Янков — Пржемусова Воля — Горжалков — Опочно — Либишев. Присоединилась к кавалерийскому корпусу Гилленшмидта в кол‹онии› Крушевец в 6 ч. вечера. ‹…› Уланский полк ночевал в Беловица, встали только в 1 ч. ночи, так как все занято разными частями…»[351]. 7 декабря противником было занято крупное село Иновлодзь[352], расположенное на реке Пилица,

ниже по течению, северо-восточнее тех мест, откуда началось отступление. События, описываемые в главе VI, относятся к 8–10 декабря 1914 года. Прибывший вечером 7 декабря в Крушевец Уланский полк был утром направлен на позиции, расположенные южнее Пилицы. В приказе по кавалерийскому корпусу № 314 от 7 декабря 1914 года сказано: «Сегодня в 12 ч. дня приказано перейти в общее наступление. Конному корпусу оказывать содействие. Атака на фронте Сыски — Видеранов — Ольшовец и далее на Замончков. Для этого ‹…› отрядам под командованием Скоропадского наступать в направлении на Слуюцице — Тварда для содействия частям 52 и 45 пехотных дивизий. 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия по ее прибытии будет сразу направлена за колонной Скоропадского. Штаб в Краснице»[353]. В приказе № 22 сказано: «7.12. 11 ч. дня. Наша пехота успешно продвигается вперед, овладев линией Камень Вельке — Антонинов — Людвинов — Ольшовец, взяв 200 пленных и 2 пулемета. Противник по линии Иновлодзь — р. Соломянка — Мазарня — Братков — Поток. Приказываю: ‹...› 2-й Гв. кав. дивизии — к 9 ч. утра ‹8 декабря› подойти головой колонны к колонии Крушевец. Командирам прибыть в д. Подлесье. Сбор донесений в Краснице около костела»[354].

Это наступление пехоты в районе села Тварда 8 декабря описано в разделах «1 — 2» главы VI «Записок кавалериста».

VI

1

Фронт был выровнен. Кое-где пехота отбивала противника, вообразившего, что он наступает по собственной инициативе, кавалерия занималась усиленной разведкой. Нашему разъезду было поручено наблюдать за одним из таких боев и сообщать об его развитии и случайностях в штаб. Мы нагнали пехоту в лесу. Маленькие серые солдатики со своими огромными сумками шли вразброд, теряясь на фоне кустарника и сосновых стволов. Одни на ходу закусывали, другие курили, молодой прапорщик весело помахивал тростью. Это был испытанный, славный полк, который в бой шел, как на обычную полевую работу; и чувствовалось, что в нужную минуту все окажутся на своих местах без путаницы, без суматохи и каждый отлично знает, где он должен быть и что делать.

Батальонный командир верхом на лохматой казачьей лошадке поздоровался с нашим офицером и попросил его узнать, есть ли перед деревней, на которую он наступал, неприятельские окопы. Мы были очень рады помочь пехоте, и сейчас же был выслан унтер-офицерский разъезд, который повел я. Местность была удивительно удобная для кавалерии, холмы, из-за которых можно было неожиданно показаться, и овраги, по которым легко было уходить.

Едва я поднялся на первый пригорок, щелкнул выстрел — это был только неприятельский секрет. Я взял вправо и проехал дальше. В бинокль было видно все поле до деревни, оно было пусто. Я послал одного человека с донесением, а сам с остальными тремя соблазнился пугнуть обстрелявший нас секрет. Для того чтобы точнее узнать, где он залег, я снова высунулся из кустов, услышал еще выстрел и тогда, наметив небольшой пригорок, помчался прямо на него, стараясь оставаться невидимым со стороны деревни. Мы доскакали до пригорка — никого. Неужели я ошибся? Нет, вот один из моих людей, спешившись, подобрал новенькую австрийскую винтовку, другой заметил свеженарубленные ветви, на которых только что лежал австрийский секрет. Мы поднялись на холм и увидели троих бегущих во всю прыть людей. Видимо, их смертельно перепугала наша неожиданная конная атака, потому что они не стреляли и даже не оборачивались. Преследовать их было невозможно, нас обстреляли бы из деревни, кроме того, наша пехота уже вышла из лесу и нам нельзя было торчать перед ее фронтом. Мы вернулись к разъезду и, рассевшись на крыше и развесистых вязах старой мельницы, стали наблюдать за боем.

2

Дивное зрелище — наступление нашей пехоты. Казалось, серое поле ожило, начало морщиться, выбрасывая из своих недр вооруженных людей на обреченную деревню. Куда ни обращался взгляд, он везде видел серые фигуры, бегущие, ползущие, лежащие. Сосчитать их было невозможно. Не верилось, что это были отдельные люди, скорее это был цельный организм, существо бесконечно сильнее и страшнее динотериумов и плезиозавров. И для этого существа возрождался величественный ужас космических переворотов и катастроф. Как гул землетрясений, грохотали орудийные залпы и несмолкаемый треск винтовок, как болиды, летали гранаты и рвалась шрапнель. Действительно, по слову поэта, нас призвали всеблагие, как собеседников на пир, и мы были зрителями их высоких зрелищ. И я, и изящный поручик с браслетом на руках, и вежливый унтер, и рябой запасной, бывший дворник, мы оказались свидетелями сцены, больше всего напоминавшей третичный период земли. Я думал, что только в романах Уэллса бывают такие парадоксы.

Но мы не оказались на высоте положения и совсем не были похожи на олимпийцев. Когда бой разгорался, мы тревожились за фланг нашей пехоты, громко радовались ее ловким маневрам, в минуту затишья выпрашивали друг у друга папиросы, делились хлебом и салом, разыскивали сена для лошадей. Впрочем, может быть, такое поведение было единственным достойным при данных обстоятельствах.

Мы въехали в деревню, когда на другом конце ее еще кипел бой. Наша пехота двигалась от халупы до халупы, все время стреляя, иногда идя в штыки. Стреляли и австрийцы, но от штыкового боя уклонялись, спасаясь под защиту пулеметов. Мы вошли в крайнюю халупу, где собирались раненые. Их было человек десять. Они были заняты работой. Раненные в руку притаскивали жерди, доски и веревки, раненные в ногу быстро устраивали из всего этого носилки для своего товарища с насквозь простреленной грудью. Хмурый австриец, с горлом, проткнутым штыком, сидел в углу, кашлял и беспрерывно курил цигарки, которые ему вертели наши солдаты. Когда носилки были готовы, он встал, уцепился за одну из ручек и знаками — говорить он не мог — показал, что хочет помогать их нести. С ним не стали спорить и только скрутили ему сразу две цигарки. Мы возвращались обратно немного разочарованные. Наша надежда в конном строю преследовать бегущего неприятеля не оправдывалась. Австрийцы засели в окопах за деревней, и бой на этом прикончился.

При описании боя его *«высокое зрелище»* напомнило Гумилеву строки из стихотворения Ф. Тютчева «Цицерон»:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Заключительный раздел 3 главы VI относится к 9 — 10 декабря. Из журнала боевых действий: «9.12.1914. Ввиду успешных боев в ночь с 7 на 8 декабря и дневного боя 8 декабря — на 9 декабря: частям XIV корпуса с конницей генерала Гилленшмидта было приказано прикрывать с запада 45 пехотную дивизию и приданную Уральскую казачью дивизию. Остальным войскам переправиться на левый берег Пилицы для удара в тыл неприятеля, действуя против левого фланга 5 Армии. С рассвета у пос. Иновлодзь должна начать переправу 18 пехотная дивизия, 2-я стрелковая бригада — вслед за 18 дивизией...»[355] В эти дни командованием готовилось большое наступление. Из приказа по конному корпусу от 9 декабря 1914 года: «Вверенному мне корпусу приказано завтра, 10 декабря, настойчиво продолжать форсировать реку Пилицу на участке Гапинин — Спала с целью дальнейшего наступления на Ржечица в тыл неприятеля, действующего против левого флага 5 Армии: а) по требованию Командующего армией генералу Гилленшмидту с двумя дивизиями Гвардейской конницы переправиться на левый берег Пилицы, там, где окажется возможным, и ударить в тыл неприятеля. В районе Иновлодзь — 2-я бригада 18 пехотной дивизии...»[356]. Бой у реки напротив Иновлодзи 9 — 10 декабря Гумилев описывает в заключительном разделе 3 главы VI.

3

Эти дни нам много пришлось работать вместе с пехотой, и мы вполне оценили ее непоколебимую стойкость и способность к бешеному порыву. В продолжение двух дней я был свидетелем боя. ………. Маленький отряд кавалерии, посланный для связи с пехотой, остановился в доме лесника, в двух верстах от места боя, а бой кипел по обе стороны реки. К ней приходилось спускаться с совершенно открытого отлогого бугра, и немецкая артиллерия была так богата снарядами, что обстреливала каждого одиночного всадника. Ночью было не лучше. Деревня пылала, и от зарева было светло, как в самые ясные, лунные ночи, когда так четко рисуются силуэты. Проскакав этот опасный бугор, мы сразу попадали в сферу ружейного огня, а для всадника, представляющего собой отличную цель, это очень неудобно. Приходилось жаться за халупами, которые уже начинали загораться.

Пехота переправилась через реку на понтонах, в другом месте то же делали немцы. Две наши роты были окружены на той стороне, они штыками пробились к воде и вплавь присоединились к своему полку. Немцы взгромоздили на костел пулеметы, которые приносили нам много вреда. Небольшая партия наших разведчиков по крышам и сквозь окна домов подобралась к костелу, ворвалась в него, скинула вниз пулеметы и продержалась до прихода подкрепления. В центре кипел непрерывный штыковой бой, и немецкая артиллерия засыпала снарядами и наших и своих. На окраинах, где не было такой суматохи, происходили сцены прямо чудесного геройства. Немцы отбили два наших пулемета и торжественно повезли их к себе. Один наш унтер-офицер, пулеметчик, схватил две ручные бомбы и бросился им наперерез. Подбежал шагов на двадцать и крикнул: «Везите пулеметы обратно, или убью и вас и себя». Несколько немцев вскинули к плечу винтовки. Тогда он бросил бомбу, которая убила троих и поранила его самого. С окровавленным лицом он подскочил к врагам вплотную и, потрясая оставшейся бомбой, повторил свой приказ. На этот раз немцы послушались и повезли пулеметы в нашу сторону. А он шел за ними, выкрикивая бессвязные ругательства и колотя немцев бомбой по спинам. Я встретил это странное шествие уже в пределах нашего расположения. Герой не позволял никому прикоснуться ни к пулеметам, ни к пленным, он вел их к своему командиру. Как в бреду, не глядя ни на кого, рассказывал он о своем подвиге: «Вижу, пулеметы тащат. Ну, думаю, сам пропаду, пулеметы верну. Одну бомбу бросил, другая вот. Пригодится. Жалко же пулеметы. — И сейчас же опять принимался кричать на смертельно бледных немцев: — Ну, ну, иди, не задерживайся!»

Про пулеметы на костеле сказано в журнале боевых действий 2-й батареи Конной артиллерии: «10.12. В 7 утра. Встали на позиции и поддерживали пехоту, наступавшую на Иновлодзь. В 3 часа дня пришло приказание 3 взводу открыть огонь по костелу Иновлодзи, так как предполагалось, что там были пулеметы»[357]. Так что не только *«немецкая артиллерия засыпала снарядами и наших и своих»*. В других донесениях говорится: «10.12. **Наступление XIV корпуса**: у Мысаковице переправилась вся 1 бригада 18 дивизии и два эскадрона кирасир. ‹…› Переправа у Иновлодзи также занята и 2 бригада 18 дивизии переправляется на понтонах и по пешему мостику. Есть указание на необходимость согласования действий **конницы Гилленшмидта и XIV корпуса** с 5 Армией...»[358]

В Иновлодзи на кладбище установлена мемориальная доска, посвященная всем погибшим в боях у этого местечка в декабре 1914 года. Думаю, вряд ли найдется на территории нашей страны много мемориальных досок, посвященных погибшим в Первой мировой войне. А на этой памятной табличке упоминаются все войска, в том числе **кавалерия и Российский XIV корпус**.

На следующий день Уланский полк был сменен Гусарским полком. Из журнала боевых действий Гусарского полка: «Для смены Уланского ЕВ полка, находившегося в сторожевом охранении, полк выступил в 7 утра и занял опушку леса против п. Иновлодзь, сменив улан в охранении. В 11 вечера подошли части 18 пехотной дивизии, которая нас сменила, и полк возвратился на бивак в Крушевец»[359]. Запланированное наступление и форсирование реки Пилицы не удалось. Все ограничилось тяжелым, продолжавшимся два дня боем, эпицентр которого пришелся на местечко Иновлодзь, раскинувшееся по обоим берегам реки. 11 декабря поставленные перед корпусом задачи были изменены. Из боевого дела 2-й батареи, действовавшей совместно с 2-й Гв. кав. дивизией: «11.12.1914. Приказано, что корпус из Радома расформировывается и формируется Гвардейский кавалерийский корпус под командованием Гилленшмидта в составе

1 и 2 Гвардейских кавалерийских дивизий. Корпусом освободить Домбу и перейти в район Држевица»[360]. 12 декабря вся дивизия перешла в район Држевицы. Оттуда Гумилев отправил письмо матери[361].

Описанием боя у Иновлодзи завершается вторая часть «Записок кавалериста». После неудавшегося наступления на этом участке фронта установилось затишье. Конному корпусу было приказано не давать противнику переплавляться на правый берег Пилицы. Уланы периодически заступали в сторожевое охранение на участке от Иновлодзи до Козловца, при этом их застава размещалась в Вырувке[362]. На отдых полк отходил в район штаба корпуса в Држевице. 17 декабря в Држевицу пришел приказ: «Его Императорским Величеством приказываю объявить всем частям благодарность за операцию под городом Петроковом»[363]. 19 декабря в Држевице было торжественное построение: «По случаю прибытия в 11 ч. утра Великого князя Николая Михайловича приказываю: ‹…› 2 Гвардейской кавалерийской дивизии в 10 ч. 45 м. утра сегодня 19-го быть построенной в конном строю вдоль шоссе Држевица — Одживоль, к костелу у Држевицы»[364]. Как сказано в донесении, «Великий князь Николай Михайлович объезжал войска и благодарил за службу от имени Государя Императора»[365].

Короткая передышка. Две поездки в Петроград: декабрь 1914 и январь 1915 года

Сразу после посещения высокого гостя, в неделю отдыха с 20 по 26 декабря, Гумилев успел совершить короткую поездку в Петроград. Можно предположить, что о своем скором визите Гумилев известил жену и мать[366]. Пробыл он там всего три дня. Посетил «Бродячую собаку», познакомился там с английским журналистом К. Бехгофером, описавшим эту встречу в одном из «Писем из России», напечатанном в лондонской газете «The New Age» 13 (28) января 1915 года: « ‹…› Затем вошел молодой доброволец — поэт, недавно приехавший с войны. Вскоре он прочитал стихотворение, написанное на поле боя. Оно было совсем неплохим. “Я чувствую, я не могу умереть” — такова была основная мысль. — “Я чувствую, сердце моей страны бьется в моей груди. Я ее олицетворение, и я не могу умереть”. Я побеседовал с ним потом. “Вы думаете, все это вселяет ужас? — сказал он. — Нет, война — это радость”. – “Более жутко, чем Петроград, — сказал я, — ничего быть не может”. – “Тогда вы должны поехать со мной, завтра вечером”»[367]. В тот раз, в «Бродячей собаке», Гумилев прочитал «Наступление». Об этом его приезде сохранилось несколько откликов в переписке. 31 декабря А.А. Кондратьев написал Б. Садовскому: «В Петербурге побывал Гумилев. Его видели (Тэффи рассказала мне) на вернисаже в рубашке, порванной австрийским штыком и запачканной кровью (нарочно не зашитой и невымытой)[368]. Чествовали в Собаке»[369]. 4 января 1915 года В. Белкин писал Г. Чулкову: «Гумилев Н.С. приезжал на три дня в отпуск сюда, но мне не удалось с ним повидаться. Он получил Георгиевский крест за 3 очень опасных разведки. Поступил он в уланы простым рядовым. Был у нас на днях Лозинский М.Л. и прочел два стихотворения гумилевских очень хороших о войне. В одном из них есть, помню, прекрасные строки “О как белы крылья победы”. К сожалению, я не могу Вам написать их, т.к. не помню наизусть, слышал только 1 раз и не мог, конечно, запомнить…»[370] К этому его приезду относится известный снимок с Городецким — Гумилев, уже заработавший Георгиевский крест, но еще не получивший его, снят в форме, но еще без креста. Зачитывание приказа о награждении и вручение наград в полку состоялось накануне Рождества 24 декабря. В «Трудах и днях» этот визит отражен так: «22, 23 и 24 декабря. В Петрограде. Ездил с женой в Петергоф. Здесь был у кн‹ягини› Кропоткиной и в казармах с поручениями от полка. Был в редакции «Аполлона». Виделся с С.К. Маковским, С.М. Городецким, М.Л. Лозинским, Т.В. Адамович и др. 24 декабря вечером вместе с женой выехал из Петрограда. ‹…› 25 декабря вместе с женой приехал в Вильно и здесь ночевал. 26 декабря, проводив жену, уехавшую в Киев, уехал из Вильно в полк»[371]. Запись об этом есть в Записных книжках Ахматовой: «На Рождество 1914 года провожала Ник‹олая› Ст‹епановича› на фронт до Вильно. Там ночевали в гостинице, а утром увидела в окне, как молящиеся на коленях двигались к церкви[372], где икона [Ченстоховской] Остробрамской Божьей Матери»[373]. Боевая обстановка за время его отсутствия не изменилась, 26 декабря уланы опять заступили в сторожевое охранение и простояли на позициях до 30 декабря. В конце года появились первые после начала войны публикации Гумилева в «Аполлоне» № 10 — «Наступление», в «Отечестве» № 4 — «Война», в «Новой жизни», в приложении к «Ниве».

Вернувшись в полк, Гумилев сразу же написал матери[374], а после Нового года послал «исповедальное» письмо М. Лозинскому, заметно отличающееся по тональности от предыдущих писем ему и Ахматовой, — частично оно цитировалось выше, в начале книги. Чувствуется «переоценка ценностей», наступившая после декабрьских боев, посещения Петрограда и встреч с друзьями.

«2 января 1915.
Дорогой Михаил Леонидович,
по приезде в полк я получил твое письмо; сказать по правде, у меня сжалось сердце.

Вот и ты, человек, которому не хватает лишь loisir'a *(loisir — досуг, франц.)*, видишь и ценишь во мне лишь добровольца, ждешь от меня мудрых, солдатских слов. Я буду говорить откровенно: в жизни пока у меня три заслуги — мои стихи, мои путешествия и эта война. Из них последнюю, которую я ценю меньше всего, с досадной настойчивостью муссирует все, что есть лучшего в Петербурге. Я не говорю о стихах, они не очень хорошие, и меня хвалят за них больше, чем я заслуживаю, мне досадно за Африку. Когда полтора года тому назад я вернулся из страны Галла, никто не имел терпенья выслушать мои впечатленья и приключенья до конца. А ведь, правда, все то, что я выдумал один и для себя одного, ржанье зебр ночью, переправы через крокодильи реки, ссоры и примирения с медведеобразными вождями посреди пустыни, величавый святой, никогда не видевший белых в своем африканском Ватикане, — все это гораздо значительнее тех работ по ассенизации Европы, которыми сейчас заняты миллионы рядовых обывателей, и я в том числе. И мэтр Шилейко тоже позабыл о моей «благоухающей легенде». Какие труды я вершу, какие ношу вериги? Право, эти стихи он написал сам про себя и хранит их до времени, когда будет опубликов‹ан› последний манифест, призывающий его одного.

Прости мне мою воркотню; сейчас у нас недельный отдых, и так как не предстоит никаких lendemains épiques (*эпических завтра — франц.*), то я, естественно, хандрю. Меня поддерживает только надежда, что приближается лучший день моей жизни, день, когда гвардейская кавалерия одновременно с лучшими полками Англии и Франции вступит в Берлин.

Наверно, всем выдадут парадную форму, и весь огромный город будет как оживший альбом литографий. Представляешь ли ты себе во всю ширину Фридрихштрассе цепи взявшихся под руку гусар, кирасир, сипаев, сенегальцев, канадцев, казаков, их разноцветные мундиры с орденами всего мира, их счастливые лица, белые, черные, желтые, коричневые.

...Хорошо с египетским сержантом
По Тиргартену пройти,
Золотой Георгий с бантом
Будет биться на моей груди...

Никакому Гофману не придет в голову все, что разыграется тогда в кабачках, кофейнях и закоулках его "доброго города Берлина".

В полку меня ждал присланный мне мой собственный Георгий. Номер его 134060. Целуя от моего имени ручки Татьяны Борисовны, напомни, что мне обещан номер со статьею о Панаеве. А Филипку просто поцелуй.

Жму твою руку
искренне твой Н. Гумилев»[375].

Автограф письма хранится в архиве Лозинского. Письмо с датой, написано, как и предыдущее, на «секретке». На лицевой стороне указан адрес: Петроград, ЕВ Михаилу Леонидовичу Лозинскому. Редакция «Аполлона». Разъезжая, 8. Марок нет. Справа стоит овальный штамп «Доплатить ____коп. Петроград», зачеркнутый синим карандашом. Внизу слева: Из Действующей Армии. На обороте два почтовых штемпеля (получателя): 1 — С.Петербург. 8.1.15 – 7. Гор. почта; 2 — Петроград 8.1.15 10 13 ‹контора› 31.

До 12 января Уланский полк оставался на одном и том же участке, периодически занимая деревни Студзянна, Анелин, Брудзевице, г. дв. Замечек и др. 12 января дивизия была отправлена на отдых в район Шидловца и железнодорожной станции Пржисуха. Уланский полк был размещен в Кржечинчине и оставался там до начала февраля. Тогда же Гумилев написал еще одно письмо матери, возможно, предупредив ее, что он вскоре опять окажется в Петрограде[376]. Отправился Гумилев туда после 20 января. На этот раз — с Георгиевским крестом и в чине унтер-офицера, который ему присвоили 15 января за отличия в делах против германцев. Две отлучки поэта домой носили неформальный характер, они никак не отражены в документах Уланского полка, что не совсем типично. В приказах по полку, как правило, все отлучки улан оформлялись соответствующими приказами. Видимо, у Гумилева сложились хорошие и доверительные отношения с начальством и офицерами, об этом он писал в приведенном выше «затерявшемся» письме Ахматовой от конца ноября 1914 года, и они делали для него поблажки. По Лукницкому, ему давали от полка какие-то поручения. В «Трудах и днях» он достаточно поверхностно отразил этот приезд Гумилева: «**С конца января до начала февраля.** В Петрограде. Чествование Н. Гумилева в "Бродячей собаке". Вечер в Городской Думе с чтением стихов Н.Г. Анной Андр‹еевной› Ахматовой[377]. Чтение у М.Л. Лозинского поэмы А.А. Ахматовой "У самого моря". Встречи с М.Л. Лозинским, В.К. Шилейко, С.М. Городецким, Н.В. Недоброво, В.А. Чудовским, Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, англичанином Бекгофером и др. Написан первый отрывок "Записок кавалериста". *Примечание.* Нет решительных доказательств того, что чествование ‹в› "Бродячей собаке" было именно в этот, а не в предыдущий приезд Н.Г. (в декабре 1914). ‹...› **Начало февраля.** Уехал на фронт».

Доказательств его чествования в «Собаке» сохранилось много. Видимо, в Петрограде заранее знали о его приезде, так как были подготовлены и отпечатаны афиши о его предстоящем выступлении. Приехал он в Петроград не ранее 26 января и сразу попал — «с корабля на бал». Афиша «Бродячей собаки» гласила: «27 января 1915 года. Вечер поэтов при участии Николая Гумилева (стихотворения о войне и др.). Участвуют Анна Ахматова, С. Городецкий, М. Кузмин, Г. Иванов, О. Мандельштам, П. Потемкин, Тэффи. Вход исключительно по предварительной записи гг. действительных членов. Плата — 3 рубля. Актеры, поэты, художники и музыканты — 2 рубля»[378]. Об этом вечере написали газеты. Известный публицист и сатирик Измайлов писал в «Биржевых ведомостях»: «...на днях в "Бродячей собаке" был "Вечер поэтов". Кроме Тэффи из "заслуженных" не было никого. Была молодежь во главе с талантливым Н. Гумилевым... Гумилева здесь любят. Он был на войне, и война навеяла на него прекрасные звуки. В солдатской рубашке с крестиком, молодой, безусый, он имел тут наибольший успех...»[379] Более подробный отчет поместила газета «Петербургский курьер»: «Вечер поэтов 27 января был своего рода "большим днем" в "Бродячей собаке". Публики собралось столько, сколько может вместить этот подвал, и даже немного больше. Чтение стихов, начавшееся, к сожалению, слишком поздно, доставило слушателям большое удовольствие. Интерес сосредоточился, главным образом, на Н. Гумилеве. Талантливый молодой поэт, как известно, пошел на войну добровольцем, участвовал в сражениях, награжден Георгием и приехал в Петроград на короткое время. Переживания поэта-солдата, интеллигента с тонкой психикой и широким кругозором, запечатленные в красивых, ярких стихах, волнуют и очаровывают. Бледной, надуманной и ненужной представляется вся "военная поэзия" современных поэтов, в своем кабинете воспевающих войну, — рядом с этими стихами, написанными в окопах, пережитыми непосредственно, созревшими под свистом пуль. И когда поэт-солдат в прекрасных стихах изумляется "поистине прекрасному и светлому" явлению войны и спрашивает: "как могли мы жить до сих пор без этих ярких переживаний", или когда он рассказывает, как переплетаются в его сознании прошлое с настоящим, гром орудий с музыкой Энери, жужжание пуль с танцами Карсавиной — это волнует, веришь этому и приближаешься к пониманию небывалого и непонятного ‹...› После стихов танцевали, пели, оживленно разговаривали. Присутствовавшему на вечере офицеру с четырьмя Георгиями на груди устроили дружную и бурную овацию»[380]. Это было последнее посещение Гумилевым столь любимого им подвала «Бродячей собаки». Пару слов о судьбе «Бродячей собаки», которая в то время доживала свои последние дни, — 3 марта 1915 года, когда Гумилев был еще на фронте, она была закрыта распоряжением градоначальника за незаконную торговлю вином. Недавно автор строк побывал в «восстановленной» «Бродячей собаке», которую, естественно, выдают за подлинную. Еще в начале 90-х годов прошлого века можно было, пройдя с площади Искусств две арки и два питерских двора-колодца, спуститься в левый угловой подвал «Бродячей собаки», замусоренный, превращенный в свалку, но — по которому еще «бродили тени», кое-где даже угадывались остатки росписей. Сейчас же — все «прилично». Оборудованный с Итальянской улицы удобный вход, как бы со старинной вывеской. Обычное, каких сотни в современном Питере кафе, правда, с «мемориальным уклоном» — в одном из залов выставлены портреты тогдашних посетителей в как бы восстановленном помещении подвала старой «Бродячей собаки». А подлинные два двора, крутая

подвальная лестница и сам подвал уничтожены, все переоборудовано в шикарный подземный гараж с бдительными охранниками…

28 января Гумилев читал свои стихи в романо-германском кружке. Из письма Ю.А. Никольского к Л.Я. Гуревич от 28 января 1915 года: «Вечером я был у поэтов, т.е. в Романо-германском кружке. Был Гумилев, и война с ним что-то хорошее сделала. Он читал свои стихи не в нос, а просто, и в них самих были отражающие истину моменты — недаром Георгий на его куртке. Это было серьезно — весь он, и благоговейно. Мне кажется, что это очень много»[381]. Об этом же — в письме Б.М. Эйхенбаума к Л.Я. Гуревич от 29 января 1915 года: «Вчера мы остались очень довольны Гумилевым, — ему война дала хорошие стихи…»[382]

30 декабря Гумилев побывал у С. Городецкого — из письма Г.И. Чулкова к Н.Г. Чулковой от 31 января 1915 года: «Вчера у Городецкого я видел Гумилева. У него Георгий. Гумилев мне говорил, что у Ахматовой доктора нашли болезнь сердца, и у нее горлом идет кровь»[383]. Посетил он с Ахматовой и М. Лозинского. Там, в присутствии В. Шилейко, Н. Недоброво, В. Чудовского, Е. Кузьминой-Караваевой Ахматова впервые прочитала поэму «У самого моря»[384]. В начале февраля имя Гумилева появилось среди списка специальных военных корреспондентов газеты «Биржевые ведомости». 1 февраля в этой газете было опубликовано ранее посланное Ахматовой стихотворение «Священные плывут и тают ночи»[385], со строками — «И ведаю, что обо мне, далеком, // Звенит Ахматовой сиренный стих...» А 3 февраля началась публикация «Записок кавалериста». Помимо этого стихи Гумилева стали появляться в «Вершинах», в «Новом журнале для всех», в «Новой жизни». Однако, в начале февраля Уланский полк готовился к переброске на новый фронт, надо было возвращаться.

Переброска на новый фронт. Разведка в районе Олита — Серее в Литве: февраль 1915 года

Видимо, краткий, не отмеченный в приказах по полку визит Николая Гумилева в столицу был связан с тем, что поэт знал от своего начальства, что дальнейшие боевые действия на польском фронте не планируются и дивизия будет вскоре переброшена на другой фронт. Поэтому ему было дано разрешение на неофициальную отлучку домой на неделю. Действительно, пока поэт находился в Петрограде, вышел приказ о начале погрузки дивизии и переезде на место новой дислокации[386]. Погрузка намечалась на 7 — 8 февраля, в районе Ивангорода, Ново-Александровки и Лукова. В приказе не было обозначено конечное место назначения — было сказано только о переброске на Северо-Западный фронт[387]. Судя по началу VII главы «Записок кавалериста», Гумилев вернулся в находящийся еще в Польше полк до начала его погрузки, хотя конечная точка маршрута, как выяснилось, располагалась значительно ближе к Петрограду, в местах, уже знакомых по предыдущим боевым операциям. Но, как пишет Гумилев, «тайна следования сохраняется строго». И поэт, находясь в Петрограде, не мог знать о новом месте назначения.

VII

1

Всегда приятно переезжать на новый фронт. На больших станциях пополняешь свои запасы шоколада, папирос, книг, гадаешь, куда приедешь, — тайна следования сохраняется строго, — мечтаешь об особых преимуществах новой местности, о фруктах, о паненках, о просторных домах, отдыхаешь, валяясь на соломе просторных теплушек. Высадившись, удивляешься пейзажам, знакомишься с характером жителей, — главное, что надо узнать, есть ли у них сало и продают ли они молоко, — жадно запоминаешь слова еще не слышанного языка. Это — целый спорт, скорее других научиться болтать по-польски, малороссийски или литовски.

Но возвращаться на старый фронт еще приятнее. Потому что неверно представляют себе солдат бездомными, они привыкают и к сараю, где несколько раз переночевали, и к ласковой хозяйке, и к могиле товарища. Мы только что возвратились на насиженные места и упивались воспоминаниями…

Гумилев успел вернуться в свой полк, в Пржисуху или Ивангород, как раз к началу погрузки в эшелон для переброски на новый фронт. С 7 по 9 февраля лейб-гвардии Уланский полк был перевезен по железной дороге через Холм (нынешний Хелм в Польше), Брест, Барановичи, Лиду, Вильно, Ораны — в Олиту (Алитус в Литве)[388]. Описанию зимних боев на этом участке Северо-Западного фронта, на территории нынешней Литвы, Польши и Белоруссии, в феврале — марте 1915 года, посвящены главы VII — XI «Записок кавалериста».

9 февраля дивизия утром прибыла в Олиту. «Возвращение на старый фронт» относится больше к полку, чем к автору. Уланы сражались в этих местах в конце августа и начале сентября, когда Гумилев еще находился в Гвардейском запасном полку в Кречевицах, под Новгородом. Правда, в Олите он успел побывать, когда с маршевым эскадроном двигался из запасного полка к месту назначения, в Уланский полк. Да и располагается Олита всего в нескольких десятках километров от Владиславова, где поэт принял свое «боевое крещение». В боевом деле 2-й Гв. кав. дивизии эта третья военная кампания, в которой принял участие Гумилев, значится как: «Сейненская операция. Бои в р-не Карклин, Куцулюшек, Голны-Вольмер, Дворчиско, Краснополя, Жегар и Копциово: с 12 по 27 февраля 1915 г. Рекогносцировка у м. Вейсее. Занятие Вейсее: с 3 по 5 марта. Арьергардные бои по прикрытию отхода 3-го Армейского корпуса. Бои в районе Пржистованцы и Клейвы: с 13 по 20 марта»[389].

Сразу после разгрузки в Олите перед дивизией была поставлена задача, начиная с 11 февраля, произвести усиленную разведку вокруг Серее[390] (Сейрияй в Литве). Район действия Уланского полка в этот период сейчас охватывает Лаздийский р-н в Литве и приграничные области Польши, до Сувалок и Кальварии. В 9 утра дивизия соединилась на западной окраине Олиты и двинулась по шоссе на Серее. Первый бивак был в р-не Манкун. Уланские разъезды посылались на Балкосадзе (Балкасодис в Литве) и в другие, расположенные недалеко от Немана деревни. Обширные леса, раскинувшиеся по правому берегу Немана, затрудняли разведку. Вот одно из донесений от эскадрона улан, возможно, от того разъезда, который описан в эпизоде 1 главы VII: «Деревни Балкосадзе и Неуюны свободны, в дер. Плянтуя был обстрелян в 7 ч. вечера»[391].

Нашему полку была дана задача найти врага. Мы, отступая, наносили германцам такие удары, что они местами отстали на целый переход, а местами даже сами отступили. Теперь фронт был выровнен, отступление кончилось, надо было, говоря технически, войти в связь с противником.

Наш разъезд, один из цепи разъездов, весело поскакал по размытой весенней дороге, под блестящим, словно только что вымытым, весенним солнцем. Три недели мы не слышали свиста пуль, музыки, к которой привыкаешь, как к вину, — кони отъелись, отдохнули, и так радостно было снова пытать судьбу между красных сосен и невысоких холмов. Справа и слева уже слышались выстрелы: это наши разъезды натыкались на немецкие заставы. Перед нами пока все было спокойно: порхали птицы, в деревне лаяла собака. Однако продвигаться вперед было слишком опасно. У нас оставались открытыми оба фланга. Разъезд остановился, и мне (только что произведенному в унтер-офицеры)[392] *с четырьмя солдатами было поручено осмотреть черневший вправо лесок. Это был мой первый самостоятельный разъезд, — жаль было бы его не использовать. Мы рассыпались лавой и шагом въехали в лес. Заряженные винтовки лежали поперек седел, шашки были на вершок выдвинуты из ножен, напряженный взгляд каждую минуту принимал за притаившихся людей большие коряги и пни, ветер в сучьях шумел совсем как человеческий разговор, и к тому же на немецком языке. Мы проехали один овраг, другой, — никого. Вдруг на самой опушке, уже за пределами назначенного мне района, я заметил домик, не то очень бедный хутор, не то сторожку лесника. Если немцы вообще были поблизости, они засели там. У меня быстро появился план карьером обогнуть дом и в случае опасности уходить опять в лес. Я расставил людей по опушке, велев поддержать меня огнем. Мое возбуждение передалось лошади. Едва я тронул ее шпорами, как она помчалась, расстилаясь по земле и в то же время чутко слушаясь каждого движения поводьев.*

Первое, что я заметил, заскакав за домик, были три немца, сидевшие на земле в самых непринужденных позах; потом несколько оседланных лошадей; потом еще одного немца, застывшего верхом на заборе, он, очевидно, собрался его перелезть, когда заметил меня. Я выстрелил наудачу и помчался дальше. Мои люди, едва я к ним присоединился, тоже дали залп. Но в ответ по нам раздался другой, гораздо более внушительный, винтовок в двадцать, по крайней мере. Пули засвистали над головой, защелкали о стволы деревьев. Нам больше нечего было делать в лесу, и мы ушли. Когда мы поднялись на холм уже за лесом, мы увидели наших немцев, поодиночке скачущих в противоположную сторону. Они выбили нас из лесу, мы выбили их из фольварка. Но так как их было вчетверо больше, чем нас, наша победа была блистательнее.

В последующие два дня, 12 и 13 февраля, разведка продолжалась. Выяснилось, что противник окопался на линии Серее — оз. Обелив. Было выставлено ночное охранение по линии Семенишки — Сереяце — Морги[393]. События эпизода 2 главы VII относятся к 12 — 15 февраля. На позиции подошла 73-я пехотная дивизия. 12 февраля Уланский полк с 1-й бригадой пошел к югу и вел разведку на Макаришки и Малгоржаты. Донесения от улан: «Уланы дошли до Норагеле (Норагеляй в Литве), но в 300 м окопы с немцами, пытаются их выбить. ‹…› Уланы действуют по линии от Лапше до Ануюшки. ‹…› Дрополе свободно. ‹…› 13 февраля, донесение полковника Маслова из Рачковщизны: шоссе Серее — Друскининкай занято немцами»[394]. На ночлег уланы остановились в господском дворе Рачковщизна. Донесение от 5-й Артиллерийской батареи от 15 февраля: «В 9 утра была вызвана вся батарея. Подошла 73 пехотная дивизия. Уланам, Конно-Гренадерам и Гусарам приказано разведывать на Гуданце, а нам с Драгунами служить заслоном. Ночлег в Талькуны»[395].

14–15 февраля Уланский полк стоял в Балкосадзе, вел разведку[396]. Во многих донесениях отмечается ухудшение погоды: «Ввиду сильной метели и невозможности стрелять батарея простояла в резервной колонне у Балкосадзе»[397]. В эпизоде 2 описывается ночь с 14 на 15 февраля. За эти дни в Уланском полку были значительные потери, много раненых и заболевших среди рядовых, много убитых лошадей. В приказе № 214 по Уланскому полку от 15 февраля 1915 года отмечено[398], что убит 1 улан — Абара, именно о нем Гумилев упоминает в своем рассказе. В приказе № 215 от 16 февраля сообщается о прибытии большого пополнения из 3-го маршевого эскадрона и зачислении его на довольствие[399]. 16 февраля дивизии было приказано сосредоточиться южнее р-на Балкосадзе, оставив место против Серее для 73-й пехотной дивизии, чтобы она могла начать наступление[400].

2

В два дня мы настолько осветили положение дела на фронте, что пехота могла начать наступление. Мы были у нее на фланге и поочередно занимали сторожевое охранение. Погода сильно испортилась. Дул сильный ветер, и стояли морозы, а я не знаю ничего тяжелее соединения этих двух климатических явлений. Особенно плохо было в ту ночь, когда очередь дошла до нашего эскадрона. Еще не доехав до места, я весь посинел от холода и принялся интриговать, чтобы меня не посылали на пост, а оставили на главной заставе в распоряжении ротмистра. Мне это удалось. В просторной халупе с плотно занавешенными окнами и растопленной печью было светло, тепло и уютно. Но едва я получил стакан чаю и принялся сладострастно греть об него свои пальцы, ротмистр сказал: «Кажется, между вторым и третьим постом слишком большое расстояние. Гумилев, поезжайте посмотрите, так ли это, и, если понадобится, выставьте промежуточный пост». Я отставил мой чай и вышел. Мне показалось, что я окунулся в ледяные чернила, так было темно и холодно. Ощупью я добрался до моего коня, взял проводника, солдата, уже бывавшего на постах, и выехал со двора. В поле было чуть-чуть светлее. По дороге мой спутник сообщил мне, что какой-то немецкий разъезд еще днем проскочил сквозь линию сторожевого охранения и теперь путается поблизости, стараясь прорваться назад. Только он кончил свой рассказ, как перед нами в темноте послышался стук копыт и обрисовалась фигура всадника. «Кто идет?» — крикнул я и прибавил рыси. Незнакомец молча повернул коня и помчался от нас. Мы за ним, выхватив шашки и предвкушая удовольствие привести пленного. Гнаться легче, чем убегать. Не задумываешься о дороге, скачешь по следам... Я уже почти настиг беглеца, когда он вдруг сдержал лошадь, и я увидел на нем вместо каски обыкновенную фуражку. Это был наш улан, проезжавший от поста к посту; и он так же, как мы его, принял нас за немцев. Я посетил пост, восемь полузамерзших людей на вершине поросшего лесом холма, и выставил промежуточный пост в лощине. Когда я снова вошел в халупу и принялся за новый стакан горячего чаю, я подумал, что это — счастливейший миг моей жизни. Но, увы, он длился недолго. Три раза в эту проклятую ночь я должен был объезжать посты, и вдобавок меня обстреляли, — заблудший ли немецкий разъезд или так, пешие разведчики, не знаю. И каждый раз так не хотелось выходить из светлой халупы, от горячего чая и разговоров о Петрограде и петроградских знакомых на холод, в темноту, под выстрелы. Ночь была

беспокойная. У нас убили человека и двух лошадей. Поэтому все вздохнули свободнее, когда рассвело и можно было отвести посты назад.

Начало эпизода 3 относится к 17 февраля. В донесении от эскадрона ЕВ Уланского полка сказано (напомним, что Гумилев служил именно в эскадроне Ея Величества): «Противник, выбив полевые караулы эскадрона ЕВ, прошел на восточную опушку леса в Карклины, обстреляв ½ эскадрона ЕВ, идущего на усиление в Роголишки. Отошел в лощину. Эскадрон ЕВ вынужден отойти на Гуданцы»[401]. Донесение от 5-й артиллерийской батареи, входившей в состав дивизии: «17.02.1915. 1-й бригаде приказано наступать на Карклины — Куцулюшки, а 2-й — через Шляпики на Дрополе. Был сильный обстрел Дрополе. Большие потери у противника. “Все улицы в Дрополе были залиты кровью” — показания местных жителей. Противник очистил Дрополе, но в то же время потеснил контратакой части 1-й бригады от Карклин на Малгоржаты, вследствие чего 2-й бригаде было приказано обстрелять д. Карклины, отойти на Крикштаны. 1-я бригада вновь заняла Карклины и Куцулюшки ‹...› 2-я батарея пошла в Макаришки, обстреляла ф. Куцулюшки, отбила 1 пулемет...»[402]. Этот пулемет упоминается в рассказе Гумилева. Упоминаются и эскадроны подошедших на помощь гусар: «Подошли силы противника к д. Малгоржаты, удалось дать знать об этом эскадрону улан в р-не д. Застюнишки»[403]. В приказе № 216 по Уланскому полку от 17 февраля отмечаются потери в эскадроне ЕВ и убитые лошади: «§ 2. Сего числа ранен улан Ея Величества Ян Домишичак, пулевая рана в плечо, означенного нижнего чина числить отправленным на излечение, исключив с довольствия с 18 сего февраля. §3. Убитых сего числа строевых лошадей эскадрона Ея Величества под названием конь Варвар и кобыла Чудодейка исключить из списка полка и с фуражного довольствия с 18 сего февраля»[404]. Этот бой Гумилев описывает в эпизоде 3 главы VII.

3

Всей заставой с ротмистром во главе мы поехали навстречу возвращающимся постам. Я был впереди, показывая дорогу, и уже почти съехался с последним из них, когда ехавший мне навстречу поручик открыл рот, чтобы что-то сказать, как из лесу раздался залп, потом отдельные выстрелы, застучал пулемет — и все это по нам. Мы повернули под прямым углом и бросились за первый бугор. Раздалась команда: «К пешему строю... выходи...» — и мы залегли по гребню, зорко наблюдая за опушкой леса. Вот за кустами мелькнула кучка людей в синевато-серых шинелях. Мы дали залп. Несколько человек упало. Опять затрещал пулемет, загремели выстрелы, и германцы поползли на нас. Сторожевое охранение развертывалось в целый бой. То там, то сям из лесу выдвигалась согнутая фигура в каске, быстро скользила между кочками до первого прикрытия и оттуда, поджидая товарищей, открывала огонь. Может быть, уже целая рота придвинулась к нам шагов на триста. Нам грозила атака, и мы решили пойти в контратаку в конном строю. Но в это время галопом примчались из резерва два других наших эскадрона и, спешившись, вступили в бой. Немцы были отброшены нашим огнем обратно в лес. Во фланг им поставили наш пулемет, и он, наверно, наделал им много беды. Но они тоже усиливались. Их стрельба увеличивалась, как разгорающийся огонь. Наши цепи пошли было в наступление, но их пришлось вернуть.

Тогда, словно богословы из «Вия», вступавшие в бой для решительного удара[405]*, заговорила наша батарея. Торопливо рявкали орудия, шрапнель с визгом и ревом неслась над нашими головами и разрывалась в лесу. Хорошо стреляют русские артиллеристы. Через двадцать минут, когда мы снова пошли в наступление, мы нашли только несколько десятков убитых и раненых, кучу брошенных винтовок и один совсем целый пулемет. Я часто замечал, что германцы, так стойко выносящие ружейный огонь, быстро теряются от огня орудийного...*

Много теплых слов в «Записках кавалериста» адресовано артиллеристам. В состав дивизии входили 2-я и 5-я батареи лейб-гвардии Конной артиллерии. Эти батареи постоянно действовали совместно с входящими в дивизию полками. Такое отношение к артиллерии и частое ее упоминание в «Записках кавалериста», возможно, связано еще и с тем, что в этих батареях служили хорошие довоенные знакомые поэта. В 5-й батарее — Владимир Константинович Неведомский, сосед по слепневскому имению матери поэта, муж оставившей воспоминания о Гумилеве Веры Алексеевны Неведомской[406]. Как раз накануне описываемого боя в приказе от 13 февраля по 5-й батарее объявлено, что «Неведомский произведен в прапорщики»[407]. Во 2-й батарее служил подпоручик Николай Дмитриевич Кузьмин-Караваев. Имение Кузьминых-Караваевых располагалось также по соседству со Слепневом, в Борискове, между семьями существовали тесные родственные связи[408].

Окончание эпизода 3 относится к 18–20 февраля. В донесениях улан от 18 февраля говорится: «Движение в сторону Новики, Морги. Немецкая кавалерия отошла на юг. Местность свободна. В районе Лейпун 2 полка немцев»[409]. В журнале военных действий артиллерийских батарей сказано: «19.02. Приказано подтянуться к Крикштанам. 73 пехотная дивизия сегодня начинает наступление на позиции противника у Серее. Дивизии приказано быть наготове на случай содействия пехоте ‹...› 20.02. Дивизии приказано содействовать пехоте, атакующей д. Роганишки, давлением с фланга. Позиции у леса. Драгуны заняли Дрополе. 1 бригада наступает правее на шоссе. Приказано обстрелять д. Кудранцы, там открыли огонь 2 батареи и рассеяли накапливающегося противника. Ввиду прекращения боя 73-й дивизии приказано встать в сторожевое охранение ‹...› Дивизия стала на ночлег...»[410] Напомним, что Уланский полк входил в состав 1-й бригады. Для ночлега Уланскому полку 18–19 февраля были назначены Радзице, 20 февраля — Макаришки, 21 февраля — Рачковщизна.

Наша пехота где-то наступала, и немцы перед нами отходили, выравнивая фронт. Иногда и мы на них напирали, чтобы ускорить очищение какого-нибудь важного для нас фольварка или деревни, но чаще приходилось просто отмечать, куда они отошли. Время было нетрудное и веселое. Каждый день разъезды, каждый вечер спокойный бивак — отступавшие немцы не осмеливались тревожить нас по ночам. Однажды даже тот разъезд, в котором я участвовал, собрался на свой риск и страх выбить немцев из одного фольварка. В военном совете приняли участие все унтер-офицеры. Разведка открыла удобные подступы. Какой-то старик, у которого немцы увели корову и даже стащили сапоги с ног, — он был теперь обут в рваные галоши, — брался провести нас болотом во фланг. Мы все обдумали, рассчитали, и это было бы образцовое сражение, если бы немцы не ушли после первого же выстрела. Очевидно, у них была не застава, а просто наблюдательный пост. Другой раз, проезжая лесом, мы увидели пять невероятно грязных фигур с винтовками, выходящих из густой заросли. Это были наши пехотинцы,

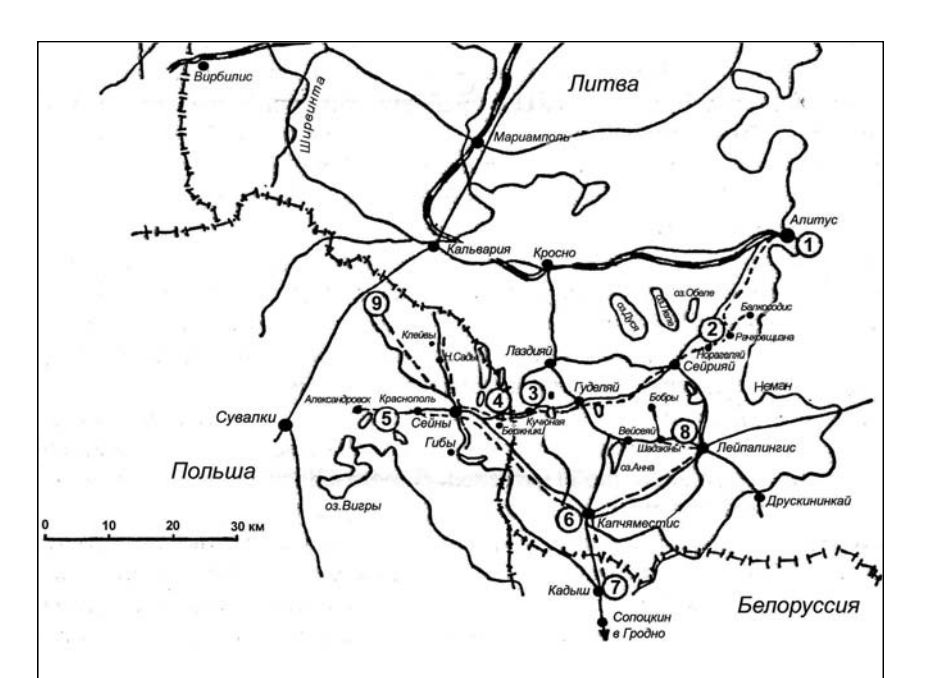
больше месяца тому назад отбившиеся от своей части и оказавшиеся в пределах неприятельского расположения. Они не потерялись: нашли чащу погуще, вырыли там яму, накрыли хворостом, с помощью последней спички развели чуть тлеющий огонек, чтобы нагревать свое жилище и растаивать в котелках снег, и стали жить Робинзонами, ожидая русского наступления. Ночью поодиночке ходили в ближайшую деревню, где в то время стоял какой-то германский штаб. Жители давали им хлеба, печеной картошки, иногда сала. Однажды один не вернулся. Они целый день провели голодные, ожидая, что пропавший под пыткой выдаст их убежище и вот-вот придут враги. Однако ничего не случилось: германцы ли попались совестливые, или наш солдатик оказался героем, — неизвестно. Мы были первыми русскими, которых они увидели. Прежде всего они попросили табаку. До сих пор они курили растертую кору и жаловались, что она слишком обжигает рот и горло.

Вообще такие случаи не редкость: один казак божился мне, что играл с немцами в двадцать одно. Он был один в деревне, когда туда зашел сильный неприятельский разъезд. Удирать было поздно. Он быстро расседлал свою лошадь, запрятал седло в солому, сам накинул на себя взятый у хозяина зипун, и вошедшие немцы застали его усердно молотящим в сарае хлеб. В его дворе был оставлен пост из трех человек. Казаку захотелось поближе посмотреть на германцев. Он вошел в халупу и нашел их играющими в карты. Он присоединился к играющим и за час выиграл около десяти рублей. Потом, когда пост сняли и разъезд ушел, он вернулся к своим. Я его спросил, как ему понравились германцы. «Да ничего, — сказал он, — только играют плохо, кричат, ругаются, все отжилить думают. Когда я выиграл, хотели меня бить, да я не дался». Как это он не дался — мне не пришлось узнать: мы оба торопились.

Эпизод 4 описывает столкновение улан эскадрона ЕВ с немецким сторожевым охранением 21 февраля. Судя по донесениям от командира эскадрона ЕВ князя И. Кропоткина[411], это произошло в районе озера Шавле, около которого стояли немцы. Разъезд был направлен от г. дв. Рачковщизны, где стоял полк, на юг, по направлению к Лейпунам (Лейпалингис в Литве), через лесную деревню Цибули, расположенную на открытой местности д. Барцуны и к озеру Шавле, где было обнаружено сторожевое охранение немцев. Видимо, около деревни Цибули был убит упоминаемый Гумилевым поляк, предупредивший улан о немцах.

4

Последний разъезд был особенно богат приключениями. Мы долго ехали лесом, поворачивая с тропинки на тропинку, объехали большое озеро и совсем не были уверены, что у нас в тылу не осталось какой-нибудь неприятельской заставы. Лес кончался кустарниками, дальше была деревня. Мы выдвинули дозоры справа и слева, сами стали наблюдать за деревней. Есть там немцы или нет — вот вопрос. Понемногу мы стали выдвигаться из кустов — все спокойно. Деревня была уже не более чем в двухстах шагах, как оттуда без шапки выскочил житель и бросился к нам, крича: «Германи, германи, их много... бегите!» И сейчас же раздался залп. Житель упал и перевернулся несколько раз, мы вернулись в лес. Теперь все поле перед деревней закишело германцами. Их было не меньше сотни. Надо было уходить, но наши дозоры еще не вернулись.

Карта 3 к «Запискам кавалериста» (Главы VII–XI)

1 — Олита, куда прибыла дивизия после переброски из Польши (начало главы VII).
2 — расположение Уланского полка в Рачковщизне и ведение разведки на Серее (глава VII).
3 — наступление через Серее, Гуделе и ночное столкновение с немцами за Коцюнами у Голны-Вольмеры (глава VIII).
4 — дальнейшее наступление, бой в районе Бержников (глава IX).
5 — третий день наступления, разведка и бои в районе Краснополя (начало главы X).
6 — отход от Сейн на Копциово (середина главы X).
7 — бивак в Кадыше (конец главы X).
8 — расположение улан в Лейпунах и дальний разъезд с Чичаговым на Шадзюны — Бобры, бивак в Салтанишках (начало и середина главы XI).
9 — наступление на дорогу Сувалки — Кальвария, разъезд с Кропоткиным на фронте Сейны — Гибы, болезнь и эвакуация через Кальварию и Ковно в Петроград на лечение (конец главы XI).

Примечание: Тем, кто хочет подробнее ознакомиться с «географией» боевых действий Уланского полка за все время службы там поэта, рекомендую обратиться к сайтам географических карт: http://maps.google.ru, http://maps.yandex.ru и к программе «Google Планета Земля» — http://earth.google.com/intl/ru/. На этих картах, в отличие от приведенной грубой схемы, можно найти, практически, все упоминаемые в рассказе географические пункты, одновременно посмотрев множество фотографий тех мест, где проходили боевые действия. Рекомендую при открытии карт вводить «поисковое слово» на латинице.

В частности, для предлагаемого региона используйте следующие «узловые» пункты: Олита — Alytus; Балкосадзе — Balkasodis; Серее — Seirijai; Коцюны — Kuciunai; Голны-Вольмеры — Holny Wolmera; Огродники — Ogrodniki; Бержники — Berzniki; Сейны — Sejny; Краснополь — Krasnopol; Копциово — Karcamiestis; Лейпуны — Leipalingis; Вейсее — Veisiejai; Шадзюны — Sadziunai; Салтанишки — Saltoniske; Лоздее — Lazdijai; Кальвария — Kalvarija.

С левого фланга тоже слышалась стрельба, и вдруг в тылу у нас раздалось несколько выстрелов. Это было хуже всего! Мы решили, что мы окружены, и обнажили шашки, чтобы, как только подъедут дозорные, пробиваться в конном строю. Но, к счастью, мы скоро догадались, что в тылу никого нет, — это просто рвутся разрывные пули, ударяясь в стволы деревьев. Дозорные справа уже вернулись. Они задержались, потому что хотели подобрать предупредившего нас жителя, но увидали, что он убит — прострелен тремя пулями в голову и в спину. Наконец прискакал и левый дозорный. Он приложил руку к козырьку и молодцевато отрапортовал офицеру: «Ваше сиятельство, германец наступает слева... и я ранен». На его бедре виднелась кровь. «Можешь сидеть в седле?» — спросил офицер. «Так точно, пока могу!» — «А где же другой дозорный?» — «Не могу знать, кажется, он упал». Офицер повернулся ко мне: «Гумилев, поезжайте посмотрите, что с ним?» Я отдал честь и поехал прямо на выстрелы.

Собственно говоря, я подвергался не большей опасности, чем оставаясь на месте: лес был густой, немцы стреляли, не видя нас, и пули летели всюду; самое большее я мог наскочить на их передовых. Все это я знал, но ехать все-таки было очень неприятно. Выстрелы становились все слышнее, до меня доносились даже крики врагов. Каждую минуту я ожидал увидеть изуродованный разрывной пулей труп несчастного дозорного и, может быть, таким же изуродованным остаться рядом с ним — частые разъезды уже расшатали мои нервы. Поэтому легко представить мою ярость, когда я увидел пропавшего улана на корточках, преспокойно копошащегося около убитой лошади.

«Что ты здесь делаешь?» — «Лошадь убили... седло снимаю». — «Скорей иди, такой-сякой, тебя весь разъезд под пулями дожидается». — «Сейчас, сейчас, я вот только белье достану. — Он подошел ко мне, держа в руках небольшой сверток. — Вот, подержите, пока я вспрыгну на вашу лошадь, пешком не уйти, немец близко». Мы поскакали, провожаемые пулями, и он все время вздыхал у меня за спиной: «Эх, чай позабыл! Эх, жалость, хлеб остался!»

Обратно доехали без приключений. Раненый после перевязки вернулся в строй, надеясь получить Георгия. Но мы все часто вспоминали убитого за нас поляка и, когда заняли эту местность, поставили на месте его смерти большой деревянный крест.

В приказе № 220 от 21 февраля 1915 года по Уланскому полку упоминаются и раненый улан, получивший своего Георгия, и убитая лошадь: «Раненного сего числа ефрейтора эскадрона Ея Величества Сергея Александрова, поверхностная рана головы, числить оставшимся в строю ‹...› Убитую сего числа строевую лошадь эскадрона Ея Величества под названием кобыла Частица исключить из списков полка и с фуражного довольствия с 22 сего февраля...»[412] Надежды раненого улана Сергея Александрова оправдались. 23 апреля 1915 года в приказе № 281 по Уланскому полку[413] было объявлено, что приказом по X Армии (дивизия входила в ее состав) улан Сергей Александров удостоен Георгиевского креста за дело 21 февраля 1915 года.

На границе с Польшей, бой у Голны-Вольмеры в феврале 1915 года

В следующей главе VIII описывается тяжелое испытание, выпавшее на долю поэта в ночь с 22 на 23 февраля 1915 года. 22 февраля началось наступление русской армии. Утром немцы были выбиты из Серее (Сейрияй в Литве; местечко С. в «Записках»). Дивизии было приказано[414] преследовать отступающего противника по дороге на Сейны, через Карклины, Вайнюны, Доманишки, Гуделе (Гуделяй), Клепочи (Клепочай), Пудзишки. Дорога проходила среди лесов и многочисленных озер. Головным был назначен лейб-гвардии Уланский полк.

VIII

1

Поздно ночью или рано утром — во всяком случае, было еще совсем темно — в окно халупы, где я спал, постучали: седлать по тревоге. Первым моим движением было натянуть сапоги, вторым — пристегнуть шашку и надеть фуражку. Мой арихмед — в кавалерии вестовых называют арихмедами, очевидно испорченное риткнехт, — уже седлал наших коней. Я вышел на двор и прислушался. Ни ружейной перестрелки, ни непременного спутника ночных тревог — стука пулемета, ничего не было слышно. Озабоченный вахмистр, пробегая, крикнул мне, что немцев только что выбили из местечка С. и они поспешно отступают по шоссе; мы их будем преследовать. От радости я проделал несколько пируэтов, что меня, кстати, и согрело.

Но, увы, преследование вышло не совсем таким, как я думал. Едва мы вышли на шоссе, нас остановили и заставили ждать час — еще не собрались полки, действовавшие совместно с нами. Затем продвинулись верст на пять и снова остановились. Начала действовать наша артиллерия. Как мы сердились, что она нам загораживает дорогу. Только позже мы узнали, что наш начальник дивизии придумал хитроумный план — вместо обычного преследования и захвата нескольких отсталых повозок врезываться клином в линию отходящего неприятеля и тем вынуждать его к более поспешному отступлению. Пленные потом говорили, что мы наделали немцам много вреда и заставили их откатиться верст на тридцать дальше, чем предполагалось, потому что в отступающей армии легко сбить с толку не только солдат, но даже высшее начальство. Но тогда мы этого не знали и продвигались медленно, негодуя на самих себя за эту медленность.

От передовых разъездов к нам приводили пленных. Были они хмурые, видимо потрясенные своим отступлением. Кажется, они думали, что идут прямо на Петроград. Однако честь отдавали отчетливо не только офицерам, но и унтер-офицерам и, отвечая, вытягивались в струнку.

В одной халупе, около которой мы стояли, хозяин с наслаждением, хотя, очевидно, в двадцатый раз, рассказывал про немцев: один и тот же немецкий фельдфебель останавливался у него и при наступлении и при отступлении. Первый раз он все время бахвалился победой и повторял: «Русс капут, русс капут!» Второй раз он явился в одном сапоге, стащил недостающий прямо с ноги хозяина и на его вопрос: «Ну что же, русс

капут?» — ответил с чисто немецкой добросовестностью: «Не, не, не! Не капут!»

Уже поздно вечером мы свернули с шоссе, чтобы ехать на бивак в назначенный нам район. Вперед, как всегда, отправились квартирьеры. Как мы мечтали о биваке! Еще днем мы узнали, что жители сумели попрятать масло и сало и на радостях охотно продавали русским солдатам. Вдруг впереди послышалась стрельба. Что такое? Это не по аэроплану, — аэропланы ночью не летают, это, очевидно, неприятель. Мы осторожно въехали в назначенную нам деревню, а прежде въезжали с песнями, спешились, и вдруг из темноты к нам бросилась какая-то фигура в невероятно грязных лохмотьях. В ней мы узнали одного из наших квартирьеров. Ему дали хлебнуть мадеры, и он, немного успокоившись, сообщил нам следующее: с версту от деревни расположена большая барская усадьба. Квартирьеры спокойно въехали в нее и уже завели разговоры с управляющим об овсе и сараях, когда грянул залп. Немцы, стреляя, выскакивали из дома, высовывались в окна, подбегали к лошадям. Наши бросились к воротам, ворота были уже захлопнуты. Тогда оставшиеся в живых, кое-кто уже попадал, оставили лошадей и побежали в сад. Рассказчик наткнулся на каменную стену в сажень вышиной, с верхушкой, усыпанной битым стеклом. Когда он почти влез на нее, его за ногу ухватил немец. Свободной ногой, обутой в тяжелый сапог, да со шпорой вдобавок, он ударил врага прямо в лицо, тот упал, как сноп. Соскочив на ту сторону, ободранный, расшибшийся улан потерял направление и побежал прямо перед собой. Он был в самом центре неприятельского расположения. Мимо него проезжала кавалерия, пехота устраивалась на ночь. Его спасла только темнота и обычное во время отступления замешательство, следствие нашего ловкого маневра, о котором я писал выше. Он был, по его собственному признанию, как пьяный и понял свое положение, только когда, подойдя к костру, увидел около него человек двадцать немцев. Один из них даже обратился к нему с каким-то вопросом. Тогда он повернулся, пошел в обратном направлении и, таким образом, наткнулся на нас.

Рассказ Гумилева дополняют (и полностью подтверждают) журналы военных действий 2-й и 5-й батарей. Донесение от 2-й батареи: «На рассвете 73 дивизия взяла посад Серее и продолжила наступление в направлении на м. Лодзее (*Лаздияй*). Дивизии приказано действовать в тылу противника. В 8 ч. 30 м. утра батарея, поседлав, выступила на сборный пункт дивизии в Малгоржаты, куда пришли в 9 ч. 45 м. В 11 ч. дивизия двинулась далее, на шоссе Серее — Сейны. Не доходя шоссе, авангард был остановлен арьергардом противника, и дивизия остановилась у д. Авижанцы (*Авиженяй*), где построилась в резервную колонну. Батарея шла за головным полком главных сил Лейб-Гвардии Уланским полком. Через ½ часа с помощью взвода 5-й батареи противник был выбит, и дивизия двинулась далее. В 10 ч. вечера авангард подошел к д. Коцюны (*Качюнай*), в районе которой и приказано дивизии встать на бивак. Батарея встала в д. Коцюны. Приказано было не расседлывать. Только что лошадей развели по дворам, прискакал улан с донесением, что фольварк Голны-Вольмеры, который был предназначен для бивака полка, занят частями противника с пулеметом. Вслед за этим пулемет из фольварка открыл огонь, и пули стали

попадать в деревню. Батарея запряглась и простояла ночь запряженной ‹…›. В 4 утра 1 взвод встал на позиции на западной окраине деревни против Голны-Вольмеры. К 6 ч. утра выяснилось, что ф. Голны-Вольмеры оставлен противником и взвод в 8 ч. утра присоединился к батарее, шедшей в колонне дивизии за головным драгунским полком»[415].

Донесение от 5-й батареи: «В 8 ч. утра получено приказание дивизии сосредоточиться в д. Малгоржаты. Ночной атакой 73 пехотная дивизия взяла м. Серее. Противник в полном отступлении; дивизии приказано энергично преследовать. Сосредоточившись, дивизия двинулась на Карклины — Авижанцы, и дальше по шоссе на Берзники. Повсюду следы поспешного отступления противника; взяты пленные. Дивизия к наступлению сумерек дошла до озера Зойсе, головные части до Берзников, которые заняты пехотой противника в окопах. Совсем стемнело. Дивизии приказано стать на ночлег. Батареям в д. Коцюны. Уланы должны были стать в фольварке Голны-Вольмеры в версте от д. Коцюны, но ф. Голны-Вольмеры оказался занят пехотой с пулеметами. Уланы (2 эскадрона) рассыпались и стали наступать, но благодаря открытой местности не могли продвинуться и залегли, ведя перестрелку. Батарея, стоявшая нерасседланной на западной окраине д. Коцюны, оказалась на биваке под ружейным огнем (ранена одна лошадь). В 12 часов ночи батарее приказали перейти на другой край деревни. С рассветом взвод 2-й батареи должен открыть огонь по ф. Голны-Вольмеры. Простояли до 5 ч. утра нерасседланными»[416].

2

Выслушав этот рассказ, мы призадумались. О сне не могло быть и речи, да к тому же лучшая часть нашего бивака была занята немцами. Положение осложнялось еще тем, что в деревню вслед за нами тоже на бивак въехала наша артиллерия. Гнать ее назад, в поле, мы не могли, да и не имели права. Ни один рыцарь так не беспокоится о судьбе своей дамы, как кавалерист о безопасности артиллерии, находящейся под его прикрытием. То, что он может каждую минуту ускакать, заставляет его оставаться на своем посту до конца.

У нас оставалась слабая надежда, что в именье перед нами был только небольшой немецкий разъезд. Мы спешились и пошли на него цепью. Но нас встретил такой сильный ружейный и пулеметный огонь, какой могли развить по крайней мере несколько рот пехоты. Тогда мы залегли перед деревней, чтобы не пропускать хоть разведчиков, могущих обнаружить нашу артиллерию.

Лежать было скучно, холодно и страшно. Немцы, обозленные своим отступлением, поминутно стреляли в нашу сторону, а ведь известно, что шальные пули — самые опасные. Перед рассветом все стихло, а когда на рассвете наш разъезд вошел в усадьбу, там не было никого. За ночь почти все квартирьеры вернулись. Не хватало трех, двое, очевидно, попали в плен, а труп третьего был найден на дворе усадьбы. Бедняга, он только что прибыл на позиции из запасного полка и все говорил, что будет убит. Был он красивый, стройный, отличный наездник. Его револьвер валялся около него, а на теле кроме огнестрельной было несколько штыковых ран. Видно было, что он долго защищался, пока не был приколот. Мир праху твоему, милый товарищ! Все из нас, кто мог, пришли на твои похороны!

Архивные документы позволили восстановить имя убитого улана. В приказе № 221 по Уланскому полку от 22 февраля 1915 года[417] перечисляются пять раненых в эту ночь уланов, а в §3 сказано: «Убитого сего числа наездника Антона Гломбиковского исключить из списка полка и с довольствия с 23 сего февраля». Как пишет Гумилев, «он только что прибыл на позиции из запасного полка и все говорил, что будет убит». Действительно, как упоминалось выше, наездник Антон Гломбиковский прибыл в полк с 3-м маршевым эскадроном и зачислен на довольствие приказом № 215 по Уланскому полку от 16 февраля 1915 года[418]. Его боевая служба продолжалась менее недели…

Село Качюнай в Литве (бывшие Коцюны) и расположенный в 1 версте фольварк Голны-Вольмеры разделяет граница: фольварк, точнее – одноименная деревня, сейчас находится в Польше. В то время, когда в начале 1990-х годов удалось там побывать, граница была непреодолима, и на Голны-Вольмеры удалось посмотреть лишь с высокой колокольни строящегося костела в селе Качюнай. Рядом с ним стоит старый деревянный костел, свидетель тех событий. В нынешние времена граница эта практически исчезла, но возникла новая граница — с Литвой…

Польша, наступление на Сейны и Краснополь

Дневным событиям 23 февраля посвящено окончание главы VIII и большая часть главы IX.

В этот день наш эскадрон был головным эскадроном колонны и наш взвод — передовым разъездом. Я всю ночь не спал, но так велик был подъем наступления, что я чувствовал себя совсем бодрым. Я думаю, что на заре человечества люди так же жили нервами, творили много и умирали рано. Мне с трудом верится, чтобы человек, который каждый день обедает и каждую ночь спит, мог вносить что-нибудь в сокровищницу культуры духа. Только пост и бдение, даже если они невольные, пробуждают в человеке особые, дремавшие прежде силы.

Наш путь лежал через именье, где накануне обстреляли наших квартирьеров. Там офицер, начальник другого разъезда, допрашивал о вчерашнем управляющего, рыжего, с бегающими глазами, неизвестной национальности. Управляющий складывал руки ладошками и клялся, что не знает, как и когда у него очутились немцы, офицер горячился и напирал на него своим конем. Наш командир разрешил вопрос, сказав допрашивающему: «Ну его к черту, — в штабе разберут. Поедем дальше!»

Дальше мы осмотрели лес, в нем никого не оказалось, поднялись на бугор, и дозорные донесли, что в фольварке напротив неприятель. Фольварков в конном строю атаковать не приходится: перестреляют; мы спешились и только что хотели начать перебежку, как услышали частую пальбу. Фольварк уже был атакован раньше нас подоспевшим гусарским разъездом. Наше вмешательство было бы нетактичным, нам оставалось лишь наблюдать за боем и жалеть, что мы опоздали.

IX

1

Бой длился недолго. Гусары бойко делали перебежку и уже вошли в фольварк. Часть немцев сдалась, часть бежала, их ловили в кустах. Гусар, детина огромного роста, конвоировавший человек десять робко жавшихся пленных, увидел нас и взмолился к нашему офицеру: «Ваше благородие, примите пленных, а я назад побегу, там еще немцы есть». Офицер согласился. «И винтовки сохраните, ваше благородие, чтобы никто не растащил», — просил гусар. Ему обещали, и это потому, что в мелких кавалерийских стычках сохраняется средневековый обычай, что оружие побежденного принадлежит его победителю.

Вскоре нам привели еще пленных, потом еще и еще. Всего в этом фольварке забрали шестьдесят семь человек настоящих пруссаков, действительной службы вдобавок, а забирающих было не больше двадцати.

Когда путь был расчищен, мы двинулись дальше. В ближайшей деревне нас встретили старообрядцы, колонисты. Мы были первыми русскими, которых они увидели после полуторамесячного германского плена. Старики пытались целовать наши руки, женщины выносили крынки молока, яйца, хлеб и с негодованием отказывались от денег, белобрысые ребятишки глазели на нас с таким интересом, с каким вряд ли глазели на немцев. И приятнее всего было то, что все говорили на чисто русском языке, какого мы давно не слышали.

Атакованный гусарами фольварк был расположен сразу за Голны-Вольмеры. В донесениях от Гусарского полка, из района Огродники — Жегары — Новосады, говорится о том, что 23 февраля было взято более 50 пленных[419]. В этот день гусары остановились на бивак в освобожденных от противника Сейнах.

Ближайшей деревней на пути полка за Голны-Вольмеры и атакованным гусарами фольварком были Огродники. В этой части Польши во многих деревнях жили русские старообрядцы. Об этом говорят сохранившиеся до сих пор названия деревень: Гремзды Русские, Буда Русская, Покровск, Огродники, Бержники, – вполне возможно, что там по-прежнему живут потомки встреченных Гумилевым русских старообрядцев…

Мы спросили, давно ли были немцы. Оказалось, что всего полчаса тому назад ушел немецкий обоз и его можно было бы догнать. Но едва мы решили сделать это, как к нам подскакал посланный от нашей колонны с приказанием остановиться. Мы стали упрашивать офицера притвориться, что он не слышал этого приказания, но в это время примчался второй посланный, чтобы подтвердить категорическое приказание ни в каком случае не двигаться дальше.

Пришлось покориться. Мы нарубили шашками еловых ветвей и, улегшись на них, принялись ждать, когда закипит чай в котелках. Скоро к нам подтянулась и вся колонна, а с нею пленные, которых было уже около девятисот человек[420]*. И вдруг над этим сборищем всей дивизии, когда все обменивались впечатлениями и делились хлебом и табаком, раздался характерный вой шрапнели, и неразорвавшийся снаряд грохнулся прямо среди нас. Послышалась команда: «По коням! Садись», и как осенью стая дроздов вдруг срывается с густых ветвей рябины и летит,*

шумя и щебеча, так помчались и мы, больше всего боясь оторваться от своей части. А шрапнель все неслась и неслась. На наше счастье, почти ни один снаряд не разорвался (и немецкие заводы подчас работают скверно), но они летели так низко, что прямо-таки прорезывали наши ряды. Несколько минут мы скакали через довольно большое озеро, лед трещал и расходился звездами, и я думаю, у всех была лишь одна молитва, чтобы он не подломился.

Со всех сторон Огродники окружены озерами: самое большое, вытянутое на север, — Галадусь, много мелких озер. Огродники расположены северо-западнее Голны-Вольмеры; западнее, на берегу озера Галадусь, стоят Жегары, еще северо-западнее, за лесом — Новосады. Именно в этом направлении, на фланги дивизии, в район деревень Огродники и Бержники, 23 февраля рассылались дневные разъезды улан и других частей дивизии. Основная дорога, по которой продвигалась вперед дивизия, тянулась на запад, через Сейны на Краснополь, и далее до Сувалок. Огродники располагались севернее, а Бержники южнее этой дороги. Из Новосад, через Клейвы и Бабанце, эскадрон Гумилева вышел на это шоссе, сразу за Сейнами, у села Стабенщизна, и там был организован упомянутый автором неудобный бивак.

2

Когда мы проскакали озеро, стрельба стихла. Мы построили взводы и вернулись обратно. Там нас ожидал эскадрон, которому было поручено стеречь пленных. Оказывается, он так и не двинулся с места, боясь, что пленные разбегутся, и справедливо рассчитав, что стрелять будут по большей массе скорее, чем по меньшей. Мы стали считать потери — их не оказалось. Был убит только один пленный и легко поранена лошадь.

Однако нам приходилось призадуматься. Ведь нас обстреливали с фланга. А если у нас с фланга оказалась неприятельская артиллерия, то, значит, мешок, в который мы попали, был очень глубок. У нас был шанс, что немцы не сумеют использовать его, потому что им надо отступать под давлением пехоты. Во всяком случае, надо было узнать, есть ли для нас отход, и если да, то закрепить его за собой. Для этого были посланы разъезды, с одним из них поехал и я.

Ночь была темная, и дорога лишь смутно белела в чаще леса. Кругом было неспокойно. Шарахались лошади без всадников, далеко была слышна перестрелка, в кустах кто-то стонал, но нам было не до того, чтобы его подбирать. Неприятная вещь — ночная разведка в лесу. Так и кажется, что из-за каждого дерева на тебя направлен и сейчас ударит широкий штык.

Совсем неожиданно и сразу разрушив тревожность ожидания, послышался окрик: «Wer ist da?» — и раздалось несколько выстрелов. Моя винтовка была у меня в руках, я выстрелил не целясь, все равно ничего не было видно, то же сделали мои товарищи. Потом мы повернули и отскакали сажен двадцать назад.

«Все ли тут?» — спросил я. Послышались голоса: «Я тут»; «Я тоже тут, остальные не знаю». Я сделал перекличку, — оказались все. Тогда мы стали обдумывать, что нам делать. Правда, нас обстреляли, но это легко могла оказаться не застава, а просто партия отсталых пехотинцев, которые теперь уже бегут сломя голову, спасаясь от нас. В этом предположении меня укрепляло еще то, что я слышал треск сучьев по лесу: посты не стали бы так шуметь. Мы повернули и поехали по старому направлению. На том месте, где у нас была перестрелка, моя лошадь начала храпеть и жаться в сторону от дороги. Я соскочил и, пройдя несколько шагов, наткнулся на лежащее тело. Блеснув электрическим фонариком, я заметил расщепленную пулей каску под залитым кровью лицом, а дальше — синевато-серую шинель. Все было тихо. Мы оказались правы в своем предположении.

Мы проехали еще верст пять, как нам было указано, и, вернувшись, доложили, что дорога свободна. Тогда нас поставили на бивак, но какой это был бивак! Лошадей не расседлывали, отпустили только подпруги, люди спали в шинелях и сапогах. А наутро разъезды донесли, что германцы отступили и у нас на флангах наша пехота.

События этого дня отражены в журналах военных действий. В донесениях отмечается, что во многих деревнях стоит неприятель. От 5-й батареи: «Дивизия в 6 ч. утра выступила с целью отрезать шоссе Копциово (*Капчяместис*) — Сувалки на Огродники — Жегары. Дефиле у д. Жегары оказалось занятым арьергардом противника, тогда как по дорогам на Радзюшки и Бобтеле отступали большие колонны. ‹…› Обстрел от Огродников и Жегар. Авангард дошел до Новосад. С темнотой приказано дивизии стать на ночлег в районе д. Клейвы. Из-за неясности обстановки (противник с трех сторон) дивизия перешла через д. Клейвы — Бабанце на шоссе и стала на ночлег в 1 ч. ночи»[421]. От 2-й батареи: «Обстреляли соседние деревни с противником. В резерве колонны простояли до 9 ч. 45 м. вечера, приказано идти с уланами в д. Стабенщизну и там встать на бивак с уланами. Встали не расседлывая в 1 ч. ночи»[422]. Разведывательные разъезды улан в этот день были высланы в северном направлении, вдоль многочисленных озер. Вот донесение Чичагова, командира взвода, в котором служил Гумилев. Скорее всего, донесение это было составлено сразу же после возвращения разъезда Гумилева с известием о том, что лес и дорога свободны: «Деревня Новосады занята противником, за темнотой силы определить невозможно. Ф. Девятишки свободен, неприятельская артиллерия до нас сегодня вечером стояла там. После нескольких наших очередей сейчас же ушли. Сам лес свободен. Караул противника стоит в 3-й халупе от леса. Разъезд у.-оф. Яковлева, посланный на д. Охотники, еще не вернулся. По его присоединении иду обратно. Поручик Чичагов, 9 ч. 30 м. вечера»[423]. Вскоре возвратился разъезд Яковлева, и Чичагов дополнительно сообщил: «Разъезд Яковлева донес, что Охотники свободны».

Утром 24 февраля в район расположения 2-й Гв. кав. дивизии подошли полки 26-й пехотной дивизии. Пехотная дивизия встретилась со 2-й кавалерийской дивизией в районе Сейн, двигаясь с юга, со стороны Копциово[424]: «Из-за взорванных немцами мостов авангард (104 полк) подошел к Копциово лишь в 5 ч. утра. На смену этого авангарда был направлен 102 полк, который в 2 ч. 30 м. дня 23 февраля выступил из Копциово на Берзники. К вечеру 23 февраля части дивизии сосредоточились в районе Копциово. Берзники оказались около полудня очищенными немцами. Все мосты между Копциово и Берзниками найдены взорванными. В 7 ч. 50 м. вечера 4 сотни 31-го Донского полка вошли в Сейны ‹…› 24 февраля дивизии было приказано продолжить наступление, причем достичь авангардом Краснополя, а главным силам — Сейны». Это позволило гусарам остановиться на ночлег в Сейнах, а всей дивизии на следующий день, 24 февраля,

продолжить наступление русской армии через Краснополь на Сувалки. О событиях 24 февраля — в начале X главы «Записок кавалериста». В главе X описываются события с 24 по 27 февраля 1915 года.

X

Третий день наступления начался смутно. Впереди все время слышалась перестрелка, колонны то и дело останавливались, повсюду посылались разъезды. И поэтому особенно радостно нам было увидеть выходящую из леса пехоту, которой мы не встречали уже несколько дней. Оказалось, что мы, идя с севера, соединились с войсками, наступавшими с юга. Бесчисленные серые роты появлялись одна за другой, чтобы через несколько минут расплыться среди перелесков и бугров. И их присутствие доказывало, что погоня кончилась, что враг останавливается и подходит бой.

Наш разъезд должен был разведать путь для одной из наступающих рот и потом охранять ее фланг. По дороге мы встретились с драгунским разъездом, которому была дана почти та же задача, что и нам. Драгунский офицер был в разодранном сапоге — след немецкой пики — он накануне ходил в атаку. Впрочем, это было единственное повреждение, полученное нашими, а немцев порубили человек восемь. Мы быстро установили положение противника, то есть ткнулись туда и сюда и были обстреляны, а потом спокойно поехали на фланг, подумывая о вареной картошке и чае.

Но едва мы выехали из леска, едва наш дозорный поднялся на бугор, из-за противоположного бугра грянул выстрел. Мы вернулись в лес, все было тихо. Дозорный опять показался из-за бугра, опять раздался выстрел, на этот раз пуля оцарапала ухо лошади. Мы спешились, вышли на опушку и стали наблюдать. Понемногу из-за холма начала показываться германская каска, затем фигура всадника — в бинокль я разглядел большие светлые усы. «Вот он, вот он, черт с рогом», — шептали солдаты. Но офицер ждал, чтобы германцев показалось больше, что пользы стрелять по одному. Мы брали его на прицел, разглядывали в бинокль, гадали об его общественном положении.

Между тем приехал улан, оставленный для связи с пехотой, доложил, что она отходит. Офицер сам поехал к ней, а нам предоставил поступать с немцами по собственному усмотрению. Оставшись одни, мы прицелились кто с колена, кто положив винтовку на сучья, и я скомандовал: «Взвод, пли!» В тот же миг немец скрылся, очевидно упал за бугор. Больше никто не показывался. Через пять минут я послал двух улан посмотреть, убит ли он, и вдруг мы увидели целый немецкий эскадрон, приближающийся к нам под прикрытием бугров. Тут уже без всякой команды поднялась ружейная трескотня. Люди выскакивали на бугор, откуда было лучше видно, ложились и стреляли безостановочно. Странно, нам даже в голову не приходило, что немцы могут пойти в атаку.

И действительно, они повернули и врассыпную бросились назад. Мы провожали их огнем и, когда они поднимались на возвышенности, давали правильные залпы. Радостно было смотреть, как тогда падали люди, лошади, а оставшиеся переходили в карьер, чтобы скорее добраться до ближайшей лощины. Между тем два улана привезли каску и винтовку того немца, по которому мы дали наш первый залп. Он был убит наповал.

Возможно, в этом фрагменте не случайно упоминается встреченный драгунский разъезд. В недавно вышедшей книге Р. Тименчика «Что вдруг» опубликованы воспоминания, относящиеся как раз к событиям этих дней. Они принадлежат брату учившегося с Гумилевым гимназиста Курта Вульфиуса (1885 — 1964), Г.-А. Вульфиусу; рассказ его начинался с гимназических годов:

«... Прошло много лет.

Поздно вечером я шел с разъездом гвардейских драгун по шоссе. Мы вели лошадей, едва передвигавших ноги, в поводу.

После стычки с арьергардными частями отходившей на запад немецкой пехоты мы шли на бивак.

Разрозненные части дивизии собирались на шоссе, отыскивая свои полки, эскадроны. Ко мне подскакала группа гвардейских улан.

— Ваше высокоблагородие, — обратился один из них. — Нашего полка не видели?

Сразу по голосу, я повторяю, совсем особенному, я узнал Гумилева.

— Я конквистадор в панцире железном, — ответил я ему. Он меня узнал. Подъехал ближе.

— Уланы в авангарде, догнать будет трудно, присоединяйтесь к моему разъезду, отдохните, — посоветовал я ему.

— У меня донесение к командиру полка, — ответил мне Гумилев.

— Ну, тогда шпоры кобыле, — ответил я, и поэт-улан, взяв под козырек, немного пригнувшись к шее рыжей полукровки, двинулся со своими товарищами размашистою рысью в темноту.

Далеко впереди гремела артиллерия, доносились одиночные ружейные выстрелы, и долго еще было слышно хлесткое цоканье копыт уланских лошадей.

Больше я Гумилева не видел.

Германская армия, в течение трех лет державшая в страхе Божьем всю Европу, пощадила поэта. Не пощадила его своя подлая застеночная пуля...»[425]

Дальнейший рассказ, видимо, относится как к текущему, так и к следующему дню, 25 февраля, когда, с одной стороны, продолжилось наступление Русской армии, а с другой стороны, началось контрнаступление противника. То есть, с точки зрения командования, на фронте действующих армий существовала полная неразбериха. По этой причине непрерывно высылались разъезды во всех направлениях, в которых участвовал и Гумилев. Все это на фоне окончательно испортившейся погоды, что в конечном итоге привело к болезни и эвакуации поэта в середине марта в Петроград; только там он и смог разобраться со своими воспоминаниями и продолжить написание «Записок кавалериста». В каком-то смысле повторилась ноябрьская история, когда из-за бессонных ночей возникла некоторая путаница в записях, точнее – в их хронологии. При этом любой из описанных эпизодов, в которых Гумилеву приходилось участвовать, подтверждается с поразительной документальной точностью, вплоть до мелочей, как говорится, — «до последней запятой». Заметим, что Гумилев отнюдь не выставляет себя героем, с большим юмором описывает свои

промахи и несуразные действия, особенно тогда, когда он серьезно заболевает, но еще долго остается в строю, находясь при этом в постоянном полубреду. Это дополнительно подтверждает то, что эта часть «Записок кавалериста» писалась уже с ясной головой, в Петрограде. В дальнейшем я буду по-прежнему чередовать подлинные архивные документы с соответствующими записями Гумилева, расшифровывая все реалии, даты, географические пункты и, по возможности, имена действующих лиц.

Описываемые автором столкновения с немцами проходили 25–26 февраля на участке вдоль шоссе между Сейнами и Краснополем.

* * *

Позади нас бой разгорался. Трещали винтовки, гремели орудийные разрывы, видно было, что там горячее дело. Поэтому мы не удивились, когда влево от нас лопнула граната, взметнув облако снега и грязи, как бык, с размаху ткнувшийся рогами в землю. Мы только подумали, что поблизости лежит наша пехотная цепь. Снаряды рвались все ближе и ближе, все чаще и чаще, мы нисколько не беспокоились, и только подъехавший, чтобы увести нас, офицер сказал, что пехота уже отошла и это обстреливают именно нас. У солдат сразу просветлели лица. Маленькому разъезду очень лестно, когда на него тратят тяжелые снаряды.

По дороге мы увидали наших пехотинцев, угрюмо выходящих из лесу и собирающихся кучками. «Что, земляки, отходите?» — спросил их я. «Приказывают, а нам что? Хоть бы и не отходить... что мы позади потеряли», — недовольно заворчали они. Но бородатый унтер рассудительно заявил: «Нет, это начальство правильно рассудило. Много очень германца-то. Без окопов не сдержать. А вот отойдем к окопам, так там видно будет». В это время с нашей стороны показалась еще одна рота. «Братцы, к нам резерв подходит, продержимся еще немного!» — крикнул пехотный офицер. «И то», — по-прежнему рассудительно сказал унтер и, скинув с плеча винтовку, зашагал обратно в лес. Зашагали и остальные.

В донесениях о таких случаях говорится: под давлением превосходных сил противника наши войска должны были отойти. Дальний тыл, прочтя, пугается, но я знаю, видел своими глазами, как просто и спокойно совершаются такие отходы.

Немного дальше мы встретили окруженного своим штабом командира пехотной дивизии, красивого седовласого старика с бледным, утомленным лицом. Уланы развздыхались: «Седой какой, в дедушки нам годится. Нам, молодым, война так, заместо игры, а вот старым плохо».

В этом фрагменте упоминается командующий 26-й пехотной дивизией — начальник дивизии генерал-майор Тиханович[426]. Любопытным комментарием к этому фрагменту служит подписанный им приказ по дивизии № 20 от 28.2.1915:

«Обращаю внимание на то, что при совершаемом даже в полном порядке отходе, всей ли дивизией или ее частью, разные отсталые, отбившиеся от своей роты и просто бросившие товарищей при первом выстреле позволяют себе, ничего не понимая в боевой обстановке, заявлять, что “их разбили”, “никого не осталось” и т.п. ложь. Объяснить всем нижним чинам, как нынешнего, так и будущего состава, что как понесенные какой-либо частью значительные потери, так и отход, являющийся одним из маневров, совершаемый по приказанию начальства или даже под давлением противника, вовсе не служат основанием для заключения, что “мы разбиты”. Надо внушить нижним чинам, чтобы они забыли это слово, за произнесение же его я приказываю прибегать к самым строжайшим мерам наказания. Наши войска не могут быть разбиты. В такой великой и тяжелой войне, как нынешняя Европейская, неизбежно чередование частичных успехов и неуспехов в ходе боевых операций, так как противники ведут борьбу с полным напряжением сил. Только наше самоотверженное, не останавливаемое ни перед какими лишениями стремление к поражению врага может привести к окончательному над ним торжеству, и я уверен, что в доблестных частях дивизии будет общими усилиями искоренено даже единичное проявление малодушия, за которое буду карать беспощадно. Командующий дивизией, генерал-майор Тиханович»[427].

Командиру 2-й Гв. кав. дивизии Гилленшмидту были временно подчинены резервные полки 26-й пехотной дивизии: 103-й Петрозаводский, 104-й Устюжский и 336-й Челябинский. 24 февраля 103-й пехотный Петрозаводский полк, двигаясь с юга, из Копциово (Капчяместис), соединился с дивизией. В журнале боевых действий полка сказано: «24.02. Правее нас и впереди — 2-я Гв. Кавалерийская дивизия. Авангард должен дойти до Краснополя, а основные силы — в р-не Сейны (там предполагается ночлег). Ночлег в Лумбе (5 верст севернее Сейны)»[428]. В этот день войска заняли Сейны и продвинулись западнее, до Краснополя. Из донесений артиллерийских батарей: «В Скустеле сборный пункт дивизии. В 9 ч. утра дивизия двинулась по шоссе на Краснополь, но прошли 1 версту, так как головные части авангарда были остановлены огнем противника. 2-й взвод встал на позиции у Павлувки к югу от шоссе. ‹...› Дойдя до Павлувки, дивизия остановилась и стала разворачиваться. I бригада — на Краснополь. ‹...› 3 взвод открыл огонь у д. Конец (со 2 батареей), выбили противника из окопов, дав возможность Уланам занять Краснополь. ‹...› В это время противник открыл ураганный огонь по Краснополю и Конец, и части улан и драгун вынуждены были отойти. Краснополь и Конец оказались незанятыми. ‹...› В 5 ч. дня, когда место дивизии заняли части 26 пехотной дивизии 2-го Армейского корпуса, батарея ушла на старый бивак...»[429]

Сборный пункт был назначен в местечке С. По нему так и сыпались снаряды, но германцы, как всегда, избрали мишенью костел, и стоило только собраться на другом конце, чтобы опасность была сведена к минимуму.

«Местечко С.» — это сборный пункт дивизии в д. Скустеле, расположенной южнее шоссе Сейны — Краснополь. Из донесений 26-й пехотной дивизии от 24 февраля: «...В 3 дня выяснилось, что немцы занимают спешенными конными и небольшими пехотными частями лишь Бубеле, Романовцы, Краснополь. Наша 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия ведет бой за Краснополь, к ней подходит 101 полк (авангард). К 11 вечера Краснополь был занят шестью ротами 101 полка, имея в 800 шагах южнее себя части 43 дивизии»[430].

Польша и Литва, холода и дальние разъезды, болезнь

Далее в «Записках кавалериста» Гумилев описывает неспокойную, холодную, бессонную ночь с 25 на 26 февраля, проведенную вначале на шоссе, а затем в дальнем переходе... «Маленькая деревушка» — это одна из небольших деревень, располагавшихся вдоль шоссе между Краснополем и Сейнами. В связи с наступлением противника отдельным частям дивизии было приказано срочно перейти значительно южнее, в район Копциово («местечко К. на узле шоссейных дорог»).

О царящей в эти дни неразберихе красноречиво говорят подлинные документы, донесения от отдельных частей, журналы боевых действий входящих в дивизию полков. Район боевых действий охватил большую территорию, охватывающую нынешние приграничные участки Польши, Литвы, Белоруссии. Отряды непрерывно перемещались с одного участка на другой. Продолжалось это в течение всего периода пребывания Гумилева в полку, только вскоре после его эвакуации по болезни обстановка на фронте несколько стабилизировалась. Прежде, чем продолжить «Записки кавалериста», приведем ряд сохранившихся документов этого периода, без комментариев, в неотредактированном виде[431]. Это позволит нам четко восстановить те эпизоды, которые описаны Гумилевым.

25 февраля, журналы военных действий от различных частей. 2-я артиллерийская батарея: «Дивизия, ввиду того, что 73 пехотная дивизия под сильным натиском отошла от Лодзее, оголив правый фланг 2 корпуса, должна прикрыть его. В 10 ¾ часа батарея с 1 бригадой пошла через Сейны на шоссе Сейны — Лодзее. Когда бригада проходила д. Залесье, то была обстреляна артиллерией противника и, повернув кругом, отошла за деревню на позицию. Вскоре неприятельская шрапнель стала рваться у батареи, и батарея в 1 ¾ часа дня, снявшись с позиции, пошла к д. Посейны, где стоял Уланский полк в резервной колонне. В 3 ½ часа появился аэроплан противника, который бросил 3 бомбы в колонну, из них 2 разорвались в ½ версты, а 3-я не разорвалась. В 3 ½ часа дня бригада перешла к ф. Грудзевизна, где тоже построилась в резервную колонну»[432]. 5-я артиллерийская батарея: «Предполагалось продолжить наступление на Михновце, на правый фланг II Армейского корпуса. ‹…› В это время сообщили из штаба Армии, что ночью противник, перейдя значительными силами в наступление вдоль шоссе на Лодзее, отбросил 3 армейский корпус к Серее и наступает по шоссе от Лодзее на Сейны. Позиция у Новосады. 1 бригада послана занять Жегары, что уже не удалось. Открыли огонь по пехоте противника от Новосад — в лес южнее ф. Охотники. 2 корпус отходит на Лумбе — Гавенянце. Батарея перешла в район д. Стабенщизна. Позиции у Радзюшки. Противник наступает на Сейны — Гавенянце — Марцинкальце. Сильный обстрел Сейны. Отход 2 корпуса через Штабинки — Дворчиско. Подошедшая от Берзников отдельная бригада облегчила положение правого фланга, отбросив противника на север, но понесла большие потери и оказалась севернее шоссе Штабинки — Дворчиско. Перешел в наступление резерв 26 пехотной дивизии, перейдя шоссе, но не смогли продвинуться. Противник занял Марцинкальце и наступает на юг густыми цепями. Открыли огонь по лесу, где сосредоточилась пехота противника. Задержали и дали возможность 26 пехотной дивизии продолжить наступление. С темнотой дивизия сосредоточилась у д. Маринов и перешли через

Морги — Посейны — Ольшанка — Дегуце, там ночлег. Батарея в Боссе. 2 взвод с гусарами едва не был отрезан (был в авангарде)»[433]. Отмечается резкое ухудшение погоды: «Мороз — 18°R»[434]. Донесения от вошедшей в состав Кавалерийской дивизии 26-й пехотной дивизии: «Ввиду полученных сведений о переходе немцев в наступление против частей 3-го корпуса было приказано в 7 ч. утра перейти в наступление 2 бригаде 26 пехотной дивизии от Сейны на Лумбе и далее по шоссе Лодзее — Слободка. 1 бригада должна была укрепиться в Краснополе, в резерве должна быть оставлена в Сейнах батарея 104 полка. Около 9 ч. утра были получены сведения, что 3 корпус под натиском противника отошел от Лодзее к Серее. 2-му корпусу было приказано приостановить наступление и принять более сосредоточенное расположение в районе Сейны. В это время 2 бригада уже перешла в наступление и продвинулась севернее Новосады. Для обеспечения себя со стороны противника, занявшего Лодзее, было приказано перевести в район Поцкуны — Дворчиско 102 и 104 полк с батареей. В 11 ч. 30 м. было приказано сформировать под начальством Генерала Тихановича особую группу в составе 26 пехотной дивизии, 1 полка 43 дивизии, 1 и 4 пехотных полков, бывших в дер. Берзники. Группа эта должна была, по сосредоточении на линии Пудзишки — Огродники — Жегары, перейти в наступление в направлении на Лодзее. Около 4 ч. дня обозначилось наступление немцев с севера, северо-востока и северо-запада. Особенно упорным оказалось наступление немцев на участок 101 полка. Напор немцев был сдержан, и 101 полк прикрыл направление на Сейны — Гибы, дал всему корпусу возможность отойти. Под влиянием такого движения немцев командиром Корпуса было приказано начать отход. ‹…› В 9 ч. 30 м. вечера начался отход всех частей. К полуночи с 25 на 26 февраля части дивизии отошли на фронт Зельва — Гибы»[435]. Из журнала военных действий входящего в состав 26-й пехотной дивизии 102-го полка: «В 9 утра ‹…› приказано отойти и стать между Павлувка и Скустеле. Здесь простояли до 12 ч. 15 м. дня, приказано следовать в Сейны. Затем спешить на линию Жегары — Огродники, которую занять, укрепить и прикрывать Сейны с этого направления, имея в виду большие силы противника у Бубеле и Душице. В 1 ч. 15 м. дня полк был в 1 версте восточнее Сейны, здесь его обогнал Лейб-Гвардии Уланский Ея Величества полк с одной полевой батареей. При подходе улан к д. Залесье немцы открыли со стороны Жегары шрапнельный огонь. Уланы отошли на восток от шоссе, здесь выехала их батарея. Я начал двигаться к д. Поцкуны. Ближайшая задача — высота у Залесье»[436].

Обогнавший отряд Уланский полк оказался во главе колонны направлявшейся в сторону Копциово 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. К утру 26 февраля к Копциово («местечко К.») подошел лишь входящий в состав дивизии лейб-гвардии Уланский полк. Гумилев подробно описывает этот тяжелейший ночной переход — в ночь с 25 на 26 февраля. Путь отряда проходил в юго-восточном направлении, ночью, среди озер, лесов, болот, по бездорожью. Короткая остановка, видимо, была на середине пути, в местечке Зельва.

Со всех сторон съезжались разъезды, подходили с позиций эскадроны. Пришедшие раньше варили картошку, кипятили чай. Но воспользоваться этим не пришлось, потому что нас построили в колонну и вывели на дорогу. Спустилась ночь, тихая, синяя, морозная. Зыбко мерцали снега. Звезды словно просвечивали сквозь стекло. Нам пришел приказ оста-

новиться и ждать дальнейших распоряжений. И пять часов мы стояли на дороге.

Да, эта ночь была одной из самых трудных в моей жизни. Я ел хлеб со снегом, сухой и он не пошел бы в горло; десятки раз бегал вдоль своего эскадрона, но это больше утомляло, чем согревало; пробовал греться около лошади, но ее шерсть была покрыта ледяными сосульками, а дыханье застывало, не выходя из ноздрей. Наконец я перестал бороться с холодом, остановился, засунул руки в карманы, поднял воротник и с тупой напряженностью начал смотреть на чернеющую изгородь и дохлую лошадь, ясно сознавая, что замерзаю. Уже сквозь сон я услышал долгожданную команду: «К коням... садись». Мы проехали версты две и вошли в маленькую деревушку. Здесь можно было наконец согреться. Едва я очутился в халупе, как лег, не сняв ни винтовки, ни даже фуражки, и заснул мгновенно, словно сброшенный на дно самого глубокого, самого черного сна.

Я проснулся со страшной болью в глазах и шумом в голове, оттого что мои товарищи, пристегивая шашки, толкали меня ногами: «Тревога! Сейчас выезжаем». Как лунатик, ничего не соображая, я поднялся и вышел на улицу. Там трещали пулеметы, люди садились на коней. Мы опять выехали на дорогу и пошли рысью. Мой сон продолжался ровно полчаса.

Мы ехали всю ночь на рысях, потому что нам надо было сделать до рассвета пятьдесят верст, чтобы оборонять местечко К. на узле шоссейных дорог. Что это была за ночь! Люди засыпали на седлах, и никем не управляемые лошади выбегали вперед, так что сплошь и рядом приходилось просыпаться в чужом эскадроне.

* * *

Низко нависшие ветви хлестали по глазам и сбрасывали с головы фуражку. Порой возникали галлюцинации. Так, во время одной из остановок я, глядя на крутой, запорошенный снегом откос, целые десять минут был уверен, что мы въехали в какой-то большой город, что передо мной трехэтажный дом с окнами, с балконами, с магазинами внизу. Несколько часов подряд мы скакали лесом. В тишине, разбиваемой только стуком копыт да храпом коней, явственно слышался отдаленный волчий вой. Иногда, чуя волка, лошади начинали дрожать всем телом и становились на дыбы. Эта ночь, этот лес, эта нескончаемая белая дорога казались мне сном, от которого невозможно проснуться. И все же чувство странного торжества переполняло мое сознание. Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его. И в такт лошадиной рыси в моем уме плясали ритмические строки:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему[437].

Мне чудилось, что я чувствую душный аромат этой розы, вижу красные языки огня.

Часов в десять утра мы приехали в местечко К. Сперва стали на позиции, но вскоре, оставив караулы и дозорных, разместились по халупам. Я выпил стакан чаю, поел картошки и, так как все не мог согреться, влез на печь, покрылся валявшимся там рваным армяком и, содрогнувшись от наслаждения, сразу заснул. Что мне снилось, я не помню, должно быть, что-нибудь очень сумбурное, потому что я не слишком удивился, проснувшись от страшного грохота и кучи посыпавшейся на меня известки. Халупа была полна дымом, который выходил в большую дыру в потолке прямо над моей головой. В дыру было видно бледное небо. «Ага, артиллерийский обстрел», — подумал я, и вдруг страшная мысль пронизала мой мозг и в одно мгновенье сбросила меня с печи. Халупа была пуста, уланы ушли.

Как следует из приведенных ниже документов, уланы опередили другие полки бригады, и первыми вошли в Копциово, в окрестностях которого стояли немецкие части, сразу начавшие обстрел местечка. Поэтому взвод Гумилева вскоре вынужден был покинуть опасный участок, «забыв» уснувшего на печи поэта... Как следует из документов, другие полки дивизии подошли к Копциово только после полудня.

Документы от 26 февраля. 2-я артиллерийская батарея: «В 12–30 ночи батарея встала на бивак в д. Дегунце. В 2–30 ночи по тревоге, оседлав, батарея соединилась с дивизией, которая пошла на Копциово, куда, по сведениям разведки, шла колонна противника. В 12–30 дня дивизия подошла к Копциово. Одновременно подходили и части противника. Встали на позицию. В 4 часа квартирьеры направлены в Царево — Кадыш. По новой задаче дивизии охранять шоссе Копциово — Лейпуны батарея пошла в д. Волонгулы, там бивак. Был очень холодный день. Ночью 20 град., а днем 15 град. мороза. Лошади устали»[438]. 5-я артиллерийская батарея: «В 3 ч. ночи были на сборном месте в д. Вержловке и следовать на Кеце — Ковали. Дивизии — занять Копциово. Двигались через Кеце — Будвец — Столы (переправа через болотистую реку Зельву). В 12 дня — в Копциово. В 4 часа дня известили, что противник занял Олехновце — Масут — Подумбле и отсюда наступает цепью. В 6 ч. вечера выяснили, что 2 корпус вышел из опасного окружения, и дивизии приказано перейти в район д. Подлипки и вести разведку, там бивак»[439]. От лейб-гвардии Гусарского полка: «Выступили на Копциово, ночлег у Юшканце»[440]. От 336-го пехотного Челябинского полка: «Получено приказание выступить на Копциово (из Сопоцкина) и занять его, укрепившись на северной окраине этого местечка»[441]. От 103-го пехотного Петрозаводского полка: «Полк в корпусном резерве. Отход на Калеты. Получено распоряжение, что днем 2 Гвардейская Кавалерийская дивизия вела бой у Копциово, после чего прошла на Лейпуны. Холода — понизилось на 15°R (*примерно на -20°C*)»[442]. От 26-й пехотной дивизии: «В 8 ч. утра 26 февраля на Зельва подошел 164 полк, который был направлен на Копциово с задачей не допустить немцев на шоссе Копциово — Сопоцкин. После полудня было получено донесение от дивизионной конницы о движении пехотной колонны немцев из Берзников по шоссе на Копциово, последнее оказалось занятым нашей 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией»[443]. Из приказа по 26-й пехотной дивизии: «Приказ № 145 по дивизии от 26 февраля: 1) До 7 ч. вечера Копциово занято немцами не было. Днем наша 2 Гвардейская кавалерийская дивизия вела бой у Копциово, после чего прошла на Лейпуны»[444].

На протяжении этих двух дней происходили непрерывные перегруппировки и перемещения воинских частей, что отражено как в документах, так и, в буквальном смысле слова, в обрушившихся на Гумилева событиях, вроде прямого попадания артиллерийского снаряда в халупу в Копциово, где он проспал спешный отход своего эскадрона. Это вполне могло закончиться трагически, но судьба хранила поэта. На протяжении двух дней стоявшее на перекрестке дорог местечко Копциово переходило из рук в руки, непрерывно подвергаясь артиллерийскому обстрелу с обеих сторон. Дороги из Копциово вели: на запад — в Сувалки, на северо-запад — в Сейны, на север — в Лодзее (*Лаздияй в Литве*), на северо-восток — в Серее и Лейпуны (*Лейпалигис в Литве*), на восток — в Друскининкай, на юг — в Гродно, в Белоруссии. И почти во всех этих местах шли ожесточенные бои. Естественно, организация предполагаемого в Копциово бивака была невозможна, для этого пришлось искать другие места. Неудивителен был испуг разбуженного Гумилева, увидевшего через дыру в потолке над собой «бледное небо» и обнаружившего отсутствие в хате товарищей.

Тут я действительно испугался. Я не знал, с каких пор я один, куда направились мои товарищи, не заметившие, очевидно, как я влез на печь, и в чьих руках было местечко. Я схватил винтовку, убедился, что она заряжена, и выбежал из дверей. Местечко пылало, снаряды рвались там и сям. Каждую минуту я ждал увидеть направленные на меня широкие штыки и услышать грозный окрик: «Halt!» Но вот я услышал топот и, прежде чем успел приготовиться, увидел рыжих лошадей, уланский разъезд. Я побежал к нему и попросил подвезти меня до полка. Трудно было в полном вооружении вспрыгивать на круп лошади, она не стояла, напуганная артиллерийскими разрывами, но зато какая радость была сознавать, что я уже не несчастный заблудившийся, а снова часть уланского полка, а следовательно, и всей русской армии.

Через час я уже был в своем эскадроне, сидел на своей лошади, рассказывал соседям по строю мое приключение. Оказалось, что неожиданно пришло приказание очистить местечко и отходить верст за двадцать на бивак. Наша пехота зашла наступавшим немцам во фланг, и чем дальше они продвинулись бы, тем хуже было бы для них. Бивак был отличный, халупы просторные, и первый раз за много дней мы увидели свою кухню и поели горячего супа.

Днем, пока поэт спал, части дивизии оставили Копциово и отошли к востоку, в Юшканце, где встал Гусарский полк, и к югу, на Кадыш. Любопытно донесение временно исполняющего обязанности командующего полка полковника М.Е. Маслова[445] в штаб дивизии: «Два передовых эскадрона улан до Копциово не дошли: по шоссе от Копциово на юг наступает колонна пехоты. Временно оставил 2 эскадрона улан в Менцишках, остальные двигаю на Моцевичи — Царево — Кадыш»[446]. Возможно, под «недошедшими эскадронами» подразумеваются те два эскадрона, с которыми Гумилев вошел утром в Копциово. Однако из-за наступления противника они не смогли там закрепиться. Как следует из рассказа Гумилева, по крайней мере, один разведывательный разъезд улан все-таки еще раз оказался в этот день в Копциово, как раз вовремя — чтобы подхватить незадачливого поэта и доставить его в свой полк. Уланскому полку, вместе со 2-й батарей, для бивака была отведена расположенная в 20 верстах к югу от Копциово д. Кадыш[447]. Располагается она уже на территории нынешней Гродненской

области, в Белоруссии, недалеко от границы с Литвой. Однако хорошо оборудованным биваком удалось воспользоваться только на одну ночь. Уже на следующий день, как следует из приведенных выше документов, части 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии были вновь переброшены к северу, в район Копциово и Лейпун (Лейпалингис в Литве), восточнее района Сейн, где она до этого располагалась и вела разведку.

27 февраля дивизия охраняла правый фланг 2-го корпуса и держала связь между ним и 3-м Армейским корпусом, стоявшим у Серее. В распоряжение командира дивизии прибыл 336-й пехотный Челябинский полк: «Распоряжение из Кадыша начальнику 2 Гв. Кав. дивизии о том, что полк направлен в Копциово и поступил в его распоряжение. Положение неясно. Копциово занято, правее нас — 2 Гв. Кав. дивизия, но точно, кто где, офицеры связи не сообщили. Полк расположился на ночлег в Кадыше. В 10 вечера туда прибыл командир Л. Гв. Гусарского полка Полковник Гревс, получивший приказ принять отряд в составе 336 Челябинского пехотного полка, 6 батареи 84 артиллерийской бригады, 21 Донского казачьего полка, 1 взвода саперного 24 отряда саперной роты. Одновременно прибыл от Улан ротмистр Апухтин — во временное командование 336 пехотным полком»[448].

Часть дивизии продолжала вести бои, взаимодействуя с пехотой около Копциово. Уланский полк до утра 28 февраля по-прежнему располагался в районе Лейпун: «В 8 утра 3 взвод выступил и соединился в д. Гебровщизна с Л. Гв. Уланским полком, пошли в Лейпуны. Задача полка: удерживать Лейпуны в случае напора противника. В 11 ч. утра полк со взводом пришел в деревню и взвод построился на площади. В 6 вечера разрешили рассед-лывать и встать здесь на бивак»[449]. В Лейпунах размещался штаб полка, скорее всего, в сохранившемся до сих пор господском доме. Отсюда же ежедневно высылались конные разъезды.

Именно к этому дню относится описываемый в начале главы XI[450] дальний разъезд с поручиком Ч., еще одно военное приключение «на грани риска». Глава охватывает период с 28 февраля до середины марта 1915 года. 28 февраля помощник командира Уланского полка полковник М.Е. Маслов докладывал: «Лейпуны заняты полком в 10 ч. 30 м. Высылаю разведывательные эскадроны: (1) на Лейпуны — Серее — Ржанцы — Доминишки; (2) на Шадзюны — Бобры (*Шаджунай, Бабрай в Литве*)»[451]. Второй разъезд повел «поручик Ч», взводный Гумилева, уже знакомый нам М.М. Чичагов. Шадзюны располагаются в 5 верстах от Лейпун по дороге на Вейсее, а чуть ближе к Лейпунам — Салтанишки. В первом донесении Чичагова, написанном и посланном из Салтанишек (именно эта деревня упоминается в начале рассказа Гумилева), говорится: «28.02. Дорога до Салтанишек свободна, дорога из Коморунце в Шадзюны занята. Выслал разведку между Шадзюны и Шумсков»[452]. В следующем донесении Чичагов пишет: «Унтер-офицер, посланный на Ворнянце, донес: Ворнянце — свободно, Шумсков — свободно. Снежно — занято кавалерией. Кавалерия между Снежно и лесом. Южнее Шумскова — проволочное заграждение»[453]. На обороте донесения изображена схема местности, как я предполагаю, изображенная рукой Гумилева (рисунок очень напоминает «африканские» схемы путешествия[454]), с обозначенными населенными пунктами и схемой расположения проволочного заграждения, ниже написано: «Следующие неприятельские заграждения проходят по линии: д. Снежно — урочище Ворнянце, и приблизительно между Сморлюны и Чуваны — Мерецне». Унтер-офицером, посланным в Шадзюны и на Ворнянце и обнаружившим проволочное заграждение, был, скорее всего, Гумилев.

XI

Как-то утром вахмистр сказал мне.

.... *«Поручик Ч. едет в дальний разъезд, проситесь с ним».*

Я послушался, получил согласье и через полчаса уже скакал по дороге рядом с офицером.

Тот на мой вопрос сообщил мне, что разъезд действительно дальний, но что, по всей вероятности, мы скоро наткнемся на немецкую заставу и принуждены будем остановиться. Так и случилось. Проехав верст пять, головные дозоры заметили немецкие каски и, подкравшись пешком, насчитали человек тридцать.

Сейчас же позади нас была деревня, довольно благоустроенная, даже с жителями. Мы вернулись в нее, оставив наблюдение, вошли в крайнюю халупу и, конечно, поставили вариться традиционную во всех разъездах курицу. Это обыкновенно берет часа два, а я был в боевом настроении. Поэтому я попросил у офицера пять человек, чтобы попробовать пробраться в тыл немецкой заставе, пугнуть ее, может быть, захватить пленных.

Предприятие было небезопасное, потому что если я оказывался в тылу у немцев, то другие немцы оказывались в тылу у меня .... *Но предприятием заинтересовались два молодые жителя, и они обещали кружной дорогой подвести нас к самым немцам.*

Мы все обдумали и поехали сперва задворками, потом низиной по грязному талому снегу. Жители шагали рядом с нами .... *Мы проехали ряд пустых окопов, великолепных, глубоких, выложенных мешками с песком.*

.... *В одиноком фольварке старик все звал нас есть яичницу, он выселялся и ликвидировал свое хозяйство и на вопрос о немцах отвечал, что за озером с версту расстояния стоит очень много, очевидно несколько эскадронов, кавалерии.*

Дальше мы увидали проволочное заграждение, одним концом упершееся в озеро, а другим уходящее .... *Я оставил человека у проезда через проволочное заграждение, приказал ему стрелять в случае тревоги, с остальными отправился дальше.*

Тяжело было ехать, оставляя за собой такую преграду с одним только проездом, который так легко было загородить рогатками. Это мог сделать любой немецкий разъезд, а они крутились поблизости, это говорили и жители, видевшие их полчаса тому назад. Но нам слишком хотелось обстрелять немецкую заставу.

* * *

Вот мы въехали в лес, мы знали, что он неширок и что сейчас за ним немцы. Они нас не ждут с этой стороны, наше появление произведет панику. Мы уже сняли винтовки, и вдруг в полной тишине раздался отдаленный звук выстрела. Громовой залп испугал бы нас менее. Мы .... *переглянулись. «Это у проволоки», — сказал кто-то, мы догадались и без него. «Ну, братцы, залп по лесу и айда назад... авось поспеем!» — сказал я. Мы дали залп и повернули коней.*

Вот это была скачка. Деревья и кусты проносились перед нами, комья снега так и летели из-под копыт, баба с ведром в руке у речки глядела на нас с разинутым от удивления ртом. Если бы мы нашли проезд

задвинутым, мы бы погибли. Немецкая кавалерия переловила бы нас в полдня. Вот и проволочное заграждение — мы увидели его с холма. Проезд открыт, но наш улан уже на той стороне и стреляет куда-то влево. Мы взглянули туда и сразу пришпорили коней. Наперерез нам скакало десятка два немцев. От проволоки они были на том же расстоянии, что и мы. Они поняли, в чем наше спасение, и решили преградить нам путь.

«Пики к бою, шашки вон!» — скомандовал я, и мы продолжали нестись. Немцы орали и вертели пики над головой. Улан, бывший на той стороне, подцепил рогатку, чтобы загородить проезд, едва мы проскачем. И мы действительно проскакали. Я слышал тяжелый храп и стук копыт передовой немецкой лошади, видел всклокоченную бороду и грозно поднятую пику ее всадника. Опоздай я на пять секунд, мы бы сшиблись. Но я проскочил за проволоку, а он с размаху промчался мимо.

Рогатка, брошенная нашим уланом, легла криво, но немцы все же не решились выскочить за проволочное заграждение и стали спешиваться, чтобы открыть по нам стрельбу. Мы, разумеется, не стали их ждать и низиной вернулись обратно. Курица уже сварилась и была очень вкусна.

К вечеру к нам подъехал ротмистр со всем эскадроном. Наш наблюдательный разъезд развертывался в сторожевое охранение, и мы, как проработавшие весь день, остались на главной заставе.

Прибывший к вечеру в Салтанишки ротмистр — командир эскадрона Ея Величества князь И.А. Кропоткин. Ночь и утро 1 марта Гумилев провел на главной заставе в Салтанишках. Судя по схеме на донесении, разъезд от д. Шадзюны направился к югу от шоссе, к деревне и озеру Снежно, от которого тянулось обнаруженное заграждение. В пылу стычки с немцами Гумилев не успел ощутить холода. Хотя это был последний зимний день, по-прежнему стоял сильный мороз. Так, в одном из донесений от 26-й пехотной дивизии сказано: «28 февраля — 43 нижних чина с обморожением ног»[455]. И морозы стояли еще долго. Приходится еще раз сожалеть о том, что утрачены письма Гумилева к матери. А ведь в одном из них могли быть какие-то интересные подробности, связанные с описанным выше эпизодом столкновения с немцами[456]. Замечено, что почти каждый раз после какой-либо «заварушки» Гумилев писал домой матери.

Как указывалось выше, в дивизионном деле проводившаяся кампания обозначалась как «рекогносцировка у м. Вейсее; занятие Вейсее: с 3 по 5 марта». В последующие дни шли непрерывные бои в районе Вейсее, Копциово и Лейпун. Вот краткая документальная хроника боевых действий, постоянным участником которых был и Гумилев, хотя лишь малая часть описания их попала в оставшуюся часть «Записок кавалериста», относящуюся к событиям начала марта 1915 года.

1 марта. «Позиции у Думблянце. Сегодня 336 полк наступал на Копциово, гусары — на Барце, драгуны — на Ингелишки. Уланы с 2 орудиями 2 батареи заняли Лейпуны. ‹…› Позиция батареи в районе Валенте (1 взвод). Остальные при штабе дивизии в д. Шатура. В 4 часа открыли огонь, и 336 полк пошел в наступление на Копциово — заняли в 6 часов вечера, одновременно и Барце. 2 корпус перешел в наступление. Дивизия — в районе Лейпун и держит связь с 3 корпусом. В 10 вечера бивак в Длугу»[457]. В приказе по дивизии от 2 марта 1915 года сказано: «Противник расположился по линии: Пильшишки — Мариамполь — Симно — Серее — Сейны — Макарце — Августов. ‹…› 2-я Гв. кав. дивизия вчера совместно с 336 Челябинским

и частью 104 Устюжского полков овладела к 5 ч. вечера местечком Копциово. 2 Гв. кав. дивизия в районе Лейпун. 336 полк в Копциово и передан в распоряжение Гилленшмидта. Завтра, 3 марта, 2 Гв. кав. дивизии — занять район Вейсее, выбив находящегося там противника, и выслать сильную разведку на фронте: Пассерники — Сейны — Гибы»[458]. В одном из таких разведывательных разъездов принял участие Гумилев. Повел этот разъезд корнет князь С.А. Кропоткин, офицер его эскадрона. В донесениях, полученных в этот день, постоянно упоминается чрезвычайно неблагоприятная погода: «Переночевав в Кадыше, полк выступил на Сопоцкин (при весьма неблагоприятной погоде — сильный ветер с падающим снегом залеплял глаза)»[459]. И в последующие дни погода нисколько не улучшалась: «5 марта. ‹...› У Погулянки началась сильная метель. Дорогу засыпало снегом, не пройти»[460]. 9 февраля: «Благодаря темноте и сильной вьюге удалось скрытно подойти к шоссе Кальвария — Сувалки у д. Николаевка»[461]. 13 марта: «Погода убийственная — снег, сильный ветер и грязь»[462].

В течение этих дней 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия вела непрерывное наступление на Вейсее, одновременно рассылая разведывательные разъезды на фронт Сейны — Гибы, периодически сталкиваясь с аналогичными разъездами противника. Это уже начинало приедаться, и об одном таком столкновении Гумилев с юмором пишет в «Записках».

* * *

Ночь прошла спокойно. Наутро запел телефон, и нам сообщили из штаба, что с наблюдательного пункта замечен немецкий разъезд, направляющийся в нашу сторону. Стоило посмотреть на наши лица, когда телефонист сообщил нам об этом. На них не дрогнул ни один мускул. Наконец ротмистр заметил: «Следовало бы еще чаю скипятить». И только тогда мы рассмеялись, поняв всю неестественность нашего равнодушья.

Однако немецкий разъезд давал себя знать. Мы услыхали частую перестрелку слева, и от одного из постов приехал улан с донесением, что им пришлось отойти. «Пусть попробуют вернуться на старое место, — приказал ротмистр, — если не удастся, я пришлю подкрепление». Стрельба усилилась, и через час-другой посланный сообщил, что немцы отбиты и пост вернулся. «Ну и слава Богу, не к чему было и поднимать такую бучу!» — последовала резолюция.

Ротмистр — это командир эскадрона Ея Величества, уже упоминавшийся князь Илья Алексеевич Кропоткин. В этом же эскадроне служил, возможно, его брат корнет С.А. Кропоткин. Далее Гумилев описывает тяжелейший разъезд с ним, который был выслан вскоре после получения 3 февраля приказа о проведении усиленной разведки на фронте Пассерники — Сейны — Гибы.

Во многих разъездах я участвовал, но не припомню такого тяжелого, как разъезд корнета князя К., в один из самых холодных мартовских дней. Была метель, и ветер дул прямо на нас. Обмерзшие хлопья снега резали лицо, как стеклом, и не позволяли открыть глаз. Сослепу мы въехали в разрушенное проволочное заграждение, и лошади начали прыгать и метаться, чувствуя уколы. Дорог не было, всюду лежала сплошная белая пелена. Лошади шли чуть не по брюхо в снегу, проваливаясь в ямы, натыкаясь на изгороди. И вдобавок нас каждую минуту могли обстрелять немцы. Мы проехали таким образом верст двадцать.

Под конец остановились. Взвод остался в деревне; вперед, чтобы обследовать соседние фольварки, было выслано два унтер-офицерских разъезда. Один из них повел я. Жители определенно говорили, что в моем фольварке немцы, но надо было в этом удостовериться. Местность была совершенно открытая, подступов никаких, и поэтому мы широкой цепью медленно направились прямо на фольварк. Шагах в восьмистах остановились и дали залп, потом другой. Немцы крепились, не стреляли, видимо надеясь, что мы подъедем ближе. Тогда я решился на последний опыт — симуляцию бегства. По моей команде мы сразу повернулись и помчались назад, как будто заметив врага. Если бы нас не обстреляли, мы бы без опаски поехали в фольварк. К счастью, нас обстреляли.

Другому разъезду менее посчастливилось. Он наткнулся на засаду, и у него убили лошадь. Потеря небольшая, но не тогда, когда находишься за двадцать верст от полка. Обратно мы ехали шагом, чтобы за нами мог поспеть пеший.

Метель улеглась, и наступил жестокий мороз. Я не догадался слезть и идти пешком, задремал и стал мерзнуть, а потом и замерзать. Было такое ощущение, что я голый сижу в ледяной воде. Я уже не дрожал, не стучал зубами, а только тихо и беспрерывно стонал ....

А мы еще не сразу нашли свой бивак и с час стояли, коченея, перед халупами, где другие уланы распивали горячий чай, — нам было видно это в окна.

5 марта опять началось наступление русской армии. Любопытное совпадение — как раз в этот же день, 5 марта 1915 года, был издан приказ об отчислении Гумилева из университета — «за неуплату»... Вот краткая хроника событий в дивизии за последующую неделю, когда Гумилев еще оставался в строю, но отразить реальную картину в «Записках кавалериста» он никак не мог, потому что постоянно находился в полубреду, с высокой температурой, о чем честно поведал читателю.

Распоряжение из штаба дивизии: «5 марта в Лейпуны пришла 3-я кавалерийская дивизия. 2-й Гв. кав. дивизии занять Вейсее. Дивизия будет наступать на Вейсее, имея задачей овладеть этим пунктом, к 10 ч. утра выйти на линию Сморлюны — Барце, лес южнее Симашки ‹...› Фронт (занят немцами) по линии Августов — Макарце — Сейны — Лодзее — около Серее — Симно — Мариамполь»[463]. От 2-й и 5-й батарей: «Задача дивизии занять Вейсее. Дивизия должна наступать со стороны Лейпун, а один полк с пехотным полком со стороны Копциово. 2 взвод выступил в 3–30 утра и к 4–30 прибыл в Лейпуны, где соединился с Уланским полком и пошел в д. Копциово, куда полк со взводом прибыл в 7 утра. ‹...› В 11 ч. утра колонна начала наступать на д. Симашки и далее на д. Мицюны, где взвод встал на позиции. В 6 ч. вечера Вейсее, ввиду того, что Вейсее были нами заняты, взвод ушел на бивак ‹...› Сборный пункт в Коморунце в 6–30 утра. Отряд наступает 3-мя колоннами. ‹...› Уланы с 2 орудиями из Копциово на север. ‹...› Встали на ночлег в Вейсее»[464].

6 февраля Уланский полк оставался в Вейсее, ему была предоставлена дневка, хотя проводилась и дальнейшая разведка для наступления[465]. Воспользовавшись дневкой, Гумилев написал письмо матери[466], последнее письмо этого периода, вскоре он сам оказался в Петрограде.

7 февраля. Из штаба дивизии: «Идет отход противника из Красна, Лодзее, остается в Сейнах ‹...› 2 Гв. Кав. дивизия ведет разведку (с при-

данными ей 103 пехотным полком и батареей 26 арт. бригады) между 3 и 2 Армейскими Корпусами. 3 корпус — фронт Сутра, Юшковце, Препунты, продвинуться до Лодзее. 2 корпус: район Вейсее — Копциово — Кадыш. Авангард — фронт Огродники — Берзники»[467]. От 2-й и 5-й батарей: «Пехота продолжает наступление. ‹…› В 10 утра дивизия двинулась на Клепачи, куда пришла в 1 час дня и остановилась, так как авангард был остановлен у ф. Голны-Вольмеры. Обстрел фольварка. Позиция — южнее озера Запсе. Из-за страшного тумана фольварка не было видно, и, выпустив по карте 9 гранат, взвод снялся с позиции, подтянулся к северу и встал южнее д. Коцюны. Бивак в Гуделе. ‹…› Дивизия продолжает наступление: ‹…› Уланы — южнее Кажана на Голны-Вольмеры. Фольварк Голны-Вольмеры сильно укреплен. Ввиду поднявшейся метели и темноты, мешающей стрельбе, пришлось остановить наступление»[468].

В тот же день, когда Николай Гумилев еще раз попал в переделку около злополучного фольварка Голны-Вольмеры, на другом фронте, в 294-м пехотном Березинском полку его брату Дмитрию был вручен боевой орден[469]: «Приказом по войскам III Армии от 7 марта 1915 года № 237 награжден орденом Святой Анны 4 ст. с надписью “За Храбрость” поручик Дмитрий Гумилев».

Позиционные бои на тех же участках с переменным успехом продолжались и в последующие дни. 11 февраля вышел приказ по Армии: «Приказ всем войскам 10 Армии перейти в наступление; 2 Гвардейская кавалерийская дивизия будет действовать на тыл противника, находящегося в Кальварии ‹…› Дивизии выйти на запад от Кальварии, для чего приказываю выступить в 10 утра. Разведка: в дополнение к гусарам на Подлюбовск — Любов, в 6 ч. утра 12 марта выслать два офицерских разъезда по 20 коней: № 1 от Улан на Козлова — Царкайце — Борковщизна — Бржозовая. ‹…› Работа — до 4 часов дня 12 марта. Срочные донесения — в Тромполе ‹…› Штаб корпуса в Лодзее»[470].

Видимо, в эти дни начала наступления на Кальварию Николай Гумилев и был эвакуирован в Петроград на излечение. Вот как он описывает свои злоключения в последнюю неделю.

* * *

С этой ночи начались мои злоключения. Мы наступали, выбивали немцев из деревень, ходили в разъезды, я тоже проделывал все это, но как во сне, то дрожа в ознобе, то сгорая в жару. Наконец, после одной ночи, в течение которой я, не выходя из халупы, совершил по крайней мере двадцать обходов и пятнадцать побегов из плена, я решил смерить температуру. Градусник показал 38,7.

Я пошел к полковому доктору. Доктор велел каждые два часа мерить температуру и лечь, а полк выступал. Я лег в халупе, где оставались два телефониста, но они помещались с телефоном в соседней комнате, и я был один. Днем в халупу зашел штаб казачьего полка, и командир угостил меня мадерой с бисквитами. Он через полчаса ушел, и я опять задремал. Меня разбудил один из телефонистов: «Германцы наступают, мы сейчас уезжаем!» Я спросил, где наш полк, они не знали. Я вышел во двор. Немецкий пулемет, его всегда можно узнать по звуку, стучал уже совсем близко. Я сел на лошадь и поехал прямо от него.

Темнело. Вскоре я наехал на гусарский бивуак и решил здесь переночевать. Гусары напоили меня чаем, принесли мне соломы для спанья, одолжили даже какое-то одеяло. Я заснул, но в полночь проснулся, померил температуру, обнаружил у себя 39,1 и почему-то решил, что мне непременно надо отыскать свой полк. Тихонько встал, вышел, никого не будя, нашел свою лошадь и поскакал по дороге, сам не зная куда.

Это была фантастическая ночь. Я пел, кричал, нелепо болтался в седле, для развлеченья брал канавы и барьеры. Раз наскочил на наше сторожевое охранение и горячо убеждал солдат поста напасть на немцев. Встретил двух отбившихся от своей части конноартиллеристов. Они не сообразили, что я — в жару, заразились моим весельем и с полчаса скакали рядом со мной, оглашая воздух криками. Потом отстали. Наутро я совершенно неожиданно вернулся к гусарам. Они приняли во мне большое участие и очень выговаривали мне мою ночную эскападу.

В приказах по полку[471] за этот период ежедневно отмечаются по несколько уланов, которых отправили на излечение, однако Гумилева среди них нет. С чем это связано, судить не берусь. Возможно, как и в любые времена, помимо официальных отношений в полку существовали и неформальные отношения. Ведь отлучка по болезни всякий раз сопровождается снятием с довольствия. Можно предположить, что Гумилева, чтобы избежать этого, отпустили в Петроград «просто так». Доктор, к которому пошел Гумилев, — дивизионный врач Ильин[472]. Казачий полк, с командиром которого столкнулся Гумилев, видимо, командир 21-го Донского казачьего полка, который входил в это время в состав бригады[473].

Весь следующий день я употребил на скитанья по штабам: сперва — дивизии, потом бригады и, наконец, — полка. И еще через день уже лежал на подводе, которая везла меня к ближайшей станции железной дороги. Я ехал на излечение в Петроград.

……………………………………………………………………………

Целый месяц после этого мне пришлось пролежать в постели.

В тех краях в эти холодные месяцы полегло много солдат с обеих сторон. В районе упоминавшихся Бержников в Польше сохранилось воинское кладбище павших в боях на протяжении 1914 — 1918 годов.

Эвакуация в Петроград на лечение. Петроградские будни

Как было сказано, точная дата, когда Гумилева отправили на излечение, неизвестна. Но можно предположить, что произошло это, по крайней мере, после 14 марта. В приведенном выше отрывке Гумилев, вспоминая о своем бреде, пишет, что в течение одной ночи «*я, не выходя из халупы, совершил по крайней мере двадцать обходов и пятнадцать побегов из плена…*». Похоже, что фантазии о побеге из плена возникли в голове автора не случайно. В ночь с 13 на 14 марта в Уланском полку произошло ЧП. В плен попало сразу более 60 улан 6-го эскадрона (большая часть личного состава эскадрона — в приказе значится 66 улан, «пропавших без вести» в этот день[474]). «В 1–30 ночи противник быстрым натиском потеснил охранение, захватил в плен 60 человек улан на биваке. Батарея, по тревоге

поседлав, выступила с дивизией в д. Видугеры, куда пришли в 5 утра. В 7 ч. утра дивизия пришла в д. Войтолеме»[475]. Среди попавших в плен улан оказался и друг Гумилева, его сослуживец по Запасному полку под Новгородом, автор приведенных выше воспоминаний о совместной службе там — Георгий Янишевский. Любопытно, что Янишевскому, еще с одним уланом своего эскадрона, удалось первым бежать из плена, уже 23 марта, и 26 марта он снова оказался в Уланском полку, подробно рассказав о своих «приключениях». Но тогда этого Гумилев уже видеть и слышать не мог, так как в Петроград он прибыл до 20 марта. Однако приведем здесь подлинные документы, относящиеся к этому событию. Это мне кажется важным, так как «Записки кавалериста» (подробности будут приведены в разделе, относящемся к заключительной, XVII главе) завершаются подробным рассказом о сбежавших из немецкого плена еще двух уланах, захваченных тогда же, 14 марта. Вот два живых, красноречивых и дополняющих друг друга документа — «сопроводительная записка» начальства и показания самих сбежавших из плена улан.

«28 марта 1915. При сем представляю на распоряжение бежавших из германского плена подпрапорщика Ивана Дрозда и вольноопределяющегося I разряда Юрия Янишевского, оба из 2 Гвардейской кавалерийской дивизии Лейб-Гвардии Уланского ЕВ полка 6-го эскадрона. Они предъявили: Дрозд наш Георгиевский крест II степени № 1161, а Янишевский крест III степени за № 19130. Попали они в плен под Кальварией ночью от 13 на 14 сего марта, когда вернулись со сторожевой службы, расположившись на отдых, и внезапно были застигнуты немцами. Сторожевую службу в то время несла пехота 73 или 56 дивизии, хорошо они не знают, но помнят, что это был “Можайский” полк. Немцы повели их через Кальварию, Бартники и Волковишки в Вержболово (*Вирбилис в Литве*), где они содержались до 22 сего марта. Ночью 23-го им удалось бежать из плена, и прибыли они ко мне сегодня в 10 часов утра»[476]. А вот показания самих улан: «Опрошенные мною 27 сего марта вернувшиеся из плена, 6-го эскадрона Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества полка подпрапорщик Иван Дрозд показал: “13 марта наш эскадрон, сменившись со сторожевого охранения, стал на ночлег в д. Полюнце. Нижние чины расположились по избам. Впереди нас охранение держала пехота. Ночью немцы пехотными цепями окружили деревню Полюнце и захватили нас в количестве двух с половиной взводов. Оказалось, что пехотное охранение совершенно неожиданно ночью отошло, поэтому немцы захватили нас врасплох. 14 марта немцы повезли нас в Кальварию, 15-го повели в Бартники, 16-го — в Волковишки, 17-го — в Вержболово. В плену мы пробыли до 23 марта. 23 марта под вечер при содействии остальных пленных нашего эскадрона я (подпоручик Дрозд), вольноопределяющийся Янишевский и улан Игнатий Бейнарес бежали из Вержболова в северо-восточном направлении. За ночь дошли до какой-то деревни и в домике одной женщины просидели на чердаке сутки; женщина достала нам крестьянской одежды. 25 марта мы пошли дальше по одиночке в направлении на Барзды. Дорогой Бейнарес где-то остался. Мимо Гришки-Буде, Барзды, и, вместе с вольноопределяющимся Янишевским, пересек между этими двумя пунктами, затем мы пошли дальше на восток и прибыли на казачью заставу”. Показания вольноопределяющегося 6-го эскадрона Л.-Гвардии Уланского ЕВ полка Янишевского совершенно тождественны с показаниями подпрапорщика Ивана Дрозда»[477]. Гумилев, вернувшись

в полк в мае — июне 1915 года, должен был услышать подробности этого рассказа от своего друга. Когда перед окончательным его отъездом из полка в сентябре 1915 года вернулись в полк два других сбежавших из плена улана, тогда же захваченных немцами, он решил рассказом об этом побеге завершить свои «Записки кавалериста». Но это — впереди. В середине марта поэту потребовалось срочное стационарное лечение.

Ближайшей железнодорожной станцией, куда на подводах отправляли больных и раненых, была Ковно (*Каунас*)[478]. В Петроград Гумилев попал до 20 марта. Первые дни он провел у себя дома, в Царском Селе. Самое раннее документальное свидетельство появления Гумилева в Петрограде в марте 1915 года — письмо к нему от А.К. Лозина-Лозинского, посланное, судя по штемпелю на открытке, 21 марта:

«Многоуважаемый Николай Степанович, если звуки военной трубы не заглушили в Вас мелодий лиры и Вы по-прежнему с интересом относитесь к молодым порослям литературы, то могу Вам прислать (напишите мне: Васильевский Остров, Тучкова набережная, 10–1, кв. 41) несколько стихотворений молодого поэта Злобина, пишущего весьма грамотно. Моментами он напоминает как-то Вас, хотя en petit, конечно. Он был бы рад быть знакомым с Вами, причем не надо предполагать в данном случае расчетов на какую бы то ни было протекцию. Мы познакомились недавно в редакции довольно мизерного нового журнала “Богема”, в который отдали свои поэзы по предложению нашего общего знакомого — Ларисы Рейснер. Мне кажется, что к творчеству Злобина[479] Вы не останетесь совершенно безучастным.

Жму руку. Кстати поздравляю с Георгиевским крестом. Поклон Анне Андреевне.

А. Лозина-Лозинский»[480].

Помимо самого раннего свидетельства появления Гумилева в Петрограде весной 1915 года, письмо это любопытно первым упоминанием об уже ранее состоявшемся знакомстве Гумилева с Ларисой Рейснер. Познакомились они, скорее всего, в январе, во время его предыдущего посещения Петрограда, в «Бродячей собаке», о чем поведала она сама в своем автобиографическом романе «Рудин»[481].

23 марта в Царском Селе Гумилева навестил Сергей Ауслендер: «Помню, на второй день Пасхи (*Пасха в 1915 году приходилась на 22 марта. — Примеч . С.Е.*) я решил поехать в Царское и неожиданно застал там Гумилева. Он лежал в кровати весь белый, в белой рубашке, под белой простыней. Он приехал из-за болезни, с Георгиевским крестом. Я очень обрадовался, но он был холоднее, чем это соответствовало стилю. Может быть, не хотел показаться слишком трогательным. Чувствовался какой-то раскол его с Анной Андреевной, как будто оборвались какие-то нити»[482].

Болезнь оказалась не шуточной, и Гумилеву не удалось ограничиться домашним «постельным режимом», вскоре его положили в «Лазарет деятелей искусства», который располагался на Введенской ул.,1, на Петроградской стороне. Последующие два месяца Гумилев находился то в лазарете, то дома в Царском Селе. С пребыванием Гумилева в лазарете весной связаны стихотворения «Сестре милосердия» и «Ответ сестры милосердия» [483]. Обращены они к одной из дочерей архитектора Л.Н. Бенуа[484] и племяннице художника и искусствоведа Александра Бенуа. Она работала тогда в лазарете сестрой милосердия.

…И мечтаю я, чтоб сказали
О России, стране равнин:
— Вот страна прекраснейших женщин
И отважнейших мужчин.

Ей же посвящено «масонское» стихотворение «Средневековье»[485].

Вот как эти месяцы отражены в «Трудах и днях»: «**Около середины марта**. Приехал в Петроград с воспалением почек и помещен в лазарет “Деятелей искусств” на Введенской ул., д. № 1 *(А.А. Ахматова)*. **Вторая половина марта, апрель и начало мая**. Лежит в лазарете “Деятелей искусств” ‹…›. За ним ухаживает сестра милосердия [Елена] Александровна Бенуа. Его навещают жена, родные, друзья. К апрелю Н.Г. уже настолько оправился, что стал выходить на улицу; при этом, однако, не соблюдал осторожности и несколько раз принужден был снова ложиться в постель. Знакомство с М.А. Струве[486], который также находился в лазарете. Играет с ним в шахматы. Посещение Н.Г. С.А. Ауслендером ‹…›. Несколько раз ездил с женой в Царское Село. Был с ‹Еленой› Бенуа в Михайловском театре (и был арестован на одну ночь за посещение театра в солдатской форме). В период выздоровления написаны стихотворения: “Средневековье” (посвящ‹ается› ‹Е.А.› Бенуа), “Счастье”, “Восьмистишие”, “Ода д’Аннунцио”, “Дождь”, “Больной” (?) ‹…› *(А.А. Ахматова, С.А. Ауслендер, М.Л. Лозинский и др.)*. **15 апреля**. Написаны две канцоны: “Об Адонисе с лунной красотой” и “Словно ветер страны счастливой”. *(Дата Н. Гумилева в рукописи.)* **Апрель (?)**. В альманахе “Петроградские вечера” (кн. IV, изд. Семенова) напечатаны стихотворения “Сестре милосердия” и “Ответ сестры милосердия”. ‹…›. **Весна 1915 (1-я половина марта ?)**. Отзыв Б. Садовского в книге “Озимь”, в которой он называет Н.Г. “кронпринцем”, и возмущение всех, знавших Гумилева. *Примечание:* С.А. Ауслендер в своей рецензии на “Озимь” Б. Садовского (напечатанной в газете “День” от 24 марта 1915 г.) выносит должное суждение об этом факте. *(С.А. Ауслендер, библиограф. мат‹ериалы›)*»[487].

К этому же периоду пребывания в Петрограде относится известная фотография поэта с женой и сыном Львом. Сделана она, судя по датированной дарственной надписи матери на обороте фотографии, — «Дорогой мамочке от Коли, Ани и Левы. Царское Село. 5 апреля 1915»[488], в день рождения поэта, 3 апреля: Гумилеву исполнилось 29 лет. Следует обратить внимание на второй, малоизвестный вариант групповой фотографии[489]. Единственный сохранившийся вариант этой фотографии хранился вначале в семье поэта, в Бежецке, а затем в Кишиневе, у О.Н. Высотского[490]. Тогда же была сделана фотография Гумилева в форме, с Георгиевским крестом и шашкой. Оригинал этой фотографии сохранился в архиве М.Л. Лозинского[491].

Весеннее, из-за болезни, пребывание поэта в Петрограде было творчески насыщенным, всего было написано более десятка стихотворений[492], опубликованных в «Вершинах», «Голосе жизни», «Новом журнале для всех». Замечу, что большая их часть тематически была мало связана с «военной» тематикой. К этому периоду относится одно из немногих стихотворений Гумилева, сохранившихся в записи, в авторском исполнении: «Словно ветер страны счастливой…»[493]. Записано оно было незадолго до гибели поэта. Как удалось уточнить, тогда же было сделано еще несколько авторских записей, дошедших до наших дней[494].

В мае 1915 года была продолжена публикация «Записок кавалериста» — II глава была напечатана в «Биржевых ведомостях» 3 мая. 12 мая «Биржевые ведомости» поместили также его «Оду Д’Аннунцио». В «Биржевых ведомостях», в мае — июне, пока поэт оставался в Петрограде, прошло четыре публикации, условные главы II — V, посвященные событиям осени и зимы 1914 года; последняя глава вышла 6 июня, скорее всего, либо перед самым отъездом, либо уже после отъезда Гумилева из Петрограда на фронт. Затем в публикациях «Записок кавалериста» был перерыв до осени, до окончательного отбытия Гумилева из Уланского полка для сдачи офицерских экзаменов.

О достаточно длительном, двухмесячном, пребывании Гумилева в Петрограде весной 1915 года помимо упоминавшейся записи С. Ауслендера[495]других воспоминаний современников пока не обнаружилось. Отсутствуют также упоминания о публичных выступлениях поэта — в отличие от двух кратких пребываний Гумилева в Петрограде в декабре 1914 года и в январе 1915 года, о которых было сказано выше. Видимо, болел он достаточно серьезно и вел замкнутый образ жизни, мало с кем общаясь. По крайней мере, в дневнике М. Кузмина, постоянного участника многих литературных событий этого периода, сохранившего записи за каждый день, Гумилев упоминается лишь однажды, да и то косвенно, в записи от 28 марта: «…потом к Рославлеву, там был Слезкин и Долинов. Слезкин злится, Долинов лакействует теперь уже перед Гумилевым. Неприятный малый. Все разбирают книгу Садовского. Не стоит она того…»[496] Здесь любопытно отметить два момента. Во-первых, упоминание Долинова. В эти месяцы он был мужем (вскоре они расстались) упоминавшейся в связи с событиями лета 1914 года Веры Алперс[497]. А во-вторых, Кузмин упоминает книгу Б. Садовского «Озимь», с резкими высказываниями в адрес многих поэтов, в том числе и находившихся на фронте Н.С. Гумилева и Б.К. Лившица. Книга эта вызвала весной 1915 года литературный скандал, в котором принял участие и первым побывавший у Гумилева Сергей Ауслендер; он откликнулся на нее резкой рецензией[498], хотя книга эта была ему посвящена.

Запись Кузмина, визит Ауслендера в первые дни Пасхи, письмо А. Лозина-Лозинского и групповая фотография доказывают, что первое время после возвращения с фронта Гумилев жил дома в Царском Селе и только в начале апреля был определен в «Лазарет деятелей искусства». По свидетельству Ахматовой, 12 апреля она его там навестила. Об этом говорит авторская датировка стихотворения «Думали: нищие мы...» в сборнике «Белая стая»:

О стихотворении «Думали: нищие мы...»: «Его любил Н.С. ... Я написала его в 1915 году, весной, когда Н.С. лежал в лазарете. Я шла к нему, и на Троицком мосту придумала его, и сразу же в лазарете прочитала его Н.С. Я не хотела его печатать, говорила — “отрывок”, а Н.С. посоветовал именно так напечатать.

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве».

(12 апреля 1915, Троицкий мост)»[499]

17 апреля художница О.Л. Делла-Вос-Кардовская записала в своем дневнике: «Во вторник ‹14-го апреля› вечером была у Ахматовой. Она встретила меня в халате с растрепанной шевелюрой. Закуталась в платок и съежилась на кушетке. Для нее это характерно. ‹…› Сообщила мне, что скончался Скрябин. ‹…› Про себя сказала, что печатается новое издание “Четок”, что у ее Левушки нянька ушла неожиданно и что она переезжает в Петроград, чтобы чаще навещать Николая Степановича. А бедный Левушка остается с бабушкой и без няньки. ‹…› У них в квартире холодно, неуютно и некрасиво»[500]. Об этом же временном переселении в Петроград — в записях Лукницкого: «Весной 15 г. переехала в Петербург (из Царского) на Пушкарскую ул. Это был дом, в который упирается Гребецкая улица[501]. “Пагода” этот дом назывался. Была сырая и темная комната, была очень плохая погода, и там я заболела туберкулезом, т.е. у меня сделался бронхит. Чудовищный совершенно бронхит. Это было первый раз в жизни, что я кашляла. И вот с этого бронхита и пошло все. Я так себе представляю — что я, вероятно, апрель, май там провела, вот так... Потом уехала в Слепнево»[502]. Ахматова уехала в Слепнево вскоре после 7 июня, по крайней мере, не ранее этого числа[503], видимо, сразу же, как проводила Гумилева на фронт. Следует заметить, что к этим же весенним месяцам относится постоянное общение Ахматовой с Шилейко и Недоброво, который тогда же, на свою голову, познакомил ее с Борисом Анрепом, что послужило началом нового многолетнего романа[504]. Но все это практически никак не затрагивало сложившиеся между поэтами-супругами взаимоотношения.

О пребывании Гумилева в Уланском полку в феврале–марте 1915 года не сохранилось ни одного письма, почти никаких воспоминаний — только то, о чем он сам рассказал в «Записках кавалериста», и в подтверждающих его рассказ архивных документах. Немного сохранилось свидетельств и о его пребывании в Петрограде во время болезни. После болезни Гумилев возвратился на фронт — в конце мая или начале июня. Любопытно свидетельство, связанное с его возвращением в действующую армию, в записях П. Лукницкого[505]: «При переосвидетельствовании медицинской комиссией врачи, по состоянию здоровья Гумилева, признали его негодным к военной службе, но он выпросил переосвидетельствования и признания его годным. ‹…› Невзирая на плохое состояние здоровья, после болезни уехал на фронт». Во время болезни Гумилевым было написано замечательное «Восьмистишие», которым хочется закончить эту главку:

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.
И, символ горнего величья,
Как некий благостный завет, —
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт[506].

В промежутке, май–июнь 1915 года, переброска на новый фронт

Однако перенесемся в расположение Уланского полка, в то время, когда Гумилев по болезни покинул его в середине марта. Уланский полк продолжал наступление на Кальварию. Выше было сказано о случившемся

в полку 13 марта чрезвычайном происшествии, когда ночью, из-за несогласованных действий сторожевого охранения, немцам удалось взять в плен 67 улан из эскадрона № 6. Многие из них позже бежали из плена, и о возвращении некоторых улан рассказано в «Записках кавалериста», об этом — ниже. Бои, в которых принимал участие полк за период с марта по июнь, в официальном журнале боевых действий 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии обозначены следующим образом[507]:

«Арьергардные бои по прикрытию отхода 3-го Армейского корпуса:
— Бои в р-не Пржистованцы и Клейвы — с 13 по 20 марта 1915 г.
— Расположение на позициях в р-не Моргово — Яворово — Даукше — с 8 апреля по 11 мая 1915 г.
Козлово-Рудская операция:
— Бой в Козлово-Рудском лесу — 26 апреля 1915 г.
— Рекогносцировка высоты 48,0 у ст. Мавруце — 28 мая 1915 г.
— Рекогносцировка в р-не ст. Мавруце — с 29 мая по 1 июня 1915 г.
— Расположение на позиции в р-не северо-западнее крепости Ковна — с 2 по 5 июня.
— Расположение на Мариампольской позиции и бои за дефиле у Даукше, Новополе и в р-не фол. Яворов — с 6 по 21 июня».

Вряд ли Гумилева могли не волновать действия его боевых товарищей, пока он лечился в столице. На сухом языке боевых донесений и приказов от различных участвующих в этих операциях частей дивизии и полка события марта — начала июня, пока Гумилев находился в Петрограде, выглядят следующим образом. Все упоминаемые области располагаются несколько севернее того района, в котором Гумилев воевал в феврале–марте 1915 года.

В середине марта была предпринята очередная попытка наступления: «15 марта 2 Гв. кав. див. направлена на Мацьково и в промежуток между частями 2 корпуса на Смоляны — Рудавка. Войска с утра переходят в наступление»[508]. «Уланский полк занимает промежуток между 26 и 43 пехотными дивизиями на западной окрестности озера Шейплиле»[509]. «Противник укрепился по линии Стефанишки — Тракшики — Нарты. ‹…› Ночлег: уланы — в Моргово, охранение по линии от Дембова до Гудыне»[510]. Но это наступление было остановлено: «17 марта немцы прошли несколько вперед (от шоссе Кальвария — Сувалки), заняли Краснополь, Красна». Это донесение дополнено красноречивой фразой о поисках виноватых, к сожалению, не утратившей своего значения и в наши дни; вот телеграмма из штаба дивизии: «По приказанию начальника штаба прошу ускорить ответом номеру 343 доставление сведений о числе повешенных евреев»[511]. «Обстановка на 12 дня 18 марта: ‹…› в д. Клейвы для связи со Смоленским полком — разъезды Л.-Гв. Уланского полка на Буду Русскую. 1 бригада 2 Гв. Кав. дивизии пока в резерве в своих биваках в районе Штабинки — Дворчиско — Полкоты — Боссе (уланы). Штаб бригады в Полкоты»[512]. Напомню, что Уланский полк входил в состав 1-й бригады. Накануне Пасхи и в последующую неделю на фронте полное затишье. 20 марта: «Ввиду отступления противника дивизии приказано сосредоточиться в д. Замарне, отсюда в 3 ч. дня вся дивизия отошла в д. Покомпще»[513]. 22 марта — Пасха: «В ночь на Светлое Воскресенье батарея стояла на том же биваке. Командир батареи в 12 ч. обошел все помещения, спели молитву и позже были розданы подарки и куличи. Весь день простояли на биваке»[514]. До конца

месяца — отдых: «Дневка. Дивизия ушла в район Лодзее, оставив батарею с Драгунским полком»[515].

В начале апреля было произведено переформирование боевых частей: «1 и 2 Гв. кавалер. дивизии составляют Конный отряд под начальством Гилленшмидта (обеспечивают правый фланг Армии и удерживают дефиле у Моргово и Даукше). Разведка на фронте Пилькавишки — Кальвария»[516]. Однако началась весенняя распутица, и возникли трудности не то что с ведением активных боевых действий, а и с простым перемещением с места на место: «Выступили в д. Метеле, прибыли в 11–30 ввиду страшной грязи, пройдя через Свентозери — Сутры. Застряли, с 2 ½ до 6 ½ вечера — 2 версты; дошли до Обелица, встали там с эскадроном Улан»[517]. «Приказ перейти в д. Кракеники, но она занята, и встали в Крекщаны. Переход 4 ½ версты продолжался с 8 ¼ утра до 7 вечера. Командир послал донесение о невозможности двигаться»[518]. «Дивизия пошла в район Симно. Батарее из-за грязи приказано идти в район ст. Олита, и она будет подтянута к дивизии, когда просохнут дороги. В 12 ч. дня батарея соединилась в д. Войстокеме с Драгунским полком и пошла на Лодзее, пройдя которые встала на бивак. До 3 апреля шли к Олите»[519].

«6 апреля. Приказ № 837 по Гвардейскому конному отряду. Противник по западному берегу Шешупы от Гайстру до Сургуце и далее ‹…› На нашем правом фланге — Ковенский отряд, ‹…› на левом фланге части 3 Сибирского корпуса. ‹…› Л.-Гв. Уланскому полку — в 3 часа дня 8 апреля прийти в Иглювка. Штаб отряда — в Иванишки. ‹…› 8 апреля. 1 бригада 2 Гв. кав. див. расположена в р-не Иглювка — Моргово; вести разведку на Гайстры, Сургуце, Мариамполь к северу от дороги Моргово — Мариамполь (вкл.). Упорно удерживать дефиле Моргово, для чего построить окопы: Понсово — западная окраина Иглишканы — северная оконечность болота Амальва. Отход только по приказу. В случае невозможности удерживать — на линии Шакалишки — Шлаванты расположить батарею по левому берегу реки Шлаванты, севернее д. Лейцишки. ‹…› 11 апреля. Противник по линии ф. Антоново, западный берег Шешупы (Гайстра — Кухтышки) и далее. ‹…› Охранение по линии: Пускальне — Вальево — ‹…›. Нам — удерживать дефиле у Моргово и Даукше. ‹…› Л.-Гв. Уланскому полку — с 4 пулеметами, 2 батареей и полком отдельной пехотной бригады под общим началом Ген.-майора Дабича, в 3 часа дня 12 апреля сменить Л.-Гв. конно-гренадерский полк»[520]. «14 апреля. В течение дня наблюдали движение по шоссе Мариамполь — Волковышки. Разъезд улан к реке Шешупе, но был обстрелян. В д. Лучики — эскадрон кавалерии противника. Уланы открыли по ним огонь и отогнали их от д. Кумежуры»[521]. В середине апреля опять готовится наступление: «16 апреля. Донесение от улан. Наблюдения от Сургуце: противник на западной стороне р. Шешупы, частью против Сургуце и далее к югу вдоль опушки леса. К северу — тоже противник»[522]. Приказ № 8432 по 2-й Гв. кав. дивизии от 16 апреля: «Войскам 10 Армии сегодня перейти в наступление. Нам (с 3 Сибирским корпусом) начать наступление на Мариамполь — Людвинов — Кальварию. Нам — овладеть Мариамполем. Правый боевой участок — ген.-майор Дабич. ‹…› Уланскому полку выслать усиленную разведку на фронте Сургуце — Мариамполь, сосредоточив к 7 утра 4 эскадрона у д. Гудышки, 1 эскадрон в ф. Яворово, выслав разведку на Мариамполь. 1 эскадрон оставить в Копциово для прикрытия 5-й батареи. ‹…› Штаб отряда в Иванишки»[523]. Однако, судя по многочисленным донесениям, наступление шло вяло, крупных столкновений с противником

не было, лишь редкая перестрелка на тех же позициях. 20 апреля приказ о наступлении повторяется: «X Армии приказано перейти в наступление. 1 бригаде приказано наступать на д. Сургуце. ‹…› В 1 ч. дня бригада перешла в Дембово. Пришел приказ об отмене ночной атаки на Мариамполь. Бригада вернулась на старое место»[524].

В течение всей военной кампании начала 1915 года Уланским полком временно командовал полковник М.Е. Маслов[525], однако 22 апреля из командировки возвратился командующий Уланским полком генерал Д.М. Княжевич: «Приказ № 280. Иглювка. Полковник Маслов в течение моей пятимесячной командировки временно командовал полком. За этот долгий промежуток времени полк имел много дел, много пришлось перенести всяких трудностей. С присущим ему хладнокровием и боевым опытом, Полковник Маслов отлично выполнил свою задачу, являясь в бою спокойным, распорядительным, в дни отдыха заботливым, внимательным начальником. От лица службы сердечно благодарю Полковника Маслова за его во всех отношениях блестящее командование полком. Командир полка Свиты Его Величества Генерал-майор Княжевич»[526].

До конца месяца — все спокойно. 28 апреля в Уланском полку, в Бальвержишках, был зачитан Приказ № 286: « ‹…› §6. В дополнение к приказу по полку от 3 января с.г. № 171, от 13 января за № 181 и 23 января за № 191 объявляю список нижних чинов, награжденных за отличия в делах против неприятеля Георгиевскими крестами и медалями с указанием времени совершения подвигов»[527].

Далее следует таблица, где под № 59 (всего перечислено 139 награжденных нижних чинов) обозначен:

№№ по пор.	№№ эскадрона	Звание, имя и фамилия	Степень Георг. креста и медали	№ Георг. креста и медали	За какое дело
59	ЕВ	Ун.-оф. ох. Николай Гумилев	кр.4	134060	20 ноября

Большую часть мая полк оставался на тех же позициях, периодически ведя перестрелку с противником: «Позиции у Даукше, дежурство, была стрельба по Нарты. ‹…› Батарея по тревоге оседлала в 4 ½ утра и выступила 2 мая к 6 ч. утра к южному кладбищу д. Подавине. Позиции и у Вышнеловка. 3 мая был обстрел д. Трабишки. 4 мая — по Нарты[528]». В одном из документов приводятся сведения о составе Уланского полка на 4 мая 1915 года: «В Уланском полку — 6 эскадронов, 24 офицера, 753 шашки»[529]. В этот же день в 294-м пехотном Березинском полку был зачитан приказ о повышении в звании брата Николая Гумилева — Дмитрия Гумилева: «Высочайшим приказом произведен в поручики 4 мая, со старшинством от 11 марта 1915 года»[530]. 7 мая «Уланы перешли на правый берег Немана. Наша бригада несет сторожевое охранение и разведку»[531]. 8 мая произведено переназначение высшего командования: «Командующий дивизией Гилленшмидт назначен командующим 4 Кавалерийским корпусом. Начальником дивизии назначен Св. Е.В. г.-м. Эрдели. Командир бригады Св. Е.В. г.-м. князь Белосельский-Белозерский назначен временно командующим 2 Кавалерийской дивизией. Временно командующим бригадой назначен г.-м. Дабич»[532].

Иногда в документах встречаются знакомые Гумилеву фамилии офицеров конной артиллерии. В донесении Княжевича от 11 мая из Даукше: «Выяснено расположение штаба противника у д. Путришки. Стрельба взводом 2 батареи Л.-гв. конной артиллерии под командованием подпоручика Кузьмина-Караваева. ‹…› Обращаю внимание на отличную стрельбу взвода конной артиллерии»[533]. «Перестрелка в районе Клинишен. ‹…› Ввиду недостатка офицеров в дружинах поручик Хитрово и прапорщик Неведомский выразили желание командовать ротами ополчения и были назначены»[534]. 13 мая во 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии было объявлено: «Получена телеграмма: Италия объявила войну Австро-Венгрии». Видимо, неслучайно как раз накануне, 12 мая, Гумилев поместил в «Биржевых ведомостях», где публиковались «Записки кавалериста», свою «Оду Д'Аннунцио»[535], редкий для творчества Гумилева пример стихотворения «на злобу дня»:

Опять волчица на столбе
Рычит в огне багряных светов…
Судьба Италии — в судьбе
Ее торжественных поэтов…

24 мая началось наступление противника: «Обозначилось наступление немцев на фронте Велюсе — Серафины — Кура. Полк отошел по линии Буянишки — Москалевичи — Ниоша. Бригада отошла в район д. Кордаки»[536]. «Бои: окопы по р. Высокой, Гуляны. Наступление противника от Серафим на Дзерцкярно и Перкуне. ‹…› 25 мая перешли в Козлишки. ‹…› 26 мая позиции у Мроген. Перестрелка у Козлишек весь день. Пришел приказ из Ковно: всем частям Ковенского отряда немедленно отходить на Вейвери и Ковно, сообщая о том ближайшему начальству и соседним войскам. Наступление противника вдоль Ковенского шоссе. Приказано всем частям идти прямо на юг, так как противник, оттеснив кавалергардов, наступает на д. Козлишки. Был отброшен. Батарея отошла на д. Кирсноковщна и на шоссе. Перешла в Вейвери»[537]. «26 мая 1 бригада 2 Гв. кав. дивизии получила задачу занять позицию на левом берегу р. Юры. ‹…› Вести разведку и тесную связь с Гусарским полком, в случае наступления — оборонять позиции. Отряд включил Конно-гренадер, Улан, батальон 27 Сибирского полка»[538]. Видимо, в связи с наступлением немцев в эти же дни была осуществлена переброска всех частей по железной дороге несколько севернее, в Ковно и к станции Мавруце: «Через Ковно и ст. Мавруце — выгрузка, бивак в Шилеле. Временным командующим дивизией назначен Свиты Е.В. генерал-майор Шевич. Командующий дивизией Эрдели назначен временным командующим отрядом, в состав которого входит 2 Гвардейская кавалерийская дивизия и пешие ополченские дружины»[539]. Одним из этих ополчений командовал в это время слепневский сосед Гумилева В.К. Неведомский.

Точная дата возвращения Николая Гумилева в полк неизвестна, но выехал он из Петрограда, видимо, не позже 4 июня[540]. Не отражена она и в просмотренных приказах по полку, хотя возвращения (как и отбытия) в полк большинства вольноопределяющихся улан после болезни или ранения указывались в соответствующих параграфах ежедневных сохранившихся приказов по Уланскому полку[541]. Предположительно, вернулся он в полк не ранее конца мая — начала июня, но не позднее конца первой недели июня. Косвенным свидетельством этого является письмо Ахматовой

Ф. Сологубу, полученное им 28 июня 1915 года[542]: «Я живу с моим сыном в деревне, Николай Степанович уехал на фронт, и мы о нем уже две недели ничего не знаем…» В «Трудах и днях» о возвращении Гумилева сказано: «**1915. 12 июня**. Прибыл в полк (находившийся в том же районе, в каком был, когда Н.Г. уехал в Петроград). В полку нашел накопившиеся за время его отсутствия письма от жены, брата и др. *(Письма)*. ‹…› **1915. 2-я половина июня**. В полку с 12 по 24 июня, полк стоит в резерве. *(Письма)*»[543]. Безусловно, информация, датированная 12 июня, почерпнута из несохранившегося письма Гумилева матери[544]. Судя по этому письму, Гумилев прибыл в полк незадолго до его отправки. Что касается второй половины июня, то эта, неизвестно откуда почерпнутая Лукницким информация (писем не было!), не соответствует действительности, в резерве полк не стоял. Как будет далее показано, до 23 июня полк стоял на позициях, шла постоянная перестрелка с противником, были раненые, высылались разъезды, а 24 июня началась погрузка эшелона в Олите для переезда на Западную Украину, во Владимир-Волынский. Но, как уже ранее оговаривалось, доверять «военной» информации в «Трудах и днях» следует с осторожностью.

Гумилев попал в полк тогда, когда части 2-й Гв. кавалерийской дивизии находились вблизи Ковно и станции Мавруце. Гумилев принимал участие во всех боевых действиях Уланского полка в июне 1915 года, хотя события эти, ввиду их незначительности, не нашли отражения в «Записках кавалериста». В конце мая немцами были предприняты попытки наступления на русские позиции. Из донесений Княжевича: «29 мая в 2 ч. дня получено приказание седлать, и полк выступил с отдельной задачей: занять западную опушку леса, что западнее д. Есиотраки, связаться с пехотою справа и разойтись на три группы по 2 эскадрона, устроить засады, должны были быть высланы мелкие разъезды для заманивания. Чтобы не навлекать внимание противника, командир полка решил сделать обход около 28 верст в тылу у Есиотракской позиции. На место прибыли лишь после 9 ч. вечера, когда темно. ‹…› Средняя группа эскадрон ЕВ и № 5 в д. Плутишки. ‹…› Около 9 ½ вечера получено приказание возвращаться на бивак. ‹…› 30 мая. Ввиду получения от разъездов сведений о наступлении противника на сторожевое охранение, полк поседлал и в 4–15 дня выступил в д. Цихобуда. До 7–30 вечера все было спокойно, и лишь около 8 ч. послышалась оживленная перестрелка впереди пехотной заставы у д. Пудзишки ‹…› Позиции были разделены на участки. ‹…› Разъезды от эскадрона ЕВ ходили перед опушкой, в резерве оставались эскадроны ЕВ и № 5. Полк пытался переходить лес, а тем временем эскадроны окапывались и приспособили к обороне лесные предметы. Около 11 ч. вечера были подвезены походные кухни и люди получили ужин. ‹…› 31 мая. Ночь прошла спокойно. Около 3-х ч. утра пришло приказание, что нас сменит батальон 31 Стрелкового полка, и бригаде отойти на левый фланг. ‹…› Полк отошел в д. Михальчино, куда были доставлены около 12 ч. дня кухня и фураж. В 3 ч. дня началось наступление пехотных частей. ‹…› Полк двинулся вперед, имея в авангарде № 6 эскадрон. Эскадрон этот прошел лес, и так как наблюдаемое пространство было слишком велико, то были высланы другие эскадроны. ‹…› Пехота успешно продвинулась вперед и, заняв западную опушку леса, под ней к вечеру стала окапываться. Около 9 ч. вечера батальоны 30 стрелкового полка заполнили прорыв, занимавшийся нашими эскадронами, и полк получил приказание отходить на старый бивак в д. Мазуришки. № 4 эскадрон остался для разведки. Свиты генерал Княжевич»[545].

Июнь начался с приказа о встречном наступлении русских частей: «Приказ перейти в наступление по всему фронту: конница очищает лесное пространство между Неманом и ф. Бильско до р. Высокой ‹…› Разведка у Юзефово»[546]. «Дивизия получила задачу с двумя дружинами ополченцев охранять выходы из Козлова-Рудского леса севернее шоссе Мариамполь — Ковно. В 11 ч. утра батарея выступила и подошла к Мазуришкам, откуда должны были идти вместе с Уланским полком в д. Мавруце, но, не дождавшись полка, выступили с эскадронным прикрытием. В 2 ч. дня из Мавруце пошли с бригадой в м. Годлево, где построились в резервную колонну. Бивак в Янгуце»[547]. Донесения Княжевича от 2 июня: «Бригада выступила в 8 ч. утра и выдвинулась в д. Подеришки. ‹…› Были разъезды: поручика Хлебникова (эскадрон ЕВ) — на д. Виниши, которую занимает противник. В одной из халуп живет колонист, который ежедневно кормит у себя приходящую партию немцев кавалеристов. Ввиду этого пор. Хлебников оставил в этой деревне в засаде для ареста этого колониста и по возможности захвата немецких кавалеристов. ‹…› Были высланы другие разъезды в разных направлениях ‹…› По возвращении в ночь с 2 на 3 июня авангарда полка играфа Толя были дополнительно сообщены следующие сведения, добытые разведкой ‹…› эскадрона Ея Величества Уланского полка. Противник занимает ф. Сапежишки, канаву от Сапежишки к озеру Азептис (окопы), ‹…› имея артиллерию в районе Панишки. ‹…› Активности у противника не замечено. У д. Наудзе — артиллерия и пулеметы, в д. Кордаки — штаб немецкого генерала, который, кажется, выехал вчера в Пильвишки. Билек занят ротой пехоты и 2 эскадронами»[548]. 3 июня в полк возвратились еще 3 улана, попавшие в плен 13 марта: «Приказ № 663 по X Армии. Уланы Дрозд, Голосной и Ефимов бежали из плена, причем доставили важные сведения»[549].

5 июня приказом по Уланскому полку было объявлено[550]: «Приказ № 324. В дополнение к § 3 приказа по полку от 3 июня с.г. за № 322 Полковник Маслов награжден Георгиевским оружием за то, что в бою 20 ноября 1914 г. на позиции у д. Велеполе при отходе дивизии, под натиском противника, на новую позицию объединил под своей командой 3 эскадрона, совместно с конно-гренадерами удерживал натиск противника и дал возможность выполнить этот отход». М.Е. Маслова наградили за тот же бой, за который Гумилев получил свой первый Георгиевский крест.

6 июня дивизия вернулась на те же позиции, которые занимала в мае: «В 6 вечера быть на сборном пункте в Годлево. Бригаде перейти в район Даукше в 2 перехода и сменить 2 бригаду 1 Гв. кав. дивизии. ‹…› В 7 ч. вечера бригада двинулась к югу и стала на бивак в 10 вечера в Чудышки. ‹…› 7 июня. 1 взвод с Уланским полком в Даукше, куда пришли в 4 ч. дня и встали на бивак в д. Лаунице. ‹…› Взвод с полком в Даукше составил дивизионную конницу 43 пехотной дивизии»[551]. Из донесения командующего бригадой г.-м. Дабича: «8 июня. В соответствии с распоряжением сего числа прибыть в район Даукше — Ржечев, где сменить 2 бригаду 1 Гв. кав. дивизии. Расположение: Л.-гв. Уланскому полку с 4 пулеметами, 2 орудиями 2-ой батареи Л.-гв. конной артиллерии и 2 ротами пехоты — в д. Даукше. Генералу Княжевичу подчинен начальник 43 пехотной дивизии и получил задачу заполнить прорыв между частями 43 дивизии и 34 корпуса от озера Амальва на южном краю болота Амальва до реки Довины»[552]. В это время Николай Гумилев, безусловно, уже был в своем полку. 10 июня Уланскому полку было дано задание: «Уланскому полку наблюдать промежуток между левым флангом 43 дивизии и правым 27 дивизии от озера Амальва до ф. Новополь. Штаб полка в Даукше»[553]. В журнале боевых действий входившей в состав бригады 2-й батареи за период с 12 по 22 июня сказано: «На тех же позициях, изредка перестрелка»[554]. 16 июня Княжевич отдает распоряжение: «От Княжевича из Даукше. Об окопах у Даукше — хорошие, но сориентированы не туда (на запад). ‹…› Приказание по отряду Маслова: Вверенному мне отряду (2 роты 25 Сибирского стрелкового полка, с 6-ю эскадронами Л.-гв. Уланского полка и 2-й батареей артиллерии наблюдать болото Амальва от озера Амальва до ф. Новополь и обеспечивать левый фланг 7 Сибирской стрелковой дивизии. В случае наступления: слабое — на линии сторожевого охранения; сильное: левый участок — задерживать и отходить на ф. Монишки, Лауницы, к юго-восточной окраине Даукше (1 ½ эскадрона улан); правый участок (1/2 эскадрона улан) — поддерживать связь. Левый боевой участок (эскадроны № 4, 5) — у д. Лауницы занять окопы. Правый боевой участок (1 эскадрон улан) — окопы у деревень Плине — Лауницы, сев.-зап. окраина Даукше. Общий резерв (Кропоткин, эскадрон ЕВ) — стать у юго-восточной окраины Даукше»[555].

Постоянно повторяющиеся в документах фразы «без перемен», изредка дополняемые, например, такими сведениями: «Без перемен, легко ранен 1 улан; вечером — смена конно-гренадерами»[556], – не могли вдохновить поэта. Да и высшему командованию стало ясно, что требуется переформирование воинских частей. 21 июня в дивизию пришел приказ: «Дивизии получено новое назначение, командованию прибыть в Бальвержишки. Прибыть офицерам в Олиту 23 июня»[557]. 22 июня поступило указание: «В 2 ч. дня пришло приказание идти в район Олиты для погрузки»[558]. 23 июня в Уланском полку был получен приказ: «Прибыть офицерам в Олиту 23 июня. Связь с уланами через ф. Рутка. ‹…› Приказ № 1839. ‹…› Приказываю: Л.-Гв. Уланскому полку выступить из д. Ржечев не ранее 7 утра 23 июня, перейти в район Жолнержишке — Яцунске — г.дв. Пронюны и тут встать биваком. По приходе немедленно соединиться со штабом в Бальвержишки и представить точную схему расположения. Начальник штаба Крузенштерн»[559]. На следующий день, 24 июня, началась погрузка эшелона: «Дивизия начала погрузку на железной дороге для переезда во Владимир-Волынский. Погрузка в Олите»[560]. Эшелон проследовал в район нынешней Западной Украины: «Переезд через Ораны — Гродно — Мосты — Барановичи — Брест-Литовск — во Владимир-Волынский»[561]. 27 июня 1915 года вся дивизия прибыла во Владимир-Волынский[562], старинный древнерусский городок, сохранивший великолепный храм XII века — Успенский собор 1160 года.

«Приказ № 1864. По высадке из вагонов полкам расположиться: ‹…› Уланам — д. Селец. Штаб дивизии во Владимире-Волынском на Сокальской улице у дома Мирового Судьи. Переход дивизии в другой район предполагается 30 июня»[563]. «Прибыли во Владимир-Волынский в 7 ч. вечера, бивак в Хабултово»[564]. В донесении Княжевича уточняется место расположения Уланского полка: «Полк расположился на бивак в Селец. Грибовица занята бригадой 5 кавалерийской дивизии с конной батареей. Ввиду того, что в д. Хабултово совсем нет воды, полк остановился в д. Микуличи, 5 верст восточнее д. Хабултово»[565].

2-я Гвардейская кавалерийская дивизия вошла в состав 4-го кавалерийского корпуса генерала Гилленшмидта (вместе с 3-й и 16-й кавалерийскими дивизиями). Корпус относился к Северо-Западному фронту и входил в XIII Армию генерала Горбатовского[566]. Перед дивизией была поставлена

следующая задача: «Наблюдение и оборона правого берега Западного Буга от Литовиж искл. до Джары искл. Правее — 31 Армейский корпус, левее — сводный кавалерийский корпус, входящий в состав VII Армии»[567]. Л.-гв. Уланский полк по-прежнему входил в состав 1-й бригады.

В окрестностях Владимира-Волынского дивизия располагалась до конца июня: «Приказ №1881 по дивизии от 29 июня. Завтра, 30 июня перейти: ‹…› Уланы и конно-пулеметная команда — в Шлехетские Бискуничи и Менчицы»[568]. «Донесение от Княжевича из Менчицы, 30 июня. На сегодняшний ночлег полк встал в д. Менчицы. Послано осмотреть Руснов»[569]. В документах конной артиллерии от 30 июня опять встречается фамилия Неведомского: «Наша дивизия сменила одну из армейских на позициях. Прапорщик Неведомский назначен комендантом штаба дивизии, куда и отбыл сегодня»[570].

Бои, в которых принимал участие полк в начале июля, в официальном журнале 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии обозначены следующим образом[571]:

«Операции на левом берегу р. Западный Буг:

— Переход границы Австрии — 3 июля.

— Бои под Ульвовек и Городловице — с 3 по 4 июля.

— Переход границы Австрии обратно — 5 июля.

— Бои под Заболотце, Джары и Джарки — с 5 по 9 июля».

Первые столкновения с неприятелем начались уже 1 июля, об этом в донесениях из штаба дивизии: «1 июля. Противник занял Старогрудь (напротив Джарки). Задание: разведка Буга от Джарки до Скоморохи. От 1-й бригады завтра разведка на Мышев — Иваничи — кол. Витольдовка — кордон Волчий — кордон Арсеньевский. Всем быть в полной готовности. Штаб в Грибовщах. ‹…› 2 июля. Задача: очистить берег Буга в районе Старогрудь — Войславице — Конотопы. 1 бригада выступает в 8 вечера и следует через Иваничи — кол. Витольдовка на Ромуш. Бригадам пройти Заболотце и Иваничи в 9–15 вечера сегодня. По прибытии 2 бригады построить резервный отряд у северной окраины д. Ромуш и ждать указания. Выслать разъезды к Княжевичу в кордон Арсеньевский»[572]. В этот день было намечено первое наступление на противоположный, австрийский берег Западного Буга; по Бугу проходила граница между Россией и Австрией, в наши дни там же проходит граница между Украиной и Польшей. «Дивизии приказано занять Войславице. Правее дивизии — 16 кав. дивизия, левее — 12 пехотная дивизия 8 Армии. Начальник дивизии приказал Л.-Гв. Конно-гренадерскому и Уланскому полкам наступать на д. Войславице. ‹…› Уланы построились у д. Ромуш»[573]. Предварительно эскадроны Уланского полка разведали все броды через Буг от Ульвовека до Скоморохи[574], а также район австрийского села Войславице: «3 июля. Разведка на Войславице. 1 бригаде выслать офицерские разъезды к северным и северо-восточным окраинам Войславице. Разъезды выслать не позднее 5 ч. дня, к 10 ч. вечера — доклады. Донесения — в Ульвовек, в штаб дивизии. В 10–45 вечера — приказ начать наступление в 3–30 утра (2 бригаде и 3 Донской казачьей дивизии). Генералу Дабичу с 1 бригадой наступать смешанными частями на Войславице, двигаясь правым флангом вдоль дороги Городловице — Войславице, а левым флангом вдоль надписи Древенщизна на спиртовой завод. В каждом полку иметь не более 1 эскадрона в конном строю, коневодам прибыть к переправам. Наступление начать в 3 ч. утра. ‹…› Приказ № 4011, 6–45 дня. Обозначилось накопление противника. 1 бригаде занять линию от Городловице включ. по дороге, обсаженной деревьями, — до лощины, что между названиями Древенщизна и Ульвовек. В каждом полку не менее 3-х спешенных эскадронов, остальные — в резерве. Броды на случай отхода: Джары для Уланского полка»[575]. Однако, как сказано в одном из донесений, «наступление наше не удалось, и к вечеру 1 бригада отошла на наш берег»[576]. После этого бригаде с Уланским полком было приказано сосредоточиться к северу от Джары[577].

4 июля из штаба дивизии пришел приказ: «В 7 утра приказано послать по 4 человека от каждого эскадрона всех полков моей дивизии к ротмистру — для обучения бросанию ружейных гранат... ‹…› Приказ по дивизии № 4014. 7 ч. вечера. Дивизии перейти в район Литовиж — Заболотце — Джарки. Всем — в Заболотце через Кол. Выгранка. Отход начать в 10 вечера»[578]. Расположение Уланского полка в ночь с 4 на 5 июля — в д. Заболотце, недалеко от берега Буга. «Вся дивизия отошла на правый берег Западного Буга»[579]. Это была последняя относительно спокойная ночь… Следующую ночь, с 5 на 6 июля, ночной бой и его продолжение в течение всего дня 6 июля Гумилев рассматривал как **«самый знаменательный день моей жизни»**. Полагаю, это не было гиперболой, хотя за спиной поэта стояли пять африканских путешествий, одна настоящая дуэль, 10 месяцев войны — 29 лет жизни. Свидетельство тому — с одной стороны, собственный рассказ участника боя в «Записках кавалериста», я бы сказал, очень красочный и интересный, но слегка «сглаженный», лишенный многих подробностей и «героического флера», а с другой стороны — подлинные документы и описания других участников боя, из которых с очевидностью следует та реальная, опасная для жизни «передряга», в которую неожиданно попал поэт. И исход ее как накануне, так и в течение самого боя был совершенно не очевиден!

6 июля 1915 года — «Самый знаменательный день моей жизни…»

Казалось бы, начало дня 5 июля не предвещало никаких бурных событий последующих суток. Все было как обычно: отбитая попытка наступления противника, рядовая смена на дежурстве одних частей другими. В одном из донесений этого дня от Гусарского полка сказано: «Ввиду начавшегося наступления на фронте Оренбургской казачьей дивизии было приказано занять спешенными частями южную опушку леса, что к югу от Заболотце на фронте от дороги Заболотце — Джары до дороги кол. Выгранка — кордон Арсеньевский. Вечером выяснилось, что оренбуржцы удержались на своем участке, и дивизии было приказано перейти в район Заболотце для смены 3 кавалерийской дивизии на участке Литовиж — Джарки. 1 бригада заняла окопы на вышеназванном участке, а 2 бригада составила резерв в Заболотце»[580]. В журнале боевых действий 2-й батареи, подчиненной заступившей на дежурство 1-й бригаде, сказано: «Дивизия составила резерв корпуса, которому был дан участок на правом берегу Буга. Ввиду того, что днем замечено шевеление противника против участка 3 кавалерийской дивизии, 1 бригаде приказано было быть оседланными. В 5½ дня, ввиду того, что против 3 кав. дивизии оставалось все спокойно, бригаду расседлали. В 8 ч. вечера батарея вновь оседлана, чтобы идти с бригадой на смену 3 кав. дивизии, участок бригады от д. Литовиж до д. Джары. Л.-гв. конно-гренадерский полк, которому был придан 2-й взвод,

занял правый участок. 2 взвод сменил 5-ю конную батарею у высоты 209 восточнее д. Литовиж. Полк выступил на смену в 9 вечера, и в 11 ч. взвод сменил батарею. 1 и 3 взводы с Л.-гв. Уланским полком должны были занять левый участок. Батарея выступила в 10 ч. вечера и к 12 ч. ночи подошла к позиции 6 конной батареи у высоты 189 на опушке леса, которую должна была сменить»[581].

Днем из штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии поступило следующее распоряжение: «Приказ № 4015 от 5 июля 1915 года. Вверенной мне дивизии приказано сменить части 3-й кавалерийской дивизии и занять участок на реке Западный Буг от д. Литовиж исключительно до д. Джарки (*сейчас — село Заставное в Волынской области Украины*) включительно. Для этого приказываю: ‹…› 2) Л.-Гв. Уланскому полку при 4-х пулеметах занять левый участок от столба № 15 до восточной окраины дер. Джарки включительно. ‹…› Частям 1 бригады прибыть к 9 вечера к штаб-квартирам полков 3-го Драгунского Новороссийского — близ кор. 189, 3-го Гусарского Елисаветинского — на дороге из Заболотце в лес, что севернее Джарки. К 8 часам вечера в оба полка в д. Заболотце прибудут проводники от названных полков. К смене приступить с таким расчетом, чтобы все передовые части были на своих местах к 10 час. 30 м. вечера. Коноводов оставить в лесу в тылу своих участков по выбору командиров полков. Немедленно по получении сего командующему 1-й бригады организовать детальную рекогносцировку эскадронных участков полка. ‹…› 2-й бригаде прибыть в 7 час. вечера в д. Заболотце, где стать квартир-биваком, оставаясь в полной готовности. Уланам обеспечить связь с соседним Оренбургским казачьим полком»[582].

И наконец, краткая запись в журнале боевых действий стоявшей в резерве 5-й батареи конной артиллерии: «Пришли в Заболотце в темноту, было 8 ч. вечера, и заняли позиции у господского двора фронта на дер. Джары. Шел страшный ливень. Ночью противник атаковал крупными силами Уланское охранение, сбил его и занял д. Джары и Джарки»[583].

А теперь — слово автору «Записок кавалериста». Этому бою были посвящены две публикации в «Биржевых ведомостях», соответственно, главы XII и XIII, появившиеся в печати 13 и 14 декабря 1915 года. Для целостности картины не буду вводить промежуточные комментарии (кроме одной явной «корректорской» ошибки, которая обычно сбивает с толку читателей). Все требуемые комментарии и разъяснения в полном объеме будут даны за текстом Гумилева.

XII

Теперь я хочу рассказать о самом знаменательном дне моей жизни, о бое шестого июля 1915 г. Это случилось уже на другом, совсем новом для нас фронте. До того были у нас и перестрелки, и разъезды, но память о них тускнеет по сравнению с тем днем[584].

Накануне зарядил затяжной дождь. Каждый раз, как нам надо было выходить из домов, он усиливался. Так усилился он и тогда, когда поздно вечером нас повели сменять сидевшую в окопах армейскую кавалерию.

Дорога шла лесом, тропинка была узенькая, тьма — полная, не видно вытянутой руки. Если хоть на минуту отстать, приходилось скакать и натыкаться на обвисшие ветви и стволы, пока наконец не наскочишь на круп передних коней. Не один глаз был подбит, и не одно лицо расцарапано в кровь.

На поляне — мы только ощупью определили, что это поляна, — мы спешились. Здесь должны были остаться коноводы, остальные — идти в окоп. Пошли, но как? Вытянувшись гуськом и крепко вцепившись друг другу в плечи. Иногда кто-нибудь, наткнувшись на пень или провалившись в канаву, отрывался, тогда задние ожесточенно толкали его вперед, и он бежал и окликал передних, беспомощно хватая руками мрак. Мы шли болотом и ругали за это проводника, но он был не виноват, наш путь действительно лежал через болото. Наконец, пройдя версты три, мы уткнулись в бугор, из которого, к нашему удивлению, начали вылезать люди. Это и были те кавалеристы, которых мы пришли сменить.

Мы их спросили, каково им было сидеть. Озлобленные дождем, они молчали, и только один проворчал себе под нос: «А вот сами увидите, стреляет немец, должно быть, утром в атаку пойдет». «Типун тебе на язык, — подумали мы, — в такую погоду да еще атака!»

Собственно говоря, окопа не было. По фронту тянулся острый хребет невысокого холма, и в нем был пробит ряд ячеек на одного-двух человек с бойницами для стрельбы. Мы забрались в эти ячейки, дали несколько залпов в сторону неприятеля и, установив наблюденье, улеглись подремать до рассвета. Чуть стало светать, нас разбудили: неприятель делает перебежку и окапывается, открыть частый огонь.

Я взглянул в бойницу. Было серо, и дождь лил по-прежнему. Шагах в двух-трех[585] *‹?› передо мной копошился австриец, словно крот, на глазах уходящий в землю. Я выстрелил. Он присел в уже выкопанную ямку и взмахнул лопатой, чтобы показать, что я промахнулся. Через минуту он высунулся, я выстрелил снова и увидел новый взмах лопаты. Но после третьего выстрела уже ни он, ни его лопата больше не показались.*

Другие австрийцы тем временем уже успели закопаться и ожесточенно обстреливали нас. Я переполз в ячейку, где сидел наш корнет. Мы стали обсуждать создавшееся положение. Нас было полтора эскадрона, то есть человек восемьдесят, австрийцев раз в пять больше. Неизвестно, могли бы мы удержаться в случае атаки.

Так мы болтали, тщетно пытаясь закурить подмоченные папиросы, когда наше внимание привлек какой-то странный звук, от которого вздрагивал наш холм, словно гигантским молотом ударяли прямо по земле. Я начал выглядывать в бойницу не слишком свободно, потому что в нее то и дело влетали пули, и наконец заметил на половине расстояния между нами и австрийцами разрывы тяжелых снарядов. «Ура! — крикнул я, — это наша артиллерия кроет по их окопам».

В тот же миг к нам просунулось нахмуренное лицо ротмистра. «Ничего подобного, — сказал он, — это их недолеты, они палят по нам. Сейчас бросятся в атаку. Нас обошли с левого фланга. Отходить к коням!»

Корнет и я, как от толчка пружины, вылетели из окопа. В нашем распоряжении была минута или две, а надо было предупредить об отходе всех людей и послать в соседний эскадрон. Я побежал вдоль окопов, крича: «К коням... живо! Нас обходят!» Люди выскакивали, расстегнутые, ошеломленные, таща под мышкой лопаты и шашки, которые они было сбросили в окопе. Когда все вышли, я выглянул в бойницу и до нелепости близко увидел перед собой озабоченную физиономию усатого австрийца, а за ним еще других. Я выстрелил не целясь и со всех ног бросился догонять моих товарищей.

* * *

Нам надо было пробежать с версту по совершенно открытому полю, превратившемуся в болото от непрерывного дождя. Дальше был бугор, какие-то сараи, начинался редкий лес. Там можно было бы и отстреливаться, и продолжать отход, судя по обстоятельствам. Теперь же, ввиду поминутно стреляющего врага, оставалось только бежать, и притом как можно скорее.

Я нагнал моих товарищей сейчас же за бугром. Они уже не могли бежать и под градом пуль и снарядов шли тихим шагом, словно прогуливаясь. Особенно страшно было видеть ротмистра, который каждую минуту привычным жестом снимал пенсне и аккуратно протирал сыреющие стекла совсем мокрым носовым платком.

За сараем я заметил корчившегося на земле улана. «Ты ранен?» — спросил я его. «Болен... живот схватило!» — простонал он в ответ.

«Вот еще, нашел время болеть! — начальническим тоном закричал я. — Беги скорей, тебя австрийцы проколют!» Он сорвался с места и побежал; после очень благодарил меня, но через два дня его увезли в холере.

Вскоре на бугре показались и австрийцы. Они шли сзади шагах в двухстах и то стреляли, то махали нам руками, приглашая сдаться. Подходить ближе они боялись, потому что среди нас рвались снаряды их артиллерии. Мы отстреливались через плечо, не замедляя шага.

Слева от меня из кустов послышался плачущий крик: «Уланы, братцы, помогите!» Я обернулся и увидел завязший пулемет, при котором остался только один человек из команды да офицер. «Возьмите кто-нибудь пулемет», — приказал ротмистр. Конец его слов был заглушен громовым разрывом снаряда, упавшего среди нас. Все невольно прибавили шаг.

Однако в моих ушах все стояла жалоба пулеметного офицера, и я, топнув ногой и обругав себя за трусость, быстро вернулся и схватился за лямку. Мне не пришлось в этом раскаяться, потому что в минуту большой опасности нужнее всего какое-нибудь занятие. Солдат-пулеметчик оказался очень обстоятельным. Он болтал без перерыва, выбирая дорогу, вытаскивая свою машину из ям и отцепляя от корней деревьев. Не менее оживленно щебетал и я. Один раз снаряд грохнулся шагах в пяти от нас. Мы невольно остановились, ожидая разрыва. Я для чего-то стал считать — раз, два, три. Когда я дошел до пяти, я сообразил, что разрыва не будет. «Ничего на этот раз, везем дальше... что задерживаться?» — радостно объявил мне пулеметчик, — и мы продолжали свой путь.

Кругом было не так благополучно. Люди падали, одни ползли, другие замирали на месте. Я заметил шагах в ста группу солдат, тащивших кого-то, но не мог бросить пулемета, чтобы поспешить им на помощь. Уже потом мне сказали, что это был раненый офицер нашего эскадрона. У него были прострелены ноги и голова. Когда его подхватили, австрийцы открыли особенно ожесточенный огонь и переранили нескольких несущих. Тогда офицер потребовал, чтобы его положили на землю, поцеловал и перекрестил бывших при нем солдат и решительно приказал им спасаться. Нам всем было его жаль до слез. Он последний со своим взводом прикрывал общий отход. К счастью, теперь мы знаем, что он в плену и поправляется.

XIII

Наконец мы достигли леса и увидели своих коней. Пули летали и здесь; один из коноводов даже был ранен, но мы все вздохнули свободно, минут десять пролежали в цепи, дожидаясь, пока уйдут другие эскадроны, и лишь тогда сели на коней.

Отходили мелкой рысью, грозя атакой наступавшему врагу. Наш тыльный дозорный ухитрился даже привезти пленного. Он ехал оборачиваясь, как ему и полагалось, и, заметив между стволов австрийца с винтовкой наперевес, бросился на него с обнаженной шашкой. Австриец уронил оружие и поднял руки. Улан заставил его подобрать винтовку — не пропадать же, денег стоит — и, схватив за шиворот и пониже спины, перекинул поперек седла, как овцу. Встречным он с гордостью объявил: «Вот, георгиевского кавалера в плен взял, везу в штаб». Действительно, австриец был украшен каким-то крестом.

Только подойдя к деревне З., мы выпутались из австрийского леска и возобновили связь с соседями. Послали сообщить пехоте, что неприятель наступает превосходными силами, и решили держаться во что бы то ни стало до прибытия подкрепления. Цепь расположилась вдоль кладбища, перед ржаным полем, пулемет мы взгромоздили на дерево. Мы никого не видели и стреляли прямо перед собой в колеблющуюся рожь, поставив прицел на две тысячи шагов и постепенно опуская, но наши разъезды, видевшие австрийцев, выходящих из лесу, утверждали, что наш огонь нанес им большие потери. Пули все время ложились возле нас и за нами, выбрасывая столбики земли. Один из таких столбиков засорил мне глаз, который мне после долго пришлось протирать.

Вечерело. Мы весь день ничего не ели и с тоской ждали новой атаки впятеро сильнейшего врага. Особенно удручающе действовала время от времени повторявшаяся команда: «Опустить прицел на сто!» Это значило, что на столько же шагов приблизился к нам неприятель.

* * *

Оборачиваясь, я позади себя сквозь сетку мелкого дождя и наступающие сумерки заметил что-то странное, как будто низко по земле стелилась туча. Или это был кустарник, но тогда почему же он оказывался все ближе и ближе? Я поделился своим открытием с соседями. Они тоже недоумевали. Наконец один дальнозоркий крикнул: «Это наша пехота идет!» — и даже вскочил от радостного волнения. Вскочили и мы, то сомневаясь, то веря и совсем забыв про пули.

Вскоре сомненьям не было места. Нас захлестнула толпа невысоких коренастых бородачей, и мы услыхали ободряющие слова: «Что, братики, или туго пришлось? Ничего, сейчас все устроим!» Они бежали мерным шагом (так пробежали десять верст) и нисколько не запыхались, на бегу свертывали цигарки, делились хлебом, болтали. Чувствовалось, что ходьба для них естественное состояние. Как я их любил в тот миг, как восхищался их грозной мощью.

Вот уж они скрылись во ржи, и я услышал чей-то звонкий голос, кричавший: «Мирон, ты фланг-то загибай австрийцам!» — «Ладно, загнем», — был ответ. И сейчас же грянула пальба пятисот винтовок. Они увидели врага.

Мы послали за коноводами и собрались уходить, но я был назначен быть для связи с пехотой. Когда я приближался к их цепи, я услышал

громовое «ура». Но оно как-то сразу оборвалось, и раздались отдельные крики: «Лови, держи! Ай, уйдет!» — совсем как при уличном скандале. Неведомый мне Мирон оказался на высоте положения. Половина нашей пехоты под прикрытием огня остальных зашла австрийцам во фланг и отрезала полтора их батальона. Те сотнями бросали оружие и покорно шли в указанное им место, к группе старых дубов. Всего в этот вечер было захвачено восемьсот человек и, кроме того, возвращены утерянные вначале позиции.

Вечером, после уборки лошадей, мы сошлись с вернувшимися пехотинцами. «Спасибо, братцы, — говорили мы, — без вас бы нам была крышка!» — «Не на чем, — отвечали они, — как вы до нас-то держались? Ишь ведь их сколько было! Счастье ваше, что не немцы, а австрийцы». Мы согласились, что это действительно было счастье.

Таково описание боя 6 июля 1915 года у Николая Гумилева, который заслуженно получил за него второй Георгиевский крест. И следует это не столько из достаточно спокойного, лишенного экзальтации рассказа, сколько из других официальных документов, сохранившихся в многочисленных архивных папках, где детально описываются все подробности этого боя — с разных «точек зрения».

Точность и объективность рассказа Гумилева подтверждают свидетельские показания других участников боя, сохранившиеся в делах о представлении к наградам офицерского состава дивизии[586]. В отличие от «вольноопределяющихся», которых представляли к награждению Георгиевскими крестами «списком», без детального и индивидуального описания «подвига», для представления к награждению высшими наградами офицерского состава требовалось подробное изложение событий как со стороны командного состава, так и ближайших свидетелей. В нашем случае особый интерес представляет дело о представлении к награждению Георгиевским оружием командира эскадрона Ея Величества ротмистра князя Ильи Кропоткина[587], того эскадрона, в котором служил Гумилев (в «Записках» Илья Кропоткин появляется как «*нахмуренное лицо ротмистра*», который заглянул в «ячейку», когда Гумилев сидел в ней вместе с корнетом — однофамильцем или родственником командира). Ведь как раз на эскадрон ЕВ пришелся главный удар австрийцев. Рассказы очевидцев боя, составленные по «горячим следам», практически не нуждаются в комментариях, они лишь полностью подтверждают точность описания боя Гумилевым, в чем-то дополняя его. Из них следует, что опасность для всех участников боя была действительно реальной, я бы сказал, более серьезной, чем это следует из гумилевского рассказа. В первую очередь приведем описание боя командира л.-гв. Уланского полка генерал-майора Д.М. Княжевича:

«6 июля полк занимал участок оборонительных позиций на переправах через р. Западный Буг от дер. Джарки до надписи 15. Задача полка заключалась в обороне переправ и обеспечении позиции у дер. Заболотце до подхода пехоты. Ротмистр князь Кропоткин с эскадроном и пулеметами занимал крайний левый фланг полкового участка у дер. Джарки, наиболее ответственный по условиям местности, как кратчайшее направление от противника в охват левого фланга полка. Ночью противник повел наступление по всему фронту, причем особенно энергично на участок князя Кропоткина, с явным намерением сбить наш левый фланг и, зайдя в тыл

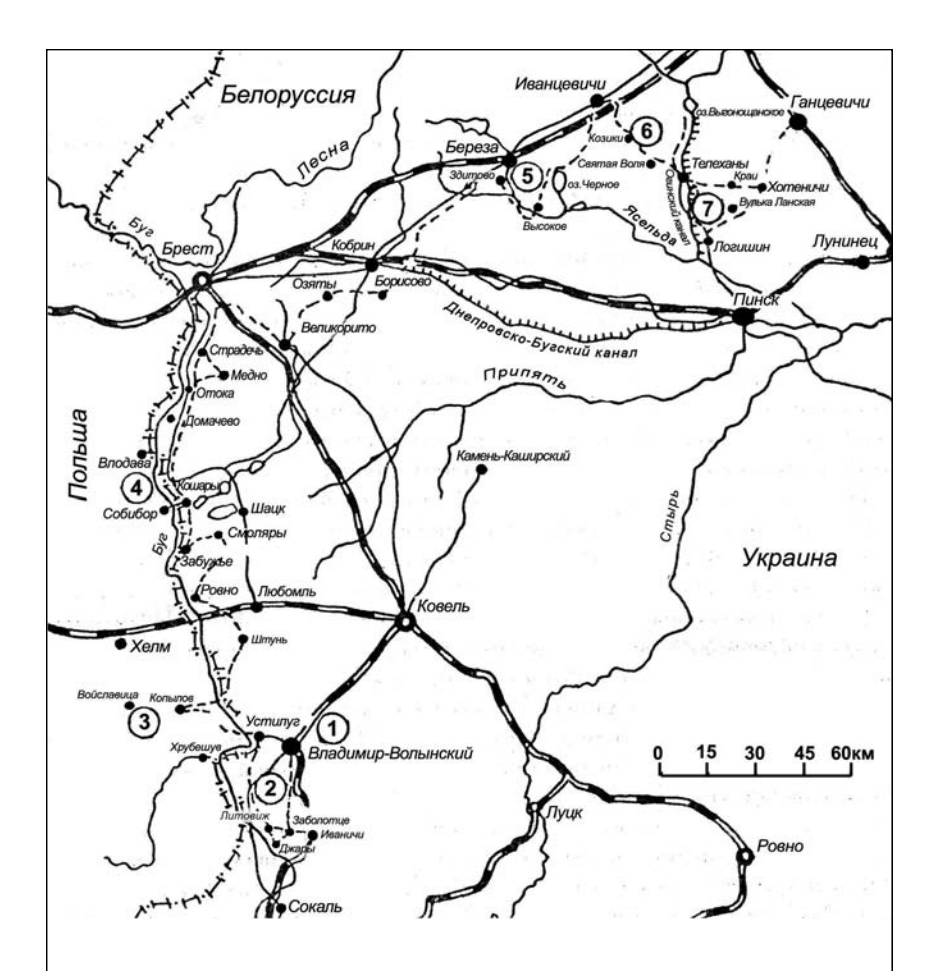
полку, отрезать путь отступления к позиции у дер. Заболотце. Оценив обстановку, ротмистр князь Кропоткин оказал противнику длительное упорное сопротивление, отражая ружейным и пулеметным огнем настойчивый натиск пехотных цепей, с расстояния, доходившего до 50 шагов. Несмотря на слабость позиции, оборудованной ночью, под проливным дождем, и потери в офицерах и нижних чинах, ротмистр князь Кропоткин стойко держался против превосходящих сил противника, являясь примером доблести и хладнокровия и личным мужеством действуя на чинов эскадрона, чем дал возможность полку задержать противника на переправах в продолжение нескольких часов и затем в порядке отойти на позиции у д. Заболотце (*«деревня З.» у Гумилева в «Записках»*) и сдать ее пехоте, подошедшей лишь под вечер. Серьезность операции противника свидетельствует результат контратаки пехоты, которой было взято под Заболотцами 14 офицерских и 840 нижних чинов одними пленными. Свиты Ев. Вел. Ген.-майор Княжевич».

Показания помощника командира полка полковника М.Е. Маслова:

«Заняв ночью на 6 июля окопы с левого фланга левого моего боевого участка, ротмистр князь Кропоткин с рассветом был атакован сильно превосходящими силами, обороняя с эскадроном вверенные ему окопы, энергичным огнем отражая повторные атаки противника. Только благодаря стойкости и спокойствию обороны удалось с горстью людей (около 50 человек) своего спешенного эскадрона отражать атаки как пулеметным, так и ружейным огнем, принимая во внимание, что окопы не были ограждены проволокой и были весьма мелкого профиля, когда и управлять ими было трудно. Несмотря на то, что противник, воспользовавшись мертвым пространством и тайно приготовленным ходом сообщений, накопившись, прорвался с фланга, ротмистр князь Кропоткин продолжал обороняться и только тогда приказал вынести пулеметы и уланам отходить, причем сам отошел последним, когда получил приказание от командира полка отходить. Затем, постепенно отходя, пользуясь всякой возможностью, задерживал огнем наступление противника...»

Рассказ корнета князя С.А. Кропоткина (из эскадрона Ея Величества, именно к нему в «ячейку» переполз Гумилев, где они «*болтали, тщетно пытаясь закурить подмоченные папиросы*»):

«6 июля 1915 г. наш эскадрон занимал левофланговый участок позиции нашего полка у дер. Джарки на реке Буг. В 2 ч. 30 мин. ночи противник, открыв убийственный огонь, начал переправу. Командир эскадрона, предупредив эскадрон об ответственности участка, приказал, несмотря на сравнительную нашу малочисленность, держаться во что бы то ни стало. С рассветом выяснилось, что численность наступающего противника доходит до одного батальона пехоты. К этому времени подоспели посланные нам на подкрепление один взвод улан при двух пулеметах. Противник неоднократно пытался приблизиться к нашим окопам, но каждый раз ружейным и пулеметным огнем был отброшен. В 7 часов утра выяснилось, что противник обходит наш левый фланг, но командир эскадрона, послав туда имевшееся в эскадроне ружье-пулемет, приказал все-таки держаться, и только когда пришло приказание отойти на другую позицию и когда противник, распространяясь у нас в тылу, бросился, примкнув штыки, на наши окопы, командир эскадрона ротмистр князь Кропоткин приказал отходить, причем ввиду малой численности людей несколько раз сам лично вез пулемет. Отойдя к 9 ч. утра на указанную позицию, мы сдерживали австрийцев до вечера, когда нас сменила пехота».

Карта 4 к «Запискам кавалериста» (Главы XII–XIV)

1 — Владимир-Волынский, куда Уланский полк был переброшен в конце июня 1915 года.
2 — бой в районе дд. Заболотце — Джары, за который Н. Гумилев получил второй Георгиевский крест (главы XII и XIII).
3 — переход на левый берег Западного Буга в район Копылова для прикрытия отхода пехоты (начало главы XIV).
4 — отход на север вдоль Буга, столкновение с немецким разъездом у Собибора (конец главы XIV).
5–7 — дальнейший отход вдоль Буга до середины августа 1915 года, поворот от Буга на Кобрин в районе Брест-Литовска (см. Карту 5).

Примечание: За подробностями обращайтесь к сайтам, указанным на карте 3. Рекомендую при открытии карт, для поиска «заграничных» объектов, вводить «поисковое слово», на латинице. В частности, для предлагаемого на этой карте региона используйте следующие «узловые» пункты: Олита — Alytus; Амальва — Amalvas; Даукше — Daukšiai (в Литве); Hrubieszów — Хрубешув; Лушков — Luszków; Городло — Horodlo; Собибор — Sobibór; Влодава — Wlodawa (в Польше).

Полковник Уланского полка князь В.М. Андроников особенно отметил значение упорной обороны эскадрона князя Кропоткина у Джарок:

«Во время боя 6 июля 1915 г., продолжавшегося с ночи до вечера, я был неоднократно посылаем командиром полка для выяснения обстановки, вследствие чего свидетельствую о нижеследующем: 1) Главный удар австрийцев был направлен через дер. Джарки (на правом берегу Зап. Буга у переправы) на дер. Заболотце на фронт и в охват левого фланга участка Ротмистра Князя Кропоткина. Отброшенный пехотой Ген. Ад. Мищенко обратно к реке противник укрепился и упорно держался именно в районе Джарок, считая этот пункт существенно важным. 2) 14 опрошенных пленных австрийских офицеров показали, что почти все они проходили через Джарки, куда вследствие важности направления и серьезности сопротивления была направлена большая часть пехоты, участвовавшей в ночном наступлении. 3) В случае менее упорной обороны переправ на Буге противник дошел бы на наших плечах до позиций у дер. Заболотце ранее подхода туда пехоты Ген. Ад. Мищенко. 4) Если бы противнику удалось отбросить эскадрон Ротмистра Князя Кропоткина, полк был бы обойден с левого фланга и австрийцам было бы ближе до д. Заболотце, чем нам. 5) Полк мог длительно задерживать превосходящие силы противника, не опасаясь за свой фланг и тыл лишь благодаря правильным действиям Ротмистра Князя Кропоткина, что явилось залогом успеха всего дня...» Упомянутый Андрониковым генерал-адъютант П.И. Мищенко был командующим 31-м Армейским корпусом, в состав которого входила 83-я пехотная дивизия, а в нее, в свою очередь, 331-й Орский пехотный полк, выручивший улан.

Показания полковника эскадрона № 6 А.П. Самойлова: «6 июля во время боя за переправы на р. Западный Буг 1 эскадрон Улан Ея Вел. под начальством командира его ротмистра Князя Кропоткина, занимая с эскадроном левофланговый окоп у дер. Джарки при обходе его левого фланга превосходящими силами противника несмотря на сильный ружейный и орудийный огонь и неся значительные потери в офицерах и нижних чинах, продолжал обороняться, чем задержал противника на значительное время, дав возможность полку выполнить возложенную ему задачу...»

Из наградных листов на командующего эскадроном № 4 Георгия Бибикова[588]: «В бою 6 июля 1915 года на переправах через р. Западный Буг в районе Джарки командовал эскадроном, занимавшим участок позиции протяженностью около 2/3 версты на берегу реки. Ротмистр Бибиков сменил ночью в полнейшей темноте, под проливным дождем, занимавший перед ним участок позиции эскадрона 3 Кавалерийской дивизии, и в течение ночи, ввиду ужасной погоды, еле смог ориентироваться и наскоро выкопать неглубокие окопы в намокшей после сильных дождей почве. С 2-х часов утра уже обозначилось наступление австрийской пехоты, под покровом ночи переправившейся на этот берег реки. В продолжение нескольких часов до 7 ч. утра ротмистр Бибиков отбивал настойчивые атаки противника, во много раз превосходившего в силах...»

Показания поручика эскадрона № 4 барона В.Е. Каульбарса: «6 июля 1915 г. наш эскадрон в составе меня и 50 улан, под командованием ротмистра Бибикова, занимал окопы западнее д. Джарки. Мы сменили эскадрон Елисаветградцев около 1 часа ночи. Австрийцы, пользуясь темнотой, подошли вплотную к реке Западный Буг и сильным огнем отогнали наши секреты. После этого они силою около 1 батальона переправились через реку и обрушились с рассветом на наш эскадрон и на эскадрон Ея Величества, на-

ходившийся слева от нас. ‹…› Только когда взвод австрийцев, прорвавшись между нашим эскадроном и эскадроном ЕВ, начал нас обстреливать слева, а с фронта австрийцы подошли на 300 шагов, ротмистр Бибиков приказал отходить…»

Из наградных листов на капитана Чебышева из л.-гв. конной артиллерии[589]: свидетельства Д. Княжевича, И. Кропоткина, М. Маслова: «6 июля 1915 года Л.-Гв. конной арт. капитан Чебышев командовал взводом конной артиллерии, входившей вместе с Л.-Гв. Уланским полком в состав вверенного мне отряда. Л.-Гв. Уланский полк занимал много наскоро построенных окопов вдоль реки Буг, к северу от дер. Джарки, протяженностью около 3-х верст. Ввиду сильного обстрела позиции ружейным и артиллерийским огнем, занимать позиции пришлось ночью под проливным дождем. Капитан Чебышев со взводом артиллерии занимал позиции за центром полка в расстоянии 2-х верст от противника. С 2-х часов ночи еще в темноте противник повел наступление густыми цепями на редкую цепь улан. Уланы встретили противника сильным ружейным и пулеметным огнем и упорно задерживали его. Когда начало светать, капитан Чебышев открыл губительный огонь по наступающим цепям противника, чем временно задержал их интенсивное наступление. К семи часам утра противник начал обходить фланги улан и небольшая часть противника зашла в тыл. Как наблюдательный пункт, так и взвод начали обстреливать ружейным огнем, но несмотря на это капитан Чебышев продолжал огонь, энергично поддерживая улан. Когда же под сильным натиском во много раз превосходящего числом противника уланы начали отходить (по приказанию), капитан Чебышев снялся (по моему приказанию) и занял другую позицию у кладбища дер. Заболотце, откуда и прикрыл дальнейший отход улан на позиции у Заболотце. Результатом упорной обороны на переправах улан (благодаря поддержке артиллерии) явилась задержка наступления противника на 12 часов. Благодаря этому высланная для занятия переправ пехота (части 83 пехотной дивизии) успела подойти к Заболотце, поддержать улан и быстрым переходом опрокинуть противника на другой берег Буга…»

В ночь с 5 на 6 июля в окопах эскадрон ЕВ сменил эскадрон кавалеристов 3-го Драгунского Новороссийского полка, входившего в состав 3-й Кавалерийской дивизии. В тексте «Записок», в главе XII, в абзаце, начинающемся словами: «Я взглянул в бойницу...» — явная ошибка. Следует читать: «Шагах в двухстах–трехстах...»

Некоторые дополнительные подробности дневного боя 6 июля можно найти в заполняемых в «реальном времени» журналах боевых действий различных частей. Вот описание со стороны находившегося поначалу в резерве Гусарского полка: «На рассвете противник перешел в наступление и выбил 1-ю бригаду из занимаемых ею окопов. 2 бригада поднялась по тревоге, сосредоточившись на восточной окраине д. Заболотце. К 1 часу дня противник занял северную окраину леса, что к югу от Заболотце. Согласно полученным приказаниям полк с 2 пулеметами занял спешенными частями Господский двор — кладбище и ф. дер. Заболотце и встретил наступление противника ружейным и пулеметным огнем (командир полковник Гревс). Для обеспечения нашего правого фланга были выдвинуты на высоту 206 (см. немецкую карту) три эскадрона Улан Е.В. Для обеспечения левого фланга кол. Выгранка была занята 2-й бригадой 16 кавалерийской дивизии. На восточной окраине д. Заболотце находился Л.-Гв. Драгунский полк в резерве, а в дер. Биличи — 1-я бригада. Полку было приказано держаться на занимаемых позициях до подхода пехоты. Противник, встреченный огнем спешенных эскадронов, остановил свое наступление и начал окапываться в 600 — 900 шагах от наших цепей. В 9 ч. вечера подошла пехота, которая дружным натиском очистила лес от противника, взяв к утру 840 пленных. Ночью полк был в резервной колонне на восточной окраине Заболотце»[590].

Деятельное участие в бое принимала и артиллерия. Журнал военных действий 5-й батареи: «Австрийцы, наступающие на наши 2 дивизии кавалерии, определяются не менее как 2–3 полка пехоты с легкой и тяжелой артиллерией. Продолжая наступать, они к утру 6 июля вытеснили наши спешенные цепи от р. Буг, заняли высоту 100,4, а также и лес впереди д. Заболотце. Наблюдательный пункт, бывший на холме впереди господского двора, сразу же попал под ружейный огонь с опушки леса. Батарея открыла огонь. Позиция неудачна, так как занимали ее ночью, под проливным дождем, но другой нет. Весь день батарея обстреливала лес западнее Заболотце, на опушке которого окопались австрийцы. К вечеру положение создалось следующее. После ночного боя наша конница отошла на дер. Заболотце и заняла западную ее окраину, господский двор и фольварк, а также холмы, идущие с севера на юг параллельно Заболотцам и далее на Мотовины. Гусары с пулеметами целый день вели перестрелку; драгуны ½ эскадрона атаковали в конном строю окопы противника, но попали под очень сильный огонь гаубичной батареи, отошли обратно. Противник, не успев переправить свою артиллерию через Буг, держал себя пассивно, вероятно, кроме того, переоценивая наши силы. Наша артиллерия сильным огнем прекращала всякие попытки выхода противника из леса. На ночь батарея, оставив на позиции взвод (2) пор. Хитрово, отошла на бивак в д. Новины. В 4 ч. дня подошли на помощь 3 батальона (в составе 300–400 человек каждый) 331 Орского пехотного полка 83 пехотной дивизии. Окопавшись под углом к нашему расположению, они, когда стемнело, после 10 минут ружейной перестрелки, несмотря на полную темноту и густой лес, штыковым ударом во фланг переправившимся австрийцам обратили их в бегство, захватили около 700 пленных при 20 офицерах и одного штаб-офицера. Наши потери в этот день ничтожны. Но ввиду превосходства сил Орцы должны были остановиться и окопаться (на линии Иваничи — дорога на Джарки)»[591].

Журнал военных действий 2-й батареи: «В 1 ч. ночи смена была окончена, очень затрудненная дождем и совершенной темнотой. В 2 ч. ночи разведывательные части противника переправились через реку, начали обстреливать наблюдательный пункт разрывными пулями. В 7 ч. утра пришло донесение, что у д. Джары против участка 1-го эскадрона Л.-Гв. Уланского ЕВ полка противник переправился на правый берег реки. Батарея начала обстреливать наступающие цепи. Когда противник дошел на ½ версты от цепи улан, то эскадрон стал отходить. Батарея снялась с позиции и начала отходить к д. Заболотце, не доходя которую встала на позиции и начала обстреливать цепи противника, выходившие из леса. В 2 ч. дня 3 взвод снялся с позиции и пошел к д. Биличи, и одно орудие встало на бугор у кладбища и вместе с ружейно-пулеметным прикрытием полуэскадрона Л.-Гв. Уланского полка начало обстреливать подходящие цепи противника. Когда противник подошел на ½ версты, орудие снялось с позиции и присоединилось к 3 взводу в д. Биличи. К вечеру противник остановился

к югу от д. Заболотце. Ночью подошедшая 83 пехотная дивизия отбросила противника на 4 версты, причем захватила 800 пленных»[592].

После отхода улан к Заболотцам бой продолжался весь день. Из донесений от улан в штаб дивизии[593]: «6 июля. 2 ч. 30 м. дня. Противник наступает цепями в направлении на кладбище и господский двор, что у костела ‹…› Эскадрон ЕВ правым флангом у кладбища. Ближайшие к противнику цепи на расстоянии 500 — 600 шагов. ‹…› Противник обстреливает нашу позицию, кладбище, стреляет большим прицелом, пули летят через господский двор. В эскадроне ЕВ есть небольшие потери». О сложной и неоднозначной обстановке говорит такая фраза в одном из донесений: «3 ч. 25 м. дня. ‹…› По слухам, еще не проверенным, взят в плен эскадрон Л.-Гв. Уланского полка»[594]. Слух этот, к счастью, не подтвердился: «В 4 часа дня подошли 2 эскадрона улан и расположились северо-западнее кладбища. Потом подошли остальные эскадроны улан туда же. Ко мне подошло 2 пулемета. Перестрелка только против эскадрона ЕВ. С правого фланга нашей пехоты еще не видно. Остальное без перемен»[595].

«Материальные» итоги этого боя подведены в приказе № 355 по Уланскому полку от 6 июля 1915 года[596]. Там перечисляются все потери полка в этом бою, в том числе сказано об офицере, о котором написал Гумилев: «§2. Сего числа ранен и остался на поле сражения поручик Хлебников[597]. Предписано означенного обер-офицера исключить из списков полка». Был ранен офицер эскадрона Гумилева Сергей Владимирович Хлебников. Из офицерского состава в этот день был ранен в голову штабс-ротмистр барон Розен, из нижних чинов: 3 — убиты или остались на поле сражения, 8 — ранены и отправлены в госпиталь, многие — ранены, но остались в строю.

Только в 9 ч. вечера 6 июля начальником дивизии было отдано распоряжение № 4028: «Приказ № 4028. 9 ч. вечера. С занятием пехотой позиции, и когда пехота пройдет через линию, занимаемую частями вверенной мне дивизии, полкам сосредоточиться: ‹…› Уланам и Конно-гренадерам — в лесу северо-западнее Колонии Гурова. Штаб дивизии — в Новины»[598].

Результаты этого боя попали на первые полосы столичных газет. Так, газета «Биржевые ведомости» сообщила в разделе «ВОЙНА», «От штаба Верховного Главнокомандующего»: «‹…› На Буге, на участке Литовиж — Сокаль — Потуржице, НАШИ ВОЙСКА ПОТЕСНИЛИ ПЕРЕПРАВИВШИЕСЯ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ЧАСТИ НЕПРИЯТЕЛЯ. В УПОРНОМ БОЮ НАМИ ЗАХВАЧЕНО ДО 1000 ПЛЕННЫХ. В других районах значительных боевых столкновений не было. 8 июля 1915 года»[599].

За этот бой приказом по 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии от 5 декабря 1915 года за № 148б за отличия в делах против германцев Н.С. Гумилев был награжден Георгиевским крестом 3-й ст.: «На основании представленной Командующим 3-й Армии (приказ 3 Армии от 14 сентября с.г. № 495) мне власти нижепоименованные нижние чины за мужество и храбрость, оказанные в боях, награждаются: ‹…› Георгиевским крестом 3 степени: ‹…› 5. Улан вол. Николай Васильев (***sic!***) Гумилев, № 108868; (статья статуса — 67, п.4) — за бой 6 июля»[600]. Объявлено об этом приказом по Уланскому полку № 527 от 25 декабря 1915 года. В приказе № 528 по Уланскому полку от 26 декабря 1915 года объявлено: «Ниже поименованные нижние чины согласно ст. 96 статута производятся как награжденные Георгиевскими крестами: ‹…› 3 степени эскадрона Ея Величества улан из вольноопределяющихся Николай Гумилев ‹…› в унтер-офицеры...»[601]. Следует заметить, что звание это Гумилеву было присвоено еще в январе

1915 года, после награждения первым Георгиевским крестом, об этом было сказано выше. Возможно, в приказе подразумевалось присвоение ему звания старшего унтер-офицера, такие различия в армии существовали. Всего за бой 6 июля в л.-гв. Уланском полку было вручено 86 Георгиевских крестов, что говорит о нешуточности тех испытаний, которые выдержал поэт в «самый знаменательный день своей жизни».

6 июля датированы два важных письма, посланных Гумилевым в Петроград, однако по их тексту (который будет приведен чуть ниже) очевидно, что посланы они были на самом деле вечером следующего дня, то есть 7 июля. Понять это несложно. 5 и 6 июля, вместе с ночным боем, слились для поэта в единые, непрерывные сутки. Да и первая половина 7 июля прошла неспокойно. Вечером пехоте удалось лишь оттеснить австрийцев от Заболотце к Джарам, попутно захватив в лесу много пленных, но противник по-прежнему оставался на правом, русском берегу Буга, и требовалось отбросить его на противоположный, австрийский берег. «Пехота закрепила за собой взятое пространство, а дивизия находится на восточной окраине Заболотце, обеспечивая левый фланг дивизии. Заболотце обстреливается артиллерийским огнем»[602]. Из приказа по 2-й Гв. кав. дивизии от 7 июля: «Приказ № 4048, 9 ч. 30 м. вечера. Приказываю 1-му Кавалерийскому корпусу совместно с частями 83 пехотной дивизии атаковать противника, утвердившегося на правом берегу Буга в районе Джары — Джарки, и отбросить за реку. Моей дивизии наступать к востоку от дороги Заболотце — Джары... Общий резерв: Уланы — 5 эскадрон (+ 3 Гусар) — состоит в моем распоряжении, и стоять: уланам в кустарниках за левым флангом дивизии, близ кол‹онии› Гурова (левый фланг: конно-гренадеры)»[603].

Для того чтобы выяснить расположение противника, в этот день от улан посылались разведывательные эскадроны. Сохранилось донесение поручика Чичагова от уланского разъезда эскадрона ЕВ. Михаил Чичагов, непосредственный начальник и друг Гумилева, с которым чаще всего они отправлялись в разъезды. Не исключено, что и в составлении самого донесения поэт принимал участие: «7 июля. От поручика Чичагова. 3–25 дня — лес у кол. Выгранка (где нарисован на карте пунктир). Австрийцы густыми цепями ведут наступление с утра на Оренбургскую дивизию, с полудня начали наступать на 16 дивизию. Наступление ими ведется из Джар, через высоту 100,4, ими занятую, откуда они расходятся веером по направлению на всю опушку леса. Левый фланг 16 дивизии кончается у дороги Джары — кол. Выгранка, где граничит с Оренбургской дивизией. В 16 дивизии 3 полка в цепи на опушке леса. 1 полк в резерве. Нашим сильным артиллерийским огнем наступление противника на 16 дивизию приостановлено. В лощине против опушки леса между дорогами Джары — Кол. Выгранка и Джары — Заболотце накопилось до 1 батальона. Противник шрапнелью обстреливает наши цепи на опушке леса. Перехожу для наблюдения на правый фланг 16 дивизии. Поручик Чичагов»[604]. Только под вечер 7 июля уланы были отправлены на бивак в соседнюю д. Биличи, откуда Гумилев наконец-то смог написать домой письма. Гумилев послал письмо матери[605] и весьма своеобразно отчитался перед женой.

Записи в «Трудах и днях» о событиях этого и последующих дней, опирающиеся в основном на письма Гумилева, очень лаконичны, но они позволяют вычленить то, о чем он писал матери, а о чем Ахматовой[606]. Приведем сразу все, что относится к июлю: «**6 июля.** В бою под Сокалем под непрерывным проливным дождем. Эскадрон, в котором находится Н.Г.,

прикрывает отступление и спас‹ает› телефон, пулеметы, артилл‹ерию›. Офицера ‹…› Дмитриевича Кузьмина-Караваева (под которым убита лошадь) Н.Г. вытащил [...] из-под огня и спас пулемет. За спасение пулемета представлен ко второму Георгиевскому кресту с бантом. ‹…› *(Письма, А.А. Ахматова)*. **С 1-го до 20-х чисел июля.** Вместе с полком участвует в непрерывных боях. Самые ожесточенные бои происходили в ночь с 5-го на 6-е (ожесточенная перестрелка с австрийцами) и 6-го и 7-го — бой под Сокалем (когда русские войска понесли большие потери). За это время Н.Г. ни одной ночи не спал полностью. В минуты отдыха читал "Илиаду". Переписка с женой и матерью. Письмо от Ф.К. Сологуба и ответ ему *(Письма)*. **С 20-х чисел до конца июля.** Бои прекратились. На фронте — затишье. 25 июля — письмо жене *(Письмо)*». Первое письмо Ахматовой красноречиво говорит о личных качествах поэта, и, как мне кажется, не лишено подтекста, который Ахматова должна была понять:

‹Биличи› 6 июля 1915 ‹г. Действующая армия.›

«Дорогая моя Аничка, наконец-то и от тебя письмо, но, очевидно, второе (с Сологубовским), первого пока нет. А я уж послал тебе несколько упреков, прости меня за них. Я тебе писал, что мы на новом фронте. Мы были в резерве, но дня четыре тому назад перед нами потеснили армейскую дивизию и мы пошли поправлять дело. Вчера с этим покончили, кое-где выбили неприятеля и теперь опять отошли валяться на сене и есть вишни[607]. С австрийцами много легче воевать, чем с немцами. Они отвратительно стреляют. Вчера мы хохотали от души, видя, как они обстреливали наш аэроплан. Снаряды рвались по крайней мере верст за пять от него. Сейчас война приятная, огорчают только пыль во время переходов и дожди, когда лежишь в цепи. Но то и другое бывают редко. Здоровье мое отлично.

Ну и задала же ты мне работу с письмом Сологубу. Ты так трогательно умоляла меня не писать ему кисло, что я трепетал за каждое мое слово — мало ли что могло почудиться в нем старику. Однако все же сочинил и посылаю тебе копию. Лучше, правда, не мог, на войне тупеешь.

Письмо его меня порадовало, хотя я не знаю, для чего он его написал. А уж наверно для чего-нибудь! Впрочем, я думаю, что оно достаточная компенсация за его поступки по отношению лично ко мне, хотя желанье «держаться подальше от акмеистов» до сих пор им не искуплено.

Что же ты мне не прислала новых стихов? У меня, кроме Гомера, ни одной стихотворной книги, и твои новые стихи для меня была бы такая радость. Я целые дни повторяю "где она, где свет веселый серых звезд ее очей"[608] и думаю при этом о тебе, честное слово.

Сам я ничего не пишу — лето, война и негде, хаты маленькие и полны мух.

Целуй Львенка, я о нем часто вспоминаю и очень люблю.

В конце сентября постараюсь опять приехать, может быть, буду издавать «Колчан». Только будет ли бумага, вот вопрос.

Целую тебя, моя дорогая, целуй маму и всех.

Да, пожалуйста, напишите мне, куда писать Мите и Коле Маленькому. Я забыл номер Березинского полка.

Твой всегда Коля»[609].

Одновременно Гумилев, по просьбе Ахматовой, написал письмо Ф. Сологубу:

‹Биличи.› 6 июля 1915 ‹г. Действующая армия.›

«Многоуважаемый Федор Кузьмич, горячо благодарю Вас за Ваше мнение о моих стихах и за то, что Вы пожелали мне его высказать. Это мне тем более дорого, что я всегда Вас считал и считаю одним из лучших вождей того направленья, в котором протекает мое творчество.

До сих пор ни критика, ни публика не баловали меня выражением своей симпатии. И мне всегда было легче думать о себе как о путешественнике или воине, чем как о поэте, хотя, конечно, искусство для меня дороже и войны и Африки. Ваши слова очень помогут мне в трудные минуты сомнения, которые, вопреки Вашему предположенью, бывают у меня слишком часто.

Простите меня за внешность письма, но я пишу с фронта. Всю эту ночь мы ожесточенно перестреливались с австрийцами, сейчас отошли в резерв и нас сменили казаки; отсюда слышно и винтовки и пулеметы.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев»[610].

Оригиналы писем написаны черными чернилами на листах белой, сложенной вдвое бумаги. От письма Сологубу сохранился конверт с почтовыми штемпелями. На одной стороне конверта рукой Гумилева написан адрес: «Из Действующей Армии. Песочное, Ярославской губ., село Красное, усадьба Тихменевых. ЕВ Федору Кузьмичу Сологубу». Внизу — «От Н. Гумилева, лейб Гвардии Уланского Ея Величества полка, эскадрон Ея Величества». На этой стороне штемпель — «Военно-полевая Запад. почта 10.7.15». На другой стороне конверта штемпель получателя — «ПЕСОЧНОЕ 16.7.15». То есть до местного военного почтового отделения они добрались только 10 июля, а до места назначения — около 16 июля. Единственное неизвестное нам свидетельство из «Трудов и дней» — об упоминавшемся выше подпоручике 2-й батареи Н.Д. Кузьмине-Караваеве, видимо, об этом он написал только матери, жившей в Слепневе и часто там общавшейся с семейством Кузьминых-Караваевых. Про Сокаль — из газеты (в документах этот пункт ни разу не упоминается), про телефон — скорее всего, фантазия автора, а про дождь, пулемет и Георгиевский крест — из «Записок кавалериста» и рассказов Ахматовой. Как будет далее видно, все остальные сведения — о боях, потерях, «Илиаде» и затишье в конце месяца, — из двух других писем Ахматовой.

Все эти дни Уланский полк оставался на прежних позициях. Продолжалась «зачистка» нашей территории от находившихся все еще в Джарах австрийцев: «8 июля. Началось наступление 83 пехотной дивизии совместно с 4 кав. корпусом. Пехота заняла лес, потом Заболотце. Обстрел окопов из Джары. В 1 ½ ч. дня противник перешел в контратаку — отбита. Бивак в Биличи»[611]. Заметим, что бои в тот день происходили нешуточные — пехота понесла большие потери: «3 батальона 331 пехотного полка были брошены в атаку на укрепленные позиции у д. Джары, понесли очень большие потери, отхлынули назад (потери в батальонах от 40 до 70%). Бивак в Новины»[612]. Приказ из штаба дивизии на следующий день: «9 июля. 1 час дня. № 4051. Приказываю занять и укрепиться по линии от столба 19 на южной опушке леса до дороги Заболотце — Джары и далее до пересечения ручья с дорогой кол. Выгранка, а затем по опушке леса до связи с Оренбургской дивизией… Л.-Гв. Уланскому и Гусарскому полкам по смене их частями 3-й кавалерийской дивизии сосредоточиться: ‹…› уланам — в Биличи»[613]. Назначен новый начальник 1-й бригады: «Перестрелка, на тех же позициях. Командиром 1 бригады назначен Св. Его В. г.-м. Шевич»[614]. До 11 июля Уланский полк был в резерве в прежнем районе, стоял в д. Биличи. Накануне Гумилев отправил письмо матери[615].

Летний отход вдоль Буга

11 июля в полку был зачитан приказ: «Высочайшим приказом 11 сего июля полковник Л.-Гв. Уланского Ея Величества полка Маслов назначен Флигель-Адъютантом Его Императорского Величества. О таковой перемене предписываю внести в послужной список названного Штаб-офицера. Основание: телеграмма начальника Штаба Гвардейского корпуса № 8813. Командир дивизии Свиты Его Величества Генерал-майор Эрдели»[616]. Об этом событии Гумилев вскоре напишет Ахматовой. С этого дня начался отход русской армии к северу, вдоль Западного Буга. 11 июля вся дивизия в 11 ч. дня вышла двумя колоннами в район Устилуга, приграничного украинского городка, знаменитого еще и тем, что там сохранилось родовое имение Игоря Стравинского, с которым Гумилев косвенно столкнется ровно через два года в Париже. Уланский полк с 11 по 15 июля перешел на левый, занятый противником, берег Буга, чтобы прикрывать отступление пехотных частей.

В официальном журнале 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии отход Армии вдоль Буга был обозначен следующим образом[617]:

«— Марш-маневр в районе Устилуг — Городло — Чернявка: — с 11 по 13 июля.

— Бои в районе Лушков — Городло — с 13 по 16 июля.

— Бои в районе Бережница — Цегельна — Скричичин — Мазурня: — с 17 по 19 июля.

Операция на правом берегу р. Западный Буг.

Арьергардные бои по прикрытию отхода 13 Армии.

— Бои в районе Чернявка — Корытница — Юшев — Кладнев — Стенжаричи — Никитичи: — с 20 по 27 июля.

— Расположение на позиции по правому берегу р. Западный Буг и бои в районе Ольшанка — Кошары — Кол. Александровская: — с 31 июля по 1 августа.

— Бои в районе посад Богдан — Дубица: с 2 по 4 августа.

— Бои в районе ф‹ольварка› Колпин — Дуричи — Збунин — Страды: — с 5 по 11 августа.

— Арьергардные бои по прикрытию отхода 29 Корпуса в р-не Брест — Кобрин: — с 12 по 16 августа».

В приказе № 4056 от 11 июля говорится[618]: «Нашей дивизии приказано командующим армии перейти спешно тремя полками с артиллерией в Устилуг, а один полк двинуть на Млыниск. Л.-Гв. Уланскому полку с получением приказа выступить через Грибовица — Нискиничи в Млыниск. Задача полку поставлена следующая: произвести набег в тыл противнику в районе Грубешов (*сейчас — польский городок Хрубешув*), внося панику в обозы противника, и препятствовать его сосредоточению севернее Грубешова...»

Уланы должны были отвлекать на себя неприятеля, чтобы пехотные дивизии, сосредоточенные на левом, австрийском, берегу Буга, могли спокойно отойти на другой, наш берег (по Бугу проходила граница России с Австрией; сейчас это граница Украины с Польшей) и начать запланированный отход армии вглубь территории. «11 июля, 11–50 вечера. Командующий армией приказал одной бригаде дивизии выдвинуться к д. Цегельна (западнее м. Корытница) для оказания содействия 45 и 81 дивизиям по занятию прежних их расположений, а именно по линии: госп. двор Степанковичи — высота 106,2 — южная окраина леса до дер. Копылов. По исполнении сего приказываю немедленно отправить в дер. Цегельню Уланский полк и Конно-гренадер под общим командованием генерала Княжевича. Генералу Княжевичу немедленно выслать разведку на фронт Убродовище — Лиска. По выполнении поставленной задачи отряду Княжевича отойти к п. Городло. ‹…› Приказ № 4075, 11–30 вечера. В ночь с 11 на 12 дивизии расположиться: 1 бригаде – на бивак в дер. Лушков (штаб в Чернявке — напротив Городло)»[619].

Из донесений Княжевича: «12 июля. Вверенный мне отряд находится при штабе 45 пехотной дивизии. Пехота успешно выполняет свою задачу и вскоре надеется ее окончить, нашей помощи никто не просит, и потому пока нахожусь в резерве» (послано из Цегельны, на левом берегу Буга); «14 июля. ‹…› 2 эскадрона Л.-Гв. Уланского полка поддерживают связь между цепями пехоты и частью занимают позиции в лесу. Только что начался сильный обстрел д. Копылов тяжелыми снарядами, наша артиллерия молчит»[620]. В эти дни в полк пришло следующее распоряжение: «Ввиду предполагавшегося ночью наступления полки бригады были вызваны для уничтожения и сжигания запасов фуража и хлеба»[621]. Первые два эпизода главы XIV относятся к этим дням — с 12 по 15 июля.

XIV

В те дни заканчивался наш летний отход. Мы отступали уже не от невозможности держаться, а по приказам, получаемым из штабов. Иногда случалось, что после дня ожесточенного боя отступали обе стороны, и кавалерии потом приходилось восстанавливать связь с неприятелем.

Так случилось и в тот великолепный, немного пасмурный, но теплый и благоуханный вечер, когда мы поседлали по тревоге и крупной рысью, порой галопом, помчались неизвестно куда, мимо полей, засеянных клевером, мимо хмелевых беседок и затихающих ульев, сквозь редкий сосновый лес, сквозь дикое кочковатое болото. Бог знает, как разнесся слух, что мы должны идти в атаку. Впереди слышался шум боя. Мы спрашивали встречных пехотинцев, кто наступает, немцы или мы, но их ответы заглушались стуком копыт и бряцаньем оружия.

Мы спешились в перелеске, где уже рвались немецкие снаряды. Теперь мы знали, что нас прислали прикрывать отход нашей пехоты. Целые роты в полном порядке выходили из лесу, чтобы построиться на поляне позади нас. Офицеры старательно выкликали: «В ногу, в ногу!» Ждали командира дивизии, и все подтянулись, лихо заломили фуражки набекрень и даже выровнялись, совсем как на плацу.

В это время наш разъезд привез известие, что мимо нас, верстах в трех, дефилирует немецкая пехота в составе одной бригады. Нами овладело радостное волнение. Пехота в походном порядке, не подозревающая о присутствии неприятельской кавалерии, — ее добыча. Мы видели, как наш командир подъехал к начальнику дивизии, офицеры гово-

рили, что надо, чтобы пехота поддержала нас ружейным и пулеметным огнем. Однако из этих переговоров ничего не вышло. У начальника дивизии был категорический приказ отходить, и он не мог нас поддержать.

Пехота ушла, немцев не было. Темнело. Мы шагом поехали на бивак и по дороге поджигали скирды хлеба, чтобы не оставался врагу. Жалко было подносить огонь к этим золотым грудам, жалко было топтать конями хлеб на корню, он никак не хотел загораться, но так весело было скакать потом, когда по всему полю, докуда хватал взгляд, зашевелились, замахали красными рукавами высокие костры, словно ослепительные китайские драконы, и послышалось иератическое бормотанье раздуваемого ветром огня.

15 июля улан сменили конногренадеры, и полк отошел в Лушков. «15 июля. Конно-гренадеры пришли на смену Улан в дер. Бережница, и Уланы сменившись уходят в дер. Лушков. На 5 утра: на фронте Улан все благополучно»[622]. С 15 по 17 июля уланы перешли в расположенный почти напротив Устилуга, находящийся сейчас в Польше Лушков, получив короткий отдых. Пребывание там и последующие две недели отхода войск вдоль Буга не отражены в «Записках кавалериста», однако от этого периода сохранилось, помимо многочисленных документов, два письма Гумилева к Ахматовой, частично восполняющих этот «пробел». В Лушкове Уланский полк простоял в резерве до 17 июля. Оттуда — письмо Ахматовой от 16 июля (все письма этого периода датированы автором):

«‹Лушков› 16 июля 1915 ‹г. Действующая армия›

Дорогая Аничка, пишу тебе и не знаю, в Слепневе ли ты или уже уехала. Когда поедешь, пиши мне с дороги, мне очень интересно, где ты и что делаешь. Мы все воюем, хотя теперь и не так ожесточенно. За 6-е и 7-е наша дивизия потеряла до 300 человек при 8 офицерах и нас перевели верст за пятнадцать в сторону. Здесь тоже беспрерывный бой, но много пехоты, и мы то в резерве у нее, то занимаем полевые караулы и т. д. Здесь каждый день берут по нескольку сот пленных, все германцев, а уж убивают без счету, здесь отличная артиллерия и много снарядов. Солдаты озверели и дерутся прекрасно.

По временам к нам попадают газеты, все больше «Киевская мысль» и не очень поздняя, сегодня, например, от 14-го. Погода у нас неприятная: дни жаркие, ночи холодные, по временам проливные дожди. Да и работы много — вот уж 16 дней ни одной ночи не спали полностью, все урывками. Но конечно несравнимо с зимой.

Я все читаю Илиаду; удивительно подходящее чтенье. У ахеян тоже были и окопы, и загражденья, и разведки. А некоторые описанья, сравненья и замечанья сделали бы честь любому модернисту. Нет, неправ был Анненский, говоря, что Гомер как поэт умер.

Помнишь, Аничка, ты была у жены полковника Маслова; его только что сделали флигель-адъютантом.

Целую тебя, моя Аня, целуй маму, Леву и всех; погладь Молли.

Твой всегда Коля.

Курры и гуси!»[623]

Оригинал письма написан фиолетовым карандашом (чернильным?) на трех сторонах (1, 3 и 4 стр.) сложенного вдвое листа белой бумаги. Конверт сохранился. На лицевой стороне адрес: «Московско-Виндаво-Рыбинская ж.д. Полустанок Подобино, усадьба Слепнево. Анне Андреевне

Гумилевой». Внизу, под адресом, отметка: «...за отсутствием распечатано Анной Ивановной» (тоже фиолетовыми чернилами или карандашом). На этой стороне штемпель — ПЕТЕРГОФ 20.7.15. Напомню, что Уланский полк был расквартирован в Петергофе, и, скорее всего, письмо туда добралось с нарочным, а далее было отправлено по обычной почте. Если бы оно направлялось «нормальным» путем и проходило военную цензуру, шло бы дольше, и на нем были бы дополнительные пометки. На другой стороне конверта штемпель — ПОДОБИНО ТВЕР. губ. 21.7.15. В Слепнево письмо пришло 21 июля, когда Ахматовой там, как и предполагал Гумилев, уже не было, и его вскрыла мать А.И. Гумилева. Видимо, позже она переслала его Ахматовой.

На некоторое время 1-я бригада с Уланским полком была подключена вначале к 5-му, а затем ко 2-му Кавказскому корпусу и направлена в авангарде отходящих на север частей, вдоль правого берега Буга. Из Лушкова Уланский полк вышел 17 июля и перешел на правый, русский берег Буга. В составе 1-й бригады Уланский полк начал отход, делая остановки: 17 июля — в Скричичине (на левом берегу); 18 и 19 июля — в Погулянках (это исчезнувший небольшой лесной хутор, располагавшийся в районе села Высоцк; в этих краях сохранились как сами населенные пункты, так и их названия). Следующие две остановки на ночлег были в больших старинных украинских селах: 20 июля в Штуне, а 21 июля в Ровно. Затем почти недельная остановка, с 22 по 27 июля в Столенских Смолярах, где 1-я бригада дожидалась подхода отставшей 2-й бригады. По ходу движения — постоянные разведочные разъезды, сторожевые охранения. Из Столенских Смоляр 25 июля Гумилев отправил Ахматовой еще одно письмо, в котором пишет о своем намерении в августе попасть в Петроград, что, возможно, осуществилось, хотя с этим связана одна неразрешимая загадка, о которой будет сказано ниже.

Вот как этот период отражен в хранящихся в РГВИА документах.

«Донесение от г.-м. Дабича от 17 июля. Вследствие занятия дер. Юзефов нашей пехотой, расположились на бивак всей бригадой с 2 батареей и 4 пулеметами в дер. Скричичин. Бродов и переправ между Матче — Дубенка по рекогносцировке улан нет. В Дубенках мост. Выслали разведку переправ от Дубенка до Доробуск. ‹...› 18 июля. Согласно приказа командира 5 Кавказского корпуса бригаде сосредоточиться в ф. Погулянка, где остановилась на ночлег. Задача: наблюдения за р. Буг — разъезды на участке Гусынки — Кладков. Ввиду полного отсутствия помещений и воды в ф. Погулянка, буду просить разрешения перейти завтра в другое место. ‹...› Приказ № 30 от 18 июля по 5 Кавказ. армейскому корпусу (с. Дубенка). Г.-м. Дабичу (1 бригада 2-й Гв. кав. дивизии) выслать разведку на Белополье, Стрельцы, Юзефов, хутор урочища Кемпа, Матче. После занятия пехотой своих участков коннице отойти на правый берег Буга и наблюдать разъездами р. Буг на участке корпуса. Командир 5 Кавказ. армейского корпуса ген.-лейтенант Истомин»[624]. «19 июля. Ввиду отхода пеших войск за р. Западный Буг бригада должна была соединиться у ф. Погулянка. В 1 ч. ночи батарея выступила и к 4 ч. утра пришла к фольварку и встала в лесу на бивак. Ввиду того, что не было воды и все были под открытым небом, в 9 ч. вечера, когда квартирьеры нашли место, к 12 ч. ночи перешли в д. Штунь»[625]. «19 июля. 2 Гв. Кавалерийская дивизия временно исключается из состава 4 кавалерийского корпуса и непосредственно подчиняется командующему Армией, и на все время дальнейшего отхода армии, если таковой будет,

военной дорогой дивизии назначается дорога 23 корпуса»[626]. «19 июля, 9 ч. вечера. Генерал Дабич доносит, что бригада сосредоточена у фол. Погулянка. С разрешения командира 5 Кав. корпуса выступили с бригадой в д. Штунь. ‹…› 20 июля. Штунь. Выслать разведку уланам и конно-гренадерам (по эскадрону. ‹…› В 12–20 дня. Все спокойно, бригада с 2 батареей и пулеметами расположилась на бивак в д. Штунь»[627].

«20 июля. Переформирование. Из штаба Армии. Исключить из состава 4-й кавалерийский корпус. 1 бригада дивизии предоставлена в распоряжение командира 5-го Кавказского корпуса, 2 бригада — в XXIII корпус»[628]. «21 июля. Бригада вышла из состава 5 Кавказ. корпуса и вошла в состав 2 Кавказ. корпуса, для чего бригада перешла, выступив в 7 ч. вечера, в район д. Ровно в расположение 2 Кавказ. корпуса. Батарея встала в лесу в отдельных домах к юго-востоку от Ровно»[629].

«22 июля. 1 бригада во 2-м Кавказском корпусе (Генерал Дабич). Отход от Буга возможен только под сильным натиском. Австрийская конница с цепями германской пехоты движется от Высоцка на Бендюны; в 11 вечера противник был вытеснен на левый берег Буга»[630]. «22 июля. Ввиду отхода Армии к северу бригада выступила в 8 ч. утра и пошла по направлению на Роговые Смоляры, которые оказались заняты. Были посланы квартирьеры, а бригада тем временем оставалась в лесу и расседлана. Место оказалось в Столенских Смолярах, куда бригада и пошла. В походном движении батарея шла в середине бригады за головным полком — Л.-Гв. Уланским полком. ‹…› Дневка в Столенских Смолярах до 28 июля»[631].

В Столенских Смолярах 1-я бригада с Уланским полком задержалась почти на неделю, так как было принято решение подтянуть туда же и 2-ю бригаду: «2 бригаде 2-й Гв. кав. дивизии перейти в Столенские Смоляры. Собрать все эскадроны и 29 июля к 6 ч. вечера прибыть в Залесье. Обозы в Любомль. 30-го прибыть в район Столенские Смоляры»[632]. 1-я бригада с Уланским полком далеко оторвалась как от противника, так и от соседних воинских частей, поэтому несколько дней на фронте наблюдалось затишье. «23 июля, 9–15 дня. Без перемен, выслать разъезды на левый берег Буга. ‹…› 24 июля, Столенские Смоляры. На фронте 2 Кавказского корпуса перемен нет. 6 ч. вечера. На фронте 2 Кавказского корпуса все спокойно. Разведка и наблюдение за истекшие сутки установила охраняющие части противника. Разведке на левый берег, дальше Сосновиц — Плиште — Мельники — Сверже, пройти не удалось. ‹…› 25 июля. На фронте 2 Кавказского корпуса ночь прошла спокойно. Противник занимает пехотными частями село Сосновец и дер. Плиште. Есть донесения о пленных немцах и австрийцах»[633].

Располагаясь в Столенских Смолярах, Гумилев со своим эскадроном ежедневно направлялся в разведку. 25 июля датировано его письмо Ахматовой (дата проставлена рукой Гумилева в начале письма):

«‹Столенские Смоляры.› 25 июля 1915 ‹г. Действующая армия›.

Дорогая Аничка, сейчас получил твое и мамино письма от 16-го, спасибо, что вы мне так часто пишете. Письма идут, оказывается, десять дней. На твоем есть штемпель “просм‹отрено› военной цензурой”.

У нас уже несколько дней все тихо, никаких боев нет. Правда, мы отошли, но немец мнется на месте и боится идти за нами. Ты знаешь, я не шовинист. И, однако, я считаю, что сейчас, несмотря на все отходы, наше положенье ничем не хуже, чем в любой из прежних моментов войны. Мне

кажется, я начинаю понимать, в чем дело, и больше чем когда-либо верю в победу.

У нас не жарко, изредка легкие дожди, в общем, приятно. Живем мы сейчас на сеновале и в саду, в хаты не хочется заходить, душно и грязно. Молока много, живности тоже, беженцы продают очень дешево. Я каждый день ем то курицу, то гуся, то поросенка, понятно все вареное. Папирос, увы, нет и купить негде. Ближайший город верст за восемьдесят[634]. Нам прислали махорки, но нет бумаги. Это грустно.

Стихи твои, Аничка, очень хороши, особенно первое, хотя в нем есть неверно взятые ноты, напр‹имер›, стр‹ока› 5-ая и вся вторая строфа; зато последняя строфа великолепна; только описка? “Голос Музы еле слышный…”[635]. Конечно, “ясно или внятно слышный” надо было сказать. А еще лучше “так далеко слышный”.

Второе стихотворенье или милый пустячок (размер его чет‹ырехстопный› хорей говорит за это), или неясно. Вряд ли героине поручалось беречь душу от Архангела. И тогда 9-я и 10-я строчки возбуждают недоуменье[636]. В первом стихотвореньи очень хороша (что ново для тебя) композиция. Это мне доказывает, что ты не только лучшая русская поэтесса, но и просто крупный поэт.

Пожалуйста, не уезжай, не оставив твоего точного адреса в Слепневе, потому что я могу приехать неожиданно и хочу знать, где тебя найти[637]. Тогда я с дороги запрошу телеграммой “где Аня?”, и тогда ответьте мне телеграммой же в Петербург, Николаевский вокзал, до востребованья, твой адрес.

Целую тебя, маму, Леву. Пожалуйста, скучай как можно меньше, и уж вовсе не хворай. Маме я писал 10-го. Получила ли она?[638]

Твой всегда Коля»[639].

Оригинал письма написан простым серым карандашом на трех сторонах (1, 3 и 4 стр.) сложенного вдвое листа белой бумаги. Конверт не сохранился.

В начале 1990-х годов удалось пройти по всем тем местам, где побывал поэт летом и осенью 1915 года. В Столенских Смолярах тогда еще стояла поставленная в начале прошлого века огромная ветряная мельница, свидетельница тех лет. Сложнейшее инженерное сооружение из дерева, гармонично соединившее в себе конструктивность и красоту. Сохранился в селе еще один живой свидетель пребывания там русской кавалерии в 1915 году. Один местный житель показал нам растущий у него во дворе старый каштан. По рассказам его отца, к этому дереву привязывали своих коней русские кавалеристы, когда они останавливались в селе во время Первой мировой войны.

После отправки письма в Петроград полк простоял там же еще 2 дня: «26 июля, Столенские Смоляры. 6 ч. дня — новых сведений о противнике не было. Противник очень бдителен. Везде разведчиков встречает очень сильный огонь. Имеющиеся у противника сторожевые собаки еще больше затрудняют работу разведчиков. ‹…› 27 июля, Столенские Смоляры. Ночь прошла спокойно. По реке Буг на фронте Гришев — Сверже — Гусыне противник укрепляется и местами ставит проволочные заграждения по дороге Гусыне — Тверже — Рудка»[640].

28 и 29 июля Уланский полк перешел в расположенное на берегу Буга село Забужье. «28 июля, ввиду перегруппировки армии, бригаде прика-

зано перейти в д. Забужье за правый фланг 2 Кавказского корпуса. Бригада выступила в 8 ч. утра и в 3 ч. дня перешла в Забужье. Батарея шла за головным Конно-гренадерским полком»[641]. «Приказ № 45 от 29 июля по 2 Кавказ. корпусу. Боевой участок: Забужье — Мельники — православное кладбище вблизи Гущи. Для этого расположиться генералу Дабичу с 1-й бригадой 2-й Гв. кав. дивизии — севернее окраины д. Забужье до господского двора Забужье вкл. (высота на левом фланге)»[642].

В районе Забужья в начале 1990-х годов проходила граница России с Польшей — сложная конструкция из колючей проволоки. Хотя границей с Польшей являлся сам Буг, привилегия пользоваться рекой, купаться и ловить рыбу распространялась лишь на поляков. Тогда еще советскому человеку не то что подойти, даже увидеть Буг было большой проблемой. За все время путешествия нам это удалось сделать лишь раза два, да и то после длительных переговоров с пограничниками, с начальниками застав, — под конвоем вооруженных солдат, без права что-либо фотографировать. Как нигде ощущалось здесь, стоя у электрифицированной колючей проволоки, что ты живешь не где-нибудь, а в «социалистическом лагере». Удивительно было то, что, как нам рассказали сами пограничники, полная модернизация полосы и ужесточение пограничного режима было осуществлено в разгар «эпохи перестройки» — в 1988–1989 годах. До этого все было много проще — по берегу Буга просто стоял небольшой заборчик из колючей проволоки, без электрификации. Все это мы увидели и услышали в августе 1991 года, за несколько дней до памятного 19-го числа...

И в 1915 году затишью подходил конец. Две бригады 2-й Гв. кавалерийской дивизии соединились, разведка постоянно обнаруживала приближение противника. «29 июля. Ввиду отхода 3 Кавказского корпуса на позиции к д. Стульно, 1 бригаде приказано занять и оборонять д. Забужье и связывать 3-ью и 13-ую Армии (3 Кавказский и 2 Кавказский корпуса), и в случае напора противника во время отхода 3 Кавказского корпуса прикрывать отход. В 9 ч. вечера 2 взвод встал на позиции севернее деревни»[643]. «2 бригаде приказано перейти в переход в Столенские Смоляры на присоединение к 1 бригаде. Выступили в 1 ч. дня, бивак в Куты (30 верст)»[644].

«30 июля. Донесение из Столенских Смоляр, 11–45 ч. дня. 1 бригада займет участок кол. Александровск — до Ольшанки включ. 2 бригаде перейти в Залесье. По смене 1 бригады частями пехоты 2-го корпуса штаб дивизии переходит из дер. Галедин в Залесье. Штабу вашей бригады находиться в Рытец[645]. ‹…› 2 бригада пришла в Столенские Смоляры в 4 ч. дня (34 версты)[646]. ‹…› Позиции 2 батареи 1 бригады восточнее северной окраины Забужье, потом на юго-западной окраине[647]. ‹…› Ввиду отхода 3 Армии в ночь с 29 на 30 на линии Парчев — Калач — Мацошин — ф. Стульно и удлинения фронта 2 Кавказского корпуса на д. Мельники — Забужье, вверенной мне бригаде приказываю оборонять участок р. Буг у д. Забужье, для чего: ‹…› правый боевой участок 4 эскадрона улан — до северной части д. Забужье, ‹…› 1 эскадрону улан — прикрытие 2 батареи»[648].

Планомерный отход русской армии продолжался, и 31 июля произошло первое столкновение с противником. «31 июля. 3-я Армия в 2 ч. утра начинает отход на фронте севернее Влодава. 13-й Армии приказано растянуть свой фронт по Бугу к северу от д. Орхов, во что бы то ни стало удерживать фронт. 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии вверяется для упорной обороны участок от кол. Александровская до дер. Ольшанка включительно. Для чего приказываю: 1) 1 бригаде (Г.-м. Дабич) немедленно с моими частями 2 Кавказского корпуса перейти и занять для упорной обороны участок от д. Ольшанка вкл. до кирпичного завода вкл. ‹…› Разведка: командиру 1 бригады выслать 4 офицерских разъезда на фронт Стулино — Мацошин — Ганск по левому берегу Буга. Работа разъездов до 6 ч. утра 2-го августа. Возвращаясь, иметь в виду, что все мосты через Буг будут уничтожены. Штаб дивизии в Залесье»[649]. В один из таких разъездов вдоль Буга, с переходом на левый берег реки, направился 31 июля эскадрон Гумилева. Разъезд дошел до села Собибор[650]. Это австрийское (сейчас польское) село располагалось точно напротив украинского села Кошары, которое в советское время, сохранив свое название, было из «стратегических» соображений перенесено с берега Буга вглубь территории на километр. От старых Кошар на берегу сохранилось лишь кладбище рядом с пограничной вышкой.

* * *

Весь конец этого лета для меня связан с воспоминаниями об освобожденном и торжествующем пламени. Мы прикрывали общий отход и перед носом немцев поджигали все, что могло гореть: хлеб, сараи, пустые деревни, помещичьи усадьбы и дворцы. Да, и дворцы! Однажды нас перебросили верст за тридцать на берег Буга. Там совсем не было наших войск, но не было и немцев, а они могли появиться каждую минуту.

Мы с восхищением обозревали еще не затронутую войной местность. Те из нас, что были прожорливее других, отправились поужинать у беженцев: гусей, поросят и вкусный домашний сыр; те, что были почистоплотнее, принялись купаться на отличной песчаной отмели. Последние прогадали. Им пришлось спасаться нагишом, таща в руках свою одежду, под выстрелами неожиданно показавшегося на той стороне немецкого разъезда.

На берег были высланы цепь стрелков и разъезд на случай, если понадобится переправляться. С лесистого пригорка нам отлично было видно деревню на том берегу реки. Перед ней уже кружили наши разъезды. Но вот оттуда послышалась частая стрельба, и всадники карьером понеслись назад через реку, так что вода поднялась белым клубом от напора лошадей. Тот край деревни был занят, нам следовало узнать, не свободен ли этот край.

Мы нашли брод, обозначенный вехами, и переехали реку, только чуть замочив подошвы сапог. Рассыпались цепью и медленно поехали вперед, осматривая каждую ложбину и сарай. Передо мной в тенистом парке возвышался великолепный помещичий дом с башнями, верандой, громадными венецианскими окнами. Я подъехал и из добросовестности, а еще больше из любопытства решил осмотреть его внутри.

Хорошо было в этом доме! На блестящем паркете залы я сделал тур вальса со стулом — меня никто не мог видеть, — в маленькой гостиной посидел на мягком кресле и погладил шкуру белого медведя, в кабинете оторвал уголок кисеи, закрывавший картину, какую-то Сусанну со старцами, старинной работы. На мгновенье у меня мелькнула мысль взять эту и другие картины с собой. Без подрамников они заняли бы немного места. Но я не мог угадать планов высшего начальства; может быть, эту местность решено ни за что не отдавать врагу.

Что бы тогда подумал об уланах вернувшийся хозяин? Я вышел, сорвал в саду яблоко и, жуя его, поехал дальше.

Нас не обстреляли, и мы вернулись назад. А через несколько часов я увидел большое розовое зарево и узнал, что это подожгли тот самый помещичий дом, потому что он заслонял обстрел из наших окопов. Вот когда я горько пожалел о своей щепетильности относительно картин.

Передовые уланские разъезды пришли в Кошары утром. Из донесений от уланских разъездов: «31 июля. По полученным от трех офицерских разъездов сведениям, д. Собибор в 2 ч. 50 м. дня оказалась занята смешанной немецкой конницей силою до одного эскадрона. Неприятельские дозорные выходят из деревни, но при появлении наших разведчиков возвращаются обратно. Наши разъезды при подходе к д. Собибор обстреливаются ружейным огнем»[651]. Участвуя в одном из этих разъездов в Собибор, Гумилев и посетил расположенный на окраине села брошенный помещичий дом с сохранившейся обстановкой и старинными картинами, о чем поведал в конце XIV главы «Записок кавалериста».

Вот как дальнейшие события отражены в журналах боевых действий сопровождавших конницу артиллерийских батарей. Донесение состоявшей при 1-й бригаде и Уланском полку 2-й артиллерийской батареи: «31 июля. Бригаду на участке д. Забужье сменили части пехоты 2 Кавказского корпуса, и бригаде было приказано идти к северу, где на всю дивизию был дан участок д. Ольшанка — кол. Александровская. ‹…› Бригада вышла из состава 2 Кавказского корпуса и была подчинена командующему Армией. В 6 ч. утра батарея выступила на присоединение к бригаде, к которой и пошла, идя за головным Л.-Гв. Уланским полком на д. Ольшанку. Бригаде был дан участок обороны деревень Ольшанка и Кошары ‹…› Остановились на бивак в Кошарах, встали на позиции восточнее деревни. В 2 ½ часа дня появились на левом берегу пешие части противника. В 5 ч. дня выяснили, что это были разведывательные части противника, которые обстреляла артиллерия. В 6 ½ ч. вечера разведывательные эскадроны противника, усиленные пешими частями, стали продвигаться вперед. 1 взвод открыл огонь. На позиции — все батареи. В 7 ½ ч. вечера 3 взвод переменил позицию и встал левее позиции батареи, чтобы обстреливать южную окраину дер. Собибор. Батарея открывала огонь, как только части противника выходили из деревни. Ночь провели на позиции. (*Под этой записью приписка.*) Благодарю подполковника Кузьмина-Караваева за точное изложение событий. Принять к руководству: 1) заполнять пропуски, пока события свежи в памяти; 2) точно обозначать местоположения обстрела целей (окопы и т.д.)»[652].

От присоединившейся к дивизии 5-й батареи: «Дивизии приказано занять в 7 ч. утра участок от кол. Александровской до Ольшанки по Бугу. 3 Армия отходит, заходя правым плечом назад. Полученный прорыв между 13 и 3 Армией должен быть заполнен кавалерией нашей дивизии. Батарея в районе Рытец (Кошары и Рыбецкое озеро). Бивак — Пулемец. Совместно со 2 батареей открыли огонь по передовым частям германцев, подошедшим к дер. Собибор и занявшим ее. Метким огнем препятствовали выходу их из деревни, чем задержали противника на всю ночь. ‹…› Батарея заняла наблюдательный пункт на берегу Буга. Все утро окапывалась. По просьбе командира Гусарского полка полковника Гревса намечена позиция правее за расположением гусар для обстрела по наблюдаемой от нас лощине. Батарея обстреляла отдельно стоящий дом за ф. Собибор, где были

поставлены немцами пулеметы. Вечером произведена пристрелка по разным направлениям, а именно, окраины д. Собибор, окопы за восточной ее опушкой, фол. Собибор, отдельный дом за ним, лес западнее деревни на прицелах. Зажгли несколько домов»[653].

Во время этой пристрелки и был подожжен отдельно стоявший помещичий дом, сохранившийся для нас лишь на страницах «Записок кавалериста». А картины взять с собой Гумилев хотел, потому что он намеревался вскоре попасть в Петроград, о чем писал из Столенских Смоляр Ахматовой.

Заключительные главы «Записок кавалериста», XV — XVII, описывают события конца августа, первой половины сентября, которые происходили в глухих болотистых лесах Белоруссии. Но об этом будет рассказано далее, а пока о не отраженных в «Записках» августовских событиях в полку и о несколько странном (не очевидном!) коротком посещении Гумилевым Петрограда. После Кошар уланы прошли Шацк и Шацкие озера. В этом районе сейчас сходятся границы трех стран — Польши, Украины и Белоруссии.

В начале августа отход вдоль Буга на Брест продолжался. Уланский полк проходил через Новосады — 2.08, Черск — 3.08, Кобелка — 4.08, Оттоки — 5.08. Последний участок обороны на Буге, который занимал Уланский полк, располагался от фол. Колпин до дер. Оттоки. Стоял при этом полк в дер. Медно (с 6 по 10 августа). В документах, по дням, это выглядит следующим образом:

«1 августа. Согласно телеграммы командующего армии № 01140 дивизии приказано перейти в район дер. Черск — Новосады. 1) 1 бригаде сосредоточиться в дер. Пулемец, откуда выступить в 2 часа дня 2 августа (после снятия частей 51 пехотной дивизии) и перейти в заданный район (не позже 6 ч. вечера). Штаб дивизии в 6 ч. вечера будет в ф. Мытница[654]. ‹…› Из 1 бригады от Дабича. Спокойно. Противник занимает Собибор, Волчино, Зберже, Стульно (на левом берегу Буга)»[655].

«2 августа. 1 взвод был сменен легкой батареей 52 арт. бригады. В 9 ч. утра батарея — в Пулемец. В 2 ч. дня бригада пошла к северу. Батарея шла за Л.-Гв. Уланским ЕВ полком. Дошедши до д. Новосады, батарея встала на бивак[656]. ‹…› Обстрел Собибора по вчерашней пристрелке. В 7 ч. утра дивизию сменили части 51 пехотной дивизии. В 2 ч. дня — в Пулемец и с бригадой перешли в район Черск — Новосады. Бивак — Новосады (24 версты через Пища — Мельники — Гута). Дорога очень тяжелая, песок. Бригада в армейском резерве»[657].

«Приказ №4180 по 2 Гв. кав. дивизии от 3 августа. Занять участок обороны по Бугу от дер. Оттоки искл. до ф. Колпин вкл. (левее — 27 пехотная дивизия). 1 бригаде немедленно по получении выступить и следовать на север для занятия участка по правому берегу Буга от отметки 65,0 до ф. Колпин включ. Батарее занять поз. 65,5, что восточнее дер. Дуричи и дороги на Медно. Иметь 2 эскадрона в резерве. Штаб дивизии будет в 3 ч. дня в Медно»[658].

В течение первой недели августа Уланский полк, в составе 1-й бригады, непрерывно ведя наблюдения за противником, продолжал планомерно отходить вдоль Буга на север, в сторону Брест-Литовска. Трудно предположить, что в это время Гумилев, находясь вдали от связанной со столицей железной дороги, мог покинуть полк. «4 августа. Дивизии приказано наблюдать участок от фол. Колпин до дер. Оттоки. 1 бригада назначена для наблюдения. 2-я — резерв. Сбор бригады — у дома лесника на дороге меж-

ду д. Оттоки и Медно. В 7 ч. вечера сменить на позиции 3 батарею 21 арт. бригады[659]. ‹…› Дивизия будет сменена подошедшей пехотой. Дивизия передвигается по Бугу к северу. Вечером нас сменила пехота. Сборный пункт дивизии у будки ж/д севернее д. Кобелка. После смены в 11 ч. ночи пошли в Медно. На бивак стали в 4 утра (18 верст). 1 бригада занимает участок от ф. Колпина до Оттоки»[660]. «5 августа. В 11 утра 1 взвод пошел на позиции у выс. 65,5, стрелял по рывшему окопы противнику. Когда взвод противника открыл огонь по 1-му взводу, то последний заставил его быстро замолчать. Другой взвод опять стрелял по равнинным окопам противника»[661]. Донесение от Дабича — командиру 2-й бригады Ф.М. Нироду, из дома лесника: «На фронте улан спокойно»[662].

«6 августа. Сегодня с наступлением темноты приказано произвести смену 1-й бригады, занимающей позиции по правому берегу Буга от Оттоки искл. до ф. Колпин вкл. (2-ю бригаду на смену). Полкам 1 бригады и 2-й Конной батареи по смене перейти в дер. Медно, где стать квартиро-биваком. Штаб Уланского полка в доме лесника у высоты 67,9, штаб 1-й бригады — в 3-х верстах севернее выс. 68,7 в доме лесника»[663]. «‹…› Донесение от улан: перед сменой полк обстрелян 2-мя тяжелыми орудиями, наблюдательный пункт и окопы 6-го эскадрона, но прекратили огонь после нескольких выстрелов взвода 2 батареи. ‹…› От Княжевича. Перед сменой прибыть к дому лесника на дороге Медно — Оттоки»[664].

«7 августа. В 12 ч. ночи дивизия вышла из состава 13 Армии, которая расформирована, и вошла в состав 3 Армии генерала от инфантерии Леша; дневка»[665]. В течение нескольких дней Уланский полк располагался в районе Медно, на дневке. Это самая ранняя дата, когда Гумилев теоретически мог ненадолго съездить в Петроград, хотя заметим, что внешние обстоятельства к этому не располагали, да и никаких особых причин для поездки у него тогда не было. Позже, в конце августа, такая причина появится. Расположение полка не способствовало возможности быстро добраться до Петрограда, да и планы командования на ближайшее будущее были еще не определены. Куда надо будет возвращаться? Вопрос немаловажный…

Теперь о том, что нам известно о его посещении Петрограда в августе 1915 года. Нет никаких документов и свидетельств, кроме зафиксированных в двух местах Лукницким противоречивых рассказов Ахматовой. Во-первых, короткое, расплывчатое свидетельство, как будто бы относящееся к лету 1915 года: «Потом приехал Н.С. в Царское. (Я приехала в день взятия Варшавы[666] в Петербург и сразу — в Царское.) Приехал Николай Степанович. Мы жили во флигеле. Дом был сдан кому-то на лето (так всегда было). Потом Н.С. уехал на фронт опять»[667]. И еще одна (точнее, две) запись, с конкретными, как бы не вызывающими сомнения уточняющими деталями: «1915. Лето. Была вместе с Николаем Степановичем у Ф.К. Сологуба на благотворительном вечере, устроенном Сологубом в пользу ссыльных большевиков. Билеты на вечер стоили по 100 рублей. Были все богачи Петербурга, в одном из первых рядов сидел Митька Рубинштейн. АА читала стихи. Николай Степанович стихов не читал, потому что был в военной форме, и ему было неудобно выступать. Такие вечера устраивались Ф.К. Сологубом ежегодно»[668]. Во всех отношениях — странное свидетельство. Ведь не из-за вечера же Сологуба «в пользу ссыльных большевиков» надо было срочно ехать в Петроград! Тем более, когда шло непрерывное перемещение войск. Ниже я еще раз обращусь к мистическому «вечеру Сологуба».

В «Трудах и днях», исключительно на основе рассказов Ахматовой, Лукницкий так реконструировал этот приезд Гумилева: «**Конец июля — начало августа.** Получив кратковременный отпуск, уехал в Слепнево, чтобы повидаться с матерью, а оттуда проехал в Царское Село, к жене. Здесь встретился с Н.Л. Сверчковым. Жил во флигеле (дома № 63 по Малой ул.). В Петербурге встречался с Т.В. Адамович. Пробыв в Царском Селе около недели, уехал на фронт. (По-видимому, в начале августа, но во всяком случае не позже 14 августа)»[669]. Хотя запись эта выглядит внешне достоверной, но нет ни одного документа, который мог бы ее подтвердить! Например, кто мог рассказать Лукницкому о свидании с Т. Адамович, которая тогда уже давно проживала в Варшаве? И никто, кроме Ахматовой, об этом визите Гумилева никогда не вспоминал, хотя, с ее слов, он пробыл в Петербурге почти неделю (вспомним, сколько свидетельств удалось обнаружить о других приездах Гумилева, даже кратких, в конце 1914 и в начале 1915 годов). Очень похоже на мистификацию Ахматовой, умышленную или случайную… Хотя теоретически визит этот мог состояться, по крайней мере, он не противоречит хронике «Записок кавалериста».

Детальная реконструкция «Записок кавалериста» позволила четко обозначить те даты, когда Гумилев несомненно был на фронте. События приведенной выше главы XIV завершаются 1 августа. События, описанные в главах XV и XVI, как будет показано в дальнейшем, приходились на 24–25 августа и на 1–2 сентября соответственно. Казалось бы, по срокам вполне возможно, что Гумилев мог оказаться в Петрограде между 6 и 20 августа. По крайней мере, так утверждается во всех биографических изданиях. Но, с моей точки зрения, у Гумилева была более существенная причина попасть в Петроград в последнюю неделю августа. Дело в том, что 25 августа у Ахматовой умер отец — А.А. Горенко, а 27-го состоялись его похороны на Волковом кладбище в Петрограде. Допустимо предположить, что об этом событии Ахматова телеграммой сообщила мужу, и его по такой причине не могли не отпустить на 2–3 дня из полка. То есть, выехав 26 августа, он вполне мог до 1 сентября вернуться в полк. И тому есть документальное, не связанное с Ахматовой, пока не введенное в оборот свидетельство! Об этом сказано в примечании Лукницкого к несохранившемуся письму Гумилева к матери от 30 августа 1915 года, которое он прочитал в Бежецке в 1920-х годах — **«вчера вернулся в полк»**[670]**!** Вернуться в полк 29 августа Гумилев мог только из Петрограда, после похорон отца Ахматовой! Так что такая возможность представляется более вероятной (конечно, если поездка вообще состоялась, а не являлась аберрацией памяти Ахматовой!). Хотя при этом остается, с одной стороны, вопрос о «вечере Сологуба». Пока, по имеющимся источникам, не удалось документально подтвердить и уточнить время его проведения. И как-то не стыкуются эти два события — похороны и посещение «вечера в пользу ссыльных большевиков», с учетом того, что Гумилев мог тогда провести в Петрограде не более двух дней. С другой стороны — почему, если Гумилев приезжал на похороны ее отца, Ахматова не упомянула об этом в рассказе Лукницкому? Вряд ли возможно ответить на этот вопрос, однако известно, что Анна Андреевна, по каким-то известным только ей самой причинам, в ряде случаев грешила «сочинением» своей биографии, иногда о чем-то умалчивая, сознательно или случайно слегка изменяя даты и обстоятельства событий. Так что мне остается только предложить все эти три версии на суд читателей, не делая окончательных выводов…

Не буду более возвращаться к возможному посещению Петрограда в начале августа 1915 года, приведу здесь выписки из некоторых военных документов, красочно описывающих последние дни пребывания Уланского полка на берегах Буга. Скорее всего, Николай Гумилев был их участником и свидетелем. Хронологически ограничу этот рассказ серединой августа, когда начался отход Уланского полка вглубь нашей территории — от горящего Брест-Литовска в сторону Кобрина.

Итак, 6 августа был получен приказ о смене Уланского полка на позициях по правому берегу Буга, а 7 августа полку был предоставлен отдых в Медно. «8 августа. Дивизия вышла из 2 Кавказского корпуса и вошла в состав 29 Армейского корпуса. В 7 ч. вечера батарея с драгунами пошла на смену гусар и 5 батареи»[671]. «На тех же позициях, обстреливал Сухры. Сильный туман. Вечером смена, отошли в Медно»[672].

«9 августа. Обстреливали Шостаки. Позиция у Дуричи. Стреляли по дыму костров в лощине западнее д. Шостаки. Вечером Уланский полк сменил драгун»[673]. Как видно из документов, отдых был очень коротким, и уже 9 августа Уланский полк вышел на боевое дежурство. А на другом фронте приказом по IX Армии № 391 от 9 августа брат Гумилева Дмитрий Гумилев за отличия в делах против неприятеля был награжден орденом Св.Станислава 3-й ст. с мечом и бантом[674].

«10 августа. Снялись с позиции в 9 ½ утра и пошли в Медно. В 8 ч. вечера — перейти в Бродятки (перешли в 10 ч. вечера)»[675]. «Перейти в Страдечь, позиции у Дуричи. Обстрел д. Сухры и Залеще. Позиция найдена севернее высоты 65,5. Наблюдательный пункт на берегу Буга. Батарея входит в состав отряда г.-м. Княжевича в составе: Уланский полк, 107 пехотный Троицкий полк, 3 батарея 27 арт. бригады (12 орудий) и 5 Гв. конная батарея (6 орудий). На ночь — в Страдечь»[676]. Донесение от Княжевича: «Наступление противника на наш Оттокский арьергард началось около 8–30 утра. Уланы способствуют отходу. ‹…› Весь день прошел в редкой перестрелке, и лишь в 9 ч. вечера противник прорвался в количестве конной роты между расположением 7 роты и эскадрона ЕВ, но, попав под перекрестный огонь, был вынужден отойти на левый берег Буга. Таким образом, отряд выполнил задачу, задержав противника на сутки на передовой позиции (у улан есть потери — 4 ранено и 2 контужено)»[677].

Наконец 11 августа в дивизии состоялось зрелищное прощание с Бугом: «11 августа. Батарея с драгунами перешла в Заслучно (от Буга)»[678]. «Батарея открыла огонь по Сухрам и броду около деревни (74 снаряда). День прошел тихо. Вечером получено приказание отхода с линии Буга. Батарее приказано отойти на бивак за Страдечь в 3 верстах в лес и по хуторам. Перед снятием с позиций вместе с 4 батареей 27 артиллерийской бригады дали в разные стороны по 4 очереди беглого огня. Это было сделано по приказанию генерала Княжевича для прощания с Бугом. После этого с хором трубачей Уланского полка генерал Княжевич уехал. Батарея пришла на бивак в 12 ч. ночи. По дороге играли марши всех полков и другие музыкальные номера. Через ½ часа батарея вновь постреляла и отошла на бивак к фол. на дороге в Медно. С этого дня начинается отступление армии от Буга на Кобрин и далее на Слуцк. Наша дивизия будет прикрывать пехоту еще несколько дней, и когда эта последняя займет новую позицию и устроится на ней — тоже отойдет. Дивизия вошла в состав 3 Армии. Пришли на бивак в 2 ночи (7 верст)»[679].

«12 августа. Ввиду отхода армии от линии Брест-Литовск на линию г. Кобрин, 2 бригаде с 2 батареей приказано с 13 августа прикрывать отступление левого фланга 29 Армейского корпуса (45 пехотной дивизии). Бригада в 7 ч. вечера выступила, и в 10 ч. вечера перешла в д. Роматово»[680]. «Батарея подчинена командиру дивизиона 27 артиллерийской бригады, прикрывающей отступление 27 пехотной дивизии. По приказанию командира дивизии полковника Дмитриева произведена разведка позиции. Был сильный обстрел позиции (у Страдечь), немцы разрушили наблюдательный пункт командира дивизиона, а затем перешли в наступление от дер. Страдечь, но легко были отбиты. Деревня Страдечь была зажжена. Была обстреляна большая колонна противника, шедшего по западному берегу Буга на Брест. Второй день виден пожар Брест-Литовска. В 6 ½ вечера пришло приказание об отходе арьергардов. Уланский полк будет прикрывать отступление арьергарда 29 корпуса. В 8 ч. вечера батарея пришла на сборный пункт в Фаустиново, и в 12 ч. ночи с Уланским полком пошли дальше по направлению на Заболотье (переход 23 версты)»[681]. Донесение от Княжевича: «В 11 ч. вечера началось отступление 27 пехотной дивизии. Полк (уланы) прикрывает отступление правой колонны»[682].

«13 августа. Корпусу к утру 14-го августа перейти линию: Щеглинка — Веливовше — Озяты. Для этого: 1 бригаде продолжить разведку противника и прикрытие частей корпуса на фронте от госп. двора Петровичи — Бульково — Подлесье — ф. Воляновка. Поддерживать постоянное соприкосновение с противником. Обратить особое внимание на район шоссе Бульково и на район Франополь — Радваничи. Штаб дивизии — Старое Село (до 12 ч. дня 14 августа, потом по дороге Озяты — Сычево — Гайковка — Петки — Борисово»[683]. «Шли на Заболотье через Подлесье-Каменицкое. Пришли в 4 ч. утра. В Заболотье был сделан привал на 1 ½ часа. Ввиду того, что местность крайне лесистая и дорога очень тяжелая, генерал Княжевич приказал отправить батарею и 2 эскадрона Улан вперед на Франополь. Всю дорогу от Заболотье сделали через район Брестской крепости, где взрывались и были уже взорваны форты, город горел, также и все окрестные деревни. Было светло, как днем. Привал был в 6 утра в Радваничи, где над батареей пролетел цепеллин. Пришли во Франополь в 2 ч. дня и выслали квартирьеров в д. Бусни, но в 4 ч. дня пришлось занять позиции у Франополя, так как немецкая кавалерия стала нагонять нас. Пехотные части уже отошли и устроились на свои позиции. Батарея отошла в Старое Село (в 2 ч. ночи). При отходе все деревни были зажжены. Светло как днем. Шли через д. Задерцы»[684]. «Батарея в госп. дв. Роматово с гусарами в Великорыто (в Антоново). Обстрел наступающего противника. Отход к Великорыто»[685]. «Коноводы в дер. Фаустиново застали лишь 1-й эскадрон улан. У Фаустиново все спокойно. От наблюдательных постов, выставленных в 4-х верстах к востоку от Фаустинова, сведений о появлении противника нет. ‹…› В 3 часа дня прибыл с Уланским полком в дер. Радваничи, где займу позицию. Уланы с 2 пулеметами и 5 батареей занимают позицию у дер. Радваничи — Заречное — Франополь. Конно-гренадеры присоединились к позиции улан. Речка Рыта всюду проходима. У дер. Милвичи Уланский разъезд взял в плен кирасира. В дер. Фаустиново застал лишь полевой караул от 1-го эскадрона Л.-Гв. Уланского полка. Разъезд улан доносит, что дер. Щебрин занята взводом неприятельской кавалерии»[686].

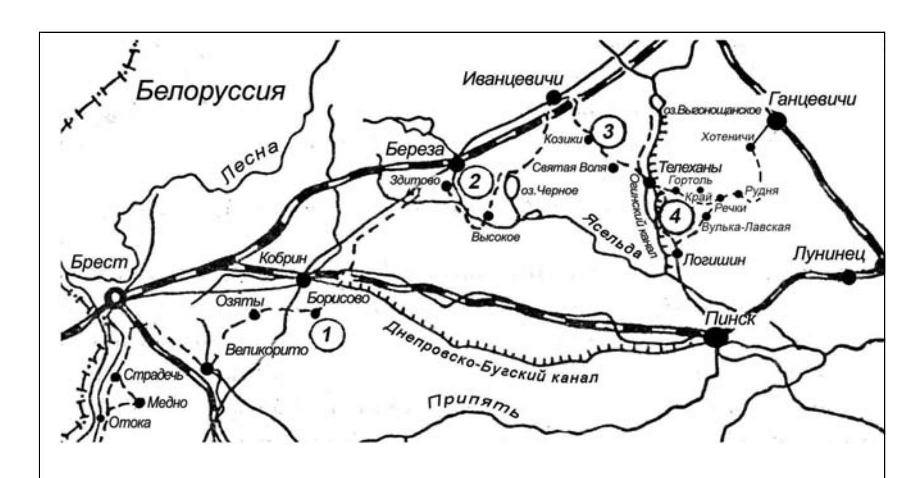
Все перечисленные места располагались к югу от дороги, связывающей Брест-Литовск и Кобрин. В самом городе и главной крепости полк не

был, однако при продвижении проходил ряд вынесенных к югу оборонительных фортов. Как следует из документов, прославившейся в 1941 году Брестской крепости изрядно досталось и в середине августа 1915 года. Все дальнейшие бои, в которых участвовал Гумилев в Уланском полку, проходили на нашей территории, в глухих болотистых лесах Белоруссии. Там и закончилась его служба вольноопределяющегося Уланского полка. Затем, уже в офицерском чине, после полугодового пребывания в Петрограде, — год службы в 5-м Гусарском Александрийском полку «черных гусар», почти год службы во Франции, в Русском экспедиционном корпусе — еще почти три года войны.

Отступление в белорусские леса и бой у речки Ясельды 24 августа

Действия Уланского полка в первой половине августа, связанные с отходом войск от Буга вглубь нынешней Белоруссии, в «Записках кавалериста» никак не отражены. Предыдущая глава закончилась описанием событий XIV главы «Записок» и дальнейших действий Уланского полка вплоть до начала его отхода от района Брестской крепости на Кобрин. Как было сказано, с некоторой степенью вероятности, в августе Гумилев ненадолго покинул полк, посетив Петроград. Большинство исследователей, опираясь на рассказ Ахматовой Лукницкому 1925 (или 1927) года, считает, что такая поездка состоялась в начале месяца. Однако предпринятые автором дополнительные разыскания склоняют его в пользу варианта, связанного со смертью отца Ахматовой 25 августа и его похоронами в конце месяца. Такое предположение опирается на то, что, с одной стороны, слишком стремительными были перемещения войск дивизии в первой половине августа, сочетавшиеся с неопределенностью ситуации на фронте, что затрудняло возможность покинуть полк. С другой стороны, как выяснилось, единственное связанное с этим посещением и описанное Ахматовой событие никак не могло произойти в августе 1915 года. Подразумевается упоминаемый Ахматовой «благотворительный» вечер, устроенный Сологубом. Проконсультировавшись со специалистами, занимающимися биографией Федора Сологуба, автор пришел к выводу, что в указанное время Сологуба в Петрограде никак не могло быть. Все это лето он провел как раз в том месте, куда незадолго до этого, 6 июля, Гумилев отправил ему письмо — в усадьбе Тихменевых, в селе Красное Ярославской губернии. Благотворительные вечера во время войны Сологуб действительно иногда устраивал, о чем, в частности, ему напомнила Зинаида Гиппиус в письме от 19 декабря 1917 года. В нем она, приглашая Сологуба принять участие в вечере в пользу узников Петропавловской крепости, бывших министров Временного правительства, напомнила ему: «…вспоминаю, что давным-давно мы с вами вместе читали в пользу того же Красного Креста в частной квартире. “Какой круговорот бессмысленный природы!”»[687]. Возможно, это и был тот самый вечер, на котором Ахматова побывала с Гумилевым, и хотя состоялся он во время войны, но никак не в августе 1915 года — точную дату пока установить не удалось.

Следовательно, можно предположить, что, по крайней мере, весь август, за исключением части последней недели, Николай Гумилев провел в полку, принимая участие в начавшемся отходе войск от Западного Буга вглубь Российской территории. Дополнительным аргументом в пользу такого предположения может служить и то, что в начале августа войска

Карта 5 к «Запискам кавалериста» (Главы XV–XVII)

1 — отход на восток от Буга и Бреста, через Великорито — Радваничи — Озяты — Борисово — Кустовичи — Стригово — Воротно, в район Березы и реки Ясельды, с 13 по 21 августа (промежуток между главами XIV и XV).
2 — расположение на позициях по берегам реки Ясельды, бой за переправы у дд. Пересудовичи и Здитово 24–25 августа (глава XV).
3 — прикрытие отхода частей по дороге Ивацевичи — Логишин в районе д. Козики 1–2 сентября (глава XVI).
4 — расположение на позициях вдоль Огинского канала и столкновение с немцами около дд. Вулька-Лавская, Хворосно и Валище 10 сентября (глава XVII).

Примечание: Большинство упоминаемых в тексте населенных пунктов можно найти на компакт-диске «СНГ и Балтия 2004», выпуск GWCIS-02/04, ООО «Фирма Ингит», www.ingit.ru, а также на сайтах карт: http://maps.yandex.ru, http://maps.google.ru.

дислоцировались на значительном расстоянии от железнодорожных путей, ведущих в Петроград, а как раз в последнюю неделю августа полк расположился на короткий отдых вблизи ведущей в Петроград железной дороги. И командовал Уланским полком в это время хорошо знавший Гумилева и Ахматову полковник Михаил Евгеньевич Маслов[688]. Наиболее вероятное время пребывания Гумилева в Петрограде, 27–28 августа, как раз совпадает с датой похорон отца Ахматовой Андрея Антоновича Горенко (Севастополь, 13.1.1848 — Петроград, 25.8.1915) — 27 августа на Волковом кладбище в Петрограде. Уже в конце августа поэт возвратился в полк, что подтверждается описанным в главе XVI боем 1–2 сентября с его участием. Но об этом — ниже.

После того как 11 августа Уланский полк повернул на восток от Буга и в течение двух дней наблюдал пожар Брест-Литовска, перед ним была поставлена задача прикрывать отступление арьергардов 29-го корпуса и разведывать на участках 27-й пехотной дивизии. При этом дивизия находилась в резерве командующего III Армии. В официальном журнале 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии отход Армии от Западного Буга и Бреста вглубь своей территории в августе 1915 года обозначен следующим образом[689]:

«<u>Арьергардные бои по прикрытию отхода 29 Корпуса в районе Брест — Кобрин</u>:

— Бои в районе госп. двор Каменица — Пожежин — госп. двор Роматово — Радваничи — Франополь — госп. двор Буньково — Великорито — Антоново: — с 12 по 14 августа.

— Встречный бой по обеспечению отхода частей 14-го Корпуса в районе Маци — Стригово — Юзефин — Козище: — 16 августа.

<u>Арьергардные бои по прикрытию отхода 3-ей Армии</u>:

— Расположение на позиции по р. Ясельда и бои за переправы у Старомлына — Жабер — госп. двора Здитово: — с 19 по 25 августа».

Отход войск от Буга и Бреста до района п. Береза, где произошло столкновение с немцами, описанное в XV главе «Записок кавалериста», проходил через Радваничи (13.08), Борисово (14.08), Кустовичи (15— 16.08), Воротно (17.08), Угляны (18–20.08), Ново-Пески (21–25.08). Подробности этого отхода отражены в архивных документах — в приказах, донесениях, журналах боевых действий и пр.[690].

14 августа войска достигли района Кобрина. Из журнала боевых действий 2-й батареи: «Перешли к дому лесника, что на дороге к Старому Селу. В 12 ч. дня приказано бригаде сказать, что прикрытие отхода закончено, и бригаде идти в район г. Кобрина, к югу от которого бивак»[691]. Донесение командира Уланского полка Княжевича: «Разъезд эскадрона № 4 был обстрелян из дер. Булькова и отошел в дер. Ракитница ‹…› Уланский полк ведет разведку на участке 27 пехотной дивизии и охраняет ее правый фланг (лес у д. Радваничи). Немцы переправились на фронте Улан на левый берег р. Мухавец. Уланский полк до сих пор не мог войти в связь с 3-м кавалерийским корпусом»[692]. От 5-й батареи: «Позиции у Задерцы — обстрел переправы у Задерцы и у шоссе; позиции у Старого Села фронтом на Франополь. Получен приказ сниматься и с Уланским полком перейти в район Борисово (у Кобрина). Пошли в 5 вечера через Старое Село и далее по шоссе на Кобрин, но шоссе было забито беженцами, стоявшими в длину на несколько верст и в 4–5 повозок шириной, и проход был закрыт. Вследствие этого батарее пришлось сделать срез через трудный переход целиной. В 1 ч. ночи пришли на бивак около Рыбно (50 верст). Неприятельский аэроплан обстрелял колонны беженцев на шоссе. Часть шла через Старое Село — Озяты — Кобринский ров — Борисово — Рыбна (с драгунами)»[693]. 14 августа Уланский полк расположился на бивак в районе Борисово.

15 августа войска заняли район вокруг Кобрина. Первоначально Уланский полк стоял южнее Кобрина, в Борисово, а затем войскам был дан приказ переместиться севернее. От 2-й батареи: «Дивизии приказано перейти к северо-востоку на 12 верст. Выступили в 8 утра и, перейдя вброд в восточной части Кобрина р. Мухавец, перешли в ф. Седедовка»[694]. Донесения из Уланского полка: «На фронте корпуса упорные бои. В течение дня неприятель неоднократно атаковал части 27 пехотной дивизии, одновременно ведя наступление на левый фланг корпуса. Все атаки успешно отбиты»[695]. Это донесение подписано офицером 2-го эскадрона Уланского полка Н. Добрышиным, оставившим короткие воспоминания о фронтовых встречах с поэтом[696], относящиеся к событиям конца августа — начала сентября 1915 года. В донесении Княжевича за этот же день сказано: «15 часов. Доношу, что полк стал биваком в 8 вечера в дер. Кустовичи ввиду того, что назначенный район был занят другими частями»[697].

16 августа произошел упомянутый в официальном журнале встречный бой по обеспечению отхода частей 14-го Корпуса в районе Стригово — Козище, располагавшемся севернее Кобрина. Одновременно по бассейну реки Ясельды были направлены разведывательные эскадроны: «Приказ № 4236 по дивизии. 2 ч. 30 м. утра. Требуется разведать (рекогносцировать) реку Ясельда от д. Песчанки до Старомлына. Для этого 1 бригаде назначить участок на северо-восточном берегу Ясельды от дер. Песчанки до дер. Процы включ. (проходимость реки и долины, пути, переправы и броды, путь вдоль реки, грунт, проходимость). По выполнении офицерам 1 бригады собраться на северо-западной окраине дер. Стригин, 2-ой — в Старомлыне. Кроки прислать к 8 вечера 18 августа к южной окраине м. Картуз-Береза у пересечения шоссе и дороги на Новоселки»[698]. Картуз-Береза — нынешний поселок городского типа Береза, стоящий на основном тракте. Упоминаемая в последующих документах д. Береза — небольшая деревня, расположенная между Стригово и Козище, севернее Кобрина. Вот как отражен «встречный бой» в журналах боевых действий 2-й и 5-й батарей:

«Дивизии приказано охранять правый фланг 27 пехотной дивизии, на которую наступает противник. Батарея выступила в 9 ч. утра с Уланским полком. В 12 ½ ч. дня батарея подошла к д. Береза, где построились в резервную колонну. В 4 дня батарея подтянулась ближе, и она построилась в лесу у дер. Козище. В 6 ½ ч. вечера, ввиду того, что бой стих, батарея пошла на бивак в д. Илоск (11 ч. вечера). В 3 ½ ч. дня 1 взвод был отправлен от батареи с тремя эскадронами улан. Взвод встал на позиции западнее д. Козище и стрелял во фланг наступающего на 27 пехотную дивизию противника. В 7 ч. вечера с тремя эскадронами улан пошли в д. Краевичи на бивак»[699]. «В 9 утра всей дивизии приказано собраться к штабу дивизии в госп. дворе Камень Шляхетский. Для поддержки частей XIV корпуса и, в частности, 70 пехотной дивизии дивизия подошла к госп. двору Буховичи на фланг XIV корпуса. В это время находящийся в резерве III кавалерийский корпус должен был перейти в контратаку. Нашей дивизии — поддерживать. Разведка на Березу — Лясково — Стригово (батарея с гусарами и драгунами). ‹…› Противник наступал от Тевли на Туличи и Малыши, обе деревни зажжены. После обстрела Тевли и Малыши противник был остановлен, и контратакой Оровайского полка прорыв заполнен. После боя перешли в Кустовичи (28 верст). Послана разведка на Ясельду — новые позиции»[700]. Упомянутые деревни Туличи и Малыши располагаются между Стригово и Козище. В Кустовичах Уланский полк провел две ночи.

Отход войск на восток был продолжен 17 августа. «Ввиду отхода частей III Армии по линии Малеч — Сымоловичи, дивизии приказано перейти в район Соболи — Сигневичи — Винин»[701]. В этот район отошел Гусарский полк с 5-й батареей: «Батарея с дивизией — в районе Соболи — Ревятичи. Бивак в Винин. Шли через Плянты по шоссе на Ревятичи — Сигневичи (35 верст)»[702]. Уланский полк вместе со 2-й батареей продвигался севернее в район Воротно: «Согласно указаниям командира 24 Корпуса ночевал в д. Воротно. Сейчас прибыл с 4-мя эскадронами Конно-гренадер и присоединившимися к ним 2-мя эскадронами Улан и 2-мя орудиями 2-й батареи в д. Подкраичи. ‹…› В 2–30 ночи. Я с 4-мя эскадронами Конно-гренадер, 2-мя эскадронами Улан (ЕВ и № 5) и с взводом 2-й батареи предполагаю стать на бивак в д. Воротно или д. Заневичи. В 9 ч. утра перейду в Подкраичи»[703]. От 2-й батареи: «В случае отхода за Ясельду дивизии был дан участок на этой реке от д. Песчанки до д. Старомлын. 1 бригаде участок от

Песчанки до д. Процы. От полков — разведка. Дивизия перешла ближе к Ясельде, батарея в Краевичи»[704].

18 августа штаб дивизии расположился еще восточнее, в госп. дворе Сигневичи[705]. Боевых действий в течение нескольких дней не было. Полки дивизии расположились в непосредственной близости к реке Ясельде и пос. Картуз-Береза: «Бригада со 2 батареей прибыла. ‹…› Уланы в дер. Новоселки — Угляны. Конно-гренадеры в д. Подосье»[706].

19 августа во все стороны от Картуз-Березы были направлены разведывательные разъезды: «Приказ № 4267 по дивизии. Согласно приказу № 4661 части армии займут новый фронт. Нам наблюдать участок от д. Угляны вкл. до д. Междулесье включительно. 1 бригаде: наблюдать участок от д. Угляны вкл. до ф. Бисла вкл. ‹…› На каждом участке по 1 эскадрону от каждого полка + 2 офицерских разъезда. Офицерские разъезды подчиняются командиру эскадрона и разведывать на фронте Минаки — Меневежа. Донесения в Стригин. Бригадам выступать сразу по получении сего и следовать через переправу у госп. двора Здитово на Стригин и далее. Уланам — в район Ново-Пески — Ярцевичи — госп. двор Навы (штаб 1 бригады). В случае плохой переправы у госп. двора Здитово следовать в указанные районы через Картуз-Береза»[707]. Во время отхода уничтожались мосты, зажигались деревни, вот донесения от 2-й и 5-й батарей: «Дивизии приказано перейти за Ясельду и с 20 августа вечера наблюдать данный ей участок. Перешли в Ново-Пески»[708]. «Шли через Сигневичи — Новоселки — Здитово — Ольшово — Маневичи, там бивак (37 верст). У Здитово переправились по новому мосту через Ясельду (мост и гать через болото — 2 версты). Уходя, зажигали все деревни. Ночью было светло как днем»[709]. По этой же дороге двигался Уланский полк: «От Шевича. Бригада перешла через мост и гать. Дивизия может пройти»[710]. Донесение от Гусарского полка: «Отход армии за Ясельду. Дивизии перейти в район д. Навы — Листичи — Ново-Пески. Наблюдать за Ясельдой от южной окраины дер. Стригин до дер. Старомлын. Переход полка (32 версты): Витин — Сигневичи — Новоселки — госп. двор Здитово — Головицкие — Навы — в дер. Лисичицы»[711]. Указанные конечные пункты располагались уже за Ясельдой, по которой предполагалось организовать оборону. Деревни Ново-Пески, Маневичи, Лисичицы стоят вблизи западного берега большого озера Черное. Вокруг протяженные густые леса, болота, а севернее еще два крупных озера — Белое и Споровское.

В приказе № 4269 от 20 августа по дивизии объявлено: «Наблюдать участок по левому берегу Ясельды от госп. двора Здитово до Старомлына. 1 бригаде: от южной окраины дер. Стригин до перекрестка дорог в 1 версте северо-западнее д. Пересудовичи включ. Пускать в наблюдение — не более 3-х эскадронов от полка. 1 бригаде иметь 4 орудия на позиции для обстрела района Шилин — Дягелец — Угляны — Порослово — переправа у Здитово. Обратить внимание на: 1) переправу у Здитово; 2) на направление ф. Мал. Матвеевичи — госп. двор Бол. Матвеевичи — дер. Высокая; 3) на возможность переправ противника у дер. Жабер; 4) на переправу у Старомлына. Командиру 1 бригады озаботиться о рекогносцировке путей через лес между оз. Черное и д. Стригин от р. Ясельды на восток и на северо-восток. Штаб дивизии в госп. двору Пески»[712]. Боев по-прежнему не было, об этом в сообщениях от 2-й и 5-й батарей: «В 4 ч. дня взвод с 3-мя эскадронами Улан перешел в дер. Новая. Эскадроны заняли сторожевое охранение. 1 взвод — на позиции на южной окраине отдельных хуторов

д. Стригина за лесом»[713]. «Позиции у д. Старомлын — Пересудовичи. Противник еще не подошел, было тихо»[714]. В эскадроне Уланского полка, в котором служил Гумилев (ЕВ), шли занятия по подготовке к боевым действиям: «Приказ № 105 от 20 августа. О выработке способа приторачивания шашек к седлу — всем явиться в эскадрон ЕВ в Уланском полку»[715].

21 августа противник подошел к реке Ясельде, приблизившись к позициям русской армии, и возобновилась перестрелка между 2-й и 5-й батареями дивизии и передовыми разъездами немцев: «Позиции у Старомлын. Передовые части противника подошли к Ясельде на фронте ф. Шилинок — д. Шилин — часовня Магдалины — ф. Марковичи. Отогнали»[716]. «В 1 ч. дня открыли огонь по д. Песчанка. Позиции у дер. Новая; обстреляли разъезд противника (у Песчанки)»[717]. Основные силы Уланского полка располагались в том же районе Ново-Пески.

Столкновения с противником продолжились и 22 августа. Причем разведывательные разъезды впервые были направлены значительно восточнее, в район Огинского канала, так как наметился дальнейший отход войск вглубь территории туда, где можно было бы закрепиться. Распоряжение начальника дивизии: «Наблюдать район Забайлы — Ходаки — Вулька-Обровская — Козики. 1 бригада: (с 4-мя пулеметами) сосредоточиться западнее кладбища дер. Пески вне дороги, следовать по дороге Пески — ур. Выгонин — Лесные Буды — Корочин — выс. 69,5 — Забайлы — Воля — Михновичи, далее по шоссе до Паньки, откуда перейти и расположиться кв‹артиро›-биваком в дер. Подстарины. Оставить по два разъезда от каждого полка для разведки и поддержки соприкосновения с неприятелем»[718]. Деревня Подстарины располагается за шоссе, севернее Ивацевичи. В этот день был назначен новый временный командир Уланского полка: «Приказ №116 от 7.9.1915. 22 августа Флигель-Адъютант Полковник Л.-Гв. Уланского полка Маслов назначен командующим названного полка»[719]. Началось наступление противника на переправах через реку Ясельду: «Наступление противника — переправился через Ясельду у д. Жабер»[720]. Донесения от 2-й и 5-й батарей: «Позиции у Стригин. Было замечено наступление противника на Здитово. Открыли огонь во фланг. Подошла легкая батарея 45 армейской бригады, и батарея перешла к югу — в кол‹онию› Головицкие. Там бивак»[721]. «Противник ведет бой с XXXI корпусом (левее нас) в Хомск — Бездеш. В 4 ч. дня противник перешел в наступление на наш участок и переправился через Ясельду у д. Жабер, сбив эскадрон драгун. Открыли по переправившимся немцам огонь, но сильный дождь мешал. Немцы продолжали наступление у Жабер на ур‹очище› Волковка, угрожая путям отступления. Батарея отошла к Здитово. Вода, стоять трудно. Противника остановили у Волковки. Позиции у Здитово и Хрисс. Отошли в Маневичи»[722]. В Уланский полк пришло распоряжение от командования дивизией: «В Уланский полк: сегодня полк отходит на эту сторону реки и уходит в резерв»[723].

Но в резерве Уланскому полку, входящему в 1-ю бригаду, долго пробыть не пришлось. В приказе № 4294 от 23 августа сказано: «2 бригада — выбить противника из оставленного Старомлына. 1 бригада: удлинить участок, занимаемый ниже д. Высокое искл., где войти в связь с частями 2 бригады. Эскадрону на участке Высокое — перекресток дорог севернее Пересудовичи распоряжением командира 2 бригады отойти в его резерв. Командиру 1 бригады принять все меры, чтобы с 5 ч. утра начать обстрел дер. Мостыки и Олесец. Разведку для связи с противником не прекращать

всю ночь»[724]. В оперативной сводке от этого же числа сказано: «2 Гвардейская кавалерийская дивизия от высоты 71,8 на левом берегу Ясельды до д. Пузи вкл. и отдельные участки против Старомлын и Старомлынской переправы. (22-го активных действий не было.) В районе 2 дивизии — активности не проявлял, кроме района Мостыки — Жабер — Старомлын, где противнику силою 1–2 батальона удалось овладеть островом Мостыки — Олесец — Заречье, а также д. Старомлын. (Много пленных — выражают робость, что их взяли в плен, охотно рассказывают про тяготы энергичного наступления)»[725]. 2-я батарея: «На позиции драгун у д. Пересудовичи, чтобы обстреливать переправившегося у Жабер противника. Наступление противника остановлено. Батарея обстреливала Песчанку, Мостыки, так как в этих деревнях было замечено шевеление противника. Бивак в Навы»[726]. 5-я батарея: «Позиции у Хрисс и Здитово. Противник продолжал продвижение на север»[727].

В эти дни натиск немцев усилился по всему фронту — предпринимались постоянные попытки форсировать переправы через Ясельду. Гумилев описывает бой у переправ в районе деревень Пересудовичи, Здитово, Стригин. Этому бою предшествовало накопление противника 24 августа: «Противник накопился на острове в количестве 4–6 рот и окопался. Кроме этого, он занимает лес севернее дер. Старомлын и часть высоты 70,9, западнее Сар»[728]. С 1-й бригадой, в которую входил Уланский полк, взаимодействовала 2-я батарея, события этого дня отражены в ее журнале боевых действий: «Батарея на позициях (старых), огонь по окопам противника, был замечен взвод батареи неприятеля, который начал обстреливать сторожевое охранение Улан. Батарея обстреляла этот взвод и заставила его замолчать. Одна очередь попала в передки этого взвода, который разбежался. В 12 ч. дня противник, желая увести орудия, зажег халупу перед взводом. Батарея обстреляла местность за пожаром и не дала противнику возможность увести орудия. Обстреляли передки взвода за деревней. Они стали собираться в одном из дворов, его обстреляли. В результате огня по деревне в двух местах возник пожар. Противник, пользуясь пожаром, пытался увести орудия, но не смог. 1 взвод обстреливал подходившие к речке части противника и шедшие вдали обозы. Ночью на старый бивак (Навы)»[729]. 2-я бригада с 5-й батареей и пехотными частями 24 августа располагалась южнее, в районе Старомлына: «XXXI корпус отошел на Мотоль. Наша дивизия заняла фланг от р. Ясельды через Белое озеро — Здитово — Спорово. Южный фронт занимают 6 рот 180 Виндавского полка (45 пехотной дивизии), драгуны и наша батарея. Противник занял Старомлын и лес севернее, выс. 70,2, Жабер, Олесец. Виндавскому полку приказано занять выс. 70,2, выбить противника из леса и выровнять фронт на Ясельде за Старомлыном. Атака не удалась. На ночь отошли в Маневичи»[730]. Здитово здесь — не та деревня, вблизи которой располагались уланы, а одноименная деревня между тремя озерами — Белое, Черное и Споровское.

Вот как события этих двух дней, точнее двух ночей, с 23 на 24 и с 24 на 25 августа, последующего отхода улан и неудачного наступления немцев отражены в XV главе «Записок кавалериста».

XV

Ночь была тревожная, — все время выстрелы, порою треск пулемета. Часа в два меня вытащили из риги, где я спал, зарывшись в снопы, и сказали, что пора идти в окоп. В нашей смене было двенадцать человек

под командой подпрапорщика. Окоп был расположен на нижнем склоне холма, спускавшегося к реке. Он был неплохо сделан, но зато никакого отхода, бежать приходилось в гору по открытой местности. Весь вопрос заключался в том, в эту или следующую ночь немцы пойдут в атаку. Встретившийся нам ротмистр посоветовал не принимать штыкового боя, но про себя мы решили обратное. Все равно уйти не представлялось возможности.

Когда рассвело, мы уже сидели в окопе. От нас было прекрасно видно, как на том берегу немцы делали перебежку, но не наступали, а только окапывались. Мы стреляли, но довольно вяло, потому что они были очень далеко. Вдруг позади нас рявкнула пушка, — мы даже вздрогнули от неожиданности, — и снаряд, перелетев через наши головы, разорвался в самом неприятельском окопе. Немцы держались стойко. Только после десятого снаряда, пущенного с тою же меткостью, мы увидали серые фигуры, со всех ног бежавшие к ближнему лесу, и белые дымки шрапнелей над ними. Их было около сотни, но спаслось едва ли человек двадцать.

За такими занятиями мы скоротали время до смены и уходили весело, рысью и по одному, потому что какой-то хитрый немец, очевидно отличный стрелок, забрался нам во фланг и, не видимый нами, стрелял, как только кто-нибудь выходил на открытое место. Одному прострелил накидку, другому поцарапал шею. «Ишь ловкий!» — без всякой злобы говорили о нем солдаты. А пожилой почтенный подпрапорщик на бегу приговаривал: «Ну и веселые немцы! Старичка и того расшевелили, бегать заставили».

На ночь мы опять пошли в окопы. Немцы узнали, что здесь только кавалерия, и решили во что бы то ни стало форсировать переправу до прихода нашей пехоты. Мы заняли каждый свое место и, в ожидании утренней атаки, задремали, кто стоя, кто присев на корточки.

* * *

Песок со стены окопа сыпался нам за ворот, ноги затекали, залетавшие время от времени к нам пули жужжали, как большие, опасные насекомые, а мы спали, спали слаще и крепче, чем на самых мягких постелях. И вещи вспоминались все такие милые — читанные в детстве книги, морские пляжи с гудящими раковинами, голубые гиацинты. Самые трогательные и счастливые часы, это — часы перед битвой.

Караульный пробежал по окопу, нарочно по ногам спящих, и, для верности толкая их прикладом, повторял: «Тревога, тревога». Через несколько мгновений, как бы для того, чтобы окончательно разбудить спящих, пронесся шепот: «Секреты бегут». Несколько минут трудно было что-нибудь понять. Стучали пулеметы, мы стреляли без перерыва по светлой полосе воды, и звук наших выстрелов сливался со страшно участившимся жужжаньем немецких пуль. Мало-помалу все стало стихать, послышалась команда: «Не стрелять», — и мы поняли, что отбили первую атаку.

После первой минуты торжества мы призадумались, что будет дальше. Первая атака обыкновенно бывает пробная, по силе нашего огня немцы определили, сколько нас, и вторая атака, конечно, будет решительная, они могут выставить пять человек против одного. Отхода нет, нам приказано держаться, что-то останется от эскадрона?

Поглощенный этими мыслями, я вдруг заметил маленькую фигурку в серой шинели, наклонившуюся над окопом и затем легко спрыгнувшую вниз. В одну минуту окоп уже кишел людьми, как городская площадь в базарный день.

— Пехота? — спросил я.

— Пехота. Вас сменять, — ответило сразу два десятка голосов.

— А сколько вас?

— Дивизия.

Я не выдержал и начал хохотать по-настоящему, от души. Так вот что ожидает немцев, сейчас пойдущих в атаку, чтобы раздавить один-единственный несчастный эскадрон. Ведь их теперь переловят голыми руками. Я отдал бы год жизни, чтобы остаться и посмотреть на все, что произойдет. Но надо было уходить.

Мы уже садились на коней, когда услыхали частую немецкую пальбу, возвещавшую атаку. С нашей стороны было зловещее молчание, и мы только многозначительно переглянулись.

К утру 25 августа к позициям остававшегося еще у Ясельды эскадрона ЕВ Уланского полка у Пересудовичей с юга подошли части 45-й пехотной дивизии. Вот как события эти отражены в журнале боевых действий батареи: «На позициях в 4 ч. ночи (старые позиции у д. Пересудовичи). В 6 ч. вечера противник открыл огонь по наблюдательному пункту 1 взвода, а 1 взвод — по халупе, у которой весь день замечено было шевеление противника. Халупа загорелась. В 6 ½ ч. вечера все три взвода снялись с позиции и вернулись на старый бивак. В 11 ч. вечера батарея по тревоге оседлана и с тремя эскадронами Улан пошли к шоссе и дальше на северо-восток»[731]. «Удалось занять часть высоты 70,2. Батарея выбила противника, и пехота заняла опушку леса и часть высоты. В 11 ч. ночи приказали перейти в Борки. Шли через Ново-Пески — Речицу — шоссе Косов — Паньки, прибыли в 12 ч. дня»[732].

В течение дня 25 августа и в ночь с 25 на 26 августа вся дивизия была переброшена на восток, за Ивацевичи, более чем на 50 верст: «Переход в район д. Борки — Добрынево (52 версты)»[733]. «В 10 ч. утра батарея встала на бивак в д. Подстарины. Армия отошла от линии Ясельды. Задача дивизии — наблюдать левый фланг 29 Армейского корпуса»[734]. «Пройдено 55 верст — по тяжелому песку. Было приказано очистить бивак для штаба III Кавказского корпуса, батарея перешла в Любищин»[735]. Донесение от 1-й бригады и Уланского полка: «От Шевича. 1 бригада благополучно стала на бивак. Штаб бригады, конно-гренадер и 2-й батареи — в Подсосны, Уланы — в Озерце»[736]. Все эти пункты размещаются севернее и восточнее Ивацевичей, недалеко от реки Щара.

Скорее всего, именно утром в Озерце Гумилев мог получить телеграмму из Петрограда от Ахматовой — о смерти ее отца 25 августа. Озерец расположен в непосредственной близости от крупной железнодорожной станции Ивацевичи, и требовалось не более суток, чтобы добраться оттуда до Петрограда. Предположительно, Гумилев так и поступил. Военные документы за последующие 4 дня говорят о том, что после дальнего перехода войскам был предоставлен отдых на несколько дней, до конца августа. Осуществлялось лишь дальнейшее перемещение отдельных частей южнее Ивацевичей на новые позиции вдоль Огинского канала. Как и ранее, воз-

можная краткосрочная отлучка Гумилева из полка никак не отмечена в приказах. Напомню также, что в эти дни полком командовал хорошо знавший Ахматову и, возможно, ее отца полковник М.Е. Маслов, что упрощало неофициальную отлучку Гумилева по «уважительной причине».

Небольшое «лирическое отступление» о посещении этих мест в августе 1991 года… Долина Ясельды представляет собой широкий заболоченный луг. Соседние деревни на противоположных берегах отстоят друг от друга на несколько километров. Связь между ними — по прорытым искусственно каналам. Пройти через эти луга можно только в сухое лето, каким было лето 1915 года. Об этом сказано в одном из документов: «Только сухость 1915 г. дала возможность двигаться в районе Ходаки — Забайлы — Гичицы — Козики — Великая Гать — Оброво — Корочин. По обочинам каналов можно ездить верхом. Дорога Гичицы — Козики — Святая Воля — Телеханы — Озаричи — Логишин, широкая (песок)»[737]. В расположенной напротив Пересудовичей белорусской деревне Большие Матвеевичи (именно там и в соседней дер. Шилин стояла немецкая артиллерия) нам удалось побеседовать с местным старожилом Василием Петровичем Омелюсиком. Ровесник века, обладающий исключительной памятью (но потерявший зрение), он, без какой бы то ни было подсказки, живо рассказал нам, как в 20-х числах августа 1915 года их хутор Костюки и соседнее село Большие Матвеевичи, где стояли немцы, были обстреляны русской артиллерией со стороны Пересудовичей. Вспомнил он и о том, что лето того года было очень сухим, и немцы могли ехать по полю до самой реки на лошадях. С местным населением никаких конфликтов не было. Когда мы посетили эти места спустя 76 лет, лето было тоже сухим, и у нас тоже не было никаких конфликтов с местным населением. Если не считать бурных «политических» диспутов, состоявшихся в воинской гостинице поселка Береза вечером того же дня, — было это в памятный день 19 августа 1991 года…

Странным образом отражена эта неделя в «Трудах и днях» Павла Лукницкого: «1915, 21–28 августа. Просидел в обозе 2-го разряда. Встреча с В.К. Неведомским, который был прапорщиком артиллерии при штабе дивизии»[738]. Действительно, с Неведомским Гумилев встречался, но не только в эту неделю, а постоянно, пребывая в Уланском полку. Но невозможно быть — «прапорщиком артиллерии при штабе дивизии». Неведомский был произведен в прапорщики 5-й батареи Конной артиллерии 13 февраля 1915 года[739], а затем, с 1 июля 1915 года, был назначен комендантом штаба дивизии[740]. Участвовать же в бою, сидя «в обозе 2-го разряда», — как мне кажется, весьма затруднительно. Подробнее об этом было сказано выше. Это к вопросу о том, что необходимо критично подходить к «Трудам и дням» Лукницкого.

Хотя Гумилев, предположительно, последние дни августа провел в дороге и в Петрограде, кратко расскажем о событиях этого времени на фронте, и не только на гумилевском. 27 августа брат Гумилева Дмитрий, поручик 294-го пехотного Березинского полка, воевавшего в других краях, был награжден очередным орденом: «Высочайшим приказом от 27 августа 1915 г. за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Владимира 3 ст. с мечом и бантом». Ранее, этим же летом, Дмитрий Гумилев был награжден еще двумя орденами: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» — 15 июля, и Св. Станислава 3-й ст. с мечом и бантом — 9 августа[741].

На Белорусском же фронте с 27 по 29 августа в батареях и некоторых других частях дивизии была объявлена дневка[742]. Любопытный документ был зачитан в полках дивизии 28 августа: «Было объявлено о наборе в партизанские отряды. Из Уланского полка передают, что охотников для поступления в партизанский отряд среди г. офицеров и нижних чинов не оказалось вследствие незнания предъявленной задачи»[743]. 29 августа началась переброска полков в район Телеханы. Был объявлен приказ по дивизии: «Приказ № 4366 — 9–30 вечера. Приказано в ночь с 30 на 31 отойти за р. Щару (штаб армии в Ляховичи). 1 бригада: разведка в полосе, ограниченной с востока дорогой Козики — Гичицы — Паньки — Озерец включ. и с юга дорогой Великая Гать — Вулька-Обровская — Житлино — Корочин — ур. Выгонин вкл. 2 бригада — южнее. Особое внимание обратить на: 1) Козики — Гичицы — Озерец; 2) Гичицы — Забайлы — Корочин; 3) Гичицы — Ходаки — Корочин; 4) Козики — Вулька-Обровская — Житлино и на юг по каналу; 5) Великая Гать — Оброво — оз. Споровское; 6) Глинная — Гоща — р. Ясельда; 7) Клетная — Мотыль. **От 1 бригады выставить 1 сентября в 8 ч. утра дежурную часть в составе эскадрона с 2-мя пулеметами к дому лесника у ручья на дороге между Козики и Святая Воля.** Способы разведки — самые разнообразные (на конях, пешком, с переодеванием и т. д.). Штаб — Телеханы. ‹…› 8–15 вечера. Приказ № 4363. Расположение в районе Святая Воля — Бобровский — Выгонощи — Телеханы. 1 бригаде: (со 2-й Гвардейской конной батареей и пулеметной командой) — в районе Святая Воля — Великая Гать»[744]. «Батарея с гусарами перешла через Паньки — Гичицы — Великая Гать — Святая Воля — Долгая — Телеханы, куда пришли в 3 ч. утра (48 верст). Стоянка на биваке до 1 сентября»[745]. Выделенное в тексте приказа задание для 1-й бригады на 1 сентября относится к тем событиям, в которых уже успел принять участие Николай Гумилев, о них подробно рассказано в XVI главе «Записок кавалериста».

В уже неоднократно цитируемом официальном журнале участия в боях 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии последняя приведенная выше запись относилась к 25 августа. Далее представлены следующие записи, начиная от конца августа, за сентябрь, пока Гумилев еще оставался в полку, и вплоть до конца ноября:

«Арьергардные бои по прикрытию отхода 3-ей Армии:

— Бои в районе Козики — Великая Гать — Святая Воля — Бобровичи: — с 30 августа по 3 сентября.

— Бои в районе Клетная — Глинная: — 3 сентября.

— Расположение по Огинскому каналу и бои за переправы у Выгонощи — Телеханы — Краглевичи — Озаричи — Твардовка: — с 4 по 6 сентября.

Логишинская операция:

— Встречный бой у д. Речки: — 8 сентября.

— Наступательный бой в районе Вулька-Лавская — Хворосно: — 9 сентября.

— Бои в районе Тростянка — Шпановка: — с 10 по 11 сентября.

— Бои у Гортоля: — с 12 по 13 сентября.

Бои по прикрытию направлений от Выгонощи и Телеханы (к востоку от Огинского канала):

— Расположение на фронте Родзяновичи — Край — Буда: — с 14 по 21 сентября.

— Усиленная рекогносцировка у Гортоли: — 22 сентября.

— Усиленная рекогносцировка в районе Сомино — Гортоли: — с 25 по 26 сентября.

— Расположение на фронте Родзяновичи — Сомино — Гортоль: — с 27 сентября по 7 октября.

— Бои у Выгонощи, Вулька и Телеханы и закрепление позиций на фронте восточнее окраины дер. Выгонощи — Вулька и западнее опушки Телеханского леса: — с 8 по 12 октября.

— Расположение на фронте и закрепление позиции Выгонощи — Вулька — Телеханы: — 23 ноября.

Начальник Штаба Капитан Дурново»[746].

Гумилев окончательно покинул полк после 20 сентября, но, как следует из этого документа, до конца ноября 1915 года никаких перемещений войск и существенных боевых действий во 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, куда входил лейб-гвардии Уланский полк, не происходило.

Если Гумилев побывал в Петрограде в конце августа, то возвратился в полк он предположительно 29 августа, о чем свидетельствует пометка Лукницкого при описании несохранившегося письма к матери от 30 августа — «вчера вернулся в полк». Очевидно, что с этим же письмом связана запись в «Трудах и днях»: «**1915. 29 августа.** Прибыл в полк, с трудом его разыскав»[747]. Все это подтверждает посещение Гумилевым Петрограда именно в связи со смертью отца Ахматовой. Почему сама Анна Андреевна не рассказала об этом Лукницкому, но вспомнила мифическое августовское посещение вечера Сологуба — остается загадкой. Но таких загадок своим биографам она оставила множество…

30 августа командир Уланского полка Княжевич приказом № 117 был перемещен на должность командира 2-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии[748]. В этот же день в дивизии было «получено приказание перейти в район Святая Воля — Телеханы — Вулька для обеспечения правого фланга XXXI Армейского корпуса. Гусарский полк с 5-й батареей перешел в Телеханы (58 верст)»[749]. В журнале боевых действий взаимодействующей с Уланским полком 2-й батареи сказано: «Отход армии за Щару назначен на 31 августа. Дивизии приказано охранять правый фланг XXXI Армейского корпуса, в районе которого и приказано сосредоточиться дивизии. Батарея выступила в 11 ч. утра и с Драгунским полком пошла на Телеханы, не дойдя которых встали в районе 1-й бригады в д. Малая Гать на бивак в 7 ч. вечера. Дневка до 1 сентября»[750]. В этот день гумилевский эскадрон ЕВ участвовал в сложной разведке. В донесении от командира эскадрона ЕВ Кропоткина командиру Уланского полка Маслову сказано: «Донесение Маслову от Кропоткина. 2 ч. дня. 1) Дорога Святая Воля — Бусса вполне проходима для всех родов войск. Мост через Ясельду деревянный, вполне исправный. Рядом с мостом брод. 2) Дорога, идущая через дер. Гоща, Кошловичи, Мотоль, плохо проходима. Южнее дер. Гоща она пригодна лишь для пехоты. Через р. Ясельду брод хороший. ‹…› От помощника заведующего работой штаба 3 Армии узнал, что 27 пехотная дивизия заняла позицию по линии дер. Ополь. Штаб в дер. Пейшово. В случае отхода XXXI корпус займет укрепленные позиции по линии дер. Мотоль — Смердячи — Огова»[751]. О сложности выполненной работы говорит то, что эскадрон ЕВ Уланского полка понес заметные потери, о чем было объявлено в приказе по полку: «Приказ № 411 от 31 августа (Святая Воля) ‹…› § 2.

Пропавших без вести эскадронов: ЕВ — унтер-офицера Михаила Иванова, ефрейтора Ивана Назаренко, уланов Василия Богданова, Юлиана Бутвиловича, Ивана Касперовича, № 5 — (двое) ‹…› исключить из списка полка»[752].

31 августа, когда Гумилев уже наверняка вернулся в полк, в приказе по дивизии повторяется указание по охране дороги уланами: «Приказ № 4380. 11–45 утра. Во исполнение приказа № 4366 от 29 августа: 1-я бригада: разведка в полосе с востока Козики — Гичицы — Паньки — Озерец вкл., с юга Великая Гать — Святая Воля — Воля-Обровская — Спорово. Разведать пути: Козики — Гичицы — Озерец; Гичицы — Забайлы — Корочин; Ходаки — Корочин; Вулька-Обровская и далее на юг по каналу; д. Оброво и далее по каналу. ‹…› 1-й бригаде: охранять у ручья на дороге Святая Воля — Козики (с пулеметом)»[753].

Столкновение у домика лесника 1 сентября 1915 года

1 сентября эскадрон Гумилева был оставлен в д. Козики для прикрытия единственной в этой местности проходимой дороги. В приказе по дивизии за этот день сказано: «Приказ № 4395. 10 ч. утра. Телеханы. Противник занимает Любищицы — Яглевичи — Гичицы — Ходаки — Житлин. Приказываю: 1) 1 бригаде — не допустить противника в район Святая Воля, наблюдая за Козики, Бобровичи, Выгонощи и в направлении от Ходаки до Оброво. Отбивать отряды противника (они небольшие), населению приказывать уходить восточнее канала на Ганцевичи, не оставляя никакого скота западнее канала. Торопить население необходимо всеми мерами. Разведать дорогу из Логишина на Мартыновку»[754]. События этого и следующего дня отражены в XVI главе «Записок кавалериста».

Идущая через Козики, Великую Гать, Святую Волю, Телеханы, Озаричи, Логишин дорога пересекает леса и болота и до сих пор является единственной проходимой дорогой в этой местности, которая пересекает пинские леса и болота и связывает город Пинск с Брестским трактом. Прикомандированные к 31-му Армейскому корпусу уланы прошли Козики и остановились, как сказано в приказе, у дома лесника. В этом месте и происходили описываемые в XVI главе события.

XVI

Корпус, к которому мы были прикомандированы, отходил. Наш полк отправили посмотреть, не хотят ли немцы перерезать дорогу, и если да, то помешать им в этом. Работа чисто кавалерийская.

Мы на рысях пришли в деревушку, расположенную на единственной проходимой в той местности дороге, и остановились, потому что головной разъезд обнаружил в лесу накапливающихся немцев. Наш эскадрон спешился и залег в канаве по обе стороны дороги.

Вот из черневшего вдали леса выехало несколько всадников в касках. Мы решили подпустить их совсем близко, но наш секрет, выдвинутый вперед, первый открыл по ним пальбу, свалил одного человека с конем, другие ускакали. Опять стало тихо и спокойно, как бывает только в теплые дни ранней осени.

Перед этим мы больше недели стояли в резерве, и неудивительно, что у нас играли косточки. Четыре унтер-офицера, — я в том числе, — выпросили у поручика разрешение зайти болотом, а потом опушкой

леса во фланг германцам и, если удастся, немного их пугнуть. Получили предостережение не утонуть в болоте и отправились.

С кочки на кочку, от куста к кусту, из канавы в канаву мы наконец, не замеченные немцами, добрались до перелеска, шагах в пятидесяти от опушки. Дальше, как широкий светлый коридор, тянулась низко выкошенная поляна. По нашим соображениям, в перелеске непременно должны были стоять немецкие посты, но мы положились на воинское счастье и, согнувшись, по одному быстро перебежали поляну.

Забравшись в самую чащу, передохнули и прислушались. Лес был полон неясных шорохов. Шумели листья, щебетали птицы, где-то лилась вода. Понемногу стали выделяться и другие звуки, стук копыта, роющего землю, звон шашки, человеческие голоса. Мы крались, как мальчишки, играющие в героев Майн Рида или Густава Эмара, друг за другом, на четвереньках, останавливаясь каждые десять шагов. Теперь мы были уже совсем в неприятельском расположении. Голоса слышались не только впереди, но и позади нас. Но мы еще никого не видели.

Не скрою, что мне было страшно тем страхом, который лишь с трудом побеждается волей. Хуже всего было то, что я никак не мог представить себе германцев в их естественном виде. Мне казалось, что они то, как карлики, выглядывают из-под кустов злыми крысиными глазками, то огромные, как колокольни, и страшные, как полинезийские боги, неслышно раздвигают верхи деревьев и следят за нами с недоброй усмешкой. А в последний миг крикнут: «А, а, а!» — как взрослые, пугающие детей. Я с надеждой взглядывал на свой штык, как на талисман против колдовства, и думал, что сперва всажу его в карлика ли, в великана, а потом пусть будет что будет.

* * *

Вдруг ползший передо мной остановился, и я с размаху ткнулся лицом в широкие и грязные подошвы его сапог. По его лихорадочным движениям я понял, что он высвобождает из ветвей свою винтовку. А за его плечом на небольшой темной поляне, шагах в пятнадцати, не дальше, я увидел немцев. Их было двое, очевидно случайно отошедших от своих: один — в мягкой шапочке, другой — в каске, покрытой суконным чехлом. Они рассматривали какую-то вещицу, монету или часы, держа ее в руках. Тот, что в каске, стоял ко мне лицом, и я запомнил его рыжую бороду и морщинистое лицо прусского крестьянина. Другой стоял ко мне спиной, показывая сутуловатые плечи. Оба держали у плеча винтовки с примкнутыми штыками.

Только на охоте за крупными зверьми, леопардами, буйволами, я испытал то же чувство, когда тревога за себя вдруг сменяется боязнью упустить великолепную добычу. Лежа, я подтянул свою винтовку, отвел предохранитель, прицелился в самую середину туловища того, кто был в каске, и нажал спуск. Выстрел оглушительно пронесся по лесу. Немец опрокинулся на спину, как от сильного толчка в грудь, не крикнув, не взмахнув руками, а его товарищ, как будто только того и дожидался, сразу согнулся и, как кошка, бросился в лес. Над моим ухом раздались еще два выстрела, и он упал в кусты, так что видны были только его ноги.

«А теперь айда!» — шепнул взводный[755] *с веселым и взволнованным лицом, и мы побежали. Лес вокруг нас ожил. Гремели выстрелы, скакали кони, слышалась команда на немецком языке. Мы добежали до опушки,*

но не в том месте, откуда пришли, а много ближе к врагу. Надо было перебежать к перелеску, где, по всей вероятности, стояли неприятельские посты.

После короткого совещания было решено, что я пойду первым, и если буду ранен, то мои товарищи, которые бегали гораздо лучше меня, подхватят меня и унесут. Я наметил себе на полпути стог сена и добрался до него без помехи. Дальше приходилось идти прямо на предполагаемого врага. Я пошел, согнувшись и ожидая каждую минуту получить пулю вроде той, которую сам только что послал неудачливому немцу. И прямо перед собой в перелеске я увидел лисицу. Пушистый красновато-бурый зверь грациозно и неторопливо скользил между стволов. Не часто в жизни мне приходилось испытывать такую чистую, простую и сильную радость. Где есть лисица, там наверное нет людей. Путь к нашему отступлению свободен.

* * *

Когда мы вернулись к своим, оказалось, что мы были в отсутствии не более двух часов. Летние дни длинны, и мы, отдохнув и рассказав о своих приключениях, решили пойти снять седло с убитой немецкой лошади.

Она лежала на дороге перед самой опушкой. С нашей стороны к ней довольно близко подходили кусты. Таким образом, прикрытие было и у нас, и у неприятеля.

Едва высунувшись из кустов, мы увидели немца, нагнувшегося над трупом лошади. Он уже почти отцепил седло, за которым мы пришли. Мы дали по нему залп, и он, бросив все, поспешно скрылся в лесу. Оттуда тоже загремели выстрелы.

Мы залегли и принялись обстреливать опушку. Если бы немцы ушли оттуда, седло и все, что в кобурах при седле, дешевые сигары и коньяк, все было бы наше. Но немцы не уходили. Наоборот, они, очевидно, решили, что мы перешли в общее наступление, и стреляли без передышки. Мы пробовали зайти им во фланг, чтобы отвлечь их внимание от дороги, они послали туда резервы и продолжали палить. Я думаю, что, если бы они знали, что мы пришли только за седлом, они с радостью отдали бы нам его, чтобы не затевать такой истории. Наконец мы плюнули и ушли.

Однако наше мальчишество оказалось очень для нас выгодным. На рассвете следующего дня, когда можно было ждать атаки и когда весь полк ушел, оставив один наш взвод прикрывать общий отход, немцы не тронулись с места, может быть ожидая нашего нападения, и мы перед самым их носом беспрепятственно подожгли деревню, домов в восемьдесят, по крайней мере. А потом весело отступали, поджигая деревни, стога сена и мосты, изредка перестреливаясь с наседавшими на нас врагами и гоня перед собою отбившийся от гуртов скот. В благословенной кавалерийской службе даже отступление может быть веселым.

С одним из разъездов Уланского полка Гумилев остался в Козиках. При отходе Козики и другие деревни были подожжены. Дом лесника, у которого остановился эскадрон Гумилева, с тех пор исчез, а ручей-канава по-прежнему пересекает дорогу, по которой уланы утром 2 сентября 1915 года отошли вслед за отступившими накануне частями. Предостережение «не утонуть в болоте» актуально и в наши дни, о болотистости местности говорит уже название деревни — Великая Гать. Пройдя села Великая Гать, Святая Воля и Телеханы (все эти звучные названия сохранились до наших дней), эскадрон, в котором служил Гумилев, отошел вслед за остальными частями дивизии за Огинский канал.

Этот живописный когда-то канал соединяет реки Щара и Ясельда. Он был проложен в 1768–1783 годах. Сложная система шлюзов работала до 1940 года, пока он принадлежал Польше. На канале было поставлено семь шлюзов, отсчет шлюзов шел в направлении с юга на север: шлюз № 1 находился в начале Огинского канала у Ясельды, а последний шлюз № 7 — к югу от Телехан. Остатки некоторых шлюзов сохранились до наших дней. Канал был судоходным, на его берегах располагались купальни, парки, все это можно видеть на довоенных польских открытках. Во время следующей войны и в наше время — почти все было разрушено, канал зарастает и гибнет, но когда пришлось побывать там в начале 1990-х годов, еще ощущалась его былая красота.

Утром 2 сентября корпус, к которому были прикомандированы уланы, благополучно отошел: «XXXI Армейский корпус отошел за Огинский канал. Дивизии приказано отойти тоже за канал. В 5 ч. утра батарея выступила и пошла на сборный пункт бригады в д. Святая Воля, откуда в 6 ч. утра бригада пошла на м. Логишин. Батарея шла в середине колонны за Лейб-Гвардии Уланским полком. Пройдя м. Логишин, батарея встала на бивак в д. Ковнятин. Задача дивизии — наблюдать к западу от Огинского канала и охранять правый фланг XXXI армейского корпуса»[756]. В приказах по дивизии за этот день предписывалось: «Приказ № 4409 от 2 сентября (12 ч. 30 м. ночи, Телеханы). Приказано отойти на линию Рудня — Домашицы. Нашей дивизии занять главными силами Огинский канал, имея сильную разведку к западу, и сосредоточить на левом фланге большую часть дивизии. 1 бригаде — выступить из Святой Воли в 6 часов утра и двигаться на д. Турная — Омельная — Озаричи — Логишин. Притянуть к бригаде разведывательные эскадроны, оставив в Козики, Вулька-Обровская и Оброво по сильному разъезду (в 12 ч. дня они будут заменены драгунами). Штабу дивизии перейти в госп. двор Ковнятин или Мокрую Дуброву. ‹…› Приказ № 4413 от 2 сентября (1 ч. 15 м. дня, Мокрая Дуброва). 1 бригаде выбрать позиции для обстрела переправ через канал восточнее Озаричи, участок канала между шлюзами 4 и 3 и район Ольшанка — Твардовка. Остальным частям, свободным от нарядов, оставаться в Логишине в полной готовности. 1 бригаде препятствовать всякой попытке перейти канал на фронте шлюз № 4 — р. Ясельда. ‹…›» [757].

Основной театр военных действий в течение нескольких последующих месяцев размещался в лесах, болотах, небольших деревнях, на берегах каналов, располагавшихся между относительно крупными населенными пунктами — Телеханы и Логишин. В них периодически размещались штабы дивизии и других частей. Из Логишина велись наблюдения к западу от Огинского канала, с обороной дороги Телеханы — Хотеничи и Выгонощи — Хотеничи. Противник, начиная с 3 сентября, предпринял ряд попыток форсировать Огинский канал, чтобы продолжить наступление. Однако этот рубеж удалось сильно укрепить, и войска задержались здесь надолго, вплоть до переброски на другой фронт в начале 1916 года. Но Гумилева те события уже не касались. Его служба в Уланском полку подходила к концу, на фронте он оставался еще в течение чуть более двух недель. Но до самого

отбытия в Петроград он участвовал во всех операциях Уланского полка. Самые яркие эпизоды этих двух последних недель попали в заключительную главу «Записок кавалериста» — о них будет рассказано подробно. Хочется обратить особое внимание на полную согласованность «Записок» и соответствующих документов.

После отхода за Огинский канал Уланский полк со 2 по 4 сентября стоял вначале в Телеханах, потом в Логишине, ныне небольших белорусских городках, в центре которых расположились рядом, что очень типично для Белоруссии, православный храм и готический костел. Позиции вдоль Огинского канала были сильно укреплены, и до сих пор в окрестных лесах можно обнаружить оплывшие, но неплохо сохранившиеся окопы, траншеи и доты времен Первой мировой войны. Неожиданно можно встретить в густом лесу неизвестно куда ведущую, заросшую и искривленную узкоколейку с сохранившимися рельсами.

В приказе по дивизии от 3 сентября было объявлено: «Приказ № 4456, 7–45 вечера, Мокрая Дуброва. Приказано решительно, до последней крайности, оборонять позиции по р. Ясельда, не допуская переправы через канал. 1 бригаде: занять шлюз № 4 — 2-мя эскадронами с пулеметом, шлюз № 3 — 1-м эскадроном с пулеметом; в дер. Шпановка иметь 2 эскадрона в резерве; промежуток № 3 — № 4 — ½ эскадрона наблюдателей. Остальным частям 1 бригады оставаться на ночлег в районе Логишин с готовностью выступить по тревоге немедленно»[758]. Донесения от других частей за этот день: «Появилась неприятельская пехота. От шлюза № 4 к югу находится 1 бригада, к северу — Драгуны»[759]. «Переход к Логишину, старый бивак. Содействие кавалерии»[760]. «Позиции у Мартыновки на Огинском канале. Были обстреляны и вернулись. Противник сбил охранение Конно-гренадер. В 11 ч. дня вся батарея соединилась у выс. 79,2 и открыла огонь по шлюзу № 3. Германцы были рассеяны»[761].

4 сентября столкновения с неприятелем продолжились. Из журнала боевых действий взаимодействующей с уланами 2-й батареи: «Позиции у Логишина (3 взвода — Тростянка). В 5 ½ ч. дня пришло приказание дивизии наблюдать и оборонять дороги Телеханы — Хотеничи, Выгонощи — Хотеничи, для чего 3 эскадрона Л.-Гв. конно-гренадерского полка со 2-й батареей идти на Телеханы. Дойдя до Гуты — на бивак. Ввиду отхода гусар от Озаричи, 3 взвод встал на позиции у д. Валище, куда тоже подошли 2 эскадрона улан, чтобы сдерживать наступление противника. В 9 ч. вечера гусары отошли за канал и были сменены батальоном 106 пехотного Уфимского полка. Взвод с 2-мя эскадронами Улан пошел на присоединение к батарее в Гуты, куда пришел в 5 ч. утра»[762]. От 5-й батареи: «Позиции у высоты 79,2 (шлюзы № 2 и № 3). В 9 ч. вечера получено приказание перейти в Гортоль. Шли через Вульку-Лавскую — ф. Буда, прошли 30 верст и пришли в 3–30 ночи. Дорога тяжелая — песок»[763]. К вечеру в штабе дивизии было получено донесение: «4 эскадрона улан, 2 ½ эскадрона конно-гренадер и 2 взвода 5 батареи прибыли в Гортоль»[764].

С 5 по 9 сентября Уланский полк стоял в Рудне. 5 сентября от Гусарского полка пришло донесение: «Полк присоединился к дивизии в д. Гортоль»[765]. В журналах боевых действий 2-й и 5-й батарей появились записи: «XXXI Армейский корпус отошел к востоку, так что правый фланг его был у д. Пучины. Ввиду появившихся разъездов противника у д. Вулька-Лавская бригада отошла к востоку. Батарея перешла в Речки, бивак в Липники. Дивизия была разделена на 2 отряда: отряд флигель-адъютанта полковника

Джунковского, в состав которого вошли Драгуны, 3 эскадрона конно-гренадер, 2 эскадрона гусар и 1 взвод 5 батареи. Остальные части дивизии (*включая Уланский полк*) вошли в состав отряда генерала Шевича»[766]. «2 взвода в районе Телехан; 1 — из Гортоля через Буду — Речки, в Рудню. Бивак в Липники (4 версты от Рудни). Простояли в Липниках 6–7 сентября»[767]. 6 сентября гусары сообщали: «Дивизия в районе Речки и Рудня. Разведка»[768]. Никаких боевых действий не происходило, в батареях была дневка до 7 сентября[769]. 7 сентября, как следует из донесений от гусар и конных батарей, возобновились бои: «Наступление немцев на Гортоль. Дивизия в Речки. Выслали Улан на Гортоль, которые очистили эту деревню»[770]. «Отряду Шевича приказано возможно дальше продвинуться вперед, для чего Л.-Гв. Уланскому полку с взводом артиллерии приказано занять Гортоль. В 2 ч. ночи 1 взвод пошел на присоединение к полку в д. Речки. Взвод остался там, так как действовать в лесу артиллерии нельзя. Остался, чтобы принять на себя в случае неудачи Уланский полк. В 7 ч. вечера — на старый бивак»[771]. От Уланского полка пришло донесение в штаб дивизии: «Дер. Речка. Неприятельская кавалерия выбита из дер. Гортоли, которая занята уланами. Разведка на Хворосно и Заборощи производится с 3-мя полевыми эскадронами улан. Эскадрон улан, занимавший Гортоль, оттеснен противником, наступавшим на Телеханы. Отошли к Буде»[772].

8 сентября началась упомянутая в журнале «Логишинская операция» и произошел встречный бой у дер. Речки. Противник с утра перешел в наступление и занял дер. Речки. Было приказано выбить его оттуда. К 6 ч. вечера отряд Шевича, поддержанный 2-й батареей, выбил противника из Речек. Однако в этот день дивизия понесла существенную потерю. Вот как события этого насыщенного дня, в которых участвовал, но которые не упомянул в «Записках кавалериста» Гумилев, описываются в воинских документах. Вначале — донесения от гусар: «Для наступления соединились в Речки. Для задержания приданная дивизии рота 107 Троицкого полка заняла позицию по опушке леса, что восточнее д. Речка. Правее ее — Уланы, левее — Лейб-гусары[773]. ‹…› Было решено принять бой на поляне восточнее д. Речки. На дороге Речки — Рудня окопалась рота 107 полка, правее пехоты — 2 уланских эскадрона»[774]. Донесение от 1-й бригады, в которую входил Уланский полк: «1 бригада занимала район дд. Речки, Рудня, имея сторожевое охранение по линии Край — Гута — Буда и около Вулька-Лавская. Штаб в Рудне. В 1–20 дня противник перешел в наступление и, оттеснив сторожевое охранение, стремительным ударом выбил авангард из д. Речки. Авангард занял позицию восточнее Речки в 1 версте, по опушке леса. Бригада, подошедшая к авангарду, начала контратаку, и в 6 часов вечера, поддержанная огнем 2-х батарей, выбила противника из Речки, причем немцы бежали, бросив 2-х убитых офицеров и несколько нижних чинов. Противник, отойдя от Речки, занял позиции по линии хутор Лозово — дер. Край. Вследствие темноты решено приостановить наступление»[775]. От 2-й батареи: «Перешли в Рудню. Противник с утра перешел в наступление и занял дер. Речки. Приказано их оттуда выбить. В 1 ч. дня батарея встала на позиции юго-западнее кладбища, что по дороге Рудня — Речки. Правее стояла 5 батарея. Ураганным огнем дивизиона выбили противника из Речки, ее заняла пехота. Бивак в Рудне»[776].

Но главное ЧП в этот день случилось в 5-й батарее — во время боя был убит командир батареи полковник Трепов. Об этом весьма образно рассказано в журнале боевых действий батареи: «Позиции западнее Рудни.

Утром пехота (2 роты 107 пехотного полка) заняла Речки; полевые караулы кавалерии западнее деревни. В 12 ч. дня было приказано выбить противника из леса по дороге дер. Гуты и д. Буда. Пехота встретилась с превосходящими силами и отошла назад, заняв позиции восточнее Речки и Гати. Здесь же находился наблюдательный пункт командира батареи. Ввиду возможного обстрела наблюдательного пункта, командир приказал вынести телефон на 100 шагов назад вглубь леса. В это время обнаружилось наступление противника на д. Речки из леса, что западнее деревни. Телефон не работал, и, как оказалось, он был в 15 местах вырезан (вероятно, евреями-беженцами, бывшими в лесу). К началу наступления германцев удалось телефон исправить. В начале 3 часа дня противник стал выходить из леса, и командир батареи передал первую команду: "прицел 100, трубка 98", и для наблюдения стал выходить поближе к опушке леса. Телефонист Л.-гв. гусарского полка младший ун.-оф. Пиотрух, обратясь к командиру батареи, сказал: "Ваше высокоблагородие, в штабе полка говорят, что немцы уже вошли в деревню". "А ну их к черту, я сам вижу", — ответил командир и передал следующую команду. Было 3 ч. 15 м. дня. Ружейная стрельба стала увеличиваться, пули густо ложились вокруг наблюдательного пункта. Немцы, по-видимому, заметили стоявшего полковника Трепова и подпоручика Звягинцева и открыли по ним огонь. Передавая третью команду, полковник Трепов со словами "прицел 100…" — упал, смертельно раненный в грудь навылет. Другая пуля царапнула нос. Несмотря на сильный ружейный огонь, младшие фейерверкеры Зарецкий и Черняков и 2 лейб-гусара-телефониста бросились к телу полковника Трепова и вынесли его из огня[777]. Подпоручик Звягинцев вызвал на наблюдательный пункт капитана Колзакова, до его прихода продолжая обстрел Речки. Из 10 орудий выбили немцев из Речки, подошла и 2 батарея. Бывшие против нас части Гвардейской германской кавалерийской дивизии с приданными ей 9 егерскими батальонами поспешно отошли в лес, бросив раненых и убитых офицеров и нижних чинов. Во время боя около 4-х ч. дня взвод немецкой артиллерии снялся непосредственно за деревней Речки и выпустил 20 патронов. Вслед за ушедшими германцами вошли в Речки наши разведчики и заняли ее. К вечеру послали разведку вглубь леса, и противник не обнаружен до 2-х верст вглубь леса. Вечер — бивак в Липники. Тело убитого полковника Трепова было на подводе в сопровождении направлено в штаб дивизии в м. Хотеничи. Вечером отслужена панихида священником гусарского полка»[778]. В этот день были и другие потери, в том числе и в эскадроне Гумилева. В приказе по Уланскому полку № 419 от 8 сентября 1915 года сказано: «‹…› §4. Раненых сего числа № 4 эскадрона Ивана Большакова, пулевая рана локтя с повреждением кости, и эскадрона ЕВ улана Павла Герасимова, пулевая рана плеча с раздроблением кости, исключить с довольствия с 9 сего сентября. ‹…› Фл.-Ад. Маслов»[779].

На следующий день, 9 сентября, наступление на занятые немцами позиции было продолжено, и активное участие в нем принял гумилевский эскадрон ЕВ: «Простояли в Речки до 12 ч. дня. Туда сосредоточился отряд Генерала Шевича, наш полк и Уланский полк. К этому времени из штаба XXXI-го корпуса пришли сведения, что корпус очень удачно продвигается вперед, немцы беспорядочно отступают. ‹…› Генерал Шевич получил приказание энергично продвинуться вперед на Вульку-Лавскую — Валище с целью действовать во фланг и тыл немцев у Логишина. С этой целью был выслан авангард под началом полковника Маслова в составе 1, 2, 4 Гусарских эскадронов, 1-го (ЕВ) и 4-го Уланских эскадронов и с 2-мя орудиями 2-ой батареи. Вперед был выслан головной отряд под начальством Штабсротмистра Графа Толстого в составе 1-го и 4-го эскадронов гусарского полка. Главные силы авангарда остановились у дома лесника, не доходя 1 ½ версты до дер. Вулька-Лавская. Со стороны Вульки-Лавской доносилась перестрелка, все усиливающаяся для того, чтобы ввести в заблуждение немцев относительно наших действительных сил. Немцы прекратили стрельбу и отошли к Хворосно и начали лихорадочно окапываться. Пленный (немец) рассказал, что в этом районе у них был батальон пехоты, в бою участвуют 2 роты. В 11 часов вечера авангард отошел на бивак в д. Речки»[780]. Донесение от 2-й батареи: «XXXI Армейский корпус перешел в наступление. Бригаде Шевича приказано наступать на его правом фланге. В 1 ч. дня выяснили, что противник очищает лес западнее д. Речки. Занять позиции западнее леса. Командир бригады приказал Уланскому полку с взводом артиллерии занять Вульку-Лавскую. Остальным взводам для содействия этого обстреливать Хворосно. В 4 ч. дня 3-й взвод с уланами пошел на Вульку-Лавскую и, не доходя 3-х верст до деревни, встал на позиции на поляне. Открыли огонь по Вульке и болоту, западнее ее. Батарея открыла огонь по Хворосно. Вулька была занята гусарами. Бивак — в Рудне»[781]. Донесения от отряда с Уланским полком: «Генерал Шевич докладывал: С утра мною приказано произвести усиленную разведку перед фронтом бригады. Ввиду двойственности задачи обеспечивать правый фланг 27 дивизии со стороны Телехан и Хворосно, а также действовать в тыл противника, разведку пришлось вести особо тщательно. К 3 ч. дня она выяснила, что возможно, оставив заслон в направлении на Телеханы, бригаде двинуться в тыл Логишина. Поэтому я решил атаковать противника из окрестностей Вульки-Лавской, выйти на Валище с целью захватить дорогу Логишин — Озаричи, дабы отрезать путь отступления немцев. Для выполнения этого мною было послано 5 эскадронов и взвод артиллерии. Спешенные эскадроны, поддержанные огнем 2-й батареи, атакой в штыки выбили противника из Вульки-Лавской в 6 ч. 30 м. вечера, причем были взяты в плен 2 нижних чина 272 германского пехотного полка здоровых и 6 раненых. В деревне были оставлены немцами 11 убитых. Пленные показали, что Вулька-Лавская была занята ротой пехоты 272 пехотного полка, остальные 3 роты этого батальона занимают Хворосно. Ночная разведка выяснила, что неприятель из Вульки-Лавской отошел на д. Хворосно. Дальнейшее движение считал невозможным, имея на фланге батальон неприятеля. В течение дня 9 сентября и ночью был сформирован заслонный полк Толя из 1 ½ роты 107 пехотного полка и трех эскадронов с 5-й батареей и взводом пулеметной команды в направлении на Телеханы, который сдерживал попытки немецкого наступления из Гортоли на Край — Гута — Буда, и к вечеру прочно закрепились на этой линии. Поэтому, поставив задачей на следующий день с утра выбить противника из Хворосно, для дальнейшего движения решил закрепиться на выигранном пространстве»[782]. 5-я батарея, потерявшая накануне своего командира, в этих боях не участвовала: «Простояли в Речки до темноты. Днем тело полковника Трепова в сопровождении поручика Звягинцева, вахмистра Барышева и старшего фейерверкера Тиренина на автомобиле 41-го отряда отправили в Киев для погребения. На месте смерти сделан крест и повешена икона»[783].

Насыщен событиями был и следующий день, 10 сентября, описанный в заключительной, XVII главе «Записок кавалериста».

Прощание с Уланским полком на берегах Огинского канала

10 сентября наступление было продолжено, однако случилось и непредвиденное событие — гумилевский эскадрон попал под обстрел своей же артиллерии. Лишившаяся командира 5-я батарея в этот день продолжила боевые действия, однако служила лишь заслоном: «Батарея подчинена Графу Толю (4 орудия + 2 эскадрона и 3 роты 107 пехотного полка). Задача — пройти Гортоль, служить заслоном. Батарея на позиции на западной окраине д. Речки, наблюдательный пункт — кладбище восточнее ф. Буда. Сторожевое охранение Гута — Буда — Край. Бивак в Речки»[784]. В журнале боевых действий 2-й батареи, случайно обстрелявшей эскадрон улан, сам этот факт отмечен лишь косвенно: «Батарея выступила с бивака в 6 ч. утра и соединилась в д. Рудня — пошли в д. Речки, где построена в резервную колонну. Позиция для обстрела Хворосно. ‹…› Бригаде приказано было выйти на дорогу Логишин — Озаричи, для чего в 12 ½ дня батарея снялась с позиции и пошла по дороге на д. Валище. В 3 ч. дня бригада подошла к хутору Осина и построилась в резервную колонну. В 6 ¼ час. вечера была замечена рота пехоты противника, проходившего в ¾ версты юго-восточнее хутора Осина. Батарея выехала на позицию и открыла огонь, но в это время рота уже скрылась в лесу. В 7 ч. вечера батарея пошла на бивак в д. Хворосно, куда пришли в 8 ч. вечера»[785]. Донесение от отряда Шевича также мало проясняет случившееся, хотя в нем отмечается неожиданная встреча с противником: «10 сентября генерал Шевич сообщил: 10 сентября утром на хуторе Замостье, что южнее хутора Перечин, хуторе Осина, в д. Валище и далее на переправе Озаричи. В 11 ч., когда авангард уже прошел Вульку-Лавскую, получил Ваше приказание о движении на переправу Озаричи. Оттесняя мелкие части противника, занимавшие хутор Перечин, кон. Брод, выс. 73,7, продолжал двигаться по намеченному мною пути, причем было взято 4 пленных 271 и 272 пехотных полков. В 2 ч. 30 м. дня бригада заняла линию Валище — ур. Тростянка — большая дорога Логишин — Озаричи, выслав сильные разъезды на Логишин, д. Шпановка и на переправу Озаричи. **В 3 ч. дня близ хутора Осина была обнаружена рота пехоты противника, выходящая из леса и шедшая от Логишина на северо-запад. Эта колонна была обстреляна, с близкой дистанции, 2-й батареей, после чего мною было послано 3 эскадрона для атаки в конном строю.** Атаку не удалось довести до конца, так как противник рассыпался в лесу, заваленном срубленными деревьями, открыл огонь. В 7 вечера было получено от Вас приказание о занятии во что бы то ни стало переправы Озаричи, что было уже мною исполнено в 3 ч. 30 м. дня и донесено Вам за № 69. Встал биваком в Хворосно, оставив 2 эскадрона с пулеметами на переправе Озаричи»[786].

Наиболее полно события дня и происшествие изложено в журналах боевых действий Гусарского полка, наблюдавших событие как бы «со стороны»: «XXXI Армейский корпус удачно атаковал немцев, которые начали постепенно отступать[787]. ‹…› Утром были торжественные похороны погибших в славном бою. Похороны были произведены с большой помпой трубачами с депутациями от полков. Часов в 12 дня отряд Генерала Шевича выступил на Вульку-Лавскую, Валище для выполнения задачи. Не доходя 1 версты до д. Валище отряд неожиданно обнаружил около батальона немецкой пехоты, пробиравшегося лесом на запад. **Их увидала группа начальников, выехавших вперед в тот момент, когда немцы переходили поляну. 2-я батарея моментально выехала на позицию и, как потом выяснилось, очень удачно обстреляла 2 эскадрона наших улан под начальством полковника князя Андроникова, уже успевших выйти на дорогу Логишин — Валище.** 3 эскадрона (2-й, 4-й Гусарский и 4-й Уланский под начальством полковника Гревса) были посланы с целью атаковать этот батальон, но момент был упущен. Пройдя лесом по страшной чаще, полковник Гревс с эскадронами по горячим следам наткнулся на тыльную заставу немцев, обстрелявших головной взвод 4-го эскадрона прапорщика князя Оболенского. Страшная чаща не позволила произвести атаку, всем страстно желательную. Полковник Гревс присоединился к бригаде. Ввиду того, что дорога Логишин — Валище наблюдалась Уланами, явилась надежда, что немцы сидят в коробке. От 2-го эскадрона был послан поручик князь Голицын с небольшим разъездом организовать облаву. Идея была усилить наблюдение за дорогой пехотой, а две роты направить обшарить лес со стороны хутора Осина. Поручик князь Голицын с двумя ротами Саратовского полка и охотниками 2-го взвода часа 3–4 шарили по лесу. Выйдя в 11 часов вечера на дорогу, к огорчению своему увидели, что наблюдение вместо того, чтобы быть усиленным, совсем снято, и немцы беспрепятственно перешли дорогу и выскочили из верного мешка. Полк отошел на бивак в д. Хворосно»[788].

Исключительно точно, полно и живописно эти события изображены в начале последней главы «Записок кавалериста».

XVII

На этот раз мы отступали недолго. Неожиданно пришел приказ остановиться, и мы растрепали ружейным огнем не один зарвавшийся немецкий разъезд. Тем временем наша пехота, неуклонно продвигаясь, отрезала передовые немецкие части. Они спохватились слишком поздно. Одни выскочили, побросав орудия и пулеметы, другие сдались, а две роты, никем не замеченные, блуждали в лесу, мечтая хоть ночью поодиночке выбраться из нашего кольца.

Вот как мы их обнаружили. Мы были разбросаны эскадронами в лесу в виде резерва пехоты. Наш эскадрон стоял на большой поляне у дома лесника. Офицеры сидели в доме, солдаты варили картошку, кипятили чай. Настроение у всех было самое идиллическое.

Я держал в руках стакан чаю и глядел, как откупоривают коробку консервов, как вдруг услышал оглушительный пушечный выстрел. «Совсем как на войне», — пошутил я, думая, что это выехала на позицию наша батарея. А хохол, эскадронный забавник, — в каждой части есть свои забавники — бросился на спину и заболтал руками и ногами, представляя крайнюю степень испуга. Однако вслед за выстрелом послышался дребезжащий визг, как от катящихся по снегу саней, и шагах в тридцати от нас, в лесу, разорвалась шрапнель. Еще выстрел, и снаряд пронесся над нашими головами.

И в то же время в лесу затрещали винтовки и вокруг нас засвистали пули. Офицер скомандовал: «К коням», но испуганные лошади уже метались по поляне или мчались по дороге. Я с трудом поймал свою, но долго не мог на нее вскарабкаться, потому что она оказалась на пригорке, а я — в лощине. Она дрожала всем телом, но стояла смирно, зная, что я не отпущу ее, прежде чем не вспрыгну в седло. Эти минуты мне

представляются дурным сном. Свистят пули, лопаются шрапнели, мои товарищи проносятся один за другим, скрываясь за поворотом, поляна уже почти пуста, а я все скачу на одной ноге, тщетно пытаясь сунуть в стремя другую. Наконец я решился, отпустил поводья и, когда лошадь рванулась, одним гигантским прыжком оказался у нее на спине.

Скача, я все высматривал командира эскадрона. Его не было. Вот уже передние ряды, вот поручик, кричащий: «В порядке, в порядке». Я подскакиваю и докладываю: «Штаб-ротмистра нет, ваше благородие!» Он останавливается и отвечает: «Поезжайте, найдите его».

Едва я проехал несколько шагов назад, я увидел нашего огромного и грузного штаб-ротмистра верхом на маленькой гнеденькой лошаденке трубача, которая подгибалась под его тяжестью и трусила, как крыса. Трубач бежал рядом, держась за стремя. Оказывается, лошадь штаб-ротмистра умчалась при первых же выстрелах и он сел на первую ему предложенную.

Мы отъехали с версту, остановились и начали догадываться, в чем дело. Вряд ли бы нам удалось догадаться, если бы приехавший из штаба бригады офицер не рассказал следующего: они стояли в лесу без всякого прикрытия, когда перед ними неожиданно прошла рота германцев. И те, и другие отлично видели друг друга, но не открывали враждебных действий: наши — потому, что их было слишком мало, немцы же были совершенно подавлены своим тяжелым положением. Немедленно артиллерии был дан приказ стрелять по лесу. И так как немцы прятались всего шагах в ста от нас, то неудивительно, и снаряды летали и в нас.

Сейчас же были отправлены разъезды ловить разбредшихся в лесу немцев. Они сдавались без боя, и только самые смелые пытались бежать и вязли в болоте. К вечеру мы совсем очистили от них лес и легли спать со спокойной совестью, не опасаясь никаких неожиданностей.

«Огромный и грузный штаб-ротмистр» — это командир сводного эскадрона улан, штаб-ротмистр Князь Владимир Михайлович Андроников. Обстрел со стороны своей артиллерии не обошелся без последствий. В приказе по Уланскому полку от этого же числа сказано: «Приказ № 421 от 10 сентября. Хворостно. ‹…› § 2. Убитого сего числа, состоящего при эскадроне ЕВ обозного Демьяна Черкасова (похоронен на восточной окраине дер. Речки) исключить из списка полка и с довольствия с 11 сего сентября. § 3. Раненого сего числа ефрейтора эскадрона ЕВ Василия Шумкова, поверхностная рана виска, числить оставшимся в строю. §4. Контуженного сего числа улана эскадрона ЕВ Семена Мазаева в голову числить оставшимся в строю. ‹…› § 6. Убитых сего числа строевых лошадей эскадрона ЕВ коней Двора и Честного и кобылу Арматуру исключить из списка полка и с фуражного довольствия с 11 сего сентября»[789].

Заключительный фрагмент «Записок кавалериста» относится к событию, случившемуся в полку накануне. В приказе по Уланскому полку № 419 от 8 сентября 1915 года было сказано: «§ 3. Вернувшихся из плена № 6 эскадрона унтер-офицеров взводного Сигизмунда Кочмарского и Спиридона Сибилева зачислить в список полка и на довольствие с 7 сентября. ‹…› Фл. Ад. Маслов»[790]. Именно об этих уланах рассказывает Гумилев в заключительных строках «Записок кавалериста». Видимо, в свой полк уланы были направлены только несколько дней спустя — в первые дни их должны были допросить в штабе дивизии, потом им был предоставлен краткий

отдых. Гумилев действительно услышал их рассказ через несколько дней, непосредственно перед своим отъездом в Петроград. Причем его рассказ в точности соответствует тому, как было объявлено о подвиге улан 2 ноября 1915 года в приказе № 5687 по 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии (Гумилева в это время в полку уже давно не было)[791]: «8 сентября возвратились в полк бежавшие из плена уланы Ея Величества взводные унтер-офицеры № 6 эскадрона Сигизмунд Кочмарский и Спиридон Сибилев. Взяты в плен были в ночь на 14 марта в дер. Прулитанцы[792], причем взводный Кочмарский был ранен пулями в бедро и руку. Находясь в лазарете в Вержболове, они просили их не выписывать до тех пор, пока не найдут возможности бежать, и, улучив момент, бежали через подкоп под забором. Сообщившись с еще 8 пленными пехотных полков и вооружившись откопанными из земли по указанию местного жителя винтовками, беглецы шли по солнцу и звездам. По пути они резали все встречавшиеся провода и у дер. Даукше с криком «ура» бросились с тыла на германский полевой караул, обратив его в бегство, затем вышли на наш полевой караул 26 Сибирского стрелкового полка, дав весьма ценные сведения о противнике. Приказ подписан командующими Эрдели и Дурново».

Вот как обо всем этом рассказывает Гумилев в заключительном фрагменте «Записок кавалериста».

* * *

Через несколько дней у нас была большая радость. Пришли два улана, полгода тому назад захваченные в плен. Они содержались в лагере внутри Германии. Задумав бежать, притворились больными, попали в госпиталь, а там доктор, германский подданный, но иностранного происхождения, достал для них карту и компас. Спустились по трубе, перелезли через стену и сорок дней шли с боем по Германии.

Да, с боем. Около границы какой-то доброжелательный житель указал им, где русские при отступлении зарыли большой запас винтовок и патронов. К этому времени их было уже человек двенадцать. Из глубоких рвов, заброшенных риг, лесных ям к ним присоединился еще десяток ночных обитателей современной Германии — бежавших пленных. Они выкопали оружие и опять почувствовали себя солдатами. Выбрали взводного, нашего улана, старшего унтер-офицера, и пошли в порядке, высылая дозорных и вступая в бой с немецкими обозными и патрулями.

У Немана на них наткнулся маршевый немецкий батальон и после ожесточенной перестрелки почти окружил их. Тогда они бросились в реку и переплыли ее, только потеряли восемь винтовок и очень этого стыдились. Все-таки, подходя к нашим позициям, опрокинули немецкую заставу, преграждавшую им путь, и пробились в полном составе.

Слушая, я все время внимательно смотрел на рассказчика. Он был высокий, стройный и сильный, с нежными и правильными чертами лица, с твердым взглядом и закрученными русыми усами. Говорил спокойно, без рисовки, пушкински ясным языком, с солдатской вежливостью отвечая на вопросы: «Так точно, никак нет». И я думал, как было бы дико видеть этого человека за плугом или у рычага заводской машины. Есть люди, рожденные только для войны, и в России таких людей не меньше, чем где бы то ни было. И если им нечего делать «в гражданстве северной державы», то они незаменимы «в ее воинственной судьбе», а поэт знал, что это — одно и то же.

Завершаются «Записки кавалериста» обращением к Пушкину — Гумилев цитирует строки из заключительной части поэмы «Полтава»:

Прошло сто лет — и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколенье миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе...

Глядя на солдата, Гумилев не соглашается с Пушкиным, что «их поколенье миновалось...», хотя прошло еще сто лет. Невольно задаешься вопросом — сохранил бы он эту веру спустя еще сто лет, в наши дни?..

Кратко о последних днях пребывания Гумилева в Уланском полку, никак не отраженных в «Записках кавалериста». На следующий день, 11 сентября, продолжался поиск разбежавшегося противника, иногда приводивший к казусам; вот донесение от 2-й батареи: «В 2 дня пришло донесение, что в болоте Хворощенское ходят пешие части противника. Батарея стояла на готовности до 4 ч. дня, когда расседлалась и встала на бивак, так как выяснилось, что это были наши пешие части»[793]. Повторный обстрел своих войск, к счастью, не состоялся. От 5-й батареи: «Противник в лесу между д. Гортоли и ф. Буда. Было обстреляно сторожевое охранение»[794]. Донесение от Уланского полка: «С утра была выслана разведка в направлении на: 1) Озаричи — Сольповка; 2) Озаричи — Телеханы и для выяснения обстановки впереди нашей позиции, и, кроме того, многие разъезды для очищения разбежавшегося противника в районе шлюз № 6 — Вулька-Лавская — хутор Перечин — Козловка — м. Логишин — шлюз № 3. Разведка выяснила, что опушка леса западнее переправы Озаричи занята прочно окопавшимся за ночь противником. Поэтому разъезд в Соколовку не мог выполнить своей задачи. Разъезд же, посланный на Телеханы в пешем строю, выяснил, что шлюз № 5 и шлюз № 6 заняты спешенным противником. Ночевал в д. Хворосно»[795].

12 сентября на фронте произошли последние активные боевые действия, в которых принял участие и Гумилев с пока еще своим Уланским полком. Из журнала боевых действий Гусарского полка: «Для наступления на Гортоль и усиления Лейб-Улан, оборонявших линию ф. Буда — д. Гута — Край, дивизия выступила из Хворосно и перешла через Вульку-Лавскую к хутору Лозово. На Гортоль наступала рота 107 Троицкого полка и Уланы. К 7 вечера Гортоль и Сомино заняты»[796]. От 2-й батареи: «Бригаде приказано занять д. Гортоль и Телеханы. Бригаде выступить в 8 ч. утра. Батарея шла за конно-гренадерами. В 11 ¾ ч. батарея подошла к хутору Лозова. В 2 ч. дня 2-й взвод с гусарами — к д. Край, оттуда на Сомино, которую полк занял. В это время рота 106 Уфимского полка выбила немцев из Гортоли. За поздним временем наступление остановлено. Бивак в Речки»[797]. Донесение от 5-й батареи: «Приказано прибыть на сборный пункт в Лозово. Батарея содействует атаке пехоты на Гортоль. Батарея заняла позиции восточнее ф. Буда у кладбища и обстреляла по карте Гортоль. За пехотой наступали Уланы. Подходя к Гортоли, наша пехота внезапно атаковала деревню. Занимавший ее 3-й Уланский гвардейский германский полк отступил, причем столь поспешно, что командир полка бросил в хате сумку с картами, полевую книжку и завтрак. На ночь — бивак в Речки»[798]. Донесение от командира 1-й бригады, куда входил Уланский полк: «Бригада подошла к 1 ч. дня из Хворосно к отряду полковника Толя, остававшегося в виде заслона с 10 ч. 11 сентября на линии Гута — Буда — Край, выяснив, что против нее стоят части неприятельской кавалерии. Я приказал наступать на Сомино, Гортоль с целью овладеть ими и отбросить противника на линию Вулька — м. Телеханы. Наступление было подготовлено огнем 5 батареи с позиции у ф. Буда. Наступление велось 3-мя колоннами. Правая — 4 эскадрона Лейб-Гусар со взводом пулеметов и взводом 2-й батареи; средняя — 2 эскадрона Конно-гренадер со взводом пулеметов по дороге Гута — Гортоль для охвата его с севера; и левая — 2 роты 107 пехотного полка со взводом пулеметов и 3-мя эскадронами Улан по дороге Буда — Гортоль. В 3 час. 50 м. 3 роты 107 полка заняли опушку леса у д. Гортоль. В это время к правому флангу подошел 2-й эскадрон конно-гренадер, который, спешившись, стал на фланг пехоты. Неприятель развил сильный ружейный и пулеметный огонь. Левый фланг пехоты охранялся эскадроном Улан. 2 эскадрона Улан были в резерве. В 5 ч. 10 м. дня пехота и конно-гренадеры бросились в штыки на д. Гортоль и выбили противника из деревни, прошли деревню, и удостоверившись в ней, что противник выбит из деревни, спешно и в беспорядке бежал к Телеханам. При атаке взят в плен 1 офицер фон Нассау и 7 нижних чинов 1-го и 3-го гвардейских уланских полков. Противником было оставлено в деревне около 30 убитых улан. Пленные препровождены в штаб нашей дивизии, а раненые в ближайший пехотный лазарет. Одновременно с этим правая колонна, обходя Сомино с юга и севера, заставила противника очистить Сомино и отойти к Вульке. Опрошенные в штабе бригады пленные показали следующее. В районе от озера Выгонощенское до Озаричи действовала 1 гвардейская кавалерийская дивизия — без гусарской бригады, которая на отдыхе в д. Пески. Начальник дивизии генерал фон Шторк, Бригадный уланской бригады фон Чирский, штаб бригады в Телеханах, командир 3-го гвардейского уланского полка фон Артим. К 14 сентября они ждали подхода пехоты, после чего гвардейские кавалеристы должны были идти на отдых. В эскадронах по 100 коней. Благодаря большим потерям, понесенным за последнее время, 13 сентября пленных не было, какие части наступают — выяснить не удалось. Командир 1 бригады 2-й Гв. кавалерийской дивизии Свиты Его Величества Генерал-майор Шевич»[799].

На следующий день, 13 сентября, была контратака немцев: «Контратака противника на Гортоль и Сомино. Полк отошел от Гортоли на тыловую позицию Буда — Гута — Край. В 2 ч. дня полк занял свой участок. Левее нас — Лейб-Уланы»[800]. Донесения от 2-й и 5-й батарей: «Позиции западнее Буды. В 12 ч. дня противник начал наступление на Гортоль и выбил оттуда части пехоты и кавалерии. Открыли огонь. Отошли на позиции западнее Речки, затем на бивак к Рудне»[801]. «Батарея обстреливала Гортоль, потом, по приказу начальника участка полковника Маслова отошли на прежние позиции у Буда. Бивак в Рудне. Командиром батареи назначен штабс-капитан Чебышев»[802].

В приказе по III Армии № 495 от 14 сентября 1915 года Николай Гумилев был представлен к награждению вторым Георгиевским крестом. Об этом было объявлено приказом по 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии № 148б от 5 декабря 1915 года: «На основании представленной мне

Командующим 3-й Армией (приказ по 3 Армии № 495 от 14 сентября) власти нижепоименованные нижние чины за мужество и храбрость, оказанные в боях, награждаются: ‹…› Георгиевским крестом 3 степени: ‹…› 5. Улан вол. Николай Васильев (sic!) Гумилев, № 108868; (статья статуса — 67, п.4) — за 6 июля»[803]. Гумилев был представлен к награждению за описанный им в главах XII–XIII «Записок кавалериста» бой 6 июля, причем от представления до награждения прошло почти три месяца. Так что сам поэт об этом 14 сентября вряд ли узнал.

Как в этот день, так и два последующих дня активных боевых действий не происходило: «Полк оставался в районе д. Речки. Там же и дивизия. Разведка — на Вулька и Телеханы»[804]. «Позиции у Речки, бивак в Рудне»[805]. «Позиции у Речки. Пришло приказание перейти завтра в Хотеничи»[806]. 15 сентября — «На старых позициях у Речки, бивак в Рудне»[807]. «Привал в Бобрин, в 11 ч. — Хотеничи (34 версты). 1 взвод в д. Радзяловичи с драгунами»[808]. 16–17 сентября во многих подразделениях дивизии была дневка[809]. В 5-й батарее «16 сентября была отслужена панихида по полковнику Трепову»[810] (прошло 9 дней со дня его гибели). От 1-й бригады поступило донесение: «От Шевича: 2 эскадрона Улан и 2 эскадрона конно-гренадер с 2-мя пулеметами выступили для производства усиленной рекогносцировки в районе Вулька — Телеханы. В сторожевом охранении 3 эскадрона. В дер. Речки 3 эскадрона Улан и 3 эскадрона гусар»[811].

17 сентября в приказах по 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии было объявлено: «Приказ № 4679. Рудня, 1 час дня. Противник занимает Огинский канал от Выгонощенского озера до р. Ясельда, укрепив западный берег и выдвинув окопы восточнее Выгонощи и восточнее Вулька — Телеханы. Нам надо удерживать направление Выгонощи — Телеханы и пути на Ганцевичи. На направлении на Телеханы находятся: 4 эскадрона Конно-гренадерского полка, 5 эскадронов Уланского полка и 6 эскадронов Гусарского полка, 2-я Гв. конная батарея. Разведка от ур. Красное до Вулька-Лавская (под моим начальством). ‹…› Приказ № 4682. 5 ч. дня. Части на Телеханском направлении составляют Телеханский отряд. Занимать сторожевое охранение на линии Край, Гута, Буда, Бол. Хворощенское. Иметь по 1 передовому полуэскадрону. ‹…› От Улан — в Гортоль. Разведка: для Улан — до линии у р. Бычек, отметка 69,0, шлюз № 6. Сборные пункты: для Улан — западнее окраины Речки, севернее дороги Речки — Буда. ‹…› Все еврейское население восточнее Огинского канала должно быть по приказанию Командования насильственно удалено и направлено в Слуцк»[812]. От командира Уланского полка поступило донесение: «От Маслова: Ежедневный наряд от командуемого мною полка: в сторожевое охранение в Гуту — 1 эскадрон; при 27 пехотной дивизии — 1 эскадрон; в разведке на Гортоль — ½ эскадрона. Итого 2 ½ эскадрона. Участок позиции полка в д. Гута (искл.) и севернее от нее 1 ½ версты до соединения с гусарами»[813].

18 сентября произошли переназначения командования и переформирование частей: «Дневка. Свиты ЕВ Г.-м. Шевич назначен командующим 2 бригады 2 Гв. кавалерийской дивизии; командующий 2 бригадой 1-й Гв. кавалерийской дивизии генерал Княжевич назначен командующим 1-й бригады 2 Гв. кавалерийской дивизии. Дивизии придан 106 пехотный Уфимский полк и пехотные Черниговская и Волынская дружины. Дивизия с приданными ей частями разделена на 2 отряда. Отряд Свиты генерала Шевича: 1 батальон 106 пехотного Уфимского полка, 640 Волынских дружинников, Драгунский полк, 2 пулемета и 5-я батарея. Телеханский отряд

под личным командованием начальника дивизии: Уланы; Конно-гренадеры; Гусары; 1 батальон 106 пехотного Уфимского полка; 527 Черниговских дружинников; 2-я батарея; 6 пулеметов»[814]. Следующий день, 19 сентября, был последним днем пребывания Николая Гумилева в лейб-гвардии Уланском полку. В этот день в приказе по дивизии было сказано: «Приказ № 4722 от 19 сентября. Рудня, 10 ч. 15 м. вечера. Приказываю Л.-Гвардии Уланскому полку и 2-й Конной Артиллерийской батарее занять д. Речки. Сменить эскадрон Улан, находящихся в районе Вулька-Лавская (в распоряжении 27 пехотной дивизии). Командиру 1 бригады Княжевичу поднять все части на позиции Край — Бол. Хворощенское и в Речки и Рудня. Штаб Улан — в Речки, дивизии — в Рудне»[815]. В этот день командование Уланским полком перешло к полковнику Маслову: «Приказ № 120 от 19 сентября. Княжевич прибыл 19 сентября. Княжевичу сдать — Маслову принять полк»[816]. В приказе по Уланскому полку предписывалось: «Приказ № 430 от 19 сентября. Дер. Речки. ‹…› § 3. С сего числа числить командированным в Гвардейский запасной кавалерийский полк: штабс-ротмистра Мешетича для приема 6-го маршевого эскадрона и поручика Чичагова для обучения новобранцев»[817]. Видимо, вместе с Михаилом Михайловичем Чичаговым, командиром его взвода, Гумилев и отправился в Петроград, в школу прапорщиков. Об этом было объявлено приказом по Уланскому полку 22 сентября: «Приказ № 433 от 22 сентября. Дер. Рудня. ‹…› § 3. Командированного в школу прапорщиков унтер-офицера из охотников эскадрона Ея Величества Николая Гумилева исключить с приварочного и провиантского довольствия с 20 сего сентября и с денежного с 1 октября сего года»[818]. Следовательно, полк он покинул накануне, 19 сентября, скорее всего, за компанию с Чичаговым[819].

20 сентября в Уланском полку был зачитан трогательный приказ бывшего командира полка Княжевича: «Приказ № 431 от 20 сентября. Рудня. ‹…› § 2. 26 декабря 1913 года я имел счастье получить наш славный полк. ‹…› На мою долю выпало повести полк на войну. ‹…› С глубокой грустью принужден я теперь сдать полк, к моему утешению я назначен вашим бригадным командиром, а потому имею возможность продолжать быть вблизи вас. ‹…› Сердечно рад, что сдал полк в верные руки нашему старшему товарищу улану, глубокоуважаемому Михаилу Евгеньевичу Маслову. ‹…› § 3. Высочайшим приказом в 9 день августа сего года я назначен командиром 2 бригады 1 Гвардейской кавалерийской дивизии»[820].

До конца 1915 года лейб-гвардии Уланский полк оставался на позициях вдоль Огинского канала. До конца сентября продолжались периодические столкновения с неприятелем, и было понятно, что дивизия задерживается в местных краях надолго, — об этом сохранилось любопытное распоряжение от 23 сентября: «Дивизии прикрывать Выгонощенское и Телеханское направления. Ввиду того, что по обстановке дивизия может оставаться здесь надолго, и из-за ненастного времени года, приступить к укреплению позиций, осуществляя непрерывное соприкосновение с неприятелем и оборону (засеки, проволока, землянки, шалаши, навесы, блокгаузы — оборудовать их отоплением и верной пищей)»[821]. С октября по декабрь практически никаких боевых действий не было. В декабре 1915 года полк отошел на отдых в д. Дребск, за Лунинец. Больше Гумилев в полк не возвращался. В начале 1916 года Уланский полк был переброшен в район железнодорожной станции Горынь на р. Припять, а в марте передислоцирован на новый фронт, в Латвию. В начале апреля 1916 года

Гумилев, уже прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка, лично заехал в свой бывший полк за документами — оба полка оказались временно дислоцированы вблизи друг от друга. Но об этом подробнее будет рассказано в следующей части.

Прежде чем покинуть пинские леса, об одном любопытном совпадении. В тех же лесах вокруг Пинска через год оказался Александр Блок, когда он проходил службу в должности табельщика в 13-й инженерно-строительной дружине Всероссийского Союза земств и городов (с июля 1916-го по март 1917 года)[822]. В советские времена, в 1980 году, в библиотеке села Лопатина был открыт музей Блока. Когда мы там оказались, музей влачил весьма жалкое существование, так как оказался совершенно бесхозным. Рядом с ним расположено село Колбы, где Александр Блок жил с 14 августа по 3 сентября 1916 года. Сохранился рисунок Блока местной часовни XIX века, до сих пор стоящей посреди села, — этот рисунок он послал в письме жене 16 августа 1916 года.

Музей создавался тогда, когда имя Гумилева было под запретом, и, естественно, никаких упоминаний о нем там нет. Однако некие «таинственные силы» вмешались в процесс создания экспозиции и восстановили «историческую справедливость»: на стенде, посвященном пребыванию Блока в этих краях, на самом деле помещена фотокопия подлинной карты боевых действий вокруг Пинска и у Телехан в сентябре 1915 года, то есть как раз тех боевых операций, в которых участвовал Гумилев перед возвращением в Петроград! Это знаменательно, и было бы неплохо, если бы эти два имени объединились под одной музейной крышей. Музей Блока в Лопатине по-прежнему существует. Однако перенесемся теперь в Петроград 1915 года, где Гумилев оказался уже 21–22 сентября, и кратко расскажем о его пребывании там до конца 1915 года.

Школа прапорщиков, Петроград, сентябрь — декабрь 1915 года

В «Трудах и днях» Лукницкого этот период освещен очень лаконично: «**Сентябрь**. На фронте. Переписка с матерью и женой. Представлен к производству в прапорщики и уехал в Петербург и Царское Село дожидаться производства. Живет в Царском Селе (на Малой, 63), сюда же приехала из Слепнева А.И. Гумилева. *Примечание:* Рассчитывал скоро вернуться на фронт, но дело с производством затянулось, и в ожидании его Н.Г. пробыл в Царском Селе несколько месяцев»[823].

Никаких документов о пребывании Гумилева в школе прапорщиков обнаружить пока не удалось, неизвестно даже, в какой именно школе прапорщиков Гумилев мог обучаться. Возможно, и занятий никаких не было, о посещении их нигде, ни в чьих воспоминаниях не упоминается. С предположением Шубинского о том, что Гумилев проходил занятия в школе прапорщиков «при Николаевском кавалерийском училище (Лермонтовский проспект, 54)»[824], вряд ли можно согласиться, так как документы этого училища сохранились; среди них есть бумаги, связанные со сдачей там Гумилевым экзаменов осенью 1916 года[825], когда он был туда откомандирован из Гусарского полка, но нет никаких документов о посещении школы прапорщиков и сдаче экзаменов осенью 1915 года. Следует заметить, что по реформе 1884 года в военное время унтер-офицеры с высшим и средним образованием за боевые отличия могли получить звание прапорщика и без экзаменов, но только «в случае собственного желания воспользоваться этим чином». Массовое производство в прапорщики имело место с началом Первой мировой войны для покрытия убыли кадрового обер-офицерского состава во фронтовых частях, причем их готовили как в специальных «Школах прапорщиков», так и производили ускоренным порядком из вольноопределяющихся и унтер-офицеров, последним для производства было достаточно иметь две боевые награды и высшее или среднее образование[826]. В свою очередь, прапорщики за боевые отличия могли быть «произведены в дальнейшие офицерские чины на следующих основаниях: 1) если прапорщик удостоится получить орден Святого Георгия, то одновременно с ним он производится в подпоручики (корнеты в кавалерии) и получает право на дальнейшее производство в чины, не обязываясь уже держать полного офицерского экзамена; 2) получившие другой орден или золотое оружие — держат полный офицерский экзамен». Из этого следует, что Гумилеву первое офицерское звание прапорщика было присвоено именно за боевые отличия — собственное желание у него, безусловно, имелось. По-видимому, посещение школы прапорщиков было формальностью, которую Гумилев, оказавшись в столице, проигнорировал и воспользовался передышкой, чтобы погрузиться на несколько месяцев в литературную и прочую мирскую жизнь. Для получения следующего офицерского звания по уставу он должен был держать полный офицерский экзамен, что и попытался осуществить осенью 1916 года, будучи уже прапорщиком 5-го Гусарского Александрийского полка.

В «Трудах и днях» сказано: «**1915. С осени по конец года (и с начала до весны 1916 г.).** Гумилевы живут в Царском Селе (на Малой, 63). А.И. Гумилева, рассчитывая, что Н.Г. будет всю зиму на фронте, а А.А. Ахматова в Крыму, сдала две комнаты родственнице (сестре жены Дм.С. Гумилева — Миштофт) и ее дочери[827]. Поэтому А.А. Ахматова поместилась в кабинете, а Н.Г. в маленькой комнатке во втором этаже, в которой обычно жил Н.Л. Сверчков. *Примечание:* Зима 1915/1916 была последней проведенной Гумилевыми в Царском Селе. ‹…› Между октябрем и декабрем, с целью объединить литературную молодежь, Н.Г. организовал литературные собрания, которые могли бы в некоторой степени заменить распавшийся в 1914 г. Цех поэтов. На собраниях бывали: О.Э. Мандельштам, В.К. Шилейко, М.Л. Лозинский, М.А. Струве, М.Е. Левберг, М.М. Тумповская, Л.В. Берман и др. Собрания устраивались в течение всей зимы, обычно — у М.А. Струве, одно — у М.Е. Левберг, одно — у А.Д. Радловой, одно — у Н.Г. в Царском Селе *(М.Е. Левберг, М.Л. Лозинский, М.М. Тумповская, В.К. Шилейко и др.)*»[828].

11 октября Гумилев встретился с Верой Алперс, вот выписка из ее дневника за этот день: «‹11 октября 1915 г. Воскресенье› ‹…› А у меня мысли роем кружатся в голове, и радость иногда охватывает меня. Сегодня мне приятно было; мне кланялся Гумилев. Хотя это даже неприятно может быть, как-то уж очень значительно, поклон — как будто краткое одобрение мне и привет. Фокусник. Но мне было приятно…»[829]

С 15 по 30 октября Ахматова лечилась в санатории в Хювинкя (Финляндия). Из «Трудов и дней»: «**1915. Октябрь.** А.А. Ахматова уехала в санаторий в Хювинькуу (Финляндия) и пробыла там две недели. Н.Г. приезжал к ней в конце первой недели ее пребывания в санатории; через неделю приехал вторично и по ее просьбе увез ее в Царское Село. ‹…› **Конец октября или начало ноября.** У Гумилевых в Царском Селе в течение недели

гостил Андрей Андр‹еевич› Горенко»[830]. Из публикации Бена Хеллмана: «Санатория Хювинге расположена в ½ км от станции того же названия *(59 км к северу от Гельсингфорса, нынешнего Хельсинки. — Е.С.)* на абсолютно сухом песчаном грунте в сосновом лесу, защищающем от ветров и туманов ‹…› Однако по финским источникам уже нельзя установить детали пребывания Ахматовой в Хювинкя (такова теперь транскрипция Hyvinkää). Вследствие бомбардировки во время так называемой Зимней войны 1939–40 гг. сгорел весь архив санатория. Бомбардировка положила конец его более чем сорокалетней деятельности. ‹…› "Санатория Хювинге" (Хювинге — Hyvinge, шведское название города), как ее называли по-русски, была основана в 1896 году. ‹…› В Хювинкя лечились русские генералы, адъютанты царя, директор железных дорог из Петербурга. Отношения между людьми разных национальностей были отличными. "Русские вельможи вели себя в санатории образцово. С прислугой они были любезны", — пишет Куста Хаутала, финский историк города Хювинкя (1951)»[831]. Так что в октябре 1915 года Гумилев дважды побывал в Финляндии, тогда части Российской империи.

21 ноября Гумилев присутствовал на «Вечере Случевского» у В.П. Лебедева (Дмитровский пер., д. 9, кв. 5)[832]. На этом собрании в члены кружка баллотировался С.М. Городецкий. Гумилев беседовал с Ф. Фидлером, о чем имеется любопытная, относящаяся к «военной теме» запись в его дневнике: «Я спросил Гумилева, который принимал участие в военных действиях на трех фронтах, приходилось ли ему быть свидетелем жестокостей со стороны немцев. Он ответил: "Я ничего такого не видел и даже не слышал! Газетные враки!" — "Значит, немецкую жестокость Вы испытывали только тогда, когда были моим учеником в гимназии?" — спросил я. Он подтвердил, засмеявшись… Да и вообще, — к моему немалому удивлению, — никаких антинемецких выпадов…»[833]. Возможно, с этим вечером связано знакомство Гумилева с присутствовавшей там Марией Левберг. Хотя в «Трудах и днях» Лукницкий указывает: «**1915. Октябрь — начало ноября**. Знакомство с М.Е. Левберг в одном из заседаний "Кружка Случевского" ‹…› **1915. Ноябрь**. Выступление с чтением стихотворений в университете (в числе прочитанных стихотворений "Ода Д'Аннунцио") и знакомство с М.М. Тумповской. *Примечание:* М.М. Тумповскую познакомила с Н.Г. М.Е. Левберг»[834]. Точно известно только об одном присутствии Гумилева на вечере Случевского этой осенью — 21 ноября. Пребывание Гумилева в Петрограде на протяжении осени 1915 — весны 1916 года ознаменовалось началом множества параллельных «романов», погружаться в интимные подробности которых автор не намерен[835]. В дальнейшем касаться вопросов взаимоотношений Гумилева со «слабым полом» буду только постольку, поскольку они непосредственно связаны с основной темой — «Поэт на войне», с творческой биографией этого периода.

Гумилев посвятил Марии Левберг несколько стихотворений. Одно из них — «Ты, жаворонок в горней высоте…»[836], по свидетельству самой Левберг, зафиксированному Л.В. Горнунгом[837], было написано между ноябрем 1915 года и январем 1916 года в Музее антропологии и этнографии при совместном осмотре экспонатов, видимо, и тех, которые Гумилев привез из Абиссинии в 1913 году.

Судя по дневнику Веры Алперс, 30 ноября состоялось заседание «Цеха поэтов» у Гумилевых, на него Гумилев пригласил ее брата Бориса. Вот выписка из ее дневника: «‹30 ноября 1915 г. Воскресенье› ‹…› Сегодня какой-то особенный день, все меня волнует. Борис сегодня уехал в Царское к Гумилеву, образуется какое-то новое общество поэтов. ‹…› Я за Бориса ужасно рада. То, что его Гумилев пригласил, — очень хорошо. Пускай даже тут будут какие-нибудь убыли, не все ли равно. Все это устраивает Мандельштам. Ему конечно очень хочется опять попасть к нам, слушать музыку, читать свои стихи. И не нужно отнимать у него эту надежду, если он может быть полезен. Я так рада теперь за Бориса ‹…› Пускай сначала все это туго дается, все эти общества ему еще чужды, но они, эти общества, его искусства, а не чужого. А нужно завоевать себе положение»[838].

12 декабря Гумилев «присутствовал на заседаниях Общества Ревнителей Художественного Слова (под председательством Н.В. Недоброво), где состоялось собеседование по общей теории стихосложения. В собеседовании принимали участие: В.И. Иванов, проф. Ф.Ф. Зелинский, проф. Е.В. Аничков, Н.В. Недоброво. Во 2-й части вечера (под руководством проф. Ф.Ф. Зелинского) читали стихи: Н.С. Гумилев, В.И. Иванов, Ф.К. Сологуб, О.Э. Мандельштам, М.Л. Лозинский, В.А. Пяст»[839]. В дневниках Лукницкого об этом вечере сказано: «Зимой 1915–16 гг. приезжал Вяч. Иванов в Петербург. На собрании Ревнителей художественного слова в "Аполлоне" встретился с Николаем Степановичем и с АА. АА была в трауре. А Вячеслав Иванов, решив, по-видимому, что АА так оделась из "манерности", спросил ее, почему у нее такое платье? АА ответила: "Я в трауре. У меня умер отец..." Вяч. Иванов сконфужен был и отошел в сторону»[840]. Скорее всего, присутствовал Гумилев на следующий день, 13 декабря, на вечере у Ф. Сологуба в честь приезда Вяч. Иванова. Ахматова об этом вечере вспоминала: "Когда ‹…› Вяч. Иванов приехал в Петербург, он был у Сологубов на Разъезжей. Необычайно парадный вечер и великолепный ужин. В гостиной подошел ко мне Мандельштам и сказал: 'Мне кажется, что один мэтр — зрелище величественное, а два — немножко смешное'"»[841].

На заседании Цеха поэтов в доме Гумилевых в Царском Селе, состоявшемся 25 декабря 1915 года, Гумилев познакомился с Сергеем Есениным, которого привел в их дом Н. Клюев[842]. Дату визита подтверждают надписи Ахматовой и Гумилева на подаренных Есенину сочинениях: Ахматова подарила ему оттиск из журнала «Аполлон» (1915, № 3), где была напечатана ее поэма «У самого моря», с надписью: «Сергею Есенину — Анна Ахматова. Память встречи. Царское Село. 25 декабря 1915». Аналогичного содержания надпись сделал и Гумилев на сборнике своих стихов «Чужое небо». Встреча эта не имела продолжения, контактов между Есениным и четой Гумилевых не возникло, но позже, в разговорах с Лукницким, обсуждая (и осуждая) различные выходки Есенина, Ахматова, вспоминая о первой встрече, рассказывала ему, что «она отлично помнит, как С. Есенин был у них в Царском Селе, сидел на кончике стула, робко читал стихи и говорил «мерси-ти»[843].

Самое значимое творческое событие конца года — выход нового сборника стихов Гумилева «Колчан». В дневниковой записи Лукницкого от 14 ноября 1925 года сказано: «АА помнит, как было с "Колчаном". Кожебаткин (издатель "Альциона" — Москва) приехал в Царское Село к ней просить у нее сборник. Это было зимой 15–16 (вернее, осенью 15 г.)[844]. В это время выходило третье или четвертое (кажется, третье) издание "Четок". АА сказала ему, что всегда предпочитает издавать сама и, кроме того, у нее нет материала на сборник ("Белая стая" еще не была готова). Во время разговора Николай Степанович спустился из своей находившейся во втором этаже комнаты к ней. Кожебаткин предложил взять у него

“Колчан” (об издании которого Николай Степанович уже начал хлопотать). Николай Степанович согласился и предложил ему издать также “Горный ключ” Лозинского, “Облака” Г. Адамовича и книгу Г. Иванова (АА, кажется, назвала — «Горница». Не помню). Кожебаткин для видимости согласился. А потом рассказывал всюду, что Гумилев подсовывает ему разных не известных в Москве авторов»[845]. Хотя на «Колчане» проставлен год выхода «1916», самая ранняя дарственная надпись на книге — 15 декабря 1915 года, Михаилу Лозинскому, со стихотворным посвящением:

От «Романтических цветов»
И до «Колчана» я все тот же,
Как Рим от хижин и шатров
До белых портиков и лоджий.
Но верь, изобличитель мой
В измене вечному, что грянет
Заветный час, и Рим иной
Рим звонов и лучей нагрянет.

15 дек. 1915 Н. Гумилев[846].

«Колчан» вобрал в себя стихи, написанные за последние четыре года, и военные стихи составили там лишь малую часть. Да и все «военное» поэтическое наследие «восторженного певца империализма» — такого титула он удостоился в «Советской энциклопедии» 1935 года — вряд ли могло составить даже крохотный сборник. Книга, как и предполагалось, вышла у Кожебаткина, в издательстве «Альциона», что обозначено на ее обложке. Однако на титульном листе проставлена марка издательства «Гиперборей», органа Цеха поэтов, и все рецензии представляют «Колчан» как книгу именно этого издательства[847]. Несмотря на военное время, появилось множество рецензий на новую книгу Гумилева. Среди их авторов С. Городецкий, С. Парнок, Б. Эйхенбаум, Н. Венгров, М. Тумповская, Д. Выгодский, К. Липскеров, Г. Чулков, П. Владимирова, И. Гурвич, И. Оксенов, Б. Олидорт и др. (ряд рецензий подписан инициалами или псевдонимами). Сохранилось множество подписанных автором дарственных экземпляров «Колчана»: Валерию Брюсову, Александру Блоку, Георгию Чулкову, Тамаре Карсавиной, Владиславу Ходасевичу, Борису Садовскому, В.П. Авенариусу, матери Анне Ивановне Гумилевой, сослуживцу по Уланскому полку, бывшему командиру взвода М.М. Чичагову.

Что касается самих «Записок кавалериста», то продолжение их публикации началось уже 6 октября (глава VI), а завершилось 11 января 1916 года. Есть сведения, что Гумилев осенью 1915 года пытался через Чулкова выпустить в издательстве «Северные дни» «Записки кавалериста» отдельной книгой, но неудачно, так как там ответили, что они военной литературы не издают[848]. Видимо, Гумилев и не слишком настойчиво к этому стремился, что могло быть связано с его заметно изменившимся личным отношением к самой войне. Восторженность первых месяцев давно прошла. Теперь это была просто тяжелая каждодневная работа, которую он, начав, не мог позволить себе бросить, хотя возможностей для этого было множество — по состоянию здоровья его периодически хотели освободить от дальнейшего прохождения воинской службы. Но, как и в Африке, вступив на маршрут, его надо было дойти до конца, и болезни здесь — не оправдание, а лишь то, что необходимо в себе преодолеть. До конца войны оставалось еще более двух лет. Завершался лишь «Второй год» — так

Гумилев на отдельных автографах назвал стихотворение, опубликованное, с цензурными купюрами (в частности, была вычеркнута восьмая строчка — про «столицу»), в журнале «Нива» (1916, № 9) 27 февраля 1916 года.

Второй год

И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Вслед за ее крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С победной музыкой и пением
Войдут войска в столицу. Чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забытых на полях потоптанных
И громких в летописи слав?

Иль зори будущие ясные
Увидят мир таким, как встарь:
Огромные гвоздики красные
И на гвоздиках спит дикарь;

Чудовищ слышны ревы лирные,
Вдруг хлещут бешено дожди,
И все затягивают жирные
Светло-зеленые хвощи.

Не все ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля:
Ты только хмурая привратница
У входа в Божии Поля[849].

В тот же день, когда Гумилев познакомился с Есениным, последнее важное событие года случилось в Уланском полку. 25 декабря, в отсутствие Гумилева, там было объявлено:

«Приказ № 527. Дер. Дребск. ‹…› § 2. Объявляю при сем список нижних чинов, награжденных Георгиевскими крестами и медалями. Предписываю награды эти внести в их послужные списки»[850].

СПИСОК
Нижних чинов, награжденных Георг. крестами и медалями за боевые отличия

№ по пор.	№ эскад.	Звание, имя и фамилия	№ Георг. кр. и медали	Время совершения подвига
……	…	……………	………	………
17	Е.В.	Приказом по 2-й Гв. Кав. дивизии. Утв. от 5 декабря с. г. №148Б. Георгиевским крестом 3 степени: Ун.-оф. вол. Николай Гумилев[851]	108868	6 июля

Неизвестно, когда Гумилев смог надеть второй крест, скорее всего, не раньше, чем возвратился в строй, в конце марта — начале апреля 1916 года, награды обычно вручались в боевых частях[852]. В бывший свой Уланский полк Гумилев ненадолго заехал в начале апреля 1916 года. А в Уланском полку в декабре готовились к встрече Нового года: «29 декабря. Елка для нижних чинов, раздача подарков приглашенным полковым дамам и игры нижним чинам на призы командира полка»[853]. Елка было устроена рано, так как на следующий день началась погрузка дивизии на станции Лахва для переброски на другой участок. Гумилев в новогоднем полковом празднике не участвовал, однако в свою бытность в Уланском полку ему приходилось иметь дело с «полковыми дамами», сохранился даже стихотворный экспромт — «Мадригал полковой даме»:

Как гурия в магометанском
Эдеме, в розах и шелку,
Так вы в Лейб-гвардии Уланском
Ея Величества полку[854].

Гумилев встретил новый 1916 год в Петрограде. Это был единственный Новый год за четыре года, который ему удалось встретить в домашней обстановке. Так закончился второй год войны, так завершилась служба поэта Николая Гумилева в лейб-гвардии Уланском Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полку.

Приложение

В заключение этой части книги приведу воспоминания сослуживца Гумилева Н. Добрышина, который, судя по его рассказу, попал в Уланский полк и там познакомился с Гумилевым в самом конце его службы в полку, в Белорусских лесах. Хотя рассказ и грешит неточностями, он любопытен как редкое свидетельство однополчанина Гумилева о совместной с ним воинской службе. Рассказ дается по газетной публикации, без сокращений.

МОЯ ВСТРЕЧА С Н.С. ГУМИЛЕВЫМ[855]

Гумилев пошел на войну 1914–1917 гг. добровольцем и служил вольноопределяющимся Лейб-Уланского ее величества государыни императрицы Александры Феодоровны полка, в котором отношение к вольноопределяющимся было крайне суровым: они жили вместе с солдатами, питались из общего котла, спали на соломе и часто вповалку на земле.

Гумилев все это знал до зачисления в полк и знал также, что в полках Первой гвардейской кавалерийской дивизии (Кавалергарды, Лейб-Гвардии Конный полк и Кирасиры) отношение было более гуманным. Тем не менее, он пошел в наш Лейб-Уланский, в рядах которого я тоже служил обер-офицером, произведенным в офицеры из Пажеского корпуса весной 1915 года[856]. В то время Гумилев уже имел унтер-офицерские нашивки на погонах и солдатский Георгиевский крест четвертой степени.

Служили мы с Гумилевым в разных эскадронах — он в первом эскадроне ее величества, а я во втором. Первый раз показал мне Гумилева кто-то из офицеров, когда первый эскадрон обходил в конном строю наш спешившийся эскадрон. Мы вели бой со спешившейся германской кавалерией в лесной болотистой местности[857]. Своей невзрачной внешностью Гумилев резко выделялся среди наших стройных рослых унтер-офицеров. Позже я убедился, что он был исключительно мужественным и решительным человеком с некоторой, впрочем, склонностью к авантюризму.

Офицеры первого эскадрона мало интересовались поэтическим дарованием Гумилева, и я не помню, чтобы они приглашали его в свою среду. В нашем же, втором, эскадроне старший офицер Н. Скалон[858] — человек незаурядной эрудиции, чрезвычайно ценил Гумилева как поэта и неоднократно приглашал его «выпить с нами стакан вина». Мы все с огромным интересом и вниманием слушали его стихи и пояснения. Таким образом, по почину Скалона, между нами создалась некоторая близость. В ту пору Гумилев был еще женат на Анне Ахматовой (А. Горенко), и я помню, он читал нам также и ее стихи.

В самом начале войны Гумилев, в результате контузии, лежал в Царскосельском госпитале, где императрица Александра Феодоровна была старшей хирургической сестрой[859], работавшей под руководством хирурга кн. Гедройц.

Нет сомнения, что императрица особенно благоволила и покровительствовала Гумилеву, которого очень ценила как поэта.

Во второй половине войны Гумилев был командирован в Петроград держать при Николаевском кавалерийском училище экзамен для производства в офицеры. Каково же было наше изумление, когда мы узнали, что на этом экзамене, который не мог быть в военное время трудным, Гумилев провалился[860]. Тем не менее, по настоянию государыни Александры Феодоровны, Гумилев был произведен в офицеры и зачислен в Пятый гусарский Александрийский полк, шефом которого была императрица[861].

Гумилев недолго оставался александрийским гусаром. Поскольку злосчастная война кончалась, связь наша с Гумилевым оборвалась. Мы, бывшие сослуживцы Гумилева, оставшиеся в живых после массовых расстрелов офицеров большевиками в 1918 году, удивлялись, что Гумилев не принял участия в Гражданской войне. Как известно, в начале августа 1921 года Гумилев был арестован и расстрелян большевиками.

Н. Добрышин

ЧАСТЬ 3
«ГУСАРСКАЯ БАЛЛАДА» НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА: 1916–1917

Петроград. Первые месяцы 1916 года

Третья часть документальной хроники «Поэт на войне» посвящена дальнейшей воинской службе Николая Гумилева после его перевода из лейб-гвардии Уланского полка в 5-й Гусарский Александрийский полк. С этого момента Гумилев, продолжая службу уже не рядовым кавалеристом, а офицером в действующей армии, в своем литературном творчестве как бы дистанцируется от военной тематики, начинает поиски новых путей, в которых он использует различные формы и жанры, переносится в разные страны и эпохи. Единственными авторскими текстами, по которым можно хоть как-то судить о его дальнейшей воинской службе, остаются немногочисленные сохранившиеся письма поэта. Сам Гумилев «возвращается» в литературный процесс, война как бы отходит на второй план. Обратим внимание на то, что становящаяся все более драматической жизненная ситуация в стране трансформировалась в его творчестве, в первую очередь, в три главные драматургические сочинения, написанные чуть более чем за год в военное время, при перманентной смене внешних условий, в разных странах: «Дитя Аллаха», «Гондла» и «Отравленная туника». В каждом из этих произведений Гумилев пытается разрешить постоянно волновавший его вопрос — судьба Поэта в непрерывно меняющихся личных, исторических и географических обстоятельствах. Одновременно Гумилевым в эти оставшиеся годы войны написано большинство стихотворений, составивших вышедший уже в «мирное» время сборник «Костер», который Александр Блок так отметил в инскрипте на подаренном Гумилеву сборнике своих стихотворений: «Дорогому Николаю Степановичу Гумилеву — автору “Костра”, читанного не только днем, когда я “не понимаю” стихов, но и ночью, когда понимаю. Ал. Блок. III.1919»[862]. Ниже некоторые из этих текстов будут сопоставлены с обстоятельствами реальной жизни поэта, восстановленными на основе архивных документов.

А теперь о том, как и почему Гумилев оказался в новом воинском подразделении. С легкой руки Павла Лукницкого во всех публикациях утверждается, что Гумилев, после того как его 20 сентября 1915 года откомандировали из лейб-гвардии Уланского полка в школу прапорщиков, «с осени по конец года хлопочет о переводе в 5-й Александрийский гусарский полк»[863]. Для убедительности, со слов Ахматовой, Лукницкий тут же добавляет: «В хлопотах ему содействует санитарный врач Царскосельского госпиталя Вера Игнатьевна Гедройц. *Примечание:* В.И. Гедройц была членом “Цеха поэтов” и печаталась под псевдонимом Сергей Гедройц»[864].

Невольно возникает вопрос: что настолько не устраивало Гумилева в Уланском полку, чтобы он, отправившись в школу прапорщиков, сразу же начал хлопотать о переводе? Да и в какой степени он, как и любой другой военнослужащий, в военных условиях был свободен в выборе, где ему служить? Предполагаю, что назначениями в различные полки ведало военное ведомство, но никак не личное желание. Это могло определяться, например, укомплектованностью штатов соответствующих полков. При разборке военных документов мною было замечено, что, как правило, при повышении по службе, в частности, при переводе военнослужащих из рядовых солдат (каким был Николай Гумилев в Уланском полку) в офицерский состав, часто осуществлялось перемещение вновь назначенного офицера в другой полк, что вполне объяснимо и из чисто «психологических соображений». В подтверждение этой мысли напомню о ранее приведенных воспоминаниях сослуживца Гумилева по лейб-гвардии Уланскому полку Георгия Янишевского[865], рассказавшего в основном лишь об их совместном пребывании в Гвардейском запасном кавалерийском полку, но никак не отразившего тот факт, что он, как и Гумилев, в декабре 1915 года был переведен из Уланского полка в 5-й Гусарский Александрийский полк; там он был зачислен офицером в 6-й эскадрон: «Приказ № 528 от 26 декабря 1915 г. (Дер. Дребск). ‹…› § 2. Высочайшим приказом в 15 день сего декабря унтер-офицер из вольноопределяющихся № 6 эскадрона Георгий Янишевский произведен в корнеты с переводом в 5-й Гусарский Александрийский полк. Объявляя о сем, предписываю Янишевского из списков полка и с довольствия исключить с 1 января 1916 г. § 3. Нижепоименованные чины согласно ст. 96 статута производятся как награжденные Георгиевскими крестами: 2 степени унтер-офицер эскадрона Ея Величества Франц Кульбацкий во взводные; 3 степени эскадрона ЕВ улан из вольноопределяющихся Николай Гумилев и улан Федор Степанов в унтер-офицеры; 4 степени уланы ‹…› — в ефрейторы»[866]. В этом приказе следует обратить внимание на то, что, с одной стороны, Гумилев, в его отсутствие, вторично производится в унтер-офицеры[867], а с другой стороны, такой же, как и Гумилев вольноопределяющийся, его сослуживец Георгий Янишевский, ранее Гумилева получивший офицерское звание, переводится в тот же полк, куда позже попал и Гумилев. Общим у этих полков было то, что они проходили по одному и тому же «ведомству» — шефом обоих полков являлась Ее Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна. Возможно, именно с этим и был связан перевод туда Гумилева (и Янишевского), и никакие хлопоты, как собственные, так и других лиц, для этого не требовались. Из приведенного выше приказа следует, что в начале 1916 года Николай Гумилев по-прежнему числился унтер-офицером Уланского полка, находящимся во временной командировке в Петрограде.

Зимняя передышка для поэта оказалась плодотворной. Закончены и опубликованы «Записки кавалериста». В издательстве «Альциона» вышел пятый сборник стихов «Колчан», куда вошли существенно переработанные «Пятистопные ямбы» с «военным добавлением», — пять последних строф заменены семью новыми строфами:

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,

В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало.

И в реве человеческой толпы,
В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: «Буди, буди».

Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
«Скорей вперед! Могила, так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А пологом — зеленая листва,
Союзником — архангельская сила».

Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошел, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молнийных и рдяных тучах.

И счастием душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги.

Честнейшую честнейших херувим,
Славнейшую славнейших серафим,
Земных надежд небесное Свершенье
Она величит каждое мгновенье
И чувствует к простым словам своим
Вниманье, милость и благоволенье.

Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоглавый,
Он озарен немеркнущею славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь...
В тот золотой и белый монастырь![868]

Появились публикации новых стихов в периодике[869]: «Новая жизнь», «Лукоморье», «Нива», «Солнце России», «Аполлон». В «Аполлоне» продолжены «Письма о русской поэзии»[870]. Среди рецензируемых авторов Мария Левберг, Михаил Долинов, Тихон Чурилин[871] и ряд менее известных поэтов, а также ближайшие соратники по Цеху поэтов и друзья: Георгий Адамович, Георгий Иванов, Михаил Лозинский, Осип Мандельштам.

Для основанного П. Сазоновым и Ю. Слонимской театра марионеток была написана пьеса «Дитя Аллаха»[872]. Обсуждение пьесы состоялось на заседании Общества ревнителей художественного слова (ОРХС) 19 марта 1916 года. Ее лирические достоинства рассмотрел Валериан Чудовский, идейную сторону В.И. Гедройц, построение действия Н.В. Недоброво, а постановочную часть друг М.Л. Лозинского, режиссер В.Н. Соловьев. За-

тем возник незаконченный за поздним временем «спор о стилизационной эстетике, вызванный упреком автору со стороны В.К. Шилейко о том, что он не выявил в своей драме никакого достаточно определенного во времени и пространстве момента магометанской культуры, наоборот, смешал хронологические и этнографические данные»[873].

Посещал Гумилев зимой и другие заседания ОРХС. Так, 28 января он присутствовал на заседании, проходившем под председательством В.А. Чудовского, на котором Б.В. Томашевский прочел доклад о стихосложении песен западных славян. В прениях участвовали Н.В. Недоброво, С.Э. Радлов, В.А. Чудовский и др. Во второй части заседания Гумилев читал стихи. Кроме него стихи читали Осип Мандельштам и Михаил Лозинский[874].

В феврале было учреждено объединение литературы, музыки, живописи «Медный всадник», в совет которого включили Гумилева. Первый вечер объединения состоялся 13 февраля[875]. В марте Гумилев участвовал в подготовке литературного «Альманаха муз»; у В. Кривича он попросил неопубликованные стихи его отца И.Ф. Анненского, сам представил для альманаха написанную еще в 1912 году пьесу «Игра»[876]. 24 марта Гумилев, по-видимому, в последний раз посетил заседание ОРХС[877], на котором «В.К. Шилейко прочитал свой перевод ассирийского “Хождения Иштар”, предпослав чтению вступительный доклад»[878]. Следует заметить, что Гумилев заинтересовался ассиро-вавилонскими опытами Шилейко еще весной 1914 года: «1914. Ранняя весна. Чтение В.К. Шилейко у М.Л. Лозинского отрывков “Гильгамеша” побудило Н.Г. заняться его переводом. Однако Н.Г. скоро прекратил работу, переведя (по подстрочнику В.К. Шилейко) не более 100 строк. *Примечание*: В 1918 г., принимаясь вторично за перевод “Гильгамеша”, Н.Г. не включил в текст вышеупомянутых строк и перевел их заново»[879]. Известна тяга Гумилева к древнему эпосу, ведь не случайно он писал с фронта Ахматовой, что «у меня кроме Гомера ни одной стихотворной книги. ‹…› Я все читаю Илиаду, удивительно подходящее чтенье…»[880]. А 7 августа 1921 года Н.Н. Пунин из застенков на Шпалерной (откуда Гумилеву было уже не суждено выйти) писал Е.И. Аренсу: «Привет Веруну, передайте ей, что, встретясь здесь с Николаем Степановичем, мы стояли друг перед другом, как шалые, в руках у него была “Илиада”, которую от бедняги тут же отобрали»[881]. Но до этой встречи оставалось более пяти лет…

Создается впечатление, что в течение всех первых месяцев 1916 года «занятия» в школе прапорщиков не сильно отвлекали Гумилева от обыденной и литературной жизни Петрограда, по которой он, видимо, успел соскучиться. Характерно то, что во время пребывания Гумилева в Петрограде зимой 1915–1916 года его творчество обогатилось «русской темой», которая весьма редко встречалась в его ранних произведениях. Так, в журнале «Аполлон» № 1 за 1916 год он поместил подборку из трех стихотворений: «Змей», с «былинной» тематикой, «Андрей Рублев» и «Деревья». А в журнале «Солнце России», № 317, в марте 1916 года он поместил «патриархальное» стихотворение «Городок». Гумилев не часто бывал в глухой русской провинции, единственным близким ему провинциальным городком был Бежецк, недалеко от которого располагалось родовое имение «Слепнево». Всякий, хоть однажды побывавший в Бежецке, без труда распознает в этом стихотворении характерный бежецкий пейзаж, с многочисленными церквями, с «пояском-мостом перетянутой» широкой рекой Мологой, с базарной площадью и с «губернаторском дворцом» — великолепным особняком купцов Неворотиных.

Городок

Над широкою рекой,
Пояском-мостом перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.

Знаю, в этом городке —
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка на реке,
К цели ведомой уходящая.

Полосатые столбы
У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.

На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие, —
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.

В крепко-слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,
В самаркандских цветных платках,
А глаза все такие темные.

Губернаторский дворец
Пышет светом в часы вечерние,
Предводителев жеребец —
Удивление всей губернии.

А весной идут, таясь,
На кладбище девушки с милыми,
Шепчут, ластясь: «Мой яхонт-князь!» —
И целуются над могилами.

Крест над церковью взнесен,
Символ власти ясной, Отеческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой[882].

Опубликованное 12 марта в «Ниве» № 11 и вошедшее в «Костер» ностальгическое стихотворение «Детство», с последним четверостишием, возвращающим нас к военным будням, может восприниматься как эскиз к знаменитому стихотворению «Память», открывающему последний сборник поэта «Огненный столп».

Детство

Я ребенком любил большие,
Медом пахнущие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!»

Только дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру, —
Сердце билось еще блаженней,
И я верил, что я умру

Не один, — с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом,
И за дальними небесами
Догадаюсь вдруг обо всем.

Я за то и люблю затеи
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав[883].

Начало службы в Гусарском полку, март — начало мая 1916 года

Март 1916 года был последним месяцем, когда Гумилев оставался в Петрограде. Пора было возвращаться к «военным забавам». С конца зимы 1916 года неторопливо заработала военно-бюрократическая машина. В течение февраля — марта 1916 года шла переписка между штабом Главнокомандующего армиями Западного фронта и штабом 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии о представлении Николая Гумилева в прапорщики, младший офицерский чин. Из полка были запрошены копии документов и подписка о непринадлежности Гумилева к тайным обществам, причем последний документ запрашивался несколько раз. Вот эти документы:

«Письмо № 61627 от 6 февраля 1916 г. от дежурного генерала штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта. По наградному отделению. Начальнику 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Прошу выслать копию приемного формуляра, послужной список и подписку о непринадлежности к тайным обществам представленного к производству в прапорщики унтер-офицера из охотников Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка Николая Гумилева. За дежурного Генерала Полковник (*подпись неразборчива*)»[884]. В день отправки этого письма сам Гумилев подписал А. Блоку «Колчан»: «Моему любимейшему поэту Александру Блоку с искренней дружественностью. Н. Гумилев»[885].

Письмо было получено в штабе дивизии 18 февраля, вх. № 613. На следующий день, 19 февраля, из штаба 2-й Гв. кавалерийской дивизии было послано письмо за № 764: «Командиру Л.-Гв. Уланского Ея Величества полка. Ввиду требования штаба фронта прошу о высылке копии приемного формуляра, послужного списка и подписки о непринадлежности к тайным обществам на представленного в прапорщики вверенного Вам полка охотника унтер-офицера Николая Гумилева. За Генерала Штаба Капитан Дурново»[886]. Однако произошла вполне объяснимая задержка с высылкой подписки о непринадлежности к тайным обществам, и 15 марта из штаба Армии было послано еще одно напоминание: «Письмо № 69593 от 15 марта 1916 г. от дежурного генерала штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта. По наградному отделению. Начальнику штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. В дополнение к ходатайству о производстве в прапорщики младшего унтер-офицера Лейб-гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка Гумилева, благоволите выслать подписку о непринадлежности его к тайным обществам, составленную по форме, приложение к ст. 27 кн. VI Св. В. П. 1869 г. изд. 1907 года. За дежурного Генерала Полковник (*подпись неразборчива*)»[887]. «Подписка о непринадлежности» не могла быть выслана по простой причине — подписка давалась лично, а сам «подписант» в это время отсутствовал в полку. Однако вопрос этот был благополучно разрешен, и звание прапорщика было присвоено ему еще до получения подписки. Видимо, из штаба Армии была послана в начале апреля еще одна «грозная» телеграмма в штаб дивизии, в ответ на которую из штаба Уланского полка была направлена ответная телеграмма: «Телеграмма в ответ на № 1627. Подана 11 апреля 1916 в 15 ч. 40 м. Гумилев произведен прапорщики 5 Гусарского полка. Подписка дана им лично штаб 3 Армии. Он отбыл седьмого апреля месту нового служения. 4448. Поливанов»[888].

Как следует из этой телеграммы, по крайней мере, до 7 апреля Гумилев пребывал в месте дислокации Уланского полка. Тогда же он в штабе III Армии (куда входил Уланский полк) дал «подписку о непринадлежности к тайным обществам». Возможно, в лейб-гвардии Уланском полку он провел еще пару дней до того, как направиться к «месту нового служения». А из Петрограда он должен был выехать не позже 5–6 апреля. В это время Уланский полк стоял в резерве, в боевых действиях участия не принимал. 8 апреля в Уланском полку ему был выдан на руки очень любопытный документ: «Аттестат № 1860 от 8 апреля 1916 г. о содержании Н.С. Гумилева в Лейб-гвардии уланском полку. По указу Его Императорского Величества дан сей от Лейб-гвардии Уланского Ея Величества полка прапорщику Гумилеву, произведенному в этот чин приказом Главнокомандующего армиями Западного фронта от 28 марта с.г. за № 3332 в том, что он при сем полку ни жалованьем, ни различными пособиями по военному времени, ни прогонными на проезд к новому месту служения вовсе не удовлетворялся и таковые ниоткуда не требовались ему. Что подписями с приложениями казенной печати удостоверяется, апреля 8 дня 1916 г. Подл‹инник› за надлежащими подписями. С подлинным верно: Делопроизводитель, Коллежский регистратор (*подписи неразборчивы*)»[889]. Из этого документа следует, что за все время службы в Уланском полку (более года) Гумилев никакого жалованья не получал и содержал себя на свои собственные средства. Что касается «прогонных на проезд к новому месту служения», то они ему и не требовались, так как новое место служения располагалось по соседству, всего в нескольких десятках верст.

Событийно мы забежали вперед, однако здесь важен тот факт, что как из «Телеграммы», так и из «Аттестата» однозначно следует, что Гумилев лично побывал 7–8 апреля в штабе своего бывшего полка для того, чтобы дать подписку о непринадлежности к тайным обществам и получить справку о своем материальном содержании. Следовательно, необходимо проследить, с одной стороны, где находился Уланский полк в начале апреля, а с другой стороны, куда Гумилеву надо было отбыть к новому месту служения. Архивные документы позволили точно ответить на оба эти вопроса. В «Трудах и днях» Лукницкого имеется не совсем понятная запись, относящаяся к этому периоду: «Произведен в прапорщики и переведен в 5-й Александрийский гусарский полк. Получив производство, уехал на фронт. На два-три дня приезжал в Петроград и опять уехал на фронт»[890]. Не исключено, что Гумилев по делам, связанным с оформлением и получением необходимых документов, действительно должен был между появлениями

в Уланском и Гусарском полку заехать в начале апреля на 2–3 дня в Петроград. Но если это и случилось, то до 7–8 апреля, когда им были получены в Уланском полку указанные выше документы. То есть теоретически Гумилев мог 5 апреля быть в Петрограде и присутствовать на упомянутом в примечаниях заседании ОРХС. За то, что Гумилев 3 апреля был еще дома, в Петрограде, говорит тот факт, что в этот день отмечалось его 30-летие. Кстати, в этот же день в издательстве «Гиперборей» вышло третье издание «Четок» Анны Ахматовой. Так что 3 апреля семейству Гумилевых было что праздновать.

Но вернемся на фронт. До конца года Уланский полк располагался в районе станции Горынь, юго-восточнее Пинска. До начала марта полк занимал тот же боевой участок, а 10 марта пришел приказ грузиться на станции Горынь и следовать на другой фронт. В журнале военных действий Уланского полка отражен путь следования эшелона: «12 марта. Маршрут: Горынь — Лунинец — Калинковичи — Жлобин — Могилев — Орша — Витебск — Двинск — Режица. ‹…› 16 марта. Прибыли в Режицу, получили приказание идти в город Люцин, где должны быть квартирьеры»[891]. Двинск, Режица, Люцин — это латвийские города Даугавпилс, Резекне и Лудза соответственно. В расположенных вокруг Люцина фольварках Уланский полк находился в резерве до середины мая[892]. Таким образом, в начале апреля 1916 года Гумилев несколько дней провел в Люцине.

Поскольку речь зашла о Люцине, несколько слов о родственниках Гумилева, связанных с этим городом. В Люцине 30 декабря 1889 года родилась Анна Андреевна Гумилева, урожденная Фрейганг, жена брата Гумилева Дмитрия Степановича. Семье Фрейгангов принадлежало расположенное около Люцина имение «Крыжуты». В этом имении семья жила и после революции, так как оно оказалось на территории Латвии. Только после Второй мировой войны все переехали в Бельгию. Умерла А.А. Гумилева в Брюсселе 1 февраля 1965 года. Она оставила любопытные, но грешащие неточностями воспоминания о Николае Гумилеве[893]. Во время Первой мировой войны А.А. Гумилева пошла на фронт сестрой милосердия. Д.С. Гумилев, поручик, прошел почти всю войну (по состоянию здоровья он был демобилизован раньше младшего брата), получил пять орденов, был контужен[894]. Последние годы его жизни прошли в доме жены. Д.С. Гумилев вследствие контузии тяжело болел и умер вскоре после расстрела брата. Как записал Лукницкий со слов матери А.И. Гумилевой, «10 сентября 1922 года в Риге, в психиатрической больнице, умер Дмитрий Степанович Гумилев. Вдова его Анна Андреевна Фрейганг жила в Риге до 30-х годов, пока не уехала в Брюссель»[895]. Жила она на самом деле не в Риге, а в имении «Крыжуты». Похоронен Д.С. Гумилев был в Риге[896].

Для Николая Гумилева мирная передышка закончилась 28 марта. В воскресенье 10 апреля в 5-м Гусарском Александрийском полку, когда все отмечали Пасху, был объявлен приказ № 104: «§ 1. Поздравление с Пасхой. ‹…› § 6. Из вольноопределяющихся Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка Николай Гумилев приказом Главнокомандующего армиями Западного фронта от 28-го прошедшего марта 1916 года за № 3332 произведен в прапорщики с назначением в сей полк. Означенного обер-офицера зачислить в списки полка и числить налицо с сего числа и с назначением в 4-й эскадрон»[897]. Гусарский полк при этом находился в фольварке Рандоль, расположенном на реке Дубна, притоке Двины, между Двинском и Резекне, ближе к Двинску.

То есть на очень небольшом расстоянии от тогдашнего местоположения Уланского полка в Люцине. В приведенной выше телеграмме из Уланского полка по поводу подписки о благонадежности сказано, что подписка дана им лично в штабе III Армии, к которой относился полк, и что Гумилев отбыл к месту нового служения 7 апреля. Исходя из этого, можно предположить, что Гумилев, находясь в Петрограде, в последних числах марта узнал о том, что он произведен в прапорщики и зачислен в 5-й Гусарский Александрийский Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк. В приказе по полку от 4 марта сказано[898]: «С 4 марта полк располагается в ф. Рандоль, Двинского уезда. Полк подчинен Командующему армиями Северного фронта Ген‹ерал›-Адъютанту› Куропаткину, Командующему 5-й Армии Ген‹ерал›-лейтенанту Гурко, Начальнику дивизии Ген‹ерал›-лейтенанту Скоропадскому. Командир полка полковник Коленкин».

5-й Гусарский Александрийский полк входил в состав 1-й бригады 5-й Кавалерийской дивизии[899]; в состав этой же дивизии входил 5-й Драгунский Каргопольский полк[900]. Возможно, длительная переписка и затянувшееся назначение Гумилева было связано с тем, что затребованные Главнокомандующим армиями Западного фронта документы, в частности копия приемного формуляра, по ошибке попали в 5-й Драгунский Каргопольский полк, среди многочисленных документов которого они были случайно обнаружены сотрудниками РГВИА (тогда еще ЦГВИА) лишь в середине 1980-х годов[901].

Именно со службой в 5-м Гусарском Александрийском полку связано длительное, около года, пребывание Николая Гумилева в Латвии. В приказах № 99 и № 100 по полку от 5 и 6 апреля объявлен состав офицеров всех эскадронов[902], с указанием их присутствия в полку и выдачи им продуктов за февраль — март 1916 года. Приказы отпечатаны на машинке, фамилия Гумилева первоначально в них отсутствовала, однако позже она была вписана от руки в состав 4-го эскадрона: прапорщик Гумилев, с прочерком его присутствия в этот период. Командиром 4-го эскадрона в это время был подполковник Аксель Радецкий. Служба Гумилева в составе 4-го эскадрона началась 10 апреля 1916 года. В полк он мог прибыть накануне вечером. Как было сказано выше, 10 апреля было воскресеньем, когда отмечалась Пасха. Так что на Пасхальной службе Гумилев присутствовал уже в своем новом полку.

Однако прежде, чем начать рассказ о его службе в 5-м Гусарском Александрийском полку, хочется упомянуть о странном совпадении. С днем появления Гумилева в полку связана одна литературная загадка. В тот же день, 10 апреля, в далекой от Двины черноморской Одессе, в газете «Одесский листок» № 97 было напечатано снабженное факсимильной подписью Гумилева стихотворение, ставшее впоследствии знаменитым благодаря следующим строчкам:

> … Пуля, им отлитая, просвищет
> Над седою, вспененной Двиной,
> Пуля, им отлитая, отыщет
> Грудь мою — она пришла за мной…

Под названием «Рабочий» Гумилев включил его (с разночтениями) в вышедший в 1918 году сборник «Костер»[903]. Отметим еще и то, что, хотя Гумилев неоднократно ранее бывал в Одессе (последний раз — по дороге из африканской экспедиции в сентябре 1913 года), это была его единственная

прижизненная публикация там. Каким образом стихотворение попало в Одессу — совершенно непонятно. Вызывает сомнение предположение Романа Тименчика, что «стихотворение было послано Ахматовой»[904]. Необходимо заметить, что оно могло быть написано только очень незадолго до публикации, судя по всему, не ранее 28 марта, когда Гумилев уже узнал о назначении и о том, в каком районе ему предстоит служить — в Латвии, на Двине, но сам там тогда еще не побывал. Возможно, еще находясь в Петрограде и узнав о месте службы, Гумилев написал это знаменитое «пророческое» стихотворение и передал его автограф кому-то из друзей, отправлявшихся в Одессу, причем при публикации была воспроизведена его собственная подпись под автографом. Сохранившиеся автографы стихотворения относятся к более позднему периоду[905].

В журнале военных действий за этот период сказано: «С 30 марта по 11 апреля в фольварке Рандоль полковым священником совершается богослужение: вербная всенощная и все страстные службы (вынос плащаницы и другие). Вторую Пасху полк встречает на фронте, нет уже многих, что были в прошлом году»[906]. Уже 12 апреля фамилия Гумилева попадает в приказы по полку: «Приказ № 106. § 1. Гумилев — дежурный по коноводам»[907]. В этот день гусары, до того находившиеся на отдыхе, должны были «выступить на смену драгун на боевое дежурство на участке от Лаврецкая — река Иван, в 1-й линии 4 эскадрона и 2 — в резерве»[908].

Как уже говорилось, сохранились лишь немногочисленные воспоминания сослуживцев Гумилева[909]. В вашингтонском четырехтомнике Гумилева были опубликованы воспоминания двух сослуживцев поэта по Гусарскому полку. Относятся они как раз к первому месяцу его службы. Приведем опубликованные там достаточно точные воспоминания (хотя записаны они были только в 1937 году) штабс-ротмистра и оруженосца Гусарского полка В.А. Карамзина, служившего с марта 1916 года оруженосцем при штабе 5-й кавалерийской дивизии[910], куда входил Гусарский полк. Большая их часть относится как раз к 12 апреля, дню, когда Гумилев дежурил по полку:

«…Когда прибыл в полк прапорщик Гумилев, я точно не помню. До этого он был охотником Лейб-Гвардии в Уланском Ее Величества полку, где был награжден Георгиевским Крестом. Помню, как весной 1916 года я прибыл по делам службы в штаб полка, расквартированный в прекрасном помещичьем доме. Названия усадьбы не помню, но это та самая усадьба, где мы встречали Пасху с генералом Скоропадским и откуда полк выступил на смотр генерала Куропаткина...»[911]

Прекрасный помещичий дом сохранился, — это бывший фольварк Рандоль. Дом, очень живописный, асимметричный, с башенками и обширным балконом-террасой, огражденным ажурной металлической решеткой и украшенным каменными вазами, стоит посреди парка в нынешнем селе Арендоле. На главной башне фамильный герб и дата постройки — 1901 год. Когда в 1993 году удалось там побывать, дом был запущен, заброшен и требовал срочного ремонта. Обнаруженные современные фотографии показали, что дом, к счастью, пережил «смутное время», обретя нового хозяина. Окрестности Арендоля живописны, в парке сохранилось оригинальное сооружение — старинная кирпичная двухэтажная баня, которая, видимо, использовалась гусарами по назначению. В селе недалеко от дома стоит костел.

5-й гусарский Александрийский полк входил в состав 5-й кавалерийской дивизии, командовал которой генерал-лейтенант Скоропадский.

18 апреля 1916 года его временно сменил генерал-майор Попов[912], а затем, 26 апреля, командиром дивизии стал генерал-майор Нилов. С 1 по 10 мая он устроил смотр полку, проводил конные занятия[913]. Смотр полка генерал-адъютантом Куропаткиным, командующим армиями Северного фронта, состоялся 17 июня 1916 года[914] (Гумилева в это время в полку не было).

Продолжим чтение воспоминаний В.А. Карамзина:

«...На обширном балконе меня встретил совсем мне незнакомый дежурный по полку офицер и тотчас же мне явился. “Прапорщик Гумилев”, — услышал я среди других слов явки и понял, с кем имею дело.

Командир полка был занят, и мне пришлось ждать, пока он освободится. Я присел на балконе и стал наблюдать за прохаживающимся по балкону Гумилевым. Должен сказать, что уродлив он был очень. Лицо как бы отекшее, с сливообразным носом и довольно резкими морщинами под глазами. Фигура тоже очень невыигрышная: свислые плечи, очень низкая талия, малый рост и особенно короткие ноги. При этом вся фигура его выражала чувство собственного достоинства. Он ходил маленькими, но редкими шагами, плавно, как верблюд, покачивая на ходу головой...

... Я начал с ним разговор и быстро перевел его на поэзию, в которой, кстати сказать, я мало что понимал.

— А вот скажите, пожалуйста, правда ли это, или мне так кажется, что наше время бедно значительными поэтами? — начал я. — Вот, если мы будем говорить военным языком, то мне кажется, что “генералов” среди теперешних поэтов нет.

— Ну нет, почему так? — заговорил с расстановкой Гумилев. — Блок вполне “генерал-майора” вытянет.

— Ну а Бальмонт в каких чинах, по-вашему, будет?

— Ради его больших трудов ему “штабс-капитана” дать можно.

— Мне думается, что лучшие поэты перекомбинировали уже все возможные рифмы, — сказал я, — и остальным приходится повторять старые комбинации.

— Да, обычно это так, но бывают и теперь открытия новых рифм, хотя и очень редко. Вот и мне удалось найти шесть новых рифм, прежде ни у кого не встречавшихся.

На этом наш разговор о поэзии и поэтах прервался, так как меня позвали к командиру полка.

Спустя некоторое время полк сел в окопы, расположенные по берегу Двины. За линией окопов тянулся большой лес, позволявший довольно свободное общение между сидевшими в окопах эскадронами. Офицеры приходили из эскадрона в эскадрон опушкой леса и болтали между собой. Так однажды я встретил моего брата Александра[915], шедшего по лесу со сборником стихотворений Гумилева “Шатер”. Оказалось, что действие таких стихов на корнетов поразительно. “Вот это я понимаю! — кричал брат: ‘Я бельгийский ему подарил пистолет и портрет моего Государя…’[916] А дальше, дальше-то что! Вообще Гумилев — одна прелесть…”

При встрече с командиром четвертого эскадрона, подполковником А.Е. фон Радецким, я его спросил: “Ну, как Гумилев у тебя поживает?” На что Аксель, со свойственной ему краткостью, ответил: “Да-да, ничего. Хороший офицер и, знаешь, парень хороший”. А эта прибавка в словах добрейшего Радецкого была высшей похвалой.

Под осень 1916 года подполковник фон Радецкий сдавал свой четвертый эскадрон ротмистру Мелик-Шахназарову[917]. Был и я у них в эскадроне

на торжественном обеде по этому случаю. Во время обеда вдруг раздалось постукивание ножа о край тарелки и медленно поднялся Гумилев. Размеренным тоном, без всяких выкриков, начал он свое стихотворение, написанное к этому торжеству. К сожалению, память не сохранила мне из него ничего. Помню только, что в нем были такие слова: “Полковника Радецкого мы песнею прославим...” Стихотворение было длинное и было написано мастерски. Все были от него в восторге. Гумилев важно опустился на свое место и так же размеренно продолжал свое участие в пиршестве. Все, что ни делал Гумилев, — он как бы священнодействовал.

Когда и куда именно отбыл из полка Гумилев, я тоже не знаю. Очень жаль, что мне мало пришлось с ним беседовать, но ведь тогда он для всех нас, однополчан, был только поэтом. Теперь же, после мужественной и славной кончины, он встал перед нами во весь свой духовный рост, и мы счастливы, что он был в рядах нашего славного полка...»

Воспоминания В.А. Карамзина почти полностью подтверждаются обнаруженными в РГВИА документами. Их встреча произошла на балконе фольварка Рандоль 12 апреля 1916 года, когда Гумилев дежурил по полку, о чем сказано в приказе по полку № 106[918]. Ошибся В.А. Карамзин лишь в дате передачи эскадрона Радецким. В том же приказе № 106 от 12 апреля было сказано: «§ 2. Предписываю Подполковнику Радецкому сдать, а ротмистру Мелик-Шахназарову принять 4-й эскадрон на законном основании и о сдаче и приеме донести». 16 апреля ротмистр Мелик-Шахназаров вступил в командование 4-м эскадроном: «Приказ № 110. Командир 4 эскадрона Подполковник Радецкий и ротмистр Мелик-Шахназаров рапортовали от 15 сего апреля за №№ 38 и 7 донесения: первый о сдаче, а последний о приеме 4 эскадрона во всем на законном основании. Означенные перемены внести в послужные списки названных штаб и обер-офицеров»[919]. 1 мая 1916 года. Радецкий отбыл в отпуск[920], а накануне, 30 апреля, состоялись его проводы, о которых вспоминал В.А. Карамзин. О первом месяце службы Гумилева в 5-м гусарском полку имеются воспоминания и командира эскадрона Ее Величества (ЕВ) ротмистра Сергея Топоркова[921]:

«...С большим удовольствием, исполняя Вашу просьбу, мне самому хочется поделиться с Вами своими воспоминаниями о моем однополчанине прапорщике Николае Степановиче Гумилеве, которого я знал довольно близко. К сожалению, прослужил он в полку недолго, так как общая катастрофа нарушила дальнейшую нашу связь, и она оказалась роковою для Гумилева. Собирая исторические полковые материалы, мне удалось также собрать сведения о Гумилеве: имеется у меня много вырезок из различных газет и журналов о его жизни и поэзии.

Н.С. Гумилев в чине прапорщика ‹...› прибыл к нам весной 1916 года, когда полк занимал позиции на реке Двине, в районе фольварка Рандоль. Украшенный солдатским Георгиевским крестом, полученным им в Уланском Ее Величества полку в бытность вольноопределяющимся охотником за доблестную разведку, он сразу расположил к себе своих сверстников. Небольшого роста, я бы сказал, непропорционально сложенный, медлительный в движениях, он казался всем нам вначале человеком сумрачным, необщительным и застенчивым. К сожалению, разница в возрасте, в чинах и служба в разных эскадронах, стоявших разбросанно, не дали мне возможности ближе узнать Гумилева, но он всегда обращал на себя внимание своим воспитанием, деликатностью, безупречной исполнительностью

Карта 6 к службе Н.С. Гумилева в 5-м Гусарском Александрийском полку. Латвия, 1916–1917

1 — район Режицы (Резекне) — Люцина (Лудза), где стоял Уланский полк весной 1916 года.
2 — район фольварка Рандоль (Арендоль) и станции Ницгаль (Ницгале), куда вначале прибыл Гумилев и где он впервые участвовал в боевых действиях в составе Гусарского полка, апрель — май 1916 года.
3 — переход от Рандоля в район Шлосс-Лембурга (Малпилс) в начале июля 1916 года, через Стеки — Ляудона — Одзиена — Сиссегаль — Вите.
4 — расположение полка в резерве около Шлосс-Лембурга в июле — сентябре 1916 года; плац у мызы Гросс-Кангерн.
5 — расположение полка около станции Ромоцкое (Иерики), октябрь — ноябрь 1916 года.
6 — расположение полка в районе Ней-Беверсгофа (Яунбебри), ноябрь 1916–февраль 1917 года.
7 — боевой участок вдоль Двины в районе Кокенгузена (Кокнесе), декабрь 1916–январь 1917 года.

Примечание: Большинство упоминаемых в тексте населенных пунктов можно найти на компакт-диске «СНГ и Балтия 2004», выпуск GWCIS-02/04, ООО «Фирма Ингит», www.ingit.ru, или на сайте http://maps.google.ru/.

и скромностью. Его лицо не было красиво или заметно: большая голова, большой мясистый нос и нижняя губа, несколько вытянутая вперед, что старило его лицо. Говорил он всегда тихо, медленно и протяжно.

Так как в описываемый период поэтическим экстазом были заражены не только некоторые офицеры, но и гусары, то мало кто придавал значение тому, что Гумилев писал стихи и тем более лирические, да кроме того, больше увлекались стихами военного содержания. Лишь только один командир полка полковник А.Н. Коленкин, человек глубоко образованный

и просвещенный, всегда говорил нам, что поэзия Гумилева незаурядная, и каждый раз на товарищеских обедах и пирушках он просил Гумилева декламировать свои стихи, всегда был от них в восторге, и Гумилев всегда исполнял эти просьбы с удовольствием, но, признаюсь, многие подсмеивались над его манерой чтения стихов. Я помню, он чаще декламировал стихотворения про Абиссинию, и это особенно нравилось командиру полка, молодежь же просила его декламировать военные мотивы. Среди молодых корнетов были разговоры о том, что в Абиссинии он женился на чернокожей туземке и был с нею счастлив, но насколько это верно — не знаю.

Всегда молчаливый, он загорался, когда начинался разговор о литературе, и с большим вниманием относился ко всем любившим писать стихи. Много у него было экспромтов, стихотворений и песен, посвященных полку и войне, но, к сожалению, у меня их не сохранилось. С гордостью Гумилев носил полковой нагрудный знак с черепом-эмблемою и чтил традиции полка. В № 144 газеты «Россия и Славянство» от 29 августа 1931 г. помещена репродукция рисунка, изображающего Гумилева в форме Александрийского гусара, сидящего верхом на фантастическом орудии под эскадронным значком 4-го эскадрона, в котором он служил.

Когда при кавалерийских дивизиях стали формировать пешие стрелковые дивизионы, то Гумилев вместе с другими однополчанами был назначен в стрелковый дивизион[922], коим командовал Александриец подполковник М.М. Хондзынский. В этом дивизионе Гумилев продолжал службу, сохраняя постоянную связь с полком. В настоящее время много уделяется внимания поэзии Гумилева, и мне бы хотелось о нем тоже собрать больше сведений, дабы Гумилев занял почетное место в готовящемся издании материалов, относящихся к истории Александрийских гусар ‹…› Председатель Объединения Александрийского гусарского Ее Величества Полка полковник С. Топорков. 30 ноября 1931 г.»[923].

Комментируя эти воспоминания, Г.П. Струве писал: «Говоря о “рисунке Гумилева”, напечатанном в “России и Славянстве”, полковник С.А. Топорков ошибался: рисунок этот принадлежал не Гумилеву, а Н.С. Гончаровой, изобразившей его верхом на жирафе в форме “черного гусара”. Рисунок был получен Л.И. Львовым для воспроизведения от самой художницы. Теперешнее местонахождение его нам неизвестно. Воспроизвести его по газетной репродукции не представляло смысла»[924]. Как говорится, частично «не правы оба». На самом деле в газете были представлены две акварели Н. Гончаровой, составлявшие «триптих» с известным ее акварельным портретом Гумилева, пишущего стихотворение «Голубая беседка…»[925].

Упоминаемые Топорковым стихотворные экспромты практически не сохранились. Лишь в архиве П.Н. Лукницкого был обнаружен один такой экспромт, адресованный «Командиру 5-го Александрийского полка», которым тогда был полковник Александр Николаевич Коленкин:

В вечерний час на небосклоне
Порой промчится метеор.
Мелькнув на миг на темном фоне,
Он зачаровывает взор.

Таким же точно метеором,
Прекрасным огненным лучом,
Пред нашим изумленным взором
И вы явились пред полком.

И, озаряя всех приветно,
Бросая всюду ровный свет,
Вы оставляете заметный
И — верьте — незабвенный след[926].

Гумилев не стал продолжать «Записки кавалериста». И причина этого вряд ли связана с тем, о чем пишет Лукницкий в «Трудах и днях»: «Недоволен своим пребыванием в полку и жалуется на низкий культурный уровень офицеров... После вступления Н.Г. в 5-й Александрийский Гусарский полк полковое начальство, недоброжелательно и подозрительно относившееся к “писательству”, запретило Н.Г. печатать “Записки кавалериста“»[927]. «Жалуется на низкий культурный уровень офицеров» — это слишком «по-советски», не представляю себе Гумилева «жалующимся», тем более на «низкий культурный уровень». Как воспоминания двух его сослуживцев, так и приведенные ниже сведения еще об одном однополчанине, сохранившем память о поэте, совершенно не вяжутся с утверждением Лукницкого, а на самом деле той, чье мнение он транслирует, — Ахматовой. Повторился, как мне кажется, «африканский сюжет» — непонимание и неприятие Ахматовой тех сторон жизни своего мужа, которые он сам считал наиболее важными, определяющими его путь. Отсюда попытка найти упрощенные решения, своеобразная женская ревность к тому, что сама она принять не могла.

К моменту поступления в Гусарский полк «Записки кавалериста» были не только завершены, но и полностью опубликованы, необходимо было искать другие формы самовыражения. И за оставшиеся военные годы Гумилев нашел их для себя в драматургии, видимо, война к этому располагала. А стихи никогда не прекращались. Только они стали другими. Даже недоброжелатели Гумилева единодушно признают, насколько вырос Гумилев – автор «Костра», «Шатра» и «Огненного столпа» — как поэт. И причину этого, как мне кажется, следует искать в четырех годах, проведенных им на войне.

Однако задачей автора было не создавать умозрительные конструкции, не «домысливать» за своего героя, а просто проследить весь его боевой путь[928]. Хотя сохранилось очень немного личных свидетельств об этих годах (кроме редких писем), однако хранящиеся в архивах документы позволили проследить весь этот путь, достаточно точно воссоздать период его службы в Гусарском полку, узнать, в каких боевых операциях он участвовал и что этому сопутствовало.

Как было уже сказано, более месяца, с 4 марта 1916 года, 5-й Гусарский Александрийский полк стоял в резерве в фольварке Рандоль. Гумилеву из этого резервного месяца досталось менее трех дней. Уже 12 апреля, видимо, вскоре после встречи с оруженосцем поручиком В.А. Карамзиным, Гумилев покинул тихий фольварк Рандоль, — с 12 апреля эскадроны гусар сменили в окопах на берегах Двины драгун и заняли боевой участок от Лавренской (Лаури) до реки Иван. «13 апреля. Смена прошла в полной тишине, неприятель слышно укрепляет свои позиции; днем в направлении д. Ружа был замечен привязной аэростат; неприятель изредка обстреливает тяжелой и легкой артиллерией ж. д. и фольварк Авсеевку. ‹…› 14 апреля. Неприятель одиночными выстрелами артиллерии обстреливает ф. Ницгаль. По ф. Авсеевка выпущено 4 тяжелых снаряда. Наша артиллерия отвечала. Опять поднимался неприятельский аэростат. Пролетел один наш и один неприятельский аэроплан ‹…› 15 апреля. Противник бдителен;

на ночь усиливает караулы, светит ракеты; ночью на берегу Двины выставлен флаг (красный, белый, черный). По ст. Ницгаль выпущено ночью 2 снаряда. Наша отвечала»[929]. Это выписки из журнала военных действий. Станция Ницгаль и ф. Ницгаль — современные железнодорожная станция и село Ницгале. В Ницгале на берегу Двины до сих пор стоит хороший ориентир для артиллерии — красивый высокий костел, построенный в 1861 году. Фольварк Авсеевка располагался севернее на берегу Двины, напротив современной железнодорожной станции Сергунта. От него сохранилась упоминаемая в документах роща, старый заросший пруд. Старинные постройки исчезли, — местные жители помнят, что почти все сгорело или было разрушено еще в Первую мировую войну. Во многих местах на берегах Даугавы угадываются остатки старых окопов.

Взаимная перестрелка, не приносящая ощутимого вреда ни одной из сторон, продолжалась до 20 апреля. «21 апреля. Окопные работы у нас и у них ночью. Днем — артиллерия, они по Буйвеско — Ницгале, мы по Руже и землянкам. Пролетел "Илья Муромец". ‹…› 22 апреля. Днем мы зажгли Руже, где у немцев был склад патронов, ракет — были взрывы»[930]. На следующий день неприятель усилил обстрел, в этот день особо отличился гумилевский эскадрон № 4: «23 апреля. Ночь спокойно; утром возник пожар от искры у дома командира эскадрона ЕВ[931]; был прекращен. Целый день сильный огонь противника, разбили ж. д. будку № 170 (телефон продолжал работать). Огонь по Авсеевке, подожгли юго-восточные строения фольварка, ветер, огонь распространился по всему скотному двору, угрожая перекинуться на господский двор и рощу, прикрывающую эскадрон № 4. Дружной работой гусар и подошедших на помощь гвардейских саперов 2-ой Саперной роты прекратили огонь и отстояли рощу и господский двор, имевшие важное тактическое значение. Все работы велись под огнем противника и были завершены к 20 часам. Особо отличились гусары эскадрона № 4. Наша артиллерия зажгла несколько домов в д. Кришкинан. Утром по случаю дня тезоименитства был отслужен молебен в д. Новой. Погода теплая». В документах сохранилось донесение Радецкого с кроком выгоревшего участка эскадрона № 4 около ф. Авсеевка[932]. Это событие было отмечено в приказе по полку № 121 от 27 апреля: «Сердечно благодарю начальника участка подполковника Радецкого, командира эскадрона № 4 ротмистра Мелик-Шахназарова. ‹…› Молодцам гусарам за самоотверженную работу спасибо»[933]. Напомню, что Гумилев был назначен как раз в эскадрон № 4, и в этом эпизоде он участвовал. Так что благодарность относится и к нему. Упомянутая деревня Новая расположена в стороне от Двины, в полях, у речки Иван, недалеко от Ницгале. Еще не так давно там стояла старая деревянная церковь, однако в начале 1990-х годов, за год до посещения автором этих мест, ее разобрали.

Оставшиеся дни дежурства прошли спокойно, но начала портиться погода: «24 апреля. Ночью спокойно; днем обычная перестрелка. ‹…› 25 апреля. Со стороны противника на Ницгаль светил прожектор. Днем — редкая ружейная перестрелка. Небольшой теплый дождь. ‹…› 26 апреля. Ночь совершенно спокойна; обстрел казаков. Начался сильный дождь, испортил дороги. В 12 часов ночи участок сдан уланам. Дороги разъезжены. Эскадроны возвращались через Коцуб (*Калупе*), так как на Варков (*Вецварккава*) стало совершенно непроходимо. Пришли на стоянку в 4–6 часов»[934].

Боевой участок гусар в районе станции Ницгаль находился примерно в 20 км западнее фольварка Рандоль. К нему вели две указанные выше

дороги. Как отмечается в журнале боевых действий за период с 27 по 30 апреля, «погода резко испортилась, холод, дождь. Пришел 5-й маршевый эскадрон, хорошо обучен. Ежедневно идут занятия по эскадронам»[935]. В приказе по полку № 123 от 29 апреля прапорщик Гумилев был назначен дежурным по полку[936]. Упоминается имя Гумилева и в следующем приказе № 124 от 30 апреля: «... § 13. Одну собственную лошадь прапорщика Гумилева зачислить на фуражное довольствие с 10 сего апреля. Справка: рапорт Гумилева за № 12»[937].

В одном из дел полка приводится «Список по старшинству обер-офицеров 5-го Гусарского Александрийского Е.В. Гос. Имп. Александры Феодоровны полка на 1 мая 1916 года»[938]. В список включены, в частности: «1) Командир полка полковник Александр Коленкин (уволен в отпуск 27.04.1916). ‹…› 6) Подпоручик (sic!) Аксель Радецкий (в отпуску с 1 мая). ‹…› 14) Командир эскадрона ЕВ ротмистр Сергей Топорков. ‹…› 17) Командир 4-го эскадрона ротмистр Андрей Мелик-Шахназаров. ‹…› 26) Младший офицер Владимир Петрушевский. ‹…› 33) Младший офицер поручик Александр Посажной[939] (эвакуирован по болезни 15 февраля 1916). ‹…› 53) Младший офицер Георгий Янишевский (Георгиевский крест 2, 3, 4 ст., представлен к 1 ст.). ‹…› 97) Младший офицер прапорщик Николай Гумилев (в строю)». На 1 мая Гумилев замыкал список, как только что прибывший в полк.

В начале мая Гусарский полк по-прежнему располагался в районе фольварка Рандоль. В донесениях от 1–10 мая отмечается: «В резерве 6-го Кавалерийского корпуса в районе Рандоль. Погода резко испортилась — холодно и дождь каждый день (пришел 5-й маршевый эскадрон, привел шт‹абс›-ротмистр Протасьев[940] (хорошо обучен)). Приехал новый начальник дивизии генерал Нилов, делал смотр полку — остался доволен. Идут ежедневные конные занятия»[941]. В резерве полк стоял до 10 мая, когда вновь отправился на боевое дежурство на прежний участок. Казалось бы, ничто не предвещало скорый и неожиданный отъезд Гумилева из полка, но на это дежурство он уже не попал. Как и год назад, весной 1915 года, неблагоприятная погода, дожди и холода вывели его из строя. Еще накануне своей эвакуации он написал короткое «лирическое» письмо Маргарите Тумповской, явно не предполагая, что на следующий день его в полку уже не будет:

«5 мая 1916

Мага моя, я Вам не писал так долго, потому что все думал эвакуироваться и увидеться; но теперь я чувствую себя лучше и, кажется, остаюсь в полку на все лето.

Мы не сражаемся и скучаем, я в особенности. Читаю "Исповедь" блаженного Августина и думаю о моем главном искушении, которого мне не побороть, о Вас. Помните у Нитше — "в уединении растет то, что каждый в него вносит". Так и мое чувство. Вы действительно удивительная, и я это с каждым днем узнаю все больше и больше.

Напишите мне. Присылайте новые стихи. Я ничего не пишу, и мне кажется странным, как это пишут. Пишите так: Действующая Армия, 5 кавалерийская дивизия, 5 гусарский Александрийский полк, 4 эскадрон, прапорщику Н.С. Гумилеву. Целую ваши милые руки. Н. Гумилев»[942].

А в приказе № 141 от 16 мая 1916 года объявляется: «§ 7. Заболевшего и эвакуированного на излечение прапорщика Гумилева числить больным с 6 сего мая. Врач в полку — Гумилевский»[943]. Поэт «напророчил» свою эвакуацию и уже 7 мая оказался в госпитале в Петрограде.

Короткая передышка из-за болезни, май — июль 1916 года

Весь описанный выше первый период пребывания Гумилева в Гусарском полку в «Трудах и днях» представлен крайне лаконично: «**1916. Конец апреля и первые числа мая.** Н.Г. в полку в резерве. Болен бронхитом. **Около 5–6 мая.** С ухудшением состояния здоровья, по настоянию полкового врача, срочно отправлен на излечение в Царское Село и помещен в лазарет Большого дворца. *Примечание:* Врачи констатировали у Н.Г. процесс в легких»[944]. Действительно, у Гумилева был обнаружен процесс в легких, и его поместили в лазарет Большого дворца в Царском Селе, где старшей медицинской сестрой работала императрица Александра Федоровна, шеф тех полков, в которых служил Гумилев. В распоряжении Царскосельского эвакуационного пункта сказано, что Гумилев принят на учет 7 мая[945].

Сам период пребывания Гумилева в мае в Царском Селе в «Трудах и днях» отражен достаточно подробно: «Находится в Царском Селе, в лазарете Большого дворца. Много читает, пробует писать. Его навещают друзья и знакомые. Мать и жена (между 9 и 14 мая) уехали в Слепнево. 12 или 14 мая — знакомство с А.Н. Энгельгардт и О.Н. Арбениной в Тенишевском зале на вечере приезжавшего в Петербург В.Я. Брюсова. 15 мая (?), в день праздника Уланского полка, присутствует на молебне и завтраке в Уланском лазарете и получает от императрицы благодарность за стихотворный привет, посланный великим княжнам в путешествие. 17 (?) мая от императрицы и великих княжон, посетивших лазарет Большого дворца, получает в подарок портреты с автографами, Евангелие с надписью и образом Казанской Божьей Матери. Встречи с А.Н. Энгельгардт, О.Н. Арбениной (и ссора с ней в конце месяца), с Т.П. Карсавиной, В.К. Шилейко, с К. Ляндау, Н.В. Недоброво и др. Решение осенью держать экзамены на корнета. В Царском Селе написано стихотворение “Телефон” (?), относящееся к О.Н. Арбениной (?), и задумана новая пьеса “Гондла”. Переписка с женой и матерью»[946].

Доклад Брюсова «Средневековая армянская поэзия» состоялся 14 мая в Тенишевском зале[947]. О знакомстве с Гумилевым именно на этом вечере вспоминает Ольга Арбенина: «Я увидела его в первый раз 14 мая 1916 г. Это был вечер В. Брюсова об армянской поэзии — в Тенишевском зале ‹…› В антракте, проходя одна по выходу в фойе, я в испуге увидела совершенно дикое выражение восхищения на очень некрасивом лице. Восхищение казалось диким, скорее глупым, и взгляд был почти зверским. Этот взгляд принадлежал высокому военному с бритой головой и с Георгием на груди. Это был Гумилев»[948]. На этом же вечере ее представила Гумилеву уже знакомая с ним, ее приятельница и будущая жена поэта, А.Н. Энгельгардт[949].

Полковой праздник Уланского полка приходился на день Вознесения Господня, и в 1916 году отмечался не 15-го, а 19 мая, в четверг. По поводу «стихотворного привета, посланного Великим Княжнам» — в тех же воспоминаниях Арбенина пишет: «На просьбу пойти меня проводить я могла только сказать, что я не одна — телефон ему дала — еще он сказал: “Я вчера написал стихи за присланные к нам в лазарет акации Ольге Николаевне Романовой — завтра напишу Ольге Николаевне Арбениной”. Он был ранен (или контужен) и лежал в лазарете (а не жил у матери), в Царском»[950]. Контужен Гумилев не был, и текст экспромта, адресованного Великой

Княжне Ольге, пока не обнаружен. Однако о тогдашних встречах Гумилева с Ольгой и о стихах самой Ольги, которые она читала Гумилеву, упоминает В. Ходасевич в своих «Заметках о стихах II»: «…Вторым стихотворцем была сама великая княгиня Ольга Николаевна. О ее поэтических опытах, сколько мне известно, в печати не упоминалось. Но о существовании их говорилось в устных беседах. Между прочим, покойный Н.С. Гумилев, лежавший в 1916 году в Царскосельском лазарете, рассказывал, что Ольга Николаевна, посещая его, показывала ему свои стихи. ‹…› Неопытная в авторстве, не имевшая, так сказать, активного литературного дарования, Ольга Николаевна, очевидно, была хорошей, внимательной читательницей стихов и имела в этом значительный навык и, в отличие от огромного числа дилетантов, несмотря на известные свои промахи, все же обладала необходимыми понятиями о стихосложении. Это совпадает и с рассказами Гумилева: он говорил, что стихи Ольги Николаевны очень слабы, но что она по-настоящему интересуется поэзией и следит за ней, читает вновь выходящие книги. Таким образом, ходячее место о крайне ничтожном уровне литературного мненья в царской семье получает хотя и частичное, но документальное опровержение…»[951]

Следует заметить, что в госпитале постоянно посещала больных, помимо Великих Княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, и сама Императрица Александра Феодоровна, и Гумилев со всеми познакомился. В начале 1990-х годов в ЦГАОРе был обнаружен написанный Гумилевым в госпитале стихотворный экспромт-поздравление по случаю 15-летия Анастасии, праздновавшегося 5 июня. На отдельном листе Гумилевым написано:

«Ея Императорскому Высочеству
Великой Княжне
Анастасии Николаевне
ко Дню Рождения

Сегодня день Анастасии,
И мы хотим, чтоб через нас
Любовь и ласка всей России
К Вам благодарно донеслась.

Какая радость нам поздравить
Вас, лучший образ наших снов,
И подпись скромную поставить
Внизу приветственных стихов.

Забыв о том, что накануне
Мы были в яростных боях,
Мы праздник пятого июня
В своих отпразднуем сердцах.

И мы уносим к новой сече
Восторгом полные сердца,
Припоминая наши встречи
Средь царскосельского дворца.

Прапорщик Гумилев.
5 июня 1916 года, Царское Село, Лазарет Большого Дворца»[952].

Ниже стихотворения и сбоку от него проставили свои подписи еще 14 раненых и больных солдат и офицеров.

Но стихотворные обращения к Августейшим сестрам милосердия не ограничились посланием младшей княжне Анастасии. Через два дня поэтом было вписано в специальную тетрадь приветствие уже самой императрице Александре Федоровне, шефу Гусарского полка:

Пока бросает ураганами
Державный Вождь свои полки,
Вы наклоняетесь над ранами
С глазами, полными тоски.

И имя Вашего Величества
Не позабудется, доколь
Смиряет смерть любви владычество
И ласки утишают боль.

Несчастных кроткая заступница,
России милая сестра,
Где вы проходите как путница,
Там от цветов земля пестра.

Мы молим: сделай Бог Вас радостной,
А в трудный час и скорбный час
Да снизойдёт к Вам Ангел благостный,
Как вы нисходите до нас.

7 июня 1916 г.
5-го гусарского Александрийского
Вашего Величества полка прапорщик Гумилев[953]

Находясь на излечении, Гумилев не придерживался строгого постельного режима и часто покидал госпиталь. Помимо вечера Брюсова он, с большой степенью вероятности, мог посетить поэтические вечера в сменившем «Бродячую собаку» кабаре «Привал комедиантов». Кабаре открылось 18 апреля. 12 и 26 мая там проводились поэтические вечера[954]. Думаю, можно доверять информации Лукницкого из «Трудов и дней», полученной от А.А. Ахматовой и А.И. Гумилевой, о том, что он в «середине мая ездил в Слепнево, где жили А.А. Ахматова и А.И. Гумилева, на три дня, и вернулся в Царское Село»[955]. Судя по приведенному ниже документу о его нахождении в госпитале с 7 по 18 мая, в Слепнево он мог попасть не ранее 19 мая. Судя по всему, об этом посещении Гумилевым Слепнева сохранился опубликованный Тименчиком рассказ съемщицы флигеля в Слепневе (с пансионом): «Ахматову я встречала, гуляющей с маленьким сыном, которого она всегда вела за руку, я думаю ему было года 4. Она гуляла и всегда мурлыкала какой-то мотив, отбивая такт, вероятно, размер создаваемых ею стихов. Помню, на голове у нее почти всегда был белый чепчик. ‹...› С Ахматовой говорила мало, она была задумчивая и молчаливая. Стихов своих никогда не читала. Придя как-то к завтраку, я увидела офицера в форме черных гусар. Нас познакомили, это был поэт Гумилев. После завтрака меня просили остаться. Завязался общий разговор, но с Ахматовой, которая сидела тут же, он почти не говорил. Я заметила какую-то холодность между ними»[956].

Пока Гумилев оставался на лечении в Царском Селе, им были получены документы, относящиеся к его армейскому материальному обеспечению. Еще до посещения 19 мая упомянутого Лукницким праздника Уланского полка Гумилеву было выдано удостоверение о получении им

добавочного жалованья за Георгиевский крест: «УДОСТОВЕРЕНИЕ. Командир Лейб-гвардии уланского Ея Величества полка, № 2032 от 17 мая 1916 г. Дано сие прапорщику Гумилеву, переведенному на службу в 5-й гусарский Александрийский Ея Величества полк, в том, что он добавочным жалованьем за Георгиевский крест 3 степени за № 108868 вовсе при сем полку не удовлетворялся и таковое подлежит истреблению с шестого июля 1915 г.[957]. Что подписью с приложением казенной печати и удостоверяется. Подп‹исал› Свиты Его Величества, Генерал-майор (*подпись неразборчива*). Помощник по хозяйственной части, полковник князь Кропоткин, делопроизводитель, кол‹лежский› ас‹сессор› Лобанов. С подлинным верно: Делопроизводитель (*подпись неразборчива*)»[958].

22 мая 1916 года датировано полученное Гумилевым «Отношение из Царскосельского эвакуационного пункта командиру 5-го гусарского Александрийского полка»: «22 мая 1916 г., № 10869, город Царское село. Прапорщик вверенного Вам полка Гумилев во время состояния на учете пункта был удовлетворен согласно удостоверению, пункт за № 10407, за время с 7 мая по 18 мая 1916 г. суточными госпитальными деньгами как семейный офицер. Право же получения этих денег (ст.905 кн.XIX С.В.П. по редакции приказа по В.В. 1915 года № 134[959]) еще не подтвердилось, а потому прошу о высылке удостоверения о том, что вышеозначенный офицер семейный и семья его находится на его иждивении. За начальника пункта, капитан (*подпись неразборчива*). Бухгалтер, Зауряд-военный чиновник Надворный советник Смогорский»[960]. 31 мая 1916 года был послан ответ из полка. «Из представленной прапорщиком Гумилевым копии их метрической книги видно, что он женат»[961].

1 июня 1916 года Гумилевым был получен «Аттестат об удовлетворении жалованием Н.С. Гумилева в 5-м гусарском Александрийском полку»: «1 июня 1916 г. По Указу Его Императорского Величества дан сей от 5-го гусарского Александрийского Ея Величества полка на прапорщика Гумилева[962] в том, что он удовлетворен денежным Его Императорского Величества жалованьем из оклада семисот тридцати двух руб. в год по 1 мая и добавочными деньгами из оклада ста двадцати рублей в год по первое мая с.г. Что подписью с приложением казенной печати и удостоверяется. Действующая армия, 1 июня 1916 г. Подп‹исали› Командир полка, полковник Коленкин. Помощник по хозяйственной части, полковник Беккер. Верно: делопроизводитель (*подпись неразборчива*)»[963].

В «Трудах и днях» Лукницкого сказано об одном интересном, но нереализовавшемся предложении, которое Гумилев получил в мае: «**2-я половина мая.** Получил предложение заведовать воздухоплавательной станцией на Аланде[964] — ответственное и опасное место. Был очень обрадован предложением. Дело, однако, по посторонним причинам расстроилось. (*М.М. Тумповская, А.А. Ахматова*)»[965]. Далее у Лукницкого сказано: «29 мая в санитарном поезде уехал в Крым. Проездом через Севастополь посетил родных А.А. Ахматовой. 1 или 2 июня приехал в Массандру и помещен здесь в здравницу им. имп‹ератрицы› Александры Федоровны»[966]. В этой записи Лукницкого ошибочно указаны только даты. На самом деле Гумилев выехал в Крым позже. Об этом говорят, с одной стороны, приведенные выше датированные автографы приветствий Августейшим сестрам милосердия — от 5 и 7 июня, а с другой стороны, ряд архивных документов. Точное время пребывания Гумилева в Царском Селе по болезни указывается в полученном им аттестате об удовлетворении его жалованьем

за период его эвакуации по болезни, выданном Царскосельским уездным воинским начальником 24 ноября 1916 г.: «АТТЕСТАТ № 42562. По Указу Его Императорского Величества дан сей от управления Царскосельского Уездного воинского начальника прапорщику Гумилеву в том, что он при сем Управлении удовлетворен из оклада в год: денежным Его Императорского Величества жалованьем шестисот руб. (600 рублей), добавочными ста двадцати руб. (120 рублей), по первое августа госпитальными по 1 руб. 50 коп. в сутки с 7 мая по 8 июня сего тысяча девятьсот шестнадцатого года, что подписью с приложением казенной печати удостоверяется. Царское Село, 24 ноября 1916 года. Подписано: Царскосельский Уездный воинский начальник, Полковник и Делопроизводитель, губернский секретарь (*подписи отсутствуют*). С подлинным верно: Делопроизводитель, коллежский регистратор (*подпись неразборчива*)»[967]. Из документа следует, что в Царском Селе Гумилев пребывал с 7 мая по 8 июня, и это полностью согласуется с приведенным выше приказом № 141 о его убытии из полка по болезни 6 мая. Следовательно, выехал Гумилев в Крым 8–9 июня 1916 года.

В приказе по Царскосельскому эвакуационному пункту сказано, что Гумилев с 30 мая 1916 года отправляется для продолжения лечения в Дом Ее Величества в Массандре «с оставлением на учете при Царскосельском эвакуационном пункте»[968]. Фактически Гумилев выехал в Крым только после 8 июня. В приказе по Гусарскому полку № 198 от 12 июля 1916 года сказано[969]: «И. д. коменданта гор. Ялты сношением от 16 прошедшего июня за № 12591 уведомил, что прапорщик Гумилев 13 прошедшего июня прибыл в г. Ялту на излечение и принят на учет. Названного обер-офицера числить больным в гор. Ялте». Проездом из Петрограда в Ялту Гумилев, как указал Лукницкий, посетил в Севастополе родных жены, где пробыл около четырех дней, с 9 по 13 июня. Факт посещения Гумилевым Севастополя в это время подтверждается интересным «финансовым» документом: «Отношение Царскосельского Уездного воинского начальника командиру 5-го гусарского Александрийского полка полковнику Коленкину от 24 ноября 1916 г. На № 8367. Командиру 5-го Гусарского Александрийского полка. Препровождая при сем аттестат на денежное довольствие прапорщика Гумилева, прошу об удержании с означенного обер-офицера 6 р. 89 коп. прогонных по грунтовым дорогам, так как таковому был предоставлен бесплатный автомобиль Кр‹асного› Креста. Справка: сношение Ст. врача госпиталя Севастопольской общины сестер милосердия от 13 июня с. г. № 1870. Подписано: Полковник и Делопроизводитель, Губернский секретарь (*Подписи неразборчивы*)»[970]. То есть за пользование 13 июня полученной для проезда из Севастополя в Ялту казенной машиной Гумилеву пришлось в конце года расплачиваться.

Точно не удалось установить, в каком санатории разместился Гумилев. Выяснилось, что в 1911 году появилась идея строительства ведомственного военно-морского санатория. Для этого была выделена земля в Нижней Массандре. В 1913 году совершается закладка «морской санатории Ея Императорского Величества государыни императрицы Александры Федоровны». Эта здравница существовала под покровительством царской семьи, и каждый новый корпус получал имя кого-то из царских детей. В 1914 году был освящен первый «детский» корпус в честь великой княгини Ольги в присутствии Николая II и Александры Федоровны. При санатории проектируется церковь, которая была освящена 5 октября 1916 года в честь

Св. Николая и великомученицы Александры — небесных покровителей царской семьи. В Массандре сохранился строившийся первоначально для Александра III дворец, использовавшийся как санаторий во время Первой мировой войны. Об этом свидетельствует один из офицеров 5-го Гусарского Александрийского полка, попавший туда уже во время Гражданской войны, до захвата Крыма красноармейцами[971]. На сохранившемся конверте приведенного ниже письма Ольге Мочаловой на обороте фотографии с Городецким указаны место написания и адрес получателя: «Здравница Всероссийского общества Здравниц в доме Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны для выздоравливающих и переутомленных. Массандра»; «Е.В. Ольге Алексеевне Мочаловой. Ялта. Массандровская. Дача Лутковского». Возможно, в одном из этих санаториев и остановился Гумилев. О его пребывании там в «Трудах и днях» сказано: «С 1 или 2 июня по 7 июля. Находится в Массандре, в здравнице. Пишет пьесу “Гондла” (к 22 июня написаны 2 акта; к 1 июля — последний акт, заканчивает пьесу 4 июля). Переписывается с женой, матерью, А.Н. Энгельгардт и др. Встречается только с офицерами, живущими в санатории, и сестрами милосердия. Несколько встреч с О.А. Мочаловой и Мониной. В Массандре написаны (в начале июня) стихотворения: “За то, что я теперь спокойный”, “Подошла неслышною походкой”. Примечание. В Массандре “Гондлу” никому не читал»[972].

На самом деле Гумилев пробыл в санатории с 13 июня по 7 июля. В Ялте он встречался с молодой поэтессой Ольгой Мочаловой, оставившей интересные воспоминания как о Гумилеве, так и о других представителях Серебряного века[973]. В этих воспоминаниях она рассказывает о знакомстве с поэтом в Массандре, об их прогулках, приводит много его высказываний о войне, об Африке: «…он рассказывал фронтовые эпизоды. Как в него долго и настойчиво целился пожилой, полный немец, и это вызывало гнев. “Русский народ неглуп. Я переносил все тяготы похода вместе со всеми и говорил солдатам: ‘Привычки у меня другие. Но, если в бою кто-нибудь увидит, что я не исполняю долга, — стреляйте в меня’”. “Женщину солдат наш не любит, а ‘жалеет’, хотя жалость его очень эротична”. “Физически мне, конечно, было очень трудно, но духовно — хорошо!”. ‹…› Николаю Степановичу понравились мои стихи “Песня безнадежная”, которые сама я считала глубоко ученическими. ‹…› Гумилев писал тогда “Гондлу”, и образ плачущей девушки над гробом возлюбленного (*из этого стихотворения. — Е.С.*) он взял для концовки поэмы. “Здесь (в Крыму) нет созвездия Южного Креста, о котором тоскую”. “Самое ужасное — мне в Африке нравится обыденность. Быть пастухом, ходить по тропинкам, вечером стоять у плетня”. “Старики живут интересами племянников и внуков, их взаимоотношениями, имуществом; а старухи уходят в поля, роются в земле, собирают травы, колдуют“». Воспоминания О. Мочаловой вызывают доверие своей непритязательностью, отсутствием позы. С Гумилевым она встречалась и после его возвращения из Франции и Англии, в 1920–1921 годах. Интересны они и тем, что документально датируют время отъезда Гумилева из Крыма. Накануне отъезда он оставил Ольге Мочаловой свою фотографию с запиской на обороте: «Ольге Алексеевне Мочаловой. Помните вечер 7 июля 1916 г. Я не пишу прощайте, я твердо знаю, что мы встретимся. Когда и как, Бог весть, но, наверное, лучше, чем в этот раз. Если Вы вздумаете когда-нибудь написать мне, пишите: Петроград ред‹акция›

“Аполлон”, Разъезжая, 7. Целую Вашу руку. Здесь я с Городецким. Другой у меня не оказалось»[974].

У Лукницкого в «Трудах и днях» дорога «крюком» из Крыма в Петроград описана так: «8 июля. В 9 час. утра уехал из Массандры в Севастополь (в автомобиле). В Севастополе был у родных жены — на даче Шмидта (последняя встреча с Андреем Андр‹еевичем› Горенко). Примечание. Рассчитывал встретиться в Севастополе с женой, но она приехала в Севастополь на следующий день, уже после отъезда Н.Г. Уехал в Иваново-Вознесенск, где проводила лето А.Н. Энгельгардт. (*И.Э. Горенко, О.А. Мочалова, А.А. Ахматова*). ‹…› Около 10–12 июля. В Иванове-Вознесенске. Встречается с А.Н. Энгельгардт. Читал ей “Гондлу”. Около 12 июля уехал в Петроград»[975]. Свидетельство о том, что Гумилев на один день разминулся в Севастополе с Ахматовой, согласуется с ее «Записными книжками» и дневниками Лукницкого: «Вместе с Н.В. Недоброво в 1916 смотрела, как уплывал горящий деревянный мост на Неве»[976]. «Я уехала в Севастополь из Петербурга в тот день, когда сгорел Исаакиевский мост, деревянный. Приехала на дачу Шмидта (почти через 10 лет после того, когда я там жила. Я жила в 7 году, а это было в 16-м). Меня родные встретили известием, что накануне был Гумилев, который проехал на север по дороге из Массандры»[977]. То, что деревянный Исаакиевский мост сгорел 11 июля, подтверждается помимо многочисленных газетных сообщений и «Записными книжками» Блока, что отметила Ахматова в приведенной дневниковой записи.

О посещении Иванова-Вознесенска вспоминает А.Н. Энгельгардт, брат будущей второй жены Гумилева: «Вторично я видел Николая Степановича летом того же (1915)[978] года, когда мы с сестрой гостили у тети и дяди Дементьевых в Иваново-Вознесенске. Тетя Нюта была сестрой моей матери, а ее муж, дядя, врачом. Жили они в собственном доме с чудесным садом, утопавшим в аромате цветов, окруженном старыми ветвистыми липами. Николай Степанович приехал к нам как жених сестры, познакомиться с ее родными и пробыл у нас всего несколько часов. Он уже снял свою военную форму и одет был в изящный спортивный костюм, и все его существо дышало энергией и жизнерадостностью. Он был предельно вежлив и предупредителен со всеми, но все свое внимание уделил сестре, долго разговаривал с ней в садовой беседке. Вероятно, тогда был окончательно решен вопрос об их свадьбе»[979].

Однако, судя по тем темпам, с какими Гумилевым была завершена пьеса (у автора — «драматическая поэма в четырех действиях») «Гондла», где главной героине дано имя «Лера», уже в это время его мысли одновременно были обращены к той, к которой он обращается в пьесе:

Лера, Лера, надменная дева,
Ты, как прежде, бежишь от меня!

Эту фразу он вскоре дословно повторит в письме с фронта знакомой ему уже с января 1915 года Ларисе Рейснер.

В Петроград Гумилев вернулся 14 июля. В приказе по Гусарскому полку № 209 от 23 июля сказано: «Шлосс-Лембург. ‹…› § 10. Главный врач Сводного Эвакуационного госпиталя № 131 при Царскосельском Особом Эвакуационном пункте сношением от 17 сего июля за № 4591 уведомил, что Прапорщик Гумилев 16 сего июля поступил на излечение в означенный госпиталь»[980]. У Лукницкого о периоде от приезда в Петроград до отбытия

в полк сказано: «Около 12–14 июля. Приехал в Петроград. ‹…› Приблизительно с 12–14 по 23 июля. В Петрограде. Хлопочет о допущении к экзаменам на корнета, которые будут происходить с 1 сентября по 17 октября. Читал “Гондлу” у Гартманов[981] в присутствии Маковских и Н.В. Недоброво. 18 июля был на врачебной комиссии, признан здоровым и получил предписание отправиться на фронт. 19 июля в 2 часа дня представлялся Императрице. Переписка с женой и матерью. ‹…› Примечание. Фома Гартман — композитор; знакомый Кардовских. В ту пору был офицером 4-го стрелкового полка»[982].

18 июля Гумилев был снят с учета, и ему было предписано возвратиться в полк[983]. Что им и было вскоре исполнено.

Возвращение в Гусарский полк, июль — август 1916 года

В приказе № 213 по Гусарскому полку от 27 июля сказано: «§ 8. Прибывшего по выписке из лечебного заведения прапорщика Гумилева числить налицо с 25 сего июля»[984].

Но чтобы понять, куда прибыл Гумилев после болезни, кратко расскажем о действиях Гусарского полка в период его отсутствия. До 10 мая 1916 года полк оставался на отдыхе в ф. Рандоль. Затем боевое дежурство с 11 по 31 мая на прежнем участке, от Царьграда до Лаврецкой: «10 мая. В 4 ч. пошли на смену драгун. Погода разъяснилась, дороги плохо проходимы из-за непрерывных дождей»[985]. Активных боевых действий не велось, лишь редкая ружейная перестрелка, шло укрепление окопов. В конце мая полк вернулся в Рандоль: «31 мая. В 8 ч. вечера пришли на смену драгуны. Вернулись в 3 ч. утра»[986]. Там — до 16 июня: «Холодно и дождь. 17 июня был смотр Главнокомандующим войсками Северного фронта генералом Куропаткиным»[987]. 21 июня произошла смена улан на участке Авсеевка — Буйвеско[988]. С 22 июня — в окопах, боевые действия несколько активизировались, был получен приказ добыть пленных, произвести поиск на левом берегу Двины. Поиск возглавил знакомый Гумилева корнет Янишевский. 23 июня при перестрелке у ф. Авсеевка и ст. Ницгаль были убитые и раненые[989]. 29 июня произошла срочная смена, так как был получен приказ о предстоящем переходе в район Риги. До Риги полк не дошел, остановился южнее современной Сигулды.

Одновременно в эти дни продолжалась переписка между штабом Верховного Главнокомандующего, связанная с пересылкой различных документов Николая Гумилева, требуемых для уже осуществившегося его перевода в 5-й Гусарский Александрийский полк. 28 июня было послано письмо № 89602, явно не по адресу (на бланке): «Дежурный генерал штаба Главнокомандующего Армиями Западного фронта. По наградному отделению. Ответ на № 5568. Командиру Л.-Гв. уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. (Входящий № 4097 от 3 июля 1916). При сем препровождаю послужной список вверенного Вам полка Николая Гумилева. Приложение: послужной список. За Дежурного Генерала Генерал-майор (*подпись неразборчива*). Начальник отделения Подполковник (*подпись неразборчива*)»[990]. Письмо на следующий день было переадресовано (исходящий № 6010 от 4 июля 1916 года, на обороте письма) в Гусарский полк: «Командиру 5-го Гусарского Ея Величества полка.

Приложение: послужной список. Командир полка Свиты Его Величества Генерал-майор Маслов». Письмо было получено 25 июля за № 2446. Предполагаю, что эта переписка началась в связи с предстоящим направлением Гумилева в Петроград для сдачи офицерских экзаменов. 27 июля командир 5-го Гусарского полка направил письмо № 3634 командиру л.-гв. Уланского полка (входящий № 4447 от 6 августа 1916): «Для составления послужного списка Прапорщика Гумилева, переведенного во вверенный мне полк, прошу выслать документы названного обер-офицера, на основании которых он принят на службу охотником. Полковник Коленкин»[991]. На письме приписка от руки: «Послано в штаб фронта». На обороте этого письма 9 августа, красивым почерком, был написан ответ: «№ 2816. Полковому Адъютанту 5-го Гусарского Александрийского Ея Величества полка. Все имеющиеся в полку документы унтер-офицера Гумилева (ныне прапорщика) были отправлены при представлении Начальнику дивизии. Печать и подпись — Полковой Адъютант Лейб-Гвардии Уланского полка поручик Поливанов». Среди этих писем подшит и сам многократно пересылаемый послужной список. Поскольку он несколько отличается от ранее опубликованных послужных списков Гумилева[992], приведем его здесь полностью. Он отпечатан на машинке, на одном листе, с двух сторон.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК
охотника Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества
Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка Николая Гумилева
(лицевая сторона)

Прохождение службы		
	Год и месяц	**Число**
Прибыл в Л.-Гв. Уланский Ея Вел. Гос. Им. Александры Феодоровны полк и зачислен добровольцем на правах вольноопределяющегося в эскадрон Ея Величества	1914 август	24
Приказом по Гвардейскому кавалерийскому корпусу от 4 декабря 1914 г. за № 30 награжден Георгиевским крестом 4 степени за № 134060	1915 январь	13
Согласно ст. 96 Статута произведен в ефрейторы	“	“
За отличия в делах против германцев произведен в унтер-офицеры (от руки, карандашом — приписка: младшие унтер-офицеры)	1915 январь	15
Приказом по 2-й Гвардейской Кавалерийской дивизии за № 1486 от 5 декабря 1915 г. за отличия в делах против германцев награжден Георгиевским крестом 3-й степени за № 108868	1915 декабрь	25

(*оборотная сторона*)

Походы и дела против неприятеля; полученные в бою раны и контузии. Был ли в плену у неприятеля. Увечья в мирное время.	В походах и делах против неприятеля был; ранен и контужен не был; в плену не находился.
Знаки отличия, медали, иностранные ордена и нашивки.	Георгиевский крест 4-й ст. за № 134060 Георгиевский крест 3-й ст. за № 108868
Подвергался ли наказаниям (и т. д.)	Не подвергался.
1) Обучался ли саперному (подрывному или телеграфному) делу. 2) Обучался ли обязанностям посыльного. 3) Обучался ли семафорным сигналам. 4) Обучался ли обозной службе. 5) Состоял ли в команде разведчиков. 6) Был ли хлебопеком. 7) Разряд по стрельбе. 8) Знает ли холодную ковку лошадей. 9)Удостаивался ли назначениями в военное время на должности зауряд хорунжего или зауряд военного чиновника.	*(Пусто)*

На обратной стороне гербовая печать Лейб-Гвардии Уланского полка и подписи:

Командир полка Флигель-Адъютант Полковник Маслов
Полковой Адъютант Поручик Поливанов[993].

Тогда, судя по всему, так и не были обнаружены отправленные в штаб дивизии документы, на основании которых Гумилев был принят на службу охотником. Как было сказано выше, они по ошибке попали во входящий в состав дивизии 5-й Драгунский Каргопольский полк, среди различных бумаг которого им предстояло пролежать более семидесяти лет…

Однако вернемся в Гусарский полк в тот момент, когда пришел приказ о его передислокации в район Зегевольде (*нынешняя Сигулда*). Гумилев в это время еще прогуливался по Массандре, сочинял «Гондлу». Приказом по дивизии № 184 от 29 июня 1916 года предписывалось: «Завтра переход по маршруту Чайраны, Бродожи, Вепры, Стывреники, Вои, Клопоры, Бутки, ф. Знутынь, Пунай, Рудзота, Стеки»[994]. 5-й гусарский полк был передан в резерв 12-й армии и отведен от линии фронта, дивизия перебрасывалась северо-западнее, на Рижский фронт, в район южнее Зегевольде (*Сигулды*)[995]. 30 июня в 12 часов дня начался переход по указанному маршруту. За день войска перешли от ф. Рандоль до района Стеки, расположившись на бивак в окрестных фольварках. 1 июля было получено указание: «Следовать: Сталедзенск, Антошин, Козюлевка, Ренски, Раксань, Зулле, Виньцеев, Цер-Лаудон (*Ляудона*). Квартирьеры: район Сарке, Ней Денгабург, Лейнще, Яуниге, Вецмуйшнек, Крипан, Аусуль, Савензе, Яунзен, Кангер, Саунсали, Вильцее. Шли на Рижский фронт 42 версты»[996]. Полк продвигался еще три дня, по 40–50 верст в день. 2 июля — от Лаудона до Одензее (*Одзиена*), 3 июля — от Одензее до Сиссегаля, через район Беверсгофа, где он будет располагаться осенью 1915 года, и 4 июля — от Сиссегаля до Витенгофа[997] (*Вите*).

В мызе Витенгоф на реке Мариенбах (*Мергупе*) расположился штаб 5-го Гусарского полка. Эскадроны заняли окрестные хутора и фольварки. 4-й эскадрон, где числился Гумилев, встал в Анкориже, остальные эскадроны — в Диста, Куккуте, Урдзане, Бруне, Вильдане[998]. Штаб дивизии — в Сидгунде. Позже штаб полка перешел в соседний Шлосс-Лембург, нынешний Малпилс. Боевых действий в этом районе Латвии не происходило. Полк стоял вместе с 4-й Донской казачьей дивизией, составляя «Кавалерийский

корпус» генерала Павлова. Железнодорожная база — в Зегевольде (*Сигулде*). Корпус был подчинен 12-й Армии Радко-Димитриева. Генерал Павлов устроил смотр конной выучки[999]. Регулярно проводились учения, 16 июля на учениях был особо отмечен 4-й эскадрон Мелик-Шахназарова[1000], куда вскоре должен был прибыть Гумилев.

Именно в этот район 25 июля 1916 года прибыл из Петрограда выздоровевший Гумилев. Окрестности Зегевольде могли быть памятны Гумилеву как место гибели поэта Ивана Коневского[1001], и не исключено, что за время пребывания в этих местах Гумилев посетил его усыпальницу. То, что Гумилев, находясь в Латвии, посетил могилу Коневского, косвенно подтверждается одним странным «документом», сохранившимся в архиве Ларисы Рейснер, в папке со вскоре посланными ей письмами Гумилева. На обрывке бумаги рукой Гумилева написан короткий экспромт:

У папы Юлия Второго
Была ученая корова,
Что нам раскрыла тайны слова
Под псевдонимом Коневского[1002].

На обороте этого листка — обрывки слов, написанных также рукой Гумилева, и среди них запись: «‹го›ворить о Коневском», с перечислением фамилий: Н. Гумилев, Лозинский, ‹Ах›матова. Возможно, экспромт и строки эти появились во время их встречи как воспоминание о местах, посещенных Гумилевым и связанных с гибелью поэта Ивана Коневского.

Уже на следующий день после прибытия поэта в полк в приказе № 212 от 26 июля было объявлено: «Дежурный по полку прапорщик Гумилев»[1003]. В течение всего июля и августа в полку шли конные учения, обычно поэскадронно, а раз в неделю — общеполковые. 26 июля полковые полевые ученья проводились на плацу у мызы Гросс-Кангерн, расположенной в 30–35 верстах от места дислокации полка[1004]. Предположительно плац находился в районе современного села Лиелкангари, в то время называвшегося Gross Kangern, и располагался к западу от Малпилса, по направлению к Риге. К сожалению, не всегда удается выяснить современные названия тех мест, которые фигурируют в документах. В то время здесь преобладали немецкие названия, которые с тех пор дважды изменялись: в 20–30-е годы, во времена независимой Латвийской Республики, и после Второй мировой войны, при советской власти. Сейчас, надо думать, осуществляется третий период их переименования. Особенно трудно восстанавливать названия фольварков, мыз, представлявших собой одиночные строения, часто называемые по имени владельца. Так, не удалось обнаружить местоположение фольварка Анкориж, где стоял гумилевский эскадрон, и других, располагавшихся вокруг Шлосс-Лембурга фольварков, где стояли гусарские эскадроны. Для размещения штаба выбирались более крупные населенные пункты. В бывшем Шлосс-Лембурге, сейчас в Малпилсе, в старинном парке с прудами сохранилась огромная усадьба со службами, конюшнями и двумя большими красивыми домами. Особенно великолепен главный дом, построенный, по-видимому, в конце XVIII века. Возможно, здесь и размещался штаб полка. В Малпилсе, на другом его конце, сохранился еще один усадебный дом, построенный в 1897 году, в нем сейчас разместилась больница. Из других старинных построек, сохранившихся здесь, отметим небольшой католический костел и бывшую водяную мельницу на пруду у плотины. В Вите, бывшем Витенгофе, где одно время также размещался

штаб гусарского полка, от усадьбы сохранились лишь старинные служебные постройки, господский дом давно разрушен. В полях, вдоль дороги из Вите в Малпилс, разбросаны многочисленные старые хутора, бывшие фольварки, но хозяева ничего не могли сказать об их прежних наименованиях.

Вернемся, однако, к документам и посмотрим, чем жил 5-й гусарский полк в июле — августе 1916 года: «Проводятся занятия по расписанию. Эскадронные учения. Еженедельно полковые на плацу у штаба 4-й Донской дивизии (около 35 верст от расположения полка). Генералом Павловым устроен смотр офицерской езды по препятствиям и рекомендовано обратить внимание на полевую езду младших офицеров. В полку устраивается езда по местности по довольно трудной дорожке под руководством полковника Скуратова[1005]. Погода держится довольно теплая, но ежедневно, иногда по нескольку раз в день, дождь. Дороги благодаря грунту не раскисают и хорошо проходимы. Занятия производятся очень энергично и дают хорошие результаты. С молодыми офицерами регулярно ведутся занятия (полковником Скуратовым) с решением задач на местности. Производятся занятия по сторожевому охранению, ведению разведывательных эскадронов, служба дозоров, небольшие разъезды и пр. ‹…› С 1 по 29 августа полк продолжает занимать тот же район, ведет регулярные занятия согласно расписанию, утвержденному командиром 2-й бригады и начальником дивизии. Каждую неделю производятся полковые учения на дальнем плацу; были смотры построения боевых порядков начальником дивизии и командиром бригады, которые прошли очень хорошо. Полк показал себя блестяще; с офицерами, особенно последних выпусков, ведутся также постоянные занятия под руководством полковника Скуратова, который руководит и полевой ездой гг. офицеров. Ночью была тревога, ввиду известия, что около Кокенгузена немцы переправились через Двину, но скоро выяснилась ложность этого донесения, и занятия продолжаются. Идут приготовления к полковому празднику, т. е. репетиции парада, выбор гусар и лошадей для предполагаемого конского состязания; для гг. офицеров предполагается “лисичка”[1006] по весьма пересеченной местности. Погода все время переменчивая, дождь почти ежедневно. В 18 часов накануне полкового праздника (29 августа) отслужена при штабе полка всенощная и панихида о всех павших в боях офицерах и гусар полка»[1007].

Среди хранящихся в РГВИА документов сохранились подробные расписания занятий по каждому из эскадронов. Любопытно взглянуть, например, на распорядки дня 4-го эскадрона, в котором служил Гумилев, с момента его возвращения в полк 25 июля и до отъезда в Петроград 17 августа:

«25 июля.	С 9 ч. утра. — Двухсторонний маневр (3, 4 и 6 эскадрон — с подполковником Радецким). С 15 до 16 ч. — Офицерская езда по местности.
26 июля.	Полевые ученья на плацу у мызы Гросс-Кангерн с 16 часов.
27 июля.	С 8 до 9 ч. — Полевой устав. 9–11 ч. — Пеший бой в расположении своих эскадронов. 14–15 ч. — Офицерская езда.
28 июля.	С 8 ч. утра. — Двухсторонние маневры (3, 4 и 6 эскадрон — с подполковником Радецким). К 15 часам. — Прибыть в ф. Сунцель всем гг. офицерам.

29 июля.	С 8 ч. утра. — Пеший бой. 14–15 ч. — Офицерская езда. **Примечание**: Тактические занятия с гг. офицерами — 26 июля все гг. офицеры от 15 до 17 ч.; 27 июля — гг. корнеты и прапорщики — с 16 до 18 ч.; 29 июля — все гг. офицеры — с 15 до 17 ч.
30 июля.	Отдых. День Рождения наследника Цесаревича Князя Алексея Николаевича. Молебен и парад (командует Радецкий). На параде присутствовать всем офицерам.
1 августа.	С 8 до 10 ч. утра. — Проездка. С 14 до 15 ч. — Офицерская езда по местности.
2 августа.	8–10 ч. — Проездка и напрыгивание. 13–15 ч. — Стрельба (пристрелка винтовок).
3 августа.	15–16 ч. — Полковое ученье у мызы Гросс-Кангерн, на плацу.
4 августа.	9–11 ч. — Стрельба.
5 августа.	8–10 ч. — Проездка. 13–15 ч. — Стрельба. 17–18 ч. — Офицерская езда. **Примечание**: Тактические занятия гг. офицеров: 1 августа — от 15 до 17 ч. Проездку соединить с проверкой полевого устава. 5-го августа будет производиться проверка седловки и укладки подивизионно (ЕВ, № 2 и № 5 — со Скуратовым; № 3, 4, 6 — с Кудряшовым. Собраться в Витенгофе и Шлосс-Лембурге).
6 августа.	Занятий нет, праздник Преображение.
7 августа.	Занятий нет, воскресенье.
8–9 августа.	Высылка разъездов от эскадронов по числу младших офицеров по особым заданиям от каждого эскадрона (сила разъезда — не менее 16 человек). По окончании задачи — разбор работы разъездов, проверка донесений. Рубка и уколы. С 15 ч. — Пристрелка винтовок. Стрельба на своих участках, черный круг диаметром 1 ½ вершка — 2 пули, лежа с упора.
10 августа.	Полковые ученья на плацу у мызы Гросс-Кангерн.
11 августа.	С 8 до 10 ч. — Устные занятия с унтер-офицерами. С 16 ч. — Полевая езда и после полевая проездка офицеров.
12 августа.	С 8 до 10 ч. — Движение эскадронов с мерами охранения — как авангард (на расстоянии 25–30 верст) с высылкой боковых и головных застав и держание связи с главными силами. С 15 ч. — Стрельба (черный круг диаметром 3 вершка).
13 августа.	(Суббота). Двухсторонние маневры (4, 5 и 6 эскадроны — подполковник Дерюгин) по заданию — с 9 ч. утра.
15 августа.	Праздник.
16 августа.	Службы разведывательных эскадронов»[1008].

Во всех этих учениях Гумилев принимал участие наравне со всеми офицерами, о чем он написал матери А.И. Гумилевой 2 августа 1916 года, рассказав ей о своей службе, об этих занятиях, — это еще одно свидетельство объективности и точности всех его рассказов, как в «Записках кавалериста», так и в письмах родным и близким:

«2 августа 1916. Милая и дорогая мамочка, я уже вторую неделю в полку и чувствую себя совсем хорошо, кашляю мало, нервы успокаиваются. У нас каждый день ученья, среди них есть и забавные, например парфорсная охота. Представь себе человек сорок офицеров, несущихся карьером без дороги, под гору, на гору, через лес, через пашню, и вдобавок берущие препятствия: канавы, валы, барьеры и т. д. Особенно было эффектно одно — по середине очень крутого спуска забор и за ним канава. Последний раз на нем трое перевернулись с лошадьми. Я уже два раза участвовал в этой скачке и ни разу не упал, так что даже вызвал некоторое удивленье. Слепневская вольтижировка, очевидно, мне помогла. Правда, моя лошадь отлично прыгает. Теперь уже выяснилось, что если не начнутся боевые столкновения (а на это надежды мало), я поеду на сентябрь, октябрь держать офицерские экзамены. Конечно, провалюсь, но не в том дело, отпуск все-таки будет. Так что с половины августа пиши мне на Аполлон (Разъезжая, 8). Я думаю выехать 22 или 23, а езды всего сутки.

Здесь, как всегда, живу в компании и не могу писать. Даже “Гондлу” не исправляю, а следовало бы[1009].

У нас в эскадроне новый прапорщик из вольноопределяющихся полка, очень милый. Я с ним, кажется, сойдусь, и уже сейчас мы усиленно играем в шахматы.

Завтра полковое ученье, идти придется за тридцать верст, так что всего сделаем верст семьдесят. Хорошо еще, что погода хорошая.

Пока целую тебя, милая мамочка, целуй Леву, кланяйся всем. Твой Коля»[1010].

Оригинал письма написан на двух листах белой бумаги. Конверт не сохранился. Из ранее приведенного расписания занятий видно, что действительно на следующий день, 3 августа, состоялось полковое учение на удаленном плацу у мызы Гросс-Кангерн. Названная Гумилевым «парфорсная охота» — одна из игр, которые использовались для подготовки кавалеристов к участию в полковом празднике. Упоминаемый Гумилевым в письме «новый прапорщик» — это Кордтс: в приказе по полку № 140 от 15 мая 1916 года (Гумилева в это время в полку не было) сказано[1011]: «§ 4. Младший унтер-офицер из вольноопределяющихся эскадрона ЕВ Кордтс произведен в прапорщики с назначением в 4 эскадрон». К сожалению, принять участие в состоявшемся 30 августа полковом празднике Гумилеву было не суждено, так как он к этому времени, как и предполагал в письме матери, уехал в Петроград для сдачи офицерских экзаменов. Жаль, Гумилев вполне мог оказаться среди отмеченных в приказе по полку офицеров — победителей в соревнованиях по «лисичкам». Среди победителей были и офицеры 4-го эскадрона. В празднике участвовало все высшее воинское руководство, в том числе небезызвестный белый генерал Алексей Максимович Каледин[1012], уже 25 октября 1917 года объявивший преступным захват власти большевиками и начавший вооруженную борьбу с ними. Приведенное письмо к матери показывает, как Лукницкий составлял «Труды и дни»; запись об этом периоде там — краткое изложение письма с собственными, не всегда точными интерпретациями: «С 24 или 25 июля до 18 или 19 августа. В полку, на фронте. Боев нет. Каждый день происходят учения. Успехи в парфорсной охоте. Пытался писать и исправлять “Гондлу”, но помешала неблагоприятная обстановка. Играет в шахматы. Скучает. Переписка с женой и матерью. Примечание. Адрес Н.Г.: 5-й гусарский Александрийский полк, 4-й эскадрон. Прапорщику Н.С. Гумилеву (*Письма*)»[1013]. Откуда, например, Лукницкий взял, что «неблагоприятные обстоятельства» мешают Гумилеву исправлять «Гондлу» и что он скучает?

Что же касается офицерских экзаменов, то, как было сказано выше, хлопоты об их сдаче начались сразу же после прибытия Гумилева в полк

после болезни. До отбытия Гумилева в Петроград его имя в приказах встречается лишь однажды — в приказе по полку № 233 от 15 августа сказано: «Дежурный по полку Прапорщик Гумилев»[1014]. А в приказе № 240 от 22 августа уже сказано: «Командированного в Николаевское кавалерийское училище прапорщика Гумилева, для держания офицерского экзамена, числить в командировке с 17-го сего августа»[1015].

Командировка для сдачи офицерского экзамена, август–октябрь 1916 года. Начало «Гусарской баллады»

Получив на руки денежное довольствие и сопроводительный «Билет», Гумилев 17 августа выехал в Петроград. О полученном Гумилевым денежном довольствии можно судить из приказа по полку № 243 от 25 августа 1916 года: «Прапорщику Гумилеву: дополнительные пособия из жалованья 240 руб., на покупку револьвера, шашки и пр. — 100 руб.; на покупку верховой лошади 299 руб., вьюка 75 руб., на обмундирование 300 руб. и военно-подъемных 100 руб.». Напомним, что в Уланском полку, будучи рядовым-вольноопределяющимся, он никакого жалованья не получал. Здесь же ему, как офицеру, было положено жалованье, о котором можно судить из приказа № 367 по полку от 24 декабря 1916 года: «§ 14. Полученное из полевого казначейства 28 армейского корпуса по талонам за № 5047/5993 ‹…› пособие на теплую одежду прапорщику Гумилеву 150 руб. ‹…› Жалованье прапорщику Гумилеву с 1 августа 1916 г. по 1 января 1917 г. — 355 руб.».

В архиве сохранился сильно потрепанный, сложенный вчетверо листок — отпечатанный на машинке «Билет», с которым Гумилев ездил в Петроград на экзамены и который он вернул в канцелярию полка после своего возвращения[1016].

(Лицевая сторона)

БИЛЕТ

Предъявитель сего 5-го гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка Прапорщик Гумилев командирован в гор. Петроград для держания офицерского экзамена в Николаевском кавалерийском училище.

В чем подписью с приложением казенной печати удостоверяется.
Командир полка, Полковник Коленкин.
№ 9120
18 августа 1916 г.
Действующая армия.
Полковой адъютант, штаб-ротмистр Кудряшов.

(Приписка от руки синим карандашом)
Приказ. Прибыл 24/X.

На лицевой стороне «Билета» — гербовая печать 5-го гусарского Александрийского полка. На обратной стороне — в верхнем углу прямоугольный штемпель, внутри которого сделана запись: «Явлен 1916 г. августа 21. Литейной части 1-го уч. Дом № 31 по Литейному. Записан на воен. службе. Пом. письмоводителя (*подпись неразборчива*)». Ниже черными чернилами, рукой Гумилева, наискосок записан адрес: «Литейный, 31, кв. 14». В правом нижнем углу прямоугольный штемпель, внутри которого сделана запись: «Во 2-м Петроградском управлении явлен под № 785 22 августа 1916 г. Коменд. Адъют. Штабс-капитан (*подпись неразборчива*)».

Приехав в Петроград 18 августа 1916 года, Гумилев поселился на Литейном проспекте в доме 31, квартира 14, видимо, на съемной квартире. У Лукницкого об этом сказано: «19 или 20 августа. Приехал из полка в Петроград, чтобы держать экзамены на корнета. Ездил в Царское Село. Снял комнату (на Литейном пр., д. 31, кв.14) за 60 руб. в месяц и поселился в ней»[1017]. Отметившись в комендатуре, Гумилев весь сентябрь и часть октября сдавал офицерские экзамены. Судя, с одной стороны, по обнаруженным документам училища и, с другой стороны, по тому, что его имя почти отсутствует среди участников различных литературных мероприятий за весь этот период, к сдаче экзаменов Гумилев подошел достаточно серьезно. Естественно, без встреч с друзьями и без романтических увлечений не обошлось, в сентябре начал стремительно развиваться короткий, но бурный роман, от которого сохранилась достаточно обширная переписка — по объему и полноте вторая после переписки с Валерием Брюсовым. У Лукницкого эти месяцы освещены так: «**С конца августа до конца октября**. Живет в Петрограде (Литейный, 31, кв.14). Обедает обычно в Зале армии и флота[1018]. Встречи с В.К. Шилейко, М.Л. Лозинским, А.Н. Энгельгардт, Т.П. Карсавиной, М.М. Тумповской и др. Постоянные встречи с Л.М. Рейснер. Стихов не пишет. Готовится к экзаменам на корнета и сдает их (к 1 октября сдал 11 экзаменов и готовится к 4 последним). Переписка с матерью и женой, городская переписка с Л.М. Рейснер»[1019]. Прежде чем комментировать эту запись Лукницкого, вернемся к документам. Почти сразу после приезда в Петроград, 22 августа, Гумилев подает «Рапорт» в Главное управление Военно-учебных заведений:

«22 августа 1916 г.
В Главное управление Военно-Учебных заведений.
5-го гусарского Александрийского Ея Величества
Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка
Гумилев
№ 12, 22 августа 1916 г.

РАПОРТ

Прошу о допущении меня к держанию офицерских экзаменов[1020] при Николаевском кавалерийском училище в текущем году. Одновременно ходатайствую о замене мне экзамена по немецкому языку экзаменом по французскому языку[1021].

Прилагаю при сем согласие на держание мною экзаменов командира полка за № 9121. Аттестат зрелости, выданный мне Царскосельской гимназией, и мой послужной список доставлю дополнительно[1022].

22 авг. 1916 г. Прапорщик Гумилев»[1023].

В правом верхнем углу рапорта резолюция: «К рассмотрению (кажется, замены экзаменов уже разрешены). 24 VIII». В левом нижнем углу резолюция: «Среднюю в степень условно. При Ник‹олаевском› кавалерийском уч‹илище›». Рапорт скреплен печатью: «Получено 23 авг. 1916 г.». Гумилеву было разрешено сдавать вместо немецкого языка французский язык.

Приведенная выше информация Лукницкого об 11 сданных экзаменах — из письма Гумилева к Ахматовой от 1 октября 1916 года, единственного сохранившегося «информативного» письма этого периода.

«1 октября 1916 г.

Дорогая моя Анечка, больше двух недель от тебя нет писем — забыла меня. Я скромно держу экзамены, со времени последнего письма выдержал еще три; остаются еще только четыре (из 15-ти), но среди них артиллерия — увы! Сейчас готовлю именно ее. Какие-то шансы выдержать у меня все-таки есть.

Лозинский сбрил бороду, вчера я был с ним у Шилейки — пили чай и читали Гомера. Адамович с Г. Ивановым решили устроить новый цех, пригласили меня. Первое заседание провалилось, второе едва ли будет.

Я ничего не пишу (если не считать двух рецензий для Биржи[1024]), после экзаменов буду писать (говорят, мы просидим еще месяца два). Слонимская на зиму остается в Крыму, марионеток не будет[1025].

После экзаменов попрошусь в отпуск на неделю и, если пустят, приеду к тебе[1026]. Только пустят ли? Поблагодари Андрея за письмо[1027]. Он пишет, что у вас появилась тенденция меня идеализировать. Что это так вдруг.

Целую тебя, моя Анечка, кланяйся всем, твой Коля.

Verte (*Далее*). Вексель я протестовал, не знаю, что делать дальше.

Адрес Е‹лены› И‹вановны›[1028] неизвестен»[1029].

Оригинал письма написан черными чернилами на одной стороне первого листа, на отвороте сохранившейся половины 2-го, дефектного листа, крупным почерком, поперек написано традиционное[1030] — «Курры и гусси!». Конверт не сохранился.

Ахматова в это время жила в Севастополе. Как она рассказывала Лукницкому, «потом переехала в Севастополь, на Екатерининской улице наняла комнату, ‹…› в которой прожила, приблизительно, до середины декабря. Туда я получила письмо Н.С. (об экзаменах). Все время он все-таки писал, — не было ни одной нашей разлуки, чтобы мы не переписывались. Довольно регулярно всегда писал, всегда присылал стихи»[1031]. В письме Гумилев пишет о «Втором Цехе поэтов», который был учрежден в сентябре 1916 года. Г.В. Ивановым и Г.В. Адамовичем. По воспоминаниям Иннокентия Оксенова, «собирался цех довольно редко, приблизительно раз в месяц, меняя место собрания. Последние происходили у Г. Адамовича, Г. Иванова (чаще всего), были собрания у М. Струве, С. Радлова и Я. Средника. ‹...› Наиболее сильным впечатлением, оставшимся у меня от собраний Цеха, было чтение Гумилевым (тогда офицером) начала “Гондлы“»[1032]. Видимо, Оксенов вспоминает именно это первое собрание, которое, по мнению Гумилева, «провалилось». На заседания приглашались гости, но затем было принято решение допускать только членов Цеха. Как следует из рукописной повестки, присланной М.А. Кузмину, состоялось, по меньшей мере, семь собраний (7-е, последнее — 24 марта 1917 года)[1033].

Судя по воспоминаниям Сергея Ауслендера, в сентябре Гумилев опять попал на некоторое время в клинику, с чем, возможно, был связан пропуск им сдачи нескольких экзаменов: «Позднее я был тоже на фронте, а осенью 1916 г. приехал в отпуск. Гумилев тоже приехал в это время и лежал в Лазарете Общества Писателей на Петербургской стороне. Я отправился к нему туда. Оказалось, он уже встал с постели и был одет в военную форму. Война сделала его упрощеннее, скинула надменность. Он сидел на кровати и играл с кем-то в шашки. Мы встретились запросто (я был тоже в военной форме), посидели некоторое время, потом он решил потихоньку удрать. Ему было нужно в “Биржевые Ведомости”, а из Лазарета не выпускали. Он просил меня помочь ему пронести шинель. Сам он был в больших сапогах, и от него пахло кожей. Мы выбрались из лазарета благополучно. В этом поступке было что-то казарменное и озорное. На ходу сели в трамвай. Затем простились. Весело и бодро он соскочил с трамвая и побежал на Галерную. На нем была длинная кавалерийская шинель. Я глядел ему вслед. С тех пор мы не виделись ни разу»[1034]. Эти воспоминания четко согласуются с письмом Гумилева Ахматовой, и там, и там упоминается посещение редакции газеты «Биржевые ведомости», где 30 сентября были напечатаны две вышеуказанные рецензии.

Но главным в эти месяцы оставалась сдача экзаменов на звание корнета. В архиве сохранился «Аттестационный список с баллами», полученными Гумилевым при сдаче всех экзаменов. Из него следует, что по трем предметам он получил неудовлетворительные оценки, а сдачу двух экзаменов пропустил «по уважительной причине».

Из аттестационного списка с баллами, полученными прапорщиками и вольноопределяющимися кавалерийских и казачьих частей на офицерских экзаменах в сентябре и октябре месяцах 1916 г. при Николаевском кавалерийском училище[1035]

Сведения о полученном в училище образовании	Среднее
Закон Божий	9
Тактика	8
Тактические занятия в классе	5[1036]
Тактические занятия в поле	5
История русской Армии	8
Топография с практическими занятиями	6
Топографическая съемка	5
Артиллерия с практическими занятиями	6[1037]
Фортификация с практическими занятиями	—[1038]
Конно-саперное дело	—
В‹оенная› администрация с практическими занятиями	9
В‹оенное› законоведение с практическими занятиями	10
Военная география	9
Военная гигиена с практическими занятиями	8
Иппология и ковка с практическими занятиями	7
Русский язык	9
Иностранный язык	12
Средний балл по учебным предметам	8,42
Отметки... и другие примечания, которые будут признаны необходимыми	Франц‹узский› яз‹ык›

Любопытно, что особо трудно Гумилеву давалась не артиллерия, о которой он писал Ахматовой и которую сдал «удовлетворительно», а «тактические занятия», как в классе, так и в поле, и топографическая съемка. Но он пропустил два экзамена, «фортификацию» и «конно-саперное дело». Гумилев имел право на повторную сдачу, но экзамены сдавались в определенные периоды, и в этот раз пересдать он их уже не мог. Несложно догадаться, почему он не повторил попытку переэкзаменовки. Как я предполагаю, следующий цикл сдачи экзаменов должен был состояться не

ранее весны 1917 года, но за это время в России слишком многое изменилось, полк, в котором служил Гумилев, был переформирован, и он вынужден был его покинуть и перевестись в другие войска (вместо назначенного ему стрелкового полка). Вопрос о пересдаче экзамена на звание корнета кавалерии отпал сам собой…

Еще один, последний документ, относящийся к сдаче Гумилевым экзаменов, был отослан из училища 18 ноября 1916 года:

«Главное управление Военно-учебных заведений. Отделение 2. Стол 8. 18 ноября 1916 г. № 40137	Командиру 5-го гусарского Александрийского ЕЯ ВЕЛ. полка

“Препровождаю при этом документы прапорщика вверенного Вам полка Гумилева, не выдержавшего офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище.

Приложение: Послужной список и аттестат зрелости № 544 (копия)”.

За помощника Начальника Главного Управления,
Подполковник Гринев
За начальника отделения (?) Трайлин»[1039].

На письме приписка от руки: «Вх. № 4175, 27 ноября». К сожалению, приложение к этому письму в архиве отсутствовало.

Теперь о некоторых «литературных» и прочих занятиях Гумилева в течение своего пребывания в Петрограде. Возможно, именно в связи с его появлением в городе в августовском номере литературного приложения к журналу «Нива» (№ 8, 1916) был наконец-то напечатан давно написанный и переданный туда документальный рассказ «Африканская охота»[1040]. В «Трудах и днях» Лукницкого о литературных занятиях и встречах этого периода сказано: «**Осень**. В редакции ж. “Аполлон” (в кабинете С.К. Маковского) читал пьесу “Гондла”. В числе присутствующих были: М.Л. Лозинский и В.К. Шилейко (?). ‹…› *Примечание:* Пьесу “Гондла” до этого читал Т.П. Карсавиной и, в другой раз — М.М. Тумповской. **1916. Осень.** Частые встречи с М.Л. Лозинским и М.А. Струве. (*М.Л. Лозинский*) ‹…› **Сентябрь.** Приглашен Г.В. Ивановым и Г.В. Адамовичем к участию во 2-м Цехе поэтов, организованном ими. В сентябре было назначено и прошло весьма неудачно первое заседание. (*Письма*). Примечание. 2-е заседание 2-го Цеха поэтов состоялось 7 октября у Г. Иванова (Рождественская, д. 16, кв.2). Присутствовал ли в нем Н.Г. — не выяснено (*Повестка*). ‹…› Встреча с Е.С. Кругликовой у проф. Веселовского. Е.С. Кругликова сделала силуэт Н.Г. (*Е.С. Кругликова*)[1041]. ‹…› Не выдержал экзамена по фортификации и в корнеты произведен не был»[1042]. Последнее утверждение Лукницкого опровергается «Аттестационным списком» — этот экзамен Гумилев пропустил «по уважительной причине». Но звания корнета он так и не получил и в конце октября возвратился в полк в прежнем звании прапорщика. Намерение после экзаменов съездить на неделю в Севастополь, где гостила Ахматова, так и не осуществилось. О причинах гадать не будем, скорее всего, ему просто не был предоставлен недельный отпуск, о котором он писал Ахматовой.

Прежде чем продолжить рассказ о прохождении службы Гумилева в Гусарском полку, несколько слов о начавшемся в сентябре бурном романе с Ларисой Рейснер. Сохранившаяся переписка с нею — важнейший биографический источник сведений о жизни Гумилева в последующие полгода. Хотя знакомство с Ларисой Рейснер состоялось еще в январе 1915 года

в «Бродячей собаке», мимолетное увлечение переросло в более пылкое, как мне кажется, не ранее весны–лета 1916 года. Предположительно, это отразилось в образе героини «Гондлы» Леры — ее имя взято, скорее всего, по созвучию с именем Ларисы, и как к Лере Гумилев будет обращаться к ней в своих письмах. Первое стихотворное послание с таким обращением написано еще в Петрограде, при сдаче экзаменов, 23 сентября.

23 сент. 1916

Что я прочел? Вам скучно, Лери,
И под столом лежит Сократ,
Томитесь Вы по древней вере?
— Какой отличный маскарад!
Вот я в моей каморке тесной
Над Вашим радуюсь письмом,
Как шапка Фауста прелестна
Над милым девичьим лицом.
Я был у Вас, совсем влюбленный,
Ушел, сжимаясь от тоски,
Ужасней шашки занесенной
Жест отстраняющей руки.
Но сохранил воспоминанье
О дивных и тревожных днях,
Мое пугливое мечтанье
О Ваших сладостных глазах.
Ужель опять я их увижу,
Замру от боли и любви
И к ним, сияющим, приближу
Татарские глаза мои?!
И вновь начнутся наши встречи,
Блужданья ночью наугад,
И наши озорные речи
И Острова, и Летний сад?![1043]
Но ах, могу ль я быть не хмурым,
Могу ль сомненья подавить?
Ведь меланхолия амуром
Хорошим вряд ли может быть.
И верно день застал, серея,
Сократа снова на столе,
Зато «Эмали и камеи»
С «Колчаном» в самой пыльной мгле[1044].
Так Вы, похожая на кошку,
Ночному молвили: «прощай!»
И мчит Вас в Психоневроложку[1045],
Гудя и прыгая, трамвай.

Н. Гумилев[1046].

Стихи написаны черными чернилами на одной стороне вдвое сложенного листа белой с тиснением бумаги. Конверт из тонкой кремовой бумаги. Марка с гербом — 5 коп. На конверте адрес: Здесь. Большая Зеленина 26б, кв.42. ЕВ Ларисе Михайловне Рейснер. Штемпель — Петроград, 24.9.16. Лариса Рейснер проживала в известном в Петербурге, сохранившемся до наших дней доме герцога Н.Н. Лейхтенбергского, построенном в стиле

«модерн»; семья жила там с 1907 по 1918 год. Гумилев, видимо, часто бывал в этом доме. От переписки Николая Гумилева и Ларисы Рейснер сохранилось 11 писем Гумилева и 6 (точнее, 5 — последнее письмо-завещание не было предназначено для отправки его адресату) Ларисы Рейснер. Если почти все письма Гумилева точно датированы, то письма Ларисы Рейснер можно датировать лишь условно, по содержанию соответствующих писем Гумилева. Видимо, сохранилась большая часть писем Гумилева, но лишь небольшая часть ответных писем Ларисы Рейснер. Первое стихотворное письмо Гумилева — явный ответ на несохранившееся письмо к нему Ларисы Рейснер. А первое сохранившееся письмо Ларисы Гумилеву было написано еще тогда, когда он был в Петрограде, об этом можно судить по его содержанию и обращению в конце — «жду Вас». Вся остальная переписка относится к периоду после отъезда Гумилева в Гусарский полк. Ниже будут приведены все письма, включенные в соответствующие географический и хронологический контексты. При этом я не буду касаться «интимных» подробностей их взаимоотношений, об этом и так слишком много написано[1047]. В то время как Гумилев обращается к Ларисе Рейснер по имени героини «Гондлы», она сама постоянно обращается к Гумилеву по имени героя пьесы «Дитя Аллаха» — поэта Гафиза. Под тем же именем Гумилев выведен в ее «Автобиографическом романе». Итак, первое письмо Ларисы Рейснер, возможно, ответ на стихотворное к ней обращение:

«Милый мой Гафиз, это совсем не сентиментальность, но мне сегодня так больно, так бесконечно больно. Я никогда не видела летучих мышей, но знаю, что если даже у них выколоты глаза, они летают и ни на что не натыкаются. Я сегодня как раз такая бедная мышь, и всюду кругом меня эти нитки, протянутые из угла в угол, которых надо бояться. Милый Гафиз, я много одна, каждый день тону в стихах, в чужом творчестве, чужом опьянении. И никогда еще не хотелось мне так, как теперь, найти наконец свое собственное. Говорят, что Бог дает каждому в жизни крест такой длины, какой равняется длина нитки, обмотанной вокруг человеческого сердца. Если бы мое сердце померили вот сейчас, сию минуту, то Господу пришлось бы разориться на крест вроде Гаргантюа, величественный, тяжелейший. Но, очевидно, Ангелы в свое время поторопились, чего-то недосчитали, или сатана их соблазнил, или неистовые птицы осаждали не вовремя райские преддверия — но только счет вышел с изъяном. Ах, привезите с собой в следующий раз — поэму, сонет, что хотите, о янычарах, о семиголовом цербере, о чем угодно (*зачеркнуто — хотите*), милый друг, но пусть опять ложь и фантазия украсится всеми оттенками павлиньего пера, и станут моим Мадагаскаром, экватором, эвкалиптовыми и бамбуковыми чащами, в которых человеки якобы обретают простоту души и счастие бытия. О, если бы мне сейчас — стиль и слог убежденного Меланхолика, каким был Лозинский, и романтический чердак, и действительного верного и до смерти влюбленного друга. Человеку надо так немного, чтобы обмануть себя. Ну, будьте здоровы, моя тоска прошла, жду Вас. Ваша Лери»[1048].

Судя по дате письма Гумилева, 23 сентября, Лариса Рейснер тогда дождалась Гумилева, так как до его отъезда оставался еще месяц. Виделись они часто, но упомянутая Лукницким «городская переписка с Л.М. Рейснер» ограничивается только этими двумя письмами. Переписка была продолжена после того, как сам поэт покинул Петроград.

Осенняя и зимняя служба в Гусарском полку на фоне «эпистолярного романа», октябрь 1916 — январь 1917 года

В приказе по 5-му Гусарскому Александрийскому полку № 307 от 25 октября 1916 года сказано: «Прибывшего по откомандированию от Николаевского кавалерийского училища Прапорщика Гумилева по невыдержании офицерского экзамена исключить из числа командированных и числить налицо с сего числа»[1049].

Гумилев вернулся в Латвию, но не туда, откуда он отправился в Петроград. До конца сентября гусары стояли на прежних позициях около Шлосс-Лембурга, однако в начале октября местное население подало жалобу на полк; приезжала комиссия, и командованием было принято решение перейти на новое место в район железнодорожной станции Ромоцкое (*ныне Иерики*)[1050]. Полк оставался в резерве XII Армии. Штаб полка разместился в Шоре, 4-й эскадрон занял Дайбен, другие эскадроны разместились в окрестных фольварках Венчи, Пене, Грибуль, Доле и др. В этом районе полк оставался до 18 ноября. Продолжались занятия в эскадронах, однако условия для их проведения здесь были значительно хуже, чем в прежнем местоположении, что следует из записей в журналах военных действий за период с конца октября по 18 ноября. «Местность на болоте. Сообщение даже между взводами затруднительно, тяжела доставка фуража ‹…› Погода по-прежнему сырая, дождь каждый день, грязь очень сильная; занятия с большим трудом ведутся по расписанию, но движение возможно только по дорогам. От едкой грязи у многих лошадей опухли ноги, есть мокрицы. К середине месяца по ночам стало слегка подмораживать, держалась 2 дня морозная погода — слегка подсушило. Командир 2-й бригады делал выводку бракованных лошадей, тревогу 6-му эскадрону, экзамен по полевому уставу младших офицеров и унтер-офицеров — все прошло очень хорошо. Прибыло 9 молодых офицеров из Пажеского Его Величества Корпуса. Приказано сократить число людей и лошадей до штата. Сверх штата отправляются в 1-й Запасной Кавалерийский полк. Отправлено 31 октября 157 лошадей и 339 гусар. Пришел проект увеличения штатов до 17 рядов и вообще проект составлен ближе к жизни полка, сложившейся обстановкой 2-х летней войны. Понемногу начинает подмораживать. ‹…› Морозы перемежаются с теплом. Дороги — хуже, чем плохи, то грязь, то колоть и гололедица. Занятия по возможности проводятся и конные; большое внимание обращается на метание гранат и тренировку в масках. Командир 2-й бригады Генерал Попов делал поверку — новым отраслям обучения, тревоге и осмотр укладки по выезду по тревоге. Молодые офицеры (5) командированы на практические курсы в г. Ригу для изучения пехотного дела и новейших технических усовершенствований»[1051].

Сюда и прибыл Гумилев 25 октября 1916 года. В архиве сохранился ряд приказов, в которых указывается число дней присутствия всех офицеров в полку за каждый месяц службы[1052]. Так, в приказе № 325 по гусарскому полку обозначено, что в октябре Гумилев присутствовал (был на довольствии) 7 дней, то есть с 25 по 31 октября. В последующие три месяца, вплоть до 22 января 1917 года, Гумилев, по этим документам, присутствовал в полку постоянно[1053]. Хотя известно, что в конце декабря, накануне Рождества, многие офицеры (и он в том числе) были отпущены на несколько дней домой.

Изложенные в журналах военных действий сложности нового местоположения ничуть не смутили поэта. Описанный мрачный пейзаж и тяготы занятий не слишком соответствуют тональности письма, посланного отсюда Гумилевым Ларисе Рейснер 8 ноября 1916 года. Видимо, сказывался романтический настрой автора[1054]:

«8 ноября 1916 г.

“Лера, Лера, надменная дева, ты как прежде бежишь от меня”[1055]. Больше двух недель как я уехал, а от Вас ни одного письма. Не ленитесь и не забывайте меня так скоро, я этого не заслужил. Я часто скачу по полям, крича навстречу ветру Ваше имя. Снитесь Вы мне почти каждую ночь. И скоро я начинаю писать новую пьесу, причем, если Вы не узнаете в героине себя, я навек брошу литературную деятельность.

О своей жизни я писал Вам в предыдущем письме[1056]. Перемен никаких, и кажется, так пройдет зима. Что же? У меня хорошая комната, денщик профессиональный повар[1057]. Как это у Бунина?

Вот, камин затоплю, буду пить,
Хорошо бы собаку купить[1058].

Кроме шуток, пишите мне. У меня “Столп и Утвержденье Истины”[1059], долгие часы одиночества, предчувствие надвигающейся творческой грозы. Все это пьянит как вино и склоняет к надменности соллепсизма[1060]. А это так неакмеистично. Мне непременно нужно ощущать другое существованье, яркое и прекрасное. А что Вы прекрасны, в этом нет сомненья. Моя любовь только освободила меня от, увы, столь частой при нашем образе жизни слепоты.

Здесь тихо и хорошо. По-осеннему пустые поля и кое-где уже покрасневшие от мороза прутья. Знаете ли Вы эти красные зимние прутья. Для меня они олицетворенье всего самого сокровенного в природе. Трава, листья, снег — это только одежды, за которыми природа скрывает себя от нас. И только в такие дни поздней осени, когда ветер и дождь и грязь, когда она верит, что никто не заметит ее, она чуть приоткрывает концы своих пальцев, вот эти красные прутья. И я, новый Актеон[1061], смотрю на них с ненасытным томленьем. Лера, правда же, этот путь естественной истории бесконечно более правилен, чем путь естественной психоневрологики. У Вас красивые ясные честные глаза, но Вы слепая; прекрасные, юные, резвые ноги и нет крыльев; сильный и изящный ум, но с каким-то странным прорывом посередине. Вы — Дафна, превращенная в Лавр, принцесса, превращенная в статую. Но ничего! Я знаю, что на Мадагаскаре все изменится[1062]. И я уже чувствую, как в какой-нибудь теплый вечер, вечер гудящих жуков и загорающихся звезд, где-нибудь у источника, в чаще красных и палисандровых деревьев, Вы мне расскажете такие чудесные вещи, о которых я только смутно догадывался в мои лучшие минуты.

До свиданья, Лери, я буду Вам писать.

О моем возвращенье я не знаю ничего, но зимой на неделю думаю вырваться.

Целую Ваши милые руки.

Ваш Гафиз.

Мой адрес: Действующая Армия, 5 гусарский Александрийский полк, 4 эскадрон, прапорщику Гумилеву».

Оригинал письма написан черными чернилами на четырех сторонах вдвое сложенного листа белой бумаги с тиснением под коленкор. На конверте: Из Действующей Армии. Петроград Большая Зеленина улица, 26б, кв. 42. ЕВ Ларисе Михайловне Рейснер. Печать: «Из действующей Армии» и почтовый штемпель — 18.11.16. В «Трудах и днях» Лукницкого описание этого периода ограничивается лишь кратким изложением содержания этого письма: «**С конца октября до конца ноября.** Уехал около 25 октября в 5-й гусарский Александрийский полк на фронт. Здесь живет в отдельной комнате, имеет денщика. Долгие часы проводит в одиночестве. Читает “Столп и утверждение истины”. Переписывается с женой, матерью, Л.М. Рейснер. (*Письма и др.*)»[1063].

На современной карте Латвии (как, впрочем, и на переизданной подробной довоенной карте независимой Латвии) ни одного из упоминаемых в военных документах названий обнаружить не удалось. Однако случайно встреченный на пути старожил, 90-летний кузнец Скрастыньш из Иерики, вспомнил названия и примерное месторасположение фольварков и хуторов во времена Первой мировой войны. Рассказал он и о размещавшемся в господском доме в соседнем селе Спаре военном госпитале, — это имение сохранилось до наших дней. На дороге из Спаре в Нитауре (*бывшее Нитау*) сейчас стоит хутор, когда-то фольварк Венчи. К западу от него, за озером Ассари, располагался Дайбен (там стоял 4-й эскадрон Гумилева), к востоку — фольварки Доле, Пене и Грибуль. Станция Иерики (*бывшая Ромоцкое*) разместилась примерно посередине железнодорожной линии, соединяющей Сигулду и Цесис.

Получив в середине ноября письмо, посланное из этого района Латвии, Лариса Рейснер сразу же на него ответила. О том, что приведенное далее письмо является ответным, говорит ее фраза о «поваре». Письмо личное и, как оказалось, с «загадкой», но почему-то сохранилась только его часть, первый лист, текст обрывается на полуслове. Вообще не совсем понятно, как в архиве Ларисы Рейснер частично сохранились ее собственные письма, посланные Гумилеву. Можно предположить, что либо Гумилев вернул ей часть писем, когда произошел предположительный разрыв между ними весной 1917 года, либо (что вероятнее) это были «черновики» или копии некоторых посланных писем[1064]. Письмо, посланное туда, где у Гумилева были «хорошая комната, денщик профессиональный повар»[1065], получил он с некоторым объяснимым опозданием, одновременно со следующим письмом Ларисы, но в другой части Латвии:

«Милый Гафиз, Вы меня разоряете. Если по Каменному дойти до самого моста, до барок и большого городового, который там зевает, то слева будет удивительная игрушечная часовня. И даже не часовня, а две каменных ладони, сложенных вместе, со стеклянными, чудесными просветами. И там не один св. Николай, а целых три. Один складной, и два сами по себе. И монах сам не знает, который влиятельнее. Поэтому свечки ставятся всем, уж заодно. Милый Гафиз, если у Вас повар, то это уже очень хорошо, но мне трудно Вас забывать. Закопаешь все по порядку, так что станет ровное место, и вдруг какой-нибудь пустяк, ну, мои старые духи, или что-нибудь Ваше и вдруг начинается все сначала и в историческом порядке.

Завтра вечер поэтов в Университете, будут все Юркуны[1066], которые меня не любят, много глупых студентов и профессора, вышедшие из линии обстрела. Вас не будет.

Милый Гафиз. Сейчас часов семь, через полчаса я могу быть на Литейном[1067], в такой сырой, трудный, долгий день. Ну вот и довольно. С горя…»[1068]

Письмо написано черными чернилами на одной стороне узкого листа плотной темноватой бумаги. Конверт не сохранился. Думаю, многие прочитавшие это письмо задавались вопросом, о какой часовне в письме идет речь. Ведь ее местоположение указано почти точно. «Каменным» мог быть либо Каменный остров, либо Каменноостровский проспект. Поэтому, попав в очередной раз в Питер, первым желанием было попытаться найти эту часовню (или ее следы) самостоятельно. Увы, безуспешно — ни на Каменном острове, ни в конце Каменноостровского проспекта ничего похожего найти не удалось. После этого стал интересоваться у друзей и знатоков Питера, что о ней известно. Как ни парадоксально, на этот вопрос мне ответить никто не смог — как специалисты по старинной архитектуре Петербурга, так и литературоведы, занимавшиеся изучением творческих биографий Гумилева и Рейснер[1069]. После штудирования многочисленных справочников и указателей, описывающих как сохранившиеся, так и снесенные памятники архитектуры Каменного острова, от версии, что часовня стояла там, пришлось отказаться. Оставался Каменноостровский проспект и «зацепка» — фраза: «Если по Каменному дойти до самого моста, до барок и большого городового, который там зевает, то слева будет удивительная игрушечная часовня». Первый проход по Каменноостровскому проспекту «до самого моста» (до Каменноостровского моста) ничего не дал. Последний дом слева поначалу внимания к себе не привлек. Было только очевидно, что дом старый, дореволюционный, когда я там был, он капитально ремонтировался. Но слева, между домом и Невой, обнаружился скверик, на месте которого теоретически вполне могла раньше стоять часовня. Тогда я решил заняться крайним домом и этим скверико основательнее. И тут-то меня ожидал сюрприз, приведший к маленькому открытию. Оказывается, крайний слева дом № 66, на углу с Песочной набережной, ранее представлял собой домовую церковь во имя Святого Мученика Фирса и Преподобного Саввы Псковского при школе и богадельне, основанных и содержавшихся на средства купцов 1-й гильдии Ф.М. Садовникова и С.И. Герасимова. Здание церкви было построено в 1881–1883 годах архитектором Ф.С. Харламовым при участии В.И. Токарева. Церковь была освящена в 1883 году. А при этой церкви, как раз на том месте, где и предполагалось, ранее стояла часовня, построенная в 1908 году по проекту архитектора Л.Н. Бенуа[1070] на деньги, пожертвованные купцами Громовыми. Поэтому ее неофициальным названием была «Громовская», а официально она была освящена во имя Христа Вседержителя. Часовня была шатровой, имела стеклянные просветы («две каменных ладони, сложенных вместе, со стеклянными, чудесными просветами»!!!), что прекрасно видно на сохранившейся открытке. К сожалению, о ее былом внутреннем убранстве, о том, какие иконы там хранились, — ничего узнать не удалось. Но известно, что в русских традициях во всякой церкви или часовне, стоявшей у водных путей, было принято помещать образ Николая Чудотворца, покровителя мореходов и путешественников. Так что почти нет никаких сомнений, что это была именно «та» часовня. В октябре 1918 года церковь и часовню закрыли, здание церкви было передано Педагогическому институту им. Герцена и позднее неоднократно подвергалось капитальной перестройке, меняло владельцев. Часовню просто снесли. Но удалось найти ее фотографии[1071] (по которым часовню вполне можно восстановить, помня поговорку — «Свято место пусто не бывает»).

Как было сказано выше, пока Лариса Рейснер ставила свечки всем трем Николам, Гусарский полк готовился к переходу на новое место, чтобы, выйдя из резерва XII Армии, занять свой боевой участок. Перед переходом 13 ноября в усадьбе Шоре полковым священником была отслужена обедня[1072]. 17 ноября в полк пришел приказ о предстоящем переходе в другой район, на боевые позиции: «Завтра построиться у усадьбы Венчи в направлении на Нитау. Следовать в район Ней-Кайпен, д. Муйшнек. Штаб дивизии 18-го ноября в мызе Кастран»[1073]. 18 ноября в приказе по полку № 331 сказано: «Дежурный по полку Прапорщик Гумилев. Завтра собраться: усадьба к югу от Герне на большой дороге Фистелен — Альтенвога»[1074]. «18 ноября. Переход Шоре — Фистелен, 45 верст. Согласно приказанию по дивизии, полк выступил в 9 часов утра для перехода в район Фридрихштадта (*Скривери*); шли на Нитау (*Нитауре*) — Шлосс-Юргенбург (*Заубе*) — Фистелен (*около нынешнего Таурупе*), в районе которого полк ночевал. Холодно, грязь от ранее бывших дождей»[1075]. В Нитауре из старых построек сохранились костел и православная церковь на горе, построенная в 1875 году. Когда же попадаешь в Заубе, бывший Шлосс-Юргенбург, невольно на память приходят гумилевские строки из открывающего сборник «Костер» стихотворения «Деревья»:

Я знаю, что деревьям, а не нам,
Дано величье совершенной жизни.
На ласковой земле, сестре звездам,
Мы — на чужбине, а они — в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные, восходы
Янтарные окраске учат их —
Свободные зеленые народы.

Есть Моисеи посреди дубов...[1076]

Вдоль дороги стоят тысячелетние дубы, особенно поражает воображение один из них — подлинный «Моисей»... Деревья занесены в списки памятников природы.

На следующий день, 19 ноября, было пройдено 22 версты, и переход завершился. Из журнала военных действий: «19 ноября. Переход Фистелен — Ней-Беверсгоф, 22 версты. Выступили около 10 часов утра. Мороз, дороги неважные, шли по маршруту Фистелен — Ремер (*между нынешними селами Меньгеле и Вецбебри*) — Старый Беверсгоф (*Альт-Беверсгоф, сейчас Вецбебри*) — Новый Беверсгоф (Ней-Беверсгоф, сейчас Яунбебри), в районе которого полк и стал. ‹…› 20 ноября. Резерв в Ней-Беверсгофе. Полк расположился на новой стоянке; вошли в состав V Армии. ‹…› С 21 ноября по 3 декабря. 5-я Кавалерийская дивизия и 2-я Особая пехотная дивизия (для Франции), полки IX, X, XIII и XIV, составили отдельный отряд и сменили по р. Двине 13-й Корпус, для чего в окопы села (21 ноября) 1-я бригада 5-й Кавалерийской дивизии и один полк пехоты. Начальник отдельной бригады Генерал Нилов. 2-я бригада, включающая 5-й Гусарский Александрийский полк, стала в резерв; полк расположился в следующем

порядке: Штаб полка — Ней-Беверсгоф; эскадрон ЕВ — ф. Бланке (*Бланкас*), № 2 — Тупешаны; № 3 — Сильяны; № 4 (*эскадрон Гумилева*) — Озолино (*Озолы*); № 5 — Киршен-Хель; № 6 — Сильяны (вост.) ‹…› Стоянка лучше, чем в районе Ромоцкой. Грязь стягивает морозами, снега еще нет»[1077]. Хочется обратить особое внимание на то, что Гусарский полк составил совместный отдельный отряд со 2-й Особой пехотной дивизией, включавшей в себя полки, предназначенные для отправки во Францию для пополнения Русского экспедиционного корпуса, куда вскоре попадет Гумилев. Любопытное совпадение. Случайное ли? Не здесь ли было принято решение и установлены какие-то контакты, приведшие Гумилева летом 1917 года в Париж? Отряд генерала Нилова занял оборону по Двине у Фридрихштадта и Кокенгузена (*Кокнесе*), сменив ушедший на отдых 13-й корпус.

Красивый усадебный дом стоит сейчас посреди парка в большом селе Вецбебри. Километрах в 15 к востоку от Вецбебри, сразу же за небольшим селом Яунбебри, бывшем Ней-Беверсгофе, раскинулся запущенный парк, а в глубине его поросшие деревьями, окруженные травой в человеческий рост исключительно живописные, романтические руины, остатки бывшего господского дома, в котором размещался штаб 5-го гусарского полка. Редкий памятник времен Первой мировой войны расположен тут же в парке, недалеко от дома. Это холм, а точнее, вытянутый в длину курган — братская могила павших в боях в 1915–1919 годах. Об этом говорит установленная у его подножия мраморная мемориальная доска.

Пока с 20 ноября по 3 декабря 5-й гусарский полк стоял в резерве в районе Ней-Беверсгофа, ежедневно шли обычные строевые занятия. 26 ноября в полку праздновали День ордена Святого Великомученика Георгия Победоносца, состоялся парад, в котором участвовали все Георгиевские кавалеры. Приказом № 337 командир 4-го эскадрона Мелик-Шахназаров был в этот день откомандирован в г. Двинск (*Даугавпилс*) для участия в параде Георгиевских кавалеров, и командование эскадроном временно принял на себя корнет Ипполитов[1078].

В эти дни Лариса Рейснер написала еще одно письмо, которое Гумилев получил 8 декабря, вместе с предыдущим письмом, и сразу же ответил ей. В этом ее письме вновь упоминается часовня с несколькими Николами:

«Я не знаю, поэт, почему лунные и холодные ночи так бездонно глубоки над нашим городом. Откуда это, все более бледнеющее небо и ясный, торжественный профиль старых подъездов, на тихих улицах, где не ходит трамвай и нет кинематографов. Кто сказал, что луна одна и ходит по каким-то орбитам. Очевидные враки. За просвечивающей дымкой их может быть сколько угодно, и они любопытны и подвижны, со своими ослепительными, но занавешенными лицами. Кочуют, кочуют целую ночь, над нелепыми постройками, опускают бледные ресницы, и тогда на ночных, темных и высоких лестницах — следы целомудренных взоров, блестящих, с примесью синевы и дымчатого тумана. Милые ночи, такие долгие, такие бессонные. Кстати, о снах. Помните, Гафиз, Ваши нападки на бабушкин сон с «щепкой», которым чрезвычайно было уязвлено мое самолюбие. Оказывается, бывает хуже. Представьте себе мечтателя самого настоящего и убежденного. Он засыпает, побежденный своей возвышенной меланхолией, а также скучным сочинением какого-нибудь славного, давно усопшего любомудра. И ему снится: райская музыка, да, смейтесь, сколько угодно. Он наслаждается неистово, может быть плачет, вообще возносится душой.

Счастлив, как во сне. Отлично. Утром мечтатель первым делом восстанавливает в своей памяти райские мелодии, только что оставившие его, вспоминает долго, озлобленно, с болью и отчаянием. И оказывается: — что это было нечто более, чем тривиальное, чижик-пыжик, какой-нибудь дурной и навязчивый мотивчик, я это называю — кларнет-о-пистон. О посрамление! Ангелы в раю, очень музыкальные от природы смеются, как галка на заборе, и не могут успокоиться. Гафиз, это очень печальное происшествие. Пожалейте обо мне, надо мной посмеялись.

Лери.

P.S. Ваш угодник очень разорителен: всегда в нескольких видах и еще складной, с цветами и большим полотенцем»[1079].

Постскриптум — вертикально, вдоль длинной стороны листа. Письмо написано черными чернилами на плотной кремовой бумаге (24,5 х 45,2 см). Конверт не сохранился. Письмо — личное, и в дополнительных комментариях не нуждается. Кроме того, что во всех публикациях его относили к более позднему периоду.

В приказе № 346 от 3 декабря говорится: «Завтра смена в окопах. Построиться у мызы Ней-Беверсгоф»[1080]. Приказом № 347 от 4 декабря прапорщик Гумилев был назначен дежурным по коноводам[1081]. В этот день с утра полк сменил в окопах драгун. Из журнала военных действий[1082]: «С 4 по 7 декабря. Полк выступил на смену драгунам и занял участок позиций от Капостина до Надзина; первую линию заняли эскадроны 2-й, ЕВ, 6-й и 3-й; резерв правого участка — 4-й эскадрон; левого — 5-й эскадрон. ‹…› Участок некоторых эскадронов прекрасно оборудован, местами предстоит много работы, осложняющейся каменистым грунтом, который можно брать только киркой. ‹…› Противник ведет себя пассивно». Позиции, которые занял полк, располагались по правому берегу излучины Двины в районе современного села Ритери, недалеко от Кокнесе. В наши дни этот участок Двины существенно изменился; там, где когда-то были окопы, плещутся воды широченного, крупнейшего в Латвии Плявиньского водохранилища. Вода поднялась так высоко, что стоявший на вершине крутого холма один из старейших замков Латвии в Кокнесе превратился в романтический полуподводный дворец, под своды которого можно заплыть на лодке. Зрелище красивое, но грустное.

В журнале военных действий за период с 8 по 11 декабря сказано[1083]: «Редкая ружейная перестрелка, ночью изредка артиллерия с одной из сторон (без вреда). Снег падает, временами засыпая ходы и окопы, что дает лишнюю работу по очистке его. ‹…› Ведется беспрерывно усиленная работа над улучшением и приведением в наиболее боеспособный вид нашей позиции. Не говоря об эскадронах в окопах, резервные эскадроны каждую ночь целиком на работе».

8 декабря Гумилев по каким-то служебным делам днем отлучался с позиции в штаб полка, в Ней-Беверсгоф. Там он получил два приведенных выше письма от Ларисы Рейснер и тут же послал ей ответное, столь же «романтическое»:

«8 декабря 1916.

Лери моя, приехав в полк, я нашел оба Ваши письма. Какая Вы милая в них. Читая их, я вдруг остро понял то, что Вы мне однажды говорили, — что я слишком мало беру от Вас. Действительно, это непростительное мальчишество с моей стороны разбирать с Вами проклятые вопросы. Я даже не

хочу обращать Вас. Вы годитесь на бесконечно лучшее. И в моей голове уже складывается план книги, которую я мысленно напишу для себя одного (подобно моей лучшей трагедии, которую я напишу только для Вас.) Ее заглавье будет огромными красными как зимнее солнце буквами «Лера и Любовь». А главы будут такие: «Лера и снег», «Лера и Персидская Лирика», «Лера и мой детский сон об орле». На все, что я знаю и что люблю, я хочу посмотреть, как сквозь цветное стекло, через Вашу душу, потому что она действительно имеет свой особый цвет, еще не воспринимаемый людьми (как древними не был воспринимаем синий цвет). И я томлюсь как автор, которому мешают приступить к уже обдуманному произведению. Я помню все Ваши слова, все интонации, все движенья, но мне мало, мало, мне хочется еще. Я не очень верю в переселенье душ, но мне кажется, что в прежних своих переживаньях Вы всегда были похищаемой, Еленой Спартанской, Анжеликой из Неистового Роланда и т. д. Так мне хочется Вас увести.

Я написал Вам сумасшедшее письмо, это оттого, что я Вас люблю.

Вспомните, Вы мне обещали прислать Вашу карточку. Не знаю только, дождусь ли я ее, пожалуй, прежде удеру в город пересчитывать столбы на решетке Летнего Сада.

Пишите мне, целующему Ваши милые, милые руки.

Ваш Гафиз»[1084].

Оригинал письма написан черными чернилами на трех сторонах вдвое сложенного листа белой бумаги с тиснением под коленкор. Конверт из тонкой кремовой бумаги без марки. Письмо адресовано: Петроград. Большая Зеленина улица, 26б, кв.42. ЕП Ларисе Михайловне Рейснер. Штемпель (лиловый): 5 Гусарский Александрийский Ея Величества Полк. 4-й эскадрон. На обороте конверта: 8.12.... Поверх первого штемпеля еще один: Запасная полевая почта 11.12.16. Очевидно, что слова Гумилева о том, что, «приехав в полк, я нашел оба Ваши письма», привели к ошибочному выводу Лукницкого: «Конец ноября или первые числа декабря. На короткое время уезжал из полка, по-видимому, в Петроград. Вернулся в полк не позже 8 декабря»[1085]. Как следует из военных документов, в это время Гумилев из полка не отлучался, был на боевом дежурстве вдоль Двины, а 8 декабря его послали с каким-то поручением в штаб полка, расположенный в Ней-Беверсгофе, на расстоянии около 25 км от позиций, и там получил два письма от Ларисы Рейснер, тут же написав ей ответное письмо. В конце декабря он все же осуществит свое желание и на несколько дней съездит в Петроград.

А пока опять в окопы: «12–15 декабря. Довольно холодно (12–15°), бывает буран. Двина не замерзает из-за быстроты течения в узких и крутых берегах. Противник пассивен, много осветительных ракет. Иногда открывает беспричинный огонь артиллерия (и без результатов). 16–17 декабря. Все по-прежнему: идет укрепление позиций. Инспектирование на участке — все нашли в блестящем порядке. 18 декабря. Смена драгунами в 19 часов прошла благополучно. Всего на участке потери 7 гусар раненых. После прихода из окопов полк готовится к встрече праздника, и ведутся строевые занятия, хотя наступившие холода и глубокий снег сильно этому препятствуют. Многие офицеры отпущены к празднику в отпуск»[1086].

Эти отлучки офицеров на Рождество были неофициальными, и они никак не отражены в приказах по полку. Их просто информировали, что

следующее дежурство в окопах начнется 29 декабря, следовательно, в полк они должны вернуться не позже 28 декабря. Гумилев воспользовался такой возможностью и, видимо, не позже 19–20 декабря выехал в Петроград и на следующий день прибыл туда. В Петрограде в первый же день он неожиданно встретил только что вернувшуюся из Севастополя Ахматову.

Посещение Петрограда в конце декабря достаточно точно отражено в «Трудах и днях» Лукницкого, со слов А.А. Ахматовой, М.Л. Лозинского, К.Ф. Кузьминой-Караваевой, А.И. Гумилевой, и в его дневнике. Наиболее полным кажется рассказ Ахматовой: «В середине декабря я уехала в Петербург (в день убийства Распутина я через Москву проезжала[1087]) — прямо к Срезневским. (Когда я была в Петербурге в 16 году летом, я жила у Срезневских). В Сочельник, по-видимому, мы вместе с Караваевыми собрались ехать в Слепнево. Неожиданно приехал Коля с фронта и поехал с нами (об этом есть рассказ Констанции Фридольфовны Кузьминой-Караваевой). В Слепневе я пробыла до середины (приблизительно) января 17 года, а Н.С. в Слепневе был 2 дня. Новый год мы уже без него встречали. Он уехал в Петербург, а из Петербурга — прямо на фронт. Тогда он "Гондлу" давал читать в Слепневе. Мы очень долго не виделись — громадный перерыв был»[1088].

Но об одном эпизоде, связанном с этим приездом Гумилева в Петроград и случившемся еще до поездки в Слепнево, она здесь умолчала, но рассказала позже Лукницкому, без точной привязки к дате. Его удалось реконструировать Р. Тименчику[1089]. По воспоминаниям Б. Анрепа, в 1916 году его «оставили в Англии, и я вернулся в Россию только в конце 1916 года, и то на короткое время»[1090]. Первый раз он тогда встретился с Ахматовой (и Гумилевым) случайно, на вокзале: «Н.С. и АА обедали вместе на Николаевском вокзале. АА говорила о "нем", жаловалась, что он не идет, не пишет... Н.С. ударил по столу рукой: "Не произноси больше его имени!" АА помолчала. Потом робко: "А можно еще сказать?" Николай Степанович рассмеялся: "Ну, говори!"... Пообедав, вышли из буфета, направляясь к перрону. Вдруг тот, о котором только что говорили, встречается в дверях. Он здоровается, заговаривает. АА с царственным видом произносит: "Коля, нам пора", — и проходит дальше. Н.С. предлагает пари на 100 своих рублей, против одного рубля АА, что этот человек ждет ее у выхода. АА принимает пари. При следующей встрече Николай Степанович, не здороваясь, не целуя руки, говорит: "Давай рубль!"»[1091].

Заслуживают доверия, с некоторыми уточнениями, записи в «Трудах и днях» (никаких других документальных свидетельств о посещении Гумилевым Петрограда обнаружить не удалось): «**Около 22–23 декабря.** Приехал в Петроград. Остановился у М.Л. Лозинского (?). Читал М.Л. Лозинскому главу из "Мика". ‹…› **24 декабря.** Уехал из Петрограда в Слепнево вместе с женой, О.А. и К.Ф. Кузьмиными-Караваевыми. *Примечание*: А.А. Ахматова приехала в Петроград в конце декабря. ‹…› **25, 26 и 27 декабря.** В Слепневе вместе с матерью, женой, сыном и Кузьмиными-Караваевыми. 25 декабря вместе с женой и Кузьмиными-Караваевыми был на могиле М.А. Кузьминой-Караваевой. В Слепневе давал жене прочесть пьесу "Гондла" и читал "Балладу о Гер Педере". 27 декабря уехал в Петроград (один). ‹…› **28 декабря.** Приехал в Петроград, остановился у М.Л. Лозинского. *Примечание:* В этот вечер брал у М.Л. Лозинского "Cor ardens" Вяч. Иванова и исследовал его с точки зрения строфики, которой в этот период специально интересовался. Взял у М.Л. Лозинского книгу "Marquis de Lanlay. Règle de Poésie"[1092]. **29 декабря (?).** Уехал к полку, на фронт»[1093].

Уточним эти записи. На самом деле Гумилев приехал в Петроград не позже 21–22 декабря, когда там уже была Ахматова (в Петроград она приехала 18 декабря). И вскоре все уехали в Слепнево, видимо, не позже 23 декабря. Возможно, встреча с Б. Анрепом на вокзале произошла как раз при отъезде. С Лозинским он встречался, скорее всего, уже после возвращения из Слепнева, примерно 25–26 декабря. Оставил ему множество поручений, о которых вскоре напомнил в письме с фронта. Безусловно, встречался он в Петрограде и с Ларисой Рейснер, об этом есть в его письмах. Не позже 26–27 декабря он должен был выехать из города, чтобы успеть на дежурство. Упоминание в рассказе Лукницкого чтения поэмы «Мик» Лозинскому позволяет уточнить датировку (и место отправления) написанного в Петрограде письма К.И. Чуковскому. Думаю, после этого чтения Лозинский порекомендовал послать поэму Чуковскому:

«Дорогой Корней Иванович,

посылаю Вам 8 глав "Мика и Луи"[1094]. Остальные две, не хуже и не лучше предыдущих, вышлю в течение недели. Пожалуйста, как только Вы просмотрите поэму, напишите мне, подходит ли она под Ваши требования. Если да, то о гонораре мы окончательно сговоримся, когда я буду в городе, т.е. по моим расчетам в начале января. Какие-нибудь измененья можно будет сделать в корректуре.

Мой адрес: Д‹ействующая› А‹рмия›. 5 гусарский Александрийский Ея Величества полк, 4 эскадрон, мне.

Жму Вашу руку.

Ваш Н. Гумилев»[1095].

Поэма, судя по сохранившимся гранкам, устроила Чуковского. В начале января Гумилев попасть в Петроград не смог, а военный адрес он оставил Чуковскому, потому что сразу же уезжал в полк, откуда и направил ему две оставшиеся главы, но эти письма не сохранились.

28 декабря Гумилев вернулся в Латвию, в Ней-Беверсгоф. Пока он отсутствовал, 25 декабря, на Рождество, в полку был устроен праздник. Все гусары на три дня были освобождены от занятий[1096]. «28 декабря. Полк приветствовал обедом Александровский лазарет Красного Креста в полном составе врачей и сестер милосердия, услугами которых пользуются раненые и больные гусары»[1097]. В приказе по полку № 372 от 28 декабря сказано: «Мыза Ней-Беверсгоф. § 1. Завтра с наступлением темноты сменить частям 2-й бригады — части 1-й бригады. Для занятия участков полка назначаются: правого — эскадроны ЕВ и 4-й, в резерве (Межа-Арлуп) № 2; и левого — эскадроны 5-й и 6-й, и резерв (мыза Грюттерсгоф) № 3. Начальник правого участка — Радецкий; левого — Дерюгин[1098]. В окопах иметь не менее 60 стрелков в каждом эскадроне. ‹…› § 3. На время нахождения в окопах прикомандировываются к 5 эскадрону корнет Ромоцкий[1099] и прапорщик Гумилев»[1100]. На этот раз Гумилев попал в окопы, но в составе не своего 4-го эскадрона, а вместе с 5-м эскадроном, на левый участок. «29 декабря. В окопы от Капостина до Надзина. В 12 часов дня полк выступил на смену драгун, прибыли к 15 часам, смена закончена к 17 часам. В первой линии сели эскадроны ЕВ, 4-й, 5-й и 6-й; в резерве 2-й и 3-й. ‹…› На участке спокойно, мороз небольшой, легкий снег»[1101].

В последние дни года противник начал проявлять некоторую активность: «30 декабря. Артиллерия противника обстреливала участок № 1; наша отвечала, перестрелка ружейная небольшая. Двина не замерзла. ‹…›

31 декабря. Артиллерийская и ружейная перестрелка по-прежнему; резервные эскадроны ходят на работу; морозно — идет снег»[1102].

Новый, исторический 1917 год прапорщик Николай Гумилев встретил в окопах на берегах Западной Двины. Эта смена, начавшаяся 29 декабря 1916 года и закончившаяся 10 января 1917 года, прошла без особых происшествий, спокойно, но для нас она интересна рядом сохранившихся документов. Однако прежде — краткий рассказ о боевом дежурстве в окопах, как оно изложено в журнале военных действий: «1 января. В окопах от Капостина до Надзина. Был молебен. Спокойно. ‹…› 2 января. Ночью много шума, посты противника больше стреляют и бросают ракеты. Слышен польский разговор. Светил прожектор у д. Рыбань; очевидно, смена частей. Днем несколько более оживленная перестрелка. Мороз. По Двине идет сало. ‹…› 3 января. Ночь прошла спокойно; днем перестрелка наблюдателей; артиллерия противника обстреляла участки № 1, 2 и 3-й; наша била по окопам и землянкам. Ясно — мороз. ‹…› 4 января. На участке — спокойно. Получено известие о переформировании полков регулярной конницы в 4-эскадронные и расформировании стрелков в 12-эскадронные полки. ‹…› 5 января. Обычная ружейная перестрелка, изредка примыкают пулеметы. Артиллерия противника выпустила 4 снаряда по стыку с Особой дивизией. Весь день шел снег, ночью туман. ‹…› 6 января. На фронте тихо, появился новый прожектор у д. Казанш; привезли в полк 50 французских касок. Средний мороз — ясно. ‹…› 7 января. Ночь — совершенно спокойна; редкая перестрелка днем усилилась в сумерках, пулемет обстреливает наш правый фланг; артиллерия с обеих сторон молчит. Предписано организовать поиск для захвата контрольных пленных. ‹…› 8 января. Перестрелка ружей и пулеметов; спокойно; ночи темные, туманные, тепло. Двина не замерзает. ‹…› 9 января. День прошел спокойно, в окопах идет чистка снега, наметенного за ночь, тепло, небольшой снег, редкая перестрелка всю ночь. ‹…› 10 января. Драгуны сменили на позиции, прибыли к 16 часам, смена кончилась к 18 часам. За время пребывания в окопах ранен 1 гусар. Тепло, идет снег»[1103].

Помимо этих кратких записей в архиве сохранились и личные, подробные, написанные от руки донесения офицеров полка со своих участков. Среди них несколько подписанных автографов Гумилева. Гумилев при этом был временно прикомандирован к 5-му эскадрону. Приведем полностью первое такое донесение о положении на обороняемом участке в течение суток, относящееся к 1 января 1917 года:

«Подполковнику Дерюгину.

1917. 1 января.

№ 29 — из окопов участка № 4.

12 ч. — Спокойно

13 ч. — Тоже.

14 ч. — Тоже.

15 ч. — Было видно, как противник, производя работы, выбрасывал землю из окопов у д. Кальни-Каркас.

16 ч. — Одиночные выстрелы противника от д. Баумштейн; десять выстрелов нашей батареи по Кальни-Каркасу и окопам.

17 ч. — Спокойно.

18 ч. — Спокойно.

19 ч. — Спокойно.

20 ч. — Спокойно.
21 ч. — Одиночные выстрелы противника.
22 ч. — Тоже.
23 ч. — Тоже.
24 ч. — Выстрел нашей артиллерии на ту сторону Двины, причем разрыва не последовало.
1 ч. — Спокойно.
2 ч. — Тоже.
3 ч. — Тоже.
4 ч. — Тоже.
5 ч. — Тоже.
6 ч. — Тоже.
7 ч. — Тоже.
8 ч. — Тоже.
9 ч. — Тоже.
10 ч. — Тоже.
11 ч. — Тоже.

Прапорщик Гумилев»[1104].

Донесение написано на двух сторонах бланка, снабженного резолюцией: «Полковнику Скуратову подполковник Дерюгин». Сохранилось еще четыре таких донесения-автографа Гумилева: от 3, 5, 7 и 9 января[1105]. Содержание их аналогично. В них имеются следующие информативные записи (помимо «спокойно» и «тоже»):

«3 января. 13 ч. — До десятка неприятельских ружейных выстрелов по зеркалу перископа. 14 ч. — Четырнадцать выстрелов нашей артиллерии. 15 ч. — Два выстрела нашей артиллерии. ‹…› 21 ч. — Спокойно, ночь светла, ракет не было. ‹…› 3 ч. — Одиночные выстрелы с нашей стороны. ‹…› 12 ч. — Наш артиллерийский огонь и ответный немцев».

«5 января. ‹…› 13 ч. — Пролетел в сторону неприятеля наш аэроплан. 14 ч. — Одиночные выстрелы, наши и противника». Далее до 12 ч. — все спокойно.

«7 января. ‹…› 15 ч. — Пролетел на северо-восток наш аэроплан. 16 ч. — Одиночные выстрелы противника от д. Баумштейн. ‹…› 24 ч. — На неприятельской стороне, против участка № 16, слышен шум работ, громкий разговор и звук шести последовательных револьверных выстрелов. ‹…›». Далее до 12 ч. — все спокойно.

«9 января. ‹…› 18 ч. — Выстрелы со стороны противника. ‹…›». Далее до 12 ч. — все спокойно.

Среди документов есть еще два донесения в «Дневнике наблюдений», от 8 и 10 января, написанных тем же почерком и в том же стиле, но от имени переведенного вместе с Гумилевым на время дежурства из 4-го в 5-й эскадрон подпоручика Ромоцкого[1106]. Думаю, что и они могут быть причислены к гумилевским автографам.

Это было последнее боевое дежурство Гумилева в 5-м гусарском Александрийском полку. Среди немногочисленных воспоминаний о службе Гумилева в полку, которые опубликовал в вашингтонском четырехтомнике Г.П. Струве, специфическое место занимают воспоминания, как сказано у Струве, «полковника А.Ф. Посажного». Глебу Струве Посажной представился как полковник, командир эскадрона. Однако военные документы позволяют точно обозначить то реальное место, которое он занимал

в полку, а также определить, в какие периоды он мог встречаться с Гумилевым. Вот эти «воспоминания», по записи Ю.А. Топоркова:

«В 1916 году, когда Александрийский гусарский полк стоял в окопах на Двине, шт.-ротмистру Посажному пришлось в течение почти двух месяцев жить в одной с Гумилевым хате. Однажды, идя в расположение 4-го эскадрона по открытому месту, шт.-ротмистры Шахназаров и Посажной и прапорщик Гумилев были неожиданно обстреляны с другого берега Двины немецким пулеметом. Шахназаров и Посажной быстро спрыгнули в окоп. Гумилев же нарочно остался на открытом месте и стал зажигать папироску, бравируя своим спокойствием. Закурив папиросу, он затем тоже спрыгнул с опасного места в окоп, где командующий эскадроном Шахназаров сильно разнес его за ненужную в подобной обстановке храбрость — стоять без цели на открытом месте под неприятельскими пулями»[1107].

Как пишет Г. Струве, в 1932 году А. Посажной опубликовал в Париже автобиографическую поэму «Эльбрус» — графоманское и беспардонное сочинение, но интересное тем, что там своеобразно упоминается Гумилев. Вот фрагмент, приведенный Г.П. Струве в четырехтомнике (поэма была напечатана без знаков препинания и с прописным «Я»):

Да современности поэтов
Читать Я право не могу
В них нет поэзии заветов
И даже смысла ни гугу
  И коль укажут вот поэт
  Назад Я делал пируэт
Так вечно б может продолжалось
Но за какие-то грехи
Мне слушать многие досталось
Год Гумилевские стихи
  Ко мне в четвертый эскадрон
  Грозу для каждого шпака
  Был автор их переведен
  Из Лейб-Уланского полка
И хохотали хи-хи-хи
Мы слыша штатские стихи
  О самом маленьком обычном
  О крике скажем петуха
  Вещал он гласом дикобычным
  И замогильным — чепуха
Свой винегрет свою уху
В окопах сидя на Двине
Он мне варил Я чепуху
Его топил всегда в вине
  О Музах спором увлекаясь
  В каком-то маленьком бою
  С ним осушили спотыкаясь
  И пулеметную струю
Его смущал наш гонор барский
Не гимназический удел
Баллон желудка не гусарский
Надуться газом не хотел
  Его глушили бургромы
  Гусар бессмертных трубачей

Тушили Черного хоромы
Зрачки цукания очей
Окоп Двины казался тесный
И заразяся у Аник
Корнет покинул полк известный
Для неизвестных Салоник
Последний раз гусар историй
И исторический гусар
У затроившихся Асторий
Ему вливал Шампани пар
Возможно после или ране
Он многолучшее писал
Но щеголяя в доломане
Белибердою донимал
Когда б его не расстреляли
Он в неизвестности почил
И вы б наверное не знали
Что он стихами настрочил
Но может после в Могилеве
Иль равноплоскостном краю
Я запою о Гумилеве
А у Эльбруса не пою[1108] ‹…›

В своих комментариях Г. Струве пишет, что А. Посажной был командиром эскадрона. Это неверно. Из документов следует, что Посажной в гусарском полку был младшим офицером, поручиком, и явно не из лучших. Так, в одном из списков офицеров, «временно отсутствующих по разным случаям», против фамилии Посажного проставлено: «В Риге под арестом»[1109]. Чтобы более к нему не возвращаться, отметим, что его служба в 5-м гусарском полку прервалась почти одновременно с Гумилевым. В приказе № 35 от 2 февраля 1917 года сказано: «1-го сего февраля в окопах на реке Двине штабс-ротмистр Посажной ранен пулей насквозь в мягкие части левого бедра и эвакуирован на излечение»[1110]. В полк он больше не возвращался.

Но далеко не все сослуживцы Гумилева отзывались о нем задним числом столь пренебрежительно. Недавно обнаружились не замеченные Г. Струве воспоминания и посвященные памяти поэта стихи еще одного его однополчанина, человека поразительной судьбы, полковника В.А. Петрушевского[1111]. Появились они в печати достаточно неожиданно, в начале 1950-х годов, в издаваемом в Париже журнале «Часовой». Там была опубликована заметка «Поэт-гусар»: «В ответ на ряд запросов относительно военной службы Н.С. Гумилева, сообщаем, что безвременно погибший от руки большевиков поэт всю Первую мировую войну провел в рядах Л.-Гв. Уланского Ее Величества полка. Проф. Б. Ширяев употребил термин "гусарства", как понятие духовного свойства»[1112]. На эту заметку последовало возражение читателя: «Еще дополнение. В дополнение к заметке "Поэт-гусар" (№ 314) нас просят сообщить, что Н.С. Гумилев начал военную службу вольноопределяющимся Л.-Гв. Уланского Ее Величества полка и был награжден двумя Георгиевскими крестами. После производства за боевые отличия в прапорщики был переведен в 5-й гусарский Александрийский полк. Настоящее сообщается со слов полковника Александрийского полка Петрушевского»[1113].

А два месяца спустя журнал поместил еще одно добавление, исходившее от В.А. Петрушевского:

Еще о Гумилеве

В дополнение к заметке в № 316 «Часового», исправлявший данные о Н.С. Гумилеве полковник В.А. Петрушевский (Александрийского гусарского полка) просит нас поместить его стихи, написанные в 1923 году по поводу смерти «поэта-гусара»:

Я знал тебя в кровавы лета,
В рядах бессмертного полка,
Держала меч твоя рука,
Познав войну на бранном поле
Среди царицыных улан,
Недолго ты по страшной воле
Носил наш черный доломан.
Взамен войны с врагом народа,
Другая вспыхнула война
За лозунг призрачной свободы,
Который кинул сатана.
И если первая — героя
Тебя, поэт, стяжала честь,
То во второй ты пал без боя,
И злобных сил свершилась месть.
Там вместе с порванной картиной,
С разбитой статуей богов,
Цветов истоптанной куртиной,
Ты — дань свободы страшных слов.
Навек твоя замолкла лира,
Но песней спетых звук не смолк,
Так, в бой, порой без командира,
Идет победно храбрый полк.

В. Петрушевский[1114]

Так что у Гумилева в Гусарском полку было с кем побеседовать, в том числе и о стихах. Выше были приведены воспоминания Василия Карамзина о встрече с Гумилевым во время его первого дежурства по полку. Между бывшими гусарами на протяжении десятилетий сохранялись дружественные связи. Вот, например, отрывок из письма жены Василия М.В. Карамзиной своей подруге Вере Владимировне Шмидт от 11 сентября1939 года: «Дорогая милая моя Верочка! Простите за такое долгое молчание ‹…› Завтра именины Саши и день полкового праздника В.А.[1115], к ужину будут 2, 3 человека, надо их хорошо накормить и создать праздничную атмосферу для В.А. Наш полковник с Явы не приедет, ему пришлось спешно уехать из Риги — очень жаль, интересно было бы повидать его и послушать. Не знаю, поймете ли Вы меня: у меня всегда все 18 лет эмигрантской моей жизни было очень острое чувство непрочности нашего благополучия, вообще непрочности жизни, — сейчас это чувство еще обострилось, а так как я горячо люблю мою жизнь, нашу жизнь, — каждый миг как бы болезненно прощаюсь с нею…»[1116]

«Наш полковник с Явы» — безусловно, В.А. Петрушевский, встреча с которым тогда не состоялась. Уже шла война, и жаль, что М.В. Карамзина не прислушалась к своим предчувствиям и не увезла семью в более безопасное место. Ведь уже 28 сентября того же года был заключен Пакт о вза-

имопомощи, предусматривающий размещение на территории Эстонии советских военных баз и воинского контингента. Короткое эмигрантское благополучие для них завершалось, Василий был арестован и расстрелян, а Мария сослана в Сибирь и там вскоре умерла. В последний раз в тот год семейство Карамзиных отметило полковой праздник Гусарского полка...

А теперь о последних двух неделях службы в Гусарском полку Гумилева. В приказе № 10 от 10 января было объявлено: «Смена полка в окопах драгунским полком. Завтра в 15 часов — общее собрание офицеров»[1117]. 11 января 1917 года состоялось общее собрание офицеров полка, на котором было объявлено о частичном расформировании полка и сокращении числа эскадронов в нем с шести до четырех: «11 января. Придя из окопов, приступили к грустной для всякого кавалериста работе по расформированию полка в 4-эскадронный. Заготовляют списки на исключаемых гусар и лошадей; спешенных гусар передают в стрелковый полк своей дивизии, который разворачивается в 12-эскадронный, а лошадей на формирование артиллерийских (новых) парков. ‹…› Самый больной вопрос офицерский, пока назначены подполковник Радецкий, поручик Лайковский, поручик Титов, ‹…› еще многие ожидают своей участи. ‹…› 12–13 января. Производится выбраковка лошадей (нужно 241-у). ‹…› 14–16 января. Приехал генерал Свешников для поверки сверхкомплекта лошадей по 6-ти эскадронному составу; поверял два дня. Производится в полку прививка противотифозной сыворотки, после чего люди больны дня три. ‹…› 17 января. В 15 ч. сборный эскадрон и гг. офицеры были командированы в д. Айзликшне, где производилось окуривание газами. ‹…› 18–21 января. Была панихида по скончавшемуся от тифа поручику XIII Особого полка Канурникову в 4-м Александровском лазарете. Назначен смотр начальника дивизии. Инспекторский смотр в конном строю при 20 градусах мороза прошел отлично. Объездом помещений начальник дивизии остался очень доволен. ‹…› 22–31 января. Получены штаты стрелкового полка. ‹…› В окопах от Капостина до Надзина»[1118].

В окопы Гумилеву идти не пришлось. В эти дни он ждал своей участи. Очевидно, что он не рвался в стрелковый полк. Сидеть в засаде и обстреливать противника вряд ли соответствовало его характеру. К 15 января ситуация еще не прояснилась. Но, как следует из двух написанных в этот день писем, без дела он не сидел, был полон творческих замыслов, для реализации которых он загрузил Лозинского кучей поручений. Из письма создается такое впечатление, что он решил собрать у себя в каморке, — не думаю, что особо просторной, — целую библиотеку, переключившись от надоевших воинских забот на решение исключительно далеких от текущих будней проблем различия стихотворных форм. В этом никаких единомышленников найти рядом он не мог, а Лозинский был далеко. Письмо послано из штаба полка, который по-прежнему размещался в Ней-Беверсгофе:

«15 января 1917.

Дорогой Михаил Леонидович,

еще раз благодарю тебя и за милое гостеприимство, и за все хлопоты, которые я так бессовестно возложил на тебя. Но здесь, на фронте, я окончательно потерял остатки стыда и решаюсь опять обратиться к тебе. Краснею, но решаюсь... Вот: купи мне, пожалуйста, декабрьскую “Русскую мысль” (там, по слухам, статья Жирмунского[1119]), Кенета Грээма “Золотой возраст” и “Дни грез” из‹дательство› Пантелеева, собст‹венность› Литературного Фонда, склад из‹даний› у Березовского, Колокольная, 14 (два шага от Аполлона), III том Кальдерона в пер‹еводе› Бальмонта[1120] и, наконец, лыжи (по приложенной записке). В последнем тебе, может быть, не откажется помочь Лариса Михайловна, она такая спортсменка. Позвони ей и передай от меня эту просьбу вместе с поклоном и наилучшими пожеланьями. На все расходы я вкладываю в это письмо 100 р.

Дня через два после полученья тобой этого письма в Аполлон зайдет солдат из моего эскадрона за вещами, сдачей и, если будет твоя милость, письмом.

Я живу по-прежнему: две недели воюю в окопах, две недели скучаю у коноводов. Впрочем, здесь масса самого лучшего снега, и если будут лыжи и новые книги, “клянусь Создателем, жизнь моя изменится” (цитата из Мочульского[1121]).

Целую ручки Татьяны Борисовны и жму твою.

Еще раз прости твоего бесстыдного Н. Гумилева.

P.S. Да, еще просьба: маркиз оказался шарлатаном, никаких строф у него нет, так что ты по Cor Ardens’у пришли мне схему десятка форм рондо, триолета[1122] и т. д.»[1123].

Письмо шло не по почте. На конверте написано: Петроград, Разъезжая, 8, редакция журнала «Аполлон». Сбоку приписка: «Здесь укажут точный адрес Каменноостровский №… ЕВ Михаилу Леонидовичу Лозинскому[1124]. Передать лично и зайти за ответом». Бумага (двойной линованный лист) и конверт имеют овальный штамп «Склад ЕВГИ Александры Феодоровны». В прилагаемой записке названа марка лыж и сделана приписка рукой Гумилева: «“Telemark” Skier mit “Huitfeld”-Bindung и восковую мазь к ним»[1125].

Более подробно о своей «окопной» жизни Гумилев рассказывает в одновременно отправленном, но по почте, письме Ларисе Рейснер. Хотя есть там и просьбы о книгах, лыжах и мысли о своих творческих, но не реализованных планах:

«15 января 1917 г.

Леричка моя, Вы, конечно, браните меня, я пишу Вам первый раз после отъезда, а от Вас получил уже два прелестных письма[1126]. Но в первый же день приезда я очутился в окопах[1127], стрелял в немцев из пулемета, они стреляли в меня, и так прошли две недели. Из окопов писать может только графоман, настолько все там не напоминает окопа: стульев нет, с потолка течет, на столе сидит несколько огромных крыс, которые сердито ворчат, если к ним подходишь. И я целые дни валялся в снегу, смотрел на звезды и, мысленно проводя между ними линии, рисовал себе Ваше лицо, смотрящее на меня с небес. Это восхитительное занятье, Вы как-нибудь попробуйте.

Теперь я временно в полуприличной обстановке и хожу на аршин от земли. Дело в том, что заказанная Вами мне пьеса (о Кортесе и Мексике) с каждым часом вырисовывается передо мной ясней и ясней. Сквозь “магический кристалл” (помните, у Пушкина[1128]) я вижу до мучительности яркие картины, слышу запахи, голоса. Иногда я даже вскакиваю, как собака, увидевшая взволновавший ее сон. Она была бы чудесна, моя пьеса, если бы я был более искусным техником. Как я жалею теперь о бесплодно потраченных годах, когда, подчиняясь внушеньям невежественных критиков, я искал в поэзии какой-то задушевности и теплоты, а не упражнялся в писаньи рондо, ронделей, лэ, вирелэ и пр.[1129].

Что из того, что в этом я немного искуснее моих сверстников. Искусство Теодора де Банвиля[1130] и то оказалось бы малым для моей задачи.

Придется действовать по-кавалерийски, дерзкой удалью и верить, как на войне, в свое гусарское счастье. И все-таки я счастлив, потому что к радости творчества у меня примешивается сознанье, что без моей любви к Вам я и отдаленно не мог бы надеяться написать такую вещь.

Теперь, Леричка, просьбы и просьбы: от нашего эскадрона приехал в город на два дня солдат, если у Вас уже есть русский Прескотт[1131], пришлите его мне. Кроме того, я прошу Михаила Леонидовича купить мне лыжи и как на специалиста по лыжным делам указываю на Вас. Он Вам наверно позвонит, помогите ему. Письмо ко мне и миниатюру Чехонина[1132] (если она готова) можно послать с тем же солдатом. А где найти солдата, Вы узнаете, позвонив Мих‹аилу› Леонид‹овичу›.

Целую без конца Ваши милые, милые ручки.

Ваш Гафиз»[1133].

Письмо написано черными чернилами на трех сторонах вдвое сложенного листа кремовой бумаги. На конверте: Петроград, Большая Зеленина улица, 26в, кв.42. ЕВ Ларисе Михайловне Рейснер. Штемпель (лиловый): Склад Е.В.Г.И. Александры Феодоровны для Действующей Армии. Штемпель на марке (черный): Глазманка 25.1.17. Штемпель получателя (черный, на обороте конверта): Петроград 6-я эксп. 27–1–17–4. Штемпели вызывают вопросы. По некоторым, видимо сугубо личным, соображениям Гумилев не стал отправлять это письмо с нарочным, как письмо Лозинскому. Поэтому шло оно значительно дольше и добралось до адресата уже после того, как сама Лариса Рейснер фактически ответила на все просьбы Гумилева. В том числе и на те, которые Гумилев не передавал ей через Лозинского, — его он просил обратиться к ней только по поводу лыж. В ответном, посланном через 3–4 дня (19–20 января) с солдатом письме есть и о Прескотте, и о миниатюре, хотя само это письмо было получено только спустя неделю. Видимо, сами просьбы (кроме лыж) были сформулированы еще в Петрограде, при личной встрече. Это письмо, скорее всего, было получено почти одновременно со следующим письмом Гумилева, которое он отправил по дороге к новому временному месту назначения, расположенному недалеко от Петрограда, почему и встретились два письма, отправленные с недельным промежутком. И очередной ответ Ларисы Рейснер последовал немедленно, еще до конца января.

М.Л. Лозинский получил письмо от Гумилева через солдата уже на следующий день, 16–17 января, однако с Ларисой Рейснер он связался не сразу. Но написать письмо (еще не получив соответствующего письма Гумилева) и передать Прескотта она успела:

«Мой Гафиз — смотрите, как все глупо вышло. Вы не писали целую вечность, я рассердилась — и не приготовила Вашу книгу. Солдат уезжает завтра утром, а мне М‹ихаил› Л‹еонидович› позвонил только сегодня вечером, часов в восемь, значит и завтра я ничего не успею сделать. Но все равно, этого Прескотта я так или иначе разыщу и Вам отправлю. Теперь — лыжи. Таких, как Вы хотите, — нигде нет. Их можно, пожалуй, выписать из Финляндии, и недели через две они бы пришли. Но не знаю, насколько это Вас устраивает?

Миниатюра еще не готова — но, наверно, будет в первых числах. Что сказать Вам еще? Да, о Вашей работе.

Помните, мы как-то говорили, что в России должно начаться возрождение? Я в последнее время много думала об этих странных людях, которые после утонченного, прозрачного, мудрого кватроченто[1134] — вдруг, просто, одним движением сделались родоначальниками совсем нового века. Ведь подумайте, Микель Анжело жил почти рядом с Содомой[1135], после Леонардо, после женщин, неспособных держать даже Лебедя[1136]. И вдруг — эти тела, эти тяжести и сновидения.

Смотрите, Гафиз, у нас было и прошло кватроченто. Брюсов, учившийся искусству, как Мазаччио[1137] перспективе. Ведь его женщины даже похожи на этих боевых, тяжелых коней, которые занимали всю середину фрески своими нелепо-поднятыми ногами, крупами, необычайными телодвижениями. Потом Белый, полный музыки и аллегорий, наполовину Ботичелли, Иванов[1138] — чудесный график, ученый, как Болонец[1139], точный и образованный, как правоверный римлянин. А простые и тонкие, Бальмонт, и его школа — это наша отошедшая готика, наши цветные стекла, бледные святые, больше пение, чем поэзия.

Я очень жду Вашей пьесы. Как вы (*зачеркнуто — теперь*) ее скажете? Вероятно, форма будет чудесна, Вы это сами знаете. Но помните, милый Гафиз, Сикстинская капелла еще не кончена — там нет Бога, нет пророков, нет Сивилл, нет Адама и Евы. А главное — нет сна и пробуждения, нет героев; ни одного жеста победы — ни одного полного обладания, ни одной совершенной красоты, холодной, каменной, отвлеченной — красоты, которой не боялись люди того века и которую смогли чтить, как равную[1140]. Ну, прощайте, пишите Вашу драму и возвращайтесь ради бога.

Гафиз, милый, я Вас жду к первому.

Пожалуйста, постарайтесь быть. А?»[1141]

Письмо написано черными чернилами на четырех сторонах сложенного вдвое листа тонкой желтоватой бумаги (36,5 x 47,2 см). Концовка, начиная со слов «возвращайтесь...», перенесена на стр.1 — снизу и по правой стороне листа. Конверт не сохранился.

Гумилев успел получить письма от Лозинского и Рейснер, вместе с книгами и журналом «Русская мысль» № 12, со статьей Жирмунского, еще в Гусарском полку и даже написать Ларисе ответ, но посылал он его уже с дороги к новому месту назначения. Следующее (и последнее) письмо Ларисы Рейснер уже не застало его в полку. Возможно, он вообще его не получил, и оно сохранилось только, как и несколько других ее писем, в черновиках или каким-то иным образом.

Итак, книги и журнал от Лозинского, Прескотт и письмо от Рейснер пришли с нарочным 20–21 января, нужных лыж в Петрограде не нашлось, миниатюра была еще не готова… Однако здесь, в Латвии, в гусарском полку, ему все это уже не могло понадобиться. Его служба в армии как кавалериста подошла к концу.

20 января, когда назначенный начальником 5-й кавалерийской дивизии инспекторский смотр в конном строю при 20 градусах мороза прошел отлично, был объявлен приказ № 20: «Дежурный по полку Прапорщик Гумилев»[1142]. Это было его последнее дежурство в гусарском полку. Вопрос с переводом в стрелковый полк еще не был решен, но вскоре его дальнейшая участь на ближайшие два месяца определилась.

Командировка на заготовку сена, январь — март 1917 года

23 января в штаб полка пришло предписание из штаба сводного отряда (написано от руки, орфография сохранена)[1143]:

«Из штаба сводного отряда № 907/906

23 января 1917. 11 ч. 35 м. Командиру 5 Гус. полка.

Командив приказал с вверенном вам полка назначить одного обир офицера для заготовки сена дивизии коиго немедленно командировать глазманку распоряжения Коринта 28. О том кто будет назначен мне сообщить 606.

Капитан Пименов
Пер‹едал› Кросочка
Пр‹инял› Логинов»

Внизу предписания стоит рукописная резолюция: «**Прапорщика Гумилева**». Краткий «перевод» предписания: «Командив» — командующий дивизией; «глазманка» — видимо, местное почтовое отделение или ближайшая станция, это наименование встречается на штемпеле письма, посланного Л. Рейснер 15 января; «Коринт 28» — Корпусной интендант 28-го Армейского корпуса.

В приказе № 24 от 23 января 1917 года объявлено: «Командированного к Корпусному Интенданту 28 корпуса прапорщика Гумилева для закупки сена частям дивизии числить в командировке с сего числа. Справка: телефонограмма Дивизионного Интенданта от 23 сего января за № 606»[1144]. Одновременно Корпусному интенданту 28-го Армейского корпуса была направлена телеграмма: «Согласно телеграмме Начальника 28 К‹о›р‹пуса› Д294 для заготовки сена ваше распоряжение командируется гусар пр‹апорщик› Гумилев 638. 23 1 1917 (*подпись неразборчива*)»[1145]. В тот же день командир 5-го гусарского Александрийского полка полковник Коленкин сообщил телеграммой дивизионному интенданту 5-й кавалерийской дивизии, что в «распоряжение корпусного интенданта 28-го корпуса для покупки фуража назначен прапорщик Гумилев»[1146]. Тогда же, 23 января 1917 года, Гумилев навсегда покинул Гусарский полк. Местом его назначения была железнодорожная станция Окуловка, расположенная на железной дороге Москва — Петроград, между станциями Бологое и Вишера, в нескольких часах езды от Петрограда. Место это ему было хорошо знакомо, там он бывал ранее, весной 1910 года, перед свадьбой с Ахматовой, в гостях у Сергея Ауслендера, и сообщил об этом Е.А. Зноско-Боровскому: «… Я уже в Окуловке. ‹…› Здесь хорошо: солнце светит, птички поют…»[1147]. Начав еще в полку, он по дороге дописал ответное письмо Ларисе Рейснер. Видимо, именно из Окуловки он его отправил, причем новое письмо «догнало» предыдущее его письмо. Это было последнее письмо — от «Гафиза» к «Лере»:

«22 января 1917[1148] г.

Леричка моя, какая Вы золотая прелесть, и Ваш Прескотт и Ваше письмо, и главное Вы. Это прямо чудо, что во всем, что Вы делаете, что пишете — так живо чувствуется особое Ваше очарованье. Я и “Завоеванье Мехики” (*sic!*) читаю с таким чувством, точно Вы его написали. А какая это удивительная книга. Она вся составлена на основаньи писаний старинных летописцев, частью сподвижников Кортеца (*sic!*) , да и сам Прескотт недалеко ушел от них в милой наивности стиля и мыслей. Эта книга подействовала на меня, как допинг на лошадь, и я уже совсем собрался вести разведку на ту сторону Двины[1149], как вдруг был отправлен закупать сено для дивизии. Так что теперь я в такой же безопасности, как и Вы. Жаль только, что приходится менять план пьесы, Прескотт убедил меня в моем невежестве относительно мексиканских дел. Но план вздор, пьеса все-таки будет, и я не знаю, почему Вы решили, что она будет миниатюрой, она, трагедия в пяти актах, синтез Шекспира и Расина![1150] Лери, Лери, Вы не верите в меня. К первому приехать мне не удастся, но в начале февраля наверное. Кроме того, пример Кортеса меня взволновал, и я начал сильно подумывать о Персии. Почему бы мне на самом деле не заняться усмиреньем бахтиаров?[1151] Переведусь в кавказскую армию, закажу себе малиновую черкеску, стану резидентом при дворе какого-нибудь беспокойного хана, и к концу войны кроме славы у меня будет еще дивная коллекция персидских миниатюр. А ведь Вы знаете, что моя главная слабость — экзотическая живопись[1152].

Я прочел статью Жирмунского[1153]. Не знаю, почему на нее так ополчались. По-моему, она лучшая статья об акмеизме, написанная сторонним наблюдателем, в ней много неожиданного и меткого. Обо мне тоже очень хорошо, по крайней мере, так хорошо еще обо мне не писали. Может быть, если читать между строк, и есть что-нибудь ядовитое, но Вы же знаете, что при этой манере чтенья и в Мессиаде можно увидеть роман Поль де Кока[1154].

Почему Вы мне ‹не› напишете, получили ли Вы программу чтенья от Лозинского и следуете ли ей[1155]. Хотя, кажется, Вам не столько надо прочесть, сколько забыть.

Напишите мне, что больше на меня не сердитесь. Если опять от меня долго не будет писем, смотрите на плакаты — “Холодно в окопах”. Правду сказать, не холодней, чем в других местах, но неудобно очень.

Лери, я Вас люблю.

Ваш Гафиз.

Вот хотел прислать Вам первую сцену Трагедии, и не хватило места»[1156].

Оригинал письма написан черными чернилами на четырех сторонах вдвое сложенного листа белой бумаги с тиснением под коленкор. Конверт не сохранился.

Гумилев добрался до ст. Окуловка Николаевской железной дороги и остановился либо в Окуловке, либо где-то в окрестностях — вряд ли сено можно было заготовить в станционном поселке. Окуловка относилась к Новгородской губернии. Но для Гумилева особенно важно было то, что отсюда было рукой подать до Петрограда. 26 января он получил предписание № 2027, разрешающее ему свободное перемещение и позволяющее посещать Петроград. С этим предписанием он при первой возможности, уже до 28 января, отправился в город. Думаю, главной целью поездки была встреча с Ларисой Рейснер. Сама же Лариса в эти дни направила свое, видимо, последнее письмо «Гафизу»; отправлено оно было по адресу прежнего места службы, в Латвию, и Гумилев получить его никак не мог. Прежде чем рассказать о том, чем закончился первый визит в столицу, приведем это письмо (оно обрывается неожиданно, возможно, это просто остаток его черновика):

«Застанет ли Вас это письмо, мой Гафиз? Надеюсь, что нет: смотрите, не сегодня завтра начнется февраль, по Неве разгуливает теплый ветер с моря, — значит, кончен год. (Я всегда год считаю от зимы до зимы) — мой первый год, не похожий на все прежние: какой он большой, глупый, длинный — как-то слишком сильно и сразу выросший. Я даже вижу на носу масса веснушек, и невообразимо длинные руки. Милый Гафиз, как хорошо жить. Это, собственно, главное, что я хотела Вам написать.

Что я делаю? Во-первых, обрела тихую пристань. Как пьяница, который долго ищет "свой" любимейший кабачок, я все искала место строгое, уединенное и теплое для своих занятий. В Публичной Библ‹иотеке› мне разонравилось. Много знакомых, из окна не видно набережной, книги выдаются с видом глубокого недоумения. Вам Блока? А-а...»[1157]

Письмо написано фиолетовыми чернилами на двух сторонах сложенного вдвое листа тонкой желтоватой бумаги (36,5 x 47,2 см). Конверт не сохранился. Больше писем, обращенных к «Гафизу», не будет. Но вплоть почти до лета 1917 года будут письма от «Н. Гумилева» — «Ларисе Михайловне», последние — из Стокгольма и Бергена в конце мая 1917 года.

Пока Гумилев находился в Окуловке, в полку продолжалось переформирование эскадронов, назначались гусары для перехода в стрелковый полк. Наконец в приказе по полку № 34 от 1 февраля 1917 года было объявлено[1158]: «Список гг. офицеров, в порядке №№ предназначенных для командирования в стрелковый полк». Всего в списке 20 офицеров, под № 19 значится: «прапорщик Гумилев». Под списком проставил свои подписи весь командный состав полка. Казалось бы, дальнейшая судьба поэта была решена — будучи военным офицером, он обязан был подчиниться приказу. Такая перспектива его вряд ли прельщала. Но судьба, в которую он всегда верил, вновь вмешалась и помогла ему избежать этой участи — вначале заготовка сена, на которой он провел весь февраль и начало марта, затем опять болезнь и эвакуация в Петроград, где ему удалось добиться перевода в другие войска, пока, как казалось, в меньшей степени затронутые смутным временем.

Но вернемся в конец января, когда Гумилев в первый раз отправился из Окуловки в Петроград. Было это, видимо, 26–27 января, после того, как он получил предписание № 2027. Я не буду здесь пересказывать и повторять то, о чем и так много было рассказано. Предполагаю, что одной из целей первого визита в Петроград была встреча с Ларисой Рейснер. Как она сама позже исповедовалась Ахматовой, «назначил свидание на Гороховой улице в доме свиданий». «Лариса Рейснер: "Я его так любила, что пошла бы куда угодно" (рассказывала мне в августе 1920 г.)»[1159]. Не будем заглядывать в замочную скважину. И не будем никого судить. И тот и другой были слишком сильными личностями. Гумилев это чувствовал и отнюдь не собирался рвать отношения, чему свидетельством являются еще несколько сохранившихся писем-открыток, однако иной тональности, отправленных из Окуловки и из других мест, включая три великолепных стихотворных послания. Приведем лишь одно свидетельство Ахматовой из ее «Записных книжек» (повторенное там несколько раз): «1916 — уже во всем блеске была Лариса Рейснер, что следует из их сохранившейся переписки и из ее "исповеди" 1920, с которой она пришла ко мне в Фонтанный Дом. ‹...› Лариса Рейснер сказала мне, что когда Николай Степанович предложил ей на ней жениться, она только заикнулась, что не хочет меня огорчить, он сказал: "К сожалению, я ничем не могу огорчить мою жену". За точность этих слов я ручаюсь»[1160]. Не хочется гадать на кофейной гуще, не мне судить о причине их разрыва, да и понять это лучше может только женщина[1161].

Как мне кажется, то, чем завершился этот первый приезд Гумилева в Петроград, было в какой-то мере связано с его тогдашним растерянным состоянием, единственный раз за годы войны на секунду забывшего, что он не поэт, а офицер при полном военном обмундировании. Об этом свидетельствует сухой казенный документ об его аресте, о чем было объявлено в приказе по 5-му гусарскому полку № 57 от 23 февраля 1917 года: «Объявляю по полку сношение Петроградского коменданта от 31 прошлого января за № 3099. Командиром отдельного корпуса пограничной стражи Генералом от инфантерии Пыхачевым[1162] за неотдание чести был арестован 28 сего января на одни сутки прапорщик Гумилев вверенного Вам полка, у которого имелось предписание Корпусного интенданта XXVIII-го армейского корпуса за № 2027 от 26-го сего января. 29-го сего января предписанием моим за № 2771 согласно предписанию корпусного интенданта за № 2027 прапорщик Гумилев отправлен в распоряжение 4-го уланского Харьковского полка полковника Барона фон-Кнорринга на ст. Турцевич Николаевской жел. дор. Подписано: инженер-генерал Н.И. Костенко, Адъютант подпоручик Мацкевич»[1163]. В этом документе какая-то путаница со станцией. Естественно, Гумилев должен был отбыть на станцию Окуловка Николаевской железной дороги. Станции Турцевич на ней никогда не было и нет. Единственно, что удалось разыскать, — небольшое село «Турцевичи» в Белоруссии, в Гомельской области.

В архиве Ларисы Рейснер сохранился любопытный документ, связанный с его арестом. Короткое предписание, частично печатное, частично заполненное вручную, на двух сторонах узкой полоски (обрезка) листа бумаги. Можно предположить, что Гумилев подарил ей его «на память» о встрече, которая так своеобразно завершилась. Это — личное предписание, врученное ему после отбытия наказания:

«Петроградский Комендант По части отп. офиц. 28 января 1917 г. № 2771	Прапорщику 5-го Гусарского Александрийского полка Гумилеву.

Предписываю Вам по освобождении из-под ареста немедленно отправиться на ст. Турцевич Николаевской железной дороги для исполнения предписания корпусного интенданта XXVIII корпуса от 26-го Января за № 2027 и об отбытии мне донести.

Инженер-Генерал Н.И. Костенко
Секретарь Гвардии Капитан *(подпись неразборчива)*»[1164].

Эту бумагу видел Лукницкий, и ее описание попало в «Труды и дни»[1165]. Весь февраль Гумилев оставался в Окуловке, числясь командированным туда от 5-го гусарского полка, хотя фактически он с 1 февраля был переведен в стрелковый полк. Из Окуловки он изредка приезжал в Петроград. Там останавливался у Ахматовой, которая в это время жила у Срезневских. А из Окуловки продолжал часто писать Ларисе Рейснер. 6 февраля (датировка по штемпелю) он посылает ей открытку с репродукцией картины Л. Авилова «Гусары смерти в плену»:

«Лариса Михайловна, моя командировка затягивается и усложняется. Начальник мой очень мил[1166], но так растерян перед встречающимися трудностями, что мне порой жалко его до слез. Я пою его бромом, утешаю разговорами о доме и всю работу веду сам. А работа ужасно сложная и запутанная. Когда попаду в город, не знаю. По ночам читаю Прескотта и думаю о Вас. Посылаю Вам военный мадригал только что испеченный. Посмейтесь над ним.

Ваш Н.Г.

Взгляните: вот гусары смерти!
Игрою ратных перемен
Они, отчаянные черти,
Побеждены и взяты в плен.

Зато бессмертные гусары,
Те не сдаются никогда;
Войны невзгоды и удары
Для них — как воздух и вода.

Ах, им опасен плен единый,
Опасен и безумно люб, —
— Девичьей шеи лебединой,
И милых рук и алых губ[1167].

Н.Г.»[1168].

Оригинал письма написан черными чернилами на открытке с изображением картины Авилова «Гусары смерти в плену», издание журнала «Солнце России». Текст «мадригала» написан на лицевой стороне, рядом с картиной. Под «бессмертными гусарами» Гумилев подразумевает, несомненно, свой 5-й гусарский Александрийский полк. Текст письма на обороте, рядом с адресом: Петроград Большая Зеленина улица 26в, кв.42. ЕВ Ларисе Михайловне Рейснер. Штемпель на обороте на марке с Николаем II за 10 коп. — Петроград 6–2–17. Второй штемпель, отправителя — 6–2–17, откуда — неразборчиво.

С мадригалом созвучна знаменитая полковая песня 5-го гусарского Александрийского полка, не без влияния которой, как мне кажется, он и был написан[1169].

Кто не знал, не видал
Подвигов заветных,
Кто не знал, не слыхал
Про гусар бессмертных!

Припев:
Марш вперед!
Труба зовет,
Черные гусары,
Марш вперед!
Смерть нас ждет,
Наливайте чары!

Начинай, запевай
Песню полковую;
Наливай, выпивай
Чару круговую!

Припев.

Ты не плачь, не горюй,
Моя дорогая!
Коль убьют, позабудь —
Знать, судьба такая.

Припев.

Не стоят, а храпят
Кони вороные.
Не ржавеют, а горят
Сабельки кривые.

Припев.

Знаменитую гусарскую песню и эмблему гусарской доблести александрийские гусары, или Черные Гусары, получили за храбрость и бесстрашие в сражениях с войсками Наполеона. За доблесть они получили прозвище «бессмертных» и «гусаров смерти», а также особую черную форму с символическим рисунком черепа с костями на головных уборах (с 1913 г.). Как вспоминал Сергей Маковский, гусарская форма Гумилеву нравилась: «Новая форма ему нравилась, напоминала о царскосельском Пушкине»[1170]. Поздние воспоминания о гусарской форме воплотились в не вошедшей в окончательный текст стихотворения «Память» строфе:

Он не ведал жалости и страха,
Нес на стремени он черный стяг,
И была украшена папаха
Черепом на скрещенных костях[1171].

Судя по следующей открытке к Л. Рейснер и по записанным Лукницким воспоминаниям Ахматовой, на 7–8 февраля Гумилев приезжал в Петроград: «Февраль — 1-я половина марта. В Окуловке. ‹…› Изредка (обычно на праздничные дни) приезжает в Петроград, где живет А.А. Ахматова. Встречи с М.Л. Лозинским, Л.М. Рейснер и др. Завтраки с женой в “Астории” (*Письма, А.А. Ахматова, М.Л. Лозинский*). ‹…› На 7 и 8 февраля приезжал в Петроград (*А.А. Ахматова*)»[1172]. В открытке, посланной на следующий день, 9 февраля, Гумилев сообщает Ларисе Рейснер:

«Лариса Михайловна, я уже в Окуловке. Мой полковник застрелился, и приехали рабочие, хорошо еще, что не киргизы, а русские. Я не знаю, пришлют ли мне другого полковника или отправят в полк, но, наверно, скоро заеду в город. В книжн‹ом› маг‹азине› Лебедева, Литейный (против Армии и Флота) есть и Жемчуга, и Чужое Небо. Правда, хорошие китайцы на открытке? Только негде написать стихотворенье[1173].

Иск‹ренно› пред‹анный› Вам Н. Гумилев»[1174].

Письмо написано черными чернилами на открытке «Плантации риса. Culture du riz». На обороте надпись: «В пользу общины Св. Евгении». Текст письма на обороте, рядом с адресом: Петроград Большая Зеленина улица 26в, кв.42. ЕВ Ларисе Михайловне Рейснер. Штемпель отправителя: Окуловка Новг. 9–2–17. Фраза в письме о сборниках, как мне кажется, может говорить о том, что в Окуловке Гумилев получал письма от Ларисы Рейснер. Видимо, она спрашивала его, где можно найти его сборники «Жемчуга» и «Чужое небо». Но в то же время это могло быть и просьбой при личной встрече в один из приездов. Ведь, по утверждению Лукницкого в «Трудах и днях», Гумилев «на 7 и 8 февраля приезжал в Петроград»[1175]. После встре-

чи он мог уточнить, где найти сборники, и сразу же из Окуловки об этом написать. В этот же день, 9 февраля, Гумилев написал письмо матери[1176].

«Растерянность перед встречающимися трудностями», а скорее, общая обстановка в войсках, вылившаяся в конце месяца в революцию, привела к тому, что начальник Гумилева, полковник барон фон-Кнорринг, застрелился. Гумилева в полк не отправили, вскоре ему прислали нового начальника, подполковника Сергеева. Это следует из того, что 17 февраля от полкового казначея 5-го гусарского полка был выслан запрос с просьбой сообщить, где находится прапорщик Гумилев и какие обязанности на него возложены. Тогда же был запрошен корпусной интендант 28-го Армейского корпуса. В ответ была получена следующая телеграмма: «18 февраля 1917 г. Вх. № 853. Див‹изионному› инт‹енданту› 5 кавалерийс‹кой› д‹ивизии›. 105. Прапорщик Гумилев находится станции Окуловка распоряжении подполковника Сергеева по заготовке фуража для корпуса 3901. Вр‹еменно исполняющий обязанности› кор‹пусного› инт‹енданта› подполковник Гринев»[1177]. Телеграмма на бланке военно-телеграфной роты, с пометой: «Получено 18 II. 13 ‹часов› — 2 ‹минуты›. Принял Швоев».

10 февраля Гумилев, видимо, опять был в Петрограде, так как этим числом помечена подписанная им корректура неосуществленного издания поэмы «Мик» в детском приложении к журналу «Нива».

Приблизительно 17–18 февраля, находясь в Окуловке, Гумилев написал матери, А.И. Гумилевой. Открытка эта обнаружилась недавно, совершенно неожиданно.

«Дорогая мамочка, твою открытку я получил, благодарю. Мне прислали нового полковника страшно милого и деятельного. С ним и жить будет приятно и работать хорошо. Однако я с наступлением тепла хочу удрать в полк. Да, ура! В пехоту я не попал, отстояли[1178]. Думаю скоро приехать, но когда не знаю.

Целую тебя, Леву (ему пишу тоже) и тетю Варю. Твой Коля.

Посмотри, какая милая открытка»[1179].

При публикации открытки в «Московских новостях» была воспроизведена только ее обратная сторона с текстом письма: сверху надпись: ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА, под надписью вензель издательства «Лукоморье». В верхнем левом углу эмблема издательства — миниатюрная гравюра «Ученого кота у дуба». Текст письма слева, под надписью «Письмо». Справа, под надписью «Адрес»: Московско-Виндаво-Рыбинская ж.д. Станция Подобино, усадьба Слепнево. Ея Превосходительству Анне Ивановне Гумилевой. Марка оторвана вместе со штемпелем отправителя (Окуловка). Над адресом четко виден штемпель получателя: ПОДОБИНО ТВЕР. ГУБ. — 20.2.17 года. По этому штемпелю датируется время написания. Как удалось выяснить, Гумилев послал матери ту же «милую открытку», которую он отправил через несколько дней Ларисе Рейснер, с репродукцией акварели Г. Нарбута «Святая София», только без стихов на лицевой стороне, ниже дано ее описание.

22 и 23 февраля Гумилев по какой-то надобности оказался в Москве. Свидетельство этого — почтовые штемпели на двух открытках с «Канцонами», посланных Ларисе Рейснер. Первая «Канцона» никогда более Гумилевым не перепечатывалась:

Канцона

Бывает в жизни человека
Один неповторимый миг:
Кто б ни был он, старик, калека,
Как бы свой собственный двойник,
Нечеловечески прекрасен
Тогда стоит он; небеса
Над ним разверсты; воздух ясен;
Уж наплывают чудеса.
Таким тогда он будет снова,
Когда воскреснувшую плоть
Решит во славу Бога-Слова
К всебытию призвать Господь.
Волшебница, я не случайно
К следам ступней твоих приник.
Ведь я тебя увидел тайно
В невыразимый этот миг.
Ты розу белую срывала
И наклонялась к розе той,
А небо над тобой сияло,
Твоей залито красотой.

22 февраля 1917 Н. Гумилев[1180].

Письмо на открытке: акварель Г. Нарбута «Святая София». Канцона написана черными чернилами на обороте открытки, но последние 4 строки, после слова «Verte» (*«смотри на обороте»*), с подписью и датой на лицевой стороне, под зачеркнутыми Гумилевым и напечатанными типографией чьими-то стихами:

Сказал таинственный астролог:
Узнай, султан, свой вещий рок, —
Не вечен будет и не долог
Здесь мусульманской власти срок.
Придет от севера воитель
С священным именем Христа —
Покрыть Софийскую обитель
Изображением Креста[1181].

На акварели на Св. Софии погнутый полумесяц, а с небес спускается христианский символ — крест. Открытка адресована: Петроград Большая Зеленина улица 26в, кв.42. ЕВ Ларисе Михайловне Рейснер. Штемпель отправителя: Москва 23.2.17.

На следующий день, оттуда же, была послана еще одна «Канцона». Эта «Канцона», в другой редакции, с измененными первыми восемью строчками, была напечатана в вышедшем в 1918 году сборнике «Костер» как «Канцона первая». Приводим ее в первой редакции:

Канцона

Лучшая музыка в мире — нема!
Дерево ль, жилы ли бычьи
Выразят молнийный трепет ума,
Сердца причуды девичьи?

Краски и бледны и тусклы! Устал
Я от затей их бессчетных,
Ярче мой дух, чем трава иль металл,
Тело подводных животных!
Только любовь мне осталась, струной
Ангельской арфы взывая,
Душу пронзая, как тонкой иглой,
Синими светами рая.
Ты мне осталась одна. На яву
Видевши солнце ночное,
Лишь для тебя на земле я живу,
Делаю дело земное.
Да! Ты в моей беспокойной судьбе —
Иерусалим пилигримов.
Надо бы мне говорить о тебе
На языке серафимов.

23 февраля 1917 Н. Гумилев[1182]

Канцона написана на открытке: репродукция «военной» картины проф. Н. Самокиша «В австрийской деревне». Изд. журнала «Лукоморье». Тип. Тов-ва А.С. Суворина — «Новое Время», Эртелев, 13. Канцона написана черными чернилами на обороте открытки, под штампом, но последние 4 строки, после слова «Verte» (*«смотри на обороте»*), с подписью и датой на лицевой стороне под картиной. Открытка адресована: Петроград Большая Зеленина улица 26в, кв.42. ЕВ Ларисе Михайловне Рейснер. Штемпель отправителя: Москва 24.2.17.

То есть накануне революционных событий Гумилев был в Москве. Февральская революция никак не отразилась на заготовке сена. О событиях 25–27 февраля в «Трудах и днях»: «Приезжал в Петроград. Был у А.А. Ахматовой (которая жила у Срезневских). Примечание. Уговорился с А.А. Ахматовой быть у нее на следующий день. Но на следующий день звонил ей по телефону с вокзала и сказал, что не может к ней пробраться, потому что отрезан путь, и поэтому уезжает в Окуловку, не побывав у нее. С вокзала звонил также и М.Л. Лозинскому (*А.А. Ахматова, М.Л. Лозинский*)»[1183]. Об этом же в дневниковых записях Лукницкого со слов Ахматовой: «В эти дни Февральской революции АА бродила по городу одна ("убегала из дому"). Видела манифестации, пожар охранки, видела, как князь Кирилл Владимирович водил присягать полк к Думе; не обращая внимания на опасность (ибо была стрельба), бродила и впитывала в себя впечатления. На мосту встретила Каннегисера (убийцу Урицкого). Тот предложил ее проводить до дому, она отказалась: "Что Вы, мне так хорошо быть одной..." Николай Степанович отнесся к этим событиям в большой степени равнодушно. 26 или 28 февраля он позвонил АА по телефону... Сказал: "Здесь цепи, пройти нельзя, а потому я сейчас поеду в Окуловку...". Он очень об этом спокойно сказал — безразлично... АА: "Все-таки он в политике очень мало понимал..."»[1184]

Сомнительное утверждение, особенно, с учетом того, что за спиной у Гумилева было без малого три года войны. Просто он не слишком любил говорить на эти темы, но все его поступки и решения говорят о том, что в обстановке он разбирался весьма неплохо, по крайней мере, не хуже своих коллег по литературному цеху. Чужда ему была и нарастающая анархия

в армии. Особенно все это станет очевидным, когда он окажется в Париже, где встретит следующую революцию.

С пребыванием в Окуловке, возможно, связано личное знакомство Гумилева с интереснейшей личностью, Сергеем Николаевичем Сыромятниковым[1185]. Вблизи Окуловки располагались имения Сыромятниковых — Ореховно-1 и Пузырево. С.Н. Сыромятников был известным журналистом и литератором, ставленником одной из придворных партий, ориентированных на внешнюю экспансию. Сохранилось посланное из Окуловки в 1919 году письмо Сыромятникова Гумилеву[1186], в котором он разбирает стихотворение Гумилева «Экваториальный лес», вспоминает о своих путешествиях в Корею и просит прислать ему в Окуловку последние сборники стихов поэта. Сыромятников выполнял в Персидском заливе и Корее весьма деликатные политические поручения, действительно много и опасно путешествовал (в заливе был ранен в перестрелке со ставленниками англичан). Он был авантюристом, но очень колоритным, с большими международными связями, прекрасно разбиравшимся в политике. Познакомившись в Окуловке, они не могли не найти общий язык. Скорее всего, после своего знакомства с С.Н. Сыромятниковым Гумилев, при первой публикации «Гондлы» в «Русской мысли» (№ 1, 1917) ввел в начале пьесы раздел «Вместо предисловия» с неточными цитатами из статьи Сыромятникова «Саги скандинавского севера», опубликованными в книге: «Древнесеверные саги и песни скальдов в переводах русских писателей», СПб., 1903 (серия «Русская классная библиотека». Сер.2. Вып.25). Во всех сохранившихся автографах пьесы «Предисловие» отсутствует, что говорит о его появлении в самый последний момент, непосредственно перед публикацией.

Хотя больше Гумилев в гусарском полку не появлялся, в полковых документах его имя встречается еще несколько месяцев. Жизнь шла своим чередом, и именно в эти революционные дни приказом № 61 от 27 февраля ему был назначен денщик Н. Дробот[1187]. Воспользовался ли Гумилев услугами нового денщика — неизвестно. 4 марта Гумилев послал письмо матери[1188]. Вскоре Гумилев перебрался в Петроград, по ставшей традиционной причине — он заболел.

Возвращение в революционный Петроград, март — май 1917 года

Приказом по полку № 88 от 22 марта 1917 года было объявлено[1189]: «§ 3. Состоящий в прикомандировании к Управлению Интенданта 28 Армейского корпуса прапорщик Гумилев заболел и с 8 сего марта принят на учет 134 Петроградского тылового распределительного пункта. Означенного обер-офицера исключить из числа командированных и числить больным. Справка: сношение начальника 134 Петроградского тылового распределительного пункта от 14 сего марта № 23456». На следующий день, 15 марта, Гумилев известил о своем появлении в Петрограде и о том, что попал в лазарет, мать, А.И. Гумилеву[1190]. В «Трудах и днях» уточняется: «Заболел. Приехал в Петроград. Врачебная комиссия констатировала обострение процесса в легких и предписала Н.Г. две недели лечения. Помещен в 208‹-й› городской лазарет (Английская набережная, д. 48) (*А.А. Ахматова*)»[1191].

На этом фактическая служба Гумилева в 5-м гусарском Александрийском полку завершилась. Хотя формально он еще долго числился в списках

полка. Вплоть до 21 сентября 1917 года, когда приказом по полку № 281[1192] он был исключен из списков полка на основании отношения № 157201 дежурного генерала Главного штаба начальнику 5-й кавалерийской дивизии от 6 сентября 1917 года: «По военным обстоятельствам. Действующая армия. Начальнику 5-й кавалерийской дивизии. Состоявший в 5-м гусарском Александрийском полку прапорщик Гумилев (Николай), назначенный ныне в распоряжение начальника Штаба Петроградского военного округа, как произведенный не из юнкеров военного училища или студенческой школы прапорщиков, в названный полк приказом по Армии и флоту переведен не был. Ввиду сего прапорщика Гумилева надлежит исключить из списков 5-го гусарского Александрийского полка приказом по таковому. За помощника дежурного генерала, Полковник Жвадский. За начальника отделения титулярный советник. (*Подпись неразборчива*.)»[1193]. Документ является ответом на отношение № 3072 начальника 5-й кавалерийской дивизии в Главный штаб о том, каким порядком произвести исключение Гумилева из списков полка (отношение не найдено). Почти год прослужил Гумилев в гусарском полку, и его служба там не прошла неотмеченной. 23 марта командование полком подготовило «Список обер-офицеров 5-го гусарского Александрийского полка, представленных за боевые отличия к наградам»[1194]. В списке значатся четыре офицера. Третья фамилия — Прапорщик Николай Гумилев. В графе: «Какие награды испрашиваются», против его фамилии записано — «Орден Святого Станислава 3 ст. с мечами и бантом. ‹…› Представление направлено Командиру 5-й Армии 23 марта 1917 г. за № 1923». В приказе по полку № 112 от 13 апреля 1917 года объявлено: «Приказом по войскам 5 армии от 30 марта 1917 года № 269 за отличия в делах против неприятеля корнет Ланген 1-й (Николай)[1195], прапорщики Гейне[1196] и Гумилев награждены орденами Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом и поручик Варпеховский мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3 ст. Означенные награды внести в послужные списки названных обер-офицеров. Справка: приказ 5 кавалерийской дивизии от 10 апр. с. г., за № 85»[1197]. Это была третья боевая награда поэта, но о ней обычно забывают. Сам орден, видимо, Гумилев так никогда и не получил. Судить об этом можно по ответу из штаба армии на запрос командования полка, связанный с задержкой в высылке орденов[1198]: «Ордена по обыкновению получаются не ранее одного года, а потому ходатайство о высылке ордена Св. Анны 3 степени с мечами и бантами штабс-ротмистру вверенного Вам полка ‹…› за несвоевременность подлежит отклонению, так как бесполезно». Ясно, что через год, весной 1918 года, Гумилев никак уже не мог получить свой заслуженный орден Св. Станислава с мечами и бантом.

Оказавшись в Петрограде 8 марта и попав в госпиталь, Гумилев, судя по ряду свидетельств, не пролежал там даже предписанных двух недель и переключился на различные литературные дела. Так, 19 марта состоялось «многолюдное собрание учредителей нового литературного общества, которому решено дать старое название “Союз писателей”. На собрании присутствовали ‹...› З.Н. Гиппиус ‹...› Н. Гумилев ‹...› и др.»[1199]. В воспоминаниях об этом событии сказано, что «в ожидании начала под руку с Анной Ахматовой прохаживался по залу Н.С. Гумилев. Он был в какой-то военной форме со шпорами и шашкой, которая чуть не везлась по полу»[1200]. «На собрании на Бассейной ул., где З.Н. Гиппиус оказалась рядом с ним, она очень кокетливо и игриво просила у него беспрестанно огня. Николай Степанович зажигал спичку, но не показывал вида, что узнает З. Гиппиус»[1201]. Собрание 19 марта не отмечено в «Трудах и днях», там последующие два месяца пребывания Гумилева в Петрограде освещены следующим образом: «2-я половина марта и апрель. Находится в лазарете. Его навещают жена, брат, друзья и знакомые. Очень скоро, невзирая на плохое состояние здоровья, стал выходить (22 марта с женой был у Ф.К. Сологуба и прочел “Дитя Аллаха”[1202], 23 марта присутствовал на 7-м заседании 2-го “Цеха поэтов” у М.А. Струве — читал стихотворение “Мужик”[1203], бывает у С.Э. Радлова и пр.). Встречи с В.К. Шилейко, М.Л. Лозинским, М.М. Тумповской, О.Э. Мандельштамом, Л.М. Рейснер, В.А. Чудовским и др. В лазарете написаны стихотворения: “Мужик”[1204], “Ледоход”, “В скольких земных океанах я плыл”[1205], пишет большую повесть из русского быта — “Подделыватели”[1206]. Примечание. Повесть осталась неоконченной. В настоящее время ее следует считать утраченной. ‹…› Присутствует в заседаниях 2-го “Цеха поэтов”, происходящих обычно у М.А. Струве. Бывает на еженедельных собраниях у С.Э. Радлова, бывает на вечеринках у Апатова[1207] (здесь вместе с М.Л. Лозинским постоянно писал шуточные пантумы), бывает в редакции “Аполлона”. Примечания. 1) 2-й “Цех поэтов” возник осенью 1916 г. по инициативе Г. Иванова и Г. Адамовича, был несравненно более вялым и бледным, чем 1-й “Цех”, и никакого литературно-общественного значения не имел. Заседания происходили в течение всей 1-й половины 1917 г. К осени 1917 г. “Цех поэтов” распался. Членами 2-го “Цеха поэтов” были: Г.В. Адамович, А.А. Ахматова, Н.А. Бруни, Н.С. Гумилев, Ю.Е. Деген, Г. Иванов, Е.Ю. Кузьмина-Караваева, М.Е. Левберг, М.Л. Лозинский, К.Ю. Ляндау, А.И. Пиотровский, А.Д. Радлова, С.Э. Радлов, М.А. Струве, М.М. Тумповская (?), В.К. Шилейко и др. Во 2-м “Цехе поэтов” синдика не было. С.М. Городецкий не был членом 2-го “Цеха поэтов”. В заседаниях обычно председательствовал М.Л. Лозинский. 2) У Апатова бывали: О.Э. Мандельштам, М.Л. Лозинский, С.Э. Радлов, В.А. Чудовский и др.»[1208].

Недавно стало известно еще об одном знакомстве Гумилева, не упомянутом Лукницким и связанном с его пребыванием в лазарете на Английской набережной. Оно важно тем, что от него сохранилось два стихотворных экспромта поэта. В лазарете медсестрой работала Надежда Дмитриевна Троицкая, дочка Д.А. Троицкого, женой которого, по мнению автора первой публикации экспромтов С.Н. Толстого[1209], была близкая родственница Иннокентия Анненского (по предположению публикатора, возможно, его сестра). Не исключено, что с этим было связано короткое увлечение поэта медсестрой Диной Троицкой. Книги поэта с приведенными ниже экспромтами долгие десятилетия хранились в семье Троицкой, в старинном городке Макарьев на реке Унже. Подробнее об этом см. в указанной публикации. На сборнике «Колчан» Гумилев надписал следующий экспромт:

На добрую долгую память

После долгих сонных дней
Солнце и письмо любовное,
После стольких дней — теней
Снова время баснословное.
Я, как первый человек,
А она, как Ева, кроткая,

Дразнит выгибами век
И медлительной походкой.
Все другие для меня
Точно звери бессловесные,
Я дарю им имена
Золотые и телесные.
Но как истинный Адам
(Только зная все заранее),
Я тоскую по плодам
Сладким — с дерева познания.

Четверостишие, надписанное на сборнике «Жемчуга», почти точно устанавливает датировку сделанной надписи:

Быстроглазой, светлоокой,
Хоть, увы, она строга,
Уезжая в Салоники,
Оставляю «Жемчуга».

Как прокомментировал этот экспромт публикатор, «для меня несомненно, что автор хотел написать не "светлоокой", а "светлоликой" — этого требует рифма, а по смыслу возможно и то и другое в равной мере. В торопливости предотъездных минут Гумилев допустил неумышленную описку». С этим можно согласиться, однако для нас более важно то, что здесь Гумилев упомянул Салоники, куда он был откомандирован и о чем узнал не позже начала мая, а скорее всего еще тогда, когда лежал в лазарете.

Но вернемся к началу пребывания Гумилева в Петрограде. После собрания 19 марта «Союз писателей» так и не был создан. В марте непрерывно учреждались различные союзы-однодневки. Но одна инициатива получила развитие. 31 марта Ф. Сологуб прочел доклад в Академии художеств, в котором назвал вредной «идею об учреждении Министерства изящных искусств. ‹…› Мы теперь для себя должны требовать вольности полной и взять на себя выработку устава Союза деятелей искусств, чтобы никакой опеки государства над искусством не было»[1210]. Союз деятелей искусств, включивший восемь «курий», по направлениям искусств, был учрежден, и Ф. Сологуба избрали председателем литературной курии. Гумилев, вплоть до отъезда, принимал деятельное участие в ее работе. Уже на первом собрании, 16 апреля, присутствовали А.А. Ахматова (от акмеистов), Н.С. Гумилев (от издательства «Гиперборей»), М. Кузмин (от общества писателей «Фелана»)[1211]. Сохранились почти все протоколы заседаний литературной курии. Гумилев присутствовал на 2-м, 3-м и 4-м заседаниях, состоявшихся 20 апреля, 26 апреля и 1 мая. На заседании 20 апреля Ю.Л. Слезкин огласил воззвание к писателям по поводу предполагаемого учреждения профессионального Союза писателей: «Н. Гумилев находит его вполне отвечающим современным нуждам писателей и присоединяется к мнению Ф. Сологуба о желательности опустить пункт воззвания, в котором говорится об Академии. ‹…› Н. Гумилев говорит, что литературная курия только стремится сравняться с остальными куриями, входящими в состав Союза деятелей искусств, которые уже превратились в профессиональные союзы. ‹…› Н. Гумилев видит в Академии средство осуществить многие из начинаний, которые не под силу одним писателям ‹…› Н. Гумилев пояснил, что о составлении словаря он говорил в смысле подбора слов, а это несомненно есть дело писателей. Передать это в Министерство народного просвещения — значит вернуться к старому режиму ‹…›»[1212]. Протоколы 2-го и 3-го заседаний литературной курии от 26 апреля и 1 мая интересны тем, что в них помимо упоминания Гумилева сказано об участии в заседаниях Ларисы Рейснер. Пятое, последнее до отъезда Гумилева заседание литературной курии состоялось 11 мая, но на него Гумилев по понятной из дальнейшего причине не пошел[1213].

Лукницкий в «Трудах и днях» касается мотивов, послуживших причиной отъезда Гумилева за границу: «**Апрель — 1-я половина мая.** Живет в Петрограде у М.Л. Лозинского (!) и в меблиров‹анных› комнатах "Ира"[1214]. Постоянно повторял, что без дисциплины воевать нельзя. Решил поехать на тот фронт, где еще была дисциплина, — на Салоникский фронт. Хлопочет о переводе, в хлопотах пользуется содействием М.А. Струве (служившего в штабе). Хлопоты увенчались успехом. Получил заграничный паспорт и 1500 руб. Зачисляется специальным корреспондентом в газ. "Русская воля", с окладом жалованья в 800 франков в месяц. Переписка с матерью»[1215]. (Далее эта запись Лукницкого будет уточнена). Ниже будет приведен ряд официальных документов о его денежном содержании в 5-м гусарском Александрийском полку на момент командировки на Салоникский фронт и об окладах, получаемых за границей. Из этих ведомостей, в частности, видно, что никакого «жалованья в 800 франков в месяц» от газеты «Русская воля» Гумилев за границей никогда не получал. Что касается переписки с матерью, то действительно 22 апреля он послал ей письмо[1216].

Последний месяц пребывания Гумилева в Петрограде в «Трудах и днях» освещен крайне лаконично, ни о каких «Союзах» там не сказано: «Весна. Присутствовал на докладе В.М. Жирмунского ‹...› в университете[1217]. ‹…› Встреча с А.А. Блоком в присутствии А.А. Ахматовой в магазине Вольфа на Невском пр. (*А.А. Ахматова*)»[1218]. Встречи с Гумилевым Блок отметил в своей «Записной книжке»: «30 апреля. ‹…› Днем — встреча с Гумилевым. ‹…› 8 мая. ‹…› Встреча с Гумилевым и Ахматовой»[1219].

Последние документы в фондах гусарского полка, связанные с Гумилевым, относятся к его переводу на новое место службы. 27 апреля командующим 5-й кавалерийской дивизией генерал-майором Ниловым была получена телеграмма от начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) подполковника Саттерупа: «Из Петрограда. Прошу телеграфировать Петроград мобилизационный не встречается ли препятствий и удостаивается ли Вами прапорщик Александрийского полка Гумилев к командированию состав наших войск Салоникского фронта 16656. Начальник мобилизационного отдела ГУГШ полковник Саттеруп»[1220]. На бумаге резолюция начальника дивизии: «Запросить командира полка, которому по содержанию дать ответ». Печать: «Штаб 5 кав. дивизии. Получено 27 апреля 1917 — Вход. № 3108». 29 апреля 1917 года, в ответ на этот запрос из сводного отряда была направлена телеграмма № 892/2730 командиру 5-го гусарского Александрийского полка: «По приказанию командива прошу телефонировать не встречается ли препятствий командированию прапорщика вверенного Вам полка Гумилева в состав войск Салоникского фронта. 2730. Генерал-майор Махов»[1221]. На обороте этого листа телеграммы дается дополнительное указание: «К-ру 5 Гусарского Александрийского полка из сводного отряда. 29/IV № 897/2730. Ожидается срочное исполнение № 2670. 2733. Штабс-ротмистр Ключевский. Передал Попов. Принял Мясоедов». Временный

командующий полком Козлов[1222] на запрос из сводного отряда ответил, что «препятствий не встречается»[1223], и 30 апреля командующим дивизией была послана в мобилизационный отдел ГУГШа телеграмма, что «командированию состав наших войск на Салоникском фронте прапорщик 5-го гусарского Александрийского полка Гумилев удостаивается и препятствий не встречается»[1224]. Результатом всей этой переписки явился приказ по гусарскому полку № 139 от 8 мая 1917 г.: «§ 5. Состоящий больным в г. Петрограде прапорщик Гумилев по выздоровлении 2 сего мая поступил в распоряжение Начальника Штаба Петроградского военного округа для отправления на пополнение офицерского состава особых пехотных бригад, действующих на Салоникском фронте. Означенного обер-офицера исключить из числа больных и числить в командировке с 2-го сего мая. Справка: рапорт прапорщика Гумилева от 2-го сего мая за № 129»[1225].

7 мая на руки Гумилеву было выдано удостоверение о его материальном и денежном содержании в 5-м гусарском Александрийском полку:

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 8354[1226]

Дано сие от 5-го гусарского Александрийского полка прапорщику Гумилеву, командированному на Салоникский фронт, в том, что он при этом полку удовлетворен:

1) жалованьем из оклада 732 рубля в год и добавочными деньгами из оклада 120 рублей в год по 1 мая 1917 года;	
2) полевыми порционами по 3 руб‹ля› в сутки по 1 апреля и особыми суточными деньгами по 1 руб‹лю› в сутки по 8 марта 1917 г. (прапорщик Гумилев 8 марта сего года эвакуирован по болезни и в полк не прибывал);	
3) на обмундирование в сумме	300 руб.
4) на обзаведение предметами домашнего обихода в сумме	300 руб.
5) на теплые вещи в сумме	150 руб.
6) военно-подъемными в сумме	100 руб.
7) дополнительным пособием в сумме	240 руб.
8) на вьюк в сумме	75 руб.
9) на покупку седла в сумме	75 руб.
10) на покупку лошади в сумме	299 руб.
11) на покупку револьвера, шашки и друг‹их› принадлежностей в сумме	100 руб.
12) деньгами на дрова для варки пищи, отопление и освещение по 8 марта 1917 года	
13) все содержание прапорщику Гумилеву выдавалось на руки.	
Что подписью с приложением казенной печати удостоверяется.	

7 мая 1917 года. Д‹ействующая› Армия.
Вр‹еменно› Командующий полком подполковник Козлов
Помощник по хозяйственной части, подполковник Доможиров
Верно: Делопроизводитель (*подпись неразборчива*)

Всего Гумилеву было выдано на руки 1639 рублей, что вполне согласуется с суммой, указанной Лукницким, — 1500 рублей.

11 мая Гумилев уже точно знал о том, что через несколько дней он должен отправляться за границу, и поэтому не пошел на заседание Союза деятелей искусств. В этот день он послал матери последнее письмо из Петрограда[1227]. Только благодаря этому письму известна точная дата его отъезда — 15 мая. В «Трудах и днях» рассказано о двух последних днях его пребывания в Петрограде: «**14 мая.** В редакции “Аполлона” читал А.А. Ахматовой и М.Л. Лозинскому повесть “Подделыватели”. Ночевал у Срезневских (*А.А Ахматова М.Л. Лозинский*). ‹…› Перед отъездом на Салоникский фронт говорил о том, что мечтает из Салоник добраться до Африки. (*А.А Ахматова*). ‹…› **1917. 15 мая.** Уехал из Петрограда с Финляндского вокзала. На вокзале его провожала жена. Уезжая, был крайне оживлен, радостно взволнован, весел и доволен тем, что [покидает] смертельно надоевшую ему обстановку. *Примечание:* Военное Министерство, выдававшее Н.Г. паспорт, скрыло его военное звание, как обычно делало, отправляя офицеров через нейтральные страны. Н.Г. уехал как штатский – в качестве корреспондента “Русской воли” (*А.А Ахматова М.Л. Лозинский, письма*)»[1228].

Итак, 15 мая, в радостном настроении от того, что «покидает смертельно надоевшую ему обстановку», Гумилев отбыл поездом из Петрограда. В этот же день Блок, незадолго до этого встречавшийся с Ахматовой и Гумилевым и не собиравшийся никуда уезжать, был тоже в неплохом настроении: «15 мая. ‹...› Вечером я бродил, бродил. Белая ночь, женщины. Мне уютно в этой мрачной и одинокой бездне, которой имя — Петербург 17 года, Россия 17 года. Куда ты несешься, жизнь?..»[1229]. Два поэта, два подхода к жизни, два разных отношения с нею, а неслась она к скорому, почти одновременному концу обоих...

Через два дня Гумилев был в Швеции, затем, через Норвегию и Англию (где задержался на пару недель), 1 июля 1917 года он прибыл в Париж. Последняя дата — европейская, по новому стилю. В России, по старому стилю, было еще 18 июня. Именно этой датой помечен обнаруженный в фонде 5-го гусарского полка документ:

«Начальнику 5 Кавалерийской дивизии
№ 3127
18 июня 1917 г.

Рапорт

2-го мая сего года прапорщик командуемого мною полка Гумилев поступил в распоряжение Начальника Штаба Петроградского военного округа для отправления на пополнение офицерского состава особых пехотных бригад, находящихся на Салоникском фронте. Ввиду чего рапортом от 8 мая сего года за № 1913 было возбуждено ходатайство об исключении из списков полка прапорщика Гумилева с переводом в распоряжение Начальника Штаба Петроградского военного округа. До настоящего времени означенный перевод не состоялся. А потому прошу ходатайствовать ускорить этот перевод.

Командующий полком подполковник Козлов
Верно. Полк. адъютант Кудряшов»[1230].

Не переставая быть поэтом, один год офицер 5-го гусарского полка Николай Гумилев провел на территории маленькой, вскоре ставшей независимой Латвии, русский поэт внес в это свой скромный вклад.

Отъезд из России, завершение «Гусарской баллады»

Теперь нам необходимо вернуться в тот день, когда Гумилев 15 мая покинул Петроград, и рассказать, как и чем завершилась «Гусарская баллада». Из рассказа о двух месяцах пребывания Гумилева в Петрограде почти выпала главная героиня баллады Лариса Рейснер. Документально отмечены только их встречи на заседаниях литературной курии Союза деятелей искусств. Последняя «Канцона» со значимыми словами: «Лишь для тебя на земле я живу, делаю дело земное...»[1231] — была послана из Москвы 24 февраля 1916 года. Что это, просто пустые слова? Думаю, не только... Да, между ними прошла трещина, не могла не пройти, дальнейший их путь показал, что слишком разнонаправленными оказались их жизненные ориентиры. Но было и что-то, оставившее неизгладимый след в каждом. Лариса Рейснер сказала об этом прямо, уже после гибели поэта.

Хотя нашлось мало прямых свидетельств их общения в эти два последние месяца, когда Гумилев оставался в Петрограде, безусловно, пути их не могли не пересекаться. Писем Гумилеву Лариса, скорее всего, не писала, но одно ее стихотворное «Письмо», явно обращенное к нему, было напечатано 30 апреля 1917 года в горьковской «Новой жизни», № 11. Гумилев тогда еще был в городе. Написано оно, как я предполагаю, в конце 1916 или начале 1917 года, когда Гумилев, находясь в окопах, долго не отвечал на ее письма:

Письмо[1232]

Мне подали письмо в горящий бред траншеи.
Я не прочел его, — и это так понятно:
Уже десятый день, не разгибая шеи,
Я превращал людей в гноящиеся пятна.

Потом, оставив дно оледенелой ямы,
Захвачен шествием необозримой тучи,
Я нес ослепший гнев, бессмысленно-упрямый,
На белый серп огней и на плетень колючий.

Ученый и поэт, любивший песни Тассо,
Я, отвергавший жизнь во имя райской лени —
Учился потрошить измученное мясо,
Калечить черепа и разбивать колени.

Твое письмо — со мной. Нетронуты печати.
Я не прочел его — и это так понятно:
Я только мертвый штык ожесточенной рати,
И речь любви Твоей не смоет крови пятна.

Ларисса (sic! — *Е.С.*) Рейснер

В архиве Ларисы Рейснер сохранилось много стихотворных набросков, в том числе и посвященных Гумилеву[1233]. Любопытен один листок со стихотворением «Медный всадник»[1234]. На обороте, в правом верхнем углу этого листка с беловым автографом, Ларисой Рейснер изображен крохотный набросок лица с подписью «Гумилевъ», в котором, при некотором воображении, можно угадать попытку передать образ возлюбленного. Очевидно, что она, при всех своих многочисленных талантах, даром художника явно не обладала; других ее зарисовок среди архивных документов обнаружить не удалось. Когда появился этот «портрет», сказать трудно. Может быть, в преддверии начала «эпистолярного романа», а может быть — как память о его завершении[1235].

Так что «мысленный» диалог между ними продолжался. Доказательством тому служат и первые (единственные сохранившиеся) письма Гумилева, посланные в Петроград сразу же после того, как он покинул столицу. Первая его короткая остановка была в Стокгольме. И оттуда Гумилев сразу же посылает стихотворное послание Ларисе Рейснер:

«Швеции

Страна живительной прохлады,
Лесов и гор гудящих, где
Стремительные водопады
Ревут, как будто быть беде!
Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?
Скажи, ужели так и надо,
Чтоб был свидетель злых обид
У золотых ворот Царьграда
Забыт Олегов медный щит?
Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой крещенная сестра?
Ах, неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Напрасно Рюрик приходил!

Н. Гумилев.

Привет и извинения за такие стихи»[1236].

Стихотворение — на открытке с фотографией шведского актера Гюста Экмана в театральном костюме и надписью по-шведски: «Gösta Ekman som Gustaf IV Adolf. 51 Ensamrätt, Axel Eliassons Konstförlag. Stockholm». Стихотворение написано черными чернилами на обороте открытки. Открытка адресована: Ryssland. Петроград, Большая Зеленина улица 26в, кв.42. Ларисе Михайловне Рейснер. На обороте три штемпеля. Штемпель отправителя: (вероятно, Стокгольм) 30–5–17. Штемпель получателя: Петроград 6–17–8. Еще есть лиловый штемпель: В ценз. № 168 ПВО — письмо проходило цензуру и до Петрограда добралось спустя более чем две недели. Отправлено оно было (по ст. ст.) 17 мая, а получено только в июне. В Стокгольме Гумилев задержался на несколько дней, и 20 мая/2 июня он послал письма матери и Леве[1237]. Записав про это просмотренное им письмо матери, Лукницкий сделал пометку: «завтра будет в Христиании»[1238], то есть в Норвегии.

Следующее письмо матери послано из крайней точки Норвегии, порта Берген, 5 июня[1239]. В тот же день, оттуда же, Гумилев посылает Ларисе короткое письмо, ставшее последним в их почти годичной переписке.

На этот раз — в прозе, с многозначительной концовкой и пожеланием, воспринятым Ларисой Рейснер с точностью до наоборот:

«Лариса Михайловна, привет из Бергена. Скоро (но когда неизвестно) думаю ехать дальше. В Лондоне остановлюсь и оттуда напишу как следует. Стихи все прибавляются. Прислал бы Вам еще одно, да перо слишком плохо, трудно писать. Здесь горы, но какие-то неприятные, не знаю, чего недостает, может быть солнца. Вообще Норвегия мне не понравилась, куда же ей до Швеции. Та — игрушечка. Ну, до свиданья, развлекайтесь, но не занимайтесь политикой.

Преданный Вам Н. Гумилев»[1240].

Письмо на открытке с видом Норвегии: Gudvangen, Sogn. Письмо написано черными чернилами на обороте открытки с норвежской («NORGE») маркой. Открытка адресована: Russia, Петроград Большая Зеленина улица 26в, кв.42. Ларисе Михайловне Рейснер. Штемпель отправителя: Bergen 5-VI-17. 5-EE. Марка норвежская. Штемпель получателя: Петроград 11–6–17–4. И это письмо шло долго, отправлено оно было (по ст. ст.) 23 мая, а получено только 11 июня. Россия жила еще по старому стилю, а Гумилев, в Европе, уже по новому. Дороги Николая Гумилева и Ларисы Рейснер разошлись. Она не вняла завету возлюбленного и погрузилась в политику. Гумилев, всегда пытавшийся дистанцироваться от любой политики, невольно погрузился в самую гущу ее и связанных с ней событий, даже находясь вдали от родины. Спрятаться от надвигающихся на мир потрясений было уже невозможно как, по выражению А. Ремизова, во «взвихренной Руси», так и в цивилизованной Европе.

Однако, устремившись в политику, Лариса Рейснер не забыла своего Гафиза. Сохранилось ее последнее, не посланное письмо Гумилеву. При публикации его эпистолярного наследия это письмо постоянно включают в раздел писем к поэту. Хотя на самом деле это никакое не письмо, а ее письменное завещание, приложенное к пачке бережно сохраненных писем. Сам тот факт, что она сберегла все письма, заслуживает уважения и говорит о ее мужестве. Ведь зная, какое политическое положение в новой России она заняла, кажется, было бы совершенно естественным избавиться от «компромата». Как иначе могли отнестись к письмам от вскоре расстрелянного советской властью «врага революции» ее вершители, попади они в ненадлежащие руки? Но Лариса Рейснер, героиня «Оптимистической трагедии», жена Комфлота Федора Раскольникова, хранила их и после расстрела поэта. Удивительно это письмо-завещание. Трудно поверить, что «Красный комиссар» и автор этого письма — одно лицо:

«В случае моей смерти, все письма вернутся к Вам. И с ними то странное чувство, которое нас связывало, и такое похожее на любовь.

И моя нежность — к людям, к уму, поэзии и некоторым вещам, которая благодаря Вам — окрепла, отбросила свою собственную тень среди других людей — стала творчеством. Мне часто казалось, что Вы когда-то должны еще раз со мной встретиться, еще раз говорить, еще раз все взять и оставить. Этого не может быть, не могло быть. Но будьте благословенны, Вы, Ваши стихи и поступки.

Встречайте чудеса, творите их сами. Мой милый, мой возлюбленный. И будьте чище и лучше, чем прежде, потому что действительно есть бог (*sic — с маленькой буквы — Е.С.*).

Ваша Лери»[1241].

Письмо написано черными чернилами на сложенном вдвое листе тонкой зеленоватой тисненой, с горизонтальными линиями, бумаги (29,5 х 44,5 см). При письме имеется конверт из плотной, слегка кремовой бумаги (19 х 23,5 см). На обороте конверта, «вверх ногами», «жирная» надпись черными чернилами: **«Если я умру, эти письма, не читая, отослать Н.С. Гумилеву. Лариса Рейснер».**

Когда оно было написано, сказать трудно. Скорее всего, перед тем как покинуть домашнюю обстановку, либо летом 1918 года, когда она отправилась с мужем на фронт, на Волгу, либо перед отъездом в Афганистан в апреле 1921 года[1242]. Надпись могла быть обращена, скорее всего, к матери, с которой она была совершенно откровенна. Ведь именно к ней она обратилась со своей исповедью из-за границы в начале 1923 года. Исключительное откровение! Производит впечатление неожиданный переход в тексте письма — со «злобы дня» — на самое сокровенное и личное:

«…Мы с ним[1243] оба делали в жизни черное, оба вылезали из грязи и "перепрыгивали через тень" — ну, все равно. Первый вечер с вами, первая ночь, когда я наконец расскажу — и выплачу, и прочитаю, и переживу заново, как деревья свою святую весну — и мы станем опять одно — мои духи, моя музыка, мои все. Еду в первых числах марта. На границе пожар. Англичане, связав Афганистан договором, жгут и режут, бросают бомбы на стада, маленькие поля племен, устроенные в скалах. РСФСР, откликнись, великая, могучая и щедрая, помоги им. Все это нетерпение, надежды, стыд за свои глупости — Федор укладывает столбиками в шифровки — доходят ли они куда-нибудь.

Девочку Гумилева возьмите[1244]. Это сделать надо — я помогу.

Если бы перед смертью его видела — все ему простила бы, сказала бы правду, что никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть, как его, поэта, Гафиза, урода и мерзавца. Вот и все. Если бы только маленькая была на него похожа. Мои милые, я так ясно и весело предчувствую, сколько мы еще с Вами вместе наделаем…»[1245]

Эту точку в «Гусарской балладе» Николая Гумилева Лариса Рейснер поставила уже после того, как поэт ушел из жизни. Ушел из-за того, что предчувствие Ларисы Рейснер, к сожалению, оправдалось — слишком много всего было «наделано». Она исповедовалась Н.Я. Мандельштам, что для нее, прошедшей все ужасы Гражданской войны, «единственным темным пятном на ризах революции был расстрел Гумилева»[1246]. Наивно, конечно, и жизнь распорядилась так, что она, полная сил и энергии, пережила своего «Гафиза» всего лишь чуть более чем на четыре года…

Приложение

В заключение этой части книги приведу воспоминания сослуживца Н. Гумилева Ю.Ф. Ромоцкого, записанные в 1930-е годы известным польским филологом Сергеем Кулаковским[1247]. Публикация[1248] представляет несомненный интерес, хотя она до сих пор не была замечена ни в одном библиографическом указателе, посвященном А. Блоку и Н. Гумилеву. На публикацию удалось случайно натолкнуться благодаря архиву Бикермана, описываемому в Приложении 6[1249]. В публикации Кулаковского приведены интереснейшие воспоминания, относящиеся не только к Гумилеву, но и к А. Блоку. Вначале С. Кулаковский приводит неизвестные, но очень яркие воспоминания сослуживца А. Блока по службе в 13-й инженерно-строительной дружине В. Леха, изложенные по публикации в краковской газете «Ежедневный иллюстрированный курьер» от 12 сентября 1932 года, снабженной несколькими фотографиями А. Блока в военной форме. Напомню, что чуть раньше в этих же краях служил Н. Гумилев. Так что их соседство в газете можно считать неслучайным. Ниже приводится часть публикации, относящаяся непосредственно к Гумилеву. Поражает правдивость воспоминаний Ромоцкого (и точность их фиксации Кулаковским), поэтому я не буду комментировать те места, в которых точно называются упомянутые выше географические пункты и действующие лица. Из воспоминаний Ромоцкого следует, что его с Гумилевым связывали теплые и дружеские отношения. К сожалению, пока не удалось ничего узнать о дальнейшей судьбе Ромоцкого[1250], о его потомках — если бы удалось их найти, то могли бы обнаружиться и упомянутые письма Гумилева, адресованные другу и однополчанину.

ВОСПОМИНАНИЯ Ю.Ф. РОМОЦКОГО (ИЗ ПУБЛИКАЦИИ «БЛОК И ГУМИЛЕВ НА ВОЙНЕ»)

‹…› Лех понял многое, что таилось в Блоке, понял и его равнодушное отношение ко всему, что творилось и разыгрывалось на войне — глубокое предчувствие грядущих грозных событий как бы заслоняло в его душе настоящее. Но в его статье неправильно утверждение, будто современные Блоку поэты (Брюсов, Сологуб, Белый, Гумилев!) уходят или ушли в безвестность. Этого не предвидится, в том числе и для Гумилева, которого война коснулась тоже непосредственно.

II

Гумилев относился к войне активно — недаром его боевой мундир украсили два георгиевских креста. На фронте судьба сталкивала его со случайными встречными, с людьми, не имевшими прямого отношения к литературе. Одним из боевых товарищей поэта, сохранившим о нем самые сердечные воспоминания, был поляк, бывший корнет Александрийского

гусарского полка (затем офицер одной из польских кавалерийских частей) Ю.Ф. Ромоцкий. Своих воспоминаний он нигде не опубликовал, но поделился ими в беседе со мной.

Вот рассказ его.

Весной 1916 г., перед Пасхой, в Александрийский Гусарский полк приехал новый офицер — полк стоял тогда в окопах на Двине, близ имения Овсеевки, недалеко от станции Ницгаль[1251].

Это был прапорщик из вольноопределяющихся Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества полка Н.С. Гумилев.

Новый офицер явился к корнету Ромоцкому. Вид у него был довольно «сугубый»: фуражка, сдвигающаяся к затылку, гусарские сапоги с розетками, но с широкими голенищами, выдвинутый вперед из-под форменного кителя живот. Все это не придавало прапорщику Гумилеву воинского вида. Однако грудь его украшали два георгиевские креста. Медленный протяжный голос, длинный нос на добродушном, в сущности, но все же надменном лице...

Назначенный в четвертый, штандартный, эскадрон, он пробовал держать себя высокомерно: за ним была Сорбонна, Петербургский университет, слава поэта. По его рассказам, он много путешествовал, бывал в Абиссинии, где охотился на львов, и в Малой Азии. У него было имение в Тверской губернии, где он часто проживал. Корнетам все это мало импонировало; они видели в нем лишь малоопытного товарища, которого начальство «цукнуло» при заездах на полковом учении, так как Гумилев плохо ровнялся. На лошади он сидел крепко, но немного мешковато. Однажды ротмистр Ш[1252] критиковал посадку молодых офицеров. Об одном он выразился: «Есть разные среди них, но прапорщик Пилипенко[1253] — прямо сенатор». На это корнет Р[1254] заметил: «В таком случае Гумилев сидит прямо, как канцлер». С тех пор за ним установилось прозвище «Канцлера»[1255]. Как-то на маневрах в эскадроне Гумилев с вестовым были взяты в плен, так как в лесу он не выставил охранения. Гумилев не был обидчив и вскоре со всеми перешел на «ты», участвовал в попойках (причем был, что называется, «с крепкой головой») и всегда отличался полнейшей тактичностью, на что в полку обращали особое внимание. Однажды, будучи в Петербурге в отпуску, он не заметил на улице командира отдельного корпуса пограничной стражи, за что был посажен на неделю на гауптвахту[1256]. Ему было лет 35[1257], но он умел быть своим в кругу младших товарищей и старался иметь вид бравого гусарского корнета, дорожащего службой. В окопах он оказался храбрым и очень спокойным офицером.

В конце июня 1916 г. полк, тремя большими переходами, был отодвинут в резерв 12-й армии и расположился около Шлосс-Лембурга близ Зегевольда. Ему предстояло в составе 5-й кавалерийской дивизии уйти на румынский фронт, отчего коней и людей приучали к большим переходам; между прочим, устраивали парфорсы с препятствиями. Гумилев, который все это время был в полку, ездил уже совсем хорошо[1258]. На отдыхе он был очень милым собеседником, обладавшим богатыми познаниями в разных областях. По своим политическим убеждениям он был «правым», монархистом.

В конце октября 1916 г. полк перешел в имение Альт-Беверсгоф, где оставался до июня 1917 г. На позиции ходили на Рунчевскую луку, между имением Грюттерсгоф и Кокенгузен[1259]. Этой осенью Гумилев был произведен в корнеты[1260]. Он любил в личной жизни удобства, и его денщик, гусар

Дробот[1261], добывал ему всегда масло, хотя это было не так легко, и к утреннему чаю поджаривал ему гренки.

Иногда Гумилев сочинял стихи — экспромты. Так, например, в 5-м эскадроне был вольноопределяющийся Б.[1262], 43 лет, бывший чиновник для особых поручений при Самарском губернаторе; на вечеринке по поводу какого-то юбилея Б. Гумилев, не задумываясь, приветствовал его стихами:

К тому же он винтер прекрасный,
И может выпить самовар.
Итак, да здравствует Б...сный,
Достопочтенный юбиляр.

Несмотря на свои правые убеждения, Гумилев отдавал себе отчет в серьезности надвигавшихся событий и в настроении русского общества; в январе 1917 г. в землянке он говорил своему сослуживцу однажды о неизбежности дворцового переворота. В феврале 1917 года Александрийский гусарский полк был переведен в четырехэскадронный состав, и пятый, и шестой эскадроны его должны были быть «спешены» в стрелковый полк 5-й кавалерийской дивизии. Часть офицеров ушла туда, часть откомандировалась. Гумилеву не угрожал этот «перевод в стрелки», его хотели оставить для полка. Тем не менее, он предложил корнету Ромоцкому заместить его в случае, если бы тот вытянул неблагоприятный для себя жребий, так как знал, как тяжело было бы его однополчанину «быть спешенным», но Ромоцкий жребий не тянул, а был переведен в третий эскадрон[1263]. Это было уже в дни переворота в Петербурге. Ромоцкий попрощался с Гумилевым, и больше они не встречались[1264].

В марте 1917 г. Ромоцкий получил письмо от Гумилева из Петербурга, адресованное «Пану от Канцлера». В нем поэт извещал своего соратника о полном развале армии в тылу, о своем огорчении по этому поводу, а также о намерении поступить в экспедиционный русский корпус во Франции, вернее — попасть через Францию в Салоники.

Сергей Кулаковский

ЧАСТЬ 4
В «ЭКСПЕДИЦИОННОМ КОРПУСЕ». АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА: 1917—1918

Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь
И как в омут погружусь бездонный
В дикую мою, родную Русь.

Вступление

Четвертая часть документальной хроники «Поэт на войне» посвящена военной службе Николая Гумилева за границей, после откомандирования его в состав Русского экспедиционного корпуса в мае 1917 года. О том, как и почему он попал в этот корпус, сказано в предыдущей части. Свидетельств и воспоминаний о службе Гумилева во Франции сохранилось немного, однако перед своим возвращением в Россию в 1918 году Гумилев оставил заметное количество материалов, как творческого, так и служебного характера, у своих друзей во Франции и Англии. Большая их часть была опубликована в эмигрантской печати, почти все они вошли в четырехтомник сочинений поэта, подготовленный Глебом Струве[1265]. Оставленное за рубежом творческое наследие Гумилева достаточно обширно. Оно включает в себя несколько рукописных альбомов стихотворений, черновые автографы стихотворных, прозаических, критических и драматургических сочинений. Меньшая часть этого наследия была издана самим поэтом после возвращения в Россию. Большая же часть попала в печать благодаря друзьям и исследователям его творчества после трагической гибели поэта; естественно, что вначале публикации эти вышли на чужбине. Лишь с 1986 года началась публикация наследия Гумилева у него на родине, и с тех пор была перепечатана большая часть оставленных за рубежом и опубликованных там материалов и документов. Помимо этого в последние годы в российских и зарубежных архивах были выявлены уникальные материалы, связанные с пребыванием Гумилева во Франции. Часть их опубликована автором в журнале «Наше наследие»[1266] и в изданном в Стэнфорде сборнике[1267].

По количеству созданных на протяжении этого заграничного года произведений у читателя может сложиться впечатление, что служба Гумилева там была необременительной, чуть ли не «творческой командировкой». До сих пор ни одним из исследователей не было предпринято ни единой попытки досконально разобраться, в чем состояла его служба во

Франции и Англии на протяжении 1917–1918 годов. Исключение составляют отдельные публикации И. Курляндского архивных документов[1268], но они оторваны от «хроники» повседневной жизни Николая Гумилева и не позволяют представить цельную картину. Автор данной публикации поставил перед собой задачу попытаться заполнить эту лакуну. Чтобы решить эту задачу, оказалось необходимым расширить «круг поиска», привлечь множество дополнительных материалов «исторического характера». Ведь для подавляющего числа читателей само понятие «Русский экспедиционный корпус»[1269] ни о чем не говорит. Не разобравшись в этом вопросе, невозможно понять то положение, которое, по стечению обстоятельств, Гумилев занял в его структуре. Замечу — положение по-своему уникальное, и оно не могло не наложить отпечаток на всю его дальнейшую короткую жизнь. При этом до сих пор в биографии этого периода остается множество пробелов и неясных мест, отчего в последнее время стали появляться различные спекулятивные публикации. Автор надеется, что благодаря данной работе рано или поздно все эти темные места будут высвечены.

Дальнейший рассказ (как и в предыдущих частях) будет выстроен строго хронологически, с привлечением подлинных документов и заслуживающих доверия немногочисленных воспоминаний. Естественно, будет использовано дошедшее до нас эпистолярное и литературное наследие Николая Гумилева этого периода. Выявленные детали повседневной жизни Гумилева в Париже и Лондоне позволили взглянуть на некоторые написанные там произведения с отличной от общепринятой точки зрения.

Предыдущая часть завершилась «приветом из Бергена» Ларисе Рейснер, с пожеланием не заниматься политикой. Возможно, симпатичный норвежский городок Берген Гумилеву не понравился, так как у него он ассоциировался с «немецким городом», городом противника. Ведь в 1360 году в Бергене было создано самое северное представительство немецкого Ганзейского союза, и город превратился в важный торговый центр. В административных зданиях размещались клерки из многих стран Европы, немало их было из Германии.

Открытка из Бергена отправлена Гумилевым 5 июня по новому стилю. Все дальнейшие даты (если иначе не оговаривается) приводятся по новому, европейскому стилю, то есть по тому календарю, в котором на протяжении последующего года жил Гумилев. Что касается рекомендации Рейснер «не заниматься политикой», то пожелание это не было исполнено как адресатом открытки, так и ее автором. На этот год жизни поэта пришлись важнейшие политические события планеты, особенно нашей страны, и Гумилев невольно оказался в эпицентре. Чрезвычайный интерес представляют многочисленные поступавшие во Францию из России документы, а также то, как на них реагировали русские военные представительства в Париже. Так получилось, что почти вся эта корреспонденция проходила через руки Николая Гумилева. Более того, ему, как хорошо владевшему пером, часто приходилось предварительно подготавливать или редактировать ряд документов и приказов, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве его многочисленные своеобразные автографы.

Но пока поэт задержался в Норвегии, возможно, дожидаясь ближайшего парохода в Англию или выполняя какие-то поручения, необходимо хотя бы кратко рассказать о том, как формировался и где располагался Русский экспедиционный корпус, куда он был откомандирован. Думаю, полезным будет также упоминание о тех боевых действиях, в которых русские войска успели принять участие, о той атмосфере, которая сложилась в воинских частях к моменту прибытия Гумилева во Францию, то есть к июлю 1917 года. Именно это во многом определило как характер его дальнейшей службы во Франции, так и судьбы тысяч русских солдат и офицеров, волею случая оказавшихся на европейском театре военных действий.

Историческое отступление

Следует заметить, что история Первой мировой войны, или, как ее тогда называли, Великой войны, для подавляющего большинства россиян (думаю — не только россиян) — забытый и мало освоенный исторический период. Когда в начале своих изысканий я попытался обнаружить монографии по ее истории, выяснилось, что они практически отсутствуют[1270]. А то, что есть, крайне идеологизировано, причем это в равной степени относится и к некоторым современным, изредка появляющимся публикациям, отличающимся иногда только переменой «знака».

Еще меньше литературы, касающейся истории Русского экспедиционного корпуса. В советские времена появилось единственное «исследование» на эту тему, книга Д.У. Лисовенко[1271] с красноречивым названием «Их хотели лишить Родины». Хотя ее автор сам был участником событий, но изложенная там история полна передергиваний и искажений фактов. Хотя при внимательном ее прочтении, после изучения соответствующих документов, находишь очевидный ответ на заданный в названии вопрос — **кто лишил родины** тысячи своих соотечественников. Менее известна еще одна, вышедшая в советские времена книга нашего выдающегося соотечественника, маршала Советского Союза, министра обороны Р.Я. Малиновского[1272]. Он также был участником событий во Франции, с первого до последнего дня. Буквально — до последнего, так как он храбро воевал в составе «Русского легиона» после расформирования Экспедиционного корпуса в 1918 году, заслужил боевые французские награды и участвовал в праздновании победы 11 ноября 1918 года после заключения Компьенского перемирия[1273], ознаменовавшего окончание Первой мировой войны и обеспечившего в том числе освобождение России от кабальных условий заключенного большевиками предательского Брестского мира, хотя бы относительное сохранение территориальной целостности государства. Пожалуй, Малиновский был единственным русским солдатом (военачальником), участвовавшим в празднованиях победы после окончания двух мировых войн. Книга эта — автобиографическая повесть (хотя все действующие лица, кроме главного героя, названы своими подлинными именами), достаточно честная, но, конечно, с соответствующим идеологическим обрамлением. Но пользоваться ею как историческим источником не представляется возможным. В определенном смысле любопытны воспоминания графа и генерала А.А. Игнатьева[1274], в пору описываемых нами событий занимавшего важный пост Военного Агента во Франции, — его имя будет часто встречаться в цитируемых документах. Позже он перешел на сторону большевиков, откупившись как крупной денежной суммой, сохраненной на своих личных счетах в частных банках Франции, так и, видимо, кое-чем иным, не менее существенным. История достаточно темная, и в своих воспоминаниях Игнатьев о многих своих действиях во Франции умалчивает,

представляя себя «честным патриотом», сочувствовавшим большевикам, «защитником интересов России».

Однако предпринятый автором поиск позволил обнаружить изданную в 1933 году во Франции полузабытую книгу «Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг.». Ее автор — участник войны, генерал от инфантерии, военный историк Юрий Никифорович Данилов (1866–3.2.1937, Булонь-сюр-Сен, под Парижем)[1275]. Особую ценность книге Данилова придает то, что, как он пишет, «*при составлении настоящего труда главнейшими источниками служили дела Военно-Исторического Архива Французского Военного Министерства (изучено свыше* 150-*ти дел)*»[1276]. Так как в работе моим главным источником служили материалы, хранящиеся в РГВИА, оказалось возможным сравнить документы и проанализировать книгу Данилова, убедившись, что никакой подтасовки источников в ней нет. Одновременно удалось оценить качество и полноту состава документов по Экспедиционному корпусу, хранящихся в России. По моему мнению, он ничем не уступает французским архивам, в которых поработать, к сожалению, пока не удалось[1277]. Приведенная ниже, необходимая в рассказе о пребывании Гумилева во Франции краткая история Русского экспедиционного корпуса опирается в основном на материалы книги Данилова. Она недавно переиздана[1278]. Именно с Русского экспедиционного корпуса началась массовая русская эмиграция XX века, а не с тех, кто покинул страну после революции и Гражданской войны, так называемая «первая волна эмиграции». Важно заявить, что была до нее и «нулевая волна», целиком лежащая на совести большевиков, бросивших простых солдат-мужиков на произвол судьбы. Они — эмигранты не по своей воле. Их вывезли во Францию для оказания помощи союзникам России, их встречали во Франции цветами, а потом Родина бросила их на произвол судьбы. Проливавшие кровь в Европе за честь России, у нас они оказались забытыми. При этом следует заметить, что как оставшиеся во Франции их потомки, так и французы почитают русских солдат до сих пор. На титульном листе книги Данилова сказано: «*Доход от продажи книги поступает в фонд для постройки памятника русским воинам на военном кладбище в Шампани*». Мемориальное кладбище русских воинов в Шампани было создано и до сих пор любовно поддерживается; символично, что построенная там русская православная церковь была освящена в 1937 году, когда в СССР достигла пика кампания разоблачения «врагов народа», среди которых наверняка были и те, кто воевал во Франции и с большими трудностями вернулся в Россию. Многие страницы книги Ю. Данилова посвящены описанию боевых подвигов русских солдат и офицеров во Франции и Македонии, которые не должны быть забыты.

Нельзя также не отметить изданный во Франции фотоальбом, который так и называется: «Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках. 1916–1918»[1279]. Альбом подготовили два русских француза, постоянно проживающих в Париже. Назову, наконец, прошедший по телеэкранам фильм «Погибли за Францию», в котором кратко рассказывается о судьбах некоторых участников Русского экспедиционного корпуса[1280], как навсегда оставшихся во Франции, так и вернувшихся в Россию; о последних рассказывает дочь маршала Р. Малиновского. Однако имя Гумилева в фильме ни разу не упоминается.

Данилов рассматривал Первую мировую войну как столкновение двух сформировавшихся военных союзов: Союза центральных государств

(Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и Болгария) и Союза стран согласия (Франция, Англия и Россия). Для последнего союза в советской историографии было принято употреблять почти ругательное выражение — страны Антанты, которые коварно ополчились на молодую Советскую республику после победы Октябрьской революции. Следует заметить, что слова «Антанта» и «Согласие» — синонимы. Ведь по-французски слово «**entente**» и означает — «**согласие**». В советской исторической науке интервенция Антанты в Россию всегда рассматривалась как вторжение, направленное против Российского государства («Советской России», отождествляемой с Россией вообще). Фактически же интервенция, как и всякое вмешательство, была направлена против одних сил внутри России в пользу других, российских же сил, которые рассматривались как правопреемники правительства России — одной из стран-учредительниц Антанты, или Союза стран согласия. Через призму времени можно только сожалеть, что законная помощь России со стороны стран Согласия оказалась малоэффективной, и авторитет России как надежного партнера в международных отношениях восстановить в полной мере не удается до сих пор. В 1914 году такой авторитет у нее, безусловно, был.

В рассказе об истории появления русских воинских частей на Западном фронте, а также об их участии в боевых действиях во Франции и Македонии имя главного героя, Николая Гумилева, упоминаться будет редко. Но я убежден, что сам Гумилев, прежде чем подать заявление о своем переводе в эти части, был осведомлен о тех военных операциях, в которых ему, возможно, предстояло принять участие. Планы эти реализовались не совсем так, как он предполагал, но судьба поместила поэта в своеобразную диспозицию, находясь в которой он смог погрузиться в ряд трагических хитросплетений российской политической жизни. Именно погрузиться, а не разобраться — объективно разобраться во всем этом, по-моему, до сих пор так не смог ни один политик или историк. Поэтому мне показалось важным дать краткую хронику совместных действий стран Согласия, вылившихся в 1916 году в отправку во Францию русских экспедиционных войск, опираясь на книгу Ю.Н. Данилова[1281].

«Начавшаяся в 1914-м году война сложилась для Франции вначале весьма неблагоприятно. Стремительное и победоносное вторжение через Бельгию германцев создало смертельную опасность для обойденных с севера французских вооруженных сил. Враг весьма скоро стал угрожать Парижу — столице и сердцу Франции. Союзники Франции спешили ей на помощь. Соглашением 1893-го года, Россия и Франция обязались друг перед другом, при первом известии об общей мобилизации враждебного им Союза Центральных Держав, мобилизовать все свои вооруженные силы и сосредоточить их к угрожаемым границам. Затем, в целях согласования их дальнейших шагов, было установлено, что, в случае нападения Германии или другой Державы Центрального Союза, поддержанной Германией, на Францию или Россию, другое из только что названных государств должно прийти первому, подвергшемуся нападению, на помощь и использовать все свободные силы для действия против Германии. Факт нападения Германии на Францию в августе 1914-го года был налицо, и потому Россия, которой к тому же была уже объявлена Германией война, обязывалась к выполнению своих договорных по отношению к Франции обязательств. ‹…› Во исполнение установленно-

го соглашения, русские армии Северо-Западного фронта, в составе 9-ти полевых корпусов, под начальством генерала Жилинского, которому было вверено во время войны главное командование армиями Северо-Западного фронта, начали наступление в Восточную Пруссию 17-го августа (н. стиля), или на 16-й день мобилизации французской армии. При этом для 2-й русской армии, наступавшей в обход Мазурских озер с юга, в конечном итоге, было установлено направление на Зенсбург-Алленштейн. Этим наступлением в полной мере выполнились первоначальные обязательства России по отношению к ее союзнице — Франции. Русское наступление в Восточную Пруссию вынудило, как известно, германцев снять с их западного фронта два полевых корпуса и одну кавалерийскую дивизию для спешной переброски на восточно-русский фронт. При этом на Восточно-Прусском театре военных действий немцы принуждены были сосредоточить армию, значительно превышавшую те 5–6 корпусов, о которых говорилось на межсоюзных совещаниях».

Напомню, что именно с участия в этой операции Николай Гумилев начал свою воинскую службу рядовым-вольноопределяющимся в составе лейб-гвардии Уланского кавалерийского полка осенью 1914 года. Тогдашнее наступление обошлось России очень дорого, так как была полностью разбита II Армия А.В. Самсонова, потери (убитыми, ранеными и пленными) составили более 80 000 человек. Приведем слова французского маршала Фоша: «Все, как и мы, будут помнить, что в первые годы войны развитие наших успехов было достигнуто только благодаря содействию русской армии и ее преданности нашему общему делу».

В тяжелом положении оказалась и Англия. В телеграмме российского министра иностранных дел от 30 августа 1914 года сообщалось: *«В поисках средств, которые могли бы укрепить военное положение союзников на сухопутном фронте, лондонское правительство предложило телеграфно своему послу в Петербурге сэру Бьюкенену позондировать у русского министра иностранных дел С.Д. Сазонова почву, не представится ли возможным отправить через Архангельск во Францию 3 или 4 русских корпуса, перевозку которых Англия бралась осуществить в недельный срок»*. Хотя эти планы тогда не были реализованы, Данилов замечает, что *«приведенный факт интересен для нас в том смысле, что им удостоверяется стремление наших западных союзников уже в первые недели войны привлечь русские войска к участию в непосредственных действиях на западном фронте»* . Следующее обращение к России *«совпало с заметным ухудшением военного положения Сербии. Еще в ноябре 1914-го года сербское и черногорское правительства обратились к союзникам с просьбой о помощи присылкой русского корпуса на Дунай и высадкой англо-французского десанта в Рагузе, но исполнение этой просьбы было в то время признано нецелесообразным с общей точки зрения союзников. Однако уже в начале февраля 1915-го года английский первый министр Ллойд-Джордж неожиданно поставил на обсуждение вопрос о немедленной отправке на помощь Сербии объединенного корпуса, в составе войск Англии, России и Франции»*. В течение 1915 года было предпринято еще несколько попыток привлечь Россию к участию в войне на Балканах, в Салоникской экспедиции, однако по стратегическим соображениям отправка русских войск во Францию и на Балканы тогда не состоялась.

Окончательно план посылки русских войск на Запад был принят и реализован после приезда в Россию из Франции осенью 1915 года специальной миссии известного французского политического деятеля Поля Думера, ставшего впоследствии президентом Французской Республики. *«В своей телеграмме от 15 декабря Думер сообщал, что в принципе посылка на французский фронт русских солдат в распоряжение правительства Республики принята, под условием выполнения немедленного предварительного опыта. Русские отправлялись во Францию не как отдельные люди, для размещения их во французских корпусах, но в виде особых русских воинских частей, с русскими кадрами, которые должны быть только дополнены французскими офицерами. Отправляемые воинские части должны быть вооружены во Франции ружьями, принятыми во французских войсках»*. Как пишет Данилов, *«во исполнение принятого решения, в России было приступлено в январе 1916-го года к формированию Особой пехотной бригады (впоследствии 1-й Особой русской бригады). Штаб и 1-й полк намечено было формировать в Москве, а 2-й полк — в Самаре. Части бригады формировались преимущественно из ближайших запасных батальонов, то есть из солдат, не получивших еще боевого крещения. Едва ли порядок этот можно было признать правильным. Следует также заметить, что, соответственно районам комплектования, 1-й полк был укомплектован в подавляющем числе из элемента фабрично-заводского (подмосковный район); 2-й же полк был составлен из людей, связанных по преимуществу с крестьянством. Разнородный солдатский состав полков несомненно отразился на общей физиономии той и другой части и на отношениях их к последующим событиям»*. Это важное свидетельство русского генерала во многом предопределило характер той деятельности, которой пришлось заниматься Гумилеву в Париже. Личный состав 1-й бригады составил: 1 генерал, 84 офицера и 8577 солдат. «*Начальником бригады был назначен генерал-майор Лохвицкий*[1282]*, выказавший свои прекрасные боевые качества на русском фронте и уже награжденный на русском фронте орденом Св. Георгия 4-й степени; командиром 1-го особого полка — полковник Нечволодов*[1283] *и командиром 2-го особого полка — полковник Дьяконов*[1284]». Вследствие зимнего времени, препятствовавшего отправлению из Архангельска, «*бригада, с согласия Японского правительства, должна была следовать по железной дороге через Иркутск и Куанчендзы до Дайрена*[1285]*; далее же морем — до Марселя. Таким образом, части бригады должны были совершить путь от Москвы кругом Азии до Марселя, расстоянием более 30 тысяч верст. Посадка первого эшелона в Москве произошла 3-го февраля. Прибытие в Дайрен того же эшелона рассчитано было на февраль же; оттуда отправка во Францию на трех французских пароходах. Посадка на корабли в Дайрене началась в 16 часов 15 февраля 1916 года. Продолжительность морского переезда исчислялась, при скорости в 11 узлов, около 60 дней. Расчеты эти оправдались достаточно точно. 20 Апреля 1916-го года, состоявший при русской Ставке французский генерал По мог уже представить Государю Императору приказ генерала Жоффра о прибытии русской бригады во Францию. Император Николай II выразил по этому случаю уверенность, что бригада покажет себя достойной, сражаясь бок о бок с частями французской армии, которая, в свою очередь, служит в России предметом особого восхищения*».

Помимо трех французских пароходов в переходе участвовали и два русских. Любопытное совпадение: одним из этих пароходов оказался тот самый «Тамбов», на котором Гумилев отправился в экспедицию в Абиссинию

в 1913 году. И маршрут «Тамбова» был почти тот же, только в противоположном направлении. В 1913 году «Тамбов», отчалив из Одессы, прошел Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море, сделал остановку в Джибути, где Гумилев с Колей Сверчковым сошли на берег[1286], и далее, обогнув Индию, Цейлон, Китай, прибыл во Владивосток. В 1916 году пароходы с русскими войсками делали остановки в Сайгоне, Сингапуре, Коломбо, Джибути (на рейде), Суэце. Далее был Марсель. Единственно, в чем сходятся все описания (у Лисовенко, Малиновского и Данилова), это исключительно дружественная встреча русских войск, высадившихся в Марселе. При этом наиболее лаконичен Данилов: «*Высадка частей русской бригады произвела не только в Марселе, но и во всей Франции выдающееся по силе впечатление. Внешний вид и выправка русских солдат восхищали французов. Чествование прибывших носило глубоко трогательный характер. Вся Франция воспряла духом, и газеты были полны восторженных отзывов о русской мощи и силе. Отголоском этих торжеств в России служила русская пресса, вторившая этому праздничному настроению. Французский военный агент в Петрограде подробно сообщал в Париж об отзывчивости русских газет. И, таким образом, факт прибытия во Францию русских войск явился новым звеном, скрепившим дружеские отношения двух великих союзных государств*»[1287]. Думаю, что с этими сообщениям в русской прессе был знаком и Гумилев, служивший в это время в Гусарском полку, на территории Латвии. Напомню, что осенью 1916 года Гусарский полк оказался в одной бригаде со 2-й Особой пехотной дивизией, готовившейся к отправке во Францию. Не исключено, что это соседство двух боевых подразделений и общение с офицерами дивизии могли послужить для Гумилева толчком к принятому впоследствии решению попасть в состав русских экспедиционных войск.

В первую очередь войска должны были пройти обучение в военных лагерях. Из Марселя бригада была перевезена в Camp de Mailly (лагерь Майи), лагерь, расположенный в 30 километрах от Шалона-на-Марне[1288]. В течение 1916 года состоялись еще три отправки русских войск на Запад, на этот раз через Архангельск и французский порт Брест, причем 2-я и 4-я бригады были отправлены на Балканы, в Салоники, а 3-я бригада, как и 1-я, — во Францию. Как пишет Данилов, «*таким образом, в течение 1916-го года, несмотря на выполнение огромной, по размерам и понесенным потерям “Брусиловской” наступательной операции, спасшей от разгрома Италию, а также невзирая на необходимость самым широким образом прийти на помощь Румынии, фронт которой был совершенно смят германо-австрийцами, русское Верховное Главнокомандование сумело сформировать 4 отдельных бригады, предназначив таковые по две на Французский (1-я и 3-я) и Македонский (2-я и 4-я) фронты. Кроме того, из подходивших к концу резервов пополнения были выделяемы люди, для восполнения в названных бригадах убылей и ‹…› для обеспечения этих же бригад постоянными артиллерийскими и инженерными частями, обеспечения, вызывавшегося боевой обстановкой и проектами сведения названных бригад в дивизии. По сведениям французского генерального штаба от 27-го ноября 1916-го года, в течение названного года во Францию и Салоники было вывезено русских воинских чинов: через Архангельск — 635 офицеров и 34 975 солдат; и через Дальний Восток — 110 офицеров и 8572 солдат, а всего 745 офицеров и 43 547 солдат*». Таков был состав Русского экспедиционного корпуса, воевавшего на двух фронтах. Из-за событий в России дальнейшей отправки войск во Францию не последовало. В том числе так и не была отправлена во Францию 2-я Особая пехотная дивизия, которая входила в сводный отряд вместе с 5-м гусарским Александрийским полком, когда там служил Гумилев.

Данилов, отмечая отдельные недостатки в подготовке войск к дальнейшим боевым действиям, одновременно развенчивает до сих пор часто повторяющийся миф о том, по какому принципу формировались отдельные части. Считая, что для войск главным является *«внутренняя спайка»*, как казус он приводит один случай, который в наше время часто муссируют и трактуют чуть ли не как пример, достойный для подражания: *«Знаю, что бывали случаи подмены чинов ‹…› из-за стремления выгодно блеснуть тщательностью сделанного подбора. Все эти мотивы, к сожалению, были в привычках нашей прежней русской армии. Из рассказов офицеров знаю, например, что для отправки во Францию в одном полку, номер которого мне даже называли, была особо сформирована рота “великанов”, то есть людей из различных рот полка, отличавшихся высоким ростом. Это ли “сознательное” отношение к боевым требованиям и к святости закона о важности “внутренней спайки”, столь ценной во всякой воинской части! Командир упомянутого полка, из чувства, может быть даже благородной ревности к внешней репутации своей части, подорвал одновременно и ее собственные боевые качества и намерения лица, желавшего гарантировать вновь формируемому полку известную внутреннюю целостность!»*

На протяжении первого года пребывания русских войск во Франции исключительно благоприятно складывались их отношения с местным населением. К сожалению, не по вине французов, ситуация изменилась к середине 1917 года, с чем пришлось Гумилеву не только столкнуться, но и принять участие в разрешении разнообразных конфликтных ситуаций — ниже это будет проиллюстрировано документально. Как пишет Данилов, «*прибывшие во Францию русские воинские части встречались населением, как уже отмечено, с восторгом. В начале войны французскому народу пришлось пережить немало испытаний. Конечно, он знал, что там, где-то на востоке, у него есть сильный союзник, который готов прийти ему на помощь и не оставить его одного. Но теперь эту помощь он ощутил наяву. Перед ним проходят стройные русские ряды, которые явились, чтобы принять участие в непосредственной защите французской земли от грозного врага. Его поражала внешняя выправка русского солдата, которая производила неотразимое впечатление на французов, мало избалованных стройностью движений их воинских частей. ‹…› По рассказам русских офицеров, входивших в состав особых бригад, восторги и симпатии французского народа сопровождали русских солдат с первого же часа вступления их на французскую территорию. Повсюду русских воинов встречали цветами и вином, и даже тогда, когда солдат размещали по казармам, и у ворот появлялись обычные дневальные, к стенам казарм приставлялись лестницы, и угощение перебрасывалось в корзинах и пакетах через заборы. Изъявлению внимания не было конца и в пути, во время следования по железным дорогам. На каждой станции появлялось для солдат угощение, а офицерские отделения в вагонах забрасывались цветами. Для сокращения случаев чрезмерного употребления вина пришлось даже прекратить продажу спиртных напитков по пути следования наших солдат. Печальным результатом одного из таких*

импровизированных пиршеств явился инцидент, в одном из полков 2-й бригады, закончившийся трагической гибелью подполковника фон Краузе, имевшего к тому же несчастье носить немецкую фамилию.

Огромный фурор среди французов производил сопровождавший одну из рот 5-го полка 3-го Особого отряда медвежонок «Мишка». Этот шутник был приобретен офицерами полка в Екатеринбурге за скромную сумму в 8 рублей. Вместе с полком он проделал всю кампанию на французском фронте и до революции был любимцем и баловнем всего полка. В одном из боев медвежонок, постепенно превратившийся во взрослого медведя, был слегка отравлен неприятельскими газами, но, благодаря заботам чинов полка, быстро оправился. В награду за данный бой он был зачислен в полку на особый паек. Однако с "Мишкой" полку пришлось все же расстаться. Он был отдан в парижский «Jardin d'acclimatation» (зоопарк), где естественно оказался за железной решеткой. Первое время о нем участливо заботились, но потом постепенно имя его было забыто, а сам он переведен в разряд обыкновенных пансионеров названного учреждения». Как стало известно, Мишка, ставший «самым знаменитым представителем императорской России во Франции, позже попал в зоологический сад в Булонском лесу, где и прожил до 1933 года»[1289], то есть как раз до того года, когда вышла книга Ю.Н. Данилова.

Но мы отвлеклись от той миссии, которая была возложена на прибывшие войска, и забежали вперед. После высадки в Марселе 20 апреля 1916 года 1-й Особой бригады в войсках союзников царила эйфория, солдаты ждали того момента, когда можно будет встретиться лицом к лицу с неприятелем. Ждать пришлось довольно долго. Французские власти сделали все от них зависящее, чтобы сделать достойной жизнь русских войск вдали от Родины — в той мере, в какой это возможно в условиях войны. В своей книге Данилов приводит сведения о порядке содержания русских войск во Франции и об их материальном обеспечении. Ниже будет представлен ряд документов о жалованье русских офицеров в Париже, в частности Гумилева, из которых следует, что он получал на руки заметно меньше предписанного. Как пишет Данилов, «*согласно письменного соглашения, заключенного 11-го мая 1916 года между представителями Франции Р. Вивиани и Альбером Тома, с одной стороны, и начальником штаба русского Верховного Главнокомандующего генералом Алексеевым, с другой, французское правительство обязывалось принять на себя все заботы и расходы по перевозке, вооружению и содержанию войск, подлежавших отправлению на французский и македонский фронты. ‹…› В соответствии с этой точкой зрения, состоявшимся соглашением между русским и французским правительствами было установлено, что на попечении русского правительства остается только покрытие расходов: а) по обмундированию, снаряжению, лагерному расположению, уплате жалованья, продовольствия и покрытие разных хозяйственных потребностей командируемых во Францию войсковых частей; и б) по оплате жалованья и обмундированию личного состава этих частей, находящихся в лечебных заведениях. Французское же правительство должно принять на себя все расходы по снабжению и возобновлению всего необходимого для командируемых частей материального имущества и перевозочных средств, а также по содержанию в госпиталях больных и раненых русских воинских чинов, равно и все вообще расходы по содержанию прикомандировываемых к русским войскам французов. Денежные ресурсы, подлежавшие покрытию из Русской казны, текли в командированные части двумя путями: 1) через начальника тылового управления, который получал ежемесячно на текущие потребности 620 тыс. франков; и 2) через начальников дивизий, которые получали на каждую дивизию ежемесячно через* ***военного агента в Париже***[1290] *— чеками по 3,5 млн. франков на жалованье и довольствие людей дивизии. Отчеты о своих расходах дивизии отправляли непосредственно в Петроград. С приходом к власти большевиков, эта система была совершенно разрушена и положение наших войск оказалось бы трагическим, если бы французское правительство не взяло содержания русских военных контингентов с 14 января 1918 года целиком на свое попечение. ‹…› В материальном отношении чины бригады были обставлены русским правительством более чем хорошо. Они получали гораздо больше, чем их французские сотоварищи*[1291]*. Русский капитан, например, получал в месяц, со всеми добавками 1577 франков, содержание же французского офицера в том же чине равнялось всего только 689-ти франкам. Русский подпоручик получал в месяц 804 франка, французский же су-лейтенант — всего 472 франка. Такая же значительная разница в содержании существовала и среди солдат обеих армий. Она была особенно заметна для рядового солдата, который во французской армии получал в месяц всего 7,5 франков; русский же рядовой, вместе с суточными, на французском фронте имел в месяц около 50-ти франков. ‹…›*

Русские войска прибывали во Францию в отличном обмундировании, цвета "хаки", в снаряжении и в прочной обуви. Но и в дальнейшем наше интендантство не переставало заботиться о поддержании обмундирования в должном порядке. ‹…› Со своей стороны и французское интендантство проявляло внимание к нуждам русских частей. Между прочим, оно специально изготовило для русских бригад металлические каски, выкрашенные в защитный цвет и снабженные гербом с русским двойным орлом. ‹…› Что касается продовольствия, то в одном из циркуляров французского военного министерства от 27-го марта 1916 года можно найти подробные сведения о размерах того солдатского пайка, который был установлен для русских войск. В основу его был положен нормальный паек французского солдата, но с видимым стремлением приспособить его ко вкусу русского простолюдина. Обычный французский кофе заменен чаем; установлен дополнительный отпуск для каши крупы (gruau ou Sarazin)[1292] *и предусмотрен соответственный отпуск даже для кваса. ‹…› Вскоре, однако, по прибытии первых же частей во Францию (апрель 1916-го года) состоялось распоряжение об отпуске русским войскам вина, как входящего в рацион французского солдата. Получали чины русских частей также наравне с французскими войсками и табак. Жалобы со стороны русских солдат раздавались только по поводу малого суточного рациона хлеба, который для французского солдата установлен в 700 граммов (1 ¾ русского фунта)»*. Так что материальное благосостояние русских военнослужащих во Франции было обеспечено значительно лучше, чем у их соотечественников в России, что было типично во все времена при посылке наших сограждан за границу. Нетипичным было то, что тогда их обеспечивали даже лучше, чем французских солдат и офицеров. На этот счет сохранились некоторые любопытные документы, которые будут приведены ниже.

Некоторые сложности возникли при разрешении вопроса лечения больных и раненых воинов. *«Производилось оно за счет французского правительства во французских лечебных заведениях. Пребывание русских воинских чинов во французских госпиталях всегда оставляло у них известный осадок в душе. Не зная языка и не имея возможности ни перед кем высказаться, русские офицеры и солдаты, естественно, не могли пользоваться всею полнотою ухода в том лечебном заведении, в котором они находились, и, более чем когда-либо, они чувствовали свое одиночество и отчуждение от всего близкого и родного. Лишь к середине 17-го года были приняты некоторые меры по сосредоточению в определенных пунктах русских больных и раненых, с привлечением в госпитали этих пунктов русских врачей и русских сестер милосердия на службу, а также по изданию на русском языке установленных правил для больных»*. И с этой стороной обслуживания русских солдат в госпиталях Франции пришлось столкнуться Гумилеву, когда он заболел и ненадолго попал в госпиталь, а одна из представительниц прекрасного пола, постоянно помогавшая раненым солдатам, стала его «парижской Музой» — «Синей звездой». Среди обнаруженных в архиве документов ее имя упоминается неоднократно.

Сложно решался вопрос и с почтовым сообщением с Россией, так как они были весьма затруднительны по военным условиям. *«Вся корреспонденция русских войск с Россией должна была собираться в один пункт (Труа) и проходить через длительную цензурную контрольную комиссию. От плохой налаженности почты очень страдали чины наших бригад, находившиеся за границей. Многих охватывала жуть одиночества и тоски по родине и своим близким. Особенно эти чувства усилились в период революции, когда для солдат выяснилось, что на родине у них происходят какие-то им хотя и малопонятные, но, по-видимому, весьма важные пертурбации»*. Сохранившееся небольшое эпистолярное наследие Гумилева этого периода будет приведено ниже. Скорее всего, его письма шли в Россию отличным путем, возможно, с оказией.

Ввиду прибытия во Францию значительного количества русских войск, французское военное министерство решило предоставить лагерь Майи в их исключительное распоряжение, выселив оттуда все французские офицерские семьи. «*Лагерь вскоре превратился в русский городок. Предупредительность французских властей шла настолько навстречу желаниям и привычкам русских войск, что, вместо практикующегося во французских казармах “душа”, в лагере была устроена даже прекрасная русская баня*». Были удовлетворены и духовные потребности войск — в лагере была построена русская православная церковь, росписи для которой выполнил художник Дмитрий Стеллецкий[1293]; с ним Гумилев вскоре встретится в Париже.

Заключая документированный рассказ об обеспечении русских войск во Франции, Данилов делает честные и объективные выводы: «*Из всего изложенного достаточно ясно видно, что русское Главнокомандование, с трудом, правда, решившееся бросить за границу часть своих войск, имея в виду моральную поддержку союзников именем великой России, обставило эти войска с большою заботливостью лишь с материальной стороны. Весьма мало было сделано, при формировании этих бригад, с целью получения внутренне-сплоченных частей, и столь же мало было обращено внимания на то, чтобы развивать и поддерживать*

моральное состояние этих частей на высоте их боевой задачи. В таких условиях русские части оказались за границей почти отрезанными от Родины, в дни переломных событий, которыми менялся дальнейший ход истории в России и в которых русские люди с трудом разбирались даже у себя на родной земле».

Теперь кратко о тех боевых действиях, в которых пришлось участвовать русским экспедиционным войскам в 1916–1917 годах. Основное внимание будет уделено 1-й и 3-й бригадам, действовавшим на французском фронте. Именно с их личным составом и поступающими от них разнообразными документами Гумилеву пришлось постоянно работать, и их внутреннюю жизнь он хорошо знал. Но в течение всего периода его пребывания в Париже существовала вероятность того, что его отправят на Салоникский фронт, так как только там вплоть до начала 1918 года русские войска продолжали принимать участие в боевых действиях. Этого не случилось в основном из-за ноябрьских событий 1917 года. Они заставили отказаться от дальнейшего использования русских войск в совместных действиях — большевистская Россия, нарушив все принятые обязательства, перестала быть членом Союза стран согласия, бросив десятки тысяч своих соотечественников на произвол судьбы.

Напомню, что уже 23 апреля, через три дня по прибытии в Марсель, 1-я бригада была перевезена в лагерь Майи (Camp de Mailly), находящийся в Шампани вблизи Шалон-сюр-Марн (Châlons-sur-Marne), на южном берегу названной реки. Лагерь находился в районе, подведомственном командующему 4-й французской армией. Ко времени прибытия в лагерь русских войск этой армией командовал известный во Франции генерал Гуро (Gouraud), который лично, и не раз, осматривал лагерь, знакомился с русскими войсками и входил в их нужды и быт. Этим назначением уже отчасти предопределялось и дальнейшее боевое использование бригады в близлежащем районе. Как пишет Данилов, «*присутствие русских войск во Франции, естественно, вызывало живейший к ним интерес со стороны представителей французского командования, которые пожелали лично и поскорее познакомиться с войсками своего далекого союзника поближе. И вот для частей первой бригады потянулись дни смотров*[1294]*, чередовавшиеся с приемом прибывавшего имущества и с домашними занятиями, которые служили для подготовки частей бригады к предстоявшей им боевой службе. Кроме бывшего в то время представителя русского главнокомандования генерала Жилинского, являвшегося прямым начальником русских частей во Франции, в лагерь Майи приезжали смотреть бригаду командующий 4-й армией генерал Гуро, ‹…› главнокомандующий французскими армиями генерал Жоффр и, наконец, Президент Французской Республики Р. Пуанкаре. Своим внешним видом, бодрым настроением и лихою выправкою бригада оставляла по себе блестящее впечатление. Все в ней, начиная от молодого Начальника бригады ‹Лохвицкого›, производившего на своей прекрасной серой лошади импозантное впечатление, до последнего солдата, подтягивавшегося изо всех сил в своем хорошо пригнанном новом обмундировании и снаряжении, придавало бригаде внешний вид отборной части. Особенно воинственно выглядели люди в своих стальных касках, которые доставлены были бригаде французским интендантством и в которых офицеры и солдаты выступали уже на смотрах перед генералом Жоффром и Президентом Республики. Захваченный прекрасным видом бригады,*

Президент Пуанкаре тут же после смотра самолично надел на генерала Лохвицкого командорский крест Почетного Легиона».

Для Франции весь 1916 год прошел под знаком обороны Вердена, недалеко от которого, в лагере Майи, и были размещены вначале 1-я, а затем и 3-я Особые бригады. Главное, кровопролитное сражение состоялось в феврале 1916 года, однако оно не принесло победы ни одной из сторон, и в дальнейшем вдоль линии фронта происходили постоянные стычки двух сторон. К лету 1916 года во Франции находилась только 1-я Особая бригада. В лагере Майи французское военное командование продержало бригаду до 2 месяцев. Лишь в конце июня бригада была перевезена на боевой участок фронта. Занимаемый русскими войсками участок простирался от линии Мурмелон ле Гранд — Оберив (Mourmelon le Grand — Aubérive) на востоке до линии Verzy-Prunay на западе, имея протяженность около 18 километров. На всем этом протяжении немцы находились в командном положении. Ближайший тыл участка представлял собой открытое пространство, по которому дневные передвижения были невозможны. Это вызвало необходимость выполнения ночью большого числа земляных работ, при помощи которых только и представлялось возможным облегчить связь между различными участками фронта. Весь сектор распадался на три почти самостоятельных участка, из которых первый участок Оберив занимался 1-й Особой бригадой. Командующим войсками этого участка являлся командир 1-й Особой русской бригады, в распоряжении которого, в случае боя, находились все части его бригады, за исключением одного батальона, считавшегося в резерве всей группы. Командный пост генерала Лохвицкого располагался на шоссе из Мурмелона в Оберив. Данилов, просмотрев ежедневные донесения штаба Западной группы за истекший период времени, констатирует, что *«редкий день обходился для полков бригады без человеческих потерь. Следуя традиции русских войск, полки бригады особенно прославились своими выдающимися ночными разведками. В то время, когда на других секторах западной группы короткие действия мелкими частями, носившие во французской армии название coup de main, были довольно редки, на участке русских войск, в районе Оберив, они были явлением обычным, доставлявшим много беспокойств и неприятностей нашим противникам-немцам. Частые нападения на их позиции требовали от германцев особой бдительности и занятия участка, имевшего против себя русские части, лучшими войсками. Напротив, все задачи проникновения противника в наше расположение неизменно отражались соответствующими контратаками наших войск. Из числа наиболее смелых действий частей 1-й особой бригады за период ее нахождения на боевом фронте, назовем дела, имевшие место 16-го и 27-го июля, 2-го августа, 9-го и 18 сентября»*. Данилов подробно рассказывает об указанных боевых операциях, за участие в которых многие офицеры и солдаты были удостоены французских наград. 1-я Особая русская бригада непрерывно находилась в боевой части Западной группы, занимая сектор Оберив свыше 4,5 месяцев. 16 октября началась ее смена частями 3-й Особой русской бригады. Вся 3-я бригада сосредоточилась во Франции в сентябре месяце. Она была также отвезена в лагерь Майи, где пробыла около 1,5 месяцев. Затем, приказом по 4-й армии, вся бригада была включена в состав Западной группы войск этой армии и перевезена к месту ее будущего расположения. Части 1-й бригады, по смене их соответствующими частями 3-й бригады, были возвращены на отдых в Майи.

Данилов отмечает, что *«период пребывания 3-й особой бригады на позиции совпал с развитием газовой войны, впервые введенной немцами в минувшую войну в число боевых средств. ‹…› Командующий группой генерал Dutas был того мнения, что газовая атака, при серьезной организации предупредительных мер, спокойствии и выдержке войск, не может серьезно угрожать положению войск. ‹…› Однако газовая атака, выполненная немцами 31-го января 1917 года, к сожалению, доказала возможность нанесения ею жестоких потерь противнику. Выпуск газа произведен был немцами почти одновременно в трех районах: на западном участке сектора Оберив (против расположения 6-го особого русского полка). ‹…› Результаты атаки были весьма значительны. Из 10 тысяч человек, которые были захвачены волнами газа, были в разной степени отравлены — 1980 человек, то есть почти 20%; из этого числа умерло на месте отравления 250 человек и 277 человек, по эвакуации, в лечебных заведениях. Это составляет около 5% от всего числа подвергшихся атаке и свыше 26% от числа отравленных. В районе 3-й особой русской бригады общие потери, по сведениям частей, были следующие: умерших — 22, эвакуированных — 306»*.

Как и 1-я бригада, 3-я бригада прославилась серией смелых разведок, произведенных на протяжении декабря 1916-го–марта 1917 года. Наиболее выдающейся операцией частей 3-й Особой бригады было дело 9 марта 1917 года, *«когда пришел уже приказ из армии о снятии бригады с позиции и отводе ее в тыл на отдых. Дело 9-го марта явилось, таким образом, как бы прощальным актом, засвидетельствовавшим еще раз русскую доблесть, проявленную на участке, непрерывно занимавшемся русскими войсками в течение около девяти месяцев. ‹…› Смелая разведка эта заслужила выдающуюся оценку со стороны французских высших военных властей, и некоторые участники ее удостоились награждения французским военным крестом с пальмами*[1295]. *Таким блестящим делом 3-я особая русская бригада закончила первый период своей боевой деятельности. 12-го марта началась смена русских войск ‹…›, и к 18 марта полки 3-й Особой русской бригады собрались на берегах р. Марны, заняв селения Condé и Tours-sur-Marne, в ожидании дальнейшего отправления на отдых в лагерь Майи. Французская армия в этот период времени совершала крупные перегруппировки, имевшие целью сосредоточение возможно большего количества войск в районе между Реймсом и Суассоном, для предстоявшей апрельской наступательной операции на р. Эн. ‹…› 3-я Особая русская бригада подлежала включению в состав 5-й армии, для участия в том активном ударе, который подготовлялся к северо-западу от Реймса»*.

Описанные Даниловым события свидетельствуют, что уже в первые месяцы пребывания русских бригад во Франции они успели себя зарекомендовать в качестве прекрасных боевых частей и выдержать серьезное боевое испытание. Русский Военный Агент в Париже, подводя итоги действий русских войск во Франции за 1916 год, сообщал, что уже в названном году 1-я бригада потеряла убитыми и умершими от ран — 2 офицеров и 103 солдата; ранеными — 2 офицеров и 130 солдат. За то же время 3-я бригада понесла следующие потери: убитыми — офицер 1, солдат 67, и ранеными — офицеров 3, солдат 404. Однако эти потери были незначительны по сравнению с теми, которые пришлось понести русским войскам

в следующем, 1917 году во время попытки прорыва немецкой укрепленной позиции северо-западнее Реймса.

Любопытно следующее свидетельство Данилова об этом периоде: «*Пребывание в районе фермы Les Marquises связано, в воспоминаниях участников, с одним, вероятно случайным, наблюдением, вокруг которого сплелась, однако, целая легенда. В некотором отдалении, в тылу, на северо-восточной опушке обширного Реймского леса находились селения Verzy и Verzenay, в которых, по слухам, находились погреба одной очень известной фирмы шампанских вин. Замечено было, что немцы по этим селениям никогда не открывали артиллерийского огня, что сейчас же было приписано намерению противника сберечь эти вина для себя. Вообще оборона русскими войсками Реймса и кругом лежавшей провинции Шампань служила удобным агитационным поводом для русских большевиков, стремившихся в России к разложению русской армии: “Мы не желаем класть свои головы и проливать свою кровь на защиту Шампанских виноградников, служащих целям удовольствия и утехи для генералов, банкиров и прочих империалистов!” Так кричали они, распаляя темную толпу на митингах, даже в присутствии русского Верховного Главнокомандующего того времени генерала Брусилова! И эти слова вызывали злобу и негодование, не раз выражавшиеся в надвижении вооруженной толпы, со штыками, наклоненными вперед, на уговаривавшего эту толпу начальника...*» К сожалению, пропаганда оказалась весьма эффективной и в конечном итоге привела к полному разложению русских войск, которые поначалу показали свою силу и эффективность и достойно сражались на полях Франции. Со всем этим вскоре пришлось столкнуться Николаю Гумилеву, уехавшему во Францию в надежде на то, что там он еще не застанет полного разброда в армии и достойно завершит свою военную службу. Увы, найти этого он и там уже не смог. Но пока он до Франции не доехал, и пока еще русские войска мужественно сражались на Западном фронте. Весной 1917 года им предстояло принять участие в кровопролитных боях, не принесших западным союзникам победы, что в большой степени способствовало тому, что русские войска во Франции стали недееспособными, и в боевых действиях им в дальнейшем не пришлось участвовать. Со всем этим столкнулся Гумилев, когда в июле 1917 года попал в Париж.

Сложившуюся к началу 1917 года военную ситуацию Данилов описывает следующим образом: «*В конце 1916 года в общественном настроении западных союзников стало складываться мнение в пользу широкого наступления против германцев с целью вынуждения последних к освобождению территории Франции и Бельгии. Глубоко чувствовалась необходимость закончить поскорее войну*». Данилов подробно описывает подготавливаемую операцию и роли всех участвующих в ней подразделений. Главный удар должна была нанести группа армий, состоявшая из 5-й, 6-й и 10-й армий, из которых 5-я (генерал Mazel) и 6-я армии (генерал Mangin) были выдвинуты на фронт и занимали участок позиции от Реймса до Суассона. Их задача заключалась в прорыве немецкой укрепленной позиции наступательными действиями. Для осуществления столь широко задуманного наступления были собраны огромные средства и выполнены грандиозные предварительные работы. Количество собранной артиллерии и других средств было невиданное. Только на фронте 5-й и 6-й армий было сосредоточено 5,5 тыс. орудий разных калибров. К операции были подготовлены около 200 танков. Столь же могущественна, по числу аппаратов, была и собранная французская авиация. «*В этой, по замыслу, решающей операции наших западных союзников должны были принять участие и обе наши русские бригады, вошедшие в состав 5-й армии*». Войска сосредотачивались вокруг Шалона. Незадолго до начала операции, 29 марта 1917 года, все русские войска приняли присягу Временному правительству. Церемония принятия присяги прошла в полном спокойствии.

С середины марта по начало апреля для частей бригады потянулись позиционные будни, изредка производились усиленные разведки для добычи контрольных пленных. Ежесуточные потери составляли на бригаду от 5 до 20 человек. Начало общего наступления несколько раз откладывалось, вначале из-за недостаточной подготовленности, затем из-за неблагоприятных погодных условий. Лишь за четыре дня до начала решительной атаки, а именно 12 апреля, бригада, будучи временно назначенной в резерв 5-й армии, была сосредоточена в районе южнее Реймса. Как пишет Данилов, «*атака французов была соответственно назначена на 12-е апреля, но затем, по просьбе Генерала Манжена, она была еще раз отсрочена на 4 дня, вследствие все той же неблагоприятной погоды, препятствовавшей работе авиации. ‹…› Пехотной атаке подлежал участок неприятельской позиции, лежавший на берегах р. Эн и укреплявшийся немцами в течение 3-х лет. Он упирался правым флангом в высоты Сент-Гобен*[1296]. *‹…› О подробностях проектированного наступления германцы, по-видимому, были осведомлены, так как в их руки за несколько дней до начала сражения попал документ, неосторожно занесенный в 1-ю линию окопов и вполне подробно разъяснявший план предстоящей атаки*».

Незадолго до начала наступления, «*8-го апреля, приказом по 1-й Особой русской бригаде, установлены были роль и задача бригады в предстоявшем наступлении. Задача бригады заключалась в том, чтобы в день атаки овладеть исходящим углом Свиной Головы, селением Курси и достигнуть железной дороги Реймс–Лаон на участке севернее Курси. Держа защитников Бримонского массива под угрозой атаки с юго-запада, части бригады должны были затем овладеть стеклянным заводом (Verrerie), что севернее деревни Курси, и выдвинуться всем фронтом еще несколько вперед. ‹…› Командный пост начальника бригады во время атаки — башня в деревне С.-Тьери; в конце же боя предполагалось его перенести в замок Курси. Все части бригады должны были быть на своих местах и готовы к движению за 3 часа до начала атаки. Самый день атаки и начальный ее час оставались неизвестными. ‹…› Заблаговременно указывался лишь порядок производства атаки*».

Накануне наступления, 15 апреля, в русских войсках праздновали Пасху. Сражение началось 16 апреля 1917 года в 6 часов утра. Однако успешно начавшееся наступление всех частей вскоре захлебнулось, при этом были понесены огромные потери, особенно в командном составе. Некоторый успех к полудню обозначился на правом фланге, где войска в районе VII корпуса овладели селом Курси. Он принадлежал частям 1-й Особой русской бригады. Блестящим успехом закончилось также дело в центре. Наступавшие здесь роты 1-го Особого полка успешно овладели первой неприятельской линией, охватили селение Курси с юга и запада, а затем овладели всем этим селением. Около полудня атаковавшие роты выдвинулись на северо-восточную и восточную опушки селения Курси,

а на левом участке успели продвинуться вперед к каналу, имея заданием установить связь со 2-м полком своей же бригады. Однако потери полка оказались очень серьезными. Дальнейшим приказом командира корпуса 1-я Особая бригада должна была закрепиться вдоль канала, временно здесь задержавшись. Немецкая артиллерия вечером развернула усиленную деятельность, обстреливая особенно усердно селения Курси и Шофур. Так закончился для 1-й Особой бригады день 16 апреля; в течение его эта бригада выдержала с успехом весьма тяжелое боевое испытание. Частями бригады было взято в этот день 635 нераненых пленных, в их числе 11 немецких офицеров. Потери бригады составили: 28 офицеров и около 50% всех солдат.

Однако наступательный успех русских частей не был поддержан на других участках фронта, и в последующие дни наступление постепенно задохнулось. В ночь с 18 на 19 и с 19 на 20 апреля части 1-й Особой бригады, после напряженных боев и понесенных потерь, были сменены на занимаемых ими позициях частями вновь прибывшей в армию 152-й пехотной французской дивизии. Для частей русской бригады требовался вполне заслуженный отдых. 3-я Особая русская бригада в начале Энского сражения составляла резерв 5-й армии, однако в бездействии она оставалась недолго. Уже в первый день наступления, 16 апреля, отдельные ее части были направлены в распоряжение начальника 40-й французской пехотной дивизии, отброшенной от атакованной возвышенности Sapigneul. Другие части 3-й бригады, остававшиеся в распоряжении генерала Марушевского, были направлены в тот же день в распоряжение начальника 37-й пехотной французской дивизии VII корпуса после выяснившейся неудачи атаки на восточную часть возвышенности Mont-Sapigneul и высоту Mont-Spin. Еще несколько дней в районе 5-й армии продолжались разрозненные действия, предполагавшие подготовку атаки на Бримонский массив. Но атаке этой не суждено было совершиться. Наступательные действия 5-й и 6-й армий не получили желательного развития, и 29 апреля последовало распоряжение, исходившее из Парижа, об отсрочке всякого наступления в районе 5-й армии. В середине же мая генерал Нивель был сменен на посту Главнокомандующего французской армией генералом Петэном. Операция, задуманная генералом Нивелем, была признана несоответственной данной обстановке и потому подлежавшей отмене. Под руководством нового французского Главнокомандующего французская армия вернулась к системе более ограниченных, по размерам и целям, операций, позволивших Франции сберечь ее армию до прибытия американских войск. Последние же позволили снять французские войска с второстепенных участков общего фронта и сосредоточить их для маневров, предпринятых уже во второй половине 1918 года, под общим руководством маршала Фоша.

Как пишет Данилов, *«потери русских войск в апрельской операции определяются, по французским источникам, в 5183 убитых, раненых и без вести пропавших. Бывший наш представитель при главной французской квартире, генерал Палицын, определяет их в 70 офицеров и 4472 солдат. Французские военачальники, в высшем подчинении которых находились русские войска, воздали последним должную дань уважения к их смелости и самопожертвованию. Командир VII-го французского корпуса, генерал де-Базелер, в подчинении которого находились довольно долгое время обе русские бригады, лестно отзывался о том внимании, с которым русские части стремились усвоить все новейшие приемы современной войны, выработанные на западном фронте. В приказах французского Главнокомандования боевая деятельность русских бригад в период апрельских боев на реке Эн оценивалась следующим образом:*

“Приказ № 22522 от 24-го апреля 17-го года: 1-я русская Особая бригада, составленная из 1-го и 2-го полков, которая 16-го апреля 1917 г., под энергичным руководством своего начальника генерала Лохвицкого, блестяще овладела назначенными ей предметами действий, довела свои усилия до конца, несмотря на большие потери, особенно в офицерском составе, и успешно отразила все неприятельские попытки, направленные к тому, чтобы вырвать у нее плоды ее успехов”.

“Приказ № 270210 от 29-го апреля 17-го года: 3-я русская Особая бригада, составленная из 5-го и 6-го полков, превосходно управляемая ее начальником генералом Марушевским, вела себя блестящим образом под неприятельским огнем; получив задачу атаковать неприятельский опорный пункт, особенно сильно укрепленный, она двинулась в атаку с большим мужеством, невзирая на смертельный огонь неприятеля”.

Препровождая копии этих приказов стоявшему тогда во главе русской армии генералу Алексееву, генерал Нивель уведомил, что он был бы счастлив, если бы о доблестном поведении бригад было доведено до сведения русских армий. Генерал Алексеев исполнил желание генерала Нивеля, отдав соответствующий приказ, в котором говорит: “Я счастлив объявить русской армии о подвигах наших братьев, сражающихся на полях далекой Франции, бок о бок с нашими славными союзниками, против общего врага за право, свободу и светлое будущее народов”.

Потери французской армии с 16-го по 25-е апреля определяются кругло в 118 тысяч человек, но в первое время никто не знал действительного размера их, и о количестве раненых и убитых ходили фантастически преувеличенные слухи. Они не только волновали общественное мнение, но, под влиянием усиленной пацифистской пропаганды, одновременно с постигшей наступление неудачей, вызвали чувства озлобления и разочарования в самой армии. Особенно много говорили о крупных потерях VII-го корпуса, в составе которого, как нам уже известно, находились обе русские бригады. Ходили слухи о том, что корпус этот потерял половину своего состава. Мрачное настроение более всего сгустилось в тылу 5-й и 6-й армий. В госпиталях шли усиленные пересуды. Обвиняли командный состав в неумелом руководстве: “Нас вели на бойню” — так резюмировали раненые те приказания, которые отдавались войскам к исполнению. Говорили о том, что через Шато-Тьери прошел воинский поезд, на вагонах которого, переполненных людьми, были написаны мелом жестокие слова: “A la Boucherie” (“Скотобойня“). И рядом с ними, словно для отравы малодушных: “Vive la paix” (“Да здравствует мир“). На четвертом году невиданной борьбы слова эти звучали совсем по-другому, чем в начале войны: утомление войной сказывалось повсюду, не в одной только России. Еще 28-го февраля 17-го года новый Главнокомандующий французской армией генерал Нивель жаловался военному министру на то, что работа пацифистов, среди которых, вероятно, было немало неприятельских эмиссаров, начинает давать свои плоды и, во всяком случае, приобретает опасный характер.

Факты наличия пацифистской пропаганды проявлялись действительно все ярче. Настоящая волна пацифистских брошюр, газет и ли-

стовок уже давно заливала французскую армию. Отпускные, находясь у себя дома, нередко присутствовали и принимали участие в разного рода собраниях, где велась пропаганда в пользу заключения мира; по возвращении в свои части эти люди оставались в сношениях и в переписке с вожаками течения, представлявшего крайние опасности для морали народа и армии. Особенно страстная агитация в пользу мира шла в поездах, на железнодорожных станциях и в рабочих кругах. Говорили в пользу забастовок на заводах, работавших на оборону; велась кампания и против обработки в стране земельных участков...

Все это в глазах французских военноначальников приобретало опасный характер. Особенно после широко задуманной и неудачно сложившейся операции. И действительно, с прекращением апрельского наступления на р. Эн, мораль французской армии подверглась тяжкому испытанию. Обнаружившиеся разногласия на верхах армии не могли остаться незамеченными; они спустились вниз, где приобрели весьма резкую форму, по мере проникновения их в менее стойкие и мало выдержанные слои людей. Усиленной критике подверглись действия начальников, и против них стало складываться недовольство, а кое-где и открытый ропот. Говорили о неумелой организации снабжения армии боевыми припасами. Эпитеты "мясник", "живодер" раздавались направо и налево. Дело обострилось настолько, что в конце мая возникло даже несколько открытых отказов от выступления на позиции. Делались попытки передачи власти в некоторых частях войск, минуя прямых начальников, в руки выборных офицеров и простых солдат. Говорилось о необходимости идти на Париж, где все якобы готово для революционного взрыва. Слухи эти особенно обострились под впечатлением печального уличного инцидента в столице 4-го июня, имевшего место на бульваре Berthier, во время которого аннамитские стрелки открыли огонь по толпе. В результате стрельбы были жертвы, и это обстоятельство дало повод утверждать, что Париж отдан в руки "черных". В начале июня один батальон, стоявший в селении Neissy-sous-Bois (к юго-западу от Soisson), оказался в полном восстании. Мятежные солдаты решили идти на Париж, но были остановлены и капитулировали перед французской кавалерией, оцепившей опушку леса Villers-Cotterets, на путях к Парижу. Только твердостью и разумными мерами нового Главнокомандующего, генерала Петэна, нашедшего себе поддержку в личности Клемансо — председателя военной комиссии в Сенате, а затем председателя Совета Министров, войска, потерявшие равновесие духа, были приведены постепенно в порядок и вновь приобрели доверие к тому делу, ради которого было уже принесено столько человеческих жизней.

Само собой разумеется, что эти настроения проникали и в союзные войска, действовавшие на французском фронте. Не миновали они, конечно, и русских бригад, понесших к тому же весьма крупные потери, в общем доходившие до 30%. Неудачная операция и напрасные потери всегда создают благоприятную почву для недовольства и раздражения. К тому же, судя по некоторым данным, наши войска, едва ли не со времени их высадки на французскую территорию, находились под разлагающим влиянием некоторых крайних эмигрантских кругов. Мне пришлось, например, ознакомиться с донесением французского военного атташе в Лондоне, относящимся еще к осени 16-го года. В нем сообщалось французскому правительству о заявлении Великого Князя Михаила

Михайловича, будто в Петрограде очень взволнованы сведениями, что во Франции среди русских солдат партийными лицами ведется революционная пропаганда. Читатель, знакомый с русскими событиями того времени, конечно, хорошо знает, что существовали и более глубокие причины, чем неудачи на фронте, колебавшие в то время настроение наших войск. 15-го марта отрекся от Престола Русский Царь, и власть перешла в руки Временного Правительства. Едва ли в значении и причинах происшедших событий русский солдат из крестьян отдавал себе ясный отчет, но внутренним своим чувством он, однако, не мог не ощущать значительности происшедшей перемены. В связи с этим в его душе, отравленной ядом соблазнительной пропаганды, несомненно должны были всплыть на поверхность самые затаенные мечты и надежды. Если утомление войной серьезно сказывалось среди солдат иностранных армий, отличавшихся более значительным интеллектуальным развитием и потому большей сознательностью, то удивительно ли, что то же чувство нашло себе место в переживаниях нашего простолюдина, к тому же далеко заброшенного от родины, где совершались крупные события, о которых до него доходили самые разноречивые сведения. Может быть, делят уже землю и тем осуществляют мечту, вечно тревожившую душу русского крестьянина со времени его освобождения от крепостной зависимости! "Мы ваши, земля же наша" — в таком виде рисовались русскому крестьянину отношения его к помещику в период крепостничества, и потому оставление части земли, при освобождении, в руках помещиков могло казаться ему крупной несправедливостью, исправления которой он ежеминутно ожидал.

"А что, если и в самом деле уже делят землю, не опоздать бы самому!" И в душе его складывалось неодолимое стремление скорее кончать войну и ехать домой, чтобы стать на страже собственных интересов. Такие или подобные мысли несомненно роились в душе почти каждого русского солдата — прежде всего крестьянина. К этому надо добавить полное непонимание им целей войны и гнетущую тоску по родному "ландшафту". В 1-й особой бригаде, формировавшейся в Московском районе, и особенно в 1-м полку, люди были "посознательнее". Вышедшие из фабричной среды, они давно были уже затронуты классовой пропагандой и потому легче откликались на революционные лозунги. К их услугам явились и более активные агитаторы. Частично одетые в форму русских матросов, они легко входили в доверие солдат и, ловко отстраняя офицеров, становились в положение "вожаков" задуманного движения. Нельзя тем не менее не отметить с чувством некоторого удовлетворения, что русские части, находившиеся на французском фронте, несмотря на переживавшиеся Россией события и неблагоприятные условия, все же с известным порывом выполняли свои обязанности перед союзниками вплоть до конца апреля. При этом надо иметь в виду, что о происшедших в России событиях русские бригады были официально извещены лишь незадолго до начала серьезнейшего для них боевого испытания. В самом деле: только 29-го марта 1917-го года Генерал Палицын обратился в главную Французскую Квартиру от имени русского Верховного Главнокомандования с просьбой предоставить возможность русским частям выполнить присягу в верности Временному Правительству, причем, по донесению от 13-го апреля того же года, операция эта прошла в полном спокойствии. ***Таким образом, только общая неудачно***

сложившаяся на французском фронте боевая обстановка вызвала в них тот моральный надлом, от которого они не могли уже оправиться. Боевая неудача послужила тою последнею каплею, которая переполнила накопившуюся, под влиянием агитации, чашу усталости войной и непонимания обстановки. В этом явлении немалую роль сыграла также и та отчужденность от французской нации, в которой сразу оказались русские войска во Франции со времени их снятия с боевого фронта и дальнейшего развития революции в России.

Французский народ не мог понять всего драматизма наступившего в России положения. В прессе началась жестокая травля русских, и с этим злом пришлось вести упорную борьбу "Военно-осведомительному бюро" и комитету военнослужащих в Париже. Кличка "изменник" висела над каждым русским человеком. Забыты были все усилия и жертвы, принесенные Россией на алтарь общего дела, с самого начала войны. К сожалению, такою жестокостью и несправедливостью отличается вообще психология всякой массы в тяжелые минуты ее жизни!

После апрельского наступления, части 1-й и 3-й Особых русских бригад были постепенно отведены на левый берег р. Марны, в район Montmor-Bayé, а затем в лагерь Neuf-Château, где они сосредоточились в последних числах названного месяца. Кадры обеих бригад после боев очень поредели, и генерал Палицын просил Петроград о скорейшей высылке, в качестве пополнений, не менее 300 офицеров и 3000 солдат. Уже в это время к русским войскам стали ежедневно из Парижа наезжать по несколько агитаторов и собирать солдатские митинги, стараясь на них вооружать солдат против офицеров. Цель была ясная: взорвать привычную дисциплину, после чего солдатская масса неминуемо должна была стать послушным орудием в руках выборных комитетов. Офицерскому составу, малосведущему вообще во внутренней политике, стало все труднее бороться с разложением. Многим пришлось отстраниться. Одним из первых должен был оставить свой командный пост начальник 3-й особой бригады генерал Марушевский. Еще раньше ушел из состава бригады командир 1-го Особого русского полка полковник Нечволодов, произведенный в генералы и получивший новое назначение в Россию. В общем, стало чувствоваться неминуемое приближение революционного "зверя". Стремление "во что бы то ни стало" кончить войну не было, однако, всеобщим среди русских элементов, находившихся во Франции. Известно, что в конце мая 17-го года из русских бригад было избрано 10 человек делегатов, которые должны были отправиться в Россию с осведомительными целями. Настроение их было определенно против "сепаратного" мира. Они выражали желание об открытии "общих" переговоров о мире и считали необходимым вести эти переговоры "со штыками в руках". В том же мае известный французский деятель, Альбер Тома, в беседе с начальником штаба русского Верховного Главнокомандующего, генералом Алексеевым, обсуждая меры по возбуждению в России интереса к продолжению войны, выражал мнение о желательности отправления в Россию многих сотен русских волонтеров, сражавшихся в рядах французских войск и горевших желанием довести войну до победного конца. 4-го июня 17-го года командующий Восточной группой армии генерал де-Кастельно посетил большую часть пунктов расположения русских бригад в районе Neuf-Château и видел все полки. В результате своего объезда он доносил, что полки приняли его с должным почетом, но отсюда, по впечатлению названного генерала, нельзя выводить впечатление об их дисциплинированности. По заключению генерала Кастельно, они пребывают в полной бездеятельности и с военной точки зрения потеряли былую ценность. "Господа Рапп и Морозов", писал упомянутый генерал, "торопят с образованием советов, ибо солдаты больше не слушают офицеров, но вопрос в том, вернут ли советы войскам их боевую ценность!" Заключение генерала Кастельно сводилось к необходимости предусматривать возвращение бригад на родину. В ожидании же результатов предварительных по сему переговоров, он находил желательным направить обе бригады, по особо избранному маршруту и согласно выраженного ими желания, в один из внутренних лагерей. Главнокомандующий французскими войсками, генерал Петэн, препровождая это заключение военному министру, выразил с ним свое согласие и находил подходящим для размещения в них наших войск Camp de Courtine (лагерь Ля Куртин), близ Лиможа. Предполагалось в нем разместить: 318 офицеров и 15 000 русских солдат; при них 29 французских офицеров и 142 французских солдата. Этим приговором была оборвана дальнейшая боевая деятельность русских бригад. Согласно инструкции генерала Занкевича, заменившего генерала Палицына и носившего звание представителя Временного Правительства при французских армиях (Représentant du gouvernement provisoire auprès des armées françaises), обе бригады были сведены в дивизию, под начальством генерала Лохвицкого, и осуждены на отправку в тыл, где их ждала полная бездеятельность, а следовательно, и дальнейшее разложение».

В конце своего анализа Данилов впервые упоминает имена Раппа и Занкевича, тех действующих лиц, которые будут постоянно присутствовать в дальнейшем рассказе. С моей точки зрения, совершенно точный анализ сложившейся ситуации, сделанный боевым русским генералом в далеком 1933 году. Но это пока не распространялось на Особые бригады, сражавшиеся на Салоникском фронте. Поэтому прежде, чем перенестись в Париж и продолжить рассказ с участием нашего главного героя, на основе российских архивных документов, приведу краткие сведения о событиях, происходивших на Балканах с участием русских войск. Боевые действия русских бригад продолжались там до начала 1918 года, и хотя Гумилев туда и не доехал, но, как будет видно из цитируемых документов, в течение всего 1917 года существовала большая вероятность, что его туда отправят, — ведь именно на Салоникский фронт он был первоначально откомандирован.

Военная операция для Держав Согласия на Балканах складывалась непросто, и это четко отражено в книге Ю.Н. Данилова, там подробно рассказано об участии в этих боевых действиях двух русских бригад. От себя замечу, что нам, свидетелям кровавых событий, связанных с распадом Югославии в конце XX века, проще понять сложности политических хитросплетений, с которыми пришлось столкнуться участникам Салоникской операции во время Первой мировой войны. Основной противоборствующей силой там оказались войска Болгарии, политические «пристрастия» которой периодически менялись на протяжении последних 150 лет, с момента обретения ею независимости в 1878 году — благодаря помощи России. Помимо неприятеля явного, союзников беспокоила также мобилизованная греческая армия, которая, вследствие германофильства Короля Константина, представляла для Держав Согласия постоянную опасность.

Только значительно позже союзникам с большим трудом удалось демобилизовать греческую армию и обеспечить нейтралитет Греции. Любопытно, что это событие нашло отражение в одном из стихотворений Гумилева.

2-я Особая русская бригада, предназначавшаяся к действиям на Македонском фронте, была высажена в Салониках в первой половине августа 1916 года. Противник к этому времени имел на греческой границе превосходящие силы. Только прибытие к союзникам итальянской дивизии и 2-й Особой русской бригады доводило армию командующего войсками генерала Саррайля, по крайней мере по числу батальонов, до сил, равных германо-болгарским силам. Наиболее заинтересованной стороной являлась сербская армия, стремившаяся к скорейшему освобождению хотя бы части своей территории, поэтому наступление к Флорине и Монастырю, положенное в основу наступательного плана генерала Саррайля, было ими поддержано. Именно на этом направлении должны были действовать русские войска. Однако болгары опередили своих противников и уже 17 августа атаковали армию генерала Саррайля, который был вынужден собрать у себя 20 августа старших начальников союзных контингентов. На этом собрании впервые присутствовал начальник недавно высадившейся в Салониках 2-й Особой русской бригады, генерал-майор Дитерихс[1297]. Было принято решение собрать активную группу войск в составе французских частей и русской бригады, с целью дальнейшего выдвижения этой группы на Флорину и Монастырь, в обход правого фланга наступавших болгар. Наступательное движение на Монастырь имело особое моральное значение. Овладение им являлось как бы символом начала освобождения Сербии от иноземного владычества. Таким образом, 2-я русская бригада должна была войти в состав наиболее ответственной группы войск и начать свою боевую деятельность в Македонии весьма трудным обходным движением по чрезвычайно суровой и труднодоступной местности. Для частей 2-й Особой русской бригады положение осложнялось еще неполною готовностью этих частей, некомплектом личного состава, отсутствием погонщиков мулов, взамен которых полк вынужден был выделить из строя 550 человек.

2 сентября началось наступление армии генерала Саррайля по всей линии фронта. Генерал Дитерихс выступил со штабом бригады и 3-м Особым полком из Verria и, двинувшись на Kozanie, только к вечеру 6 сентября достиг селения Kazadzabar. 4-й полк к этому времени еще не успел сосредоточиться к Verria. Воевать русским войскам приходилось в основном против «дружественных» болгар, теснивших сербов. Войска должны были продвигаться вперед по едва проходимым горным дорогам, преодолевая разного рода трудности по части снабжения себя продовольствием и боевыми припасами. Люди страдали от болезней, особенно от болотной лихорадки. В то же время генерал Саррайль изо дня в день торопил войска, не желая считаться ни с какими препятствиями и требуя от отряда крайнего напряжения. 17 сентября штаб русской бригады расположился в селении Turia. Болгары поспешно отступали, и отряду генерала Дитерихса предстояло занять весь район Флорины. Эта задача была выполнена, и в 7 часов вечера 18 сентября 3-й батальон 3-го русского полка стремительным штыковым ударом овладевал высотами Бигла (Bigla), разорвав этим на куски всю оборону путей к северу от Флорины. Действия русских войск в направлении высоты Бигла были настолько блестящи, что особо отмечены в приказе командующего французской Восточной армией генерала Кордоньера.

Однако болгары, значительно усилившись, стали переходить на всем фронте в контратаки. Городу Флорине одно время угрожала опасность снова оказаться в руках неприятеля. Конец сентября и начало октября прошли в непрерывных боях, сопровождавшихся значительными потерями. Так, в бою 24 сентября в районе с. Armensko 3-й Особый русский полк потерял 10 офицеров и 576 солдат. Вскоре к русским войскам наконец присоединился весь 4-й полк. Тяжелые бои пришлись на 4–5 октября, и опять потери за два дня составили более 500 человек. Время было холодное, и люди стали по ночам жестоко страдать от холода. 14 октября предстояла новая попытка овладения неприятельскими позициями, однако мощные проволочные заграждения и недостаток артиллерии для их разрушения привели лишь к новым большим потерям. Генерал Дитерихс доносил Главнокомандующему союзными армиями, что полки его бригады в общей совокупности потеряли: от начала кампании до 15 октября 1916 года: офицерами — 5 убитых и 18 раненых; солдатами — убитых 173, раненых 1099 и без вести пропавших 128 человек. Итого 1423 человека.

Бои и значительная заболеваемость (в этот период времени особенно развились желудочные заболевания) в большой степени уменьшили численность полков. По сведениям к 7 ноября, в 3-м русском полку оставалось «под ружьем», всего 1423 человека, а в 4-м полку — 1396. Люди были истомлены усиленными работами, требовавшимися от них по условиям обстановки.

В течение этого периода сербам, действовавшим восточнее группы генерала Кордоньера, удалось достигнуть весьма существенных боевых результатов в продвижении к северу на Монастырском направлении, и можно было ожидать отступления болгар из района Монастыря в ближайшие же дни. Вероятность этого не укрылась от генерала Дитерихса, который уже в приказе от 11 ноября потребовал от своей бригады внимательного наблюдения за противником, в особенности в ночное время. На случай же обнаруженного отступления противника, он потребовал от полков энергического преследования на Монастырь. Действительно, 16 ноября болгары сдвинулись со своих позиций, и генерал Дитерихс на 17-е число приказал своей бригаде начать наступление. В этот же день он доносит командующему французской армией, что он решил занять Монастырь, каких бы усилий это ни стоило его войскам. Необходимо было торопиться, так как, по условиям местности, его войска не могли долго оставаться в их настоящем положении. Их одолевала простуда, подхваченная при прохождении болотных пространств, по колена в холодной осенней воде. Хотя по-прежнему остро ощущался недостаток артиллерии, бригада с утра 18-го продолжила наступление. Полки наступали по крайне трудной, болотистой местности с огромным порывом, встречая сильный огонь неприятельской пехоты и артиллерии всех калибров. На ночлег приходилось устраиваться на почве, представляющей сплошное болото. Число убитых и раненых было невелико, но оказалось огромное число заболевших. Единственное средство спасения — занять Монастырь. В 10 ч. 30 м. утра 19 ноября от начальника штаба бригады полковника Шишкина поступила коротенькая записочка, адресованная командующему французской Восточной армией: «A 9 h. 30 1e 1-er B-tn du 3-ème Régiment Russe entre à Monastir. La poursuite se continue» («В 9 ч. 30 м. 1-й батальон 3-го русского полка вошел в Монастырь. Преследование продолжается»).

При прохождении Монастыря русскими войсками было захвачено: 69 болгарских солдат и 2 германца. Сербский Королевич Александр, прибыв в Монастырь через два дня после его занятия, выразил особую признательность русским войскам, победоносно вступившим в столицу Южной Македонии, и отметил их заслуги пожалованием доблестному их начальнику, генералу Дитерихсу, высокой боевой сербской награды. В приказе Главнокомандующего союзными армиями, отданном им по случаю занятия Монастыря, генерал Саррайль, обращаясь к русским войскам, писал: «Russes, dans les montagnes comme dans la plaine serbe, votre bravoure légendaire ne s'est jamais démentie» («Русские, в горах, как и в сербской равнине, ваша легендарная доблесть никогда не изменяла вам»). 19 ноября 1916 года 3-й полк был награжден «за храбрость, выказанную в боях против болгар с 9 по 26 сентября, благодаря которой был освобожден город Флорина». В день взятия Монастыря на знамя полка был прикреплен Французский Военный Крест с пальмовой ветвью.

Это была самая крупная победа русских бригад на Салоникском фронте. Между 10 и 20 октября 1916 года в Салоники прибыла 4-я Особая русская бригада под начальством генерал-майора Леонтьева. И ее материальное снабжение было плохо организовано. Ко времени сосредоточения бригады в Салониках она не имела еще ни пулеметов, ни упряжи для лошадей и вьючных животных. После некоторого отдыха части бригады приступили к занятиям, однако период подготовки к боевой деятельности был для бригады недолог. Вследствие малочисленности Македонской армии бригада была вскоре направлена на фронт. В самом начале декабря она оказалась в армейском резерве армии на берегах р. Черной в районе селения Брод. Это было время перехода сербской армии в наступление. Уже 11 и 13 декабря 4-я Особая русская бригада приняла участие в первых боях, а затем заняла участок укрепленной позиции длиной свыше 10 километров. Потери бригады за два месяца достигли значительной цифры в 3 офицера и 520 солдат. За время пребывания 4-й Особой бригады в составе сербских войск ее несколько раз посетил сербский Королевич Александр, и однажды побывал даже на одном из наблюдательных пунктов в районе этой бригады.

Дальнейшие боевые действия, вслед за занятием Монастыря, успехов не имели. Обе Особые бригады испытывали большие трудности в каждодневной доставке продовольствия. Один из командиров полков свидетельствует в своем донесении, что бывали перерывы в подвозе в течение 5 дней, причем войскам приходилось довольствоваться лишь местной кукурузой. Столь же трудно было наладить эвакуацию больных и раненых, ибо во всей армии имелся лишь один автомобильный санитарный транспорт. С каждым днем погода становилась все более и более ненастной, затрудняя боевую деятельность войск. Все преимущества перешли на сторону обороны, причем болгары сумели значительно усилить свои силы за счет войск, стоявших против англичан. В таких условиях, по заключению генерала Саррайля, одобренному французским главнокомандующим, Македонской армии была поставлена задача прочного укрепления в занятом положении. В боевых действиях наступил зимний перерыв.

Предлагалось наметить наступательный план, к осуществлению которого возможно было бы приступить в начале апреля. Однако генерал Саррайль указывал на то, что наиболее важным и насущным является вопрос об изменении позиции Греции, которая, под влиянием Короля Константина,

продолжала вести вероломную политику. Как пишет Данилов, *«Генерал Саррайль находил, что этот политический узел может быть разрублен только силою меча, то есть вооруженным вмешательством»*. Весеннее наступление задерживалось: *«Снежная погода и задержки в подготовке то той, то другой армии заставляли несколько раз откладывать начало общего наступления, которое, в конце концов, было назначено только на 9-е мая. К началу апреля, в числе других армий, оказались не вполне готовыми к боевым действиям и русские бригады, переживавшие в это время первые тревожные вести из России. Еще в конце марта до бригад дошел манифест Императора Николая II-го об отречении, а в начале апреля в русских полках происходила присяга на верность Временному правительству. В частях 2-й бригады этот акт произошел без всяких осложнений; в 4-й же бригаде, по донесению генерала Саррайля, он вызвал некоторые волнения, которым надо было дать время улечься. Уже через несколько дней после новой присяги в расположении частей бригады были обнаружены неприятельские прокламации пацифистского характера. Генерал Саррайль, однако, выражал уверенность, что, с началом боевых действий, в бригаде водворится полное спокойствие»*.

Начатое 9 мая наступление оказалось крайне неудачным, войска понесли значительные потери и отошли на исходные позиции. Потери русских бригад в мае составили 1200 человек. Новый французский военный министр Пенлевэ одобрил решение генерала Саррайля, указавшего на невозможность и бесполезность, при данных условиях, продолжать атаковать. К тому же на Македонскую армию надвигалась неизбежность разрешения греческой проблемы. В числе наиболее переутомившихся частей Македонского фронта, несомненно, была 2-я Особая русская бригада. С августа 1916 года, то есть в течение 8 месяцев, без всякого перерыва она несла боевую службу и выдержала ряд серьезных боев, стоивших ей больших потерь. В течение последних пяти месяцев, в излучине р. Черны, 2-я бригада занимала сектор, где нельзя было найти отдыха ни днем, ни ночью. Поэтому начальник бригады генерал Дитерихс, прекрасно знавший настроения своей бригады и правильно оценивавший ее силы, счел необходимым обратиться 18 мая с письмом к генералу Саррайлю с ходатайством о продолжительном и вполне заслуженном отдыхе для частей своей бригады. *«Я обязуюсь добавить, — писал генерал Дитерихс, — после изложения уже приведенных мотивов, что положение русских войск в Салониках еще утяжеляется численно незначительным составом всего отряда, таким образом, особенно остро чувствующим свою оторванность от всего родного. Войсками английскими и французскими эта отчужденность чувствуется менее. В особенности острым это чувство стало теперь, когда на Родине происходят события, недостаточно ясно понимаемые и ложно трактуемые услужливыми агитаторами и пропагандистами. И тем не менее последние бои показали, что боевая мораль войск прекрасна. Оба полка смело пошли в атаку и, в обстановке боя, дали блестящие доказательства своей боеспособности. ‹…› Но всяким силам имеется предел. Чтобы сохранить в войсках бригады боевой огонь, необходимо им предоставить временно полный отдых. Это будет заслуженной наградой за 8 месяцев трудной работы. Из 12 тыс. человек, которых я привез из России, — заключает генерал Дитерихс, — и которых я получил здесь, в качестве пополнений, я потерял убитыми, ранеными и контуженными до 4400 человек и до*

8 тыс. человек разновременно переболело в госпиталях. Эти цифры достаточно красноречивы и показательны, чтобы свидетельствовать о трудности пережитого времени. Нужен полный отдых, который нельзя дать людям на позиции, нужны также пополнения, ибо теперь в частях остались едва достаточные кадры».

Только 24 мая командующий французской армией на востоке генерал Гроссетти получил приказ о направлении бригады на отдых в Eksisu. Почти одновременно была оттянута в тыл и 4-я русская бригада, бессменно находившаяся на позициях в течение полугода. Части ее расположились в районе Bania-Petrsko, и с 13 июня обе бригады окончательно вышли из подчинения сербской армии, перейдя в непосредственное ведение генерала Саррайля. Одною из причин, по которым генерал Саррайль решил отвести обе бригады в тыл и расположить их в одном районе, было полученное им 26 мая сообщение о том, что русская Ставка окончательно решила вопрос о соединении обеих бригад в одну дивизию. Дивизия должна была принять название 2-й Особой русской дивизии, включающей в свой состав две пехотные бригады и прибывшую в августе из России артиллерийскую бригаду генерала Беляева и инженерные войска. По данным на 1 октября 1917 года численный состав 2-й русской дивизии должен был равняться 377 офицерам и 17 928 солдатам, а 16 октября того же года генерал Саррайль доносил, что для доведения названной дивизии до полного состава ей не хватает еще 143 офицеров и 6500 солдат. Необходимое пополнение в силу понятных причин так до дивизии и не дошло. Но именно с этой нехваткой личного состава был связан постоянно поднимавшийся вопрос об отправке в Салоники задерживающихся во Франции русских офицеров, в том числе и Николая Гумилева. В связи с дивизионной организацией существенные изменения произошли в командовании, в том числе в начале июля был вызван в Россию генерал Дитерихс, получивший более высокое служебное положение. В командование 2-й Особой русской дивизией временно вступил произведенный в генералы бывший командир 3-го Особого полка полковник Тарбеев. Как пишет Данилов, *«при всех выдающихся личных качествах и служебных достоинствах вновь назначенных лиц, нельзя, однако, не заметить, что эти перемены были крайне несвоевременны. Солдатские умы переживали тяжелый период революционного смятения, и частые смены начальствующих лиц, укрепляя влияние войсковых комитетов, несомненно, ускоряли процесс разложения войсковых частей»*.

Несмотря на неполный состав, 24 июля генерал Саррайль вынужден был отдать приказ о выдвижении 2-й Особой русской дивизии на позицию. Дивизия эта должна была войти в состав французской Восточной армии и сменить французские пехотные части на фронте между озерами Пресба, Охридским, Малик и горной цепью Баба-Планина. Смена частей прошла без всяких инцидентов. На этих позициях дивизия простояла вплоть до начала 1918 года, когда возник вопрос об окончательном выводе с боевых линий русских войск на Македонском фронте ввиду той позиции, которую заняло большевистское правительство. Если бы Гумилева откомандироли в Салоники, то именно в этот район он попал бы. Дивизии выделен был протяженный участок, длиной около 60 километров (не считая оз. Пресба), не соответствующий ее численному составу. Что касается неприятеля, то ко времени прибытия дивизии в указанный сектор он состоял из германцев, австрийцев, болгар и турок. Участок 2-й Особой русской дивизии, перерезанный к тому же озерами, никак не мог считаться «спокойным районом», как его характеризовал генерал Саррайль. Уже в ночь с 8 на 9 августа участок к западу от озера Пресба подвергся нападению. Противник успел ворваться в окопы 7-го Особого полка, но затем был из них выброшен. В остальной части сектора наступление было остановлено нашим огнем. В августе и сентябре было еще несколько аналогичных инцидентов, сопровождавшихся новыми, иногда весьма значительными потерями. Генерал Саррайль вспоминал об этом периоде боевой деятельности дивизии: «Русские, в их секторе, давали полное удовлетворение. Тщетно неприятель испытывал их почти ежедневно. Они доказывали, что умеют сдерживать свои обещания и оставаться верными союзниками».

«В первых числах августа от 2-й дивизии, с согласия генерала Саррайля, в Россию отправилась через Францию делегация в составе 6-ти офицеров и 13-ти солдат, для доклада русскому Временному правительству о чаяниях частей дивизии. Наиболее всеобщим и сильным желанием дивизии было возвращение ее на Родину. Делегация, кроме того, должна была приветствовать Временное правительство и осведомиться о том, что происходит в России».

В сентябре и октябре русская дивизия содействовала нескольким наступательным операциям французских войск. Особый урон дивизии в этих операциях наносила превосходящая артиллерия противника и минометный огонь. Не меньший урон боеспособности наносили одновременно доходившие слухи о беспорядках в русских частях, находившихся во Франции. Служба на фронте, вдали от родины, сопряженная с боевыми лишениями, претерпеваемыми с неясными целями, угнетала солдат. Все усиливалась поначалу тайная, а затем открытая пацифистская пропаганда.

Прежде чем завершить рассказ о действиях русских войск на Салоникском фронте, надо кратко сказать о военно-дипломатической операции, успешно осуществленной союзниками в Греции в мае–июне 1917 года, как раз тогда, когда Гумилев направлялся из Петрограда во Францию. Важно это, во-первых, потому, что в этой операции участвовали и русские войска, а во-вторых, потому, что операция эта нашла своеобразное отражение в стихотворении Гумилева, написанном в те же дни, по пути из Норвегии в Англию. Появилось оно еще до того, как проблема эта была успешно разрешена, и оно позволяет судить, насколько Гумилев был в курсе политических событий.

Весной 1917 года между Державами Согласия и правительством греческого Короля Константина складывались все более недружелюбные, почти враждебные отношения. Особенно это проявилось с образованием в Салониках дружественного к союзникам правительства Венизелоса и началом появления греческих войск из сторонников этого правительства в составе армии союзников. Чтобы лишить германские подводные лодки пристанища, пришлось выделить особый отряд (из 100 русских и 50 французов) под начальством офицера для занятия района Афонской горы, где греческие монахи, сторонники Короля Константина, пользуясь большинством, свили себе прочное враждебное гнездо. Король Константин постоянно нарушал словесные договоренности о нейтралитете, и проблема эта требовала скорейшего разрешения. Генерал Саррайль уже давно доносил своему правительству о необходимости покончить раз и навсегда с враждебными отношениями Греции и Короля Константина к союзникам. Положение стало особенно тревожным весной, когда в нейтральной зоне стали

хозяйничать враждебные союзникам банды и начались кровавые пограничные столкновения. 30 мая, телеграммой французского военного министра, генералу Саррайлю было сообщено о состоявшемся соглашении правительств Парижа и Лондона, по которому, в интересах безопасности союзных армий, было признано необходимым лишить Короля Константина возможности царствования в Афинах. Вытекающие из этого решения меры должны были быть приняты, однако, если возможно, без объявления Греции войны. В соответствии с этим для высадки в старой Греции было подготовлено два отряда: один для занятия Коринфского перешейка и изоляции северной части Греции, другой — для занятия Афин и давления на Короля и его правительство. В этот отряд были включены части 2-й Особой русской дивизии. Обо всех этих мерах был извещен глава Салоникского правительства Венизелос, который в случае успеха предприятия должен был прибыть со своими министрами в Афины.

Войска союзников, включая русские части, подошли к Пирею утром 11 июня. Срок ультиматума Королю Константину истекал в полдень 12 июня. От ответа Короля зависело — будет ли союзный десант спущен на материк при условиях мирной или военной обстановки. Король Константин уступил союзникам и передал свой престол своему брату Королю Александру, чем было избегнуто кровопролитие. Союзные войска беспрепятственно высадились в Пирее, и, таким образом, дело союзников, несмотря на крайне ограниченные силы, на которые оно опиралось, было выиграно. Через несколько дней генерал Regnault осматривал русские батальоны и их лагерь. «На мое приветствие: “Здравствуйте, молодцы”, — описывает он свое посещение, — люди, к которым было обращено это приветствие, отвечали с веселым видом. Русский лагерь был хорошо разбит, госпиталь помещен в монастыре и хорошо содержан. От всего виденного я получил хорошее впечатление и, в случае необходимости боя, наши русские союзники способны были бы дать его, став рядом с нами». Наш посланник в Афинах, князь Демидов, выражая протест против командирования русских войск в Афины, требовал их возвращения в Македонию. Требование его, однако, не могло быть немедленно удовлетворено вследствие слабости высаженного отряда и неуверенности в прочности политического положения. Лишь после того, как в Афины прибыл Венизелос, ставший во главе нового правительства и установивший твердый порядок, приемлемый для союзников, русские войска, вступившие к тому времени вместе с остальным отрядом в Афины, могли быть отправлены в Салоники. Случилось это лишь в начале июля. Русские батальоны были перевезены по железной дороге, а затем они двинулись походным порядком в район, где находился штаб 2-й Особой дивизии. Так была разрешена «греческая проблема», попавшая в стихотворение Гумилева, написанное до 12 июня 1917 года в Северном море, — обратите внимание на строку: «Чтоб устоял Венизелос // В борьбе с господином своим». Устоял!

Однако не столь блестяще было положение русских войск, все еще стоявших на боевых позициях в конце 1917 года. Началось проникновение в наше расположение со стороны неприятеля массовой революционной литературы. Например, 13 ноября болгары с помощью нескольких специальных мин засыпали наши окопы прокламациями и агитационными листками. Но пока общее состояние умов среди русских солдат продолжало оставаться достаточно спокойным. Роты не отказывались даже от ночных поисков в расположении противника. Например, высланная в конце

ноября от 8-го Особого полка команда произвела столь смелый налет на неприятельский передовой окоп, что новый начальник дивизии генерал Тарановский счел себя обязанным отметить действия этой команды особой благодарностью в приказе по дивизии. Ситуация стала меняться в декабре 1917 года. 8 декабря генерал Тарановский вынужден был донести командующему французской армией, что в последние дни болгары забросали часть его дивизии прокламациями и разного рода революционной литературой. В разбрасывавшихся листках приводились приказы Ленина о прекращении борьбы. 30 ноября командир французской артиллерии, расположенной в междуозерном районе, по своему слуховому телефону перехватил болгарскую телефонограмму, в которой один из командиров батальонов передавал подчиненным: «Война с русскими закончена. Это сведение почерпнуто из официальной телеграммы, полученной в Софии». При полном отсутствии известий из России, добавляет генерал Тарановский, болгарские сообщения не могут не оказывать на людей дивизии влияния. Призыв болгар переходить к ним увлек пока только 7 человек, но, по имеющимся сведениям, сообщал начальник 2-й Особой дивизии, «сегодня ночью предстоит прибытие в окопы целой миссии, прибывшей из России через Австрию и Болгарию».

К концу декабря положение в русской дивизии заметно ухудшилось. Посещение болгарами русских окопов стало обычным явлением. Люди свободно бродили по местности, выстрелов не было слышно ни с той, ни с другой стороны.

К концу года стали распространяться сведения, что большевистское правительство заключило мир и Россия вышла из войны. Весть эта весьма быстро облетала все полки дивизии. Положение становилось все более тревожным, и при таких условиях Главнокомандующий союзными войсками на востоке счел необходимым снять русскую дивизию с позиции. Однако только в первой половине января 1918 года произошла фактически смена частей русской дивизии французскими войсками. Ввиду настроений солдат французские власти, памятуя о событиях во Франции, чрезвычайно опасались оставлять у отходящих в тыл частей оружие, и перед начальством встал острый и деликатный вопрос о разоружении дивизии. Применение силы для этой цели могло вызвать крайне тяжелые эксцессы. Решение было найдено благодаря находчивости начальника дивизии генерала Тарановского, и ни одна винтовка не была унесена солдатами в глубокий тыл, хотя путь был дальний.

Весь путь, совершенный войсками при снятии с позиций, прошел без инцидентов, но 20 января в Verria состоялся огромный солдатский митинг, направленный против офицеров. Агитаторы, по-видимому, прекрасно сознавали, что сплоченное офицерство — единственная сила, еще препятствовавшая превращению войсковых частей в толпу, всецело подпавшую под влияние соблазнительных лозунгов. Французский комендант г. Verria, донося своему начальству о характере митинга, сообщил, что на нем решено предъявлять офицерам ультиматум: «С Лениным ли вы, или против него?» В том же донесении комендант сообщил, будто на митинге солдаты решили передать командование ротами и батальонами унтер-офицерам и фельдфебелям. Постановление это провести в жизнь комитетам, однако, не удалось.

29 декабря новый Главнокомандующий союзными войсками на востоке генерал Guillaumat, заменивший отозванного генерала Саррайля,

уведомил генерала Тарановского о том, что перемирие, заключенное с неприятелем правительством, оказавшимся во главе России, не распространяется на Македонский фронт, но что, в случае непринятия такой точки зрения, на войска 2-й Особой дивизии могут быть распространены те же меры, которые применены к русским войскам, находящимся во Франции. Дело шло о разделении личного состава дивизии на три категории («Тряж») и использовании русских военных контингентов в соответствии с их пожеланиями.

Так закончилась боевая деятельность 2-й Особой русской дивизии. С августа 1916 года по январь1918 года части этой дивизии, в составе отдельных бригад, принимали деятельное участие почти во всех важнейших операциях союзников на Македонском фронте. При взятии Флорины и Монастыря, явившихся началом освобождения Сербии, а также в междуозерном районе было пролито немало русской крови, о чем свидетельствуют могилы русских офицеров и солдат, разбросанные на полях и высотах Македонского театра действий. По свидетельству бывшего начальника дивизии, генерала Тарановского, 3-й Особый пехотный полк был награжден за боевые отличия французским Военным Крестом на знамя, а 4-я бригада — орденом Звезды Карагеоргия 4-й степени.

Как видно из документального рассказа Ю.Н. Данилова, всю осень 1917 года на Салоникском фронте русские войска продолжали участвовать в боевых действиях при существенном некомплекте личного состава, в особенности — офицеров. Поэтому в обнаруженных уже в Российском военном архиве (РГВИА) документах часто встречаются указания из Ставки о направлении задерживающихся в Париже офицеров в Салоники, в том числе несколько раз упоминается имя Николая Гумилева. Как я предполагаю, причиной того, что он не добрался до Салоник, было не стремление уклониться от боевой службы, а то, что в Париже ему нашлось место в структуре военных организаций, где он мог быть использован с большей пользой. Ведь в глазах высшего военного руководства он не был типичным кадровым боевым офицером, с большим военным опытом, а именно они требовались в действующих войсках. Вместе с тем он обладал такими способностями, которые при сложившихся обстоятельствах могли быть эффективно реализованы при его службе в новых военных организациях, созданных и разместившихся в Париже. Ведь именно из Парижа осуществлялась координация и управление всеми русскими экспедиционными войсками.

После того как мы ознакомились с военным положением на Западном фронте, узнали об участии русских экспедиционных бригад в боевых действиях на двух фронтах и о том, чем, как и когда они завершились, пора возвратиться к началу рассказа, когда Николай Гумилев в мае 1917 года покинул Петроград с командировкой на Салоникский фронт. Предполагаю, что в общих чертах Гумилев знал об описанных событиях, происходивших во Франции и Македонии. А если и не знал всего досконально до того, как попал в Париж, то на новом месте службы ему невольно пришлось в этом разобраться. Но по дороге в Париж он не забывал и о своем главном предназначении. Проведя несколько месяцев в Петрограде, он меньше всего занимался военными делами. До самых последних дней его не покидали как творческие, так и новые литературно-организационные планы. По свидетельству Лукницкого, накануне отъезда, 14 мая, в редакции «Аполлона» он читал Ахматовой и Лозинскому повесть «Подделыватели». Исследователями творчества Гумилева считается, что здесь подразумевается оставленная в Лондоне и опубликованная Глебом Струве повесть «Веселые братья»[1298], загадочное, стоящее особняком произведение Гумилева. Если это так, то в Париже, как я предполагаю, текст был основательно переделан. Эта аллегорическая вещь вобрала в себя многое из того, о чем Гумилев мог узнать, только проработав почти год за границей, в Русской военной миссии, пообщавшись по делам службы с солдатами, выходцами из различных губерний России, замороченными большевистской пропагандой. О том, как могло это общение спроецироваться на повесть, будет сказано ниже. Творческое вдохновение не покидало его и во время месячного вояжа из Петрограда в Париж. Об этом свидетельствуют приведенные в предыдущей части письма Ларисе Рейснер многочисленные стихи, другие документы и рассказы тех, с кем ему довелось встретиться, поговорить, — месяц этот оказался чрезвычайно богат на неожиданные знакомства.

Месячный путь через Скандинавию и Англию во Францию. Встречи в Лондоне в июне 1917 года

Единственное свидетельство того, что Гумилев выехал из Петрограда 15 мая[1299], — приведенная выше запись П. Лукницкого в «Трудах и днях». В опубликованном Глебом Струве «Послужном списке», на дополнительном, заполненном в Париже и прикрепленном к основному списку листе сказано: «Командирован в действующую армию на Салоникский фронт — 17 мая 1917»[1300]. На самом деле 17/30 мая Гумилев оказался в Стокгольме — видимо, отсюда и начался отсчет его заграничной командировки.

Выехав из Петрограда за границу, Гумилев поначалу, похоже, повторил привычный в наши дни маршрут «выходного дня»: поездом из Петрограда, через Выборг и Гельсингфорс (Хельсинки) до Турку, оттуда пароходом (ныне паромом) — в Швецию, в Стокгольм, куда он прибыл 17 мая (по ст. ст.), о чем четко свидетельствует штемпель на приведенной выше открытке к Ларисе Рейснер, со стихотворением «Швеция». Но на штемпеле дата по новому стилю — 30 мая. После Стокгольма он побывал 3 июня в Осло (тогда — Кристиания). Из Осло Гумилев перебрался в порт Берген, откуда 5 июня отправил упомянутые выше письмо матери и открытку Ларисе Рейснер.

Из Бергена, пароходом, Гумилев перебрался в Лондон. Вот отображение этого пути в «Трудах и днях» Лукницкого: «**1917. От 15 мая до начала июня.** В пути из Петрограда в Лондон. В пути до 20 мая написаны 4 стихотворения. 20 мая приехал в Стокгольм. Осматривает его. 21 мая — в Христианию. 23 мая — в Бергене. В конце мая из Бергена на пароходе уезжает в Лондон. В начале июня приезжает в Лондон. В дороге написаны стихотворения: "Стокгольм", "Швеция", "Норвежские горы", "Так вот и вся она природа" (написано в Лондоне), "На Северном море" и др. С дороги пишет жене, матери и сыну, Л.М. Рейснер и др. (в письмах посылает новые стихи). Занимается английским языком. (*Письма*)»[1301]. Очевидно, что все эти сведения почерпнуты исключительно из не дошедших до нас писем. Даты Лукницкий приводит по старому стилю. В Лондоне Гумилев, с его слов в письме, задержался на две недели, но однозначно установить период его пребывания там можно только предположительно. Сохранились отправленные

оттуда, недатированные письма Анне Ахматовой и М. Лозинскому[1302], информативно очень насыщенные, позволившие, наряду с другими документами, достаточно точно восстановить хронологию его нахождения в английской столице. Событийно этот период достаточно полно освещался в ряде публикаций[1303], но, как показал в своей неопубликованной работе, посвященной пребыванию Гумилева в Лондоне, английский ученый, профессор Бристольского университета Майкл Баскер, публикации эти грешат рядом неточностей. С его любезного разрешения в настоящей публикации я буду пользоваться этой работой и приведенными в ней сведениями[1304], попытаюсь целостно осветить период пребывания Гумилева в Лондоне и выстроить его хронологически.

Но вначале полностью приведем два письма Гумилева из Лондона, так как они являются почти единственными документами, точно и подробно описывающими путешествие, основные встречи и творческие устремления их автора, а затем кратко их прокомментируем. Первым было послано письмо Ахматовой. Письмо без даты, судя по содержанию, оно было написано около 21 июня:

«Дорогая Анечка, привет из Лондона, мой, Анрепа, Вадима Гарднера и Бехгофера. Не правда ли, букет имен.

Расскажу о всех по порядку. Я живу отлично, каждый день вижу кого-нибудь интересного, веселюсь, пишу стихи (*зачеркнуто* — ~~устраиваю~~), устанавливаю литературные связи. Кстати, Курнос просто безызвестный графоман, но есть другие хорошие переводчики, которые займутся русской поэзией. Анреп занимает видное место в комитете и очень много возится со мной. Устраивает мне знакомства, возит по обедам, вечерам. О тебе вспоминает, но не со мной. Так, леди Моррель, дама-патронесса, у которой я провел день под Оксфордом, спрашивала, не моя ли жена та интересная, очаровательная и талантливая поэтесса, о которой ей так много говорил Анреп. Семья его в деревне, а он или на службе, или в кафе. Вадим Гарднер, который тоже в India House, проводит время исключительно в обществе третьеразрядных кокоток и презирает Лондон и все английское — этакий Верлэн.

Бехгофер (англичанин из Собаки) пригласил меня остановиться у него. Он тоже в India, недурно говорит по-русски и знакомит меня с поэтами. Но все в один голос говорят, что хороших сейчас нет и у большинства обостренные отношения. Сегодня я буду на вечере у Йейтса, английского Вячеслава. Мне обещали также устроить встречу с Честертоном, которому, оказывается, за сорок и у которого около двадцати книг. Его здесь или очень любят, или очень ненавидят — но все считаются. Он пишет также и стихи, совсем хорошие.

Думаю устроить, чтобы гиперборейские издания[1305] печатались после войны в Лондоне, это будет много лучше и даже дешевле. Здесь книга прозы, 300 стр‹аниц› 1000 экз‹емпляров› на плотной бумаге и в переплете, стоила еще совсем недавно 500 р‹ублей›.

Ну, целую тебя и посылаю кучку стихов, если захочешь, дай их Маме[1306], пусть печатает.

Твой всегда Коля»[1307].

Оригинал письма написан черными чернилами на двух сторонах листа белой бумаги. Конверт не сохранился. К письму были приложены

стихотворения «Стокгольм» и «Природа» («Так вот и вся она, природа...»)[1308]. Ближе к концу июня, в день отъезда из Лондона в Париж, Гумилев отправил «деловое» письмо Михаилу Лозинскому:

«Дорогой Михаил Леонидович, я просидел в Лондоне две недели и сегодня еду дальше. В Лондоне я не потерял времени даром. Видел много поэтов, художников, эссеистов; дал интервьюеру одной литературной газеты (еженед‹ельной›) общий мой взгляд на современную поэзию, пришел на помощь одному переводчику в составлении антологии совр‹еменных› русских поэтов. В этом я очень просил бы и твоей помощи. Переводчику необходимо знакомиться с поэзией последних лет, чтобы написать вступленье, и может быть, ты бы мог выслать нужные книги. Подробности относительно пересылки и денег тебе напишет Анреп.

Нужно достать: В. Иванов: Cor Ardens (оба тома) и “Нежная тайна”, А. Белый: Золото в лазури, И. Анненский: Кипарисовый ларец, Ахматовой: корректуру Белой стаи[1309], Мандельштама: Камень (второй, если еще нет третьего)[1310], Лозинского: Горный ключ, Ходасевича: Счастливый Домик, Клюева все три книги[1311], Кузмина: Осенние озера и Глиняные голубки, Гумилева: Чужое небо, Колчан и оттиск “Дитяти Аллаха”[1312]. И, если можно, декабрьскую книгу “Русской мысли” (ст‹атья› Жирм‹унского›)[1313] и № Аполлона со статьями об акмеизме[1314].

Я чувствую себя совершенно новым человеком, сильным, как бык[1315], и помолодевшим, по крайней мере, на пятнадцать лет. Написал уже десяток стихотворений, и строчки бродят в голове. По-английски уже объясняюсь, только понимаю плохо. “Дельвига нету со мной...”[1316], вот одно горе. Помнишь, что мы должны после войны вместе ехать за границу. А что делает неверный Шилей?[1317] Впрочем, я не имею права задавать вопросы, потому что до сих пор не знаю, куда мне писать.

Отношение к русским здесь совсем неплохое, а к революции даже прекрасное. Посылаю тебе одно из моих последних стихотворений, если па́па захочет, пусть печатает в “Аполлоне”, с твоего одобрения, потому что я еще не знаю, хорошо оно или плохо.

Кланяйся от меня всем, кто еще не забыл меня.

Жму твою руку

твой Н. Гумилев.

Прости, что опять беспокою тебя просьбами, но это для русской поэзии».

Оригинал письма написан черными чернилами на двойном листе бумаги. На второй его половине — стихотворение «В Северном море», в другой редакции по сравнению с вошедшим в «Костер», с дополнительным, исключенным в сборнике восьмистишием «Чтоб англичане, не немцы...». Для нас это восьмистишие наиболее интересно, так как оно говорит о политических взглядах Гумилева, о том, что в политике он все-таки разбирался. Письмо без даты, скорее всего, было передано с нарочным. На конверте нет никаких пометок, штемпелей и надписей, кроме адреса: Петроград, Разъезжая, 8, редакция журнала «Аполлон». Михаилу Леонидовичу Лозинскому. Вот этот первоначальный вариант, написанный, видимо, на корабле, по дороге из Бергена в Англию, как будет показано ниже, до 12 июня.

В Северном море

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Взносивших над Северным морем
Широкий крашеный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский —
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столетье
Вот так мы бродим по миру,
Мы бродим и трубим в трубы,
Мы бродим и бьем в барабаны:
— Не нужны ли сильные руки,
Не нужно ли твердое сердце,
Горячая кровь не нужна ли
Республике иль королю? —

Чтоб англичане, не немцы,
Возили всюду товары,
Чтоб эльзасские дети[1318]
Зубрили Гюго, не Гете,
Чтоб Джиолитти[1319] понял,
Как сильно он ошибался,
Чтоб устоял Венизелос[1320]
В борьбе с господином своим.

Эй, мальчик, неси нам
Вина скорее,
Малаги, портвейну,
А главное — виски!
Ну, что там такое:
Подводная лодка,
Плавучая мина?
На это есть моряки!

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срываться с высоких башен,
Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею
Поить ненасытных пьяниц —
Железо, сталь и свинец.

Но все-таки песни слагают
Поэты на разных наречьях,
И западных, и восточных;
Но все-таки молят монахи
В Мадриде и на Афоне,
Как свечи горя перед Богом,
Но все-таки женщины грезят —
О нас, и только о нас[1321].

Актуальные в 1917 году строки Гумилев исключил из стихотворения при подготовке «Костра». Хотя при выходе «Костра», в июле 1918 года, они не потеряли своей значимости — война продолжалась, и ее исход был еще не ясен. Но в заключившей позорный сепаратный мир с Германией России они могли быть либо неправильно поняты, либо могли не пройти по цензурным соображениям. Ведь Джованни Джолитти, как и большевики, был противником продолжения войны и участия в ней Италии, и слова, что «сильно он ошибался», были равносильны несогласию с реализованной большевиками политикой. Венизелос, как сказано выше, добился того, чтобы Греция присоединилась к Союзу стран согласия (к Антанте), в отличие от России. Строки с упоминанием этих государственных деятелей могли быть восприняты как крамола, или, по крайней мере, для России летом 1918 года они утратили свою актуальность. Гумилев, понимая это, исключил их из сборника. Что касается «эльзасских детей», то они, как и пожелал поэт, стали вскоре «зубрить Гюго, не Гете».

Вернемся к письмам. По письму Лозинскому мы можем судить о том, что Гумилев пробыл в Лондоне две недели. Единственным обнаруженным документом, называющим точное время его появления в Париже, является опубликованное Глебом Струве дополнение к послужному списку, где сказано: «Прибыл в Париж — 1 июля 1917 года»[1322]. Но это означает только то, что Гумилев появился в Париже **не позже 1 июля**. Лозинскому он писал, что «я просидел в Лондоне две недели и сегодня еду дальше». Добраться до Парижа из Лондона можно за сутки, и вначале я предполагал, что Гумилев выехал из Лондона 29–30 июня, следовательно, попал он туда из Бергена не ранее 15 июня. Морской переход из Бергена до Лондона занимал от двух до трех суток. Ларисе Рейснер 5 июня он писал из Бергена: «Скоро (но когда неизвестно) думаю ехать дальше». Получалось, что после отправленных писем матери и Ларисе Рейснер Гумилев оставался там еще почти неделю. Однако один обнаруженный документ нарушил это построение, но об этом и об одной связанной с этим загадкой будет сказано в конце главы, посвященной пребыванию Гумилева в Лондоне.

Первый, кого назвал Гумилев в письме Ахматовой и с кем он, безусловно, в первую очередь встретился в Лондоне, — Борис Анреп, об отношениях которого с Ахматовой он, конечно, догадывался. В своем рассказе Лукницкому в 1925 году Ахматова своеобразно прокомментировала это письмо: «Помните, он пишет — что Борис Анреп о тебе вспоминает и т.д.? Подумайте, как Коля был благороден! Он знал, что мне будет приятно узнать о нем ... (Н.С. знал, что АА любит Анрепа)»[1323]. Борис Анреп служил секретарем военного отдела в Русском правительственном комитете в Лондоне (Russian Government Committee) — военной службе, ведавшей закупками оружия[1324]. Он был главным и активным проводником Гумилева по английской культурной жизни[1325]. Б. Анреп свободно владел английским языком — в детстве в семье постоянно жили английские гувернантки; лето 1899 года он провел в английской семье в Грэйт Миссендене, графство Бакингемшир (Great Missenden, Buckinghamshire), но говорил с сильным акцентом. В 1908 году, познакомившись через Н.В. Недоброво с уже упоминавшимся выше художником Д.С. Стеллецким, он бросил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, чтобы учиться изобразительному искусству: сначала в Париже, затем, после поездок в Италию и Грецию с целью изучения мозаики, в Эдинбурге (1910–1911 гг.). В 1911 году он устроил собственную студию мозаики в Лондоне. Еще

в Париже он сошелся с английскими художниками Генри Лэмом (Henry Lamb; 1883–1960) и Огастусом Джоном (Augustus John; 1878–1961), познакомился через них с критиком Роджером Фраем. В Лондоне постоянно общался с современными художниками, литераторами, культурными деятелями т.н. группы «Bloomsbury Group». В 1912 году он сотрудничал с Фраем и критиком Клайвом Бэллом (Clive Bell; 1881–1964) при организации второй постимпрессионистской выставки «Британские, французские и русские художники» в галерее «Grafton Galleries»[1326], где были выставлены полотна Н. Гончаровой, М. Ларионова, К. Петрова-Водкина, М. Сарьяна и др. В 1913 году, с помощью О. Джона, Анреп устроил свою первую персональную выставку в галерее «Chenil Gallery». В 1912–1914 годах Анреп также написал четыре статьи о живописи для журнала «Аполлон». В начале войны он вернулся в Россию, воевал в Галиции, в 1915 году получил назначение секретарем в Русский правительственный комитет в Англии, судя по всему, благодаря содействию английского экономиста Мейнарда Кэйнза (1883–1946)[1327], работавшего в 1915–1919 годах в Министерстве финансов, частого гостя имения Гарсингтон Мэнор.

Русский правительственный комитет располагался, как сказано в письме Гумилева Ахматовой, в так называемом «Индийском доме» — «India House». В хранящихся в ГАРФе анкетах членов Русско-Британского братства[1328], в котором с 1917 года состояли многие постоянные сотрудники Русской миссии в Англии, приводятся как служебные, так и домашние адреса желающих вступить в Братство, и в них сказано, что Русский правительственный комитет располагался в Лондоне на улице Кингсуэй (London, Kingsway W.C.2). Вот как описывает это здание один из сотрудников Русской миссии, в 1918 году познакомившийся с Гумилевым, впоследствии ставший писателем и своеобразно упоминавший о встречах с Гумилевым в своих книгах: «К 1917 Русский Военный Комитет в Лондоне разросся до большого размера Министерства. Он занял внушительное железобетонное здание в несколько этажей, с лабиринтом коридоров, бесконечными нумерованными комнатами, со своим рестораном наверху и собственным полицейским внизу в холле…»[1329] Скорее всего, это то здание, которое ныне располагается в самом центре Лондона, на пересечении начинающейся около моста Ватерлоо дугообразной улица Олдвич (Aldwych) и лучом отходящей от нее к северу улицы Кингсуэй. Улица эта была проложена в начале XX века, и в построенных тогда же вдоль нее домах разместились различные представительства Британской империи: Канады, Австралии, Индии, судя по указанным в анкетах адресам, некоторые из русских служб размещались и в этих зданиях. Хотя в современных справочниках сказано, что расположенное по улице Олдвич здание «India House» построено в 1930 году, скорее всего, тогда старое здание было лишь расширено или перепланировано. Некоторые русские службы располагались в соседних домах по той же улице Кингсуэй. Например, службы Русской миссии в Лондоне (Russian Mission to England) и Департамент артиллерии в здании «Empire House» (Имперский дом), Русско-Британская Торговая палата (The Russo-British Chamber of Commerce) в здании «International Buildings» (Международные здания), ряд служб — в «Canada House» (Канадский дом)[1330]. Думаю, что по всем этим адресам Гумилеву приходилось бывать. Часто бывал Гумилев в Русском консульстве (Russian Consulate General), располагавшемся по адресу: площадь Бедфорд-сквер, 30 (London, 30, Bedford square). Именно этот адрес указал сам Гумилев в недавно обнаруженном (не вошедшем в ПСС) письме М. Ларионову из Лондона, посланном уже в январе 1918 года, как свой служебный адрес, по которому ему должны отправляться письма. Вряд ли за те месяцы, пока его не было в Лондоне, русские службы могли быть перемещены в новое помещение. Как удалось выяснить, это здание, видимо, после расформирования русских военных учреждений, в 1919 году занял известный английский издатель Джонатан Кейп, учредивший в нем издательство Jonathan Page and Company. В наше время там размещается Институт искусств Сотби (Sotheby's Institute of Art — 30, Bedford Square, Bloomsbury). Не мог миновать Гумилев и Русского посольства в Англии (The Russian Embassy), разместившегося в «Chesham House» на площади Чешем-плейс (Chesham Place).

Среди многочисленных бумаг, оставленных Гумилевым Анрепу перед возвращением в Россию весной 1918 года, наибольший интерес для нас представляет его записная книжка с краткими записями, перечнями книг, разными адресами, обозначенными местами и датами встреч[1331]. Как пишет Глеб Струве, «большая часть этих записей сделана не рукой Гумилева, но некоторые из них представляют интерес, поскольку они имеют отношение к кругу его знакомств и кругу чтения, и мы приводим их в постраничном порядке»[1332]. То, что «большая часть этих записей сделана не рукой Гумилева», с моей точки зрения, объясняется очень просто: все записи, касающиеся адресов, мест и времени встреч, названий книг (таких записей — большинство), сделаны по-английски, который он только-только начинал осваивать, о чем сообщил Лозинскому: «По-английски уже объясняюсь, только понимаю плохо». Писать по-английски он просто не мог и каждый раз просил сделать соответствующую запись своего компаньона. Записи эти помогли в «расшифровке» писем и позволили достаточно точно реконструировать весь, весьма насыщенный, период пребывания Гумилева в Лондоне в июне 1917 года. Хотя книжка могла заполняться вплоть до весны 1918 года, когда Гумилев вновь попал в Лондон, и на значительно более длительный срок (часть записей относится к его пребыванию во Франции), большинство записей в ней связано с двухнедельной задержкой в Лондоне в 1917 году. Эту книжку использовала Э. Русинко в своей публикации «Гумилев в Лондоне: Неизвестное интервью»[1333], а также Майкл Баскер. Так как ее ни разу не перепечатывали после публикации Глебом Струве в 4-м томе «Сочинений», сверенная с оригиналом записная книжка полностью приведена в «Приложении-1» к этой части. Это поможет любопытствующему читателю проверить степень ее «расшифровки». В дальнейшем ссылки на нее будет даваться как «**ЗК — номер страницы**».

Следующие, кого упоминает Гумилев в письме Ахматовой, — сослуживцы Бориса Анрепа по «India House» — Вадим Гарднер и Бехгофер.

Гарднер Вадим Данилович (18/30.6.1880, Марко-Вилле близ Выборга — 20.5.1956, Хельсинки)[1334], настоящая фамилия де Пайва-Перера Гарднер, родился в семье американского подданного Даниэля-Томаса Гарднера и писательницы и переводчицы Е.И. Дыховой. Учился в Петербурге на юридическом факультете университета. В феврале 1913 года он был принят в Цех поэтов, печатался в «Гиперборее», «Русской мысли». До революции Гарднер выпустил два сборника стихов, на один из них Гумилев поместил рецензию в журнале «Аполлон» (1913, № 2)[1335]. Последний его сборник стихов вышел в 1929 году в Париже — «Под далекими звездами». В 1916 году он принял русское подданство, был призван на военную службу и служил в Лондоне вместе с Анрепом, работал в комитете по снабжению союзников

оружием при генерале Гедройце[1336]. Нам В. Гарднер интересен тем, что в апреле 1918 года ему довелось возвращаться в Россию на одном пароходе с Гумилевым, о чем он рассказал в своей поэме. С 1921 года Гарднер жил в родном городе в Финляндии, так что нельзя говорить, что он «сбежал» из России или «эмигрировал».

В «India House» служил и Бехгофер. С ним Гумилев познакомился в «Бродячей собаке», когда в конце декабря 1914 года ненадолго приезжал с фронта в Петроград. Вскоре Бехгофер в журнале «The New Age», в разделе «Письма из России», поместил заметку о беседе с поэтом[1337]. Карл Эрик Бехгофер[1338] (Bechhofer) (известен также под фамилией Робертс (или Bechhofer-Roberts); 1894–1949) — прозаик, переводчик, журналист, автор многочисленных биографий, романов[1339], путевых записок, был иностранным корреспондентом в Петрограде. С декабря 1914 по ноябрь 1915 года посылает в редакцию еженедельника «Нью-Эйдж» («The New Age») серию «Писем из России». В июне 1917 года Бехгофер взял интервью у Гумилева для того же журнала, о чем Гумилев написал Лозинскому. В лондонской записной книжке («ЗК-3») указан адрес редакции и приведено замечание Гумилева по-французски: The New Age / 38 Cursitor St. / Chancery Lane (*Кёрситор-стрит, д.38 / Ченсери-лейн*). «Le journal le plus éclairé de l’Angleterre» *(«Самый просвещенный журнал Англии»*). Интервью было опубликовано уже после отъезда Гумилева, 28 июня. Вот несколько фрагментов из него:

«Недавний проезд через Лондон Гумилева, одного из наиболее известных молодых русских поэтов и литературного редактора петроградского “Аполлона”, дал мне возможность ознакомиться с его воззрениями на поэзию нынешнего дня.

“Мне кажется, — сказал он, — что мы покончили теперь с великим периодом риторической поэзии, в которую были погружены почти все поэты девятнадцатого века. Сегодня основная тенденция та, что каждый стремится к экономии слов, которая была совершенно неизвестна как классическим, так и романтическим поэтам прошлого, таким, как Теннисон, Лонгфелло, Мюссе, Гюго, Пушкин и Лермонтов. Они рассказывали свою поэзию, а мы хотим сказать ее! Другая параллельная тенденция сегодня — это поиск образной простоты по контрасту с творчеством символистов, которое было очень усложненным, преувеличенным и иногда даже бессвязным. Новая поэзия ищет простоты, ясности и достоверности. Забавным образом все эти тенденции невольно напоминают нам о лучших произведениях китайских поэтов, и интерес к последним явственно увеличивается в Англии, Франции и России. И все же повсюду, кажется, есть стремление к подлинно национальным формам поэзии. Английские поэты — Г.К. Честертон, Йейтс и «А.Е.»[1340], например, — работают над восстановлением балладных форм и фольклора, потому что английское лирическое творчество находит в них свое высшее выражение. По сходной причине французские поэты пишут очень простые и очень ясные стихотворения — почти песенки. В частности, я мог бы назвать Вильдрака, Дюамеля[1341] и других. В России сегодняшние поэты пробуют разнообразные темы и формы в надежде заполнить пробелы в молодой поэзии своей нации. Тем не менее, они, как и другие, отклоняют иноземные образцы и темы. Они пишут не баллады и песенки, а стихи психологического содержания, соприкасающиеся с нынешними культурно-философскими направлениями мысли, как русскими, так и иностранными. Что касается свободного стиха, мы должны признать,

что он завоевал права гражданства в поэзии каждой страны. Тем не менее очевидно, что верлибр должен использоваться крайне редко, поскольку он является только одной из недавно найденных форм и ни в коей мере не замещает все остальные. ‹…›

Я не думаю, что у футуризма в поэзии есть будущее, просто потому, что футуризм в каждой стране отличен от своих собратьев; и все футуризмы, вместе взятые, не составят единой школы. Например, в Италии футуристы — милитаристы, в России они — пацифисты. К тому же футуристы построили свои теории на полном презрении к искусству прошлого, а это неизбежно оказывает очень дурное влияние на их художественное развитие, на их вкус и на их технику”.

Гумилев сказал, что, по его мнению, место старого прозаического театра займет возрожденная поэтическая драма. Современные поэты обладают тем преимуществом, что они более раскованы, нежели их предшественники, и сама поэзия стала богаче в нюансах и в энергии выражения. ‹…› Поначалу стихотворные драмы, скорее всего, будут проваливаться, но при повторении наверняка понравятся публике. “К сожалению, нарастающая в обществе жажда зрелищ — хлеба и зрелищ! — и неизменно высокие постановочные расходы сковывают предприимчивость театральных руководителей. Это очень печально, потому что в новом репертуаре стихотворной драмы нашлось бы место и новым художникам, и новым композиторам, которые сегодня столь же далеки от публики, как и писатели. Новый театр, как я представляю, не будет театром бледных событий, бледных движений и эмоций наподобие театра Метерлинка, но, напротив, будет исполнен страстей, действия и возвышенных моментов. В конце концов, только театр способен ознакомить широкую публику с искусством ее современников”. ‹…›

Я спросил Гумилева, не находит ли он, что сейчас — период эпоса. “Нет, это не время эпоса. Эпос всегда следует за событиями, которые в нем воспеваются. А мы сейчас находимся посреди великих событий, и, следовательно, сейчас время драмы, и оно будет, по-видимому, еще некоторое время продолжаться. Совершенно очевидно, однако, что события нашего сегодня на несколько веков вперед обеспечат эпосом будущие поколения. ‹…›

Из других форм поэзии, — можно сказать, что отжила свой век дидактическая поэзия. Слишком развилось наше чувство юмора, слишком мы утончились, чтобы выслушивать моральные наставления в стихах. Остается поэзия мистическая. Ныне она переживает возрождение только в России, где она связана с великими религиозными идеями народа. ‹…› Да и во Франции тоже можно надеяться на возрождение мистической поэзии, подобной той, которая уже видна в произведениях Поля Клоделя и Франсиса Жамма. ‹…›”

Я спросил Гумилева, не полагает ли он, что может существовать связь между поэтической драмой и мистической поэзией. “Мне кажется, — ответил он, — что они ведут в разные стороны. Одна — о душе, другая — о духе. Когда сегодняшний поэт чувствует ответственность за себя перед миром, он старается обратить свою мысль к поэтической драме как к высшему выражению человеческой страсти, чисто человеческой страсти. Но когда он задумывается о конечной судьбе человечества и о загробной жизни, он неизбежно обратится к мистической поэзии”»[1342].

Интервью Гумилева было замечено. Две недели спустя, в номере от 12 июля 1917 года, появилось «Письмо в редакцию» одного скептически настроенного читателя (и весьма традиционного поэта), некоего J.A.M.A., оспаривавшего почти все позиции Гумилева и даже предположившего в заключение, «что мистер Гумилев сам — не поэт»[1343]. Бехгофер выступил в защиту Гумилева в следующем номере, подчеркнув, что «Гумилев хорошо известен не только в России, но также и среди переводчиков с русского на Западе как лидер молодой школы современной русской поэзии, влиятельный литературный и художественный критик»[1344]. Больше имя Гумилева в этом журнале не упоминалось, однако не исключено, что он получил приглашение писать о русской поэзии именно от журнала «The New Age». Началом первой такой статьи, возможно, является набросок «Вожди новой школы» в его «Записной книжке»[1345].

Судя по письму к Ахматовой, скорее всего, у Бехгофера в Лондоне Гумилев и остановился. Как недавно выяснилось, сам Бехгофер жил рядом с редакцией, на указанной в записной книжке улице Chancery Lane (*Чансери-лейн*), дом 63. Этот адрес он указал в письме Гумилеву, отправленном сразу же после его отъезда в Париж.

«63, Chancery Lane, London W.C.
27.06.17.
Дорогой Г‹осподин› Гумилев,

я надеюсь, что Вы уже благополучно добрались до Парижа и что, следовательно, Вы приятно развлекаетесь и при этом размышляете. Ваше "интервью" уже стоит в "New Age", и я Вам завтра пошлю номер на тот же адрес, что и это письмо. Также я отправлю номер леди Моррелл, и четыре экземпляра остаются у меня для Вас.

Я отыскал последние страницы Вашего "Дитя Аллаха", но я оставляю их у себя, потому что я жду, что Вы пришлете также первые страницы для Г‹осподина› Selver[1346]. К тому же, Вы взяли с собой Ваш "Колчан"[1347] — но как переводить Ваши прекрасные стихи без книги?

Напишите мне, дорогой Николай Степанович, могу ли я что-нибудь сделать или устроить что-то здесь для Вас. Я очень надеюсь вскоре снова увидеть Вас или, по крайней мере, получать письма от Вас. Извините меня, что я пишу по-французски так плохо — но я пишу гораздо хуже по-русски[1348].

Все здесь ‹идет› неторопливо и благостно. Я буду у Г‹осподина› Честертона сегодня пополудни и поговорю с ним о Вас.

Пришлите, пожалуйста, книгу и пантомиму[1349]; я тотчас увижусь с Селвером, и мы начнем делать Антологию[1350].

Всего хорошего, К.Э. Бехгофер»[1351].

Исходя из отсутствия в записной книжке адресов Анрепа и Бехгофера, они его и встречали, и их адреса он знал заранее. Забегая вперед, отметим, что после окончания Первой мировой войны Бехгофер дважды приезжал в революционную Россию[1352]. Его впечатления нашли отражение в двух книгах: Bechhofer C.E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–20: Being the Record of a Journey to South Russia, the Crimea, Armenia, Georgia, and Baku in 1919 and 1920 (London 1921); Bechhofer C.E. Through Starving Russia: Being the Record of a Journey to Moscow and the Volga Provinces in August and September 1921 (London, 1921; книга имела посвящение «To Helen and Boris Anrep»).

Обратите внимание на даты второго посещения России — август и сентябрь 1921 года. В пятой главе второй из этих книг Бехгофер упоминает о встречах в Москве в августе 1921 года с Маяковским, Есениным, Мариенгофом, Шершеневичем, Каменским и др.: «За исключением Брюсова, все они — поэты весьма новаторской школы. Они называют себя "имажинистами", и те, с которыми я встречался, задавали мне много вопросов о своих английских и французских предшественниках, "имажистах". Тогда же мне говорили, что из моих двух лучших друзей среди более молодых русских поэтов, Сергей Городецкий только что умер в Баку [sic], а Николай Гумилев сидел в тюрьме в Петрограде. В их лавке мне удалось купить ‹…› последние произведения имажинистов, а также произведения Блока, Гумилева, Белого и др. Однажды вечером, спустя некоторое время, я обнаружил в городе кафе под названием "Кафе имажинистов", где я встретил, среди других, Есенина и Мариенгофа. Они передали мне страшную новость о том, что Гумилев только что был расстрелян в Петрограде, вместе с шестьюдесятью другими, в том числе тринадцать женщин, по какому-то казавшемуся большей частью фальшивым обвинению в заговоре с финскими и американскими секретными службами. Гумилев — первый русский поэт, казненный большевиками»[1353]. Этими же словами Бехгофер также сообщил о расстреле Гумилева в пространном «Письме» о русской литературе в литературном приложении к газете «Таймс» от 13 октября 1921 года[1354]. Как констатировала Э. Русинко, «письмо» Бехгофера было «фактически первым некрологом Гумилева в западной прессе»[1355].

Ко времени лондонской встречи с Гумилевым Бехгофер уже стал редактором английской «Антологии русской прозы XIX в.» (Bechhofer C.E., ed. A Russian Anthology in English. London, Keegan Paul, 1917) и издал книгу переводов русской драматургии (Five Russian Plays, with one from the Ukrainian. Translated from the originals with Introduction by C.E. Bechhofer. London, 1916; произведения Фонвизина, Чехова (2 шуточные пьесы), Евреинова; «Вавілонський полон» Л.П. Косач). Любопытно отметить, что как раз в те дни, когда Бехгофер пригласил бывшего «синдика» «Цеха поэтов» «остановиться у него», он опубликовал интервью с английским художником Огастусом Джоном о возможности учреждения английского «Цеха художников», рассматриваемого на фоне оккультных «цеховых» традиций от древних египтян до франкмасонов и розенкрейцеров[1356]. В 1920 году Бехгофер также опубликовал перевод «Двенадцати» Блока с иллюстрациями М.Ф. Ларионова[1357]. Однако после вышеупомянутых длительных путешествий во время Гражданской войны, видимо, его увлечение Россией угасало. Его дальнейший творческий путь отмечен такими разнообразными публикациями, как первый, полутеософский роман под названием «Сокровище брахмана» (The Brahmin's Treasure. London, 1923), отмеченные выше в примечаниях детективные и фантастические произведения, а также разоблачительное исследование под названием «Правда о спиритизме» (The Truth about Spiritualism. London, 1932).

Бехгофер вместе с Анрепом устраивали Гумилеву различные знакомства. Анреп вращался в элитарных литературно-художественных кругах Лондона и, несомненно, ввел в них и Гумилева. Одним из первых, с кем он познакомил Гумилева в Лондоне, был впоследствии ставший знаменитым писатель Олдос Хаксли[1358]. Анреп стал общаться с О. Хаксли в октябре 1916 года, проявив к нему, к немалому удивлению сдержанного англичанина, большую симпатию[1359]. Анреп только что устроил на работу в India

House протеже О. Моррелл, будущую невесту Хаксли Марию Нис (Maria Nys), к которой он сам, видимо, был далеко не равнодушен. Будущий знаменитый писатель, в 1916 году дебютировал сборником модернистских стихотворений «Горящее колесо» (The Burning Wheel)[1360]; в конце 1917 года он выпустил второй сборник стихов «Иона» (Jonah). Хаксли отозвался о Гумилеве в письме к гувернантке дочери леди Оттолин Моррелл от 14 июня 1917 года. Из него следует, что, несмотря на упомянутые Лукницким «занятия английским языком», Гумилев предпочитал в Англии изъясняться по-французски: «Я встречал Гумилева, известного русского поэта (о котором я, правда, ничего раньше не слышал, — но все же!), и редактора газеты “Аполлон”. С большим трудом мы беседовали по-французски: он говорит на этом языке с запинками, а я всегда начинаю заикаться и делаю чудовищные ошибки. Тем не менее, Гумилев показался мне весьма интересным и приятным человеком. Анреп собирается привезти его в ближайшее воскресенье в Гарсингтон»[1361]. Употребленная Хаксли глагольная форма подлинника («I have been meeting a distinguished Russian poet…» — «Я встречал известного русского поэта…») предполагает более чем одну их встречу. Помимо факта знакомства Гумилева с Хаксли, письмо это для нас очень важно указанной в нем датой отправки — **14 июня 1917 года**. Вряд ли Анреп познакомил Гумилева с Хаксли в первый же день его приезда. Поэтому можно предположить, что Гумилев появился в Лондоне, по крайней мере, за несколько дней до этого. Вряд ли ранее 9–10 июня, но не позже, как я предполагаю, — **11–12 июня**. Следовательно, Лондон он покинул не позже 25–26 июня. Недавно обнаруженное письмо Бехгофера Гумилеву полностью подтверждает эту дату.

В приведенном письме О. Хаксли важно упоминание Гарсингтона. Гумилев посетил располагавшееся недалеко от Оксфорда имение Гарсингтон Мэнор (Garsington Manor) в субботу и воскресенье, 16–17 июня. По словам Хаксли, это было в «ближайшее воскресенье» (после 14 июня), и этот визит помечен в записной книжке («ЗК-4»): «Lady Ottoline Morrell / Garsington Manor / Garsington / near Oxford / St. Wheatley Oxford / Paddington». Там же записано расписание поездов от крупнейшего вокзала Лондона Паддингтон до Оксфорда. Видно, что уехал Гумилев из Лондона 16 июня, в субботу, в 9 ч. 50 м. утра (поезд прибыл в Оксфорд в 11 ч. 15 м. дня). А назад в Лондон он вернулся 17 июня, в воскресенье, в 2 ч. 20 м. дня. Ночевал поэт в самом центре Оксфорда, в отеле «The Eastgate Hotel», на улице High Street, в комнате № 19. Об этом также сказано в записной книжке («ЗК-5»): «The Eastgate Hotel / High St. / Oxford. Room № 19». Отель этот, по тому же адресу, принимает гостей и в наши дни.

Хозяйкой имения Гарсингтон Мэнор была леди Оттолин Моррелл (Ottoline Morrell, 1873–1938), аристократка, потомок герцога Веллингтона, покровительница литературной и интеллектуальной жизни, связанная прежде всего с группой «Блумсбери» (Bloomsbury Group), названной по району в центре Лондона, объединившей в те годы писателей, художников и интеллектуалов. В мае 1915 года О. Моррелл и ее муж, либеральный член парламента сэр Филипп Моррелл (Philip Morrell), поселились в приобретенном ими в 1913 году усадебном доме при деревне Гарсингтон, в пяти милях к юго-востоку от Оксфорда: «Двухэтажный усадебный дом, с чердаками и высокими остроконечными крышами, был построен из серого котсуольдского камня, со сводчатыми окнами, посреди 200 акров садов и сельскохозяйственных земель. Двойные чугунные ворота открывались прямо с

дороги на маленький дворик, покрытый гравием, ведущий к парадному входу; но настоящая передняя часть дома была с другой стороны и выходила на беркширское возвышение. Большой сад спускался с несколькими прудами к фруктовому саду, за которым лежали открытые поля с великолепным видом на Виттенгамский лес. Это был один из красивейших домов графства Оксфордшир, первоначально построенный, как говорилось, для какого-то монашеского ордена; также говорилось, что его пруды были упомянуты в земельной описи Вильгельма-завоевателя»[1362]. На несколько лет, с 1915 до начала 20-х годов, этот дом стал «почти что центром английской интеллектуальной и культурной жизни»[1363]. Анреп, который познакомился с О. Моррелл через своего друга художника Г. Лэма и близко общался с ней еще в Париже в начале 1911 года, уже посещал Гарсингтон Мэнор несколько раз[1364]. К характеристике их отношений можно добавить, что спутница Лэма 1911 года Хэлен Мэйтланд вскоре ушла от него к Анрепу, в 1918 году стала его второй женой, а в 1926 году ушла к Р. Фраю. Сохранился портрет семьи Анрепа, выполненный Г. Лэмом в конце 1910-х годов[1365].

Единокровная сестра Герцога Портлендского, жена либерального члена парламента, леди Оттолин Моррелл была любовницей Бертрана Рассела, конфиденткой Литтона Стрэчи[1366] и близким другом писателей Генри Джеймса, Олдоса Хаксли, Т.С. Элиота и других. В ее оксфордширском имении Гарсингтон Мэнор в разные годы можно было встретить Д.Г. Лоуренса[1367], У.Б. Йейтса[1368], Вирджинию Вулф, Арнольда Беннета[1369], Огастуса Джона[1370] и других знаменитостей. Здесь Анреп познакомился со своими соотечественниками из «Русского балета» — Дягилевым, Нижинским, Бакстом. В мемуарах леди Оттолин есть свидетельство, что уже в марте 1916 года Анреп стал знакомить ее друзей с русскими офицерами[1371]. К сожалению, она не упоминает имени Гумилева, однако, как следует из приведенных выше писем, Гумилев посетил Гарсингтон 16–17 июля.

Поскольку выше (и в другой посвященной Гумилеву литературе) названы имена многих знаменитых посетителей Гарсингтона, следует уточнить, с кем из них мог встретиться Гумилев в июне 1917 года. Большинство все-таки в это время отсутствовало. По мнению Майкла Баскера, тогда в имении не могли быть, например, ни Кэтрин Мэнсфилд, ни Вирджиния Вулф, ни Г. Литтон Стрэчи, ни Т.С. Элиот, ни У.Б. Йейтс, с которым Гумилев встретится на следующей неделе. В это время Йейтс вращался в других кругах и впервые побывал в Гарсингтоне только в конце 1919 года[1372]. В ту субботу и воскресенье не было даже О. Хаксли, до этого долго проживавшего в Гарсингтоне, где он работал на ферме. Вопреки предположениям некоторых комментаторов, ни тогда, ни потом Гумилев не мог познакомиться и с писателем Д.Г. Лоуренсом, с которым О. Моррелл порвала отношения в начале 1917 года, прочитав в рукописи его новый роман «Влюбленные женщины» (Women in Love) и усмотрев в Гермионе Роддич и ее поместье Бредалби «унизительное», карикатурное изображение себя и жизни в Гарсингтоне (в печатном тексте 1920 года «описания дома и сада были изменены, некоторые из самых обидных эпизодов были удалены»[1373]. Все время пребывания Гумилева в Англии Д.Г. Лоуренс жил в крайне стесненных обстоятельствах, в Корнуолле и Ньюбери, проведя только три дня в Лондоне по неотложным делам в марте 1918 года. Не исключено, однако, что в Гарсингтоне 16–17 июня 1917 года был философ Бертран Рассел.

После того как мы очертили круг тех, с кем мог встретиться (или не встретиться) Гумилев у леди Оттолин Моррелл, было бы любопытно понять,

о чем собравшиеся гости могли беседовать. Ведь не ради же только чашки кофе собирались в этом доме! Возможность присутствия у леди Оттолин Моррелл Бертрана Рассела позволила Майклу Баскеру предположить, какой темы не могли не коснуться в своих беседах гости Гарсингтон Мэнор и русский офицер Николай Гумилев в субботу и воскресенье 16–17 июня. Ведь как раз накануне, 14–15 июня, известный английский поэт Зигфрид Сассун (Siegfried Sassoon; 1886–1967), ровесник Гумилева, завершил свое ставшее впоследствии знаменитым «этическое заявление»[1374]. Если бы Гумилев попал в Гарсингтон Мэнор неделей раньше, 10 июня, он встретил бы там этого поэта. Зигфрид Сассун вернулся с фронта в апреле, с ранением в плечо, глубоко потрясенным и разочарованным как своим собственным опытом в окопах Западного фронта, так и предположениями о политических целях ведения войны, подтвержденными беседами с журналистом Х. Массингэмом (касавшимися, между прочим, лицемерного изложения английскими военными целей войны «новому» Русскому правительству и неразглашения секретных договоров, заключенных между Англией и Россией в начале войны). При содействии леди Оттолин Моррелл и ее мужа Филиппа, которые 12 июня свели его в Лондоне с Бертраном Расселом и критиком и эссеистом Джоном Миддлтоном Марри (John Middleton Murry, 1889–1967; между прочим, выпустившим в 1916 году книгу «Fyodor Dostoevsky: A Critical Study»), как было сказано, Сассун объявил свою декларацию, в которой, в частности, говорилось: «Я делаю это заявление как акт преднамеренного вызова военным властям, ибо я верю, что война умышленно продлевается теми, во власти которых ее прекратить. Я солдат, убежденный в том, что я действую от имени солдат. Я глубоко убежден, что эта Война, на которую я пошел, как на оборонительную и освободительную, стала теперь войной агрессии и завоевания…»[1375]. Вскоре это заявление Сассуна было зачитано в парламенте и опубликовано в прессе[1376], в соответствии с советами Оттолин Моррелл, вопреки мнению ее супруга, при поддержке Бертрана Рассела, что взбудоражило английское общество. Как пишет Майкл Баскер, невозможно себе представить, чтобы наряду со светским разговором об Ахматовой (о чем Гумилев рассказал ей в своем письме), крайне рискованный протест военнослужащего и поэта Сассуна не стал предметом оживленного обсуждения в ту субботу и воскресенье в доме, являвшемся своего рода очагом весьма непопулярного тогда английского пацифизма и явившемся именно тогда «эпицентром» этого «взрыва». Надо заметить, что приезжие русские офицеры, по-видимому, составляли некоторое экзотическое исключение на общем фоне пацифистского духа, царившего в доме[1377]. Гумилев, как мне кажется, не мог остаться равнодушным к этому «крику души» своего современника и поэта, прошедшего с ним один и тот же путь, — Сассун записался добровольцем на войну в первые же дни, тогда, когда и Гумилев. Но Сассун, помимо ранения, столкнулся и с личной трагедией — на войне погиб его младший брат. В июне 1917 года он находился в достаточно тяжелом душевном состоянии, поэтому его не оказалось в Гарсингтон Мэнор, когда туда попал Гумилев, и два поэта не смогли встретиться. Протест Сассуна вскоре вылился в то, что его объявили не вполне нормальным, с диагнозом «военный невроз» (как это знакомо нам, в нашей стране!), и поместили в соответствующую клинику. Позже он продолжил службу; между прочим, закончил он ее на Персидском фронте, в Палестине, куда рвался, но так и не смог попасть Николай Гумилев.

Когда Гумилев покидал Россию, он должен был попасть в действующие войска и об иной участи вряд ли задумывался. По моему мнению, к штабной службе он и в России никогда не стремился. Ведь за годы войны его неоднократно (по состоянию здоровья) хотели освободить от дальнейшего прохождения службы, и в иной раз сложнее было ее продолжить, чем на законных основаниях демобилизоваться и заняться мирными, литературными делами. Безусловно, Гумилев никогда не был пацифистом, но его и нельзя причислить к шовинистам или поборникам кровавой бойни. Не раз приходилось задумываться: почему во Франции Гумилев так легко и сразу согласился на достаточно спокойную, «штабную» жизнь при комиссаре, возможно, сам стал ходатайствовать, через друзей, о том, чтобы его оставили в Париже. Не связано ли это как-то с тем, что он мог услышать в «аристократической компании» у леди Оттолин Моррелл 16–17 июня 1917 года? Не исключено, что брошенное тогда зерно упало на подготовленную почву и дало всходы уже в ближайшие дни, еще в Англии, а затем — в Париже.

Следующая неделя пребывания Гумилева в Лондоне была не менее насыщена встречами с известными писателями и художниками. Скорее всего, Анреп познакомил Гумилева со своим другом Роджером Фраем (1886–1934), самым влиятельным художественным критиком своего поколения, художником, приверженцем постимпрессионизма, чьи работы часто отмечал журнал «Аполлон». В записной книжке Гумилева («ЗК-9»)[1378] есть важная для хронологической привязки событий пометка о завтраке с Фраем в 13.30, в четверг, 21 июня 1917 года. Приблизительно в этот период Фрай приступил к переводу стихов Малларме и, вполне вероятно, обсуждал свои планы с Гумилевым, которого также интересовал поэтический перевод.

Как предполагает Майкл Баскер, в этот же день Р. Фрай познакомил Гумилева с выдающимся ирландским поэтом Уильямом Батлером Йейтсом. В письме Ахматовой Гумилев писал: «Сегодня я буду на вечере у Йетса, английского Вячеслава». Эта фраза позволила Григорию Кружкову, переводчику и одному из лучших специалистов по английской литературе и поэзии, предположить, что Гумилев и Йейтс встретились 18 июня: «Письмо это обычно датируется “около 20 июня 1917 года”. Во всяком случае, не раньше воскресенья 17 июня, когда Гумилев с Анрепом навестили леди Оттолин Моррелл и ее поместье под Оксфордом. Наиболее же вероятная дата письма — 18 июня, так как именно по понедельникам Йейтс устраивал “журфиксы” в своей лондонской квартире на Уоберн-Плейс. В этот раз он появился в Лондоне всего лишь на несколько дней, проездом из Манчестера в Ирландию, и вряд ли задержался дольше 20-го числа, судя по замечанию в письме отцу от 14 июня: “Прежде, чем ты получишь это письмо, я уже буду в Ирландии”[1379]. Однако в своей неопубликованной работе Майкл Баскер уточнил, что, скорее всего, в письме Ахматовой речь идет о благотворительном вечере в Лондоне 21-го июня 1917 года — единственном публичном выступлении Йейтса в это время[1380]. Это позволяет уточнить и датировку письма Гумилева Ахматовой. Следует добавить, что Йейтс тогда тяготился жизнью в Лондоне, был утомлен войной и, проведя в английской столице чуть больше месяца, мало с кем общаясь, отправился в Ирландию в начале июля[1381]. Зато как раз в мае–июне он с увлечением работал над мистериально-национальной драмой «Сновидение костей» (The Dreaming of the Bones), написанной под впечатлением британского подавления

«пасхального мятежа» 1916 года, считая ее (в одном июньском письме) своей «лучшей пьесой» за многие годы[1382]. Можно полагать, что на вечере 21 июня действительно состоялась встреча с «английским Вячеславом» автора «Гондлы», говорившего о поэзии Йейтса и о «нарождающейся поэтической драме» в своем интервью Бехгоферу для еженедельника «The New Age», опубликованном ровно через неделю.

Встреча и разговоры с Йейтсом, по-видимому, Гумилеву запомнились и отразились на его дальнейшем творчестве. Он продолжил кельтскую мистическую тематику по возвращении в Россию, в незавершенной пьесе «Красота Морни»[1383]. Гумилев переводил, уже после возвращения в Россию, пьесу Йейтса «Графиня Кэтлин». Об этом говорит опубликованный Глебом Струве автограф[1384]. «Детективную» историю по его расшифровке Григорий Кружков захватывающе изложил в своих книгах[1385]. Воспроизводя надпись на книге — «По этому экземпляру я переводил Графиню Кэтлин, думая лишь о той, кому принадлежала эта книга. 26 мая 1921 года. Н. Гумилев», — Кружков пытается «вычислить», о ком мог думать Гумилев, переводя изданную в Англии книгу. Кружков предполагает, что ею могла быть либо Анна Ахматова, либо Лариса Рейснер. Мне представляется, что более вероятна другая кандидатура, и искать ее надо не в России, а в Англии или во Франции. Скорее всего, книга стихов Йейтса с пьесой «Графиня Кэтлин» 1912 года издания была привезена им в Россию весной 1918 года. Ниже читатель найдет подробный рассказ о возможных «претендентках», об одной — во Франции и нескольких в Англии, но от них остались только намеки и инициалы — «Н.В.Е.», «С. Р-ф», и всех их удалось расшифровать.

Кружков отмечает «удивительное сходство ирландского и российского исторического фона. ‹…› Существует интересный синхронизм политических событий в XX веке между Ирландией и Россией: Дублинское восстание против англичан в 1916 году (Пасхальное восстание), обретение независимости в 1918 году, гражданская война 1921 — 1923 годов происходили почти синхронно с русскими революциями и Гражданской войной. Другая важная параллель — особый культ поэзии в этих странах и традиционно связываемый с ней ореол святости и мученичества. ‹…› Любовь Гумилева к Древней Ирландии легко понять: в его представлении это была страна поэтов — то есть страна, где поэт стоял наравне со жрецом и воином, где вольного певца могли избрать королем (как это произошло с отцом Гондлы), где мудрость друидов, проповедуемая “с зеленых холмов”, — высшая ценность народа. Эта легендарная Ирландия вдохновляла и Йейтса…»[1386]. Кружков цитирует «Канцону третью» Гумилева:

Как тихо стало в природе!
Вся — зренье она, вся — слух.
К последней страшной свободе
Склонился уже наш дух.

Земля забудет обиды
Всех воинов, всех купцов,
И будут, как встарь, друиды
Учить с зеленых холмов.

И будут, как встарь, поэты
Вести сердца к высоте,
Как ангел водит кометы
К неведомой им мете.

Тогда я воскликну: «Где же
Ты, созданная из огня?
Ты видишь, взоры все те же,
Все та же песнь у меня.

Делюсь я с тобою властью,
Слуга твоей красоты,
За то, что полное счастье,
Последнее счастье — ты!»[1387]

Мнение современного исследователя о «сходстве ирландского и российского исторического фона», тем более подкрепленное событиями, еще не случившимися, можно было бы считать красивой абстракцией, не имеющей никакого отношения к нашему герою. Если бы не одно «но». В лондонской записной книжке сохранилась странная запись, указывающая на то, что в эту сторону были направлены мысли и самого Гумилева. Запись эту всегда «обходили стороной». Как удалось уточнить по оригиналу, сопровождение серией вопросительных знаков одного из слов принадлежит самому Гумилеву (или его собеседнику, сделавшему запись по-английски), а не Струве, как поначалу предполагалось; видимо, Гумилев хотел подчеркнуть этим особое положение помеченного ими слова («ЗК-8»): «triangle / Russe / Irish???? / English». Гумилев составил своеобразный «треугольник» (triangle) из трех национальных особенностей: «русское» (Russe) — «ирландское» (Irish) — «английское» (English), поместив в центр — «Irish». Вернемся теперь к «Канцоне». Знаменательна пометка А. Блока над этим стихотворением в подаренном ему автором экземпляре «Костра»: «“Тут вся моя политика”, сказал мне Гумилев»[1388].

В эти же дни Йейтс также общался с Р. Фраем. 26 июня он встретился с ним, чтобы обсудить вопрос о покупке картины для национальной галереи в Дублине[1389]. Еще одно мелкое, но любопытное совпадение: если Гумилев отозвался в своем интервью о возможном «ренессансе мистической поэзии» в творчестве Поля Клоделя, то 10 июня Йейтс, несмотря на свое общее мрачное настроение, восхищался лондонской постановкой пьесы Клоделя «Благовещение Марии» («L'Annonce faite à Marie»).

Фрай скорее принадлежал к миру художников, владел рядом мастерских и галерей. Судя по записной книжке Гумилева, в течение своего пребывания в Лондоне он общался не только с литераторами, но и с художниками, с которыми, скорее всего, вначале свел его Анреп, также бывший более художником, чем поэтом. Очевидно, что он встречался с К.Р.В. Невинсоном, английским художником-футуристом, впоследствии — официальным военным художником («ЗК-7»): «C.R.W. Nevinson / 4 Downside Crescent / Belsize Park Tube Station / Tel. Hamp. 2258». Другая пометка в записной книжке указывает, что Невинсон рекомендовал ему встретиться в Париже с его другом, итальянским художником Джино Северини («ЗК-12»): «Mons Gino Severini / 6 Rue Sophie Germain / xiv part. / C.R.W. Nevinson / atelier: 51 Boulevard Saint Jacques / (atelier 17)». Эта запись появилась незадолго до отъезда Гумилева из Лондона. По-видимому, Гумилев познакомился и с другими представителями художественных кругов Лондона. В его записную книжку («ЗК-2, 3») занесено множество названий художественных галерей: Графтона (The Grafton Galleries), Ченил (The Chenil Gallery[1390]), Гросвенор (Grosvenor Gallery), «Нового английского клуба искусств» (The New English Art Club). Все эти галереи выставляли

современное искусство, многие из них действуют до сих пор, и их современные адреса без труда можно найти в Интернете. В записной книжке все они указаны с тогдашними адресами. Несколько раз встречается упоминание расположенных по разным адресам мастерских Омега (The Omega Club). Основанные Роджером Фраем, эти мастерские стали центром, привлекавшим художников современных направлений, их часто посещали и литераторы — Йейтс, Г. Уэллс, Б. Шоу и др.

Статья о творчестве Невинсона, появившаяся в январе 1917 года в лондонском журнале «Эгоист», была затем перепечатана «Аполлоном». Автором ее был чем-то не угодивший Гумилеву Джон Курнос[1391], о котором Гумилев писал в приведенном выше письме Ахматовой. А в деловом письме Лозинскому он уже, не называя Курноса, пишет: «Переводчику необходимо знакомиться с поэзией последних лет, чтобы написать вступленье, и может быть, ты бы мог выслать нужные книги…»

Кроме упомянутого в письме К. Бехгофера Пола Селвера, по мнению Майкла Баскера, одним из рекомендованных Гумилеву переводчиков мог быть Морис Беринг (Maurice Baring, 1874 — 1945), поэт, писатель, разведчик «Королевского летательного корпуса». Беринг был знатоком русской культуры и, по-видимому, хорошо говорил по-русски. В свое время он оказался очевидцем Русско-японской войны[1392], до революции подолгу жил в России, отчасти — в Москве, отчасти — в имении своих друзей Бенкендорфов. Беринг был автором книг как о русской жизни[1393], так и о русской литературе[1394]. Перевел пушкинского «Пророка» и другие стихи. Уже после войны он выпустил «Оксфордскую антологию русской поэзии» (The Oxford Book of Russian Verse. Oxford, 1924), в которую, однако, не вошли стихи Гумилева и большинства его современников. «Несмотря на войну и революцию, — писал Беринг в своем длинном вступлении, — а может быть, и благодаря им, русская поэзия продолжала и еще продолжает цвести, но поскольку настоящая книга была составлена до войны и мне с тех пор была недоступна современная русская литература, я, за одним только исключением, не пытался представить в ней русскую поэзию сегодняшнего дня»[1395]. «Исключением» явилось стихотворение Волошина «Святая Русь». Хотя стихотворения «Оксфордской антологии» были опубликованы не в переводе, а по-русски (с английским «Вступлением» и примечаниями), можно считать, что как М. Беринг, так и П. Селвер могли быть теми переводчиками и составителями большой антологии русской поэзии, о которой шла речь в письме Лозинскому с просьбой о посылке книг. Все перечисленные в письме книги либо заполнили бы существенные пробелы в их выборе «довоенных» поэтов (сборники Иванова, Анненского, Белого), либо представили бы собой «наиболее современные» дополнения к «составленной до войны» антологии (книги Гумилева, Ахматовой, Мандельштама, Лозинского, Клюева, Ходасевича). Однако из-за войны и последующих событий в России книги эти до Англии так никогда и не дошли. Хотя возможно также, что не дошло или не было послано Анрепом письмо к Лозинскому, о котором упоминает Гумилев — «подробности относительно пересылки и денег тебе напишет Анреп». Анреп всегда был очень обязательным, и, скорее всего, письмо в условиях военного времени просто не дошло до адресата. По крайней мере, никаких следов его получения в архиве Лозинского обнаружить не удалось (письмо Гумилева хранится именно там; как правило, все попадавшие к Лозинскому письма, рукописи, документы сохранились).

По той или иной причине, спустя несколько лет, «довоенная» «Антология» была опубликована без перечисленных Гумилевым авторов.

Вскоре после 21 июня тот же Морис Беринг устроил встречу Гумилева с Г.К. Честертоном. Еще в письме Ахматовой Гумилев писал, что «мне обещали также устроить встречу с Честертоном». Как пишет Майкл Баскер, Беринг принадлежал к так называемому «честербеллоковскому» кругу — назван так по именам участников встречи: Г.К. Честертона[1396] и Хилэра Беллока[1397]. Встреча Гумилева с Честертоном, несколько анекдотически описанная в «Автобиографии» Честертона, состоялась в салоне леди Джулиет Дафф[1398] на Белгрейв-сквер (Belgrave Square) в 20-х числах июня. Фоном этой встречи, почему, возможно, Честертону она и запомнилась, послужила сильная немецкая бомбардировка, для него это был первый подобный опыт. В упомянутом выше письме Олдоса Хаксли от 14 июня (в котором он описал встречу с Гумилевым) также описывалась сильная бомбардировка Лондона: «Вчера [немецкие самолеты] нас окружали везде; к востоку, над собором Св. Павла, был адский грохот бомб, воздух был полон взрывающейся шрапнели, а над головой был слышен стук автоматов немецких и английских машин, сражающихся в воздухе. ‹…› Сегодня, как раз в середине этого письма, опять тревога: дальние удары. ‹…› Я предполагаю, что это — новая германская политика: вероятно, будут теперь налетать каждый день ...»[1399]. 13 июня, когда Гумилев уже был в городе, на Лондон сбросили более 100 бомб, погибло 162 человека гражданского населения. Честертон находился в это время в гостях у леди Дафф вместе со своим другом Хилэр Беллоком.

Во время этой встречи Гумилев изложил Честертону свою «политику», о которой он позже говорил Блоку, то есть изложил свое мнение о роли поэта в жизни общества. Похоже, мысли Гумилева не нашли отклика у английского писателя. Воспоминания Честертона о встрече с русским поэтом в его «Автобиографии», слегка язвительные, как и все его творчество, не лишены интереса, так как достаточно точно передают взгляды Гумилева, которые он высказывал и позже, после возвращения в Россию. Но, как мне сейчас кажется, толчком к рассказу Гумилева могли послужить состоявшиеся несколькими днями ранее беседы с гостями Гарсингтон Мэнор и с Йейтсом — о той роли, которую может сыграть поэт в государственных делах. Хотя Честертон не называет имени Гумилева, говорит просто о «русском офицере и поэте», но нет никаких сомнений, что в его воспоминаниях речь идет именно о Гумилеве. Привожу их в переводе Н. Трауберг[1400]. Отрывок этот — из 11-й главы «Тень меча», в которой Честертон вспоминает некоторые запомнившиеся события своей жизни, связанные с Первой мировой войной. Воспоминания писались спустя почти 20 лет.

« ‹…› Полковник Репингтон[1401] пишет в своих мемуарах, что мы с Беллоком продолжали беседу, не заметив воздушной тревоги. Это отчасти верно. Может, мы тревогу и заметили, но беседы не прекратили. А что нам, собственно, оставалось? Сам случай я прекрасно помню, отчасти потому, что тогда впервые попал под бомбежку, хотя очень много ходил по Лондону, отчасти — из-за обстоятельств, о которых Репингтон не пишет, хотя они подчеркнули всю иронию беседы под бомбами. Случилось это у леди Джулиет Дафф. Среди гостей был майор Морис Беринг, который привел русского в военной форме, чьи речи могли перешибить замечания Беллока, а не то что какую-то бомбежку. Говорил он по-французски, совершенно не умолкая, и мы притихли; а то, что он говорил, довольно характерно

для его народа. Многие пытались определить это, но проще всего сказать, что у русских есть все дарования, кроме здравого смысла. Он был аристократ, помещик, офицер царской гвардии, полностью преданный старому режиму. Но что-то роднило его с любым большевиком, мало того — с каждым встречавшимся мне русским. Скажу одно: когда он вышел в дверь, казалось, что точно так же он мог выйти в окно. Коммунистом он не был, утопистом — был, и утопия его была намного безумней коммунизма. Он предложил, чтобы миром правили поэты. Как он важно пояснил нам, он и сам был поэт. А кроме того, он был так учтив и великодушен, что предложил мне, тоже поэту, стать полноправным правителем Англии. Италию он отвел д'Аннунцио, Францию — Анатолю Франсу. Я заметил, на таком французском, какой мог противопоставить потоку его слов, что правителю нужна какая-то общая идея, идеи же Франса и д'Аннунцио, скорее — к несчастью патриотов, прямо противоположны. Русский гость отмел такие доводы, поскольку твердо верил, что, если политики — поэты или хотя бы писатели, они не ошибутся и всегда поймут друг друга. Короли, дельцы, плебеи могут вступить в слепой конфликт, но литераторы не ссорятся. Примерно на этой стадии я, как говорится в ремарках, заметил шум за сценой, а там — и страшный грохот войны в небесах. Силы злобы поднебесной изливали огненный дождь на великий город наших предков; видимо, Пруссией правили не поэты. Мы, конечно, продолжили разговор, только хозяйка принесла сверху ребенка. План поэтического правления разворачивался перед нами. Трудно в такие минуты совсем не подумать о смерти; а об идеальных или комических ее обстоятельствах написано немало. Что может быть лучше, чем умереть в особняке на Мейфер[1402], когда русский безумец предлагает вам корону Англии?

Когда он ушел, мы с Беллоком направились через парк под дальние отзвуки взрывов и, выходя из бекингемских ворот, услышали сигнал отбоя, словно трубы победы. Поговорив еще немного о перспективах событий, которые переходили от крайней опасности к полному освобождению, мы простились в несколько запоздалом, но приятном волнении, и я пошел по Кенсингтон хай-роуд в дом моей матери ‹...›».

Стоит обратить внимание на завершение этой главы Честертоном. Он приводит четверостишие из «Поэмы о старом моряке» С.Т. Колдриджа, причем в русском издании книги оно дано в переводе Гумилева:

Так много молодых людей
Лишились бытия,
А склизких тварей миллион
Живет; и с ними я.

Знаменательная запоздалая встреча двух писателей на страницах одной книги спустя годы! Рассуждение о роли поэтов в управлении государством возвращает нас не только в Гарсингтон Мэнор, но и к ранее цитировавшемуся стихотворению Гумилева «Ода Д'Аннунцио»: «Судьба Италии — в судьбе ее торжественных поэтов». А слова о том, что «если политики — поэты или хотя бы писатели, они не ошибутся и всегда поймут друг друга. Короли, дельцы, плебеи могут вступить в слепой конфликт, но литераторы не ссорятся», не есть ли своеобразная интерпретация услышанного Гумилевым «этического заявления» поэта Зигфрида Сассуна? По свидетельству Г.В. Адамовича, в июле 1921 года Гумилев говорил ему: «Я четыре года жил в Париже... Андре Жид ввел меня в парижские литературные круги. В Лондоне я провел два вечера с Честертоном. По сравнению с предвоенным Петербургом все это "чуть-чуть провинция"». «В Гумилеве не было и тени глупого русского бахвальства, "у нас, в матушке-России, все лучшее". Он говорил удивленно, почти грустно»[1403].

Многие писатели и художники, с которыми Гумилев встречался в Лондоне, были так или иначе связаны с журналом «The New Age» (еженедельное обозрение политики, литературы и искусства), в котором было опубликовано приведенное выше интервью Гумилева с Бехгофером. Примерно в 1911 году журнал заинтересовался поэтическими теориями имажистов, которые регулярно проповедовали на его страницах постоянные авторы журнала Эзра Паунд и Т.Э. Хьюм. Многое в подходах имажистов к поэзии совпадало с воззрениями акмеистов. В своем интервью, подчеркивая важность простоты, ясности и точности, Гумилев, формулируя принципы акмеизма, по сути дела, повторил положения теорий имажистов, проповедуемых в журнале «The New Age» начиная с 1911 года. Тогда Эзра Паунд ввел в еженедельнике колонку под названием «Я собираю останки Осириса», настойчиво призывая поэтов к прямоте выражения, точности наблюдений, вниманию к форме и яркости конкретных образов, — все это созвучно акмеистическим установкам. Гумилев еще до приезда в Лондон мог ознакомиться с программой имажистов из статьи Зинаиды Венгеровой «Английские футуристы» и из ее интервью с Эзрой Паундом, напечатанных в русском журнале «Стрелец» в 1915 году (№ 1. С. 93–104). Хотя Венгерова и отнеслась к имажизму критически, она перевела стихотворение Паунда «Перед сном», а также стихотворение Х.Д. (Хильды Дулитл Олдингтон) «Ореада», которое считалось высшим достижением имажизма. Гумилев не мог встретиться с Хьюмом, погибшим на фронте в сентябре 1917 года, однако его контакты с другими имажистами вполне возможны. В записной книжке («ЗК-3»: «The Poetry book-shop / Southampton-St. / nr. Theobald's Rd.») упоминается «Книжный магазин поэзии», открытый в 1913 году Гарольдом Монро, где имажисты регулярно проводили публичные чтения. В 1913–1914 годах «Книжный магазин поэзии» выпускал журнал «Поэзия и драма», авторами которого стали Арундель Дель Ре, Борис Анреп и Джон Курнос. Рассматривая пребывание Гумилева в Лондоне, вполне можно предположить его встречу с самым известным американцем-поэтом Эзрой Паундом, однако никаких документальных подтверждений этого не обнаружено. Хотя Паунд продолжал печататься в «The New Age», к 1917 году ранняя, имажистская стадия творчества Паунда, имевшая много общего с гумилевским акмеизмом, переросла в более радикальный вортицизм[1404], которому Гумилев, вероятно, не должен был симпатизировать.

Независимо от того, встречался ли Гумилев с Эзрой Паундом, упоминание Гумилевым в интервью китайской поэзии позволяет предположить, что он был знаком с творчеством американского поэта. Сборник переводов Паунда увидел свет в 1915 году, а за неделю до интервью с Гумилевым в «The New Age» (номер от 21 июня 1917 г.) были напечатаны и некоторые другие его переводы. В записной книжке Гумилева упоминается Артур Уэлей («ЗК-9»: «A. Waley / British Museum / Museum 3070. 10 — 5»), близкий друга Фрая и еще один переводчик китайской поэзии, с которым Гумилев должен был встретиться. Синолог, сотрудник Отдела восточных гравюр и рисунков Британского музея, Уэлей выпустил в 1916 году свои первые переводы, а в 1918-м — издал сборник «Сто семьдесят китайских стихотворений». Как известно, в Париже Гумилев также занимался переводом стихов

китайских поэтов, сборник которых «Фарфоровый павильон» вышел вскоре после его возвращения в Петрограде, летом 1918 года. Переводы Артура Уэлея Гумилев использовал при составлении сборника — в конце книги Гумилев указывает: «Основанием для этих стихов послужили работы Жюдит Готье, маркиза Сен-Дени, Юара, **Уили** и др.». Так он транскрибировал его имя. Кстати, в записной книжке («ЗК-1») он помечает: «Купить в Париже: ‹…› 3) Антология экз[отических] поэтов: китайских, малайских, персидских и т.д.». Но, как мне кажется, визит к Уэлею в Британский музей в этот раз мог быть связан не только с предстоящими переводами китайских стихов, но и с должностью Артура Уэлея, хранителя восточной графики. Вспомним, о чем писал Гумилев с фронта Ларисе Рейснер 22 января 1917 года: «…к концу войны кроме славы у меня будет еще дивная коллекция персидских миниатюр. А ведь Вы знаете, что моя главная слабость — экзотическая живопись…»[1405]

Военный союз с Россией вызвал у английских читателей живой интерес к русской литературе, и «The New Age», как и другие журналы, поощрял эту моду, часто помещая на своих страницах переводы с русского и статьи о русской литературе. По словам одного из переводчиков, «начался русский бум», когда все новое и оригинальное из России пользовалось спросом. В годы войны лондонские журналы ежемесячно печатали переводы Сологуба, Чехова, Андреева, Розанова, Евреинова и др. В «The New Age» появились английские переводы стихов Брюсова, Соловьева, Мережковского, Бальмонта, Сологуба, а также статья Мережковского[1406]. Гумилев, возможно, собирался присоединиться к пропагандистам русской поэзии статьей «Вожди новой школы: К. Бальмонт, Валерий Брюсов, Федор Сологуб». Как было сказано, начало этой незавершенной статьи сохранилось в его записной книжке («ЗК-1–5(об)»)[1407]. Попав в Париж, Гумилев ее не забросил, недавно обнаружился набросок продолжения, адресованного к английским читателям. Вот его начало, предназначенное, скорее всего, для Бехгофера:

«Англия довольно хорошо знакома с русской поэзией. Есть много переводов классиков, первый период новой поэзии, окончившийся лет десять тому назад, полно представлен в недавно вышедшей книге Selver'a "Modern Russian poetry". Но, к сожалению, Англия совсем не знает тех течений и имен, о которых сейчас чаще всего упоминают в русских литературных кругах и на страницах наиболее осведомленных журналов. Прежде всего хочется назвать Иннокентия Анненского, я намеренно не говорю о Вячеславе Иванове и Андрее Белом, двух прекрасных поэтах, но которым место в книге Selver'a ‹…›»[1408].

Далее Гумилев разбирает творческие особенности трех поэтов, И. Анненского, М. Кузмина и А. Ахматовой, иллюстрируя свой рассказ приведенными по памяти их стихотворениями. Любопытны «отклонения» от оригиналов в памяти поэта, характеризующие его образные предпочтения. Приведенный отрывок интересен упоминанием переводчика Селвера и его книги. Ранее на него указывал Бехгофер в письме Гумилеву. Это подтверждает, что Гумилев в Лондоне не только познакомился с переводчиком, но и внимательно изучил его только что вышедшую книгу по современной русской поэзии. В том же архиве сохранился автограф Гумилева, озаглавленный им: «Список поэтов». В списке Гумилев кратко характеризует 12 поэтов-современников и дает им свои оценки, в него вошли: В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, И. Анненский, А. Блок, А. Белый, М. Кузмин, Н. Минский, Д. Мережковский, М. Волошин, Н. Гумилев. Завершается он такой общей оценкой: «…все перечисленные мною поэты были в начале своей деятельности встречаемы недружелюбно большой публикой. Лично я верю, что, закалив свою технику и чувствительность в символической школе, многие из перечисленных поэтов найдут путь к истинному натурализму, углубленному научным опытом и изученьем великих поэтов прошлого; в этом новом натурализме будут изображаться не единицы, а законы, управляющие ими, и это будет противопоставленьем дряблому, мечтательному идеалализму ‹sic!› последнего шестидесятилетия русской поэзии. Н. Гумилев»[1409].

Видимо, Гумилев предполагал послать эти наброски в Лондон, Бехгоферу, как для составляемой антологии, так и для публикаций в журнале «The New Age». Позже он мог рекомендовать еженедельнику некоторых из своих друзей. В Париже его друзьями стали художники Н. Гончарова и М. Ларионов. Вскоре после того, как Гумилев покинул Лондон, Роджер Фрай начал переписку с Ларионовым и Гончаровой, а в 1919 году он выставил работы Ларионова в мастерских Омега, поместив хвалебный отзыв в «The Burlington Magazine»[1410]. Через несколько лет «The New Age» поместил статью М.Ф. Ларионова «Записки об искусстве: лучизм»[1411], а также репродукции рисунков Ларионова и Гончаровой[1412].

Последнюю, еще не рассмотренную нами группу записей в записной книжке, появившихся, видимо, перед его отъездом в Париж и, как он тогда полагал, далее, через Италию, на Салоникский фронт, составляют короткие рекомендательные письма, написанные для него упоминавшимся в связи с «Книжным магазином поэзии» Арунделем Дель Ре[1413]; они адресованы итальянским писателям Джованни Папини, Л. Джованола и П. Сгабеллари[1414]. Видимо, Гумилев, собираясь отправиться на Салоникский фронт через Италию, хотел познакомиться с итальянскими литераторами. Рекомендательные письма — идентичны. Записки эти Дель Ре вписал в записную книжку Гумилева карандашом. Одна из них была адресована во Флоренцию знаменитому впоследствии романисту Джованни Папини. Даем текст этой записки в итальянском подлиннике и в переводе:

Carissimo Papini,

Ti presento il Sig. Joumileff [sic] un poeta russo il quale se interessa moltissimo ai nostri movimenti letterari in Italia. Vuoi presentarlo ai nostri amici e aiutarlo come puoi.

Salutazione
Arundel del Re
Libreria della Voce,
Via Cavour — Florence

Дражайший Папини,

Представляю тебе г-на Жумилева, русского поэта, который весьма интересуется литературными течениями у нас в Италии. Пожалуйста, представь его нашим друзьям и окажи ему посильную помощь.

Привет.
Арундель Дель Ре
Libreria della Voce, Via Cavour — Флоренция.

Две другие, схожие по содержанию, записки были обращены к Луиджи Джованола в Милане и к Пьеро Сгабеллари в Риме. В обеих была повто-

рена ошибка в фамилии Гумилева. Как пишет Глеб Струве при публикации этих записей, «после Первой мировой войны Дель Ре стал преподавателем итальянского языка и литературы в Оксфорде, и мне, в бытность мою студентом там, довелось с ним встречаться, но я тогда и понятия не имел о его знакомстве с Гумилевым. После Второй войны он очутился в Новой Зеландии, и когда я связался с ним, оказалось, что он начисто забыл и о Гумилеве, и о написанных им для него рекомендательных записках»[1415]. В Париже в записную книжку была вписана еще одна рекомендация в Рим, от художника Дмитрия Стеллецкого («ЗК-21»), однако все эти рекомендации Гумилеву не пригодились, так как ему не суждено было попасть на Салоникский фронт — его оставили в Париже. А в середине января 1918 года он опять оказался в Лондоне, прежде чем окончательно вернуться в Россию.

В Лондоне в июне 1917 года у Гумилева состоялась еще одна «экзотическая» встреча, не отраженная в его записной книжке, но от которой сохранилась недавно обнаруженная фотография с дарственной надписью. Гумилев где-то встретился и познакомился с… «султаном Занзибара»![1416] Выше фотографии, на которой изображена группа из пяти человек, имеется дарственная надпись по-английски: «Для Мистера Гумилева от “Султана Занзибара”! Лондон. Июнь. 1917». Под фотографией автограф, якобы «Султана», а на ее обороте перечислены сфотографированные лица: Султан. Главный Визирь. Знатный Господин. Слуга. Переводчик. Про «Знатного господина», в скобках, по-русски, сказано, что он — «Наш». Действительно, на фотографии изображены четыре экзотически одетых занзибарца в чалмах и переводчик, в плаще, с котелком в руке. На обороте сказано, что снимок сделан в Кембриджском университете, и даны некоторые пояснения, завершающиеся пожеланием поэту всяческих успехов. Как оказалась, фотография эта отражает знаменитый розыгрыш известного шутника Горацио де Вир Коула[1417]. Лично он, на месте «Султана», и оставил свой автограф под фотографией: «Горацио де Вир Коул». Следовательно, он был знаком с Гумилевым. Вот как описывался этот розыгрыш в английской прессе: «В лучшие розыгрыши Коула входит и история с султаном Занзибара. Это было во время учебы Горация в Кембридже. В это время в Англию с визитом прибыл султан Саид Али бин Хамуд Аль-Бусаид. Коул со своим другом Эдрианом Стивеном направили мэру Кембриджа вполне официальную телеграмму с программой визита в этот город. В назначенное время на поезде прибыл “султан” (Стивен) и “переводчик” (Коул) со свитой, обряженные в восточные одежды. Их встретили при полном параде, провели экскурсию по городу, организовали торжественный прием в ратуше. Единственный человек, усомнившийся в султане, был местный миссионер, который знал родной язык гостя. Сколько ни пытался миссионер заговорить с высоким гостем — ничего не получалось. В конце дня “султана” со свитой доставили на вокзал, но туда прибыл обычный поезд с простыми общими вагонами. В этот момент шутники скинули одежды и сбежали совершенно безнаказанно»[1418]. Видимо, друзья Гумилева, зная о его пристрастии к Африке, подарили ему эту фотографию — просто так, в шутку, потому и «Султан Занзибара» в надписи заключен в кавычки. А может, и не совсем в шутку… Напомню, что султанат и архипелаг Занзибар расположен в Индийском океане, вблизи Африканских берегов, почти напротив границы Танзании и Кении, очень недалеко от Момбасы, куда, как предполагает автор, Гумилев попал во время своего экзотического африканского путешествия 1910–1911 годов[1419]. Фотография была подарена — как намек и память.

После того как собран и обработан весь материал, касающийся пребывания Гумилева в Лондоне, полезно еще раз заглянуть в его записную книжку. Поначалу все сделанные там записи казались расположенными бессистемно, но при внимательном чтении, после того как были выявлены все реалии, распознаны все упоминающиеся в ней лица, выяснилось, что заполнялась она строго последовательно, и можно достаточно точно определить, когда какая запись была сделана. Хотя, конечно, ошибка на 2–3 дня возможна. Перелистаем ее и проставим приблизительные даты записей. Нумерация соответствует номерам страниц в публикации Глеба Струве. Сами записи даны по оригиналу в Приложении-1. Начальные три страницы были, видимо, заполнены у Анрепа в первые дни пребывания Гумилева в Лондоне, 10–12 июня.

ЗК-1. Перечень книг, которые Гумилеву надо было купить в Париже. Среди них обращает на себя пункт 2): первый роман-утопия Честертона «Наполеон Ноттингхилльский», действие которого происходит в Лондоне в 1984 году (как и в знаменитом романе Джорджа Оруэлла). Предполагаю, что роман этот появился в списке после того, как Гумилев узнал о возможной встрече с Честертоном. В пункте 5) на той же странице сказано: «5) Herveux St. Denis[1420]: Les poésies de Than. В т.9 63 перс[идских] мин[иатюры?]». Видимо, в слове Than — ошибка; надо — Thaï (тайская поэзия). Эту книгу Гумилев использовал при написании «Фарфорового павильона» — в конце книги Гумилев указывает: «Основанием для этих стихов послужили работы Жюдит Готье, **маркиза Сен-Дени**, Юара, Уили и др.». Отдельно он оговаривает, что в эту книгу включено 63 персидских миниатюры.

ЗК-2–3. Списки упоминавшихся галерей, клубов, мастерских, поэтического книжного магазина, редакций журналов, в том числе «The New Age», с точными адресами.

ЗК-4. Запись от 15–16 июня. Адрес леди Оттолин Моррелл, с расписанием субботнего и воскресного (16–17 июня) поездов между Лондоном (вокзал Паддингтон) и Оксфордом.

ЗК-5. 16 июня. Адрес гостиницы в Оксфорде, где он ночевал после посещения имения Гарсингтон Мэнор.

ЗК-6. Эта страница еще не упоминалась, но она, безусловно, представляет большой интерес: «Петр Михайлович Ногаткин / India House / Шифровальное отделение». Возможно, что на Ногаткина, с какой-то неизвестной нам целью, указал Гумилеву Б. Анреп. Однако не исключено, что помимо всевозможных литературных и прочих дел, никак не связанных с его военной службой, у Гумилева в Лондоне были и другие, служебные поручения. Некоторые мысли на этот счет я выскажу ниже. В записи упоминается «India House», где служили Анреп, Бехгофер и Гарднер. Хотя пока, к сожалению, не удалось ничего выяснить о П.М. Ногаткине и его дальнейшей судьбе, для нас более важно то, что здесь уже названо «Шифровальное отделение», где Гумилеву предстояло служить несколько месяцев в 1918 году. Следовательно, нельзя определенно утверждать, что на работу туда его устроил именно Анреп. Запись эта сделана 18–19 июня.

ЗК-7. 19–20 июня. Адрес упоминавшегося выше английского художника К.Р.В. Невинсона, с указанием станции лондонского метрополитена — «Belsize Park Tube Station» и номером его телефона.

ЗК-8. 20–21 июня. Упоминавшаяся «таинственная» запись про «треугольник» трех культур: русской, ирландской и английской. Напомню, 21 июня Гумилев встречался с Йейтсом, и эта запись могла появиться либо перед встречей, либо сразу после встречи с ирландским поэтом.

ЗК-9. 20–21 июня. Точное указание времени и места завтрака с Роджером Фраем, во вторник 21 июня, в 1 ч. 30 м. дня, у него дома — указано расположение дверного звонка. На этой же странице адрес упоминавшегося синолога и сотрудника Британского музея Артура Уэлея.

ЗК-10. 22–23 июня. Запись ранее не упоминалась: «Euphemia Turton / Bedford House / Chiswick Mall / W». Кто такая Эфимия Тертон — установить не удалось. Улица (набережная Темзы) Chiswick Mall расположена к западу от центра Лондона, на ней стоит здание, обозначенное как «Bedford House», возможно, гостиница или частный дом. Можно предположить, что Эфимия Тертон — какая-то лондонская знакомая поэта.

ЗК-11. 22–23 июня. Запись ранее не упоминалась: «Piccadilly Toilet Club / Fir Street 11 / Regent Street». Видимо, описка — не «Fir Street 11», а «Air Street 11». Указанный адрес действительно находится в районе Пиккадилли, в центральной части Лондона. Такого «учреждения» в Лондоне сейчас обнаружить не удалось. Так иногда называют модные салоны или ночные клубы. Возможно, эта запись как-то связана с предыдущей.

Несколько последующих записей сделаны в самом конце пребывания Гумилева в Лондоне, все они содержат различные рекомендации и адреса тех мест, где он мог оказаться. Относятся они, видимо, к 24–25 июня.

ЗК-12. Упоминавшаяся рекомендация английского художника Невинсона с парижским адресом итальянского художника Джино Северини и адресом его мастерской.

ЗК-13. Упоминавшаяся рекомендация в Париж жене поэта Шарля Вильдрака — мадам Роз Вильдрак с ее адресом; адрес упоминавшегося ранее Арунделя Дель Ре, который вписал в записную книжку несколько последующих рекомендаций итальянским писателям. Последняя запись на этой странице, сделанная по-русски, еще не упоминалась. Она, как и запись на стр. 6, относится к его последующей службе: «Джорж Бан / англ[ийская] арт[иллерия] на Сал[оникском] фронте». Видимо, это чей-то знакомый, которому Гумилев должен был передать привет или какое-то поручение, — ведь предполагалось, что Гумилев из Лондона отправится через Париж на Салоникский фронт. Теоретически он мог встретиться с этим неизвестным нам Джоржем Баном. Но встреча, конечно, не состоялась.

ЗК-14. Упоминавшаяся рекомендательная записка от Арунделя Дель Ре в Италию к Джованни Папини, во Флоренцию, с его адресом. Не пригодилась.

ЗК-15. Упоминавшаяся рекомендательная записка от Арунделя Дель Ре в Италию к Луиджи Джованола, в Милан, с его адресом. Не пригодилась. На этой же странице не упоминавшаяся ранее запись по-русски, видимо, рукой Гумилева: «Бо Джуи (40 стихотв[орений]». Бо Джуи — Бо Цзюй-и (772 — 846), один из знаменитейших танских поэтов. Скорее всего, запись эта была также связана с процессом подборки стихов для «Фарфорового павильона», однако в сборник, судя по записям имен китайских авторов в «Альбоме Струве», ни одно стихотворение Бо Цзюй-и не вошло.

ЗК-16. Упоминавшаяся рекомендательная записка от Арунделя Дель Ре в Италию к Пьеро Сгабеллари, в Рим, с его адресом. Не пригодилась.

ЗК-17–22. Все эти записи сделаны уже после отъезда из Англии, в Париже, и о них будет сказано ниже.

Записи на оборотной стороне записной книжки.

1–5 (об). Упоминавшееся начало статьи «Вожди новой школы».

6–8(об). Не связаны ни с какими событиями — просто перечни различных иностранных книг, составленные в Лондоне и Париже. Представляют в основном «библиографический» интерес, и поэтому специально на них останавливаться не буду. Выше упоминалась расшифровка инициалов «A.E.», в связи с ошибочным приписыванием их Хаусману «A.E. Housman». Оба автора присутствуют в перечнях.

9(об). «Хозяйственно-бытовая» запись, явно сделанная в Париже, скорее всего, связанная с одной из командировок.

10(об). Последняя запись с парижским адресом. Там же и сделана, думаю, ее назначение такое же, как и у записи «10» — адрес парижской приятельницы.

Надеюсь, читатели убедились, что все записи оставленной у Бориса Анрепа в Лондоне «Записной книжки» теперь расшифрованы и хронологически выстроены. Сжатая информация в ней оказалась крайне полезной для восстановления некоторых подробностей двухнедельного пребывания поэта в Лондоне. Гумилев простился со своими друзьями, как подтверждает приведенное выше письмо Бехгофера, не позже 26 июня. Из Лондона он отправился в Саутгемптон (Southampton) — город и порт на южном побережье Англии в графстве Хэмпшир, на берегу Солентского пролива. Из Лондона до Саутгемптон, поездом, — 80 миль, или около 130 км. Затем на пароходе до Гавра, примерно 200 км, и еще столько же — от Гавра до Парижа.

Вскоре в ту же записную книжку было вписано единственное стихотворение («ЗК-18»; если не считать еще четырех строк, записанных на этой же странице и не полностью расшифрованных Глебом Струве). Стихотворение пророческое, и получило впоследствии заголовок — «Предзнаменование», вскоре оно оправдалось:

Мы покидали Соутгемптон,
И небо было голубым,
Когда же мы пристали к Гавру,
То черным сделалось оно.

Я верю в предзнаменованья,
Как верю в утренние сны.
Господь, помилуй наши души:
Большая нам грозит беда[1421].

Текст стихотворения дан по записной книжке. Обычно оно печатается по более позднему, чистовому варианту в так называемом «Парижском альбоме»[1422] с измененной второй строкой: первоначальная строка «И небо было голубым…» заменена на — «И море было голубым...». Однако представляется, что первоначальный вариант более соответствует данному стихотворению названию — «Предзнаменование». Черным вскоре сделалось именно небо, небо над Россией.

Информация к размышлениям

Пока Гумилев добирается до Парижа, оглянемся на проделанный им путь и попытаемся ответить на несколько вопросов. Сразу оговорюсь. Как можно было убедиться по предыдущим выпускам, весь рассказ о годах военной службы Николая Гумилева опирался исключительно на реально существующие документы. Привлекаемые сопутствующие свидетельства друзей, современников и сослуживцев при этом тщательно «фильтровались» — либо для того, чтобы избежать создания новых мифов, либо для устранения давно укоренившихся. Такого подхода автор старался придерживаться как при реконструкции африканских путешествий поэта, так и его военной биографии. Хотелось бы выдерживать эту линию и впредь, хотя иногда возникали идеи и догадки, которые трудно подтвердить, и их, как правило, приходилось отбрасывать. Однако на этот раз я вынужден коснуться темы, о которой получить документальные подтверждения крайне затруднительно. Но за последнее время появилось несколько публикаций, ее затрагивающих и исходящих непосредственно из тех кругов, которые, казалось бы, обладают необходимой информацией или, по крайней мере, имеют к ней доступ. Прежде чем высказать собственные суждения, я дам слово одному из таких авторов (далее несколько расширю их круг). По моему мнению, оставить такие выступления без ответа — значит согласиться с ними.

Передо мной лежит книга, изданная в серии «Секретные миссии»: *Ставицкий В.* За кулисами тайных событий. Книгу открывает уведомление: «От издателя. Время снимает грифы секретности с документов, еще сравнительно недавно сурово проштампованных канцелярской печатью “Совершенно секретно”. Открывая этот занавес над прошлым, мы как будто заходим за кулисы тайных событий. Автор книги — Василий Ставицкий, профессиональный контрразведчик, писатель и журналист, собрал уникальные материалы о неизвестных страницах жизни Николая Гумилева, Иосифа Сталина, Юрия Андропова и многих других. В книге также представлены почти фантастические, детективные истории из мира шпионов, разведчиков и космических пришельцев»[1423]. Открывается книга главой «Тайна жизни и смерти Николая Гумилева». Вот несколько фрагментов, автор с первой же строки, как говорится, «берет быка за рога»:

«Имя Николая Гумилева хорошо известно поклонникам его таланта. В последние годы вышло немало книг, посвященных жизни и творчеству большого русского поэта. Однако в его биографии осталось много “темных пятен” и неизвестных страниц. Практически ничего не известно об особой миссии Гумилева за рубежом, **о его военной карьере разведчика**. Да и сама трагическая смерть поэта, расстрелянного в 1921 году по подозрению в соучастии в заговоре против советской власти, полна тайн и противоречий. Одни авторы утверждают, что Николай Гумилев активно боролся с большевиками, другие, что он — случайная жертва красного террора, попавший по доносу в соучастники государственного преступления. В этом исследовании автор, **профессиональный контрразведчик, поэт и журналист** (*выделено С.Е.*)**,** предпринимает попытку разобраться в тайне жизни и смерти Николая Степановича Гумилева. Судьба Николая Гумилева мне особенно близка, потому что в нем совместились лирическое начало поэта и прагматическая карьера военного человека, разведчика, так

или иначе связанного с секретной деятельностью российских спецслужб. И хотя о Гумилеве написано немало статей и книг, большей частью о его творческом пути, но практически нет свидетельств о военной карьере поэта, о его особой миссии, которую он выполнял за рубежом, в частности, в Лондоне и Париже в военном атташате особого экспедиционного корпуса Российской армии, входившего в состав объединенного командования “Антанты”. И здесь даже для человека непосвященного хорошо понятно, что работа в военном атташате — это, прежде всего, сбор информации о стратегических и тактических планах противника, впрочем, так же, как и планах союзников, интересы которых постоянно меняются в зависимости от политической и экономической ситуации. Особенно остро это чувствовалось в критические для России годы — 1905–1917. Именно в это трагическое время офицер российской армии Николай Степанович Гумилев выполнял особые задания за рубежом. И хотя о деятельности разведчика, как правило, не остается никаких документальных свидетельств, тем не менее, некоторые доказательства все же остались...»[1424]

Но ни одного доказательства, хоть каких-либо ссылок на документы, несмотря на свою принадлежность к «органам» и декларированную связь с секретными архивами, автор не приводит. Более того, он совершенно не владеет материалом, все его построения — сплошной вымысел. Приведу только один пример того, как Ставицкий подтасовывает и искажает подлинную биографию поэта. Вот еще одна цитата из его книги: «Хочу обратить особое внимание читателя на ряд необычных обстоятельств в биографии Николая Гумилева. В 1906 году молодой Гумилев, окончив в 20 лет гимназию, поступает по настоянию отца и собственному желанию в Морской корпус. Однако уже через год Николай оставляет военно-морское училище и отправляется на учебу в Париж, в Сорбоннский университет. Такой поступок по тем временам объяснить достаточно сложно. ‹…› Но сам по себе этот частный эпизод личной жизни не мог пройти мимо внимания военной разведки (уж поверьте моему опыту кадрового контрразведчика). Разведка просто не могла оставить без внимания факт выезда на учебу во Францию молодого курсанта с прекрасным знанием иностранного языка. Франция всегда представляла особый интерес для России как союзница и как соперница на мировой арене одновременно в зависимости от ситуации ‹…›»[1425].

Одного этого фрагмента вполне достаточно для того, чтобы убедиться в полной некомпетентности автора. Разумеется, никакого Морского корпуса не было и в помине, сразу по окончании гимназии в 1906 году Гумилев уехал в Париж. И убежден, что никакая военная разведка на этот факт тогда никакого внимания не обратила — поездка за границу до 1914 года была обыденным делом для любого, не столь уж состоятельного гражданина тогдашней России. Но в рассказе сочинившего все это Ставицкого сразу же узнается хорошо усвоенная школа **профессионального советского контрразведчика**. Ведь во времена СССР любой выезд за рубеж был доступен лишь для «избранных», и каждый выезжающий подвергался обработке, проходил собеседования в компетентных органах, был «под колпаком». Подобных «откровений» в книге множество. Разумеется, все поездки поэта в Африку рассматриваются исключительно в ракурсе выполнения спецзаданий.

Наконец рассказ автора книги подходит к тому периоду, о котором здесь говорится: «В мае 1917 года судьба делает крутой поворот, и Гумилева назначают в особый экспедиционный корпус русской армии, рас-

квартированный в Париже. ‹…› Именно здесь в военном атташате Гумилев выполняет ряд специальных поручений не только российского командования, но и готовит документы для мобилизационного отдела объединенного штаба союзнических войск в Париже…»[1426]

Оставим на совести автора — «блестящее знание французского языка» и «выполнение спецзаданий за рубежом», надо думать, под этим подразумевается, в частности, экспедиция 1913 года от Кунсткамеры в Абиссинию. О том, как формировался Русский экспедиционный корпус, каким образом попал в него Николай Гумилев — было сказано ранее. Чем на самом деле пришлось заниматься там поэту, будет подробно изложено далее на основе подлинных, сохранившихся документов. Бессмысленно вступать по этому поводу в дискуссию. Но с одним суждением Ставицкого я вынужден частично согласиться. С тем, что помимо командировки на Салоникский фронт какие-то задания у Гумилева теоретически могли быть. Аргументация моя опирается, с одной стороны, на то, в какое историческое время и как он добирался до Парижа, с другой стороны, на то, что сопутствовало его возвращению в Россию в 1918 году. При этом ни в коей мере не настаиваю на истинности своих предположений.

Как правило, все пополнения для Русских Особых бригад во Франции направлялись большими партиями, морем, но в 1917 году такие отправки в основном прекратились[1427], несмотря на то что в течение всего года нехватка в офицерском и солдатском составе на Салоникском фронте ощущалась весьма остро. Возникают некоторые вопросы относительно того, как Гумилев добирался до Франции, — с моей точки зрения, не совсем так, как это обычно осуществлялось, сужу об этом на основе просмотренных архивных документов. Во-первых, вспомним запись Лукницкого об отъезде Гумилева: «Военное Министерство, выдававшее Н.Г. паспорт, скрыло его военное звание, как обычно делало, отправляя офицеров через нейтральные страны. Н.Г. уехал как штатский, в качестве корреспондента “Русской воли”». Предположим, что в данном случае Лукницкий (точнее, Ахматова) не ошибается; видимо, так он уезжал из Петрограда, и именно это он сказал провожавшей его жене. Спрашивается, зачем надо было скрывать военное звание? Ведь к этому периоду относится распоряжение военных властей о порядке следования военнослужащих через «нейтральные страны» в Англию и Францию: «О провозе через Швецию военного платья гг. офицеров. По сведениям, полученным от Военного Агента в Стокгольме, сообщаю, что русские офицеры, едущие через Норвегию и Швецию в Россию или из России в Париж и Лондон через Скандинавию, не могут рассчитывать на пособия, но могут беспрепятственно везти с собой, вне всякой вализы[1428], все свое военное платье, но <u>отнюдь не оружие</u>»[1429]. Паспорт Гумилеву выдало Министерство внутренних дел. Заметим, что последним царским министром этого ведомства был А.Д. Протопопов, учредитель газеты «Русская воля», корреспондентом которой якобы выезжал Гумилев. Именно его министерство занималось, без особого успеха, правда, борьбой со всякого рода революционерами. Временное правительство его судило, в чрезвычайную следственную комиссию входил Александр Блок, охарактеризовавший Протопопова как «рокового человека» в деле ускорения разрушения царской власти: «Как мяч, запущенный расчетливой рукой, беспорядочно отскакивающий от стен, он внес развал в кучу порядливо расставленных, по видимости устойчивых, а на деле шатких кегель государственной

игры»[1430]. Большевики, во многом благодаря этому пришедшие к власти, его расстреляли — в Москве, 27 октября 1918 года.

Как было упомянуто выше, никакого оклада в 800 франков от газеты «Русская воля» Гумилев никогда не получал, следовательно, вряд ли он направлялся за границу в качестве ее специального корреспондента[1431]. Но как-то участвовать в «государственной игре» Гумилев, по моему мнению, мог. Обращает на себя внимание то, что Гумилев, покинув Петроград, двигался через Скандинавию в Париж явно не спеша, останавливаясь по нескольку дней то в Стокгольме, то в Осло, то в Бергене, — это видно из его писем. И затем на две недели задержался в Лондоне! Как мне представляется, это для командированного в действующую армию военного не слишком характерно. Конечно, возможно, что это простое стечение обстоятельств, задержки могли быть связаны с отсутствием подходящего транспорта[1432], но в этом случае вряд ли бы в письме Ларисе Рейснер могла появиться «неопределенная» фраза — «Скоро (но когда неизвестно) думаю ехать дальше…». И сразу же после этого — «…не занимайтесь политикой». С чего вдруг? Ведь никогда ранее «политика» не попадала в его письма. По-моему, такое вполне естественно написать, например, после того, как самому пришлось заняться чем-то не слишком приятным, не желая того же близкому человеку. В данном случае — «политикой». А «политики» по маршруту его следования хватало. Например, именно по этому маршруту и в это же самое время переправлялись, в обоих направлениях, как денежные средства для поддержки большевиков, так и разнообразная пацифистская литература и прокламации, которые наводнили, в частности, русские экспедиционные войска. Гумилев уезжал с Финляндского вокзала, через который чуть раньше вернулся в Петроград вождь со своими «апрельскими тезисами», произнесенными тут же, с броневика, и процесс разложения армии пошел с ускорением.

Но соответствующие службы, худо-бедно, еще работали либо делали вид, что работали. Поэтому, по меньшей мере, было бы глупо, в частности, не воспользоваться любой возможностью, пытаясь выявить те каналы, по которым шли указанные выше потоки, направляемые на развал армии. Не думаю, что младший офицер (тем более — не кадровый) мог быть наделен какими-либо особыми полномочиями. Но могло иметь место некое поручение, которое нужно было выполнить. Что-то кому-то передать, с кем-либо встретиться, а чтобы не привлекать к себе внимание, Гумилев ехал в штатском, как корреспондент газеты. Отсюда и задержки в пути. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем подробности, даже в спецархивы такого рода документы редко попадают. Гадать далее — не хочется. Но Гумилев, как мне кажется, написав в Бергене «не занимайтесь политикой», в каком-то смысле проговорился.

Уезжая, Гумилев предполагал, что где-то еще можно было скрыться от общего развала, и, как вспоминала Ахматова, мечтал «из Салоник добраться до Африки». Не отсюда ли написанные вскоре, уже в Париже, строки:

Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору,
В Африку, как прежде, как тогда,
Лечь под царственную сикомору
И не подниматься никогда…[1433]

Но вначале был Лондон, где — много встреч и развлечений, отраженных в оставленной там записной книжке. Но на одной страничке фраза —

«Петр Михайлович Ногаткин / India House /. Шифровальное отделение». Запись позволяет предположить, что уже тогда, в Лондоне, Гумилев мог впервые столкнуться со службами «Интеллидженс сервис»[1434]. Не будем ничего домысливать, просто, как мне кажется, все эти звенья могли бы составить цепочку, одним из звеньев которой могло быть то, что Гумилева решили оставить в Париже и назначить помощником при военном комиссаре. В «India House», в шифровальный отдел, Гумилев попадет еще раз через семь месяцев.

Подобное познается подобным. Почти тот же путь, почти в то же время, но в противоположном направлении, проделал другой литератор. Отрывком из его автобиографической повести я хочу закончить свое «не лирическое отступление». Гумилев, скорее всего, никогда не встречался с прожившим долгую жизнь знаменитым английским писателем Сомерсетом Моэмом[1435]. Оба они в описываемое здесь время безуспешно пытались решить одну и ту же задачу. Комментировать ничего не буду, как говорится — информация к размышлениям.

«Подводя итоги» — так назвал Сомерсет Моэм свою автобиографическую прозу[1436]. Возможно, следовало бы сократить приведенный фрагмент, но мне кажется, что читатель, с одной стороны, отвлечется от моего суховатого рассказа и получит удовольствие от чтения страниц прекрасной прозы писателя, а с другой стороны, задумается о странной «параллельности» судеб и, как мне кажется, — мыслей и поступков двух не знавших друг друга писателей. Как я думаю, то, что Моэм вложил в мотивацию собственных поступков — почему он, будучи писателем, сразу же решил отправиться на войну, что он находил для себя во время путешествий в экзотические страны, зачем отправился в Россию, — вполне мог сказать о самом себе и Гумилев, но «подвести итоги» ему не дали…

«К тому времени я сильно устал. Устал не только от людей и мыслей, так долго занимавших мой ум, но и от тех людей, среди которых жил, и от самой жизни, которую вел. Я чувствовал, что взял все возможное от того мирка, в котором вращался: успех у зрителей и безбедное существование как результат этого успеха; светскую жизнь, званые обеды у важных персон, блестящие балы и воскресные сборища в их загородных резиденциях; общение с умными и блестящими людьми — писателями, художниками, актерами; легкие связи и необременительную дружбу; комфорт и обеспеченность. Я задыхался в этой жизни и жаждал новой обстановки и новых впечатлений. Но я не знал, где их искать. Я подумывал о том, чтобы уехать из Англии. Я устал от самого себя, и мне казалось, что путешествие в какие-нибудь далекие края поможет мне обновиться. В то время многие интересовались Россией, и я носился с мыслью отправиться туда на год, изучить язык, который я уже немножко знал, и проникнуться настроением этой необъятной и таинственной страны. Я думал, что там, возможно, почерпну новые душевные силы. ‹…› Однако все мои колебания разрешило событие, над которым я не был властен. Разразилась война. Одна глава моей жизни закончилась. Начиналась новая глава. ‹…› У меня был знакомый — член кабинета, и я написал ему с просьбой помочь мне получить работу, после чего был вскоре вызван в военное министерство; но, опасаясь, что меня засадят в какую-нибудь канцелярию в Англии, тогда как мне хотелось поскорее попасть во Францию, я тут же завербовался в автосанитарную часть. Не думаю, чтобы я был патриотом меньше других, но к моему

патриотизму примешивалась жажда новых впечатлений, и во Франции я с первого же дня стал вести дневник. Однако работы все прибавлялось, и к концу дня я так уставал, что только о том и мог думать, как бы добраться до постели. Я наслаждался новой жизнью, в которую так внезапно окунулся, и отсутствием ответственности. Мне, со школьных лет не слышавшему приказаний, приятно было, что мне велят сделать то-то и то-то, а когда все было сделано — знать, что теперь я волен распоряжаться своим временем. Как писатель, я этого никогда не чувствовал; напротив, мне всегда казалось, что нельзя терять ни минуты. Теперь я со спокойной совестью часами просиживал в кафе за разговорами. Мне нравилось встречаться с сотнями людей, и хотя я перестал вести дневник, но бережно копил в памяти их характерные черты. Особой опасности я не подвергался. Мне интересно было, как она на меня подействует. Я никогда не считал себя очень храбрым, да и не видел, зачем мне это нужно. Единственный случай проверить себя представился мне в Ипре, когда на Главной площади снарядом разбило стену, возле которой я за минуту до того стоял, а потом отошел, чтобы поглядеть с другой стороны на разрушенный дом цеха суконщиков; но тут я так удивился, что мне было не до наблюдений над самим собою.

Позже я поступил в органы разведки, где, как мне казалось, мог принести больше пользы, чем управляя (и притом неважно) санитарной машиной. Новая работа давала пищу и моей любви к романтике, и чувству юмора. Методы, какими меня учили спасаться от слежки, тайные встречи с агентами в самых несусветных местах, шифрованные сообщения, передача сведений через границу — все это было, конечно, необходимо, но так напоминало мне дешевые детективные романы, что война в большой мере теряла свою реальность, и я поневоле начинал смотреть на свои приключения как на материал, который смогу когда-нибудь использовать. Впрочем, все это было до того старо и избито, что я сильно сомневался в пригодности такого материала. Год я работал в Швейцарии. Работа была сопряжена с разъездами, зима выдалась суровая, а мне по долгу службы приходилось во всякую погоду пересекать на пароходиках Женевское озеро. Со здоровьем у меня было очень неважно. Когда работа в Женеве кончилась, я оказался свободным и отправился в Америку, где в это время готовили к постановке две мои пьесы. Мне хотелось восстановить свое душевное равновесие (по собственной глупости и заносчивости я потерял его в связи с обстоятельствами, о которых нет нужды рассказывать), и я решил уехать в Полинезию. Меня тянуло туда еще с тех пор, как я мальчишкой прочел "Отлив" и "Тайну корабля"[1437], а кроме того, хотелось собрать материал для давно задуманного мною романа, основанного на жизни Поля Гогена.

Я уехал на поиски красоты и романтики, счастливый тем, что целый океан ляжет между мной и неприятностями, которые меня порядком потрепали. Я нашел и красоту, и романтику, но, кроме того, нашел нечто такое, на что и не рассчитывал: нового себя. С тех самых пор, как я расстался с больницей св. Фомы, я жил среди людей, придававших значение культуре. Я проникся убеждением, что в мире нет ничего важнее искусства. Я искал смысл существования вселенной, и единственным смыслом, какой я мог найти, была красота, время от времени создаваемая человеком. Жизнь моя, казалось бы разнообразная и интересная, в сущности, была ограничена очень узкими рамками. Теперь мне открылся новый мир, и всем своим инстинктом писателя я с упоением стал вбирать его новизну. Не только красота островов меня захватила. ‹…› Самое интересное было то, что я

встречал еще и еще людей, совершенно для меня новых. Я был подобен натуралисту, попавшему в страну с невообразимо богатой фауной. ‹…› Общаться с ними оказалось легко. И какие только типы тут не встречались! Впору было растеряться от такого разнообразия, но я уже поднаторел в наблюдении над людьми и без особых усилий раскладывал их по полочкам в своем сознании. Культурных людей среди них почти не было. Мы с ними учились жизни в разных школах и пришли к разным выводам. И жили они на другом уровне, причем чувство юмора не позволяло мне по-прежнему считать, что мой уровень выше. Он был просто другой. Если вглядеться повнимательнее, их жизнь тоже складывалась по определенной программе и следовала определенной логике.

Я спустился со своего пьедестала. Мне казалось, что эти люди более живые, чем те, которых я знал до сих пор. Они горели не холодным рубиновым пламенем, а жарким, дымным, снедающим огнем. Они тоже были по-своему ограниченны. И у них были свои предрассудки. И среди них было много глупых и скучных. Но это меня не смущало. Они были новые. В цивилизованном обществе индивидуальные черты сглаживаются, поскольку люди вынуждены соблюдать известные правила поведения. Культурность — это маска, скрывающая их лица. Здесь люди жили без покровов. Эти разнородные создания, попав в обстановку, еще сохранившую много первобытного, не считали нужным приспосабливаться к каким-то нормам[1438]. Индивидуальность могла здесь раскрываться без помехи. ‹…›

Я вернулся в Америку, а вскоре за тем меня направили с секретной миссией в Петроград. Я колебался — поручение это требовало качеств, которыми я, как мне казалось, не обладал, но в ту минуту никого более подходящего не нашлось, а моя профессия была хорошей маскировкой для того, чем мне предстояло заниматься. Я был нездоров. Я еще помнил медицину достаточно, чтобы догадаться, чем вызвано кровохарканье, которое меня беспокоило. Рентген подтвердил, что у меня туберкулез легких. Но я не мог упустить случая пожить, и, как предполагалось, довольно долго, в стране Толстого, Достоевского и Чехова. Я рассчитывал, что, одновременно с порученной мне работой, успею получить там кое-что ценное для себя. Поэтому я не пожалел патриотических фраз и убедил врача, к которому вынужден был обратиться, что, принимая во внимание весь трагизм момента, я вправе пойти на небольшой риск. Я бодро пустился в путь, имея в своем распоряжении неограниченные средства и четырех верных чехов для связи с профессором Масариком, направлявшим деятельность около шестидесяти тысяч своих соотечественников в разных концах России. Ответственный характер моей миссии приятно волновал меня. Я ехал как частный агент, которого Англия в случае чего могла дезавуировать, с инструкциями — связаться с враждебными правительству элементами и разработать план, как предотвратить выход России из войны и не дать большевикам при поддержке Центральных держав захватить власть. Едва ли нужно сообщать читателю, что миссия моя окончилась полным провалом, и я не прошу мне верить, что, если бы меня послали в Россию на полгода раньше, я бы, может быть, имел шансы добиться успеха. Через три месяца после моего приезда в Петроград грянул гром, и все мои планы пошли прахом.

Я возвратился в Англию. В России я пережил много интересного и довольно близко познакомился с одним из самых удивительных людей, каких мне доводилось встречать. Это был Борис Савинков, террорист, организовавший убийство Трепова и великого князя Сергея Александровича. Но уезжал я разочарованный. Бесконечные разговоры там, где требовалось действовать, колебания, апатия, ведущая прямым путем к катастрофе, напыщенные декларации, неискренность и вялость, которые я повсюду наблюдал, — все это оттолкнуло меня от России и русских. Кроме того, теперь я был не на шутку болен, так как по роду своей деятельности не мог пользоваться прекрасным снабжением, с помощью которого посольство служило родине на сытый желудок, и существовал впроголодь, как и сами русские. (В Стокгольме, где мне пришлось целый день дожидаться истребителя, на котором я должен был переправиться через Северное море, я зашел в кондитерскую, купил фунт шоколада и съел его тут же, на улице.) ‹…›».

Теоретически Николай Гумилев и Сомерсет Моэм могли встретиться, в Лондоне в начале 1918 года, в это время они оба там находились, однако сведения об этом отсутствуют. Но сейчас, в конце июля 1917 года, Гумилеву надо было попасть в Париж, куда он и направился, сойдя с корабля в Гавре.

Парижское лето 1917 года

По военным документам оказалось невозможным восстановить первые недели пребывания Гумилева в Париже. Как было сказано, единственное свидетельство его появления в Париже 1 июля — запись в «Послужном списке». В РГВИА не удалось обнаружить ни одной бумаги с упоминанием его имени ранее второй половины июля. Но различной документации этого периода — множество, и по ней можно судить, чем занимались русские военные службы в это время. Пролистаем ряд документов, начиная с середины весны 1917 года, — именно тогда, после известных событий в России, в организационной структуре русских военных учреждений в Париже произошли существенные изменения. Видимо, парижским руководством было принято решение включить в эту новую структуру и Николая Гумилева. Положение, занятое им, оказалось отнюдь не второстепенным, но достаточно неожиданным, возможно, и для него самого.

До сентября 1915 года пост русского военного уполномоченного при Главной Французской Квартире занимал генерал Я.Г. Жилинский[1439]. В сентябре Представителем Его Императорского Величества при Французской армии стал генерал от инфантерии Федор Федорович Палицын[1440], занимавший этот пост при переброске Русских Особых бригад во Францию и на Салоникский фронт; через него осуществлялось руководство боевыми действиями, в которых принимали участие русские бригады в 1916 — начале 1917 года. 18 апреля 1917 года из Петрограда в Париж было направлено распоряжение: «Вх. № 78, № 2775. От генерала Алексеева 5/18-го апреля 1917 г. (адресовано Палицыну). В связи с происходящим в России коренным перемещением Высшего Командования Армии, Временное Правительство предназначило командированию в качестве представителя своего при Французской Главной Квартире генерал-майора Занкевича[1441]. До его прибытия прошу Вас продолжать исполнять Вашу работу. О времени командировки генерала Занкевича Вам будет сообщено. Алексеев 2775»[1442]. В списке русских штаб-офицеров при Военном губернаторе Парижа на апрель 1917 года значилось более 100 человек, включая находящихся в госпиталях, в отпусках, командированных, офицеров на курсах, в

авиационных школах, перешедших в иностранную армию. Состав офицеров постоянного состава базы включал в себя всего 20 человек[1443].

Помимо глобальной смены руководства Временное правительство вводило в армии институт Военных комиссаров[1444]. В телеграмме Керенского из Петрограда в Париж говорилось: «Комиссары назначаются для содействия реорганизации армии на демократических началах и революционном духе в соответствии с платформой Петроградского Совета и укрепления боеспособности армии; на комиссаров возлагается борьба с всякими контрреволюционными попытками, содействие установлению в армии революционной дисциплины, разъяснение с этой целью недоразумений, возникающих в военной среде, урегулирование взаимоотношений между солдатами и командным составом, не вмешиваясь в оперативные распоряжения командного состава. Комиссар должен быть осведомлен о подготовке и ходе операций и должен быть во всякое время готов развивать свою деятельность в условиях боевой обстановки, подавая, в случае необходимости, пример самоотверженности личным участием в боевых действиях в решающие моменты. Для осведомления частей о назначении Комиссара объявляется в приказе. Керенский 4817. 60138 Юдин»[1445]. К сожалению, как показали дальнейшие события, преследуя благие намерения «реорганизации армии на демократических началах», в дальнейшем мера эта привела к прямо противоположному результату — окончательному разложению дисциплины в русских войсках, размещенных во Франции. Но на начальном этапе это было не столь очевидно. Предполагалось рассматривать Военного комиссара в качестве посредника между рядовыми солдатами и офицерским составом полков. Возможно, это могло бы помочь, если было бы принято в равной мере обеими сторонами. Но реорганизация эта начала проводиться в крайне неблагоприятное время, после кровопролитных боев в Шампани.

Однако в мои задачи не входило оценивать действия Временного правительства. Это дело историков. Мне просто хотелось документально осветить ход событий, связанных с участием в них нашего героя, но при этом предварительно дав необходимый, по моему мнению, исторический фон. Просто так сложились обстоятельства, что одним из связующих звеньев взаимодействия между размещенными во Франции русскими войсками, с одной стороны, и располагавшимся в Париже их руководством[1446] оказался прапорщик Николай Гумилев. Гумилев был включен в эту структуру с первого же дня ее официального утверждения Временным правительством. Но формировалась она постепенно, на протяжении мая — июля 1917 года. 16/29 апреля был объявлен приказ № 145 Военного министра об учреждении в армии комитетов и дисциплинарных судов[1447]. Именно создание солдатских комитетов в войсках оказалось наиболее неудачным решением, приведшим вскоре к их полному разброду.

10/23 мая 1917 года генерал Ф.Ф. Палицын получил телеграмму из Петрограда: «Вх. № 111, № 3533. От Ген. Деникина, 10-го мая 1917 г. Генерал Занкевич выехал 27 апреля (10 мая) и ближайшие дни должен прибыть. Не найдете ли более удобным воспользоваться лечением после приезда Занкевича. Деникин»[1448]. В конце мая Занкевич был в Лондоне, и 27 мая представитель Временного правительства в Лондоне генерал Ермолов (с которым Гумилев будет регулярно общаться в 1918 году) сообщил в Париж: «Вх. № 116, № 1273. От Ген. Ермолова 14-го мая 1917. Генерал Занкевич прибыл Лондон и выедет во Францию через Boulogne 17-го мая

ст. стиля»[1449]. Уже 3 июня Занкевичем был объявлен приказ № 1 по русским войскам во Франции: «§ 1. Указом Временного Правительства я назначен Представителем Временного Правительства при Главной Квартире Французских Армий и сего числа вступил в исполнение своих обязанностей, пользуясь в отношении русских войск, находящихся на Французском фронте, правами Командующего Армией». «§ 2. 1 и 3 Особые бригады сводятся в первую Особую пехотную дивизию. Временно и. о. начальника дивизии назначаю Генерал-майора Лохвицкого. Командиром 1-й бригады назначаю командира 1-го Особого полка полковника Котовича. Командиром 2-й бригады назначаю командира 5-го Особого пехотного полка полковника Нарбута»[1450].

В это же время от Керенского из Петрограда поступает ряд распоряжений, адресованных его другу и давнему соратнику по партийным делам (оба принадлежали к эсеровской партии) Евгению Ивановичу Раппу[1451]. В телеграмме от 15/28 мая 1917 года сказано: «Вх. 885 от 15/28 мая 1917. Из Петрограда (шифром). Передаю телеграмму Военного Министра, адресованную Париж, Русское Посольство. Передать Раппу, повторяю — Раппу: "Прошу Вас посетить Русские войска на Французском фронте. В этих войсках происходит брожение в связи с событиями в России и разногласия по видимости между офицерами и солдатами, отсутствие точных и подробных сведений о том, что происходит в России, и подозрение солдат, что офицеры их обманывают, происходят нежелательные недоразумения вследствие тяжелых условий, неудовлетворительных материальных условий и контраста между формами дисциплины нашей и французской, вызывая взаимное раздражение, которое может привести к ожесточенным столкновениям. Необходимо авторитетное слово, я прошу Вас лично от себя и от моего имени разъяснить войскам современное положение в России, выяснить их нужды, разобрать причины недоразумений и сказать солдатам, что я стою на стороне их интересов, что никто из них, невзирая на временное из России отсутствие, обижен и обделен не будет, что вопрос о земле будет решен Учредительным Собранием и что в настоящее время от них требуется лишь выражение до конца своего долга перед Родиной, свергнуть иго империализма Германии и тем отстоять свободу и достоинство России и обеспечить за собой право на землю, волю и свободный труд. Вполне в согласии и рука об руку с союзниками мы можем сделать это. О результатах Вашего посещения прошу мне телеграфировать. 101 Керенский. 71527 Потапов»[1452]. На эту телеграмму поступил немедленный ответ: «Телеграмма. Исх. 813 от 16/29 мая 1917. Телеграмма расшифрована, передана Раппу, для которого организована немедленная поездка в наши бригады. Париж. Вторник. 813 Игнатьев»[1453]. 31 мая из Петрограда приходит еще одна телеграмма: «Вх. № 129 от 18/31 мая 1917. № 19834. От генерала Романовского. Благоволите сообщить эмигранту Раппу, находящемуся в Париже, просьбу Военного Министра Керенского проехать в 1-ю и 3-ю бригады расследовать причины брожения среди солдат, о которых вы упомянули в своей телеграмме № 147. Керенский рассчитывает, что эмигрант Рапп сумеет повлиять в благоприятном смысле в духе передаваемого Вам одновременно Приказа по Армии и Флоту, о необходимости для нашей Армии переходить в наступление. Романовский»[1454].

6 июня Рапп посылает Керенскому свой первый отчет: «Телеграмма исх. № 479 от 24.5/6.6 1917. Севастопуло — Министру Керенскому. Евгений Рапп просит передать Военному Министру: весьма доверительно. Мой

объезд войск еще не вполне закончен. Успокоение возможно, но потребует времени и напряженной работы. Самый острый вопрос в войсках — это вызванное тоской по родине и тяжелыми последними боями желание вернуться на родину или быть смененными новой частью из России. Необходимо авторитетное разъяснение этого вопроса Временным Правительством. Подробный доклад по телеграфу посылаю на днях. Пока же генерал Занкевич, Лохвицкий и я находим совершенно необходимым безотлагательное назначение, по возможности из России, постоянного комиссара при русских войсках, имеющего авторитет и достаточных в глазах французов властных полномочий по всем вопросам боевого устройства русских войск. При затруднительности назначения из России или впредь до приезда комиссара из России необходимо срочно назначить на этот пост подходящее лицо из Парижской колонии с тем, чтобы в этом назначении проявил то или иное участие совет рабочих и солдатских депутатов. Во всяком случае, сообщаю, что председатель Московского совета Хинчук — мой старый приятель и товарищ по партии. Наконец, мое личное мнение, что комиссару этому одновременно должны быть предоставлены контрольные полномочия по закупке во Франции предметов боевого снабжения, организация какового дела оставляет желать лучшего, о чем я писал частным образом А.С. Зарудному. Сообщено генералу Занкевичу»[1455]. Так как вопрос о том, кто должен быть назначен на должность Комиссара Временного правительства, был еще не решен, в тот же день Занкевич телеграфирует в Петроград: «Исх. № 230, 24.5/6.6 1917. Военному Министру. Ходатайствую о назначении комиссаром именно его Раппа. 230. Занкевич»[1456].

10 июня Рапп, закончив объезд, подтвержденный телеграммой № 479, сообщает Керенскому: «Исх. 523. Доложил об объезде генералу Занкевич, назначение которого следует признать очень удачным. ‹…› Что касается солдат, новая реформа действует на них опьяняюще, самое осуществление понятия свобода приняло кое-где характер анархический, а в одном из полков, в 1-м, — с оттенком махаевщины; явочным порядком и без всякой системы возник ряд причудливых, солдатских, автократных организаций. Однако мне удалось во всех полках создать новые организации — комитеты, в строгом соответствии с началом принципа № 213[1457]. Трудно ожидать быстрого восстановления доверия солдат к офицерам, в особенности при сохранении личного состава последних, но, несомненно, совместная живая работа в комитетах окажет в этом направлении большую услугу. Надо: 1) основать солдатскую газету; 2) при дивизии — школу прапорщиков»[1458].

До назначения Занкевича представителем Временного правительства, «главным» по военным делам в Париже, считал себя Военный Агент[1459] во Франции граф А.А. Игнатьев, с 1912 года занимавший должность военного агента во Франции и одновременно представителя русской армии при французской Главной Квартире. Однако в приказе по Управлению Военного Агента по Франции № 50 от 26.5/8.6 1917 года сказано: «§ 1. Генерал-майору Занкевичу принять на себя оперативно-разведывательную часть на французском фронте. Вследствие этого отделение Военного Агента при Французской Главной Квартире перевести в непосредственное ведение Представителя Временного Правительства, с подчинением этого отделения Полковнику Кривенко[1460]». Из этого следует, что Игнатьев становился подчиненным Занкевича. Видимо, человек тщеславный и злопамятный, Игнатьев не мог с этим смириться, и отношения между двумя подразделениями крайне обострились, что найдет отражение в документах. В своих

мемуарах Игнатьев «отомстил» Занкевичу, написав о нем как о типичном «генштабисте», «апломб которого зачастую подменял скудость его мышления»[1461]. Думаю, это далеко от истины и больше характеризует самого Игнатьева. О существовании лежащих в банке на личных счетах Игнатьева крупных денежных сумм Занкевич, видимо, не знал, и это отразилось на положении всех военнослужащих в конце года.

В июне–июле 1917 года шло формирование немногочисленных управлений, утверждался их штат. Так, 2 июля приказом № 11 объявлено: «Формируется Тыловое управление (с отделениями Инспекторским, Интендантским и Санитарным). Начальник Тылового Управления — полковник Карханин»[1462]. В приказе по Тыловому Управлению № 1 от 20.6/3.7 1917 года утвержден его штат: «3 отделение: 1) Начальник Инспекторского отдела — капитан Пардигон. 2) Начальник Интендантского отдела — капитан Копылов. 3) Начальник Санитарного отдела — врач Рубакин. Подписал Подполковник Пац-Помарнацкий[1463]». 2 июля из Петрограда пришла телеграмма: «Установить путевое довольствие для командированных внутри Франции. Установить денежный отпуск для всех офицеров и классных чинов, командируемых распоряжением Представителя Временного Правительства при Французской Главной Квартире и Начальника Тылового Управления для исполнения служебных поручений в размере двойной стоимости билета 1-го класса для генералов и штаб-офицеров, 2-го класса для обер-офицеров и 3-го класса для солдат. 2518. Каменский»[1464].

Между тем продолжались прения между Занкевичем и Игнатьевым по поводу реорганизации миссии. Игнатьев не желал лишаться своих полномочий, и в телеграмме Занкевича от 4 июля сказано: «Ввиду реорганизации миссии и назначения моим Представителем при Главной Квартире Полковника Кривенко и во избежание задержек в передаче телеграмм, прошу не отказать направлять все телеграммы разведывательного характера по адресу: “Colonel Krivenko Grand Quartier Général France”. Занкевич»[1465]. 6 июля последовала жалоба Игнатьева в Петроград: «Исх. 1219. 23.6/6.07 — 1917. АНАКСАГОР ПЕТРОГРАД (шифр). На № 25483. Вся оперативно-разведывательная часть, как я доносил телеграммой № 922 и 1080, перешла теперь в ведение Генерала Занкевича. Наша собственная тайная разведка также мне не подчинена. Не имея сам возможности исполнить Ваше приказание, передал немедленно Вашу телеграмму Ген. Занкевичу и Полковнику Графу Игнатьеву II-му. Париж, пятница. Пол. 0824. 1192. Игнатьев»[1466]. Упомянутый в телеграмме Граф Игнатьев II — родной брат А. Игнатьева — Павел Алексеевич[1467]. До поры до времени А. Игнатьев служил «верой и правдой» Временному правительству, за что 11 сентября 1917 года был произведен в генерал-майоры[1468]. И он по-прежнему продолжал ведать всеми финансовыми делами. Так, 15 июля он докладывал в Петроград: «Исх. 985, 2/15 июля 1917. Анаксагор Петроград (шифром). Для покрытия расходов, вызываемых поездками Раппа и командируемых им лиц, представляется необходимым установить суточные по расчету: Раппу 60 франков, прочим лицам 40 франков. Суточные за первую поездку выданы разрешением Представителя. Париж. Пятница. 985. Игнатьев»[1469]. На обороте этого листа сказано: «Установить суточные для солдат, бежавших из плена: подпрапорщики — 75 сантимов; остальные — 50 сант.» И далее обозначена стоимость проезда в Россию: «Стоимость проезда из Лондона до Норвегии (пароходом 1 кл. — 6 фунтов; 2 кл. — 4 фунта; 3 кл. — 2 фунта. Ж/д от Бергена до Гапаранды[1470]: 1 кл. — 10 ф., 3 кл. — 3 ф. 4 шил.»[1471].

Однако Рапп, выполняющий различные поручения Керенского, до этого момента действует фактически частным образом. Поэтому 6 июля Занкевич повторно шлет в Петроград ходатайство о назначении его военным комиссаром[1472].

Обратим внимание на дату — 6 июля. Известно, что к этому времени Николай Гумилев был уже в Париже. Хотя в приказах его имя пока не встречается, но очевидно, что он уже появлялся в Русской военной миссии и ждал дальнейшего назначения. Приведем здесь несколько адресов, где размещались русские представительства и где Гумилев мог уже побывать[1473]: Генеральное Консульство России — 79, rue de Grenelle (улица Гренель, 79, сейчас там Российское посольство); адрес Русского военного представительства (Bureau Militaire Russe) — Paris, 21, rue de Lübeck (улица Любек); адрес Управления Военного агента А.А. Игнатьева — Paris, 14 Avenue Elisée Reclus (Авеню Элизэ Реклю, 14); адрес Е.И. Раппа (домашний или его адвокатской конторы): — Rapp, 37, rue Vaneau 91–62.

Думаю, что к этому времени он успел представиться Занкевичу, Игнатьеву, познакомился с Раппом. Однако как раз к началу июля начали бурно развиваться события в лагере Ля Куртин, где были размещены Особые русские бригады. Приведем отрывок из книги Ю. Данилова, рассказавшего о событиях июля — начала августа 1917 года на основе материалов французских архивов, и затем убедимся, на основе документов, хранящихся в РГВИА, в полной объективности его рассказа:

«*В этих условиях французское военное командование сочло своим долгом сосредоточить русские бригады в одном из внутренних лагерей (La Courtine), дабы дать бригадам возможность прийти в спокойное состояние и заняться осуществлением необходимых мероприятий по сведению их в одну дивизию. Так как во Франции в данное время ощущалась острая нужда в рабочих, в особенности для обработки полей, то уже через несколько дней по прибытии в лагерь первых эшелонов русских войск было возбуждено ходатайство о привлечении солдат из лагеря La Courtine к сельскохозяйственным работам. Французские власти, однако, очень недоверчиво отнеслись к этим ходатайствам и, напротив, настаивали на принятии разного рода изоляционных мер, для ограждения местного населения от проникновения пропаганды. Таким образом, русские войска сразу почувствовали себя как бы на некотором особом положении.*

Время показало, что решение французских властей о размещении обеих бригад в одном лагере было глубоко опасным, ввиду различной степени распропагандирования бригад. Как читатель увидит несколько дальше, в 3-й Особой русской бригаде сохранилось гораздо больше здоровых элементов, которые пытались даже вступить в борьбу с царившей кругом хаотичностью и разлагающей бездеятельностью. Уже 8-го июля, то есть через короткое время по прибытии бригад в Куртинский лагерь, командующий войсками Лиможского района доносил: “В русской дивизии произошел полный раскол. 3-я бригада отделилась от первой и обосновалась биваком в Mandrin в 8-ми километрах от La Courtine”. Что случилось? Чем может быть объяснено такое распадение дивизии надвое? Старший французский офицер при дивизии Commandant Lelong так объясняет случившееся в своем донесении от 14-го июля: “Собрание обеих бригад обнаружило наличие в среде их чинов двух настроений: одно, разделяемое большей частью солдат 1-й бригады (и некоторой частью людей 3-й бригады), формулируется желанием добиться какою бы то ни было ценою возвращения в Россию и согласием сражаться только на русском фронте. Второе — составляющее почти общее мнение чинов 3-й бригады и лишь некоторых элементов 1-й бригады, заключается также в стремлении возвратиться, если возможно, в Россию, но допускает боевую деятельность также и на французском фронте, если таково будет приказание Временного Правительства”.

Генерал Занкевич, в убеждении, что только второе настроение допустимо в войсках, решил разделить сторонников каждого из этих течений, не допуская их смешения. По свидетельству участников указанного собрания, происходившего в ночь с 7-го на 8-е июля, генерал Занкевич согласился на разделение дивизии лишь после продолжительных колебаний и под давлением руководящих элементов из чинов 3-й бригады. В результате, большая часть 3-й бригады (за исключением 500–600 человек) и несколько сот людей 1-й бригады оставили на следующий день, 8-го июля, барачный лагерь при селении La Courtine и стали биваком на границе лагерного участка (в районе Mandrin).

11-го июля этот отряд сделал новый переход к северу и расположился биваком у селения de Felletin, где устроился штаб дивизии. Остальная часть дивизии (то есть большая часть 1-й бригады и 500–600 человек 3-й бригады) — сторонники возвращения в Россию какою угодно ценой, остались в бараках лагеря “La Courtine”. Между ними образовалось расстояние в 23 километра. Отряд, стоявший бивуаком у Felletin'а, проявлял даже желание организовать занятия. Commandant Lelong нашел для них учебное поле в 4-х километрах и только некоторая удаленность помешала его использовать. Напротив, Куртинцы пребывали в бездеятельности и постепенно запустили окончательно свою лагерную стоянку. На почве бездеятельности развились разного рода болезни и алкоголизм. Особенно многочисленны были заболевания венерические. Один из врачей выразился так: “Можно сказать так, что болен весь отряд”.

К сожалению, праздность оказалась в некоторой мере болезнью заразительной и для чинов 3-й Особой бригады. Уже в конце июля на Фельетинцев стали поступать отдельные жалобы от местных властей. Это обстоятельство, равно приближение холодного времени и враждебное отношение к Куртинцам, вызвало решение о перевозке их в лагерь Courneau, близ Аркашона. Перевозка эта была выполнена 10-го августа и, в результате ее, бригады были поставлены в совершенно изолированное друг от друга положение. Но еще до этого разъединения около тысячи Куртинцев оставили своих единомышленников и перешли в лагерь Фельетинцев»[1474].

Документы российского архива подтверждают сказанное выше. В протоколе заседания Отрядного Комитета в лагере Ля Куртин, проходившего под председательством Занкевича 6 июля, утверждается решение о выводе дивизии из лагеря[1475]. 7 июля датировано «Постановление» группы «верных» 3-й бригады (5-й и 6-й полки) о решении уйти из лагеря[1476]. Следующее заседание Отрядного Комитета состоялось уже 11 июля на указанном биваке в Mandrin[1477]. В приказе по русским войскам № 15, подписанном Занкевичем в лагере Ля Куртин 8 июля, говорится о расколе в войсках недавно сформированной 1-й Особой дивизии. Указывается, что одни части выступают за подчинение Временному правительству,

а другие готовы сражаться только на русском фронте. В этом приказе сказано: «Солдат, высказывающихся за безусловное подчинение Временному правительству, вывести из лагеря Ля Куртин»[1478]. 9 июля Занкевич отправляет в Петроград письмо Военному министру Керенскому, в котором информирует его, что он лично был в лагере Ля Куртин, и о том, что «часть готова сражаться и во Франции, т.е. подчиняется Временному Правительству, а часть — только на Русском фронте. Подчиняющихся вывели из лагеря к 10 ч. утра 25 июня/8 июля (2-я бригада). Осталась 1-я бригада, без 200–300 чел, 2-й полк»[1479].

Из приведенных документов следует, что примерно с 5 по 10 июля Занкевич и Рапп в Париже отсутствовали, так как они были в командировке в лагере Ля Куртин. Первоначально автором предполагалось, что в этой поездке мог принять участие и Николай Гумилев, однако выяснилось, что для проезда по территории Франции в военное время требовалось оформление специального пропуска. Оформление его требовало много времени, такой пропуск у Гумилева вскоре появится, он сохранился в архиве. Однако первые несколько недель Гумилев оставался в Париже, и, по-видимому, это было самое свободное время, когда он мог заниматься своими делами, сходными с теми, которыми были заполнены две недели пребывания в Лондоне.

Отсутствие информации в военных документах о первых неделях пребывания Гумилева в Париже удалось восполнить благодаря воспоминаниям художника М. Ларионова. Интересна история их появления. 17 февраля 1952 года Анреп писал Глебу Струве: «В 1914 г. Гончарова и Ларионов устраивали выставку в Париже, у меня сохранился каталог этой выставки, который Вам перешлю, если это может Вас интересовать. Вернулись ли они во время войны 1914–1918 в Россию, я не знаю, выставка их имела место в Galerie Paul Guillaume, 6 Rue de Miromesnil, от 17 июня до 30 июня 1914. Сообщаю Вам адрес Ларионова в Париже, не знаю, живет ли она ‹Гончарова› под своей фамилией или же под фамилией Ларионова. Адрес взят из телефонной книжки и подтвержден Г-жой ‹Верой› Поповой: M. LARIONOW. 16, Rue J.-Callot, 6e arr. Paris. Tel. ODÉON 55 66. С Ларионовым был в прошлом году удар, после которого он не совсем оправился. Думаю, самое лучшее написать Нат‹алье› Ник‹олаевне›[1480] с просьбой вспомнить все обстоятельства их встречи с Гумилевым»[1481]. Если бы не целеустремленность Глеба Струве, издавшего в начале 1950-х годов упомянутый выше том «Неизданный Гумилев», вряд ли бы нам удалось восстановить многие парижские страницы биографии поэта. 30 июля 1952 года, воспользовавшись советом Б. Анрепа, Г. Струве написал письмо в Париж Н.С. Гончаровой:

«Многоуважаемая Наталия Сергеевна!

Я просил изд-во имени Чехова в Нью-Йорке послать Вам от моего имени экземпляр выпущенного ими под моей редакцией “Неизданного Гумилева”. Как Вы увидите из моей вступительной статьи, этот том включает полученные мною несколько лет тому назад от Б.В. Анрепа различные неизданные произведения покойного Н.С. Гумилева, в том числе стихи из альбома, обложка к которому была нарисована Вами и в котором были также рисунки Ваши, М.Ф. Ларионова и покойного Стеллецкого. К сожалению, по соображениям экономии издательство отказалось иллюстрировать издание репродукциями этих рисунков, но у меня есть еще некоторые материалы из архива Гумилева, и может быть, мне удастся издать небольшую plaquette[1482]. В таком случае я бы хотел иллюстрировать ее этими

репродукциями, на что хотел бы иметь Ваше и М.Ф. Ларионова разрешение. Мне хотелось бы также знать, когда и при каких обстоятельствах возник этот альбом. Большая часть стихов в нем относится ко времени пребывания Н.С. в Париже в 1917 г., но под Вашей обложкой дата “1916” и часть стихов — еще русского периода, 1916 и начала 1917 г. (Гумилев уехал во Францию в мае 1917 г.). Полагаю, что рисунки Ваши и М.Ф. Ларионова были сделаны еще в Петербурге. За все сведения по этому поводу, которые Вы найдете возможным мне дать, буду Вам чрезвычайно признателен.

Примите уверение в моем искреннем уважении.
Глеб Петрович Струве»[1483].

Ответил на это письмо 22 октября того же года М. Ларионов. Чуть позже он написал еще одно письмо, и эти мемуарные письма Глеб Струве опубликовал в альманахе «Мосты»[1484]. Уже в первом письме Ларионов пояснил, как и почему Гумилев задержался в Париже, хотя первоначально направлен он был на Салоникский фронт: «‹…› Чтобы его оставить в Париже, я и Наталья Сергеевна познакомили его с полковником Соколовым, который был для русских войск комендантом в Париже. Потом с Альмой Эдуардовной Поляковой (вдовой банкира)[1485], которая была большой приятельницей генерала Занкевича, заведующего отправкой войск, — и временно задержали Ник. Степ. в Париже. А позднее познакомили его с Анной Марковной Сталь и с Раппом[1486] — Рапп предложил ему место адъютанта при нем самом (Раппе) ‹…›». Эта фраза подтверждает ясность памяти Ларионова, что необходимо оговорить в связи с высказываниями, ставящими под сомнение точность его воспоминаний по причинам давности срока и перенесенной им болезни. Заметим, что практически все свидетельства Ларионова подтверждаются документами или другими свидетельствами современников. Поэтому расскажем об упоминавшихся им лицах и проследим, как официально была оформлена остановка Гумилева в Париже и его дальнейшая воинская служба там.

По архивным материалам удалось установить, что в интересующие нас годы Сергей Александрович Соколов был русским комендантом г. Парижа, или русским штаб-офицером при военном губернаторе Парижского округа[1487]. В документах указаны его адреса, видимо, домашний и служебные: Hôtel Beaulieu Champs; 16 rue Louis David, Elysées; 15, rue Balzac; 39, rue de l’Arbalète. Так что вполне вероятно, что Соколов оказал протекцию, чтобы Гумилева оставили в Париже. Встречается в военных документах и имя Альмы Поляковой, работавшей в русской миссии сестрой милосердия. Так, в приказе по Русским войскам № 137 от 11/24 ноября 1917 года сказано, что «сестра милосердия Альма (Alma) Полякова награждается серебряной медалью с надписью “за усердие”»[1488].

Согласимся с тем, что именно Ларионов, через посредничество полковника Соколова, впервые свел Гумилева с Занкевичем. Однако представляется, что главной причиной задержки Гумилева в Париже было и то, что Занкевич и Рапп быстро поняли: служба Гумилева, младшего офицера и бывшего кавалериста, в Париже будет более полезна и эффективна, чем его отправка на Салоникский фронт в пехоту, и Занкевич сразу же принял решение оставить Гумилева в Париже при Раппе. Но, во-первых, до второй половины июля приказ о назначении Раппа Военным комиссаром из Петрограда не поступил, а во-вторых, большую часть июля Занкевич и Рапп провели в разъездах, связанных с начавшимися волнениями среди русских солдат, размещенных в лагере Ля Куртин (вскоре в этих поездках принял участие и Гумилев). Как только Занкевич и Рапп вернулись из

Ля Куртин, 12 июля пришла телеграмма, что в Париж из Лондона направляется еще одно ответственное контролирующее лицо, комиссар Временного правительства из Петрограда: «Телеграмма из Лондона (шифром). Вх. 1340. 29.06/12.07 1917. Генералу Занкевичу. Комиссар Временного Правительства Сватиков просит сообщить Вам, что он выезжает Париж через Булонь завтра четверг 29-го июня (*ст. ст.*). 1302 Ермолов»[1489]. На следующий день пришло уточнение: «Телеграмма. Спешно. Из Лондона. Вх. 1358. 30.06/13.07 1917. Для Генерала Занкевича. К № 1302. Комиссар Временного Правительства Сватиков выехал сегодня не через Булонь, но через Гавр. 1305 Ермолов»[1490]. В этот же день из Петрограда пришла телеграмма на имя Занкевича: «Телеграмма из Петрограда. Передана из канц. Ген. Занкевича 30.6/13.7 (вх. № 327). Вам как представителю Временного Правительства во Франции устанавливается следующее содержание: сохранение содержания по должности Генерал-Квартирмейстер, т.е. по 3000 руб. жалованья и столовых 1500 руб., квартирных в год; кроме того на время вашей командировки положением Военного Совета от 20 мая установлен отпуск на представительство 750 руб. в месяц и суточные по 76 франков. 2665 Карханин. 60126 Юдин»[1491].

Прибывший из Лондона в Париж 14 июля С.Г. Сватиков[1492] был направлен в качестве комиссара Временного правительства в западноевропейские страны для проверки дипломатических служб и ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции. Помимо этого Сватиков должен был посетить русские военные лагеря. 15 июля от командира 1-й Особой дивизии Лохвицкого поступила телеграмма: «Телеграмма от Лохвицкого от 2/15 июля, 16 ч. дня. Генерал Занкевич выезжает из Парижа завтра в понедельник в 6 ч. вечера; ночевать он будет в Мон-Люсон в гостинице Ferminus. Просить выслать автомобиль во вторник к 8 ч. утра к этой гостинице. Его будут сопровождать полковник Бобриков и госп. Рапп и Сватиков. Montlugan»[1493]. Поездка в Ля Куртин прошла успешно. От этого визита Раппа, Сватикова и Занкевича сохранилось несколько фотографий[1494].

16 июля Занкевич получил телеграмму из Петрограда[1495] о приостановлении выдачи суточных солдатам 1-й дивизии в Ля Куртин — «так как эти суточные деньги выдаются только за службу во Франции». Находясь в Ля Куртин, видимо, действуя по поручению Сватикова, Рапп 18 июля пишет в Отрядный Комитет: «В качестве уполномоченного чрезвычайной следственной Комиссии по разборке архивов бывшего заграничного охранного отделения могу удостоверить, что никаких указаний на сношение г. Празолоцкого с Парижской или другой охранкой не обнаружено. Независимо от сего г. Поволоцкий не получал никаких спец. командировок в Особую дивизию ни от стороннего начальства, ни от стороннего объединенного Комитета Парижских эмигрантов. Уполномоченный военного министра Е. Рапп. 5/18 июля 1917 года»[1496]. Обратите внимание, что пока Рапп именует себя «уполномоченным военного министра». В связи с возложенными на него обязанностями Рапп, формально находящийся до этого на военной службе во Франции, подает заявление об отставке: «Господину Военному Агенту во Франции. Евгений Иванович Рапп (14, rue Stanislas). Заявление. Вследствие возложения на меня г. Военным Министром и известных Вам обязанностей, выполнение которых не совместимо с несением службы офицера французской армии, прошу Вас не отказать войти во Французское Военное Министерство с подлежащим ходатайством о прекращении обязательства моего в отношении несения военной службы во Франции. Для сведения Вашего сообщаю: никакого письменного обязательства (engagement), ни прошения (demande) я не подписывал, а принят был на службу (в сентябре 1914 г.) по личному ходатайству тогдашнего помощника военного агента генерал-майора Д.И. Ознобишина, в качестве подпоручика (J/Lieutenant) пятого полка полевой артиллерии. В сентябре 1916 г. по представлению начальства произведен в чин лейтенанта. Постановлением Военного Министра от 26 января 1917 г. был mis hors cadre (*выведен за штат*). Евгений Рапп. 18 июля 1917 г. Париж»[1497]. Это ходатайство было удовлетворено 15 августа: «От Военного Министра Франции (от 17/30 августа 1917 г.). Сообщают, что это прошение удовлетворено с 15 августа 1917 года»[1498].

Сватиков находился в Париже до 20 июля: «Г-ну Раппу. Генерал Занкевич просил г. Раппа приехать к г. Сватикову завтра 7 июля (20 июля н.ст.) к 2 ½ ч. дня. Генерал там будет в это время»[1499]. В этот же день Сватиков рапортует в Петроград: «Телеграмма. Исх. № 441. Председателю Совета Министров Львову, Генералу Романовскому, Керенскому. Доношу Временному Правительству: прибыв в Париж по усиленной просьбе Евг. Ив. Рапп и Генерал Занкевич, также исполнил приказ Министра Председателя посетить лагерь Русских Дивизий. ‹…› (О необходимости разъединения). ‹…› Деятельность Раппа как представителя Военного Министра и чрезвычайной следственной комиссии выше всяких похвал. Устно прошу устроить его материально и выразить признательность Правительства. Комиссар Временного Правительства Сватиков»[1500].

Наконец 21 июля получена телеграмма от Керенского: «Здесь: Вх. 439. 9/21 июля 1917. Из Петрограда. Генералу Занкевичу. На №№ 230, 251, 299, 332. Телеграмма Керенского Занкевичу. Вх. № 439. № 60138. Отпр. 21 июля 12 ч. 50 м. (Копия — Российскому поверенному в делах для передачи Раппу). Военным Комиссаром при Русских войсках во Франции назначаю Раппа. Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов со своей стороны уполномочивает его же быть комиссаром Исполнительного комитета. 4817 Керенский. 60138 Юдин»[1501]. 23 июля Керенский направляет Раппу представленную выше телеграмму о полномочиях армейского комиссара. Текст телеграмм Керенского о назначении Раппа Военным комиссаром и о его полномочиях был объявлен приказом № 29[1502] по Русским войскам во Франции от 11/24 июля 1917 года, подписанным Занкевичем. Получив телеграмму от Керенского, еще до объявления приказа по войскам о Раппе, 23 июля Занкевич сообщает в Петроград: «№ 3552. Анаксагор. Генералу Романовскому. Прапорщик Гумилев моей властью временно назначен при Военном Комиссаре, ходатайствую это узаконить. Для означенной должности полагал бы достаточным содержание обер-офицера для поручений штата Тылового Управления, утвержденного Военным Советом 18 мая. Номером 489 просил установить содержание Военный Комиссар, на что ответа не имею. Занкевич 841»[1503]. Видно, что все было уже решено заранее, и в этот же день в канцелярии Занкевича объявлено распоряжение: «Канцелярия Ген. Занкевича. 10/23 июля 1917. № 491. г. Париж. Спешно. Подполковнику Пац-Помарнацкому. По приказанию Генерала Занкевича, 5-го Гусарского Александрийского полка Прапорщик Гумилев, направленный в Салоникские войска, оставляется в распоряжении Представителя Временного Правительства при Французских армиях. Прошу не отказать взять на себя данный вопрос для отдачи в приказе и сообщении Генералу Артамонову и Военному Агенту во Франции. Приложение: Предписание Дежурного Генерала Штаба Петроградского

Военного Округа на театре Военных действий от 2-го мая с.г. № 2785 и послужной список. Подполковник (подпись) Бобриков»[1504]. Так как службы представителя Временного правительства Занкевича и Военного комиссара Раппа не были подчинены друг другу, последний в тот же день направляет прошение Керенскому: «Петроград. Военному министру. Прошу назначение мне офицером для поручений прапорщика 5 Александрийского полка Гумилева, командированного Генеральным штабом в Салоники и оставленного в Париже в распоряжении генерала Занкевича. Рапп»[1505]. Военная судьба поэта на ближайшие несколько месяцев была определена, хотя официальное утверждение на эту должность поступило из Петрограда только в конце августа.

С 23 июля Гумилев приступил к своей службе в качестве офицера для поручений при Военном комиссаре Раппе. В его «Послужном списке» о новом назначении записано: «Оставлен в г. Париже, в распоряжении Представителя Временного Правительства Генерала Занкевича и находился в составе управления Военного Комиссара (приказ по русским войскам во Франции № 30) — 12/25 июля 1917»[1506]. Если приказ Занкевича о назначении Раппа комиссаром имел № 29 от 24 июля, то следующий подписанный Занкевичем приказ касался непосредственно Гумилева: «Приказ по русским войскам во Франции № 30 от 12/25 июля 1917 г. Париж. 5-го Гусарского Александрийского полка прапорщика Гумилева прикомандировываю в мое распоряжение. Представитель Временного Правительства Генерал-Майор Занкевич»[1507].

Уже на следующий день, 24 июля, в «Журнале входящих бумаг» Отрядного комитета зафиксирована бумага, присланная Гумилевым, с просьбой «о высылке писаря, знающего писать на пишущей машинке»[1508]. Как следует из протокола заседания Отрядного комитета от 8 августа[1509], вначале Раппу назначили писарем младшего унтер-офицера 5-го полка Лямина, но командный состав послал вместо него рядового 10-й роты 5-го полка Горбунова. Однако, с учетом ходатайства Раппа, его отозвали и назначили ему писаря 1-го Маршевого батальона Евграфова. Вскоре унтер-офицер Александр Евграфов поступил в распоряжение Военного комиссара в качестве писаря. Начались будни, отраженные в многочисленных документах. С этого момента имя Гумилева встречается в них постоянно, как в форме отдаваемых ему распоряжений, так и в виде его многочисленных автографов, — на него, видимо как на «литератора», Раппом возлагалась обязанность подготавливать тексты приказов и распоряжений, которые Рапп затем редактировал и подписывал.

До подписания Занкевичем приказа № 30 от 25 июля положение Гумилева было неопределенным, и он, проведя более трех недель в Париже, никому не писал о своем положении, так как не мог даже указать места, где ему предстоит служить. Теперь же в первую очередь он написал матери о том, что в Салоники не едет и остается в Париже. Письмо он отправил 27 июля, это стало известно из недавно обнаруженного ответного письма матери от 12/25 августа: «Мой родной, ненаглядный Котик! Сейчас получила твое письмо из Парижа от 27 (н.с.), а по-нашему значит от 14 июля, а сегодня 12, значит, письмо шло почти месяц. Не могу выразить, как я рада, что тебе так удачно все устроилось! И ты опять в своем любимом Париже...»[1510]. Ахматовой он написал позже, в конце августа, когда прояснилось его материальное положение. Оно сохранилось и будет приведено ниже. Сама же Ахматова написала Гумилеву уже 15/28 августа, прочитав его письмо к матери[1511].

Париж, лето, личная и творческая жизнь

От момента прибытия Гумилева в Париж до его назначения прошло более трех недель, в течение которых он был практически предоставлен сам себе и мог «бездельничать», видимо, в первые же дни получив от Занкевича устное распоряжение оставаться пока в Париже. Этот факт позволил отнести большинство встреч с поэтом, о которых вспоминал Ларионов, именно к этому периоду. В дальнейшем рабочие обязанности поглотили почти все его свободное время, вплоть до того, что ему приходилось часто и надолго отлучаться из Парижа по делам службы. Проведенный им в Париже июль оказался творчески плодотворным и эмоционально насыщенным — не обошлось и без романтического увлечения, вдохновившего поэта на множество лирических стихотворений, составивших сборник «К синей звезде».

Видимо, в первый же день, как Гумилев появился в Париже, он посетил художников М. Ларионова и Н. Гончарову[1512]. Между ним и художниками сразу же возникли не просто приятельские, а искренние, дружеские отношения, память о которых они пронесли через всю свою жизнь. Недавно обнаружились несомненные свидетельства этого. Проживший долгую, насыщенную событиями жизнь, художник Михаил Ларионов периодически брался не только за кисть, но и за перо, чтобы рассказать о прожитом. Об этом говорят его многочисленные записные книжки с черновыми записями, рассказывающими как о детских годах, так и о встречах с современниками. Количество сохранившихся в архиве набросков свидетельствует о разнообразии планов Ларионова, которые так и не были реализованы. Однако сейчас сложно сказать, в какой степени возможна систематизация записей и их полная публикация, так как архив Михаила Ларионова и Наталии Гончаровой лишь недавно стал доступен исследователям.

Первые попытки написать книгу мемуарных заметок были предприняты Ларионовым в начале 1930-х годов, вскоре после смерти его близкого друга Сергея Дягилева[1513], однако, судя по характеру записей, можно предположить, что значительная их часть относится к годам Второй мировой войны. Главные действующие лица воспоминаний — художники, театральные деятели, артисты, все, с кем ему приходилось часто встречаться: Сергей Дягилев и Лев Бакст, Пабло Пикассо и Гийом Аполлинер, Александр Бенуа и Игорь Стравинский, Сергей Лифарь и Вацлав Нижинский, десятки других знаменитостей. Иногда, впрочем, автор предавался иным воспоминаниям, казалось бы далеким от живописи и театра. Так, видимо, в последний год войны, в 1944 году, Ларионов начал новую записную книжку со следующих строк:

«В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь[1514].

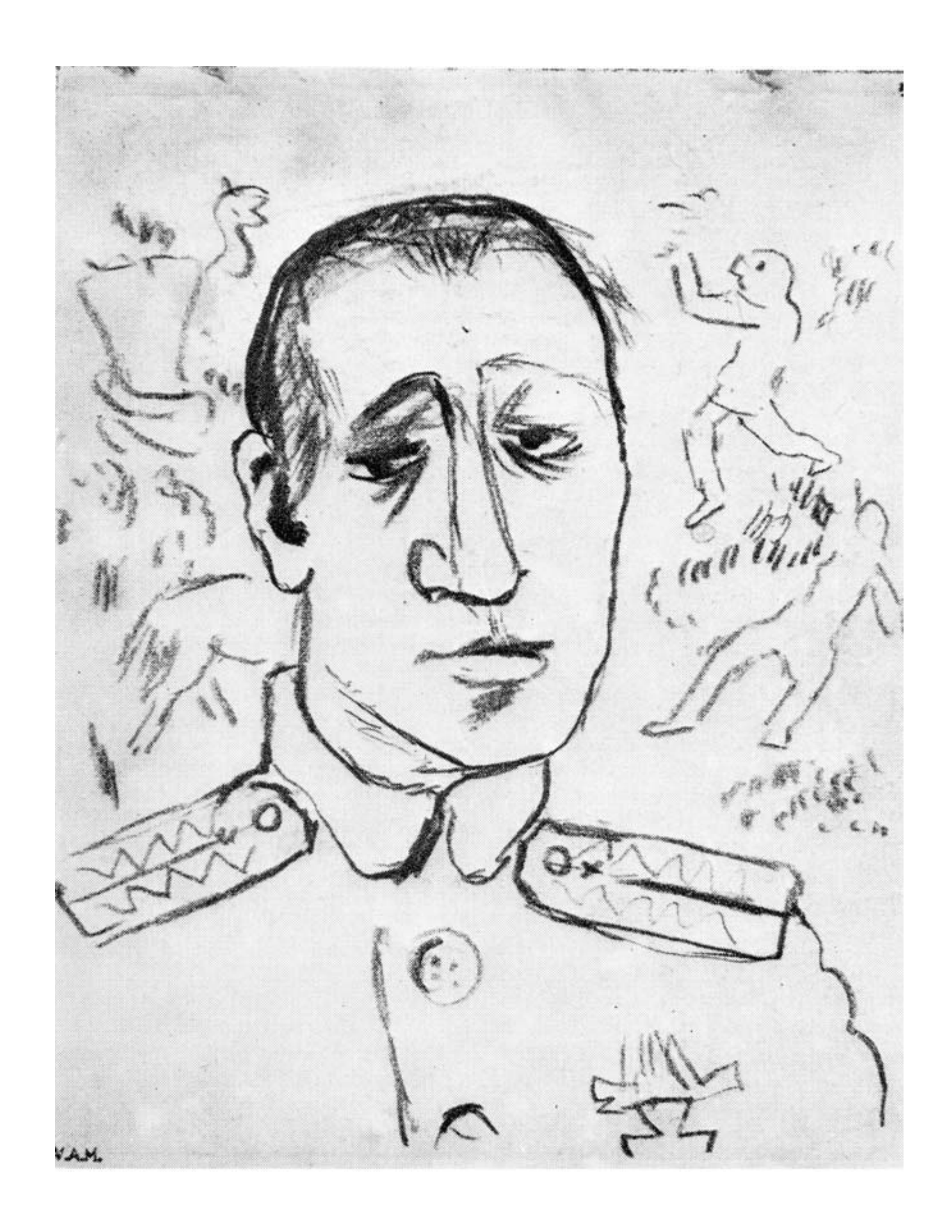
Так чувствовал мой милый друг Гумилев — так по ошибке погибший с широко открытыми глазами у Стены. — С таким чувством преувеличенным всегда натыкаешься на неожиданные сюрпризы в жизни. Жизнь мутит тебя. Всегда тебя бьют в морду при каждом неудобном повороте...»[1515]

Из предпоследнего года Второй мировой войны память художника перенесла его в предпоследний год другой войны, ныне почти забытой. Летом 1917 года в Париже Ларионов и Гончарова познакомились и подружились с Николаем Гумилевым. Нашлось немного свидетельств этой дружбы,

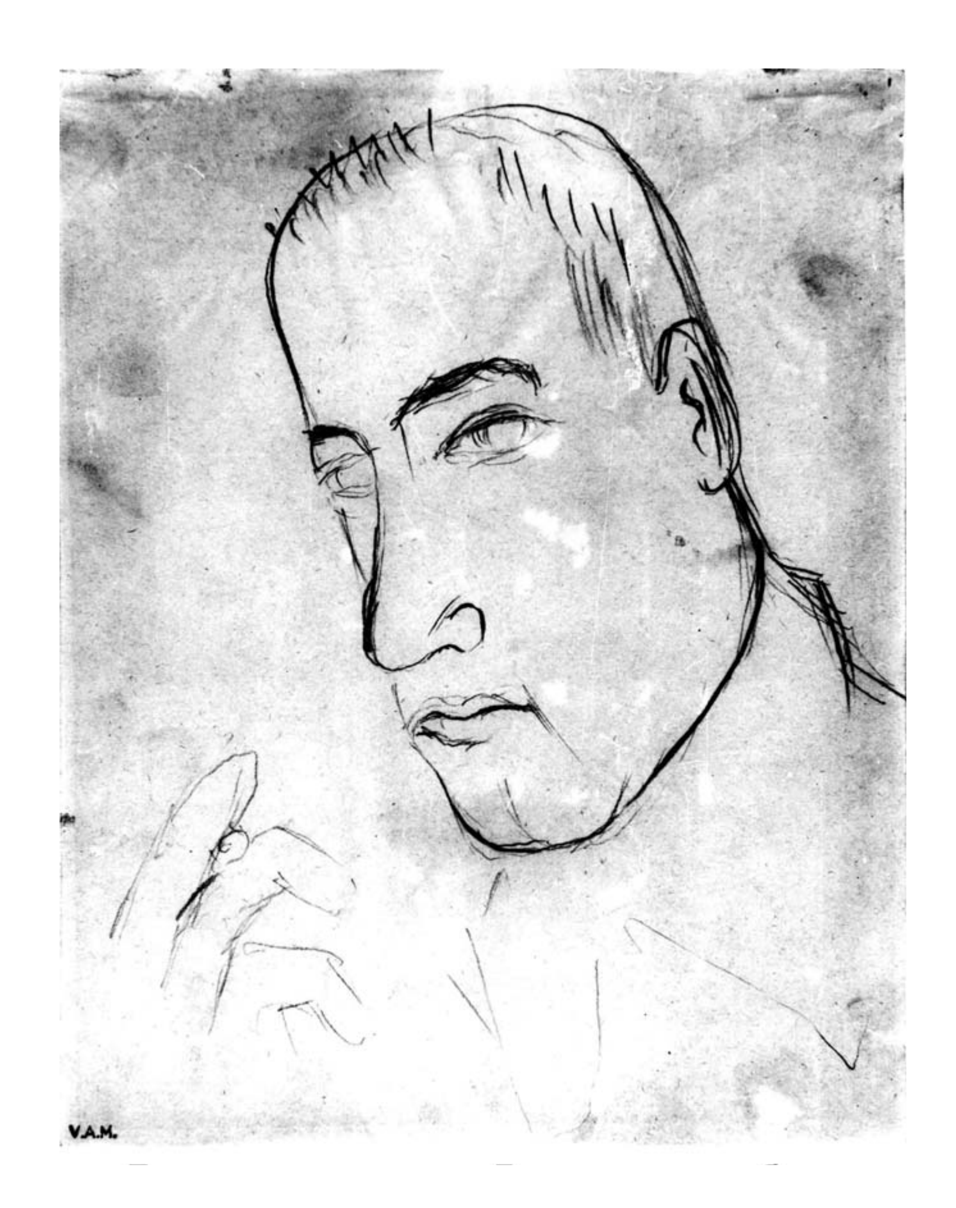
характера отношений, взаимной привязанности. Почти все они исходят от самих художников, причем подтверждением здесь служат не только воспоминания и немногочисленные документы, но в первую очередь — их творчество. Недавно были выявлены любопытнейшие зарисовки художников, представляющие нам образ попавшего в Париж поэта. Ценность их велика, особенно если принять во внимание, что до сих пор не удалось найти ни одной фотографии Гумилева периода его заграничной службы. Помимо двух известных прежде карандашных набросков, изображающих Гумилева, в поступившей в ГТГ коллекции Ларионова удалось идентифицировать большую серию его зарисовок[1516], позволившую в несколько раз расширить известную прижизненную иконографию поэта[1517].

Почти несомненно то, что посетить Гончарову, Ларионова и Стеллецкого рекомендовал Гумилеву Борис Анреп, который был знаком с художниками еще до начала Первой мировой войны, причем, как было сказано выше, Д. Стеллецкий был тем, кто сделал Анрепа художником — еще в 1906 году[1518]. Хотя Гумилев мог встречаться с Гончаровой и Ларионовым в Петербурге до войны, но, судя по всему, близко знакомы они не были. Впрочем, однажды, в 1911 году, пути их пересеклись на страницах «Синего журнала», где рядом помещены репродукции привезенных Гумилевым из Африки картин абиссинских художников и работы с выставки «Союза молодежи», активными участниками которого были Гончарова и Ларионов. Редакционное уведомление гласило: «Только что вернувшийся из путешествия по Абиссинии молодой поэт Н. Гумилев привез редкую коллекцию картин абиссинских художников и предоставил последнюю нам, для воспроизведения на страницах "Синего Журнала". Содержание картин приведено ниже. Интересно сопоставить их с помещаемыми в этом номере снимками с картин открывшейся в Петербурге выставки "Союза молодежи". Право, по замыслу и по технике рисунка африканцы не только не уступают русским художникам-модерн, но даже превосходят их во многих отношениях. Впрочем, предоставляем читателям сделать должное заключение»[1519]. Вряд ли об этом соседстве вспомнилось в 1917 году, но свидетельством парижского знакомства стал подаренный Н. Гончаровой замечательный, «охранный» рисунок «Христос» с дарственной надписью: «Николаю Степановичу Гумилеву на память о нашей первой встрече в Париже. Береги Вас Бог, как садовник розовый куст в саду. Н. Гончарова»[1520]. Их первая встреча состоялась, видимо, не позже 1–2 июля 1917 года. К сожалению, портретные зарисовки Гумилева работы Н. Гончаровой в ГТГ не обнаружены, однако известен ее альбом с четырьмя портретами Гумилева, хранящийся в Лондонском музее Виктории и Альберта (Victoria and Albert Museum)[1521]. Ниже все они воспроизведены.

Можно предположить, что уже во время первой встречи между поэтом и художниками установились теплые и близкие отношения, чуть позже в этом признался сам Гумилев в письме домой, Ахматовой. Одной из причин могло стать сходство военных биографий Гумилева и Ларионова, что в условиях продолжавшейся войны не могло не содействовать сближению. Скорее всего, Гумилев представился перед художниками не только как поэт, но и как прапорщик, направляющийся на Салоникский фронт. Жест вполне естественный в условиях военного времени, лишенный какого бы то ни было бахвальства, и его биография не могла не «зацепить» Михаила Ларионова, напомнить о недавних страницах собственной биографии. О ней мы можем судить по найденной в архиве его краткой автобиогра-

Портретная зарисовка Н.С. Гумилева из альбома Н.С. Гончаровой в Музее Виктории и Альберта *(Лондон)*. **Один из двух рисунков, на котором Гумилев изображен с Георгиевским крестом**

**Портретная зарисовка «Гумилев с сигаретой»
из альбома Н.С. Гончаровой в Музее Виктории и Альберта** *(Лондон)*.
Публикуется впервые

**Портретная зарисовка Н.С. Гумилева из альбома Н.С. Гончаровой
в Музее Виктории и Альберта** *(Лондон)*. **Второй из двух рисунков,
на котором Гумилев изображен с Георгиевским крестом.** *Публикуется впервые*

Портретная зарисовка «Гумилев в профиль»
из альбома Н.С. Гончаровой в Музее Виктории и Альберта *(Лондон).*
Публикуется впервые

фии, составленной в начале 1920-х годов. Кстати, в ней обнаружились и другие «пересечения» биографий поэта и художника. Вот несколько выписок из нее: «Приехал в Париж в 1906 году вместе с Сергеем Дягилевым и участвовал в выставке ретроспективной русского искусства, которая была отделом Осеннего Салона в Grand Pal‹ais›. В октябре же этого года покинул Францию. Снова вернулся в Париж в мае месяце 1914 года вместе с Ballets Russes Дягилева, дававшим спектакли в Опера. Жил в Hôtel Helder, rue Helder. После отъезда балета в Лондон остался в Париже и переехал на июнь и часть июля на 65 Bd. Arago 65. ‹…› 1-го августа уехал через Париж, Швейцарию, Италию, Грецию и Турцию в Россию, Одессу и Москву. Оттуда немедля, в конце сентября, на русский фронт в армию, которая находилась под командой генерала Ренненкампфа в Восточной Пруссии.

Был контужен в октябре 1914. Получил воспаление почек. Пробыл в госпитале до 4 января 1915 г. Был реформирован ‹т.е., демобилизован› 5 янв. 1915 года. 15 июня 1915 года покинул Москву. Через Швецию, Англию, прибыл в Париж и затем в Швейцарию для работы снова в Русском балете. Выехал из Швейцарии в Париж в конце декабря и участвовал в спектакле, данном в Опера в пользу армии ‹…› 9.12.1915. Остался жить в Париже, сначала Hôtel Castille, rue Cambon и с января 1916 г. на rue Tournefort. Затем, с июня месяца 1916, как артист-декоратор, вместе с балетом путешествовал по Испании и Италии. 4-го апреля 1917 года вернулся во Францию. С тех пор, в августе 1922 г. ездил в Германию и три раза был в Лондоне Англия»[1522].

Они могли встретиться еще в 1906 году на «Русской художественной выставке в Париже», устроенной С.П. Дягилевым в Осеннем Салоне в Grand Palais. Из переписки Гумилева с Брюсовым известно о посещении Гумилевым этой выставки, о предложении Брюсова написать заметки о выставленных там работах и об отказе Гумилева сделать это ввиду собственной некомпетентности: «Простите меня за этот отказ, но мне казалось лучше отказаться, чем брать работу, не соответствующую моим силам»[1523]. Однако значительно важнее в этой автобиографии упоминание Ларионовым о его участии в боевых действиях в Восточной Пруссии в составе 1-й Армии, которой командовал генерал П.К. Ренненкампф. То есть Ларионов начал войну в составе той же армии, в то же время и в тех же краях, где получил свое боевое крещение Николай Гумилев. Это подтверждается и другими документами, в частности «Удостоверением», выданным Ларионову в госпитале Московской Иверской Общины Красного Креста, и «Эвакуационным билетом № 82»[1524]. Согласно этим документам, Михаил Ларионов поступил в армию прапорщиком 210-го Бронницкого Пехотного полка, был контужен, попал в госпиталь, пролежал там почти три месяца и 5 января 1915 года «на основании ст.6 п.15 приказа по Военному Ведомству от 17 августа 1907 г. за № 436 признан к несению военной службы неспособным». Отметим также, что в то время, когда Гумилев познакомился с Ларионовым, в Париж часто приходили письма от его брата Ивана, находившегося в немецком плену[1525], и вряд ли Ларионов не рассказал об этом Гумилеву. Возможно, как воспоминания о собственных мытарствах, так и мысли о судьбе брата подтолкнули Ларионова к началу хлопот об оставлении Гумилева в Париже, к чему сам поэт, после посещения Гарсингтон Мэнор и знакомства с «этическим заявлением» поэта Зигфрида Сассуна, был уже морально подготовлен.

Первый парижский адрес, где остановился Гумилев не позже 1 июля 1917 года, — улица Галилея (rue Galilée), дом № 54, в одноименном отеле, по соседству с Елисейскими Полями, рядом с Триумфальной аркой. В этом районе Парижа располагалась большая часть русских военных служб, здесь же, в окрестных улочках, обитал почти весь их персонал. Неподалеку, в отеле Castille[1526] на rue Cambon, 33, жили в это время Наталья Гончарова и Михаил Ларионов, который вспоминал:

«Н.С. был знаком близко с Честертоном и с группой английских писателей этого времени, а в Париже дружил с Вильдраком[1527]. Жил он, Н.С, на rue Galilée, в отеле того же имени. А последний раз в Hôtel Castille на rue Cambon, где в то время и я жил. Самой большой его страстью была восточная поэзия, и он собирал все, что этого касается. Одно время он поселился внизу в сквере, под станцией метро Passy, у некоего г. Цитрона[1528]. Вообще он был непоседой — Париж знал хорошо и отличался удивительным умением ориентироваться. Половина наших разговоров проходила об Анненском и о Жерар де Нервале. Имел странность в Тюильри садиться на бронзового льва, который одиноко скрыт в зелени в конце сада почти у Лувра».

Среди знакомых Гумилева Ларионов называет адвоката Александра Цитрона и поэта Шарля Вильдрака, владевшего художественной галереей в Париже, адрес которой он занес в записную книжку в Лондоне. С именем Цитрона мы еще встретимся, и неоднократно.

Мемуарные письма Ларионова к Струве остаются почти единственным достоверным свидетельством повседневной, не связанной с военной службой жизни поэта в Париже. Там же Ларионов вспоминает и серию альбомов, куда Гумилев записывал свои стихи: «В начале лета 1917 г. мы были в Париже. Альбом Николая Степановича, помеченный 1916 г., был начат им в Петербурге, но только начат — все, что там переписанного и заново написанного относится к 1917 году[1529]. Мы с Николаем Степановичем видались каждый день почти до его отъезда в Лондон. ‹…› Подобный альбом им был переписан и подарен Елене Карловне Дебуше[1530] (дочь известного хирурга), в замужестве мадам Ловель (теперь американка). В начале многие стихи, написанные во Франции, входили в сборник, называемый "Под голубой звездой" — название создалось следующим образом. Мы с Николаем Степановичем прогуливались почти каждый вечер в Jardin des Tuileries[1531]. Вы Париж знаете, помните, недалеко от арки Carrousel, на дорожке, чуть-чуть вбок от большой аллеи стояла статуя голой женщины — с поднятыми и сплетенными над головой руками, образующими овал. Я, проходя мимо статуи, спросил у Н.С., нравится ли ему эта скульптура? Он меня отвел немного в сторону и сказал: "Вот отсюда". — "Почему?, — спросил я. — Ведь это не самая интересная сторона". — Он поднял руку и указал мне на звезду, которая, с этого места, как раз приходилась в центре овала переплетенных рук. — "Но это не имеет отношения к скульптуре". — "Да! но ко всему, что я пишу сейчас в Париже 'под голубой звездой'". Как образовалось "К голубой звезде", мне не ясно. Как мне кажется, это произошло под внезапным впечатлением одного момента... потом осталось так, но означает то же стремление — к голубой звезде — настоящей. Не думаю, чтобы кто бы то ни было мог бы быть для него такой звездой. Почти всегда самое глубокое чувство, какое у Николая Степановича создавалось в любви к женщине, обыкновенно обращалось в ироническое отношение и к себе, и к своему чувству».

Здесь Ларионов вспоминает главное парижское увлечение Гумилева. Судя по всему, он познакомился с Еленой Дюбуше[1532] в первые же дни пребывания в городе. Это был «служебный роман». Как следует из архивных документов, Дюбуше работала в русской военной миссии, одно время — переписчицей, позже — секретарем при Санитарном отделении. Ее служба там началась до появления Гумилева в Париже и продолжилась после его отъезда в Лондон в январе 1918 года. Наиболее полно о семье Е.К. Дюбуше рассказал внук знаменитого биохимика, академика А.Н. Баха (1857 — 1946) И.С. Балаховский:

«‹…› Свои лучшие годы Алексей Николаевич Бах провел в эмиграции. ‹…› Самым близким другом был французский хирург Шарль Дюбуше, которому, как пишет сам Алексей Николаевич, он обязан жизнью — только благодаря моральной (а также материальной) поддержке удалось выжить в эмиграции. Его фотография с подписью всегда висела на стене, я помню ее с раннего детства. Ш. Дюбуше почти всю жизнь прожил во Франции, но был американским гражданином, и в автобиографии Алексей Николаевич называет его Чарльзом. Однако в семейных разговорах его всегда называли на французский манер Шарлем. Еще будучи студентом Сорбонны, он познакомился со студенткой из Одессы Людмилой Орловой и женился на ней в 1891 году. Людмила, не знаю уж, по какой причине, не стала врачом, а была, как вспоминала моя мама, "профессиональной и убежденной" медицинской сестрой, т.е. ставила во главу угла непосредственную помощь людям и уход за больными. Она действительно очень многим помогала. Шарль Дюбуше был потомком первых эмигрантов, прибывших в Америку, если не ошибаюсь, в 16 веке на корабле "Mayflower", куски которого, как реликвии, хранились потомками. Отец Шарля тоже жил в Париже, он был известным дантистом, одним из первых, кто занялся протезированием, и стал известен широкой публике, когда после пожара в Парижской опере идентифицировал трупы по изготовленным им зубным протезам.

Став врачом, Шарль уехал в Россию, но, чтобы заниматься медицинской практикой, надо было получить российский диплом. В то время Финляндия входила в состав Российской империи, там можно было сдавать экзамены на немецком языке, чем он и воспользовался. Дюбуше поселились в Одессе, где брат Людмилы занимал высокое положение в городской управе. Шарль занялся частной медицинской практикой, посещение его кабинета даже описано Валентином Катаевым в каком-то рассказе[1533]. Жизнь в России не сложилась — были нарушены какие-то медицинские правила, в 1905 году у него оказался револьвер, на который не было разрешения (а каждый американец, даже с восточного побережья, считал "естественным" иметь огнестрельное оружие). ‹…› Так или иначе, он вернулся в Париж, где стал одним из лучших хирургов своего времени. Он лечил многих русских эмигрантов, в том числе и родственников В.И. Ленина. Во время Второй мировой войны уехал в Америку.

Дочь Шарля и Людмилы — Елена Дюбуше — была журналисткой, дружила со старшей сестрой моей мамы — Лидией Алексеевной. Я ее немного помню, так как в 1934 или 1935 г. она приезжала Москву. Во время войны, в 1917 г. ею был увлечен Николай Гумилев, который в это время оказался в Париже, он записал в ее альбом цикл стихов "Синяя звезда". Эти стихи в виде отдельной книги вышли в Берлине уже после трагической смерти поэта, видимо, их издала сама Елена или кто-то из ее друзей. Они действительно очень отличаются от других стихов нашего выдающегося поэта,

в первую очередь — личным характером — ведь сам Гумилев не готовил их к публикации. В собрании сочинений поэта указано, что они “из альбома Е.К. Дюбуше”. Это, конечно, недоразумение, происхождение которого понятно — хотя Карл и есть формально перевод имени Чарльз на немецкий или польский язык, но все же это другое имя — никто ведь на называет Карлом ни Чарльза Диккенса или Шарля Де Голля ‹…›»[1534].

Никакого недоразумения нет: в парижских военных документах она именуется именно как Елена Карловна Дю-Буше. Ее приезд в Советский Союз в 1930-е годы подтверждают воспоминания Э.Г. Герштейн, постоянно общавшейся с Анной Ахматовой и Львом Гумилевым (Ахматова в описываемое время жила в семье Н.Н. Пунина, в Фонтанном доме): «Когда в Ленинград приехала из Америки “Синяя звезда” Гумилева, она позвонила Ахматовой, но не застала ее дома. Она просила передать Анне Андреевне, что просит встречи с ней. Никто из Пуниных не сказал об этом Ахматовой ни слова. Так она и не встретилась с женщиной, внушившей Гумилеву его великую любовь. Анна Андреевна рассказывала об этом несостоявшемся свиданье почти со слезами на глазах»[1535].

В другом письме к Струве Ларионов сообщил подробности парижского увлечения Гумилева: «Стихотворения “К синей звезде”, безусловно, относятся к Елене Карловне Дюбуше, за которой Николай Степанович ухаживал, — и это было известно. Насколько он сильно ею увлекался? Не знаю, думаю, ему нужно было — он всегда склонен был увлекаться. Это его вдохновляло. Насколько мне кажется, у него еще, в это время, был другой предмет увлечения. Но Елена Карловна чужая невеста, это осложняло его чувства… Это ему давало новые ощущения, переживания, положения для его творчества, открывало для его поэзии новые психологические моменты. “Синяя звезда” (Елена Карловна) была именно далекой и холодной (для него) звездой. “Под Голубой звездой” — это то, что он проектировал и как хотел назвать (как говорил неоднократно мне и Наталье Сергеевне) сборник стихов, посвященных парижскому пребыванию и написанных в Париже. Возможно, позднее эти чувства были пересилены другими чувствами, которые остались и вылились “К Синей Звезде”? “Под голубой звездой” звучит как место, в котором, где совершались известные происшествия и вещи. “К Синей Звезде” — там главным образом относящееся к ней (к Елене Карловне). Есть вещи, написанные раньше и включенные туда же, т.е. все, что даже косвенно касалось ее ‹…›».

Здесь Ларионов точно подметил творческую особенность Гумилева: писать стихи его неуклонно вдохновляло чувство «неразделенной любви». Именно поэтому самый обширный свод любовных стихотворений 1905–1909 годов посвящен в основном Анне Горенко. Как и у многих поэтов, по лирике Гумилева можно составить его «дон-жуанский список». В Париже он тоже столкнулся с «безответной любовью», благодаря чему возник замечательный лирический цикл из 34 стихотворений «К синей звезде», из которого 10 стихотворений, в переработанном виде, Гумилев год спустя включил в сборник «Костер». Эти 10 и еще 17 стихотворений были записаны в оставленный Б. Анрепу «Парижский альбом», а 7 стихотворений попали только в «Альбом Дюбуше», в том числе и стихотворение, посвященное самому альбому, подаренному возлюбленной.

По словам Ларионова, в последний раз они встретились в апреле 1918 года, когда Гумилев плыл на пароходе из Лондона в Мурманск с короткой остановкой в Гавре. Возможно, «Альбом Дюбуше» был помечен

1918 годом — именно эта дата отразилась в названии книги, выпущенной издательством «Петрополис» в 1923 году при активном участии Константина Мочульского: «К синей звезде. Неизданные стихи 1918 г.»[1536]. Выйдя замуж за американца Лоуэлла (Ларионов называет его Ловель), Елена Дюбуше навсегда вошла в историю русской поэзии как адресат гумилевской «Танки»:

Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца —
Зачем Колумб Америку открыл?![1537]

Несмотря на то что это трехстишие не вошло в цикл «К синей звезде»[1538], «газельи глаза» героини рассказа Эдгара По «Лигейя» неоднократно повторяются в стихах альбома, подаренного Елене Дюбуше[1539]. Приведя это трехстишие, хочу обратить внимание на недавно обнаруженный документ в архиве Я. Бикермана, который в составленной им описи обозначен: «Карандашная записка с рисунком: “Девушка, ‘американец’, Колумб и поэт” Мещерского. Лист…»[1540]. К сожалению, пока не удалось увидеть этот рисунок, но он прочитывается явно как иллюстрация к «Танке». С художником Борисом Алексеевичем Мещерским[1541] Гумилев встречался в Париже, о чем написал Ахматовой в августе. Согласно Послужному списку, князь Б.А. Мещерский в начале 1917 года был прикомандирован к Штабу Верховного Главнокомандующего впредь до командирования во Францию. 31 января 1917 года он был отправлен во Францию и 22 февраля 1917 года был назначен на должность переводчика междусоюзнического бюро во Франции, оставаясь в Париже, где вскоре и познакомился и Н. Гумилевым.

Ларионов рассказал и об ином парижском проекте Гумилева — желании увидеть свои пьесы «Гондла» и «Отравленная туника» (названная для балетного либретто «Феодора») в постановке дягилевских балетов и в оформлении Гончаровой и Ларионова. Как он писал Струве, замыслы эти остались нереализованными по независящим от поэта обстоятельствам:

«Теперь относительно “Гондлы” и “Феодоры”. “Гондла”, как пьеса, был написан ранее, и я и Наталья Сергеевна никакого участия в этом не принимали; но в том же 1917 году Гумилев, которому очень хотелось задержаться в Париже, желал так или иначе соединиться с Русским балетом (его командировка была на Балканы). ‹…› “Гондла” и “Феодора” предполагались в начале как либретто для балетов. Так как я и Наталия Сергеевна работали в балете русском С.П. Дягилева, то это было задумано совместно нами и Николаем Степановичем. ‹…› Затем попросили Сергея Павловича Дягилева — заказать ему что-либо (как либретто) для балета. Дягилев сказал, чтобы тему мы сами нашли. Надо было скоро. Сергей Павлович уехал в скорости в Венецию. Все полтора месяца, пока балет был в Париже, мы брали Ник. Степ. каждый вечер с собой в театр Шатле ‹Châtelet›, где давались русские спектакли. Тогда Ник. Степ. и предложил для моей постановки Гондлу, а для Наталии Сергеевны новую вещь — Феодору, из византийской жизни. Музыка предполагалась ‹для› первой вещи лорда Бернерса[1542], а второй — Респиги[1543]. Либретто балетное требует специальной обработки — благодаря этому нам нужно было часто встречаться и вместе работать. У Ник. Степ. не было никакого в этом отношении опыта. Гондла давал богатый материал, но перевести его в действенное только состояние — уравновесить отдельные, но разнообразные моменты —

найти этим моментам форму танцевальную — между различными моментами найти равновесие — и их развитие, только, движениями мужскими и женскими — где слова не было — а все давалось выражением (экспрессией) тела человеческого — для Н.С. было трудно сразу. Он всю свою жизнь до этого работал главным образом над словом. Время шло, Дягилев уехал в Венецию. У нас ничего еще не было готово. Решили, что с самого начала надо думать о главном назначении пьесы, т.е. о балетном ее назначении, и приступили к "Феодоре" для Гончаровой. Через несколько дней Н.С. позвал к себе. Он тогда жил недалеко от Etoile, на rue Galilée, в отеле того же имени, и прочел первый вариант "Отравленной туники". Гондлу мы на время оставили. Так прошло еще больше месяца. Многое изменилось. Дягилев уехал с труппой в Испанию — и там у него не пошло сразу, как он ожидал, с деньгами. Для меня и Наталии Сергеевны вышла задержка. У Ник. Степ. также прекратилось жалованье, так как прекратилась и должность. Он выхлопотал себе командировку в Лондон, где еще оставались временно некоторые учреждения, предназначенные для ликвидации русских военных заказов, сделанных в Англии. Через некоторое время Ник. Степ. должен был уехать в Лондон, где он, как и в первый приезд (когда ехал из России), прожил до самого своего обратного отъезда».

Можно предположить, как возник у Гумилева замысел либретто «Феодоры» и, соответственно, пьесы «Отравленная туника». Никаких следов такого сюжета у Гумилева до отъезда из России не было, но существовал некий план, возможно, с ранними набросками «трагедии в пяти актах» из времен завоевания Мексики Кортесом. Ранее приводилось письмо Гумилева Ларисе Рейснер от 22 января 1917 года о замыслах новой пьесы уже не на основе книги Прескотта «Завоевание Мексики»: «...Прескотт убедил меня в моем невежестве относительно мексиканских дел. Но план вздор, пьеса все-таки будет, и я не знаю, почему Вы решили, что она будет миниатюрой, она, трагедия в пяти актах, синтез Шекспира и Расина! ‹…› Кроме того, пример Кортеса меня взволновал, и я начал сильно подумывать о Персии. ‹…›»[1544].

Конечно, в этом письме любопытно «предвидение» поэта относительно намерения попасть в Персию, которое ровно через год чуть было не осуществилось, но в контексте обсуждаемого нами вопроса о постановке пьес хочется обратить внимание на фразу Гумилева о «трагедии в пяти актах». Пьеса о завоевании Мексики для Ларисы Рейснер[1545] так и не была написана. Однако следующей пьесой Гумилева, к которой он приступил сразу же, как попал в Париж, была именно «трагедия в пяти действиях» — «Отравленная туника»[1546]. Возможно, замысел претерпел изменение из-за «невежества относительно мексиканских дел», но другой причиной могло оказаться близкое знакомство Гумилева с творчеством Гончаровой в первые же дни пребывания в Париже. Летом 1917 года мастерская Гончаровой была заполнена эскизами оформления заказанного Дягилевым балета «Литургия», либретто которого составляли картины из жизни Христа. Замысел Дягилева первоначально предполагал постановку балета собственно в церкви. От этих планов пришлось отказаться, и предложенное Гончаровой оформление имело целью воссоздать интерьер византийского храма; подобные храмы Гумилев неоднократно посещал как в самом Константинополе, так и во время своего итальянского путешествия в Равенне в 1912 году. Кроме того, в отличие от Мексики, Византия была темой гораздо более

знакомой Гумилеву: в его стихах появлялись и создательница «Алексиады» Анна Комнина («Анна Комнена»), и Святой Пантелеймон («Видение»), и император Юстиниан («Болонья»). Юстиниан, его жена императрица Феодора, их дочь Зоя, арабский поэт Имр и бросившийся с лесов Святой Софии Царь Трапезондский стали героями византийской пьесы Гумилева. Несомненно, что многие эскизы Гончаровой для «Литургии» могли получить вторую жизнь при оформлении «Феодоры». Гумилев настолько увлекся своим византийским сюжетом, что продолжил работу над «Феодорой» и над пьесой «Отравленная туника» и после того, как он покинул Париж. Об этом он писал Ларионову из Лондона, где, кроме того, составил подробные сценические указания «для господ постановщиков», которые сохранились в бумагах Анрепа и были опубликованы Струве[1547].

Другим источником вдохновения для написания либретто могли послужить упомянутые Ларионовым ежевечерние посещения театра Шатле. Дягилевские сезоны в Париже, после некоторого перерыва, в мае 1917 года возобновились. Главным балетмейстером в это время стал Леонид Мясин, который чувствовал себя все более уверенно в качестве хореографа, — поставленные им спектакли были насыщены новаторским духом и прекрасно приняты публикой. В 1950-е годы Гончарова писала в воспоминаниях о Дягилеве: «Это было самое главное, то, что он обладал чувством "серьезного" и имел жажду его реализовывать. Чудесна заразительность этого чувства "серьезного" и жажды его реализовать. Оно осталось почти во всех его сотрудниках. Или, быть может, Дягилев редко ошибался в выборе. Нижинская, Мясин, изумительный легкостью своего творчества Баланчин полны этого чувства ответственности, прежде всего, перед собой»[1548].

Мясин последовательно поставил симфоническую картину Игоря Стравинского «Фейерверк» (премьера 9 апреля в Риме); балет «Женщины в хорошем настроении» на музыку Доменико Скарлатти (премьера 12 апреля в Риме); балет «Русские сказки» на музыку Анатолия Лядова с декорациями Гончаровой и Ларионова (премьера 11 мая в Париже, в театре Шатле); и чрезвычайно скандальный «Парад» (премьера 18 мая в Париже, в театре Шатле). Последняя постановка была создана исключительно французскими артистическими силами и представлена Гийомом Аполлинером в театральной программе следующим образом: «Это сценическая поэма, которую новатор музыкант Эрик Сати переложил в изумительно экспрессивную музыку, такую отчетливую и простую, что в ней нельзя не узнать чудесно прозрачного духа самой Франции. Художник-кубист Пикассо и самый смелый из хореографов, Леонид Мясин, выявили его, в первый раз осуществив этот союз живописи и танца, пластики и мимики»[1549]. Любопытно, что именно в связи с балетом «Парад» впервые было употреблено понятие «сюрреализм». При написании программы спектакля Гийом Аполлинер описал его как «своего рода сюрреализм» (une sorte de surréalisme [1550]), обозначив таким образом новое культурное течение. Данное Ларионовым описание постановки балета в своих прозаических набросках вполне соответствует этому понятию: Ларионов замечал, что использование кубистического метода привело Пикассо «в театре (в том же Русск‹ом› балете Дягилева), в его "Параде" к очень сложному буябессу[1551]: на первом плане крупной пуантелью (в духе Сейра[1552]) группа зрителей (она позднее

не делалась). Затем, менаджеры (2), несущие на себе небоскребы (которые изображены и на кулисах), с многими окнами и с флажками наверху, напоминающие продавцов уличных лимонадов во времена французской директории и Наполеона I ‹...› Затем Китаец, вроде Гончаровск‹ой› Морской царевны из “Садко”. И акробат с голубой татуировкой австралийских островитян — просто девушка в короткой юбке»[1553].

Балетный сезон 1917 года, начавшийся в марте в Риме, в мае был продолжен в Париже, в театре Шатле, и завершился там уже в августе. По окончании сезона в сентябре труппа уехала гастролировать в Южную Америку (без Дягилева и Мясина), затем, уже в полном составе, побывала с концертами в Португалии, которые пришлось прервать из-за начавшихся там беспорядков. Обострившаяся политическая ситуация в Европе сделала невозможным возвращение «Русских балетов» во Францию, поэтому в 1918 году парижский сезон не состоялся.

Пока не удалось разыскать театральную программку летнего сезона 1917 года, но в отделе графики ГТГ обнаружилась майская афиша театра Шатле[1554], отражающая репертуар русских балетов Дягилева лета 1917 года: «Русские сказки», «Женщины в хорошем настроении», «Парад», «Полуночное солнце» (на музыку Николая Римского-Корсакова), «Фейерверк», «Жар-птица» и «Петрушка» (Игорь Стравинский), «Сильфиды» (Фредерик Шопен) и «Половецкие пляски» (из оперы «Князь Игорь» Александра Бородина). Гумилев мог вполне посетить все эти представления, особенно в те три недели, пока не состоялось его назначение.

Вероятно, именно в театре Шатле Гумилев мог познакомиться с автором либретто «Парада» Жаном Кокто и, осмелюсь предположить, — с Пабло Пикассо, который тогда же влюбился в танцевавшую в «Параде» русскую балерину Ольгу Хохлову, вскоре ставшую его женой[1555]. Это предположение усиливает сохраненный Гумилевым портрет Пикассо. Рисунок пером не подписан, но, скорее всего, выполнен Жаном Кокто[1556]. К портрету приложена записка Струве, поясняющая его происхождение: «Этот рисунок Cocteau, изображающий Picasso и сделанный в Риме, был получен Н.С. Гумилевым в Париже в 1917 г. Он сохранился вместе с некоторыми плохими и малоинтересными рисунками самого [?] Гумилева и М.Ф. Ларионова и был прислан мне его вдовой, кот. считала, что это копия, сделанная самим Гумилевым. Хотя портрет и нарисован на вырванном из тетради листке бумаги, для меня было несомненно, что это тоже оригинал, либо присланный самому Гумилеву, либо предназначавшийся для кого-то и оставленный Гумилевым у себя. Поэтому я сохранил его вместе с другими гумилевскими материалами и считаю его ценным, как рисунок Cocteau».

Можно предположить, что в связи с балетом «Парад» и при посредничестве Ларионова состоялось знакомство Гумилева и с Гийомом Аполлинером[1557]. Ларионов был знаком с ним еще до войны, со времен упоминавшейся выше их совместной с Гончаровой выставки в галерее Поля Гийома. В 1936 году он запишет: «Аполлинер был большой эрудит»[1558]. В записной книжке («ЗК-17») Гумилева упоминается постановка его пьесы в парижском театре, которую он, по-видимому, посетил: «Pièce de Guillaume Apollinaire aujourd’hui à 4 heures et demie / au Théâtre Renée Maubel / rue de l’Orient, dans la rue Lepic, / métro: place Blanche / ou nord-sud: Lamarck» *(«Пьеса Гийома Аполлинера сегодня в половине пятого дня / Театр Renée Maubel (театр на Монмартре) / далее — адрес, улица Ориент, по улице Лепик / станция метро (станция Бланш) / или к северу и югу от улицы Ламарк»*). Очевидно, что запись эта сделана в первые дни пребывания Гумилева в Париже — сразу же за ней следует черновик приведенного выше и написанного «по горячим следам» стихотворения о плавании от Саутгемптона до Гавра. Кроме того, Ларионов писал, что у него сохранились рисунки: «Николай Степанович и С.П. Дягилев, а также и с Гийомом Аполлинером (рисунки)»[1559]. Как пояснял Струве, «рисунки, изображающие Гумилева с С.П. Дягилевым и Гийомом Аполлинером, не были присланы мне Ларионовым». Не выявлены они пока и в графической части собрания Гончаровой-Ларионова в Третьяковской галерее.

Связанное с посещениями балета знакомство Гумилева с представителями европейского модернизма могло отразиться в сделанной им шуточной авангардистской надписи на портрете Ларионова[1560], которую можно отнести к концу осени 1917 года, — «комментарий» к свершившимся в России событиям:

КРУ
мама
би
послезавтра
нерепь
о я,
нет
нет
о я.
,!».

Художник изображен «на фоне титульного объекта его эстетической программы, т.е. лучей»[1561]. В 1917 году он опубликовал свой довоенный художественный манифест «Лучизм» на итальянском под заглавием «Radiantismo»[1562]. Надпись эта сделана в правом нижнем углу рисунка и может рассматриваться как экспромтное упражнение в жанре зауми, подшучивающее над соратниками Ларионова, главный из которых, по мнению Тименчика, назван в первой строке: Алексей Крученых. Его книги до отъезда из России неоднократно иллюстрировали Гончарова и Ларионов, а на оформленный художниками сборник «Садок Судей, вып. 2», в котором участвовал и А. Крученых, Гумилев дал рецензию в № 5 «Гиперборея», не упоминая их имен.

Футуристическим строчкам сопутствует сделанная в левом верхнем углу надпись:

«Н. Гумилев.
Шарантон
близь Парижа
Франция
эпохи первой Республики»

Шарантон — знаменитая психиатрическая лечебница близ Парижа. Гумилевская «пародия по схеме «футуристы — безумцы»», привязанная к психиатрической лечебнице, самым знаменитым пациентом которой времен «эпохи первой республики» был Маркиз де Сад, могла обнаружить его интерес к радикальному модернизму.

По мнению А. Устинова, под «шифрограммой» «КРУ», помимо Крученых вполне может скрываться английский художник К.Р.У. (Кристофер

Ричард Уинни) Невинсон (1889 — 1946), с которым Гумилев общался в Лондоне, на пути в Париж, и имя которого вписано в записную книжку: «C.R.W. Nevinson / 4 Downside Crescent / Belsize Park Tube Station / Tel. Hamp. 2258». Статья о творчестве Невинсона, появившаяся в январе 1917 года в лондонском журнале «Эгоист», была затем, возможно, с подачи Гумилева, перепечатана «Аполлоном». Позже Невинсон стал довольно традиционным художником-баталистом и вполне заслужил оценку, данную ему Борисом Анрепом в письме к Струве: «Nevinson был скверный художник, а его отец известный социалист. Я не помню, познакомил ли я его ‹Гумилева› с отцом или только с сыном»[1563]. Но в то время, когда с ним познакомился Гумилев, К.Р.У. Невинсон проповедовал футуризм в Англии и был автором «Манифеста английского футуризма», сблизившимся с «отцом футуризма» Филиппо Томмазо Маринетти и с другими представителями этого радикального течения. Накануне отъезда Гумилева из Лондона Невинсон вписал в его записную книжку парижский адрес своего приятеля, итальянского художника-футуриста Джино Северини (1883 — 1966): «Mons Gino Severini / 6 Rue Sophie Germain / xiv part. / C.R.W. Nevinson / atelier: 51 Boulevard Saint Jacques / (atelier 17)». Вполне вероятно, что Гумилев в Париже встречался и с этим художником-футуристом.

В завершение «балетной темы» — короткий экскурс в наши дни. Тогда, в 1917 году, попытка Гумилева осуществить балетную постановку по своему либретто, по не зависящим от него обстоятельствам, не реализовалась. По мотивам поэзии, драматургии и судьбы Николая Гумилева Мариинский театр готовит ныне балетный проект, названный «Гафиз. 1921». Проект, объединивший сотрудников театра и Петербургской Кунсткамеры, во многом необычен для его участников. Для театра это, в первую очередь, обращение к традициям дягилевских Русских сезонов (1908–1929). Музыку для балета написал молодой иранский композитор Арман Хабиби, в творчестве которого мелодическое своеобразие родной культуры гармонично соседствует с традициями петербургской композиторской школы. В качестве одного из основных элементов хореографического языка создаваемого спектакля будет выступать богатейшая мусульманская каллиграфическая традиция, а в оформлении балета широко используются изобразительные возможности столь любимой Гумилевым персидской миниатюры. По мнению создателей спектакля, «застывшую музыку» — мусульманскую каллиграфию, с одной стороны, и балет, как синтетическое искусство мира западного, с другой, объединяет многое: это ритм и каноничность пропорций, четкость линий и выразительность пластики, условность и многозначность, «семиотичность» и музыкальность. К постановке балета привлечен знаменитый французский хореограф Анжелен Прельжокаж. Хочется пожелать удачи всем участникам этого уникального проекта — своеобразного памятника русскому поэту Николаю Гумилеву[1564].

Близкие отношения и сотрудничество поэта с художниками Н. Гончаровой и М. Ларионовым отнюдь не ограничивались балетом. Замечательным результатом их совместной деятельности стал «Парижский альбом» с чистовыми автографами стихотворений Гумилева, многие из которых иллюстрированы Гончаровой, Ларионовым и Дмитрием Стеллецким, давнишним другом Анрепа еще со студенческих лет. Несомненно, что именно Анреп посоветовал Гумилеву встретиться в Париже и с Д. Стеллецким.

Историю альбома рассказал Ларионов, отвечая на запрос Струве относительно проставленной там даты «1916» и времени исполнения рисунков к стихам Гумилева: «Дата на титульном листе альбома 1916 г. стояла до подписи Наталии Сергеевны. (Ник. Степ. Гумилев, когда покупал новый альбом, прежде всего на нем ставил дату и затем его заполнял.) Я думаю, посмотрите альбом, наверное, российского происхождения. Во всяком случае, рисунок Наталии Сергеевны сделан в Париже и в 1917 году, так как уехали мы из Москвы в июне 1915 года. Рисунки Стеллецкого сделаны, по-моему, также в Париже — потому что Ник. Степ. часто здесь с ним видался, и, насколько я помню, Стеллецкий рисовал ему в альбом. Мне интересно видеть с орнамента Наталии Сергеевны фотографию, так же как и с других ее рисунков и с моих. (Вы пишете, что можете прислать фотографии, чтобы мы установили авторство рисунков, — пришлите). Те, что Вы послали фото, совершенно точно: это ее и мой рисунок».

Обложка «Парижского альбома» была воспроизведена во втором томе вашингтонского собрания сочинений. Все оформленные тремя художниками страницы альбома с автографами Гумилева воспроизведены впервые в цвете в журнале «Наше наследие» (№ 101. С.102):

1. Обложка альбома, оформленная Н. Гончаровой.
2. Стихотворение «Змей», оформленное Д. Стеллецким на 2-х страницах.
3. Стихотворение «Андрей Рублев», оформленное Н. Гончаровой.
4. Стихотворение «Мужик», оформленное М. Ларионовым на 2-х страницах.
5. Стихотворение «Картинка», оформленное Н. Гончаровой, с рукописным посвящением М.Ф. Ларионову.
6. Стихотворение «В Северном Море», оформленное Н. Гончаровой на 2-х страницах.

Анреп сохранил также рисунок Д. Стеллецкого[1565] с иронической дарственной надписью художника, обращенной к Гумилеву и сделанной, видимо, после его назначения офицером для поручений при комиссаре Временного правительства: «Монархист дворянин бывший, сущий и будущий Дмитрий Стеллецкий революционеру поэту товарищу Гумилеву». Хотя в описи фонда Струве рисунок атрибутирован как «автопортрет», скорее всего, это другая иллюстрация к стихотворению «Мужик», которое было оформлено в «Парижском альбоме» Ларионовым. В отличие от «примитивистского», аллегорического рисунка последнего, Стеллецкий изобразил вполне реалистический портрет прототипа стихотворения — Григория Распутина; изображение очень схоже с его известными фотографиями.

Как ранее говорилось, во время своей двухнедельной остановки в Лондоне Гумилев озаботился получить ряд рекомендательных писем, обращенных к итальянским писателям и сохранившихся в его записной книжке. Все они предполагали его отправку в Салоники через Италию и поэтому оказались невостребованными. Аналогичную запись в его записной книжке сделал в Париже и Д. Стеллецкий («ЗК-21»), это рекомендация к г-же Касатти на случай, если бы Гумилева отправили через Италию на Салоникский фронт: «Signora Mardiesa / Casatti / Grand Hotel / Roma / les hommages les plus cordiaux de la part de Mr. D. Stelletsky». *(«Синьоре Мардиесе. / Касатти / Гранд-отель / Рим / с сердечным приветом от господина Д. Стеллецкого»*). Хотя этой рекомендацией, как и тремя другими, полученными в Лондоне, Гумилеву воспользоваться не пришлось, однако она говорит о том, что и в Париже в первое время предполагалось, что ему

предстоит дальнейший путь, в сторону Италии. Других записей-рекомендаций в лондонской записной книжке нет.

Война оставалась ежедневной реальностью, не случаен поэтому записанный вслед за рекомендацией список написанных им к моменту появления в Париже «военных стихотворений». Их ровно «дюжина»: «1) Война; 2) Наступленье; 3) Смерть; 4) Виденье; 5) Солнце духа; 6) Рабочий; 7) В Северном Море; 8) Травы; 9) Пятистопные ямбы; 10) Третий год; 11) Ода д'Аннунцио; 12) Рай». Все названия известны, с тремя поправками: стихотворение «Виденье» позже получило заглавие «Больной», стихотворение «Третий год» — «Второй год», стихотворение «Травы» — «Детство»[1566].

В письмах к Струве Ларионов перечислил связанные с Гумилевым материалы, которые сохранились у них с Гончаровой: «Теперь, у меня нашлось много рисунков моих и Наталии Сергеевны — и самого Николая Степановича. Если Вы твердо решите и будете печатать Вашу вторую книжку о Николае Степановиче, то у меня имеется и я могу Вам дать: 1) Рассказ (неизданный, кажется) "Черный генерал" ‹…› Есть идеалистические акварели — портреты Н.С.». В другом письме он уточнял: «Теперь — какой материал я могу Вам дать — в копиях и фотографиях, а некоторые, может быть, в оригиналах: 1) "Черный генерал" и (возможно) миниатюру к нему начала 19 века (немного испорченную), которую он подарил Наталии Сергеевне Гончаровой (рассказ также ей посвящен); 2) Две акварели Н.С. Гончаровой, изображающие Гумилева на пушке и в Африке; третья, центральная, изображает Гумилева сидящим и пишущим стихи "Голубая беседка посредине реки / Как плетенная клетка, где живут мотыльки". Может быть, рисунок — акварель — утерян (но в поисках, может быть, найдется)[1567]; 3) Мои, Гончаровой, его самого и некоторые другие рисунки, касающиеся его пребывания в Париже».

Включив в четвертый том «Сочинений» рассказ «Черный генерал», Струве снабдил его следующим комментарием: «Впервые — журнал "Сполохи" (Берлин), 1922, № 10, сс. 20–21. В том же журнале раньше было напечатано стихотворение "Гончарова и Ларионов. Пантум". И рассказ, и стихотворение были затем перепечатаны, без всякого указания на предыдущую публикацию, в журнале "Воля России" (Прага), 1931, № 1–2, сс. 53–58, под заглавием "Неизданные произведения Н.С. Гумилева". Перепечатке была предпослана следующая вступительная заметка: "В 1917 году, в бытность свою в Париже, Н.С. Гумилев часто встречался и дружил с художниками Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионовым. Однажды Н.С. Гончарова увидела у поэта небольшую индусскую миниатюру, изображавшую черного генерала и несколько пострадавшую от дурного обращения. Миниатюра очень понравилась Н.С. Гончаровой, и Н.С. Гумилев подарил ее художнице, сопроводив свой подарок небольшим рассказом, который мы воспроизводим с любезного согласия Н.С. Гончаровой. Печатаемые ниже стихи Н.С. Гумилева предоставлены нам М.Ф. Ларионовым"»[1568]. В архиве Ларионова сохранилось письмо театрального критика Николая Зборовского, посланное 12 февраля 1922 года, из Берлина, в котором он пишет: «Дорогой Михаил Федорович, ожидаю от Вас вестей. Надеюсь получить на днях, т. к. поезда уже пошли. Сегодня вышел 4-й номер "Сполоха", в котором напечатано переданное мною стихотворение Н. Гумилева — "Гончарова и Ларионов". Я Вам привезу этот номер. Я говорил с редактором "Сполоха", он хочет поместить статью о Вас и снабдить ее рядом репродукций с Ваших и Нат. Сер. — картин»[1569]. Приведем это стихотворение. Заметьте, как в

нем поэт, используя сложную форму пантума с чередующимся повторением одних и тех же строк, точно подметил главные жанровые особенности и характер творческих методов каждого из художников, причем в каждом четверостишии первые две строчки адресованы к Гончаровой, а следующие две — к Ларионову:

Гончарова и Ларионов
Пантум

Восток и нежный и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

В себе открыла Гончарова
Павлиньих красок бред и пенье,
У Ларионова сурово
Железного огня круженье.

Павлиньих красок бред и пенье
От Индии до Византии,
Железного огня круженье —
Вой покоряемой стихии.

От Индии до Византии
Кто дремлет, если не Россия?
Вой покоряемой стихии —
Не обновленная ль стихия?

Кто дремлет, если не Россия?
Кто видит сон Христа и Будды?
Не обновленная ль стихия —
Снопы лучей и камней груды?

Кто видит сон Христа и Будды,
Тот стал на сказочные тропы.
Снопы лучей и камней груды —
О, как хохочут рудокопы!

Тот встал на сказочные тропы
В персидских, милых миньятюрах.
О, как хохочут рудокопы
Везде, в полях и шахтах хмурых.

В персидских, милых миньятюрах
Величье жизни настоящей.
Везде, в полях и шахтах хмурых,
Восток и нежный, и блестящий[1570].

Пантум — особая форма цепной строфы, восходящая к малайской народной поэзии. Любопытно, что ранее, в форме такого же пантума, Гумилевым был сочинен диалог Гафиза с птицами в третьей картине пьесы «Дитя Аллаха», написанной в начале 1916 года; в Париже он вписал его как самостоятельное стихотворение «Мудрец» в альбом Н. Гончаровой и М. Ларионова, о чем сказано в упомянутом номере газеты «Россия и славянство» (1931. № 144), где автограф воспроизведен факсимильно. Видимо, форма стихотворения так понравилась увлеченной восточными

мотивами Н. Гончаровой, что Гумилев написал в честь художников еще один пантум, который, скорее всего, был также вписан в их необнаруженный пока альбом[1571].

Описанные выше встречи Гумилева с художниками и его не связанная со службой деятельность охватывала, естественно, не только первый месяц пребывания в Париже, но после того, как он приступил к исполнению своих служебных обязанностей, интенсивность ее пошла на спад, хотя с друзьями-художниками, как вспоминал Ларионов, он виделся почти ежедневно. К некоторым другим увлечениям, занятиям и встречам Гумилева, совмещаемым с выполнением воинских обязанностей, мы будем возвращаться и в дальнейшем. Но сейчас, в 20-х числах июля, «Парижские каникулы» подошли к концу, и Гумилеву надо было приступать к исполнению обязанностей офицера для поручений при Раппе.

Париж, начало службы при Военном комиссаре

Напомню, что Гумилев приказом по русским войскам во Франции № 30 от 12/25 июля 1917 года был назначен на должность офицера для поручений при Военном комиссаре. На следующий день канцелярия Занкевича распространила полученное из Петрограда распоряжение: «Передано из канцелярии Генерала Занкевича 13/26 июля 1917 (вх. 439). Из Петрограда. На № 230, 251, 299, 332. Военным Комиссаром при Русских войсках во Франции назначаю Раппа. Исп. Ком. Сов. Рабочих и Солдатских депутатов со своей стороны уполномочивает его же быть комиссаром Исполнительного комитета. ‹…›[1572]» Далее в распоряжении повторяется положение Керенского о полномочиях армейского комиссара. С этого дня при комиссаре всегда находился положенный ему по штату и приданный для выполнения различных поручений офицер. Хотя бюрократическая переписка между различными инстанциями по поводу этого назначения продолжалась вплоть до октября, именно с конца июля 1917 года началась официальная служба Николая Гумилева во Франции — в должности офицера для поручений при Военном комиссаре. В течение полугода Гумилев ежедневно общался со своим начальником — Евгением Ивановичем Раппом. Поэтому следует попытаться восстановить характер сложившихся между ними взаимоотношений, понять, что могло их объединять или, наоборот, отталкивать друг от друга. Необходимо также ответить на очевидный вопрос: по какой причине именно на Гумилеве, младшем офицере, только что прибывшем во Францию, остановили свой выбор Занкевич и Рапп, скорее всего, никогда до этого с ним напрямую не сталкивавшиеся. Ведь в распоряжении Занкевича находились сотни опытных офицеров 1-й и 3-й бригад, оставшихся не у дел, многих из которых Рапп и Занкевич не могли не знать. Кроме того, как раз в июле Занкевич с Раппом надолго выезжали в лагерь Ля Куртин, где были сосредоточены все воевавшие во Франции русские войска, так что кандидатур для выбора у них было предостаточно. То, что Гумилев был еще и поэтом, с моей точки зрения, в глазах кадрового военного, каким был генерал Занкевич, могло выглядеть скорее как недостаток, чем как достоинство. Но все-таки остановили они свой выбор именно на Гумилеве, и не столько ввиду ходатайства Альмы Поляковой, но потому, что их полностью устроила его кандидатура. Впоследствии они неоднократно подтверждали свой выбор, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка с начальством в Петрограде, где Гумилева утвердили отнюдь не сразу.

Ответить на возникшие вопросы нам поможет краткая биография Е.И. Раппа. До сих пор все комментарии о нем сводились к фразе — «Евгений Иванович Рапп был адвокатом по профессии, старым деятелем революционного движения, принадлежал к эсеровской партии»[1573]. Нигде не сообщались даже даты его жизни. К сожалению, никаких взаимных отзывов друг о друге ни у Гумилева, ни у Раппа найти не удалось. Но косвенно, по документам, можно судить, что их совместная работа устраивала обоих. При работе с архивными документами пришлось убедиться, что внутренняя обстановка в среде Русской миссии в Париже особой гармонией не отличалась, особенно после Октябрьского переворота. Сохранилось множество жалоб солдат и офицеров друг на друга, кляуз, прямых доносов. Особенно «бурная жизнь» проистекала вокруг Военного Агента Игнатьева. Да и между другими ведомствами часто возникали различные прения. Однако не было выявлено **ни одного документа**, в которых негативно отзывались бы друг о друге те, кто в данном случае представляют наибольший интерес, а именно — Занкевич, Рапп и Гумилев. Естественно, высказываний со стороны подчиненного им Гумилева о Раппе и Занкевиче быть и не могло, — с одной стороны, субординация не позволяла, да и не соответствовало это характеру Гумилева. Наоборот, отзывов, причем исключительно положительных, которые давали своему подчиненному оба начальника, в документах обнаружилось немало.

То, что удалось узнать о Раппе, дает основание предполагать, что между Гумилевым и Раппом могло возникнуть взаимопонимание, и, несмотря на несхожесть биографий и большую разницу в возрасте, оказалось, что у них было много общих знакомых, в том числе в литературном мире. Прямой поиск через Интернет поначалу ничего не дал, но неожиданно обнаружилось множество упоминаний Е.И. Раппа в записной книжке Зинаиды Гиппиус 1908 года: «5/18 января. Был Бердяев со своими Юдифовнами. ‹…› Дима ‹Мережковский› до завтрака пошел на похороны к Щукину. ‹…› Вернулся с Раппом»[1574]. Эта запись сопровождается комментарием публикатора А.И. Серкова: «Е.И. Рапп ‹…› эсер, адвокат, комиссар военного министра при Керенском во Франции, женат на сестре Лидии Юдифовны Евгении». Там же есть еще несколько упоминаний Раппа: «21 февраля/5 марта 1908. Бердяев с Юдифовнами и Раппом слетел с автомобиля. Но счастливо еще». «24 февраля/8 марта 1908. Вечером к Сталю все... Рапп возмущался Бердяевым»[1575]. Дальнейшему поиску помогла недавно вышедшая книга вдовы Бердяева[1576]. Приведем почерпнутые из нее краткие сведения, касающиеся Раппа и близких ему людей.

Лидия Юдифовна Трушева[1577] и ее младшая сестра Евгения Юдифовна Рапп[1578] родились в Харькове. Как и многих других выходцев из образованных семей, в юности сестер не обошли стороной модные в те годы народнические идеи. В 1890 году Лидия даже выбрала своим советчиком Льва Толстого и получила от него ответное письмо. В 1890-е годы сестры вышли замуж за потомственных дворян братьев Рапп. Лидия — за Виктора Ивановича[1579], а Евгения — за Евгения Ивановича[1580]. Все они принимали участие в деятельности Харьковского социал-демократического союза, за что в январе 1900 года были арестованы, однако вскоре, благодаря хлопотам матери, всех освободили под залог.

На некоторое время сестры отошли от революционной деятельности. Евгения с мужем Е.И. Раппом в 1900 году летом ездила на Парижскую выставку. В 1901 году сестры жили в Париже вместе, учились в Школе общественных наук, брали уроки живописи и скульптуры. Однако, вернувшись в Россию, они в 1902 году вновь привлекли внимание Харьковского охранного отделения, так как занялись пропагандой среди крестьян Валковского уезда, где находилась их дача Бабаки[1581]. С 1903 года сестры со своими мужьями включились в деятельность Харьковского комитета РСДРП. Скорее всего, членом комитета был Евгений Иванович Рапп, а все остальные домочадцы ему помогали. В Бабаках хранилась корзина со шрифтом для подпольной типографии. Е.И. Рапп был автором статьи «Военный суд над Ростовскими демонстрантами в Таганроге» для «Летучего листка № 1 Харьковского комитета РСДРП». Об этом узнала полиция, подпольная типография РСДРП была разгромлена. В ночь на 11 сентября в Бабаках все были арестованы. Второе тюремное заключение оказалось более продолжительным, чем первое, однако вскоре они все-таки были освобождены под залог, а мерой пресечения было избрано выдворение из Харькова в любой город Российской империи по их выбору. Выбор пал на Киев, куда они все прибыли в начале 1904 года. В Киеве Лидия рассталась с Виктором Раппом: Виктор, видимо, после жалобы харьковского губернатора, был вновь арестован и заключен в Киевскую тюрьму, а Лидия познакомилась с Николаем Бердяевым, недавно вернувшимся из трехлетней ссылки в Вологду начинающим философом. Евгения, по-прежнему жившая с Е.И. Раппом, вспоминала об обстоятельствах этой встречи: «Нас познакомил С.Н. Булгаков. Однажды, когда мы были у него, он сказал: “Непременно познакомлю вас с молодым философом Бердяевым. У него такие же литературные вкусы, как и у вас — Белый, Блок, живопись не передвижников, как я, а ‘avant-garde’ во всех областях...” На банкете в день освобождения крестьян 19 февраля, ‹…› где речи говорили Булгаков, Шестов, Н‹иколай› А‹лександрович› и т.д., Булгаков нас познакомил с Н.А., который сделался нашим постоянным гостем». Для Бердяева знакомство с Лидией Юдифовной оказалось очень значимым. Они оставались вместе вплоть до ее смерти в 1945 году, а рядом всегда была Евгения, пережившая и Раппа, и Бердяева.

В своих воспоминаниях Лидия Юдифовна подробно обозначила тот круг литераторов и философов, в котором они с Бердяевым постоянно пребывали после переезда в Петербург. Бердяевы оказались в самом эпицентре русского литературно-художественного и религиозно-философского ренессанса начала XX века. Круг их знакомств включал множество хорошо известных имен: Вяч. Иванов, В. Розанов, С. Булгаков, В. Эрн, А. Блок, М. Кузмин, Л. Шестов, А. Ремизов, М. Гершензон, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Андрей Белый, Аделаида и Евгения Герцык, Е.Ю. Кузьмина-Караваева и многие другие. Они стали постоянными посетителями «ивановских сред», участниками кружка «друзей Гафиза», слушателями Общества ревнителей художественного слова. Перу Бердяева принадлежит статья об «ивановских средах», а сам Вячеслав Иванов в своем сборнике «Cor ardens» (1911) посвятил Бердяеву «Мистический триптих», а его жене стихотворение «Из далей далеких». Об участии в «ивановских средах» сестер Лидии и Евгении упоминал в своих мемуарах, не слишком лицеприятно, Андрей Белый.

Долгое время (по крайней мере, до начала 1910-х годов) в этих кругах вращался и Е.И. Рапп. Однако никакими свидетельствами о его участии в кружках и обществах или хотя бы о его возможном интересе к обсуждавшимся там вопросам мы не располагаем. Точных сведений о его жизненном пути до 1917 года обнаружить пока не удалось. Известно только, что он эмигрировал в Париж еще до начала войны, а его жена (видимо, уже бывшая) Е.Ю. Рапп (фамилию она оставила) с 1914 года постоянно проживала вместе со старшей сестрой в доме Бердяева. И это продолжалось как в Петербурге, так и после высылки из Советской России на «философском пароходе» — в Париже, вплоть до его смерти 23 марта 1948 года. Е.Ю. Рапп пережила всех, в 1960 году она передала весь огромный архив Н.А. Бердяева в Россию[1582] и скончалась 5 ноября того же года в Кламаре, под Парижем.

Так что, вопреки предположениям А.А. Игнатьева, у Военного комиссара Е.И. Раппа было вполне реальное, а не придуманное революционное прошлое и насыщенная встречами с разными представителями Серебряного века жизнь. Но отзыв Игнатьева о нем не лишен интереса, в чем-то он оказался прозорлив: «В отличие от большинства царских эмигрантов, ютившихся на левом берегу Сены, наш новоявленный представитель имел свой адвокатский кабинет в самом центре Парижа, по странной случайности напротив мавзолея последнего короля Франции Людовика XVI, считал себя революционером и потому, разумеется, в царское время избегал знакомства со мной. Теперь же встретиться пришлось уже на служебной почве. — Позвольте представиться — комиссар Временного правительства! — заявил густым приятным баском появившийся у меня в канцелярии интеллигент высокого роста с седеющей бородкой. И странным кажется теперь, что при слове “комиссар” мне стало тогда как-то не по себе. Комиссары еще представлялись мне теми эмиссарами, о которых я читал в истории французской революции, — людьми, по первому знаку которых виновных, а иногда и безвинных отправляли на эшафот. Впрочем, Евгений Иванович Рапп, перенявший от французов лишь вежливую и в то же время напыщенную манеру обращения с новыми знакомыми, терял всю свою внешнюю важность, как только переходил в разговоре с французского языка на родной. Грозный комиссар писал какие-то поучительные приказы, но по существу оказался самым благодушным интеллигентом и подбадривал себя лишь никому неведомым своим революционным прошлым и происхождением из военной семьи. “Не забывайте, Алексей Алексеевич, — напоминал он мне не раз, — отец мой тоже ведь был полковник!” “А генералы-то ваши здешние — все настоящие проститутки!” — пожаловался он мне, после того как я заслужил у него доверие своей от них отчужденностью. Столь нелестную оценку нашим старшим войсковым начальникам Рапп вынес в результате всех своих бесплодных попыток примирить наших солдат с обворовывавшими их офицерами, еще меньше меня постигая пропасть, отделявшую солдат от офицеров»[1583].

В упомянутой выше книге Л.Ю. Бердяевой, в ее дневниках, имя Раппа встретилось еще раз, и это упоминание достаточно красноречиво. Запись от четверга, 25 октября 1934 года: «Встаю в 6 ч. и еду на обедню в St.-Médard и на исповедь... Вернувшись, застаю у нас Евгения Раппа (бывший муж моей сестры). Странно встречаться раз в полгода с человеком, кот‹орый› жил с нами многие годы, с кот‹орым› связано так много воспоминаний. А теперь это один из визитеров. Приезжает на своем автомобиле, посидит у мамы с полчаса, поболтает, пошутит и обратно. Женат на

француженке (очень типичной даме), имеет 3 дочерей, богат, социалист, но по природе настоящий русский помещик...»[1584]

Обратим внимание на поразительное «сцепление судеб». Начнем с первого упоминания Раппа у Зинаиды Гиппиус[1585]. Во-первых, незадолго до этой записи (в декабре 1906 года, в Париже) Гумилев нанес визит Гиппиус и Мережковскому, красочно описанный им в письме Брюсову от 8 января 1907 года[1586]. Об этом писала Брюсову и сама Гиппиус, а также рассказано в мемуарах присутствовавшего при их встрече Андрея Белого. В том же письме к Брюсову Гумилев написал о знакомстве у Щукина с поэтом Н. Минским, частым собеседником Гумилева в Париже 1917 года. Именно о похоронах этого Щукина сообщает Гиппиус в записи о Раппе — И.И. Щукин покончил жизнь самоубийством 4/17 января 1908 года. Осенью 1908 года, вскоре после возвращения из Парижа, Гумилев начал посещать «Башню» Вячеслава Иванова, скорее всего, там узнал о недавно прекратившем свое существование кружке «друзей Гафиза»[1587], тогда же вошел в круг знакомых Михаила Кузмина. Как в воспоминаниях о раннем периоде, так и в поздних дневниках Лидии Бердяевой часто мелькает имя Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, будущей матери Марии (1891–1945), с юности хорошо знавшей Николая Гумилева. Участница первого Цеха поэтов, созданного Н. Гумилевым и С. Городецким, имевшая по мужу родственные связи с семьей Гумилевых; их имения Слепнево и Борисково располагались в Бежецком уезде Тверской губернии недалеко друг от друга, сохранилась даже фотография, на которой она запечатлена вместе с Ахматовой. Наконец, в поздних дневниках Лидии Бердяевой постоянно мелькают знакомые имена, среди которых в первую очередь следует отметить приятеля Гумилева еще с университетских времен, критика и филолога Константина Мочульского[1588].

Вот несколько фрагментов из этих дневников Л. Бердяевой: «Воскресенье, 17 февраля ‹1935›. К 5 ч. у нас: ‹…› К.В. Мочульский, монахиня Мария (Скобцова), Г.П. Федотов с женой ‹…›. Разговоры на всех языках, вплоть до испанского, и на все темы: философия, литерат‹ура›, политика». «Воскресенье, 27 окт‹ября 1935›. Обедня в St.-Germain. Днем пригласили Е.А. Извольскую, а позже приехал К. В. Мочульский. Обедал с нами. ‹Бердяев› очень оживился в беседе с ним. Вспоминали жизнь в Питере, Москве, многих писателей. Мочульский очень приятный собеседник, культурный, мягкий. Очень воодушевлен миссионерской деятельностью среди русских. Энтузиазм новообращенного». «Понедельник, 1 июня ‹1936›. Приехал К.В. Мочульский. Пишет книгу о В. Соловьеве. ‹…› Еще много говорили о прошлом... Вспоминали наше революционное прошлое. К.В. Мочульский с удивлением узнал о том, что и я, и сестра — мы обе участвовали в революционной деятельности и сидели в тюрьме два раза. ‹Бердяев› рассказал ему о своей рев‹олюционной› деятельности, о ссылке в Вологду, об арестах. “Ах, как жаль, что никто из Вас не пишет воспоминанья об этом времени. Для будущих историков и биографов это было бы так важно и нужно!“ — воскликнул К‹онстантин› В‹асильевич›. И я подумала: “Да, это необходимо, и я должна буду этим заняться“». «Воскресенье, 28 июня ‹1936›. К чаю у нас: Л.И. Шестов (усталый, утомленный от грозовой атмосферы), К.В. Мочульский ‹...›. Оживленная беседа о политике, литературе. К.В. Мочульский только что закончил книгу о В. Соловьеве. Радуется, как ребенок, едет отдыхать в горы...». «20 мая ‹1940›. Вчера же собрались у нас Фондаминский, Мочульский, мать Мария. Интересна беседа о цели и смысле событий. Более всех волнуется событиями милый К.В. Мочульский»[1589]. Вполне допустимо предположить, что в этих беседах не раз всплывало имя расстрелянного поэта. А что касается воспоминаний и биографии, то сам Н. Бердяев ее незадолго до смерти написал. Это — «Самопознание. (Опыт философской автобиографии)». У книги есть посвящение, другу и бывшей супруге Военного комиссара: «Посвящаю эту книгу моему лучшему другу Евгении Рапп».

Можно предположить, что после всех пертурбаций бывший Военный комиссар решил отойти от дел, от политики и ушел в семейную жизнь. Хотелось бы надеяться, что живы его потомки, у которых когда-нибудь вдруг обнаружатся свидетельства, относящиеся к его бурному революционному прошлому в Париже 1917 года. По крайней мере, какие-либо фотографии или иные документы, в которых отразилась его совместная работа с приданным ему в помощь офицером для поручений Гумилевым[1590]. Понять отхождение Раппа от политики несложно. Но, как видно, связей с семьей Бердяева он не прерывал. А в бытность свою комиссаром у него было о чем побеседовать с поэтом помимо текущих политических событий, было что вспомнить. Как-никак, почти полгода они большую часть суток проводили вместе, и такие беседы не могли не сблизить их. Жаль, что Рапп не оставил никаких воспоминаний[1591].

Однако вернемся к текущим военным делам. 26 июля 1917 года, вслед за назначением Е. Раппа Военным комиссаром, он был отправлен по служебным делам на запад Франции, в атлантический порт Брест: «Приказ по Тыловому Управлению № 9 от 13/26 июля 1917. От Занкевича Раппу выданы проездные деньги за командировку 120 фр. в Брест и обратно, суточных за 2 суток — 221 фр. 25с.»[1592]. Как выяснилось, командировка эта была связана с неблаговидной деятельностью Военного Агента графа А.А. Игнатьева, осуществлявшего закупки вооружения для русских войск. Накануне, 26 июля, Занкевич писал Игнатьеву, требуя командировать в Брест следственную комиссию: «Из доклада командированной мной в гор. Брест комиссии выяснилось, что сложенные там военные грузы, которые по независящим от Русской Миссии причинам не могли до сих пор быть отправлены в Россию, частью пришли в негодность, благодаря отсутствию или недостаточности приспособлений, ограждающих их от влияния сырости и непогоды»[1593]. К сожалению, довести это расследование до конца так и не удалось в связи с событиями в России[1594].

В конце июля «лояльная» часть войск, после разделения двух бригад, была выведена из лагеря Ля Куртин и временно размещена в Фельтене. В протоколе Отрядного Комитета от 14/27 июля 1917 года сказано: «Вышедшие ранее части размещены в Фельтене. Переводятся под Бордо (в Курно[1595]). Остальные — в Ля Куртин»[1596].

28 июля о назначении Гумилева сообщили в Салоники, где его ждали: «Исх. 10108 от 15/28 июля 1917 г. Салоники. Генералу Артамонову. Прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка Гумилев, направляющийся в Салоники, оставлен Представителем Временного Правительства в его распоряжении. 10108 Пац-Помарнацкий»[1597]. Этим же днем датирован запрос от Русского военного представителя военному министру Франции (*документ на французском языке*)[1598], в котором Занкевич просит предоставить открытый лист (пропуск) Комиссару Временного правительства при русских отрядах во Франции Евгению Раппу и его помощнику младшему лейтенанту Русской армии Николаю Гумилеву, так как необходимо

срочно попасть в места расположения русских военных отрядов для выполнения специальных заданий. В прошении уточняется, что затрат для этого не требуется, что пропуска господами Раппом и Гумилевым будут возвращены и что к прошению прилагаются по две фотографии указанных лиц. Вскоре это прошение было удовлетворено, и Рапп с Гумилевым получили два пропуска («SAUF-CONDUIT»), совершенно одинаковых по форме. В пропуске Гумилева (*документ на французском языке*)[1599] сказано, что он выдан в Париже префектурой полиции военного правительства республики Франция. На бланке размером 15 х 20 см указывалось следующее. Пропуск предназначен для передвижения указанного в нем лица на велосипеде, на трамвае, на судах, по железной дороге. Указывались личные данные (заполнено от руки самим Гумилевым): фамилия — Гумилев (Mr. Gaimileff); имя — Николай (Nicolas); национальность — русский (russe); должность — лейтенант; местожительство — не заполнено; возраст — 31; волосы — короткие; борода — не носит; особые приметы — не указаны. Ниже этих записей проставлена личная подпись Гумилева. Далее сказано, что пропуск предназначен для перемещения по внутренним зонам страны и выдан 14 августа 1917 года в Париже. На пропуске Гумилева проставлены два штемпеля: печать выдавшей пропуск префектуры полиции и печать одного из посещенных им мест, о которой будет сказано позже. Там же указан срок действия пропуска — с 14 августа по 14 сентября 1917 года. В самой нижней части бланка запись о том, что «любой предъявитель пропуска обязан предъявлять вид на жительство или паспорт, и тот и другой с фотографией». К сожалению, никаких документов Гумилева с его фотографией в российском архиве пока обнаружить не удалось. До сих пор не найдено ни одной достоверной фотографии, относящейся к пребыванию Гумилева за границей в 1917 — 1918 годах.

Но пока пропуск не был выдан, по крайней мере до 14 августа Гумилев должен был оставаться в Париже. Между тем волнения в русских бригадах не прекращались. 30 июля Занкевичем был объявлен приказ: «Приказ № 34, 17/30 июля 1917 г. Париж. 15/28 июля мною получена телеграмма Керенского за № 3172, где вопрос о возвращении войск наших, здесь находящихся, в Россию решен категорически отрицательно. Наоборот, Временное Правительство предусматривает по стратегическим соображениям возможность отправки 1-й Особой дивизии на Салоникский фронт. Даю срок 48 часов с тем, чтобы солдаты лагеря Куртин одумались и сознательно изъявили полную покорность и подчинились приказам и распоряжениям Временного Правительства и его Военного Представителя. Требую, чтобы в знак изъявления этой покорности и полного подчинения солдаты в полном снаряжении выступили из лагеря Куртин на место бывшего бивака 2-й бригады при ст. Клераво. Данный мною срок кончается в 10 ч. утра в пятницу 21-го сего июля (ст. ст., 3 августа н.ст.). Все, кто останется, будут рассматриваться как бунтовщики и изменники Родины»[1600]. Накануне, 29 июля, из Петрограда была получена телеграмма[1601] о применении крайних мер, вплоть до расстрела, по отношению к изменникам Родины.

Из Петрограда регулярно поступали телеграммы о недопустимости задержки офицеров, направляемых на Салоникский фронт. 2 августа Занкевич вынужден опять телеграфировать в Петроград: «Исх. 31. 20 июля/2 августа 1917 г. Анаксагор. Петроград (шифром). ОГЕНКВАР. 5-го Гусарского полка Прапорщика ГУМИЛЕВА, направляющегося во 2-ую дивизию в Салоники, оставляю в Париже моем распоряжении. 31 Занкевич»[1602].

Рапп, долго проживавший в Париже, помимо исполнения должности Военного комиссара, состоял в различных эмигрантских организациях. 3 августа Занкевич ассигновал ему 1000 франков для Парижского объединенного эмигрантского комитета[1603]. Одновременно Рапп исполнял обязанности Уполномоченного чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий высших должностных лиц. В его обязанности входила разборка архива бывшей заграничной агентуры царского правительства. В начале августа, на основании изучения документов и произведенного дознания, им был сделан вывод о виновности заведующего химическим отделом Особой артиллерийской комиссии поручика барона Штакельберга, состоявшего в распоряжении Военного агента во Франции А.А. Игнатьева, в провокаторстве[1604]. На этой почве у него возник конфликт с Игнатьевым, которой 8 августа рапортовал в Петроград: «Исх. 1433. 26 июля/8 августа 1917. Анаксагор Петроград (шифр). Начальнику Генерального Штаба. Уполномоченный чрезвычайной следственной комиссии Рапп отношением от сего числа предложил мне принять немедленные меры к отстранению от службы состоящего в моем распоряжении поручика барона Штакельберга, прикомандированного мною к Особой Артиллерийской Комиссии, как специалиста химика по взрывчатым веществам и газам. Штакельберг по сведениям Раппа состоял секретным сотрудником Петроградского Охранного Отделения и заграничной агентуры. Устранение Штакельберга от исполнения им служебных обязанностей и исполнение указания невозможно. Как в данном случае поступить мне? Отправку его в Россию через нейтральные государства признаю недопустимым, вследствие нахождения в руках Штакельберга секретнейших данных о снабжении нашей армии, привезенных им из нашего Химического комитета, и об армиях союзников, полученных им здесь. 1433. Игнатьев»[1605]. 29 августа Рапп отстранил барона Штакельберга от должности[1606]. Барон пожаловался Игнатьеву, и тот никак не отреагировал на требование Раппа, поэтому несколько месяцев спустя Рапп был вынужден еще раз поднять этот вопрос, известив об этом Игнатьева: «Секретно. Г. Военному агенту. При этом препровождаю для Вашего сведения копию сношения моего российскому послу в Париже за № 175. Ев. Рапп»[1607]. Далее следовало само сношение: «Париж 31 декабря 1917 г. № 175. 18(31) декабря 1917 г. Секретно. Господину Российскому Послу в Париже. Сего числа в Артиллерийскую комиссию ‹...› явился бывший офицер ее поручик барон Штакельберг, официально изобличенный в принадлежности к секретным сотрудникам заграничного охранного отделения[1608], и нанес оскорбление действием штабс-капитану Глазову при исполнении им своих служебных обязанностей. Г-н Штакельберг по раскрытии его роли был исключен из списков чинов Артиллерийской комиссии и, к сожалению, прикомандирован к управлению Военного агента, откуда, как оказывается, продолжает исправно получать содержание[1609]. Между тем такое лицо должно быть давно откомандировано в Россию для исключения его со службы, как явно недостойное носить военный мундир. Ввиду особо возбужденного состояния военнослужащих и постоянной на этой почве опасности эксцессов, предотвращение которых составляет мою, как комиссара, прямую обязанность, прошу Вас принять неотлагательно меры к удалению из пределов Франции указанного выше лица. Копия настоящего сношения препровождается для сведения Г-ну Военному агенту»[1610]. Несмотря на настойчивые требования Раппа, Штакельберг так и не был удален из Франции и продолжал получать

деньги от А.А. Игнатьева. При этом Игнатьев сообщал в Петроград, что он не имеет в своем распоряжении решительно никаких средств для отправки Штакельберга в Россию[1611].

Может возникнуть вопрос: какое все это имеет отношение к нашему главному герою? Ведь не ставилась задача — изложить всю историю русских военных служб во Франции. Эти бумаги, возможно, не привлекли бы внимания автора, если бы на каждом из документов, исходящих от Раппа и написанных на бланке Военного комиссара, не стоял автограф Гумилева: «Подлинник подписал военный комиссар Е. Рапп. Верно: прапорщик Гумилев». То есть все документы, включая секретные, проходили через его руки. Гумилев был посвящен во все дела Раппа, в том числе и по разоблачению бывших провокаторов. Но хронологически мы забежали вперед, приведенное выше сношение Раппа было датировано последним днем 1917 года и направлено уже не в Россию, а российскому послу в Париже, так как пришедших к власти большевиков все это уже не волновало. Просто хотелось сразу обозначить то необычное служебное положение, которое с середины лета занял Гумилев и продолжал занимать его до конца года.

Однако вернемся в август 1917 года. Как следует из написанного Гумилевым отчета о событиях в Ля Куртин, 4 августа Рапп выехал в Ля Куртин в сопровождении проезжавших через Париж делегатов Исполнительного комитета Временного правительства. Вскоре к нему присоединился Гумилев. 8 августа из Отрядного комитета русских войск во Франции пришло отношение для делопроизводителя 1-го маршевого батальона, откуда был направлен Раппу приданный ему писарь Евграфов: «26 июля (8 августа) 1917 г. № 214. Делопроизводителю 1-го маршевого батальона. Прошу сегодня же прислать в Отрядный комитет аттестат на все виды довольствия и причитающиеся деньги мл. унтер-офицеру Александру Евграфову, каковые будут переданы ему через офицера особых поручений при военном Комиссаре Раппе поручика[1612] Гумилева»[1613]. Поначалу этот документ вызвал некоторое недоумение, ведь Отрядный комитет и 1-й маршевый батальон располагались не в Париже, а в районе лагеря Ля Куртин, и неясно было, как запрошенные бумаги могли быть переданы через Гумилева? Ответ на этот вопрос дал следующий документ: «Приказ по Тыловому Управлению № 15 от 27 июля/9 августа 1917 г. Париж. По части интендантской. ‹…› § 8. Расход»:[1614].

Откуда	Франк.	Сант.	Какое назначение	Куда занести
Позаимст. из переход. сумм по док. 288	500	—	Прапорщику Гумилеву	Документ погас. по получении
Из сумм Г.У.Г.Ш. проездные деньги в Фельтен и обратно всего стоим. 4 билетов 2 класса	127	60	Ему же	Выдать под расписку
Из сумм, предостав. в распор. Ген. Занкевича, расходы по заказу на газету и разъезды согласно счета	291	50	Ему же	То же

На обороте этого листа сказано: «Раппу (от Занкевича). Суточные за 6 дней командировки — 360 франков». Из этого приказа следует, что Гумилев, вслед за Раппом, также должен был отправиться в лагерь Фельтен

уже в первой половине августа. Туда была выведена «лояльная» 3-я Особая бригада, лагерь располагался в 25 км к северу от лагеря Ля Куртин. Скорее всего, поездка была связана с предстоящим перемещением войск, размещенных на временной, необорудованной стоянке в Фельтене, в лагерь Курно. От Парижа до лагеря Ля Куртин можно было добраться через Лимож, до которого по железной дороге около 400 км. От Лиможа до лагеря Ля Куртин на автомобиле около 100 км. От лагеря Фельтен, расположенного в 25 км от Ля Куртин, до лагеря Курно, располагавшегося на окраине Бордо, — около 350 км. Напрямую от Парижа до Бордо и Курно по железной дороге — около 600 км. То есть до любой точки можно было добраться либо за ночь (поездом), либо в течение дня. Но отправиться в командировку раньше 14 августа Гумилев никак не мог.

28 июля/10 августа в Париже было подписано Соглашение между представителем Временного правительства и Правительством Французской Республики, касающееся исполнения воинской повинности гражданами Союзных держав, находящихся на территории союзника. В архиве сохранилась выполненная Гумилевым черновая запись сообщения о подписании этого соглашения, отредактированная им, видимо, совместно с Раппом. Как я предполагаю, эта запись представляла собой перевод текста соглашения для ознакомления с ним русских военнослужащих и граждан во Франции и для отправки его в Россию. Вот окончательный текст этого соглашения, написанный рукой Гумилева, без указания многочисленных, внесенных в него исправлений:

«Соглашение, заключенное 28 июля/10 августа 1917 г. между Русским Временным Правительством и Правительством Французской Республики. Подписавшиеся законно уполномоченные их Правительствами постановили следующее:

1. Русское Временное Правительство и Правительство Французской Республики приостанавливают с общего согласия на время текущей войны действие статьи 4-й русско-французского договора от 20 марта/2 апреля 1874 г. и обязуются каждый со своей стороны зачислять в Русскую и Французскую армии тех французов и русских, которые проживают в России и являются военнообязанными по законам своей страны.

2. Договаривающееся Правительство обязуется считать своих подданных, которые в силу этого будут взяты в войска, исполнившими их долг по отношению к воинской повинности соответственно продолжительности пребывания их на службе в союзной Армии в течение настоящей войны.

3. Военные обязанности русских, проживающих во Франции, и французов, проживающих в России, будут взаимно сообщены Правительству Французской Республики и Русскому Временному Правительству Российским посольством в Париже и Французским посольством в Петрограде при содействии консулов для сношений с военными властями.

4. Освобождаются от обязательного призыва, предусмотренного этим соглашением, лица, представившие документы, удостоверяющие их освобождение от воинской повинности, выданные дипломатическими и консульскими учреждениями их стран»[1615].

Так что Гумилеву во время его работы с Раппом приходилось вникать в самые разнообразные вопросы, разбираться в подготовляемых межгосударственных соглашениях, готовить предварительные тексты издаваемых Раппом приказов. Судя по дате, бумага эта была составлена еще до отъезда в Фельтен.

11 августа из Отрядного Комитета Раппом было получено следующее письмо: «Письмо Раппу от 28.7/11.8 1917 г. № 313. Секретно. Представителю Временного Правительства и Русских войск во Франции. Комиссару Раппу. Отрядный Комитет в заседании своем, состоявшемся 22 июля/4 сего августа, постановил: запросить Военного Комиссара Г-на РАППА о нижеследующем: 1) Известно ли Г-ну Комиссару, что во Франции находится значительное число военнослужащих, проникнутых контрреволюционными взглядами и уклоняющихся от фактического служения Родине. 2) Известно ли ему, что эти военные группируются вокруг Военного Агента в Париже, полковника Графа Игнатьева. 3) В случае, если изложенное известно Военному Комиссару, то какие меры приняты им против деятельности полковника Графа Игнатьева и уклоняющихся от службы военнослужащих. 4) На основе упомянутого постановления прошу Вас, Г-н Комиссар, не отказать ответить Отрядному Комитету на вышеуказанные вопросы. Председатель Джинория»[1616]. К сожалению, разобраться с Игнатьевым так и не удалось. Видимо, у него были слишком сильные покровители. Дознание по делу Игнатьева проходило в Петрограде и началось в весьма символичный для русской истории день — 25 октября 1917 года. По мнению Лисовского, «в Русской миссии во Франции... несомненно, есть люди, для которых большевистский переворот был сущим подарком. Наоборот — не явись большевики, не все служащие в Русской миссии чувствовали бы себя хорошо вплоть до настоящего времени и, вероятно, сели бы на скамью подсудимых и были бы достойно наказаны»[1617]. Поскольку более поздние документы в деле Игнатьева отсутствуют, можно предположить, что в тот же день расследование было прекращено. По той же причине не состоялась и сенаторская ревизия в Брестском порту. Но с Игнатьевым и его делами самому Гумилеву вряд ли приходилось иметь дело. В своих мемуарах Игнатьев ни разу не упомянул расстрелянного большевиками поэта.

14 августа Военный Агент Игнатьев направил в Петроград любопытный документ, позволяющий расширить круг тех лиц, с кем Гумилев мог общаться в Париже. Еще весной 1917 года было создано Бюро печати, объединившее проживавших во Франции литераторов либо тех, кто хорошо владел русским и французским языками. В депеше Игнатьева приводился его состав: «Исх. 1492 от 1/14 августа 1917. Анаксагор. Петроград (шифр). Военно-Осведомительное Бюро печати действует пока в следующем составе: Нач. Бюро Капитан Семенов[1618], Помощник Начальника Ротмистр Ивченко, секретарь Бюро, находящийся в научной командировке от Министерства Народного Просвещения магистрант Михайлов[1619], Заведующие Отделами и Помощники их: полный эмигрант журналист Ромов (РОФМАН), задержанный в Париже Генералом Занкевичем и с его разрешения работающий в Бюро, штабс-капитан Тыртов и граф Василий Адлерберг[1620] и подпоручик Тимрот. Прошу о зачислении Тыртова, Адлерберга и Тимрота по Главному Управлению Штаба, с откомандированием в мое распоряжение. Все эти лица в совершенстве владеют иностранными языками. Семенов, Ивченко, Михайлов, Ромов — публицисты и работали в Парижской прессе. При Бюро состоит Комитет из трех представителей русских парижских корреспондентов в составе председателя Синдиката Русской печати в Париже Павловского, корреспондента “Биржевых Ведомостей” писателя Минского и корреспондента “Русского Слова” Вернера[1621]. Осведомителем Отдела Французского Военного Министерства назначен для связи в Бюро лейтенант Лалуа. Прошу о командировании в мое распоряжение для занятий в Бюро Поручика Мателя, работающего в отделе печати при ОГЕНКВАРЕ. Париж. Вторник. 1492 Игнатьев»[1622].

Не все имена удалось идентифицировать, но несколько имен представляют для нас особый интерес, так как, скорее всего, Гумилев в Париже с ними часто общался. С поэтом, публицистом и переводчиком Николаем Минским[1623] Гумилев был знаком еще по Петербургу. В 1922 году в своей рецензии-некрологе Минский вспоминал их встречи в Париже пятилетней давности: «Основной чертой творчества Гумилева всегда была правдивость. В 1914 году, когда я с ним познакомился в Петербурге[1624], он, объясняя мне мотивы акмеизма, между прочим сказал: “Я боюсь всякой мистики, боюсь устремлений к иным мирам, потому что не хочу выдавать читателю векселя, по которым расплачиваться буду не я, а какая-то неведомая сила”. В этих словах разгадка всего творчества Гумилева. Он выдавал только векселя, по которым сам мог расплатиться. Он подносил читателю только конкретное, подлинное, лично пережитое. Отсюда жизненность его вдохновений, отсутствие в них всякой книжности. Отсюда же активное отношение его к жизни. В стихи у него выливается только избыток переживаний. Он сперва жил, а потом писал. А жить значило для него — мужественно преодолевать опасности, — в путешествиях, на охоте. Чувствительность, слезливость, жалостливость была чужда его душе. Войне он обрадовался чрезвычайно, как исходу для обуревавших его сил, и два Георгия, украшавших его “не тронутую пулей грудь”, были им заслужены не в канцеляриях, а в “тяжкой работе Арея”. После войны я встречался с ним в Париже. Прежняя его словоохотливость заменилась молчаливым раздумьем, и в мудрых, наивных глазах его застыло выражение скрытой решимости. В общей беседе он мало участвовал и оживлялся только тогда, когда речь заходила о его персидских миниатюрах. Я часто заставал его углубленным в чтение. Оказалось, что он читал Майн-Рида. ‹…› Боль, которую мы испытали, узнав о смерти поэта, усиливается от сознания, что он погиб в расцвете таланта, с запасом новых звуков и неизжитых настроений. Четвертой душе Гумилева судьба, быть может, предназначала воссиять огненным столбом в русской поэзии. Но этой судьбе не суждено было сбыться. Русская поэзия надолго облеклась в безутешный траур»[1625]. Конечно, встречались они в Париже не после войны, а во время войны, в 1917 году. Минский, как и Ларионов, упоминает о парижском увлечении Гумилева собиранием персидских миниатюр. Видимо, бывал Гумилев и у Н. Минского дома и был знаком с его женой, поэтессой Л.Н. Вилькиной[1626]. Недавно обнаружилось ее стихотворение, посвященное Гумилеву и написанное незадолго до его отъезда из Парижа в Лондон.

Мадригал

Н.С. Гумилеву

Люблю спрягать живой глагол «любить».
Мне помогают в этом все народы.
Во Франции — фонтанные уроды,
У нас — курсистки, «жаждущие “жить”».

Вот вижу: «Он». — Но как остановить?
Его скрывают женщин хороводы.
Всем барышням легко он пишет оды,
И та, Сирень, решила победить.

Я не борюсь. Так много в жизни «Онов».
Узнать не мог, так значит «он» не тот…
Уйди с Сиренью. Мой ко мне придет.
Соперница. — Не выношу я стонов.

Любовника без муки уступлю.
Люблю любить, когда легко люблю.

Л. Вилькина

Париж. 1917. Декабрь[1627].

Это единственное свидетельство о знакомстве Гумилева с Вилькиной, о характере их взаимоотношений судить трудно. Другое имя в списке Бюро печати, на которое следует обратить внимание, — помощник начальника, ротмистр Ивченко, известный как писатель Валериан Светлов[1628]. С середины 1890-х годов главным увлечением Светлова стал балет. Его известность возросла, когда его критику высоко оценил Дягилев. Подружившись с ним, Светлов стал «присяжным критиком»[1629] и летописцем «Русского балета». С 1909 года он входил в неофициальный «комитет» по организации «Русских сезонов». Не исключено, что Гумилев познакомился со Светловым именно на «балетной почве», еще в Петербурге, перед войной. По крайней мере, оба они участвовали в состоявшемся в «Бродячей собаке» «Вечере танцев» Т.П. Карсавиной 28 марта 1914 года и их имена числятся среди авторов выпущенного по случаю этого вечера сборника: «Тамаре Платоновне Карсавиной — “Бродячая собака”»[1630]. В 1916 году женой Светлова стала балерина Вера Трефилова, которая танцевала в дягилевской труппе. С началом войны Светлов в качестве военного корреспондента неоднократно выезжал на фронт. С февраля 1915 по октябрь 1916 года воевал в составе «Дикой дивизии», и под своей настоящей фамилией Ивченко стал персонажем романа Николая Брешко-Брешковского «Дикая дивизия» (Рига, 1930) . В 1917 году после контузии поселился в Париже и стал помощником начальника Бюро печати. Первый раз его имя в военных документах встречается весной 1917 года. Накануне отъезда из Петрограда в Париж генерал Занкевич запрашивал русские службы во Франции: «Вх. 243, 7/20 апреля 1917 г. Из Петрограда (шифром). Штабс-капитан Доманский, обладающий по его словам 12-летним литературным опытом и сотрудничающий в Temps à Matin, ходатайствует о командировании его для работы при издаваемой во Франции нашей военной газете. Телеграфируйте, есть ли надобность в этом офицере. 71374. Занкевич»[1631]. Последовал незамедлительный ответ Игнатьева: «Исх. 263. 26 апр./9 мая 1917 г. Анаксагор. Петроград. 71374. Ввиду приезда ротмистра Ивченко, обладающего большим литературным опытом, в командировании штабс-капитана Доманского для работы в военной газете ‹потребности› не встречается. В редакции Temps à Matin заявляют, что Доманский им неизвестен. 263. Игнатьев»[1632]. Несомненно, что Гумилев не раз пересекался со Светловым, как по делам службы, так и на «балетной» почве, тем более, что военная служба никак не охладила интерес последнего к балету. Светлов не только сотрудничал в самых разнообразных периодических изданиях, как, например, «Возрождение», «Le temps russe» (Париж) и «Dancing Times» (Лондон), но вскоре выпустил в Англии и Франции монографии, посвященные Анне Павловой и Тамаре Карсавиной.

В Париже Гумилев наверняка встречался с включенным в список Игнатьева «полным эмигрантом журналистом Ромовым (РОФМАН)»[1633].

Художник, публицист, переводчик, критик, впоследствии издатель и редактор парижского журнала «Удар» (за 1922–1923 годы вышло 4 номера), посвященного «новому» искусству и литературе — дада и сюрреализму. Активный участник жизни русского Монпарнаса, организатор выставок русских и французских молодых художников, создатель литературно-художественных объединений «Гатарапак» и «Через». В 1920 году в Париже вышел его перевод на французский язык поэмы «Двенадцать» А. Блока с иллюстрациями М. Ларионова. В 1927 году Ромов отправился с визитом в СССР, намереваясь вскоре вернуться в Париж, где оставил жену и больного туберкулезом сына, однако ему было отказано в обратном выезде. В СССР устроился на работу в «Литературную газету», сотрудничал с журналами «30 дней», «Прожектор» и «Новый мир», писал статьи о французской литературе, занимался переводами, выпустил несколько книжек. В 1933 году был арестован. В конце 1938 года освобожден, но в 1939 году вновь арестован и расстрелян.

В Бюро печати работал еще один маститый профессиональный литератор, переводчик, «председатель Синдиката Русской печати в Париже» Иван Павловский[1634]. Он хорошо знал Чехова, Тургенева, многих других русских и иностранных писателей. Однако вряд ли у Гумилева могли возникнуть с ним точки соприкосновения.

Трудно сказать, насколько часто сталкивался Гумилев с членами Бюро печати, однако он, безусловно, был связан с издававшейся в Париже русской солдатской газетой. Еще до своего назначения 10 июня 1917 года Рапп докладывал Керенскому, что необходимо «основать солдатскую газету»[1635]. Первый номер газеты «Русский солдат-гражданин во Франции» вышел на восьми полосах в тот же день, когда Гумилев был назначен офицером для поручений — 25 июля. «Русский солдат-гражданин во Франции» считался центральным органом «Отрядного комитета русских войск во Франции»[1636]. Редактором ее был назначен унтер-офицер В. Драбович[1637]. Газета стремилась быть «строго-беспартийной, строго-демократической». В начале 1918 года выпуск газеты едва не прекратился, поскольку было прервано ее финансирование из Советской России. Но, видимо, французские власти решили поддержать и ее публикацию, и брошенных на произвол судьбы русских солдат. Так газета просуществовала до апреля 1920 года, всего вышло 465 номеров. С мая того же года ее место заняла другая газета для русских солдат — «Луч».

Впервые имя Гумилева появилось на страницах «Русского солдата-гражданина во Франции» в короткой заметке, где сообщалось: «В воскресенье 12 августа в “Доме русского солдата” состоялось литературное утро, организованное комитетом общества “Оборона”. ‹…› Никандр Алексеев прочитал свои последние стихи. В программе стояли имена еще двух поэтов Н. Минского и Н. Гумилева, находящихся в настоящее время в Париже. Но, к сожалению, г. Минский в этот день был на фронте, а г. Гумилев присутствовал, но неожиданно был вызван по спешному делу, о чем публика сожалела. Будем надеяться, что в другое какое-нибудь ближайшее воскресенье программа будет подобрана удачнее и что наши поэты не откажут в своем участии. В общем, литературное утро прошло удовлетворительно. В сто раз приятнее и полезнее, чем сидеть в кафе или ресторане и по-парижски прожигать свою жизнь»[1638]. «Дом русского солдата» располагался по адресу: улица Фобур Сен-Дени (rue du Faubourg St.-Denis), д.137, недалеко

от Монмартра. Газета настоятельно приглашала туда солдат: «Там они найдут все нужные справки, найдут русские газеты, а также чай и холодные закуски. Там же иногда устраиваются собеседования на злободневные темы»[1639]. В этих «собеседованиях» приходилось участвовать также и Гумилеву. Как следует из опубликованной в 1926 году в газете «Русская мысль» заметки литературного представителя Никандра Алексеева в издательстве П. Анненкова[1640], опубликовавшего тогда известную семейную фотографию Ахматовой, Гумилева и Левы, «Литературное утро» с участием и Гумилева, и Минского все-таки состоялось через несколько дней, и в этой заметке П. Анненков поместил краткие воспоминания о Гумилеве: «Имея у себя ее ‹Ахматовой› семейную фотографию, относящуюся к 1915–1916 гг., полученную мною 21 октября 1960 г. "на добрую память" от скончавшейся в прошлом году А.А. Гумилевой, невестки поэта Н. Гумилева, первого супруга поэтессы, проживавшей в Брюсселе, мне хотелось бы воспроизвести ее на страницах "Русской Мысли" ‹…› Фотографию эту я получил и бережно храню потому, что мне пришлось встретиться единственный раз в жизни в Париже и даже устроить в этом городе 18 августа 1917 года, в разгар войны, литературное утро поэта Гумилева, где он читал свою "экзотику", на котором также выступал и другой поэт Н.М. Минский, переводчик "Илиады", приезжавший из Лондона, а также говорил о Л.Н. Толстом один из переводчиков его сочинений на французский язык — Биншток[1641], проживавший в Париже. Познакомил меня с Гумилевым В.Я. Светлов, писатель и последний редактор журнала "Нива", прославившийся больше всего своими сочинениями о русском балете, в котором он был общепризнанным авторитетом. ‹…›»[1642]. Ранее о В. Светлове был рассказано подробно, но это единственное «документированное» свидетельство его знакомства с Гумилевым. К сожалению, публикация о выступлении поэта 18 августа в газете «Русский солдат-гражданин во Франции» так и не появилась.

Возможно, несостоявшееся выступление Гумилева на «литературном утре» было связано с необходимостью срочно отправляться в командировку в Фельтен, расчет за которую он уже получил, — он был приведен выше. По документам Отрядного Комитета следует, что 10 августа отряд находился еще в Фельтене[1643]. А уже 15 августа началось его перемещение в Курно[1644]. Судя по описанному выше пропуску, разрешающему поездки Гумилеву по внутренним районам Франции, Гумилев мог выехать в Фельтен не ранее 14 августа, когда пропуск был им получен, что следует из его датированной подписи, и начал действовать. До этого он должен был оставаться в Париже, что подтверждается несколькими документами и приведенной заметкой в газете о несостоявшемся выступлении Гумилева на «литературном утре» 12 августа. 14 августа началась перевозка 3-й бригады в Курно, с промежуточной остановкой в деревне Ля-Тэст[1645]. В тот же день была получена телеграмма из Петрограда: «Телеграмма Керенского № 4817 от 1 августа (ст.ст.). О прекращении доставки довольствия и выдачи продовольствия в лагерь Ля Куртин»[1646]. Можно утверждать, что как раз в период между 14 и 20 августа Рапп и Гумилев побывали в лагере Фельтен. Но один из дней, утро 18 августа, Гумилев провел в Париже, где выступил с чтением стихов. Еще одно доказательство его поездок по лагерям — неожиданно обнаруженное в архиве Ларионова «Командировочное удостоверение», явно относящееся к этой поездке: «Тыловое Управление русских войск во Франции. Париж, Авеню Элизэ Реклю, 14 (14, Avenue Elisée Reclus). КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ лейтенанта

русской армии Николая ГУМИЛЕВА, направляемого в этот день в официальную командировку в Фельтен, с возвращением из командировки по ее завершении. Пац-Помарнацкий»[1647]. Удостоверение скреплено синей гербовой печатью с двуглавым орлом Русской Военной миссии во Франции — «ATTACHE MILITAIRE DE RUSSIE EN FRANCE». Скорее всего, Гумилев с Раппом сопровождали бригаду во время перемещения в Курно. В приведенной выше ведомости расходов указываются «расходы по заказу на газету и разъезды». Сохранилось составленное Гумилевым до 20 августа отношение, проливающее свет на то, в чем именно состояли эти расходы. Документ написан на уже напечатанном для него личном бланке офицера для поручений при Военном комиссаре: «Париж. Август 1917 г. № 29. Председателю отрядного комитета русских войск во Франции Джинория. По приказанию Военного комиссара Временного правительства при сем прилагаю 142 экз. книжек "Социалистическая партия и цели войны", 142 экз. "Эльзас-Лотарингия" и 30 экз. "Французская революция и Русская революция" для раздачи солдатам отряда во Франции. Приложение: упомянутое. Прапорщик Гумилев (подпись)»[1648]. На бланке проставлена печать Отрядного комитета — «20 августа 1917 г. вх. № 165», и пометы — «ответить о получении, к делу. Секретарь (*подпись неразборчива*)», и «Ответ передан офицеру для поручений при Военном комиссаре Раппе 20 августа 1917 г. за № 282». Передача актуальной литературы произошла уже на новом месте, в лагере Курно: заседание Отрядного Комитета, как следует из протокола[1649], состоялось 4/17 августа именно там. По крайней мере, до 20-х чисел августа Гумилев в Париже отсутствовал и вернулся ближе к концу месяца. Вскоре ему предстояло вновь покинуть город и по более серьезному делу надолго отправиться в лагерь Ля Куртин.

Вернемся в конец августа 1917 года, в Париж. 20 августа из Петрограда поступила очередная телеграмма о недопустимости оставления в Париже офицеров, направляемых в Салоники: «Телеграмма из Петрограда (шифром). Вх. 1625 от 7/20 августа 1917 г. Начальник дивизии в Салониках телеграфирует, что из числа офицеров, назначенных на укомплектование дивизии, к месту назначения прибывает только ничтожная часть, остальные задерживаются Военным Агентом в пути или остаются там же самовольно. Примите все меры к недопущению этого нежелательного явления, отражающегося самым нежелательным образом в деле поддержания дисциплины и порядка. Потапов. 33684 Юдин»[1650]. На документе резолюция от руки: «Доложить, кто из состоящих при мне ехал в Салоники. Полк. граф Игнатьев». Одновременно требовательная телеграмма поступила из Салоник: «Телеграмма из Салоник (клером). Вх. 1636 от 8/21 августа 1917 г. 1469. Не могу согласиться откомандированию поручика Анникова. Офицер крайне нужен. Прошу спешно командировать в дивизию его и прочих офицеров. 831 Генерал Тарбеев»[1651]. На это последовала телеграмма от Игнатьева[1652]: «Телеграмма в Петроград. Исх. 1556 от 9/22 августа 1917 г. АНАКСАГОР Петроград (шифром). На 33684 Юдина. До сих пор из офицеров, направленных в Салоники, использован был задержанным только подпоручик Анников, о котором мною было извещено Г.У.Г.Ш., мои телеграммы №№ 1022 и 1327. Вследствие номера 48699 Рябикова мною дано предписание подпоручика Анникова отправить в распоряжение Нач. 2-ой Особой пехотной дивизии. Париж. Среда. 1556 Игнатьев». Так что все это время Гумилев мог предполагать, что ему тоже надо будет покинуть Париж.

Однако, по-видимому, у генерала Занкевича на этот счет было иное мнение, и он твердо решил оставить Гумилева при Раппе.

Во многом это было связано с тем, что в конце августа лавинообразно начали развиваться события в лагере Ля Куртин. Стало очевидно, что проблему там быстро и мирным путем разрешить не удастся. Поэтому уже заранее, 21 августа, было подано вторичное прошение, на этот раз от Военного Агента во Франции, военному министру Франции (документ на французском языке)[1653], в котором запрашивалось продление пропусков Комиссару Временного правительства при русских отрядах во Франции Евгению Раппу и его помощнику младшему лейтенанту Русской армии Николаю Гумилеву. Пропуска запрашивались для свободного передвижения по всем районам, где находятся русские войска, включая поездки на автомобилях (в полученном ранее пропуске поездки на автомобиле не указывались). Позже, в октябре, Рапп и Гумилев еще раз обратятся за пропуском, но уже не за месячным, а за бессрочным, на все время войны.

Пока Гумилев оставался в Париже, ему пришлось заняться делами солдатской газеты. В коллекции Струве сохранилось поручение Раппа Гумилеву, относящееся к концу августа: «Исх. 59. Париж, 25 августа дня 1917 Г. № 24. Прапорщику Гумилеву. Поручаю вам ознакомиться с хозяйственно-административной частью ведения дел в газете “Русский Солдат-Гражданин во Франции”, издаваемой на средства Временного правительства, для доклада мне. /подпись/ Евг. Рапп»[1654]. Скорее всего, с этим распоряжением связана последующая депеша Занкевича Игнатьеву от 29 августа: «16/29 августа 1917. От Занкевича — Военному Агенту. Ведение газеты “Солдат-Гражданин” поручено Генералом Занкевичем Военному Комиссару Раппу, который, как видно по его резолюции, на назначение газеты препятствий не встречает»[1655]. Кроме того, известно относящееся к этим же дням следующее донесение: «14/27 августа 1917. Начальник Тылового управления. Занкевич перечислил Раппу 5000 франков из экстраординарных сумм на расходы по его управлению»[1656]. Возможно, часть этой суммы предназначалась для поддержки газеты. Хотя официально ведение газеты было поручено Занкевичем Раппу, вряд ли последний рапортовал бы о своем согласии, если бы при нем не служил офицером для поручений Гумилев, за 10 лет до этого выпустивший в том же Париже свой первый журнал «Сириус». В редакционно-издательских данных газеты не значатся имена Раппа и Гумилева, но Военный комиссар и не имел права вмешиваться в работу редакции. Тем не менее легко предположить, что, если возникали какие-либо вопросы по ведению газеты, решать их Рапп всякий раз поручал Гумилеву.

Почти до конца августа Гумилев находился в Париже фактически на «птичьих правах». Ведь он был всего лишь прикомандирован к Раппу, но никакого жалованья не получал. Наконец 23 августа был издан приказ: «Приказ по русским войскам во Франции № 51, Париж. По части инспекторской. § 1. Прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка Гумилев назначается в распоряжение комиссара Временного Правительства и Исполнительного Комитета совета Рабочих и Солдатских Депутатов при русских войсках во Франции. Прапорщику Гумилеву производить сверх содержания суточные деньги в размере по тридцать франков в сутки, считая таковые с 24-го июля с.г. (нов. ст.), т.е. со времени фактического нахождения в распоряжении г. комиссара. Представитель Временного Правительства Генерал-Майор Занкевич»[1657]. Гумилев получил положенные «суточные» за все время, начиная с 24 июля, только в начале октября. Почти одновременно, 24 августа, из Петрограда была отправлена телеграмма: «11/24 августа 1917 г. Вход. № 744. № 60187. Никодемус. Генералу Занкевичу от Юдина. Отправлена 11/24 — VIII — 13 ч. 55 м. Получена 14/27 — VIII — 10 ч. Комиссар Рапп ходатайствует назначении при нем для поручений прапорщика Гумилева <u>с предоставлением последнему содержания по штатам Тылового управления</u>[1658]. Прошу телеграфировать, каким порядком полагали бы Вы провести это назначение, имея в виду, что названное Управление должно войти в состав новой организации, вызываемой сведением дивизии, а равно, какой оклад содержания был бы соответственным для упомянутой должности. <u>Согласие о назначении последовало</u>. 3352. Романовский. Юдин 60187»[1659]. На телеграммах имеются резолюции: «Верно: Прапорщик князь Кочубей. Вх. № 12 28 августа 1917 г.» «Комиссару Временного правительства по приказанию Представителя Временного правительства препровождается на заключение. 14/27 августа 1917. № 816. За штаб-офицера для поручений Капитан Нарышкин». «24/8 — назначить содержание как офицера тылового управления». «Начальнику Тылового управления на исполнение». Резолюция Раппа: «14/27 августа 1917 г. № 316. г. Париж. Полагал бы просить содержание применительно содержанию офицеров Тылового управления. 27 — VIII. Е. Рапп».

К полученной телеграмме приложена сопроводительная записка, написанная Гумилевым: «В канцелярию представителя Временного правительства. По заключению Комиссара Временного правительства при сем препровождаю, 28 августа 1917 г. № 33. Офицер для поручений при В‹оенном› комиссаре Вр‹еменного› правительства прапорщик Гумилев»[1660]. Положение Гумилева, по крайней мере формально, на ближайшее будущее определилось, о чем он тут же сообщил домой. Хотя, как показывают документы, попытки отправить его в Салоники предпринимались и позже, почти вплоть до октябрьских событий в России.

Можно утверждать, что единственное сохранившееся письмо Гумилева Ахматовой из Парижа в Петроград было отправлено в конце августа, после получения на руки бумаги с резолюцией Генштаба от 28 августа: «<u>Согласие о назначении последовало</u>». Во всех прежних публикациях письмо Гумилева датировали серединой октября 1917 года, что, исходя из его содержания, не соответствует действительности.

«Дорогая Анечка, ты, конечно, сердишься, что я так долго не писал тебе, но я нарочно ждал, чтобы решилась моя судьба. Сейчас она решена. Я остаюсь в Париже в распоряжении здешнего наместника от Временного Правительства, т.е. вроде Анрепа, только на более интересной и живой работе. Меня наверно будут употреблять для разбора разных солдатских дел и недоразумений. Через месяц наверно выяснится, насколько мое положение здесь прочно. Тогда можно будет подумать и о твоем приезде сюда, конечно, если ты сама его захочешь. А пока я еще не знаю, как велико будет здесь мое жалованье. Но положение во всяком случае исключительное и открывающее при удаче большие горизонты.

Я по-прежнему постоянно с Гончаровой и Ларионовым, люблю их очень. Теперь дело: они хотят ехать в Россию, уже послали свои опросные листы, но все это очень медленно. Если у тебя есть кто-нибудь под рукой из мин‹истерства› иностр‹анных› дел, устрой, чтобы он нашел их бумаги и телеграфировал сюда в Консульство, чтобы им выдали поскорее [новые] паспорта[1661] [вместо просроченных на право проезда в Россию]. Их дело совершенно в порядке, надо только его ускорить.

Я здоров и доволен своей судьбой. Дня через два завожу постоянную комнату и тогда напишу адрес. Писать много не приходилось, все бегал по разным делам.

Здесь сейчас Аничков[1662], Минский, Мещерский[1663] (помнишь, бывал у Судейкиных[1664]). Приезжал из Рима Трубников[1665].

Целуй, пожалуйста, маму, Леву и всех. Целую тебя.

Всегда твой

Коля.

Когда Ларионов поедет в Россию, пришлю с ним тебе всякой всячины из Galerie Lafayette»[1666].

Оригинал письма написан черными чернилами на трех сторонах сложенного вдвое листа белой бумаги; на с.4 — приписка Ахматовой для матери Гумилева, Анны Ивановны:

«Милая Мама, только что получила твою открытку от 3 ноября. Посылаю тебе Колино последнее письмо. Не сердись на меня за молчание, мне очень тяжело теперь. Получила ли ты мое письмо?

Целую тебя и Леву.

Твоя Аня».

Письмо шло в Россию около двух месяцев, что для военного времени, с учетом сложного пути, сначала морем через Лондон, Скандинавию, и далее поездом до Петрограда (с учетом обязательной проверки военной цензурой), — не так уж долго. Обнаруженное Юрием Топорковым письмо Гумилеву от Анны Энгельгардт[1667] из Петрограда в Париж добиралось более полугода, с декабря 1917-го по июнь 1918 года, и адресата уже не застало.

Доказательство того, что письмо отправлено в конце августа (или самом начале сентября) — слова Гумилева: «… я нарочно ждал, чтобы решилась моя судьба. Сейчас она решена. Я остаюсь в Париже». Письмо несомненно было отправлено не позже начала сентября, когда Гумилев вместе с Раппом почти на месяц покинули Париж и до конца сентября оставались в восставшем лагере Ля Куртин, после чего он никак не мог написать в будущем времени — «меня наверно будут употреблять для разбора разных солдатских дел и недоразумений». Употребили, и как говорится, — по полной программе!

Видимо, вопрос о приезде Ахматовой в Париж обсуждался до отъезда Гумилева из Петрограда. По крайней мере, еще в середине августа она не исключала такой возможности, замечая, например, в письме к Михаилу Лозинскому от 16 августа 1917 года из Слепнева: «...буду ли я в Париже или в Бежецке, эта зима представляется мне одинаково неприятной. Единственное место, где я дышала вольно, был Петербург. Но с тех пор, как там завели обычай ежемесячно поливать мостовую кровью граждан, и он потерял некоторую часть своей прелести в моих глазах»[1668]. Но уже в октябре она оставила эту мысль, о чем свидетельствует письмо знавшего Гумилева и преподававшего ему немецкую филологию филолога-германиста Петербургского университета А.А. Смирнова; 24 октября 1917 года он писал В.М. Жирмунскому: «Мы с Котей ‹*Константином Мочульским*› были недавно у Ахматовой, кот‹орая› еще здесь. Она слегка хворает. Подарила нам по книжке “Белой Стаи”. Говорили о ее стихах и вспоминали тебя. Гумилев в Париже и зовет ее туда, но она не хочет и скоро едет на зиму в деревню»[1669]. Скорее всего, этот визит к Ахматовой состоялся после получения ею письма от Гумилева.

Прошло чуть более двух месяцев с момента отправки письма (и вряд ли более пары недель с момента его получения), как необходимость исполнять поручение, касающееся приезда в Россию Гончаровой и Ларионова, отпала сама собой: художники приняли решение остаться в Париже. Естественно, не состоялась и передача через Ларионова модных вещичек одного из крупнейших в Париже магазинов Galerie Lafayette.

Письмо было, скорее всего, послано из отеля «Galilée», где по-прежнему жил Гумилев. Фраза о том, что «дня через два завожу постоянную комнату и тогда напишу адрес», видимо, вызвана скорым отъездом в Ля Куртин, и, скорее всего, чтобы не платить за гостиничный номер, Гумилев выехал из отеля. На самом деле, много позже, в ноябре или декабре 1917 года, он перевез многие свои вещи к адвокату Александру Цитрону.

Что же касается фразы — «писать много не приходилось, все бегал по разным делам», то здесь Гумилев, надо думать, слегка слукавил, умолчав о том, что большая часть стихотворений, посвященных «Синей звезде», была написана летом 1917 года. Почти все они лишены каких бы то ни было конкретных деталей: невозможно сказать, где именно они написаны и при каких обстоятельствах. Лишь иногда Гумилев называет имя своей возлюбленной («и всю ночь я думал о Елене…»), воспроизводит ее поэтический образ («я наконец так сладко знаю, что ты — лишь синяя звезда»), намекает на ее черты («девушка с газельими глазами», «девушка с огромными глазами»). Почти все стихи — только о любви, точнее — о тоске по любви: «Лишь томленье вовсе недостойной, / Вовсе платонической любви», «Смертной скорбью я теперь скорблю, / Но какой я дам тебе ответ, / Прежде чем ей не скажу “люблю” / И она мне не ответит “нет”». «Но вместо женщины любимой / Цветок засушенный храню».

И все-таки в одном стихотворении Гумилев собрал собственные поэтические образы разных лет и в «благословенный вечер» привел «своих друзей» к дому парижской возлюбленной, указав почти точный ее адрес — «к тупику близ улицы Декамп» (Rue Decamps):

В этот мой благословенный вечер
Собрались ко мне мои друзья,
Все, которых я очеловечил,
Выведя их из небытия.

Гондла разговаривал с Гафизом
О любви Гафиза и своей,
И над ним склонялись по карнизам
Головы волков и лебедей.

Муза Дальних Странствий обнимала
Зою, как сестру свою теперь,
И лизал им ноги небывалый,
Золотой и шестикрылый зверь.

Мик с Луи подсели к капитанам,
Чтоб послушать о морских делах,
И перед любезным Дон Жуаном
Фанни сладкий чувствовала страх.

И по стенам начинались танцы,
Двигались фигуры на холстах,
Обезумели камбоджианцы
На конях и боевых слонах.

Заливались вышитые птицы,
А дракон плясал уже без сил,
Даже Будда начал шевелиться
И понюхать розу попросил.

И светились звезды золотые,
Приглашенные на торжество,
Словно апельсины восковые,
Те, что подают на Рождество.

«Тише крики, смолкните напевы!» —
Я вскричал — «И будем все грустны,
Потому что с нами нету девы,
Для которой все мы рождены».

И пошли мы, пара вслед за парой,
Словно фантастический эстамп,
Через переулки и бульвары
К тупику близ улицы Декамп.

Неужели мы Вам не приснились,
Милая с таким печальным ртом,
Мы, которые всю ночь толпились
Перед занавешенным окном[1670].

Заметим, что улица Декамп (*правильнее — Декам, или Декан*) располагается в том же 16-м аррондисмане, где жил Гумилев, недалеко от площади Трокадеро, почти напротив Эйфелевой башни. О встречах там Гумилева с Е.К. Дюбуше, со слов Гумилева, рассказывала Ирина Одоевцева своей подруге Софье Иваницкой в Париже в 1980-х годах[1671]. По словам Одоевцевой, они чаще всего встречались в одноименном кафе «Декам», располагавшемся на той же улице: «...однажды я даже поехала туда, чтобы увидеть, где Гумилев встречался со своей возлюбленной и писал:

Я вырван был из жизни тесной,
Из жизни скудной и простой,
Твоей мучительной, чудесной,
Неотвратимой красотой.

И умер я… и видел пламя,
Невиданное никогда:
Пред ослепленными глазами
Светилась синяя звезда[1672].

Ее лицо освежает улыбка, как всегда при упоминании имени, ставшего ей дорогим… — Броселиана, — нараспев говорит она, — так назвал он родину Синей звезды. Здесь царствовал Мерлин, сын лесной непорочной Девы и Дьявола. — А почему же ты не включала эту историю в книгу? — Вначале мне думалось, что эта история в жизни Гумилева не была такой важной. Но потом я пожалела, что не написала о ней, поняв, что он мог прожить “не гибельную” судьбу. Он мог остаться жить в Париже. Никакого заговора, любовь и поэзия. В то время он усердно занимался французскими народными песнями, а в 1923 году они были изданы в Берлине…»

В комментариях к сборнику «Фарфоровый павильон» Глеб Струве пишет, что Гумилев и Елена Дюбуше жили на разных берегах Сены[1673]. На самом деле, все парижские адреса Гумилева 1917 года и размещения основных служб Русской военной миссии, где он бывал, располагались в районе Елисейских Полей и Триумфальной арки, на правом берегу Сены. На левом берегу Сены, в районе Монпарнаса, Гумилев жил во время своего первого пребывания в Париже в 1906–1908 годах. Он останавливался на левом берегу, на улице Бонапарт, 10, когда приезжал в Париж в 1910 году с Ахматовой, сразу после свадьбы[1674].

В 1917 году Ахматова ждала письма от мужа из заграницы. 22 июля она написала Лозинскому из Слепнева: «Милый Михаил Леонидович, вот я уехала и ничего не знаю. Вышла ли книга; нет ли мне письма от Коли в редакции ‹…› Жду от Вас разных новостей. Ваш друг Анна Ахматова»[1675]. До этого она уже получила письмо Гумилева, посланное из Лондона в июне (ПСС-8. № 166). Недавно стало известно, что сохранилось, по крайней мере, два ответных письма Ахматовой. Одно из них упоминает в своих воспоминаниях полковник 5-го гусарского Александрийского полка С.А. Топорков: «Во второй половине 1917 года Гумилев находился в Русском экспедиционном корпусе во Франции. По-видимому, он собирался на Салоникский фронт, о чем свидетельствует письмо его жены А. Ахматовой, адресованное в Салоники, в Русский экспедиционный корпус. Известно также, что в Салоники он не поехал, а оставался в Париже. Сохранилось также прошение Гумилева о принятии его на службу в американскую армию простым солдатом. Об этом прошении, равно как и о письме А. Ахматовой в Салоники, мне сообщил в 1931 году г-н Я. Бидерман[1676], собиравший материалы по биографии Н.С. Гумилева и живший в то время в Берлине»[1677]. Надолго затерявшаяся коллекция Бикермана была недавно приобретена у его дочери Центром Русской культуры в Амхерсте, США. (Некоторые материалы из нее представлены в Приложении 6, другие приведены в тексте.)

В письме к Ахматовой Гумилев оговаривается: «...пока я еще не знаю, как велико будет здесь мое жалованье». Только после 1 сентября Гумилеву было наконец-то выплачено причитающееся ему жалованье, которое он не получал уже четыре месяца! Сохранился «**Расчет** на выдачу чинам Тылового Управления Русских войск во Франции жалованья и добавочных денег за август и столовых и на представительство за сентябрь месяц 1917 года. Составлен: 19 августа/1 сентября 1917 г. № 86, Париж»[1678]. Далее следует ведомость, в виде широкой таблицы, содержание которой мы приводим по «столбцам», для строки, относящейся к Гумилеву.

(1) Основание — общая запись для всех лиц: Штат Тылового Управления и Положение Военного Совета от 18 мая 1917 г.

(2) Кому выдаются деньги: Обер-офицеру для поручений при Комиссаре Временного Правительства Прапорщику Гумилеву.

(3) Жалованье и добавочные: Жалованье с 1 мая по 1 сентября из оклада 61 р. и добавочных за то же время из оклада 10 руб. в месяц, с 50% надбавкой (аттестат за № 8354 и приказ по Русским войскам во Франции № 51, § 1); всего — 426 руб.

(4) Столовых — стоит прочерк, так как столовые Гумилеву не полагались.

(5) На представительство — стоит прочерк, так как и «на представительство» ему не полагалось.

(6) ВСЕГО: 426 руб.

(7) Удерживается в выдаче на руки — стоит прочерк, ничего с Гумилева не удерживалось.

(8) Подлежит к выдаче на руки: 426 руб. или 1136 франков.

(9) Расписка в получении денег: проставлена расписка-автограф — «Тысячу сто тридцать шесть франков получил прапорщик Гумилев». То есть его жалованье составляло 61 рубль в месяц; 10 руб. добавочных полагалось ему как семейному офицеру; еще 50% или 36 руб. 50 коп. надбавки за службу в отряде. Общее жалованье Гумилева составляло 106 руб. 50 коп. в месяц, что в переводе на французские деньги соответствовало 284 франкам.

Сохранилось еще несколько аналогичных ведомостей за последующие месяцы, которые свидетельствуют, что его жалованье за время службы во Франции, вплоть до расформирования всех Русских военных учреждений в начале 1918 года, не менялось. Сама по себе полученная за четыре месяца сумма выглядит достаточно солидной. Но, во-первых, — это **за четыре месяца**. Не думаю, что Гумилев отправлялся в мае из Петрограда, прихватив с собой значительную сумму денег. Предполагаю, что некоторое время, вплоть до конца августа, он должен был жить — «в долг». А во-вторых, все относительно: судя по ведомости, Гумилев получал в месяц меньше всех других сослуживцев, многие из которых только за август получили больше, чем Гумилев за весь этот период. Например, начальник Тылового управления полковник Карханин — 1328 руб.; штаб-офицер подполковник Симинский — 852 руб.; помощник начальника полковник Кручинин — 1271 руб. Причем отличие заключалось не столько в самом жалованье, сколько в том, что всем офицерам, кроме Гумилева, полагались «столовые» и «на представительство», и эти суммы заметно превышали основное жалованье. Справедливости ради напомним, что Занкевич назначил Гумилеву дополнительные деньги: «Прапорщику Гумилеву производить сверх содержания суточные деньги в размере по тридцать франков в сутки, считая таковые с 24-го июля с. г. (нов. ст.), т.е. со времени фактического нахождения в распоряжении г. комиссара». Трудно сказать, насколько всех получаемых денег хватило бы Гумилеву на содержание в Париже еще и жены, однако вопрос этот вскоре отпал сам собой.

Накануне Раппу также были выданы деньги[1679], но это были деньги на содержание Комиссариата и на канцелярские расходы: «Приказ по Тыловому Управлению № 22 от 17/30 августа 1917 г. Занкевич приказал выдать Раппу 5000 франков (по док. № 319) + 478 (канц. и прогонные)». Впервые имя Раппа в общей ведомости на получение жалованья появилось в конце октября 1917 года. Весь штат Раппа состоял из трех человек, включая его самого, офицера для поручений Гумилева и писаря, унтер-офицера Александра Евграфова. Самым напряженным месяцем службы оказался наступивший сентябрь, определивший дальнейшую судьбу как Военного комиссара Временного правительства с состоявшими при нем двумя помощниками, так и тысяч солдат и офицеров, составлявших контингент русских войск как во Франции, так и в Македонии.

Сентябрьские события в лагере Ля Куртин

Уже в конце августа стало очевидно, что волнения в лагере Ля Куртин мирно разрешить не удастся. Как было сказано, скорее всего, до начала 20-х чисел августа Рапп с Гумилевых находились в лагере Курно, куда перевели условно «лояльную» 3-ю Особую бригаду. Надо было уговорить ее Отрядный Комитет участвовать в переговорах в лагере Ля Куртин, а в случае необходимости направить часть солдат отряда для совместных действий при осуществлении военной акции.

Конечно, Рапп мог после 20 августа отправить Гумилева в Париж, но, как мне представляется, «офицер для поручений» всегда должен был находиться при комиссаре. Ведь помимо ведения переговоров, чем занимался в основном сам Рапп, приходилось постоянно погружаться в «бумажные дела», которые ложились на плечи поэта. 21 августа президиум Отрядного комитета, в ответ на полученную от Раппа телеграмму, объявляет: «Комитетам всех полков. Комиссар временного Правительства Рапп желает видеть и говорить с президиумом полковых и председателями ротных комитетов, почему Отрядный Комитет и просит их пожаловать в помещение Комитета сегодня 8-го (ст. ст.) августа к 4 часам дня. Президиум»[1680]. На следующий день, в протоколе заседания Отрядного Комитета от 9/22 августа 1917 года сказано: «‹…› По п. 8. Принять внеочередное заявление пригласить Комиссара Временного Правительства к 9 ч. вечера в Отрядный Комитет для дачи объяснения о положении Ля Куртинского дела»[1681]. Создается впечатление, что миссия комиссара в лагерь Курно оказалась не слишком успешной, о чем говорит письмо Занкевичу от 13/26 августа[1682], в котором Рапп после посещения лагеря Курно жалуется, что к нему плохо отнеслись, — не было знаков внешнего внимания и почтения.

В 20-х числах августа 1917 года из России начали прибывать войска 2-й Особой артиллерийской бригады, предназначавшейся к переброске на Салоникский фронт. Командиром этой бригады был назначен генерал Беляев[1683]. Личный состав бригады включал 91 офицера и 3829 русских солдат. Сразу же по прибытии на часть этих войск была возложена тяжелая миссия по усмирению своих же мятежных войск в лагере Ля Куртин.

Среди переписки этих дней отметим очередную кляузу Военного Агента, графа А.А. Игнатьева, не привлеченного к текущим горячим делам. Связано это было, видимо, с приведенным выше, полученным Раппом 11 августа письмом из Отрядного Комитета о провокационной роли Игнатьева. Попутно отметим, что согласно датированным этими же числами документам[1684] Игнатьев располагал солидным штатом в 14 человек. Именно среди его сотрудников числился ротмистр Ивченко, он же — балетный критик Светлов. 29 августа Игнатьев доложил в Петроград: «№ 1590 от 16/29 августа 1917. ‹…› В течение трех лет войны я пользовался самостоятельностью, но в интересах пользы своей Родине готов стать в подчиненное положение в должности начальника штаба представителем, но при этом полагал бы необходимым, чтобы избранный Временным Правительством представитель обладал бы соответствующим личным и служебным положением и согласился бы иметь меня своим начальником штаба, и тем самым облек бы меня своим полным доверием, которого у генерала Занкевича при наличии оставления в его распоряжении, против моего совета ему, я при всем желании по-видимому иметь не могу. Подробности рапортует курьер. Париж, вторник, Игнатьев»[1685]. При этом он мелочно сводит счеты с Занкевичем. В этот же день он сообщает в Салоники о задержке в Париже, с разрешения Занкевича, ротмистра Тимрота (телеграмма № 1607 от 16/29 августа[1686]). Но так как ротмистра направили в его подчинение, он на следующий же день информирует Петроград: «Телеграмма от 19 августа/ 1 сентября 1917 г. Исх. № 1631. Сообщаю об отправке поручика Тимрота, ранее задержанного Занкевичем, в Салоники. Игнатьев»[1687]. Не повезло

ротмистру. Думаю, что такая же судьба могла ждать и Гумилева, если бы он работал, как утверждает «профессиональный контрразведчик Василий Ставицкий», в военном атташате графа Игнатьева.

Заметим при этом, что сам граф в мемуарах совершенно иначе излагает причину своего неучастия в Куртинских событиях: «В начале сентября совершенно неожиданно, после длительного перерыва, Занкевич и Рапп, вернувшись из лагеря в Париж, пригласили меня на совещание о наших войсках и предложили мне сопровождать их в Ля Куртин для предъявления солдатам "последнего", как они выразились, "ультиматума". В чем заключалась эта странная, заимствованная из дипломатического словаря форма обращения к солдатам, они так мне и не объяснили, но настаивали, что едут на этот раз "по соглашению с французским правительством". Из этого я заключил, что, привлекая меня к этому делу, они пытаются придать своему "ультиматуму" возможно более законную форму. На военного агента, как на дипломатического представителя, было бы, кроме того, удобно свалить любое недоразумение с местными французскими властями»[1688]. На это предложение последовал благородный отказ истинного защитника интересов русских солдат: «Для спасения русской военной чести, омраченной раздорами в нашей дивизии, я готов отправиться лично в лагерь и переговорить с солдатским комитетом. Ехать же при вас и повторять лишний раз все уже давно сказанные солдатам слова — отказываюсь».

Между тем события в Ля Куртин развивались. 3 сентября свою делегацию в лагерь направил Отрядный Комитет 3-й бригады, располагавшейся в Курно[1689]. Гумилевым накануне, по поручению Раппа, был подготовлен приказ по Русским войскам во Франции № 58, объявленный Занкевичем в этот же день. Текст приказа приводится по черновику, написанному Гумилевым:

«Приказ № 58 от 21 августа/3 сентября 1917 г. Объявляю приказ комиссара Временного Правительства и Исполнительного Комитета.

I. При посещении мною дивизии я убедился, что, несмотря на появление в приказе более месяца тому назад телеграммы Военного министра о моем назначении, войска, не исключая, к сожалению, и командного состава, не уяснили себе роли и значения Комиссара Временного правительства при войсках. Считаю долгом поэтому разъяснить, что Комиссар является лицом, облеченным особым доверием Временного правительства и Исполнительного комитета Совета Солдатских и Рабочих депутатов и носителем их власти. В связи с этим полномочия его распространяются на все отрасли военного управления и военной жизни, за исключением одних только оперативных (боевых) распоряжений командного состава.

II. Одною из первейших забот комиссара является поддержка и развитие только что введенных демократических органов самоуправления; поэтому последние могут во всякое время, минуя строевое начальство, обращаться непосредственно ко мне со всеми своими нуждами и пожеланиями, разумеется, не выходящими за пределы полномочий. В исключительных случаях этим же правом могут пользоваться и отдельные военнослужащие.

III. Считаю, что в военное время посвящать на боевую подготовку всего два часа в сутки недостаточно. Надо помнить, что Ваши товарищи на русском фронте, обставленные материально во много раз хуже, чем вы, почти не знают отдыха. *(Этот пункт не вошел в объявленный приказ, видимо, он был вычеркнут Занкевичем из этических соображений, чтобы не вызвать новых волнений).*

IV. Считаю долгом выразить от имени Временного правительства благодарность полковнику Готуа и всему составу командуемого им полка за отличное состояние части, а также бодрое и добросовестное производство занятий.

Подписал Евгений Рапп»[1690].

Написанный Гумилевым и отредактированный Раппом приказ был послан Занкевичу на утверждение. Одновременно Рапп просил Занкевича «принять какие-либо меры для внушения командному составу истинного понятия о роли комиссара и надлежащего по этому поведения по отношению к нему»[1691].

В день объявления этого приказа, 3 сентября, Занкевичем с Раппом был составлен предварительный «План действий» по приведению к повиновению лагеря Ля Куртин[1692]:

4 сентября	Прибытие в Обюссон батареи из Оранжа и депутации из Курно.
5, 6, 7, 8 сентября	Подготовка отряда.
7 сентября	Отправка депутации из Обюссона в Куртину.
9 сентября	Вечером депутация сообщает генералу Беляеву окончательные результаты переговоров.
9 сентября	Переход отряда из Обюссона на место. (Занятие заранее намеченных пунктов. Занятие французскими войсками исходного положения для тесной блокады. Передача приказа о безусловном подчинении Временному Правительству к 10 ч. утра 10 сентября.
10 сентября	10 ч. утра начало ультиматума, тесная блокада и прекращение всякого подвоза.
11 сентября	10 ч. утра. Действие войск оружием.

Реальные сроки в дальнейшем несколько сдвинулись, но в целом был реализован именно этот план. С этим планом, видимо, уже на следующий день Рапп с Гумилевым выехали в Ля Куртин. Надо сказать, что разброд в войсках царил не только во Франции, но и на Русском фронте. Как раз 4 сентября в Париже была получена телеграмма из Ставки о положении на фронтах летом 1917 года: «Телеграмма от 22.8/4.9 1917 г. ‹…› В июне было наступление в России на юго-западном фронте (Броды — Станиславов), с 16 июня. 11 и 7 Армии атаковали в направлении ‹…› на Львов. 16 июля — прорыв противником юго-западного фронта. ‹…› Наступление, начатое в середине июня (Галиция и Буковина), к 1-м числам июля замерло, главным образом по причинам морального порядка. 6 июля Австро-Германия начала свое наступление в Галиции (на Тарнополь) и прорвала фронт 11 Армии. "Наши войска, обнаружив полную небоеспособность, массами уходили с позиций"». К 18 июля они очистили Галицию от наших войск. С 15 июля — удар по 8 армии, отходившей между Днестром и Прутом. К 21 июля 8-я Армия очистила Буковину, оставив Черновцы, а 1-я Армия уже располагалась на территории Румынии. 19 августа немцы начали операцию в Рижском районе. 21 июля мы оставили Ригу, утром взорвали верфи Усть-Двинска. Быстрый успех противника, несмотря на то, что план его давно был известен и меры по сосредоточению были приняты, следует объяснить исключи-

тельно потерей нашей армией боеспособности и стойкости по известным вам причинам»[1693].

Причины всем были известны, а бороться с ними было сложно как в России, так и во Франции. Именно здесь, в Ля Куртин, в сентябре 1917 года состоялась генеральная репетиция того, что охватило всю Россию через год — Гражданской войны. Напомню также, что события в Ля Куртин происходили одновременно с так называемым Корниловским мятежом, направленным на недопущение прихода к власти большевиков[1694].

Еще в Париже Гумилевым была принята телефонограмма от генерала Война-Панченко (в архиве сохранился его автограф записи этой телефонограммы): «Телефонограмма Генералу Занкевичу. В 6 ч. 20 м. передал Кочубей, принял Гумилев. Генерал Дюпор сообщил мне, что сегодня утром им сделано распоряжение о том, что перевозка 4-х батальонов и 2-х пулеметных рот из Курно в Мас д'Артит началась не позже сегодняшнего вечера, и он просит Вам доложить, что по его расчету все эшелоны будут выгружены в четверг днем (*это — 6 сентября по н. ст.*). Из Петрограда нет ничего. Курьер выехал сегодня с очередными бумагами. Генерал Война-Панченко»[1695]. Речь в телефонограмме шла о переброске из лагеря Курно части войск «лояльной» 3-й бригады в помощь артиллерийской бригаде командующего всей операцией генерала Беляева. О назначении двух пулеметных рот сказано в приказе по войскам № 61 от 24.8/6.9 1917 года: «‹…› Назначаются 2 пулеметные роты для приведения в покорность солдат лагеря Ля Куртин. Роты будут переведены в Обюссон, в распоряжение генерал-майора Беляева»[1696]. В тот же день, 6 сентября, по войскам был объявлен ультимативный приказ, определивший дальнейшее развитие событий: «Приказ по русским войскам во Франции № 62 от 24 августа/6 сентября 1917 г. Париж. Приказываю солдатам лагеря Ля Куртин сдать Французским властям оружие и, изъявив полную покорность, безусловно подчиниться моим распоряжениям. Все солдаты Ля Куртин, не подчинившиеся указанным выше требованиям к 10 ч. утра сего 28.8/10.9, согласно приказу Временного Правительства, считаются изменниками Родины и Революции — лишаются: а) права участия в выборах в Учредительное Собрание; б) семейные лишаются пайка; в) всех улучшений и преимуществ, которые будут дарованы Учредительным Собранием. Находящиеся в Ля Куртин войсковые чины, привлеченные следственной комиссией в качестве обвиняемых, которые добровольно подчинятся указанным выше требованиям, будут судиться Отрядным судом. Все же, принужденные к повиновению силой оружия, а также все, оказавшие какое-либо активное сопротивление исполнению выше перечисленного распоряжения, будут преданы Военно-Революционному суду. С 28 августа (10 сентября) я прекращаю отпуск продовольствия солдатам Ля Куртин. В случае дальнейшего неповиновения солдат Ля Куртин, с 10 ч. утра 29 августа/11 сентября я начну действовать против них оружием. Подлинник подписали: Представитель Временного Правительства Генерал-майор Занкевич и Комиссар Временного Правительства и Совета Солдатских и Рабочих депутатов Евг. Рапп»[1697].

На следующий день, уже из Ля Куртин, Рапп отправил Занкевичу в Париж телеграмму: «25.8/7.9 1917. Ход операции на один день запаздывает вследствие запаздывания приезда делегации из Курно»[1698]. 8 сентября в лагерь прибыла депутация артиллерийской бригады, о чем свидетельствует еще один автограф Гумилева: «8 сентября н. ст. Депутации 2-й Особой Артиллерийской бригады. Сим уполномочиваю депутацию 2-й Особой Артиллерийской Бригады в составе 6-ти офицеров и 30 солдат вести переговоры с солдатами лагеря Ля Куртин в пределах выработанных условий и сроков с целью склонить названных солдат к повиновению Временному правительству и к исполнению всех распоряжений представителя Временного правительства Генерал-майора Занкевича и моих. Подпись: Комиссар Евг. Рапп. С подлинным верно: Прапорщик Гумилев»[1699]. Одновременно, обращаясь к председателю депутации, в написанной Гумилевым записке Рапп уточняет: «Доверительно. Подпоручику Гагарину, председателю депутации 2-й Особой артиллерийской бригады. План работ депутации. Отправка депутатов в лагерь Ля Куртин. Депутация поддерживает все время связь с Комиссаром и высшим командным составом, от которых в случае непредвиденных обстоятельств получает указания и разъяснения. Депутация делает полный доклад о результатах своей работы. В исключительных случаях действие переговоров депутации может быть продолжено до вечера 11 сентября. Комиссар Е. Рапп. С подлинным верно: Прапорщик Гумилев»[1700]. Переговоры ни к чему не привели, а 9 сентября в расположение лагеря Ля Куртин прибыл из Парижа генерал Занкевич для того, чтобы лично принять участие в восстановлении порядка в лагере. Этим числом датированы записанные Гумилевым две его телефонограммы: «Телефонограмма Генерала Занкевича генералу Комби. Генерал Беляев послал план действий № 1. Резолюция генерала Занкевича. С планом расположения войск согласен, но полагаю, что для сдачи оружия лучше не стягивать всех солдат в одну группу. Лучше собрать их в четыре группы по полкам, подготовив немедленное окружение наших и французских войск, имея в виду, что по сдаче оружия последуют аресты. 298. Генерал Занкевич». «Телефонограмма № 2 Генерал Занкевич генералу Комби. Утром я приезжал в район лагеря Ля Куртин. Ведение операции для усмирения лагеря Ля Куртин. Прошу Вас не отказать в отдаче по соглашению с генералом Беляевым необходимых предварительных распоряжений для осуществления принятого нами плана действий в намеченное время. 1913 Занкевич»[1701].

Лагерь Ля Куртин располагался на окраине городка Ля Куртин. Весь прибывавший офицерский состав размещался в городской гостинице «Терминюс» («Terminus Hotel»), там же жили и офицеры 1-й бригады. Здание гостиницы было сожжено во время войны в 1944 году[1702].

В этот же день, 9 сентября, Занкевичем была получена телеграмма из Петрограда, которая могла бы существенно изменить ситуацию: «Телеграмма Генералу Занкевичу от Генерала Потапова. Военный министр приказал вывезти войска из Франции в Россию. Благоволите войти в сношение с Французским Правительством относительно тоннажа для их перевозки. О последующем благоволите телеграфировать. За Нач. Гл. Штаба Потапов. 36877»[1703]. Как следует из приведенного ниже рапорта Гумилева, приказ этот был доведен до непокорных солдат лагеря Ля Куртин. Одновременно Занкевичем был объявлен следующий приказ: «Приказ № 64. Получен приказ Временного Правительства о возвращении войск в Россию. Исполнение его потребует много времени»[1704]. Как видно из полученной телеграммы, Временное правительство отказалось от планов дальнейшего использования размещенных во Франции войск и тем самым удовлетворяло главное требование бунтующих солдат — возвращение на Родину. Однако даже этот, казалось столь весомый, аргумент не произвел на них никакого впечатления. Разложение зашло слишком далеко. Да и, как выяснилось позже, реализовать этот приказ в условиях войны не было никакой

возможности. На текущий ход событий в Ля Куртин приказ из Петрограда, увы, никак не повлиял.

В последующие дни наступило некоторое затишье, срок ультиматума был продлен до утра 16 сентября. Эта отсрочка была по-разному воспринята противостоящими сторонами. В мятежном лагере решили, «что у начальства нового нет власти той, какая раньше у царя была. Оно способно лишь грозить да уговаривать без толку»[1705]. В войсках же усиленно готовились к операции по усмирению. В последней попытке договориться с мятежным лагерем участвовал Гумилев.

Вот как описывается, естественно без упоминания имени, его участие в переговорах в книге Д.У. Лисовенко «Их хотели лишить Родины», где довольно точно изложена последовательность событий 15 сентября, накануне обстрела: «В 16 часов состоялась встреча членов Куртинского Совета с военным комиссаром. Рапп на этот раз не решился приехать в лагерь. Он прислал офицера с извещением о том, что он, представитель Временного правительства, ожидает руководителей 1-й бригады на границе лагеря и местечка Ля Куртин. Председатель Совета Глоба[1706] и члены Совета Смирнов, Ткаченко и автор этих строк в сопровождении офицера отправились на место встречи, указанное Раппом, где он их и ожидал. — Господин комиссар, — обратился к Раппу Глоба, — члены Куртинского Совета по вашему приглашению прибыли. Будем очень рады, если услышим от вас новое предложение, приемлемое и для вас и для нас»[1707]. Далее следует многословный рассказ Лисовенко о речи Раппа и о вручении последнего ультиматума представителей Временного правительства. Это же подтверждает и Малиновский: «Встречался с отрядным комитетом и комиссар Рапп. Он передал очередной ультиматум Временного правительства. В нем — прежние требования, ни малейшего намека на какие бы то ни было уступки... Теперь ультиматум устанавливал точный срок, по истечении которого, если лагерь не сдастся, будет открыт огонь, — 16 сентября...»[1708] Об ультиматуме было сказано выше, а нас здесь интересуют свидетельства о посещении лагеря накануне штурма офицером «при Раппе». Этим офицером мог быть только Николай Гумилев.

В архиве сохранилось не так много разрозненных документов, описывающих дальнейший ход событий, когда восстание было подавлено силой. Информативно интересными выглядят записи дневника боевых действий со стороны 2-й Особой артиллерийской бригады генерала Беляева, командовавшего всей военной операцией по подавлению восстания[1709]. В них лаконично перечисляются основные события за весь этот трагический период. К ним полезно обращаться для проверки других источников. Но начальству в Петрограде требовался подробный отчет, и министр иностранных дел М.И. Терещенко, после того как все завершилось, обратился к Занкевичу, запросив у него, «ввиду предполагаемого опубликования официального сообщения о волнениях в наших войсках во Франции и неполноты сведений по этому вопросу ‹…› срочно телеграфировать краткий хронологический обзор означенных беспорядков, принятых против мятежников мер и достигнутых результатов»[1710]. Такой документ был подготовлен и отправлен в столицу. Он представляет особый интерес: первоначальный вариант его был составлен непосредственным участником всех событий — Николаем Гумилевым. В архиве сохранился написанный его рукой черновик этого документа[1711]. Записи Гумилева иногда чередуются с фрагментами, вписанными другой рукой, видимо, Занкевича или Раппа. Подготовленное по этому черновику официальное послание вышло за подписью генерала Занкевича. Сохранился и перепечатанный на машинке, слегка отредактированный и расширенный вариант этого документа, с рукописными вставками, возможно, рукой Гумилева, с некоторыми разночтениями[1712]. Хотя документ этот ранее публиковался[1713], приведем его здесь полностью, с исправлением ошибок и восстановлением ряда существенных пропусков из машинописного экземпляра. В документе дано не только описание событий в Ля Куртин, но и делается попытка анализа тех причин, которые к ним привели. Так как он предназначался для отправки в Россию, все даты в оригинале приведены по старому стилю. Ниже они заменены датами по новому стилю, как во всем остальном тексте. Вот полный текст подготовленного Гумилевым хронологического обзора:

«С получением известий о произошедшей революции в Париже возник ряд русских газет самого крайнего направления[1714]. Газеты, а также отдельные лица из эмиграции[1715], получив свободный доступ в солдатскую массу, повели в ней большевистскую ленинско-махаевскую пропаганду[1716], давая даже зачастую неверную информацию, почерпнутую из отрывочных телеграмм французских газет. При отсутствии официальных известий и указаний все это вызвало брожение среди солдат. Последнее выразилось в желании немедленного возвращения в Россию и огульной враждебности к офицерам[1717]. По поручению военного министра Керенского эмигрант Рапп 31 мая выехал к войскам, где обошел отдельные части, вводя в них новые организации в согласии с приказом 213[1718]. Однако брожение не прекращалось. Им руководил 1-й полк, исполнительный комитет которого[1719] начал выпускать бюллетени ленинского с оттенком махаевского направления. 1 июля по желанию солдат войска были собраны из различных деревень в лагерь Ля Куртин. Здесь начались митинги, на которых первый полк и его вожаки стремились захватить главную роль. Только что созданный отрядный комитет, составленный из наиболее развитых и сознательных солдат[1720], парировал насколько мог разрушительную работу 1-го полка, успокаивая брожение и призывая солдат к нормальной жизни на основе ныне введенных в армию демократических начал. Опасаясь возрастающего влияния отрядного комитета, руководители 1-го полка в ночь с 6 на 7 июля собрали митинг, на котором кроме 1-го полка присутствовал почти весь 2-й и небольшие части 5-го и 6-го полков. На этом митинге отрядный комитет был объявлен низложенным, хотя он был избран всего две недели тому назад. Одновременно с этим приказание начальника дивизии о выходе на занятия не было исполнено солдатами 1-й бригады. Воззвание, выпущенное ими, поясняло, что заниматься не имеет смысла, так как решено больше не воевать. Тем временем враждебные отношения между первой и второй бригадой[1721] начали угрожать острым конфликтом. Сами солдаты второй бригады настойчиво просили отделить их от мятежной первой, грозя в противном случае самовольно покинуть лагерь. Поэтому генералом Занкевичем, прибывшим в лагерь вместе с уполномоченным Военного Министра гражданином Раппом, по соглашению с последним отдано приказание[1722], чтобы солдаты, безусловно подчиняющиеся Временному правительству, покинули лагерь Ля Куртин, захватив с собою все снаряжение. 8 июля приказание это было исполнено, и в лагере остались солдаты, подчиняющиеся Временному правительству "лишь условно"[1723]. Крайне враждебное отношение этих солдат к офицерам, дошедшее до насилий над ними, принудило генерала Занкевича удалить офицеров из Ля

Куртин, оставив лишь несколько человек для обеспечения хозяйственной части. После этого по инициативе уполномоченного Военного министра гражданина Раппа к солдатам лагеря Ля Куртин неоднократно выезжали с ним вместе видные политические эмигранты, чтобы повлиять на солдат. Однако все эти попытки остались безуспешными. Назначенный комиссаром гражданин Рапп издал приказ, в котором настаивал на немедленном безусловном подчинении Временному правительству; и 4 августа комиссар Рапп выехал в Ля Куртин в сопровождении проезжавших через Париж делегатов Исполнительного комитета Русанова[1724], Гольденберга[1725], Эрлиха[1726] и Смирнова с целью сделать новую попытку повлиять на мятежников. Однако и эти попытки не привели ни к каким результатам, а делегаты Совета Солдатских и Рабочих Депутатов были встречены явно враждебно[1727]. Столь же безрезультатной была поездка в Ля Куртин временно находившегося во Франции Комиссара Временного Правительства Сватикова. Получив от Временного Правительства разъяснение, что русские войска во Франции не предполагается возвращать в Россию, а также категорическое требование привести к повиновению мятежных солдат, не останавливаясь перед применением вооруженной силы, генерал Занкевич выехал вместе с комиссаром на место и, издав приказ, где объявил об этих распоряжениях Временного Правительства, потребовал от мятежных солдат сложения оружия и в знак повиновения выйти в походном порядке в местечко Клерово. Однако требование это не было выполнено во всей полноте: вначале вышло всего около 500 человек, среди которых было арестовано 22 солдата, а затем через 24 часа еще около 6000 человек; остальные (около 2000 человек) были преднамеренно оставлены для сохранения оружия, которое сдать они не пожелали. На отдельное тогда же генерала Занкевича приказание сдать оружие по возвращении в лагерь мятежники ответили согласием, однако это приказание исполнено ими не было. Между тем оставление оружия в руках дезорганизованной толпы, среди которой несомненно скрывались провокационные элементы, представлялось явно опасным. Сложение оружия являлось основным условием для приведения этой толпы в порядок. При таких обстоятельствах и ввиду некоторой неустойчивости состояния духа части войск, оставшихся верными Временному Правительству, вследствие чего явилось сомнение в возможности применения их в качестве вооруженной силы для приведения к порядку мятежников, а также принимая во внимание, что употребление для этой цели французских войск являлось крайне нежелательным по причинам политического характера, и даже неосуществимым, решено было прибегнуть к давлению длительного характера: мятежники были переведены на уменьшенное довольствие, денежное довольствие было прекращено, выход из лагеря в соседний городок Куртин был загражден французскими постами и т. д. Меры эти вызвали подавленность духа мятежников в массе, в то же время благодаря этому усилили влияние на нее вожаков, стремящихся спрятаться за массу и растворить в ней свою ответственность. В то же время мятежные солдаты стали позволять себе насилие даже над чинами французских войск: так ими были арестованы и продержаны 6 часов французский офицер с двумя унтер-офицерами, которые по приказанию французского коменданта расклеивали в лагере телеграмму Главнокомандующего. 22 августа генерал Занкевич ездил в лагерь Ля Куртин, чтобы в последний раз попытаться убедить мятежных солдат сложить оружие; однако на его приказ вызвать представителей от рот Комитет лагеря ответил

отказом исполнить это приказание. Получив сведения о проезде через Францию 2-й Артиллерийской Особой бригады, находившейся в отличном порядке, генерал Занкевич по соглашению с Комиссаром Раппом решили воспользоваться этой частью для приведения силой оружия мятежных солдат к покорности. Командиру 2-ой Особой артиллерийской бригады генерал-майору Беляеву было поручено сформирование и командование сводным отрядом, составленным из частей вышеупомянутой артиллерийской бригады и 1-ой Особой пехотной дивизии. 9 сентября солдатам лагеря Ля Куртин было объявлено распоряжение Временного Правительства об отозвании наших войск из Франции в Россию, однако и после этого объявления мятежники упорно отказывались сдать оружие. По просьбе артиллеристов из их состава была послана к мятежным солдатам выборная депутация, которая и вернулась через несколько дней, придя к убеждению о бесполезности переговоров. Также отрицательный результат дали уговоры мятежников выборными солдатами 1-й Особой пехотной дивизии. 14-го сентября была прекращена доставка пищевых продуктов в бунтующий лагерь[1728]. Однако эта мера могла иметь только моральный характер, так как в распоряжении бунтовщиков имелись значительные запасы продовольствия. Войска заняли назначенные позиции. Боевой состав отряда был 2500 штыков, 32 пулемета, 6 орудий. За линией расположения малочисленных наших войск в полутора километрах стала линия французских войск для тесной блокады лагеря Ля Куртин. В тот же день подполковник Балбашевский[1729] передал членам комитета лагеря Ля Куртин и в толпу мятежных солдат ультимативный приказ[1730] генерала Занкевича о сложении оружия бунтовщиками, с угрозой открыть артиллерийский огонь в случае не согласия исполнить это приказание к 10 ч. утра 16-го сентября. 16-го сентября был открыт по лагерю редкий артиллерийский огонь, всего 18 снарядов, и мятежники были оповещены, что на следующий день огонь станет интенсивным ввиду того, что в ночь с 16-го на 17-е сентября сдалось только 160 человек. 17-го сентября вновь начался артиллерийский обстрел лагеря, и в 11 ½ часов утра мятежники выкинули два белых флага и начали выходить из лагеря без оружия. К вечеру вышедших оказалось около 8000 человек. Они были приняты французскими войсками. В этот день артиллерийская стрельба не производилась. Оставшиеся в лагере человек 100–150 вели сильный пулеметный огонь. Вечером в лагерь был отправлен врач с четырьмя фельдшерами для оказания медицинской помощи раненым. 18-го сентября с целью ликвидирования дела был открыт интенсивный огонь по лагерю, и наши солдаты стали продвигаться. Мятежники упорно отвечали стрельбой из пулеметов. К 9 часам 19-го сентября лагерь был занят целиком. Всего зарегистрировано вышедших из лагеря 8515 солдат. Потери наших частей: 1 убитый, 5 раненых. Мятежников: 8 убитых, 44 раненых. Среди французских войск были лишь две случайные жертвы — 1 убитый, 1 раненый. Оба почтальоны, сбившиеся с дороги и попавшие в полосу попадания пуль мятежных солдат. Таким образом Куртинский мятеж был ликвидирован нашими же войсками без какого-либо активного участия французских войск. По обезоруживании среди мятежников было произведено 81 арестован‹ие›. По выделению арестованных из остальной массы мятежников были сформированы Особые безоружные маршевые роты, из коих 2 составлены из особо беспокойных элементов, выделены и отправлены одна и другая; остальные роты оставлены в лагере Ля Куртин для выяснения виновности и степени их ответственности распоряжением

Представителя Временного Правительства и Военного комиссара в сформированную Особую следственную комиссию».

Так развивались события в лагере Ля Куртин в изложении Гумилева. Думаю, что никакого искажения фактов в этом документе нет. Безусловно, вынужденный обстрел своих же соотечественников, их гибель — это трагедия, которую при сложившихся обстоятельствах избежать вряд ли было возможно. Репетиция Гражданской войны состоялась. Но при ликвидации Куртинского мятежа еще думали о возможных потерях. Когда писал свое сочинение Лисовенко, он руководствовался устоявшимся советским принципом — чем больше назвать цифру убитых, тем будет «лучше»[1731]. И по его заключению в Ля Куртин было убито (!!!) 3000 человек! Маршал Малиновский называет хотя и завышенную (как полагалось) цифру, но не сравнимую с Лисовенко, — около двухсот человек[1732]. О том, что Гумилев приводит совершенно точные цифры потерь, говорит их полное совпадение с данными, почерпнутыми из французских архивов. Вот какие сведения, взятые из французских архивов, приводит в своей книге генерал Данилов — взгляд «со стороны»[1733]: «Для характеристики дальнейших событий, ниже приводится подлинное содержание телеграмм французского генерала Комби (Combe), командовавшего 12-м Лиможским районом, которыми он уведомлял генеральный штаб о ходе действий русского отряда по усмирению Куртинцев. ‹…› 16-го сентября: в 10 часов 4 орудийных выстрела, выпущенных по русским мятежникам. ‹…› В результате четырех выстрелов из 75 мм. орудий по русским оказалось до 20-ти раненых. Стрельба была возобновлена в 14 часов. Очень редкие артиллерийские выстрелы будут производиться вплоть до ночи. ‹…› 17-го сентября: Ночь очень деятельная. Пулеметный огонь верными войсками. Два делегата прибыли в штаб русского отряда. Заявляют о большом количестве раненых. Сдалось 200 человек. ‹…› 19-го сентября: Русские мятежники окружены. ‹…› При первом же применении силы, почти вся масса мятежников сдалась без условий, но оставшаяся горсть упорствующих подверглась обстрелу, в результате которого оказалось 8 человек убитых и 44 раненых». Как видим, полное совпадение, еще раз убеждаемся в том, что Гумилев стремился дать подлинные данные и в официальном документе. Для того чтобы окончательно в этом убедиться, ниже приведены выписки из журнала боевых действий 2-й Особой артиллерийской бригады генерала Беляева. Эти документы всегда составляются по «горячим следам» и, как неоднократно приходилось убеждаться ранее, всегда дают наиболее точную, не отредактированную для «высокого начальства» информацию. Приведенные записи охватывают период с 8-го по 19 сентября 1917 года:

«**8 сентября**: От 2-й Особой артиллерийской бригады была послана депутация — 6 офицеров и 30 солдат. Пробыли в лагере до 12 сентября.

13 сентября: Сосредоточение на 13 сентября: Clairavaux, Le Mas d'Artige, et Teniers. Занкевич и Рапп послали еще одну депутацию от 5-го и 6-го полков.

14 сентября: В 15 ч. — занять позиции (2500 штыков, 32 пулемета, 6 орудий). В 15 ч. — подполковником Балбашевским, с русским комендантом деревни Ля Куртин, вручен ультиматум.

15 сентября: Последняя попытка унтер-офицера Родина.

16 сентября: К 10 ч. утра вышло только 160 человек. После этого Беляев, Занкевич и Рапп решили действовать. В 10 ч. утра — 4 шрапнели. Всего за день выпущено 12 шрапнелей и 2 гранаты. Родин еще раз ездил в лагерь.

17 сентября: В 10 ч. утра лагерь был сильно обстрелян. (28 шрапнелей и 4 гранаты). В 11 ½ часа мятежники выкинули 2 белых флага. Огонь сразу прекратили. Угроза — выйти до 14 ч., иначе — обстрел. Массовый выход в 15 ч., много нетрезвых. Заняли юго-восточную часть лагеря — кавалерийские казармы. Осталось около 200–300 человек, которые начали стрелять. Вечером в лагерь отправился врач Зильберштейн с 4-мя фельдшерами.

18 сентября: Вернулись утром 18 сентября — 4 убитых и 39 раненых (12 — тяжелых), их вывели. В 11 ч. утра — сильный обстрел (по северной части). До 12 ч. — 100 снарядов (50 шрапнелей + 50 гранат). В 2 ч. дня заняли офицерское собрание. Опять огонь. Всего — 488 снарядов (шрапнель) и 79 гранат.

19 сентября: С 15 ч. 18 сентября по утро 19 сентября сдалось 53 мятежника, включая унтер-офицера Глобу. В 9 ч. утра лагерь заняли целиком (захвачено 6 солдат). Всего вышло 8515 солдат»[1734].

Среди других немногочисленных документов, непосредственно описывающих ход операции, удалось обнаружить два донесения Раппа: «Телеграмма от Раппа от 3/16 сентября 1917 г. Сегодня в 10 ч. утра произведены первые выстрелы, которые попали в деревню». «Телеграмма от Раппа от 4/17 сентября 1917 г. Положение не переменилось. За вчерашний день бунтовщики ранили 10 солдат, желавших выбежать из лагеря»[1735]. Так что не все раненые — дело рук «приспешников» Временного правительства. Это, кстати, подтверждает в своей книге и Малиновский (но не Лисовенко): «Группа куртинцев с вещевыми мешками потянулась в сторону шоссейной дороги на Клерово — пошли сдаваться. Жорка Юрков смотрел на эту процессию и бессильно скрежетал зубами. В отчаянии он дал несколько очередей по своим. Те бросились врассыпную. Несколько убитых и раненых остались лежать на плацу перед офицерским собранием. — Ты с ума сошел! — крикнул Гринько. — Зачем ты обстрелял своих? — Пусть не сдаются! При первых разрывах сыграли в труса. А говорили — насмерть, — с перекошенным от злости лицом огрызнулся Юрков. — Пойми, дурная голова, в семье не без урода. Пусть сдаются, нам без трусов будет легче. А бить их нельзя, они еще станут бойцами за наше дело. — Как же, жди, будут! — Юрков повернул пулемет в сторону полигона, откуда была отбита атака курновцев. Андрюша Хольнов, Женька Богдан, Петр Фролов и другие молча соблюдали "нейтралитет", но чувствовалось, что они не особенно осуждают Жорку: так, мол, им и надо; только треплются на собрании, а чуть что — сдаваться...»[1736]

Итак, 19 сентября с Куртинским делом было покончено. Этим числом датирован еще один рукописный автограф Гумилева — «Запись телефонограммы Занкевича командиру 2-й Особой артиллерийской бригады Беляеву»: «Прошу Вас передать офицерам и солдатам Вашей бригады мою благодарность за образцовый порядок и дух революционной дисциплины, который они проявили. Поведение Вашей бригады убедило меня еще один раз в том, что введенные в войсках демократические начала не исключают возможности образования образцовой воинской части, спаянной основами новой сознательной дисциплины». И на обороте листа: «Командиру 2-й особой артиллерийской бригады генералу Беляеву. Милостивый Государь, многоуважаемый Михаил Николаевич. Считаю непременным долгом от

лица Временного Правительства принести Вам искреннюю благодарность за необыкновенную энергию и предусмотрительность, с которой Вы выполнили возложенную на Вас тяжелейшую задачу, одновременно с этим… (далее — обрыв)»[1737].

Любопытно, что этим же числом датирован документ, о существовании которого Гумилев вряд ли когда-либо узнал, так как подготовлен и объявлен он был за тысячи километров от Парижа, в России[1738]: «Отношение помощника дежурного генерала Главного штаба полковника Жвадского начальнику 5-й кавалерийской дивизии о порядке исключения Н.С. Гумилева из списков 5-го гусарского Александрийского полка от 6/19 сентября 1917 г. № 157201. По военным обстоятельствам. Действующая армия. Начальнику 5-й кавалерийской дивизии. Состоявший в 5-м гусарском Александрийском полку прапорщик Гумилев (Николай), назначенный ныне в распоряжение начальника Штаба Петроградского военного округа, как произведенный не из юнкеров военного училища или студенческой школы прапорщиков, в названный полк приказом по Армии и флоту переведен не был. Ввиду сего прапорщика Гумилева надлежит исключить из списков 5-го гусарского Александрийского полка приказом по таковому. За помощника дежурного генерала, полковник Жвадский. За начальника отделения титулярный советник — *подпись неразборчива*». На основании этого отношения 21 сентября 1917 года был объявлен приказ № 281 по Гусарскому полку об исключении Николая Гумилева из списков полка.

Гумилев с Раппом оставались в районе Ля Куртин еще несколько дней, так как Рапп был включен в Особую следственную комиссию. Выведенные из лагеря Ля Куртин войска поначалу были размещены в окрестных селах[1739]: к западу от лагеря — в деревне St-Denis (Сен-Дени); к северо-западу — по шоссе в Felletin (Фельтен); к северу — по дороге в Beissat (Бейсат) у деревни La Deigne (Ла День); к востоку — по дороге севернее озера, которое выходит на шоссе из Ля Куртин в St-Oradou (Сен Ораду). В архиве есть карта со схемой размещения войск. Вскоре все прошедшие проверку роты были на время возвращены в лагерь Ля Куртин, но уже без оружия.

Выше был описан выданный Гумилеву 14 августа пропуск для передвижения по внутренней зоне Франции. На этом пропуске, как было сказано, проставлено две печати. Первая печать — печать выдавшей пропуск префектуры полиции. Вторая печать, в правом нижнем углу, проставлена комендантом лагеря ля Куртин. Это является еще одним документальным подтверждением пребывания Гумилева в лагере.

22 сентября был объявлен приказ Занкевича: «Приказ по русским войскам во Франции № 76 от 9/22 сентября 1917 г. По части интендантской. От имени Временного Правительства приношу мою глубокую благодарность частям 1-й Особой пехотной дивизии и 2-й Особой артиллерийской бригады, честно выполнившим свой тяжелый долг перед Родиной приведением к покорности мятежников лагеря Ля Куртин. Занкевич»[1740]. Составленный на основе подготовленного Гумилевым черновика и других документов подробный рапорт по Куртинскому делу был направлен Занкевичем Военному министру 1/14 октября 1917 года[1741].

Рассказ о событиях в Ля Куртин мне хочется завершить воспоминаниями одного из очевидцев событий, опубликованными в эмигрантской прессе. Рассказ Константина Райна так и называется — «Ля Куртин»:

«В те дни тяжелые бои утихли на французском фронте и на земле Шампани, где кончилось большое наступление Нивеля, кресты могил усеяли французские поля. Перед Невиль и Сапиньоль, Курси, Луавр и Бермикур в разрытой взрывами коричневой земле легло костьми немало воинов России, которых царь прислал на помощь Франции в шестнадцатом году. Всего лишь год тому назад французы восторженно их встретили, как никого они еще ни разу не встречали со времен, пожалуй, Жанны д'Арк. Той героической весной французская земля дрожала от ударов немецкого тарана. Из-под Вердена безостановочно катили поезда, а в них стонали искалеченные люди. Вся Франция, казалось, истекала кровью. Вот почему, при виде батальонов широкоплечих русских великанов, которые под звуки военной музыки вдруг зашагали неожиданно по улицам Марселя и Парижа, вся Франция содрогнулась от крика: "On les aura! On les aura!"[1742]

Весною семнадцатого года, перед самым наступлением Нивеля, вдруг из России пришла весть: случилась "Великая Бескровная и армия уже свободною пойдет к победному концу". А в шестнадцатый день апреля сам генерал Нивель, главнокомандующий армией французской, весь фронт поднял на штурм: "Courage, confiance et vive France". Русские бригады в нем приняли участие и отличились. Но, понеся огромные потери, были направлены командованием в ближайший тыл на пополненье.

И вот тогда наши бригады стали навещать довольно часто земляки из Парижа (ведь армия теперь стала "свободной"). Увы, но эти посещенья нам обошлись дороже всех потерь на фронте. Недели через три в одном из батальонов, когда кончилась вечерняя молитва, из строя вышли самовольно человек пятнадцать солдат и, неуверенной походкой подойдя к месту, где стоял их командир, несколько мгновений нерешительно потоптались, а потом один из них вдруг крикнул: "Скидывай орлы!" Тут все принялись бросать под ноги батальонному стальные орлы, что были на французских касках у солдат, и начали кричать охрипшими от перепоя голосами: "Долой Империю! Да здравствуют советы!" Судьбе было угодно, чтобы это был батальон, геройски отличившийся во время наступления: он взял штыковым ударом бастион Курси и вместе с ним того же имени селенье, где было забрано семь сотен пленных немцев. Так началось крушенье русских войск во Франции.

В июне все особые полки бригад, и Первой Лохвицкого, и Третьей Марушевского, приказом были сведены в одну дивизию, которая направлена была в далекий тыл — в Куртинский лагерь, что расположен был недалеко от города Лиможа. И там довольно скоро русские войска образовали две непримиримых группы. Тысяч восемь, ядром которых были люди с фабрик, провозгласили собственный Совет, который постановил: "Мы проданы царем французскому буржую — за пушки и снаряды. Мы посланы сюда своею кровью поливать шампанские поля и виноградники. Но революция дала нам свободу и право заявить: везите нас домой в Россию. А воевать — довольно с нас. Довольно подпирали мы буржуев, а с ними вместе офицеров и попов!" Другая группа — тысяч семь, все больше из крестьян и староверов, оставшись верной воинскому долгу, со всеми офицерами покинули бунтовщиков и в нескольких верстах разбили свой лагерь.

Солдаты эти говорили так: "Ох, дураков у нас немало на Руси. Все это больше мелкота людская — сажееды с фабрик — народ нетвердый ни башкою, ни душой. Так им без всякого труда парижский большевик мозги на сторону свернул. Одна беда, что у начальства нового ни смелости, ни ума недостает — нам приказать бы — озорникам по ряжке вдарить, слегка покровянить партреты. Ей-ей бы сразу все пришло в порядок. А то ведь грех

какой, да и позор во Франции, да и на всю Россию!" Увы! печальной памяти тогдашние правители России, когда касалось "перегиба справа", указали один лишь способ: или убедить словами, или только пригрозить, не применяя, впрочем, никаких суровых мер. Хозяева французы, искренне не зная, что можно предпринять в таком досадном и несчастном деле, глубокомысленно молчали.

В Куртине вожаки заговорили с отменной наглостью: "видал-миндал, товарищи солдаты, что у начальства нового нет власти той, какая раньше у царя была. Оно способно лишь грозить да уговаривать без толку. И коли мы от своего не отойдем, так нас скоро повезут с почетом всех назад в Россию. И может стать, что на корабль, как мы уж запросили, посадят либо Жоффра, а то и самого Нивеля". И, утешая так себя такой завидной долей, вся эта вольница, в Куртине сорвав погоны с плеч, да сковыряв орлов российских с касок, да русские медали и кресты с французскими "croix de guerre" сваливши в яму, как ненадобный хлам, зажила жизнью солдата-анархиста. Скакали на конях, их там было с тысячу, привезенных с фронта. Играли в карты: в поддавки иль в дурака. Много пили: ром, коньяк, а то "пинар", частенько засыпая у дверей харчевни. И пели часто, порою под гармонь, а то под балалайку или гитару. Да с бабами крутили любовь, не считая денег. У большинства из них за год немало накопилось денег (на царской службе каждый получал не менее пятидесяти франков в месяц). К тому же вожаки им роздали не малый куш, за недопитое вино, которое до революции им разрешалось пить весьма умеренно и то лишь по воскресным дням. И так прошел июнь, июль и август без всяких изменений. Французы все еще хотели верить престижу Керенского, да и к тому же ведь эти русские куртинцы еще недавно с отвагой, за Францию, на фронте умирали! И только в сентябре получен был приказ, который ждали все с июня: "Восстановить хоть силою порядок в Ля Куртине".

Тогда к Ля Куртин подошли и окружили лагерь русские лояльные войска: предназначенная артиллерия, для русского отряда на Балканах, да верная пехота — тысячи три, — начальником которой был полковник Готуа. Командовал отрядом генерал Беляев. И был послан ультиматум куртинцам, на этот раз уже довольно ясный: "Назавтра утром — ровно к десяти — всем подлежит с оружием в руках оставить лагерь и, по одной из трех дорог, указанных в приказе, направиться к заставам, где подлежит оружие сдать и покориться закону российской армии. Всех непокорных данному приказу ждет в лагере суровая кара: расстрел немедленный из пушек!" Но, получивши этот ультиматум, вожди бунтовщиков лишь усмехнулись: "Черта с два! Опять нам золотой погон грозит своим приказом... и как ему еще нудить не надоело!"...

Наутро, чуть забрезжил свет, в лагерь прибежал взволнованный французский падре Пер Ларилон. Он, со слезами на глазах, старался убедить смутьянов немедленно же подчиниться власти. Вожаки Куртина ему ответили: "Пер Ларилон! не бойтесь и не волнуйтесь понапрасну! Посмотрим, кто осмелится по нам стрелять из пушек? По нам, получившим свободу, русским солдатам! Начальство русское? Да вы смеетесь! Чтоб эти болтуны, способные лишь языком чесать, решились на что-нибудь серьезное. Вы говорите, что у них расставлены пушки! Пер Ларилон, какой же вы чудак! Да это ведь из дерева стволы, чтоб нас перепугать! Да только нас теперь не напугаешь!" И так сердобольный падре, хороший добрый человек, из лагеря ушел ни с чем.

Когда взошло высоко солнце и осветило белые казармы Ля Куртина, на площадь выходить стали люди, и выходили без особой спешки. Кто голову чесал, а кто кушак подтягивал лениво. Но, бросив взгляд в ту сторону, где, среди зелени, виднелись орудия, вдруг задавал вопрос соседу: "А что, Митюха, может стать, что и взаправду бахнут вдруг по нас?" "Пустое дело", — отвечал Митюха, — "ведь этим временным коптителям небесным — не дадена такая власть, как дадена была царю! И коли нас теперь пугают, то это чтоб в Россию не везти!" А к десяти часам пред куртинской вольницей явился оркестр в полном составе и несколько минут до срока, когда ультиматум истекал, грянул сыгранно и дружно рабочий марш. Закончивши его, все музыканты замолчали, похаркали да посморкались, подули в трубы и, пошутив, по адресу буржуя, решили вдарить что-нибудь веселое да озорное! И тут, как бы в ответ на ультиматум, нахально зазвенели трубы и затрещал задорно барабан — веселую народную песенку: "Эх, понапрасну Ванька ходишь, да понапрасну ножки бьешь"...

На наблюдательном пункте, что был сооружен на небольшом холме, под ветвями деревьев, в эти минуты стояла молча группа русских офицеров, и в тот момент, когда с площадки лагерной неслась со свистом залихватским песня, со стороны деревни стали бить отчетливо часы; все замерли, и в тот момент, когда послышался удар десятый и последний башенных часов, наш батарейный командир, махнув рукой отрывисто, но внятно произнес жуткую команду — "огонь".

И сразу же раздался выстрел. "О, Господи, спаси Россию и наших русских дураков", — сказал стоящим рядом с ним, нам незнакомый офицер, смотревший в бинокль, когда над головами музыкантов взорвалась шрапнель! Это был Николай Степаныч Гумилев...[1743]

Как говорил наш фейерверкер в этот день: "Ведь ентот первый пушечный удар всем нашим сажеедам — мозги на место вправил! И ихний пыл — построить мир без Бога — немедля паром вышел, как самоварный дым!" И сразу принялись куртинцы оставлять лагерь и, по указанным дорогам, угрюмо, но решительно, отправились с повинной. Одни молчали, а другие ругали непристойными словами всех вожаков, что с панталыку сбили их. Лишь только в здании, где находилось офицерское собрание, Совет Солдатский с верными людьми — их было человек сто двадцать — засели, заперев все двери и принялись палить из пулеметов и винтовок. И так держались трое суток, потом сдались.

По протоколу министерства итоги были таковы: среди бунтовщиков убитых 9 да раненых с полсотни. Лояльные войска потерю понесли в одном солдате, которого там в тот же день похоронили с честью. Еще был шальной пулей убит один случайно подвернувшийся француз. Никто из повинившихся куртинцев нигде и никакого наказания не понес. Только группа непокорных, что оказала сопротивление, была французам сдана на руки для отправления в тюрьму в Бордо. И этим с Ля Куртином было покончено»[1744].

К. Райн в своем рассказе упоминает о распеваемых солдатами песенках. Образец такого народного творчества приводит в своей книге Лисовенко:

Наш избранник — председатель
Повелел идти,
Чтоб куртинцам дать свободу,
Чтобы их спасти...

Готовьсь на бой!
Готовьсь на бой!
На бой, кровавый бой!

Пойдем мы лавою одной,
Мы будем драться со врагом
И по холмам твоим, ля-Крез,
Развеем вражескую спесь!

Эй вы, куртинцы,
Твердо держитесь,
За народное дело
Дружно боритесь...

Я привел ее здесь, так как в архиве среди бумаг, относящихся к событиям в Ля Куртин, случайно обнаружилась машинописная копия другой «Песни куртинцев». Автор ее — не указан, но он явно не из числа тех, кто бунтовал в лагере. Видно, что написана она по «горячим следам», но кем? Не берусь этого утверждать, но, как мне кажется, к ней мог приложить руку и наш герой. Чуть позже будут представлены два шуточных стихотворных экспромта Гумилева, относящихся к его службе во Франции, и они, по настроению и по ритму, чем-то перекликаются с этой песенкой:

Песня куртинцев

Вдалеке от Богом данной
От родимой от земли —
Мы — куртинцы, как ни странно
За шпионами пошли.
    Что нам горе и невзгоды
    Русских искренних сердец,
    Провалися, ты, свобода —
    Возвратися царь-отец.
Мы в дурацком ослепленьи
За шпионами пойдем,
И за деньги — Счастья звенья
И Свободу разобьем...
    За реакцию, ребята,
    Будем биться без конца,
    Пусть посмотрят на солдата
    Без ума и без лица.
За горами, за долами
Уж гремит о нас рассказ,
Как немецкими ослами
Стали мы на этот раз.
    Вдалеке от Богом данной
    От родимой от земли
    Мы — куртинцы, как ни странно
    За шпионами пошли[1745].

В заключение рассказа о событиях в лагере Ля Куртин хочу упомянуть о требующей проверки атрибуции одной фотографии, впервые опубликованной в альбоме, посвященном «Экспедиционному корпусу»[1746]. В книге сказано, что на фотографии изображен Николай Гумилев, и сделана она в расположенном на юге Франции лагере Фрежюс в Сен-Рафаэле (Camp

Fréjus, à Saint-Raphaël). Это был промежуточный лагерь, использовавшийся при переброске войск из Марселя на Салоникский фронт. Николай Гумилев попасть туда никак не мог. Однако, как выяснилось из беседы с авторами альбома, на самом деле не известно точно, где был сделан этот снимок. Как мне было сказано, впервые Гумилева на нем, по внешнему сходству, атрибутировал Лев Мнухин. До сих пор ни одной достоверной фотографии Гумилева этого периода обнаружить не удалось, хотя, безусловно, они были, хотя бы фотографии на упоминавшихся пропусках для проезда по территории Франции. К сожалению, в РГВИА пропуск с фотографией обнаружить не удалось. Предпринимаются попытки найти такие фотографии или документы с ними во французских военных архивах. Эта, скорее всего, неверно атрибутированная фотография периодически появляется в различных изданиях, телевизионных передачах как фотопортрет Гумилева во Франции. Офицер на снимке действительно немного похож на Гумилева, однако утверждать, что это он, я бы не рискнул.

Гумилев вернулся в Париж не позже 25 сентября. Об этом говорит упоминаемое в записях Лукницкого несохранившееся письмо матери от 12/25 сентября из Парижа, с пометкой Лукницкого, что «только что вернулся из двухнедельной командировки в центр Франции»[1747]. Описание всего периода пребывания Гумилева в «Трудах и днях» крайне лаконично и по понятным причинам — малоинформативно: «1917. Осень. В Париже состоит адъютантом комиссара Временного Правительства. Получает 800 франков жалованья в месяц. Работы по службе много, но протекает она в хороших условиях. Живет на ..., 59. Постоянно встречается с Н.С. Гончаровой и Ларионовым. В своих письмах отмечает встречи с Аничковым, Мещерским, Минским и встречу с Трубниковым. Несколько писем жене и матери. Зовет их в Париж. *Письма*. 1917. Первая половина сентября. В течение двух недель — в командировке на фронте. Около 11–12 сентября вернулся в Париж. *Письма*. Примечание. М.Л. Лозинский сообщает, что Н.Г. по возвращении в Россию говорил ему, что был в Шампани. Может быть, это и было “двухнедельной командировкой” (?)»[1748]. Видно, что Лукницкий здесь использовал сведения, почерпнутые из приведенного выше письма Ахматовой и дату возвращения в Париж из письма матери. Любопытно примечание про Лозинского и про Шампань. В Шампани русские бригады сражались с лета 1916 года по весну 1917-го, там находились многочисленные захоронения русских воинов. Ля Куртин относится к другому департаменту — Крез, и вряд ли эрудит Лозинский мог здесь что-то перепутать. Так что возможно, что Гумилев побывал на местах боев русских войск. Но никаких документальных свидетельств об этом нет. Позже, в 1930-е годы, силами русских эмигрантов и ветеранов войны в Шампани, в Сент-Илер-Ле-Гран (Saint-Hilaire-le-Grand), было создано большое мемориальное русское кладбище с церковью, построенной по проекту архитектора А.А. Бенуа; церковь была освящена 16 мая 1937 года. На этом кладбище покоятся останки 915 русских солдат, погибших на Французской земле. Однако открытие первого памятника павшим во Франции русским воинам состоялось уже в сентябре 1916 года близ Мурмелона, тоже в Шампани. Памятник был построен по проекту командира 1-го Особого пехотного полка полковника Нечволодова, на открытии присутствовали представители французских властей, наследный принц Черногории и генерал Лохвицкий[1749]. Вполне вероятно, что Рапп с Гумилевым могли посетить эти места.

Думаю, в задачи Военного комиссара могли входить и такие обязанности, как возложение венков павшим и обустройство русских воинских кладбищ.

Несложно расшифровать фразу Лукницкого — «живет на ..., 59». Там Гумилев не жил, но проводил почти все свое служебное время. На улице Пьера Шаррона, 59 (59, Pierre-Charron) размещался Комиссариат, место службы Гумилева у Военного комиссара Е.И. Раппа. Это недалеко от Елисейских Полей и Триумфальной арки. Любопытно, что эти апартаменты перешли по наследству к СССР, а после 1991 года — к «наследникам» СССР. В 2002 году там размещалось Белорусское представительство, а сейчас флаг и табличка при входе говорят, что его заняло представительство Казахстана.

Сразу после возвращения из Ля Куртин (или незадолго до отъезда туда) Гумилев переселился из гостиницы «Galilée» в другую гостиницу или на частную квартиру[1750]. Как вспоминал Ларионов, жил он «внизу в сквере, под станцией метро Passy, у некоего г. Цитрон»[1751]. По описанию трудно догадаться, где он жил, но если выйти из поезда метро на станции «Passy», то становится понятно, как можно жить «в сквере, под станцией метро». Станция эта — наружная, располагается на эстакаде, а под эстакадой расположен сквер и улица Альбони. Не так давно в сквере этом стоял жилой дом, где жил адвокат А.Л. Цитрон. Возможно, в том же доме, раньше Цитрона, осенью 1917 года поселился Николай Гумилев. К сожалению, дом этот не сохранился, на его месте разместились вновь построенные культурные армянские учреждения и библиотека. Отсюда было недалеко как до места службы, так и до улицы Декам, до «Синей звезды». Этими маршрутами Гумилев пользовался чаще всего. Однако заметим, что, встречаясь с Еленой Дюбуше, Гумилев не забывал и о своих петроградских приятельницах. Известно, что сразу после возвращения из Ля Куртин, 27 сентября, он написал письмо Анне Энгельгардт[1752], но оно не сохранилось.

Через неделю после возвращения из Ля Куртин Гумилев получил оттуда письмо от французского офицера, с которым, видимо, там познакомился. Письмо хранится в архиве Струве. На конверте обозначено: «Господину Леону Гумилеву, адъютанту комиссара Российского правительства. Париж. Улица Пьер Шаррон, 59». Дата на штемпеле: 4 октября 1917. Сохранились две странички письма, первая и последняя, возможно, в промежутке была еще одна или несколько страниц. Вот сохранившийся текст (*письмо на французском языке, дано в переводе*): «3 октября. 1917. Дорогой товарищ, я был так занят в эти дни заботами о своей роте, что даже не успеваю написать господину Раппу и попросить его вызвать меня в Париж. Когда я совсем уставший возвращаюсь к себе в комнату, я сразу же беру свою книгу с поэзией труверов и трубадуров. Я несколько раз вспоминал о вас, читая прекрасные стихи на провансальском языке. (*Далее, видимо, часть письма утрачена. — С.Е.*) ‹…› …праздная жизнь. Мои унтер-офицеры много мне помогают и понимают меня. Я хотел бы отдать им все мои силы; это замечательная работа — вновь делать солдат из тех людей, которые ныне испытывают сожаление по своей былой отваге. Но также в глубине сердца я грущу о России, где осталось несколько человек, которые мне дороги и с которыми мне так хотелось бы встретиться. Пишите мне. И верьте мне, вашему верному и преданному другу. [*подпись*] Младший лейтенант Crozat. C [Ommandan] t 4è C [Ompagn]ie. Полевая почта 189»[1753]. Встречался ли Гумилев позже с этим офицером — неизвестно…

Служба в Комиссариате осенью 1917 года

Пока Гумилев и Рапп были в Ля Куртин, не сидел без дела и третий сотрудник Раппа — писарь Евграфов. 20 сентября в русских военных учреждениях было развешано объявление: «Общее собрание солдат, занимающихся в русских военных учреждениях в г. Париже, в присутствии гг. офицеров постановило пригласить всех русских военнослужащих в г. Париже на общее собрание для организации общего военного комитета. С разрешения вр. и. д. Начальника Тылового Управления русских войск во Франции, собрание имеет быть в субботу 22-го сентября нового стиля в 8 ¼ часа вечера в помещении Тылового Управления русских войск во Франции, на которое просьба присутствовать всех русских военнослужащих. Председатель собрания А. Евграфов. 7/20 сентября 1917 г. Париж»[1754]. Через несколько дней Евграфов подал заявление в командировавший его Отрядный Комитет: «Заявление писаря Раппа Евграфова от 13/26 сентября 1917 г. ‹…› Я получил желательное для меня назначение в писари к Военному Комиссару Раппу, каковое назначение состоялось по выбору и утверждению Отрядного Комитета. Я приступил к выполнению своих прямых обязанностей у Военного Комиссара, каковые далеко не являются чем-либо легким и представляющим удовольствие, а связаны с трудом и весьма огромного содержания, так как я не получаю ничего, кроме что — солдатского жалованья ‹…›»[1755]. Комитет русских военнослужащих г. Парижа вскоре был создан, и его первое общее собрание состоялось 3 ноября 1917 года[1756]. Александр Евграфов занял в нем видное положение, и жалованье ему вскоре повысили.

Сразу по возвращении в Париж Раппу, а с ним и Гумилеву, пришлось заниматься исполнением приказа Керенского о возвращении русских войск из Франции в Россию. 23 сентября Занкевич отправил в Лондон телеграмму: «Телеграмма от 10/23 сентября 1917 г. № 990. Военному Агенту в Англии. Получил приказ ‹об› отправке в Россию войск, находящихся во Франции в числе 250 офицеров и 16 000 солдат. Впоследствии к этому надо прибавить около 3000 инвалидов и больных. Полагаю необходимым начать отправку на пароходах “Мельбурн”, “Царь”, “Царица” и “Двинск”, везущих на север Шотландии южных славян и подкрепления для Салоникской дивизии. Первый пароход вышел из Архангельска 2 сентября. Прошу срочно переговорить с Военным Министром и Министром Пароходства для отправки наших войск и организации перевозки их из Франции до избранного порта. По сведениям Морского Агента, указанные пароходы могут поднять одновременно до 5000 солдат. Поверенный в делах со своей стороны телеграфировал в Посольство в Лондоне. Занкевич»[1757]. Как видно из этой телеграммы, командование Русскими войсками во Франции делало все возможное, чтобы исполнить полученный приказ. Желающие выехать в Россию офицеры отправлялись самостоятельно. Еще в начале сентября из Стокгольма была получена телеграмма о порядке их проезда через Скандинавские страны: «Телеграмма из Стокгольма от 20.08/2.09, от Кандаурова. Вх. 1722. Сообщаю, что офицеры, едущие в Россию ‹…› через Скандинавию, не могут рассчитывать на пособия, но могут спокойно везти с собой, вне всякой ватизы, все свое военное платье, но отнюдь не оружие»[1758]. Хотя Занкевич и Рапп были не согласны с принятым Временным правительством решением, они не были намерены препятствовать возвращению

войск в Россию. На состоявшемся 7 октября заседании Отрядного Комитета было заявлено: «Заседание Отрядного Комитета в присутствии Комиссара Временного Правительства Г. Раппа. 23 сентября (7 октября) 1917 года. Комиссар Временного Правительства приехал в Отряд, чтобы ознакомить Отряд, а в данный момент Отрядный Комитет, с нынешним тяжелым положением, основанным на документальных данных относительно отправки Русского Отряда в Россию, данными как историческими, до приказа, так и последующими, после приказа. Комиссар Рапп заявил, прежде всего, что он, а также и генерал Занкевич считали и продолжают считать ошибкой Временного Правительства отзыв Русского Отряда из Франции, особенно в данный момент, во время такой морской блокады, и принимают во внимание, что сохранение союзных отношений нашей молодой Русской Республики с Францией является органически необходимым. Тем не менее, этот приказ был вызван, по предположению Комиссара, Французским Правительством, после того как они видели все явления жизни нашего Отряда. Однако до сих пор положение об отправке нашего Отряда в Россию так же неопределенно из-за отсутствия тоннажа. Был запрос Франции, Англии, Америки и Японии: возможно, через месяц, выделение — на 5000 человек. Комиссар понимает, что отправка Отряда займет 5–6 месяцев, о чем он сообщил Временному Правительству, с просьбой пересмотреть последний приказ. Что же касается Сектора, то Французское Правительство категорически отказало в нем до тех пор, пока в отряде будут комитеты. И идея командного состава перед отправкой стать части Отряда хоть на месяц на сектор, для поднятия общественного мнения, как Франции, так и русских в нашем Отряде — идея эта едва ли также получит осуществление. ‹…› Рассмотрен вопрос и о добровольцах во Французскую армию, надо знать количество солдат и офицеров. ‹…› На многочисленные вопросы со стороны собрания, что же нам делать в это время, чем заполнить такой огромный досуг солдат, Комиссар ответить затруднился и между прочим предложил, если будут желающие, устроить их на корабельные судовые французские работы»[1759]. Поначалу для отправки войск нашлось 3 корабля в Англии (в Шотландии), однако вскоре англичане в категорической форме отказались пропустить русские войска через свою территорию по железной дороге через Англию (с юга на север) в Шотландию, хотя отправка кораблей в то время могла быть осуществлена только оттуда. Решение так и не было найдено. Последняя попытка отправить хоть часть войск (на русском корабле) была предпринята в начале ноября — обратите внимание на дату телеграммы (о событиях в России было еще ничего не известно): «Телеграмма из Лондона от 8 ноября 1917 г. (вх. № 1 от 1/14 ноября). Военно-морскому Агенту во Франции В.И. ‹Владимиру Ивановичу› Дмитриеву. О предоставлении парохода "Курск" восточно-азиатского общества (путь на Мурманск). Возможны затруднения. Прежде всего, Британское Министерство судоходства официально заявило, что предоставить какой-либо эскорт для сопровождения парохода оно совершенно не в состоянии. Затем, я очень опасаюсь, что перевозка войск по железной дороге из Мурманска внутрь страны может очень задержать вывоз оттуда грузов, что особенно нежелательно ввиду крайней недостаточности в Мурманске складочных помещений. Наконец не могу не отметить также и тех затруднений, которые могут возникнуть с плохо дисциплинированными солдатами в Мурманске, где нет ни достаточных жилых помещений, ни запасов продовольствия и надлежащей охраны»[1760]. 22 ноября из Петрограда была направлена телеграмма во Францию и в Архангельск: «Телеграмма Главнокомандующего в Архангельск от 9-го ноября ст. ст. 1917 г. за № 1310. Военно-морскому Агенту во Франции. Вследствие закрытия навигации на Архангельск и совершенной неприспособленности Мурманского порта для перевозки больших людских масс, прошу совершенно приостановить присылку эмигрантов, а также не производить перевозку воинских частей, подлежащих возврату в Россию. Подтверждение изложенного Правительством последует, вероятно, немедленно по ликвидации кризиса власти. № 1310. Главнач Сомов»[1761]. Чуть позже поступила еще одна телеграмма из России: «**Перевозка солдат на Мурманск Петроградом не разрешена**». Заметим, что эта телеграмма **поступила уже от большевистской власти** в Петрограде; это ответ Лисовенко на его риторический вопрос в книге «Их хотели лишить Родины». Надо отметить, что в первые месяцы после революции у власти в Мурманске были большевики. Затем Мурманск был занят союзническими (в отечественной литературе традиционно пишут — оккупационными) английскими войсками, однако англичане не чинили никаких препятствий проезду через Мурманск в Петроград русских военнослужащих[1762]. Наиболее близкий для нас пример — возвращение в Россию через «белогвардейский» Мурманск в апреле 1918 года Николая Гумилева!

Наконец 19 ноября 1917 года в Париж поступила телеграмма № 15807 из США[1763] с отказом американцев в отправке в Россию части судов с продовольствием и войсками. Все возможности были исчерпаны. А сама Россия после 7 ноября 1917 года совершенно забыла о судьбе русских солдат во Франции. При работе в архиве с документами за период после победы большевиков не удалось обнаружить ни одного документа, хоть как-то говорящего о беспокойстве новой власти за судьбы простых русских солдат, воевавших за честь России во Франции. Все они теперь либо работали на французских заводах и в сельском хозяйстве, либо были помещены в военные лагеря на севере Африки. Заметим, что не насильно, туда французы были вынуждены отправить только тех, кто отказался работать во Франции. К сожалению, таких оказалось большинство. Положение их было там, конечно, исключительно тяжелым, к ним относились как к военнопленным. Но обвинить в этом исключительно французские военные власти, на собственной шкуре, в Ля Куртин, прочувствовавших, что такое «русский бунт», я бы не решился. Телеграммы из Петрограда вскоре начали поступать, но это были сплошь громкие лозунги с призывами к миру, подписанные в основном Львом Троцким.

Вернемся в конец сентября 1917 года, чтобы понять, чем еще занимался Военный комиссариат, какие дела проходили через руки Гумилева. После Ля Куртин возникли проблемы в пока остававшемся спокойным и «лояльным» лагере Курно. В Отрядный Комитет лагеря 25 сентября поступило уведомление от коменданта лагеря Курно: «18 Округ. Лагерь Курно. № 913. Полковник Финсагрив, Комендант лагеря Курно. Господину Генералу Командиру 1-й дивизии. Имею честь уведомить Вас, что я получил несколько рекламаций от землевладельцев, а также от промышленников, живущих в окрестностях лагеря, которые жалуются, что Ваши солдаты циркулируют во всех концах и во всякое время дня и ночи. Ломают банки для бензина, воруют фрукты, овощи, кур, яйца и вообще все, что им попадается, а также уничтожают бесполезно все то, что они не могут унести. Кроме того, делают более серьезные вещи, как, например, входят в дома, пугают женщин и детей, ломают двери, которые им не открывают, и одним словом,

ведут себя в стране друзей хуже, чем бы они вели себя в неприятельской стране. Я понимаю, что жители, быть может, это преувеличивают, но тем не менее в этих жалобах есть большая доля правды, и что продолжение подобного хулиганства может серьезно повлиять на мнение о русских войсках, которое, мы все так желаем, чтобы оно было на должной высоте. Покорнейше прошу вас принять все меры, чтобы мирные жители могли жить у себя в спокойствии и безопасности, как днем, так и ночью, чтобы они не рисковали плодами своих работ и ресурсами, которые необходимы для них и их семейств»[1764]. На документ наложена весьма своеобразная резолюция: «Отрядный комитет с прискорбием публикует это письмо и надеется, что солдаты русского отряда, находящиеся в лагере Курно, сумеют поддержать (***sic***!) некоторых из своих товарищей, которые своим поведением позорят весь отряд». Сумели «поддержать»? Через Гумилева шла вся переписка с Отрядным Комитетом лагеря Курно, и 26 сентября он направил туда записку: «Прошу адресованные бумаги на имя Военного комиссара посылать: 59, rue Pierre Charron. Прапорщик Гумилев *(подпись)*»[1765].

Думаю, что в октябре и ноябре Раппу с Гумилевым приходилось бывать в этом лагере, возможно, и в других местах. По крайней мере, об этом говорят очередные запросы на получение пропусков для Раппа и Гумилева. В конце сентября на собственном бланке Гумилевым было подано прошение: «Офицер для поручений при Комиссаре Временного Правительства и Исп. Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов при русских войсках во Франции. 59, rue Pierre Charron, Париж, 28 сентября 1917 г. № 61. В Управление Военного Агента во Франции. Согласно распоряжения Комиссара прошу Вас ходатайствовать перед Французским Правительством о выдаче Комиссару и мне Sauf-conduit или Cartes rose (*пропуск или водительские права*) на все время войны. При сем прилагаю Sauf-Conduit, срок которому истек. Приложение: упомянутое. Прапорщик Гумилев *(роспись)*»[1766]. В углу штемпель в квадратной рамке: «Военный Агент во Франции. Получено 16/29 сентября 1917 г. Вх. № 3524. Отдел — Агент». Сразу же Военным Агентом было подано соответствующее прошение Военному министру, аналогичное тем, о которых было рассказано выше. Документ на французском языке[1767] запрашивал у министра продление пропусков для Военного комиссара Е. Раппа и офицера для поручений Н. Гумилева, для перемещения по всей территории Франции, где размещены русские войска, если возможно, на все время ведения войны. Думаю, что пропуска эти были получены. Но, по иронии судьбы, как раз этими «бессрочными» пропусками как Раппу, так и Гумилеву пользоваться пришлось очень недолго. Вскоре отпала необходимость ездить в Русские бригады, так как они были расформированы, как и вся Русская миссия в Париже. Но в конце сентября никто этого предполагать еще не мог. Однако с поведением солдат в Курно они должны были разобраться.

Обнаруженные документы, относящиеся к службе Гумилева, носят самый различный характер. Так, 25 сентября он отчитывался в потраченных на командировку суммах и возвратил деньги. В приказе по Тыловому управлению № 34 от 12/25 сентября 1917 года по части инспекторской указывается (в виде таблицы): «§ 12. ПРИХОД», и далее четыре колонки: 1) «Откуда получено» — Прапорщик Гумилев; 2) «Сумма» — 2000 франков; 3) «Какое назначение» — На погашение док. 230 и 288; 4) «Куда занести» — прочерк[1768]. Через несколько дней в приказе по Тыловому управлению объявлено: «Приказ № 37 от 1 октября 1917 г., Париж. § 10. По части

интендантской. Выписать из сумм Главного Управления Генерального Штаба и выдать под расписку прапорщику Гумилеву 3130 фр. 05 сантимов полевые порционные и суточные по 1 октября согласно расчету. 316. Карханин»[1769]. Гумилев впервые получил суточные, «считая таковые с 24-го июля с.г. (нов. ст.), т.е. со времени фактического нахождения в распоряжении г. Комиссара». Все расчеты с Гумилевым за командировку в Ля Куртин были завершены.

Два любопытных документа приходятся на следующий день, 27 сентября 1917 года. Один из них говорит о характере отношения Раппа к ведению дел в подразделениях русского Военного управления и, в какой-то мере, о его сложном характере и о том, что работать с ним было непросто. Как известно, Гумилев смог приспособиться к требуемому им режиму. Это важно знать, так как, судя по многочисленным публикациям, можно подумать, что, работая у Раппа, Гумилев не столько служил, сколько развлекался, ходил по театрам, друзьям, на свидания. В этот день Рапп подал докладную Занкевичу: «27 сентября 1917 г. № 57. Вх. № 919 15/28 сентября 1917 г. Представителю Временного Правительства при Французской армии во Франции Генерал-майору Занкевичу. Считаю своей обязанностью обратить Ваше внимание на порядок и время занятий в Тыловом Управлении. В то время как в других учреждениях (Заготовительная комиссия, Управление Военного Агента и Вашей Канцелярии) работа продолжается до 7 час. вечера, Тыловое Управление, открывая свои занятия в 9–10 ч. утра, прекращает их к 4 часам дня, с перерывом на завтрак. Мало того, с отменной аккуратностью оно празднует не только все воскресенья, но и все отмеченные календарем праздники. Такой своеобразный порядок в военное время, долженствующее вызывать максимум напряжения сил, является чрезвычайным соблазном в глазах русских военнослужащих и посмешищем в глазах французов. Одно из двух: либо это вредит ходу работ, либо штат служащих явно преувеличен, и в последнем случае я по долгу моих обязанностей должен обратить на это внимание Временного Правительства. Не откажите, Господин Генерал, уведомить меня о Вашем решении по этому вопросу и ваших распоряжениях. Е. Рапп»[1770]. Исходя из этой докладной, можно предположить, что вряд ли Рапп делал послабления для своих непосредственных подчиненных, и из нее видно, до какого часа, по крайней мере, продолжался рабочий день офицера для поручений Николая Гумилева. Занкевич отреагировал на обращение Раппа достаточно вяло, наложив на документ написанную от руки краткую резолюцию: «Требую от своих подчиненных не известного числа часов присутствия, а известной работы. Начальник отдела Тылового Управления не ограничивается работой в присутственной части, занимается по вечерам у себя на дому. Для Тылового Управления присутственные часы с 9 до 17 часов по будням, а в праздничные дни с 9 до 13 ч. 15.9/28.9 — Занкевич».

Но для нас более интересен написанный Гумилевым в эти же дни поэтический «документ». Причину его появления следует искать в том, что в Русской миссии во Франции постоянно шла реорганизация, переназначались офицеры, некоторые из них отправлялись в Салоники, в действующую армию. Из Салоник регулярно поступали письма о нехватке офицеров. Так, в сентябре, пока Гумилев с Раппом были в лагере Ля Куртин, пришел очередной запрос из Петрограда, отношение начальника мобилизационного отдела ГУГШ полковника Саттерупа Военному Агенту во Франции А.А. Игнатьеву об офицерах, командированных на Салоникский фронт:

«Командующий второй особой дивизией телеграммами 942 и 985 сообщает, что командированные ГУГШ офицеры на пополнение дивизии задерживаются в пути без его согласия распоряжением военных агентов и Представителя во Франции. Генерал Тарбеев, указывая, что дивизия имеет некомплект в 131 офицера, просит всех офицеров, назначенных ‹в› дивизию и задержанных ‹в› пути, направить по назначению, так как из числа отправленных 32 офицера до сего времени не прибыли. Прошу телеграфировать, кто именно из офицеров, следовавших в Салоники, оставлен во Франции, так как в ГУГШ поступило ходатайство об оставлении ‹во› Франции только одного прапорщика Гумилева. 369761 Саттеруп. 33020 Юдин. Верно, подполковник Благовещенский»[1771]. Капитан Мещерский по поручению Военного Агента ответил: «Из офицеров, отправляющихся в Салоники, мною были задержаны подпоручик Анников и Тимрот, о чем мною было извещено Главное управление Генерального штаба ‹…› В настоящее время означенные обер-офицеры отправлены к месту своего служения»[1772]. Телеграмма № 29[1773] № 1817 от 16/29 сентября 1917 года свидетельствовала, что подпоручик Тимрот еще оставался в Париже, но был откомандирован в Тыловое управление для отправки во 2-ю Особую дивизию. Не хватало в Салониках и простых солдат, о чем говорит телеграмма: «Вх. 2062 от 2/15 октября 1917 г. Из Салоник (бета 421). Прошу копию передать Рюссарьер. Дивизия имеет значительный некомплект. Получение укомплектования из России затруднительно и крайне нежелательно, ибо вполне возможно получение разновременных превратно понятыми свободами элементов. Прошу сообщить, в какой мере могли бы быть привлечены к пополнению дивизии интернированные во Францию уроженцы Боки-Которской и прочие представители Славянских народностей, находящихся во Франции и могущих быть применены во вторую Особую дивизию добровольцами. В случае осуществимости желательно возможно скорое получение хотя бы первой партии. Полагаю, что одним из соблазнительных данных являются высокие оклады жалованья наших солдат. 57 франков рядовой и 85 франков — унтер-офицер. Прошу ответ. Начдив 2-й Особой Полковник Доршпрунг. 1397 Артамонов»[1774].

Видимо, в таких переговорах периодически всплывало имя Гумилева, об этом свидетельствует составленный им шутливый стихотворный рапорт, впервые опубликованный К. Парчевским в 1924 году в парижской газете «Звено»[1775]. Парчевский пишет: «Февральская революция застала Н. Гумилева в Париже в качестве прапорщика Гусарского Александрийского полка, входившего в состав отправленных русским командованием во Францию для операций на Западном фронте военных частей. Летом 1917 года Гумилев был назначен офицером для поручений при комиссаре русского корпуса во Франции. С осени началось разложение русских частей во Франции, и было решено их расформировать. К этому периоду относится первое письмо из любезно предоставленных нам полковником Б. стихотворных посланий покойного поэта к своему ближайшему начальнику, г-ну Б. Послание представляет собой рапорт, написанный на бланке с обозначением: “Офицер для поручений при комиссаре, прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка Гумилев. 14/27 сентября 1917. Париж”».

За службу верную мою
Пред родиной и комиссаром
Судьба грозит мне, не таю,
Совсем неслыханным ударом.

Должна комиссия решить,
Что ждет меня — восторг иль горе:
В какой мне подобает быть
Из трех фатальных категорий.

Коль в первой — значит суждено:
Я кров приветный сей покину
И перееду в Camp Courneau
Или в мятежную Куртину.

А во второй — я к Вам приду
— Пустите в ход свое влиянье:
Я в авиации найду
Меня достойное призванье.

Мне будет сладко в вышине,
Там воздух чище и морозней,
Оттуда не увидеть мне
Контрреволюционных козней.

Но если б рок меня хранил
И оказался бы я в третьей,
То я останусь, где я был,
А Вы стихи порвите эти.

Во всех публикациях сказано, что этот шуточный рапорт Гумилев подал Раппу. Однако Парчевский называет другое имя — полковника Б. Безусловно, рапорт был подан полковнику Бобрикову, исполнявшему в Париже обязанности представителя Временного правительства при Французской Главной Квартире. Именно Бобриков ведал назначением русских офицеров в различные французские воинские подразделения, в том числе и в авиационные школы. Выше он упоминался в связи с объездом русских лагерей в июле совместно с Раппом и Сватиковым. Напомним о том, что и первоначальное назначение Гумилева в распоряжение генерала Занкевича от 23 июля было подписано Бобриковым. Бобриков, совместно с Занкевичем, Раппом и Беляевым (при участии Гумилева), руководил подавлением восстания в Ля Куртин. Об этом много пишут в своих книгах Лисовенко и Малиновский, естественно, в уничижительном тоне, издеваясь над тем, что Бобриков 5 сентября 1917 года был принят французским президентом Пуанкаре в Елисейском дворце, где президент вручил ему орден «Почетного легиона»[1776]. Тональность приведенного стихотворного рапорта, и в особенности следующего, поданного ему же в начале 1918 года, говорит о том, что между ними сложились приятельские отношения. Этому могла способствовать общность их боевых дорог в начале войны, летом и осенью 1914 года. Лейб-гвардии Конный полк, в котором служил Н.Н. Бобриков, и лейб-гвардии Уланский полк, в котором Гумилев принял боевое крещение, входили тогда в состав I Армии генерала Ренненкампфа и участвовали в первом походе в Восточную Пруссию, причем оба полка особо отличились в кровопролитной, но победной битве под Каушенами 6 августа 1914 года, в которой Гумилев не принимал участия, но которой посвятил свое первое военное стихотворение, написанное по рассказам однополчан, — «Наступление». Наверное, Гумилев прочитал это стихотворение своему начальнику и в дальнейшем подавал ему свои «рапорты» в стихотворной форме.

Хотя, как сказано в первом рапорте, «рок хранил» Гумилева, и его оставили при Военном комиссаре Раппе, слава богу, Бобриков стихи эти не порвал. Между тем «наезды» на Гумилева не прекратились и в начале октября, когда из Петрограда была получена очередная депеша: «Вх. № 1986. 23 сент./6 окт. 1917 г. Из Петрограда (клером). Находящегося во Франции штабс-капитана Кикинадзе прошу безотлагательно отправить к месту назначения; также оставление Прапорщика Гумилева в распоряжении комиссара Раппа. Мобилизационный Отдел признает нежелательным и вновь просит о скорейшем направлении всех следующих в Особые дивизии в свои части. 40154 Муассер». На документе резолюция: «Копию Комиссару Раппу. 8/25 Пор. Степанов»[1777]. Точка с назначением Гумилева окончательно была поставлена только 20 октября, меньше чем за три недели до того, как в столице империи грянул гром: «№ 1390. 7/20 октября 1917 г. Генералу Занкевичу, копию комиссару Раппу от начальника политического Управления Военного министерства Шер (клером). Отправлено 7/20 X 1917. Получено 13/25 X 1917. 489, 841, 1076. Прапорщика Гумилева утверждаю ‹в› должности офицера для поручений при Комиссаре. Штат комиссариата русских войск во Франции включен в общий штат армейских комиссариатов, который в скором времени будет утвержден. Согласно этого штата Комиссару положено содержание в размере 9000 руб. в год из полкового оклада. Прошу Вашего распоряжения удовлетворять Комиссара Раппа содержанием со дня его назначения на должность Комиссара 1390. Начальник отделения Военного министерства Шер. Верно: князь Кочубей»[1778]. На телеграмме резолюции : «Копии посл‹аны› № 1. Канцелярия. Копии: 1) Начальнику Тылового управления; 2) Комиссару; 3) Военному министру. З‹анкевич›». Больше вопрос о назначении Гумилева из Петрограда не поднимался. Но еще до конца года пришлось решать проблемы иного рода — что делать с офицерами из распадающейся Русской миссии.

А пока — новые текущие вопросы, которые надо решать. 29 сентября объявлен приказ по Русским войскам № 86: «‹…› § 2. Для рассмотрения поступающих ко мне претензий по убыткам, понесенным французскими учреждениями и частными жителями при усмирении волнения в Ля Куртин, назначаю комиссию в составе: председателя — комиссара Временного Правительства Г-на Раппа и членов — полковника Салмина, подполковника Симинского и штабс-капитана Федорова. Занкевич»[1779]. Убытки были значительными, и в эту бухгалтерию пришлось вникать офицеру для поручений Николаю Гумилеву. В течение октября в Отрядном Комитете лагеря Курно неоднократно рассматривались вопросы, связанные с событиями в Ля Куртин. Так, в докладе Отрядного съезда 2 октября были проанализированы причины, приведшие к сентябрьским событиям[1780]. Главной причиной было названо, как и говорилось выше, неудачное формирование бригад: «...соединение бригад привело к конфликтам, главным смутьяном был 1-й полк». Был сделан неожиданный вывод — меры по вооруженному подавлению мятежа приняты слишком поздно, и виновниками в этом названы Занкевич и Рапп. В заключение доклада было сказано, что в отряде «накапливается брожение за возврат в Россию». В дальнейшем расхождения между Военным комиссаром и Отрядным Комитетом 3-й бригады в лагере Курно все расширялись.

6 октября Отрядный Комитет направил Раппу запрос в связи с посланным 11 августа секретным, приведенным выше письмом № 313 о провокационной роли Игнатьева, так как Комитет не удовлетворил полученный от Военного комиссара ответ. В запросе, в частности, сказано: «Письмо от 23 сентября 1917 г. (ст. ст.) (6 *октября*). № 329. На отношение Ваше от 25 сентября с. г. за № 49, Отрядный Комитет имеет сообщить нижеследующее: 1) Данные, легшие в основу секретного отношения Комитета за № 313, обсуждены при закрытых дверях, а потому, значит, широкому оглашению или распространению они не подвергались. 2) Не посягая на Ваше отношение к Временному Правительству и Совету Рабочих и Крестьянских Депутатов, Комитет полагал, что природа вещей диктует ему необходимость координировать свои действия с Военным Комиссаром. ‹…› Отрядный Комитет Русских войск во Франции доводит до Вашего сведения, Г-н Комиссар, о том, что, не слагая с себя ответственности за грядущие события, Отрядный Комитет, тем не менее, в будущем своем ответе перед Русской Государственной Властью не скрывает коренных расхождений, которые существуют между Вами, Г-н Комиссар, и Русским Отрядом во Франции. Председатель Джинория»[1781]. Уже через два дня, 8 октября, последовал ответ Раппа: «№ 49. 25 сентября 1917 г. (ст. ст.) (ответ на послание от 23.9/6.10 1917 г. за № 329). Председателю Отрядного Комитета Русских войск во Франции Прапорщику Джинория. 23 сент. 1917. Вх. № 228. Мною получена среди других “секретных” бумага Отрядного Комитета № 313. По этому поводу считаю нужным обратить Ваше внимание на следующее: 1) Комиссар, назначенный Временным Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, обязан отчитываться только перед учреждениями, которым вместе с тем и предоставлено право запроса. 2) Обращаясь к существу дела и не говоря уже о том, что оно, весьма далеко выходя за пределы компетенций Отрядного Комитета и составляя одну из главных и доверительных задач Комиссара, нельзя не признать, что по самой природе своей оно является чрезвычайно доверительным и секретным, и уже, конечно, не подлежит широкому оглашению и обсуждению. 3) Упоминание определенных лиц в постановлении, документе, широко распространяющемся, является не только неосторожностью, но, несомненно, может повредить и целям, которые преследует Отрядный Комитет. Е. Рапп»[1782]. С 15 по 19 октября в Курно состоялся Отрядный съезд[1783], на котором присутствовал Рапп, произнесший на его открытии пламенную речь революционера-ветерана, в которой, в частности, сказал: «‹…› Есть недостатки. С деловой точки зрения комитет обвиняют в многословии при малом деле. Многословие понятно. Веками Россия молчала, получив право говорить, заговорила много, и получилось преувеличение. Это проходящее. Потребность выговориться пройдет, и повсюду пойдет работа. Возражают еще, что комитеты по принципу стали в оппозицию власти и власти новой — Революционной. Это так, но зла здесь нет. Правда, оппозиция, после бездействия мысли при старом режиме, заходит далеко, но это преходяще. Непременное условие парламента — это оппозиция, и в Англии она, например, почетна. Безусловно, не надо увлекаться оппозицией как принципом, нужно ее совместить с реальной работой. Значение организации как сейчас, так и в будущем громадно. Организация — это школа для будущих граждан. Война кончится — Россия — никогда; за войну солдатские массы приучатся к самосознанию, и потом организациями пренебрегать нельзя, а нужно их, безусловно, поддерживать. Я как старый революционер, уже сдающийся, быть может, в архив, приветствую Вас, молодых, как новое свободное и яркое солнце нашей свободной страны и свободной армии!»[1784] 16 октября на съезде было оглашено письмо Раппа[1785], в котором он извещает съезд

о своем внезапном отъезде по делам службы в Париж и в котором он приветствует съезд и желает ему плодотворной работы. Однако в конечном итоге председателем съезда была принята резолюция: «Комиссар Рапп шел в корне врозь всегда с Отрядом и Отрядным Комитетом. Отрядный Комитет как орган никогда не имел поддержки у Комиссара, и Отрядный Комитет пришел к заключению, что Е.И. Рапп не отвечает своему назначению, он не знает жизни своего Отряда. Не знает этой жизни и генерал Занкевич, и в нашем развале есть доля их вины». Вполне вероятно, что и в этот раз Раппа сопровождал приданный ему офицер для поручений Гумилев, хотя в документах съезда он не упоминается.

Любопытный, хотя, казалось бы, несколько уводящий нас в сторону документ прошел через канцелярию Комиссариата 12 октября 1917 года: «Вх. 2042 от 29.9/12.10 1917. Из Понтерлье (шифром). 26 сентября (ст. ст.) отбыл из Парижа для следования в Россию бежавший из Германского плена Подпоручик Гвардии Семеновского полка Тухачевский. Кроме купленных здесь необходимых вещей означенному офицеру выдано пособие в размере 600 франков. 986 Голован»[1786]. Так что очень вероятна встреча Николая Гумилева с будущим маршалом, закончившим свою жизнь так же, как и наш герой. Подтверждением этого могут служить, как мне кажется, воспоминания философа Аарона Штейнберга о последнем годе жизни поэта[1787]. Воспоминания эти говорят о том, что Гумилев, видимо, еще в Париже обратил внимание на этого подпоручика и в дальнейшем внимательно следил за его военной карьерой. Вряд ли Гумилева могли оставить равнодушным рассказы Тухачевского о своих побегах из плена.

Как случалось ранее в России, здоровье Гумилева после напряженной командировки в Ля Куртин пошатнулось, и он вынужден был обратиться в медицинские службы. Службы эти входили в состав Тылового управления, и заведовал ими начальник Санитарного отдела врач Рубакин[1788]. В приказе по Тыловому управлению русских войск во Франции № 38 было объявлено: «5 октября 1917 г. г. Париж. По части инспекторской. ‹…› § 3. Объявляю при сем копию акта за № 982 врачебно-эвакуационной комиссии о результатах медицинского освидетельствования поименованных в этом акте воинских чинов. Акт № 982. Врачебно-эвакуационная комиссия в заседании 19 сентября/2 октября 1917 г. в помещении Тылового Управления постановила: 1) Офицер для поручений при комиссаре Временного Правительства при русских войсках во Франции прапорщик Гумилев должен представить анализ ‹...›; 2) ‹…› Подписано с приложением казенной печати 19 сентября. Председатель врачебно-эвакуационной комиссии доктор медицины А. Рубакин, члены доктора Ландау, Ярковский»[1789]. Судя по его биографии, можно предположить, что в лице доктора А.Н. Рубакина Гумилев встретил не только лечащего врача, но и единомышленника, которого необходимо включить в круг тех лиц, с кем Гумилев мог общаться в Париже. Как выяснилось, в те годы Рубакин был не чужд поэзии, об этом говорит изданный им в Париже в 1920 году сборник стихов «Город». Для нас особо примечательна надпись, приведенная на титульном листе: «Обложка, иллюстрации и виньетки по рисункам Н. Гончаровой. Шрифт исполнен автором». Действительно, книга очень изящно оформлена как «рукописная», и в ней множество черно-белых графических иллюстраций художницы. Одно из стихотворений, «Выставка», посвящено Н.С. Гончаровой. Видимо, Рубакин был хорошо знаком с художниками и бывал в их доме. Трогательное посвящение книги гласит: «Памяти моей жены Фанни, павшей на своем посту 27 января 1918 года, посвящаю эту книгу». Это трагическое событие случилось через неделю после отъезда Гумилева из Парижа.

После обращения в Санитарный отдел и сдачи анализов 14 октября последовало продолжение: «Приказ № 42 от 1/14 октября 1917. Париж. ‹…› § 2. Объявляю при сем акт № 1033 врачебно-эвакуационной комиссии о результате медицинского освидетельствования поименованных в этом акте воинских чинов. Акт № 1033. Врачебно-эвакуационная комиссия на заседании 26 сентября/9 октября 1917 г. в помещении Тылового Управления русских войск во Франции постановила: 1) Офицер для поручений при комиссаре Временного Правительства прапорщик Гумилев направляется в госпиталь Мишле для исследования. ‹…› Подписан 26 сентября 1917 г. (9 октября). Подписали: Председатель комиссии доктор медицины Э. Ландау, члены: доктора Я. Ярковский, Д. Клейман и депутат с военной стороны подпоручик Перников»[1790]. Госпиталь Мишле располагался в парижском предместье Ванв (Vanves). Здесь сейчас располагается лечебница Seguin Michèle, 18, Place de la République, Vanves. Рядом, на площади, стоит старинная церковь Сен-Реми (Eglise Saint-Rémy). На этот раз Гумилев задержался в госпитале ненадолго, и уже 26 октября был объявлен приказ: «Приказ № 47. 26 октября 1917 г. ‹…› § 2. Объявляю при сем копию акта за № 1122. Акт № 1122. Врачебно-эвакуационная комиссия на заседании 10/23 октября 1917 г. в помещении Тылового Управления русских войск во Франции постановила: ‹…› 4) Офицер для поручений при комиссаре Временного Правительства прапорщик Гумилев признан к строевой службе годным»[1791].

Уже следующим днем, 24 октября, датирован автограф Гумилева в канцелярии Раппа. Это ответ на полученную из Петрограда 15 октября телеграмму: «Вх. № 1096, № 88051. Генералу Занкевичу от Юдина. Отпр. 29.9/12.10 — 11 ч. 30 м. Получ. 2/15.10 — 10 ч. Для комиссара Раппа. Телеграмма № 74 не могла быть расшифрована ни в шифровальном отделе ГУГШ, ни в Ставке, ни в Министерстве Иностранных Дел. Благоволите шифровать ее ключом, имеющимся в Огенкваре. Потапов»[1792]. В написанном рукой Гумилева тексте ответной телеграммы сказано: «Petrograde Ministre-Président Kerenski. Телеграмму № 99 зашифровываю ключом № 5, полученным мною от комиссара Сватикова и находящимся в Министерстве Юстиции и Внутренних Дел. 1319. Военный Комиссар Рапп. 24 октября»[1793]. Так что, работая у Раппа, Гумилев ознакомился и с работой шифровальщика, это необходимо будет вспомнить, когда Гумилев в январе 1918 года окажется в Англии и будет несколько месяцев работать в шифровальном отделе Русской военной миссии в Лондоне.

В октябре, после возвращения из Ля Куртин и пребывания в госпитале, рутинная служба Гумилева как офицера для поручений при комиссаре Временного правительства Раппе была продолжена. Служба эта его не слишком вдохновляла и воодушевляла, свое отношение к ней поэт выразил в стихотворении, красноречиво названном «Униженье» и вписанном как в «Парижский альбом», так и в «Альбом Дюбуше» (без названия). Судя по местоположению в «Парижском альбоме», где-то в его середине, оно могло быть написано именно в это время, осенью, и было явно обращено к возлюбленной, недвусмысленно отражая внутреннее состояние Гумилева и его истинное отношение к службе в «бюро»:

Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать,
Если в этой — Боже присносущий! —
Так позорно осужден страдать.

Каждый день мой, как мертвец, спокойный,
Все дела чужие, не мои,
Лишь томленье вовсе недостойной,
Вовсе платонической любви.

Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору,
В Африку, как прежде, как тогда,
Лечь под царственную сикомору
И не подниматься никогда.

Бархатом меня покроет вечер,
А луна оденет в серебро,
И быть может, не припомнит ветер,
Что когда-то я служил в бюро[1794].

Но долго Гумилеву служить в «бюро» не пришлось, так так правительство оказалось слишком «временным»; вся его рутинная служба продолжалась меньше трех месяцев. Занимаясь ею, Гумилев пытался отвлечься, найти время для своих культурных увлечений, сосредоточившись на коллекционировании. Вспомним письмо к Ларисе Рейснер от 22 января 1917 года: «Почему бы мне на самом деле не заняться усмиреньем бахтиаров? Переведусь в кавказскую армию, закажу себе малиновую черкеску, стану резидентом при дворе какого-нибудь беспокойного хана, и к концу войны кроме славы у меня будет еще дивная коллекция персидских миниатюр. А ведь Вы знаете, что моя главная слабость — экзотическая живопись»[1795].

Именно на коллекционировании экзотической живописи, персидских миниатюр Гумилев сосредоточился осенью 1917 года. Его посредником в коллекционных делах стал Ларионов. Через него Гумилев сумел обратиться к парижским антикварам. В архиве Ларионова сохранилась записка, где упоминается один из них: «Видишь, Михаил Федорович, я пришел как было условлено в половине второго, чтобы идти в типографию и к Кастелюччи, а тебя нет. Не говори же после этого, что я бездеятелен, а ты аккуратен. Целую ручку Натальи Сергеевны, жму твою. Гумилев»[1796].

Записка написана на заклеивающемся бланке парижского отеля Кастилия (Hôtel de Castille), на листе темной, коричневатой бумаги с внутренней перфорацией, причем внешняя сторона покрыта клеем, чтобы бланк можно было превратить в конверт. Лист был сложен пополам, и под названием гостиницы указан адресат: m-re Larionoff. Очевидно, что Гумилев зашел за Ларионовым в гостиницу и, не застав его, оставил эту записку консьержу. Осмелимся предположить, что слова о типографии как-то связаны либо с тем, о чем Гумилев писал раньше из Лондона Ахматовой, о возможности печати книг издательства «Гиперборей» после войны за границей, либо с порученными ему Раппом делами, связанными с изданием солдатской газеты. Впрочем, речь могла идти о некоем издании, связанном с восточным искусством, поскольку вслед за типографией в записке упоминается Кастеллюччи (Castellucci), собиратель восточного искусства, содержавший небольшой салон-галерею.

Более полную картину коллекционерской деятельности Гумилева представляют письма Ларионову антиквара Туссена (Toussaint). По письмам Туссена можно судить о том, что их отношения сложились еще до приезда Гумилева, который в Париже решил осуществить свою мечту — собрать коллекцию восточной живописи. В письме от 1 июня Туссен пишет

Ларионову: «Дорогой господин Ларионов! Я ждал до воскресенья Вашего прихода вместе с Вашим русским другом. Что Вы решили относительно рисунков японских масок и других рисунков, которые я Вам показывал? У меня есть китайский рисунок и портреты, которые я бы хотел показать Вам. Черкните мне хоть слово в ответ — это мне доставит огромное удовольствие. С благодарностью за вечер в Шатле. Обязанный Вам Туссен»[1797]. От первого устремления — увидеть в «русском друге» Николая Гумилева — пришлось сразу отказаться, так как письмо было послано Ларионову тогда, когда Гумилев только-только покинул Петроград. Установить, кто был в то время «русским другом» Ларионова, не удалось. Но из письма четко просматривается характер взаимоотношений Туссена с Ларионовым: Туссен занимался скупкой и продажей произведений восточного искусства, которые интересовали Гончарову, Ларионова и их друзей. А в письме от 25 октября 1917 года уже встречается имя поэта:

«Париж, 25 октября 1917. Дорогой господин Ларионов, Вы получили мое последнее письмо? Я хотел бы сообщить Вам, что хотел бы показать Вашему другу, прапорщику Гумилеву, несколько новых китайских рисунков. Если Вы в данный момент свободны, заезжайте вместе с ним. Заранее благодарен и искренне Ваш. Туссен. 33, улица Сены (33, rue de Seine)»[1798]. Упомянутое «последнее письмо» обнаружилось в архиве ГТГ:

«Париж, 16 октября 1917 года. Дорогой господин Ларионов! У меня есть несколько китайских рисунков, которые я хотел бы Вам показать. Не могли бы Вы прийти и посмотреть их прямо сейчас. С сердечным приветом. Туссен. 33 Rue de Seine»[1799]. Гумилев посещал Туссена и в дальнейшем. Так, 7 ноября 1917 года Туссен сообщал Ларионову:

«Париж, 7 ноября 1917 года. Дорогой господин ‹Ларионов›. Я был очень рад Вашему визиту. Я написал господину Гумилеву по поводу новых китайских картин, которые я бы хотел ему показать. Пока ответа не получил. Был бы признателен Вам, если Вы его увидите, постарайтесь убедить его зайти и посмотреть их вместе с Вами. У меня имеется к Вам небольшая просьба относительно господина Голубева[1800]. С сердечным приветом! Поклон мадам. Туссен. 33 Rue de Seine»[1801].

К судьбе коллекции Гумилева мы еще вернемся[1802], а пока продолжим рассказ о его службе в Париже осенью 1917 года. 29 октября Гумилев самостоятельно подготовил документ, явно связанный с его пребыванием в госпитале, — это его заявление на собственном бланке дивизионному интенданту 1-й Особой пехотной дивизии: «Офицер для поручений при Комиссаре Временного Правительства. Париж. 16/29 октября 1917 г. № 105. Дивизионному интенданту 1-й Особой пехотной дивизии. Больные солдаты госпиталя № 45 Hôtel Dieu в 1t Malo имеют большую нужду в сахаре, который им выдается в недостаточном количестве. Поэтому Военный Комиссар поручил мне просить Вас отправить на имя доктора этого лазарета M-lle Goldberg (*мадемуазель Гольдберг*) посылку в 30 кило сахара для раздачи его солдатам. Прапорщик Гумилев (*подпись от руки*)»[1803]. На бланке, в правом верхнем углу — печать управления дивизионного интенданта: «Управление Дивизионного Интенданта 1-й Особой пехотной дивизии. Получено 21 октября/3 ноября 1917 г. Вх. № 3216». Помета: «К делу». На обороте: «Начальнику Тылового Управления Русских войск во Франции. На зависящее распоряжение. И.д. Дивизионного Интенданта 1-й Особой пехотной дивизии Подполковник (*подпись неразборчива*). Делопроизводитель (*подпись неразборчива*). 24 окт./6 ноября 1917 г. № 4397». Здесь же резолюция:

«Хоз. Ком. С. Мало. Донести, сколько сахару получают наши больные, сколько французские. 9.11 (*подпись неразборчива*)». Рядом квадратная печать: «Тыловое Управление Русских войск во Франции. Получено 12/11 — 1917. Вх. № 4449. Отд. хоз. 1107». Недостаток сахара Гумилев, видимо, почувствовал в госпитале на себе самом. Известно, что сладкое, сладкий чай он очень любил. Ирина Одоевцева вспоминала: «Гумилев очень любил сладкое. Он мог "ликвидировать" полфунта изюма или банку меда за один вечер, весь месячный академический паек. ‹…› — Самовар! — блаженно вздыхает он. — ‹…› С детства люблю глядеться в него — так чудовищно и волшебно. ‹…› — С детства страстно люблю чай. Горячий. Сладкий преcладкий. И еще с вареньем. Он накладывает себе в чашку варенья, сухарики хрустят на его зубах. Он жмурится от удовольствия…»[1804]

31 октября Гумилев расписался в ведомости о получении жалованья за октябрь 1917 года. Ведомость[1805] эта аналогична августовской, и зарплата его не изменилась, 106 руб. 50 коп. за октябрь. Есть его расписка: «Двести восемьдесят четыре франка получил прапорщик Гумилев, октябрь 1917». В августовской ведомости Рапп не значился. Но приказом по русским войскам № 117 от 2 ноября 1917 года было объявлено: «‹…› § 6. В дополнение приказа моего от 11 июля с.г. № 29 Комиссара Временного Правительства Г-на Раппа зачислить на денежное довольствие при Тыловом Управлении, считая оклад таковго 750 руб. в месяц. Основание: Телеграмма начальника Политического Отдела Военного Министерства вх. № 1390/1212. Занкевич»[1806]. Поэтому уже в этой ведомости появилась запись: «Комиссару Врем. Прав. Г. Раппу — Жалованья из оклада 750 руб. в месяц с 11 июля по 1 ноября (приказом по русским войскам № 29), всего 2750 руб.». В ведомости есть его автограф — «Семь тысяч триста тридцать три франка 30 сантимов получил, Е. Рапп». Как и в прошлый раз, у Гумилева почти наименьшее жалованье, меньше только, 32 рубля в месяц, у переводчика Лазарева и журналиста Ляшенко, но им, в отличие от Гумилева, полагались значительно превышающие основное жалованье «столовые» и «на представительство». (У Гумилева, без надбавок, было 61 рубль в месяц; но ему полагались еще и суточные — по 30 франков в день.)

Помимо расписки за получение жалованья, от этого последнего дня последнего «нормального» месяца 1917 года сохранилось еще два автографа Гумилева (хотя сами автографы были проставлены позже, 31 октября документы были только написаны). Они касаются разборки отрядных дел. Выше было приведено несколько документов, говорящих о расхождении Раппа с Отрядным Комитетом ранее «лояльного» отряда в лагере Курно, составленного из 5-го и 6-го Особых пехотных полков. Но не все было столь однозначно, как ни странно (а скорее, это вполне естественно), после «горячего Куртинского душа» уважением к Раппу прониклись солдаты мятежного 1-го Особого пехотного полка, также размещенные в лагере Курно. Уважение это, правда, было проявлено своеобразным способом. В канцелярию Раппа, а точнее, непосредственно Гумилеву, одновременно поступило два доноса. Вот эти документы с автографом Гумилева. Отношение солдат сводной роты 1-го Особого пехотного полка Военному комиссару Временного правительства Е. И. Раппу: «Солдаты Сводной роты 1-го Особого пехотного полка Лагеря Курно. 31 октября 1917. Получено 17.11.1917. № 104. Г-ну Комиссару Временного правительства Евгению Раппу. Желая быть преданным Вам, г-н Комиссар, как представителю русской демократии, верному революции России, мы, солдаты 1-й сводной роты 1-го полка, доносим, что наш ротный к‹оманди›-р штабс-капитан Маслов, с целью подорвать Ваш авторитет, внося смуту в солдатах, открыто обозвал Вас и Ген‹ерала› Занкевича "Сволочами". Считая это недопустимым, просим Вас, г. Комиссар, самыми суровыми мерами внушить последним, что безвозвратно прошло время глумления над представителями Русской демократии. Солдаты 1-й сводной роты 1-го полка»[1807]. На документе резолюция: «С подлинным верно: Офицер для поручений при В‹оенном› комиссаре Вр‹еменного› правительства. Прапорщик Гумилев (подпись)». Аналогичен и второй документ: «Ротный комитет 1-й Сводной роты 1-го полка Лагеря Курно. Октябрь 1917. Получено 17.11.1917. № 105. Господину Комиссару Временного правительства Евгению Раппу. Доводим до Вашего сведения, господин Комиссар, что на общем собрании 1-го Особого полка от 7-го (*20-го*) Сентября 1917 г. в своей речи мл. унтер-офицер 1-й сводной пулеметной роты 1-го полка Василий Николаевич Кольчугин, бывший член отрядного комитета, говорил следующее: "Господа, выбирайте добросовестных солдат в отрядный комитет, т. к. предстоит важная и сложная работа. Доверять Комиссару Временного Правительства нельзя. Я открыто заявляю, что комиссар Рапп ярый большевик и ленинец". Капитан Троицкий спросил его, что это так ли. Кольчугин ответил, "что я раз говорю, так значит это так". Из № 94 газеты Р.С.Г. (*"Русский солдат-гражданин во Франции"*) мы убедились, что Вы потерпели клевету со стороны товарища Кольчугина. Веря в Вашу верность Родине, мы убедительно просим Вас быть беспощадным к клеветникам представителей демократии. Пред. рот. комитета П. Валов. Члены С. Буланов. Секретарь С.П. Вишняков»[1808]. На документе та же резолюция: «С подлинным верно: Офицер для поручений при В‹оенном› комиссаре Вр‹еменного› правительства. Прапорщик Гумилев (подпись)». Рапп откликнулся на эти обращения письмом: «Спасибо Вам и военным товарищам за Ваше доверие, без которого мне было бы затруднительно защищать ваши интересы и свободную Россию. От должности я еще не отказался и не могу этого сделать в такую тяжелую минуту. Но действительно ко мне приезжала делегация Отрядного комитета и заявила мне, что отряд мне не верит и что мне придется отказаться. Но сделать этого я не могу, так как я поставлен от Временного Народного Правительства, а оно теперь переживает тяжелые времена и ему каждый должен помогать. ‹…› Если действительно солдаты не верят, то, конечно, когда затруднения правительства пройдут, то я попрошу, чтобы оно уволило меня. А вам еще раз спасибо»[1809]. Письмо это было написано 6/19 ноября, уже тогда, когда просить было некого, так как «заявления» от солдат были получены, можно сказать, в другую историческую эпоху, и вряд ли Рапп стал с ними разбираться, они просто были подшиты к «делу» и в таком виде дошли до нас. Перед Русской миссией вскоре встала неразрешимая проблема: какую страну, какую Россию она представляет.

В октябре в Петрограде тоже начинали догадываться о том, что излишняя «демократизация армии» может выйти боком. Любопытна полученная Занкевичем телеграмма из Петрограда от генерала Дитерихса, который, как и Занкевич, долгое время командовал русскими экспедиционными войсками, но не во Франции, а на Салоникском фронте, куда был направлен Гумилев: «Телеграмма от Генерала Дитерихса Занкевичу. Вх. № 1180 (исх. № 7339). Отпр. 9/22 октября. Получ. 11/24 октября 1917 г. О мероприятиях по поднятию боеспособности армии.

1) Реорганизация и увольнение старших сроков службы. 2) Возвращение дезертиров (к 15 ноября). 3) Поднятие дисциплины — убрать партийную (любую) агитацию в войсках; подготовить выборы в Учредительное Собрание (под руководством комиссаров); приказано подчиняться начальству, как представителям правительственной власти; отдавать честь. Новое положение о комиссарах и комитетах — служат лишь для того, чтобы следить за войсковой дисциплиной. 4) Поднять тактическую подготовку войск. 5) Подготовить укомплектование. 6) Обеспечить продовольствие и транспорт. 7) Материальное положение. Срок выполнения — к 1 мая 1918 г. Передать, в том числе, всем Военным Комиссарам»[1810]. Меры эти явно запоздали. И хотя телеграмма до Раппа дошла, реализовать «мероприятия по поднятию боеспособности армии» было уже невозможно как во Франции, так и в России.

Обзорные документы этого периода не внушали особого беспокойства[1811]. На осень крупных операций на Западном фронте не планировалось. Собиралась выйти из войны Австрия, и союзники хотели, чтобы Россия усилила давление на своем Юго-Западном фронте. В России были неудачи на Рижском фронте, что вызвало волнение среди союзников. Но больше всего пугало продолжившееся в ноябре брожение в войсках. 5 ноября Занкевич подал Раппу записку: «23.10/5.11 1917. № 1466. Военному комиссару. На основании телеграммы № 77184/2229 прошу Вас собрать под Вашим председательством комиссию из членов: генерал-майора Никоненко, одного представителя от Тылового Управления и представителя от Военного Агента для строгого согласования деятельности и устава Комитета Русских Военнослужащих г. Парижа с требованиями приказа № 213. Генерал-майор Занкевич»[1812]. Имеется в виду приказ № 213 по Армии и флоту «О комитетах и дисциплинарных судах» от 27 апреля 1917 года, о котором упоминал и Гумилев в отчете о Куртинском восстании. Предполагаю, что Занкевич собирался ознакомить собравшихся с директивами, полученными от Дитерихса, так как опасался деятельности вновь созданного Комитета Русских Военнослужащих г. Парижа, первое общее собрание которого, как было сказано выше, состоялось 3 ноября.

Последний документ, вышедший из канцелярии Раппа до событий в России, — направленное Военному Агенту Игнатьеву ходатайство о прикомандировании к нему лейтенанта французской службы В.Я. Мартынова: «…в настоящее время лейтенант Мартынов прикомандирован Вами к редакции Солдатской газеты, где он занят лишь до полудня. ‹…› При наличности лично моей канцелярии (один офицер и один писарь) я лишен фактической возможности выполнять как следует многосложную работу, которой я завален по моей должности. Спрошенный мной лейтенант Мартынов выразил свое согласие и готовность быть отданным в мое распоряжение. Е. Рапп»[1813]. Игнатьев расписался в получении этого документа — **25 октября/7 ноября 1917 года**. Учитывая сложившиеся отношения между Раппом и Игнатьевым, последний отказал комиссару в его просьбе, вместо этого вскоре Владимир Мартынов, подпоручик 10-й группы 81-го полка тяжелой артиллерии французской армии, политический эмигрант с 1907 года (предполагаю, старый приятель Раппа по эмиграции), был назначен переводчиком в русскую армию[1814]. Вскоре, правда, Занкевич предоставил Раппу еще одного помощника.

Однако вряд ли Раппу пригодился бы помощник, даже если бы он был назначен ему Игнатьевым 25 октября/7 ноября 1917 года. Очень красноречиво выглядят многие документы, полученные в Русской миссии в Париже в эти дни. Взгляд со стороны иногда оказывается более объективным, чем из гущи событий. Именно так увидел события, перевернувшие ход российской истории, Николай Гумилев.

Октябрьский переворот — взгляд из Парижа

Первое, что обращает на себя внимание, когда просматриваешь дела[1815], датированные 7 ноября 1917 года, это полное отсутствие каких-либо значимых событий — обычная текучка. Из Петрограда регулярно поступали сводки о положении дел на различных фронтах и в России. Все эти сводки получал как представитель Временного правительства генерал Занкевич, так и Военный комиссар Рапп. Так как в мою задачу ни в коей мере не входило описание всех событий войны, эти документы, как правило, не цитировались. Но документ, отправленный из Петрограда 25 октября/7 ноября, необходимо привести полностью, ведь он говорит о том, что сумятица в головах царила не только у малообразованных солдат, но и на самых верхах. Итак, телеграмма из Петрограда: «Вх. 1389, № 7889. Генералу Занкевичу от генерала Дитерихса. из Ставки. Отпр. 25.10/7.11 1917 г. Получено — 28.10/10.11. Личной ориентировки: за время с 17-го по 24-ое октября на суше, всех фронтах ничего существенного, везде перестрелка и поиски разведчиков. На фронте Приморского направления разведывательные части выбили турок из первой линии, местами достигли третьей, захвачено много оружия и снабжения. Балтийское море без перемен. На Черном море 18-го октября два наших миноносца обнаружили в бухте 1 неприятельский миноносец и 3 парохода. Миноносец нами потоплен, а пароходы сожжены. Истекшую неделю не прекращались попытки неприятеля братания на всех фронтах. Братавшиеся разгонялись огнем. Для содействия Итальянцам в течение 3-х недель на Южном и Румынском фронтах будут произведены в широком масштабе демонстративные действия. В частности, на Южном фронте будет приступлено к закладке исходных для атаки траншей, интенсивная воздушная разведка, артиллерийская пристрелка для означения атаки и мелкие наступательные операции наиболее прочными частями. На Румынском фронте и на фронте 9-й и части 8-й армий будет произведен ряд подготовительных атак демонстративного характера и поиски мелких партий, воздушная разведка, пристрелка к предполагаемым местам атаки и газовые атаки. На фронте Румынской армии кроме того предполагается атака одного из участков позиции противника. Дитерихс 7889. Копии: № 1 — Советнику Посольства; № 2 — Полковнику Графу Игнатьеву; № 3 — Полковнику Пац-Помарнацкому; № 4 — Капитану Галяшкину; № 5 — Оставить в канцелярии генерала Занкевича; № 6 — Начальнику штаба генерала Фоша (письмом). Верно: прапорщик Кочубей»[1816].

В этот же день объявляет ничем не примечательный приказ по войскам Занкевич: «Приказ по русским войскам № 122 от 25.10/7.11 1917 г. По части инспекторской. § 1. И.д. Старшего коменданта русских войск на юге Франции Подполковник Тавасшерна подлежит откомандированию в распоряжение Начальника 1-ой Особой пехотной дивизии для назначения на службу в один из полков этой дивизии. Для временного исполнения означенной должности допускается подполковник 234-го пехотного Богучарского полка Тарковский. § 2. Находящиеся на излечении в госпитале

«Bella nue» в г. Канне 2-го маршевого батальона 2-й Особой пехотной дивизии: поручик Добровольский, подпоручик Михайлов и прапорщик Коренец, и 8-го Особого пехотного полка прапорщик Рыбаков позволили себе 9-го октября сего года в 10-м часу вечера самовольно отлучиться из названного госпиталя, в каковом отсутствии и находились около 2-х часов. За означенный проступок объявляю названным офицерам выговор. § 3. Рядовой 1-го Особого пехотного полка Филипп Ласов, награжденный мною приказом по русским войскам во Франции от 18-го сентября (1 октября) сего года за № 88 Георгиевской медалью 4-й степени, как имеющий уже, по поступившему ныне донесению, таковую медаль, награждается взамен Георгиевской медалью 3-й степени. Означенную медаль выдать рядовому Ласову на № 146160. § 4. Рядовой 4-го Особого пехотного полка Степан Имшенецкий прикомандировывается к госпиталю № 49, находящемуся в Монполье, как санитар. Представитель Временного Правительства Генерал-майор Занкевич»[1817]. Издает очередной приказ ставший в сентябре генерал-майором Военный Агент А.А. Игнатьев: «Приказ № 116 от 25.10/7.11 1917. Париж. § 1. Представителей Лондонской Комиссии Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов Алексея Павловича Рождественского и Николая Александровича Ласкина считать с 19.10/1.11 прибывшими во Францию по осуществлению закупки медикаментов и инструментов для вышеуказанных организаций. Генерал-майор Игнатьев»[1818]. Выше приводились документы за эти дни, обсуждавшие возможность отправки русских войск после приказа Керенского, необходимость увеличения количества выдаваемого больным в госпиталях сахара (по запросу Гумилева), 7 ноября в лагере Курно заседал и Отрядный Комитет[1819], разбирая текущие склоки. Шла обычная повседневная работа, и в течение трех последующих дней ни одной тревожной вести из России в Париж так и не поступило. И только 10 ноября во все подразделения была разослана телефонограмма:

«В Тыловое Управление русских войск во Франции.
В канцелярию Представителя Временного Правительства.
В канцелярию Комиссара Временного Правительства.
Во все отделения Тылового управления.
В канцелярию Военного Агента во Франции.
В Авиационную Комиссию Тихонравову.
В Авиационную Комиссию Быстрицкому.
В Артиллерийскую Заготовительную комиссию.
В Осведомительное бюро.
Морскому Военному Агенту.
В редакцию газеты "Русский солдат-гражданин во Франции".

Ввиду создавшегося в последние дни положения в России желательно было бы выяснить ту позицию, которую займут военнослужащие города Парижа по отношению к событиям, происходящим в России. Также желательно знать и, в случае необходимости, иметь тесный контакт с русскими войсками и военными учреждениями, находящимися во Франции, для установления взаимной солидарности. Для этой цели военнослужащие Парижа приглашаются в ….. час. 10 ноября, rue 59, Pierre Charron, на чрезвычайное заседание в субботу 10.11 в 8 часов вечера»[1820]. Местом проведения этого первого заседания была выбрана канцелярия Военного комиссара Раппа. Безусловно, и Гумилев на нем присутствовал.

Собрание единодушно приняло резолюцию, и на следующий день была послана телеграмма Керенскому: «Телеграмма, исх. 57 от 30.10/12.11 1917 г. Главнокомандующему Керенскому. Собрание русских военнослужащих. Москва (Россия через Бомбей). Собрание русских военнослужащих Военных учреждений города Парижа, созванное в чрезвычайном порядке ввиду происходящих в России событий ПОСТАНОВИЛО: ВЫРАЗИТЬ СВОЕ ПОЛНОЕ отрицательное отношение к большевистским тенденциям, выступлениям и переворотам, вызывающим пагубную междоусобицу, грозящую самим завоеваниям революции. Собрание ожидает, что захват сторонниками большевиков тех или иных государственных учреждений не знаменует еще того, что народ в своем большинстве признает эту группу выразителем его воли. Собрание считает, что лишь то правительство, которое поставит одной из своих целей беспощадную борьбу с германским империализмом, способно вывести Россию на новый свободный и широкий путь. 57. Представитель Временного Правительства Генерал Занкевич»[1821]. Аналогичная телеграмма, исх. № 58, была отправлена начальнику штаба Верховного Главнокомандующего. 12 ноября состоялось собрание солдат и офицеров лагеря в Курно, и оттуда Керенскому тоже была направлена телеграмма: «Телеграмма, исх. 56 от 30 октября/12 ноября 1917 г. Москва (Россия) через Бомбей. Главнокомандующему Керенскому. Мы, Русские солдаты и офицеры во Франции, оторванные от Родины, доказавшие свою верность Революционной России уже в апрельских боях в Шампани, шлем Вам, Великий Вождь демократии, в тяжелый последний момент Вашей борьбы с большевистскими советами и контрреволюционными силами свой братский привет. Все наши силы, кровь и жизнь до последнего за свободную нашу Родину и за Вас. Боритесь за правое великое дело спасения любимой отчизны. По первому Вашему приказу везде, где угодно, со светлой радостью исполним наш долг спасения свободной Родины в страшной борьбе демократии с германским самодержавием. Мы верим в поражение опасных для Родины большевиков и темных сил контрреволюции, наносящих удар в спину растерзанной России. Вы, единственный залог нашего спасения, будьте тверды и беспощадны с врагами России. Мы до последнего вздоха с Вами. Председатель Отрядного Комитета Русских войск во Франции Джинория. Составлено при Представителе Русского Временного Правительства полковнике Бобрикове»[1822].

Думаю, что только этих полученных из Парижа телеграмм было вполне достаточно, чтобы впоследствии большевики могли с «чистой совестью» подписать смертный приговор всякому, возвратившемуся в Россию из Франции солдату, а уж тем более — офицеру. Кстати, об этом есть у А. Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ», во второй главе 1-й книги — «История нашей канализации»: «Уже в 1919 году была понята и вся подозрительность наших русских возвращающихся из заграницы (зачем? с каким заданием?) — и так сажались приезжавшие офицеры экспедиционного (во Франции) русского корпуса»[1823]. Исходя из этого, становится понятным, почему с приходом большевиков к власти сразу же прекратились дальнейшие переговоры о возможности возвращения русских войск из Франции (и Салоник) домой.

13 ноября во Французской Главной Квартире была получена первая телеграмма от Льва Троцкого о победе над Керенским: «Телеграмма получена 31.10/13.11. Передана: № 1 — в Посольство; № 2 — Военному Агенту; № 3 — Военному Комиссару; № 4 — в Канцелярию. 1. Рабочие и солдатские

депутаты, в ожесточенном бою под Царским Селом революционной армией на голову разбили контрреволюционные войска Керенского и Корнилова. Именем Революционного Правительства приказываю всем верным полкам Революции дать отпор врагам революции, демократии, принять все меры к захвату Керенского и также недопущению подобных авантюр, грозящих завоеваниям революции и также торжеству пролетариата. Да здравствует революционная армия. Главвоенком войск против Керенского полковник Муравьев[1824]. ‹…› № 23. В ночь с 12 на 13 ноября 1917 г. Войдет в историю попытка Керенского двинуть контрреволюционные войска на столицу революции. Попытка получила решительный отпор. Керенский отступал, а мы наступали. Солдаты, матросы, рабочие Петрограда показали, что умеют воевать с оружием в руках, утверждать волю и власть демократии. Буржуазия собиралась изолировать армию революции. Керенский пытался сломить ее силой. То и другое потерпело великое крушение. Великая идея господства рабочей и крестьянской демократии сплотила ряды армии и сохранила ее волю. Вся страна отныне убедится, что Советская власть не преходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенского есть отпор помещиков, буржуазии и Корнилову. Отпор Керенского есть утверждение права народа на мир, свободную жизнь, землю, хлеб, власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепил дело рабочей и крестьянской революции — возврата к прошлому нет. Впереди еще борьба, препятствия и жертвы, но путь открыт и победа обеспечена. Революционная Россия с Советской властью вправе гордиться своим Пулковским отрядом, действовавшим под командованием полковника Вальдена. Вечная память славным борцам революционным солдатам и верным народу офицерам. Да здравствует революционный народ социалистической России. Именем Совета народных комиссаров Л. Троцкий»[1825]. Радиотелеграмма получена 31.10/13.11 1917 года во Французской Главной Квартире. Резолюция: «Русскому Военному Комиссару препровождаю для личного сведения».

Реакция в Париже в ноябре на приходящие из Петрограда революционные лозунги была достаточно вялой. 15 ноября была утверждена структура управления подразделениями, подчиненными Русскому Представителю при Французских армиях генерал-майору Занкевичу[1826]. Существенных изменений она не претерпела. По-прежнему в эту структуру входили: 1-я Особая пехотная дивизия, включающая 1, 2, 5 и 6-й Особые пехотные полки, размещенные в лагере Курно; 2-я Особая пехотная дивизия, включающая 3, 4, 7 и 8-й Особые пехотные полки, остающиеся на Салоникском фронте; Тыловое управление полковника Карханина в Париже; Судная часть генерал-майора Николаева в Париже; отдельные чины для связи со Штабом французских армий и с Французской Главной Квартирой (среди них — полковник Бобриков). Обращает на себя внимание то, что Военной Агент А.А. Игнатьев не включен в эту структуру, хотя при назначении Занкевича он был поставлен в подчиненное ему положение. Видимо, его личные связи в Петрограде сработали (о чем говорит присвоение ему в сентябре звания генерал-майора), и он добился независимости, которая вскоре дорого (в буквальном смысле этого слова) обошлась для всей Русской миссии.

В ноябре продолжали решаться наболевшие, поднятые ранее вопросы. Опять Занкевич просит Раппа разобраться с приказом «О комитетах и дисциплинарных судах»: «2/15 ноября 1917. № 1575. Милостивый Государь Евгений Иванович. В дополнение к № 1466 прошу собрать Вашу комиссию разработать вопрос о согласовании организационной деятельности Отрядного Комитета с положениями приказов № 213 и 271. Уважающий Вас Занкевич»[1827]. 16 ноября в Курно состоялось заседание Отрядного комитета, впервые обсудившее события в России[1828]. Всеми они были восприняты крайне негативно.

А на следующий день, ровно через 10 дней после свершившегося в России переворота, в газете «Русский солдат-гражданин во Франции» появилась единственная публикация Николая Гумилева, в излюбленном жанре — разбор книги стихов. Гумилев написал рецензию на вышедшую в Париже книгу стихов унтер-офицера Никандра Алексеева «Венок павшим». Никандр Алексеев[1829] воевал в составе 1-й бригады в Шампани, потом служил старшим писарем в Русской миссии в Париже, как и работавший у Раппа А. Евграфов. Его имя часто упоминается в документах — в ведомостях на получение жалованья, в списках состава миссии[1830]. Своей первой книге Никандр Алексеев предпослал предисловие, на которое, как мне кажется, не мог не обратить внимания Гумилев, что определило тональность его рецензии. Хотя возможно, что предисловие было написано уже под влиянием разговоров с Гумилевым; об этом говорит упоминание учителя Гумилева Валерия Брюсова в самом начале предисловия:

«Я вполне разделяю мнение современного русского поэта Валерия Брюсова, что самому автору трудно составить сборник избранных стихотворений, особенно, если книга по необходимости должна быть небольшой. Как мать любит своих детей красивых и некрасивых, так поэт любит все написанные им стихи, и более совершенные, и не удавшиеся ему. С каждым стихотворением связан целый мир воспоминаний, каждое кажется живым существом, которое чувствует обиду, если его не включили в число избранных. При составлении этого сборника я руководствовался выбором стихов, написанных мною во время войны, под впечатлением различных настроений и переживаний, многие из которых, казалось, прямого отношения к событиям не имеют и написаны не на военные темы. Этого я и хотел. Здесь есть настроения и тоскливые. И грустные, и радостные. Из всей сложности и многообразия жизни, из цветов самых разнородных чувствований и еле уловимых движений сердца и души я хотел бы сплести “Венок павшим” на поле брани за Родину, за Революцию и за человеческую свободу вообще или за иные высокие идеалы Красоты...

Эта книга одинаково может быть читаема как русскими, французами, англичанами, так немцами и австрийцами, ибо в ней нет ни одного слова слепой ненависти к отдельным нациям, ибо у большинства людей есть Родина, которую они, естественно, не могут не любить, как нельзя не любить родной матери, которая, может быть, была и груба и била и колотила и таскала за волосы, когда мы были детьми... Не можем не любить потому, что мы часть ее тела...

Итак, я плету “Венок павшим” и кидаю его на свет, к солнцу... Может быть, и ты, мой читатель, найдешь в нем часть своей собственной, нерассказанной души...

Сентябрь 1917 г. Париж. Никандр Алексеев».

Видимо, между Гумилевым и начинающим поэтом установились дружеские отношения. Обратило на себя внимание изящное оформление первой книги Н. Алексеева: на обложке рисунок в форме венка, а в ряде мест текста — декоративные заставки, выполненные рукой профессионального

художника, имя которого не указано в выходных данных книги. Обнаруженное в архиве ГТГ письмо позволило установить авторов:

«Коллега Larionoff! Давно мы с Вами не виделись: не могу добыть Вашего телефона. Теперь — хотите казните, хотите — милуйте, но мне Вы нужны до-зареза, как говорят. Спешно. Дайте мне аудиенцию, письмом назначьте час, день и число. Знаете ли, нелепая мысль явилась издать сборником мою лирику войны. Уже все готово к печатанью — нужна обложка. Сборник будет называться "Венок Павшим". Так вот хочу Вас просить сделать несколько мазков Вашей футуристическо-кубической кистью. Если можете и если не хотите отказать, чиркните мне, когда будете дома, и я к Вам приду. Жму руку. Н. Алексеев.

Адрес 45, rue Washington. Nicandre Alexeeff.

P.S. Я свободен только после 6 часов вечера. Н.А.»[1831]

Видимо, Ларионов не отказал автору. Сохранился экземпляр книги с дарственной надписью М. Ларионову от 16 сентября 1917 года[1832]. Предположительно, обложка книги была оформлена Ларионовым, а заставки сделаны Гончаровой. Возможно, Гумилев как свел автора книги с художниками, так и помог молодому автору составить сборник стихов, на который дал рецензию в газете. Приведем ее полностью:

«Венок павшим. Сборник стихов Никандра Алексеева.
(Склад издания — 17, Rue Cujas (*улица Кюжас,* 17), Paris. Цена 2 франка)

Не получаем мы книг из России. А литература самое национальное из творчества. Музыка, живопись, научные открытия — все это для всего мира, какое-то эсперанто. Здесь, на чужбине, только литература может острую боль разлуки превратить в сладкую тоску. И вот появился первый образчик творчества русского военного отряда во Франции, этого нового своеобразного народа. Не будем придираться к недостаткам книги, неправильностям стихосложения, неловкости многих выражений, банальности мыслей... Ее качества более значительны. Неустанная мысль о родине, чисто русская мечтательность и певучесть стиха делают эту книгу дорогой и близкой. Как поэт Алексеев не отличается остротой переживаний. Они у него тотчас же превращаются в образы, которыми он сам страстно любуется, а иногда заставляет любоваться и других.

Вот, например, отрывок из стихотворения "Северная осень":

...Луна, взойдя, повисла на осине,
Затон реки и заводь серебря,
И вот покой, раскрыв глаза в долине,
Шагает через прясло сентября.
На берегу стоит Царевна-Осень,
Один... четыре... шесть и восемь.
Ведет царевна счет, — и падают листы...

Но у Алексеева есть иногда и сила, как показывает одно из лучших стихотворений сборника "Родине".

...Редеет глушь... Я слышу новый зов:
Заводский свист пронзительных гудков...

Поэту можно посоветовать не злоупотреблять словами с иностранными корнями "карьера", "эфирный", "бомонд" и раз навсегда отказаться от совершенно нелепых вставных французских фраз»[1833].

В Париже, в 1919–1920-х годах, уже после отъезда Гумилева, Никандр Алексеев выпустил еще две книги стихов: «Ты-ны-ны» и «Ветровые песни». О том, что между ними сложились достаточно близкие отношения, говорит посвященное Гумилеву стихотворение, вошедшее в сборник «Ты-ны-ны»[1834]. Во избежание недоразумений отмечу, что название сборника не дань футуризму (типа «дыр бул щыл» А. Крученых), а попытка звукописи, подражания гармошке, из первого стихотворения сборника «Родимая»: «На открытые ладони // Плещет дождик с вышины. // Чу! Играют на гармони // Заунывно ты-ны-ны...»

Осеннее

Н. Гумилеву

Даже в стужу по вершинам
Средь осинок и берез
Слышен зовам лебединым
Отзыв шорохов и слез.
  Росы виснут по отавам
  Синеглазым серебром...
  Шарит жнивой, по канавам
  Осень поздняя с серпом.
Серп зачем? Уже дожата
Золотая полоса...
Как роскошно и богато
Убираются леса!..
  Осень, медля, листья метит
  Поцелуем огневым...
  Все окрасит, все отметит,
  Кто любим и не любим.
И зажжет на море Утра
Новый день — Солнцевосход.
Ведра ржи и перламутра
Утром в море разольет.
  А под вечер, чуть устало,
  Медной бронью красных лат,
  (Чтоб не гасло, а блистало)
  Окует Солнцезакат.
Что, играя, умирало,
То восторгами зажглось...
«Раз-два», — пальцами считала,
Метя листья впрямь и вкось.
  Только озимь пала в осинь...
  Озимь — зелень — синева...
  Охмелела, видно, осень
  На пиру у Покрова.
Средь прокосов, где есть просинь,
У могильного креста,
Принц тоскует: «Осень, Осень,
Поцелуй меня в уста!»
  Из холмистых перелесиц
  А - у! — льется наконец:
  — «Принц, помедли... Через месяц,
  Через месяц под венец!»

— «За бугром, за старым валом
В ложе листьев ляжем мы
И уснем под одеялом
Горностаевым зимы».

Надпись на обложке этого сборника гласит: «Издание этого сборника напечатано в кол-ве 2000 экземпляров, из которых 50 пронумерованы и подписаны автором». На 1-й странице книги сказано: «По делам, касающимся издания книг Никандра Алексеева, и другим вопросам обращаться к Представителю автора в Париже П.П. Анненкову. M. Pierre Annenkoff, 11, Rue du Val de Grâce, Paris». О Петре Анненкове было сказано выше как об организаторе «Литературного утра» 18 августа, на котором выступили Гумилев, Минский и Бинshток.

Заканчивая рассказ о Никандре Алексееве, можно предположить, что память о Гумилеве он пронес через всю жизнь. Об этом говорят хранившиеся в семье сборник Гумилева «Шатер», 1922 года издания, и сборник переводов Н. Гумилева 1914 года, «Эмали и камеи» Теофиля Готье, вместе с французским оригиналом. По нему Никандр Алексеев предпринял попытку, вслед за Гумилевым, как бы соревнуясь с ним, заново перевести весь сборник стихов Т. Готье. Черновики переведенных им стихов, составивших почти полный сборник «Эмалей и камей», сохранились в семейном архиве, но никогда не публиковались[1835]. Стихотворение Никандра Алексеева включил Е. Евтушенко в антологию «Строфы века». Никандр Алексеев прожил достойную жизнь, и его имя должно сохраниться в истории отечественной литературы и культуры[1836]. Кстати, Никандр Алексеев был не единственным поэтом среди русских солдат во Франции. В 1920 году в Париже редакцией газеты «Русский солдат-гражданин во Франции» был выпущен сборник «На чужбине», в который вошли трогательные стихи как Н. Алексеева, так и многих других неизвестных и безымянных сочинителей[1837].

Гумилев начинает свою рецензию на книгу Н. Алексеева фразой: «Не получаем мы книг из России…» Странное совпадение — как раз в эти же дни из России до Парижа добрались по почте давно уже посланные книги для солдат во Франции. Список полученных книг специфичен, и вряд ли большинство из них могло, как сказал Гумилев в рецензии, «острую боль разлуки превратить в сладкую тоску»:

«1) Солдатская библиотека — 460 экз.;

2) Гоголь. “Повести и рассказы” — 17 экз.;

3) Ф.Ф. Кокошкин. “Учредительное собрание” — 50 экз.;

4) Ф.Ф. Кокошкин. “Республика” — 50 экз.;

5) Подпоручик Крылатов. “Молодая Россия” — 50 экз.;

6) Герасимов. “Новый Строй и Права Свободного Гражданина” — 10 экз.;

7) Косоносов. “Должны победить” — 50 экз.;

8) Анд. Крылов. “Речи” — 35 экз.;

9) Подпоручик Крылатов. “Задачи Народной Армии” — 100 экз.»[1838].

На основе поступавших во Францию документов можно сделать вывод, что в первые дни после переворота новая власть вообще забыла, что идет война, требующая твердого руководства, управления и координации действий. Отсутствовала даже элементарная телеграфная связь со Ставкой. Только 18 ноября из Лондона в Париж пришла телеграмма: «Сообщение с Петроградом в обоих направлениях Via Northern восстановлено»[1839]. И в тот же день была получена первая после переворота информация из Ставки: «5/18 ноября. 12 ч. дня. Из Ставки срочно. Приказом от 1/(14) ноября ввиду неизвестного для меня места пребывания ГЛАВКОВЕРХА вступил во временное исполнение должности ГЛАВКОВЕРХА. Тогда же отдал приказ остановить дальнейшую отправку войск на Петроград. В настоящее время производятся только оперативные перевозки. О вышеизложенном объявляю для ориентировки всех начальствующих лиц, комитетов и комиссара. 4/17 ноября. № 8133. Духонин»[1840]. На фоне этой сумятицы неожиданно смотрится поступившая в Париж еще одна телеграмма от новой власти: «Вх. № 2293 от 6/19 ноября 1917 г. Из Петрограда (шифром). Генерал-майор Добржанский командируется ИТАЛИЮ для приема заказанных ГВТУ[1841] АВТОМОБИЛЕЙ. Благоволите оказать возможное содействие его приезду и провозу означенного имущества. 468 Голеевский. 77208 Юдин»[1842]. 20 ноября Военный Агент Игнатьев подтвердил получение этой телеграммы и восстановление связи с Петроградом: «Исх. 2129 от 7/20 ноября 1917 г. Анаксагор Петроград (шифром). Начальнику Генерального Штаба и Главзагран. После перерыва телеграфных сношений с 27 нашего октября вчера начал получать телеграммы наши с № 77208 Юдин. Ввиду совершившихся событий, о коих никаких официальных сведений не имею, испрашиваю указания, могу ли возобновить отправку телеграмм всеми прежде действовавшими шифрами и в том числе и самыми секретными. Ожидаю самого срочного ответа. Париж. Вторник. Пок. 469. 2129 Игнатьев»[1843]. Но обмен этими двумя телеграммами, подшитыми к архивному делу, можно рассматривать скорее как агонию. Как видно из архивного дела, до этого происходил ежедневный обмен телеграммами с Петроградом, после 27 октября (ст. ст.), как указывает Игнатьев, был перерыв, вплоть до получения приведенной телеграммы об автомобилях. Более ни одной телеграммы из Петрограда в Париж по военным каналам не доходило в течение нескольких месяцев. В рассмотренном деле лист 93 — телеграмма об автомобилях от 19 ноября, а лист 94 — уже телеграмма, относящаяся к марту 1918 года! Это красноречиво подтверждает тот факт, что власть в России переменилась радикально и остающиеся во Франции русские войска интересовать ее перестали. При этом отдельные пламенные призывы Троцкого до Парижа доходили, но не по военным каналам связи.

Хотя возникла полная изоляция Русской военной миссии от пославшей ее России, она продолжала действовать, ведь во Франции оставалось более 16 000 российских граждан, солдат и офицеров, которые, как минимум, нуждались в куске хлеба. А даже это обеспечить вскоре стало весьма затруднительно, так как прекратились любые поставки и денежные переводы от верховной власти. И по-прежнему главными действующими лицами, обеспечивающими необходимое управление бездействующими войсками, оставались Занкевич и Рапп. Но отношения между Раппом и Отрядным комитетом постоянно ухудшались, и 20 ноября Занкевич обратился к нему с письмом: «Раппу от Занкевича. 7/20 ноября 1917 г. № 1608. Париж. Милостивый Государь Евгений Иванович. За последние две недели Отрядный Комитет неоднократно докладывал мне, что доверие к Вам в Отряде подорвано и что дальнейшая Ваша работа в Отряде пользы принести не может. Ввиду исключительной остроты переживаемого момента, когда особенно необходим демократический авторитет в войсках, а связи с Правительством у нас нет, — я вижу один только выход из создавшегося тягостного

положения, — выбор Вами в качестве Вашего помощника особо доверенного и пользующегося авторитетом в Отряде лица, на которого вы можете возложить работу в войсках. Генерал-майор Занкевич»[1844]. Последовал немедленный ответ Раппа: «Париж. 7/20 ноября 1917. Вх. 1 от 8/21.11.1917. Михаил Ипполитович. Вследствие наших переговоров и в ответ на Ваше письмо от 7/20 ноября с. г. за № 1608 нахожусь вынужденным сообщить Вам: 1) Как лицо, которому поручена Временным Правительством и Исп. Комитетом. Совета Раб. и Солд. Депутатов специальная миссия, связанная с особыми полномочиями и с особым доверием Временного Правительства, я не считаю себя вправе, без ведома и согласия этого последнего, сложить с себя ни юридически, ни фактически указанные полномочия и ответственность, и притом не зависимо от того, какого мнения держится Отрядный Комитет относительно моей деятельности. 2) Если факт упоминаемого Вами недоверия, существование которого Вами, по-видимому, признается, подтвердится, то, конечно, при первой же фактической возможности, я донесу о нем Правительству, назначившему меня, прося его разрешить этот вопрос. 3) Если бы выяснилось определенно, что Правительство это фактически не существует, а заменено новым, политическая программа которого мною не разделяется, то я сложу с себя обязанности и буду просить Вас тогда объявить об этом в приказе по войскам. 4) Наконец, что касается выбора моего помощника, то, хотя юридически такое право мне и не предоставлялось, однако, ввиду исключительности времени, нами переживаемого, а также чрезвычайного, вам известного обилия моей работы чисто кабинетного характера, я готов осуществить эту меру. Само собой разумеется, что, ввиду сказанного в п.1 настоящего письма, помощник мой будет действовать по моему уполномочию, в согласии со мной и в пределах установленного по нашему взаимному с ним соглашению. Допущение противного могло бы внести двойственность власти и распоряжений, что конечно весьма не желательно. Прошу вас принять настоящее мое письмо как окончательное решение возбуждаемого Вами вопроса, принятое мною по долгу моей совести. Уважающий Вас Евг. Рапп»[1845]. Думаю, можно не напоминать читателю, что упоминаемое Раппом «обилие работы чисто кабинетного характера» касалось и Николая Гумилева, который был полностью в курсе всех происходивших событий и склок, а не только писал рецензии в газету.

22 ноября из России была получена следующая радиотелеграмма: «4 ч. 50 м. утра. ‹…› Не получив ответа от Духонина до вечера 8/21 ноября, Совет народных комиссаров уполномочил Ленина, Сталина и Крыленко запросить Духонина по прямому проводу о причинах промедления ‹…› Переговоры велись от 2 до 4 ч. 30 м. утра 9/22 ноября. Духонин делал многочисленные попытки уклониться от объяснения. ‹…› Когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину, он ответил категорическим отказом подчиниться. Тогда именем Правительства Российской Республики и по поручению Совета народных комиссаров Духонину было заявлено, что он увольняется от должности за неповиновение предписанию Правительства и за поведение, несущее неслыханное бедствие трудящимся массам всех стран и в особенности армии ‹…› Новым Главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко»[1846]. Одним из первых распоряжений Главнокомандующего, прапорщика Крыленко, объявленное им в тот же день, 22 ноября, было приведенное выше указание Военно-морскому Агенту во Франции о пре-

кращении «присылки эмигрантов, а также ‹…› перевозки воинских частей, подлежащих возврату в Россию»[1847].

23 ноября из Салоник в Париж прибыл коллега Раппа, Военный комиссар на Македонском фронте. У Занкевича появилась еще одна «головная боль», второй Военный комиссар: «Записка Занкевича от 10/23 ноября 1917 г. Прошу не отказать в распоряжении к отводу одной комнаты для Комиссара Салоникских войск Михайлову. Кроме того, прошу распорядиться к назначению к названному Комиссару одного писаря и одной пишущей машинки. Занкевич»[1848]. Вскоре комиссар Михайлов[1849] сменил Раппа на уже тогда фактически ставшей фиктивной должности Военного комиссара Временного правительства при русских войсках, и формально занимал эту должность до марта 1918 года, когда был отстранен от всех дел французскими властями. Возможно, Занкевич полагал, что вновь прибывший комиссар поможет навести хоть какой-то порядок в войсках, что вряд ли было возможно. О «разгуле демократии» в лагере Курно говорит протокол заседания Отрядного комитета: «Выписка из протокола заседания Отрядного комитета от 10/23 ноября 1917 г., лагерь Курно. Вопрос 1-й. О Комиссии по согласованию деятельности Комитета во Франции с приказами по Военному Ведомству. По 1-му вопросу после прений Отрядный Комитет постановил: Отрядный Комитет отказывается от работ в Комиссии по согласованию деятельности комитетов во Франции с приказами по Военному Ведомству ввиду того, что Отрядный Комитет находит совершенно не ясным законное основание для образования названного комитета, а также ввиду состоявшегося принципиального решения Отрядного Комитета о Г. Раппе. Кроме того, Отрядный Комитет находит совершенно недопустимым тон официального извещения об образовании комиссии по согласованию к Председателю Отрядного Комитета: — названный документ начинается словами: «Генерал Занкевич приказал…». Секретарь Отрядного Комитета (*подпись неразборчива*)»[1850].

24 ноября в Париж приходит очередная радиотелеграмма от Троцкого. Обвинив в предательстве Духонина и Союзные державы, призывая всех к миру, он завершает свое пламенное послание словами: «‹…› Долой старые Царские договора и дипломатические происки. Да здравствует честная, открытая борьба за всеобщий мир. Именем Совета народных комиссаров — народный комиссар по иностранным делам Л. Троцкий»[1851]. Ответом на это послание явился приказ по войскам № 138 от 13/26 ноября 1917 года, впервые подробно осветивший отношение всей Русской миссии к происшедшим в России событиям: «§ 1. Объявляю для сведения текст нижеследующей декларации: Мы, нижеподписавшиеся, считаем нужным заявить во всеобщее сведение нижеследующее: **I.** Мы не признаем за группой лиц, захвативших правительственные учреждения города Петрограда, авторитета правительственной власти, которая опиралась бы на волю Российского народа. **II.** Мы следуем лишь директивам назначившего нас и нами представляемого Временного Правительства, полномочия коего нам данные остаются незыблемыми. **III.** Вся деятельность наша будет проходить как и прежде, в тесном согласии с союзниками. Подлинник подписали: Представитель Временного Правительства при Французской Армии генерал-майор Занкевич; Военный Комиссар Временного Правительства во Франции Евгений Рапп; Военный Комиссар Временного Правительства Македонского фронта М. Михайлов; Помощник Военного Комиссара Временного Правительства Македонского фронта О. Розенфельд. Декларация

эта сообщена была Послу В.А. Маклакову, который высказал полное свое сочувствие и обещал довести ее до сведения Временного Правительства. Представитель Временного Правительства генерал-майор Занкевич»[1852]. Очевидно, что при принятии этой резолюции присутствовал и Гумилев. Аналогичная резолюция была принята на общем собрании солдат и офицеров 13/26 ноября 1917 года в городе Монпелье на юге Франции: «‹…› Долой самозванцев и предателей! Они не могут успокоить Россию, не дадут ей постоянного хлеба, земли и воли, не дадут настоящей правды, не подготовят страну для созыва желанного Учредительного собрания. Оно одно Всероссийское Учредительное собрание способно разрешить все вопросы и должно быть немедленно собрано социалистическими коалиционными министрами…»[1853]

В этот же день было получено первое после переворота сообщение из Военного министерства: «Вх. 2347 от 13/26 ноября 1917 г. Из Петрограда. Осведомляю. 25-го октября произошло выступление большевиков, в результате коего Министры Временного Правительства были арестованы. 29-го октября во временное управление Военным Министерством вступил генерал Маниковский[1854], на основании полного невмешательства в его деятельность и при условии, что Военное Министерство, стоя вне политики, немедленно возобновит свои работы, необходимые для обороны государства. 45809. Юдин»[1855].

Ноябрь подошел к концу, положение русских войск так и останется неопределенным вплоть до окончания Гражданской войны в России. В начале 1920-х годов многие вернутся в Россию, но исключительно — каждый «своим ходом». Никакого организованного возвращения на Родину не будет. Судьбы возвращавшихся складывались по-разному, многих офицеров, как было сказано, записывали в «шпионы». Возвращающихся с Запада солдат тогда, слава богу, еще не объявляли сразу шпионами, как будет после окончания следующей войны. Принято называть «первой волной эмиграции» тех, кто покинул Россию и перебрался во Францию после окончания Гражданской войны. Это неверно — первая большая русская колония во Франции была основана в 1917 году, из тех, кто воевал за честь России и Франции вдали от бросившей их Родины. А пока Русские службы в Париже по инерции продолжали ставшую мало кому нужной деятельность. И каждый по-своему решал, как ему быть дальше. Такое решение вскоре предстояло принять и Николаю Гумилеву.

Париж в конце 1917 года

Как говорилось ранее, никаких прямых отзывов о работе Гумилева при Раппе обнаружить не удалось. Но один документ, относящийся к 29 ноября 1917 года, крайне любопытен. Заметим, что к этому времени отношения Раппа с различными подразделениями обострились, отряды, за дисциплину в которых он отвечал, отказали ему в доверии, и на этом фоне особенно выделяется подписанный им документ:

«Комиссар Временного Правительства и Исполнительного Комитета Сов. Раб. и Солд. деп. при Русских Войсках во Франции. 59, rue Pierre Charron. Париж. 16/29 ноября 1917. № 148. Спешно. Старшему коменданту г. Парижа.

Прошу Вас освободить от дежурства прапорщика Гумилева, единственного[1856] офицера, находящегося в моем распоряжении, как это Вы сделали по отношению к писарю моему Евграфову. **В отсутствие прапорщика Гумилева вся работа останавливается** (*выделено С.Е.*). Евг. Рапп (*подпись*)»[1857].

Отпечатанный на машинке документ испещрен множеством печатей и резолюций, и к нему приложено еще несколько бумаг. Вопрос решался долго. Вначале стоит квадратная печать: «Старший комендант г. Парижа. 17/30.XI 1917. Вх. № 3183». Рядом первая резолюция: «17/30 - XI. Освободить офицера могу лишь с разрешения генерала Занкевича». На обороте документа направление его обратно Раппу: «Получено 30.XI 1917. № 130. Комиссару Временного Правительства. Препровождаю согласно резолюции Старшего Коменданта. За Помощника Коменданта Поручик Базилевич. 17/30 ноября 1917 г. № 3771». Вскоре подписавший этот документ поручик Базилевич будет передан в распоряжение Военного комиссара Раппа. Рапп наложил на документ резолюцию-направление: «На заключение Ген. Занкевича. Е. Рапп. 30/XI». И попросил Гумилева подготовить от своего лица еще одну бумагу (на таком же бланке комиссара Раппа): «Штаб-офицеру для поручений при представителе Временного правительства полковнику Бобрикову. Препровождаю согласно резолюции Военного комиссара на заключение Представителя Временного правительства. Приложение: сношение Военного комиссара за № 148. Прапорщик Гумилев (*подпись от руки*)»[1858]. На этой бумаге — прямоугольный штемпель: «Вх. № 1611, 18 ноября/1 декабря 1917». Но подключение знакомого Гумилеву Бобрикова не помогло, и в этот же день появляется третья бумага, от Занкевича Раппу: «1 декабря 1917. № 1819 на № 148/151. Военному Комиссару. Ввиду сравнительно небольшого количества дежурных офицеров, а с другой стороны необременительности самого дежурства, связанного с пребыванием в самом бюро, я прошу Вас не отказать не настаивать на данном вопросе. Генерал-майор Занкевич»[1859]. И наконец, спустя несколько дней, Занкевич, видимо, устно договорившись с Раппом, накладывает на его первое прошение еще одну резолюцию: «Ввиду небольшого числа дежурящих офицеров просить г. Комиссара отказаться от его просьбы. 24.XI/ 7.XII. (*Подпись Занкевича*)».

Действительно, в утвержденной 24 ноября инструкции говорилось: «Инструкция. Дежурный по русским военным учреждениям, находится в городе Париже в доме № 59 по ул. Пьер Шаррон»[1860]. По этому же адресу располагался и Комиссариат Раппа. В справке из строевого комитета г. Парижа сказано, что дежурство несут 19 человек[1861]. Обнаружился в архиве и документ с утвержденными в ноябре обязанностями дежурных офицеров:

«Обязанности дежурного офицера. (Смена дежурных — в 9 ч. утра, в военной форме, без оружия.)

Наряд на дежурство ведет старший комендант русских войск в г. Париже.

Обязанности дежурного офицера.

1. Дежурный офицер подчиняется непосредственно старшему коменданту русских войск в Париже.

2. Дежурный офицер должен неотлучно находиться в канцелярии управления старшего коменданта.

3. Он должен следить за общим порядком во всем здании и правильным получением и распределением всей почты по управлению, находящемуся в д. № 59 Пьер Шаррон.

4. Вне присутственных часов, он вскрывает все прибывающие телеграммы, а также прочитывает телефонограммы и, в случае экстренности, уведомляет срочно тех лиц, к делопроизводству коих они относятся.

5. Он принимает лично всю прибывающую корреспонденцию и в присутственные часы, по занесении ее в дежурную книгу установленного образца, немедленно рассылает с дежурным писарем по управлению корреспонденцию, полученную в неприсутственное время, сдает ее при первой же необходимости по принадлежности. С телеграммами и телефонограммами, а также бумагами весьма срочного характера, поступает, как указано в 4-м пункте настоящей инструкции.

6. У него должна находиться книга со всеми адресами и номерами телефонов офицеров и чиновников управления, чтобы, в случае необходимости, можно было их вызвать или уведомить.

7. В случае задержки и доставки кого-либо в комендатуру управления, он должен, если это офицер, сообщить кому-либо из офицеров команды управления, если это солдат, то направить его в сопровождении 2-х конвойных старшему казармы "Пепиньер".

8. В случае пожара в расположении здания или вблизи его, он немедленно уведомляет об этом всех начальственных лиц, делает распоряжения о немедленном спасении канцелярии и имущества из помещения, которым угрожает опасность, и одновременно извещает пожарную часть.

9. Дежурному офицеру разрешается отлучиться для завтрака с 13 час. до 14 час. и для обеда с 19 час. до 20 ½ часа.

10. После смены с дежурства, дежурные освобождаются в этот день от занятий»[1862].

Именно эти обязанности должен был выполнять Гумилев, так как освободить его от дежурства Раппу не удалось. Эти несколько «бюрократических» документов позволили нам заглянуть в повседневную служебную жизнь офицера для поручений Николая Гумилева в последние месяцы его пребывания в Париже, а также составить некоторое представление о его взаимоотношениях со своим непосредственным начальником Евгением Раппом.

Если существование Военного комиссариата в Париже было пока еще как-то оправдано, то поражает факт продолжения в эти дни работы Военного комиссариата при Временном правительстве в Петрограде. 30 ноября там был объявлен приказ Военного комиссара № 62, оказавшийся последним. Не могу отказать себе в удовольствии воспроизвести его: «Приказ № 62 по Управлению Военного Комиссара Временного Правительства при Верховном Главнокомандующем. 17 ноября 1917 (*заметим — прошел почти месяц после Октябрьского переворота!*). Ставка. По хозяйственной части. § 1. Исключить из описи имущества Управления разбитых, во время переезда Управления с Быховской улицы на Большую Садовую, 5 чайных стаканов. § 2. Уплачено по счету № 158 магазина Т.Н. Шейнину за пять плевательниц для Управления Пятнадцать рублей 75 копеек. § 3. Уплачено по счету № 159 Х. Рабиновичу, за иголки для Управления, один рубль. Итого израсходовано 16 р. 75 к. § 4. Купленные для Управления ПЯТЬ плевательниц записать в описи имущества Управления. Подлинник подписал Военный Комиссар Станкевич»[1863]. Остается только посочувствовать комиссару Станкевичу. Или вспомнить Саломею — С.Н. Андроникову-Гальперн, музу многих поэтов и художников Серебряного века: «Жили мы в Крыму, собирались в сентябре вернуться в Петроград. ‹…› У меня был знакомый, влюбленный в меня адвокат, Гальперн Александр Яковлевич, еврей, интеллигент. Так вот, Гальперн каждый раз писал мне в Крым письма, умоляя не приезжать в голодный Петербург, переждать в Крыму. Переждали. ‹…› По совету Гальперна я решила отвезти дочку на Кавказ, оставить ее у мамы и одной вернуться в свой революционный город. ‹…› "Если вы такая сумасшедшая, можете ехать голодать, но ребенка завезите матери" — писал Гальперн. Так я отправилась ‹…› в Баку. Я никогда больше не увидела Петрограда. Кстати, в Баку мне из Крыма переслали письма, которые Гальперн продолжал писать. Среди них была телеграмма, датированная 24 октября 1917 года: "Можете возвращаться. В столице спокойно. Временное правительство укрепилось". На следующий день мой Гальперн сидел под арестом у большевиков. А я, уже в эмиграции, когда вышла замуж за Гальперна, — его выпустили и дали возможность уехать за границу, — имела повод смеяться над ним: "Хорошо 'осведомленное' правительство! Я считала и считаю, что они получили то, чего заслуживали"»[1864].

Этот последний день месяца, пятница 30 ноября 1917 года, оказался богатым на документы, в которых неожиданно встречается имя Николая Гумилева. По ним можно судить, что периодические сетования Раппа на большой объем работ вполне соответствуют истине. Как следует из приведенных выше документов о дежурстве Гумилева, в доме по улице Пьера Шаррона, 59, размещались помимо комиссариата Раппа и другие русские военные учреждения. Там же проходили заседания недавно созданного исполнительного комитета военнослужащих г. Парижа. 30 ноября на заседании комитета рассматривалась жалоба члена комитета полковника Коллонтаева на неправомерные действия подполковника Крупского, служившего в Управлении Военного Агента графа А.А. Игнатьева и назначенного последним для связи с этим комитетом. В сохранившемся заявлении Коллонтаева сказано: «Внеочередное заявление в закрытом заседании. В исполнительный комитет военнослужащих г. Парижа от члена того же Комитета полковника Коллонтаева. Сего числа около 12 ч. дня поручик Владимиров, встретив меня возле Тылового управления, задал мне вопрос: получил ли я повестку на сегодняшнее заседание Исполнительного Комитета[1865], а затем прибавил, что адресованная на мое имя повестка попала к подполковнику Крупскому, который принес ее Комиссару Раппу с протестом против вопросов, подлежащих сего числа рассмотрению Исполнительным Комитетом. Ответив, что никакой повестки я не получал, я тотчас же поднялся к Комиссару Рапп и спросил его, каким образом к нему могла попасть адресованная на мое имя повестка. На это Комиссар сначала ответил мне, что он никакой повестки не видел и ничего не знает. Потом, порывшись в одной из папок Канцелярии, нашел повестку, мне адресованную, и сказал, что недоумевает, почему и как она тут очутилась. Затем сделал догадку, что, вероятно, подполковник Крупский принес ее[1866], чтобы узнать, утверждена ли эта повестка им, Комиссаром, как это следует "по закону". Вошедший в это время прапорщик Гумилев доложил Комиссару, что действительно подполковник Крупский лично принес адресованную на мое имя повестку и спрашивал, утверждена ли таковая Комиссаром. Тогда я заявил Комиссару, что не знаю "закона", на основании коего повестки дня должны быть утверждаемы Комиссаром, и что прошу мне таковой указать. На это Комиссар мне сказал, что я плохо знаю приказ по В. В. за № 213[1867], а что касается до того, как попала моя повестка к подполковнику Крупскому, то он не знает. Таким же незнанием этого факта отозвался и прапорщик

Гумилев. Прошу Исполнительный Комитет не отказать рассмотреть и обследовать все это дело подробно в настоящем же заседании[1868]. Подлинник подписал полковник Коллонтаев. Верно: секретарь (*подпись неразборчива*)»[1869]. В этот ли день дежурил Гумилев, или в один из следующих, сказать трудно, но очевидно, что скучать ему у Раппа не приходилось.

В этот же день сотрудникам Русской миссии выдавалось жалованье, но ведомость за ноябрь с его автографом не сохранилась. Судя по сохранившейся ведомости за декабрь, он в ноябре получил, как ему было и положено, 284 франка. Еще в архиве сохранился «**Расчет** Тылового Управления Русских войск во Франции на выдачу состоящим на денежном довольствии при Управлении офицерам суточных денег и полевых порционных за ноябрь 1917 года»[1870]. Далее следует ведомость, в виде таблицы, которую здесь воспроизвести сложно, поэтому приведу ее содержание по «столбцам», для строки, относящейся к Гумилеву.

(1) **Кому и на каком основании выдают деньги:** Состоящий при Комиссаре Временного Правительства Прапорщик Гумилев (приказ № 51).

(2) **Число суток:** 30.

(3) **Суточный оклад:** 30.

(4) **Причитается:** 900.

(5) **Удержано** — стоит прочерк.

(6) **Выдано на руки:** 900.

(7) **Расписка в получении денег:** проставлена расписка-автограф — Девятьсот франков получил прапорщик Гумилев.

В списке 9 фамилий: у всех суточные по 30 франков, Гумилев идет под № 4.

Представляет интерес еще одна ведомость о зарплате. Это «Расчет Тылового Управления на выдачу жалованья переписчикам и машинисткам Управления на ноябрь месяц 1917 года»[1871]. В этой ведомости значится: «Кому выдать деньги — Переписчице Буше (приказ по управлению № 36). Месячный оклад — 350 франков. Сумма — 350 франков. Расписка в получении денег — (*стоит автограф*) триста пятьдесят франков — **ЕДюБуше**». Впервые в военных документах встречается имя Елены Карловны Дюбуше, парижской «Синей звезды» Николая Гумилева. Почерк у нее — очень изящный. И именно так она сама писала свое имя — Елена Дю Буше.

Сохранился еще один денежный документ, непосредственно касающийся Гумилева и датированный тем же самым днем, 30 ноября. Подготовлен он был в России и до Парижа добрался тогда, когда Гумилев был уже в Лондоне. Причитающиеся по нему деньги он получил уже в Англии. Сам документ приведем здесь и напомним о нем позже. Появление его связано с начавшейся еще в октябре перепиской о получении добавочного жалованья за Георгиевский крест начальника Тылового управления Карханина с отделом по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба[1872]. Подготовлен документ в бывшем полку Гумилева, об отчислении из которого в сентябре 1917 года он так и не узнал:

«В Тыловое Управление Русских войск во Франции. Париж. АТТЕСТАТ № 10986. Дан сей от 5-го гусарского Александрийского полка на прапорщика Гумилева, командированного на Салоникский фронт, в том, что по имеющемуся у него Георгиевскому кресту 3-й степени, пожалованному за отличие, оказанное им в делах против неприятеля, он удовлетворен по этому кресту из оклада в год по шестьдесят рублей по первое мая 1917 г. 17/30 ноября 1917 года. Действующая армия. Командир полка Полковник (*роспись*). Вр. и.д. Помощника по хозяйственной части Полковник (*роспись*). Вр. и. д. Полкового Адъютанта Штаб-ротмистр (*подпись*)»[1873]. В углу аттестата — гербовая печать 5-го Гусарского Александрийского полка. Документ любопытен тем, что он показывает: хотя прошел почти месяц после Октябрьского переворота, действующих на фронте войск он как бы еще не затронул, в частности, солдатам продолжали выплачивать вознаграждения за полученные награды. Продолжалось это, надо думать, недолго…

Декабрь 1917 года начался с объявления Занкевичем следующего приказа: «Приказ по русским войскам № 144 от 18.11/1.12 1917 г. По части инспекторской. § 1. Ввиду переживаемого нашей Родиной острого политического момента, приказываю, как это ни тяжело, всем военнослужащим русским, находящимся во Франции, не посещать увеселительных мест, ресторанов, театры и прочее в военной форме. Вообще советую носить вне службы по возможности статское платье. Желающим разрешаю и на службе быть в статском платье. Занкевич»[1874]. Так что декабрь начался внешним «расформированием» русских военнослужащих в Париже, а закончился он — официальным закрытием Русской военной миссии и большинства ее подразделений, в том числе и комиссариата, где служил Николай Гумилев. 1 декабря Рапп подал рапорт Занкевичу, требуя соответствующих санкций за «оскорбление должностного лица при исполнении им своих служебных обязанностей»[1875]. Конфликт был связан с его безуспешными попытками наладить хоть какое-то взаимодействие с 1-й Особой дивизией. 3 декабря из пока еще как-то работающей Ставки в Петрограде пришел очередной обзор о политическом и военном положении в России и на фронтах[1876]. На этот раз в отчете сообщается о выступлении большевиков, об аресте Временного правительства, о бегстве Керенского, о его поражении под Гатчиной, о назначении главнокомандующим Духонина, о беспорядках в Москве и расстреле там юнкеров, об образовании Совета народных комиссаров под председательством Ленина и неприятии его другими партиями, об отставке Духонина из-за отклонения им ультиматума большевиков и назначении на его место прапорщика Крыленко. О том, что именно в этот день Духонин был убит, сообщить не успели.

В канцелярии Раппа работа пока еще продолжалась. 3 декабря зарегистрирована бумага из канцелярии Занкевича: «Вх. № 1736 от 20.11/3.12 1917. Военному Комиссару. По приказанию Представителя Временного Правительства при сим препровождаю Вам на заключение протокол Комитета Русских Военнослужащих в Париже. Просим Вас не отказать вернуть переписку после ознакомления. Полковник Бибиков»[1877]. Что было в этой переписке — не ясно. Возможно, бумаги, связанные с подготовкой выборов в Учредительное собрание. На следующий день, 4 декабря, из его канцелярии приходит еще одна бумага Раппу, интересная тем, что в ней обозначен полный состав миссии на начало декабря: «Вх. № 1961 от 22.11/4.12 1917 г. Председателю Комиссии по выборам в Учредительное Собрание. В Русской военной миссии, судной части и при Военном Комиссаре Русских войск во Франции числился следующий воинский состав:

	Генералов	Офицеров	Солдат
1. Русская Военная Миссия	2	7	6
2. Судная часть	1	3	2
3. Военный Комиссар	—	3*	1
Всего	3	13	9

* В число 3-х офицеров входит и сам Военный Комиссар.

В.и.д. штаб-офицера для поручений Полковник Бобриков»[1878].

Из этого документа следует, что штат Военного комиссара возрос до четырех человек: сам Рапп, два офицера — прапорщик Гумилев и поручик Базилевич, писарь Евграфов.

5 декабря Занкевич подписывает важный документ, говорящий об отношении Русской миссии и союзников к возможному заключению перемирия, к которому призывал Троцкий: «22.11/5.12 1917 г. Никакого предложения перемирия Правительством не сделано. Послы при союзниках никаких инструкций не получали. Информация здесь крайне недостаточна. Союзники не теряют надежды, что Россия не позволит измены и сепаратного мира. Поэтому они с ней не разрывают, продолжая помогать ей, и готовы служить всячески, если будут указания, что нужно и необходимо сделать. Они хорошо понимают, что при настоящих условиях трудно рассчитывать на военную помощь России, и будут вести войну без этой помощи. Но необходимо все-таки, чтобы Россия не становилась на сторону врагов, не возвращала им пленных и не давала продовольствия, столь необходимого, чтобы она не прекращала блокаду. Это первое, к чему надо стремиться. Было бы крайне желательно, коли мирным переговорам суждено начаться, чтобы дело было поставлено так, что Германия высказала свои условия общего мира, то есть чтобы было исполнено обещание Троцкого, что он хлопочет не о сепаратном, а об общем мире. Если есть какая-либо возможность принудить исполнить это обещание, это надо постараться сделать. Правительство здесь тоже занимает выжидательное положение, воздерживается от заявлений и слов. Если бы в России образовалось Правительство, которое было бы признано ей, и которое не вело бы к измене, можно было бы думать, что здешнее Правительство, какова бы ни была политика относительно мира, постаралось бы иметь с ним сношение. Здесь очень интересуются, в какой мере можно надеяться на образование здорового центра на юге России. Занкевич»[1879].

Брожения в русских частях Франции все нарастало. 7 декабря получено послание от Отрядного комитета в Иере (Hyères). Это еще одна колония русских солдат на Южном побережье Франции, восточнее Марселя, где солдаты проходили курс лечения. И там все недовольны руководством: «Наказ делегатам Иерской команды выздоравливающих солдат в Отрядный комитет русских войск во Франции (принято на собрании в Иере 24 ноября/7 декабря 1917 г.) ‹…› 2) Генерала Занкевича, Комиссара Раппа и Графа Игнатьева удалить и взять власть Отрядному Комитету»[1880]. И сюда, до Франции, добрался лозунг «Вся власть Советам!».

В этот же день ранее прикомандированного к Раппу от 1-й бригады писаря перевели в его штат: «Приказ по русским войскам № 146 от 24.11/7.12 1917 г. ‹…› § 4. Младший писарь 1-го маршевого батальона 1-го Особой пехотной дивизии Александр Евграфов переводится в управление Комиссара Временного Правительства при русских войсках во Франции с переименованием в старшего писаря высшего оклада»[1881]. Но вскоре Рапп будет вынужден покинуть свою должность, причиной чего, помимо его расхождений с отрядом, будет бурная, во многом провокационная деятельность недавно прибывшего в Париж Военного комиссара Салоникского фронта Михайлова. 8 декабря Михайлов подает докладную записку Занкевичу, на бланке Военного комиссара на Македонском фронте: «Вх. № 1692 от 25.11/8.12 1917 г. Приехав сегодня в 10 ч. 30 м. утра в управление, я случайно узнал о том, что сегодня в 10 ч. утра состоится панихида по Верховному Главнокомандующему Генералу Духонину. Крайне сожалею, что не

имел возможности присутствовать на панихиде исключительно потому, что совершенно не был поставлен об этом в известность. Примите уверения в совершенном уважении. Михайлов»[1882]. Думаю, что Гумилев и Рапп на этой панихиде присутствовали. В этот же день воззвания Михайлова попали в приказ по Русским войскам: «Приказ № 149 от 25.11/8.12 1917 г. Объявляю приказ Фронтового Военного Комиссара Временного Правительства М.А. Михайлова от 5 декабря 1917 г.»[1883]. В самом многословном приказе сплошь общие слова — поднять боевой дух, заслушать доклады начальника миссии и Е.И. Раппа, который посетил Ля Куртин, перевести арестованных из лагеря Ля Куртин в Бордо, то есть в лагерь Курно. Здесь важно то, что Михайлов сообщает о недавнем посещении Раппом лагеря Ля Куртин, других документов об этом обнаружить не удалось. Скорее всего, его сопровождал туда и Николай Гумилев. Результатом посещения Раппом лагеря Ля Куртин, видимо, явился «Приказ по русским войскам № 150 от 25.11/8.12 1917 г. Солдаты из-под ареста (Ля Куртин) направляются на работы (вне сферы военных действий). Оклады по Тыловому управлению за все время нахождения под следствием (кроме зачинщиков)»[1884].

10 декабря из Тылового управления было направлено сопроводительное письмо № 4499 к «Списку офицеров, отправленных на Французский фронт и на Салоникский фронт»[1885]. Список включил 79 офицеров, отправленных на Французский фронт, и 54 офицера, отправленных на Салоникский фронт. Среди последних, под № 39, записан: «5-го Гусарского Александрийского полка прапорщик ГУМИЛЕВ — При Комиссаре Временного Правительства русских войск во Франции».

Разъезды Раппа и, скорее всего, сопровождавшего его Николая Гумилева по лагерям продолжились и в декабре. 13 декабря Рапп посылает Занкевичу телеграмму из лагеря Курно о подготовке выборов в Учредительное собрание[1886]. В этот же день отправилась в долгий путь весточка из Петрограда, так и не успевшая застать своего адресата. До Франции добралась она лишь в июне 1918 года, когда Гумилев уже встретился с отправившей ее Анной Энгельгардт. Письмо это, не прочитанное адресатом, приведено в Приложении 3, наряду с еще двумя не нашедшими своих получателей письмами, посланными из Парижа в Россию весной 1918 года.

Постепенно все управление русскими войсками во Франции переходило к французским органам власти. Занкевич пытался осенью добиться разрешения послать дееспособные части на Салоникский фронт, где продолжала участвовать в боях 2-я Особая пехотная дивизия. Однако приказом по русским войскам № 155 от 6/19 декабря 1917 года было объявлено, что «французы отказались ждать созыва Учредительного Собрания. Посылка войск в Салоники — невозможна. Дивизия передается властью на работы — по указанию Французского Правительства»[1887]. Еще ранее, постановлением от 16 ноября 1917 года за № 27576 французского военного министра Клемансо, состоявшего в то же время председателем Совета Министров, было решено, что русские солдаты, находившиеся во Франции, подлежали распределению на 3 категории: желающих записаться добровольцами во французские войска, желающих работать во Франции там, где это требуется, и тех, кто не принимает эти условия, — все они подлежали отправке в Северную Африку. Это был так называемый «трияж». Одновременно Клемансо постоянно ставил вопрос о возвращении русских контингентов в Россию. В письме к французскому министру иностранных дел от 19 ноября

он указывал, что единственная возможность выполнить это состоит в том, чтобы использовать американские суда, которые высаживают свои войска во Франции. Прибывающим необходимы были помещения, постройка которых, без сомнения, обойдется дороже, чем отправка 16 тысяч человек в Россию. При этом предполагалось освободить для американцев лагеря Ля Куртин и Курно, которые могли дать крышу для размещения 23 тысяч человек. Однако такое решение американцев не устроило, в течение декабря лагеря были освобождены, все русские отряды прошли через «трияж». Большинство из них оказалось в Северной Африке.

В течение декабря Занкевич до последней возможности сопротивлялся принятию такого решения. Однако больше ему приходилось заниматься разными разборками, в центре которых, как правило, оказывался Военный Агент граф Игнатьев. Так, 20 декабря им с Раппом пришлось разбираться с жалобой Отрядного комитета, представителей которого Игнатьев отказался принять только потому, что они пришли к нему вместе с полковником Коллонтаевым[1888], в инциденте с которым оказался косвенно замешан Гумилев.

Хотя Занкевич ранее, 23 августа, распорядился о выплате Гумилеву суточных и он их, как мы видели, регулярно получал, потребовался дополнительный приказ, который был объявлен 21 декабря: «Приказ по русским войскам № 156 от 21 декабря 1917 г. (н.ст.). По части хозяйственной. ‹…› § 2. В дополнение приказов моих № 51 и 52. Прапорщика ГУМИЛЕВА и офицеров французской службы Капитана Нарышкина и Подпоручика Извольского считать зачисленными на суточные деньги применительно к ст. 794 кн. XIX С.В.П. и приказа по В.В. 1915 г. № 283»[1889]. В этот же день из Копенгагена было получено послание, касающееся заключения большевиками сепаратного мира: «Вх. от 8/21 декабря 1917 г. (из Копенгагена). Передаю послание в Огенквар[1890] телеграммой: “Заключение сепаратного перемирия и неизбежный по видимости сепаратный мир считаю позором для России, всецело ложащимся на правительство народных комиссаров, признать коих мне не позволяет совесть. Тем не менее, буду продолжать свою работу, доколе это будет возможным по местным условиям, прежде всего в интересах самих союзников. Буду также сообщать в Огенквар все имеющее прямое отношение к военным интересам России и заботиться о находящихся здесь воинских чинах. Однако оставляю за собой свободу действий и отчета в них большевистским комиссарам давать не буду. Все находящиеся в моем распоряжении чины разделяют мою точку зрения”. 1363. Потоцкий»[1891].

23 декабря Рапп отправляет письмо Занкевичу № 167[1892], касающееся деятельности комиссара Михайлова. Рапп просит Занкевича привлечь Михайлова к ответственности за провокационные воззвания. 29 декабря и. о. военного прокурора своим рапортом № 397[1893] признает эти воззвания соответствующими деяниям ст.362 уполномочия о наказаниях 1885 года. Однако все это уже мало кого волновало. 24 декабря Клемансо подписал положение о русских войсках во Франции, согласно которому командование ими полностью переходило к французам, никакие комитеты не допускались. Фактически Русский экспедиционный корпус расформировывался. При этом французское правительство, ввиду прекращения высылки из России соответствующих кредитов, брало на свое попечение все расходы по содержанию русских контингентов.

Но пока Отрядный комитет лагеря в Курно, особенно невзлюбивший Раппа, на своем заседании 27 декабря принимает решение отстранить его от должности комиссара. Из протокола заседания: «1) Не только Отрядный Комитет второго созыва, но и Отрядный Комитет первого созыва совершенно в категорической форме высказался за замену комиссара Раппа новым лицом. 2) Второй Отрядный Съезд, обсудив всю деятельность комиссара Раппа в отношении Отряда, в категорической форме высказался против него. ‹…› 6) В не менее категорической форме, чем Отрядный Комитет, было высказано осуждение деятельности комиссара Раппа всем высшим командным составом во главе с Генералом Занкевичем и Генералом Лохвицким, это имело в ряде заседаний спец. делегаций Отрядного Комитета с представителями высшего командного состава»[1894]. В дополнение к этому протоколу прилагается протокол общего собрания гг. офицеров и чиновников 1-й Особой пехотной дивизии от 14/27 декабря 1917 года: «Общее собрание гг. офицеров и чиновников 1-й Особой пехотной дивизии 14/27 декабря с.г. в присутствии Комиссара Временного Правительства Михайлова единогласно постановило: 1. Выразить порицание через Комиссара Михайлова бывшему комиссару Раппу за его бездеятельность, приведшую к дезорганизации Русского Отряда во Франции. 2. Поставить в известность Представителя Временного Правительства во Франции о недопустимости возвращения Е.И. Раппа на пост Комиссара Отряда. Председатель собрания полковник Рытов»[1895]. 28 декабря Рапп извещает Занкевича о «прибытии комиссара Михайлова»[1896], явочным порядком сместившего Раппа. Следовательно, тогда и закончилась служба Гумилева офицером для поручений при комиссаре Раппе. 29 декабря это было узаконено: «Приказ по русским войскам № 162 от 29 декабря 1917 г. (н.ст.). ‹…› § 11. Комиссара Временного Правительства Михайлова, его помощника Розенфельда и состоящего при нем поручика Чупринина зачислить на денежное довольствие при Тыловом Управлении, первого с 21-го октября, второго с 4-го ноября и третьего с 26-го ноября с.г. ст. стиля. Справка. Сношение Комиссара Михайлова, вх. № 1683. Основание: Штат Управления Комиссара»[1897]. При новом комиссаре — свои помощники.

Так что накануне Нового года Гумилев оказался не у дел, и можно предположить, что у него появилось много свободного времени. Его вполне могла сопровождать Елена Карловна Дюбуше, которая являлась тогда уполномоченной Американского Общества Христианской молодежи. Упоминание Американского Общества Христианской молодежи заставило обратить внимание на пустой конверт, сохранившийся в архиве Михаила Ларионова в ПТГ[1898]. В верхнем левом углу конверта напечатана эмблема (равнобедренный синий треугольник, направленный вершиной вниз) этой известной религиозно-благотворительной организации Y.W.C.A. — Young Women's Christian Association (Женская молодежная христианская ассоциация). Это — «женское отделение» более известной российскому читателю ассоциации YMCA, основавшей издательство YMCA-PRESS, возглавляемое Никитой Струве, родственником Глеба Струве. На конверте написано всего несколько слов, одно подчеркнуто красными чернилами: «Cummings, het. note ‹?›», а вдоль узкой стороны конверта написано: GUMILEV. Проигнорированный поначалу конверт неожиданно привлек к себе внимание тем, что подчеркнутое слово «Cummings» вполне могло указывать на фамилию известного американского поэта Эдварда Эстлина Каммингса (Edward Estlin Cummings, 1894–1962). В эти годы Каммингс только входил в литерату-

ру, но уже был близок к тому кругу поэтов, с которыми Гумилев общался в Лондоне в июне, перед приездом в Париж (окружение Э. Паунда). Как неожиданно выяснилось, летом 1917 года Каммингс находился в Париже **по военно-медицинским делам**, а в середине сентября он был арестован: ему было ошибочно предъявлено обвинение в шпионаже, так как он не выражал явной ненависти к немцам (что, кстати, всегда было свойственно и Гумилеву). Помещен он был в пересыльную тюрьму Dépôt de Triage в Ла Ферте-Масе, Нормандия (La Ferté-Macé, Orne, Normandie). В середине декабря его выпустили благодаря вмешательству влиятельного отца (и, видимо, не без участия кого-то в Париже). Все это происходило тогда, когда Гумилев пребывал в Париже. В начале 1918 года Каммингс вернулся к себе в Америку, а Гумилев уехал в Англию.

Можно предположить, что в Париже они могли встречаться еще до ареста Каммингса, и существует вероятность, что какое-то участие в его освобождении принял Гумилев, через посредничество Дю-Буше, которая, как представительница ассоциации Y.W.C.A., помогала раненым и осужденным. Заметим, что арест Каммингса совпал по времени с массовыми арестами русских солдат после восстания в Ля Куртин. Помимо конверта с фамилией Каммингса в архиве Ларионова сохранились и несколько других писем (мало о чем говорящих), посланных Ларионову и подписанных — Cummings, а также черновик письма Ларионова к нему[1899]. Оговоримся, однако, что Каммингс — фамилия достаточно распространенная, и совпадение здесь может быть случайным.

В последний день месяца (и года) Гумилев получил все причитающееся ему жалованье, последние «законно заработанные» им деньги — за службу как офицер для поручений при Военном комиссаре Раппе. На этот раз сохранилось три ведомости, в которых он оставил свои автографы. Две были описаны выше, и укажем только, сколько он по ним получил. Третья — специфическая.

Итак, первая ведомость: «**Расчет** Тылового Управления Русских войск во Франции на выдачу офицерам и классным чинам жалованья и добавочных денег за декабрь месяц 1917 г. и столовых и на представительство за январь 1918 года. Приложение: Аттестат за №№ 1794, 1798, 1832, 4196, 4319, 1473, 2350 и Сношение Военного Агента № 515. 31 декабря 1917 г. № 1808»[1900]. Далее идет сама ведомость, в которой он расписался: «Двести восемьдесят четыре франка получил прапорщик Гумилев». Как и ранее, жалованье его составляло 106 руб. 50 коп. «Столовые» и «На представительство» ему не полагались, и поэтому, как и раньше, сумма у него меньше всех. В этой ведомости фигурируют сразу два военных комиссара, Рапп и Михайлов, каждому полагалось по 750 рублей. При Раппе обозначен проработавший у него всего один месяц, временно исполнявший обязанности начальника его канцелярии поручик Базилевич, получивший 400 рублей. Любопытно, что помощники при комиссаре Михайлове получили больше помощников Раппа: поручик Чупринин 139 рублей, а прапорщик Розенфельд — 500 рублей. Сам Михайлов получил почти за три месяца — 1750 рублей.

Следующая ведомость с автографом Гумилева — «**Расчет** Тылового Управления Русских войск во Франции на выдачу состоящим на денежном довольствии при Управлении офицерам суточных денег и полевых порционных за декабрь 1917 года»[1901]. Далее идет сама ведомость, в которой он

расписался: «Девятьсот тридцать франков получил прапорщик Гумилев». В декабре был 31 день, поэтому и получил он больше, чем в ноябре.

И, наконец, третья ведомость: «**Расчет** Тылового Управления Русских войск во Франции по выдаче чиновникам Управления и офицерам, состоящим на денежном довольствии при Управлении, пособия на покупку теплых вещей на зимний период 1917–1918 гг.»[1902]. Далее идет ведомость в виде таблицы из четырех колонок. В строке, относящейся к Гумилеву, сделаны следующие записи:

(1) Основание — Общая запись для всех: «Приказ по Русским войскам № 156».

(2) Кому выдаются деньги: Выделены отдельные Управления, среди которых значится — «Канцелярия Комиссара Временного Правительства», и в ней числится два человека: Поручику БАЗИЛЕВИЧУ и Прапорщику ГУМИЛЕВУ.

(3) Сумма, фр./сан.: 400 франков 00 сантимов.

(4) Расписка в получении денег — автограф Гумилева: «Четыреста франков получил прапорщик Гумилев».

По этой ведомости каждому полагалось по 400 франков. Всего в эту ведомость включено 37 человек, которым уплачено 14 800 франков.

Приведем выписки еще из двух ведомостей, представляющих определенный интерес.

«**Расчет** на выдачу жалованья переписчикам и машинисткам за декабрь: Переписчице Буше (приказ по Управлению № 79) — 500 фр. Расписка — "Получила пятьсот франков Е-Дю Буше"»[1903]. У нее — высшее жалованье по этой ведомости.

«**Расчет** жалованья за декабрь: писарь Никандр Алексеев — 148 фр. 66 с.»[1904]. «**Суточные** писарям в штате Комиссара: Писари с 16 декабря по 1 января 1918 г.: Никандр Алексеев — 8 х 16 = 128 фр.; Александр Евграфов — 8 х 16 = 128 фр.»[1905].

В двух последних приказах 1917 года сказано: «Приказ по русским войскам № 164 от 31 декабря 1917 г. (н.ст.). ‹…› § 3. Объявляю для сведения, что Военный Комиссар при русских войсках на Македонском фронте и его помощник совершили нижеследующие поездки из Парижа. Военный Комиссар Михайлов с 14 по 17 ноября ст. ст. *(с 27 по 30 ноября н. ст.)* — в Ля Куртин; с 26 ноября по 3 декабря ст. ст. *(с 9 по 16 декабря н. ст.)* — в Бордо, Курно, Лимож, Ля Куртин; с 8 по 19 декабря ст. ст. *(с 21 декабря по 1 января н. ст.)* в Бордо и Курно. Помощник его г. Розенфельд — с 18 по 19 декабря ст. ст. *(с 31 декабря по 1 января н. ст.)* в Тулон». «Приказ по русским войскам № 165 от 18/31 декабря 1917 г. ‹…› § 5. И.Д. штаб офицера для поручений при военном комиссаре Временного Правительства при русских войсках на Македонском фронте поручик Чупринин (командированный в Курно с 26.11/9.12 1917 г.) вернулся 13/26 декабря»[1906]. 1917 год закончился сменой власти не только в столице, но и в военном комиссариате Парижа. В этот же день Занкевич, телеграммой от 18/31 декабря 1917 года, объявил по войскам следующее:

«1) Начальник Штаба Фраквара от имени Главнокомандующего от 16/29 сего декабря категорически высказался за нежелательность сообщений в ГУГШ Русской Военной Миссии сведений Фраквара хотя бы и разведывательного характера, ввиду того, что при нынешнем положении вещей в России Фраквар не видит никакой гарантии в том, что сведения тем или иным путем не попадут в руки противника. Ввиду изложенного, не

считаю возможности идти в разрез с высказанным Фракваром категорическим пожеланием. Внутренняя работа Миссии по мере сил и возможности продолжается.

2) Ввиду закрытия кредитов принужден приступить к сокращению штатов наших войск и подведомственных мне учреждений во Франции. Персонал Особой Пехотной дивизии направляется на работы одновременно с переформированием ее по сокращенному штату. О сокращении штатов и использовании дивизии донесу особо по проведении этой схемы.

3) Вопрос об использовании значительного сверхкомплекта офицеров, получающемся вследствие сокращения штатов, составляет предмет особых моих забот. По укомплектовании частей Салоникской дивизии излишние офицеры будут направлены в Россию, а желающим будет облегчен перевод в союзнические армии.

4) Исключительные обстоятельства заставляют меня принимать самостоятельные, нередко выходящие из обычных рамок, решения, о коих своевременно представлю отчет. 1933 Занкевич»[1907].

Скорее всего, до встречи Нового года в Русской миссии, из-за различных календарей, еще оставалось почти две недели. Но мы будем все-таки придерживаться нового стиля. В любом случае можно предположить, что встреча Нового, 1918 года среди русских в Париже была не очень веселой. Каждый понимал, что его ждут перемены, и навряд ли к лучшему. Первый же приказ Занкевича в Новом году практически повторял текст телеграммы: «Приказ по русским войскам № 166 от 2 января 1918 г. (н.ст.). Париж. ‹…› § 7. Ввиду прекращения поступления денежных средств из России на содержание Тылового Управления Русских войск во Франции приказываю Начальнику названного Управления: 1) Уволить с 1-го января (ст. ст.) 1918 г. всех вольноопределяющихся служащих в Тыловом и Комендантском Управлениях, оставив для Тылового Управления одну переписчицу (для исполнения обязанностей телефонистки) и истопника. 2) Откомандировать в свои части от Тылового Управления и Управления Парижского Коменданта прикомандированных солдат, оставив лишь самое необходимое число писарей и уборщиков. Занкевич»[1908].

В послужном списке Гумилева сказано: «За расформированием управления военного комиссара оставлен на учете старшего коменданта русских войск в Париже. (Приказ по русским войскам № 176) — 4 января 1918 н. ст.»[1909]. Сам приказ был объявлен 12 января: «Приказ по русским войскам № 176 от 12 января 1918 г. (н.ст.). Париж. По части инспекторской. § 1. Управление Комиссара Временного Правительства при русских войсках во Франции считать расформированным — с 4-го января нового стиля 1918 года. Находившимся в составе означенного управления: поручику Базилевичу и прапорщику Гумилеву состоять, впредь до устройства их служебного положения, на учете Старшего Коменданта гор. Парижа. Писарь высшего оклада означенного управления Евграфов переводится в 1-й маршевый батальон 1-й Особой пехотной дивизии»[1910]. Это — последний приказ за 1917 год (по ст. ст.), далее нумерация приказов опять начинается с № 1, от 2/15 января 1918 г., но их будет немного.

С начала января перед Гумилевым остро встал вопрос об «устройстве его служебного положения». Большинство последовавших после этого документов так или иначе будет касаться его решения. Самое деятельное участие в этом принял глава Русской миссии генерал Занкевич. За весь

предшествовавший период не было обнаружено почти никаких документов, характеризующих взаимоотношения, сложившиеся между главой Русской миссии генералом Занкевичем и офицером для поручений при Военном комиссаре Раппе прапорщиком Николаем Гумилевым, — слишком различное положение в служебной иерархии они занимали. Ситуация резко изменилась, когда Гумилев оказался не у дел. Как я предполагаю, именно в этот период Гумилевым был подан Занкевичу рапорт, так называемая «Записка об Абиссинии», впервые опубликованная Глебом Струве[1911]. Раньше говорилось о том, что Гумилев, уезжая во Францию, мечтал из Салоник добраться до Африки[1912]. Сейчас, оказавшись не у дел, он явно не собирался возвращаться в большевистскую Россию, стремящуюся заключить сепаратный мир с Германией. Ведь, оставаясь офицером, он не мог не воспринимать это как дезертирство. Во время войны его много раз пытались демобилизовать, но он каждый раз добивался того, чтобы его оставили в действующей армии. Поэтому выход из войны через возвращение в «примирившуюся» с Германией Россию устроить его никак не мог. Ища выход из создавшейся ситуации, Гумилев мог вспомнить об Африке и предложить свои услуги в разрешении вопроса своего трудоустройства через собственную отправку в Абиссинию для набора добровольцев. Ведь во Французской армии воевало много африканцев, и войска испытывали острую нужду в людских ресурсах. Достаточно вспомнить главную причину появления русских войск во Франции. Наверное, при личной встрече с Занкевичем он высказал ему свои соображения, и Занкевич попросил написать его докладную записку. Приведем ее здесь полностью, как ее опубликовал Глеб Струве:

«Записка об Абиссинии. (*Перевод с французского*)

Прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка
Российской Армии Гумилев.

Докладная записка относительно возможной перспективы комплектования контингента добровольцев для Французской Армии в Абиссинии.

По своему политическому устройству Абиссиния делится на известное число областей: Тигрэ, Гондар, Шоа, Улиамо, Уоло, Галла Арусси, Галла Коту, Харрар, Данакиль, Сомали и т. д.

Население Тигрэ составляет 2 000 000 жителей. Это превосходные воины, но, к несчастью, очень независимого и буйного нрава. К тому же, многие из них мусульмане и питают мало сочувствия к итальянцам.

В Гондаре и Шоа живет население от шести до семи миллионов чистокровных абиссинцев, почти сплошь православных и обладающих следующими качествами: духом дисциплины и подчинения вождям; храбростью и стойкостью в бою (это победители итальянцев); выносливостью и привычкой к лишениям — до такой степени, что человек опережает лошадь на пробеге в 30 километров и что при переходах, длящихся несколько недель, каждый человек несет на себе запас провианта, необходимый для его прокормления. Будучи горцами, они способны выносить самый суровый климат.

Племена Улиамо и Уоло — это покоренные абиссинцами негры. Из них выходят хорошие воины, но они скорее годятся для обозных и санитарных частей. В эту же категорию можно отнести племя Галла Коту.

Племя Галла Арусси обладает теми же качествами, что и абиссинцы, и вдобавок гигантским ростом и атлетическим сложением.

Данакильцы, сомалийцы и часть харраритов храбры, ловки и воинственны, но с трудом подчиняются дисциплине. Их можно было бы использовать для образования отрядов разведчиков, чистильщиков окопов и тому подобных заданий.

Помимо того, в Абиссинии имеются очень хорошие лошади и мулы. Средняя цена лошади равнялась до войны 25 франкам, а мула — 100 франкам. Всегда можно было бы получить несколько тысяч этих животных для военных надобностей.

Политическая обстановка в Абиссинии следующая: страна управляется императором (в данный момент — императрицей, которой помогает знакомый мне князь, рас Тафари, сын раса Маконена) и советом министров. Кроме того, в каждой области имеется почти независимый губернатор и ряд вождей при нем.

Чтобы начать набирать вождей с отрядами от 100 до 500 человек, необходимо получить разрешение от центрального и областных правительств. Расходы составят несомненно меньшую сумму, чем в такого же рода экспедициях в других частях Африки, благодаря легкости сообщений и воинственному нраву жителей.

Я побывал в Абиссинии три раза и в общей сложности провел в этой стране почти два года. Я прожил три месяца в Харраре, где я бывал у раса (деджача) Тафари, некогда губернатора этого города. Я жил также четыре месяца в столице Абиссинии, Аддис-Абебе, где познакомился со многими министрами и вождями и был представлен ко двору бывшего императора российским поверенным в делах в Абиссинии. Свое последнее путешествие я совершил в качестве руководителя экспедиции, посланной Российской Академией Наук»[1913].

Не исключено, что в архивах Военного министерства Франции когда-нибудь обнаружится соответствующий документ, поданный Занкевичем. Но, скорее всего, никакого ходу ему дано не было. Французские власти, начиная с известных событий, стали с недоверием относиться ко всему Русскому экспедиционному корпусу и всячески препятствовали даже зачислению русских офицеров (тем более — солдат) в качестве добровольцев в свои войска. Поэтому Гумилев, хотя он, конечно, стремился в любимую им Африку, искал и другие пути продолжения службы. Все говорит о том, что еще, по крайней мере, в конце 1917 года, во Франции, он не стремился попасть в охваченную революцией Россию. Скорее всего, примерно к этому времени относится недавно обнаруженный черновик прошения Гумилева о зачислении в американскую армию. Американцы вступили в Первую мировую войну 6 апреля 1917 года, и первый небольшой контингент американских войск был переброшен в Европу и вступил в боевые действия в октябре 1917 года. Ранее было сказано, что часть американских войск предполагалось разместить в Ля Куртин, и Гумилев мог встречаться с их представителями как во время поездок туда с Раппом, так и в Париже. Вот его прошение:

«Мой Генерал,

‹Я служу младшим лейтенантом в Русской армии. — *Зачеркнуто*›. С начала войны я состоял офицером Русской армии, воевал в действующих частях на Русском фронте и получил несколько воинских наград. В настоящий момент, желая вновь сражаться с германцами на передовых линиях Американской Армии, я бы хотел, Сэр, с Вашей любезной поддержки, поступить на военную службу в качестве простого солдата в Американскую Армию. Я бегло говорю по-французски и имею некоторые навыки английского языка.

С наилучшими пожеланиями, преданный Вам младший лейтенант 5-го гусарского ‹полка Гумилев›»[1914].

«Мой Генерал» — это, безусловно, назначенный командующим экспедиционными силами США во Франции генерал Першинг[1915], прибывший во Францию в августе 1917 года. Думаю, что Гумилев встречался либо с ним, либо с кем-нибудь из его заместителей. Однако до начала активных совместных боевых действий было еще далеко, и даже если заявление Гумилев подал, зачислять его в конце 1917 года было некуда. Основной контингент прибыл лишь к весне 1918 года, в частности, в мае–июне четыре американские дивизии помогли французам остановить мощное наступление немецких войск на подступах к Парижу.

В тот же день, когда было расформировано управление Военного комиссара, 4 января 1918 года, Занкевич отправил в Лондон телеграмму: «Исх. № 1964 от 22.12/4.1 1918 г. Военному Агенту в Лондоне. Не откажите телеграфировать, верно ли, что англичане предлагают перевезти в Россию через Персидский залив наших офицеров, остающихся за штатом за расформированием наших военных миссий в Лондоне. Занкевич 1964»[1916]. Впервые в документах появилась Персия и Персидский фронт. Большинство последующих документов будет касаться возможной, но так и несостоявшейся отправки туда Николая Гумилева. Хлопоты по отправке Гумилева на Персидский фронт начались, пока он еще оставался в Париже, потом были продолжены в Лондоне, но так ни к чему и не привели[1917].

Последний месяц в Париже — январь 1918 года

6 января 1918 года Занкевич объявляет приказ о закрытии комиссариата, опирающийся на полученное им заявление Раппа: «Приказ по русским войскам № 170 от 24 дек./6 янв. 1918 г. ‹…› § 3. Объявляю при сем (в приложении) копию сношения за № 186, полученного мною от Комиссара Временного Правительства при русских войсках во Франции Е. Раппа. Приложение: копия сношения № 186. Занкевич.

Комиссар Временного Правительства и Раб. и Солд. депутатов при русских войсках во Франции. 59, Rue Pierre Charron. Париж, января 4 дня 1918 г. Представителю Временного Правительства при Французской армии генералу-майору Занкевичу. Учреждение, наряду с высшим командным составом, военных комиссаров вызвано ведением военных действий в революционное время; оно имело целью одновременно с введением в армию демократических начал поддержать в ней революционную дисциплину и поднять ее боеспособность при помощи лиц, действующих по особому доверию и по непосредственному преемству Временного Правительства, с которым комиссар должен находиться в постоянной идейной и деловой связи. Затяжной характер политического переворота в России прервал, по отношению ко мне, как эту связь, так и преемство, и тем самым лишил комиссара главной его моральной силы и значения. С другой

стороны, в связи с русскими событиями последних дней, а также благодаря специальным условиям, вызванным пребыванием нашего отряда на иностранной территории, войска наши лишены возможности, несмотря на их желание, сохранить характер единой сплоченной боевой организации и принуждены будут, до отправки на Родину, разбиться на отдельные рабочие группы. При таких условиях я полагаю, что дальнейшее существование военного комиссара во Франции является не только затруднительным, но и не оправдывающим своего назначения, отягощая без пользы и без того скудный бюджет. Ввиду сказанного, почитаю долгом гражданина заявить, что я слагаю с себя обязанности комиссара при русских войсках во Франции. Вместе с тем, во избежание разных превратных толкований, прошу Вас не отказать полностью опубликовать в приказах по войскам настоящее мое заявление, с какового момента я и буду считать себя свободным от моих обязанностей. Евг. Рапп»[1918].

В этот же день Занкевичу был отправлен из Англии ответ на его телеграмму, касающуюся Персии: «Вх. № 1935. № 1459. Отпр. 24.12/6.1 1918. Получ. 26.12/8.1 1917. Генералу Занкевичу от генерала Ермолова[1919] (агентский шифр). 1964. Переговоры по этому вопросу и вообще по использованию наших офицеров при английской армии были мною начаты лично с лордом Дарви уже некоторое время тому назад и еще ведутся. На этих днях я получил только от Английского Генерального Штаба письменное сообщение, что Генерал Бичерахов[1920] на Персидском фронте просит о присылке в его распоряжение 26 русских офицеров, желающих, из коих 16 кавалеристов, 8 пехотинцев, 2-х артиллеристов. Доставка желающих будет исполнена попечением английских военных властей. По соглашению с генералом Гермониусом я в настоящее время запрашиваю желающих, и если останутся вакансии, сообщу Вам. Отправка должна состояться 15 нового января, причем офицеры должны быть снабжены теплой одеждой. Мы предполагаем выдать им содержание на четыре месяца и некоторую сумму каждому на подъем, но этот вопрос еще не решен. Ермолов 1459»[1921]. Накануне получения телеграммы в Русской миссии праздновали Рождество. Приказ № 137[1922] об этом был объявлен 5 января.

Очевидно, что о полученной из Лондона телеграмме Занкевич в тот же день сообщил Гумилеву, и 8 января Гумилев подает сразу два рапорта представителю Временного правительства при Французской Главной Квартире полковнику Бобрикову. Первый — официальный: «Прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка Гумилев. 8 января 1918 г. № 166. Представителю Временного Правительства. **Рапорт**. Согласно телеграммы № 1459 генерала Ермолова ходатайствую о назначении меня на Персидский фронт. Прапорщик Гумилев»[1923]. На рапорте проставлен штемпель: «Вход. № 1492. 26 Déc. 1917 / 8 Jan. 1918». На рапорте сверху, карандашом, Занкевич наложил резолюцию: «**Согласен**: 27/XII (7.1). З‹анкевич›».

Второй рапорт, в стихах, слегка «хулиганский», также подан знакомому нам полковнику Бобрикову, адресату и первого стихотворного рапорта Гумилева:

Вдали от бранного огня
Вы видите, как я тоскую.
Мне надобно судьбу иную —
Пустите в Персию меня!
Наш комиссариат закрылся,

Я таю, сохну день от дня,
Взгляните, как я истомился, —
Пустите в Персию меня!
На все мои вопросы: «Хуя» —
Вы отвечаете, дразня,
Но я Вас, право, поцелую,
Коль пустят в Персию меня.

Paris 1918. Н. Гумилев[1924]

Несмотря на закрытие комиссариата, «свергнувший» Раппа Военный комиссар Михайлов в течение января развил бурную деятельность, доставившую немало хлопот Занкевичу, а затем, после того как он сложил с себя полномочия представителя Временного правительства, сменившему его генералу Лохвицкому. 8 января Михайлов подает Занкевичу составленное им никому уже не нужное, многостраничное «Временное положение о Военном Комиссаре»[1925]. Забегая вперед, покажем на документах, как развивал свою деятельность и чем ее закончил вначале конкурент, а затем наследник Раппа. 11 января Михайлов известил Занкевича, что он «вступил в должность»[1926]. 13 января он направил Занкевичу письмо: «Вх. № 1985 от 2/15 января 1918 г. Пользуюсь случаем спросить Вас еще раз, где находятся дела Парижского комиссара. Я слышал, что часть увезена бывшим комиссаром Е.И. Раппом, вторая же увезена кем-то из писарей, что совершенно недопустимо. В ожидании ответа, прошу принять уверения в совершенном уважении. Михайлов»[1927]. На письме — резолюция Занкевича от 3/16 января 1918 года: «Заготовить от меня письмо Г. Раппу с просьбой сдать дела мне. Занкевич». Подготовленное письмо отправлено Раппу 16 января: «Милостивый Государь Евгений Иванович. Прошу Вас не отказать сдать мне все бумаги, вверенные Вам Парижским Комиссариатом. Прошу также сообщить мне, кем из писарей была взята часть переписки. Уважающий Вас Занкевич»[1928]. Бумаги Раппа так до Михайлова и не дошли. 3 марта 1918 года известный нам по участию в трудоустройстве Гумилева полковник Соколов обращается к работающему в Русской миссии поручику Клинскому: «Поручику Клинскому. Препровождаю настоящее официальное отношение Комиссара Михайлова и, имея в виду циркуляр Начальника Французского Штаба при Русской базе за № 358, прошу о принятии мер для поставления в известность Комиссара, что всякая официальная деятельность его согласно названного выше циркуляра исключается. Штаб-офицер при военном Губернаторе гор. Парижа Полковник Соколов. 2 марта 1918 г.»[1929]. Так как Михайлов никак не может успокоиться, 5 марта Соколов подает рапорт: «Штаб-офицер при Парижском Военном Губернаторе. 5 марта 1918 г. № 8, г. Париж. **РАПОРТ.** При Комиссаре Временного Правительства Михайлове состоят: Поручик Чупринин, прапорщик Розенфельд и писарь Афанасьев. Лица эти назначены в распоряжение генерала Занкевича приказом за № 174. Распоряжением Французского Правительства за № 358 какая бы то ни было деятельность комиссара Михайлова исключается и всякие сношения с ним воспрещены. Ввиду этого воинские русские чины, находящиеся в распоряжении Михайлова, переходят на учет ко мне для дальнейшего их препровождения на основании сношения Французского Военного Министерства от 18 февраля с.г. за № 4367–1/11. Так как вышеуказанное распоряжение генерала Занкевича не отменено, а комиссар Михайлов, по-видимому, не поставлен в известность о распоряжении

французских властей о прекращении его деятельности, прошу об издании приказа о расформировании штата Военного Комиссара, после чего мною будут приняты соответствующие меры для препровождения воинских чинов, состоящих в распоряжении Комиссара, согласно имеющихся на это распоряжений Французского правительства. Полковник Соколов»[1930]. Наконец, 15 апреля к Михайлову обращается сменивший Занкевича генерал Лохвицкий: «15 апреля 1918 г. Милостивый Государь Михаил Александрович. Вы уже обращались к предшественнику моему Генералу Занкевичу с просьбой сообщить Вам материалы, касающиеся Русских войск во Франции, на что получили от генерала Занкевича отказ, что лишает и меня возможности выполнить Ваше желание. Сверх того, по принятому в военном ведомстве правилу, никакие документы, а тем более секретные, частным лицам не сообщаются, вы же являетесь во Франции частным лицом. Последнее обстоятельство лишает меня и подчиненных мне военнослужащих возможности вести с Вами официальную переписку, о чем я говорил с Вами лично в присутствии г. Маклакова. Прошу принять уверения в моем совершенном уважении. Н. Лохвицкий»[1931]. Последнюю отповедь комиссар Михайлов получил от Игнатьева 17/30 апреля 1918 года: «Генерал Лохвицкий известил меня, что он не признает за Вами прав Военного Комиссара в отношении подчиненных ему русских чинов. ‹…› В п.3 Приказа № 7 по Управлению Военного Агента точно перечислены те русские организации и учреждения, кои составляют Русскую Военную Миссию во Франции, причем основанием для включения этих организаций в состав Военной Миссии является непринадлежность их к составу Русских Войск во Франции, что и оговорено п.3 того же приказа. Ввиду сего Военный Комиссариат или Русские Войска во Франции не могут быть включены в состав Военной Миссии»[1932]. В дальнейшем следы ставшего «частным лицом» комиссара Михайлова теряются… Можно считать, что Рапп с Гумилевым вовремя покинули комиссариат.

Тем временем Занкевич, после приказа № 166 от 2 января 1918 года о «прекращении поступления денежных средств из России», вынужденный экономить средства, в приказе по русским войскам № 173 от 10 января 1918 года объявляет об отмене суточных: «Париж. По хозяйственной части. ‹…› § 10. Следующие мои приказы отменяются с 1-го января ст. ст. 1918 г.: № 51, § 1, **о суточных Прапорщику Гумилеву**; № 85, § 4, о суточных офицерам, обучающимся в авиационных школах; № 107, § 5, о суточных Штабс-капитану Андрееву; № 125, § 2, о суточных врачу Веберу; № 129, § 1, о суточных офицерам, находящимся на работах; № 145, § 2, о суточных деньгах Подпоручику французской службы Мюрату; № 145, § 8, о суточных офицерам французской службы на работах; № 117, § 7, о суточных деньгах уполномоченному Красного Креста г. Туманову. Занкевич»[1933]. Однако в тот же день, по распоряжению Занкевича, с учетом сложившейся ситуации, всем сотрудникам Русской миссии было выплачено жалованье за три месяца вперед. В ведомости выдачи жалованья расписано: «1 января 1918. № 1924. **Расчет** с 1 января по 1 апреля и столовых и на представительство с 1 февраля по 1 мая 1918 г. Приложение: Аттестаты №№ 440, 441 и 442 и расчет на содержание Прапорщику Гумилеву»[1934]. Далее идет ведомость на выдачу жалованья в виде таблицы, с перечислением всех сотрудников миссии, включая два комиссариата, во главе с Раппом и Михайловым, и всех их сотрудников. В строке Гумилева указано:

(1) Кому выдаются деньги: Обер-офицеру для поручений прапорщику Гумилеву.

(2) Причитается в месяц в рублях — жалованье, добавочных, столовых и на представительство: 106 р. 50 к.

(3) Причитается в месяц суточных, франков: 320.

(4) Всего причитается за три месяца: 1812 франков.

(5) Удерживается: вначале было проставлено — «Согласно прилагаемого расчета 948 фр. 70 сан.», но потом эта фраза была зачеркнута.

(6) Подлежит к выдаче: зачеркнуто — 863 фр. 30 сан.; проставлено — 1812 франков.

(7) Расписка в получении денег: автограф Гумилева — «Тысяча восемьсот двенадцать франков получил прапорщик Гумилев».

Для сравнения: Рапп по этой ведомости должен был получить из расчета 750 руб. в месяц, но его строка осталась пустой, и нет его подписи; его второй помощник поручик Базилевич получил 1836 франков; комиссар Михайлов — 6000 франков; его помощники, Розенфельд — 1812 франков, Чупринин — 3156 франков; Занкевич получил, с жалованьем и суточными, 17839 франков.

Полученный Бобриковым от Гумилева рапорт, естественно, официальный, с резолюцией Занкевича, был им в этот же день направлен Раппу: «Канцелярия Представителя Временного Правительства при Французской Армии. 28.12/10.1 1917/18 г. № 1994, г. Париж. Военному Комиссару. По приказанию Представителя Временного Правительства препровождается с просьбою направить Начальнику Тылового Управления для отдачи в приказе по Русским войскам во Франции. Приложение: Рапорт Прапорщика Гумилева № 166. В.и.д. штаб-офицера для поручений Полк. Бобриков»[1935]. Самого рапорта при этом документе нет, так как он остался во Франции и был опубликован Глебом Струве (см. выше). Получив рапорт со всеми согласующими подписями, генерал Занкевич в тот же день отправил телеграмму в Лондон: «Исх. № 2000. 28/XII — 10/I 1918. Генералу Ермолову. Лондон. Усиленно ходатайствую о зачислении на вакансию, а если таковые уже разобраны, то об исходатайствовании таковой перед Английским Правительством для прапорщика Гумилева 5-го Александрийского Гусарского полка для направления его в качестве кавалериста в Персию в ближайшем будущем. Прапорщик Гумилев отличный офицер, награжден двумя Георгиевскими крестами и с начала войны служит в строю. Знает английский язык. О резолюции телеграфируйте, обеспечив ему проезд в Англию. 2000 Занкевич»[1936].

Получив телеграмму, генерал Ермолов тут же на нее ответил: «Вх. № 1977. № 1462. Отпр. 30.12 (12.1) 1918. Получ. 31.12 (13.1) 1918. Генералу Занкевичу от Генерала Ермолова (агент. шифр). 2000. Прапорщик Гумилев может быть командирован с нашими офицерами в Месопотамию в распоряжение генерала Бичерахова. Для сего подлежит его немедленно командировать в Лондон без всякой задержки, так как 16-го или 17-го января нового стиля офицеры уже должны выехать отсюда. Мы удовлетворяем здесь отправляющихся офицеров следующим денежным довольствием: двухмесячный оклад содержания (жалованье и столовые) холостым и четырехмесячным семейным, подъемные деньги обер-офицеру 150 рублей, на приобретение верховой лошади 500 рублей, на приобретение конского снаряжения 175 рублей, на приобретение теплого платья 150 рублей, путевое довольствие — стоимость билета первого класса на пароходе до

Багдада 80 франков и суточные на два месяца обер-офицеру по 30 фунтов в сутки. Если прапорщик Гумилев будет Вами командирован, то все указанное выше довольствие он должен получить от Вас, ибо я не имею возможности выдать ему эти деньги. Благоволите немедленно телеграфировать для сообщения английским военным властям, будет ли он командирован. Генерал Ермолов 1462»[1937].

Одновременно с этой телеграммой из Лондона в Русской миссии во Франции была получена телеграмма из Петрограда, объявлявшая вне закона ряд российских представителей за границей: «31 декабря/13 января 1917/1918 г. Коллегия военных комиссаров, получив от одного из служащих в ГУГШ чиновника военного времени копию телеграммы генерала Потоцкого с несогласием его со сложившейся в России политической обстановкой, **произвела ревизию переписки всех остальных военных представителей за границей** (*выделено С.Е.*), в результате коей объявила приказание по Военному Ведомству о смещении с должностей и преданию военно-революционному трибуналу за противодействие советской власти, кроме генерала Потоцкого, следующих военных агентов и представителей: Яхонтова (Япония), Ермолова (Англия), Майера (Голландия), Бобрикова, Миллера и Энкеля. Одновременно названная комиссия предлагает поименно военным агентам и представителям, по сдаче должности, прибыть в Россию, а прочим, не сочувствующим чисто деловым работникам воспользоваться правом ухода в отставку, предоставляемую всем достигшим 37-летнего возраста»[1938]. Любопытный список — военно-революционному трибуналу подлежали как генерал Ермолов в Англии, так и друг Гумилева полковник Бобриков во Франции. Наводит на определенные мысли то, что в этом перечне отсутствует главный Военный Агент во Франции граф А.А. Игнатьев. Думаю, что это не случайно — вспомним поступавшие к Раппу донесения, да и его дальнейшую биографию. При осуществленной представителями советской власти «ревизии переписки всех остальных военных представителей за границей» могло быть выявлено немало тех документов, которые, оказавшись впоследствии в РГВИА, были приведены мною выше. Включая негативное отношение находившихся в Париже офицеров к свершившемуся в России большевистскому перевороту. Об этом не следует забывать при поисках причин того, что случилось с Николаем Гумилевым в августе 1921 года. Хотя могли существовать и другие основания для этого.

В документах за все последующие дни имя Гумилева мелькает постоянно. В его трудоустройстве приняло деятельное участие все высшее руководство Русской миссии. Это даже слегка удивляет, так как одновременно не у дел оказалось множество русских офицеров в Париже. Их имена и ходатайства о переводе в другие подразделения тоже иногда встречаются, но несравненно реже, чем имя Гумилева. К 14 января относится одновременно несколько документов. Ввиду того, что руководство русскими войсками перешло к французским властям, любое перемещение по службе требовало соблюдения определенной процедуры, и в первую очередь требовалось непременное согласие французского армейского начальства. Связующим звеном здесь был представитель русских войск при французской армии полковник Бобриков. В этот день он подготовил несколько бумаг, связанных с полученной из Лондона телеграммой Ермолова и рапортом Гумилева о назначении его на Персидский фронт. Во-первых, это обращение к генералу Занкевичу, фактически дающее разрешение на

проезд его в Англию (*документ на французском языке, на бланке*): «Военный представитель Русского Временного Правительства при Французских Армиях. № 2031. Париж, 14 января. Адресовано: 59, Rue Pierre Charron. Генералу Занкевичу для господ Военных Агентов в Англии и Париже. Имею честь просить у Вас, если возможно, распорядиться отдать необходимые распоряжения относительно Лейтенанта Гумилева для назначения его в состав экспедиционных войск в Персии, чтобы он мог попасть к генералу Ермолову в Лондоне, по возможности, в кратчайшие сроки. Я был бы Вам искренне признателен за содействие мне в откомандировании этого офицера при сложившихся обстоятельствах, прежде чем он окончательно выйдет в отставку. Для генерала Занкевича и для объявления им приказа»[1939]. Одновременно Бобриков направляет отношение Военному Агенту графу А.А. Игнатьеву: «Представитель Временного Правительства при Французских армиях. 1/14 января 1918 г. № 2032, г. Париж. Военному Агенту во Франции. Прапорщик Гумилев согласно присланной телеграмме назначен Английским Военным Министерством на Персидский фронт. Согласно приказанию Генерала Занкевича прошу Вас не отказать сделать все надлежащие распоряжения для облегчения проезда прапорщику Гумилеву в Англию. Сношение (копия) Английскому Военному Агенту послана. Приложение: телеграмма и сношение. И. об. Штаб-офицера для поручений Полковник Бобриков»[1940]. Внизу проставлена квадратная печать: «Военный Агент во Франции. Получено 2/15 января 1918 г. Вх. № 5160. Отдел…». И надпись от руки: «Срочно».

В тот же день все бумаги попали к Занкевичу, и он отправляет в Лондон телеграмму: «Исх. № 2033. 1/14 января 1918. Генералу Ермолову. Лондон. 1462. Прапорщик Гумилев мною командируется тотчас по получении проездного свидетельства. Занкевич 2033»[1941]. Последняя запись в опубликованном Глебом Струве «Послужном списке Н.С. Гумилева» относится к этому распоряжению Занкевича: «По собственному желанию командирован в Англию для направления в действующую армию на Месопотамский фронт — 2/15 января 1918»[1942]. То есть со вторника 15 января 1918 года Гумилев уже официально не числится в составе Русской миссии, хотя остается в Париже до конца недели, так как не все документы еще подготовлены. 15 января полковник Бобриков направляет отношение начальнику Тылового управления русских войск во Франции полковнику Карханину: «Штаб-офицер для поручений при Представителе Временного Правительства при Французских Армиях. 2/15 января 1918 г. № 2035, г. Париж. Начальнику Тылового управления Русских войск во Франции. Телеграммой Военного агента Великобритании прапорщик Гумилев назначен в его распоряжение для отправления на Месопотамский фронт. Генерал Занкевич приказал спешно его удовлетворить согласно прилагаемой телеграммы и выдать предписание. Сношение Военному агенту во Франции для облегчения проезда исполнено. Полковник Бобриков (*его подпись*)»[1943]. Внизу документа, под подписью Бобрикова, автограф Гумилева: «Подлинник передал Начальнику Тылового управления без номера. 2/15. Гумилев».

В этот день, исполняя полученное накануне поручение Занкевича, помощник Военного Агента Крупский обращается во французское Военное министерство (*документ на французском языке*): «15 января. Господину Председателю Совета Министров Министерства Обороны. (Штаб-квартира Армии, 2-е Бюро). Господин Министр, имею честь настойчиво просить Вашей благосклонности отдать необходимые распоряжения, чтобы лейтенант

русской Армии Гумилев мог крайне срочно покинуть французскую территорию в направлении Англии. Этот офицер назначен для присоединения к экспедиционным войскам в Персии и обязан вначале явиться к генералу Ермолову в Лондоне, по возможности, в кратчайшие сроки. Я был бы Вам искренне признателен за отдачу необходимых указаний, чтобы состоялось откомандирование от Русской миссии лейтенанта Гумилева, прежде чем он окончательно уйдет в отставку. Я бы хотел получить быстрый ответ от компетентного управления вашего Министерства для того, чтобы разрешить этому офицеру покинуть французскую территорию. Примите, пожалуйста, Господин Министр, выражение моего глубокого уважения. Подполковник Крупский»[1944].

В эти дни Занкевич ходатайствует и о других офицерах Русской миссии. Так, на обороте листа с копией телеграммы Ермолову о Гумилеве от 14 января имеется его пометка о необходимости ходатайства еще за одного офицера, сотрудника Тылового управления, поручика Перникова, знатока автомобильного дела. На следующий день Занкевич отправляет несколько телеграмм в Лондон с ходатайствами за подчиненных ему офицеров: «2/15 января 1918. Генералу Ермолову, Russemilita Londres (*Русская военная миссия в Лондоне*). Предполагая, что во Франции найдется много желающих офицеров на Месопотамский фронт, прошу сообщить, возможно ли формирование следующей партии, и могу ли объявить очередь желающих»[1945]. «Исх. № 2034 от 2/15 января 1918 г. Генералу Ермолову Лондон. Ходатайствую усиленно об исходатайствовании кавалерийской вакансии перед Английским Правительством для направления в Месопотамию поручика Перникова. Поручик Перников имеет 4 степени Георгия и боевые награды до Станислава 2-й степени включительно. По получении ответа, благоволите срочно телеграфировать. Занкевич»[1946]. Первым «в очередь» Занкевич поставил Гумилева. Полученный же спустя несколько дней ответ на последнее ходатайство за Перникова говорит, насколько серьезно относились английские власти к переводу офицеров в свои воинские подразделения.

Так как с 15 января Гумилев считался откомандированным в Англию и на Персидский фронт, в этот же день ему был выдан на руки «Аттестат» об удовлетворении его денежным содержанием при Тыловом управлении русских войск во Франции. Один экземпляр этого аттестата Гумилев оставил в Англии, и он был опубликован Глебом Струве[1947], другой экземпляр сохранился в РГВИА:

«АТТЕСТАТ № 1972.

Дан сей от Тылового Управления русских войск во Франции Прапорщику ГУМИЛЕВУ в том, что он при сем Управлении удовлетворен:

1) жалованием из усиленного оклада СЕМЬСОТ тридцать два рубля в год по первое число апреля 1918 г.;

2) добавочными деньгами из оклада сто двадцать руб. в год по первое число апреля 1918 г.;

3) 50% надбавкой к жалованью и добавочным по первое число апреля 1918 г.;

4) полевыми порционами из оклада трех руб. в сутки по первое число апреля 1918 г.;

5) особо — суточными деньгами, как семейный из оклада одного руб. в сутки по первое число апреля 1918 г.;

6) пособием на покупку теплых вещей на зимний период 1917–1918 гг. в сумме ста пятидесяти руб., что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

15 января 1918 г. г. Париж. Начальник управления, полковник Карханин. Начальник хозяйственного отделения Полковник (*подпись неразборчива*)»[1948].

На оставленном Гумилевым в Лондоне экземпляре «Аттестата» сделана приписка: «Названный в сем аттестате Прапорщик Гумилев при отправлении в Англию удовлетворен при Управлении Старшего Коменданта русских войск гор. Парижа путевым довольствием: стоимостью билета 2-го класса от Парижа до Лондона в размере СЕМИДЕСЯТИ СЕМИ франков и суточными деньгами на путь по числу верст в размере ШЕСТНАДЦАТИ франков, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется. 3/16 Января 1918 года, гор. Париж. Старший Комендант русских войск гор. Парижа Полковник (*подпись неразборчива*). Делопроизводитель, чиновник военного времени (*подпись неразборчива*)». Приписка появилась потому, что это путевое довольствие в размере 98 франков Гумилев получил позже, 24 января[1949], видимо, вместе с добавочным жалованьем за Георгиевский крест. Старшим комендантом русских войск гор. Парижа служил хорошо знакомый Гумилеву полковник Соколов. То есть все парижские сослуживцы Гумилева приняли самое деятельное участие в помощи ему при отправке на Персидский фронт. Одновременно с деньгами Соколов вручил Гумилеву предписание отправиться в Англию: «Старший Комендант города Парижа. 3/16 Января 1918 года. № 2. Город Париж, 59, rue Pierre Charron. Прапорщику Гумилеву. Предписываю Вам сего числа отправиться в Англию в распоряжение Генерала Ермолова и об отбытии донести. Основание: предписание Тылового Управления от 15 января н. с. № 5. Подполковник (*подпись неразборчива*). За Помощника Коменданта Штабс-капитан (*подпись неразборчива*)»[1950].

17 января Занкевич направляет в Лондон ходатайство о переводе в Месопотамию штабс-ротмистра Пфеля[1951], на которое, как и на ходатайство о поручике Перникове, английские власти отреагируют весьма своеобразно. Этим же числом датировано еще одно упоминание «Синей звезды» в приказе по войскам: «Приказ № 2 от 4/17 января 1918 г. По части хозяйственной. ‹…› § 6. 300 франков выписать в расход по денежному журналу из суммы Тылового Управления и уплатить секретарю при Санитарном отделении Г-же Е.К. Дю Буше, согласно представленного счета расходов по поездке для устройства елок для солдат в X-м округе. Справка: Счет Е.К. Дю Буше, наш вх. № 2003»[1952].

Елену Дюбуше оставили для работы в Русской миссии и после ее расформирования, о чем было объявлено соответствующим распоряжением генерала Занкевича: «Приказ по русским войскам № 6 от 9/22 января 1918 г. ‹…› § 4. Во изменение приказа по русским войскам во Франции от 2 января № 166, разрешаю оставить для письменных занятий в составе Тылового Управления русских войск во Франции, по вольному наему, Елену Карловну дю-Буше и Алексея Семенова, обоих с 1-го января с.г. ст. ст., с вознаграждением, получаемым ими до сего времени. Занкевич»[1953]. В дальнейшем ее автограф встречается только в ведомости на получение жалованья за январь: «Расчет на выдачу жалованья переписчикам и машинисткам за январь 1918 г.: Переписчице Буше — 500 фр. (*Ее расписка по-русски*); Семенову — 225 фр. (*расписка по-французски*)»[1954].

К сожалению, эти документы нам ничего не говорят, каковы были отношения между поэтом и его парижской Музой перед самым отъездом Гумилева из Франции в Англию.

19 января Гумилев собирает последние документы, необходимые для получения разрешения на выезд из Франции. В этот день управление Военного Агента направляет в соответствующее ведомство просьбу об оформлении его паспорта: «Представительство Русского Военного Агента. Париж, 19 января 1918. 14, Avenue Elisée Reclus. Представительство Русского Военного Агента во Франции было бы чрезвычайно признательно Бюро выдачи разрешений за срочное оформление паспорта для лейтенанта русской армии **ГУМИЛЕВА**, отправляемого со срочной миссией в Англию, маршрут следования его должен быть в Лондон через Булонь (Boulogne)[1955]. Помощник Русского Военного Агента Подполковник Крупский»[1956]. В этот день Ермолов из Лондона отправил телеграмму Занкевичу: «Генералу Занкевичу от генерала Ермолова (агентский шифр). Отпр. 19.1.1918. Получ. 20.1.1918. № 2031. Вход. № 2031, 19/1 — 1918. Англичане просят срочно прислать им список русских офицеров, желающих на Месопотамский фронт, преимущественно кавалеристов и гвардейцев, и не иначе как по Вашей особой рекомендации, приблизительно около двенадцати человек. В списке необходимо указать относительно каждого, где служил и что делал во Франции. Благоволите всех командированных удовлетворять деньгами согласно расчетам, указанным в моей телеграмме 1462, но непосредственно от Вас, так как я выдавать им деньги здесь не могу. Для ускорения дела не откажите снестись с Английским Военным Агентом в Париже. Ермолов 1475»[1957]. На телеграмме резолюция Занкевича — «Запросить». До этого момента Занкевич направил в Лондон только Гумилева, и резолюция «Запросить», скорее всего, относилась к подготовке списка офицеров, желающих отправиться на Месопотамский фронт. Вскоре такой список появился. Одновременно он 20 января посылает ответную телеграмму Ермолову: «Исх. № 2057 от 7/20 января 1918 г. Генералу Ермолову. 1475. Денег у меня также нет. Прошу спешно сообщить, нельзя ли получить эти деньги от Англичан. Дополнительно прошу точно указать цель командировки и условия службы. Занкевич 2057»[1958].

В этот же день Гумилеву, в управлении Военного Агента, вручают командировочное удостоверение, позволяющее ему покинуть Францию и отправиться в Англию: «Представительство Русского Военного Агента. Париж, 20 января 1918. 14, Avenue Elisée Reclus. КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ лейтенанта русской армии Николая ГУМИЛЕВА, направляемого в этот день в официальную командировку в ЛОНДОН через Булонь (Boulogne), для дальнейшей его отправки в специальную командировку по поручению Английского Правительства. Подполковник Крупский (*Colonel Kroupsky*), помощник Русского Военного Агента»[1959]. Документ заверен печатями Военных агентов России и Англии, а также штемпелем специального комиссариата в Булонь-сюр-Мер о посадке на пароход 21 января 1918 года, который позволяет точно установить дату отплытия Гумилева из Франции.

Оставив часть своих вещей, книг и коллекции картин на квартире у А. Цитрона, Гумилев отчалил от французских берегов, не предполагая, что задержится в Англии надолго. Запрашивая Занкевича о присылке 26 русских офицеров[1960], желающих попасть на Персидский фронт, генерал Ермолов торопил с отправкой, так как она должна была состояться уже в

январе, причем в том же письме от 6 января 1918 года он уведомил Занкевича, что «доставка желающих будет исполнена попечением английских военных властей ‹…›, причем офицеры должны быть снабжены теплой одеждой. Мы предполагаем выдать им содержание на четыре месяца и некоторую сумму каждому на подъем». Ступив на корабль, Гумилев, возможно, мысленно был уже в Персии. Не персидские ли миниатюры его туда так влекли? Ведь о желании попасть на Персидский фронт и привезти оттуда коллекцию миниатюр Гумилев писал Ларисе Рейснер еще 22 января 1917 года из Окуловки[1961]…

В заключение приведу то, как представлен отъезд Гумилева из Парижа у Лукницкого в «Трудах и днях». Самое интересное в его записи — ссылки на тех, кто снабдил его этой информацией, они позволили расширить круг парижских друзей поэта. Очевидно, что располагал Лукницкий весьма приблизительной информацией:

«**1917–1918. Париж.** Мысли о путешествии в Африку. *(А.М. Росский, С.А. Колбасьев).* ‹…› **1918. До марта.** В Париже жил в квартире адвоката Цитрона. *(А.М. Росский).* ‹…›» С марта 1918 г. даты показаны по новому стилю. «**1918. 2-я половина марта.** Уезжает из Парижа в Лондон. В Париже оставляет у квартиросъемщика часть своих вещей и папку бумаг. Оставляет также (у комиссара Временного правительства Раппа (?) — часть коллекций по искусству Востока). (*А.А. Ахматова* [...], ...*Бикерман*)[1962].

Выделены достаточно неожиданные источники информации. Хотя Лукницкий и не располагал документами, из-за чего даты указаны неверно, но основные акценты расставлены относительно точно. Обращает на себя внимание упоминание Я.И. Бикермана. В коллекции Бикермана в Амхерсте сохранились как его переписка с П. Лукницким 1925 года, так и адресованные Гумилеву письма от его родственников и Ахматовой. Скорее всего, письма эти, отправленные летом 1917-го из России, хотя и добрались до Парижа, к адресату не попали, а потому и сохранились. Все они адресованы на один адрес, видимо, полученный отправителями в Петрограде, но неверный. Письма к Бикерману в 1920-е годы попали, скорее всего, через А. Цитрона, обнаружившего их при ликвидации русских военных учреждений в Париже. Они составили основу его коллекции, которая в дальнейшем пополнялась другими, но менее ценными материалами.

С Сергеем Колбасьевым Гумилев познакомился в июле 1921 года в Крыму, незадолго до ареста. Именно С.А. Колбасьев[1963] помог Гумилеву в Севастополе издать сборник африканских стихов «Шатер», и, видимо, тогда же Гумилев поведал Колбасьеву о своих африканских странствиях, в том числе поделился мыслями о путешествии в Африку из Франции.

Еще в записи Лукницкого обращает на себя внимание самое раннее упоминание Цитрона, исходящее от некоего А.М. Росского. Безусловно, Росского следует внести в список знакомых Гумилева по Парижу 1917 года, хотя ни в одной публикации его имя ранее не упоминалось. Как удалось установить, Лукницкий ссылается на рассказы Александра Михайловича Росского (14.5.1883, Курск — после 1949, Стерлитамак). Обнаружились документы, подтверждающие, что А.М. Росский был политическим эмигрантом, с 1905 по 1919 год жил в Париже[1964]. Там он закончил, по данным составленной им анкеты, Практическую школу высших наук по специальности «социология», хотя такого учебного заведения обнаружить не удалось[1965]. Скорее всего, свел Гумилева с Росским давно его знавший другой политический эмигрант Е.И. Рапп. Вероятно, в их круг мог

войти и приехавший в Париж позже Гумилева А. Цитрон, занимавшийся, как и Е. Рапп, адвокатской практикой. В Париже А.М. Росский работал во французских и американских издательствах. После возвращения в Россию в 1919 году А.М. Росский был издателем и литературным деятелем, участвовал в «Никитинских субботниках», в «Современнике». В начале 1920-х был назначен управляющим делами Литературно-художественного отдела Госиздата, потом первым председателем Главного художественного комитета Наркомпроса, ученым секретарем ЛИТО Наркомпроса, публиковался в периодической печати, издавал просветительские брошюры[1966]. В связи с Гумилевым Росский упоминается в дневниках И. Розанова[1967], в записи от 2 ноября 1921 года, когда Розанов посетил собрание «Литературного особняка» памяти Н. Гумилева: «...я в "Литер. Особняк", где 3 доклада о Гумилеве: Мочаловой, Неизвестной, Бруни. Прения: Вас. Федоров[1968] о "брюсенке" Гумилеве. А.М. Росский»[1969]. О. Мочалова, вспоминая об этом вечере, также упомянула и Федорова, и Росского, последнего в связи с Парижем 1917 года: «Вас[илий] Федоров на вечере памяти Гумилева выразился: "Третьестепенный брюсенок" ‹...› Росский: "В Париже Н.С. был влюблен и делал много смешных глупостей"»[1970]. Все верно — из этой фразы Росского можно предположить, что между ним и Гумилевым были тогда доверительные отношения. Жаль, что, видимо, не сохранились его воспоминания о парижской жизни, записанные Лукницким. Как удалось выяснить, в начале 1930-х годов А.М. Росский был сослан в Стерлитамак: «Был лишен всех прав и сослан в Стерлитамак вузовский преподаватель Александр Михайлович Росский, незаурядная личность, философ, получивший образование в Европе»[1971].

Но пора покинуть Париж. Письма А. Цитрона Ларионову об оставленных вещах намекают на то, что Гумилев предполагал туда вернуться, после Персии. Однако после его отъезда события начали развиваться не по запланированному сценарию. Узнал об этом он лишь в Лондоне, в первый же день, когда явился к генералу Ермолову. Последующие две недели прошли в непрерывном обмене письмами и телеграммами между Парижем и Лондоном, главным действующим лицом которых невольно оказался так и не попавший в Персию Николай Гумилев.

Зима в Лондоне: январь–февраль 1918 года

В день отъезда Гумилева из Парижа генерал Ермолов отправил Занкевичу весьма любопытную секретную телеграмму, касающуюся некоторых лиц, которых Занкевич предполагал командировать на Персидский фронт. Однако получена она была в Париже, по неведомым нам причинам, спустя неделю: «Вх. № 2109. № 1476. Отправ. 7/20 января 1918. Получ. 15/28 января 1918. Генералу Занкевичу от генерала Ермолова (агентским). **Личная.** 2034 и 2044. Из частных источников мне известно, что англичане ни под каким видом не дадут согласие на перевозку в Месопотамию штабс-ротмистра Пфель вследствие инцидента, бывшего с ним на пароходе во время переезда его из России в Англию. Имею основание опасаться, что и командировка поручика Перникова будет англичанами также отклонена. Генерал Бичерахов и англичане просят быть особенно осторожными в рекомендациях избираемых для командировки офицеров, возлагая всецело ответственность на тех лиц, кои их рекомендуют. 1476 Генерал Артамонов»[1972]. На телеграмме, от руки, подпись: «Читал Ермолов». И сделанная в Париже надпись: «Расшифровал и подлинник сжег. Капитан Нарышкин». Занкевич наложил на нее резолюцию: «Военному Агенту». Из этой телеграммы следует, что подчиненная Военному Агенту английская контрразведка серьезно занималась попадающими в сферу ее действий лицами.

Однако после получения этой телеграммы Занкевич повторно ходатайствовал за ненавистных английским властям Пфеля и Перникова[1973], а к 21 января в Русской миссии были собраны рапорты офицеров, и на их основе подготовлен запрашиваемый Ермоловым «Список офицеров и гвардейцев, желающих быть командированными в Месопотамию»[1974]. Отпечатанный на машинке список включил в себя 10 фамилий, приведем его полностью, как он составлен в документе: «1. Капитан Евреинов[1975]. 2. Поручик Аничков[1976]. 3. Поручик Пфель[1977]. 4. Ротмистр Аничков[1978]. 5. Корнет Коленко. 6. Корнет Попов[1979]. 7. Прапорщик Гумилев, **рекомендация генерала Занкевича**[1980]. 8. Капитан Некрасов. 9. Ротмистр Ивченко[1981]. 10. (*Неразборчиво*) Pirnoff[1982]». Ниже списка — резолюция: «1) Надо запросить аттестации Генерала Занкевича». Так как Ермолов запрашивал у Занкевича 26 офицеров, желающих отправиться на Персидский фронт, а в Париже нашлось только 10 человек, в тот же день от Тылового управления было направлено следующее письмо: «№ 170. 21 января 1918 г. Военному Агенту во Франции № 176. Старшему коменданту Русских войск г. Парижа № 175. Начальнику 1-й Особой пехотной дивизии № 170. Представитель Временного Правительства приказал представить ему список офицеров вверенной Вам дивизии, желающих и удовлетворяющих требованиям для назначения в командировку на Месопотамский фронт. При этом Генерал-майор Занкевич предупреждает начальствующих лиц, что предназначенные к отправке офицеры будут командированы под личной ответственностью их начальствующих лиц. Ввиду спешности дела, ответ ожидается в срочном порядке. Начальник Тылового управления русских войск во Франции Полковник Карханин. Начальник инспекторского Отдела Подполковник Благовещенский»[1983].

Ранее был приведен «Аттестат № 10986» 5-го гусарского Александрийского полка об удовлетворении Гумилева жалованьем за Георгиевский крест, отправленный 17/30 ноября 1917 года из России. 22 января 1918 года он добрался до Парижа, о чем говорит проставленный на нем квадратный штамп: «Тыловое Управление Русских Войск во Франции. Получено 9/22 – 1 1918. Вх. № 6611. Отдел — хозяйственный». На аттестате резолюция: «Г. Василеву составить расчет и спешно выслать деньги по счету от 22/1 в Лондон. 23.1 (*подпись неразборчива*)». Распоряжение это было исполнено уже на следующий день: «**РАСЧЕТ** Тылового Управления русских войск во Франции на выдачу Прапорщику Гумилеву добавочного жалованья на Георгиевский Крест 3 ст. с 1 мая 1917 г. по 1 апреля 1918 г.». Далее следует ведомость в виде таблицы: «(1) **Кому выданы деньги** — Прапорщику Гумилеву 5 руб. в месяц; (2) Сумма (в рублях и франках) — 55 рублей или 146 франков 65 сантимов; (3) **Расписка в получении денег**» — запись от руки: «Отправлено в Лондон через посредство Военного Агента сношением № 2083 — чеком на Лондон. £ 5/7/5. Казначей (*подпись неразборчива*). Приложение: аттестат № 10986. Нач. Управления Полковник Карханин. Нач. хоз. отдела Подполковник Лубенский. И. д. Бухгалтер, чиновник воен. времени И. Василев. 23 января 1918 г. № 2076»[1984]. 24 января Занкевичем был объявлен приказ, в котором наряду с Гумилевым упоминается

и Е.К. Дюбуше: «Приказ по русским войскам № 9 от 11/24 января 1918 г. Париж. По части хозяйственной. ‹…› § 4. 146 фр. 65 сан. Выписать в расход по денежному журналу из сумм, позаимствованных у представителя Министерства Путей Сообщения инженера Клягина[1985], и отправить Военному Агенту в Лондон для выдачи Прапорщику Гумилеву добавочное жалование на Георгиевский крест 3 ст. с 1-го мая 1917 г. по апрель 1918 г. (расчет № 2076). ‹…› § 19. Выдать жалованье по Тыловому управлению за январь — переписчикам Буше и Семенову»[1986]. Деньги до Гумилева дошли, о чем говорит оставленный им в Англии и опубликованный Глебом Струве аттестат: «Аттестат № 2082. Дан сей от Тылового Управления русских войск во Франции Прапорщику 5-го Гусарского Александрийского полка Гумилеву в том, что он при сем Управлении добавочным жалованием на имеющийся у него Георгиевский крест 3-й степени из оклада шестьдесят руб. в год удовлетворен по первое число апреля тысяча девятьсот восемнадцатого года, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется. 23 Января 1918 г., гор. Париж. Начальник Управления Полковник Карханин. Начальник хозяйственного отделения Подполковник Лубенский»[1987].

Но не эти перечисленные суммы волновали тогда Гумилева. В Лондон из Булони Гумилев попал, переплыв Ла-Манш в его самом узком месте, чуть более 30 км, и высадившись в одном из английских портов, скорее всего в Фолкстоне или Дувре, от которых до центра Лондона порядка 100 км. Первым делом, как ему было предписано, он явился к Военному Агенту Н. Ермолову, в помещении Русской военной миссии, размещавшейся по адресу: Лондон, ул. Уайтхолл-корт, д.3 (London, 3, Whitehall Court SW1)[1988], рядом с Министерством обороны Великобритании. Предполагаю, что он был сильно озадачен по окончании первой встречи с Военным Агентом в Англии генералом Ермоловым. Если Гумилев отплыл из Булони 21 января, то встретиться с Ермоловым в Лондоне он мог уже на следующий день. Действительно, это подтверждается первой телеграммой Ермолова, посланной в Париж Занкевичу: «Вх. № 2061. № 1482. Отпр. 9/22 января 1918. Получ. 10/23 января 1918. Генералу Занкевичу от генерала Ермолова (агентским). Ввиду неполучения Прапорщиком Гумилевым денег от Вас согласно моей телеграмме № 1462 я организовать его отправку в Месопотамию на себя взять не могу, а потому откомандировываю его обратно в ваше распоряжение. Ермолов 1482»[1989]. В архиве сохранилось несколько экземпляров этой телеграммы. На одном имеется приписка: «Расшифровал и подлинник сжег капитан Нарышкин». На другом — резолюция Занкевича: «Резолюция: Начальнику Тылового управления. Еще раз прошу выхлопотать требуемые деньги у Английского Правительства. 10/23.1. Занкевич». Однако, судя по второй телеграмме, отправленной в тот же день, разговор между Гумилевым и Ермоловым был продолжен. Вторая телеграмма была получена через день после первой, следовательно, отправлена она была позже, видимо, вечером, после, как можно предположить, не слишком «дружественной беседы», в которой Гумилев отказался возвращаться во Францию. Это следует из текста второй телеграммы Ермолова Занкевичу: «Вх. № 2065. № 1483. Отпр. 9/22 января 1918. Получ. 11/24 января 1918. Генералу Занкевичу от генерала Ермолова (агентским). К № 1482. Неудовлетворение Вами прапорщика Гумилева проездными и подъемными деньгами, к сожалению, признаны англичанами сегодня как отсутствие Вашей рекомендации, почему командирование его в Месопотамию они отклонили. За невозможностью откомандирования его обратно во Францию, отправляю его первым пароходом в Россию. Покорнейшая просьба при составлении дальнейших списков принять вышеизложенное во внимание. Генерал Ермолов. 1483»[1990]. Как и ранее, на одном экземпляре телеграммы имеется приписка: «Расшифровал и подлинник сжег капитан Нарышкин». На другом — резолюция Занкевича: «Резолюция: Г. Ермолову. Прапорщика Гумилева я рекомендую как отличного офицера, но еще раз прошу исходить из отклонения необходимой суммой (*sic!*), ввиду того, что денег у меня нет. 11/24.1. Занкевич». Эта резолюция явилась основой тут же отправленной в Лондон телеграммы: «Исх. № 2071. Отпр. 11/24 января 1918. Лондон. Генералу Ермолову. 1483. Прапорщика Гумилева рекомендую как отличного офицера. Еще раз прошу исходатайствовать у Английского Правительства необходимую сумму денег для командировок в Месопотамию ввиду того, что денег у меня нет. Занкевич. 2071»[1991].

Но эта телеграмма была отправлена 24 января и получена в Лондоне не ранее 25 января, тогда как беседа между Ермоловым и Гумилевым происходила 22-го. Видимо, тогда же Ермолов решил «подсластить пилюлю» и распорядился выписать Гумилеву в долг деньги на обратную дорогу в Россию. Расписка в их получении подписана следующим днем. Мне кажется, бумага эта могла, с одной стороны, оскорбить Гумилева, а с другой — просто позабавить. Второе возобладало, Гумилев сохранил расписку — «на память», и она осталась среди других его бумаг у Б. Анрепа. Впервые опубликовал ее Глеб Струве:

«Выдано заимообразно Военным Агентом в Великобритании Прапорщику Гумилеву на возвращение в Россию ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ (54) фунта стерлингов по следующему расчету:

Суточные на один месяц вперед по 30 франков в сутки, итого …………………………………………………………	900 франков
На пароходный билет от Англии до Бергена ……………	6 ф. ст.
На железнодорожный билет от Бергена до Петрограда …………………………………………………	12 ф. ст.
А всего …………………………………………………………	54 ф. ст.

Помощник Военного Агента в Великобритании Генерал-Майор Дьяконов. 10/23 Января 1918 года. г. Лондон»[1992]. Все скреплено печатью. Это упоминавшийся выше полковник Дьяконов, бывший командир 2-го Особого полка 1-й Особой бригады генерала Лохвицкого, впоследствии агент советской разведки. Как следует из документов, Ермолов неслучайно именно в этот день выписал деньги Гумилеву, ведь накануне он издал распоряжение: «№ 15 от 23 января 1918 г. Копия письма Военного Агента в Великобритании от 9/22 января с.г. за № 44. Председатель Русского Правительственного Комитета в Лондоне, ввиду того, что в настоящее время сообщение с Россией через Швецию восстановлено и со стороны Шведского правительства не встречается более препятствий к визированию паспортов русских офицеров, отправляющихся на родину, мною послано всем находящимся в Лондоне задержанным здесь вследствие отсутствия связи с Россией офицерам предписание немедленно отправиться к местам их штатного служения, причем я предупреждал, что никому из оставшихся в Лондоне самовольно никаких от меня денежных выдач производиться не будет. Сообщая о вышеизложенном, прошу Вашего распоряжения об объявлении сего в приказе по Комитету, дабы поставить об этом в известность

всех ныне от Комитета отчисленных офицеров и, таким образом, предупредить возможность самовольного пребывания их в Лондоне. Копию посланного мною офицерам предписания для сведения Вашего при сем препровождаю. Генерал-лейтенант Ермолов». И тут же приводится предписание для офицеров: «Сообщаю для сведения, что в настоящее время все офицеры, задержанные временно в Англии, вследствие невозможности выехать в Россию через Скандинавию, могут с ближайшим же пароходом отправиться в Россию через Берген и Швецию. Для сего всем офицерам надлежит записаться на предмет получения визы от Шведского Консульства[1993] у Российского Вице-консула ГАМБСА (30, BEDFORD SQUARE), а литеры на бесплатный проезд до порта получить накануне отправления парохода у Военного Агента от 11 до 1 часа дня или от 5 до 6 часов пополудни. При этом Военный Агент вынужден указать, что он не имеет права разрешить кому-либо оставаться в Англии далее на законном основании, а потому все офицеры обязаны также отправиться к местам своего штатного служения; оставшиеся же в Англии самовольно ни на какие денежные выдачи от Военного Агента рассчитывать не могут. Подлинник подписал Помощник Военного Агента в Великобритании Ген.-майор Дьяконов». На подлинном письме Председателем Комитета наложена следующая резолюция: «Объявить в приказе по Комитету и выдавать каждому военнослужащему вместе с предписанием об отправлении в Россию. Подписал: Генерал-лейтенант Гермониус 10/23 января 1918 г.»[1994]. Так что, как следует из приведенных документов, Гумилев мог отправиться в Россию сразу же по прибытии в Англию. Однако его дальнейшее пребывание в Лондоне определилось, с одной стороны, тем, что произошло на протяжении последующих двух недель в Париже, а с другой стороны, вмешательством в его дела со стороны его друга, как оказалось, не последнего человека в Русском Правительственном Комитете, Бориса Анрепа.

Хотя внешне может показаться, что Париж перестал для него существовать. И сам Гумилев мог не знать того, что нам раскрыли документы. Поэтому «зафиксируем» дату получения этой расписки, чтобы потом опять к ней вернуться и на основе недавно обнаруженных документов впервые рассказать о почти трехмесячном пребывании Гумилева в Лондоне. А пока, временно нарушая хронологию, перенесемся в Париж конца января 1918 года.

Писем из Парижа от Занкевича с упоминанием имени Гумилева больше не поступало. Но, как будет видно из приведенных ниже документов, до последнего дня службы генерал пытался разрешить возникшую материальную проблему, не зная того, что препятствие на самом деле заключалось не только в отсутствии денег. К сожалению, и его службе во Франции подходил конец, пошла последняя неделя, в конце которой он был вынужден сложить с себя свои полномочия, передав их «непотопляемому» графу А.А. Игнатьеву. Не случись этого, я думаю, он смог бы добиться отправки Гумилева в Персию. Уходил он, с моей точки зрения, очень достойно. Теперь о последних подписанных Занкевичем приказах. 28 января 1918 года в приказе по русским войскам № 12[1995] был объявлен список офицеров, которым выдаются деньги из сумм Тылового управления. В этом списке значится 398 фамилий, но Гумилева уже нет. Упоминается в нем Евгений Рапп, получивший 4000 франков. В приказ по русским войскам № 14 от 17/30 января 1918 года объявлено: «§ 1. Ввиду отказа Французского Военного Министерства в отпуске средств на содержание газеты "Русский Солдат-Гражданин во Франции", издание этой газеты прекратить с 26-го января

нов. ст. Занкевич»[1996]. Приказом по русским войскам № 15 от 17/30 января 1918 года был объявлен список офицеров и классных чинов в Тыловом Управлении, и в нем Гумилев отсутствует. Остался прежний начальник — Полковник Карханин, и при нем всего два сотрудника: поручик Владимиров, журналист Ляшенко. Видно, что французские власти стремительно свертывали деятельность Русской миссии во Франции. В этот же день, 30 января, Занкевич подает на имя Военного Агента заявление № 2106[1997] о сложении полномочий.

Исключительно важным представляется первое же письмо Занкевича Игнатьеву после подачи этого заявления. Оно непосредственно касается дальнейшей судьбы Гумилева, хотя непосредственно его имя там не упоминается:

«Представителю Временного Правительства при Французских Армиях. 18/31 января 1918 г. № 2107, г. Париж. Графу А.А. Игнатьеву, Военному Агенту во Франции.

Милостивый Государь Алексей Алексеевич!

Препровождаю Вам переписку о командировании офицеров <u>кавалеристов</u> и <u>гвардейцев</u> в Месопотамию. Из данной переписки Вы увидите, что главным затруднением в этом вопросе является <u>отсутствие денег</u>, которых в моем распоряжении нет. Я уже снесся с Генералом Ермоловым, прося его выхлопотать необходимые для командирования суммы у Английского Правительства. По этому же поводу я имел устные переговоры со здешним <u>Великобританским Военным Агентом</u>, но ответа от названных лиц еще не получил. Быть может, Вы найдете возможность войти в соглашение с Французским Правительством о единовременном отпуске требуемых денег в Ваше распоряжение. Приложение: переписка на 12 листах. Уважающий Вас Занкевич»[1998].

На письме проставлен квадратный штемпель: «Военный Агент во Франции. Получено 19 янв./1 февр. 1918. Вх. № 196». Можно утверждать, что в отсутствующем при этом документе приложении, переписке на 12 листах, большинство писем касалось непосредственно Гумилева, все они были приведены выше. Никакой реакции на это обращение Занкевича к Игнатьеву обнаружить не удалось, да ее и не было. А ведь ему даже не требовалось обращаться во «Французское Правительство о единовременном отпуске требуемых денег» в свое распоряжение. По сравнению с теми огромными **казенными деньгами**, которые он хранил на своих **личных счетах** во французских банках, требовалась ничтожнейшая сумма, чтобы удовлетворить всех командируемых офицеров. Я не говорю о том, что в его силах и возможностях (исходя из располагаемых им средств) было позаботиться и о тысячах простых солдат, которые были разбросаны по всей территории Франции или оказались в Северной Африке. Поразительно то, что в книге «Пятьдесят лет в строю» он льет «крокодиловы слезы» о судьбах брошенных во Франции русских солдат, и в основном исключительно по ней большинство читателей узнает о судьбе Русского экспедиционного корпуса во Франции! Жаль, что Занкевич (в отличие от Раппа, и, как я думаю, Гумилева) не знал этого, иначе он не подписался бы — «Уважающий Вас Занкевич». А может, это было просто данью вежливости. В отличие от Игнатьева, оставшегося в Париже с красавицей-женой, известной балериной Натальей Трухановой (1885, Киев — 1956, Москва), и занявшегося вскоре выращиванием шампиньонов, Занкевич летом 1919 года вернулся в Россию, активно участвовал в Белом движении, был начальником штаба

Ставки Главнокомандующего Русской армией адмирала Колчака, потом эмигрировал во Францию, где еще мог встретить графа Игнатьева. Свой путь генерал Занкевич тихо закончил в 1942 году на кладбище в южном парижском предместье Сен-Женевьев-де-Буа, а граф Игнатьев с почетом был похоронен в 1954 году на Новодевичьем кладбище в Москве.

В первых числах февраля Занкевич послал в Англию еще один список офицеров, желающих отправиться в Месопотамию, включивший 18 человек[1999]. Трудно проследить их судьбы, но по просмотренным документам создается такое впечатление, что многие из откомандированных в Англию лиц в конечном итоге попали туда, куда хотели. Это кажется вполне естественным, ведь не отдыхать же за казенный счет на курортах Персии просились русские офицеры, а воевать! По крайней мере, не было обнаружено ни одного документа от Ермолова из Англии с формулировками, аналогичными тем, по которым он отклонил ходатайство Занкевича за Николая Гумилева. Документы, касающиеся работы русских военных служб в Англии, в частности отправки русских офицеров в Персию, в РГВИА отсутствуют, их теоретически возможно обнаружить только в архивах Великобритании. Вызывает некоторое удивление огромный массив хранящихся в РГВИА документов по Русскому экспедиционному корпусу во Франции. Попасть они могли туда только спустя много лет. У меня есть предположение, что и здесь мог приложить руку граф Игнатьев, когда заключил с советской властью взаимовыгодную сделку. Вместе с деньгами и в качестве гарантии своего благополучного существования он в 1920-е годы передал в Россию большую часть сохранившихся документов по экспедиционному корпусу. Ведь именно ему был вынужден передать все дела Русской миссии генерал Занкевич в начале февраля 1918 года. А для карательных органов советской власти они представляли несомненный интерес как компрометирующие, изобличающие «врагов народа» и «шпионов» документы. Долгое время, вплоть до перестройки, все эти бумаги хранились в архиве с грифом «секретно» и были недоступны для исследователей. Косвенным подтверждением этой версии может служить то, что среди бумаг почти нет документов с рапортами самого Игнатьева, который многие годы «верно» служил и царской власти, Временному правительству. Перед тем как передать документы новым хозяевам, он легко мог «вычистить» все то, что могло скомпрометировать его самого.

Мы отвлеклись от «парижских дел», так как мне показалось необходимым высказать приведенные выше соображения, относящиеся к двум генералам Русской армии, одному — незаслуженно возвеличенному, другому — столь же незаслуженно забытому. 20 января/2 февраля 1918 года Занкевич подает рапорт Военному министру Франции:

«В начале декабря Помощник Начальника Генерального Штаба Генерал Альби, при личном свидании со мною, сообщил мне, что ввиду прекращения отпуска кредитов на содержание русских войск во Франции и ввиду предстоящего наряда главной массы войск на работы французское правительство считает необходимым провести некоторые организационные мероприятия, вызываемые новым положением русских войск во Франции. Я ответил, что согласен пойти в этом вопросе навстречу французскому правительству, но при условии, что все эти мероприятия будут предварительно рассматриваться и одобряться мною. Генерал Альби заверил меня, что все будет сделано не иначе, как с предварительного моего согласия. ‹…› *(Занкевич создал смешанную комиссию для обсуждения)*. Однако 25-го декабря, к моему удивлению, я получаю от Французского Военного Министра не проект, подлежащий моему предварительному рассмотрению, а документ, имеющий характер окончательного решения, а именно решение Французского Военного Министерства по управлению и использованию русских войск во Франции за № 30234, сущность которого сводится к нижеследующему: Французское Правительство берет на себя содержание и довольствие русских войск во Франции.

Командование русскими войсками во Франции переходит к французским военным властям, которые используют часть русских офицеров как кадровых.

Французский командный состав обеспечивает всеми находящимися в его распоряжении средствами соблюдение дисциплины и порядка в войсках. Ни один войсковой комитет не будет более терпим.

Для управления русскими войсками учреждается русская база в г. Лавале, под командованием русского генерала, в помощь которому будут приданы не подчиняющиеся ему французский начальник штаба и французский интендант. ‹…›

Денежное и вещественное довольствие русским офицерам и солдатам во Франции приравнивается к французским войскам.

Русские войска будут использоваться:

1. На Французском фронте, в случае, если можно будет собрать добровольческие части.

2. На работах внутри страны и в зоне военных действий, но вне неприятельского обстрела, для чего будут сформированы рабочие команды.

3. Нежелающие идти ни на фронт, ни на работы будут отправлены в Африку.

Что касается наших солдат в Африке, в упомянутом "Решении" довольно туманно сказано, что изложенные меры будут применены и к ним, распоряжением Командующего войсками в Северной Африке. ‹…›

(Далее про отрицательное отношение к русским командам и комитетам…)

Конечно, я ни в коем случае не мог согласиться с французским "Решением" в его целом. Я подал Французскому Военному Министру протест, сущность коего заключается в следующем (письмо от 10.1.18):

‹…› В вопросе о комитетах я не только пошел навстречу французам, но и отдал приказ о расформировании комитетов на территории Франции и о восстановлении дисциплинарной власти начальствующих лиц (Приказ № 174 по русским войскам от 29.12/11.1 — 1918 и № 13 от 15/28 января 1918).

(Далее — о том, что и Временное правительство сознавало их несовершенство, и в телеграмме № 7330 от 9/23 октября 1917 года предлагало сузить их полномочия.)

‹…› Упомяну здесь, что еще до получения мною "Решения" Военный Комиссар русских войск во Франции Госп. Рапп снял с себя полномочия (письмо от 4 января 1918 г. н. ст.) ‹…›

В остальном, я решительно протестовал против подчинения Начальника дивизии (Начальника русских баз) Французскому Военному Министру, требуя оставления их в моем подчинении. ‹…›

Послав мой протест Военному Министру, я при личном с ним свидании предупредил его, что в случае, если французы не согласятся на удовлетворение требований, изложенных в моем протесте, я, не имея воз-

можности брать на себя ответственность за дальнейшее, сниму с себя мои полномочия.

Нотой за № 1817 от 23 января 1918 г. Военный Министр дал мне ответ, из коего явствует, что требования моего протеста оставлены французами без удовлетворения. ‹…›

Поставленный в полную невозможность исполнять мои обязанности в отношении вверенных мне войск, я вынужден был сложить с себя свои полномочия, передав свои командные права по войскам во Франции Генералу Лохвицкому, в Македонии — Генералу Тарановскому, а по представлению при Французской Главной Квартире — Военному Агенту Генералу Графу Игнатьеву. Генерал Занкевич»[2000].

В тот же день генерал Занкевич объявил приказ: «Приказ по русским войскам во Франции и на Салоникском фронте № 16 от 20 янв./2 февр. 1918 г. г. Париж. По части инспекторской. § 1. Вследствие моего несогласия с целым рядом мер, проведенных в последнее время Французским Правительством в отношении наших войск и безрезультатности моих по сему протестов, я нахожусь вынужденным сложить с себя мои полномочия. Мои полномочия как Представителя Ставки Верховного Главнокомандующего при Французских Армиях, равно как и мое Бюро при Штабе Французского Главнокомандующего и личную мою канцелярию передаю Военному Агенту. Мои полномочия, определенные Высочайшим соизволением 23-го января, 23-го февраля и 14 июля 1916 года, и положением Военного Совета от 18-го мая 1917 г. на командование войсками, находящимися на территории Франции, — передаю генералу Лохвицкому, на территории Македонии — генералу Тарановскому. Об изложении своих решений я поставил в известность Французского Председателя Совета Министров и Военного Министра Г-на Клемансо письмом от 17/30 января сего года за № 2101. Представитель Временного Правительства г.-м. Занкевич»[2001].

Наконец, 4 февраля Занкевич подает «Рапорт № 2358» о переводе русских войск на французские оклады. Документ длинный, но интересный тем, что он раскрывает «внутреннюю кухню» существования Русской миссии. Он говорит, как Занкевичу удалось до своей отставки поддержать существование Русской миссии, выплатить военнослужащим, включая Гумилева, жалованье вплоть до 1 апреля 1918 года даже после того, как все связи с большевистской Россией оборвались и перевод денег прекратился. Рапорт также дает частичный ответ, почему Занкевич не смог обеспечить отправку Гумилева на Персидский фронт в соответствии с выдвинутыми генералом Ермоловым требованиями:

«Согласно установленному порядку, удовлетворение денежным довольствием наших войсковых частей и управлений, командированных на Французский и Салоникский фронты, производилось путем перевода с помощью аккредитивов денежных средств распоряжением Кредитной Канцелярии при Министерстве Финансов, что в свою очередь производилось по нарядам Главного Интендантского Управления. Хотя ст. 791 кн. XIX Свода В.П. и устанавливает, что чинам, командируемым за границу, содержание выдается за четыре месяца вперед, однако все чины особых частей и управлений получали все причитающееся им содержание ежемесячно: 1-го числа каждого месяца суточные и 20-го — прочее содержание. Этот порядок, хотя и противоречащий приведенному выше основному закону, не составлял никаких неудобств, когда потребные кредиты поступали в распоряжение войскового начальства своевременно, а потому все

выдачи производились точно в срок. С ноября месяца минувшего 1917 года, со времени перехода власти в руки большевиков, поступление денежных ассигнований из Петрограда прекратилось совершенно, что сразу поставило войсковые части и управления в критическое положение. 1-я Особая пехотная дивизия, имевшая в своем распоряжении значительные собственные (экономические) суммы, могла еще произвести текущие платежи. Что же касается Тылового управления, то прекращение ассигнований денежных средств из Петрограда заставило его прибегнуть, с моего разрешения, к займу 500 000 франков сумм 1-й Особой пехотной дивизии, что вместе с прежним долгом Военному Агенту (в 600 000 франков) довело задолженность Тылового управления до 1 100 000 франков. Телеграммой № 83111 Главного Интендантского Управления извещалось о переводе на имя начальника Тылового управления 2 000 000 франков, однако эти деньги получены не были. *(Далее о том, что за ноябрь все-таки выдать удалось.)* ‹…›

В начале декабря месяца положение денежного вопроса ухудшилось еще более. Французское правительство наложило фактический запрет на все суммы русских войсковых частей и управлений, находящиеся в банках, и, кроме того, были случаи запрещения пользоваться нашими суммами, находящимися в денежных ящиках войсковых частей. После целого ряда моих протестов, как непосредственно от меня, так и через нашего посла, Французское Военное Министерство заявило, что оно принимает на себя содержание русских войск и управлений, находящихся во Франции, на следующих условиях:

1) Русские военные части лишаются права распоряжения суммами подчиненных им частей.

2) С 1-го января 1918-го года ст. ст. удовлетворение всех русских чинов будет производиться распоряжением французских властей, причем все русские чины переходят на французские оклады содержания.

3) Расчеты за декабрь производятся согласно отпускаемых наших сумм.

‹…› Перевод с 1-го января 1918-го года всех русских чинов на французские, меньшие по сравнению с нашими оклады поставил русских офицеров и чиновников в критическое положение. Если до сего времени удавалось избегать враждебных столкновений с содержателями и прислугой отелей благодаря своевременной уплате по всем счетам, то этого впредь сделать не представляется возможным. Не секрет, что большинство отелей устанавливают различную таксу для французов и иностранцев, причем для последних эта такса более возвышена. Если французские чины, являющиеся коренными жителями Франции, знакомые с ее особенностями, могут существовать на свои оклады, эти же оклады совершенно недостаточны для удовлетворения наших офицеров и чиновников, переплачивающих почти на всех предметах первой необходимости. Для русских офицеров и чиновников необходимо было предоставить некоторый промежуток времени, чтобы дать им возможность постепенно ввести свои расходы в рамки французских окладов. Кроме того, я только 27 декабря прошедшего года был официально извещен Французским правительством о переводе русских военнослужащих на французские оклады, то есть за пять дней до 1-го января, дня выдачи содержания. Такой внезапный переход на уменьшенное содержание конечно имел бы результатом самые печальные явления, как то: задолженность офицеров и неизбежные неприятности с французскими властями. Кроме того, ввиду расформирования некоторых

управлений и сокращения штатов наших войск, значительное число офицеров и чиновников осталось за штатами.

Крайне неопределенное международное положение России и ухудшение отношения к нам французов не давали мне уверенности в том, что Французское правительство возьмет на себя обеспечение в будущем этих чинов, которые могли бы оказаться выброшенными на улицу, в чужой стране без копейки денег. ‹…›

Все эти соображения привели меня к убеждению в необходимости во имя нравственного моего долга перед подчиненными обеспечить офицеров и чиновников на некоторое время содержанием по нашим окладам, что с точки зрения закона представляется вполне допустимым на основании упомянутой выше ст. 791 кн. XIX Свода В.П. Не имея для сего в своем распоряжении средств, я письмом от 7/20 декабря 1917-го года за № 1880 обратился к представителю Министерства Путей Сообщений во Франции Инженеру Клягину, суммы коего хранились в частном банке, а потому и не находились еще под запретом, об отпуске мне 1 500 000 франков, с тем, что означенная сумма будет восстановлена по получении мною необходимых средств, так же как и убытки на начисление процентов на все время нахождения этих денег в моем распоряжении. Означенная сумма в 1 500 000 франков была мне инженером Клягиным ассигнована (приход). Хотя приведенная выше ст. 791 кн. XIX Свода В.П. устанавливает выдачу содержания чинам, командируемым за границу, за четыре месяца вперед, однако, учитывая необходимость прийти в этом отношении на помощь 2-й Особой пехотной дивизии, находящейся на Салоникском фронте, я разрешил Начальнику 1-й Особой пехотной дивизии и Начальнику Тылового управления русских войск во Франции выдать по принадлежности, полностью по нашим русским окладам, всем находящимся во Франции офицерам и чиновникам причитающееся им содержание за январь, февраль и март месяц, то есть за три месяца вперед.

Всего из 1 500 000 франков, полученных мною от инженера Клягина, было:

1) выдано 3-х месячное содержание офицерам, находившимся в ведении Тылового Управления — 711 620 франков.

2) То же 1-й Особой пехотной дивизии — 675 000 франков.

3) Сдано 26-го января, по требованию французских властей в числе прочих сумм в Банк де-Франс — 113 380 франков.

Об этой выдаче я письмом от 10 января 1918-го года за № 5195 поставил в известность Французское Военное Министерство, которое, однако, в письме от 18 января за №….. поставило меня в известность, что со времени перехода власти в руки большевиков русские власти утеряли право распоряжаться находящимися в их ведении суммами, а потому оно признает необходимым зачесть полученное уже после 1-го января 1918-го года офицерами и чиновниками содержание по французским окладам, против какового действия я решительно протестовал в письме от 23 января за № 243. ‹…›

Во второй половине января месяца все суммы, находящиеся в ведении Начальства наших войсковых частей и Начальника Тылового Управления и Комендантских Управлений, были описаны французским интендантом и по переданному им требованию французского военного министра сданы в Банк де-Франс. С этого времени всякий расход сумм мог

быть произведен не иначе, как с предварительной проверки и разрешения французского интенданта. Г.-м. Занкевич»[2002].

Все последующие приказы по Русским войскам подписывал вернувший себе власть несокрушимый граф А.А. Игнатьев. Продержался Игнатьев на этом посту недолго, через некоторое время занялся выращиванием шампиньонов, потом работал в советском торгпредстве в Париже, в 1930-е годы вернулся в СССР. Почти все исходящие от него приказы интереса для нас не представляют. Неожиданное распоряжение, на основе собственного приказа, было санкционировано Игнатьевым через Тыловое управления Русских войск во Франции 9 февраля. Написано оно на бланке управления, но озадачивает место, куда направлялся этот документ: «№ 2319/632. **Во Временную Ревизионную Комиссию в Петрограде**. Согласно приказа по Русским Войскам во Франции 1918-го года № 20 комиссару Временного правительства при Русских войсках во Франции Господину Раппу выдано из сумм Тылового Управления русских войск во Франции 5000 франков на расходы на основании ст. 31 “Положения о Военном Комиссаре”; отчет в израсходовании этих денег комиссар представил в Ревизионную Комиссию. Начальник Тылового управления (*подпись*)»[2003].

Сохранился составленный 12 февраля «Акт передачи дел от Занкевича Игнатьеву»[2004]. В акте перечисляются: дела личного состава представителя за 1917 год — 147 листов, и за 1918 год — 51 лист; предписания и удостоверения — 58 + 13 листов; Куртинское дело — 186 листов; и, наконец, — «Автомобиль РЕНО, 18 HP, шасси № 51061». В этот же день в приказе № 7 Игнатьев объявил: «Приказ № 7 от 30.1/12.2 1918. § 1. Приказом по Русским Войскам во Франции № 16 от 20.1/2.2 сего года, Генерал-майор Занкевич сложил с себя полномочия Представителя Временного Правительства и передал свои права по командованию войсками: на территории Франции — генералу Лохвицкому и на территории Македонии — генералу Тарановскому. Справка: Приказ № 16. § 2. Декретом Французского правительства № 30235 от 24-го декабря 1917 г., в г. Лаваль, X-го округа, основана русская база, начальником которой назначен Генерал-майор Лохвицкий, с подчинением непосредственно Французскому Военному министру. ‹…› § 3. Представитель Временного Правительства Г.-м. Занкевич письмом № 2106 от 17-го/30-го января сего года уведомил меня о передаче мне своих полномочий, как представителя Русского Верховного Командования при Французской армии. Вследствие этого Русская Миссия при Французской Квартире и канцелярия Представителя в Париже перешли в мое ведение с вышеуказанного 17/30 января. ‹…› Офицерам и чиновникам предоставляется возможность возвратиться в Россию на собственный счет, с правом дотребовать деньги (по прибытии в Россию) на обратный путь тем из них, которые не получили обратных прогонов при выезде из России; названным лицам будут выданы соответствующие аттестаты. ‹…›. Игнатьев»[2005]. В конце приказа приводится весьма странный «Список личного состава миссии» на 30 января/12 февраля 1918 года[2006]. Странность заключается в том, что в списке, включающем 12 человек, отсутствует сам Игнатьев, открывает его генерал-майор Занкевич — Представитель Временного правительства при Французских армиях (!), последующие 10 фамилий не представляют для нас интереса, а последним значится: «Унтер-офицер Алексеев — бригадный писарь». Это тот самый поэт, рецензию на книгу которого поместил Гумилев в солдатской газете.

Просмотр записей за последующие месяцы обратил на себя внимание полным отсутствием подписей Игнатьева под сохранившимися документами! Это еще раз подталкивает к мысли о том, что документы в 1920-х годах подверглись «чистке» Игнатьевым. В течение всего 1918 года он честно отрабатывал французские подачки, изображая из себя ярого противника большевиков. Игнатьев по-прежнему оставался Военным Агентом, одновременно став главой Русской миссии, но в архиве находятся только те документы, в которых он иногда фигурирует в виде безымянного Военного Агента. Прежде, чем покинуть Париж, приведу для примера несколько любопытных поздних документов. Первый документ, на бланке Военного Агента, адресован известному нам полковнику Соколову: «№ 320 от 9 мая 1918 г. Русскому штаб-офицеру при Французском Военном Губернаторе в г. Париже Полковнику Соколову. По приказу Военного Агента препровождаю Вам при сем копию телефонограммы Начальника Русского Штаба Базы от 9-го мая сего года н. ст., касающуюся отправления русских инвалидов и бежавших из плена солдат в Россию. Прошу сделать зависящие от Вас распоряжения к отправке поименованных в прилагаемом списке воинских чинов, непосредственно в порт Гавр, с тем расчетом, чтобы означенные чины прибыли бы по назначению не позднее 12-го мая сего года. Приложение: список к телефонограмме»[2007]. В списке 23 фамилии солдат и 18 чинов и офицеров. Странная выборка сделана Военным Агентом для отправки соотечественников в Советскую Россию. Можно подумать, что во Франции тогда не прозябали многие тысячи русских солдат, стремившихся просто вернуться домой в свои деревни. Немало и офицеров осталось не у дел. Сохранились документы с полными списками офицеров, состоявших на учете упомянутой Русской Базы на 1 июня и 1 июля 1918 года[2008], в которые включено более 500 человек, разбитых на 14 подразделений. Среди сотен «уволенных от военной службы» значится Занкевич.

Наконец, последний приказ, касающийся памятного для России дня; обратите внимание на то, как он странно сформулирован и подписан: «Приказание № 72 по Русской Военной Миссии во Франции. 24-го июля 1918 г., г. Париж. По приказанию Военного Агента Канцелярия Военной Миссии сообщает, что в четверг 25-го сего июля в 11 ½ часов утра, в церкви Российского Посольства, будет отслужена Панихида по убиенному ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II. Форма одежды: походная. Начальник канцелярии (*подпись неразборчива*)»[2009]. Приведу здесь воспоминания о том, как была воспринята эта весть уже вернувшимся в Россию Николаем Гумилевым: «Мы шли с Гумилевым куда-то после завтрака у нас ‹…› Мы пересекли Садовую наискось по трамвайным рельсам, по которым трамваи шли редко, появляясь неизвестно откуда и уходя неизвестно куда; иногда останавливались так же вдруг и навсегда — стояли музейными экспонатами, неподвижные. Внезапно на нас налетел оголтело орущий мальчишка-газетчик. Слов мы не разобрали, и только когда он заорал, вторично промчавшись мимо нас, расслышали: “Убийство царской семьи в Екатеринбурге!” Сознание не сразу воспринимает смысл. Мы стоим, кажется, даже без мыслей, долго ли — не знаю, на нас нашел столбняк. Потом — это было первое движение, одно на нас двоих — Гумилев рванулся и бросился за газетчиком, схватил его за рукав, вырвал из его рук страничку экстренного выпуска, не уплатив, я испуганно следила за его движениями, — вернулся, прислонился ко мне, точно нуждаясь в опоре. Подлинно, он был бел,

и казалось, — еле стоял на ногах. Раскрывал он этот листок — одну вдвое сложенную страничку — вечность, ясно ее вижу и сегодня. Буквы были огромные. Гумилев опустил левую руку с газетой, медленно, проникновенно перекрестился и только погодя, сдавленным голосом, сказал: “Царствие им небесное. Никогда им этого не прощу”. ‹…› Кому им? Царской семье за невольное дезертирство? Нет, конечно, большевикам»[2010]. В советских газетах сообщение о расстреле появилось 19 июля 1918 года.

Однако возвратимся в январский Лондон. Попав туда 22 января 1918 года, Гумилев в тот же день натолкнулся, видимо, совершенно неожиданно для него самого, на непробиваемую стену в лице Военного Агента в Англии генерала Ермолова. Дверь в Персию оказалась запертой. Против формальной причины того, почему его не могут отправить в Персию, возражать было сложно. Однако, судя **по двум телеграммам**, отправленным **в один и тот же день** генералом Ермоловым, касающимся его участи, Гумилев не мог сразу смириться с предписаниями Военного Агента и пытался в чем-то убедить его. Единственное, чего он достиг, это, с одной стороны, разрешения пока оставаться в Англии, а с другой стороны, судя по тону второй телеграммы, еще большей неприязни генерала. Казалось бы, трудно было возразить на те аргументы, которые привел Ермолов. Действительно, Занкевич никак не мог обеспечить Гумилева требуемой Ермоловым суммой. Приведенные выше документы, связанные с отставкой самого Занкевича, убедительно это показывают. Странно другое, ведь русские офицеры отправлялись в Персию воевать, и требовать со стороны, казалось бы, заинтересованных в их участии английских властей (о чем говорят первые телеграммы Ермолова) еще и материального обеспечения своей отправки представляется, по меньшей мере, странным. Конечно, никто не хочет расставаться с деньгами, и вполне естественным было со стороны рациональных англичан попытаться решить денежную проблему за чужой счет. Как показали дальнейшие события, для многих откомандированных офицеров какие-то решения были найдены, но для этого, по крайней мере, должна была существовать хоть какая-то личная заинтересованность у лица, от которого зависело принятие того или иного решения — кого карать, а кого миловать. Ермолов явно не проникся симпатией к Гумилеву, и кажется, мне удалось случайно обнаружить возможную причину его предубеждения к офицеру-поэту. Гумилев, как известно, занимал должность офицера для поручений при Военном комиссаре Е. Раппе. Как правило, к каждому военному начальнику прикреплялся младший по званию помощник, который постоянно находился при нем и исполнял различные поручения. Чтобы удержаться в этой должности, необходима была определенная психологическая совместимость между начальником и его помощником. В противном случае помощник мог быть сразу же заменен. Мы наблюдали такую совместимость между Раппом и Гумилевым. Были свои помощники при Занкевиче, при Военных Агентах — Игнатьеве и Ермолове. Причем Ермолов постоянно, как и Игнатьев до появления Занкевича, исполнял обязанности как занимающегося вопросами контрразведки Военного Агента, так и Русского Военного представителя в Англии. Меня не очень занимал вопрос, кто был помощником при Ермолове, но...

Необходимо небольшое отступление. Когда приходится перебирать сотни архивных документов, естественно, невозможно все их перечитывать и переписывать — ищешь только то, что соответствует теме исследова-

ния. Но иногда глаз останавливается на некоторых документах, которые, не относясь к теме, чем-то случайно заинтересовывают. Например, внимание привлек документ, где объявлялось об оказанной в Русской миссии в октябре помощи по возвращению в Россию бежавшему из плена Тухачевскому. Привлекла фамилия, и оказалось, что это «тот самый» — будущий маршал. Точно так же несколько раз бросалась в глаза фамилия — Врангель. Он летом 1917 года появился в Лондоне и рвался во Францию. Род знаменитый, в публикациях неоднократно приходилось сталкиваться с путаницей разных Врангелей. На всякий случай выписал номера дел и выдержки из них — хотелось проверить, не тот ли это Врангель, будущий лидер Белого движения. Оказалось, что не тот. Знаменитый Врангель — Петр Николаевич, а «архивный» имел инициалы — Н.А. Эта запись могла бы оказаться «лишней», как и множество других выписок, если бы вдруг не появился документ, говорящий о том, что Н.А. Врангель состоит генералом для поручений при начальнике Русской военной миссии в Великобритании, то есть при Ермолове. На всякий случай пришлось еще раз вернуться к выпискам из документов о появлении Врангеля в Англии. 22 июля 1917 года Ермолов информировал Занкевича: «Занкевичу от Представителя Верх. Главнокомандующего при Великобританской Главной Квартире. 22 июля 1917. № 99. Лондон. Address: War Office, Room 269. Russian Military Mission, London. В Лондон прибыл Генерал-майор барон Врангель, на французско-английский фронт для всестороннего осведомления по вопросам организации и, главным образом, боевых действий кавалерии»[2011]. С 26 ноября 1917 года Н.А. Врангель неоднократно обращается к Занкевичу из Лондона с просьбой посетить по делам Париж[2012]. Однако по не совсем понятным соображениям французские власти отказались пустить его на территорию Франции. Вначале французы сочли его немцем, и в одном из писем Н.А. Врангель вынужден оправдываться, излагая историю своего рода и доказывая, что он не немец, а скандинав. 2 января 1918 года он еще раз обращается к Занкевичу с просьбой посетить Париж и Францию[2013], но и на этот раз, 10 января 1918 года, Занкевич ответил, обращаясь на этот раз к нему, как к генералу для поручений при начальнике Русской военной миссии в Великобритании, что должен отказать, так как французские власти против его приезда[2014]. Во-первых, обратим внимание на то, что две подписанные Занкевичем телеграммы были отправлены в Лондон Ермолову **в один день**, 10 января 1918 года: телеграмма об отказе в посещении Врангелем Франции и телеграмма с ходатайством о зачислении прапорщика Гумилева в качестве кавалериста в Персию. Предполагаю, что с этими телеграммами Н.А. Врангель и Ермолов ознакомились почти одновременно. И выскажу предположение, что могло вспомниться Николаю Александровичу Врангелю[2015] при чтении этих телеграмм. Кстати, во всех источниках дата его рождения указывалась по-разному — 1863, 1869, 1871. В хранящихся в РГВИА письмах дата его рождения указана им самим — 15 августа 1869 года. Как Ермолов, так и Врангель принадлежали к военным династиям, вся их жизнь была связана с армией. Н.А. Врангель по окончании Александровского лицея служил в лейб-гвардии Конном полку. Был адъютантом великого князя Михаила Александровича, опального брата царя[2016]. С 1913 года — командир 16-го гусарского Иркутского полка. В годы Первой мировой войны вновь стал адъютантом Михаила Александровича, а в 1917 году оказался в Англии. Но возникает вопрос — какое

все это имеет отношение к герою рассказа? Конечно, в жизни случается, что конфликты между большими начальниками сказываются на случайно попавших им под руку подчиненных. В частности, на ходатайство Занкевича за Гумилева, чтобы он приехал в Англию и был направлен в Персию, мог как-то повлиять одновременно полученный от него же отказ Врангелю на посещение Франции. Возможно, этот фактор имел какое-то значение, однако, как удалось выяснить, не это было главным. В «Письмах о русской поэзии», критическом отделе, который Гумилев вел в журнале «Аполлон», в номере 4/5 за 1911 год была помещена большая подборка рецензий Гумилева, и среди рецензируемых авторов значился поэт Н.А. Врангель.

Обычно Гумилев рецензировал в «Аполлоне» книги нескольких авторов, редко более пяти, но № 4/5 за 1911 год вышел сразу после его возвращения из самого экзотического полугодового путешествия в Африку[2017]. За время его отсутствия накопилось много нерецензированных сборников стихов, и Гумилев решил предложить читателю сравнительный анализ вышедших за полгода книг. Публикацию в журнале он начинает словами: «Передо мной двадцать книг стихов, почти все — молодых или, по крайней мере, неизвестных поэтов. Собственно говоря, вне литературы, как бы ни было широко значение этого злосчастного слова, стоят только четыре. Три — Модеста Дружинина, совершенно лишенного не только поэтического темперамента и знания техники творчества, но и элементарного чувства иронии. ‹…› И одна — К.Е. Антонова. ‹…› Остальные книги мне хотелось бы разделить на любительские, дерзающие и книги писателей. Начнем с первых ‹…›». Врангеля он отнес к категории «любителя»: «Гессен, барон Врангель и Алякринский являются типами трех категорий поэтов-любителей…» Но надо было убедиться, что рецензируемый поэт-любитель Н.А. Врангель как-то связан с Врангелем в Лондоне. Комментарий Р.Д. Тименчика развеял все мои сомнения: «Врангель Николай Александрович, барон (1871— ?; покончил с собой в эмиграции в Риме), в ту пору — полковник лейб-гвардии конного полка, адъютант великого князя Михаила Александровича. Этот сборник «Стихотворения» был переиздан в 1913 г.»[2018]. Следовательно, раз он его даже переиздал, сам Н.А. Врангель относился к своему детищу достаточно серьезно. И не заметить рецензии на свою книгу, попавшую в самый влиятельный литературно-критический журнал «Аполлон» (соредактором которого, наряду с С.К. Маковским (1877–1962), был его родственник, известный искусствовед и младший брат «черного барона» П.Н. Врангеля — Николай Николаевич Врангель (1880–1915)), он никак не мог. Наверняка он ее как заметил, так и запомнил. Приведу теперь то, как отрецензировал Николай Гумилев сборник «Стихотворений» Н.А. Врангеля:

«‹…› К сожалению, нельзя сказать того же о стихотворениях барона Н.А. Врангеля. Книга помечена 1911 годом, но в ней нет и тени той нежности, того инстинктивного знания законов поэзии, какое есть в близких ей по приемам и устремлениям стихах Владимира Гессена. Автора почему-то пленила поза, бывшая в ходу лет тридцать тому назад, — поза борца за идеал, холодно-набожного, притворно-искреннего, тепло и вяло влюбленного в свою подругу, слезно восхищающегося родиной и восторженно — Италией. Видно, что он совершенно не интересуется судьбами поэзии, быть может, даже не догадывается, что таковые существуют, для него нет идеалов в будущем, дорогих воспоминаний в прошлом. Я не верю, что он читал

Пушкина». Еще раз Гумилев вспоминает о Врангеле в рецензии на Е. Астори: «Я бы сказал, что у Е. Астори, издавшего книжку "Диссонансы", есть тайное сродство душ с бароном Н.А. Врангелем, если бы души были хоть сколько-нибудь замешаны в создании их стихотворений».

Вряд ли Гумилев и Н.А. Врангель сталкивались друг с другом в довоенном Петербурге. Слишком к разным слоям общества они принадлежали: барон, полковник, потом генерал-лейтенант, секретарь, а затем адъютант и управляющий делами великого князя Михаила Александровича, с одной стороны, а с другой — начинающий поэт, штатский, в глазах Врангеля — без роду, без племени, да еще и осмелившийся так пренебрежительно отозваться о его стихах. Попробуем представить себе, как могли они встретиться в январе 1918 года, когда судьба случайно свела их в Лондоне. Теперь только от барона и генерала зависело, как поступить с прапорщиком Гумилевым, пожелавшим попасть в Персию. Причем к приезду Гумилева в Лондон Врангель и Ермолов были уже подготовлены телеграммой Занкевича, осмелившегося отказать барону в посещении Парижа. Первая реакция, в психологическом смысле, была вполне естественной — Ермолов сразу же решил отправить Гумилева назад, в Париж. Два опытных генерала осадили «выскочку». Но, как было сказано выше, видимо, между Гумилевым и Ермоловым чуть позже состоялся еще один разговор, скорее всего, с глазу на глаз. И после этого Ермолов изменил решение, решив, что будет лучше отправить Гумилева в Россию, свидетельством чего является приведенная выше расписка о выдаче Гумилеву 54 фунтов на возвращение; именно в этот же день он подписал распоряжение о порядке возвращения в Россию уволенных офицеров. Видимо, чтобы более не связываться с докучливым офицером и поэтом, Ермолов тогда же направил его в Русский правительственный комитет, который объединял в себе все основные военные службы и где, как выяснилось, у Гумилева был надежный «блат». И там вскоре было принято решение на некоторое время задержать его в Лондоне, о возможной причине которого будет сказано чуть позже, и, как будет видно из некоторых документов и писем, Гумилев сразу же смирился с этим вариантом. Хотя Занкевич в Париже еще будет продолжать «биться» за него, вспомните написанное им уже после отставки, 31 января, письмо Игнатьеву.

Так началось почти трехмесячное пребывание Гумилева в Лондоне, о котором до последнего времени было почти ничего не известно, однако недавно удалось обнаружить ряд документов, существенно расширивших круг его возможного общения, позволивших хотя и поверхностно, но обозначить, чем Гумилев мог заниматься в эти месяцы.

Первый документ — недавно обнаруженное, написанное спустя три дня после беседы с Ермоловым, не вошедшее в ПСС-8 короткое, но очень важное письмо Михаилу Ларионову от 26 января 1918 года:

«Дорогой Мих. Фед. На восток не еду, почему расскажет Аничков. Посижу месяц в Лондоне и поеду в Россию. Теперь можно, хоть и трудно. Буду пока служить в Консульстве, маленькие деньги будут. Напиши мне, что у Вас. И пусть Нат. Серг. припишет. Ее трагедия идет. А вот денег прислать не могу, нет. Может быть, и вы поедете в Россию. Правда? Целую, твой Н. Гум»[2019].

Письмо написано на открытке, изображающей гостиницу, в которой остановился Гумилев: «Imperial Hotel. Russell Square. London». На обороте Гумилев справа указал парижский адрес Ларионова: Paris, m-r Larionoff, rue Cambon, hôtel Castille, а сверху написал свой служебный адрес: «London, 30, Bedford square, Russian Consulate, мне». На обороте справа приклеена марка с изображением короля Георга V, а посередине проставлен квадратный почтовый штемпель, который позволил точно установить дату отправки открытки: «London, 8.15 PM, JAN 26.18.B». Указанное Гумилевым Русское консульство располагалось в пяти минутах ходьбы от отеля «Империал», на соседней площади Бедфорд (Bedford square). Все это — центральная часть Лондона, между отелем и местом службы стоит комплекс зданий Британского музея. Отель «Империал» в послевоенное время был перестроен, но стоит на том же месте.

Из открытки Ларионову видно, что Гумилев уже не собирается ехать в Персию, подумывает о возвращении в Россию. На открытке обращает внимание упоминание Евгения Аничкова — «на восток не еду, почему расскажет Аничков»; ранее Гумилев писал о встрече с ним Ахматовой. Аничков также служил в Париже и после расформирования русских служб во Франции, как и Гумилев, подал рапорт об отправке в Персию. Об этом свидетельствует направленный в Лондон «Список офицеров и гвардейцев, желающих быть командированными в Месопотамию»[2020], среди десяти фамилий которого значатся и прапорщик Гумилев, и поручик Аничков. Но, как показали недавно обнаруженные документы, он, как и Гумилев, до Персии не добрался. Скорее всего та же участь постигла всех тех, кто был перечислен в указанном «Списке офицеров». Возможно, причина этого — чисто прозаическая. Все они прибыли в Лондон слишком поздно. Ведь в своей телеграмме Ермолов указывал, что «отправка должна состояться 15 нового января», а Гумилев прибыл в Лондон не ранее 22 января, остальные — еще позже. Транспорт в Персию мог уйти, а другого не было. Потому и возник вопрос об отправке офицеров в Персию за свой счет. Как выяснилось, Аничков вскоре должен был вернуться в Париж[2021], о чем узнал Гумилев, и поэтому в Париже Аничков мог рассказать Ларионову о причинах, почему Гумилеву, как и всем остальным, было отказано в отправке в Персию. Можно предположить, что на одном из рисунков Гумилева в архиве Струве в образе военного с завитыми усами изображен именно Аничков[2022]. Над головой своего персонажа Гумилев изобразил два скрещенных турецких ятагана, как пародийный символ неосуществленной командировки Аничкова в Персию — ведь воевать там пришлось бы с турками. На обороте рисунка Гумилев, видимо, изобразил лежащую на столе собственную военную фуражку, какие-то письменные принадлежности, «рукопись» и книги.

В Лондоне Гумилев вернулся к работе над «Феодорой», которая к тому времени уже получила окончательное название «Отравленная туника». Словами в открытке «ее трагедия идет» он сообщил об этом Гончаровой. Тогда же, в очередной раз, решил переписать чистовик трагедии. Анреп сохранил тетрадь со списком действующих лиц и первыми сценами «Отравленной туники», которая, возможно, предполагалась для отправки Гончаровой, но Гумилев при переписке не продвинулся дальше экспозиции пьесы[2023]. Пьеса была завершена уже в России.

Фраза «денег прислать не могу» имеет прямое отношение к сложному финансовому положению четы Ларионовых, непосредственно вызванному кризисом Русских балетов Дягилева, разразившимся на исходе 1917 года. Перед самым отъездом в Лондон Гумилев получил, как и все военнослужащие, жалованье за три месяца вперед, до 1 апреля 1918 года[2024], в сумме 1812 франков. Видимо, он рассчитывал, что и от англичан, перед отправкой

в Персию, он получит обещанное «содержание на четыре месяца и некоторую сумму ‹…› на подъем», после чего сможет часть денег одолжить Ларионову. В Лондоне планы эти рухнули, он остался без лишних денег и, планируя свое предстоящее возвращение в Россию, послать Ларионову уже ничего не мог. Последнее, на что следует обратить внимание в открытке Ларионову, это указанный Гумилевым обратный адрес. Гумилев не мог указать свой личный адрес, например гостиницы, где он жил. Он обязан был дать адрес Русского консульства, где все письма просматривались.

Но служил Гумилев в Лондоне не в консульстве. И решающую роль в этом сыграл Борис Анреп. Вспоминая о последних месяцах пребывания Гумилева в Лондоне, он однозначно указал место его работы: «...я виделся с Гумилевым каждый день в течение многих месяцев в 1918 году, когда он работал в шифровальном отделе Русского правительственного комитета в Лондоне…»[2025] Прервем текст письма Анрепа, чтобы рассказать о его роли в трудоустройстве Гумилева. Как показывают документы, Борис Анреп занимал высокое положение в Русском правительственном комитете, объединившем в себе все военные и прочие русские службы в Англии. Его имя постоянно встречается в бюллетенях и протоколах заседаний Комитета. Так, в бюллетене № 19 от 5 ноября 1917 года сказано, что «Секретарь Военного Отдела Комитета Поручик Б.В. Анреп, возвратившийся 19 октября из командировки в Петроград, вступил в исполнение возложенных на него обязанностей». И там же: «Поручик Б.В. Анреп назначен И.д. Штаб-офицера для поручений при Председателе Комитета с оставлением в должности Секретаря Военного Отдела Комитета»[2026]. То есть Б. Анреп был секретарем всего Военного отдела, самого крупного подразделения, входящего в состав Комитета, и личным помощником, офицером для поручений при его начальнике генерал-лейтенанте Э.К. Гермониусе[2027]. Комитет состоял из 36 отделов и частей, штат которых на октябрь 1917 года составлял свыше 600 человек, но к марту 1918 года он сократился примерно до 150 человек[2028].

В то время, когда после событий в России начались массовые увольнения сотрудников Комитета, на Б. Анрепа возлагались все новые обязанности. Так, в Бюллетене № 24 от 10 декабря 1917 года сказано: «Ввиду сокращения деятельности Комитета и необходимости уменьшения его личного состава, офицеры и гражданские чины Комитета, желающие по мере освобождения от занятий в Комитете предоставить себя в распоряжение одного из союзных правительств, могут выразить о сем желание, записавшись у Штаб-офицера для поручений Б.В. Анрепа»[2029]. Наконец в Бюллетене № 1 от 1 января 1918 года сказано: «На Поручика Анрепа, кроме исполнения им обязанностей И.д. штаб-офицера для поручений и Секретаря Военного Отдела, возлагается исполнение обязанности Помощника Юрисконсульта Комитета. Генерал-лейтенант Гермониус»[2030]. Вскоре после этого распоряжения в Лондоне появился Гумилев, который, безусловно, сразу же встретился с Б. Анрепом и рассказал ему о своих злоключениях и намерении Ермолова срочно отправить его в Россию. Видимо, через посредничество своего начальника, Председателя Комитета Гермониуса, Анреп смог определить Гумилева в Военный отдел, секретарем которого состоял, и направил поэта на работу в Шифровальную часть Военного отдела, возможно, потому, что, как было сказано выше, Гумилев еще в Париже, работая у Е. Раппа, сталкивался с работой шифровальщика. Подразделение это было на особом положении, удалось установить, где оно размещалось. В Бюллетене № 25 от 17 декабря 1917 года, сказано: «Вход в помещения Шифровального Делопроизводства (комнаты № 6 и 9, 7 этаж, India House) безусловно воспрещен не только посторонним лицам, но и всем служащим Комитета, коим в случае надобности надлежит обращаться в соседнюю комнату № 7 (Служба Связи)»[2031]. В шифровальном отделе, согласно штатному расписанию, вместе с младшим персоналом работало около 10 человек. Так что положение Гумилева на ближайшее время, благодаря Анрепу, определилось.

В том же письме о последних месяцах пребывания Гумилева в Лондоне Б. Анреп описал взглядом художника, как тогда выглядел Гумилев: «…я также его видел у себя дома, один на один или среди гостей. ‹…› Лицо Гумилева в Лондоне было худое, косина внешняя, глаза — серые, бесцветные. Нос — совершенно обыкновенный, ни слива, ни огурец, не костистый, вполне приличный. Никаких отеков и морщин, ни подглазных мешков. Благодаря сильно выраженной наружной косине одного глаза (правого), общий вид лица некрасивый. Что особенно поражало в его голове, это неестественная, слегка шарообразная выпуклость лба и некоторая его узость. Походка — совершенно нормальная, очень покойная, без всяких лишних движений рук или головы, держал себя очень прямо. Гумилев был среднего роста, не ниже и не выше. Легкая фигура типичного кавалериста. Держал себя несколько чопорно, с показным достоинством; редко улыбался, немного шепелявил, был всегда очень вежлив. Вот все, что я могу Вам сказать о внешности Гумилева, как он мне представлялся в Лондоне».

Причиной для написания этого письма стал выход книги Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». В предыдущем письме к Струве от 23 октября 1968 года Анреп писал: «По-моему, она пишет очень занимательно, думаю, что длинные разговоры с Гумилевым несколько обработаны ею, но, насколько я помню собственные разговоры с ним, остаются в его характере. Краски иногда чересчур сгущены, как, например, его возмущение, что АА ищет смерти своего сына и его самого, это просто смехотворно, но возможно. (“Отними и ребенка и друга”.) Гумилев иногда любил представлять себя важным супругом. Вся тирада в разговоре по поводу “Муж хлестал меня узорчатым / Вдвое сложенным ремнем” и дальнейшие заявления, “что из-за этих строк он прослыл садистом”, и его возмущения и упреки возможны, как и не нелепы. ‹…› С другой стороны, мы, конечно, много раз говорили о стихах АА. Я запомнил одну фразу: “Я высоко ценю ее стихи, но понять всю красоту их может только тот, кто понимает глубину ее прекрасной души”. Мне, конечно, эти слова представились исповедью. Понимал ли он “всю красоту ее души” или нет, осталось для меня вопросом. Он одновременно просил меня познакомить его с какой-нибудь девицей легкого поведения. Общее мое заключение о воспоминаниях Одоевцевой, что они, может быть, литературно использованы и сгущены, но близки к истине. Я говорю о ее характеристике Гумилева — только»[2032].

Б. Анреп написал Г. Струве, что «я также его видел у себя дома, один на один или среди гостей». Как удалось установить, жил Б. Анреп в то время в Лондоне, по адресу: улица Понд Стрит, д. 4 (4, Pond Street, Hampstead NW3)[2033]. Как вспоминает невестка Б. Анрепа Э. Фарджен, «Анрепы устраивали также приемы в своем новом доме. В 1918 г. Николай Гумилев, будучи в Лондоне и работая с Борисом в шифровальном кабинете Русского правительственного комитета, читал свои стихи в гостиной дома на Понд-стрит. После чего леди Констанс Ричардсон танцевала в обнаженном виде,

а русские офицеры смотрели на нее, раскрыв рот. В тот раз Борис дал Гумилеву отрез шелку, чтобы он отдал его Анне Ахматовой»[2034].

Когда Гумилев покидал Лондон в июне 1917 года, он оставил там достаточно много новых знакомств в самых разных кругах английского общества. Казалось бы, теперь было самое время восстановить старые знакомства, ничто этому не мешало. Но если встречи Гумилева в течение двух летних недель прослеживаются довольно подробно — прежде всего благодаря светской «программе» Анрепа, зафиксированной в записной книжке, то почти трехмесячное пребывание Гумилева в Лондоне в начале 1918 года практически не поддается восстановлению. Но можно утверждать, что с некоторыми из прошлогодних знакомых Гумилев встречался часто, так как они продолжали служить в Комитете. Среди гостей Б. Анрепа вполне могли быть и те, кого Гумилев упомянул в начале первого письма Анне Ахматовой от 21 июня 1917 года: «Дорогая Анечка, привет из Лондона, мой, Анрепа, Вадима Гарднера и Бехгофера. Не правда ли, букет имен…» Букет не «увял», и Вадим Гарднер, и Карл Бехгофер продолжали служить в Комитете до весны 1918 года. О возвращении с В. Гарднером на одном пароходе в Россию будет сказано ниже, а имя К. Бехгофера удалось обнаружить в документе о его увольнении с 1 апреля 1918 года[2035]. В нем точно указано, где все это время служил К. Бехгофер — в Военном отделе, в части военного секретаря, то есть как раз под началом самого Б. Анрепа. К сожалению, в этот раз не было никаких интервью, никаких публикаций К. Бехгофера в английских газетах. Но вспомним, что в прошлый раз Гумилев в Лондоне останавливался именно у него, по адресу: 63, Chancery Lane (улица Ченсери-лейн, д.63). Возможно, что и на этот раз он часто бывал у него дома или даже иногда жил, ведь лишние средства, чтобы постоянно проживать в гостинице, у Гумилева вряд ли были. О встречах с другими английскими знакомыми, писателями и художниками, именами которых заполнена его записная книжка, сказать ничего нельзя. Хотя одно новое знакомство с будущим русским писателем, писавшим по-английски, но не входившим в окружение Б. Анрепа, состоялось.

До нас дошло всего два деловых документа, в которых упоминается имя Гумилева, оба он оставил у Б. Анрепа. Первый — полученное Гумилевым 5 февраля уведомление из канцелярии Ермолова: «ВОЕННЫЙ АГЕНТ в Великобритании. 23 Января/5 Февраля 1918 г. № 89, г. Лондон. Прапорщику Гумилеву. Канцелярия Военного Агента сим уведомляет Вас, что сего числа получена переписка от Военного Агента во Франции, адресованная на Ваше имя. А по сему Канцелярия Военного Агента просит Вас не отказать пожаловать за получением сей переписки в ближайшее время. Подпоручик Балашов»[2036]. Полученную тогда переписку, по крайней мере ее часть, Гумилев сохранил и оставил Анрепу среди прочих бумаг, когда возвращался в Россию. Очевидно, что в пересланную из Франции переписку было вложено также письмо от поэта Константина Льдова — еще одного парижанина, с которым Гумилева связывали коллекционные интересы. Интересное само по себе, это письмо позволяет расширить круг парижских знакомых Гумилева.

«3 февр. н. ст. 1918, 4 rue Francisque Sarcey (XVI) Paris. (*Франсис Сарсэ,* 4)[2037].

Дорогой Николай Степанович, мы обрадовались, узнав, что Вам удалось пристроиться в Лондоне. Жаль, что не удалось уехать на Восток; хорошо, что распростились с Парижем. Если условия окажутся неблагоприятными для возвращения в Россию, консульство даст Вам возможность продержаться до неизбежного переворота. Мы тоже приблизились к перелому, но, по-видимому, направимся не к северу, а на юг: в Испанию; если не пустят, в Ниццу. Коллекция отправлена в отель Друо; туда же, вероятно, последует и обстановка. Хуже всего обстоит с Рембрандтом: г. А-в и другие торговцы жадничают, проявляя всю низменность своих “бесконечно малых”[2038]. Опротивели до тошноты. А.Н.[2039] с нетерпением ожидает минуты, когда пространство отделит нас навсегда от этих представителей торгующего человечества. Во всяком случае придется еще потерпеть две-три недели. Единственным приятным воспоминанием остается знакомство с Вашей Музой. У нее привлекательный облик и музыкальный голос. Легко запоминается своенравное обаяние. Для истинного поэта всегда выгодно ознакомление с его творчеством во всей полноте. Будем ожидать Вашего присыла, в надежде на лондонскую урожайность. Последняя встреча наша прервала мою “оду” Державину. Посылаю для самого “придирчивого” рассмотрения — чтобы исправить, если возможно. А.Н. шлет привет, жалеет, что застряли в Лондоне, ждет стихов. Сердечно жму руку. К. Льдов»[2040].

Его знакомство с Гумилевым состоялось не позднее осени 1917 года. К этому времени относится стихотворный экспромт, видимо, подаренный Гумилеву при личной встрече:

Н.С. Гумилеву

Рыбьей кости наконечник,
Оперение орла…
Раздробила божий венчик —
И дрожит над ним стрела.

К. Льдов
Париж
10 окт. 1917[2041]

Любопытно сближение Гумилева в Париже, с одной стороны, с поэтами старших поколений, Н. Минским и К. Льдовым, а с другой стороны, с яркими сторонниками «авангарда», М. Ларионовым и Н. Гончаровой. Из письма Льдова видно, что весть о том, что Гумилева оставили в Лондоне, не дав ему попасть в Персию, успела долететь до Парижа очень быстро. Скорее всего, узнал Льдов об этом из письма Гумилева Ларионову. Это позволяет предположить, что Ларионов и познакомил Гумилева со Льдовым.

Второй и последний документ, касающийся пребывания Гумилева в Лондоне, — еще одно обращение к нему Ермолова от 21 февраля 1918 года: «ВОЕННЫЙ АГЕНТ в Великобритании. 21 Февраля 1918 г. №…, г. ЛОНДОН. Прапорщику Гумилеву. По приказанию Военного Агента, прошу не отказать сообщить, по возможности, в самом непродолжительном времени по прилагаемому образцу требуемые сведения в целях приискания работы. Подпоручик Балашов»[2042]. Номер на этом документе не проставлен, и подписи на нем нет, фамилия подпоручика напечатана на машинке. Далее следует «ОБРАЗЕЦ»: «Имя и фамилия. Чин, род оружия. Что делал в Англии. Какие знает языки. Лета. Что может делать в смысле работы». Судя по тому, что Гумилев до своего отъезда продолжал ходить на службу в шифровальный отдел Русской военной миссии, новой работы ему не приискали. А может, та анкета, которую ему предлагали заполнить, касалась как

раз его отъезда в Россию и требовалась другим, не русским, а английским службам?

Пока Гумилеву приискивали работу и он заполнял анкеты, перенесемся ненадолго в революционный Петроград, доживавший последние дни «по старому стилю». Переход произошел в последний день января, после которого сразу же наступило 14 февраля. А 26 января/8 февраля в Петрограде, впервые после длительного перерыва, состоялся вечер петербургских поэтов в литературно-артистическом кафе «Привал комедиантов». На вечере выступали А. Ахматова, Г. Адамович, М. Зенкевич, Р. Ивнев, Г. Иванов, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Пяст и др. Как сказано в программе, «Т.П. Карсавина, О.А. Глебова-Судейкина ‹…› прочтут стихи Н. Гумилева, М. Цветаевой…»[2043]. Поэтические вечера там проводились и после возвращения Гумилева в Россию, например, большой вечер состоялся 20 февраля 1919 года, но Гумилев там не бывал, вплоть до его окончательного закрытия в апреле 1919 года[2044]. Но вернемся в Лондон 1918 года.

Существенно расширить возможный круг общения Гумилева в Лондоне в это время мог бы, видимо, существующий, но пока недоступный документ. В своей книге о Б. Анрепе Аннабел Фарджен[2045] пишет: «Сохранилась двадцать одна ведомость за февраль 1918 года, большие пожелтевшие написанные под копирку листы, содержащие любопытные сведения о жалованье различных сотрудников. Среди 260 младших сотрудников, включавших машинисток и посыльных, значится мисс Мария Волкова, получающая 4 фунта в неделю, мисс Битли, получающая 2 фунта 10 шиллингов и мальчик-посыльный Ален — 16 шиллингов 6 пенсов. Княгине Барклай де Толли платили 5 фунтов, тогда как графине Толстой только 3 фунта 10 шиллингов. Женщины занимали должности секретарш, не выше, да и тех было немного. Зафиксированы имена еще 280 сотрудников, служивших в различных областях, начиная от отдела взрывчатых веществ и окопных боев (в котором, судя по всему, поначалу работал Борис ‹Анреп›), ликвидированного подразделения оптической и санитарной комиссии, финансового и угольного подотделов и кончая комиссией тросов. В последней числилось лишь двое сотрудников: глава комиссии лейтенант Дриженко с жалованьем 98 фунтов 17 шиллингов 2 пенса и его помощник г-н Пржедетский с жалованьем 35 фунтов в месяц. Была еще ликвидационная комиссия военно-морского атташе, глава которого капитан 1-го ранга Г. Блок получал 145 фунтов 6 шиллингов и 9 пенсов в месяц. Борис как главный офицер штаба получал 106 фунтов 13 шиллингов 7 пенсов в месяц, что для того времени было очень приличным доходом. По-гоголевски абсурдная бюрократическая пирамида обходилась русскому правительству более чем в 333 000 фунтов в год — по тем временам огромная сумма! — и все только для того, чтобы организовать импорт оружия, которое редко достигало своего назначения»[2046]. Автор книги к этому документу отнесся иронически, а для нас он был бы чрезвычайно важен. Ведь где-то в этих ведомостях могло значиться имя Гумилева, его официальная должность и жалованье. Хотя, скорее всего, он как временный служащий, к тому же попавший в Комитет, когда из него только увольняли, в эти ведомости не попал, и в официальный штат включен не был. Но в них можно было увидеть полный список официальных сотрудников Правительственного комитета в Лондоне на февраль 1918 года, в котором наверняка нашлись бы как знакомые имена, так и имена тех, о которых будет сказано ниже.

Например, имя Николая Михайловича Губского[2047], который в своих автобиографических романах «Foreign Bodies» («Инородные тела», 1932) и «Angry Dust» («Рассерженный прах», 1937; другой вариант перевода названия у О. Казниной — «Злое ничтожество»)[2048], не называя его имени, рассказал о своем общении с Гумилевым в Русском правительственном комитете в Лондоне. Как пишет о Н. Губском О. Казнина, «за годы жизни в Англии Н. Губский написал около десятка романов на английском языке. Роман “Злое ничтожество”, пожалуй, наиболее интересное его произведение, так как в нем нашла отражение реальная жизнь русской колонии в Лондоне. Правда, как исторический источник этот роман не представляет значительной ценности: автор отбирал материал слишком субъективно, не называя многих имен. ‹…› Однако в этом романе, в главе, посвященной повседневной жизни и работе сотрудников Русского правительственного комитета, содержится эпизод, ‹где› описано выступление Гумилева перед русскими офицерами — сотрудниками Русского правительственного комитета. Н. Губский, по всей видимости, не имел представления о даровании поэта и его месте в русской поэзии. Как и Честертон, он не запомнил его имени. Хотя тот факт, что он был петербуржцем, лицеистом и русским офицером, делает его забывчивость менее простительной…»[2049] Здесь комментатор не прав. Романы Н. Губского не лишены таланта, и о существовании Гумилева он, безусловно, знал. Его литературный дебют состоялся еще в лицее, почти одновременно с Н. Гумилевым[2050]. Работая в 1910-е годы в Министерстве земледелия, Губский выпустил монографию по земледелию[2051], однако уже тогда стремился стать литератором. В 1915 году издал книгу прозы[2052] и 31 декабря 1915 года послал, видимо, ее контрольный экземпляр В.В. Розанову: «Быть может, многоуважаемый Василий Васильевич, Вы прочтете прилагаемую быль. Если после этого Вы согласились бы поведать мне Ваши о ней впечатления, я был бы весьма Вам признателен, хотя бы потому, что впоследствии собираюсь выступить с более увесистым произведением (при условии, впрочем, если уверую в свое право на писание). Адрес мой: Фурштадтская, 45. Покорный Ваш слуга Ник. Мих. Губский»[2053]. Ответа тогда не последовало, и в России Н. Губский на литературном поприще более себя не пробовал.

В Англии, как следует из романа «Angry Dust», он, после того как остался не у дел после закрытия Комитета, летом 1918 года попытался написать сочинение по-русски, но вскоре понял бессмысленность этого занятия, с одной стороны, не получив удовлетворения от написанного, а с другой стороны, из-за отсутствия русского читателя. Однако, хорошо владея английским языком, он в конце 1920-х годов перешел на язык страны проживания и начал писать сочинения, опирающиеся на пережитое им самим. Одним из первых стал его роман «Foreign Bodies»[2054], представляющий для нас значительно больший интерес, чем и «Angry Dust», так как он весь посвящен жизни русской колонии в Лондоне сразу после революции. В нем подробно рассказано о том, как под влиянием рассказов Гумилева ряд сотрудников Правительственного комитета, после перебора различных вариантов отъезда, в Австралию, в США, в Родезию, в Австралию, заразился идеей отправиться в Абиссинию. Этому посвящена вся первая часть романа, которая так и называется — «Абиссинский призыв». Из этих глав следует, что Н. Губский был хорошо знаком с биографией Гумилева и отнесся к рассказам Гумилева более серьезно, чем это изложено в более

позднем, но менее информативном «автобиографическом» романе «Angry Dust». Относящиеся к Гумилеву фрагменты из него, в разных переводах, можно найти в книгах А. Давидсона и О. Казниной[2055]. Повторять их здесь я не буду.

Нет сомнений, что в романах Губского описан Гумилев. Отбросив издевательский тон Губского во втором романе, отметим, что Гумилеву удалось сагитировать двух сослуживцев отправиться в Абиссинию. Подробно об этом рассказано в первом романе «Foreign Bodies». Остается только сожалеть, что он не присоединился к группе, что было связано, видимо, с необходимостью срочно отбыть в Россию. Замечу,что в книге есть фрагмент о его потенциальном желании примкнуть к отъезжающим в Абиссинию, и напомню, что, уезжая в Париж, он говорил Ахматовой о своей мечте попасть в Африку. К сожалению, все названные Губским имена вымышлены, о чем он сказал в начале, в «Примечаниях автора»: «Имена персонажей и названия улиц, номера домов и т.д. просто выдуманы». Так что приводить их здесь как потенциальных знакомых Гумилева по Лондону бессмысленно[2056]. Касаясь судеб отправившихся в Абиссинию русских, О. Казнина пишет, что «любопытно в этой связи, что более четверти века спустя, летом 1946 г. Е.В. Саблин[2057] получил письмо от русских офицеров, желавших переселиться в Абиссинию. Он написал за них ходатайство абиссинскому посланнику, который передал его в Аддис-Абебу»[2058] Не было ли это отголоском давних рассказов Гумилева, описанных Губским?

Интересные рассказы Н.М. Губского относятся все-таки к беллетристике, а не к документальной хронике. Поэтому вернемся к реальным лицам, с которыми Гумилев, безусловно, встречался в Лондоне в начале 1918 года. Значительно более важно для нас, чем знакомство с Губским, знакомство поэта с К.Д. Набоковым, достаточно высокопоставленным в Англии лицом. Прямое свидетельство этого — воспоминания Ольги Арбениной о Гумилеве: «Рассказал, что, когда он был в Англии, встречался с К. Набоковым. Тот вспоминал: в России у меня было только два друга — К.И. Чуковский и покойный Н.Ф. Арбенин[2059]. — “У Арбенина хорошенькая дочка”. — Набоков, равнодушно: “Да, какие-то дети были”. К. Набоков занимал тогда какой-то пост в Лондоне (он — дядя писателя Набокова)»[2060]. Скорее всего, Гумилева с К. Набоковым свел хорошо его знавший Б. Анреп, об этом свидетельствует жена его сына Игоря Аннабел Фарджен[2061]. Так что Гумилев в Англии, помимо рутинной работы в шифровальном отделе и периодического общения с генералом Ермоловым, встречался и с другими руководителями Русской военной миссии в Англии. В своей книге брат отца знаменитого писателя К.Д. Набоков[2062] характеризует некоторых из тех, с кем мог сталкиваться Гумилев в начале 1918 года. Можно предположить, что между Гумилевым и К. Набоковым установились не только деловые, но и дружеские отношения, возможно, оказавшие влияние и на творчество поэта. Помимо общих литературных интересов, общего знакомого, упомянутого Арбениной друга К. Набокова К.И. Чуковского, их могла связать и «Муза странствий». Сам К.И. Чуковский, за год до своей смерти, лежа в больнице, вспомнил о дружбе с К. Набоковым, сделав запись в дневнике 12 марта 1968 года[2063]. Сохранилась и частично опубликована переписка между ними, относящаяся к 1909–1916 годам[2064].

К моменту знакомства Гумилева с К. Набоковым в начале 1918 года положение как того, так и другого было незавидное. Английское правительство игнорировало всех русских представителей, заморозило финансирование. Большевистские представители, которых К. Набоков ненавидел всеми фибрами души, всячески пытались оттеснить его. Общение с Гумилевым могло стать временной отдушиной. Они могли вспомнить своих общих петербургских друзей: К.И. Чуковского и покойного Н.Ф. Гильдебрандта. Гумилев ранее, в 1912 году, переводил для Чуковского Оскара Уайльда, которого особенно любил знаток английской поэзии К. Набоков. Вспомнил Гумилев и «хорошенькую дочку» Гильденбрандта, но К. Набоков плохо помнил кроху, так как его друг умер в 1907 году. Предположу, что потом они стали делиться друг с другом самыми счастливыми моментами своей жизни. Если Гумилев воспевал Африку и Абиссинию, вновь переживая волнующие сцены, то К. Набоков никогда не забывал фантастическое пребывание в Индии, где он 3,5 года работал генеральным консулом и объездил всю страну, — «много видел такого, что забыть нельзя». Пешавар, Агра, Удайпур — «поистине рай земной»[2065]. Гумилев благодарно слушал родственную душу, и думаю, что он не забыл эту встречу и эти беседы. Встречались они, скорее всего, в помещениях русского посольства в Англии (The Russian Embassy), располагавшегося на площади Чешем-плейс, в доме «Чешем-хаус» (Chesham Place, «Chesham House»)[2066].

О личной жизни Гумилева в Лондоне до сих пор было мало что известно. В приведенном выше письме к Глебу Струве Борис Анреп, говоря о Гумилеве, однажды упомянул: «Он одновременно просил меня познакомить [его] с какой-нибудь девицей легкого поведения»[2067]. Наверное, знакомства с «девицами легкого поведения» случались. Но тот же Струве сохранил несколько свидетельств более серьезных увлечений Гумилева в Лондоне представительницами прекрасного пола, завершавшихся стихотворными посвящениями. Вряд ли бы поэт стал посвящать свое стихотворение «девице легкого поведения».

В отличие от Парижа, Гумилев не создал лирического «Лондонского альбома», но можно попытаться представить такой альбом на основе отдельных сохранившихся стихотворений и новых посвящений к ранее написанным, но переработанным стихотворениям. Как отметил Г. Струве, «среди черновиков неоконченной повести “Веселые братья”, в конце одной недописанной страницы, Гумилевым записано стихотворение ‹…›: Гумилев, очевидно, забраковал его. К сожалению, разобрать можно только отдельные строки из двадцати (стихотворение явно разбито на пять четверостиший)»[2068]. Разобрать его удалось. В стихотворении фигурирует странное словосочетание «Чи-Чун-Чау»[2069]; как прокомментировал Струве, это название поставленной в те годы в Лондоне популярной оперетты, которую Гумилев посетил, явно — не в одиночестве… Посвящения на черновике нет, но, возможно, где-то сохранился и чистовой листок с посвящением:

Ни наслаждаясь, ни скучая
Когда бы ни было потом,
Я не забуду «Чи-Чун-Чау»
Очаровательный содом.

Китайцев злых и оробелых
Арабов, и огромных ваз,
И девочек в одеждах белых,
Которые пленили Вас.

Ах, полон негою упрямой,
Я видел там всегда одну, —

Все остальное было рамой
В том ветре, что несет весну!

И на изгибе сцены белой
Я чуял, что была она
Такой шальной и опьянелой,
Земная, щедрая весна.

И в этом блеске, в этой пляске
Я понял цвет и мир иной
И был захвачен этой властной
И победительной весной[2070].

Почти во всех лирических стихотворениях, относящихся к этому лондонскому периоду, фигурирует весна, мотив предстоящего отъезда, путешествия, что неудивительно. Но к кому они были обращены? Попытаемся установить адресатов, хотя бы некоторых. Вернувшись в Россию и вспоминая свое пребывание за границей, Гумилев рассказывал Ирине Одоевцевой: «…я действительно был страшно влюблен. Но, конечно, когда я из Парижа перебрался в Лондон, я и там сумел наново влюбиться. Результатом чего явилось мое стихотворение “Приглашение в путешествие”. А из Англии я решил вернуться домой. Нет, я не хотел, не мог стать эмигрантом. Меня тянуло в Россию»[2071]. Стихотворение «Приглашение в путешествие» на протяжении 1920–1960-х годов публиковалось несколько раз, и каждый раз — «впервые», по различным, отличающимся друг от друга автографам. В первый раз его опубликовал Г. Иванов в 1922 году в «Посмертном сборнике», но это была самая поздняя его редакция, осуществленная поэтом после возвращения в Россию. Самая ранняя редакция стихотворения, английская, была первоначально вписана в альбом Струве (см. Прил. 3), причем в самом альбоме оно дано без названия, но в рукописном содержании название присутствует, под № 70, самое последнее стихотворение списка, и включает оно 9 четверостиший. Тогда же, в Лондоне, в марте, Гумилев дополнил его шестью четверостишиями, выкинув одно, и подарил его той, о которой рассказал И. Одоевцевой. К счастью, подаренный автограф был опубликован в 1960 году адресатом стихотворения. Публикации предшествовало уведомление редакции: «Неизданное стихотворение Н. Гумилева. Это неизвестное до сих пор стихотворение Н. Гумилева было любезно предоставлено редакции “Возрождения” читательницей, которой оно было некогда посвящено». Вот этот первоначальный законченный вариант:

Посвящается С.Н. Р-ф

Уедем, бросим край докучный
И каменные города,
Где Вам и холодно, и скучно,
И даже страшно иногда.

За морем Средиземным, Красным,
И за пустыней есть страна,
Где, состязаясь с солнцем ясным,
Сияет кроткая луна.

Влюбленная в Эндимиона,
Вкушающего торжество,

Средь бархатного небосклона
Она не мучит никого.

Там дом построим мы из ели,
Мы камнем выложим углы,
И красным деревом панели,
А палисандровым — полы.

Он встанет, светлый и просторный,
И будет во дворе фонтан
В полдневный зной взносить узорный
И влажно-блещущий туман.

А средь затерянных тропинок,
В огромном розовом саду
Мерцанье будет пестрых спинок
Жуков, похожих на звезду.

Уедем! Разве Вам не надо
В тот час, как солнце поднялось,
Послушать странные баллады,
Рассказы абиссинских роз?

О древних, сказочных царицах,
О львах в короне из цветов,
О черных ангелах, о птицах,
Живущих между облаков?

Чего Вы не поймете сами
В тени нависнувшей листвы,
То я Вам объясню стихами,
В которых только — мир и Вы!

В горах, где весело, где ветры
Кричат, рубить я буду лес,
Смолой пропитанные кедры,
Платан, встающий до небес.

А Вы, — Вы будете с цветами,
И я Вам подарю газель
С такими нежными глазами,
Что, кажется, поет свирель.

И птицу райскую, что краше
И огненных зарниц, и роз,
Порхать над золотистой Вашей
Чудесной шапочкой волос.

Когда же жизни колесница,
Летя по роковой меже,
От нас, беспечных, отдалится,
Мы скажем смерти: «Как? Уже?..»

И, не тоскуя, не рыдая,
Пойдем в высокий Божий рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край.

Н. Гумилев[2072]

Публикация вызвала оживленную дискуссию в эмигрантской печати. Вначале, с возражением, что это не первая публикация, выступил Глеб Струве[2073], а затем его дополнил и поправил Ю. Терапиано[2074], который значительно раньше, в 1930 году, опубликовал это стихотворение, переписанное им с того же автографа[2075]. В «Русской мысли» Ю. Терапиано, в частности, указал: «‹…› И Глеб Струве и редакция "Возрождения" ошиблись. Помимо петербургского сборника, составленного Георгием Ивановым и вышедшего в 1923 году, вероятно, известного далеко не всем в эмиграции, это стихотворение было уже напечатано в Париже в… "Возрождении" (в газете "Возрождение") в 1930 году. ‹…› Заголовок: "Неизданное стихотворение Гумилева". Под стихотворением дата написания: "Март. 1918". Текст полностью соответствует тексту, напечатанному в теперешнем "Возрождении", но только в строфе:

…И птицу райскую, что краше
И огненных зарниц, и роз,
Порхать над золотистой Вашей
Чудесной шапочкой волос… —

имеется две ошибки: "И птица райская, что краше…" и "Вспорхнет" вместо "Порхать". Обе ошибки исправлены моей рукой. Под этим стихотворением статья Юрия Мандельштама "О Гумилеве, к девятилетию его смерти: 31-го августа 1921 года". Глеб Струве обращает внимание на существенную разницу версий, помещенных в "Возрождении" и в сборнике, составленном Георгием Ивановым. ‹…› Нет смысла повторять их здесь, любители поэзии могут обратиться к статье Глеба Струве. Зато по вопросу, чья версия — "Возрождения" (в обоих "Возрождениях") или в сборнике, составленном Георгием Ивановым, — более ранняя, нужно поговорить. Я лично знаю С.Н. Р-ф. В 1930 году, сделав копию с оригинала, имеющегося у С.Н. Р-ф, написанного рукой Гумилева и посвященного ей, я передал ее, с ведома С.Н. Р-ф, Юрию Мандельштаму для напечатания. На основании даты, имеющейся под стихотворением, не трудно установить время написания, т.е. "март 1918", когда Гумилев находился в Англии, куда прибыл из Парижа "для направления в действующую армию на Месопотамский фронт", и оттуда, как известно, в апреле месяце 1918 года уехал в Россию. Отец С.Н. Р-ф служил в Лондоне, и там же Гумилев, познакомившись с семьей Р-ф, стал ухаживать за С.Н. и посвятил ей стихотворение. Версия "Возрождения" таким образом является самой ранней, первой.

"Порхать над **золотистой** Вашей
Чудесной шапочкой волос…"

(а не "шапкою", как сказано в статье Г. Струве) как нельзя лучше подходит к С.Н. Р-ф. Но С.Н. Р-ф осталась в Лондоне, а Гумилев уехал в Россию и увез с собою стихотворение. Дальнейшая судьба этого стихотворения известна мне по рассказу Георгия Иванова ‹…›»

Прервем рассказ Ю. Терапиано. О дальнейшей судьбе этого стихотворения уже было сказано И. Одоевцевой, и судьба его не связана с нашим рассказом о личной жизни Гумилева в Лондоне в 1918 году. Ю. Терапиано хотя и знал нужное нам имя, однако так его и не раскрыл, возможно потому, что та, которой стихотворение посвящено, была тогда еще жива и просила себя не называть. Теперь его можно назвать совершенно точно.

«Приглашение в путешествие» было первоначально обращено к **Софье Николаевне Ренненкампф**[2076]. В биографическом словаре о ней сказано: «Боане-Ренненкампф (урожд. Ренненкампф) Софья Николаевна (18.09.1898, Херсон — 3.08.1975, Жиф-сюр-Ивett, под Парижем, похоронена на местном кладбище). Литературный сотрудник, общественный деятель, меценат. Дочь Н.Н. Ренненкампфа, сестра А.Н. Ренненкампф. Жена М.С. Боане (во втором браке), мать К.И. Ренненкампфа. С 1916 жила в Лондоне, в середине 1920-х переехала в Париж. Владела многими иностранными языками. Работала литературным секретарем, литературным обозревателем в одном из издательств. Входила в попечительский комитет Русского кадетского корпуса в Версале. После Второй мировой войны была сотрудником Толстовского Фонда во Франции, руководила Социальным отделом Национальной организации витязей (НОВ). Помогала русским беженцам первой волны и перемещенным лицам (Ди-Пи)»[2077].

В начале 1918 года было неудивительно, что в молодую и симпатичную 19-летнюю южанку, дочку херсонского помещика, командированного тамошним Морским управлением в Русский правительственный комитет в 1916 году[2078], влюбился поэт. Сложно точно указать, где они могли познакомиться, скорее всего, повторился «парижский вариант служебного романа». Как выяснилось, Софья Ренненкампф, как и «Синяя звезда», Елена К. Дюбуше, служила в Комитете. Выданная ей после его расформирования справка гласит: «Русским доверенным лицам бывшего Русского Правительственного Комитета. India House. Kingsway, W.C.2. 27 января 1919. Удостоверяется, что мисс С. Ренненкампф, русская гражданка, работала в Русском Правительственном Комитете, India House, Kingsway, Лондон, с 2 июля 1917 года до 1 мая 1918, ее оклад составлял 4 фунта в неделю, и она была освобождена от своих обязанностей в связи с закрытием Комитета. Мисс Ренненкампф работала, при полном удовлетворении ее начальника, как машинистка и помощница секретаря генерал-лейтенанта сэра Эдварда Гермониуса, Президента Комитета. Комитет рад заявить о ее хорошей работе и отличном характере. Секретарь (подпись отсутствует)»[2079]. То есть как Софья Ренненкампф, так и Борис Анреп служили при Председателе Комитета генерале Гермониусе, и не исключено, что Анреп и познакомил Гумилева с Софьей. Мест для встреч соотечественников было не так много. Например, могли Н. Гумилев и С. Ренненкампф встречаться в Русско-Британском братстве (Russo-British 1917 Bratstvo (Fraternity)), которое располагалось по адресу: Лондон, 26, Честер-сквер (26, Chester Square, S.W.1). Членами Братства были К. Набоков, Б. Анреп и многие другие знакомые Гумилева. Там устраивались доклады, шахматные турниры — К. Набоков был заядлый шахматист, да и Гумилев, как известно, не чуждался этой игры, проводились разные вечера, в том числе и музыкальные. Софья Ренненкампф была их участницей, числилась певицей альтом, ее имя и музыкальное амплуа значится в одном из сохранившихся приглашений на спевку[2080]. Знакомство могло произойти и при других обстоятельствах. Как пишет Ю. Терапиано, «отец С.Н. Р-ф служил в Лондоне, и там же Гумилев, познакомившись с семьей Р-ф, стал ухаживать за С.Н.», то есть, возможно, в первый раз Гумилева пригласил в дом ее отец, жили они по адресу: 24, Уорик Роуд (24, Warwick Road, Nevern Mansions, S.W.5)[2081]. Видимо, было несколько встреч. Конечно, Гумилев читал стихи, но особенно пленял своими абиссинскими приключениями и подвигами-охотами,

от которых обычно замирали девичьи сердца. И, наконец, подарил посвященное ей «Приглашение в путешествие».

В 1924 году Софья вышла замуж за Джона (Иоанна) Таунтона, с которым вскоре развелась. После развода его судьба неизвестна, предположительно, он погиб во время войны. От этого брака у них родился единственный сын Кирилл Иоаннович Ренненкампф (15.09.1926, Лондон — 9.02.2012, Париж)[2082].

Завершая романтическую историю, к которой привело нас стихотворение «Приглашение в путешествие», нужно упомянуть еще один его автограф, обнаруженный Г. Струве и хранившийся у П.А. Дубровского во Франции в 1960-х годах. Как пишет Г. Струве, «известен еще автограф этого стихотворения без посвящения и с названием по-французски: «Invitation au Voyage». Автограф этот является собственностью П.А. Дубровского в Париже. ‹…› За небольшими исключениями тексты автографа Дубровского и "Возрождения" совпадают, причем и там и тут стихотворение разбито на четверостишия…»[2083] Очевидно, что стихотворение это не могло быть написано в Париже, следовательно, к П.А. Дубровскому попал, скорее всего, один из лондонских автографов. Хотя это мог быть и один из многочисленных автографов этого стихотворения, записанный уже в России и кружным путем, через эмигрантов, оказавшийся во Франции. В автографе Дубровского использовано точное название стихотворения Ш. Бодлера из сборника «Цветы зла» (LIII), безусловно послужившего толчком — начало стихотворения Гумилева можно рассматривать как вольный перевод Бодлера: «Дорогое дитя! // Унесемся, шутя, // К жизни новой, далекой, блаженной, // Чтоб любить и гореть // И, любя, умереть // В той стране — как и ты, совершенной!..»[2084]. К сожалению, пока ничего нельзя сказать о тех «небольших исключениях» относительно текста в «Возрождении» и о том, как могло попасть стихотворение к П.А. Дубровскому, тоже малоизвестному поэту[2085]. Как было сказано, существует множество вариантов «Приглашения в путешествие»[2086], но все они относятся уже к России, к другому времени и к другим адресаткам. Первой его вдохновительницей была Софья Николаевна Ренненкампф.

Среди последних записанных в альбом Струве стихотворений есть еще одно, никак не связанное с Парижем и не вошедшее в цикл «К синей звезде» (№ 68 в Прил. 3). Скорее всего, как и «Приглашение в путешествие», оно было впервые написано в Лондоне и первоначально обращено к конкретному лицу. Глеб Струве, комментируя альбомное стихотворение, упоминает другой его вариант, впервые опубликованный в газете «Возрождение» ко дню рождения поэта, 4 апреля 1929 года, в № 1402 под рубрикой «Литература, критика и искусство»: «Неизвестное стихотворение Гумилева. Посвящается С.А. Абаза». Как ошибочно утверждал Г. Струве, стихотворение посвящено дочери графа А.К. Бенкендорфа[2087], бывшего до революции российским послом в Англии. Вот этот не «альбомный», газетный вариант, с посвящением:

С.А. Абаза

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги.

Когда нежданная тоска
Мне тайно в сердце закрадется,
Я посмотрю на облака,
И сердце сразу засмеется.

Когда лукавый женский взгляд
Меня встревожит ночью марта,
То не стихи меня целят —
Географическая карта.

И если иногда мне сон
О милой родине приснится,
Я так безмерно удивлен,
Что сердце начинает биться.

Все это было так давно
И где-то там, за небесами...
Куда мне плыть, не все ль равно,
И под какими парусами[2088].

Лондон 1918 г.

В газете в редакционной заметке сказано: «Написано экспромтом за несколько дней до отъезда в Россию в квартире С.А. Абаза». Это прекрасное автобиографическое стихотворение — вещественное свидетельство визита Гумилева в семью Абаза. Не случаен в нем «географический уклон», появление «географической карты», все очень соответствует Гумилеву: весь земной шар — его, и он сам вольно выбирает только «веселые» (любимое слово!) дороги, все равно — куда. Но сердце сжимается, ведь при внешней браваде — смятение, тревога и Россия в душе. Зачин из И. Анненского («Среди миров, в мерцании светил…» — И. Анненский «Среди миров»), а конец — Пушкин («Плывет. Куда ж нам плыть?..» — концовка стихотворения А. Пушкина «Осень»). И нет выбора — только одна дорога всерьез, другие же — прекрасны, но о них можно только мечтать. Через несколько дней он отплыл в Россию и более никуда из нее не выезжал.

Был ли это экспромт? Возможно, а может быть, и «подготовленный» экспромт, ведь вариант этого стихотворения записан в альбом Струве, правда, в числе последних (Прил. 3, № 68). Тем более что повод для того, чтобы подарить стихотворение малознакомой женщине, был. В альбомном стихотворении и во всех последующих перепечатках отсутствуют третья строфа с «географической картой» и имеются разночтения[2089].

Стихотворение это обращено к Софье Андреевне Абаза (23.05.1882 — 25.05.1936), урожденной графине Бобринской. Софья Андреевна жила в Петербурге, была фрейлиной Их Имп. Вел. и почетным попечителем женской гимназии, учрежденной А.И. Болсуновой (Петроградская сторона, Большой пр., 29, угол Введенской). Ее родители: отец Андрей Александрович Бобринский (30.04.1859 — 4.10.1930) и мать Елена Петровна Бобринская, урожденная Шувалова (11.08.1864 — 16.09.1932). Мать была родной сестрой жены А.К. Бенкендорфа Софьи Петровны Бенкендорф, урожденной Шуваловой (1837 — 1928). То есть Софья Абаза была не дочерью посла А.К. Бенкендорфа, как утверждал Г. Струве, а его племянницей.

У Софьи был младший брат Петр Андреевич Бобринский[2090]. Для нас важно то, что П.А. Бобринский был поэтом и с Гумилевым знаком еще по Петербургу. В журнале «Аполлон» (№ 6. 1912) Гумилев в «Письмах о рус-

ской поэзии» поместил рецензию, правда не слишком лицеприятную, на его первый стихотворный сборник: *Граф Петр Бобринский*. Стихи. СПб., 1912[2091]. В 1915 году он выпустил второй стихотворный сборник «Пандора», но его Гумилев, скорее всего, даже не видел, так как был на войне. Думаю, что Петр Бобринский был незлопамятен, да и сам он себя не считал большим поэтом. В 1929 году он работал секретарем в редакции газеты «Возрождение», и, видимо, именно он принес в редакцию листок с написанными 11 лет назад стихами, посвященными его сестре, где их и напечатали ко дню рождения трагически погибшего поэта.

Посвященное С.А. Абаза стихотворение лишено чувственности, которой наполнено «Приглашение в путешествие», обращенное к любимой женщине. Это, скорее, исповедь перед тем, как одному отправиться в неизвестное, потому вместо «мы» — только «я». И это понятно, ведь Софья Андреевна была давно замужем, и познакомил ее с поэтом муж, служивший вместе с Гумилевым в русских правительственных учреждениях в Лондоне.

15 апреля 1912 года на Украине, в имении Смела, Черкасского уезда, Киевской губернии, она вышла замуж за Александра Алексеевича Абаза, который был на пять лет моложе нее[2092], он был ровесником Гумилева. Близок был А.А. Абаза и к К.Д. Набокову, который вспоминал его в своей мемуарной книге как «лейтенант Абаза — светлейший образец самозабвенного патриотизма»[2093]. Так что как общее «морское» прошлое, плаванье по Средиземному морю, так и возможное предстоящее сотрудничество, связанное с возвращением Гумилева в Россию, могли сблизить двух офицеров, и А.А. Абаза пригласил Гумилева к себе в дом, уютный особнячок, располагавшийся в Лондоне по адресу: Авеню Роуд, 85 (London, 85, Avenue Road N.W.)[2094]. Там он познакомил поэта с женой Софьей Андреевной, которая вряд ли в это время, в марте 1918 года, могла выходить из дома. К моменту их знакомства у нее уже родилось трое сыновей: старший Александр (1.07.1913–22.03.1977, имел четырех детей), средний Андрей (1915–1999, был переводчиком, имел одного ребенка), оба родились в родовом имении Смела на Украине, и младший, родившийся уже в Лондоне Владимир (29.03.1917, Лондон — 2004), был коммерческим директором, имел четырех детей. А буквально за неделю до отъезда Гумилева в Россию произошло пополнение семейства, с чем Гумилев мог успеть их поздравить: 2 апреля 1918 года у Софьи родился четвертый сын Петр (2.04.1918–1971, был английским летчиком, имел двух сыновей, есть внуки). Возможно, специально написанное, посвященное С.А. Абаза стихотворение и было таким подарком к предстоящему рождению ребенка, которое она, через своего брата, опубликовала в газете «Возрождение». Ведь в публикации было сказано, что «написано экспромтом за несколько дней до отъезда в Россию в квартире С.А. Абаза». И это была на самом деле, в отличие от «Приглашения в путешествие», первая публикация ставшего столь знаменитым стихотворения, которое не только читают, но и поют[2095].

…Попытаемся представить себе, как могла произойти их встреча и знакомство в марте, о чем они могли говорить. В Лондоне ранней весной 1918 года, по словам Анрепа, Гумилев редко улыбался. Очень одиноко, тревожно и плохо ему было: «Некому руку подать». Сослуживцы не понимали его и смеялись над рассказами об Абиссинии, как когда-то в Петербурге собратья-литераторы. Анреп сочувствовал, но не понимал. Этот же его настрой подметил и описал в своем романе Н.М. Губский. Возможно,

только К.Д. Набоков и понял его. Он никому не писал — о чем? Да и смысла не было. В любую минуту могло все измениться.

В конце марта, после подписания Брестского мира, Русский правительственный комитет прекратил свою деятельность, вовсю работала ликвидационная комиссия. Надо собираться домой.

Именно в это время хороший знакомый, даже друг К. Набокова, помощник военно-морского атташе А.А. Абаза пригласил Гумилева к себе домой. Он знал, что тот на днях уезжает в Россию, в Петербург, и возможно, его жена хотела бы что-то передать с ним родителям, ибо почте уже давно никто не доверял — послания терялись или шли месяцами. Они пришли в уютный особнячок, где А.А. Абаза представил его жене как офицера и поэта, возвращающегося в Петербург.

— Вы из Петербурга?

— Почти, хотя не люблю этот город, как, впрочем, и все другие крупные города — искусственные нагромождения камней — они давят и мешают увидеть небо, звезды, облака, а ведь я поэт. Даже в лучшем из них — Париже я искал уединение в глубине садов или парков, ближе к природе.

— Я Вас очень понимаю, и мне это близко.

— Вообще, я — царскосел. У нас там был свой дом. Я учился в гимназии у И.Ф. Анненского. Вы бывали в Царском? Ах, Вы фрейлина! Я видел императрицу и ее дочерей — Анастасию и Ольгу, когда лечился в 1915 году в госпитале. С тех пор я не был в Царском.

— А там кто-то из Ваших близких остался?

— Нет. Дом, видимо, разорен. Такие времена. Все мужчины были на войне — брат, племянник, где они сейчас, не знаю. Отец давно умер. Женщины и мой маленький сын — в родовом имении в Тверской губернии. Что с ними — не знаю.

— Мой младший брат тоже воевал.

— Где он сейчас?

— Кажется, в Персии. Да Вы, может быть, и знаете его. Ведь он у нас поэт, и Вы писали в «Аполлоне» о его первом сборнике стихов в 1912 году. Его зовут Петр Андреевич Бобринский.

— О! Кажется, помню. Но 1912! Ведь это было так давно и где-то там за небесами. Я был в Италии с Ахматовой, а потом у нас родился сын, и я написал кучу стихов об Италии.

— А у нас в том году была свадьба, и сейчас я жду четвертого ребенка. А Вы так любите Италию? Мой брат неоднократно там бывал, и его все время снова тянуло туда.

— Ах, нет! Я был всего один раз и просто как турист, по обычному маршруту. Да, я был восхищен, конечно, и стихи писались сами. А о любимых местах, где я жил и хорошо их знаю, я писал или мало, или вообще ничего. Грузия, Франция, да и Россия. Знаете, я только в прошлом году во Франции почувствовал себя русским поэтом — вспомнил детство, маленький городок Бежецк, близ которого наше имение, даже Петербург. Вообще, русскую жизнь, от которой я всегда бежал.

— Куда же?

— Все равно куда. После поэзии я больше всего люблю путешествовать или хотя бы мечтать о разных странах. Ведь это близко — география и поэзия, верно ведь? Я с детства любил географические карты, особенно старые. Я «побывал» в Америке с Колумбом, грезил о Китае. Но по-настоящему

узнал только Абиссинию. Когда-то она исцелила меня от почти смертельной раны, нанесенной женщиной. Этой стране отдано мое сердце. Я возвращался туда, и она становилась мне все ближе и родней. Как бы я хотел вновь вдохнуть ее сладкий вольный воздух, погрузиться в простой быт естественных людей, стряхнуть канцелярскую пыль, забыть все горести и унижения последних лет. Но моя судьба — Россия. Я должен быть дома.

— Должен?

— Нет выбора. Война окончена. Я выполнил свой долг до конца. Но я не профессиональный военный, я поэт, русский поэт, я знаю только язык Пушкина. Кому я здесь нужен? И что я здесь?

— А Вы знаете, что творится на родине?

— Я не мальчик. На днях мне исполнилось 32 года, в сущности возраст Христа. Я ко всему готов. Пусть даже смерть — но дома. Ведь умереть не страшно, раз умерли Мария и Христос. Будь что будет. Но хватит о грустном. Хотите я напишу Вам в память нашей встречи что-нибудь?

— Конечно, буду благодарна.

— Был счастлив познакомиться с Вами. До встречи в России, в Петербурге.

— Непременно…

Был ли такой разговор? Не знаю. Но уверен, что где-то до сих пор хранится листочек со стихами, в которых поэта манила и лечила «географическая карта»… Как и после Софьи Ренненкампф, у Софьи Абаза в Париже осталось много родственников, и у кого-то из них, как мне кажется, хранятся семейные реликвии…

Наконец, еще об одном стихотворении, которое было включено как в парижский альбом «К синей звезде», адресованный Елене Карловне Дюбуше, так и в лондонский альбом Анрепа: «Лишь черный бархат…» (в Прил. 3: АС — № 28 (Портрет); КСЗ — № 8). Глеб Струве рассказывает в комментариях: «Известен также автограф этого стихотворения с посвящением “Н.В.Е.” и датой “4 апреля 1918. Лондон”. Так как в парижский альбом “Синей Звезды” стихотворение это должно было быть записано задолго до даты лондонского автографа, то в этом можно видеть пример нередкого у Гумилева перепосвящения стихотворений, обращенных к женщинам (иногда он перепосвящал и стихотворения, первоначально посвященные А.А. Ахматовой)»[2096]. Что было, то было, примеров тому множество, на то он и поэт. Стихотворение это, как и все предыдущие, — с «прощальной ноткой», и подарено оно было перед самым отплытием в Россию. Как складывались у Гумилева отношения с этой таинственной «Н.В.Е.», сказать сложно, но неожиданно удалось расшифровать, кому посвящено прощальное стихотворение, записанное за несколько дней до отплытия из Лондона. Ее имя помог раскрыть Глебу Струве его брат Алексей Петрович Струве. 11 декабря 1950 года он написал брату: «Понед. 11.XII.50. Дорогой Глеб, ‹…› 5. Получил ли ты лолиевский экз‹емпляр› Гумилева?[2097] К твоему сведению: в Кламаре у некой молодой особы Рачковской обнаружен автограф Гумилева. Это стихотворение без заглавия, первая строка — посвящение матери владелицы (покойной) “Надежде Васильевне Евреиновой”, ее девичья фамилия, по первому мужу она была Лыссаковской, вышла за него в 1908, развелась в 1910, за Рачк‹овского› вышла не раньше начала 20-х годов и в промежутке носила девичью фамилию. Две первые строчки стихотворения: “Лишь нежный бархат, на котором / Забыт сияющий алмаз…” Дата: 4 апреля 1918. И любопытно, что стихотворение написано на обороте заглавного листа т. 1-го “Истории Византии” Ю. Кулаковского[2098]. В результате находки, владелица, распродающая книги, решила эту не продавать, из пиетета к памяти матери, умершей, когда она была совсем ребенком. Распродажа книг в руках С.Е. Трубецкой. Ничего другого гумилевского нет. Трубецкая упомянула вскользь о том, что можно было бы напечатать в Возрождении. Я сказал, что запрошу тебя, известно ли тебе стихотворение. Оригинала я не видел, и может оказаться, что это рука не Гумилева. Но думаю, что его. Просил Т. скопировать одну строчку. По получении ответа от тебя, могу попросить ее поставить тебя в связь с владелицей. Можешь и прямо снестись с Т–ой, имя-отчество Софья Евгеньевна. ‹…›»[2099].

Пока удалось выяснить только то, что Рачковская (урожденная Евреинова) Надежда Васильевна умерла очень рано, 3 июня 1926 года, во Франции, в Анси (Annecy, dep. Haute Savoie), похоронена на кладбище Lilas[2100]. Еще была жива ее мать. Дату ее рождения установить не удалось. Когда она в Лондоне встречалась с Гумилевым, она была молодой незамужней женщиной. Видимо, Гумилеву при встрече с нею вспомнилось стихотворение, написанное несколько месяцев назад парижской возлюбленной Елене Дюбуше, поправлено несколько слов — и «экспромт» готов. Возможно, она, как и «Синяя звезда», работала в Русском правительственном комитете в Лондоне, где служили Анреп и Гумилев; чтобы проверить это, хотелось бы добраться до хранящихся в Лондоне ведомостей или соответствующих архивов. «Перепосвящая» ей свое стихотворение, Гумилев заменил в первой строчке «черный бархат» — на «нежный бархат». Вот как это стихотворение звучало для Надежды Евреиновой:

Лишь нежный бархат, на котором
Забыт сияющий алмаз,
Сумею я сравнить со взором
Ее почти поющих глаз.

Ее фарфоровое тело
Тревожит смутной белизной,
Как лепесток сирени белой
Под умирающей луной.

Пусть руки нежно-восковые,
Но кровь в них так же горяча,
Как перед образом Марии
Неугасимая свеча.

И вся она легка, как птица
Осенней ясною порой,
Уже готовая проститься
С печальной северной страной.

4 апреля 1918. Лондон.

Стихотворение точно датировано — менее чем через неделю Гумилев отчалил от английских берегов.

Как я предполагаю, пока Гумилев проживал в Лондоне, кто-то из упомянутых женщин мог подарить Гумилеву на память сборник стихотворений У.Б. Йейтса с пьесой «Графиня Кэтлин», которую он переводил в Петрограде в 1921 году, вспоминая, «думая лишь о той, кому принадлежала эта книга». Так он, возможно, чтобы произвести «впечатление», написал на книге

Йейтса, передаривая ее Н.А. Залшупиной. Ею могла быть и Софья Реннен-кампф, и Надежда Евреинова, и Софья Абаза… Гадать не будем.

Что касается текущих дел, то главным для Гумилева в оставшиеся два месяца лондонской жизни, судя по всему, было приведение в порядок своих бумаг, всего им созданного за время пребывания во Франции и Англии. Что-то дописывалось, что-то редактировалось, что-то просто переписывалось в тетради. Гумилев, видимо опасаясь того, что ждет его в революционном Петрограде, сразу договорился с Борисом Анрепом оставить у него часть своего «наследия». В Лондоне у него появилось достаточно много свободного времени, чтобы спокойно подвести некоторые итоги перед возвращением в Россию.

Лондон — подведение итогов

Более десяти месяцев провел Николай Гумилев во Франции и Англии. За все годы войны эти последние месяцы оказались, пожалуй, самыми плодотворными с точки зрения количества (и качества) написанного. Непосредственно не обращаясь к военной тематике, в созданных произведениях Гумилев творчески переосмыслил накопленные за годы войны впечатления и обретенный опыт. Любопытно проследить, к каким литературным жанрам обращался Николай Гумилев за годы войны. В первый год были написаны документальная проза «Записки кавалериста» и стихи; после «Записок кавалериста» до 1917 года к прозе он не обращался. В конце 1915 года у Гумилева вышел новый сборник стихов «Колчан» (большую часть которого составили довоенные стихи). Немногочисленны и случайны были написанные им критические заметки — рецензии на сборники стихов. Более значимым, как мне кажется, стало обращение Гумилева к драматургии. Ранее он занимался ею лишь эпизодически, им было написано только несколько одноактных миниатюр. В 1916 году появились сразу две пьесы: «Арабская сказка в трех картинах» — «Дитя Аллаха», «Драматическая поэма в четырех действиях» — «Гондла». Попав вновь в Париж в 1917 году, почти 10 лет спустя после первого длительного там пребывания, он, на новом жизненном витке, как бы повторяет свой тогдашний литературный опыт. Но тогда это было — ученичество, он просто пробовал себя в разных жанрах и посылал свои литературные опыты учителю — Валерию Брюсову. Теперь же надо было расплачиваться по предъявленным жизнью векселям. За десять месяцев, проведенных в Париже и Лондоне, Гумилевым было написано: множество стихотворений; «Трагедия в пяти действиях» «Отравленная туника»; интереснейшая проза, к сожалению, не доведенная до конца, но предвосхищавшая поиски в этом жанре многих русских литераторов первой трети прошедшего века; наконец, продуманы и подготовлены планы изысканий в области теории поэзии, то, чем Гумилев стал интенсивно заниматься по возвращении в новую Россию. Отдельные рукописи он привез в Петроград, а многое оставил за границей. Большая часть долгие годы пролежала в Лондоне у Анрепа, кое-что в других местах, но именно на их основе усилиями Глеба Струве после Второй мировой войны впервые было подготовлено собрание сочинений Николая Гумилева, началось изучение его творческого наследия, подтолкнувшее и отечественных «подпольных литературоведов», — официально заниматься Гумилевым в доперестроечном СССР было весьма затруднительно. Возвращаясь к созданному Гумилевым в последний год войны за границей, следует заметить, что, хотя почти все тогда им написанное опубликовано, сами публикации вызывают множество вопросов, как с точки зрения попытки установить точную дату написания того или иного произведения, так и их трактовки. Далее мне хочется кратко коснуться четырех направлений его творчества, обозначить некоторые вопросы и наметить пути их решения, короче — подвести литературные итоги его пребывания в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции, куда он был откомандирован в мае месяце 1917 года.

Начнем со стихов. В последнем «академическом» собрании сочинений Гумилева, составленном по «хронологическому» принципу, все военные стихи вошли в 3-й том. Поэтому сразу бросаются в глаза многие несуразности последовательности их расположения, обоснования датировок их написания, откровенные нелепости. Одна такая нелепица особенно обращает на себя внимание. В «хронологически» составленный 3-й том под № 11 включено парижское стихотворение «Сон», с датировкой: «Первая половина 1914 — по дате публикации». Датой же первой публикации указывается «Альманах “Аполлон”. СПб., 1914, 2-е издание». В подборку действительно входило стихотворение «Сон», впервые опубликованное в 1-м издании «Альманаха» в 1912 году, причем оба издания были совершенно идентичны. Стихотворение «Сон» из «Альманаха» вошло в «Чужое небо». Нелепица заключается в том, что это два совершенно разных стихотворения! «Сон» из «Альманаха» сопровождается подзаголовком «Утренняя болтовня», начинается строкой «Вы сегодня так красивы…», и поначалу оно было вписано в слепневский альбом Маши Кузьминой-Караваевой 3 июня 1911 года, незадолго до ее смерти! Парижский «Сон», начинающийся строкой «Застонал я от сна дурного…», был первоначально вписан летом 1917-го в парижский, а затем в лондонский альбом. Помимо откровенных несуразиц вызывает недоумение также безапелляционность трактовки творчества Гумилева этого периода: «Говоря о творчестве Гумилева 1917 г., нужно учитывать, что, **вне всякого сомнения**, под воздействием увиденного за эти месяцы поэт переживает нечто, что вполне можно назвать мировоззренческой катастрофой: усвоив за годы войны официальную — имперскую и православную — идеологию, пережив эйфорию, вызванную преодолением индивидуализма и кажущимся обретением подлинного единства с “народом” (мечта многих поколений русских интеллигентов), Гумилев был вынужден признать несостоятельность своих представлений о России и ее исторической судьбе»[2101]. Никак не скажешь, что написано это в 2000 году! Странно как-то — поэт, переживающий «мировоззренческую катастрофу», продолжая нести военную службу, ухитряется создать множество новых самобытных художественных произведений, более чем за все предшествовавшие «катастрофе» годы. Судя по тому, как у Гумилева прошли эти прошедшие три года войны, не было у него как никакой «эйфории», так и «мировоззренческой катастрофы». А что касается его представления о судьбе России, думаю, особых иллюзий он не питал и представлял себе ее значительно лучше многих своих современников. Не случайно Ахматова называла Гумилева «самым непрочитанным поэтом 20-го века», «визионером и пророком»[2102]. Достаточно вчитаться в строки завершающей последний подготовленный автором сборник «Огненный столп» поэмы «Звездный ужас», на которые обращали внимание Ахматова

и Мандельштам[2103]: «Горе! Горе! Страх, петля и яма // Для того, кто на земле родился…»

Наиболее полно созданные Гумилевым за границей стихотворения представлены в оставленном Борису Анрепу и хранящемся ныне в архиве Глеба Струве альбоме, а также во многом дублирующем его, но, к сожалению, до сих пор досконально не описанном архиве М.Л. Лозинского. Ему Гумилев передал почти все, что привез с собой в Россию. Замечательно, что весь этот богатейший архив полностью сохранился, и есть надежда, недалек тот час, когда он будет полностью описан и включен в научный оборот. Пока же приведем составленное Глебом Струве описание попавшего к нему альбома:

«Оставленный Гумилевым Б.В. Анрепу и принадлежащий ныне Г.П. Струве альбом со стихами поэта представляет собой довольно толстую тетрадь в зеленом сафьяновом переплете с надписью золотым тиснением “Autographs” (возможно, что альбом этот был куплен Гумилевым в Петербурге в Английском магазине). В альбом вошло 76 стихотворений. Все стихи, занимающие 79 страниц альбома, вписаны рукой самого Гумилева, его мелким, тщательным почерком. Названия выделены красными чернилами. Заглавный лист альбома представляет собой цветочный орнамент (желтый, красный, коричневый) акварелью работы Н.С. Гончаровой, с ее подписью и датой “1916”[2104]. Акварелью же написано: “Н. Гумилев. Стихи”. На обороте заглавной страницы и поверх текста первой страницы — двойной рисунок в красках Д.С. Стеллецкого, иллюстрирующий стихотворение “Змей”. ‹…› Кроме того, имеются рисунки в красках без подписи к следующим стихотворениям: “Андрей Рублев” (орнамент, по всей вероятности, работы Н.С. Гончаровой), “Мужик” (два рисунка — вероятно, М.Ф. Ларионова — на лицевой и оборотной страницах, на которых записано это стихотворение), “Картинка” (орнамент — вероятно, Н.С. Гончаровой), “В Северном Море” (“морской” орнамент, тоже на лицевой и оборотной сторонах, по всей вероятности тоже руки Н.С. Гончаровой)»[2105].

Далее Струве приводит состав альбома, указывая на номера стихотворений, включенных во 2-й том собрания сочинений. К сожалению, в список вкралось очень много ошибок, видимо связанных с тем, что состав тома при подготовке постоянно менялся. В 3-м томе российского ПСС была предпринята попытка восстановить состав альбома, однако, указав на допущенные Струве опечатки, в приведенном в 3-м томе ПСС списке также допущено много ошибок в ссылках на соответствующие номера стихотворений в указанном томе[2106]. Всего в альбом вошло 76 стихотворений, причем первые 15 стихотворений написаны еще в России, и большинство из них было ранее опубликовано. Но вписаны в альбом они были в Париже, о чем говорит их оформление рисунками Стеллецкого, Ларионова и Гончаровой. Сопоставление состава альбома Струве и хранящихся в архиве Лозинского автографов, привезенных Гумилевым в Россию, позволяет сделать вывод, что Гумилев взял с собой большинство записанных в альбом стихотворений (но не все). Они составили два вскоре вышедших сборника, «Костер» и «Фарфоровый павильон», кое-что было опубликовано в периодике. **Все стихотворения**, составившие эти два сборника, записаны в альбом Струве. Естественно, при подготовке их к печати Гумилев внес в стихи ряд изменений. Эти разночтения приводятся в 3-м томе ПСС.

Однако в этот том не было включено ни одного стихотворения из сборника «Фарфоровый павильон», что, как мне кажется, не совсем корректно. Предполагалось, что эти стихи войдут в том с переводами, выход которого так и не состоялся. На титульном листе и обложке книжки указано: Н. Гумилев. «Фарфоровый павильон. Китайские стихи». С.-Петербург. Издательство Гиперборей, 1918[2107]. В книге два раздела: «Китай» (11 стихотворений) и «Индокитай» (5 стихотворений). В конце сборника, сразу за содержанием, сказано: «Основанием для этих стихов послужили работы Жюдит Готье, маркиза Сен-Дени, Юара, Уили и др. Книжные украшения — из У-цзин-ту, изд. 1724 г. (собрание ксилографов Библиотеки Петроградского Университета)». Это свидетельствует о том, что «Фарфоровый павильон» представляет собой сборник не «китайских» стихотворений, а вольных переложений французских переводов с китайских первоисточников, весьма далеких от оригиналов. В противном случае, Гумилев не указал бы себя как автора сборника. До этого у него вышел один сборник переводов — Теофиль Готье. «Эмали и камеи». На обложке этой книги, естественно, указано — «Переводы Н. Гумилева». Любопытно, что в качестве первоисточника для «Фарфорового павильона» он в основном взял переводы на французский язык Жюдит Готье, дочери Теофиля Готье. Комментарии Глеба Струве к сборнику «Фарфоровый павильон»[2108] показывают, что Гумилев достаточно вольно обходился с «французскими» прототипами переложений Жюдит Готье с китайского на французский язык. В лондонском альбоме он, по крайней мере, еще указывал авторов китайских стихотворений, но в сам сборник «Фарфоровый павильон» ссылки на эти «первоисточники» уже не вошли.

Некоторые из входящих в альбом стихотворений, которые Гумилев захватил с собой в Россию, он не включил в указанные два сборника. Часть была опубликована в двух «Посмертных сборниках», вышедших в издательстве «Мысль» в 1922 и 1923 годах. Помимо исчерпывающе описанного Глебом Струве альбома, оставленного Гумилевым у Бориса Анрепа, поэт оставил в Париже еще один альбом, судить о котором мы можем лишь по подготовленному К. Мочульским сборнику «К синей звезде». Вот как сам составитель представил его в своей рецензии, опубликованной в газете «Звено» (Париж) (№ 37 от 15 октября 1923): «Н. Гумилев. К синей звезде. Неизданные стихи. Издательство Петрополис. Берлин, 1923». Примечание издательства: «Стихотворения настоящего сборника написаны автором в альбом во время его пребывания в Париже в 1918[2109] г. Часть этих стихотворений в новых вариантах была напечатана в сборнике “Костер”. ‹…› Настоящий сборник печатается с подлинника, хранящегося в Париже[2110]. Из тридцати четырех пьес, помещенных в этой книжке, восемь знакомы нам по “Костру”, две были напечатаны в “Звене”. Появление в свет двадцати четырех новых стихотворений покойного поэта — огромная и неожиданная радость ‹…›»[2111]. На самом деле в «Костер» вошли 10 стихотворений из этого альбома, а 27 из 34 стихотворений парижского альбома Гумилев переписал в альбом Струве, некоторые — в других редакциях. Одно из стихотворений парижского альбома вошло потом в «Фарфоровый павильон» — «Луна восходит на ночное небо...» («Соединение»). Семь стихотворений Гумилева известны только по парижскому альбому. Видимо, они носили слишком личный характер, и Гумилев не стал их переписывать в оставленный Анрепу альбом. Стихотворение «В этот мой благословенный вечер…» было приведено выше, и стихотворение «Мой альбом, где страсть сквозит без меры…» будет приведено ниже. Однако важно помнить, что **все стихотворения** парижского альбома написаны до отъезда в Лондон, скорее

всего, до конца 1917 года. По моему мнению, большая их часть приходится на первые один-два летних месяца пребывания Гумилева в Париже, когда он был не слишком занят на службе и когда, видимо, начался «роман» с Еленой Карловной Дюбуше. Комментарии 3-го тома ПСС дают для многих стихотворений расплывчатые рамки дат написания: «август 1917 — весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве». С одной стороны, в любом случае они не могли быть написаны весной 1918 года, а с другой стороны, пользоваться для датировки «местоположением» стихотворения в альбоме следует осторожно. Например, приведенное выше стихотворение «Предзнаменование», написанное либо по дороге из Лондона в Париж, либо в первые дни его пребывания в Париже, в альбом вписано под № 26, по соседству с «Танка» («Вот девушка с газельими глазами...»). То есть многие стихотворения заносились в альбом «задним числом», причем часть из парижских стихотворений была переписана в альбом уже в Лондоне[2112].

Среди оставленных Гумилевым у Анрепа поэтических набросков безусловный интерес представляют его «экспериментальные» переводы на французский язык нескольких собственных стихотворений. Все три стихотворения опубликованы Глебом Струве во 2-м томе Сочинений[2113]. Стихотворения эти были обнаружены в записных книжках поэта. Первые два стихотворения представляют собой достаточно точный перевод двух ранних стихотворений: «LA PIERRE» — вошедшее в сборник «Жемчуга» стихотворение «Камень»[2114]; «LA FILLE CHINOISE» — вошедшее в сборник «Колчан» стихотворение «Китайская девушка»[2115]. Появление перевода именно этого стихотворения дает возможность предположить, как, когда и где выполнялся его перевод. На замечательном стилизованном акварельном портрете Гумилева работы Натальи Гончаровой[2116] изображен Гумилев в «восточном обрамлении», пишущий на свитке именно это стихотворение. Возможно, что встречи с Гончаровой и Ларионовым подтолкнули Гумилева к попытке перевести свои стихотворения. Они могли ему помочь в переводе, ведь Гумилев далеко не в совершенстве владел французским языком, чтобы сочинять на нем стихи. Как и в оригинале, второе стихотворение содержит шесть строф; «обратный» перевод говорит о его точности, однако любопытны две замены: в третьей строфе вместо скользящих вокруг павильона «челноков» появился «военный корабль», в шестой строфе жених «все экзамены сдал» не в Кантоне, а в Пекине. Однако наибольший интерес представляет третье стихотворение на французском языке — «LA MINIATURE PERSANE», «Персидская миниатюра», также имеющее «живописный» подтекст, косвенно указывающий на чету Гончаровой и Ларионова. В комментариях к нему сказано: «В принадлежащей Г.П. Струве записной книжке Гумилева французский текст “Персидской миниатюры” соседствует с переводами двух более ранних стихотворений. Но с другой стороны, в “Альбоме”, где записаны стихотворения 1916 — 1917 гг., “Персидской миниатюры” нет, и в “Костер” она не вошла, что как будто свидетельствует о более позднем происхождении русского текста. На это же как будто указывает и наличие двух других черновых французских вариантов в бумагах Гумилева, записанных на обороте его французского меморандума об Абиссинии. В одном из них шесть строф, как и в печатаемом нами, в другом — семь. В более длинном варианте много существенных разночтений. В обоих этих черновиках есть строфа о какой-то “страшной птице Гаруде”. Нами стихотворение дается по записной книжке»[2117].

Возможно, данное стихотворение — единственный пример того, как Гумилев вначале попытался написать стихотворение по-французски, а затем, уже в России, «перевел» его на русский язык[2118]. Русский текст содержит восемь строф вместо шести. «Обратный» перевод французского текста говорит о почти полном смысловом совпадении первых двух и последних трех строф обоих стихотворений. Третья строфа французского стихотворения заменена в русском «переводе» на три строфы (4–6), не совпадающие по содержанию с оригиналом. Еще хочется отметить следующее: в «Персидской миниатюре» на русском языке первая строфа содержит редко используемое Гумилевым включение французского выражения — «cache-cache»[2119], «игра в прятки». Вспомним, что в своей рецензии на сборник стихов Никандра Алексеева «Венок павшим» Гумилев критиковал молодого поэта за использование такого приема. Причем во французском варианте именно этого выражения нет, хотя смысл первой строфы обоих стихотворений тождественен: «Когда я кончу наконец // Игру в cache-cache со смертью хмурой, // То сделает меня Творец // Персидскою миниатюрой»; французский текст — «Soyez sûrs, quand je mourrai, // Fatigué de ma vie insane, // Secrètement je deviendrai // Une miniature persane»; подстрочник — «Можете быть уверены, когда я умру, // Устав от моей нелепой жизни, // Я тайком превращусь // В персидскую миниатюру». Возможно, включением иностранного выражения в русское стихотворение Гумилев хотел указать на его «французское происхождение». Это французское стихотворение было включено Г. Ивановым в «Посмертный сборник» 1923 года со следующим примечанием: «Французский подлинник стихотворения “Персидская миниатюра”, напечатанного в книге “Колчан”. Вариант на русском языке является переводом»[2120]. В комментариях Струве возражает: «Не говоря о том, что “Персидская миниатюра” вошла не в “Колчан”, а в “Огненный столп”, какие основания были у составителя и редактора “ПС” считать французский текст оригиналом, а русский — переводом, остается неясным». Предполагаю, что единственным основанием могли быть только слова об этом самого Гумилева, сказанные при личных встречах с Георгием Ивановым. Вернувшись в Россию, Гумилев больше никогда не пробовал переводить собственные стихи на другие языки.

Теперь несколько слов о загадочном, последнем стихотворении в сборнике «К синей звезде», которое даже не включено в стихотворные тома ПСС. Оно поначалу было пропущено и Г. Струве при подготовке 2-го тома, но было им включено как дополнение к 3-му тому, № 415. Хотя оно и вошло в один из томов ПСС, однако найти его обычному читателю вряд ли возможно. В альбоме оно озаглавлено — «Отрывок из пьесы». Это позволяет нам перейти к написанной в Париже и Лондоне «Трагедии в пяти действиях» — «Отравленная туника». Отметим, что указанный «Отрывок» в эту пьесу не вошел, да и вряд ли к ней относился; позже мы к нему вернемся.

О планах написания новой пьесы Гумилев писал еще в январе 1917 года Ларисе Рейснер[2121], но тогда же в письме он отказывается писать задуманную пьесу о завоевании Мексики, сохранив ее структуру, — он написал, как и замышлял, трагедию в пяти актах, как он выразился в письме — «синтез Шекспира и Расина». Думаю, с одной стороны, российские события, а с другой стороны — влияние Н. Гончаровой и собственная любовь к Востоку перенесли место действия пьесы из далекой Америки в сердце православия Византию. Вся она сложилась во Франции и Англии. И в стремительно разворачивающемся сюжете, в центре которого, как и в предыдущих

пьесах, оказывается Поэт, не могли не отразиться развивающиеся вокруг события, то, что происходило на Родине. Здесь не место подробно анализировать ее содержание, но заметим, что специалистами она вполне справедливо признается лучшим драматургическим произведением Гумилева. Просто расскажем о почти «детективном сюжете» появления ее первой публикации, которая состоялась только в 1952 году, притом что текст ее ходил по рукам многие десятилетия. Хотя она могла быть опубликована в России еще при жизни поэта, как ранее все его остальные пьесы.

Наиболее полно эту историю изложил первый публикатор пьесы Глеб Струве в 1952 году: «"Отравленная туника" (в дальнейшем "ОТ") единственное из известных драматических произведений Гумилева, до сих пор не напечатанное в России. Впервые она была опубликована полностью в книге "Неизданный Гумилев" (Нью-Йорк, изд-во имени Чехова, 1952) с моим комментарием. Мною же была рассказана там история проникновения текста этой пьесы за границу. Первые сведения о пьесе попали в зарубежную русскую печать в 1931 г. В статьях ныне покойных А. Ладинского (в "Последних Новостях") и Лоллия Львова (в "России и Славянстве" от 29 августа 1931 г.), напечатанных в связи с десятилетием со дня казни поэта, вкратце говорилось о содержании трагедии и приводились из нее цитаты. Тогда же был поднят вопрос о ее издании за рубежом. Об этом сначала в письме ко мне, а потом в статье, предназначавшейся для мюнхенского журнала "Литературный Современник", но так и не напечатанной, рассказал уже гораздо позже Л.И. Львов. Согласно этому рассказу, машинописный текст "ОТ", вместе с рядом других неизданных произведений, главным образом по церковному вопросу, был привезен в Париж в 1931 г. неким М. Артемьевым, настоящая фамилия которого была Бренстэд, и который был не то датчанином, не то голландцем по происхождению. Он называл себя "бывшим сменовеховцем", говорил, что вернулся в Россию из эмиграции, но потом, воспользовавшись своим иностранным происхождением, выехал снова на Запад по иностранному паспорту. Во Франции он стал сотрудником журналов "Утверждения" и "Завтра" ‹…›»[2122]. Струве пишет, что уже после Второй мировой войны выяснилось, что Артемьев-Бренстэд[2123] оказался советским агентом, специально работавшим среди масонов[2124]. Но пока речь идет не о масонах, а о рукописи «Отравленной туники». Изложенная Струве версия о том, что список с чистовой рукописи, видимо, не без помощи «органов», был вывезен на Запад, выглядит убедительной: «Артемьев предложил Л.И. Львову, в то время члену редакционной коллегии еженедельника "Россия и Славянство", основанного П.Б. Струве, издать "ОТ" за границей, с тем чтобы авторский гонорар был передан ему, Артемьеву, для пересылки сыну Н.С. Гумилева через А.А. Ахматову. Львов попробовал устроить издание в принадлежавшем тогда покойному С.В. Рахманинову издательстве "Таир". Рахманинов согласился, но поставил условием, что он сам переведет гонорар в Россию, способом, которым он тогда располагал, а Артемьеву уплатит известный процент. При этом Львов предложил Артемьеву привлечь к контролю над всей этой операцией троих писателей: Б.К. Зайцева и ныне уже покойных А.М. Ремизова и Г.Л. Лозинского, брата близкого друга Гумилева и известного переводчика М.Л. Лозинского. Артемьев эти условия отверг, и переговоры его с Львовым оборвались, но еще до разрыва их Львов снял две копии с переданного ему Артемьевым машинописного экземпляра. После неудачи с Львовым Артемьев обратился с аналогичным предложением к

редактору "Последних Новостей" П.Н. Милюкову. Однако Милюков пошел лишь на то, чтобы уплатить Артемьеву 1000 франков за использование его списка "ОТ" как материала для статьи в газете. Статья эта и была написана одним из постоянных сотрудников "Последних Новостей", поэтом Антонином Ладинским, после Второй мировой войны ставшим "советским патриотом" и вернувшимся в СССР, где он и умер несколько лет тому назад. После этого Львов в свою очередь написал статью для "России и Славянства", процитировав те же отрывки из трагедии, что и Ладинский. Насколько мне известно, позднее поднимался вопрос о напечатании "ОТ" в журнале "Современные Записки", но почему-то оно не осуществилось. В 1934 г., по-видимому, снова возник вопрос об отдельном издании трагедии: по крайней мере, в 1953 г., т. е. уже после выхода "Неизданного Гумилева", покойный С.К. Маковский прислал мне машинописный текст "ОТ", на заглавном листе которого напечатано: "ОТРАВЛЕННАЯ ТУНИКА. Трагедия в пяти действиях Н. Гумилева. (Печатается отдельным изданием впервые)[2125]. Книгоиздательство СВЕЧА[2126]. Париж 1934". Несмотря на причастность мою к редакции "России и Славянства", вся история с рукописью, привезенной Артемьевым, осталась мне неизвестна — я знал о трагедии только по статьям Ладинского и Львова. Но во время войны, не то в 1942, не то в 1943 году, я получил в подарок от моего доброго знакомого и тогдашнего сослуживца Б.В. Анрепа (мы оба были русскими «слухачами» на радиостанции агентства Рейтер под Лондоном) довольно большой гумилевский архив, описанный мною подробно в предисловии к "Неизданному Гумилеву". Это были бумаги, оставленные Гумилевым перед возвращением из Лондона в Россию Анрепу, с которым его связывали давние дружеские отношения. Среди этих бумаг были две записные книжки с текстами "ОТ". В одной из этих книжек, небольшого формата (12,5 x 7,5 см), в кожаной обложке винного цвета, находился черновой текст пьесы — первые четыре действия и начало пятого. Текст этот занимал всю книжку, но четные страницы были оставлены пустыми (иногда на них были вставки) — всего 58 убористо написанных страниц. В другой книжке (размером 10,5 x 13,5 см) было начало белового автографа — 173 стиха первого действия, занявших восемь страниц книжки. На заглавной странице чернового автографа было написано рукой Гумилева черными и красными чернилами: "Н. Гумилев. Отравленная туника. Трагедия в пяти действиях. Париж Лондон. Осень 1917 г. Зима 1918". После войны Л.И. Львов оказался в одном из лагерей для перемещенных лиц в Германии. Мы с ним вступили в переписку. Его список "Туники" находился где-то в Париже, но обнаружить его местонахождение долго не удавалось, а о существовании других списков в Париже мне не было известно, и я уже подумывал об издании трагедии по черновому автографу, когда след львовского списка наконец отыскался, и в конце 1950 года я получил его при любезном содействии Б.К. Зайцева. Около того же времени Ю.К. Терапиано напечатал в газете "Новое Русское Слово" (Нью-Йорк) статью на основании попавшего в его руки списка, принадлежавшего раньше покойному молодому поэту Н.П. Гронскому[2127]. Ю.К. Терапиано любезно предоставил в мое распоряжение этот список для сличения с львовским, и я установил, что копия Гронского почти наверное восходит к тому же артемьевскому протосписку (некоторые разночтения между списками объясняются ошибками при переписке, производившейся в обоих случаях в условиях большой спешки). По всей вероятности, и список Маковского того же происхождения, хотя в нем есть свои разночтения,

а иногда и совпадения с гумилевским черновым автографом при отличиях от списков Львова и Гронского. Во многих случаях общие и характерные для всех трех списков ошибки свидетельствуют о том, что список, к которому они восходят, был сделан лицом, плохо разбиравшимся в стихах. Во всех трех списках часто встречается неправильное расположение строк там, где метрическая строка разделена между репликами нескольких действующих лиц. В связи с этим нередок и пропуск отдельных слов, с нарушением строго выдержанного у Гумилева размера. Эти метрико-графические ошибки в большинстве случаев легко устранимы, особенно при помощи чернового автографа, но наличие таких, а также некоторых других явных ошибок, к сожалению, подрывает веру в точность артемьевского протосписка, и о дефинитивном издании "ОТ" пока нельзя говорить: наш текст представляет собой лишь какое-то приближение к нему, будучи результатом сверки всех списков, которые были доступны с черновым и беловым автографами.

Когда Гумилев впервые задумал свою византийскую трагедию, мы не знаем. Но нет сомнения, что он начал писать ее в Париже не позже осени[2128] 1917 г. и продолжал в Лондоне в начале 1918 г. Работу эту в Лондоне он, по-видимому, не закончил и, уезжая в апреле назад в Россию, оставил Б.В. Анрепу записную книжку с черновым текстом и начало белового автографа. Надо полагать, однако, что у него был и другой список, если не всего текста, то первых четырех действий, который он увез с собой и по которому переработал и закончил трагедию уже в России. Сведениями об окончательной рукописи "ОТ" и ее местонахождении мы не располагаем. Что касается артемьевского машинописного списка, то вот что писал о нем Л.И. Львов в 1951 г. в статье, предназначавшейся для "Литературного Современника": "... уже тогда мне показался подозрительным факт появления артемьевского (будем его так называть) списка 'ОТ' в Париже. Я обратил внимание на то, что он был сделан как-то чрезмерно 'казенно', в нем не было ни поправок, ни неряшливости любительского характера. Бумага, на которой он был 'отстукан', была обычной, грубой, тоже какого-то 'казенного' качества. Боюсь ошибиться, но теперь мне мнится, что был и какой-то номер (многозначный) на этом списке ..." Дальше Львов говорил об одном месте в трагедии, где ему показалось наличие пропуска, который он счел умышленным — "с целью, в случае напечатания.... установить, какого происхождения была рукопись, с которой производилось печатание". В данном случае Львов, однако, просто ошибался, и то, что показалось ему пропуском (в списке Маковского этот якобы пропуск был даже обозначен многоточием!), объяснялось небольшой буквенной ошибкой ("И" вместо "А") в комбинации с ошибкой пунктуационной (такого рода ошибок в артемьевском списке было очевидно немало) ‹...› Немного странно, что почти никто из друзей и литературных знакомых Гумилева, писавших о последних годах его жизни, не упоминал до 1931 года об этом и крупном по размерам и внутренне значительном произведении Гумилева, законченном им сравнительно незадолго до смерти. Ни словом не упомянута "ОТ", например, в предисловии к посмертному сборнику стихотворений, хотя автор его и редактор сборника, Георгий Иванов, несомненно, имел доступ к рукописям погибшего поэта (правда, в одной напечатанной уже в зарубежный период статье, полной, как часто у Иванова, всяких неточностей и довольно странных утверждений, есть упоминание о том, что в 1917–1918 г. за границей Гумилев написал "большую пьесу 'Отравленная туника'")»[2129].

Надо отдать должное усилиям Г.П. Струве. Не располагая чистовыми автографами, он почти точно восстановил подлинный текст трагедии. Пьеса эта стала первым крупным произведением Гумилева, напечатанным сразу после снятия запрета с его имени, причем напечатали ее в 1986 году одновременно сразу два журнала: «Современная драматургия», № 3 и «Театр», № 9. Тексты печатались по автографам, ныне хранящимся в Литературном музее в Москве (чистовая рукопись окончательной редакции) и в РГАЛИ (две машинописи окончательной редакции с авторской правкой). Разночтений относительно текста, опубликованного Г. Струве, очень немного, все они малосущественны. Остается только удивляться, что задержало публикацию пьесы еще в 1918 году, когда одновременно вышло много книг Гумилева, в том числе и переиздания «Романтических цветов» и «Жемчугов». 3 июня 1918 года в газете «Ирида», № 1, было объявлено, что Гумилев окончил работу над трагедией «Отравленная туника». Судя по этой дате, пьеса была, в основном завершена еще до приезда в Россию, приехав, Гумилев только устранял отдельные «шероховатости». Судя по записям Лукницкого, уже в мае–июне он читал пьесу М. Лозинскому, К. Чуковскому, Ф. Сологубу, А. Энгельгардт, И. Куниной[2130]. 25 апреля 1919 года Гумилев прочитал пьесу на заседании кружка «Арион», в прениях приняли участие В.М. Жирмунский, А.Н. Тихонов, А.И. Пиотровский[2131]. Возможно, «Отравленная туника» не была опубликована и поставлена в России, так как уже тогда ее трагический «византийский» сюжет из царской жизни мог вызвать у властей нежелательные ассоциации. Было ли это решение самого автора или чей-то совет — неизвестно. О том, как складывалась ее дальнейшая судьба, в свете рассказа Струве, можно только предполагать. Как было сказано выше, рукопись, возможно, при кратком аресте П. Лукницкого в июне 1929[2132] года, попала к «органам» и переправлена затем с Артемьевым на Запад для решения неведомых нам стратегических задач.

Помимо двух автографов пьесы, оставленных Б. Анрепу, Гумилев оставил в Лондоне бумаги с заметками, относящимися к его работе над «Отравленной туникой». Как пишет Струве, «эти заметки, при всей их отрывочности (а порой и неразборчивости), бросают любопытный свет и на драматический замысел Гумилева, и на методы его работы»[2133]. Заметки эти позволяют погрузиться в обычно скрытую от глаз «кухню» поэта, оценить серьезность подхода Гумилева. Среди заметок — списки специальных терминов, географических и исторических обозначений, относящихся к византийской тематике, цитаты из исторических и летописных источников. Что-то из этого вошло в пьесу, что-то осталось невостребованным. Гумилев подробно анализирует каждое действующее лицо, рассматривая его, исходя из следующих пяти категорий: «Портрет, сделанный другим», «Апология», «Идиосинкразия», «Общение с другими», «Действие». Для каждого из действующих лиц он определяет свойственный ему язык, например, для главного героя, поэта Имра: «Слова быстрые, стиль резкий, полный антитез и риторических движений, восклицаний и прочее». Далее схематически определяется структура каждого действия[2134].

Теперь о последнем стихотворении парижского альбома, озаглавленном «Отрывок из пьесы», который все упорно считают отрывком из «Отравленной туники». В ПСС-5, например, оно приведено в разделе «Другие редакции и варианты», куда редко кто заглядывает. Приведем его здесь полностью:

Так вот платаны, пальмы, темный грот,
Которые я так любил когда-то.
Да и теперь люблю… Но место дам
Рукам, вперед протянутым как ветви,
И розовым девическим стопам,
Губам, рожденным для святых приветствий.
Я нужен был, чтоб ведала она,
Какое в ней благословенье миру,
И подвиг мой я совершил сполна
И тяжкую слагаю с плеч порфиру.
Я вольной смертью ныне искуплю
Мое слепительное дерзновенье,
С которым я посмел сказать «люблю»
Прекраснейшему из всего творенья[2135].

Стихотворение это опубликовано на положенном месте, то есть среди других стихов, только в трехтомнике «Гумилев-1991–1», с предположением в комментариях, что «по всей видимости, представляет собой **вариант монолога Имра** из трагедии “Отравленная туника”». Из-за того, что это «отрывок из пьесы», в том «Библиотеки поэта» оно включено не было. В четырехтомнике Струве оно попало в 3-й том, в раздел «Дополнения ко второму тому, № 415», но уже с таким комментарием: «Впервые в сборнике “К синей звезде”, как последнее стихотворение в этом сборнике. По заглавию и по содержанию можно предположить, что этот “Отрывок” — первоначальный **набросок монолога Царя Трапезондского** перед самоубийством из “Отравленной туники”».

Эта «предположительность» становится понятной, если исходить из того, что ничего близкого к сюжету этого стихотворения в пьесе нет. Как мне кажется, ответ на эту загадку, сам того не заметив, дал Лукницкий в «Трудах и днях»: «М.Л. Лозинский сообщает, что Н.Г. говорил ему о “пьесе” в стихах о смерти автора, написанной в тот же альбом “К синей звезде”[2136]. Как известно, в сборнике, изданном “Петрополисом”, этой пьесы нет. *М.Л. Лозинский*». Целиком пьесы в альбоме и не могло быть, но там был «Отрывок из пьесы»! Гумилев рассказывал Лозинскому о **другой пьесе в стихах**, которую он, возможно, собирался написать — о смерти автора. Альбом, как я предполагаю, заполнялся в первые месяцы жизни в Париже. Позже Гумилев отказался от такого сюжета, взялся за «Отравленную тунику», а от неосуществленного первоначального замысла остался только «Отрывок из пьесы» в альбоме стихов. Все действующие лица пьесы «Отравленная туника», за исключением Имра, изъясняются **не в стихах**. А о «вольной смерти» мог говорить только Царь Трапезондский. Но, возможно, есть и другой, еще более простой ответ на вопрос о «пьесе в стихах». Вспомним, как представлял сам К. Мочульский сборник «К синей звезде»: «Настоящий сборник печатается с подлинника, хранящегося в Париже. Из тридцати четырех **пьес**, помещенных в этой книжке, восемь знакомы нам по Костру». Ведь в то время иногда «стихотворение» и «пьеса в стихах» — попросту были синонимами!

Других пьес в Париже и Лондоне Гумилев не сочинял, однако вскоре после возвращения в Россию, летом 1918 года, по заданию Театрального отдела Наркомпроса, он написал пьесу для детей «Дерево превращений», как может показаться, с неожиданным для себя сюжетом — на «индийские мотивы». Как мне кажется, толчком для нее могли послужить воспоминания о последних встречах в Лондоне с К. Набоковым, прожившим в Индии более трех лет, влюбленным в нее и поведавшим о своих индийских приключениях Гумилеву зимой 1918 года. Пьеса была написана очень быстро, и уже 21 октября ее рукопись была направлена в Театральный отдел, где ее рекомендовали для включения в репертуар детских театров для ребят старшего возраста[2137]. А уже 6 февраля 1919 года в Петрограде только что родившийся Коммунальный детский театр (Литейный пр., 51) начал свою деятельность с постановки этой пьесы Гумилева. Режиссером спектакля был К.К. Тверской, замечательную декорацию выполнила В.М. Ходасевич, а музыку написал Ю.А. Шапорин. Пьеса пользовалась успехом, по воспоминаниям актера В. Чернявского[2138], игравшего в спектакле, он был дан приблизительно 12 раз. Этой же пьесой должен был открыть сезон Московский театр для детей, руководимый Н.И. Сац и Н.О. Волконским, но премьера была назначена на декабрь 1921 года и по понятным причинам была запрещена… Не отголосок ли памяти о К. Набокове и возникшая в знаменитом «Заблудившемся трамвае» из «Огненного столпа» — «Индия Духа», предшествующая строкам про «мертвые головы»: «В красной рубашке, с лицом как вымя / Голову срезал палач и мне…»?

Теперь о литературно-критических занятиях Гумилева в Париже. Если бы они ограничились только заметкой в газете о сборнике стихов Никандра Алексеева, об этом можно было бы здесь и не вспоминать. Однако Гумилев занялся в Париже совершенно новым для себя направлением, исток которого можно найти в его январских письмах 1917 года[2139]: «‹…› Да, еще просьба: маркиз оказался шарлатаном, никаких строф у него нет, так что ты по Cor Ardens’у пришли мне схему десятка форм рондо, триолета. ‹…› Как я жалею теперь о бесплодно потраченных годах, когда, подчиняясь внушеньям невежественных критиков, я искал в поэзии какой-то задушевности и теплоты, а не упражнялся в писаньи рондо, ронделей, лэ, вирелэ и пр.». Гумилев решил заняться теорией поэзии — тем, что стало одним из главных его занятий после возвращения в Россию. Часть касающихся этого бумаг он также оставил в Лондоне. Вот что пишет об этом Г. Струве: «Среди бумаг, оставленных Н.С. Гумилевым в Лондоне на хранение у Б.В. Анрепа и находящихся сейчас у Г.П. Струве, имеется написанный от руки листок с текстом на обеих сторонах. Это — план задуманной поэтом книги о поэтике, над которой он потом работал в России и которую хотел назвать “Теорией интегральной поэтики”. ‹…› В основу книги должны были быть положены лекции, которые Гумилев после возвращения в Россию читал в Институте Живого Слова, в Доме Искусств и в других местах. ‹…›»[2140] Сам план Гумилева начинается с «Вступления»: «Что такое поэзия и что такое поэт. Синтез четырех искусств — ритмики, стилистики, композиции и эйдолологии. Значенье теории поэзии. Поэты и теория». Далее в плане более подробно расписываются эти направления. Среди бумаг, опубликованных Г. Струве и относящихся к этому направлению занятий Гумилева, были также сравнительная таблица богов в различных мифологиях и диаграмма, показывавшая соотношение между двенадцатью римскими богами и четырьмя «кастами»[2141]. К диаграмме приложен набросок списка поэтов в соответствии с «кастами»: воин-клерк — Лермонтов; купец-пария — Некрасов, клерк-пария — Блок. Не подобраны были пары для воина-купца, воина-парии, купца-клерка. Для работы над этой классификацией составлены два списка русских поэтов — XIX и XX веков: Пушкин, Лермонтов, Державин, Жуковский, Тютчев, Некрасов; Бальмонт, Брюсов, Блок, Сологуб,

Кузмин, Ахматова, Мандельштам, Гумилев (у Гумилева — «Я»), Городецкий. О принципах гумилевской поэтики вспоминал его собеседник в пореволюционные годы А.Я. Левинсон: «Я смог оценить тогда обширность знаний Гумилева в области европейской поэзии, необыкновенную напряженность и добротность его работы, а особо его педагогический дар. "Студия всемирной литературы" была его главной кафедрой; здесь отчеканивал он правила своей поэтики, которым охотно придавал форму "заповедей", столь был уверен в непререкаемости основ, им провозглашенных. ‹…› Не мистический опыт, а откровение поэзии в высоких образцах руководило им. Он естественно влекся к закону, симметрии чисел, мере; помнится, он принялся было составлять таблицы образов, энциклопедии метафор, где мифы всех племен соседствовали с исторической легендой; так вот, сакраментальным числом, ключом, было число 12: 12 апостолов, 12 паладинов и т.д.»[2142]. Так что основы его «интегральной поэтики» были заложены во Франции и Англии.

Наконец, последний жанр, которым Гумилев достаточно много занимался в Париже, — проза. Прежде всего, это посвященный Наталье Гончаровой рассказ «Черный генерал»[2143], иллюстрирующий подаренную Гумилевым Гончаровой индийскую миниатюру. Сам по себе он — симпатичная миниатюра, не лишенная подтекста и самоиронии. Но помимо этого Гумилев вынашивал в Париже и Лондоне план создания большого романа, совершенно непохожего на то, что он делал ранее в прозе. Считается, что роман этот (или повесть) он начал писать еще до отъезда во Францию. По крайней мере, у Лукницкого в «Трудах и днях» есть такая запись, относящаяся к кануну отъезда из Петрограда: «1917. 14 мая. В редакции "Аполлона" читал А.А. Ахматовой и М.Л. Лозинскому повесть "Подделыватели". Ночевал у Срезневских»[2144]. Рукописи «Подделывателей» никто никогда не видел. Но если она первоначально и существовала и Гумилев взял ее с собой в Париж, то во Франции замысел претерпел существенные изменения, и, скорее всего, о «Подделывателях» либо было забыто, либо они были кардинально переработаны. Написанное во Франции и Англии начало другой повести (или романа) «Веселые братья» могло возникнуть только в той атмосфере все усиливающегося абсурда, к сожалению, граничащего с трагедией, которая, распространяясь из России, постепенно охватывала всех находившихся во Франции соотечественников. Никаких следов рукописи этой повести в России до сих пор не обнаружено, из чего приходится сделать вывод, что, скорее всего, все касающиеся ее материалы Гумилев оставил в Лондоне. Вот как ее представлял Г. Струве при публикации:

«Впервые — в книге "Неизданный Гумилев (Отравленная туника и другие неизданные произведения)", под редакцией и с вступительной статьей, биографическим очерком и примечаниями Г.П. Струве. Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1952, стр. 159–200. В этом издании напечатано по рукописи, полученной Г. Струве от Б. Анрепа вместе с другими материалами, оставленными ему Гумилевым при отъезде из Англии в Россию в апреле 1918 года. Как указывал Г. Струве во вступительной статье к "Неизданному Гумилеву", относившийся к "Веселым братьям" материал в полученном им гумилевском архиве состоял из: 1) 20-ти листков бумаги разного качества и формата с черновым автографом (местами с трудом поддающимся или даже совсем не поддающимся расшифровке) повести "Веселые братья"; 2) тетради в сафьяновом переплете (15×23 см) с набело переписанным началом первой главы "Веселых братьев" (неполная страница); и 3) 23-х страниц на машинке с копией — перевод (неизвестно кем сделанный, но, очевидно, в Лондоне) на английский язык начала "Веселых братьев" под заглавием "The Joyful Brotherhood")»[2145]. В написанных в далекой Англии главах повести автор пытался представить себе «веселую жизнь» в новой России, лозунгом которой большевики объявили слова «Свобода, равенство и братство». Однако, не увидев ее воочию, продолжить и завершить написание повести в Англии он не мог. Возможно, что это и стало одной из причин того, что все относящиеся к ней бумаги он оставил у Анрепа. Предполагаю, что, покидая Европу в апреле 1918 года, Гумилев не сомневался в возможности вернуться туда еще раз. Об этом говорят как оставленные у Анрепа бумаги, так и множество книг, коллекция восточных миниатюр и прочее (чего мы не знаем), оставленное в Париже — у Цитрона, Ларионова, возможно, в других местах. В Лондоне ему и в голову не могло прийти, что новая власть сможет отгородить свою страну от остального мира непроницаемым «железным занавесом»…

Говоря о замысле повести, Струве там же писал: «Странное впечатление производят самый замысел повести (до конца, правда, неясный) и ее персонажи — и то и другое ничуть не похоже на то, что мы находим в другой прозе Гумилева. Местами кажется, будто Гумилев кого-то и что-то хочет пародировать». Однако попытки Струве найти ей аналогии мне кажутся неубедительными, и повторять их я не буду. Понять ее замысел можно, только пожив в России, или, по крайней мере, вдоволь пообщавшись с оказавшимися во Франции русскими соотечественниками, и именно это, как мне кажется, подтолкнуло Гумилева к началу работы над книгой. По-моему, только сейчас, в первом приближении, мы можем попробовать понять замысел Гумилева. О том, что Гумилев относился к своему «экспериментальному» произведению вполне серьезно, говорит сохранившийся у Струве перевод большей части написанного текста на английский язык. Очевидно, что он предполагал опубликовать отдельные главы в каком-либо журнале, скорее всего, в знакомом ему «The New Age». Может быть, в архиве этого журнала удастся найти другие фрагменты? Полагаю, что идея эта не была реализована исключительно в силу скоропалительности его отъезда, решение о котором, как будет сказано ниже, возможно, принимал не только он сам. К счастью, перевод на английский язык позволил восстановить часть сохранившегося в единственном черновике русского текста — в черновике отсутствуют отдельные эпизоды, включенные в английский перевод. Понятно, что английский перевод не мог быть выполнен с этого, как указал Струве, трудночитаемого черновика. Следовательно, где-то может обнаружиться чистовая рукопись, предназначавшаяся для перевода. Но установить имя переводчика до сих пор не удалось. Если бы перевод был выполнен Борисом Анрепом (это первое, что приходит в голову), вряд ли бы он не сообщил об этом Глебу Струве при передаче хранившегося у него гумилевского архива или в последующей переписке между ними. Как сообщил мне Майкл Баскер, он полностью убежден, что перевод «Веселых братьев» сделан не русским, а англичанином, так как в тексте присутствует ряд мелких ошибок в реалиях, которые не мог бы совершить ни один русский переводчик. Не исключено, что этими переводчиками могли быть упоминавшиеся выше либо поэт, писатель и разведчик Морис Беринг, либо Пол Селвер.

Так что загадок, относящихся к сохранившимся или утраченным фрагментам повести, множество. Однако несложно предположить, что могло дать толчок к ее написанию (или полному переписыванию первоначальных

«Подделывателей»). Достаточно прочитать несколько фраз и сопоставить их с сухими документами, со всем тем, о чем было сказано выше, при описании пребывания Гумилева во Франции. Возьмем хотя бы самый первый абзац повести:

«В Восточной России вообще, а **в Пермской губернии** в особенности бывают такие ночи, когда полная луна заставляет пахнуть совсем особенно горькие травы, когда не то лягушки, не то ночные птицы кричат особенно настойчиво и тревожно, когда тени от деревьев шевелятся, как умирающие великаны. Если же еще шумит вода, сбегая по мельничному колесу, и под окном слышен внятный шепот двух влюбленных, то уснуть уж никак невозможно. Все это испытал на себе Н.П. Мезенцов, приехавший в этот глухой угол собирать народные сказки и песни, а еще более гонимый вечной тоской бродяжничества, столь свойственной русским интеллигентам»[2146].

Тоска бродяжничества была, безусловно, свойственна Гумилеву. Однако в Пермской губернии он никогда не бывал. Мне неоднократно приходилось утверждать, что толчком для творческих замыслов Гумилеву, будь то стихи или проза, как правило, служили личные впечатления. Можно подумать, что начало «Веселых братьев» опровергает эту мысль. Однако документы в РГВИА все ставят на свои места. В хранящейся в архиве рукописи «О русских бригадах во Франции» можно найти такую фразу: «Вначале думали о численности в 100 тысяч, потом ограничились 4-мя бригадами, случайно сформированными. Например, бригада, формировавшаяся в Москве, была отправлена через Владивосток, кругом Индии, через Суэцкий канал, мимо Греции, в Марсель. ‹…› А бригада из Екатеринбурга проехала через Москву и кругом Англии в Брест. ‹…› Щеголеватые солдаты московского района, из коих была сформирована 1 бригада, свысока относились к **пермякам**, составлявшим ядро 3-й бригады. Офицеры составлялись случайно, попав со всех концов Российского фронта и тыла»[2147]. Гумилеву много приходилось общаться, разговаривать с русскими солдатами, в основном как раз с «лояльными» крестьянами, выходцами из Пермской губернии. Оттого действие повести он и перенес в эти края. В архиве обнаружились не дошедшие по цензурным соображениям письма простых солдат себе на Родину, в Пермскую губернию, написанные в Париже. Пара таких писем от унтер-офицера Василия Мамонтова приведена в Прил. 1. По ним можно судить, какая сумятица царила в головах, и прототипом одного из героев повести Вани, замороченного «агитатором» Митей, каких в русских бригадах оказалось множество, вполне мог быть Вася Мамонтов. И таких, как он, во Франции было большинство. Думаю, именно здесь следует искать основной мотив повести Гумилева.

Приведу еще одну цитату из повести, подтверждающую эту мысль. Встретив на пути двух «французов», Ваня просит их рассказать о Франции: «‹…› — Да что Франция, — начал Филострат. — Стоит себе на месте, никто ее не унес. Народ там только очень дурашливый, своего языка не знают. Мы говорим им правильно, как в книжке написано, а они не понимают и такое лопочут, что не разберешь. Намаялись мы с ними. ‹…› — Как же вы ехали? Ведь больших денег стоит дорога? — спросил Ваня. — Деньги были нам дадены, только мы на билеты их не гораздо тратили, вино уж там очень хорошо, а ехали больше зайцами. Подойдешь к кондуктору, скажешь ему, что, мол, **русский, союзник**, да бутылку из-под полы покажешь, он и устроит либо в товарном, либо в служебном отделении, а потом и сам придет

вина попить да о России потолковать, почему, дескать, у нас царь да как лошадь по-русски называется. Любят они это».

Практически не было попыток проанализировать повесть «Веселые братья». Однако недавно вышло интересное исследование А. Эткинда «ХЛЫСТ. Секты, литература и революция». И там предпринимается такая попытка, с моей точки зрения, весьма удачная, не противоречащая тому, что изложено выше. Особенно, если придерживаться той точки зрения, что большевистская пропаганда сродни сектантству. Как мне кажется, автор не должен возражать против такого сопоставления. Вот как трактует повесть «Веселые братья» А. Эткинд:

«Сюжет ухода в народные странники, который приобрел новое значение после ухода Толстого, пытался развить Николай Гумилев в своей предсмертной повести "Веселые братья". Ее герой — еще один Слабый Человек Культуры по фамилии Мезенцов. Он этнограф, багаж которого состоит из папирос и томика Ницше. Он даже занимался психоанализом, но ему ничто не помогает. "Гонимый вечной тоской бродяжничества, столь свойственной русским интеллигентам", герой бессилен противостоять народному соблазну. Так он сталкивается со зловещей сектой, давшей свое название повести. Герой, занятый любительской этнографией в народническом духе, становится свидетелем убийства; жертвой его стала очаровательная крестьянка, соблазненная коварным сектантом и покончившая с собой. "Мужики только с виду простые", — говорит новый Демон; "но Мезенцов слишком мало знал Россию, чтобы придавать значение этому пришельцу". В своем странствии (дело происходит в Пермской губернии, в самой середине чудесной страны) путники сталкиваются с чудесами, напоминающими то "*Повесть о Петре и Февронии*", то "*Мертвые души*". "Веселый брат" ходит по стране на манер бегунов, осуществляя связь и надзор по заданию общины, а по пути соблазняет девок только для того, чтобы их оттолкнуть: в тексте рассыпаны указания на его гомоэротические интересы. Мезенцов, в очередной раз поддавшись чаре, идет с ним искать "город, которого нет на карте и который поважнее будет для мира, чем Москва". Замысел сектантов тонок, хотя и труден для исполнения: чтобы вернуть людям веру в Бога, надо вселить в них недоверие к нынешним их учителям. Для этого сектанты находят деревенского чудака, любителя науки, и обеспечивают его ретортами — пусть опровергнет законы химии; и пишут "*Слово о полку Игореве*" и подкидывают ученым, чтобы опровергнуть законы истории. Ученые люди верили, сами же сектанты тем временем "целыми неделями ржали да плясали". Секта, придуманная Гумилевым, осуществляет самые фантастические обвинения, которые адресовались тайным обществам на протяжении веков. Веселые братья ставят своей задачей возврат мира к порядкам Средневековья. Русская экзотика показана здесь как альтернатива всем ценностям Нового времени. Эта притча о России и Просвещении осталась недописанной, и вряд ли только по внешним причинам. Похоже, автор так и не смог решить, на чьей стороне его интересы — злых, но сильных и веселых братьев или доброго, но беспомощного интеллигента»[2148].

Предполагаю, что Гумилев все-таки был на стороне «беспомощного интеллигента», но, безусловно, многие вопросы, оставаясь в Лондоне, решить для себя он не мог. События в России развивались столь стремительно, что, сидя в Париже и Лондоне, уследить за ними, а тем более их осмыслить, было невозможно. И это, я думаю, оказалось главной причиной того, что процесс ее написания затормозился и был отложен, как думал

тогда автор, до «лучших времен». Также не успел Гумилев поместить начальные главы в английской прессе. Все материалы он оставил у Бориса Анрепа, надеясь еще вернуться к ним. Теперь мы должны попытаться разгадать загадку этой странной прозы поэта.

Таковы творческие итоги его десятимесячного пребывания во Франции и Англии. Зная, что впереди ему предстоит пересекать границу уже не союзнической державы, а, скорее, враждебной по отношению к своим бывшим союзникам России, Гумилев захватил с собой минимальное количество бумаг, причем большинство из них «продублировал», оставив у Бориса Анрепа. Взял он с собой лишь несколько десятков, вряд ли больше сотни, листов с автографами стихотворений, рукопись «Отравленной туники», возможно, наброски книги по поэтике. Все. Как говорится, пора было упаковывать чемодан, саквояж, портфель с бумагами[2149].

Возвращение

Подводя итоги, попытаемся понять, во-первых, почему и с какими мыслями Николай Гумилев мог отправиться в Россию, а во-вторых, как, каким путем и когда он туда попал. Еще в марте Военный Агент граф Игнатьев в приказе дал разъяснение, как можно возвратиться в Россию. Заметьте, что распоряжение это не касалось солдат, они его тогда мало интересовали. Распространялось оно только на офицеров, следовательно, касалось и Гумилева: «Военный агент во Франции. 19 марта 1918. № 768–771. Начальнику Русской Базы во Франции. В настоящее время имеется два способа для офицеров возвратиться в Россию:

1) На казенном пароходе прямого сообщения Франция — Мурманск. Проезд этот производится на казенный счет. По сведениям Французской Военной Миссии, Мурманская железная дорога работает регулярно. Время отправления парохода еще неизвестно и будет сообщено дополнительно. Желающим ехать на Мурман необходимо теперь же подать рапорт по команде, с приложением, упомянутым ниже.

2) Желающие возвратиться в Россию могут отправиться также и одиночным порядком, через Англию, Норвегию, Швецию, но исключительно на свой счет.

В обоих случаях (п.1 и 2) в рапорте должно быть указано имя, отчество офицера и какой путь следования избран офицером. К рапортам должны быть приложены 8 фотографических карточек размером 4×4, причем на двух фотографиях (на лицевой стороне) должна быть собственноручная подпись офицера на русском языке и на шести на французском языке. О перемене адреса мое Управление должно быть извещено заблаговременно, дабы офицер мог быть своевременно уведомлен о времени отправки парохода. Генерал Игнатьев»[2150]. Хотя распоряжение касалось офицеров во Франции, оно распространялось и на откомандированного в Англию Гумилева. Других путей не существовало. Если вспомнить первый день пребывания Гумилева в Лондоне, то, исходя из сохранившейся у него расписки Ермолову, поначалу ему был предписан второй путь.

Ничто не мешало отправиться сразу, так как до Бергена пароходы ходили достаточно регулярно. Но, как я предполагаю, инициатором довольно длительной задержки был не Гумилев, а Военный Агент Ермолов. В отличие от Игнатьева, Ермолов был генералом старой закваски, многие годы проживавшим в Англии, всегда остававшимся верным принятой присяге и союзникам вступившей в войну России. При этом по своей должности Военного Агента он должен был заниматься контрразведкой и в этом качестве был непосредственно связан с одной из старейших и опытнейших разведывательных служб в мире — с «Интеллидженс сервис». Вспомним, что до своего отъезда в Англию в 1907 году Ермолов был фактически поставлен во главе всей военной разведки России. Англичане, безусловно, были в курсе этого. После большевистского переворота отлаженный механизм военной разведки не мог быть не нарушен. Теперь, когда Россия, нарушив все договора, заключила сепаратный мир с Германией, необходимо было восстанавливать всю разведывательную структуру. Тем более для Англии и Франции бывшая союзническая империя превратилась из союзника в противника. Было бы, по меньшей мере, наивно думать, что опытнейшая английская разведка не использовала для решения этой задачи всех имеющихся у нее ресурсов. Даже мне, дилетанту, никогда, слава Богу, не имевшему дело с «органами», понятно, что в той ситуации самым естественным путем было привлечь верных союзникам русских офицеров, готовых вернуться в Россию.

Кстати, есть прямое свидетельство этого, исходящее от хорошего знакомого Гумилева К. Набокова. В своей книге[2151] он характеризует некоторых из тех, с кем мог сталкиваться Гумилев в начале 1918 года. Про главу Правительственного комитета генерала Э.К. Гермониуса, в подчинении которого был Гумилев, К. Набоков говорил, что это «человек безупречный» (С.194). Добавляя, что там воровали, он сообщал об этом Временному правительству, «но как и в вопросе о смене Военного агента, престарелого генерала Ермолова, совершенно непригодного к несению обязанностей этого поста — так и тут все мои представления, к несчастью, остались неуслышанными». В книге (С.206) К. Набоков затрагивает и вопрос использования русских офицеров в сложившейся ситуации: «‹…› Благодаря полной непригодности нашей военной агентуры к ведению деликатных сложных переговоров в связи с отправкою в Россию офицеров для борьбы с большевиками — мне приходилось иметь постоянные и доверительные сношения с военным министерством… ‹…› Наша бездарная и бессильная военная агентура…» Возможно, что и эти пикантные вопросы затрагивались в беседах между Гумилевым и К. Набоковым перед возвращением поэта и офицера в Россию.

Так что работа с офицерами, безусловно, велась. Другой вопрос, насколько эффективно... И вряд ли Гумилев, опытный офицер, прошедший всю войну, оказавшийся в Лондоне и собиравшийся возвращаться в Россию, выпал из поля зрения военной агентуры (непосредственное отношение к которой имел, как следует из слов К. Набокова, не слишком для этого пригодный «престарелый генерал Ермолов»). Но ситуация в России долгое время после ноября оставалась крайне неопределенной. Напомним, как **хронологически** шли переговоры России с Германией. Первый этап переговоров в Брест-Литовске состоялся с 22 по 28 декабря 1917 года (все даты — по н. ст.). Затем переговоры шли с 9 января по 10 февраля 1918 года. (Именно в этот период Гумилев перебрался из Франции в Англию.) Германия отклонила предложение допустить к ведению переговоров делегацию Советской Украины и 9 февраля подписала сепаратный договор с Украинской Центральной радой, по которому последняя обязалась поставить Германии за военную помощь Раде в борьбе с советской влас-

тью большое количество хлеба и скота. Этот договор дал возможность немецким войскам оккупировать Украину. Наконец, последний этап начался 1 марта, и в 5 часов 50 минут вечера 3 марта 1918 года правительство Ленина подписало позорный Брестский мирный договор. На западе от России отторгалась территория в 1 млн кв. км, включая Украину, Прибалтику и большую часть Белоруссии, на Кавказе к Турции отходили Карс, Ардаган, Батум. Россия обязывалась демобилизовать армию и флот. По дополнительно подписанному в Берлине русско-германскому финансовому соглашению она обязана была уплатить Германии контрибуцию 6 млрд марок. Договор был ратифицирован 15 марта 1918 года Чрезвычайным четвертым Всероссийским съездом Советов. Подписанный договор был одобрен германским рейхстагом 22 марта и ратифицирован 26 марта 1918 года германским императором Вильгельмом II. Безусловно, что в течение всего этого времени британская разведка пристально следила за ходом переговоров и ждала их окончательного результата, чтобы начать предпринимать какие-либо действия со своей стороны.

С моей точки зрения, именно по этой причине Гумилева оставляли в Лондоне до конца марта. Исходя из этого, становится понятным, почему сохранилось так мало свидетельств его пребывания в Лондоне. Думаю, что и здесь инициатива исходила не с его стороны. Кроме отправленного Ларионову и полученному (через Военного Агента!) письма от Льдова — никаких контактов с «внешним миром». Причем эти два письма относятся к самым первым дням его пребывания в Лондоне, после чего, можно предположить, с ним была проведена «беседа», ему было дано указание — не «засвечиваться». Больше не было никаких писем — ни домой, ни в Париж, хотя, казалось бы, если бы он был свободен от неких взятых на себя обязательств, совершенно естественным было отправить весточку о себе домой или хотя бы парижским друзьям. Ведь летом из Лондона он отправил в Петроград два письма, Ахматовой и Лозинскому. Тогда его в этом не ограничивали, но, как ранее говорилось, есть основания предполагать, что уже в июне 1917 года его имя могло быть «взято на заметку». Если не тогда, то в начале 1918 года — безусловно. При отсутствии документов гадать, где — то ли в «Интеллидженс сервис», то ли только в русской военной агентуре, — непродуктивно, обязательно попадешь «пальцем в небо». Поэтому я не буду делать никаких предположений относительно того, какие задания или указания были ему даны перед возвращением в Россию. Но то, что его имя попало в картотеку, что какие-то наставления были ему даны, лично у меня сомнений не вызывает. У меня есть прямое свидетельство этого. Самому мне не приходилось обращаться в соответствующие английские органы, но мой коллега, один из лучших специалистов по литературе "Серебряного века", стремящийся всегда к точности, часто бывавший в Лондоне, однажды попытался выяснить, какие относящиеся к Гумилеву документы хранятся в Англии. Он получил ответ приблизительно следующего содержания: указанное лицо в картотеках значится, однако срок давности по затребованным документам, согласно английским законам, составляет порядка 100 лет. Ждать осталось не так долго, менее 10 лет. Фактически в опубликованных протоколах его допросов в августе 1921 года Гумилев подтверждает сказанное выше. Упоминавшийся ранее «профессиональный контрразведчик» Василий Ставицкий в своей книге приводит факсимильное воспроизведение первого протокола допроса Гумилева, от 9 августа 1921 года[2152]. Автограф Гумилева, после заголовка на

бланке «Показания по существу дела», начинается словами: «Месяца три тому назад ко мне утром пришел молодой человек высокого роста и бритый, сообщивший, что привез мне поклон из Москвы...» И в последующих протоколах Гумилев постоянно ссылается на то, что к нему кто-то пришел. Я не буду углубляться в суть его показаний, пытаться ответить на вопрос: виноват — не виноват. Важно здесь обратить внимание лишь на одно — где-то было хорошо известно, что именно к нему можно и нужно обратиться. Предполагаю, что это «где-то» находилось в Лондоне.

Книгу Ставицкого использовать в качестве источника информации по заявленной автором в заголовке теме — «Тайна жизни и смерти Николая Гумилева» совершено бессмысленно. Но недавно мне в руки попало издание, претендующее на серьезность: «Исторические чтения на Лубянке: 1997–2007»[2153]. Сборник статей, посвященных работе спецслужб. Есть там статья, посвященная Таганцевскому делу, доктора исторических наук В.С. Измозика «Петроградская боевая организация (ПБО) — чекистский миф или реальность?»[2154], но касаться ее здесь не буду. Интерес вызвала публикация доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов Б.А. Старкова «Мифы "Большого дома" и Лубянки». Задача, которую ставил перед собой автор, мне очень близка — желание развеять мифы. Позволю себе процитировать начало статьи, с посылами автора не могу не согласиться:

«В обеспечении национальной, общественной и государственной безопасности большое значение имеет разумное использование уроков прошлого. Однако уроки исторического опыта предшествующих поколений чаще всего бывают не востребованы. ‹...› При этом каждое поколение должно выяснить, какие ситуации являются сходными. Однако, чтобы это сделать, надо иметь достоверную информацию о реальных исторических событиях. Если такой информации нет или она скрывается, например, по политическим или морально-нравственным мотивам, то опыт предшествующих поколений оказывается бесполезным. Учитывая, что люди совершали и продолжают совершать одни и те же ошибки, можно сделать вывод, что или они не знают историю, либо история, которую они знают, ненастоящая. Она в значительной степени мифологизирована и отражает лишь представления отдельных личностей, политиков или ученых. Это в особенности касается советского периода отечественной истории. ‹...› Советские мифологемы были призваны идеологически обеспечить новую российскую государственность. В основе каждого мифа или легенды лежали реальные исторические события. ‹...› Существуют исторические фальсификации (мифологемы), осуществляемые по двум причинам. Во-первых, потому, что, описывая события, каждое поколение историков непроизвольно добавляет от себя некоторые неточности, которые, постепенно накапливаясь, значительно искажают реальные факты. Во-вторых, потому, что во многих случаях невыгодно рассказывать правду, например, по политическим или морально-нравственным причинам. В таком случае история переписывается заново в соответствии с пожеланиями заказчиков. Так получилось с советской историей, которая переписывалась сначала в соответствии с заказом правящей партии, а потом группировки во главе с И.В. Сталиным. Соответственно органы и учреждения, призванные обеспечить национальную и государственную безопасность новой российской государственности и работавшие в режиме строжайшей секретности, воспитывались на этих

мифах и сами активно творили мифологемы новой российской государственности советского типа»[2155].

Далее автор приводит ряд примеров таких мифологем, в одном из которых он обращается к заграничной деятельности Н.С. Гумилева. Приведу эту часть полностью. Не могу не согласиться с отдельными тезисами автора, однако вызывают сожаление два момента: во-первых, борясь с «мифологемами», автор в коротком отрывке ухитряется создать сразу несколько собственных «мифологем»; во-вторых, я убежден, что есть радикальное средство борьбы с тем, что Старков называет «мифологемами» — это, как минимум, ссылка на документы (хотя в нашей истории встречаются и фальсифицированные документы). Увы, в публикации нет ни одной ссылки, что существенно снижает ценность сведений, сообщенных доктором исторических наук:

«Мифом “Большого дома” является трагическая судьба якобы совершенно необоснованно репрессированного замечательного русского поэта Николая Гумилева. При этом совершенно отрицается его участие в реально существующей контрреволюционной “Петроградской боевой организации” профессора Таганцева, а также в выполнении специальных заданий английской разведывательной службы в Петрограде в 1920–1921 гг. На самом деле высокопрофессиональный русский разведчик Н.С. Гумилев во время Великой войны выполнял ряд секретных заданий руководства русской секции Междусоюзнического разведывательного бюро Антанты. В частности, он курировал деятельность российской разведывательной организации по линии работы в масонских ложах Европы. В 1918 г., после заключения Брестского мира, он был направлен в Англию для передачи части архива Русской секции Междусоюзнического разведывательного бюро Антанты. Очевидно, там он и получил задание вернуться в Петроград для восстановления деятельности английской разведывательной резидентуры, изрядно потрепанной советскими чекистами в 1918–1919 гг. Контрреволюционная и антисоветская деятельность Гумилева в эти годы сомнений не вызывает, а вот его работа и связь с английской разведывательной службой нуждается в специальном дополнительном изучении. В любом случае, репрессирован он был на вполне законных основаниях, а выдумки о заступничестве А. М. Горького не более чем еще один миф»[2156].

Первый «миф» автора бросается в глаза сразу: заступничество Горького не миф, а подшитый к делу В.Ч.К. № 214224 «ПБО, Соучастник, Гумелев Н.С. (sic!), Арх. № в 382 томах» документ **с подписью Горького** (а также Волынского, Лозинского, Харитона и других). Второй миф: то, что Гумилев «**после заключения Брестского мира был направлен в Англию** для передачи части архива Русской секции Междусоюзнического разведывательного бюро Антанты ‹…› для восстановления деятельности английской разведывательной резидентуры, изрядно потрепанной советскими чекистами в 1918–1919 гг.» (!!!) Все с точностью до наоборот — Гумилев **вернулся в Россию сразу после заключения Брестского мира** и более в Англии не был. Но полностью согласен с автором в том, что «его работа и связь с английской разведывательной службой нуждается в специальном дополнительном изучении». Что касается «курирования деятельности российской разведывательной организации по линии работы в масонских ложах Европы», то здесь стоит вспомнить Артемьева-Бренстэда, советского агента, работавшего среди масонов и, судя по всему, переправившего на Запад машинопись «Отравленной туники». Может быть, Старкову в тайных

архивах попался какой-либо документ, связывающий масонов, Артемьева и переправленное через него сочинение Гумилева? И он, на основании этого, сделал вывод о соответствующей роли Гумилева. Не хочется думать, что доктор исторических наук и профессор Б.А. Старков все это сочинил. Однако боюсь, что это еще один миф.

Какое бы задание перед отъездом из Лондона в Россию Гумилев ни получил, не думаю, что это его вдохновляло и радовало. Не тот у него был характер, чтобы заниматься «конспиративной деятельностью». Но в Лондоне он мог согласиться принять эту «игру». Для него это было естественнее, чем оказаться просто эмигрантом в чужой стране. Никогда он не произносил громких слов о любви к Родине, но «золотое сердце России» в груди его — билось. И его главным оружием всегда оставалось «Слово», которое «лучше хлеба питает нас». Россия нужна была Гумилеву, только там он мог реализовать свое «Естество» — так он назвал написанное вскоре после возвращения стихотворение:

Я не печалюсь, что с природы
Покров, ее скрывавший, снят,
Что древний лес, седые воды
Не кроют фавнов и наяд.

Не человеческою речью
Гудят пустынные ветра,
И не усталость человечью
Нам возвещают вечера.

Нет, в этих медленных, инертных
Преображеньях естества —
Залог бессмертия для смертных,
Первоначальные слова.

Поэт, лишь ты единый в силе
Постичь ужасный тот язык,
Которым сфинксы говорили
В кругу драконовых владык.

Стань ныне вещью, Богом бывши
И слово вещи возгласи,
Чтоб шар земной, тебя родивший,
Вдруг дрогнул на своей оси[2157].

3 апреля 1918 года Гумилев получил от Российского генерального консульства Временного правительства в Англии (другого в Лондоне тогда не было) заграничный паспорт № 174/442, удостоверяющий, что «русский гражданин Н.С. Гумилев, писатель, возвращается из-за границы в Россию»[2158]. Когда Гумилев получал паспорт, дипломатическим представителем Советской России в Лондоне, который должен был проставить ему въездную визу, был М.М. Литвинов, так что с ним он, безусловно, общался. Хотя Британское правительство официально не признавало его полномочий, но поддерживало с ним неофициальные контакты. Любопытные документы, связанные с Литвиновым, сохранил Б. Анреп, о них рассказано в книге А. Фарджен. Б. Анреп в сентябре 1917 года сопровождал в качестве переводчика генерала Гермониуса и представителей английских властей в поездке в Петроград для встречи с Керенским, чтобы на месте попытаться разобраться в сложившейся ситуации. Стало ясно, что страна на грани

катастрофы. В октябре они вернулись, и вскоре к Анрепу зашел «с рекомендацией от Чарльза Эйткена, директора Галереи Тейт, некий господин М. Литвинов, рассчитывавший получить работу в комитете. По словам Бориса, это был “огромный, толстый еврей устрашающего вида”. Поскольку то, что он знал о Литвинове, Борису не нравилось, он ответил, что ничем помочь не может. Однако Литвинов умудрился найти работу в другом отделе, не связанном с поставками вооружений»[2159]. Как выяснилось, М. Литвинов устроился на работу в Земледельческий отдел, об этом сказано в приказе о его увольнении, опубликованном в Бюллетене № 2 Комитета от 8 января 1918 года: «Освободить из Земледельческого отдела М. Литвинова с 3 января 1918 г.»[2160]. Далее в книге А. Фарджен приводится официальное, подписанное Ермоловым письмо, характеризующее Литвинова. Поскольку это письмо хранилось у Анрепа и датировано как раз временем пребывания Гумилева в Лондоне, приведу его здесь — думаю, Анреп его показывал Гумилеву: «Письмо № 653 военного секретаря от 30 января 1918 года. ‹…› В связи с нашим разговором я должен познакомить Вас с информацией, полученной от генерала Ермолова, о человеке по имени Литвинов. 1. Этот человек уехал из России в 1906 году с немецким паспортом под вымышленным именем Густав Граф. 2. Впоследствии он жил во Франции под вымышленным именем Майер Гейнах Баллах. 3. Его настоящее имя, по всей вероятности, Мордехай Мордкович Бухман. 4. В настоящее время он живет под фамилией Литвинов и, по-видимому, подписывает документы этой вымышленной фамилией. 5. По некоторым официальным документам он был также известен как Харрисон. Имел связи с германскими социал-демократами. Согласно донесения Русского генерального штаба, занимался шпионажем в интересах Германии, разъезжая по юго-западной части Англии с целью сбора материалов об аэродромах и других средствах обороны. (Подпись) Генерал-лейтенант Ермолов. P.S. Что касается пункта 4, мне известно от частных лиц, что он имеет русский паспорт, выписанный на имя Максима Литвинова». Именно Литвинов проставил в паспорте Гумилева визу. Можно было садиться на пароход…

Пароходы в Мурманск ходили редко. Напомним, что в марте 1918 года с военных судов Антанты, которые еще до Февральской революции встали на якорь в Кольском заливе, был высажен на берег вооруженный десант, Мурманск был занят английскими войсками, однако англичане не чинили особых препятствий проезду через порт в Петроград русских военнослужащих. Там постоянно присутствовали представители советской власти для проверки документов и выдачи разрешений на посадку в идущие в Петроград железнодорожные составы. Весной к тому же появилось уточнение правил проезда военнослужащих в Россию: «Первый способ сообщения — на Мурманск, а по открытию навигации на Архангельск, в данное время единственный сравнительно верный способ добраться до России, но пароходы ходят очень нерегулярно, сроки отправления постоянно откладываются, и количество пароходов, берущих пассажиров, весьма ограничено. Отправка этим путем происходит большими партиями, причем о прибытии партии предупреждают Мурманск и там к данному сроку подготавливают поезда для дальнейшего следования вглубь России. По моим сведениям, на Мурмане в этом отношении полный порядок и пассажиры там не задерживаются. Второй способ — через Норвегию и Швецию, годится только для едущих в Финляндию, так как шведы, вследствие положения Финляндии, дают разрешение на въезд в Швецию только едущим с Финляндским

паспортом и визой, во избежании дальнейшего скопления русских в Швеции»[2161]. Так что для возвращения в Россию для Гумилева подходил только «первый способ».

7 марта 1918 года, видимо, после описанных событий, т.е. захвата Мурманска английскими войсками, в Лондоне был опубликован следующий документ: «Русский Правительственный Комитет в Лондоне. Отдел общей Канцелярии. Часть экспидиторская. № 1/7 марта 1918 года. Циркуляр № 27. Доводится до сведения всех желающих вернуться в Россию гг. офицеров, чиновников и отчисленных от Комитета вольнонаемных служащих, что в ближайшем будущем отходит пароход на МУРМАНСК. Желающих уехать с этим пароходом просят по возможности НЕМЕДЛЕННО, не позднее Субботы 9-го сего марта заявить о сем лично в Экспедиторское Отделение Комитета / Комната № 7, 7-ой этаж, Канада Хаус, телефон № 173. Следует принять во внимание, что с отъездом связано много паспортных формальностей, ввиду чего необходимо заблаговременно определить список пассажиров. Подписал Председатель Комитета Генерал-лейтенант Гермониус. С подлинным верно: Секретарь Комитета Е. Вирпша»[2162]. Других распоряжений об отправлении кораблей на Мурманск Комитет, вплоть до полного закрытия в мае 1918 года[2163], не выпускал, так что после 9 марта Гумилев начал заниматься «паспортными формальностями» и дожидаться отправления парохода до Мурманска. Ждать пришлось ровно месяц.

Удалось точно установить, когда и на каком пароходе Гумилев возвратился в Россию. В первых числах апреля военная канцелярия Игнатьева в Париже объявила офицерам, желающим возвратиться из Франции в Россию: «По справкам, наведенным Полковником Кроссом в 4-м Bureau des transport (*транспортное управление в Англии*), пароход действительно уходит из Англии 6-го или 8-го сего месяца. Название парохода «Handland». Пароход это тот, о котором писалось 1-ым Bureau Serve (*Бюро обслуживания*) Военному Агенту 31-го марта за № 8027. В этом письме указывалось, что Английским Правительством на пароходе Handland мест для офицеров не предоставлено. Игнатьев»[2164]. Но это касалось только тех офицеров, которые находились во Франции. Как следует из сохранившейся поэмы Вадима Гарднера, рейс парохода «Handland» должен был захватить из Франции только раненых солдат и инвалидов, которых, видимо, должен был сопровождать персонал, пребывавший в Англии. Пароход по дороге в Мурманск должен был зайти в Гавр или какой-либо другой французский порт, чтобы забрать там больных солдат и военные грузы. Были еще два «кандидата» на отправку Гумилева, транспортные военные русские корабли до Мурманска «Novgorod» и «PORTA»[2165], которые также предполагалось отправить в начале апреля. Однако вскоре в Париж пришло уточнение: «Инструкции по переводу русских войск в Россию. № 1053 от 30.3/12.4 1918 г. В Российское посольство. Полковнику Соколову для сведения. Предполагаемого отхода парохода “Порта” из Англии в Россию не будет. Пароход же “Новгород”, который уйдет в скором времени из Англии, грузовой, малой величины, и на нем пассажиры не допускаются»[2166].

Из приведенного далее документа вытекает, что, когда 12 апреля пришло это уточнение, Гумилев уже плыл по Северному морю. Среди оставленных Гумилевым в Лондоне бумаг сохранился счет за комнату в гостинице «Turner’s Hotel» на Гилфорд-стрит, в которой он останавливался с 6 по 10 апреля[2167]. Видимо, незадолго до отплытия из Англии Гумилев перебрался из отеля «Империал» в близко расположенную, более скромную,

ныне не существующую гостиницу «Turner's Hotel»[2168]. Улица Гилфорд-стрит (Guilford Street) вливается в площадь Рассел-сквер (Russell Square). По карте Лондона отель «Империал» выходит главным фасадом на площадь, а боковым — на улицу Гилфорд-стрит. Судя по счету Гумилева, покинул гостиницу он сразу после завтрака, и пароход «Handland» отчалил от английских берегов 10 или 11 апреля — никаких других кораблей из Англии на Мурманск в начале апреля не отправлялось, а до порта надо было еще добраться. Накануне отплытия Гумилев простился с Борисом Анрепом, который вспоминал их последние встречи: «Гумилев, который находился в это время в Лондоне и с которым я виделся почти каждый день, рвался вернуться в Россию. Я уговаривал его не ехать, но все напрасно. Родина тянула его. Во мне этого чувства не было»[2169]. В письме к Струве Анреп писал: «Мне вспоминается день, когда он уезжал из Англии в Россию после революции. Я хотел послать маленький подарок АА. И, когда он уже укладывал свой чемодан, передал ему большую редкую серебряную монету Александра Македонского и несколько ярдов шелкового матерьяла для нее; он театрально отшатнулся и сказал: "Борис Васильевич, как Вы можете это просить, ведь она все-таки моя жена!" Я рассмеялся: "Не принимайте моей просьбы дурно, это просто дружеский жест". Он взял мой подарок, но я не знаю, передал ли он его по назначению, так как я больше ничего об этом не слыхал»[2170]. Как теперь известно, Гумилев все передал Ахматовой. А монета Александра Македонского оказалась редкостью. 24 января 1925 года Лукницкий записал о встрече с Ахматовой: «Показала мне древнюю серебряную монету с профилем... и сказала, что Эрмитаж просил ее завещать ему эту монету — таких только две в Эрмитаже»[2171]. Имен Анрепа и Гумилева Ахматова Лукницкому при этом не назвала.

Со своей стороны, как пишет Струве, «Гумилев оставил Анрепу ряд своих ненапечатанных произведений, записных книжек, документов, относившихся к его службе в Париже, свои офицерские погоны и т. д. Все это Анреп подарил мне еще до моего переезда в Америку[2172], и этот материал был использован мною для моего издания под названием "Неизданный Гумилев" и позже для собрания сочинений Гумилева в четырех томах»[2173]. Скорее всего, последними, с кем простился Гумилев, были Борис Анреп и, возможно, его семейство: жена Хэлен Мэйтланд и их дети — дочь Анастасия (1912 г.р.) и сын Игорь (1914 г.р.). Но, как писал Гумилев Ахматовой 21 июня 1917 года, «семья его в деревне, а он на службе или в кафе». Однако зимой они могли жить и в городе. Б. Анреп работал в Русском правительственном комитете до последних дней его существования, постоянно участвовал в заседаниях руководства, что зафиксировано в протоколах[2174], а затем входил в состав Ликвидационной комиссии[2175]. Как вспоминала А. Фарджен, «после подписания мирного договора 1918 года Русский правительственный комитет закрылся, однако Борису удалось найти работу в качестве секретаря К.Д. Набокова, поверенного в делах в Русском посольстве. Генерал Гермониус, организовывавший доставку оружия Белой армии, приглашал Бориса в Париж. Но Борис отказался от этого предложения, правда, не по политическим, а по личным мотивам. От России его отдаляло все — двое детей, две любовницы, художественная карьера и симпатии к Англии»[2176]. Прожив долгую жизнь в Лондоне, Анреп не забывал тех, кто остался в России. Самое знаменитое его произведение — напольные мозаики на «парадной» лестнице Национальной галереи в Лондоне (1928–1952). Среди них наиболее известно у нас аллегорическое изображение «СОСТРАДАНИЯ» («COMPASSION»), запечатлевшее образ Анны Ахматовой[2177]. Рядом с нею, в той же композиции, Борис Анреп изобразил английскую поэтессу Эдит Ситвелл, но эта мозаика получила название, увековечившее, как я считаю, образ друга художника, поэта Николая Гумилева: на полях мозаики написано — «SIXTH SENSE». «ШЕСТОЕ ЧУВСТВО» — название одного из самых знаменитых стихотворений Гумилева из его последнего сборника «Огненный столп».

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти все мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья, —

Так, век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства,
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства[2178].

От какого порта отчаливал пароход, точно не известно; по «Трудам и дням», из Ньюкасла, хотя оттуда достаточно далеко до Франции; возможно, в Ньюкасл корабль заходил уже на пути из Гавра, чтобы забрать грузы. Документов об этом рейсе обнаружить пока не удалось. Отчалив от одного из английских портов 10 или 11 апреля, пароход «Handland» направился в Мурманск, сделав запланированную остановку на несколько дней в одном из французских портов. По словам Ларионова — в Гавре, хотя более вероятным мне представляется также знакомый Гумилеву порт Булонь, расположенный восточнее и ближе к Англии. Надо не забывать, что плаванье в условиях ведущейся немцами подводной войны было небезопасным, и вряд ли транспортные суда, да еще в сопровождении военных кораблей, делали излишние крюки. Воспользовавшись этой остановкой, Гумилев в последний раз посетил Париж, чтобы проститься с друзьями. «Мы с Николаем Степановичем видались каждый день почти до его отъезда в Лондон, — вспоминал Ларионов. — Затем он приезжал в Париж на 1–2 дня перед отъездом в Петербург, куда отправлялся через Лондон же. ‹…› В апреле, в конце, или в самом начале мая 1918 г. Николай Степанович был в Париже[2179]; даже, может быть, всего на 1 день. В Париже он жил в Hôtel Castille, на rue Cambon, там же, где и я жил, и дверь его комнаты выходила

на балкон — я как сейчас это ясно помню. Б‹орис› Анреп это не помнит, потому что, может быть, Ник. Степ. уехал из Лондона (уже прямо ехал в Мурманск), и судно ехало с остановкой в Гавре на несколько дней, в это время Н.С. отлучился в Париж — перед окончательным отъездом в Россию. ‹…› Я думаю, что, когда Николай Степанович приезжал на короткое время в Париж, перед самым окончательным отплытием в Россию и потом в Петербург, он приехал в Париж, чтобы увидаться с кем-то — с Еленой Карловной? Может быть, и с нею; но еще с кем-то — это наверное[2180]. Знаю, что он приезжал устраивать оставшиеся здесь кое-какие вещи и дела (это официально). ‹…› Теперь вспоминаю более ясно, что он посетил Париж во время стоянки его судна в французском порту (думаю, Гавре). Из Франции брали пассажиров, которые направлялись в Россию (в Мурманск). Ник. Степ. в это время несколько раз ходил в картье Пантеона, на улицы Ульм, Гайлюсак, Муфтар — места, с которыми он был связан с самых первых своих поездок в Париж»[2181].

Остановился Гумилев в этот последний раз в той же гостинице Castille, где жили Ларионов и Гончарова. Ларионов упоминает «картье Пантеона», то есть буквально квартал вокруг Пантеона и окрестные улицы (Quartier Latin Panthéon). В Латинском квартале Гумилев постоянно бывал, когда жил в Париже в 1906–1908 годах. Улицы Ульм (Rue d'Ulm), Муфтар (Rue Mouffetard), Гайлюсак (Rue Gay-Lussac), расположенные поблизости Сорбонна, Люксембургский сад, Ботанический сад (Jardin des Plantes), где жил его приятель Деникер, в доме которого он часто бывал. Все это были его любимые с юности места Парижа, куда он, скорее всего, ходил прощаться. Кстати, там же, между Пантеоном и Ботаническим садом, проходит улица Ласепед, где жила тогда Мария Богданова. Попрощался Гумилев также и со своей коллекцией, книгами и картинами, которые оставил у Цитрона, возможно, убедив его сохранить их до скорого возвращения в Париж, который на самом деле Гумилев покидал навсегда. Простился он, видимо, и со своей «Синей звездой» — Еленой Дюбуше и, как вспоминал Ларионов, с кем-то еще…

Надо было возвращаться на корабль, чтобы плыть в Россию. Вряд ли о его плаванье до Мурманска было бы что-либо известно, если бы его не сопровождал бывший соратник по Цеху поэтов Вадим Гарднер[2182], описавший это плаванье в стихотворном дневнике. Хотя в поэме Гарднера Гумилев упоминается лишь однажды, но она достаточно подробно и реалистично отображает все плаванье от Гавра до Мурманска, продолжавшееся 12 суток, поэтому приведем ее без купюр:

Из дневника поэта Вадима Гарднера

Воспоминания записаны 27 ноября/10 декабря 1922 г.

В последний раз был в Dartnell парке[2183]
Я в восемнадцатом году.
Мне жить велели злые Парки
В коммунистическом аду.

Я, в настроеньи безотрадном,
Отдавшись воле моряков,
Отплыл на транспорте громадном
От дымных английских брегов.

Тогда моя молчала лира.
Неслись мы вдаль к полярным льдам.
Три миноносца-конвоира
Три дня сопутствовали нам.

До Мурманска двенадцать суток
Мы шли под страхом субмарин —
Предательских подводных «уток»,
Злокозненных плавучих мин.

Хотя ужасней смерть на «дыбе»,
Лязг кандалов во мгле тюрьмы,
Но что кошмарней мертвой зыби
И качки с борта и кормы?

Лимоном в тяжкую минуту
Смягчал мне муки Гумилев.
Со мной он занимал каюту,
Деля и штиль и шторма рев.

Лежал еще на третьей койке
Лавров — (он родственник Петра),
Уютно было нашей тройке,
Болтали часто до утра.

Стихи читали мы друг другу.
То слушал милый инженер,
Отдавшись сладкому досугу,
То усыплял его размер.

Быки, пролеты арок, сметы,
Длина и ширина мостов —
Ах, вам ли до того, поэты?
А в этом мире жил Лавров.

Но многогранен ум российский,
Чего путеец наш не знал.
Он к клинописи ассирийской
Пристрастье смолоду питал.

Его душа не уставала
Давать и помощь и совет.
Добряк, бежит чуть свет, бывало,
Он вниз к солдатам в лазарет.

Заботливости полн и ласки,
За ближних вечно хлопоча,
Лечил и делал перевязки,
Будил храпевшего врача.

Могу ль о славном капитане —
Артиллеристе позабыть?
И с ним в полярном океане
Пришлось при снежном шторме плыть!

Он в Комитете по снабженью
Работал в Лондоне у нас.
Но, ставя грань воображенью,
Укорочу я свой рассказ.

Скажу, что мы друзьями были
И скорбь и радость пополам
По-братски целый год делили.
То мчались в Вульич по делам,

То в Барроу, то в Манчестер дождливый
На полигоны, в арсенал;
Но больше Лондон хлопотливый
Друзей в стенах своих держал.

Так вот, хоть и в каютах разных,
Мы возвращались вместе в Русь.
Бывало, при звездах алмазных
На палубу я поднимусь.

Смотрю, там офицер наш бродит,
На пену гулких волн глядит,
Солдат-бунтарь с ним речь заводит.
Я вижу, капитан сердит.

Готов на рядовом досаду
И справедливый гнев сорвать.
Кто родину привел к распаду?
Вождей кто вздумал предавать?

Кто Мать-Россию опозорил?
Расстроил фронт? В своих стрелял?
С бунтовщиком так друг мой спорил.
А серп луны меж тем сиял.

Но вот, добравшись до Мурмана,
На берег высадились мы.
То было, помню, утром рано.
Кругом белел ковер зимы.

С Литвиновской пометкой виды
Представив двум большевикам,
По воле роковой планиды
Помчались к Невским берегам.

Провел три злополучных года
Я в красном Ленинском раю.
Но муки русского народа
В другой я песне воспою[2184].

Во время плаванья Гумилеву пришлось еще раз встретиться с солдатами из лагеря Ля Куртин. В своем поэтическом дневнике Гарднер больше внимания уделил инженеру Лаврову, родственнику знаменитого революционера-народника П.Л. Лаврова (1823–1900), автору «Русской Марсельезы» — самой популярной русской революционной песни «Отречемся от старого мира!». Судя по стихотворному дневнику Гарднера, Гумилеву, приятелю В. Шилейко, еще до войны начавшему переводить «Гильгамеш», было интересно пообщаться с этим Лавровым[2185] как с любителем «ассирийской клинописи». Вернувшись в Петроград, Гумилев почти сразу приступил к новому переводу «Гильгамеша». Написанное В. Шилейко «Введение к переводу Н. Гумилева» подписано 17 июля 1918 года[2186]. На берег путешественники высадились до 24–25 апреля и сразу же, по недавно построенной железной дороге, «помчались к Невским берегам».

«Труды и дни» Лукницкого дополняют это описание возвращения Гумилева в Россию некоторыми деталями, почерпнутыми, видимо, из воспоминаний очевидцев его приезда: «**1918. С 4 (?) апреля по конец апреля или начало мая**. В пути из Лондона в Петроград через Нью-Кестль (10 апреля) и Мурманск. Трудности с паспортом Временного правительства при въезде в Советскую Россию. *Примечание*. В Мурманске купил оленью доху. (А.А. Ахматова, М.Л. Лозинский, заграничный паспорт)»[2187]. Как сказано выше, Гумилев отплыл из Англии, скорее всего, 10 апреля. Лукницкий неточно называет английский город Ньюкасл-апон-Тайн (англ. Newcastle upon Tyne; название обычно сокращают до «Ньюкасл»), порт на северо-восточном побережье Великобритании, в графстве Тайн и Уир, в Англии, почти на границе с Шотландией. Однако нет уверенности, что именно из этого порта первоначально отплыл транспорт «Handland». Вероятнее, что он заходил туда уже после того, как забрал на борт раненых русских солдат из французского порта, до этого отчалив от одного из ближайших к Франции английских портов, где на него сел Гумилев. А в Ньюкасл судно заходило за грузами. Ведь еще 7 октября 1917 года Рапп докладывал, что отправка кораблей в Россию может быть осуществлена только с севера Англии и из Шотландии. Тогда англичане в категорической форме отказались пропустить русские войска через свою территорию по железной дороге через Англию, с юга на север.

Что касается упомянутой Лукницким оленьей дохи — это неизменный атрибут описаний облика Гумилева в голодном и холодном революционном Петрограде: «На эстраде, выскользнув из боковой дверцы, стоял Гумилев. Высокий, узкоплечий, в оленьей дохе, с белым рисунком по подолу, колыхавшейся вокруг его длинных худых ног. Ушастая оленья шапка и пестрый африканский портфель придавали ему еще более необыкновенный вид. ‹…› На этот раз Гумилев не опоздал ни на минуту. “Живое Слово” очень хорошо отапливалось, и Гумилев оставил у швейцара свою самоедскую доху и ушастую оленью шапку. Без самоедской дохи и ушастой шапки у него, в коричневом костюме с сильно вытянутыми коленями, был гораздо менее экзотичный вид. ‹…› Гумилев пришел вовремя. Он всегда был очень точен и ненавидел опаздывать. — Пунктуальность — вежливость королей и, значит, и поэтов, ведь поэты короли жизни, — объяснял он, снимая свою оленью доху и ушастую шапку, известную всему Петербургу. В те дни одевались самым невероятным образом. Поэт Пяст, например, всю зиму носил канотье и светлые клетчатые брюки, но все же гумилевский зимний наряд бил все рекорды оригинальности. ‹…› — Я сегодня получил академический паек. И сам привез его на саночках, — рассказывает он. — Запрягся в саночки и в своей оленьей дохе чувствовал себя оленем, везущим драгоценный груз по тайге. Вы бы посмотрели, с какой гордостью я выступал по снегу. ‹…› Но от ответа на вопрос, почему выбросился из окна брат Мандельштама, меня избавило появление Гумилева, шествующего в своей развевающейся оленьей дохе с рисунками по краю и в оленьей же шапке. В Дом Литераторов, как и мы»[2188]. Скорее всего, доху Гумилев приобрел на обратном пути в Мурманске, однако однажды он, видимо, чтобы привлечь к себе внимание заинтригованной слушательницы, изложил ее происхождение следующим образом: «…В моей комнате он снял доху, рассказал, что зимой 1918 года в Лондоне получил ее в подарок от английского лорда, вывезшего несколько выделанных, искусно украшенных оленьих шкур из экспедиции на Крайний Север. — “Орнамент даже в Лондоне производил фурор.

Равнодушные, блазированные джентльмены и леди останавливались!" Я не решилась спросить, почему в 1918 году он, георгиевский кавалер и русский поэт, оказался за границей, в Лондоне…»[2189] Рассказ относится к трехдневной поездке Гумилева с Кузминым в Москву, в начале декабря 1920 года. Следовательно, существует вероятность лондонского происхождения дохи.

Однако не только мурманская доха Гумилева производила неизгладимое впечатление на окружающих в холодном революционном Петрограде. Из Лондона он привез фрак, который также часто фигурирует в мемуарах: «— А у меня вот имеется лондонский фрак и белый атласный жилет, — он самодовольно взглянул на меня. ‹…› Гумилев стал заблаговременно готовиться к торжественному выходу. Фрак и жилет, покоившиеся в сундуке под густым слоем нафталина, были тщательно вычищены и развешены на плечиках в неотапливаемом кабинете — "на предмет уничтожения нафталинного духа". ‹…› Все шло отлично, пока не выяснилось, что черные носки — единственную пару черных носков, хранящуюся на парадный случай в шляпной картонке, между дверьми прихожей — съели мыши. ‹…› — Катастрофа! Не смогу надеть фрак. Ведь все мои носки белые, шерстяные. В них невозможно, — повторял он, горестно вздыхая. Мне было смешно, но я старалась выразить сочувствие. Я вспомнила, что у меня дома, по всей вероятности, найдется пара черных носков моего отца. — Пойдемте ко мне, Николай Степанович, поищем. ‹…› К великой радости Гумилева носки у меня нашлись. И ничто не помешало его триумфальному появлению во фраке 13-го февраля 1921 года на "Торжественном Собрании в 84-ую годовщину смерти Пушкина". Появление Гумилева во фраке было действительно триумфальным. Я уже сидела в зале, когда он явился, и видела ошеломляющее впечатление, произведенное им на присутствующих»[2190]. Другой «английский трофей» на Ирину Одоевцеву не произвел впечатления: «Я иду провожать его на кухню. Он надевает свое серое пальто в талию. — Я его в Лондоне купил, — сообщает он. А мне казалось, что в Лондоне все вещи, особенно мужские — элегантны. — Что с вами? — спрашивает Гумилев. — Отчего у вас такой кислый вид?»[2191]

Так что в Петроград Гумилев возвратился с английским и самоедским гардеробами, и так завершилась его «Одиссея». Самые ранние датированные упоминания появления Гумилева в Петрограде — в дневниках М. Кузмина: «**29 апреля.** ‹…› В лавке как-то толпятся без смысла народы: Ведринская, Гумилев. ‹…› **2 мая.** ‹…› Я — в лавку. Торговали ничего. Были гости: Гумилев, Лурье, Кокоша. ‹…›»[2192]. Для Кузмина за эти годы мало что изменилось…

Еще о времени возвращения Гумилева в Петроград и первой встрече с женой можно судить по пометке Ахматовой над стихотворением «Три мертвеца» в книге «Стихотворения. Посмертный сборник. Пг.: Мысль, 1923»: «1917–18, Париж. Читал первый раз, вернувшись из-за границы перед Пасхой 1918»[2193]. Пасха в 1918 году приходилась на 22 апреля/5 мая. Подробнее самые первые дни пребывания Гумилева отражены в «Трудах и днях»:

«**1918. [Конец апреля (?) — начало мая]**. Приехал в Петроград — полный энергии, желания работать и надежды на успешность работы. Первые дни после приезда жил у М.Л. Лозинского и в меблиров‹анных› комнатах "Ира". На второй день по приезде А.А. Ахматова просила Н.Г. дать ей развод. Н.Г. [беспрекословно] и не спрашивая о причинах дал ей согласие.

Примечание. Решение о разводе не [испортило] дружеских отношений Н.Г. с А.А. Ахматовой, [и] они [после] продолжали встречаться по-прежнему. ‹…› **1918. Весна**. Заканчивает трагедию "Отравленная туника" (3 июня в газете "Ирида" помещено извещение об окончании трагедии). Читает ее на Ивановской ул. М.Л. Лозинскому, другой раз — К.И. Чуковскому и А.Н. Энгельгардт. ‹…› **1918. 8 мая**. Поселился на Ивановской улице, дом 20/65, кв. 15 — в квартире С.К. Маковского (который в это время жил в Крыму). **1918.** ‹…› **Май**. Вместе с М.Л. Лозинским возобновил издательство "Гиперборей". [Намечены] были к изданию следующие книги: И. Анненского — "Фамира-Кифаред", Н. Гумилева — "Мик", "Фарфоровый павильон", "Костер", "Гильгамеш". Н.Г. вместе с М. Л. Лозинским приступил к энергичной [издательской] работе [(и не прекращали] ее до конца года). *Примечание*. Средств не было никаких, и поэтому было предложено [печатать] книги в кредит, затем распределять издания между книготорговцами и из поступающих [от них сумм] оплачивать типографию. ‹…› **1918. 13 мая**. Участвует в "Вечере петербургских поэтов", организованном обществом "Арзамас" в Тенишевском зале. В числе других прочел стихотворения "Возвращение" и "Юдифь". *Примечание*. В вечере участвовали Ал. Блок, О. Мандельштам, М. Кузмин, Г. Иванов, Г. Адамович. Обозначенные в афише А.А. Ахматова и В.А. Пяст в вечере не участвовали. Вместо них [с чтением] стихов выступила литературная молодежь: Н. Оцуп, В. Рождественский и Дм. Майзельс. [Устроители] вечера не были осведомлены о возвращении Н.Г. из-за границы. Он был приглашен уже после того, как [были] расклеены афиши. Кроме перечисленных поэтов в вечере участвовали: Л.Д. Басаргина-Блок ([прочла] "Двенадцать"), О.А. Глебова-Судейкина (прочла стихи Пушкина и И. Анненского) и А. Лурье ([рояль])»[2194]. Это было первое публичное выступление Гумилева в Петрограде, сохранились афиши и программа вечера[2195].

В течение года в периодических изданиях никаких новых произведений Гумилева не появлялось. Незадолго до его возвращения, в марте, с большим опозданием, вышел номер «Аполлона» (1917, № 6/7) с пьесой «Дитя Аллаха», иллюстрированной П. Кузнецовым[2196]. Первая «советская» публикация стихов Гумилева состоялась в еженедельнике «Воля народа» 19 мая: «Сон» и «Мы в аллеях светлых пролетали...».

Впервые оказавшись во Франции в 1906 году, Гумилев сразу же затеял в Париже издание журнала «Сириус». Дебютный номер, вышедший в январе 1907 года, открывался его стихотворением «Франция». Это было его первое впечатление от новой для него страны. Десять лет спустя, в июле 1918 года, в журнале Аркадия Аверченко «Новый сатирикон» (№ 15) было напечатано стихотворение «Франции», написанное, судя по всему, во время перехода от берегов Франции до Мурманска. В нем Гумилев прощался с полюбившейся ему страной. Это редкое для Гумилева стихотворение с откровенно политическим подтекстом: поэт извиняется перед Францией за измену «родной Руси». Прочитаем эти два разделенных десятилетием стихотворения одно за другим.

Франция (1906)

О, Франция, ты призрак сна,
Ты только образ, вечно милый,
Ты только слабая жена
Народов грубости и силы.

Твоя разряженная рать,
Твои мечи, твои знамена —
Они не в силах отражать
Тебе враждебные племена.

Когда примчалася война
С железной тучей иноземцев,
То ты была покорена
И ты была в плену у немцев.

И раньше… вспомни страшный год,
Когда слабел твой гордый идол,
Его испуганный народ
Врагу властительному выдал.

Заслыша тяжких ратей гром,
Ты трепетала, точно птица,
И вот на берегу глухом
Стоит великая гробница.

А твой веселый, звонкий рог,
Победный рог завоеваний,
Теперь он беден и убог,
Он только яд твоих мечтаний.

И ты стоишь, обнажена,
На золотом роскошном троне,
Но красота твоя, жена,
Тебе спасительнее брони.

Где пел Гюго, где жил Вольтер,
Страдал Бодлер, богов товарищ,
Там не посмеет изувер
Плясать на зареве пожарищ.

И если близок час войны,
И ты осуждена к паденью,
То вечно будут наши сны
С твоей блуждающею тенью.

И нет, не нам, твоим жрецам,
Разбить в куски скрижаль закона
И бросить пламя в Notre-Dame,
Разрушить стены Пантеона.

Твоя война — для нас война,
Покинь же сумрачные станы,
Чтоб песней звонкой, как струна,
Целить запекшиеся раны.

Что значит в битве алость губ?!
Ты только сказка, отойди же.
Лишь через наш холодный труп
Пройдут враги, чтоб быть в Париже[2197].

Франции (1918)

Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь,
И как в омут погружусь бездонный,
В дикую мою, родную Русь.

Ты была ей дивною мечтою,
Солнцем стольких несравненных лет,
Но назвать тебя своей сестрою,
Вижу, вижу, было ей не след.

Только небо в заревых багрянцах
Отразило пролитую кровь,
Как во всех твоих республиканцах
Пробудилось рыцарское вновь.

Вышли, кто за что: один — чтоб в море
Флаг трехцветный вольно пробегал,
А другой — за дом на косогоре,
Где еще ребенком он играл;

Тот — чтоб милой в память их разлуки
Принести «Почетный легион»,
Этот — так себе, почти от скуки,
И средь них отважнейшим был он!

Мы сбирались там, поклоны клали,
Ангелы нам пели с высоты,
А бежали — женщин обижали,
Пропивали ружья и кресты.

Ты прости нам, смрадным и незрячим,
До конца униженным прости!
Мы лежим на гноище и плачем,
Не желая Божьего пути.

В каждом, словно саблей исполина,
Надвое душа рассечена,
В каждом дьявольская половина
Радуется, что она сильна.

Вот, ты кличешь: — «Где сестра Россия,
Где она, любимая всегда?»
Посмотри наверх: в созвездьи Змия
Загорелась новая звезда[2198].

В августе 1918 года большевики закрыли «Новый сатирикон» вместе с другими оппозиционными изданиями. Чтобы вернуться в родной Севастополь, в занятый белыми Крым, Аверченко пришлось пройти через многочисленные передряги, пробираться через оккупированную немцами Украину. Гумилеву некуда было бежать, да он и не собирался — он вернулся домой.

В конце апреле 1918 года закончилось почти четырехлетнее пребывание Гумилева на фронте, Великая война для него завершилась. Он вернулся в Петроград, где уже в июне вышла тоненькая книжечка «Костер»[2199], куда вошли многие стихотворения, написанные им в Париже. Один из

самых ценных откликов на эту книгу — слова Марины Цветаевой, сказанные уже после гибели поэта: «Дорогой Гумилев, есть тот свет или нет, услышьте мою, от лица всей Поэзии, благодарность за двойной урок: поэтам — как писать стихи, историкам — как писать историю. Чувство Истории — только чувство Судьбы. Не "мэтр" был Гумилев, а мастер: боговдохновенный и в этих стихах уже безымянный мастер, скошенный в самое утро своего мастерства-ученичества, до которого в "Костре" и окружающем костре России так чудесно — древесно! — дорос»[2200]. Этот отзыв поэта о поэте был очень высоко оценен Ахматовой. «То, что она пишет о Гумилеве, самое прекрасное, что о нем до сего дня (2 сентября 1964 г.) написано, — записала в этот день Ахматова. — ‹…› Как бы он был ей благодарен! Это про того непрочитанного Гумилева, о котором я не устаю говорить всем "с переменным успехом". Эту его главную линию можно проследить чуть не с самого начала»[2201].

Через три года Гумилев подготовил новый сборник стихов. Он сам сдал рукопись в типографию, но держать в руках вышедшую книгу ему было не суждено. По странному стечению обстоятельств она вышла из печати накануне казни поэта — от зажженного в годы войны «Костра» вспыхнул «Огненный столп»[2202]. В сборник вошло одно из последних стихотворений поэта, «Мои читатели», его духовное завещание. Гумилев называет нескольких: это — «старый бродяга в Аддис-Абебе», «лейтенант, водивший канонерки», «человек, среди толпы народа застреливший императорского посла». В их число он мог включить и одного из офицеров Русского экспедиционного корпуса во Франции. В архиве случайно обнаружилась записная книжка лейтенанта маршевого эскадрона К.П. Тарутина[2203] из Омска, зачисленного в 1-ю Особую пехотную бригаду. Запись была сделана им на пароходе, плывшем из Владивостока в Марсель, 14 марта 1916 года, в районе Сингапура. От руки, явно по памяти, он вписал в тонкую тетрадку все четыре стихотворения цикла «Капитаны», созданного Гумилевым в июне 1909 года в Коктебеле.

P.S. Хранили память о поэте и те, с кем он подружился в Париже в годы войны. Поражает один из портретов Гумилева, выполненный Ларионовым, — «провидческий», напоминающий посмертную маску[2204], в частности, снятую с лице умершего за три недели до расстрела Гумилева Александра Блока.

И уже в другую войну, в 1944 году, Михаил Ларионов, изредка писавший сам для себя стихи, записал короткое стихотворное посвящение:

Гумилеву

Милый мой друг
Друг драгоценный
Великий недуг
Мне душу томит.
Уход твой с Земли
Печален и тяжек
И помнить всегда
Я буду твой образ
Геройски наивный,
Всегда выше наших забот[2205].

Приложения

Приложение 1

Недошедшие письма — из России и из Франции

Мне хочется, как приложение, привести не дошедшие до адресатов письма. Одно письмо было отправлено Анной Энгельгардт еще в декабре 1917 года, и до Франции оно дошло уже после того, как Гумилев встретился в Петрограде с его отправительницей и даже успел сделать ей предложение — в июне 1918 года. Два других письма были отправлены русским унтер-офицером Василием Мамонтовым весной 1918 года из Парижа, на Урал и в далекую Пермскую губернию, где Гумилев поселил героев оставленной в Англии повести «Веселые братья». Письма были изъяты военной цензурой и до своих адресатов не дошли. Хотя вряд ли отыщутся их потомки, мне хочется, чтобы их прочитали. Неизвестно, добрался ли когда-либо до своего дома Василий Мамонтов, или он нашел последнее пристанище в чужой земле, как тысячи его соотечественников, посланных во Францию защищать честь России. Никаких дополнительных комментариев к письмам не требуется — они говорят сами за себя.

Письмо Анны Энгельгардт Николаю Гумилеву из Петрограда в Париж[2206]:

Коля милый, я написала тебе несколько писем, телеграмму, но возможно, что ты ничего не получил. Знаешь, я перепутала адрес (вернее, он был напутан в твоей последней телеграмме) и, только получив твое письмо от 14 сентября, узнала, что он совсем другой! Досадно, ведь письма к тебе идут безбожно долго, чуть ли не 2–3 месяца.

Грустно писать, зная, что письмо придет чуть ли не через год. Я прямо в отчаянье от такой задержки! Милый, уже ½ года, что мы в разлуке. Мне иногда кажется, что это навсегда! Звать тебя сюда, Коля, настаивать, чтоб ты приехал, я не могу и не хочу. Это было бы слишком эгоистично. Ты знаешь, здесь в Петербурге сейчас гадко, скучно, все куда-то убегают... А там в Париже, вероятно, жизнь иная — у тебя интересное дело, милые друзья, твоя коллекция картин, нет той грубости и разрухи, которая царит сейчас. Мне бесконечно хочется тебя видеть, я по-прежнему люблю только тебя, но лучше тебе быть там, где приятно и где к тебе хорошо относятся. Может быть, война скоро окончательно кончится и тогда ты и так приедешь или, может быть, сможешь приехать сюда ненадолго. Я боюсь, и мне больно будет видеть твое раскаянье, если ты приедешь сейчас сюда и ради меня, потому что здесь действительно тяжело жить! Ты зовешь меня, ты милый! Но я

боюсь ехать одна в такой дальний путь и в настоящее время, м. б. раньше и поехала, теперь же так трудно ездить вообще, а тем более так далеко. Потом вдруг тебя могут отослать куда-нибудь, и я останусь одна, нет, у меня тысячи причин! Ах, Коля, Коля, я люблю тебя, часто думаю о тебе, и мне не верится, что мы когда-нибудь будем опять вместе! Я люблю только тебя одного и тоже никого больше полюбить не в силах, я не знаю как ты! Правда, Коля, мы были друзьями, я стараюсь не слишком часто огорчать тебя, так что враждебного чувства ты не должен иметь ко мне? Я знаю твою ветреность, возможно, что ты иногда и забываешь меня! Сплетней я не слушаю и к тому же никого из мальчишек не вижу, кроме Володи Ч[2207]., а он очень тактичен и ни звука о тебе! Как жаль, что я не могу посмотреть на твои иконы и экзотическую живопись. Счастливый, как приятно собирать такие пленительные вещи. Есть ли у тебя старые книги? Я стащила у отца все самые старые, редкие книги, какие были у него в шкафах... Я думаю, он будет недоволен; пока я тщательно храню свои сокровища! Пришли мне что-нибудь из последних твоих стихов. Все наши общие знакомые уехали. Мальчишек не видно вовсе. Что твой маленький Лева? И твоя матушка? Здоровы ли они? Как твое здоровье? Я чувствую себя сносно. Меня принялись лечить. Я терпеть не могу лечиться и выбросила все лекарства за окно. Доктор сказал, что у меня слабые легкие и что всякая простуда для меня очень опасна. Я же не хочу пить разную гадость и вести лечебную жизнь. Это так скучно. Ненавижу леченье — оставляю это каким-нибудь ревматическим старухам и старикам. Я работаю как сестра в санатории, вне города, и мне это нравится. Полудеревенская жизнь мне очень по душе, а кроме того, я самостоятельна и моя холостая жизнь мне тоже приятна. Прости, что пишу на таких лоскутках, нет бумаги под рукой. Пиши мне!

Будь счастлив и помни меня.

Целую тебя.

Анна. 30.XI.1917 г.

Не смейся над разбросанностью моего письма, мне немного трудно писать.

Письма унтер-офицера Василия Мамонтова, изъятые военной цензурой[2208]

Письмо 1

Le adjudant Mamontoff Basile. 4 Rue Christophe Colomb, Paris, Bureau Attache Militaire de Russie. В: Екатеринбург, Пермской губернии, 1-я Мельковка, № 41, Васе Прокопьевне Брюховой. Мая 1918 года, город Париж.

Милая Вася! Давно, давно тебе не писал, кажется уже около 4-х месяцев. Ты, вероятно, знаешь, почему я не писал, т.к. почта теперь в Россию не отправляется вследствие перерыва почтовых отношений с Россией. Как Вы живете, что делаете!! Ничего я не знаю. Нет от Вас никакой весточки абсолютно. Сердце иногда кровью обливается при мысли, что Вам там живется плохо. Про Россию пишут все время такие гадкие вести, что голова идет кругом. Болит душа за Россию, за Вас и за всех мне милых, далеко там живущих.

Настоящее письмо отправляю с оказией, не знаю, дойдет ли оно по назначению, так как трудно рассчитывать, чтобы при теперешних порядках в России можно было бы рассчитывать, что оно дойдет.

Пишу о себе. Я живу все время в Париже у Военного Агента. Живу плохо, так как до сих пор наше положение, русских здесь во Франции, не определилось, а поэтому мы живем все в одинаковых условиях. Главное то, что нет у нас здесь никого, кто бы мог нас защитить, так как настоящее правительство России, то есть Ленинское, во Франции не признают, а поэтому и нет никаких здесь представителей. Старые же представители правительства тоже отказываются признавать, и мы до сих пор живем в неопределенном положении. Да и как признавать такое правительство, когда они, мерзавцы, продали Россию немцам. Я не знаю, как Вы там живете, но у нас здесь все ясно. Мир заключен с Германией, а Германцы все время продвигаются вперед, и надо думать, что в скором времени и Петроград будет занят. А мир, что это за мир, когда Россия сведена на нет. Лучшие губернии от России отошли к Германии, кроме того, экономическое положение России еще доконает окончательно Россию, и в конце концов русские будут работать только на Германию.

Иногда прихварываю, иногда ничего, но все время тоскую по родным краям, главное — нет ничего из России, писем не получал уже около 4-х месяцев. Кроме того, беспокоюсь о будущем. Рамки настоящего письма мне не позволяют писать все то, что лежит на душе, ограничусь только этим. С этой оказией тоже отправляю Марусе письмо. Как здоровье твое, Шуры и Гриши. Все еще находишься там же, то есть служишь в кинема?

Я в кинема не бывал уже около года. Живу в Париже, не хожу, так как мне не нравятся здешние картины. Привет моим знакомым. Крепко целую тебя, Шуру и Гришу, желаю Вам всем здоровья. Мне же только одно желание, как можно скорее приехать в Россию. Но причины те, что нет пароходов, и нас не отправляют. Когда будут отправлять нас, тоже ничего не известно.

Крепко, крепко целую, твой Василий.

P.S. Надеюсь, что в июле месяце отправлюсь в Россию, если только выйдет то, что я думаю. Ах, как бы мне хотелось уехать в Россию! Не поверишь, Вася, ночей не сплю, все думаю, как бы вырваться отсюда.

Письмо 2

В: Шадринск Пермской губернии. Набережная улица, дом Богданович. Учительнице Марии Ивановне Мамонтовой. Мая 1918 года, город Париж.

Милая Маруся! Около 4-х месяцев я не писал тебе писем, да и настоящее письмо я не уверен, чтобы оно дошло по назначению, но надежды не бросаю и пишу.

Настоящее письмо отправляю с оказией, то есть от нас отправляются в Россию два счастливца-писаря нашего управления. Я же мечтаю об отъезде в Россию, но как уехать отсюда, это я еще не могу придумать.

О Вашей жизни я не спрашиваю, как Вы там живете, так как из тех известий, которые мы имеем здесь за границей, жизнь в России для нас известна, в особенности же, кто любит Родину и интересуется ее жизнью. Безусловно, жизнь теперь в России тяжела. Постараюсь набросать картину,

насколько могу, нашей здесь заграничной и, в частности, нас, русских, заброшенных злою волею судьбы.

Так называемые аристократы и богатые люди, бывшие когда-то у кормила правления в России, во Франции живут разбросанные большею частью около Ниццы и в Ницце.

Что они делают? Все эти люди все еще мечтают, что настанет время, когда снова будет Россия порабощена, и тогда снова будет можно драть со всех как с сидоровых коз. Теперь же пока что отдыхают, если можно это слово применить, и составляют разные патриотические общества, но с известной целью, то есть ведение пропаганды за Царя — Царь для них все, и в Царе воплощается у них все старое, которое им не забыть до гробовой доски. А старое — это получение орденов и знаков отличия, в особенности же побольше окладов содержания, на прожигание жизни.

Не аристократы, а просто именующие себя граждане Русской земли. Эти люди здесь в большинстве случаев живут уже давно, как то евреи, эмигранты и прочие. Им безразлично все, что теперь происходит в России, за исключением того, что все-таки для них лучше, если бы скорее война кончилась, так как хотя они и пристроились на разные места и отбывают воинскую повинность, но может поворотить ветер и им придется идти на фронт, что уже им не улыбается. Евреи же все поголовно пацифисты, и я вполне убедился, что Россию они рассматривают как только такую страну, из которой можно больше вытянуть денег. Деньги и деньги, везде и все.

Патриоты. Это такие, которые служат и нашим и вашим. Вчера Царю, сегодня Керенскому, а завтра хоть Петрову, Иванову, кому Вам угодно, а между тем Россию и Российские порядки так ругают, будто бы в России живут одни только дикие люди. Этих лиц я называю паразитами России, хуже остальных, которых описал, так как он мало того, что тянет все жилы с России, еще и вредит своим проклятым языком.

Теперь мы, солдаты и офицеры Русского Отряда. Разбросанные по всем уголкам Франции, проклинаем всех и вся, не верим никому и живем словно в смуте. Большевистская зараза коснулась всей армии и нас здесь, заброшенных судьбой, а поэтому теперь веры во что-нибудь ни у кого нет. Не верят ни газетам, как французским, так и других нейтральных стран. Все солдаты разбиты на рабочие роты и работают за плату в лесах, на фабриках и заводах.

Наше начальство, по обыкновению, оказалось на высоте своего положения, то есть довело дело до конца, что французы, во избежании каких-либо недоразумений, все взяли в свои руки. Зло и обидно в том, что вот смотришь со стороны, как живут офицеры других армий, скромно, не соря деньги, трудятся на общее благо. У нас же кроме больших окладов, да разных медалей, и знать ничего не хочут. Деньги, и деньги, и деньги. Вот теперь главная насущная забота всех наших офицеров. Работать, как же они будут работать — офицеры и вдруг работать на какой-нибудь фабрике? Лучше пьянствовать и ничего не делать.

Эх, Россия! Пропадешь ты не из того, что темень кругом хоть глаз коли. Я лично солдат понимаю, почему они теперь не верят никому. Сколько времени прошло на то, чтобы у него веру убить окончательно, и убили, проклятые.

Я живу у Военного Агента во Франции. Работаю в Общем Архиве. Надолго ли хватит работы — трудно сказать. Все зависит от того, будут ли платить жалованье всем чинам Военного Агента — французы. Жалованье теперь мы все получаем от французских властей и по окладам французским. С самого начала большевистского переворота мы не получали ни копейки денег из России, и теперь французы нам платят из своего кармана. Я лично давно бы плюнул на все и уехал бы куда-нибудь работать в лес, да здоровье мое неважное, и, кроме того, есть мысль, что от Военного Агента можно скорее уехать в Россию.

Общественное мнение Франции равнодушно относится к событиям в России, Франция заинтересована в России только потому, что Россия должна ей 27 миллиардов франков. Главный интерес Франции теперь — это борьба не на живот, а на смерть с немцами. 2-й месяц уже немцы атакуют здешний фронт и пока без успеха. Немецкая техника проявляется во всем, даже в мелочах. Ты, вероятно, уже читала из газет, что немцы стреляют на 100 верст по Парижу, да, Маня, я сам не верил, когда в газетах появилось известие в первый день стрельбы по Парижу, что это стрелял немец, до того было удивительно, чтобы стрелять на 110 километров, а потом убедился, когда снаряд пал недалеко от меня. Ну про налеты же аэропланов я не говорю, их было несколько, и каждый налет причинял материальные и человеческие жертвы. Например, 6-ти этажный дом до основания разрушен.

Как-то Вы поживаете. Меня все интересует, знают ли в России то, что происходит на юге России, то есть немцы с каждым днем нагло захватывают город за городом. Это меня сильно интересует, и как вообще реагирует публика на это. Думаю и питаю надежду, что в скором времени все эти советы большевиков полетят к черту. Пора Россию спасать, а безграмотным людям не только Россию, но чести ее не спасти. Будь здорова, привет и целую Вас всех. Пиши, если будет можно. Твой В. Мамонтов.

Записная книжка Н.С. Гумилева, оставленная Б. Анрепу

Страница	Содержание
1	Купить в Париже: / 1) Аристотель: Поэтика / 2) Честертон: Napoléon de Notting Hill 3) Антология экз[отических] поэтов: китайских, малайских, персидских и т. д. / 4) Meynard, Стихи (ант. изд.) / 5) Herveux St. Denis: Les poésies de Than В т.9 63 перс[идские] мин[иатюры]
2	The International Society / Grosvenor Gallery / New Bond St. The New English Art Club / Suffolk St. Pall Mall The Chenil Gallery / 181 King's Rd. Chelsea The Omega Club / Waterloo Place Regent st. The Omega Club / Fitzroy Sq. W.
3	The Poetry book-shop / Southampton-St. / nr. Theobald's Rd. The Grafton Galleries / Bond St. The New Age / 38 Cursitor St. / Chancery Lane / Le journal le plus éclairé de l'Angleterre / To-Day / 19, Adam street. Adelphi
4	Lady Ottoline Morrell / Garsington Manor / Garsington / near Oxford / St. Wheatley Oxford / Paddington Paddington 9.50 a.m. / Saturday Oxford 11.15 a.m. / Суббота Oxford 12.45 p.m. / Sunday Paddington 2.20 p.m. / Воскресенье
5	The Eastgate Hotel / High St. / Oxford. Room No.19
6	Петр Михайлович Ногаткин / India House / Шифровальное отделение
7	C.R.W. Nevinson / 4 Downside Crescent / Belsize Park Tube Station / Tel. Hamp. 2258
8	triangle / Russe / Irish???? / English
9	Lunch with Roger Fry / 1.30 Thursday 21 June / 21 Fitzroy St. W. 1 / (Bottom bell on the right Нижний звонок направо) A. Waley / British Museum / Museum 3070. 10 — 5
10	Euphemia Turton / Bedford House / Chiswick Mall / W
11	Piccadily Toilet Club / Air Street 11 / Regent Street
12	Mons Gino Severini / 6 Rue Sophie Germain / xiv. part. / C.R.W. Nevinson atelier: 51 Boulevard Saint Jacques / (atelier 17)
13	M-me Vildrac / 12 ou 10 rue de Seine / Джорж Бан / англ[ийская] арт[иллерия] на Сал[оникском] фр[онте] Arundel del Re / Authors Club / 2 Whitehall Court / London S. W. 1
14	[Записка Arundel del Re к Giovanni Papini — см. ниже]
15	Бо Джуи (40 стихотв[орений]) [Записка A. del Re к L. Giovanola]
16	[Записка A. del Re к P. Sgabellari]
17	Pièce de Guillaume Apolllinaire aujourd'hui à 4 heures et demie / au Théâtre Renée Maubel / rue de l'Orient, dans la rue Lepic, / métro: place Blanche / ou nord-sud: Lamarck
18	[Четыре стихотворные строчки, из которых можно разобрать лишь две первые]: Как прежде над Северным морем Скользят боевые суда [и первый карандашный набросок стихотворения «Мы покидали Соутгемптон» (в ПСС-3 № 72), с разночтением во втором стихе: И **небо** было голубым]
19–20	пустые
21	Signora Mardiesa / Casatti / Grand Hotel / Roma / les hommages les plus cordiaux de la part de Mr. D. Stelletsky
22	1) Война 2) Наступленье 3) Смерть 4) Виденье 5) Солнце духа 6) Рабочий 7) В Северном Море 8) Травы 9) Пятистопные ямбы 10) Третий год 11) Ода д'Анунцио 12) Рай
	[За этим следует ряд пустых страниц. Но с другого конца книжки имеются записи еще на нескольких страницах, и мы даем их здесь]:
1–5(об)	[Начало статьи «Вожди новой школы» — см. соответствующий раздел в этом томе]
6(об)	Poets / M. Arnold — «Oxford Classics» / Chaucer — Ballads etc. / Cowper Pageant of / Dryden / Goldsmith / Gray — / Herrick Milton — (Lycidas L'Allegro II Penseroso Sonnets)
7(об)	Marvell / Spencer — Epithalamium Prothalamium / Browning — Monologues / John Davidson / William Watson (ранние) / A. E.
8(об)	Francis Thompson & Yeats / Bridges / Chesterton (короткий) / Belloc («Poems») / Herbert Trench / Stephen Phillips / Andrew Lang / Richard Le Gallienne / Beatrice Hastings («Table Mountain») etc / Laurence Binyon / A.E. Housman «Shropshire Lad» / Alfred Austin / Masefield (сам[ые] ранн[ие] стихи) Изд. Elkin Mathews / Gordon Bottomley / W.H. Davies / Rupert Brooke / Lascelles Abercrombie / F.S. Flint
9(об)	5 платков / 6 руб[ашек] / 5 кальсон
10(об)	Kate Syrett / 278 Bd. Raspail / Paris

Лондонский и парижский альбомы Н.С. Гумилева

Ниже в списке состава альбома Струве (в дальнейшем — АС), после порядкового номера стихотворения в альбоме, указано его выделенное **название** (вначале — **как в АС**, вслед за этим — при публикации, в «Костре» или в сборнике «К синей звезде» («КСЗ»); без названия обозначено как — б/н). После обозначения «№№», дробью, указан номер стихотворения во 2-м томе вашингтонского собрания сочинений и номер в ПСС-3. Далее указывается место публикации, в основном для стихотворений, написанных и опубликованных до отъезда во Францию, но включенных Гумилевым в альбом. Затем, условными выделенными обозначениями, указано вхождение стихотворения в вышедшие сборники «К синей звезде» (**КСЗ**-№), «Костер» (**Костер**-№) и «Фарфоровый павильон» (**ФП**-№), где № — порядковый номер стихотворения в сборнике. Далее показано включение стихотворения в один из четырех составленных Гумилевым списков, сохранившихся в этом же альбоме: список 1 из 17 стихотворений, названный «Отлунье» (Отл1-№); список 2 из 17 стихотворений, включающий в том числе ранние, не альбомные стихотворения (2-№); список 3 из 15 стихотворений, все из альбома (3-№); список 4 из 52 стихотворений, все из альбома (4-№-№), где «№» обозначает порядковый номер стихотворения, а в списке 4 — раздел и номер стихотворения, соответственно. В конце указывается наличие автографа стихотворения в архиве Лозинского (данные предварительные, требующие уточнения), причем в архиве Лозинского сохранилось четыре разновидности автографов Гумилева, соответствующих альбомным стихотворениям, либо привезенных из Англии, либо частично переписанных (отредактированных) уже в Петрограде: рукописный сборник «Костер» (АЛК), рукописный сборник «Отлунье» (АЛО), рукописный сборник «Фарфоровый павильон» (АЛФП) и отдельные автографы с авторской правкой (АЛ). Разночтения между вариантами не указываются, см. соответствующие комментарии во 2-м томе Струве и в ПСС-3. Если стихотворение не вошло в «Костер», то указывается первая публикация в одном из «Посмертных сборников» (ПС-1922 или ПС-1923).

Оригинал: HIA-GSP. Box 151. **Fol.**19.

Обложка — кожаный зеленый переплет с золотой гравировкой: ***Autographs***[2209].

На протяжении альбома все заглавия стихотворений написаны **красными** чернилами; тексты стихотворений — **черными**.

Нумерация стихотворений соответствует нумерации (№№ 1…70) на вырванном листе «**Содержание**».

№№ 71…76 — стихотворения на трех вырванных листах.

Имеется листок с четырьмя списками, верхний озаглавлен: **«Отлунье»** — список из 17 стихотворений; **2-й список** — 17 стихотворений; **3-й список** — 15 стихотворений; **4-й список** — 4 раздела: **I** — 12 стихотворений; **II** — 12 стихотворений; **III** — 14 стихотворений; **IV** — 14 стихотворений. **Всего** — 52 стихотворения.

1. Змей. Оформление — на обороте заглавной страницы и поверх текста первой страницы двойной рисунок в красках Д.С. Стеллецкого, иллюстрирующий это стихотворение: на обороте заглавного листа (без текста) изображен стоящий на одном колене и натягивающий тетиву сделанного из турьих рогов лука Вольга; справа, поверх текста стихотворения — Змей Горыныч, несущий красавицу[2210]. Подпись под обоими рисунками: «Д. Стеллецкий». №№ 226/37. Аполлон. 1916. № 1. **Костер**-9. Отл1–12; 4–2–1. АЛК, АЛО, АЛ.

2. Андрей Рублев. Оформление — орнамент в красках без подписи работы Гончаровой. №№ 219/38. Аполлон. 1916. № 1. **Костер**-2. Отл1–14; 4–1–1. АЛК, АЛО, АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

3. Деревья. №№ 218/39. Аполлон. 1916. № 1. **Костер**-1. Отл1–4; 2–14; 4–1–2. АЛК, АЛО, АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

4. Городок. №№ 222/43. Солнце России. Март 1916. № 317. **Костер**-5. Отл1–13; 4–2–2. АЛК, АЛО. В содержании проставлен + черными чернилами.

5. Второй год. №№ 320/42. Нива. 27 февраля 1916. № 9. Отл1–15; 4–3–1. АЛО.

6. Травы (в «Костре» — Детство). №№ 221/44. Нива. 12 марта 1916. № 11. **Костер**-4. Отл1–2; 4–1–3. АЛК, АЛО. В содержании проставлен + черными чернилами.

7. Любовь весной («Перед ночью северной, короткой…»). №№ 324/55. Творчество. Кн.1, 1917. 4–3–2. АЛО.

8. Песня («За то, что я теперь спокойный…»); **Песенка** (в «Костре» и при публикации — Юг). №№ 242/47. Творчество. Кн.2. 1918. **Костер**-25. АЛК (в цикле «Песенки», вместе с ПСС-3, 101). В содержании проставлен + черными чернилами.

9. Мужик. Оформление — на полях стихотворения, на двух страницах, рисунки Ларионова. №№ 227/56. **Костер**-10. Отл1–8; 4–1–4. АЛК, АЛО (б/н), АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

10. Рабочий. №№ 228/45. Одесский листок. 10 апреля 1916. № 97, б/н. **Костер**-11. Отл1–9; 4–1–5. АЛК, АЛО. В содержании проставлен + черными чернилами.

11. Ледоход. №№ 223/57. Тринадцать поэтов, 1917. **Костер**-6. Отл1–5; 4–2–4. АЛК, АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

12. Канцона (в «Костре» — Канцона первая, «В скольких земных океанах я плыл…»). №№ 236/52. Письмо Л. Рейснер, ПСС-8–163, вариант. **Костер**-19. 4–2–5. АЛК. В содержании проставлен + черными чернилами.

13. Картинка («Оранжево-красное небо…»), с посвящением М.Ф. Ларионову (в «Костре» — Осень). Оформление — орнамент работы Гончаровой. №№ 220/58. Тринадцать поэтов, 1917. **Костер**-3. Отл1–3; 4–1–6. АЛК (Картинка), АЛ (Осень). В содержании проставлен + черными чернилами.

14. Природа. №№ 224/59. **Костер**-7. Отл1–6, 4–3–3. АЛК.

15. Девушка. №№ 325/60. 4–3–4.

16. Швеции (в «Костре» — Швеция). №№ 229/62. Письмо Л. Рейснер, ПСС-8–164, «Швеции». **Костер**-12. 4–4–1. АЛ (Швеция).

17. Стокгольм. №№ 232/63. **Костер**-15. Отл1–7; 2–15; 4–1–7. АЛК, АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

18. Норвежские горы. №№ 230/64. **Костер**-13. 4–4–2. АЛ.

19. Утешение («Кто лежит в могиле…»). №№ 234/65. **Костер**-17. Отл1–16; 4–4–3. АЛК, АЛ. В содержании название «Утешенье».

20. В Северном Море (в «Костре» — «На Северном Море», с выпущенным по цензурным соображениям важным восьмистишием). Оформление — «морской» орнамент на лицевой и оборотных сторонах работы Гончаровой. №№ 231/68. В письме Лозинскому из Лондона, ПСС-8–167, «В Северном море». **Костер**-14. Отл1–10; 4–2–6. АЛК, АЛ, 2 варианта, видимо, один из письма, полный. В содержании проставлен + черными чернилами.

21. В Бретани. №№ 326/71. 4–4–5.

22. Предзнаменование. №№ 327/72. Есть в лондонской «Записной книжке» (ЗК-18, б/н).

23. Танка[2211] (в альбоме Н.Э. Радлова — Хокка). №№ 351/73. 3–1; 4–3–5. В ПС-1922 и 1923 — б/н. В содержании проставлен + черными чернилами.

24. Любовь («Много есть людей, что полюбив...» (в КСЗ — б/н). №№ 329/85. **КСЗ**-2. 3–4; 4–3–6.

25. Прогулка (в Воле России и в КСЗ — б/н, «Мы в аллеях светлых пролетали...»). №№ 330/74. Воля народа. 19 мая 1918 года. № 6 — первая публикация Гумилева после возвращения в Россию. **КСЗ**-3. 3–5; 4–3–7. ПС-1923.

26. Роза (в КСЗ — б/н, «Цветов и песен [сладострастный] благодатный хмель…»). №№ 240/76. **КСЗ**-6; **Костер**-23. 3–6; 4–2–7. АЛК, АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

27. Сон[2212] (в Воле России и в КСЗ — б/н, «Застонал я от сна дурного…»). №№ 245/11. Воля народа. 19 мая 1918 года. № 6 — первая публикация Гумилева после возвращения в Россию. **КСЗ**-7; **Костер**-28. 3–12; 4–1–8. АЛК, АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

28. Портрет («Лишь темный бархат, на котором...»). В содержании проставлен + черными чернилами. (в КСЗ — б/н, «Лишь черный бархат, на котором...»). №№ 333/84. Глеб Струве упоминает о существовании автографа этого стихотворения с посвящением «Н.В.Е.» («Лишь нежный бархат, на котором…») и датой: «4 апреля 1918. Лондон». **КСЗ**-8. 3–2; 4–2–8.

29. Ночь (в КСЗ — б/н, «Пролетала золотая ночь...»). (На 4-м из шести вырванных, но оставленных в альбоме листов; не включено в содержание АС). №№ 334/78. **КСЗ**-9. 4–4–6.

30. Семья, («Месяц стоит посредине...»), с пометой сбоку — «Аннам» (в ФП — Аннам). №№ 294/—. **ФП**-12. АЛФП. В содержании «Семья (пер.)» проставлен длинный штрих — красными чернилами.

31. Телефон (в КСЗ — б/н, «Неожиданный и смелый…»). №№ 241/79. **КСЗ**-12; **Костер**-24. 3–8; 4–3–8. АЛК, АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

32. Богатое сердце («Дремала душа, как слепая...») (в КСЗ — б/н, «Дремала душа, как слепая...»). (На 5-м из шести вырванных, но оставленных в альбоме листов; не включено в содержание АС). №№ 338/83. **КСЗ**-14. 3–7; 4–3–9.

33. Самотрасская победа (в КСЗ — б/н, «В час моего ночного бреда…»; в «Костре» — Самофракийская победа). №№ 239/81. **КСЗ**-15; **Костер**-22. 3–9; 4–2–9. АЛК (Самотрасская победа), АЛ (Самофракийская победа). В содержании проставлен + черными чернилами.

34. Дом в сердце. Из Чу-Фу. (в ФП — Дом). №№ 293/—. **ФП**-11. АЛФП. По АС — автор Чу-Фу. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

35. Вечером. Из Сао-Нам. (в ФП — Соединение; в КСЗ — б/н, «Луна восходит на ночное небо…»). №№ 290/—. **КСЗ**-20; **ФП**-8. АЛФП. По АС — автор Сао-Нан. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

36. Я и вы (в КСЗ — б/н, «Да, я знаю, я Вам не пара…»). №№ 225/82. Новый Сатирикон. № 6. 1918. **КСЗ**-16; **Костер-**8. Отл1–1; 2–16; 3–3; 4–1–9. АЛК (Вступление), АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

37. Униженье (в КСЗ — б/н, «Вероятно, в жизни предыдущей…»). №№ 331/77. **КСЗ**-4. 4–4–9. АЛ (Позор).

38. Канцона (в «Ниве» и КСЗ — б/н, «Храм твой, Господи, в небесах…»; в «Костре» — Канцона вторая). №№ 237/86. Нива. 27 июля 1918. № 30. **КСЗ**-18; **Костер**-20. 4–2–12. АЛК (б/н), АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

39. Отражение гор. Из Чан-Уй. (во 2-м издании ФП — б/н, «Сердце радостно, сердце крылато…»). №№ 285/—. **ФП**-3. АЛФП. Это стихотворение почему-то отсутствовало в издании «Фарфорового павильона» 1918 года, но вошло в издание 1922 года. По АС — автор Чан-Чи. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

40. Синяя звезда (в КСЗ — б/н, «Я вырван был из жизни тесной...»). №№ 339/80. **КСЗ**-17.

41. Пропавший день («Всю ночь говорил я с ночью…»; в «Костре» вариант под названием «Творчество» — «Моим рожденные словом…»). №№ 233,352/53. **Костер**-16. 4–4–10. АЛК (Творчество).

42. Фарфоровый павильон. Из Ли-Тай-Пэ. №№ 283/—. **ФП**-1. АЛФП. По АС — автор Ли-Тай-Пе. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

43. Три жены мандарина. Из Сао-Нан. №№ 288/—. **ФП**-6. АЛФП. По АС — автор Сао-Нан. (Подзаголовки «Законная жена»; «Любовница»; «Служанка»; «Мандарин» написаны красными чернилами). В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

44. В лодке. Из Уан-Тие (в ФП — Природа). №№ 286/—. **ФП**-4. АЛФП. По АС — автор Уан-Тие. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

45. Поэт, смотрящий на луну. Из Тан-Ио-Су. (в ФП — Поэт). №№ 292/—. **ФП**-10. АЛФП. По АС — автор Тан-Ио-Су. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

46. Лунный свет. Из Ли-Сун-Чан. (в ФП — Луна на море). №№ 284/—. **ФП**-2. АЛФП. По АС — автор Ли-Сун-Чан. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

47. Дурная дорога. Из Тзе-Тие. (в ФП — Дорога). №№ 287/—. **ФП**-5. АЛФП. По АС — автор Тзе-Тие. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

48. Девушки, с пометкой «Аннам» (в ФП — Девушки). №№ 295/—. **ФП**-13. АЛФП. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

49. Признанье, с пометкой «Лаос» (в ФП — Лаос). №№ 297/—. **ФП**-15. АЛФП. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

50. Зов, с пометкой Кха (в ФП — Кха). №№ 298/—. **ФП**-16. АЛФП (Кха). В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

51. Предупрежденье. С японского. №№ 353/—. Есть в Гумилев-1991–1, с.398. АЛ?. Видимо, стихотворение вначале предполагалось включить в «Фарфоровый павильон». В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

52. Детская песенка, с пометкой «Аннам» (в ФП — Детская песенка). №№ 296/—. **ФП**-14. АЛФП. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

53. Езбекие (в КСЗ — Езбекие; в «Костре» — Эзбекие). №№ 246/96. **КСЗ**-24; **Костер**-29. Отл1–11; 3–15; 4–1–10. АЛК (б/н); АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

54. «Я, что мог быть лучшей из поэм...». №№ 356/99. 4–2–10. ПС-1923 (Утешение). В содержании проставлен + черными чернилами.

55. Флейта осени. Из Чу-Фу (в ФП — Странник). №№ 291/—. **ФП**-9. АЛФП. По АС — автор Чу-Фу. В содержании проставлен длинный штрих — красными чернилами.

56. Песня на реке. Из Ли-Тай-Пе (в ФП — Счастье). №№ 289/—. **ФП**-7. АЛФП. По АС — автор Ли-Тай-Пе. В содержании проставлен длинный штрих — и 17, красными чернилами.

57. «Нежно-небывалая отрада...». №№ 345/103. **КСЗ**-26. 4–4–11.

58. Два Адама. №№ 355/100. 2–17; 4–1–11. АЛК. ПС-1923 (б/н). В содержании проставлен + черными чернилами.

59. Предложенье («Я говорил: “ты хочешь, хочешь?..”» (в КСЗ — б/н, «Я говорил, ты хочешь, хочешь?..»). №№ 343/98. **КСЗ**-23. 3–13; 4–3–10. В содержании: **Предложенье** (Я говорил — ты хочешь...).

60. Ангел боли («Праведны пути твои, царица...»). №№ 357/105. 4–4–12.

61. Прощанье (в КСЗ — б/н, «Ты не могла, иль не хотела...»). №№ 344/102. **КСЗ**-25. 4–3–11. В содержании: **Прощанье** (Ты не могла...)

62. Обещанье («С протянутыми руками...», также, но без названия — в КСЗ; другой вариант в «Костре» — «Канцона третья», «Как тихо стало в природе...»). №№ 238, 346/106. **КСЗ**-27; **Костер**-21. 4–4–14. АЛК, АЛ. В содержании: **Обещанье** (С протянутыми руками).

63. Прощенье (в КСЗ — б/н, «Ты пожалела, ты простила...»). №№ 347/112. КСЗ-28. 4–4–13. В содержании: **Прощенье** (Ты пожалела...).

64. О тебе (в КСЗ — б/н, «О тебе, о тебе, о тебе...»). №№ 244/104. **КСЗ**-29; **Костер**-27. 3–11; 4–3–12. АЛК, АЛ. В содержании проставлен + черными чернилами.

65. Песенка (в КСЗ — б/н, «Не всегда чужда ты и горда...»; в «Костре» — Рассыпающая звезды). №№ 243/101. **КСЗ**-30; **Костер**-26. 3–10; 4–2–11. АЛК, АЛ. В содержании **Песенка** (Не всегда чужда ты...) и проставлен + черными чернилами.

66. Уста солнца (в КСЗ — б/н, «Неизгладимы, нет, в моей судьбе...»). №№ 348/107. **КСЗ**-31. 4–3–13. В содержании **Уста солнца** (Неизгладимы, нет...).

67. Новая встреча (в КСЗ — б/н, «На путях зеленых и земных...»). №№ 350/94. **КСЗ**-33. 4–3–14. В содержании **Нов. встреча** (На путях зеленых...). Зачеркнуто четверостишие:

И, за тенью райского куста
Прячась от Всевидящего Бога,
Поцелую я тебя в уста,
Сжатые печалью и тревогой.

68. Облака («Среди бесчисленных светил...»). №№ 361/111. Как указано у Струве во 2-м томе, с.324–325, другой вариант был опубликован в газете «Возрождение» 4 апреля 1929 года по хранившемуся в Лондоне автографу, с пометой «Лондон, 1918» и с посвящением С.А. Абаза, о которой было подробно рассказано выше. В содержании под заглавием «Облака».

69. Девочка (в КСЗ — б/н, «Временами, не справясь с тоскою...»). №№ 349/95. **КСЗ**-32. 3–14; 4–1–12. АЛК (зачеркнут). ПС-1923. В содержании проставлен + черными чернилами.

70. Приглашение в путешествие («Уедем! Разве вам не надо...») (в АС — короткий вариант, начинающийся строкой «Уедем! Разве вам не надо...»). №№ 362/113. Существует несколько вариантов автографов этого стихотворения с различными посвящениями. Глеб Струве указывает на два оставшихся за границей автографа (2-й том, с. 174–176, 325–328, «Уедем, бросим край докучный...»). Один вариант, с датой «Март 1918», напечатан в газете «Возрождение» 31 августа 1930 года, с указанием, что вариант этот получен Ю.К. Терапиано от г-жи С.Н. Р-ф и передан им поэту Юрию Мандельштаму; посвящение — «С. Р-ф». Другой автограф, без посвящения и с названием по-французски «Invitation au voyage», принадлежал П.А. Дубровскому в Париже. Все эти варианты см. в ПСС-3, с. 189–191, 272–275. Еще один вариант — в письме О. Арбениной от 15 марта 1920 года (ПСС-8, № 178). В содержании под заглавием «Приглашенье в путешествие».

71. Купанье. (На 1-м из трех вырванных, но оставленных в альбоме листов). №№ 359/66. В содержании отсутствует.

72. Рыцарь счастья. №№ 360/67. (На обороте 1-го из трех вырванных, но оставленных в альбоме листов). №№ 360/67. В содержании отсутствует.

73. Жизнь (в «Костре» — Прапамять, «И вот вся жизнь...»). (На 2-м из трех вырванных, но оставленных в альбоме листов). №№ 235/69. **Костер**-18. Отл1–17; 4–4–4. АЛК (Прапамять). №№ 235/69. **Костер**-18. Отл1–17; 4–4–4. АЛК (Прапамять). В содержании отсутствует.

74. Песенка. («Ты одна благоухаешь...»). (На обороте 2-го из трех вырванных, но оставленных в альбоме листов). №№ 358/70. 4–2–3. Любопытен комментарий Г. Струве к этому стихотворению (т.2, с.324): «Неполный и несколько иной вариант под заглавием “Из черновой тетради” и отнесением к 1917 году был напечатан в газете “Возрождение”, 26 августа 1926 года». Как недавно выяснилось, эту публикацию осуществил Я. Бикерман по хранившемуся у него автографу, см. Прил. 6. Этот вариант приведен в ППС-3, с.255. В содержании отсутствует.

75. Последнее стихотворение в альбоме (в КСЗ — б/н, «Отвечай мне, картонажный мастер...»). (На 3-м из трех вырванных, но оставленных в альбоме листов). №№ 337/93. **КСЗ**-13. 4–4–7. В содержании отсутствует.

76. Сирень (в КСЗ — б/н, «Из букета целого сирени...»). (На обороте 3-го из трех вырванных, но оставленных в альбоме листов). №№ 328/75. **КСЗ**-1. 4–4–8. В содержании отсутствует.

Глеб Струве дает дополнительные сведения о структуре альбома: «На предпоследней странице альбома в два столбца записано “Содержание”. В нем пронумеровано 70 стихотворений. Против семнадцати переводных стихотворений, из которых шестнадцать вошли затем в “Фарфоровый павильон”, стоит черточка красными чернилами, причем после первого из них в скобках написано “пер[евод]”, а после последнего — красными чернилами цифра 17. Около половины остальных стихотворений помечено крестиком после названия. Против 27 названий крестика нет. Смысл крестиков остается неясным, ибо помеченные таким образом стихотворения включают и такие, которые Гумилев потом включил в “Костер”, и такие, которые туда не вошли (многие из них попали уже после смерти поэта в сборник “К синей звезде”, а некоторые были впервые напечатаны Г.П. Струве в “Новом Журнале” (VIII, 1944) и потом в “Неизданном Гумилеве” (Нью-Йорк, 1952). ‹…› Шесть стихотворений почему-то не были включены Гумилевым в оглавление. ‹…› Страницы с этими стихотворениями были вырезаны, но оставлены в альбоме. Одно из них вошло в “Костер”. В самом альбоме стихотворения не нумерованы, но за исключением вырезанных порядок их соответствует порядку “Содержания”. Помимо “Содержания”, в лондонском альбоме имеется еще страница (вырезанная, но, по-видимому, следовавшая сразу за текстом записанных стихотворений), на которой рукой Гумилева записаны четыре списка стихотворений. ‹…›» Выше указана принадлежность стихотворений к каждому из этих списков и упомянуты соответствующие крестики и черточки, о которых написал Струве.

Необычен второй список, первые 13 названий которого составили стихотворения из ранее вышедших сборников «Романтические стихи» (РЦ), «Жемчуга» (Ж), «Чужое небо» (ЧН) и «Колчан» (К). Вот эти стихотворения: 1) Жираф (РЦ); 2) Волшебная скрипка (Ж); 3) Семирамида (Ж); 4) Товарищ (Ж); 5) Капитаны (Ж); 6) Из города Киева (ЧН); 7) Я верил, я думал (ЧН); 8) Туркестанские генералы (ЧН); 9) Абиссинские песни (ЧН); 10) Памяти Анненского (К); 11) Побег (К); 12) Я вежлив с жизнью (К); 13) Сказка (К). Четыре последних стихотворения — из альбома, три из них впоследствии вошли в «Костер»: 14) Деревья (**АС**-3; **Костер**-1); 15) Стокгольм (**АС**-17; **Костер**-15); 16) Я и вы (**АС**-36; **Костер**-8); 17) Два Адама (**АС**-58). Трудно понять предназначение этого списка, вряд ли он предполагал издание впоследствии сборника в таком составе. Скорее всего, Гумилев просто составил список стихотворений, с которыми были связаны какие-то воспоминания или которые он считал характерными для определенных периодов своего творчества.

Самый полный, четвертый список, куда вошло большинство стихотворений альбома, возможно, вначале предназначался для подготовки итогового сборника стихотворений, однако план этот не был реализован. В архиве Лозинского сохранился рукописный сборник «Отлунье», почти совпадающий по составу с первым списком в альбоме, также названным «Отлунье», но в Петрограде Гумилев отказался от мысли издать как «укороченный» сборник «Отлунье», так и «полный» сборник четвертого списка. Он остановился на промежуточном варианте, подготовив сборник «Костер», включивший 29 стихотворений, в состав которого вошло большинство стихотворений первого и третьего списков. Само название «Костер» родилось уже в охваченной «костром» России. Одновременно с «Костром» вышел и полностью включенный в альбом Струве сборник «Фарфоровый павильон». Никаких новых стихотворений дописывать для этих сборников Гумилеву было не нужно, поэтому они вышли спустя всего два месяца после его возвращения в Россию, в конце июня — начале июля, в издательстве «Гиперборей», вместе с ранее подготовленной африканской поэмой «Мик»[2213]. В архиве Лозинского сохранились гранки «Костра» с его пометкой и датой: «Верстать, согласно образцу. 21 июня 1918 г.». Дарственная надпись на подаренном Гумилевым Лозинскому экземпляре «Костра» проставлена 17 июля 1918 года.

Ниже приведен список «Парижского альбома», составленный на основе сборника «К синей звезде». В нем используются те же обозначения, что и для списка альбома Струве (АС). Указывается: **название**; расположение в альбоме Струве (АС-№) или отсутствие в альбоме (**Нет в АС**); №№ по 2-му тому вашингтонского собрания сочинений и 3-му тому ПСС; вхождение в сборники «Костер» (**Костер**-№) и «Фарфоровый павильон» (**ФП**-№); наличие вариантов автографов в архиве Лозинского.

1. «Из букета целого сирени...» (в АС — Сирень) (АС-76). №№ 328/75.

2. «Много есть людей, что, полюбив...» (в АС — Любовь). (АС-24). №№ 329/85.

3. «Мы в аллеях светлых пролетали...» (в АС — Прогулка). (АС-25). №№ 330/74.

4. «Вероятно, в жизни предыдущей...» (в АС — Унижение). (АС-37). №№ 331/77. АЛ (Позор).

5. «Мой альбом, где страсть сквозит без меры...» (**Нет в АС**). №№ 332/87.

6. «Цветов и песен благодатный хмель...» (в АС и «Костре» — Роза). (АС-26). №№ 240/76. **Костер**-23. АЛК; АЛ.

7. «Застонал я от сна дурного...» (в АС и «Костре» — Сон). (АС-27). №№ 245/11. **Костер**-28. АЛК; АЛ.

8. «Лишь черный бархат, на котором...» (в АС — Портрет). (АС-28). №№ 333/84.

9. «Пролетала золотая ночь...» (в АС — Ночь). (АС-29). №№ 334/78.

10. «Об озерах, о павлинах белых...» (**Нет в АС**). №№ 335/88.

11. «Однообразные мелькают...» (**Нет в АС**). №№ 336/89.

12. «Неожиданный и смелый...» (в АС и «Костре» — Телефон). (АС-31). №№ 241/79. **Костер**-24. АЛК; АЛ.

13. «Отвечай мне, картонажный мастер...» (в АС — Последнее стихотворение в альбоме). (АС-75). №№ 337/93. Почему в альбоме Струве стихотворение так названо, остается загадкой, при публикации альбома «К синей звезде» это стихотворение не было последним и дано без названия.

14. «Дремала душа, как слепая...» (в АС — Богатое сердце). (АС-32). №№ 338/83.

15. «В час моего ночного бреда...» (в АС — Самотрасская победа; в «Костре» — Самофракийская победа). (АС-33). №№ 239/81. **Костер**-22. АЛК (Самотрасская победа); АЛ (Самофракийская победа).

16. «Да, я знаю, я вам не пара...» (в АС и «Костре» — Я и вы). (АС-36). №№ 225/82. **Костер**-8. АЛК (Вступление); АЛ.

17. «Я вырван был из жизни тесной...» (в АС — Синяя звезда). (АС-40). №№ 339/80.

18. «Храм твой, Господи, в небесах...» (в АС — Канцона; в «Костре» — Канцона вторая). (АС-38). №№ 237/86. **Костер**-20. АЛК; АЛ.

19. «В этот мой благословенный вечер...» (**Нет в АС**). №№ 340/90.

20. «Луна восходит на ночное небо...» (в АС — Вечером; в ФП — Соединение). (АС-35). 290/ — отсутствует. **ФП**-8. АЛФП. По АС — автор Сао-Нан.

21. «Еще не раз Вы вспомните меня...» (**Нет в АС**). №№ 341/91.

22. «Так долго сердце боролось...» (**Нет в АС**). №№ 342/92.

23. «Я говорил: “Ты хочешь, хочешь...”» (в АС — Предложенье). (АС-59). №№ 343/98.

24. Езбекие (в АС — Езбекие; в «Костре» — Эзбекие). (АС-53). №№ 246/96. **Костер**-29. АЛК (б/н); АЛ.

25. «Ты не могла иль не хотела...» (в АС — Прощанье). (АС-61). №№ 344/102.

26. «Нежно небывалая отрада...» (АС-57). №№ 345/103.

27. «С протянутыми руками...» (в АС — Обещанье; другой вариант в «Костре» — Канцона третья, «Как тихо стало в природе...»). (АС-62). №№ 238, 346/106. **Костер**-21. АЛК; АЛ.

28. «Ты пожалела, ты простила...» (в АС — Прощенье). (АС-63). №№ 347/112.

29. «О тебе, о тебе, о тебе...» (в АС и «Костре» — О тебе). (АС-64). №№ 244/104. **Костер**-27. АЛК; АЛ.

30. «Не всегда чужда ты и горда...» (в АС — «Песенка»; в «Костре» — Рассыпающая звезды). (АС-65). №№ 243/101. **Костер**-26. АЛК; АЛ.

31. «Неизгладимы, нет, в моей судьбе...» (в АС — Уста солнца). (АС-66). №№ 348/107.

32. «Временами, не справясь с тоскою...» (в АС — Девочка). (АС-69). №№ 349/95. АЛК (зачеркнут).

33. «На путях зеленых и земных...» (в АС — Новая встреча). (АС-67). №№ 350/94.

34. «Так вот платаны, пальмы, темный грот...» (Отрывок из пьесы). (**Нет в АС**). №№ 415 Гумилев–Струве-3. С.223/ПСС-5. С.341.

Помимо двух оставленных за границей Альбомов Гумилев привез в Россию автографы большинства входящих в них стихотворений. Все они хранятся в архиве Лозинского. В этом же архиве — автограф последнего стихотворения, в котором Гумилев прощается с Францией и подводит итог своей военной жизни.

Приложение 4

Памятные места, связанные с пребыванием Н.С. Гумилева в Париже и Лондоне

ПАРИЖ

№	Даты пребывания	Адрес	С чем связано
1	07.1906 — 10.1906	68, Blvd. St. Germain (Бульвар Сен-Жермен, 68)	Первый парижский адрес, где поселился Гумилев, приехав из Петербурга летом 1906 года.
2	1906 — 1908	36, Rue Geoffroy Saint-Hilaire (улица Жоффруа Сент-Илер) Jardin des Plantes — Ботанический сад и Музей Естественной истории в доме «maison de Buffon» — 26, Rue Buffon (улица Буффон, 26)	Парижский Ботанический сад с зоопарком, где в доме «maison de Buffon» жила семья Деникеров. Гумилев дружил с Никола Деникером, знал его отца, ученого-этнолога Жозефа Деникера. В доме была богатейшая библиотека, которой пользовался поэт.
3	10.1906 — 04.1907	25, Rue de la Gaîté (улица Гэтэ, 25)	Жил по этому адресу осенью–зимой 1906–1907 годов. Такой же адрес редакции журнала «Сириус» — прием по пятницам с 2 до 3 часов. Дом не сохранился.
4	10.1906	21, Avenue Franklin Delano Roosevelt, (авеню Франклин Д.Рузвельт) Grand Palais (Гранд Палас)	«Большой Дворец изящных искусств» в Париже, где проходил в 1906 году «Парижский осенний салон» с организованной С.П. Дягилевым большой выставкой русского искусства, о которой Гумилев писал В. Брюсову.
5	12.1906	Avenue Théophile Gautier (Авеню Теофиля Готье)	В самом начале этой улицы в 1906 году поселились Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский. В декабре 1906 года их там посетил (весьма неудачно!) Гумилев.
6	10.1907	Rue de Caumartin (улица Комартен)	Галерея, где состоялась выставка, на которую Гумилев поместил свою первую рецензию в журнале «Весы» (1907. № 11).
7	07.1907 — 03.1908	1, Rue Bara (Joseph Bara) (улица Жозеф Бара)	Жил после возвращения из России в июле 1907 года.

8	1906 — 1908	Place de la Sorbonne (Площадь Сорбонны)	Парижский университет Сорбонна, лекции в котором иногда посещал Гумилев.
9	05 — 06.1910	Rue Bonaparte, 10 (улица Бонапарт)	В этом доме останавливались Гумилев и Ахматова во время свадебного путешествия.
10	07 — 08.1917	54, Rue Galilée, Hotel Galilée (улица Галиле, 54)	В этом доме, в отеле Galilée, Гумилев остановился, когда приехал в Париж в июле 1917 года.
11	1917	79, rue de Grenelle (улица Гренель, 79)	Генеральное консульство России; сейчас там размещается Российское посольство.
12	1917	Paris, 21, rue de Lübeck (улица Любек, 21)	Русское военное представительство (Bureau Militaire Russe).
13	1917	Paris, 14 Avenue Elisée Reclus (Авеню Элизэ Реклю, 14)	Управления Военного Агента (А.А. Игнатьев).
14	1917	37, rue Vaneau 91–62 (улица Вано, 37)	Адрес проживания Е.И. Раппа (Evg. Rapp).
15	1917	Hôtel Beaulieu Champs; 16 rue Louis David; Elysées 15, rue Balzac; 39, rue de l'Arbalète.	Адреса Русского военного коменданта Парижа полковника С.А. Соколова.
16	1917	3, Avenue Hoche (Авеню Ош, д.3)	Адрес проживания Альмы Эдуардовны Поляковой.
17	07.1917	4, rue Lincoln (улица Линкольна, д.4)	Адрес Гумилева в Париже, обозначенный на письмах от Ахматовой и матери в августе 1917 года
18	с июля 1917-го года	137, rue du Faubourg St.-Denis (улица Фобур Сен-Дени, 137)	«Дом русского солдата» в районе Монмартра, где иногда бывал Гумилев.
19	11.1917 — 01.1918	Square Alboni, 1, Rue de l'Alboni, Passy (сквер и улица Альбони, 1, станция метро Пасси)	Дом 1 в сквере Альбони под станцией метро Passy, где Гумилев жил у адвоката А. Цитрона. Дом не сохранился.
20	1917 — 1918	33, Rue Cambon, Hotel Castille (улица Камбон, д.33)	В этом доме, в отеле Castille, жили художники Гончарова и Ларионов; Гумилев часто бывал у них и остановился там в 1918 году перед возвращением в Россию.

21	07 — 12.1917	Le Jardin des Tuileries (Сад Тьюильри)	В саду находится скульптура — «прототип» «Синей звезды», а также скульптура льва, на котором Гумилев любил сидеть (Ларионов).
22	07 — 08.1917	Place du Chàtelet (Площадь Шатле)	Театр Шатле, где выступал балет Дягилева в 1917 году.
23	1917 — 1918	Rue Decamps (улица Декамп)	«Тупик близ улицы Декамп» — здесь жила Е.К. Дюбуше, «Синяя звезда».
24	1906 — 1908; 1917	Кафе: «Panthéon» «D'Harcourt» «La Source» «Cafe d'Opera»	Кафе, в которых любил бывать Гумилев (по Лукницкому).
25	1917	Кафе La Closerie des Lilas Бульвар Монпарнас, 171 (Кафе «Клозри де Лиля»)	Кафе, где Гумилев «устроил свою штаб-квартиру» (по Ю. Терапиано)[2214].
26	07.1917 — 01.1918	59, Pierre-Charron (улица Пьер Шаррон, 59)	Комиссариат, место службы у Военного комиссара Е.И. Раппа.
27	10.1917	18, Place de la République, Vanves Сейчас — Seguin Michèle (Ванв, площадь Репюблик, 18)	Госпиталь Мишле в парижском предместье Ванв, куда попал Гумилев в октябре 1917 года. Сейчас здесь располагается лечебница Seguin Michèle. Рядом, на площади, стоит старинная церковь Сен-Реми (Eglise Saint-Rémy).
28	1917 — 1918	4 rue Francisque Sarcey (XVI) Paris (улица Франсис Сарсэ, 4)	По этому адресу в Париже жил поэт Константин Льдов; Гумилев бывал в его доме с богатой коллекцией картин.
29	1918	37 bis, rue Lacépède (улица Ласепед, д. 37)	Адрес проживания Марии Митрофановны Богдановой
30	1917	12 ou 10, rue de Seine	Адрес из записной книжки: Адрес жены поэта Шарля Вильдрака — Роз Вильдрак.
31	1917	6, Rue Sophie Germain / XIV part. / мастерская: 51, Boulevard Saint Jacques / (мастерская 17)	Адрес из записной книжки: Адреса мастерских художника Джино Северини.

ЛОНДОН

№	Даты пребывания	Адрес	С чем связано
1	06.1917, 1918?	63, Chancery Lane (63, Ченсери-лейн)	Адрес К. Бехховер из его письма Гумилеву от 27.06.1917. В июне 1917 года Гумилев жил у него.
2	06.1917	New Bond St. W1 (Нью-Бонд-стрит)	Адрес из записной книжки: Галерея Гросвенор — The International Society / Grosvenor Gallery.
3	06.1917	Suffolk St., Pall Mall (Саффолк-стрит, Пэлл-Мэлл)	Адрес из записной книжки: Новый Английский клуб искусств — The New English Art Club.
4	06.1917	181,King's Rd. Chelsea (181, Кингс-роуд, Челси)	Адрес из записной книжки: Галерея Ченил — The Chenil Gallery.
5	06.1917	Waterloo Place, Regent st. (Ватерлоо-плейс, Риджент-стрит)	Адрес из записной книжки: Клуб Омега — The Omega Club.
6	06.1917	Fitzroy Sq. W1 (Фитцрой-сквер)	Адрес из записной книжки: Клуб Омега — The Omega Club.
7	06.1917	19, Adam street. Adelphi (19, Адам-стрит, театр Адельфи)	Адрес из записной книжки: Видимо, редакция газеты или журнала To-Day.
8	06.1917	38, Cursitor St. / Chancery Lane (38, Кёрситор-стрит, Ченсери-лейн)	Адрес из записной книжки: Редакция журнала The New Age («Самого просвещенного журнала Англии», где печатался К. Бехховер).
9	06.1917	New Bond St. W1 (Нью-Бонд-стрит)	Адрес из записной книжки: Галереи Графтон (The Grafton Galleries).
10	06.1917	Southampton-St. / nr. Theobald's Rd. (Саутгэмптон-стрит, около Теобальдс-роуд)	Адрес из записной книжки: Книжный магазин поэзии — The Poetry book-shop.
11	17.06.1917	Garsington Manor (имение Гарсингтон Мэнор) / Garsington (Гарсингтон) / около Оксфорда/ St. Wheatley, Oxford (Св. Уитли, Оксфорд)	Адрес из записной книжки: Адрес Оттолин Моррелл близ Оксфорда, ехать с вокзала Пэддингтон (Paddington).
12	17.06.1917	High St., Oxford (Оксфорд, Хай-стрит)	Адрес из записной книжки: Отель Истгейт (The Eastgate Hotel) в Оксфорде, где в комнате 19 останавливался Гумилев.
13	19.06.1917	4, Downside Crescent / Belsize Park Tube Station (4, Даунсайд Кресент / метро Белсайз Парк)	Адрес из записной книжки: Адрес Кристофера Ричарда Винни Невинсона.
14	21.6.1917	21, Fitzroy St. W.1 (21, Фитцрой-стрит)	Адрес из записной книжки: Адрес Роджера Фрая.
15	06.1917	Great Russell Street (Грей-Рассел-стрит) / Британский музей	Адрес из записной книжки: Адрес Артура Уэлея — Британский музей, / British Museum / Museum 3070. 10 — 5.
16	После 21.06.1917	Belgrave Square (Белгрейв-сквер)	Салон леди Джулиет Дафф, где Гумилев встретился с Честертоном.
17	22.06.1917	Bedford House / Chiswick Mall / W (Чизуик Мэл, Бедфорд-хаус)	Адрес из записной книжки: Адрес Эфимии Тертон.(Euphemia Turton)
18	23.06.1917	Air Street 11 / Regent Street (Эйр-стрит, Риджент-стрит)	Адрес из записной книжки: Адрес клуба Piccadily Toilet Club.
19	06.1917	2, Whitehall Court SW1 (2, Уайтхолл-корт)	Адрес из записной книжки: Адрес Арунделя Дель Ре, клуб Authors Club.
20	01.1918	3, Whitehall Court SW1 (улица Уайтхолл-корт, 3)	Адрес Военного Агента Н.С. Ермолова, к которому явился Гумилев, попав в Лондон в январе 1918 года.
21	06.1917 – 04.1918	Kingsway W.C.2 (улица Кингсуэй) и Aldwych (улица Олдвич) / India House	Русский правительственный комитет, размещавшийся в «India House» (Индийский дом). Шифровальный отдел, в котором работал Гумилев, размещался в комнатах № 6 и 9 на 7-м этаже.
22	01.1918 – 04.1918	Kingsway W.C.2 (улица Кингсуэй) / Canada House	Русский правительственный комитет. Отдельные службы, где бывал Гумилев, размещались в «Canada House» (Канадский дом).
23	01.1918 – 04.1918	Kingsway W.C.2 (улица Кингсуэй) / International Buildings	(The Russo-British Chamber of Commerce) в здании «International Buildings» (Международные здания).
24	01.1918 – 04.1918	Kingsway W.C.2 (улица Кингсуэй)	Русская миссия в Лондоне (Russian Mission to England) в здании «Empire House» (Имперский дом).
25	01.1918 – 04.1918	Chesham Place, «Chesham House» (Чешем-хаус на площади Чешем-плейс).	Русское посольство в Англии (The Russian Embassy). Здесь Гумилев встречался с К.Д. Набоковым.

26	01.1918 – 04.1918	26, Chester Square, S.W.1 (Лондон, 26, Честер-сквер)	Русско-Британское Братство (Russo-British 1917 Bratstvo (Fraternity)).
27	01.1918 – 04.1918	30, Bedford square (30, Бедфорд-сквер)	Русское консульство (Russian Consulate), где бывал Гумилев и адрес которого указал в начале 1918 года в письме Ларионову.
28	1917 - 1918	4, Pond Street, Hampstead NW3 (4, Понд Стрит)	Адрес Бориса Анрепа 1918 года.
29	01.1918 – 04.1918	24, Warwick Road, Nevern Mansions, S.W.5 (24, Уорик Роуд)	Адрес С.Н. Ренненкампф.
30	03.1918 – 04.1918	85, Avenue Road, (85, Авеню-Роуд)	Адрес С.А. Абаза и А.А. Абаза.
31	03.1918	63, Finsbury Pavement, (63, Финсбери-пейвмент)	Шведское консульство.
32	02–03.1918	Russell Square (Рассел-сквер)	Отель «Империал» (Imperial Hotel).
33	6–10.04.1918	Guilford Street (Гилфорд-стрит), вливается в Рассел-сквер (Russell Square)	Отель «Тернер» (Turner's Hotel), из которого Гумилев отправился в Россию 10 апреля 1918 года.

Приложение 5

Главы из книги Николая Губского «Инородные тела»

Gubsky Nikolai. Foreign Bodies. A tragi-comedy. London. Elkin Mathews and Marrot. 1932.

Роман Н.М. Губского «Инородные тела» описывает его пребывание в Лондоне, начиная с приезда туда в 1917 году и вплоть до полного расформирования всех русских учреждений в Лондоне и Англии на протяжении 1920-х годов. Значительное место уделено событиям начала 1918 года, как раз тому времени, когда в Лондоне, перед своим отъездом в Россию, оказался Н. Гумилев. И он под вымышленным именем выведен в первой части романа «Абиссинский призыв». В отличие от написанного через пять лет, как сказано у Н. Губского, «автобиографического» сочинения «Рассерженный прах» (N. Gubsky. Angry Dust: An Autobiography. London: William Heine mann, 1937), выведенный в более раннем романе «Инородные тела» образ Гумилева выглядит достовернее и ему уделено больше внимания. Если по роману «Рассерженный прах» могло сложиться впечатление, что Н. Губский вообще не знал о существовании поэта Гумилева, то из первого романа видно, что Н. Губский был знаком с его биографией и поначалу отнесся к нему вполне доброжелательно и серьезно. Хотя и в этом варианте проскальзывают издевательские нотки (жанр романа автор определил как «трагикомедия»), но многие черты Гумилева подмечены весьма точно и вполне соответствуют тому описанию состояния Гумилева накануне возвращения, которое описал Б. Анреп в приведенных выше письмах Глебу Струве. Так что, как мне кажется, отдельные страницы книги Н. Губского могут рассматриваться не как «сочинительство», а как вполне достоверные страницы подлинной биографии поэта.

Ниже приведен мой перевод вступительной главы «Пролог», отдельных глав из первой части «Абиссинский призыв», посвященных Н. Гумилеву (в романе — поэт Николай Глубский), и нескольких фрагментов из заключительной, третьей части «Лига Наций», где иногда автор упоминает поэта Глубского.

Как сказано в «Примечании автора» в начале книги, «имена персонажей и названия улиц, номера домов и т.д. просто выдуманы». Так что не следует обращаться к этой книге как к биографическому источнику. Однако есть надежда, что со временем удастся расшифровать подлинные имена многих упомянутых в книге действующих лиц. Замечу, что как в этой книге, так и в более позднем «автобиографическом» романе «Рассерженный прах» действуют одни и те же герои и многие эпизоды совпадают. Это, например, позволило установить, под каким именем «зашифровал» в романе «Инородные тела» самого себя сам автор.

ПРОЛОГ[2215]

ЭКЗОТИКА

I

К 1917 Русский Военный Комитет в Лондоне разросся до большого размера Министерства. Он занял внушительное железобетонное здание в несколько этажей, с лабиринтом коридоров, бесконечными нумерованными комнатами, со своим рестораном наверху и собственным полицейским внизу в холле. Все возрасты и все социальные классы были представлены в штате Комитета. Были как воинственно выглядящие, так и благородно смотрящиеся офицеры; гражданские служащие, чисто выбритые и изящные; клерки, по большей части с не поддающимся описанию внешним видом, с густой растительностью и угрюмыми выражениями лиц; настоящий смуглый казак со свисающими усами, в прочерченных красной полосой сбоку шароварах и высокой меховой шапке («Вот это да!» — уличные мальчишки открывали рты от удивления); женщины-машинистки со славянской медлительностью речи и славянской томностью в движениях. Лондон наконец-то получил то, в чем он испытывал недостаток в течение двадцати столетий: Российскую колонию.

Оклады в Комитете были необычайно высокими, идея состояла в том, чтобы внушить англичанам, что Россия может не беспокоиться об экономии. Сотрудники, проживающие в дорогих отелях, одевались у лучших портных, покупали массу вещей, которыми никогда не пользовались, и часто посещали мюзик-холлы и кинематограф. Они вели себя с большей сдержанностью, чем дома, поскольку ощущали себя представителями великой Империи; однако лондонцы имели очень дурную привычку уставиться на вас, если вы слишком громко разговаривали или размахивали руками взад-вперед. Посольство с презрением относилось к ним как к *выскочкам* и завидовало их окладам. Британские лейтенанты обращались к ним не иначе как «эти забавные русские», с готовностью принимали их приглашения на обед, учили их разговорному английскому с примесью кокни[2216] и в обмен обучались, как сказать по-русски «Дайте мне еще водки» (что было удивительно трудно) и «я люблю Вас» (что было проще: *Ya liubliu vaas,* почти то же самое, что «*Yellow Blue Vase*»)[2217].

Высшие чины сгруппировались вокруг полковника Баркова, по прозвищу Флейта, за его мелодичный голос и учтивые манеры. Во время обедов они умеренно напивались и нудно обсуждали свой Священный долг, или, иными словами, войну. Коллектив младших коллег возглавлял Петров, или иначе де Петров, как было указано на его визитках, прилизанный, дипломатично смотрящийся юноша со счастливой улыбкой «Вот я», молчаливой женой и кучей денег. Здесь потреблялось истинно российское количество шампанского — чтобы помочь галантной Франции, как привычно говорила толпа. Тосты звучали громче и интимнее, чем при Флейте, после обеда рассказывались озорные истории, а юные леди в максимально допустимом в этом сезоне *декольте* пели душещипательные цыганские песни и смеялись гортанным смехом. Сумрак войны еще не обосновался в Лондоне; Россия была — или так казалось — далеко, очень далеко; поэтому колония наслаждалась всеми прелестями жизни.

II

В марте 1917 телеграфная связь с Петроградом прервалась на три дня. Затем, закодированные мелкими точками и тире, пришли огромной важности новости о Революции. Свергнув с престола слабого, невежественного человека, двести миллионов обезумели от радости, прекратили работу и провозгласили, что пришло Царствие Небесное.

Лондон не заметил никакого катаклизма. Металлические ленты движения транспорта закручивались так же бесстрастно, как и прежде, разбиваясь на перекрестках белыми жестами полицейских. Военные покачивали своими тростями с привычной светской непринужденностью; группы женщин, как всегда раньше, бойко вертелись перед витринами, в которых демонстрировались ненужные вещи. Дождь лил большую часть дня; военный заем упал на четверть пункта; только разносчики газет слегка охрипли, поскольку они непрерывно выкрикивали притягательные заголовки: Красные Флаги в Петрограде! Арест Царя! Революционная Дума!

В Комитете случился взрыв энтузиазма. Все говорили одновременно, поздравляя друг друга с Новой Эрой и махая руками так, как будто бы они были дома. Флейта, нацепив на себя самое серьезное выражение лица, произнес речь на тему Сдержанности. Речь была скучной и длинной; некоторые удалились до ее окончания, другие превозносили докладчика и пронесли его по зданию. Секретарь стоял в коридоре с блаженным выражением на розовом лице, обхватывая каждого, до кого мог дотянуться руками: те, до кого он не дотягивался, поспешно разворачивались и уходили прочь. В Артиллерийском департаменте, Ланн, мальчишески выглядящий лейтенант, поклялся со слезами на глазах, что победа теперь стала вопросом недель. «Вздор! Мы проиграли войну!» — вопил капитан Анков, странное российское сочетание алкоголика, героя и поэта; поскольку никто не отнесся к его пророчеству серьезно, он плюнул на пол и покинул встречу. Майор граф Салтаков, высокий, статный гвардеец, слушал некоторое время их речи, затем кивнул своему другу, и оба вышли в коридор. «Абсолютно сумасшедший, — сказал граф высокомерно. — Бесполезно оставаться здесь сегодня. Вы лучше прихватите меня в Ритц[2218] и покажите мне эту Американскую девочку. Вы думаете, у нее есть темперамент?»

Союзнические чувства возрастали. Внизу в холле де Петров выдал банкноту в десять шиллингов П.Г. Брауну, чтобы он выпил за Революционное Правительство. «Благодарю, сэр, — сказал П.Г., прикарманивания банкноту. — Ваш Царь был слегка старомоден, если Вы извините меня за такие слова».

Сотрудники Департамента бухгалтерии захватили Тома Джилла, своего британского коллегу, и подбросили его в воздухе, крича дикое *Урааа!* Будучи непривычным к азиатским забавам, мистер Джилл пытался ухватиться за их головы и рукава, в итоге они уронили его. Они прокричали *Урааа!* еще раз, уверяя его, что он был блестящим парнем, и удалились, чтобы подбросить кого-либо еще. «Проклятые дураки», — бормотал он, потирая поврежденную голень.

III

С течением времени энтузиазм угасал. Он исчезал, потому что вместо улучшения ситуации в России становилось все хуже и хуже. Было, по крайней мере, два правительства в столице и множество их в провинциях.

Армия разваливалась; голод царил в городах, беспорядки в деревнях. «Отстаивайте свое право за предательство своего Царя», — шипел капитан Анков со злобной радостью. «Какова цена вашего возлюбленного Распутина?» — было стандартным возражением. Были сформированы Союз Республиканцев и Клуб Монархистов; после нескольких столкновений члены двух фракций перестали разговаривать друг с другом. Один из мелких клерков, чья голова свихнулась от новых демократических идей, нагрубил своему начальнику и был уволен; другие клерки восприняли это как оскорбление своего класса; они созывали секретные совещания в задней комнате, где хранилась лишняя мебель, и прогуливались с угрюмыми и угрожающими выражениями лиц.

Те, кто жил на доходы из России, получали все меньше и меньше, и должны были думать об экономии. Граф Салтаков намекнул своей жене, что она могла бы уволить одну из четырех служанок, на что графиня возразила, что он мог бы заодно продать свой Санбим[2219]. «Но это совершенно разные вещи, моя дорогая, — сказал он. — Я нуждаюсь в автомобиле для представительства». «О, так ли?» — заметила она с шутливой интонацией, и поскольку он собирался выходить, добавила: «Подари ей мою любовь». А это означало, что она знала все об Американской девочке с ее темпераментом.

Обеды у Флейты были отменены, и приглашения гласили: «на чашку чая в девять». Он все еще произносил длинные речи о Терпении и Надежде, и его голос оказывал приятный, успокаивающий эффект на слушателей. Леди покорно оплакивали страдания бедной Царицы, которую эти неумытые Социалисты держали под арестом, затем, развеселившись, шептали друг другу последние новости о баронессе фон Труенштейн и ее смуглом Казаке. У де Петрова шампанское и цыганские песни текли, как и прежде, однако снова и снова кто-либо упоминал Россию, и сразу же беседа сникала, мужчины хмурились, молодые женщины сбрасывали свою томность и выглядели более естественными, а вследствие этого не столь миловидными. Россия, в конце концов, была значительно ближе к ним, чем они думали.

IV

Воздушные налеты стали довольно частыми той осенью. Де Петров устроил комфортабельное убежище у себя в подвале, с газовой плитой, диваном и легкими закусками; воздушные налеты, говорил он, были весьма благосклонны к нему, но он повторял это так часто, что никто ему не верил. Граф Салтаков выглядел утомленным, потому что Графиня будила его каждый час ночью: «Опять сирены!» Когда сирены действительно завывали, она хватала свои драгоценности, спаниеля и мчалась сломя голову в подвал, он следовал за нею с ребенком и ее меховой шубой.

Баронессу фон Труенштейн, жену генерала, посещали приступы истерии, и при каждом объявлении тревоги раздавался столь громкий крик, что полицейские вынуждены были звонить, чтобы узнать, кто пострадал. Ее древняя российская нянька должна была подавать ей нюхательную соль, проклиная англичан при каждом ее вздохе: для ее восьмидесятилетнего сознания война была Погромом, устроенным германцами, — то есть англичанами и французами — против христиан, — то есть русских. «Бог поразит вас, вы, проклятые еретики», — бормотала она, грозя кулаком затемненному Лондону.

Жена капитана Анкова не обращала внимания на воздушные налеты до тех пор, пока однажды осколок снаряда не поразил ее буфет и разбил оригинальное устройство для копчения рыбы, которое она, с огромными усилиями, привезла из России. Тогда она объявила, что сыта по горло Англией и должна возвратиться в Москву, независимо, есть ли там революция или нет никакой революции. Анков сказал, что она не может уехать; она кричала, что уедет, после чего он хлопнул дверью и ушел в ресторан. Там он сильно напился и сбил с ног официанта, потому что он был евреем, и за то, что он отказался петь «Боже Царя храни». На следующий день Анков, с компрессом на голове, написал изящную элегию на тщетность всего на свете и умиротворил свою жену покупкой электрической кулинарной печки (устройство для копчения рыбы невозможно было раздобыть в Лондоне). Нанесенный официанту ущерб был в должное время оценен в 15 фунтов с дополнительными расходами в 2 фунта.

V

К осени того года хаос безраздельно властвовал в России. Диктатуры возникали в понедельник только для того, чтобы быть свергнутыми к субботе. Крестьяне грабили землевладельцев, солдаты убивали офицеров, офицеры увольняли генералов. Никто не знал, что ожидать далее; все стало возможным в той перевернутой вверх дном стране. Все, но за одним исключением: небольшая группа головорезов, обозвавших сами себя Большевиками, выжидала малейший шанс, чтобы захватить власть. И такой шанс им представился в ноябре.

Работа в Комитете приостановилась. Обсуждения также прекратились. Весь персонал вынужден был бесцельно бродить по комнатам, бросать истомленный взгляд на вечернюю газету и внезапно разражаться гневом: «Почему союзники не разгонят этих большевиков? Одна дивизия легко бы с этим справилась». Уныние охватило их. Департамент финансов придумал пространную схему бухгалтерского учета и распространил колоссальные листы с колонками, пронумерованными от 1 до 27; но, конечно, это было очковтирательством, и никому в голову не приходило их заполнять.

Посольская Церковь была с избытком переполнена. Преобладали женщины; многие из них носили траур и бесшумно плакали в свои носовые платки.

………………………………………………………………………………………….

В начале I части описывается безрадостная жизнь сотрудников после того, как все оказались не у дел. Стало ясно, что Правительственный Комитет вскоре будет ликвидирован, и для каждого встал вопрос: либо возвращаться в Россию, либо искать какую-либо работу — многие сотрудники жили в Лондоне с женами и детьми. Большинство возвращаться не хотело, а найти работу в Англии, чтобы прокормить семью, было почти невозможно. К тому же отношение англичан к русским после происшедшего в России переворота резко изменилось далеко не в лучшую сторону, и естественным стало желание уехать из Англии в какую-либо другую страну. В Европе продолжалась война, и поэтому она не рассматривалась. Возникли различные «партии», предлагавшие отправиться либо в США, либо в Канаду, либо в Австралию,

даже в Родезию. Все эти варианты бурно обсуждались, но к единому мнению прийти не могли до тех пор, пока герои романа неожиданно не встретили русского офицера и поэта, в котором без труда можно узнать Николая Гумилева, названного в романе Николаем Глубским. Первая часть романа так и называется — «Абиссинский призыв». Ниже полностью приведено окончание этой части, с момента появления в ней прототипа Гумилева.

Часть I[2220]

АБИССИНСКИЙ ПРИЗЫВ

ГЛАВА XXIV

18-го апреля[2221] болезненного вида чиновник военного министерства сообщил Ивану, что его запрос от 8-ого был направлен днем ранее австралийским властям в Лондоне. Таким образом, девять драгоценных дней было растрачено на передачу клочка бумаги из одного здания в другое в том же самом городе![2222] Иван пробормотал что-то по-русски, что чиновник, к счастью, не понял, и возвратился в Комитет. Там он спросил Раева. Раев был в Артиллерийском департаменте, и Иван пошел туда[2223].

Помимо артиллерийского офицера и Раева в комнате находился незнакомец, мужчина около тридцати лет, в штатском, с вытянутым лицом и невозмутимыми, глубоко посаженными глазами. Он стоял в устойчивой позе, глядя на потолок, и декламировал стихи в такой манере, как это было модно среди российских поэтов периода декаданса, то есть с монотонным возвышением голоса на каждом произносимом с ударением слоге.

Носороги вытаптывают нашу кукурузу,
И обезьяны опустошают наши сады,
Но хуже, чем обезьяны и носороги,
Белый разбойник, итальянец[2224].

Эффект был жутким; это звучало, как заклинание к языческому божеству. Иван слушал некоторое время в дверном проеме, затем сделал знак Раеву. Раев вышел к нему.

«Кто этот парень?» — спросил Иван.

«Поэт, — сказал Раев. — По имени Глубский. Беженец».

«Глубский? Никогда не слышал этого имени. О чем он разглагольствует? Что-то о носорогах?»

«Он говорит, что это Абиссинская военная песня. Его собственная, конечно».

«И какого дьявола он должен распевать Абиссинские военные песни?»

«Он говорит, что он там был».

«Что? В Абиссинии?»

«Да».

«Оо…. — Нотка уважения прозвучала в голосе Ивана. — Это интересно. Можем ли мы попытаться поговорить с ним об этом?»

«Мы можем пробовать. Но он кажется странным типом».

«Это не имеет значения. Если он там был, он должен знать что-либо о тропиках, которые могли бы быть полезны для нас. Представьте меня ему».

Иван совершенно забыл вылить обличительные речи, которые он припас против Британского военного министерства.

Для понимания дальнейшего, необходим краткий исторический обзор русской литературы. До начала девятнадцатого столетия русские вообще не имели никакой литературы, будучи слишком заняты татарами, казаками, поляками и тому подобными. Затем появился Пушкин — не плохой поэт, но, пожалуй, устаревший и без надлежащей дерзости. Он умер, и снова никого не было, только рифмоплеты, которые выдавали себя за поэтов, и идиоты, которые их читали. Такое положение дел длилось на протяжении всего девятнадцатого столетия, до 1910 года, когда Николай Глубский, сын обычного владельца имения, выпустил свой том, *Хризопразы*. Там воспевались бледные лица, мальчики с гобоями и девочки без гобоев, Валансьенские кружева, шаровидные молнии, громогласные щеголи, Хатха-йога, двудольные хризантемы и другие, весьма экстраординарные явления, для которых Пушкин был недостаточно прогрессивен, чтобы обращаться к ним. Еще два тома вышли в течение следующих трех лет, и постепенно русские варвары начали осознавать, что сущность поэзии лежит не в восходах солнца, или соловьях, или подобных вульгарностях, но в оригинальности и музыкальности, или скорее в тональности стиха. Вначале эстеты, а затем обыватели начали скупать тома от Первого до Третьего и декламировать их содержание с устремленной вверх интонацией. Как сказал сам Глубский в своей знаменитой оде «*Колумбы*»:

Мы проложили тропу в миры неизвестные и нереальные,
Мы продвинулись дальше черты, которая остановила отважнейших[2225].

В 1913 году он на самом деле пересек эту черту: Этнографический Институт, президентом которого был его дядя, послал его в Абиссинию. В течение восьми месяцев судьба российской поэзии висела на волоске. Но волосок выдержал, и Глубский возвратился невредимый, с собранием набедренных повязок и томом Номер Четыре. Читая последний, каждый мог, не подвергаясь издержкам путешествия, погрузиться во все то, что заслуживает внимания на Черном Континенте: шелест лиан на таинственном озере Тоум; шипение пантер на берегах того же озера; свист отравленных копий и стоны пронзенных врагов; гул тропического солнца; волнение пустыни и множество других изысканных вещей. Помимо этого, поэт также привез назад с собой каменное выражение лица и тот неопределимый воздух отчужденности, который отличает великих первооткрывателей — Колумбов.

В 1914 году Глубский присоединился к армии как доброволец. Его спутники надсмехались над его отсутствующим выражением лица и не принимали его всерьез даже после того, как он был дважды ранен, награжден двумя крестами и назначен командиром боевого подразделения. Когда разразилась Революция, он оставался в окопах до тех пор, пока не началась резня офицеров. Тогда он объявил своим однополчанам, что в культурном развитии они ниже, чем самые последние готтентоты, и уехал за границу. 18-го апреля 1918 года он объявился в Русском Комитете в Лондоне, где некий Курченинов был представлен ему и пригласил его на ужин. Ничего не случилось с русской поэзией, так как она в то время не существовала, но для истории российской колонизации этот момент был чреват последствиями.

ГЛАВА XXV

В тот день — это была суббота — Иван вернулся домой в очень возбужденном состоянии.

«Привет — привет, — сказал он рассеянно одной из своих дочерей, которая вышли встретить его. — Где мать?»

«В столовой».

Он пошел туда. Мадам Курченинова перекладывала салфетки, которые мисс Джексон — как обычно — разложила в неправильные места.

«У меня важные новости, — объявил он. — Наши планы могут измениться. Возможно, мы отправимся в Абиссинию».

Ее уже бросало по столь многим континентам, что это объявление было не в состоянии взволновать ее.

«Это ново, — сказала она сдержанно, усаживаясь на корточки перед буфетом, чтобы достать соль. — Но почему Абиссиния?»

«Потому что я встретил сегодня парня, который был там. У него есть несколько замечательных историй, чтобы рассказать об этой стране».

«Я знаю! Абиссиния находится в Африке», — сказал Ваня, который сидел в углу, занятый альбомом с марками.

«Ты здесь? — сказал отец, нахмурившись. — Ты бы лучше поднялся наверх, я хочу поговорить с твоей матерью... Ты когда-нибудь слышала имя Глубский? Поэт, я полагаю».

«Нет».

«И я нет. И я должен сказать, что его поэзия с душком. Но дело в том, что он точно там был, и он уверил меня, что эта страна больше всего подходит для нас, русских. Знаешь ли ты, например, что они — Эфиопы, я подразумеваю — принадлежат той же церкви, что и мы, греческой ортодоксальной?»

Она не знала этого.

«Да, они ее исповедуют. Кроме того, наш Царь имел особенно дружественные договоренности с их — как его называют? — Негусом, так что русские там пользуются всеми видами привилегий. У нас там есть миссия, и Послом назначен человек, которого я немного знаю... О, черт возьми! куда ты снова устремилась?» — сказал он раздраженно.

«Котлеты могут подгореть. Я вернусь через минуту».

Она вышла. Мисс Джексон продолжала накрывать стол. С помощью первых девятнадцати параграфов грамматики Иван объяснил ей, что они могут уехать в Абиссинию. Мисс Джексон, которая держала тарелку в каждой руке, издала долгий вздох: «Ооох!» — и опустила тарелки вниз из страха уронить их.

«Нет, мистер Куршнов! — воскликнула она, ее глаза широко открылись от изумления. — Вы это себе не представляете! Воображаю! Абиссиния! Ну, я никогда!..»

«Да, Абиссиния, — он повторил непреклонно. — Мы все поедем туда, все семейство».

«Что? Все семейство? — Изумление на ее лице уступило место ужасу. — Вы подразумеваете также и детей? Ваня, и Катя, и Наташа, и ...».

«Все. Каждый из счастливцев. Вы знаете, мисс, это удивительная страна».

«Удивительная страна».

«Да, удивительная. Теплая, приятная и... удивительная».

Тут его жена появилась с супом, и дети столпились в дверях. Они сели за стол. Обед прошел спокойно, Иван был слишком поглощен своими мыслями, чтобы заметить, что Вава болтает своими ногами, что Наташа забыла помыть руки и что маленькая Шура необычно тиха, почти мрачна. Еще более странно было то, что она отказалась от второй порции пудинга.

«Что случилось с тобой, любимая?» — спросила мадам Курченинова тревожно.

Шура выдала жалобный взгляд. Затем ее губы дернулись, гримаса волнами пробежала по ее лицу, она спрятала свою голову в коленях матери и разразилась рыданием. «Я не хочу ехать туда, — вскрикивала она между рыданиями. — Я не хочу, Мама».

«Но что ты подразумеваешь? Куда это ты не хочешь ехать?»

«К черным людям», — рыдала Шура.

Иван повернулся к Ване.

«Какую чушь ты наговорил ей?» — спросил Иван строго.

«Я ничего не говорил, Папа, — запнулся Ваня. — Я только сказал Наташе, что мы поедем в Абиссинию, а Шура, должно быть, услышала это. Но я не собирался ее пугать: честное слово, я не делал этого».

«Тогда почему она плачет?»

«Я не знаю, Папа».

«Это все ерунда», — решил он и, повернувшись к Шуре, приказал ей прекратить свой вой.

Но Шура не останавливалась. Цепляясь за свою мать, она продолжала рыдать, ее маленькое тельце конвульсивно дергалось. Это не был обычный плач, который был понятен мадам Курчениновой. Она хотела уложить ребенка в кровать, но Шура сопротивлялась. «Я не хочу ехать туда, я не поеду!» — она выкрикивала истерично, размахивая руками. Иван что-то бормотал под ее вздохи, выбросил свою салфетку и приготовился покинуть стол.

Тут мадам Курченинову осенило вдохновение.

«Мне кажется, я знаю, в чем дело, — сказала она по-французски мужу. — Я немедленно это проверю». Затем она повернулась к Шуре: «Теперь послушай меня, дорогая, — сказала она. — Мы собираемся на совершенно новое место, где мы никогда ранее не были. Там нет никаких Красногвардейцев, нет ни одного, только Эфиопы, которые очень милые и добрые. И мы поедем туда не ночью, а днем, ты понимаешь меня, только днем. На ослах. Ты любишь ослов, не так ли? Ты помнишь одного, который был у нас в Надейке[2226], не так ли?»

Эффект этих слов был незамедлителен. Шура перестала дергаться, ее рыдания становились все тише.

«Да, это было именно то, — сказала мадам Курченинова по-французски. — Она перепутала это с нашим бегством. Черные люди, как она думала, были Большевистские охранники: они также выглядели черными в темноте»[2227].

Выражение Ивана показало, что он даже не пытается вникнуть в столь сложную психологию.

«Но ты сказала мне, что она была очень спокойна той ночью», — заметил он.

«Да, она была. Только ты никогда не знал, насколько глубоко все это в них проникло… Хорошо, дорогая, — она нежно приподняла Шуру в сидячее

положение и вытерла ей слезы. — Теперь ты будешь хорошей девочкой и съешь еще пудинга, не так ли?»

«Я буду», — угрюмо сказала Шура и пододвинула свою тарелку к блюду.

ГЛАВА XXVI

Вечером прибыл Раев, запыхавшись сильнее, чем на самом деле требовалось его легким. У него под мышкой был объемистый пакет.

«Получил их?» — спросил Иван, с беспокойством.

«Да. Четыре из библиотеки, а две должен был купить. Вот», — и он представил счет на двадцать семь шиллингов.

«Проклятие! — сгримасничал Иван. — В России они стоили бы шесть... Ну да ладно, поторопимся, и давай взглянем на них. Но одну минутку, вы пообедали?»

«Нет. Но это не имеет значения».

«Конечно, это так, но... Маша, где ты?»

Раев перекусил холодным ужином, после чего двое мужчин сели рядышком и начали изучать книги. Мадам Курченинова закончила шитье, пожелала им доброй ночи и поднялась наверх. Последняя трубка была выкурена, огонь погас, холод начал проникать через миллионы щелей построенного британцами дома, но они все еще читали, переводили, сравнивали и обменивались впечатлениями.

«Итак, решено, — сказал Иван в два часа, прохаживаясь взад и вперед в пальто, с поднятым воротником и руками в карманах. — Мы оставляем семью на плоскогорье и спускаемся к плантации. Конечно, это не должно быть слишком далеко, чтобы не потерять контакт с ними. Дневной переход, я полагаю».

«Возможно, пару дней, — предположил Раев. Он также надел пальто. — Это обеспечит нам большую свободу действий».

«Хорошо, скажем, два дня. Конечно, первым делом надо будет достать лошадей. Я полагаю, они там дешевле...».

«О, это любопытно, — прервал его Раев, который просматривал толстый том, отчет римско-католического миссионера. — Только послушайте, что этот парень пишет: "Когда я собрался уезжать, местные уроженцы устроили мне роскошный прощальный ужин..."».

«Подождите секунду, — сказал Иван. — Что он подразумевает под "местным уроженцем"? Своего рода вождь?»

«Нет. Абориген. *Туземец*».

«Оо. Знаете ли, вы бы лучше читали прямо по-русски».

Раев продолжил по-русски. Миссионер рассказывал, как Эфиопы, после устроенного прощания, подарили ему в качестве сувенира целых два слоновых бивня.

«Да, прелестный сувенир, — сказал Иван с завистью. — Два бивня, да это целое состояние! Сколько они могут стоить? Сто фунтов?»

«Запросто... Но подождите, здесь есть еще что-то интересное».

Раев продолжил чтение про себя, его глаза быстро скользили по строкам. Иван, стоя позади его кресла, нетерпеливо ждал, наблюдая скорее профиль Раева, чем сам текст. Наконец Раев достиг конца параграфа. Он полуобернулся на своем месте и значительно посмотрел вверх на Ивана.

«Знаете ли Вы, сэр, — сказал он с намеренной неторопливостью, — что в Абиссинии нет соли? Нет! Совершенно нет, вы ее просто не можете достать!»

«Хорошо, и что из этого следует?» — спросил Иван озадаченно.

«Только то, что соль там расценивается на вес золота. Вот и все».

«Невозможно!»

Он не мог в это поверить. Но он вынужден был в это поверить, когда Раев перевел ему слово в слово, как сам миссионер отделался от своей обычной пищевой соли по ее весу в золоте.

«Изумительно! Замечательно! — бормотал Иван, и, неспособный сдержать волнение, он возобновил прохаживание по комнате. — Теперь предположим, только предположим, что мы привезем с собой сорок фунтов соли. Нет, скажем, только тридцать, привезти это весьма легко. Это означает, что тридцать... тридцать...» Слова застряли у него в горле[2228].

Той ночью они были счастливы, возможно, два единственно счастливых взрослых человека во всей пораженной войной Европе. За исключением своих физических тел, они были в Абиссинии, уже теперь вдыхая разреженный воздух плоскогорья, уже теперь спускаясь в знойные джунгли, пока куча слоновьих бивней вокруг них вырастала все выше и выше. Они продолжали читать, они делали заметки, они подсчитывали прибыль. В четыре часа Раев вытянулся на диване, хозяин снабдил его разношерстным ассортиментом ковриков и пальто, и несколько минут спустя он заснул.

Ему приснилось, что он управляет невероятно длинным автомобилем с сидящей рядом с ним женой. «Давай заедем в Ритц», — сказала она, и он завернул в густой лес, где располагались все лучшие отели. Швейцары вышли и низко поклонились. «Ваша комната готова, сэр», — сказали они хором. Только один швейцар ничего не говорил. Он стоял наполовину скрытый деревом и пристально смотрел на Раева огромными удивленными глазами. Он был очень маленьким, пигмей, и одет в платье девочки. Раев поманил его, но при этом жесте пигмей исчез, и густой лес внезапно превратился в холодную столовую с пустыми чайными чашками на столе и рассеянным утренним светом на мебели. «Должно быть, это одна из его девочек», — подумал он.

Иван вообще не спал той ночью; возбуждение прогнало сон.

ГЛАВА XXVII

Каншины[2229] не могли достичь согласия. Мадам Каншина пыталась убедить мужа пойти с нею. Он встретит там интересного человека, говорила она, путешественника и поэта; кроме того, он не был у Курчениновых уже две недели.

Но он так и не сдвинулся с места. У него было вдоволь таких бессмысленных разговоров о колонизации, сказал он. Все это напоминало детские забавы, а он не получал удовольствия от детских забав, когда в них играли взрослые люди.

«Ты мог бы пойти, чтобы просто составить мне компанию, — умоляла она. — Давай сходим, любимый».

Она обвила руку вокруг его шеи и попыталась поднять его. Он хотел уступить ей, но не смог преодолеть пассивного состояния своей мрачности.

«Нет, Танечка, — сказал он, высвобождаясь. — Ты иди, а я останусь».

«И просидишь так все это время, размышляя?»

«Да».

«Ну, тогда ладно, — и она отдернула руку. Они поженились только два года назад, недостаточно времени, чтобы привыкнуть к отсутствию отклика. — Тогда я собираюсь, до свидания».

«До свидания». Ему хотелось, чтобы она сказала что-то другое; одним словом больше было бы достаточно, чтобы вытащить его из апатии. Но она больше ничего не сказала. Он слышал ее шаги в холле, затем дверь захлопнулась. Тягостно вздохнув из-за собственного тяжелого характера, он взял книгу, которую начал читать. Книга, вся о России, была очень плохой, вульгарной по концепции, ложной по характеристикам и переполненной невообразимыми, дурацкими ошибками, касающимися России. Но именно из-за того, что она была настолько плоха, он получал удовольствие от ее чтения: она давала ему отдушину, чтобы выпустить наружу собственную мрачность.

К девяти часам гости, включая Глубского, собрались у Курчениновых. С раннего утра сильный огонь поддерживался в столовой, так что прием можно было провести там. В качестве прелюдии гости обменялись замечаниями об отвратительной погоде, воздушных налетах и дефиците еды. Глубский не принимал никакого участия в общей беседе: он сидел с каменным выражением лица, сосредоточенно исследуя кончик своей сигареты, так казалось либо потому, что он о чем-то размышлял, либо потому, что у него было косоглазие.

«Ладно, господа, — сказал Иван, когда должное уважение было отдано актуальным предметам. — Вы все знаете цель нашей сегодняшней встречи. Положение таково», — и, повернувшись к Глубскому, он кратко изложил историю их планов колонизации.

«Гм», — сказал Глубский, по-видимому, чтобы показать, что он их принял.

«А теперь, — продолжил Иван, — поскольку Вы побывали в тропиках, не будете ли Вы столь любезны, чтобы рассказать нам, что Вы думаете о наших планах».

Глубский бросил окурок в огонь и посмотрел еще более косо.

«Я думаю, самое лучшее, что вы можете сделать, это отправиться в Абиссинию», — сказал он.

Иван охватил собрание взглядом, который, казалось, говорил: «Разве я не говорил вам, что это будет захватывающе?» — и он снова обратился к Глубскому.

«Предположим, мы поедем в Абиссинию, чем мы сможем там заниматься?»

«Чем угодно, — был лаконичный ответ. — Кофе. Кожа. Хлопок».

«Сахарный тростник», — предположил Раев.

«Вряд ли». Его слова были остры, как бритва. Раев собрался резко возразить, сказав, что французский миссионер упоминал об обширных плантациях сахарного тростника, но подмигивание от Ивана остановило его.

«А каковы ваши общие впечатления об Абиссинии? — спросил хозяин. — Какого типа эта страна? Как отдельные люди там живут?»

Глубский ответил сухим, как бы деловым тоном, ни разу не отказавшись от каменного выражения лица. Абиссиния была прекрасной страной.

Огромное разнообразие флоры и фауны. Роскошная погода круглый год. За исключением двух недель дождя зимой.

«А какие-либо водопады?» — вклинился в разговор Остинов.

«Множество. — Вопрос, казалось, удивил даже Глубского. — Почему?»

«Белый уголь».

«Оо».

Дороги в Абиссинии были отвратительными; или, точнее, не было никаких дорог: каждый просто тяжело продвигался в желательном направлении. Верхом, переходя вброд реки или переплывая через них.

«А те, кто не умеет плавать?» — спросил Иван. Он сам не умел.

Оказалось, что это не имело значения: всегда есть лошадь, которая умеет плавать, а вы должны только быстро ухватиться за ее хвост, а она перетащит вас через реку. Мадам Курченинова вообразила себе Шуру посредине горного потока, хватающуюся за хвост фыркающего коня и кричащую: «Пожалуйста, лошадка, не так быстро». Она наклонилась к мадам Каншиной и пошепталась с ней. Они начали хихикать, но сразу же остановились от порицающего взгляда Ивана.

«Что относительно работы? — спросил Ланн. — Я подразумеваю, что кто-нибудь нанимает работников для плантаций?»

Но оказалось, что в Абиссинии отсутствовала какая-либо работа, только рабы, которых дарили вожди. Все должно было осуществляться через вождей племен: вы подкупали их, и они организовывали то, что вы хотели.

Жизнь там проста, патриархальна. Если человек украл, они отрезали ему правую руку; если он не понравился вождям, ему также отрезали правую руку. Люди спокойны, никаких бунтов, никаких революций, только случайные убийства. Вообще-то, превосходная страна, самая подходящая для русских.

Глубский закончил и закурил другую сигарету. В течение некоторого времени все молчали. Очарование Эфиопией удерживало их от произнесения малейшего звука.

«Это самое интересное, — сказал Иван. — Большое спасибо за ваше поучительное сообщение. Не будете ли вы теперь столь любезны, чтобы показать нам, какие части страны вы посетили? … Господин Раев, карту, пожалуйста. Большую, вы знаете».

Глубский показал свой маршрут. «Вот здесь, — сказал он, указывая на небольшое голубое пятнышко, — это Озеро Спящих Бериллов. Удивительно голубое. Чистый сапфир. И еще здесь — Река Очарованной Антилопы»[2230].

Краснов посмотрел на карту поближе.

«Я вижу, что она называется *Нга*, — заметил он недоверчиво. — Звучит значительно короче, чтобы передать все это».

«Должно быть, ошибка, — сказал Глубский невозмутимо. — Я знаю название хорошо, потому что однажды написал стихотворение об этой реке. Кроме того, я там заблудился. Пробродил четыре дня по джунглям».

«Как это случилось?» — спросил Ланн с любопытством.

«О, я просто вышел прогуляться и потерял свою дорогу».

«И где вы спали?»

«Где придется. На деревьях; в пещере».

Весь день Иван напоминал сам себе, не забыть спросить у Глубского о соли и золоте, и для этого он завязал узелок на носовом платке. Теперь он перебирал пальцами узелок в кармане, отчаянно пытаясь вспомнить, к чему он относится. Краснов закурил в тишине и бросал подозрительные

взгляды на Глубского. Раев и Остинов бомбардировали его вопросами, на которые он отвечал короткими и точными предложениями. Женщины слушали некоторое время, а затем пошли в столовую, чтобы приготовить ужин и поговорить о вещах, которые для них были ближе и важнее, чем Африка.

«Ах, как хорошо, — сказал Иван, когда ужин был объявлен. — Господа, давайте временно приостановим нашу конференцию и подкрепим наши истощенные тела. Господин Глубский, пожалуйста».

Обеденный стол имел праздничный вид. Он был уставлен традиционными российскими рукотворными лакомствами, которые Иван откопал в еврейских магазинчиках Сохо. Там были соленые корнишоны; соленая сельдь; копченый сиг, единственная рыба, которая может конкурировать с осетром; мелкие маринованные грибы. Бутылка водки, с Имперским двухголовым орлом на этикетке, стояла в центре. «О, о!» — открыли рты от удивления гости, каждый с различной нотой, но с одной и той же интонацией.

Иван был счастлив. Это было почти так же, как когда-то в Надейке.

«Небольшой бокал водки вначале, — сказал он. — Согласно священной традиции. Ваше здоровье, господа, и за успех нашего предприятия. А теперь мы можем взяться за сига. Я очень его рекомендую, лучшего и в Москве вы не могли бы достать. Посмотрите на него, нежный, как щека ребенка. А как вы находите вкус? Превосходнейший, не правда ли? Ну что, берите что-либо еще. И не пренебрегайте никакими грибками».

Внезапно выражение испуга появилось в его глазах.

«Нет, нет, господин Ланн, вы не можете так поступить! — вскрикнул он, заметив, что Ланн собрался взять сосиску. — Никаких сосисок, пока вы не примите еще один бокал водки! Это против правил. Ваш бокал, пожалуйста. Вот так лучше. Ваше здоровье».

Он поднял свой бокал и исследовал его прозрачное содержимое.

«Да, это настоящий напиток, — сказал он с удовлетворением. — Бренди, ликеры и тому подобное не плохи, я не говорю, что они плохи. Но они чужестранцы, в самом деле, тогда как водка ваш закадычный друг. Вы знаете, что можете всегда положиться на нее... Капитан, я вижу, ваша тарелка пуста. Теперь мы не можем себе это позволить. Маша, вы заботитесь о господине Глубском?»

Мадам Курченинова взяла тарелку с сэндвичами и предложила Глубскому. Углы ее рта подергивались от едва сдерживаемого смеха, потому что, взглянув на него, она вдруг представила себе его в Абиссинском праздничном облачении: набедренная повязка, металлические браслеты и ужасающий меч.

«Благодарю вас, — сказал Глубский и, не глядя на тарелку, взял три сэндвича сразу. — Могу я передать вам что-либо?»

«Нет, спасибо. Вы… — она предприняла сверхчеловеческое усилие, чтобы с трудом подавить смех. — Вам нравится Лондон?»

Он поднял брови, что еще более удлинило его лицо и сделало его похожим на лошадь.

«Лондон? — эхом откликнулся он. — Как может кому-то нравиться Лондон? Что *такое* Лондон?»

«Я думаю, что Лондон очень интересный город, — сказала она. — Вы найдете все стили и все эпохи перемешанными в нем».

«Возможно, вы правы, — сказал он, выражая всем своим тоном, что это не имеет никакого значения, и в машинальной, небрежной манере он откусил кусочек сэндвича. — Вы бывали в его подземных переходах?» Он направил на нее бесстрастный взгляд сомнения.

«Вы подразумеваете подземку? — спросила она в замешательстве. — Да, бывала. Но к чему это?»

«Потому что они объясняют Лондон».

Глядя прямо перед собой, он свел глаза, как будто пытаясь отчетливо представить себе город.

«Триумф мертвой материи. Кубы камней, — однородных, немых, серых. Металлические сферы — вращающиеся на мертвом асфальте. Мертвые лица — белые круги — вращающиеся вдоль тротуара; один и тот же облик, помноженный на миллион. И кольца коридоров под землей. Люди закапывают сами себя, люди становятся муравьями. Вы любите муравейники?»

Она не знала, что ответить, или надо ли вообще отвечать.

«Я не люблю, — он продолжил, не дожидаясь ее ответа. — Слишком защищено, слишком безопасно. Сплошная геометрия и арифметика. Никакой свободной воли, никакого духа. Жизнь забита мертвой материей, остается только бесконечность. Именно поэтому они не думают о смерти: они перестали жить. Они перестали жить для того, чтобы не думать о смерти. Вы меня понимаете?»

«Да, вполне», — сказала она неуверенно.

Ее желание смеяться прошло, поскольку теперь она видела его таким, каков он был, отдельно от его внешнего вида. Его странные стихи, его неестественная речь, его лошадиное лицо, его рассеянная манера класть сэндвичи в рот, не удосужившись даже взглянуть на них, — все, что не выражало человека за пределами его внешнего вида, не имело отношения к его сущности. А его сущность, призналась она себе с удивлением, была такой же, как и у нее: погруженность в самодостаточные — можно сказать в посторонние — мысли и образы. Полная погруженность, не частичная, как в ее случае: он вообще не замечал того, что его окружало. Вероятно, также было, когда он на войне заработал два своих креста: он, наверное, думал тогда о червячках или о чем-нибудь в этом роде, когда повел своих людей против австрийской линии обороны[2231]. И поскольку она поняла это, он перестал быть забавным для нее. Настроившись на его образ мышления, она спросила:

«Как вы думаете, в какой точке цивилизация начинает мешать духовной жизни?»

Но в этот момент Иван подал ей знак, чтобы они были готовы к чаю. Она должна была встать и принести металлический чайник из кухни, а к тому времени, когда она закончила свои дела, Глубский был занят беседой с Ланном: выяснилось, что они оба служили в одной и той же дивизии.

ГЛАВА XXVIII

Ужин закончился, они прошли в гостиную и возобновили свой деловой разговор.

«Предположим, господин Глубский, — начал Иван, — мы решим испытать удачу в Абиссинии. Могли бы вы в таком случае присоединиться к нам? Вы знаете местные условия, и это могло бы оказать нам большую услугу. Конечно, я спрашиваю вас только в принципе, ваш ответ не будет никак вас связывать».

Взгляд Глубского застыл на пепельнице, и он посмотрел искоса.

«Я мог бы, — выдавил он из себя, и после короткой паузы: — Да, я мог бы», — повторил он более решительно.

«О, замечательно! Это ставит наше предприятие на более твердую основу. Давайте теперь посмотрим, как каждый может добраться до Абиссинии. Где карта?..»

В десять часов Глубский поднялся и объявил, что он должен нанести срочный визит. В его голосе прозвучала нотка принятого решения, что делало любые возражения бесполезными, и Иван позволил ему уйти после получения от него обещания снова нанести визит.

«Ну а теперь что вы думаете об этом? — спросил он после того, как увидел, что Глубского больше нет. — Это выглядит привлекательно, особенно если он поедет с нами. Он, кажется, основательно знает страну. Все, что он сказал, совершенно не противоречит и совпадает с нашими книгами».

«Неудивительно», — пробормотал Краснов.

«Ну почему вы так говорите? — спросил Иван, который все время чувствовал неприязненное отношение Краснова к их почетному гостю. — Что было ошибочного в его утверждениях?»

«Только то, что ваш приятель не хотел скомпрометировать себя. Да и нет, это все, что он сказал. Я мог бы рассказать вам столько же о Патагонии. А что касается его географии, это самое подозрительное. Представьте себе хороших негров, называющих свои озера всеми этими глупыми именами, как Озеро Спящей Антилопы. Или это была Храпящая Антилопа? Нет, он лжец, говорю я вам. С самого начала я не возлюбил его косой взгляд».

«Но, капитан, ведь на самом деле его косоглазие не имеет никакого отношения к сущности вопроса, — возразил Иван. — И у вас, во всяком случае, нет никакого резона называть его лжецом».

«Совершенно никакого», — поддержал его Раев.

«Я не могу вам это доказать, — признал Краснов. — Но я не доверяю этому парню, и вы бы лучше меньше доверяли ему».

«Но почему, почему?»

Последовала дискуссия, разгоряченная и бессвязная. Постепенно каждый утомился от повторения одних и тех же аргументов снова и снова.

«В конце концов, не имеет значения, был ли он лжецом или нет, — заключил Иван. — Если он лгун, то мы бросим его там и позволим ему выпутываться из этого так, как он сможет. Вопрос ведь состоит в следующем: отправляемся ли мы в Абиссинию или в Австралию? Капитан, каково ваше мнение? Только в принципе».

«Я за Абиссинию, только без этого пустозвона».

«Хорошо. А вы, мистер Раймонд?»

«Я поддерживаю капитана». Это были первые слова, которые он произнес той ночью.

Остальные были тоже за Абиссинию.

«Великолепно, — сказал Иван. — Наконец-то мы достигли единодушия. Теперь давайте составим план нашей кампании. Я пойду во Французское Консульство, чтобы узнать о проезде через Джибути. Вы, господин Раев... Ну, Маша, это же просто невозможно. Мы говорим о делах».

В течение некоторого времени мадам Курченинова пыталась подавить смех, но теперь он вырвался наружу. Пряча лицо руками, она сотрясалась в беспомощных спазмах. Таня Каншина была столь же безнадежна; слезы от смеха текли по ее щекам. Гости наблюдали за ними с изумленными улыбками.

Иван открыл рот для укоряющего замечания, но, к собственному удивлению, также улыбнулся.

«В чем дело? Почему вы обе смеетесь?» — спросил он.

«О, это так глупо! — стонала мадам Курченинова, и новый приступ смеха завладел ею. — Спросите ее», — и она указала на Таню.

«Это все Павлик, — сказала Таня сквозь слезы, — но вы ничего не поймете».

«Расскажите нам все равно. Что за Павлик? — настаивал Иван. — Во всяком случае, кто он?»

«Российский мальчик, которого я обучала Священному писанию. Я рассказала ему на днях о Каине и Авеле. Он выслушал все, а затем спросил меня, видите ли, совершенно серьезно: “А кем была эта Каин, была ли она леди или уличной девчонкой?”»

«О, не могу!» — всхлипнула мадам Курченинова и выскочила из комнаты. Таня последовала за нею, прижимая носовой платок к глазам. Иван проследил за ними взглядом и пожал плечами.

«Женщины безнадежны», — сказал он и продолжил разговор о своих намерениях на завтрашний день.

Спустя пару часов был воздушный налет, с бóльшим, чем обычно, расходом снарядов. Вава проснулась и начала плакать, так что Катя вынуждена была взять ее в свою кровать и плотно прижать к себе. Ваня танцевал перед окном, дрожа от холода, и наблюдал игру прожекторов на небе; он клялся, что видел немецкую машину, сбитую как раз позади их дома. Наташа зарыла свою голову в подушку; она зажимала уши до тех пор, пока они не заболели, и молила Господа, чтобы Он смог сберечь ее в этот раз, только в этот раз, потому что с этого момента она будет хорошей, хорошей всегда. Шура никогда не просыпалась.

Для Ивана налет означал бессонницу. Он бросился сердито на кровать и проклинал англичан за их неспособность защитить свою столицу. Краснов разделил компанию искусственно накрашенной леди, с которой только что познакомился около площади Пиккадилли-Серкус; не стоит много говорить об их поведении во время налета. Каншины уже собрались заснуть, когда дверь их спальни распахнулась от взрыва, и Дженни, их прислуга, ворвалась в нее: «О, госпожа, снова началось! — кричала она. — Можно я останусь здесь, пожалуйста?» Мадам попросила ее зажечь газовый камин и съесть апельсин, который лежал на каминной полке. «Ах, все ближе, — сказал Каншин со злым удовлетворением, когда бомба прогремела совсем близко. — Хотел бы я, чтобы какой-либо идиот поразил нас». Но его желание осталось неосуществленным.

Глубский завершил свое срочное дело и следовал зигзагообразным курсом в направлении своего пансиона, когда воздух сотрясся от взрыва и люди поспешно побежали в убежище. «Муравьи!» — думал он с непередаваемым презрением. Он остановился, поднял свою удлиненную голову и предался созерцанию белесых лучей, которые бродили по облакам. *«Пальцы вечности, ласкающее небо»*, — проговорил он вслух нараспев, с восходящей модуляцией на каждом слове. Это было хорошим началом для стихотворения, и он продолжил сочинение. Взрывы приблизились, короткие красные вспышки можно было наблюдать вверху, металлический

град теперь снова и снова потрескивал на тротуаре. Полицейский подбежал к Глубскому и, потрогав его за плечо, сказал что-то на диалекте муравейника. «Уходите!» — ответил Глубский по-русски. Он ощутил себя раздосадованным, оскорбленным: вульгарное прикосновение заставило его потерять звучное окончание, которое он только что ощутил на кончике своего чувствительного языка. Полицейский ушел. Глубский остался стоять под фонарным столбом; он не двигался до тех пор, пока стихотворение не было закончено.

ГЛАВА XXIX

На следующей встрече Глубский не появился, как и Краснов, и Раймонд. «Странно, очень странно», — бормотал Иван. Была назначена следующая встреча, были написаны письма, однако снова это же трио не обнаружилось. Записка от Краснова сообщила им, что он не смог приехать, поскольку был очень занят. Что за дела вдруг у него возникли, удивлялся Иван. Он заподозрил, что что-то пошло не так, но что именно он даже не мог предположить, и почувствовал раздражение.

Все усугубилось еще и тем, что он потерял адрес Глубского. Он записал его на обрывке бумаги, который, это он отчетливо помнил, положил на стол в холле. Конечно, это дети его куда-то подевали. Они были удивительно умны в разрушении: чем важнее был предмет, тем быстрее он исчезал.

Первым, кто посмотрел фактам в лицо и оценил ситуацию, был Остинов.

«Они вышли из дела, — сказал он. — Тем хуже для них. Мы управимся и без них».

Иван окинул взглядом сократившуюся партию. Теперь их оставалось только четверо.

«Итак, что мы будем делать?» — спросил он неопределенно.

«Продолжать, конечно, — решительно сказал Остинов. — В первую очередь все наши паспорта. Вы позвоните завтра в Министерство внутренних дел, не так ли?»

«Да, конечно», — сказал Иван без энтузиазма.

«Мы могли бы поинтересоваться, может, некоторые из Австралийцев присоединятся к нам, — предложил Ланн. — Может, один или двое, чтобы увеличить наше число».

Но его предложение было отвергнуто. Они были безнадежны, эти Австралийцы, и лучше держаться от них подальше.

«Между прочим, чем они занимаются?» — поинтересовался Иван.

Раев сообщил: он продолжал поддерживать контакт с австралийской группой. Предприятие было на последней стадии полного распада. Списки еще сохранялись, и случайные встречи созывались, но у них не было лидера, и каждая встреча ничем не завершалась.

«Ничего удивительного, — сказал Иван со смешком, — *Quern deus vult perdere prius dementat*»[2232].

«Совершенно верно», — сказал Раев. Он ни слова не знал по-латыни.

ГЛАВА XXX

Комитет закрылся 1-го мая[2233]. Эмигранты потеряли свою Штаб-квартиру, а австралийская схема была на последнем издыхании.

Число партнеров для Абиссинии уменьшилось теперь до трех, Раев получил работу в банке. Он получил ее через Ивана, того самого Ивана, который еще ничего не организовал для себя и своих детей. Раев поклялся, что его работа не отдалит его от Абиссинии; он все еще был с ними «душой и телом», как он выразился. Но подозрительно было то, что он перестал посещать Ивана, и циркулировали слухи, что он надсмехался над Абиссинской схемой и руководством Ивана.

«Он свинья, — сказал Иван жене. — Это же была на самом деле его идея, эта Абиссиния; это он представил мне Глубского. И не только это, ведь он лестью выманил у меня обещание одолжить ему сто фунтов на путешествие. Неблагодарная свинья!»

«Тебе не следует слушать, что болтают люди, — философски заметила жена. — Это могут быть просто сплетни».

«Тогда почему он не заходит к нам? Нет, я уверяю тебя, его совесть не чиста».

«Каншин тоже заходит не часто».

«Это другое дело. Каншин совершенно англизировался и пренебрегает всем русским. Я уверен, он вскоре об этом пожалеет, но, во всяком случае, он честен в этом, не так, как этот... подлец».

Все требуемые шаги для поездки в Африку были выполнены, и не оставалось ничего другого, как ждать. И здесь Судьба решила посмеяться на их счет. В середине мая — невероятная скорость для официального решения — французы выслали им транзитную визу для Джибути. «Ах, они деловые люди, эти французы, — сказал Иван. — С англичанами это потребовало бы месяцы и месяцы». Но он должен был отказаться от этих слов, так как на следующий день пришло письмо из Министерства внутренних дел, разрешающее их партии попасть в Египет. Было созвано чрезвычайное заседание.

«Теперь мы точно можем начать приготовления, — сказал занимавшийся подготовкой Остинов, взъерошив свои волосы. — Первым делом, составим список того, что нам нужно».

Он взял карандаш и оторвал клочок от проспекта газовой компании.

«Номер один: Палатки. О, нет, стоп! Зачем тратить деньги на то, что мы можем сделать сами? Вы слышали о дерновых хижинах?»

С помощью карандаша он объяснил, что это означает. Вы находите четыре прямых молодых деревца, растущих близко друг к другу, забираетесь на одно из них, сгибаете вершину и привязываете ее к другой вершине, растущей напротив. Затем повторяете эту процедуру со второй парой деревьев. Таким образом, вы получаете две наклонных плоскости, сформированных стволами. К этим плоскостям вы прибиваете несколько горизонтальных планок, после чего вырезаете большие куски дерна, укладываете их на планки — травой внутрь, имейте в виду! — хижина готова. Вы разворачиваете свой спальный мешок, влезаете в него и не отказываете себе в удовольствии заглянуть в будущее.

«Это на самом деле просто», — сказал Ланн. Он достал свою записную книжку и записал: «Спальные мешки».

Иван взглянул на это скептически.

«Это может быть и хорошо для одного человека, — заметил он, — но вряд ли подойдет для такой семьи, как у меня».

«Почему нет? — возразил Остинов. — Вы сделаете большую хижину, вот и все».

«Нет, боюсь, я с этим не справлюсь. Мы должны заиметь обычный дом. Я молюсь только о том, чтобы он там был дешевле, чем здесь».

Затем они обсудили переезд. Из-за субмарин в Средиземноморье только несколько грузовых судов плыли в Египет, об их отплытии объявляли только за несколько часов, и они были мало пригодны для пассажиров. Самая низкая стоимость проезда составляла 28 фунтов с человека, намного больше, чем они ожидали.

«Ох! — сказал Ланн. — Это прикончит меня. У меня осталось только 80 фунтов на все про все».

Иван посмотрел на него, затем на Остинова.

«Послушайте, капитан, — сказал он последнему. — Так как наша компания слишком мала, чтобы выдержать дальнейшее уменьшение, как насчет того, чтобы помочь господину Ланну? Совместно, знаете ли, вы и я, дадим по половине. Когда-то он вернет нам долг».

Остинов неуклюже пошевелился на своем месте и почесал голову. Идея, пробормотал он, может быть рассмотрена; возможно, позже, как позволят обстоятельства... Иван принял эти высказывания как согласие.

«Спасибо, капитан, — сказал он с чувством, схватив руку Остинова и тряся ее. — Это и есть верный дух товарищества. Если мы будем держаться вместе, как мы это делаем, мы все преодолеем».

Он был тронут, Ланн был тронут, и сломленный Остинов тоже был тронут, хотя он не имел никакого намерения расставаться со своими деньгами. Их эмоция была совершенно искренней, и все же каждый из них чувствовал, что, делая то, что он делает, он сыграл только часть пьесы, написанной для него неким неизвестным автором.

ГЛАВА XXXI

Несколько дней спустя Иван поехал в Сити, чтобы перевести другую часть своего вклада на текущий счет. Он не смог осуществить это, так как по пути встретил мисс Малтин.

«Доброе утро, мадам. Как ваш драгоценный муж?» — обратился он к ней шутливо.

После этого мисс Малтин разрыдалась. Он отвел ее под арочный проход, подальше от зевак, и там она облегчила душу своей печальной историей.

Эту леди, из-за какой-то глупой паспортной формальности, Министерство внутренних дел намеревалось выслать из страны. Единственный способ остаться в Англии состоял для нее в том, чтобы приобрести британское подданство, а этого можно было добиться, только бракосочетанием с англичанином, любым англичанином. Она обратилась к Ивану. Ему не понравилась эта идея, но он не устоял перед ее слезами и, после докучливого поиска, обнаружил некоего Джона Картера, 159, Каледониан Роуд, N.I., старика неопределенной профессии, который за тридцать фунтов — наличными, без скидки — был готов подарить свое имя леди, а также подписать соглашение, подтверждающее, что он отказывается от любых супружеских прав. Брак был должным образом заключен, Министерство внутренних дел прекратило донимать госпожу Картер, и все шло хорошо до того дня, когда старик, нашедший средства, чтобы разузнать адрес своей жены, появился в пансионе, где она проживала. В руках он держал не вполне чистый сверток. Это была его внучка, объяснил он, бедная сирота, крещеная Агнес, двенадцати месяцев от роду; сам он не знал, что делать с ребенком, поэтому, естественно, он подумал о своей законной жене. Беседа происходила в холле пансиона в присутствии домовладелицы. Когда две женщины пришли в чувство, мистер Картер ушел, и белый сверток остался лежать, извиваясь и пронзительно крича, на столе холла.

Домовладелица сразу же уведомила мисс Малтин: такие вещи, сказала она, недопустимы в таком первоклассном учреждении, как у нее. Ребенок оказался самым отталкивающим субъектом, он завывал день и ночь и был покрыт уродливыми пятнами. Бедная мисс Малтин была в отчаянии и не знала, что делать. «Пожалуйста, помогите мне, господин Курченинов!» — умоляла она и заламывала руки.

Он все проклял. Он проклинал себя, глупую женщину и Министерство внутренних дел — мысленно, конечно, поскольку он был джентльменом. Вслух он произнес неискренние слова утешения, дал мисс Малтин свой носовой платок — она потеряла собственный — и повел ее к адвокату, которого знал.

Адвокат нерешительно тряхнул головой. Он выразил опасение, что мисс — госпожа — Картер была слишком опрометчива в совершенных действиях. Брак был браком, и никакое дополнительное соглашение не могло сделать его утратившим законную силу; в сущности, лучше бы ей не упоминать о вышесказанном соглашении другим лицам. Да, конечно, она не знала всех правил, но все равно ее жаль, очень жаль. Теперь переходим к вопросу о ребенке. Был ли он действительно внучкой господина Картера? Он вдовец, не так ли? О! Так что возможно, что он имел внучку? или даже несколько? Гм. В этом случае... хорошо, трудно сказать, была ли экспромтом возникшая ситуация; он должен обратиться к закону. Если, однако, ребенок не был внучкой Картера, тогда его действие было мошенничеством, и могут быть найдены средства, чтобы обезопаситься от него в будущем. Он, адвокат, самое лучшее, что может сделать, это разобраться с фактической стороной дела, и он просил бы мисс — госпожу — Картер зайти к нему в пятницу в 11 часов утра.

Беседа обессилила бедную госпожу Картер до такой степени, что Иван вынужден был проводить ее до дома. Там ему пришлось выслушать еще больше воплей и осмотреть самого ребенка, действительно, отталкивающее зрелище. Когда мисс Малтин наконец-то позволила ему уйти, было слишком поздно для банка, и ему ничего не оставалось, как вернуться домой.

На углу Оксфорд-Стрит и Тоттнем-Корт-Роуд Судьба подготовила ему другой, еще более неприятный удар. Как только он вошел на станцию подземки, он увидел Краснова, шедшего несколькими ярдами впереди него. Он ускорил шаг и тронул Краснова за рукав.

«Привет! — вскрикнул он радостно. — Наконец-то я поймал вас. Где вы были все это время?»

«Я так сожалею, я не мог заехать, я был занят, очень занят», — сказал Краснов. Его поведение было определенно беспокойным, и подозрения Ивана возродились.

«Мы даже начали подумывать, — сказал он, пристально наблюдая за выражением лица Краснова, — что вы и Раймонд покинули нас».

«Ха-ха, что за чушь! — сказал Краснов с натужным смехом. — Кто вам это сказал?»

«Никто, мы только так подумали. Так что, вы все еще с нами?»

«Конечно да! На днях мы навестим вас и все обсудим».

«Да, заходите. Приходите к ужину. Нет надобности извещать заранее, у нас всегда есть, что перекусить. Знаете ли, мы заметно продвинулись с Абиссинией». Он говорил быстрее, чем привык, из-за чувства, что какая-то тайна скрыта за тем, что озадачивало и раздражало его. «Приходите сегодня вечером, у меня есть копченый лосось, очень хороший лосось... О, а это что?» — вскрикнул он в изумлении.

Восклицание относилось к странно выглядящему круглому предмету, завернутому в бумагу, который Краснов держал позади спины и который, поскольку он переместил свою руку, стал видимым. В одном месте бумага прорвалась, и показался пробковый край тропического шлема.

«Тропический шлем!» — воскликнул Иван, широко открыв глаза. «И так, вы, в конце концов, собираетесь! Вас трое?»

Скрывать больше было невозможно, и Краснов поведал свою историю. Как оказалось, у Раймонда были родственники в Британском Адмиралтействе, через которых он получил специальный пропуск для себя и Краснова, чтобы плыть в Порт-Саид на одном из транспортных судов. Они должны были отчалить через два дня.

«Я не мог сказать Вам прежде, — добавил он извиняющимся тоном, — потому что это в самом деле противоречит правилам, и мы обещали держать рты на замке. Кроме того, они не взяли бы вас в любом случае. Вы понимаете мое положение, ведь так?»

«Конечно, понимаю! Я рад за вас, капитан, это, должно быть, радостно чувствовать, что вы уже на пути. Но что вы знаете о Глубском? Разве он не едет с вами?»

«Конечно, нет! — сказал Краснов, усмехаясь, и нервный тик начал дергать его веки. — Мы бы не взяли его ни за какие деньги. Отвратительный пустозвон!»

«Я все же думаю, что вы несправедливы к нему, — сказал Иван. — Однако это ваше дело, не мое».

Он затих на мгновение. Первая альтруистическая радость ушла, и он выглядел печальным. Краснов ощутил себя виноватым перед ним.

«Вот что я вам скажу, — сказал он. — Забудьте об Абиссинии на время. Дайте нам добраться туда, мы осмотримся и напишем вам, с чем мы там столкнемся. У вас большая семья; вы не можете идти на риск. Поэтому не надо спешить, подождите».

«Ждать! — эхом отозвался Иван печально. — Я устал от ожидания. Но, возможно, вы и правы. Только вы скоро напишете?»

«Сразу же, я обещаю. А теперь, — он посмотрел на станционные часы, — извините меня, но я должен мчаться. Мы заказали винтовки и должны получить их сегодня. До свидания и много-много благодарностей за ваше гостеприимство».

Они обменялись рукопожатием.

«Удачи вам! — сказал Иван тепло. — И не забывайте о своем обещании».

«Я не забуду. До свидания».

Краснов прошел несколько ярдов, когда он услышал, что его зовут по имени. Он обернулся. Иван все еще стоял при входе в станцию подземки.

«Какие — винтовки — вы — получили?» — кричал Иван, делая руками рупор.

«Маузер!» — прокричал Краснов, непреднамеренно используя тот же способ рупора. Он помахал рукой еще раз и пошел свои путем, смешанное выражение неловкости и дружелюбия задержалось на его измученном, изношенном войной лице.

ГЛАВА XXXII

У Ивана теперь не было вообще никакой работы. Он взялся за рисование — для любителя он был достаточно силен в этом. Но как можно получить вдохновение, когда мрак господствует в душе, ледяные сквозняки смахивают этюд и бесконечные капли дождя барабанят в окне, в то время как наверху пятеро непослушных детей топчутся весь долгий день? Кроме того, знающие люди говорят, что война убила любой спрос на искусство, и художники радуются быть призванными, чтобы избежать голода. Иван выбросил картонные листы в огонь, чтобы пожалеть об этом на следующий день, когда он услышал, что Военное министерство затребовало эскизы для Союзнической пропаганды в Сибири. «Это как раз для меня», — сказал он и пошел в Военное министерство. Он возвратился, негодуя.

«Идиоты! Они показали мне одну из своих композиций. Три Томми с печальными лицами едят вишни перед сонной коровой. “Что означает эта головоломка?” — спросил я. Тогда небольшой израильтянин с носом, имеющим форму хобота, вышел вперед. “Это не головоломка, — сказал он, — это пропаганда для российского мужика. Можете ли вы сделать что-либо в этом роде?” “Нет, — сказал я, — я не могу, и, более того, я не буду”. И я ушел... Неудивительно, что они не могут побить Германию».

Эмигрантские встречи подошли к концу. «И к лучшему», — сказал Иван неискренне. «Мы в самом деле не могли позволить себе кормить всех их». Как можно более строгая экономия требовалась теперь в домашнем хозяйстве, и все же расходы не уменьшались. Мисс Джексон приходила только во второй половине дня почитать с детьми и вывести их на прогулку. Накопившееся напряжение последних месяцев начало сказываться на мадам Курчениновой. Она выглядела бледной, усталость нарастала все быстрее и — то, что никогда не случалась прежде, — ее лицо иногда становилось равнодушным.

Уборщица была занята помощью в доме, но, поскольку она проводила большую часть времени рассказывая жуткие истории о жестокости ее Берта и других мужчин, которых она знала, ее помощь мало что значила. Дети радовались больше, чем прежде, поскольку они теперь говорили по-английски достаточно бегло и у них было много друзей. Ваня весь день играл в близлежащих Королевских Садах в Краснокожих Индейцев, доводя свои наколенники до жалкого состояния и изнашивая пару ботинок в месяц. Старшие девочки видели, что отец и мать озабочены, и испытывали жалость к ним всякий раз, когда они думали об этом, что случалось не часто. Что касается самых младших, они были все еще в той невинной стадии, когда простое отсутствие слез означает, что все хорошо.

К концу июня силы мадам Курчениновой израсходовались, и все они вынуждены были переместиться в пансион. Он находился в центре города, на узкой, мрачной улице; комнаты были на четвертом этаже, мебель была потертой, а пища отвратительной, даже для военного времени, но все это надо было переносить из-за экономии.

Абиссинские пионеры прислали открытку из Джибути, рассказавшую о том, что переход был ужасно дорогим и чрезвычайно неудобным. Иван

теперь рассматривал Сибирь и Францию. Это Федя звал его во Францию. Сам Федя еще не закрепил за собой высокий пост, на который рассчитывал, но не спешил: он не имел ничего против отдыха в Париже, где леди были приветливыми, а рестораны хорошими. В Сибири Ивану предлагали работу с Кооперативами. Предложение было привлекательным, но тогда Гражданская война все еще бушевала там, и в любой момент Сибирь могла быть наводнена большевиками.

В июле Федя написал отчаянное письмо, объявляющее о полном крахе его планов. Он собирался эмигрировать в Америку с теми деньгами, какие у него остались, и с дикой ненавистью к лживым французам. Иван начал подумывать об Америке. Деньги истощались с пугающей скоростью, цены взлетали, война обещала растянуться на годы. Он выглядел худым и страдал от расстройства желудка и бессонницы.

ГЛАВА XXXIII

Был душный полдень в августе. Иван поднялся в спальню, чтобы не видеть других квартирантов, и тяжело опустился в кресло, которое не имело ручек.

«Какая неприятная жара! — сказал он. — Как оранжерея. И место расположено дальше, чем я думал. Занимает три часа, чтобы добраться туда».

Он только что вернулся из поездки в римско-католический монастырь около Маргита, где, как ему сказали, бесплатно обучали детей, из любви к Богу.

«И что ты разузнал? — спросила его жена, которая была занята, разбирая чистое белье в комоде. — У них действительно все бесплатно?»

«Достаточно странно, все не совсем так. Я говорил с их матерью настоятельницей, очень красивой старой леди, и она сказала, что могла бы взять двух наших девочек. Но что касается религии, она была расплывчата. Она сказала, что они не будут принуждать девочек становиться католичками, но если бы девочки сами это выбрали для собственной пользы, то они будут новообращенными. И я знаю, что это означает. Они, возможно, фактически не принуждают девочек, но конечно они будут использовать убеждение и все виды влияния, что в конце концов приведет к тому же. Я сказал, что не могу решить без тебя, и попросил несколько дней, чтобы все обдумать. Что ты на это скажешь?»

Она выпрямлялась, белье все еще было у нее в руках, и она пристально, не двигаясь, смотрела на него. Затем она вздохнула.

«Хорошо, Иван, — сказала она тихим голосом. — Если ты думаешь, что мы должны это сделать…» — она не закончила предложение.

«Я сам не знаю, что придумать», — сказал он.

Она повернулась в его сторону и увидела, что он тоже смотрит на нее. Больше не было никакого обмена словами, но оба поняли, что вопрос улажен. Один из них был совсем не религиозен, другой — очень мало, но менять веру для земных удобств....

Колокольчик послышался снизу.

«Чай, — сказала мадам Курченинова, закрывая ящик. — Пойдем вниз».

«Хорошо. Я только вымою руки».

Она спустилась вниз первой. Дети были уже за столом, ссорясь; при ее входе они все начали говорить одновременно:

«Мама, Вава хотела взять мою булочку».

«Нет, мама, я не делала этого!»

«Она только сказала Кате…».

«О, ты лгунья, Наташа!»

«Хорошо, хорошо, а сейчас успокойтесь, — сказала мадам Курченинова. — Через минуту придет отец, он очень устал сегодня. Допивайте ваш чай. Те, кто закончил, могут пойти в сад за домом».

«Да, мама», — и четыре носа исчезли в четырех чашках.

Чуть позже спустился Иван. Он занял свое место, попробовал чай и состроил гримасу.

«Слишком мало сахара?» — спросила она.

«Да нет, не в этом дело. Кажется, пришло время, чтобы ты поговорила с ними об этом».

«Я уже, но они говорят, что мы получили все по нормам, которые нам полагаются».

«Я уверен, что они продают наши пайки. Грабители!.. Почему ты опаздываешь? — раздраженно спросил он Ваню, который только что появился, возбужденный и запыхавшийся. — Можешь ли ты когда-либо быть вовремя?»

«Я мыл руки, папа».

«Ты мог бы подумать об этом заранее… Это для меня?»

«Да, папа. Могу я после взять марку?»

Иван посмотрел на марку на конверте. Она была необычной, со свирепым черным лицом на ней, окруженным странными иероглифами.

«Это из Абиссинии, папа», — пояснил Ваня.

«Бессиния!» — пропищала Шура и захихикала: дети изобрели свое забавное собственное значение для этого слова. Иван бросил строгий быстрый взгляд на нее и открыл письмо.

«Это от Краснова?» — спросила жена.

«Похоже, что так».

«Это интересно. Прочитай вслух».

«Хорошо. Только пусть дети выйдут».

Девочки закончили пить чай, поцеловали мать и покинули комнату. Ваня остался.

«Это займет у меня минутку», — сказал он, запихивая огромный кусок хлеба в рот.

«Нет, не надо так спешить, — сказала мать, улыбаясь. — Это на самом деле выглядит пугающе... Может быть, он тоже может послушать?» — предложила она Ивану.

«Пусть. Но только никаких замечаний».

И он прочитал письмо вслух. Оно было послано Красновым из Аддис-Абебы через несколько дней после их прибытия туда.

«В настоящее время, — писал Краснов, *— мы остановились в своего рода сарае, который принадлежал Русской Миссии. Сама миссия закрыта, и персонал уехал. Наша комната темная и настолько маленькая, что мы должны перепрыгивать через наши чемоданы, чтобы добраться до кроватей. Кажется, что здесь нет никаких европейских домов, а что касается местных хижин, то даже наши собаки не согласны жить там.*

Страна совершенно дикая. Никаких дорог и ужасная грязь. Около нас лежит скелет верблюда, торчащий на середине улицы, наполовину захороненный в глине; ночью шакалы едят его и так завывают, что не-

возможно спать. Охота изумительная, как все говорят: полмили от города, и вы можете найти любой вид дичи. Но нужно быть осторожным из-за леопардов.

Люди в целом молчаливы, но у них существуют забавные обычаи. После захода солнца вы должны опустить занавески, потому что они стреляют в освещенные окна. Кроме того, нельзя появляться в городе без переводчика: это считается дурной манерой, и мальчишки бросаются грязью и камнями. Все они воры. На пути из Джибути они украли много наших вещей, и собирались уйти со всем нашим багажом, если бы Раймонд не нанес их предводителю удар по голове рукояткой своего револьвера; тогда они все заулыбались, благодарили нас, и все стали исключительно любезными.

Мы понятия не имеем, чем будем заниматься. Французская Миссия пробует найти работу для нас. Они уже представили нас Министру финансов. Парень — ужасно выглядящее существо — поздравил нас с нашим прибытием в его разоренную страну и сделал нам подарок из двух арабских лошадей. Лошади в то время паслись где-то в горах, так что был отправлен эскадрон, чтобы поймать их, и вчера они были приведены в наш внутренний двор. Красивые животные, но свирепые, как тигры: требуется четверо мужчин, чтобы удерживать их. Ни Раймонд, ни я никогда не сидели на лошади, так что только один дьявол знает, что мы будем делать с ними. Взамен мы подарили Министру большое банное полотенце. Он казался полностью удовлетворенным и предложил Раймонду работу по заведованию ремонтом во дворце Королевы: там есть потолки, которые надо расписать, и надо установить современные туалеты, так что работа — для своего рода Леонардо да Винчи. Раймонд никак не может решить, принять ли это предложение. Я думаю, он будет дураком, если его не примет.

Что касается цен, то я не знаю, что сказать. Например, овца стоит столько же, сколько две коробки спичек — это дешево, если вы хотите овцу, и дорого, если вам нужны спички. Что касается соли, то ее здесь избыток; тот отвратительный пустозвон и поэт лгал вам об этом, как я и предполагал про него. Но очевидно одно: вы не можете привезти свою семью с собой сразу же. Если вы приезжаете, вы должны оставить их в Англии до тех пор, пока вы не обоснуетесь здесь. Мы обсудили это с несколькими Французскими и Английскими чиновниками, и все они говорят одно и то же».

Больше в письме ничего не было, кроме обычных приветствий и благодарностей за гостеприимство Ивана. Он вертел письмо в руках, затем положил его на стол.

«Итак, мы не едем, папа?» — спросил Ваня, удрученный. Он был настолько поглощен слушанием, что забыл дожевать хлеб, который был у него во рту, и его левая щека все еще выпучивалась.

«Я просил тебя сохранять спокойствие, не так ли? — сказал Иван и повернулся к жене: — Ну что, Маша?»

«Понятно, — ответила она. — Я полагаю, что они лучше знают, и мы должны поступать так, как они говорят нам».

«Да, я предполагаю, что так», — и он отпихнул письмо в сторону.

«Можно я теперь возьму марку?» — спросил Ваня осторожно.

«Можно».

Он взял конверт, любовно исследовал марку и пошел. Иван сидел, скосив взгляд на письмо.

«Таким образом, это исключается, — вяло сказал он. — Мы должны подумать о чем-нибудь еще. Мы просто должны сократить расходы. Предположим, что мы наймем дом в сельской местности, недалеко от Лондона, с огородом ...»

Мадам Курченинова не слушала. Она оперлась головой на руку, и в ее глазах застыл взгляд мучительного открытия. Та ее внутренняя броня, тот защитный слой образов и идей, которые до сих пор обеспечивали ей чувство безопасности и мира, как она обнаружила, дали трещины. И сквозь эти трещины она смогла разглядеть лицо реальности, уставившееся на нее, мрачное, безжалостное, бездушное лицо, со строками зловещего приговора на нем. Проблемы, которые она до поры до времени удерживала на расстоянии, теперь подступили вплотную, собрались, чтобы напасть на ее семью: проблемы денег, школы, безработицы Ивана, детской одежды, и снова деньги — пугающее множество вещей и цифр, устрашающих в их бесчеловечной жестокости...

«Что с тобой, Маша?» — спросил он, заметив необычную напряженность в ее взгляде.

Она сделала резкое движение головой и поднялась.

«Ничего, дорогой, — сказала она певучим голосом и заставила себя беззаботно улыбнуться. — Некоторые забавные мысли. Я предполагаю, что я лучше отведу детей в парк, иначе будет слишком поздно».

……………………………………………………………………………………..

В дальнейшем в книге герои романа почти не вспоминают о поэте Глубском. Однажды Иван Курченинов вспоминает о судьбе двух своих товарищей, отправившихся в Абиссинию (С.128): «Из Абиссинии не было никаких вестей. — Я удивлюсь, если они еще живы, — сказал Иван, добавив почти искренне: — Я рад, что мы не отправились туда после всего"».

И лишь в двух фрагментах последней, третьей части «Лига Наций» упоминается поэт Николай Глубский. На стр. 243 Н. Губский описывает диалог мадам Курчениновой со своим приятелем Ла Брьером о «механистичности» современной цивилизации.

...Беседа сместилась к Ивану. Она рассказала Ла Брьеру о неудаче Ивана в поисках английских друзей. Почему так получилось? Возможно, после всего они действительно испытывают неприязнь к иностранцам?

«Не думаю, — сказал он. — Я полагаю, его и их понятия социального общения различны. Он находит их скрытными, а они исходят из его точки зрения. Поскольку он хочет близости и чувствовать себя как дома с ними, а им чужда близость, они предпочитают эти полуофициальные и полуличностные взаимоотношения, которые существуют, например, между членами клуба. Особенно мужского».

«Почему так? Такого не было в России».

Он пожал плечами.

«Современная тенденция состоит в том, чтобы все упростить, включая социальные отношения. Более тонкие формы, будучи более трудными, должны уйти».

«Механизированные взаимоотношения», — пробормотала она.

Она сидела, наклонившись вперед в кресле, ее локти опирались на колени, и пристально всматривалась в огонь камина. «Но не означает ли это атрофию чувств?» — спросила она.

«Думаю, что означает. И, возможно, поэтому личные взаимоотношения выходят из моды. Сильные чувства опасны, они способны произвести взрывы, а современное общество в первую очередь хочет безопасности. Поэтому взаимоотношения устанавливаются на среднем уровне чувства, и вы получаете такой тип равнодушного дружелюбия, который характерен для клуба или автомобильных сообществ. Это явление, между прочим, не чисто английское, оно универсально. Оно — данность нашей цивилизации, которая является механической цивилизацией. Англичане, и особенно американцы, только более продвинуты в этом отношении, чем другие нации. Именно поэтому их социальная структура настолько прочна».

«Но это приведет к муравейнику в конечном итоге!» — вскрикнула она. Она вспомнила Глубского, смешного поэта, как он рассеянно натыкал сардинок на свою вилку и рассуждал неприятным голосом о муравьях и их подземных переходах.

«Да, это тот путь, которым мы идем, мадам», — сказал Ла Брьер со своей бледной улыбкой. «Но мы не доживем, чтобы увидеть его конец».

Глава XXV на стр. 256–258 описывает посещение оставшимся без работы Иваном Курчениновым кинематографа, события относятся к весне 1919 года.

ГЛАВА XXV

В течение недели март хлестал город дождем, влажным липким снегом и порывами ветра. Затем вышло солнце, прогнало плотные, выглядящие грязными облака, и сразу же пришла весна. «Прекрасный день», — говорили люди и улыбались. В парке клумбы были белыми и желтыми; женщины надели весенние костюмы с юбками на дюйм длиннее, чем годом раньше; на улицах число мотоциклов и детей утроилось; а по субботам отряды бойскаутов заполнили воздух самоуверенным шумом барабанов и труб.

Иван не радовался весне. Подснежники не существовали для него, веселье городской жизни и безмятежность синего неба были оскорбительны для него, как смех для плакальщиц на похоронах.

Он был теперь совершенно одинок. Его отношения с Консулами разрушились. Среди англичан у него все еще не было ни друзей, ни знакомых. Что касается Ла Брьера, после их резкого спора, они оба пытались быть особенно любезными друг к другу, но их внутренняя отчужденность не содействовала их пожеланию.

Консульство помогло Ивану загрузить первую половину дня. Имелась переписка, которую надо было поддерживать, *эмигрантские* газеты, которые надо было читать и их содержание обсуждать со Спасовым, неизменным слушателем. То есть Иван должен был комментировать новости, а Спасов должен был впитывать его слова, соглашаясь со всем, либо из присущей ему мягкости, либо потому, что он не имел собственной точки зрения. Два Великих Герцога ссорились по поводу своих прав на несуществующий российский трон; Иван изобразил генеалогическое дерево Императорской семьи и доказывал, что младший Герцог имеет большую претензию, даже если он и был бездельником. «Да, конечно», — должен был энергично говорить Спасов. Белые армии, после быстрого продвижения на Север, возвратились обратно на Крымский полуостров. Это, должен был объяснять Иван, был всего лишь стратегический маневр: они соединяли свои силы вместе для решающего удара. «Я вижу», — говорил Спасов и наполнялся радостью, поскольку, если Красные будут разбиты, он возвратится к своим приискам, Лиля будет снова счастлива, и она прекратит бегать за молодыми людьми.

Значительно труднее было заполнить вечера. «Почему бы нам не прогуляться?» — предлагала мадам Курченинова, но идея топтаться вдоль асфальтовых улиц, каждая из которых более унылая, чем другая, не привлекала его. Он любил бы играть в шахматы со Спасовым, но тогда обратиться к Спасову означало бы обратиться и к Лиле, а после эпизода с укушенным пальцем он не мог выдержать ее взгляда. Его *Мемуары* застряли на главе четвертой: «Раннее детство»; какая была польза от просиживания над ними, если никто в Англии не интересуется Россией? Ла Брьер перестал радовать его, Верлен и Бодлер действовали ему на нервы — Поэты Бесконечной Зубной боли, называл он их. «Не думаешь ли ты, что это будет правильным, если я покину тебя?» — спрашивал он жену вечерами, когда ожидали Ла Брьера. «Конечно, это будет правильно», — говорила она, и он уходил в кино. Там, за скромный шиллинг, ему показывали те зрелища, сама мысль о которых имела обыкновение вселять ужас в наивных Евреев Ветхого Завета: Чудище, лежащее в убежище из тростника и болот, Левиафан, вытягиваемый крючком, и народы, мчащиеся как стремительное движение множества вод. Ему раскрывались тайны, которые однажды сбили с толку Пророка: пути орла в воздухе, пути корабля посреди моря, путь мужчины с девицей (кино особенно сосредотачивалось на этой последней тайне). Он посещал страны, которые он когда-то пересек в своем воображении, — засеянные пшеницей равнины Канады (они выглядели как Россия!); Австралийский кустарник, со сглаженными верхушками деревьев и добродушными кенгуру; плантации табака в Солнечной Родезии; и — он задержался, чтобы дважды увидеть эту картину — Абиссиния, с ее пенящимися горными потоками, отвратительными дорогами, описанными поэтом Глубским, леопардами, упомянутыми Красновым в его письме (конечно, животное выглядело опасным!) и ужасающе выглядящими Эфиопами в процессе пожирания какого-то черного супа. Места были мягкими и удобными, оркестр играл что-то, что не требовало вслушивания, а когда картина становилась слишком вульгарной для взора, можно было закрыть глаза и задремать. Плохо было только то, что эти приятные впечатления испарялись, как только ты покидал яркий зал, и затем тоска вновь заявляла о себе с удвоенной силой, как если бы наказывая тебя за попытку уйти от угнетающей реальности.

Постепенно из тоски в нем вырастало другое чувство, чувство беспокойства, неясного ожидания некоторых перемен, которые должны случиться с ним. Оборотной стороной этого ожидания была неудовлетворенность текущим состоянием… Должен был прийти вызов и перенести его туда, где люди живые, жизнь интенсивная, и каждый приличный человек имеет столь широкие возможности для деятельности, какие он сам пожелает. Где это могло быть? — задавался он вопросом. Только не Лондон. Возможно, Париж?..

Роман Н. Губского завершается гибелью Ивана Курченинова во время Гражданской войны в Крыму — он не успел эвакуироваться на кораблях в ноябре 1920 года.

О судьбе оставленных Н.С. Гумилевым в Париже бумаг, документов и книг: Александр Цитрон и Яков Бикерман

Ранее было сказано о том, что Гумилев взял с собой из Лондона в Россию, а что оставил Борису Анрепу. Привезенное в Россию в основном попало в архив М. Лозинского, который до сих пор трудно доступен, а оставленное в Лондоне Б. Анреп позже передал Глебу Струве, что составило обширный Гумилевский архив в Стэнфорде[2234]. Все эти материалы, в большей своей части, описаны и опубликованы самим Глебом Струве. Важным их дополнением является публикация в журнале «Наше наследие»[2235]. Значительно меньше нам было известно о том, что Гумилев оставил в Париже, когда покидал его в январе 1918 года, в том числе и о его коллекции, за исключением того, что вслед за воспоминаниями Ларионова сообщила в письме к Струве от 24 августа 1969 года его вдова: «По получении Вашего письма и четвертого тома Гумилева за что очень Вас благодарю, мне удалось найти несколько набросков Гумилева и письма А. Цитрона, фотокопии которых я Вам пошлю отдельно. Если Вы решите опубликовать эти наброски, я их Вам перешлю. Еще есть два или три других рисунка, совершенно нецензурных. Я не знаю, Гумилевым ли они сделаны. По характеру рисования это возможно. Их пошлю тоже. Делайте с ними, что хотите, только не возвращайте обратно. О картинах, книгах и т.д., оставленных Гумилевым, я ничего не знаю. Мне говорили, что он собирал коллекцию эротического характера. Если таковые или другие, были переданы Мих‹аилу› Фед‹оровичу›, они находились, вероятно, в ателье, которое мне пришлось в срочном порядке освободить. Там было очень много кем-то сделанных картин, не представляющих интереса с художественной точки зрения. Спросив совета у здешних музейных людей, я их раздала или оставила в ателье, спасая лишь вещи Ларионова и Гончаровой»[2236]. Добавлю к этому, что помимо оставленного Гумилевым у А. Цитрона в различных парижских учреждениях и у частных лиц осели разнообразные автографы поэта и другие его материалы, особую ценность среди которых представляют не дошедшие до него письма от близких ему людей, которые кружным путем попали в один из американских архивов. В этом приложении будет предпринята попытка проследить их путь, назвать тех, кому мы обязаны их сохранностью, и будут воспроизведены многие письма и документы.

Упомянутые вдовой Ларионова письма А. Цитрона имеют прямое отношение к судьбе коллекции, оставленной ему Гумилевым на «временное» хранение. Точнее, оставленной на квартире Цитрона. Уже после гибели Гумилева, 27 сентября 1921 года Цитрон напечатал следующую заметку в разделе «Письмо в редакцию» газеты «Последние новости», озаглавив ее «Наследство Н.С. Гумилева»: «До своего отъезда из Франции покойный поэт жил у меня в Passy. Уехал он в начале 1918 года, по приглашению английского War Office в Месопотамию, в кавалерийский отряд и очутился вместо этого в Архангельске, откуда и попал в Петроград. При отъезде он оставил мне для сохранения ящик с книгами и значительное количество картин, гравюр, рисунков и альбом, купленные в Париже. Часть его имущества я передал художнику Ларионову; книги же хранятся в Париже у меня. Охотно передам их его наследникам или ближайшим друзьям. Александр Цитрон. Bakeabaita St Jean de Luz (B.P.)»[2237]. В отличие от Струве, нам удалось кое-что узнать о судьбе самого А. Цитрона, но по-прежнему почти ничего не известно об оставленных у него книгах Гумилева и других его вещах.

«Письмо в редакцию» подтверждает, что Гумилев предполагал вернуться во Францию после Персии, куда был откомандирован Занкевичем из Парижа. Однако после его отъезда события начали развиваться по незапланированному сценарию, о чем Гумилев узнал лишь в Лондоне, явившись в первый же день к тамошнему Военному Агенту — генералу Ермолову, подробно об этом было рассказано выше.

Но прежде, чем привести сохранившиеся письма А. Цитрона к М. Ларионову о судьбе оставленного Гумилевым, а также другие обнаруженные документы, сообщим некоторые сведения о самом А. Цитроне, обнаруженные как в РГВИА, так и в недавно ставшем доступным Российском государственном военном архива (РГВА). Многие хранящиеся там документы прошли сложный путь. Все документы французских военных и гражданских архивов были во Вторую мировую войну вывезены вначале в Германию или оккупированные ею территории, в частности в Прагу, а затем, после разгрома Германии в 1945 году, перевезены в СССР и составили основной фонд РГВА. В 1990-е годы, по согласованию сторон, французские архивы были возвращены во Францию, но при этом значительная часть документов была микрофильмирована и оставлена в РГВА. Однако исчерпывающие описи документов, именные и электронные картотеки до сих пор либо отсутствуют, либо на руки не выдаются, поэтому приходится полагаться исключительно на доброжелательность архивистов. Пока не удалось там обнаружить документы, непосредственно относящиеся к Н. Гумилеву, но почти сразу были выявлены документы, относящиеся к А. Цитрону. Замечу, что имя А. Цитрона отсутствует во всех библиографических указателях по русскому зарубежью, однако присутствует имя, скорее всего, его старшего брата, известного издателя Марка Львовича Цитрона. Был еще и третий, младший брат, Исидор Львович Цитрон, 1882 года рождения. Все они родились в Киеве. Документы, относящиеся к А. Цитрону и хранящиеся в РГВА, носят специфический характер. За ним, как за неблагонадежным лицом, было установлено тайное наблюдение[2238]. Хотя его «неблагонадежность» постоянно подвергалась сомнению, слежка за ним со стороны Главного управления общественной безопасности Франции продолжалась с момента его появления в Гавре в сентябре 1917 года на протяжении многих лет, почти вплоть до начала Второй мировой войны, после чего следы его теряются. Не будем подробно останавливаться на характере слежки, явно надуманной. Важно то, что в донесениях указываются многие его биографические данные, характер его деятельности во Франции, адреса, по которым он жил и бывал, некоторый круг лиц, с которым он общался. Сразу отмечу, что в этот круг лиц не вошли офицеры Русского экспедиционного корпуса, с которыми А. Цитрон, безусловно, встречался часто и многократно, однако существовал запрет на слежку за русскими офицерами. Поэтому все контакты А. Цитрона с Н. Гумилевым не нашли отражения в его досье. Но и без этого оно оказалось весьма полезным и информативным. Так, впервые удалось установить точную дату и место его рождения, а также родителей — Киев, 22 октября 1878 года[2239]. Его родители — Лев Цитрон и Татьяна Волл (Léon Zitron и Tatiana Woll) – русские по национальности.

Цитрон Александр Львович (22 октября 1878, Киев — ? после 1941 года, Франция[2240]) несколько лет изучал право в старейшем университете Германии, в Гейдельберге. В связи с этим у него впоследствии были неприятности. Агент доносил: «Цитрон прожил несколько лет в Германии, в Гейдельберге, где он изучал право в университете этого города. Он говорит с симпатией и вспоминает своих прежних товарищей в Гейдельберге и особенно своих учителей Университета. Он в самом деле германофил. ‹…› Он не ведет никаких коммерческих дел в Конкарно и все его взаимоотношения в Лионе. Он рассчитывает вскоре покинуть Конкарно, чтобы провести зиму на Лазурном берегу в Марселе, Каннах или Ницце. Мои изыскания продолжаются. Специальный комиссар»[2241].

В 1900-х годах А. Цитрон жил в Одессе, где его младший брат Исидор учился на юридическом факультете Новороссийского университета[2242]. А Цитрон работал в Судебной палате и в качестве журналиста вместе с братом в газетах Юга России, главным образом в «Одесских новостях» (псевдоним А. Львович).

1906 год отмечен не только в судьбе России, но и А.Л. Цитрона. Ранней весной вышел указ о всеобщих выборах в 1-й в истории страны парламент. Крайне левые (большевики) и крайне правые (черносотенцы) пытались угрозами и силой не допустить граждан к урнам. Одно из таких «выборочных преступлений» расследовал А.Л. Цитрон в Мелитополе[2243]. Суд был назначен на 24 сентября. Нельзя было упустить возможность своими глазами увидеть работу Государственной думы. В Петербурге А.Л. Цитрон не пропустил ни одного заседания парламента, записывая все услышанное. После его закрытия в Териоках он оформил «впечатления журналиста»[2244] в книгу, в августе сдал в печать и поспешил в Одессу для участия в своем, видимо, последнем судебном процессе. Он уже не мог жить вне столичного ритма и круга новых интереснейших знакомых. Еще до суда он узнал о небывалом успехе своей брошюры — понадобилось три издания за один месяц. До сих пор эта книга — раритет[2245]. Это был, безусловно, взлет, «акмэ» А. Цитрона. Далее — плавный спуск.

Ему предложили баллотироваться во 2-ю Думу от провинциальной курии[2246]. Не сложилось. В 1907 году он окончательно переезжает в Петербург. Попутно, на гонорары за книгу, попробовал издавать свой журнал «Наша трибуна»[2247]. На 2-м номере, 17 мая, издание было закрыто, а 3 июня закрылась и 2-я Государственная дума. Снова в Куоккале за месяц подготовил книгу, подобную первой[2248], в июне она выходит. И тишина — «на каждый прилив по отливу». Утешение — знакомство в Куоккале с Леонидом Андреевым[2249].

Братьев берет к себе в помощники знаменитый адвокат, их земляк О.О. Грузенберг[2250], с обширным кругом литературных друзей, которые становятся знакомыми его помощников[2251]. И хотя интереса к новой поэзии в кругу О.О. Грузенберга не замечено, любознательный А.Л. Цитрон вполне мог читать «Аполлон» или, по крайней мере, мог слышать о его авторах, включая и Н. Гумилева. В основном А.Л. Цитрон занимался апелляционными и арбитражными делами в литературно-издательской среде[2252].

В 1910-х годах еще один брат Марк Цитрон, юрист и журналист, оставшийся в Киеве, осуществил свою мечту: на квартире тестя, крупнейшего офтальмолога Киева, он организовал два издательства: «Сотрудник» для издания учебников и совместно с внуком Н.И. Пирогова «Пироговское тов-во» для издания медицинской литературы[2253]. Жившие в столице братья стали представителями этих предприятий в Петербурге. Энергичный А.Л. Цитрон с 1910 года представляет в Петербурге киевское издательство Марка Цитрона «Пироговское тов-во»[2254], специализирующееся на медицинской литературе, что приводит его к знакомству со знаменитыми врачами, помогая расширить круг авторов.

Когда началась Первая мировая война, он стал помогать врачам в лице представителя Медицинского Совета Министерства внутренних дел, налаживая снабжение лекарствами и медицинскими приборами, договариваясь со скандинавскими фирмами из нейтральных скандинавских стран[2255].

В июне 1917 года он отправляется по этим же делам к союзникам — в Англию и Францию. Вот что сказано в донесении префекта полиции г-ну Министру внутренних дел в Главное управление общественной безопасности: «Париж. 25 февраля 1918 года. 18 октября и 4 января 1918, вы передали мне для дознания и информации несколько документов, касающихся некоего Цитрона Александра, русской национальности, сообщенных 27 сентября телеграммой специальным комиссариатом полиции Гавра, который телеграфной перепиской привлекает внимание военных властей. Я имею честь передать вам нижеследующие результаты дознания, которое я провел по отношению к этому иностранцу, особенно в том, что касается телеграмм, полученных и отправленных им. Названный Цитрон Александр ‹…› после его отъезда из России, в июне 1917 года, последовательно жил в Осло, в Бергене и Лондоне[2256] и прибыл в Париж 27 сентября 1917, остановился в гостинице, 8, улица Камбон (8, rue Cambon)[2257]. Затем он жил в № 5 на той же улице, а после 22 ноября он переехал в квартиру 1, сквер Альбони (Square Alboni, 1, Rue de l'Alboni), с ежемесячной платой 500 франков[2258]. Адвокат Петроградского апелляционного суда, А. Цитрон является одним из корреспондентов монархистской русской газеты «Русская Воля», которая выходит в названном городе[2259]. Кроме того, он представитель петроградской торговой фирмы «Chavkin», которая снабжает русское правительство лекарствами и аптечными принадлежностями, запасаясь в Париже в фирме Weiss & Meyer, rue d'Hauteville. Большинство телеграмм, адресованных А. Цитрону из различных городов, где он жил с военного времени, кажется, относится к его коммерческим операциям. Вышеупомянутый с братом[2260] наладили оптовые поставки фармацевтической продукции в Петроград. ‹…› А. Цитрон, по-видимому, имеет очень солидных знакомых в русских политических, литературных и военных кругах, он как будто убежденный монархист. Недавно якобы его принимали в своем доме русский посол во Франции Маклаков, русский посол в Швейцарии, а также генерал Николаев. Равным образом, называют в числе его постоянных знакомых русского художника Наума Аронсона[2261], живущего 95, улица Кардинала Лемуана (95, rue du Cardinal Lemoine). В ходе моего расследования не обнаружилось никакой информации, позволяющей подтвердить в отношении названного А. Цитрона подозрение с точки зрения национальной ‹безопасности›. Префект полиции» [2262].

А. Цитрон добрался до Парижа почти на три месяца позже Гумилева, 27 сентября, как раз тогда, когда Гумилев вернулся из лагеря Ля Куртин. Через месяц в России произошел Октябрьский переворот, и страны, на которую работал А.Л. Цитрон, не стало. Он начал трудиться адвокатом в Русском экспедиционном корпусе, где, скорее всего, познакомился и сошелся со служившим там Н. Гумилевым. В хранящихся в РГВИА докумен-

тах имя Цитрона упоминается часто[2263], особенно после расформирования Русского экспедиционного корпуса. Среди бумаг, относящихся к освобождению заключенных вслед за событиями в Ля Куртин, попадаются многочисленные заявления адвоката по их делам, присяжного поверенного А. Цитрона. Это же подтверждают документы РГВА, в которых сказано, что «Цитрон, оказывается, был адвокатом-консультантом в Думе. Он покинул Петроград в начале лета 1917 и приехал во Францию, в Бордо, чтобы защищать в качестве адвоката неких русских бунтовщиков. События стремительно развивались, он предпочел, как говорится, остаться во Франции, чтобы избежать опасности быть расстрелянным в России. ‹…›»[2264]. В другом документе сказано: «Он называет себя журналистом, но не обучен этому, сотрудничает во французских и иностранных газетах. Недавно он ездил в Бордо, чтобы защищать в суде русского солдата»[2265].

В последние 2 месяца пребывания поэта во Франции, в обстановке сплошной неразберихи, тревоги и острого его безденежья, адвокат, обретя собственное жилище в сквере у станции Пасси, видимо, поселил поэта у себя, со всем его накопившимся «имуществом» — ящиками с книгами, восточными миниатюрами, картинами, рукописями[2266]. Уезжая в конце января 1918 года, как полагал Гумилев, через Лондон в Персию, он оставил свой архив у А.Л. Цитрона[2267], чем очень обременил ответственного человека. А.Л. Цитрон не только тщательно сберегал все, но и приумножил архив Н.С. Гумилева спасенными при ликвидации управленческих контор Русского экспедиционного корпуса не дошедшими до адресата письмами родных и другими рукописями.

В заключение приведу еще несколько донесений, характеризующих А. Цитрона.

«Высшее командование обороны Гавра. Бюро сбора информации. № 3043. Гавр, 27 сентября 1917. Контр-адмирал Дедило. Комендант Гавра. К Господину военному министру. Руан. Во всяких полезных целях, я передаю отчет о прибывшем в Гавр сегодня из Лондона том самом так называемом Цитроне Александре, русском подданном, рожденном 22 октября 1878 года в Киеве от покойного Леона[2268] и Татьяны, живущей в Петрограде, 14, Ивановская, журналисте, корреспонденте “Русской Воли”, органа, выходящего в Петрограде, предъявителя паспорта № 1092, выданного в этом городе 10 мая 1917.

Цитрон сделан объектом циркуляра № 61075 от 4 сентября 1917 главного контроля служб судебных расследований и одной из телеграмм той самой службы от 9-го текущего месяца, предписывающих задержать при его выезде из Франции и уведомить приложенной при сем копии этих двух документов.

Этот индивид, который покинул Петроград 18 июня 1917 г., прибыл в Лондон, через Христианию (Осло) и Берген, 29 июня 1917 и жил здесь последовательно: Waldorf Hotel, 100, Victoria Street, и 57, Andrews Mansions Dorset, SW. Цель его поездки, как он говорит, является запись впечатлений, произведенных в Англии и Франции событиями в России, имея в виду статьи для “Русской Воли”. Цитрон поселился в Париже в отеле Кастилия, улица Карбон, и оплатил проживание здесь за неделю, в течение которой он посещал редакции нескольких самых основных французских газет: “Le Matin”, “Le Jornal” и т.д. В Париже он знаком с г. Аронсоном, художником, rue de Vaugirard, и г. доктором Слепиановым, 66, улица Кардинала Лемуана (66, Cardinal Lemoine). Г. Цитрон сделал непосредственно следующее заявление:

“Я являюсь корреспондентом империалистической, но либеральной газеты, борец с нынешним русским беспределом. В начале нашей революции я в установленном порядке написал президенту Львову о восстановлении дисциплины в Петрограде, и в течение первой недели революции я занимался этим делом. 1 мая 1917, во время митинга против большевиков, я выступил в поддержку правительства Керенского, зная последнего лично. Я был тогда сильно потрепан толпой, которая упрекала меня службой в газете, оплачиваемой Англией и Францией («Русская Воля»), и я, полный решимости, покинул Петроград, я попросил тогда в моей газете отправить меня за границу как корреспондента. Перед отъездом из России я написал Керенскому, прося у него доверить мне миссию в Англии или Франции, но не получил никакого ответа. Я заявил в русском посольстве в Стокгольме, что встречался в Петрограде с названным Фюрстенбергом, русским подданным, революционером, которого я считаю опасным агентом и наемником Германии. Я передал ту же самую информацию г. Бровскому, управляющему делами министерства иностранных дел в Петрограде. Я рассчитываю вернуться в Россию через некоторое время”.

Вещи Цитрона были тщательно осмотрены при его выходе на берег, но эта проверка не обнаружила ничего особенного. Только отмечено, что найденное рекомендательное письмо к нему от русского посольства в Лондоне не подписанное и на нем штемпель союзного офиса в Саутгемптоне от 26 сентября 1917. Дедило. /Печать коменданта Гавра и главкома 3 региона/ Смотрел и передал Руан 29 сентября 1917. Начальник штаба /Подпись/»[2269].

«Александр Цитрон, русский адвокат, высланный из Дании и Швеции как германский шпион, прибыл в Христианию (Норвегию) на несколько месяцев после того, как он покинул Петроград. В Петрограде он получил новый паспорт и отъехал в Лондон в июне 1917. Пока он был в Копенгагене и Стокгольме, он был тесно связан с Фюрстенбергом. Он проехал через Торнео на пути в Швецию 5/18 июня 1917. Описание внешности: среднего телосложения, со свежим цветом лица, голубоглазый, с каштановыми волосами, возраст 37–39 лет. Сын Льва Цитрона, из Киева, Тарасовская, 2. Паспорт № 1092, выдан 10 мая 1917 Петроградским Префектом»[2270]. Так как пока фотография А. Цитрона не обнаружена, это единственное описание его внешнего облика.

В депеше от 23 октября 1918 года сказано: «Цитрон Александр, рожденный 22 октября 1878 в Киеве (Россия), холост, не подписавший декларацию о постоянном пребывании, но получивший удостоверение личности. В течение 8 месяцев он жил 1, сквер Альбони в Париже, утратил этот адрес в этом июле, отправившись в Конкарно, откуда вернулся 18 сентября. Жил временно в отеле Кастилия, улица Камбон, 35.

Он называет себя журналистом, но не обучен этому, сотрудничает во французских и иностранных газетах. Недавно он ездил в Бордо, чтобы защищать в суде русского солдата. Он принимает многочисленных гостей — соотечественников, однако его корреспонденция не содержит ничего ненормального. Он читает “Temps” и “Journal” и довольно редко русские газеты. Он знаком с революционером Розенфельдом, называемым — Росский[2271], который известен большевистскими наклонностями, и этот последний довольно часто посещает его. Цитрон беседует с ним в кафе

“Manieu”, бульвар Сен-Мишель. Он несколько раз публично высказывал свою враждебность к политике Ленина и Троцкого.

Цитрон оказывает гостеприимство лейтенанту (поручику) 8-го полка русской пехоты г. Чупринину[2272] (Jean), который летом был ранен.

Собранные сведения о названном Цитроне не являются для него неблагоприятными. Он не замечен в судебных правонарушениях. Что касается семьи Феликса Разумного, скульптора по металлу, отмеченная как проживающая 30, rue Tournelles в Париже, она неизвестна по этому адресу»[2273].

Несмотря на непрерывный надзор, А. Цитрон, постоянно занимаясь коммерцией, постепенно успел сколотить себе приличное состояние, что не преминули отметить агенты в своих донесениях: «Цитрон, кажется, тратит без счета. Он называет себя адвокатом апелляционного суда Петрограда и редактором. Он утверждает, что в момент русской революции был адвокатом-консультантом в Думе и что из крайне левого, в партию которых он входил перед революцией, внезапно оказался крайне правым. Он встретил подобных себе; в его алфавитной книжке многочисленные русские офицеры, занесенные туда после того, как он появился в Париже. ‹…›»[2274]. Это единственное свидетельство того, что А. Цитрон общался в Париже и с русскими офицерами. Можно предположить, что в его алфавитную книжку наверняка был занесен русский офицер и поэт Николай Гумилев. Но, как было сказано выше, вести наблюдение за русскими офицерами агентам было запрещено, поэтому имени Гумилева в их донесениях обнаружить не удалось.

Занимаясь коммерцией в последующие годы и колеся по всей Франции[2275], он возил с собой и ящики Гумилева, боясь их где-нибудь оставить. Узнав о смерти поэта, Александр Цитрон пытался устроить в его память мемориал, чтобы собрать там всё, находившееся у его знакомых во Франции. Даже нашел помещение. Никто не откликнулся — ни «любимые ученики и ученицы», ни якобы друзья. Все просто пытались выжить. Тщетно и неоднократно А.Л. Цитрон старался пристроить архив поэта, если не во Франции, то в России. В середине 1920-х годов он был уже обеспеченным человеком, имел свой дом, даже поместье[2276] — хранить было где. Обо всем этом подробно сказано в приведенных далее его письмах к М. Ларионову. Судьба же самого Александра Цитрона после 1940 года остается неизвестной, как и обстоятельства и время его смерти...

Большую часть собранного за месяцы жизни в Париже — книги, коллекцию восточного искусства, в том числе персидские миниатюры, картины, — Гумилев оставил у Цитрона, который впервые озаботился судьбой вещей Гумилева еще осенью 1919 года, когда поэт был еще жив. Очень выразительно его письмо от 30 сентября, которое Цитрон адресовал по-французски: «Господину Михайло Ларионову, Художнику, Вольному Человеку, 43 rue de la Seine». Само письмо написано по-русски: «30-IX. Дружище, ты был в quartier и был у меня… Ну, а дальше? В чем дело? Сообщи, как живешь и чем грешишь? Как дела, работа? Дело у меня такое: где Гумилев? Его вещи у меня — и ей Богу лучше бы он мне оставил сына! Я эти вещи перевозил в Лион (в 1918 г.) и обратно. Раз ящик упал с воза, и стекла побиты. Вообще, возня, не хочешь ли ты их взять на хранение? Я к тому помирать собираюсь. Твой А. Цитрон»[2277]. Можно предположить, что у Цитрона при перевозке побились стекла в рамках собранных Гумилевым картин и миниатюр, и он предложил их взять Ларионову. Судя по всему, Ларионов

забрал у Цитрона часть коллекции, но далеко не все. Уезжая, Гумилев понимал, что неизвестно, куда его заведет служба, поэтому оставил вещи на сохранение, надеясь однажды вернуться за ними. Но этой надежде не суждено было осуществиться.

К счастью, мрачный прогноз Цитрона по поводу своей участи не сбылся, и судьбой вещей Гумилева, по-прежнему остававшихся у него, он вновь озаботился несколько лет спустя. Комментируя публикацию писем Ларионова, Глеб Струве писал: «...уже после выхода последнего тома нашего четырехтомника А.К. Томилина-Ларионова прислала мне копию следующего письма А. Цитрона к М.Ф. Ларионову от 5 января 1927 г. (жил Цитрон в это время уже не под метро “Пасси”, а в Нейи): “Мой старый Ларионов, очень прошу позвонить мне, чтобы условиться о создании студии имени нашего покойного друга Н.С. Гумилева. Я обращусь к ряду его друзей с просьбой помочь создать эту студию, для которой подходящее помещение имеется! Хочу условиться заранее с тобою — и собрать воедино все его, священные для нас, вещи. Прошу позвонить мне в ближайший же день. С искренним и лучшим приветом А. Цитрон”[2278]. Как это ни странно, нет никаких следов того, чтобы этому делу был дан какой-то ход. Нет никаких указаний и на то, чтобы первое письмо Цитрона, которое мне долго оставалось неизвестно[2279], вызвало какие-нибудь отклики. Может быть, какие-нибудь следы переписки с Цитроном отыщутся в бумагах К.В. Мочульского. Разыскать следы самого Цитрона мне не удалось, и судьба хранившихся у него книг Гумилева неизвестна, как неизвестно и что именно он передал (если передал) М.Ф. Ларионову».

Вещам Гумилева посвящены еще два письма Цитрона, которые удалось найти в архиве Ларионова: «17. IX. ‹1927›. Мой старый Ларионов, очень и очень прошу устроить мне срочное свидание с А. Кусиковым[2280] на предмет общего соглашения о вещах Н. Гумилева. Меня об этом просит В.Н. Яковлев[2281] (из Москвы). Милый, будь другом — и сообщи о дне общего свидания. Tel. Neuilly 2372. ‹…› Старый друг А. Цитрон»[2282]. Видимо, Кусиков подразумевается в еще одном письме Цитрона, скорее всего, того же года: «Мой дорогой Ларионов, я пробуду тут неделю и очень прошу устроить вечер с нашим другом-поэтом (вещи Гумилева). Жду ответа. Привет Гончаровой. Твой слуга А. Цитрон. Tel. Neuilly 2372»[2283]. Получается, что никогда до сих пор не ассоциировавшийся с именем Гумилева поэт Александр Кусиков, возможно, стал одним из хранителей каких-то личных вещей Гумилева, по крайней мере, это еще одна ниточка для дальнейших поисков. А если предположить, что встреча Ларионова, Цитрона, поэта А. Кусикова и вскоре вернувшегося в Москву художника Василия Яковлева тогда состоялась, выстраивается любопытный сюжет с участием художника. В 1920-е годы в число его московских друзей входило много учеников известного художника и педагога, создавшего тогда собственную частную студию, Дмитрия Николаевича Кардовского[2284]. Причем документы РГАЛИ подтверждают и личное знакомство В. Яковлева с Д. Кардовским, хорошо знавшим Николая Гумилева еще с дореволюционных времен — когда-то, еще до свадьбы Гумилева, семья Кардовских жила в Царском Селе в одном доме с семьей Гумилевых, на Конюшенной улице. Жена Кардовского О.Л. Делла-Вос-Кардовская, художница, — автор известных живописных портретов Гумилева (1909) и Ахматовой (1914) (хранятся в ГТГ[2285]). Сам Д. Кардовский оформил обложку сборника Гумилева «Жемчуга» (1910). Есть стихи Гумилева и Ахматовой, посвященные Кардовским. Так что через

знакомство с Кардовским Василий Яковлев мог в Париже заинтересоваться судьбой вещей Гумилева. Оказавшись там в 1927 году, Яковлев вряд ли мог близко сойтись с художниками круга Ларионова, но вполне мог быть принят Кусиковым, который, как известно, едва оказавшись за границей, постоянно декларировал свою преданность Советской России, за что был подвергнут в эмигрантской среде остракизму. Вполне возможно, что Яковлев был заинтересован в том, чтобы получить в свое распоряжение какие-то вещи из коллекции Гумилева. Есть некоторая вероятность того, что одна из этих вещей даже вернулась после 1927 года в Россию и попала к Ахматовой. Это — оказавшаяся у нее пока неизвестно откуда восточная миниатюра, подаренная ею сыну[2286]. Миниатюрой этой, как памятью об отце, Л.Н. Гумилев очень дорожил, и копия ее (оригинал хранится в фонде музея Ахматовой) до сих пор украшает его кабинет в квартире-музее…

Возможно, что-то взял к себе М.Ф. Ларионов. Гораздо менее вероятно, что что-то досталось А.Б. Кусикову или советскому художнику В.Н. Яковлеву. Но самую драгоценную часть — папку с бумагами и письмами родных, не дошедших до поэта, которую, скорее всего, спас сам А. Цитрон от autodafé при ликвидации управленческих контор Русского экспедиционного корпуса, он передал своей племяннице, вскоре умершей, для своего друга, известного химика, любителя поэзии и отчасти поэта Я.И. Бикермана. Он и стал настоящим наследником бездетного адвоката и коммерсанта А.Л. Цитрона. Это стало понятно из сохранившегося в архиве Я. Бикермана адресованного к нему письма жены брата А. Цитрона Марка Елизаветы Максимовны Цитрон, урожденной Мандельштам[2287]. Часть документов из архива Я. Бикермана была приведена выше. Прежде чем подробно описывать весь архив и приводить уникальные документы, хранящиеся в нем, представим это письмо Е.М. Цитрон-Мандельштам. Оно позволит нам сделать предположение, как сформировался архив Я. Бикермана. Письмо, написанное 31 декабря 1925 года, никак не связано с Гумилевым и относится к «графологии», поэтому поначалу не предполагалось даже включать его в публикацию архивных материалов. Но внимательное его прочтение показало, что оно, возможно, содержит в себе ключ: как попали адресованные Гумилеву письма к Бикерману. Приведу его полностью. Письмо с проставленной датой — Берлин 31.XII.1925 (у Е.М. описка — 1926, это следует из штемпеля на конверте — 1.01.26), на бланке издательства «Sotrudnik» / Verlagsgesellschaft m.b.H. / Leipzig / Senefelder Straße:

«Многоуважаемый Яков Осипович, боюсь какое-то недоразумение!

Я и не помышляла лишать Вас письма Ахматовой, находившегося в папке Гумилева!

Из слов Ильи Осиповича[2288] я только поняла, что у Вас имеется еще какое-то письмо Ахматовой чисто делового характера и Вам лично адресованное. Я и просила разрешения сфотографировать подпись — «Анна Ахматова» для моей книги по графологии.

Если у Вас такого письма нет, то извините за беспокойство!

Может быть, Вы сочтете возможным через некоторое время (не сейчас) дать мне сфотографировать следующие слова из прилагаемого письма:

“в Петербурге не случилось ничего примечательного. Все ушли в политику, но все это очень безрадостно”[2289].

Если же и это почему-либо неудобно, то я от этого охотно откажусь и ни на что не претендую: **папка дана Вам, принадлежит Вам и Воли моей дочери я нарушать не намерена**.

Письмо Ахматовой возвращаю (выделено Е.С.).

Искренне Вас уважающая

Елизавета Максимовна.

P.S. Обратите внимание на поля этого письма; даже для неиспытанного в экспертизе глаза ясно, что оно предназначено было получателем для сожжения. Не спросили ли Вы себя — почему?

От графологического разбора почерка я, конечно, воздерживаюсь; он мне не нужен, мне хотелось только сопоставить подпись Ахматовой с подписью Тэффи в отношении угла наклонения; больше ничего…..

Поэтому Вы не сердитесь ни на меня, ни на “почти равнодушного посредника”; он то уже наверное ни при чем!»[2290]

В этом письме, во-первых, интересно то, что оно подтверждает факт переписки Бикермана с Ахматовой, но главное — фраза «**Воли моей дочери**». Такое впечатление, что цитируемое письмо Ахматовой к Гумилеву 1917 года первоначально хранилось у дочери Е.М. Цитрон, Лили Марковны Цитрон. В 1925 году она состояла членом Союза студенческой молодежи в Берлине. Скорее всего, письма Гумилева попали к ней через брата отца А. Цитрона и были ею переданы Я. Бикерману, возможно, как собирателю материалов по Гумилеву[2291]. Предположительно, Е.М. Цитрон временно забрала у Я. Бикермана письмо Ахматовой для изучения ее почерка и подписи, а он решил, что она лишила его столь ценного раритета, полученного от ее дочери. Были ли вместе с письмами Ахматовой переданы и письма родственников, пока не известно, но скорее всего — именно так, ведь в письме речь идет о переданной «папке Гумилева». Вряд ли направленные поэту и не дошедшие до него письма хранились в разных местах! Удивительно, что до этих материалов не добрался Г. Струве в начале 1950-х годов, во время подготовки тома «Неизданный Гумилев», пытавшийся разыскать Я. Бикермана, с 1945 года жившего, как и он, в США[2292].

Между мужем и отцом Лили Цитрон, книжным издателем и доктором медицины М.Л. Цитроном, проживавшим в 1920-е годы в Германии, и его братом А.Л. Цитроном, проживавшим тогда в Париже, всегда сохранялись близкие и деловые отношения. Возможно, когда он узнал, что его племянница интересуется поэзией А. Ахматовой и Н. Гумилева, он решил, после того как безуспешно пытался организовать «мемориал» Гумилева в Париже, подарить ей папку с автографами поэтов. Ведь сам он, судя по его письмам, собирателем не был, предпочитая заниматься коммерцией. Именно Л.М. Цитрон, в свою очередь, решила передать эти документы своему другу Я. Бикерману, возможно, собиравшему коллекцию автографов и других материалов, связанных с Н. Гумилевым, с которым могла быть знакома еще по Петрограду. К сожалению, судьбы Лили Цитрон и ее матери сложились трагично[2293].

Очевидно, что Я. Бикерман намеренно искал материалы, связанные с Гумилевым, отслеживая публикации в эмигрантской печати, посвященные его памяти, восстанавливая его парижские связи и собирая сведения о его пребывании в Париже. Отдельные документы, попавшие в коллекцию Бикермана, могли первоначально отложиться в заграничных российских ведомствах, в том числе и после того, как Гумилев уехал из Франции, где они были обнаружены тогда там работавшим в качестве адвоката А. Цитроном. Так, посланные Гумилеву письма сохранились потому, что не дошли до адресата либо из-за неверно указанного адреса, либо из-за той

атмосферы неразберихи, которая царила в Русской миссии в Париже в начале 1918 года. Другие бумаги могли оказаться среди материалов ликвидационной комиссии, откуда, вероятно, попали опять же к А. Цитрону во второй половине 1920-х годов. Необходимо заметить, что в намерения Я. Бикермана, помимо собственно коллекционного интереса, входила и подготовка издания собранных им документов, что, в частности, подтверждает просьба полковника С.А. Топоркова в письме к Я. Бикерману от 30 ноября 1931 года: «В настоящее время много уделяется внимания поэзии Гумилева, и мне бы хотелось о нем тоже собрать больше сведений, дабы Гумилев занял бы почетное место в готовящемся издании материалов, относящихся к истории Александрийских гусар. ‹...› Я буду бесконечно Вам признателен, если Вы поделитесь со мною имеющимися у Вас сведениями о Гумилеве и если Ваш труд будет издан, то не откажите выслать мне для хранения в Музее Полка»[2294].

Собранная Бикерманом коллекция демонстрирует, что деятельность по сохранению памяти Гумилева велась в эмиграции параллельно усилиям П.Н. Лукницкого и Л.В. Горнунга[2295] и других почитателей его творчества в Советской России и так же целенаправленно. Замечательна фраза в письме Лукницкого in situ Ахматовой от 20 октября 1925 года, где он передает Бикерману ее слова: «Анна Андреевна просит Вас принять уверения в ее совершенном уважении к Вам, и почтить вниманием ее исключительный интерес к осуществляемой Вами литературной работе»[2296]. Речь здесь идет о «работе», не ограниченной одним только собирательством. Я. Бикерман ставил себе цель не просто разыскать, но постараться донести до читателей неизвестные прежде автографы Гумилева.

По счастливому стечению обстоятельств вся коллекция Я. Бикермана, благодаря его дочери Дине Бикерман Шунмейкер, в 2007 году пополнила архивное собрание Центра Русской культуры в Амхерсте. Коллекция содержит личные, эпистолярные, исследовательские, фотографические и печатные материалы, так или иначе связанные с биографией Гумилева и дающие представление о деятельности Бикермана по сохранению и изучению наследия поэта. Теперь они могут быть с легкостью идентифицированы по доступной архивной описи[2297], которая согласуется с подготовленной Бикерманом в 1930-е годы «Описью бумаг, оставленных Н.С. Гумилевым»[2298], то есть, судя по ее названию, первоначально в коллекцию могли входить и материалы, оставленные в Париже непосредственно Н. Гумилевым. Хотя, как было сказано, значительную часть своего собрания, включающего книги и коллекцию восточной живописи, Гумилев оставил на хранение А. Цитрону. В описи Я. Бикермана ничего из этого не значится. Составленная Бикерманом «Опись бумаг» состоит из шести разделов, большая часть их вошла в современную опись его коллекции, разбитой на 7 папок. Вот перечень первоначальных разделов описи и их сопоставление с современной описью по папкам:

1. Печатное — из 9 пунктов, 7 пунктов вошли в папку 7; материалы папки представляют отдельные печатные издания, номера периодики, два французских лубка. Из первоначальной описи отсутствуют только два каталога книг на французском языке.
2. Гравюры и почтовые карточки — из 6 пунктов, 2 пункта вошли в папку 7. Из первоначальной описи отсутствуют только наборы открыток и цветных печатных рисунков.

3. Фотографии — обе фотографии вошли в папку 6;
4. Чужие рукописи — из 6 пунктов, вошли все: 1 — папка 1; 2–6 — папка 5;
5. Записки и письма — из 14 пунктов основные 12 пунктов вошли в папки 1 (1), 2(9), 3(1) и 5(1). Из первоначальной описи отсутствуют только визитка неизвестного лица и обрывок телеграфного бланка.
6. Заметки и рукописи Гумилева — из 9 пунктов 8 пунктов вошли в папки 1(7) и 5(1). Из первоначальной описи отсутствует только «Коричневая записная книжка» — так она обозначена в описи, и о ней ничего неизвестно. В этом же разделе обозначена сохранившаяся «Зеленая записная книжка» с записями делового характера, о ней будет сказано ниже.

Материалы в разделах «Печатное» и «Гравюры», возможно, могут рассматриваться как оставленные Гумилевым, но они требуют дальнейшего изучения. Другие документы, в частности адресованные Гумилеву письма, сохранились, видимо, потому, что они не дошли до адресата и были спасены, скорее всего, А. Цитроном. Все они либо воспроизведены ниже, либо были представлены ранее в соответствующем контексте.

Из материалов, перечисленных в составленной самим Я. Бикерманом описи, в сохранившейся и переданной в архив коллекции присутствуют почти все, за исключением нескольких печатных изданий, репродукций и открыток. Наиболее важными представляются автографы Гумилева и отправленные ему письма от родственников и близких. Остальные материалы не равноценны по своей значимости, все они будут перечислены ниже. В настоящее время коллекция разобрана, описана и осуществлена ее первая публикация[2299].

Как следует из указанной основной современной описи, коллекция содержит личные, эпистолярные, исследовательские, фотографические и печатные материалы, относящиеся к деятельности Бикермана по изучению наследия Николая Гумилева. Все материалы собраны в одной коробке и разбиты по семи папкам. Материалы не равноценные, многие из них упоминались выше в соответствующем контексте[2300]. Наиболее важными представляются несколько автографов Гумилева и адресованные ему из России письма от его близких. Но так как, по моему мнению, письма эти до адресата не дошли, следовательно, никак не могли повлиять на его повседневную жизнь, описанию которой посвящена книга, они вынесены в это приложение. Ниже дается краткое описание некоторых наиболее интересных документов, в порядке их расположения по папкам, причем ряд документов будет приведен полностью с соответствующими комментариями.

ПАПКА 1

Наибольшую ценность в папке 1 представляют несколько автографов Гумилева. Хотя многие из них неразборчивы и их назначение вызывает вопросы.

Документ «1/1». Автограф Гумилева с обрывочными записями, посвященными сюжетам индоперсидских миниатюр и ориентальной живописи. Предположительно, записи относятся к собираемым Гумилевым в Париже восточным миниатюрам. Например, читаются такие слова: «портр‹ет › 18 в.»; «копия с индоперс. ‹...› нач. 17 века»; «Соломон (стиль Тимуридов) исп. 16 в.» и т.д.[2301].

Документ «1/2». На обороте упоминавшегося счета за гостиницу Galilée (с 30.9 по 6.10.1917), важного для восстановления биографической канвы, имеется автограф Гумилева, возможно, относящийся также к сбору коллекции миниатюр. На листочке перечисляются географические регионы (Абиссиния, Америка, Мексика, Индия, Персия, Ява, отдельно — поэзия Явы и Индии, а рядом обозначены многозначные шифры, типа — 27.229 A–I IX, возможно, относящиеся к каталожным номерам хранения книг по разным странам какой-либо библиотеки. Выше рассказывалось о том, что как раз осенью 1917 года, начиная с октября, Гумилев начал часто встречаться с различными коллекционерами и торговцами антиквариатом. Возможно, одновременно он посещал библиотеки и изучал соответствующую литературу. Широта географического охвата позволяет также предположить, что уже тогда Гумилев начал собирать материал для книги, названной в России «География в стихах», но так и незавершенной. Вышел только африканский сборник «Шатер».

Документ «1/3». Трудночитаемый автограф на одной странице с двумя стихотворениями Гумилева.

1. Стихотворение «Много женщин в этом мире / И мужчин...». Первоначальный вариант стихотворения «Песенка» (ПСС-3. № 70. С.132). Не полностью расшифрованный Бикерманом, этот автограф был им опубликован в газете «Возрождение» 26 августа 1926 года (ПСС-3. № 70. С.255). Вырезка из этой газеты хранится в архиве — **Документ «4/4».** В публикации «Stanford-2014» это стихотворение расшифровано полностью:

Много женщин в этом мире
И мужчин,
Но постиг иные шири
Я один.
Ты ж одна благоухаешь,
Ты одна,
Ты проходишь и блистаешь,
Как луна.
Неужель не бросит каждый
Всех забот,
За тобой со сладкой жаждой
Не пойдет.
О, какой бы он увидел
Дивный сад,
О, какой бы он услышал
Аромат.
В небе чистом словно горе
Глаз твоих,
В пене сказочного моря
Рук твоих[2302].

2. Автограф неизвестного стихотворения Гумилева из 10 строк; вот один, наиболее достоверный вариант его прочтения:

Чу! Шум и крики у реки,
Тревога в Стольном Киеве.
А у реки стоят полки,

Стоят полки Батыевы.
С чугунным оспяным лицом
Идет на Русь Монголия.
И за высоким шиханом
Пустынные раздолия.
Там воды змеями текут,
Ветра ревут верблюдами[2303].

В публикации «Stanford-2014» даются варианты прочтения[2304].

Документ «1/4». Автограф неизвестного стихотворения Гумилева из 16 строк про Стеньку Разина. Многие строки стихотворения прочитываются с трудом; вот один, наиболее достоверный вариант его прочтения:

Как увидел старый атамана,
Так и молвил старый: – Ну так что ж,
Не на теле рана, в сердце рана,
Захиреешь, милый, и умрешь.
Люди старого отколотили,
Чтоб не врал недобрые слова.
Пили водку, звонко гомонили,
Закусив, шумела мурава.
И надумал Стенька Разин — буду
Я свою испытывать судьбу,
Приведите мне сюда Гертруду,
Англичанскую мою рабу.
Час прошел, и Стенька вышел: — люди,
Новую мне, есть еще одна.
А Гертруде вы отрежьте груди:
Не сумела угодить она[2305].

В публикации «Stanford-2014» даются варианты прочтения[2306].

Документ «1/5». Автограф Гумилева «Список поэтов», на 4 листах, в котором он кратко характеризует следующих 12 поэтов-современников и дает им свои оценки: В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, И. Анненский, А. Блок, А. Белый, М. Кузмин, Н. Минский, Д. Мережковский, М. Волошин, Н. Гумилев. Видимо, список этот относится к подготавливаемой для Англии, но неосуществленной «Антологии современных русских поэтов». В публикации «Stanford-2014» он дается полностью[2307].

Документ «1/6». Записная книжка Гумилева (так называемая — «Зеленая записная книжка»), состоящая из пяти страниц, в которую он заносил краткие оперативные записи, приходы и расходы, относящиеся к его служебной деятельности. Вписаны имена тех, с кем он встречался, воинские части, где он бывал. По полученной копии точной расшифровке не поддается. Но из нее следует, например, что Гумилев безусловно бывал в командировках в лагере Курно близ Бордо. Об этом было сказано выше. Полное прочтение и расшифровка книжки если и возможны, то только с оригинала.

Документ «1/7». Автограф Гумилева, на 4 листах, предположительно продолжающий статью «Вожди новой школы» в лондонской записной книжке, поведавшей только о творчестве Бальмонта. В этом автографе Гумилев представляет для английского читателя И. Анненского, М. Кузмина

и А. Ахматову. Возможно, и эти записи относятся либо к подготавливаемой для Англии, но неосуществленной «Антологии современных русских поэтов», либо к серии предполагавшихся статей о современной русской поэзии для журнала «The New Age». В публикации «Stanford-2014» этот автограф дан полностью[2308].

Документы «1/8» и «1/9». Чья-то сопроводительная записка на русском языке и приложенный к ней официальный рукописный документ на французском языке от 14 марта 1917 года на 10 страницах, случайно попавшие в архив и, как представляется, никак не связанные с Гумилевым.

Документ «1/10». Полностью расшифрованный Бикерманом автограф отрывка из поэмы «Два сна» Гумилева, опубликованный им в газете «Возрождение» 26 августа 1926 года (ПСС-3. № 110. С.190 и 266, варианты). Вырезка из этой газеты хранится в архиве — **Документ «4/4».** В публикации «Stanford-2014» приводится уточненный вариант этого стихотворения[2309].

ПАПКА 2

Самая ценная папка в архиве Бикермана, содержит письма, адресованные Гумилеву, но, скорее всего, не дошедшие до него, а потому сохранившиеся. Отправившись за границу, Гумилев постоянно поддерживал связь с ближайшими родственниками, оставшимися в Петрограде. Ранее было известно два его письма, посланные в июне 1917 года из Лондона: Ахматовой и Лозинскому. Тогда же он написал и матери А.И. Гумилевой, но его обширная переписка с ней почти полностью утрачена[2310]. Впервые обнаруженные в коллекции Бикермана письма Гумилеву от матери и сестры можно считать сенсацией, ведь до сих пор не было известно ни одного письма от них. Ценность этих писем заключается и в том, что они откровенно показывают, насколько теплые отношения царили в семье Гумилевых. Почему-то об этом почти ничего не писала Ахматова, хотя из писем матери поэта А.И. Гумилевой очень хорошо видно, что ей в их доме жилось уютно и между ней и остальными членами семьи сложились теплые и доверительные отношения. В архиве Бикермана также сохранились два письма от А. Ахматовой, позволяющие взглянуть на взаимоотношения поэтов с неожиданного угла зрения. Попало в эту часть архива и письмо Гумилеву из Лондона от К.Э. Бехгофера, письма от него тоже ранее не были известны. Все письма из этой папки приводятся полностью, с небольшими комментариями, учитывающими то, что Гумилев письма эти не получил[2311], а следовательно, они никак не могли повлиять на его времяпрепровождение. Все письма ранее были даны в публикации «Stanford-2014»[2312].

Документ «2/1». Письмо от Ахматовой

Письмо было вложено в «конверт» без штемпелей, только с надписью на внешней стороне листа:

Действующая Армия в Салониках.
Русский экспедиционный корпус.
Корнету[2313] 5-ого Александрийского полка
Николаю Степановичу Гумилеву.

Дорогой Коля,
вот уже неделя, как я в Слепневе[2314]. Здесь довольно мрачно в смысле настроений революционной демократии, но тепло, светло и тихо. Я отлично отдыхаю и, наконец, чувствую себя здоровой. Книга моя выходит на следующей неделе[2315]. Буду искать случая отправить ее тебе.

Спасибо за письмо из Лондона. Чувствую, что ты бодрый и веселый. Из стихотворений мне больше всех нравится "сон о Стокгольме"[2316] в маминном письме.

Я очень рада, что ты повидал англичан. Они для нас всегда казались чем-то таинственным. Во время твоего отсутствия в Петербурге не случилось ничего примечательного. Все ушли в политику, но все это очень безрадостно.

Пожалуйста береги свое здоровье и по возможности не оставляй нас без вестей.

Лева стал большим и умным. Часто спрашивает о тебе.

Целую крепко
всегда твоя Аня.

Документ «2/2». Письмо от Ахматовой

Сохранился конверт от письма:
Lientenant Goumilef:
4, rue Lincoln
Paris.
Франция.
Штемпель: 17(?).8.17. Петроград. Две марки по 10 коп.

Письмо датировано.

15 августа 1917.
Слепнево.

Мой дорогой Коля, наконец мама получила твое письмо из Парижа[2317]. Я рада за тебя, что вместо мрачного Салоникского сидения ты остаешься во Франции. Думаю, могу не описывать, как мне мучительно хочется приехать к тебе. Прошу тебя — устрой это, докажи, что ты мне друг.

Я здорова, очень скучаю в деревне и с ужасом думаю о зиме в Бежецке. Книга моя наконец вышла, но я ее еще не получила. Письма от тебя тоже не получила, как это досадно!

Два твои стихотворения (сон о Стокгольме и о земле — звезде[2318]) я отослала Лозинскому, они будут в Аполлоне. Мих. Леон. они очень понравились, и я нахожу их отличными.

О наших друзьях ничего не знаю, почта работает плохо.

Я писала последнее время довольно много, но ничем из написанного не довольна.

Пожалуйста, пиши мне теперь в Аполлон, потому что я думаю побывать в городе, а если меня не будет, Лозинский всегда перешлет. Как странно мне вспоминать, что зимой 1907 г. ты в каждом письме звал меня в Париж, а теперь я совсем не знаю, хочешь ли ты меня видеть. Но всегда помни, что я тебя помню, очень люблю, и что без тебя мне всегда как-то невесело. Я с тоской смотрю на то, что сейчас творится в России, тяжко карает Господь нашу страну.

Не забывай меня, дорогой мой. Пиши.

Всегда твоя Аня.

Наш сынок совсем милый и очень послушный. На тебя похож невероятно.

Документ «2/3». Письмо от К.Э. Бехгофера

Написанное на трех страницах письмо отправлено 27 июня 1917 года, сразу же вслед за отъездом Гумилева из Лондона в Париж. Полностью оно приведено в главе о встречах в Лондоне в июне 1917 года.

Документ «2/4». Письмо от матери А.И. Гумилевой

Впервые обнаружены два письма и телеграмма от матери А.И. Гумилевой к сыну. Исключительно теплые материнские письма, почти не требующие комментариев.

(Без конверта)

29 Июня 1917 г.

Милый мой, ненаглядный, любимый Колюня!

С 20-го Мая не имею от тебя весточки. Спасибо Струве[2319], он прислал мне телеграмму о том, что ты благополучно доехал до Лондона, а потом пришли две открытки из Стокгольма, мне и Леве. Я не знаю, кто был более рад их получить, я или Лёвка, он даже запрыгал как куколка на резинке. Мы теперь в Слепневе опять собрались большой семьей, только все одни женщины, единственный мужчина Лёва! Ну за то его все и балуют, общий любимец. Митя[2320] все собирался приехать недельки на три отдохнуть, да всё не отпускали, а теперь и вовсе прекратили отпуска. Такое у меня опять неспокойное настроение, точно в первый год войны. От тебя нет, да и надежды не имеется получить известий, а Митя в Петрограде, где хуже всякого фронта! Да еще вдобавок и голодовка. Здесь мы сидим в полной неизвестности, что будет дальше, в настоящую минуту мужики довольно хорошо к нам относятся, но, по-видимому, они убеждены, что Слепнево все перейдет к ним полностью. Конечно, до учредительного собрания они будут ждать, но потом, если им не дадут желаемого, они отберут самовольно. Уже землю под лен три десятины (на тристо 30 р.) они у нас забрали да и денег не платят. Конечно, мы бы могли подать на них жалобу, но не хотим с ними ссориться. Может быть, живем последнее время в Слепневе, а лето-то, как нарочно, чудное. Уже давно не было такого жаркого лета. Мы с Лёвкой с Мая месяца начали купаться, нашли хорошее место в речке, с хорошим песчаным дном, и Левку из воды не вытащишь. Он очень вырос и возмужал, так что Аня говорит, что на улице не узнала бы его. Шура с Марусей[2321] тоже живут в Слепневе, Маруся живет почти совсем изолированно наверху, и только Шура сводит ее погулять. Ее состояние не улучшается, но она довольно спокойна. Только жаль бедную Шуру, ей приходится быть с М. все время, а то она наделает разных глупостей. Коля М. пока в Петрограде, но, кажется, его переведут в Одесский округ[2322]. Я выписала себе газету, в которой ты корреспондентом, надеялась, что хоть там буду читать, что ты пишешь, но оказывается, что ты не подписываешь своей фамилией, и я не могу ничего узнать[2323]. А страшно бы хотелось о тебе узнать побольше! Как-то ты поживаешь. Нравится ли тебе, и как идут твои дела. Но почта и у нас плоха, от Петр‹ограда› до нас письма идут по 6-ти дней, а много и совсем пропадают, так что я думаю, что мы и вовсе от тебя писем получать не будем, очень это мне грустно! Доживу ли я когда-нибудь до блаженного времени, когда все успокоится, война кончится и Вы все, мои дорогие, будете в безопасности?!! Я часто вспоминаю наше житье в доме Георгиевского[2324]. Жили без забот и хлопот, теперь и с домом и вообще со всем хлопот не обобраться. Ну да Бог даст, все понемногу уладится! А пока до свидания! Сохрани тебя Господь!

Крепко, крепко тебя, мой золотой, обнимаю и целую. Горячо любящая тебя мама.

А. Гумилева.

(Приписка «вверх ногами» на стр. 1 и 4)

Сегодня к вечеру, когда уже было написано это письмо, я получила твое из Лон‹дона›: бесконечно рада за тебя, что ты так доволен своим путешествием[2325]. Много интересного увидишь! И останутся хорошие воспоминания. А у нас то теперь кажется, Слава Богу, опомнились! Начали наступать, пока все идет хорошо! Дай Бог, чтобы и дальше так продолжалось.

Документ «2/5». Письмо от матери А.И. Гумилевой

От этого письма сохранился конверт, но указанный на нем адрес, такой же, как и на втором письме от Ахматовой, улица Линкольна, 4, не соответствует никакому выявленному военному российскому учреждению в Париже. Возможно, поэтому письмо и не дошло до адресата.

Франция. Париж.
Paris. 4, rue Lincoln.
Lientenant N. Goumilef.
Recommandee — Наклейка: R 542 Petrograd.
Заказное. Штемпели (четыре штуки): ПЕТРОГРАД. 21.8.17 и четыре марки по 10 коп.

12-го Августа
1917 года.

Мой родной, ненаглядный Котик!

Сейчас получила твое письмо из Парижа от 27 (н.с.), а по нашему значит от 14 июля, а сегодня 12, значит, письмо шло почти месяц. Не могу выразить, как я рада, что тебе так удачно все устроилось! И ты опять в своем любимом Париже. Дай Бог тебе удачи во всех твоих делах. Это уже Бог слышит мои молитвы и устраивает все к лучшему! Я очень о тебе беспокоилась, долго не получая от тебя известий. Только от тебя и было, что мне и Леве по открытке из Стокгольма и мне и Ане по письму из Лондона. Мы тебе тоже писали один раз, через штаб, не знаю, дошли ли до тебя эти письма? Твоя Аня и теперь в Слепневе — собралась жить всю зиму со мной в Бежецке, но сегодняшнее твое письмо прямо ее наэлектризовало надеждой поехать к тебе[2326]. Конечно, я никак не рассчитывала, что она выдержит всю зиму нашу однообразную и скучную жизнь, и очень буду за нее рада, если устроится эта поездка.

А я наняла в Бежецке квар‹тиру› уютную и удобную 6-ть комнат, только грязновато и приходится самой заняться приведением ее в приличный вид[2327]. Но я это люблю и думаю, что устроюсь хорошо. При доме есть очень большой сад, которым мы можем пользоваться для гулянья, это очень важно для Левочки! Ему будет где побегать и поиграть на воздухе. В Слепневе у нас, Слава Богу, особенных неприятностей с крестьянами не было. Выкосили они у нас луг самовольно, мы пожаловались на них в город в комиссариат. А когда приехали сделать дознание, мужики струсили и начали

просить прощения[2328]. Варинька с Котей[2329], конечно, хотели взыскать с них стоимость сена, но мне удалось убедить их прекратить дело, под условием, что крестьяне обязуются больше никаких захватов не делать. Конечно, мы, может быть, и присудили бы к наказанию. Но они уже окончательно обозлились бы на нас — теперь все-таки отношения между нами, хотя, может быть, только по виду, дружелюбные. 6-го Августа был деревенский праздник, когда и в прежние-то времена были беспорядки, а в нынешнем году мужики пообещали, что все будет покойно[2330], и действительно в усадьбе нас не беспокоили. Из всего этого ты можешь видеть, что пока мы никакой опасности не подвергаемся. Если все так будет продолжаться, то я думаю переехать в город к концу Сентября.

Теперь у нас гостят Митя с Аней[2331], они приехали вчера и пробудут две недели числа до 27 Августа. Погода у нас стоит изумительная, до сих пор спим с открытыми окнами! Лёвик все лето бегает босиком и стал такой шалун, что за ним не усмотришь. Последнюю фразу он сам просил тебе написать, а когда я сказала, что это тебя, пожалуй, огорчит, то он очень уверенно заявил, что, напротив, тебе это очень понравится. Он, Слава Богу, здоров и весел, растет умным, живым мальчиком. Твоим письмам всегда очень радуется и сам собирается тебе писать. Все наши тебя целуют, а Аня сама тебе пишет сегодня, хотя и не получила твоего письма. Ну пока, до свиданья, мой дорогой голубчик. Сохрани тебя Господь. Крепко, крепко тебя целую за Лёву и себя. Горячо тебя любящая мама. А. Гумилева.

Документ «2/6». Телеграмма от матери. А.И. Гумилевой

Очень короткая телеграмма от матери из Бежецка, которая вызывает множество вопросов. Сам текст телеграммы, отпечатанный на приклеенной телеграфной ленте:

BEJETZK 447. 7. 17. 16. 20. NORTHERN = (БЕЖЕЦК, далее телеграфный адрес)

= TOUT VA BIEN = MAMAN — (ВСЕ В ПОРЯДКЕ — МАМА)

На телеграмме четко виден штемпель получателя: 25–12–17. PARIS.

То есть телеграмма пришла как раз на Рождество, 25 декабря 1917 года!

При этом на телеграмме сохранилась неоторванная наклейка, на которой напечатана, по-французски, инструкция для почтальона: КОНТРОЛЬНЫЙ ‹ТАЛОН› 355. Пересылка бесплатная. Почтальон должен выдать квитанцию, желательно когда возвращена уплаченная сумма. **ОТОРВАТЬ**. (выделено типографски). На этой же наклейке сверху обозначен получатель, печатными буквами: PARIS RUSSARIERE GOUMILIFF (Париж, Русский тыл, Гумилеву). Ниже, на ней же, место для вписывания адреса доставки, и там, от руки, указан следующий адрес: 59, Pierre Charron (это правильный адрес комиссариата, где сидел Гумилев). Но наклейка эта так и не была никем оторвана. А это говорит о том, что телеграмму так и не вручили получателю. Почему? Причина, по которой Гумилев не получил телеграмму, была совершенно прозаической: в середине декабря Военный комиссар Е.И. Рапп был смещен с должности и выселен из помещения комиссариата вместе со всем штатом. На некоторое время здесь разместился прибывший с Салоникского фронта М.А. Михайлов, самовольно назначивший себя новым Военным комиссаром. Михайлов категорически не признавал Раппа и по этой причине игнорировал продолжавшую поступать в комиссариат

корреспонденцию. По стечению обстоятельств указанный в телеграмме адрес оказался недействующим, и к Гумилеву телеграмма так и не попала. Тем более, что в самом начале 1918 года управление Военного комиссара было окончательно расформировано.

Документ «2/7». Письмо от сестры А.С. Сверчковой
(Без конверта, видимо, открытка)

29/VI 17.

Дорогой Коля!

Пишу тебе в тот самый день, когда несколько лет тому назад ты мне посвятил стихотворение:

Моя любимая сестра,
Родясь в день Павла и Петра,
За Леонида выйдя замуж

и т.д. Вспоминаю то счастливое время, когда мы все были вместе и весело и беззаботно жили в Слепневе. Теперь мы все врозь, и Бог знает, где и в какое время встретимся. Коля мой по совету доктора опять подал прошение о переводе его в Одесский округ, Митя тоже стремится уехать из Петрограда. Мне грустно, что я не могла проститься с тобой. Спасибо за память. Мама передала мне твой поклон.

Всего хорошего, голубчик!

Вспоминай хоть изредка сестру и друга Шуру[2332].

Документ «2/8». Записка с рисунком художника Б. Мещерского.

К сожалению, пока не удалось получить этот документ, но, судя по составленной самим Бикерманом в 1930-е годы описи, документ может представлять безусловный интерес. Как сказано у Бикермана: «Карандашная записка с рисунком: “Девушка, американец, Колумб и поэт” Мещерского. Лист...» Описание этого рисунка художника Б. Мещерского невольно ассоциируется с «Танкой» Гумилева из Альбома Струве, посвященной Е.К. Дюбуше:

Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца —
Зачем Колумб Америку открыл?!

ПАПКА 3

Папка 3 содержит несколько писем, адресованных к Я. Бикерману в 1920–1930-е годы. Касаются они в основном его коллекции и содержат мало дополнительной информации, относящейся к биографии Гумилева.

Документ «3/1». Приведенное выше письмо известного графолога Е.М. Цитрон, урожденной Мандельштам, к Я. Бикерману, позволившее понять, что все письма от родственников попали в коллекцию Бикермана от А. Цитрона.

Документ «3/2». Письмо Бикерману от П. Лукницкого от 20 октября 1925 года (от имени А. Ахматовой), ответное на письмо Бикермана Ахматовой с просьбой помочь ему расшифровать автограф Гумилева с отрывком из поэмы «Два Сна» (упомянутый выше **документ «1/10»**). Из письма видно, что Ахматова помогла Бикерману в расшифровке стихотворения, и оно вскоре было опубликовано.

Документ «3/3». Письмо Бикерману от С. Топоркова от 20 ноября 1931 года, с вариантом его воспоминаний о совместной службе с Гуми-

левым в Гусарском полку, мало отличающихся от его воспоминаний, опубликованных Г. Струве. В книге воспоминания С. Топоркова приведены с учетом этого письма.

ПАПКА 4

Папка 4 в основном содержит варианты его расшифровки хранящихся у него стихотворных автографов Гумилева (**документы «4/1–3, 6»** — на основе **документов «1/3, 4, 10»**). Бикерман частично расшифровал два автографа и опубликовал их в газете «Возрождение» 26 августа 1926 года. Вырезка из газеты: **документ «4/4»**. Об этом было сказано выше.

Документ «4/5» — черновик ответного письма Бикермана Ахматовой конца 1925 года, в котором он благодарит ее за расшифровку отрывка из поэмы «Два сна» и спрашивает разрешения на публикацию. Видимо, ответ от Ахматовой пришел, и два стихотворения были опубликованы в газете «Возрождение».

Документ «4/7» — составленная Бикерманом краткая библиография публикаций по Гумилеву, самой интересной записью в которой оказалась ссылка на забытые воспоминания сослуживца Гумилева по Гусарскому полку, опубликованные С. Кулаковским. Они приведены как Приложение к части 3 книги.

Документ «4/8» — известная, не представляющая интереса выписка из газеты о расстреле Гумилева.

Документ «4/9» — не представляющая особого интереса, составленная Бикерманом краткая библиография изданных Гумилевым книг. Помимо этого на листке названы два сослуживца Гумилева по Гусарскому полку, с которыми он либо встречался, либо переписывался: С. Топорков, от которого он получил воспоминания (**документ «3/3»**) и В.В. Доможиров; рядом с последним дата (?встречи) — 7.11.1931.

Документ «4/10» — составленная Бикерманом, видимо, еще в 1930-е годы, краткая опись всей его коллекции, на двух страницах. В основном совпадает с тем, что отражено в описи его коллекции, переданной в Амхерст, но документ полезен для сравнения и уточнения происхождения некоторых документов.

ПАПКА 5

Папка 5 в основном содержит документы, не имеющие к Гумилеву никакого отношения.

Документ «5/2», на 9 страницах — стихи, как выяснилось, поэта Валентина Парнаха (1891, Таганрог — 1951, Москва), брата поэтессы Софии Парнок. С Н. Гумилевым он был вряд ли знаком, хотя жил во Франции и состоял в переписке с М. Ларионовым.

Документ «5/3», на трех страницах — начало какого-то «романтического» рассказа, также не представляющего интереса.

Но два других документа представляют большой интерес.

Документ «5/1». Посвященный Гумилеву «Мадригал», написанный Л. Вилькиной, женой поэта Н. Минского.

Документ «5/4». Написанное не Гумилевым, но от его имени, по-английски, прошение о зачислении его солдатом в американскую армию в конце 1917 года.

ПАПКА 6

Папка 6 содержит два очень интересных документа с фотографиями.

Документ «6/1». Дарственная надпись Гумилеву от поэта К. Льдова на обороте групповой фотографии, сделанной на Новый год, 1 января 1918 года.

Документ «6/2». Фотография с дарственной надписью Гумилеву от «Султана Занзибара», относящаяся к пребыванию Гумилева в Лондоне в июне 1917 года. Ее описание дано в соответствующей главе этой части.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Накануне своего последнего заграничного Нового года, 1918, Гумилев оказался не у дел, и можно предположить, что у него появилось много свободного времени. Поэтому следует обратить внимание на приказ, объявленный 29 декабря: «Приказ по Тыловому управлению русских войск во Франции № 90, 16/29 декабря 1917 г. г. Париж. По части инспекторской. ‹…› § 4. Объявляю, что M-lle Елена Карловна Дю-Буше уполномочена Американским Обществом Христианской молодежи устраивать елки в госпиталях и командах, расположенных в районе и области…»[2333]. Е.К. Дюбуше — парижская Муза поэта, «Синяя звезда»... Вполне вероятно, что Гумилев мог выступить в качестве ее сопровожатого и даже помочь ей в организации рождественских елок. А может быть, они вместе встретили Новый год? От встречи Нового, 1918 года в коллекции Бикермана сохранилась групповая фотография с дарственной надписью поэта К. Льдова, подаренная Льдовым Гумилеву. Надписи предшествует странный эпиграф из стихотворения Гумилева, вписанного в конце парижской части «Альбома Струве». Стихотворение, впервые опубликованное в другой редакции в «Посмертном сборнике» 1923 года, точно передает мрачное настроение поэта накануне наступающего года, и так как строка из него вошла в эпиграф Льдова, можно предположить, что оно написано незадолго до этого и было прочитано в компании Льдова:

Я, что мог быть лучшей из поэм,
Звонкой скрипкой или розой белою,
В этом мире сделался ничем,
Вот живу и ничего не делаю.

Часто больно мне и трудно мне,
Только даже боль моя какая-то,
Не ездок на огненном коне,
А томленье и пустая маята.

Ничего я в жизни не пойму,
Лишь шепчу: «Пусть плохо мне приходится,
Было хуже Богу моему,
И больнее было Богородице»[2334].

«Странность» эпиграфа, приведенного К. Льдовым, состоит в том, что его автором указан неизвестный нам А. Ермаков. Вот как выглядит надпись на обороте фотографии:

«Лучшей из поэм»
А. Ермаков

Вот Ваши парижские Слушатели. Только фотография. Но Вы ничего, кроме красоты, не видите. Пожалуйста, перевоплотите в красивых

оборотней. Заворожите, — чего Вам это стоит? По привычке создавать чудеса искусства.

К. Льдов.
Николаю Степановичу Гумилеву,
1-го Января 1918, к сожалению, в Париже[2335].

Кто такой «А. Ермаков», установить не удалось. Можно предположить, что это кто-то из «парижских слушателей» Гумилева, который назвал какое-то услышанное стихотворение поэта — «лучшей из поэм» и тем самым подтолкнул его к написанию приведенного стихотворения. К сожалению, сама фотография пока нам недоступна, и мы вольны предположить, что на ней может оказаться и Е.К. Дюбуше. По крайней мере, то, что она была постоянным «парижским Слушателем» поэта на протяжении полугода, не вызывает сомнений!

Так как до сих пор альбом Дюбуше «К Синей звезде» недоступен, всегда мучил вопрос — все ли записанные в альбом стихотворения вошли в книгу? Положительно ответить на него позволили недавно обнаруженные документы в архиве Бикермана. А. Ахматову всегда этот вопрос интересовал, в 1920-х годах она, через П. Лукницкого, переписывалась с Бикерманом. В письме от 20 октября 1925 года в Берлин она спрашивала Бикермана (документ 3/2): «…Анна Андреевна просит Вас не отказать в любезности сообщить ей, не известно ли Вам, кому принадлежит альбом стихотворений, изданный Petropolis'ом, под названием "К Синей Звезде", и все ли стихотворения, имеющиеся в альбоме, включены в это издание?..»[2336] Бикерман сразу же ответил на этот вопрос, непосредственно Ахматовой, и сообщенная им информация весьма существенна для нас (документ 4/5): «…Владельцы альбома, напечатанного Petropolis'ом под заглав‹ием› сборника К ‹Синей Звезде›, предоставили эту рукопись издательству под условием, что они останутся неназванными. Мне известно только, что они проживают сейчас в Париже. По заверениям Я.Н. Блоха, руководителя Petropolis'a, **альбом использован полностью**…»[2337]

Кажется уместным вспомнить именно здесь это обращенное к альбому стихотворение самого Гумилева:

Мой альбом, где страсть сквозит без меры
В каждой мной отточенной строфе,
Дивным покровительством Венеры
Спасся он от ауто-да-фэ.

И потом — да славится наука! —
Будет в библиотеке стоять
Вашего расчетливого внука
В год две тысячи и двадцать пять.

Но американец длинноносый
Променяет Фриско на Тамбов,
Сердцем вспомнив русские березы,
Звон малиновый колоколов…

Гостем явит он себя достойным
И, узнав, что был такой поэт,
Мой (и Ваш) альбом с письмом пристойным
Он отправит в университет.

Мой биограф будет очень счастлив,
Будет удивляться два часа,
Как осел, перед которым в ясли
Свежего насыпали овса.

Вот и монография готова,
Фолиант почтенной толщины:
«О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны».

И когда тогдашние Лигейи,
С взорами, где ангелы живут,
Со щеками лепестка свежее,
Прочитают сей почтенный труд,

Каждая подумает уныло,
Легкого презренья не тая:
«Я б американца не любила,
А любила бы поэта я»[2338].

Предположительно, альбом этот находится где-то в США. По одной из версий — в районе Чикаго. Как известно, настоящие поэты — пророки. До назначенного в стихотворении срока, когда альбом должен будет попасть в университет, ждать осталось не так долго — 2025 год. Напомним, что Фриско — это Сан-Франциско, совсем рядом со Стэнфордским университетом, где впервые опубликованы уникальные материалы архива в Амхерсте. Кстати, это единственное упоминание этого американского города во всем творчестве Гумилева. Может быть, наша книга поспособствует тому, чтобы затерявшийся Парижский альбом спасся от autodafé и, всплывши из небытия, наконец-то встал на полку библиотеки — хотя бы этого университета.

ЧАСТЬ 5
ЭПИЛОГ

В поисках «отсутствующего героя»

В апреле 1918 года Николай Гумилев возвратился в Россию, в Петроград, прожив там, почти безвыездно[2339], чуть более трех чрезвычайно насыщенных событиями лет. Они так или иначе вобрали в себя все то, с чем ему пришлось столкнуться на протяжении четырех военных лет, но свое повествование я хочу закончить некоторыми мыслями, касающимися его посмертной судьбы. Приведенные ниже соображения могут рассматриваться как эпилог, хотя относятся они к событиям последнего мирного года, с которого начинался наш рассказ, который предшествовал началу Первой мировой войны, точнее, к тому, как трактовала события 1913 года в своей «Поэме без героя» Анна Ахматова спустя десятилетия после гибели бывшего мужа. Впервые крамольные тогда мысли засели в голову в еще доперестроечные времена, и тогда же они часто предавались гласности на небольших сборищах и выступлениях, вначале в узком кругу друзей, а затем на небольших литературных вечерах, чаще всего не в столице, а в городах, с которыми были тесно связаны биографии как автора поэмы, так и Николая Гумилева: в Киеве, Ленинграде, Бежецке, Одессе, Севастополе и некоторых других местах. Благодаря этим вечерам круг знакомств существенно расширился, в него вошли и те, кто мог критически осмыслить предложенную трактовку, включая тогда еще живых, редких современников поэтов, лично их знавших. От старшего поколения часто звучали слова поддержки, чего нельзя сказать об оппонирующих профессиональных литературоведах. Последними изложенная версия подвергалась аргументированной и частично обоснованной критике, однако поиски встречных аргументов, опирающиеся на изучение архивов, не столько разрушали, сколько укрепляли основную позицию, касающуюся сути — поиска отсутствующего героя в «Поэме без героя» Анны Ахматовой.

Теперь о сути… Она сводится к тому, что в тех давнишних выступлениях мы[2340], в сопровождении иллюстрирующего рассказ показа слайдов, с демонстрацией действующих лиц, памятных мест и документов, пытались ответить на заключенный в названии поэмы вопрос: кого могла Ахматова подразумевать под «отсутствующем героем» в «Поэме без героя»? Для себя мы вопрос формулировали более конкретно: каково место Гумилева, мужа Ахматовой в 1913 году, в посвященной этому году «Поэме без героя»? Почему-то почти от всех занимавшихся поэмой ответ звучал почти один и тот же: Гумилев в «Поэме без героя» практически отсутствует, а если и появляется, так где-то на «заднем плане», как второстепенное действующее лицо. Одновременно приводились «неопровержимые» доказательства, называлось множество несомненных прототипов упомянутых в поэме действующих лиц. Но внутренне согласиться с этим мешали два обстоятельства. Ведь точно и, безусловно, не случайно Анна Ахматова в 1963 году в «Записной книжке» назвала одну из глав ненаписанной биографической книги: «Н. Гумилев. Самый непрочитанный поэт 20-го века»[2341]. В том же 1963 году Ахматовой была перепечатана последняя, так называемая «Девятая редакция» «Поэмы без героя», окончательный ее текст. Была завершена своеобразная, не знающая аналогов поэтическая летопись литературной жизни предреволюционного Петербурга, и с отсутствием в ней «самого непрочитанного поэта» и лично близкого человека соглашаться почему-то не хотелось.

Скорее всего, если бы недавно не был издан фундаментальный том, где впервые опубликованы и научно прокомментированы все десять редакций «Поэмы без героя», со всеми сопутствующими поэтическими и прозаическими текстами[2342], автор бы не решился представить свои «Субъективные размышления об отсутствующем герое» на суд читателя.

«Девятьсот тринадцатый год». Так Анна Ахматова во всех редакциях, с первой, начатой в 1940-м и завершенной в 1942 году, называла первую часть «Поэмы без героя». От этого последнего, рубежного и мирного, года она начинала отсчет всех грядущих катастроф «настоящего двадцатого века», первой из которых, безусловно, была Великая (позже названная Первой мировой) война, которую Николай Гумилев, единственный из литературного окружения Петербурга, прошел как воин от первого до последнего дня. Вчитаемся в текст, чтобы попытаться найти хоть какие-либо следы его присутствия в строфах «Поэмы без героя»[2343].

«Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском Селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве иль против теченья, —
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
‹…›
И всегда в духоте морозной,
Предвоенной блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул,
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах Невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век».

Любопытно, что в этом отрывке, почти без изменений вошедшем уже в первую редакцию поэмы, упоминается ставшее позже хрестоматийным понятие «Серебряный век» — короткий период нашей истории, названный так уже после его завершения[2344]. О том, как автор трактует хронологические границы этого явления, было сказано в начале 1-й части. А его завершением можно условно считать почти одновременную гибель двух его ярчайших представителей — поэтов Александра Блока и Николая Гумилева. Приведенная цитата — из начала третьей главы «Поэмы без героя», первой ее части — «Девятьсот тринадцатый год». Главе предшествуют три эпиграфа, третий эпиграф — «То был последний год...» — из написанного в 1914 году стихотворения близкого друга Ахматовой и Гумилева Михаила Лозинского:

То был последний год. Как чаша в сердце храма,
Чеканный, он вместил всю мудрость и любовь.
Как чаша в страшный миг, когда вино есть кровь.
И клир безмолвствует, и луч нисходит прямо.

Я к жертве наклонил спокойные уста,
Чтоб влить бессмертие в пречистый холод плоти,
Чтоб упокоить взор в светящейся дремоте.
И чуда не было. И встала темнота.

Но легким запахом той огненной волны
Больные, тихие уста напоены.
Блаженный и слепой, в обугленном молчанье,
Пока не схлынет смерть, я пью свое дыханье[2345].

«Поэма без героя» — уникальное произведение, с одной стороны, всецело по духу принадлежащее Серебряному веку, с другой стороны, — «реквием» по нему, завершенный спустя почти полвека после его конца. История гибели безвестного юного корнета и поэта преломляется Ахматовой в зеркале дальнейших судеб ее поколения, нашедшего гибель на ледяных просторах «Настоящего Двадцатого Века».

На площадке пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит...
Он мгновенье последнее тратит,
Чтобы славить тебя.
Гляди:
Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах...
Он — на твой порог!
Поперек.
Да простит тебя Бог!

(Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту, —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...)

«Поэма без героя», как признавался сам автор, — зашифрованное произведение, и «зеркальность» пронизывает всю ее. Место действия, как комментирует Ахматова в одной из редакций поэмы, «Белый зеркальный зал в Фонтанном Доме (работы Кваренги) через площадку от квартиры автора»: «И во всех зеркалах отразился // Человек, что не появился // И проникнуть в тот зал не мог»; «Кто стучится? // Ведь всех впустили. // Это гость зазеркальный? Или // То, что вдруг мелькнуло в окне...»; «В дверь мою никто не стучится, // Только зеркало зеркалу снится, // Тишина тишину сторожит...». И в прозаическом введении второй части, «Решка»: «...В печной трубе воет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать». Наконец, в своеобразно комментирующей всю поэму «Решке»:

Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу...
У шкатулки ж тройное дно.

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу,
И другой мне дороги нету, —
Чудом я набрела на эту,
И расстаться с ней не спешу.

А в самом начале, озаглавленном как «Вместо предисловия», Ахматова, остерегая читателя и упреждая неизбежные вопросы будущих слушателей поэмы, фактически подталкивает их к собственным поискам, чем занимаются вот уже более полувека исследователи ее творчества:

«До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях “Поэмы без Героя”. И кто-то даже советует мне сделать Поэму более понятной. Я воздержусь от этого. Никаких третьих, седьмых и двадцать девятых смыслов Поэма не содержит. Ни изменять ее, ни объяснять я не буду. “Еже писахъ — писахъ“»[2346].

Автор, будучи более физиком, чем лириком, попытался поверить «алгеброй гармонию» и логически обосновать некоторые свои соображения о возможном местоположении в «Поэме без героя» Николая Гумилева. Такая поверка привела к достаточно неожиданным результатам, во многом отличным от общепринятой точки зрения на поэму. Как мне кажется, это поможет как правильнее воспринять весь путь, пройденный Николаем Гумилевым за четыре года войны, так и понять отношение к его оборванной «посредине странствия земного» жизни со стороны бывшей жены и автора «Поэмы без героя».

Сразу оговорюсь. Поэма эта, по определению, — многозначна, многомерна, калейдоскопична. Ведь как признавалась сама Ахматова, — «Но сознаюсь, что применила // Симпатические чернила», и — «У шкатулки ж тройное дно» (в ранних редакциях «дно» было «двойным»)[2347]. Споров о ее трактовке было множество, но, наверное, автор никогда бы не решился привести здесь свои соображения, если бы не наиболее важный толчок — память о длительном обсуждении ее трактовки с сыном поэтов — Львом Ни-

колаевичем Гумилевым, память о его реакции. Не буду утверждать, что она была принята им безоговорочно, но, по крайней мере, равнодушным его не оставила, и табу на ее распространение тогда, в 1980-х годах, в коммунальной квартире на улице Большая Московская в Ленинграде, наложено не было. Скорее наоборот, было дано «добро». Если бы тогда произошло неприятие с его стороны такого подхода, не было бы и этого текста.

Были прочитаны горы книг и статей, относящихся к трактовкам «Поэмы без героя», к выявлению прототипов ее героев[2348]. Оспаривать их бессмысленно, со многими можно согласиться, однако ряд трактовок грешит тем, что к каждой фразе поэмы, как правило, стараются привязать какой-либо один, «свой» прототип. При этом, пытаясь доказать правоту своей единственно «верной» точки зрения, часто забывают о заложенном в поэме «тройном дне», о намеренной заселенности поэмы «двойниками», о том, что поэма — «без Героя».

Первая глава первой части поэмы, «Девятьсот тринадцатый год», начинается, как это ранее было принято во многих книгах, с изложения краткого прозаического содержания всей последующей главы: «Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженых. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление — "Гость из будущего". Маскарад. Поэт. Призрак». Большая часть комментариев к поэме, как правило, сводится к попыткам снять маски с ряженых «теней из тринадцатого года», назвать их по именам. Теней в поэме — множество. Выполняя свое обещание, Ахматова за масками ряженых часто скрывала собирательные образы, вбирающие в себя по нескольку реальных прототипов. То есть за каждым участником «Маскарада» может скрываться ряд «двойников». Сама Ахматова так относится к захватившему ее карнавальному действу:

С детства ряженых я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них «б е з л и ц а и н а з в а н ь я»
Затесалась...
Откроем собранье
В новогодний торжественный день!
Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...
постой,
Ты как будто не значишься в списках…

Сразу назову одного из «двойников», соответствующих предлагаемой ниже трактовке: как мне кажется, он может быть прототипом «лишней тени», которая «не значится в списках». По моему мнению, тень эта падает как на значительную часть текста «Поэмы без героя», так и на многочисленные сопутствующие ей прозаические отрывки Анны Ахматовой. И источник ее — совершенно конкретное лицо, о котором автор поэмы не мог не думать на протяжении своей долгой жизни. Это — Николай Степанович Гумилев, «не значащийся в списках», изъятый из русской литературы на протяжении всех тех десятилетий, когда создавалась поэма. Мысль эта поначалу казалась банальной, но автор вынужден констатировать, что мало кто пытался взглянуть на поэму под таким углом зрения[2349]. Попробую

доказать это (или хотя бы показать) на конкретных примерах, фрагментах из поэмы и связанной с нею прозы.

Начнем с ранее приведенного отрывка про «драгунского корнета» и будем искать «тени», которые, как представляется, отбросил наш отсутствующий герой, или его отражения в многочисленных, разбросанных по поэме «зеркалах». Попытаемся разгадать, что может скрывать под собой «тройное дно», какой текст может проступить, если попытаться прочитать написанное «симпатическими чернилами». Прототип корнета известен совершенно точно; это юный поэт Всеволод Князев (25.1.1891, Петербург — 5.4.1913, Рига), самоубийство которого в Риге в 1913 году, предположительно из-за несчастной любви к другой героине поэмы, к «Путанице-Психее», артистке и подруге Ахматовой О.А. Глебовой-Судейкиной, легло в основу внешней сюжетной канвы поэмы. Историю этого самоубийства исчерпывающе изложил Роман Тименчик[2350]. По моему мнению, причина выбора Ахматовой такого сюжета связана, с одной стороны, с самим фактом неожиданной, преждевременной смерти юного поэта (кстати, сам прототип не опубликовал к моменту самоубийства ни одного своего стихотворения), а с другой стороны, с тем, что В. Князев служил тогда в 16-м гусарском Иркутском полку, расквартированном в Латвии, в Риге. На самом деле Князев до звания корнета не дослужился, он был юнкером, ему еще предстояло сдавать офицерские экзамены, и пока он оставался вольноопределяющимся, младшим унтер-офицером. Как и Гумилев к моменту перехода из лейб-гвардии уланского кавалерийского полка в 5-й гусарский Александрийский полк, также расквартированный в Латвии тогда, когда Гумилев в него прибыл в младшем офицерском чине прапорщика. Ахматова, развивая линию «зеркальности» поэмы, ввела в нее «двойников», и своим двойником она прямо называет упомянутую возлюбленную В. Князева: «Петербургская кукла, актерка, // Ты — один из моих двойников…» Одним из двойников самого Князева, с моей точки зрения, является Николай Гумилев, который, по крайней мере в представлении Ахматовой и по ее рассказам, несколько раз предпринимал попытки самоубийства из-за любви к ней[2351], и, в конечном итоге, его жизненный путь был также оборван преждевременно, хотя и не по своей воле. Поэтому не случайно, как мне представляется, продолжение фрагмента о самоубийстве Князева в поэме, рассказ про то, «сколько гибелей шло к поэту». Упоминая о том, что нашел он ее «не на синих Карпатских высотах, не в проклятых Мазурских болотах», Ахматова еще раз подсказывает читателю направление поиска. Ведь свою службу Гумилев начинал как раз в районе Мазурских болот, участвуя в наступлении на Восточную Пруссию. Первая Армия, в которую входил Уланский полк Гумилева, должна была обойти Мазурские болота с севера, а Вторая Армия генерала Самсонова — с юга. Операция была проведена неудачно, армия Самсонова попала в окружение, командующий покончил жизнь самоубийством, а на Мазурских болотах нашли свое последнее пристанище тысячи русских солдат. Позже, летом 1915 года, Гумилев со своим полком оказался на Западной Украине, недалеко от Карпатских высот. Думаю, что это место в поэме, отсылка именно к этим местам боевых действий Первой мировой войны сделана Ахматовой сознательно (или, как она признавалась Максимову, по внутреннему наитию), чтобы тем самым указать на «двойника» несчастного влюбленного поэта.

В конце первой главы поэмы, сразу же за эпизодом «С детства ряженых я боялась…», идет фрагмент, который Ахматова связывала в своих

прозаических комментариях к поэме с «**Поэтом вообще, Поэтом с большой буквы**» (выделено самой Ахматовой[2352]):

Ты как будто не значишься в списках,
В калиострах, магах, лизисках,
Полосатой наряжен верстой, —
Размалеван пестро и грубо —
Ты ...
ровесник Мамврийского дуба,
Вековой собеседник луны.
Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы,
Хаммураби, ликурги, солоны
У тебя поучиться должны.
Существо это странного нрава.
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество…

Поискам «прототипа Поэта вообще» посвящены многочисленные публикации. Его образ, безусловно, — собирательный. Но лично я воспринимаю вопрос о прототипе, по крайней мере, одного из его «двойников» — как риторический. О ком из поэтов, современников автора, можно было сказать, что он «несет по цветущему вереску, по пустыням свое торжество»? Напомню лишь, что Николай Гумилев как раз летом 1913 года участвовал в экспедиции от Музея этнографии и антропологии Императорской Академии наук в Абиссинию и пересек тогда жаркие, безводные пустыни в областях Арусси и Анниа. И «писать железные законы» поэтического мастерства было свойственно создателю акмеизма. Так что одним из «двойников Поэта вообще» (конечно, не единственным!) в поэме является опять же Николай Гумилев.

В приведенном отрывке любопытен также фрагмент про «подагру и славу», который Ахматова своеобразно комментировала в «Записных книжках»[2353]: «Аллюзии на стихотворение английского поэта Роберта Браунинга (1812–1889) “Dîs Aliter Visum: or, Le Byron de nos Jours” (1864). (“Боги судили иначе, или Байрон наших дней”), где “подагра”, “слава”, теплое кресло, являясь атрибутами неминуемой старости, противопоставлены красоте, любви, фантазиям — атрибутам проходящей молодости». В записях о связях и «совпадениях» «Поэмы без героя» с произведениями русской и мировой литературы Ахматова указывала: «“Браунинг — (подагра усадила. Dis aliter visum)”, “Браунинг (Dies ‹sic!› aliter visum — подагра и слава)”, “R. Browning Diis ‹sic!› aliter visum (Подагра и слава…)[2354]”». Но в комментариях Н. Крайневой не отмечается тот факт, что именно Гумилев, как раз в 1913 году, накануне войны, перевел и опубликовал в «Северных записках» пьесу Роберта Браунинга «Пиппа проходит»[2355]. Неизвестно, переводил ли он упоминаемое Ахматовой стихотворение Браунинга, но аналогичная тема — не достижения славы, ранней казни за участие в заговоре, за связь с карбонариями, — звучит в переводе пьесы, с которым Ахматова наверняка была знакома. Вот, например, монолог одного из действующих лиц этой странной пьесы, Луиджи:

…Я над собой смеюсь, когда чрез город
Иду и вижу оживленье, будто
Италия свободна, и решаю —
«Я молод и богат; к чему ж смущаться
Мне более других?» Но вот, смущаюсь!
Не это даже! — но пока гуляю,
Все пенье, все скаканье, опьяненье,
Все приключенья юности моей,
Все сны, забытые давно, пустые,
Все возвращается, чем я ни занят;
Земля со мною в перемирье, небо
Дружит со мной, и все вокруг приветно,
Цикады даже кличут: «Вот он, вот!
Прославим час его, он на пути
Для мира, он наш друг, его прославим!»
И я, в ответ на это все, спокойно
На плаху поднимусь: я отправляюсь
Сегодня, мать!..

На той же странице «Прозы о Поэме», на которой говорится о «Поэте вообще, Поэте с большой буквы», сразу же за этим фрагментом, Ахматова продолжает[2356]: «Характеры развивались, менялись, жизнь приводила новые действующие лица. Кто-то уходил. Борьба с читателем продолжалась все время. ‹…› Первый росток (первый толчок), который я десятилетиями скрывала от себя самой, это, конечно, запись Пушкина: “Только первый любовник производит впечатление на женщину, как первый убитый на войне…”. Всеволод был не первым убитым и никогда моим любовником не был, но его самоубийство было так похоже на другую катастрофу ...... что они навсегда слились для меня. Вторая картина, навсегда выхваченная прожектором памяти из мрака прошлого, — это мы с Ольгой после похорон Блока, ищущие на Смоленском кладбище могилу Всеволода (†1913). “Это где-то у стены”, — сказала Ольга, но найти не могли. Я почему-то запомнила эту минуту навсегда». По мнению Р. Тименчика[2357] (поддержанному и без ссылки переписанному Крайневой), под «другой катастрофой», к которой Ахматова отсылает нас длинным отточием, она подразумевала самоубийство сына директора С.-Петербургского кадетского корпуса Михаила Александровича Линдеберга в ночь на 23 декабря 1911 года. Как писали в газете, «причины, побудившие его кончить жизнь, говорят, — романические»[2358]. Соглашаясь с этим мнением, от себя не могу не заметить, что, как мне кажется, самоубийство Линдеберга — это лишь «второе дно» шкатулки, но есть еще и «третье», не менее значимое. На него указывает «вторая картина», выхваченная Ахматовой «из мрака прошлого». 1 августа 1965 года она записала в «Записной книжке»[2359]: «И все-таки он явился. Сегодня. — Илья. Вчера всю ночь катался на своей колеснице по небу. 51 год тому назад началась та война — как помню тот день (в Слепневе) — утром еще спокойные стихи про другое (“От счастья я не исцеляю”), а вечером вся жизнь — вдребезги[2360]. Это один из главных дней. Теперь пойдут августовские “юбилеи”. Завтра день ареста Гумилева (3 августа). Сорок четыре года тому назад. Я узнала об его аресте на Смоленском кладбище — похороны Блока». И в другом месте[2361]: «Об аресте Н.С. я узнала на похоронах Блока. “Запах тленья обморочно-сладкий” в моем стихотворении “Страх”, **написанном ночью 25 августа**, относится к тем же

похоронам. О смерти Н.С. я узнала (прочла в газете на вокзале) 1 сентября в Царском Селе, где я жила (против дома Китаевой) в полубольнице, полусанатории и была так слаба, что ни разу не пошла в парк. 15-го сентября я написала “Заплаканная осень”[2362]». Не из-за этого ли она «запомнила эту минуту — навсегда»? И уже тогда в ее сознании слились два имени, два двойника — Всеволод Князев и Николай Гумилев, могилы которых, когда писалась поэма, обнаружить было невозможно. Слегка отвлекусь и отмечу особое отношение Ахматовой к забытым могилам, особенно к тем захоронениям, которые так и остались для потомков неизвестными. Свое отношение к этому она иносказательно высказала в написанном в 1963 году эссе «Пушкин и Невское взморье», посвященном поискам Пушкиным могилы декабристов на острове Голодай[2363]: «Этим Пушкин, несомненно, горько попрекает Николая I, который не только не вернул родным тела казненных декабристов, но велел закопать их на каком-то пустыре. ‹…› Пушкин нарочно приводит точные данные, когда тела были возвращены родным, чтобы еще раз напомнить царю, как в подобных случаях принято поступать: “Их мирно церковь приютила”. ‹…› Напомню, что Пушкин говорит о телах только что казненных государственных преступниках». Еще более откровенно примечание Ахматовой к этим строкам своего текста в той же «Записной книжке»: «Это Пушкин намекает **нынешним** (*выделено С.Е.*) Кочубеям, что им бы не мешало гордиться так страшно погибшим предком».

«Каноническая» дата гибели Гумилева точно указана во «Вступлении». Поэма на протяжении двух десятилетий дополнялась, трансформировалась, но текст «Вступления» не менялся с самой ранней, первой редакции 1942 года. Единственное отличие — во всех ранних редакциях был проставлен только месяц, точная дата впервые появилась в 5-й редакции 1956 года. Отметим, что во «Вступлении» указана не просто дата, а обозначен юбилейный год, двадцатилетие:

ВСТУПЛЕНИЕ
ИЗ ГОДА СОРОКОВОГО,
КАК С БАШНИ, НА ВСЕ ГЛЯЖУ.
КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВА
С ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,
КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬ
И ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.

25 августа 1941 г.
Осажденный Ленинград

Почему-то в комментариях Крайневой сказано, что эта дата «ассоциировалась в памяти Ахматовой с началом осадного положения Ленинграда и первых бомбардировок города»[2364]. Сомневаюсь… Как свидетельствовала она сама, день этот ассоциировался в ее памяти совсем с другим событием: «В 1928 году Мандельштамы были в Крыму. Вот письмо Осипа от 25 августа (день смерти Гумилева)…»[2365]. Непосредственно в этот день 1941 года Ахматову навестил Лукницкий, о чем есть запись в его дневнике: «25.08.1941. Заходил к А.А. Ахматовой. Она лежит — болеет. Встретила меня очень приветливо, настроение у нее хорошее, с видимым удовольствием сказала, что приглашена выступить по радио…»[2366]. Первый обстрел Ленинграда пришелся на 4 сентября, об этом ее стихи — «Первый дальнобойный в Ленинграде». Первый воздушный налет на город — 6 сентября, а официальная дата начала блокады города — 8 сентября. Вряд ли она обо

всем этом забыла. 28 сентября Ахматова улетела из Ленинграда в Москву, и далее, через Чистополь, в Ташкент. Ахматова часто проставляла под стихами даты, множество дат отмечено в «Поэме без героя». Не всегда обозначенные ею числа соответствуют реальным событиям, указывают на точное время написания стихотворения, скорее, к ним, в ряде случаев, следует относиться как к неким «шифровальным ключам», записанным «симпатическими чернилами» и указывающим читателю на скрытый смысл того, о чем идет речь в соответствующем фрагменте или стихотворении.

Само появление «Вступления», по моему мнению, связано не с тем событием, о котором идет речь в использованных Н. Крайневой воспоминаниях Л.К. Чуковской[2367]: «…Помню, что как-то раз Анна Андреевна прочитала “Поэму” у меня дома — Александре Иосифовне ‹Любарской›, Тамаре Григорьевне ‹Габбе› и мне. Тамара Григорьевна сказала: — Когда слушаешь эту вещь, такое чувство, словно вы поднялись на высокую башню и с высоты поглядели назад… Эти слова впоследствии вызвали к жизни строки во “Вступлении” к “Поэме”: Из года сорокового, // Как с башни, на все гляжу…» Во-первых, эти строки, как мы теперь знаем, попали уже в первую редакцию поэмы, а приведенные воспоминания Чуковской записаны только в 1967 году, так что не исключено, что, наоборот, запомненные Лидией Корнеевной слова Габбе были навеяны этими строками[2368]. А во-вторых, есть еще один источник «Вступления», опять же связанный с Гумилевым: «Возможно, Ахматова отсылает к рецензии Н.С. Гумилева на первый сборник Е. Кузьминой-Караваевой “Скифские черепки”, цитировавшего строки: “Смотрю, смотрю с одинокой башни, // Ах, заснуть, заснуть бы непробудно!”»[2369]. Приводя эти строки своей родственницы, Гумилев сопровождает их редкими для него рассуждениями о России[2370].

Если исходить из того, что каждое действующее лицо поэмы может иметь по нескольку двойников, тогда, при внимательном чтении, многие фрагменты возможно соотнести с тем прототипом, который, по моему предположению, скрыт под маской «Поэта с большой буквы». Вот еще несколько примеров.

Вся поэма пронизана как явными («закавыченными»), так и скрытыми цитатами[2371]. В приведенном выше фрагменте четвертой главы о самоубийстве юного поэта («На площадке пахнет духами…»), начинающейся эпиграфом, двумя строками из стихотворения Всеволода Князева, можно обнаружить несколько таких цитат, но не о них будет идти речь:

И дождался он. Стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой... не одна!
Кто-то с ней «б е з л и ц а и н а з в а н ь я»...
Недвусмысленное расставанье
Сквозь косое пламя костра
Он увидел. Рухнули зданья...
И в ответ обрывок рыданья:
«Ты — Голубка, солнце, сестра! —
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь м о е й вдовою,
А теперь...
Прощаться пора!»

Здесь обращает на себя внимание то, что Ахматова одновременно чуть ли не дословно цитирует саму себя, во-первых, еще раз назвав «лишнюю тень», «б е з л и ц а и н а з в а н ь я»; во-вторых, «зеркально» повторив строки из первой главы, следующие почти сразу за описанием «Поэта с большой буквы»:

Это все наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: «Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь м о е й вдовою,
Ты — Голубка, солнце, сестра!»
На площадке две слитые тени...
После — лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» — и в отдаленьи
Чистый голос:
«Я к смерти готов».

Очевидно, что эти строки не могут быть обращены к «драгунскому корнету со стихами». Но они, как мне кажется, четко проецируются на его предполагаемого «двойника», вдовой которого вполне можно считать Ахматову. Заключительные его слова, «Я к смерти готов», — не что иное, как цитата из пьесы Николая Гумилева «Гондла», его монолог перед смертью:

«Вы отринули таинство Божье,
Вы любить отказались Христа,
Да, я знаю, вам нужно подножье
Для его пресвятого креста!
(Ставит меч себе на грудь.)
Вот оно. Я вином благодати
Опьянился и к смерти готов...»[2372]

Последний пример, который я хочу привести (хотя в тексте поэмы при желании можно найти еще множество аналогичных аллюзий), перекликается с приведенной выше фразой «Я к смерти готов». Это — заключительная строфа второй части «Поэмы без героя» «Решка», как бы поясняющей и дополняющей изложенное автором в первой части поэмы[2373]:

‹...› А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу,
Мы с тобой еще попируем,
И я царским своим поцелуем
Злую полночь твою награжу.

Сразу под этими строками, — как предполагаю, не случайно, — проставлена дата и место написания: «5 января 1941. Фонтанный Дом, в Ташкенте и после». То есть автор однозначно отсылает нас в 1921 год. Почему именно в этот год, думаю, комментировать не требуется. Состав «Решки», начиная с первой редакции, постоянно менялся, одни строфы появлялись, другие исчезали (в первой редакции было 14 ненумерованных строф, в «критически установленном тексте» Крайневой — 25 пронумерованных строф). Однако эта строфа, с проставленной за нею датой, присутствует во всех редакциях как заключительная строфа «Решки», в том же виде, как и в окончательном варианте. Только в первом варианте первой редакции вначале было — «Мы с тобой еще повоюем», но уже там «повоюем» исправлено на «попируем». Замечу также, что во всех ранних редакциях последние две строфы не были «объединены» кавычками. Так что как на первую часть, «Девятьсот тринадцатый год», так и на вторую, «Решка», падает тень Николая Гумилева, хотя сам он там не появляется.

Не навязывая эти соображения, все-таки хотелось бы, чтобы их учитывали при чтении поэмы. Необходимо теперь вспомнить о названии поэмы — «Поэма без Героя». В своих комментариях Н. Крайнева настаивает на том, что «Героя» следует писать с большой буквы[2374]. Готов с этим согласиться, хотя сама Ахматова, особенно в ранних редакциях, часто употребляла написание «героя», со строчной буквы. Например, и в монографии Крайневой, и в 3-м томе Сочинений Ахматовой факсимильно воспроизводятся рукописи отдельных редакций, и в обоих случаях мы видим написание — «Поэма без героя». Возможно, решение писать «Героя» с большой буквы было принято Ахматовой на поздней стадии работы над поэмой, что особенно заметно в сохранившихся «Записных книжках», которые заполнялись на протяжении 1958–1966 годов. Там почти всюду, когда речь заходит о поэме, название обозначено как «Поэма без Героя». В большинстве рукописей и машинописей поздних редакций все название дано заглавными буквами — «ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ».

По моему мнению, написание «Героя» с большой буквы может предполагать, во-первых, то, что под «отсутствующим Героем» «Поэмы без Героя» скрыто некое конкретное лицо, а не абстрактное понятие некоторого «действующего лица»; во-вторых, это связано с двойственными семантическими особенностями слова, или понятия, «Герой». Если в тексте самой поэмы и в кратких «Примечаниях редактора», составленных Ахматовой, ни одна маска с участников «Маскарада» не снимается, то в многочисленных прозаических записях, составляющих два раздела, «Проза о Поэме» и «Наброски балетного либретто по “Поэме без Героя”», Ахматова сбрасывает почти все маски, называя десятки имен своих современников, участвовавших в «Маскараде». Наиболее интересен фрагмент ‹30›[2375] из «Записной книжки» Ахматовой № 11. Причем в «Записной книжке» запись эта составляет единое целое с двумя другими записями, которые никогда ранее не сопоставлялись. Текст дан по «Записной книжке»[2376], но не «академически»: опущены обычно указываемые в скобках авторские сокращения, не приведены зачеркнутые Ахматовой варианты, вставлены поправки и дополнения, на листах оригинала вписанные Ахматовой внизу соответствующих страниц.

(Маскарад)
Новогодняя чертовня

Ужас в том, что на этом маскараде были «все». Отказа никто не прислал. И не написавший еще ни одного любовного стихотворения, но уже знаменитый Осип Мандельштам («Пепел на левом плече»), и приехавшая из Москвы на свой «Нездешний вечер» и все на свете перепутавшая Марина Цветаева, и будущий историк и гениальный истолкователь Десятых годов Бердяев. Тень Врубеля. От него все демоны XX в., первый он сам... Таинственный деревенский Клюев, и заставивший звучать по-своему весь XX век великий Стравинский, и демонический Доктор Дапертутто, и погруженный уже пять лет в безнадежную скуку Блок (трагический тенор эпохи), и пришедший, как в «Собаку» —

Велимир I, и бессмертная тень — Саломея, которая может хоть сейчас подтвердить, что все это — правда (хотя сон снился мне, а не ей), и Фауст — Вячеслав Иванов («Есть, Фауст, казнь...»), и прибежавший своей танцующей походкой и с рукописью своего «Петербурга» под мышкой — Андрей Белый, и сказочная Тамара Карсавина, и я не поручусь, что там, в углу, не поблескивают очки Розанова и не клубится борода Распутина, в глубине залы, сцены, ада (не знаю чего) временами гремит не то горное эхо, не то голос Шаляпина. Там же иногда пролетает не то царскосельский лебедь, не то Анна Павлова. А уж добриковский Маяковский наверно курит у камина. ‹…› (Но в глубине «мертвых» зеркал, которые оживают и начинают светиться каким-то подозрительно мутным блеском, и в их глубине одноногий старик-шарманщик (так наряжена Судьба) показывает всем собравшимся их будущее — их Конец). Последний танец Нижинского, уход Мейерхольда.

Нет только того, кто непременно должен был быть, и не только быть, но и стоять на площадке и встречать гостей... А еще

Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет.

‹…›

Себя я не вижу, но я, наверно, где-то спряталась, если я не эта Нефертити[2377] *работы Модильяни. Вот такой он множество раз изображал меня в египетском головном уборе в 1911 г. Листы пожрало пламя, а сон вернул мне сейчас один из них.*

Очень любопытен этот перечень, в который Ахматова действительно включила почти всех своих знаменитых современников. И он дает нам возможность предположить, кого не было на этом «Маскараде». Им, по моему мнению, не может не быть Николай Гумилев (хотя и у него могут оказаться свои «двойники»). Отсутствие его среди упомянутых имен никак не может быть объяснено «забывчивостью» автора или отношением к нему как малозначимому персонажу. Это подтверждается, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, сноской на Гумилева при упоминании себя (как присутствующей!). Во-вторых, двумя стихотворными строчками, — «Мы выпить должны за того, // Кого еще с нами нет…», из собственного стихотворения «Новогодняя баллада» сборника «Anno Domini MCMXXI», изданного в 1923 году. Стихотворение включено в третий раздел книги «Голос памяти», с эпиграфом из Гумилева: «Мир — лишь луч от лика друга, // Все иное — тень его. *Н. Гумилев*». Весь этот раздел — дань памяти безвременно ушедшему поэту, бывшему мужу[2378]. О значимости этого стихотворения при написании поэмы говорит и то, что фраза из него вошла в самое начало первой главы, причем дана она со страничным примечанием автора; других раскрытий явных и скрытых цитат (хотя их множество) непосредственно в тексте поэмы — Ахматова не дает:

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобою, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год.
Но...
Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как отрава, жжет»[2379].

«Заветные свечи» были зажжены Ахматовой в 1940 году — «Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 г., прислав как вестника еще осенью один небольшой отрывок (“Ты в Россию пришла ниоткуда...”)». Через 23 года она их загасит.

Выше было сказано, что в «Записной книжке» рассказу о тех, кто участвовал в «Маскараде», сопутствовали еще две записи, причем видно, что они были сделаны как бы — «на одном дыхании», последующая запись вытекала из предыдущей. Последней, третьей записью был «Маскарад». Все они заполняют три страницы «Записной книжки» № 11, оборот листа 8 и обе стороны листа 9. Начинается эта трехступенчатая запись с известного по многочисленным публикациям эссе «Рождение стиха. Искра паровоза»[2380].

Рождение стиха
Искра паровоза

Я ехала летом 1921 из Царского Села в Петербург. Бывший вагон III класса был набит, как тогда всегда, всяким нагруженным мешками людом, но я успела занять место, сидела и смотрела в окно на все — даже знакомое. И вдруг, как всегда неожиданно, я почувствовала приближение каких-то строчек (рифм). Мне нестерпимо захотелось курить. Я понимала, что без папиросы я ничего сделать не могу. Пошарила в сумке, нашла какую-то дохлую «Сафо», но... спичек не было. Их не было у меня, и их не было ни у кого в вагоне. Я вышла на открытую площадку. Там стояли мальчишки-красноармейцы и зверски ругались. У них тоже не было спичек, но крупные красные, еще как бы живые, жирные искры с паровоза садились на перила площадки. Я стала прикладывать (прижимать) к ним мою папиросу. На третьей (примерно) искре папироса загорелась. Парни, жадно следившие за моими ухищрениями, были в восторге. «Эта не пропадет», — сказал один из них про меня. Стихотворение было: «Не бывать тебе в живых». См. дату в рукописи — 16 августа 1921 (может быть, старого стиля).

Судя по этой записи, стихотворение было написано после ареста Гумилева, но когда еще ничего не было известно о его судьбе. Если, как полагает Ахматова, она проставила дату по старому стилю (29 августа по н.ст.), то это означает, что Гумилева к этому моменту уже не было в живых, приговор был приведен в исполнение, как предполагается, 25 августа. Объявление в газете о расстреле участников «Таганцевского заговора» (всего 61 фамилия) появилось в газете «Петроградская правда» только через три дня, 1 сентября 1921 года. Напомню это стихотворение:

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.

Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля[2381].

Следующей в «Записной книжке» идет запись:

А вот другое:

Мой первый портрет — в «Пути Конквистадоров» — «и властно требует мечта, чтоб этой не было улыбки». Кроме того, что уже очень рано («Путь Конквистадоров») в Царском Селе я стала для Гумилева (в стихах) почти Лилит, т.е. злое начало в женщине. Затем (например, см. «Сон Адама» — Ева). Он говорил мне, что не может слушать музыку, потому что она ему напоминает меня.

Сразу же за этим фрагментом следует приведенное выше описание «Маскарада». Мне кажется, соседство этих отрывков — не случайно. Оно позволяет нам предположить, куда могла быть направлена мысль Ахматовой. Вернемся к «Прозе о Поэме». В «Записных книжках» Ахматовой разбросано множество фрагментов «Прозы о Поэме». Теперь, когда все они систематизированы и сведены воедино[2382], можно сделать некоторые выводы. Сходных перечней, не столь обширных, а также фрагментов, относящихся к отдельным персонажам, в записях Ахматовой множество. Но среди участников «Маскарада» нигде не названо имя Гумилева. Он — отсутствующий герой.

Приведенная Ахматовой фраза из стихотворения «Новогодняя баллада» («Мы выпить должны за того, // Кого еще с нами нет») могла подсказать название будущей поэмы[2383]. Но, как я предполагаю, название пришло не из этого стихотворения, а из стихотворения ушедшего и отсутствовавшего в поэме Героя. В наследии Ахматовой и Гумилева множество адресованных друг другу стихотворений. Но два — стоят особняком. Первым из них было стихотворение Гумилева, написанное ровно за десять лет до своей гибели. Одно это обстоятельство, в глазах Ахматовой, могло придать ему особое значение[2384].

Современность

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле пароходных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя,
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

Стихотворение было впервые опубликовано в газете «Биржевые ведомости» 14 августа 1911 года; включено оно также в раздел «I» сборника «Чужое небо», вышедшего в 1912 году. Тогда же, в октябре 1912-го, прозвучал ответ Ахматовой, к которому, как зафиксировано знавшими ее,

в последние годы жизни она относилась весьма отрицательно, например, в разговорах с М.И. Будыко назвала его «ханжеским»: «Стихотворение о встрече с Н.С. в детстве ("В ремешках пенал и книги были…") А.А. ненавидит, "оно ханжеское"»:[2385]:

Н. Гумилеву

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый,
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

Действительно, в 1912 году Ахматова не могла предположить, насколько пророческим окажется обращенное к ней стихотворение Гумилева, потому и не могла впоследствии принять ранний собственный ответ. Стихотворение Гумилева — загадочно. Оно, безусловно, относится к стихам того поэта, которого Ахматова называла «самым непрочитанным поэтом 20-го века». Можно только догадываться, с какими чувствами могла она его перечитывать. «После всего» — так впоследствии Ахматова назвала первый раздел в сборнике «Anno Domini», составленном после смерти Блока и Гумилева. Попытаемся вчитаться в него «глазами» Ахматовой. Первое четверостишие: «Я закрыл "Илиаду" и сел у окна, // На губах трепетало последнее слово, // Что-то ярко светило — фонарь иль луна, // И медлительно двигалась тень часового...» Поразительно точно описывает эта строфа то, что случится равно через 10 лет в Петрограде. 7 августа 1921 года Н.Н. Пунин, оказавшийся, как и Гумилев, в застенках на Шпалерной (откуда Гумилеву было уже не суждено выйти), написал записку Е.И. Аренсу: «Привет Веруну, передайте ей, что, встретясь здесь с Николаем Степановичем, мы стояли друг перед другом, как шалые, в руках у него была "Илиада", которую от бедняги тут же отобрали»[2386]. В окно камеры (если оно было!) наверняка светили фонарь или луна, двигалась тень часового и даже «Илиада», которую пришлось закрыть, как оказалось, была! Возможно, Ахматова от Пунина узнала и какие-то другие подробности, которые до нас не дошли, и эта провидчески описанная поэтом картина, «выхваченная прожектором памяти из мрака прошлого», как и другая, ранее описанная, связанная с арестом Гумилева, не могли не запомниться Ахматовой — навсегда.

Второе четверостишие — это описание уже пройденной и всей последующей жизни поэта, встретившего в своем окружении, на своем пути множество испытующих и отвечающих взоров, Одиссеев и Агамемнонов, — в африканских странствиях, на фронтах войны, в революционном Петрограде. Что касается третьего четверостишия, то его несколько абстрактный при первом чтении, когда оно было создано, смысл мог приобрести для Ахматовой совсем иное звучание в 1940-х годах, когда началась работа над «Поэмой без героя»: «Так, в далекой Сибири, где плачет пурга, // Застывают в серебряных льдах мастодонты, // Их глухая тоска там колышет снега, // Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты». Для меня строки эти перекликаются с концовкой «Поэмы без героя»:

И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis?» кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли.
От того, что сделалась прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток.

Когда Ахматова начинала поэму, «в далекой Сибири, где плачет пурга» уже сгинули многие тысячи ее соотечественников: «Их глухая тоска там колышет снега, // Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты». Первое посвящение поэмы начинается строками — «а так как мне бумаги не хватило, // Я на твоем пишу черновике». Черновик этот, по одной из версий, принадлежал Осипу Мандельштаму — посвящение датировано 27 декабря 1940 года, годовщиной смерти исчезнувшего в тех краях поэта и друга. Где-то там же терялись следы сына: «И открылась мне та дорога, // По которой ушло так много, // По которой сына везли, // И был долог путь погребальный // Средь торжественной и хрустальной // Тишины Сибирской Земли». Думаю, строки Гумилева помогли открыться «той дороге». Да и вся Судьба ее поколения, почти всех ее современников вполне могла ассоциироваться с судьбой вымерших в ледниковый период мастодонтов.

Наконец заключительное четверостишие: «Я печален от книги, томлюсь от луны, // Может быть, мне совсем и **не надо героя**, // Вот идут по аллее, так странно нежны, // Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя». Как мне кажется, с учетом сказанного, не отрицая прочие источники и не забывая об отношении Ахматовой к своему первому ответу на стихотворное обращение к ней Гумилева, именно эта строфа могла послужить одним из основных толчков, которые в конечном итоге дали название — «Поэма без героя»[2387].

Еще один аргумент в пользу этого дает монография Крайневой. Там опубликованы все прозаические отрывки, комментирующие поэму, многие — впервые. В разделе «Наброски балетного либретто по “Поэме без Героя”» представлен самый поздний фрагмент ‹21›[2388], относящийся к 1961 году. По смыслу и наполнению он во многом повторяет приведенный выше фрагмент ‹30› «Прозы о Поэме», но там есть чрезвычайно важное для нас дополнение: в первый (кажется, и единственный) раз Ахматова сама прямо обозначила «линию отсутствующего Героя» в поэме. Приведем этот фрагмент полностью, по «Текстам в окончательном чтении», убрав авторские сокращения и дав его не как в публикации, построчно, по оригиналу, а с разбивкой на абзацы:

‹21›

1) Петербургская (башенная) языческая Русь. (Начало века).

Городецкий — «Ярь» — Стравинский — «Весна священная» — Толстой — «За синими реками» — Хлебников (идеолог) — Рерих. (Лядов, Прокофьев).

В моем балете (1961 г.) как интермедия.

Может быть, просто хоровод.

2) Весь «Міръ Искусства», увиденный из 1961 г. Может быть, даже гротеск. Ранний Мейерхольд (арапчата, лестницы и т. д.).

Commedia dell’ arte (тоже гротеск), сюда же Каналетто и т. п.

3) Гофмановская линия петербургской литературы: «Уединенный домик» (Пушкина), «Пиковая Дама», повести Гоголя («Нос» и т.д.), Достоевский, Белый.

«Ту полночную Гофманиану»...

«Двенадцать» — Блока.

Линия отсутствующего
Героя[2389]

Все в будущее: «Для юношей открылись все дороги, для старцев все запретные труды». «Орел» (космос) — (земное притяженье).

Земля! к чему шутить со мною,
одежды нищенские сбрось
и стань, как ты и есть — звездою[2390],
огнем пронизанной насквозь и т. д.

Связь с поэмой в поздней фантастике:

«Заблудившегося трамвая»: (Наш Безымянный переулок) — дощатый забор.

И цыганочка лижет кровь.

(«Новогодняя баллада»).

«На Венере, ах! На Венере...» Не случайность цитаты Шкловского.

Первые три пункта, как и ранее, относятся к участникам «Маскарада» и в дополнительных комментариях не нуждаются. Последний, непронумерованный, но **выделенный заголовком** из общего текста пункт дает однозначный ответ на вопрос, кого считала Анна Ахматова «отсутствующим Героем».

Как сказано в комментариях у Н. Крайневой про «Линию отсутствующего Героя», «весь этот фрагмент связан с Н. Гумилевым и содержит цитаты (с некоторыми неточностями) из его стихотворений “Потомки Каина”, “Орел”, “Природа”, “Заблудившийся трамвай”, “У цыган”, “На далекой звезде Венере...”»[2391].

Если заглянуть в упоминаемые Ахматовой стихотворения, можно прийти к достаточно неожиданным выводам, касающимся ее подхода к «отсутствующему Герою», к восприятию его самой Ахматовой. Приведем, полностью или частично, упомянутые стихи, а затем рассмотрим их в совокупности. Вначале Ахматова цитирует строки из раннего сонета Гумилева «Потомки Каина»[2392], написан он незадолго перед первым путешествием в Абиссинию в конце осени 1909 года, впервые опубликован в журнале «Аполлон» (№ 3, 1909); сонет вошел в сборник «Жемчуга».

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев — все запретные труды,
Для девушек — янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

Затем упоминается стихотворение «Орел»[2393], написанное почти тогда же (чуть раньше); впервые опубликовано в журнале «Весы» (№ 6, 1909) и также вошло в сборник «Жемчуга».

Орел летел все выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть, в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,
Когда глядел он в узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце в солнце.

Не все ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно-холодными лучами,
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

Далее следует четверостишие из стихотворения «Природа»[2394], написанного в июне 1917 года в Лондоне. Впервые опубликовано после возвращения в Россию в вышедшем в июле 1918 года сборнике «Костер».

Так вот и вся она, природа,
Которой дух не признает,
Вот луг, где сладкий запах меда
Смешался с запахом болот;

Да ветра дикая заплачка,
Как отдаленный вой волков;
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.

Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многоразличье
Творцом просыпанных семян.

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездою,
Огнем пронизанной насквозь!

Из знаменитого «Заблудившегося трамвая»[2395] Ахматова выделяет строфу, посвященную их дому в Безымянном переулке, в Царском Селе. Стихотворение было написано на рубеже 1919–1920 годов, впервые опубликовано в журнале «Дом Искусств» (1921. №1), вошло в сборник «Огненный столп», подготовленный автором, но вышедший уже после его гибели. Приведем из него несколько строф.

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы, —
Передо мною летел трамвай.
……………………………………..
Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен…
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.
……………………………………….
Вывеска… кровью налитые буквы
Гласят: «Зеленная», — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.
В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон…
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.
…………………………………………..
Понял теперь я: наша свобода

Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.
……………………………………….

Сразу же за «Заблудившимся трамваем» следует «двойная» цитата (И цыганочка лижет кровь. — «Новогодняя баллада») — это дважды уже упоминавшаяся «Новогодняя баллада» Ахматовой и неточная строка из последней строфы стихотворения Гумилева «У цыган»[2396], написанного вслед за «Заблудившимся трамваем» и также вошедшего в «Огненный столп».

‹…›
Что ж, господа, половина шестого?
Счет, Асмодей[2397], нам приготовь!
Девушка, смеясь, с полосы кремневой
Узким язычком слизывает кровь.

Наконец Ахматова приводит строчку, возможно, из самого последнего стихотворения Гумилева «На далекой звезде Венере…», написанного за несколько дней до ареста и опубликованного после его гибели в «Альманахе Цеха Поэтов» (Кн. 2. 1921). Упоминание имени знаменитого астронома И.С. Шкловского связано с тем, что, как сказано в комментариях Н. Крайневой, «эта вставка сделана не ранее февраля 1961 года, в связи со статьей и письмом астрофизика И. С. Шкловского, где он признался Ахматовой, что заглавие его статьи "На далекой планете Венере" — перефразированная строка стихотворения Гумилева "На далекой звезде Венере..." (так он отметил 75-ю годовщину поэта)».

Вот несколько фрагментов из рассказа самого И. Шкловского об этом[2398]:

«Позвонила Женя Манучарова: — Мне срочно нужно вас видеть. Не могли бы вы меня принять? Манучарова — жена известного журналиста Болховитинова — работала в отделе науки "Известий". Только что по радио передали о запуске первой советской ракеты на Венеру — дело было в январе 1961 года[2399]. Совершенно очевидно, что Манучаровой немедленно нужен был материал о Венере — ведь "Известия" выходят вечером, а "Правда" — утром, и органу Верховного Совета СССР представилась довольно редкая возможность опередить центральный орган. ‹…› Когда я усадил гостью за мой рабочий стол, она только сказала: — Умоляю вас, не откажите — вы же сами понимаете, как это важно!

Не так-то просто найти в Москве человека, способного "с ходу", меньше чем за час накатать статью в официальную газету. Осознав свое монопольное положение, я сказал Манучаровой:

— Согласен, но при одном условии: ни одного слова из моей статьи вы не выбросите. Я достаточно знаком с журналистской братией и понимаю, что в вашем положении вы можете наобещать все что угодно. Но только прошу запомнить, что "Венера" — не последнее наше достижение в Космосе. Если вы, Женя, свое обещание не выполните — больше сюда не приходите. Кроме того, я постараюсь так сделать, что ни один мой коллега в будущем не даст в вашу газету даже самого маленького материала.

— Ваши условия ужасны, но мне ничего не остается, как принять их, — без особой тревоги ответствовала журналистка.

И совершенно напрасно! Я стал быстро писать, и через 15 минут, не отрывая пера, закончил первую страницу, передал ее Жене и с любопытством стал ожидать ее реакции. А написал я буквально следующее: "Много лет тому назад замечательный русский поэт Николай Гумилев писал:

На далекой звезде Венере
Солнце пламенней и золотистей,
На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья..."

Дальше я уже писал на привычной основе аналогичных трескучих статей такого рода. Правда, вначале пришлось перебросить мостик от Гумилева к современной космической эре. ‹…› Прочтя первые строчки, Манучарова схватилась за сердце. — Что вы со мной делаете! — простонала она. ‹…› Еще с довоенных времен я полюбил замечательного поэта, так страшно погибшего в застенках Петроградского Большого Дома, главу российского акмеизма Николая Степановича Гумилева. Как только мне позвонила Манучарова, я сразу же сообразил, что совершенно неожиданно открылась уникальная возможность через посредство Космоса почтить память поэта, да еще в юбилейном для него году (75-летие со дня рождения и 40-летие трагической гибели). Все эти десятилетия вокруг имени поэта царило гробовое молчание. Ни одной его книги, ни одной монографии о творчестве, даже ни одной статьи напечатано не было! Конечно, Гумилев в этом отношении не был одинок. По-видимому, Россия слишком богата замечательными поэтами... Все же случай Гумилева — из ряда вон выходящий. "Известия" тогда я не выписывал. Вечером я звонил нескольким знакомым, пока не нашел того, кто эту газету выписывает.

— Посмотри, пожалуйста, нет ли там моей статьи?

— Да, вот она, и какая большая — на четвертой полосе!

— Прочти, пожалуйста, начало.

Он прочел. Все было в полном ажуре. Более того, над статьей "сверх программы" — огромными буквами шапка: "На далекой планете Венере...". Они только гумилевское слово "звезда" заменили на "планету". ‹…› А через несколько дней разразился грандиозный скандал. Известнейший американский журналист, аккредитованный в Москве, пресловутый Гарри Шапиро (частенько, подобно слепню, досаждавший Никите Сергеичу), опубликовал в "Нью-Йорк таймс" статью под хлестким заголовком "Аджубей реабилитирует Гумилева". В Москве поднялась буча. ‹…› Я был чрезвычайно горд своим поступком и, распираемый высокими чувствами, послал Анне Андреевне Ахматовой вырезку из "Известий", сопроводив ее небольшим почтительным письмом. Специально для этого я узнал адрес ее московских друзей Ардовых, у которых она всегда останавливалась, когда бывала в столице. Долго ждал ответа — ведь должна же была обрадоваться старуха такому из ряда вон выходящему событию! Прошли недели, месяцы. Я точно установил, что Ахматова была в Москве. Увы, ответа я так от нее и не дождался, хотя с достоверностью узнал, что письмо мое она получила[2400]. Кстати, как мне передавали знающие люди, она читала мою книгу "Вселенная, Жизнь, Разум" и почему-то сделала вывод, что "этот Шкловский, кажется, верит в Бога!" ‹…›».

В вышедшей в 1965 году, незадолго до смерти Ахматовой, книге И. Шкловского «Вселенная, Жизнь, Разум», часть 2, «Жизнь во вселенной», начинается с эпиграфа из этого стихотворения Гумилева, вошедшего в первый «Посмертный сборник» 1922 года[2401]:

На далекой звезде Венере
Солнце пламенней и золотистей,
На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья.

Всюду вольные звонкие воды,
Реки, гейзеры, водопады
Распевают в полдень песнь свободы,
Ночью пламенеют, как лампады.

На Венере, ах, на Венере
Нету слов обидных или властных,
Говорят ангелы на Венере
Языком из одних только гласных.

Если скажут «еа» и «аи» —
Это радостное обещанье,
«Уо», «ао» — о древнем рае
Золотое воспоминанье.

На Венере, ах, на Венере
Нету смерти терпкой и душной,
Если умирают на Венере —
Превращаются в пар воздушный.

И блуждают золотые дымы
В синих-синих вечерних кущах
Иль, как радостные пилигримы,
Навещают еще живущих.

И. Шкловский ошибочно полагал, что стихотворение было написано в тюрьме перед расстрелом. Скорее всего, не в ответ на статью Шкловского в газете, а после получения письма Шкловского Ахматова сделала запись об «отсутствующем Герое», выделив «космические мотивы» в стихах Гумилева. Как отметил Тименчик, в одной из больничных записей она назвала свою поэму «опытной космонавткой»: «Все это я, разумеется, говорю неизвестно для кого и неизвестно зачем, читатели же должны верить, что она, как опытная космонавтка, так вот и спустилась с неба, никогда другой не была, никогда другой не будет и не может быть. Больница. Ноябрь 1961»[2402].

Помимо того, что из сказанного выше следует, кого Ахматова связывала с «отсутствующим Героем», любопытно и то, под каким углом зрения она смотрит на поэму и на этого Героя из 1961 года. Первое, что обращает на себя внимание, это «космический» взгляд на «отсутствующего Героя». На 1961 год пришелся пик успехов нашей страны в освоении космического пространства, и, видимо, Анне Ахматовой успехи эти были не безразличны. Помимо запуска ракеты к Венере в апреле в космос отправился Юрий Гагарин, однако никаких прямых ее откликов на это событие обнаружить не удалось — имя первого космонавта ни разу не упоминается в «Записных книжках» Ахматовой. Вполне заслуженно космонавтам в СССР присваивали звание «Героя Советского Союза». Невольно пришла в голову мысль о том, что не было ли связано слово «герой» в названии поэмы с другим его семантическим значением? До сих пор, насколько мне известно, «героя» в поэме рассматривали как «действующее лицо», «героя художественного произведения», но никак не в качестве «Героя», то есть лица, совершившего героический поступок. Это как бы само собой разумелось, так как произведениям Ахматовой не свойственен пафос, «громкие» слова. А что, если все-таки попытаться взглянуть на «Героя» в названии, как на того, кто мог (или совершил!) — героический поступок и принял за это — кару, смерть? Как мне кажется, такой подход, со стороны Ахматовой, был возможен. Разве лишено пафоса и героизма написанное в Ташкенте, во время войны, стихотворение «Мужество», попавшее 8 марта 1942 года на первую полосу газеты «Правда»?

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет...

«Поэма без героя» писалась там же. В Ташкенте, тогда же написаны строки, посвященные поэме:

До середины мне видна
Моя поэма. В ней прохладно,
Как в доме, где душистый мрак
И окна заперты от зноя
И где пока что нет героя,
Но кровлю кровью залил мак...

1943. Ташкент

В поэме действительно нет героя, но именно — «Героя». Оборачиваясь назад, бросая взгляд из года 1940-го в год 1913-й, уже написав «Реквием», отголоски которого были услышаны автором в вое печной трубы в начале «Решки» («В печной трубе воет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема»), Ахматова не могла не помнить, чья «двусмысленная слава» — «двадцать лет лежала в канаве», после **героически** принятой смерти. Почему-то во многих комментариях эти строки относят к самому автору, что, как мне кажется, крайне сомнительно[2403]. Этими словами «Решка» заканчивается, и проставленная дата, 5 января 1941 года, должна перенести читателя в 1921 год и указать на «отсутствующего Героя». В третьей части «Поэмы без героя», в «Эпилоге», Ахматова возвращается к тому, чему был посвящен «Реквием», завершенный незадолго до начала работы над поэмой:

А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей,
Я не знаю, который год,
Ставший горстью «лагерной пыли»,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.
А потом он идет с допроса,
Двум посланцам Девки Безносой
Суждено охранять его.
И я слышу даже отсюда —
Неужели это не чудо! —
Звуки голоса своего:
За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом,

Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.

«Эпилог» «Реквиема» перекликается со строками «Поэмы без Героя»:

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной,
Под красною ослепшею стеною.

Возможно, именно этот «июльский зной» попал в предпоследнюю строфу «Решки», предшествующую «двусмысленной славе», «двадцать лет лежавшей в канаве»: «… Вовсе нет у меня родословной, // Кроме солнечной и баснословной, // И привел меня сам Июль».

В пятой редакции «Поэмы без героя», 1956 года, заключительные строки «Решки»: «…И я царским своим поцелуем // Злую полночь твою награжу» — Ахматова сопроводила сноской, указывающей на два иронических, мистифицирующих читателя «Примечания», которые позволяют проникнуть в ход ее мысли; особенно важно второе примечание с включенным в него четверостишием[2404]:

«Недавно в одном из ленинградских архивов были обнаружены шесть довольно бессвязных стихотворных строк — по-видимому, строфа из “Решки”. Для полноты приводим их здесь.

Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдет человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится двадцатый Век.

Говорят, после напечатания этих строк автор попросил прекратить дальнейшие поиски пропущенных кусков поэмы, что и было исполнено, но один резвый сотрудник (nomine sunt odiosa) [*имена ненавистны. — лат.*] извлек из “розовой папки” четыре строчки (почерк не Ахм.), явно не имеющие никакого отношения к “Поэме без Героя” и безуспешно старался убедить читателя, что строки:

От меня, как от той графини,
Шел по лесенке винтовой,
Чтоб увидеть рассветный синий
Смертный час над страшною Невой. —

должны находиться где-то в тексте и даже как-то связаны с предыдущей архивной находкой. (Dixi.) [*Я все сказал. — лат.*] Каково?

12 июня 1958».

Строки с Чаконой Баха в последующих редакциях открывают «Третье и последнее» посвящение к поэме[2405]. Действительно, после этого автор поэмы практически прекратил «дальнейшие поиски пропущенных кусков поэмы». Таким образом, Ахматова в какой-то момент сцепила между собой (*что, по моему мнению, — немаловажно!*) последние две строфы «Решки» и два отрывка из приведенных выше «Примечаний». То есть «злая полночь» из «Решки» завершилась «смертным часом над страшной Невой». Последнее четверостишие нуждается в отдельных комментариях. Впервые это было отмечено Р. Тименчиком[2406]. Строки связаны с последней встречей Ахматовой и Гумилева, ее рассказ об этом записал П. Лукницкий 26 апреля 1925 года[2407]: «АА рассказывает, что Николай Степанович был у нее в последний раз в 21 году, приблизительно за 2 дня до вечера Petropolis’а (*вечер состоялся 11 июля. — С.Е.*). АА жила тогда на Сергиевской, ‹д. 7› во 2 этаже. В.К. Шилейко был в Царском Селе, в санатории. АА сидит у окна и вдруг слышит голос: “Аня!” (Когда к АА приходили, всегда звали ее со двора, иначе к ней не попасть было, потому что АА должна была, чтоб открыть дверь, пройти внутренним ходом в 3-й этаж и пропустить посетителя через квартиру 3-го этажа). АА очень удивилась: она знала, что В.К. Шилейко в Царском Селе, а больше кто ее мог так звать? Никто. Взглянула в окно — увидела Николая Степановича и Георгия Иванова. Впустила их к себе. Николай Степанович (это была первая встреча с АА после приезда Николая Степановича из Крыма) рассказал АА о встрече с Инной Эразмовной, с сестрой АА, о смерти брата АА — Андрея Андреевича[2408]... И.Э. (*мать Ахматовой Инна Эразмовна. — С.Е.*) и сестру Николай Степанович увидел в Крыму. ‹…› ‹Когда прощались›, АА повела Николая Степановича ‹…› не через 3-й этаж, а к темной (потайной прежде) винтовой лестнице, по которой можно было прямо из квартиры выйти на улицу. Лестница была совсем темная, и когда Николай Степанович стал спускаться по ней, АА сказала: “По такой лестнице только на казнь ходить...”» Напомню, что это была их последняя встреча в домашней обстановке…

Возможно, что клич Гумилева «Аня», как и воспоминание о снах[2409], попали «Через 23 года» (так называется стихотворение) в строки, в которых Ахматова «погасила» зажженные в 1940 году свечи:

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебный вечер, —
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Все уходит — мне снишься Ты!..
Доплясавший свое пред Ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным брегом,
Голос твой из недр темноты.
И по имени!.. Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде — «Ты».

13 мая 1963. Комарово
(Холодно, сыро, мелкий дождь.)

Еще раз оговорюсь, что такая атрибуция отнюдь не исключает того, что и у героя этого стихотворения могут отыскаться свои «двойники», но тень Гумилева — главенствует.

Выше был приведен отрывок из «Прозы о Поэме» — про ее «Первый росток», с записью Пушкина: «Только первый любовник производит впечатление на женщину, как первый убитый на войне…». Не буду вступать в полемику, кто был ее первым любовником (об этом было сказано выше в примечаниях), тема эта достаточно беспардонно муссируется в различных изданиях, и на основании этого делаются далеко идущие выводы... Здесь более существенна концовка фразы Ахматовой. По моему мнению, в глазах Ахматовой, Гумилев вполне мог выглядеть первым убитым на той, другой войне, в которой ей пришлось участвовать самой, на которой она потеряла множество ближайших друзей. Может быть, поэтому она и не пустила его в поэму, он был там — «отсутствующим Героем». И, думаю, не просто «отсутствующим действующим лицом», а именно — Героем, вставшим еще в 1921 году на негласную борьбу с пришедшими к власти большевиками. Предполагаю, что Ахматова не могла быть столь уж наивной, чтобы даже не догадываться об участии своего бывшего мужа в другой **деятельности**, помимо занятий в литературных студиях, сочинения стихов. Ведь по какой-то причине ею при последней встрече были произнесены слова — «на казнь ходить»! И, думаю, не случайно Ахматова взяла эпиграфом к «Эпилогу» «Поэмы без героя» строки из стихотворения их общего Учителя, И.Ф. Анненского, «Петербург»: «Да пустыни немых площадей, // Где казнили людей до рассвета». Приведем его здесь полностью, оно всё — о трагической судьбе города и поколения Серебряного века[2410].

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где ВЫ и где МЫ,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознанье проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отрава бесплодных хотений.

Однако казнили Гумилева не на площади, а там, где он сам себе предсказал в написанном в Париже в 1917 году стихотворении, название которого, «Я И ВЫ»[2411], странным образом перекликается с первой строфой стихотворения Анненского:

…И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще.

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: «Вставай!»

Пророческий дар свойственен истинным поэтам, однако необходимо попытаться ответить на главный вопрос: случайна ли была гибель Гумилева или он сам затеял игру в прятки «со смертью хмурой»[2412]? Появляющиеся время от времени публикации, в частности воспоминания Б.П. Сильверсвана, А.З. Штейнберга и Л.В. Бермана[2413], к которым, по моему мнению, следует хотя бы прислушаться, говорят о том, что Гумилев затеял-таки эту смертельно опасную игру в последние годы жизни, и хотя редко, но делился своими мыслями, касающимися не связанных с литературой планов, вряд ли при этом посвящая в них близких людей. Все три упомянутых лица, фрагменты воспоминаний которых приведены ниже, не входили в «близкий» круг или в то окружение, которое мы ныне называем «литературной тусовкой», они личностно были достаточно далеки от Гумилева, следовательно, у них не было никакого резона что-либо выдумывать. Но в главном все эти три свидетельства совпадают: с пресловутым «Таганцевским» или иным заговором все было не так просто и однозначно, Гумилев был к нему как-то причастен, и он не стал случайной жертвой режима.

Приведем три упомянутых свидетельства. Ранее они публиковались, но разрозненно, без сопоставления и должных выводов. Начнем с рассказа филолога, приват-доцента кафедры истории западноевропейских литератур Бориса Павловича Сильверсвана (1883–1934), взятого из его письма писателю А.В. Амфитеатрову от 20 сентября 1931 года[2414]. Сам Амфитеатров впервые опубликовал фрагмент этого письма в статье «Таганцевская загадка» в газете «Сегодня» 25 октября 1931 года. Вот фрагмент письма Сильверсвана из публикации Тименчика: «Гумилев, несомненно, принимал участие в Таганцевском заговоре и даже играл там видную роль: он был арестован в начале августа, выданный Таганцевым, а в конце июля 1921 года он предложил мне вступить в эту организацию, причем ему нужно было сперва мое принципиальное согласие (каковое я немедленно и от всей души ему дал), а за этим должно было последовать мое фактическое вступление в организацию, предполагалось, между прочим, по-видимому, воспользоваться моей тайной связью с Финляндией, т.е. предполагал это, по-видимому, пока только Гумилев; он сообщил мне тогда, что организация состоит из “пятерок”; членов каждой пятерки знает только ее глава, а эти главы пятерок известны самому Таганцеву; вследствие летних арестов в этих пятерках оказались пробелы, и Гумилев стремился к их дополнению; он говорил мне также, что разветвления заговора весьма многочисленны и захватывают влиятельные круги Красной армии; он был чрезвычайно конспиративен и взял с меня честное слово, что о его предложении я не скажу

никому, даже Евд. П.[2415], матери и т.п. (что я исполнил); я говорил ему тогда же, что, ввиду того, что чекисты несомненно напали на след организации, м.б., следовало бы временно притаиться, что арестованный Таганцев, по слухам, подвергнут пыткам и может начать выдавать; на это Гумилев ответил, что уверен, что Таганцев никого не выдаст и что, наоборот, теперь-то и нужно действовать; из его слов я заключил также, что он составлял все прокламации и вообще ведал пропагандой в Красной армии; Ник. Степ. был бодр и твердо уверен в успехе; через несколько дней после нашего разговора он был арестован; т. к. он говорил мне, что ему не грозит никакая опасность, т. к. выдать его мог только Т., а в нем он уверен, — то я понял, что Таг. действительно выдает, как, впрочем, говорили в городе уже раньше. Я ужасно боялся, что в руках чекистов окажутся какие-нибудь доказательства против Ник. Степ., и, как я потом узнал от лиц, сидевших одновременно с ним, но потом выпущенных, им в руки попали написанные его рукою прокламации, и гибель его была неизбежна. ‹…›». Далее Сильверсван подробно рассказывает о встрече с Горьким и об участии последнего в хлопотах по Таганцевскому делу. В работе «Перченок-1995» (С. 368–369) приводится еще одно письмо Сильверсвана Амфитеатрову, от 27 октября 1931 года, отклик на публикацию последнего в газете «Сегодня», в котором Сильверсван подтверждает сказанное ранее и вступает в полемику с изложенной в газете версией о заговоре: «…Что кас[ается] заговора, то о нем я многое узнал еще и здесь, в Финляндии, от участников его, переходивших часто границу в связи с ним, а сейчас проживающих здесь. История этого дела когда-нибудь станет известной во многих деталях, теперь же, по многим причинам, невозможно ее раскрывать. Ник. Степ. действительно не успел посвятить меня как следует в это дело, но если б это случилось, то я бы фактически вошел в организацию и, конечно, тоже не уцелел бы, а что Ник. Степ. знал много — я в этом не сомневаюсь. Я же действительно ничего не знал, т.к. Н.Ст. имел об этом со мной только один разговор, в котором обрисовал дело лишь в самых общих чертах. После расстрелов я еще два месяца оставался в Петербурге и рассказов слышал много, много, разумеется, и чепухи. ‹…› Я никогда не писал об этом деле потому именно, что не хотел заявлять, что чекисты "с своей стороны" как бы действовали разумно и не столько лгали, как всегда, в этом случае; я считал, *что даже таких слов* [здесь и далее курсив Сильверсвана], которые кем бы то ни было могут быть истолкованы хотя бы в смысле том, *что эти гады поступили "целесообразно с своей точки зрения", — не следует говорить никогда.* Поэтому пусть лучше останется Ваша версия, — что "заговор" сочинен этой сволочью и что люди погибли без причины и без повода ‹…›».

Менее известны воспоминания философа Аарона Штейнберга (1891–1975) о встречах с Гумилевым в начале 1920-х годов и о его высказываниях о необходимости переворота с участием армии. Вот фрагмент воспоминаний Штейнберга, описывающий разговор, состоявшийся между ним и Гумилевым в столовой Дома литераторов, видимо, в 1921 году, незадолго до ареста. Этот рассказ[2416] перекликается с воспоминаниями Б. Сильверсвана: «Лицо Николая Степановича расплылось в широкой улыбке: "Я так и думал, что мы с вами сойдемся". И тут же начал говорить: "Вот когда обнаружится, что самый умный большевик — это Троцкий, тогда все пойдет по-иному. Вы знаете знаменитое изречение Троцкого, что Красная армия, как редиска, извне — красная, а внутри — белая?" Я тогда еще совсем не знал ничего о Троцком, и он мне тут же пояснил: "Вот армия и спасет

Россию. Красная армия, во главе которой станет новый Наполеон. Бонапартизм!" И это Николай Степанович открыто и громко говорил в небольшой комнате, полной совершенно незнакомыми людьми. Хотя Гумилев и шепелявил немного, он говорил зычно и вполне отчетливо, как если бы нарочно хотел, чтобы все его слышали. Я пытался его остановить — неужели он не понимает, что тут нельзя так говорить? "Многие думают, — сказал я, — что революция пойдет по примеру французской и все кончится Бонапартом. Но для бонапартизма нужен Бонапарт, а я его не вижу". Мне все хотелось отвлечь Гумилева от его неосторожной бравады, и я напомнил ему, что, когда спросили Льва Толстого уже после выхода "Войны и мира" о возможности русского Бонапарта, он ответил, что Наполеон в России возможен, но только это не будет военный генерал, а какой-нибудь журналист или политический деятель. Но Николай Степанович не унимался: "Вот вы говорите, что невозможен бонапартизм без Бонапарта. А Бонапарт у нас уже есть! Это маршал Красной армии Тухачевский". В 1921 году, под командованием Троцкого, Тухачевский участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, а потом и сам был ликвидирован. ‹…› И Гумилев стал в подробностях говорить о том, что нужно сделать для продвижения кандидатуры Тухачевского в Бонапарты. Это было до такой степени странно, что у меня даже возникло подозрение, не хочет ли Гумилев меня спровоцировать? Не является ли он провокатором? Но разве провокатор ведет себя так? Или, может быть, он считает, что имеет дело с идиотом? Было непонятно и все-таки немножко боязно как-то за него самого. Полчаса подряд, ни больше ни меньше, Николай Степанович рассказывал об идее единовластия, монархии, как она должна быть восстановлена; о том, что сердце всякого государства должно биться в груди, украшенной знаками военных подвигов; о том, что настоящий святой, охраняющий Россию, — Георгий Победоносец; что найдется, наконец, какой-нибудь еще неведомый кавалер Георгиевского креста, который вместе с Тухачевским организует новую армию в традициях старой царской. И необходимо также поддерживать идею монархии: "Мы устраиваем панихиды по членам погибшей царской семьи". Он назвал церкви, где служат панихиды по "рабу Божьему Николаю, сыну Александра", а также и по всем четырем его дочерям. Почему-то он не упомянул царицы. Сидевшие вокруг стали прислушиваться, но, очевидно, полагали, что тут читают какой-то отрывок из повести. Понемногу стали расходиться. Мы остались одни. Я уверен, что, если бы среди нас нашелся какой-нибудь чекист, он обязательно остался бы. Итак, Николай Степанович проявил как заговорщик необыкновенную смелость изысканного жирафа, которому все нипочем! Главное держаться так, чтобы, благодаря длинной шее, возвышаться над прочим зверьем. В конце Николай Степанович сказал: **"**Простите, я немножко заговорился. С вами я хочу поговорить совсем о другом. Вы ведь читаете Библию в оригинале? Для этого вы мне и нужны. Если ничего не имеете против, я дам вам свой адрес. Загляните как-нибудь вечерком, я вам подробно обо всем расскажу". Так что у Гумилева была своя литературная цель, а монолог о грядущем бонапартизме был только предисловием...» Рассказ Штейнберга — еще одно подтверждение реальной причастности Гумилева к заговору, хотя, похоже, эта «линия» следствием никак не была «отработана» и выявлена. Высказывания Гумилева о Тухачевском говорят как о том, что он заметил его еще в Париже, так и о том, что истоки его связанных с заговором устремлений следует искать

за границей, там, где проходила его служба в 1917–1918 годах, — в Париже и Лондоне. Замечу еще, что кажущееся наивным сравнение Гумилевым Тухачевского с Бонапартом в 1921 году скорее говорит о том, что он не так уж плохо разбирался в людях и политике, фактически предугадав причину гибели будущего маршала. Например, недавно состоявшийся на телевизионном экране диспут в передаче «Суд времени» так и назывался: «Михаил Тухачевский — несостоявшийся Бонапарт или рядовая жертва сталинского террора?». Хотя А. Штейнберг не слишком серьезно отнесся к словам Гумилева, свой рассказ он завершил признанием: «Благодаря этому знакомству Николай Степанович стал для меня не просто поэтом с именем, не просто офицером — а живым человеком, со своими очень своеобразными странностями, со своей поистине безумной храбростью, заставляющей его очертя голову бросаться в опасность».

Наконец, зафиксированный В. Сажиным рассказ Лазаря Васильевича Бермана (1894–1980), в юности поэта, на сборник стихов «Неотступная свита» которого Гумилев поместил рецензию в журнале «Аполлон» (1915, №10). Берман во время войны вступил в партию эсеров, участвовал в мятеже, был арестован, но через некоторое время его отпустили. По его рассказу[2417], «именно Берман зимой 1920–1921 годов ввел Гумилева в круг заговорщиков. История такова. В 1914 году в Петрограде существовал 4-й запасной бронедивизион. Был зачислен в него и Берман ‹…›. Многих объединяла тогда принадлежность к эсеровской партии. Однако, со слов Бермана, в конце 1910-х годов он отошел от партийной работы, сохранив при этом дружеские отношения со своими единомышленниками. Зная об этом, Гумилев обратился в ту пору к Берману с просьбой устроить ему конспиративную встречу с эсерами, объясняя это желанием послужить России. После неудачных попыток отговорить Гумилева от опасного шага Берман согласился выполнить его просьбу. При этом он предупредил заговорщиков, что с ними желает познакомиться один из лучших поэтов России (фамилия не называлась), и просил использовать его лишь в случае крайней необходимости. На эту встречу, с удивлением рассказывал Берман, Гумилев явился в известной всему Петрограду оленьей дохе, чем тотчас себя дезавуировал. О том, что Гумилева все-таки использовали в “деле”, Берман узнал летом 1921 года, когда Николай Степанович обратился к нему за помощью: принес две пачки листовок разного содержания и предложил поучаствовать в их распространении. Одна из листовок начиналась антисемитским лозунгом. “Связной” возмутился: “Понимаете ли вы, что предлагаете мне, Лазарю Берману, распространять?” Гумилев с извинениями отменил свою просьбу. Вскоре последовал арест поэта, затем казнь». Когда Сажин в 1974 году записывал воспоминания Бермана на магнитофон, при записи только этого сюжета 80-летний старик Берман попросил выключить магнитофон. Поэтому, не имея документального подтверждения, В. Сажин не обнародовал рассказ Бермана до тех пор, пока он не получил его подтверждения с неожиданной стороны. Как он пишет, «я ничем не мог подкрепить его рассказ. Но вот И. Одоевцева в интервью журналу “Вопросы литературы” (1988, №12) обронила фразу, которая, на мой взгляд, убедительно подтверждает подлинность упомянутого рассказа. Оценивая степень участия Гумилева в конспиративной деятельности в 1921 году, накануне ареста, Одоевцева упомянула одного “малоизвестного поэта”, которого Николай Степанович назвал ей в качестве лица, причастного к “делу”. “Я, к сожалению, не помню его фамилии, — посетовала

Одоевцева, — только строку из его стихотворения почему-то запомнила...” Надо отдать должное памяти поэтессы — хотя она не всегда точна в своих мемуарах, но здесь почти безошибочно воспроизвела — и это по прошествии 70 лет! — строфу из стихотворения Бермана». Припомнив строки, она продолжала: “После расстрела Гумилева он ко мне забежал, спрашивал, что делать, я посоветовала сидеть тихо, никуда не уезжать. И действительно его не тронули”. Заметим, что и сама И. Одоевцева вспоминала о том, как она случайно узнала о причастности Гумилева к заговору, когда увидела деньги в его доме[2418]. Однако долгое время считалось дурным тоном принимать ее слова на веру, так как из Гумилева упорно пытались сделать невинную жертву. Зачем? В совокупности рассказы всех трех свидетелей выглядят достаточно убедительно и говорят о явной причастности Гумилева к борьбе, пусть и наивной, с господствовавшей властью большевиков, что отнюдь не принижает его образ.

Догадывалась ли об этом Ахматова? Думаю, что да, по крайней мере, прекрасно знавшая своего бывшего мужа, с ее поэтическим пророческим даром, — она не могла ничего не замечать. Но, как справедливо отметил Перченок[2419], «решительными противниками **обнародования** свидетельств об участии Гумилева в антибольшевистской борьбе были его близкие — А.А. Ахматова и Л.Н. Гумилев. Они возражали против этих свидетельств по мотивам, человечески вполне понятным, считая их посмертными доносами на трагически погибшего поэта и помехой его юридической и литературной реабилитации». Но времена изменились, литературная реабилитация Гумилева состоялась ***de facto***, именно к этому стремились Ахматова и их сын. В 1991 году состоялась его реабилитация ***de jure***. Вопрос только в том, нуждался ли сам Гумилев в формальной реабилитации? Свою публикацию «На полпути от полуправд» Перченок завершает словами: «Впрочем, *историка* реабилитация и не должна интересовать. Ему важно другое: *как было на самом деле*»[2420]. Нельзя с этим не согласиться, поэтому зададим себе вопрос: принял бы сам Гумилев **такую** реабилитацию? И можно ли ставить ему в вину то, что он не принял новую власть и был готов с нею бороться?[2421] Приведенный выше фрагмент первой главы «Поэмы без героя», относящийся к «Поэту вообще», завершается строками:

И ни в чем неповинен: не в этом,
Ни в другом и ни в третьем...
Поэтам
Вообще не пристали грехи.
Проплясать пред Ковчегом Завета
Или сгинуть!..
Да что там! Про это
Лучше их рассказали стихи…

Так что **«в этом»** он был все-таки повинен. И на допросе предпочел сказать правду, чтобы после этого — **«сгинуть»**. Хотя все подробности мы вряд ли когда узнаем, но это теперь не столь уж важно. Главное — понять отношение Ахматовой к нему, «из года сорокового, как с башни» — как к жертве, как к Герою, ставшему, в ее глазах, «первым убитым на войне» с новой властью, причем жертве — не случайной. Говоря в своих «Записных книжках», что «Гумилев — поэт еще не прочитанный», она продолжала[2422]: «Визионер и пророк. Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осенней травы[2423]. Это он сказал: “На тяжелых и гулких машинах”[2424]

и еще страшнее (“Орел“ — …), “Для старцев все запретные труды” и, наконец, главное: “Земля, к чему шутить со мною…“». Ахматову постоянно преследовали строки из еще одного «космического» произведения Гумилева — поэмы «Звездный ужас», завершающей сборник «Огненный столп»: «Горе! Горе! Страх, петля и яма // Для того, кто на земле родился…». Она долго искала и нашла источник этих строк — «Страх и яма, и петля на тебя, туземец! (Исаия, гл. 24, стих. 17)»[2425]. Эти же гумилевские строки преследовали Осипа Мандельштама. Н.Я. Мандельштам вспоминала, что незадолго до своего ареста, когда «Нарбута уже не было. Маргулиса уже не было. Клычкова уже не было. Многих уже не было. О.М. бормотал гумилевские строчки — “горе, горе, страх, петля и яма”, но потом снова радовался жизни и утешал меня, что все образуется»[2426]. Как бы не так…

«Девятьсот тринадцатый год», когда безумствовал «Маскарад» «Петербургской повести», отделен от года, когда «своя» пуля отыскала грудь Поэта, всего восемью годами. Из них половина пришлась на Великую войну, в которой Николай Гумилев участвовал с первого до последнего дня. Чтобы понять, насколько приложимо к нему слово «Герой», и уяснить его место в «Поэме без героя», нам и понадобился подробный, документально точный рассказ о каждом дне этого военного четырехлетия, с августа 1914 года по апрель 1918 года.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Анреп-1970 — Из писем Б.В. Анрепа / Публ. Г. Струве // Альманах «Мосты». № 15. Мюнхен, 1970. С.410–412.

Анреп–Каталог-2004 — Oliver Lois. Boris Anrep. The National Gallery Mosaics. National Gallery Company. London, 2004.

Арбенина-2007 — Гильдебрандт-Арбенина О.Н. «Девочка, катящая серсо…» / Сост. и коммент. А.Л. Дмитренко и др. М.: Молодая гвардия, 2007.

Ахматова-III-1983 — Ахматова Анна. Сочинения. YMCA-PRESS. PARIS, 1983. Т. 3.

Ахматова-ЗК — Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). Москва — Torino: «Giulio Einaudi editore», 1996.

Ахматова–Кралин-1,2 — Ахматова Анна. Соч.: В 2 т. / Сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: Правда, 1990.

Ахматова–Черных-2008 — Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1886 — 1966. 2-е изд., испр. и доп.. М.: Индрик, 2008.

Ахматова–Эллис Лак-1…8 — Ахматова Анна. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1–8. М.: Эллис Лак, 1999–2002.

Берберова-1996 — Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996.

Бердяева-2002 — Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002.

Блок–ЗК-1965 — Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965.

Блок–ЛН-92–1…5 — Блок Александр. Новые материалы и исследования // Литературное наследство. Т. 92. М.: Наука, 1980–1993. Кн. 1…5.

Бродячая собака-1983 — Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л.: Наука, 1985. С.160–257.

БСЭ-1…30 — Большая Советская Энциклопедия: В 30 т. М.: Советская Энциклопедия, 1970–1978. Т. 1–30.

Волков-2002 — Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002.

Волков-2004 — Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004.

Воспоминания об Ахматовой-1991 — Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных. М.: Советский писатель, 1991.

Воспоминания об Ахматовой-Кралин-1990 — Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М.М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея.

Гумилев-1991–1…3 — Гумилев Николай. Соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1–3

Гумилев–БП-2000 — Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Новая библиотека поэта / Сост., подгот. текста и примеч. М.Д. Эльзона. СПб.: Академический проект, 2000.

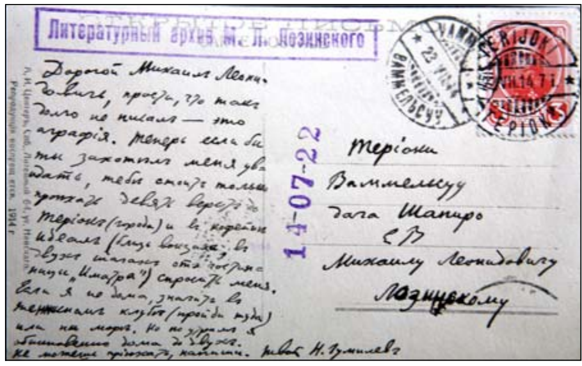
Гумилев–Струве-1…4 — Гумилев Н. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. проф. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Вашингтон, 1962–1968.

Давидсон-2008 — Давидсон Аполлон. Мир Николая Гумилева, поэта, путешественника, воина. М.: Русское слово, 2008.

Данилов-1933 — Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918. Париж, 1933.

Довыденко-2009 — Довыденко Л.В. «Гумилевская осень», или Гумилевские места в Калининградской области. Калининград: Капрос, 2009.

Литературный архив М.Л. Лозинского

Дорогой Михаил Леонидовичъ, прости, что такъ долго не писалъ — это аграфія. Теперь если бы ты захотелъ меня увидать, тебѣ стоитъ только проѣхать девять верстъ до Теріокъ (города) и въ кофейнѣ Идеалъ (близъ вокзала, въ двухъ шагахъ отъ гостиницы „Иматра") спросить меня. Если я не дома, значитъ въ теннисномъ клубѣ (пройди туда) или на морѣ. Но по утрамъ я обыкновенно дома до двухъ. Не можешь пріѣхать, напиши. Твой Н. Гумилевъ

14-07-22

Теріоки
Ваммельсуу
дача Шапиро
С.В.
Михаилу Леонидовичу
Лозинскому

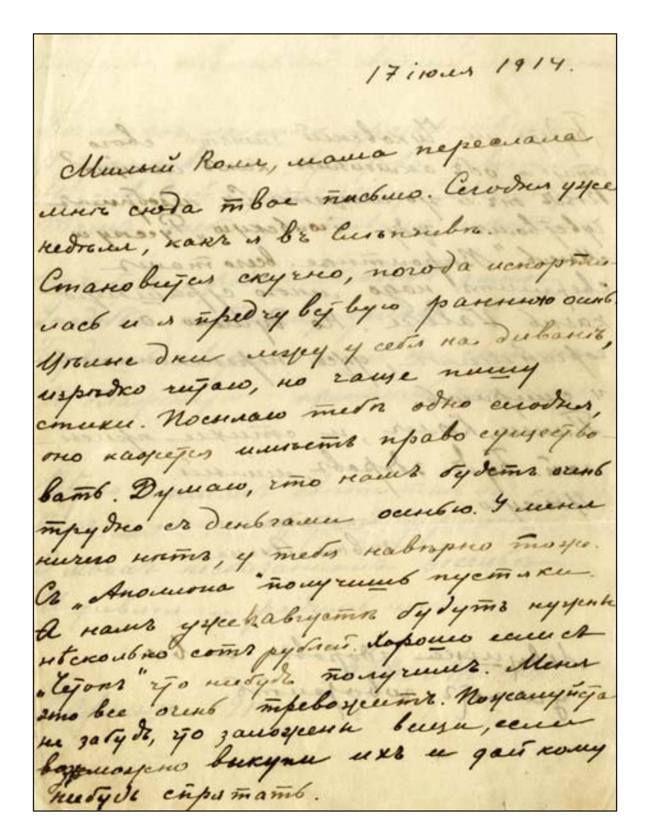
Последняя мирная открытка М.Л. Лозинскому от 9/22 июля 1914 из Териок, из кофейни «Идеал». Архив М.Л. Лозинского

Кофейня «Идеал» в Териоках. Здесь Гумилев встречался с Верой Алперс накануне начала войны. Современный вид. Фото М.Г. Козыревой

Вера Владимировна Алперс. *1910-е*

17 іюля 1914.

Милый Коля, мама переслала мнѣ сюда твое письмо. Сегодня уже недѣля, какъ я въ Слепневѣ. Становится скучно, погода испортилась и я предчувствую раннюю осень. Цѣлые дни лежу у себя на диванѣ, изрѣдко читаю, но чаще пишу стихи. Посылаю тебѣ одно сегодня, оно кажется имѣетъ право существовать. Думаю, что намъ будетъ очень трудно съ деньгами осенью. У меня ничего нѣтъ, у тебя навѣрно тоже. Съ „Аполлона" получишь пустяки. А намъ уже въ августѣ будутъ нужны нѣсколько сотъ рублей. Хорошо если съ „Чуток" что нибудь получишь. Меня это все очень тревожитъ. Пожалуйста не забудь, что заложены вещи, если возможно выкупи ихъ и дай кому нибудь спрятать.

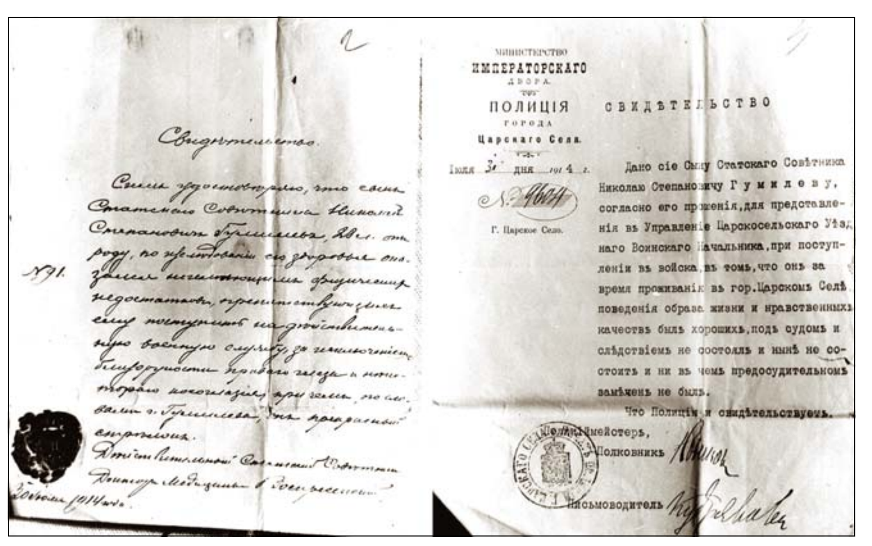
Начало последнего довоенного письма А.А. Ахматовой Н.С. Гумилеву из Слепнева от 17 июля 1914. РГАЛИ

Последний довоенный адрес Н.С. Гумилева — 5-я линия Васильевского острова, 10. «Неофициальная» мемориальная доска на этом доме, установленная 2 мая 1984 года, провисела 3 дня. Фото автора

Свидетельства о здоровье и благонадежности, выданные Н.С. Гумилеву при зачислении в армию 30 и 31 июля 1914. РГВИА

Свидѣтельство.

№1. Симъ удостовѣряю, что сынъ Статскаго Совѣтника Николай Степановичъ Гумилевъ, 28 л. отъ роду, по изслѣдованіи его здоровье оказался не имѣющимъ физическихъ недостатковъ, препятствующихъ ему поступить на дѣйствительную военную службу, за исключеніемъ близорукости праваго глаза и нѣкотораго косоглазія, при чемъ, по словамъ г. Гумилева, онъ прекрасный стрѣлокъ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Докторъ Медицины [illegible]

30 іюля 1914 г.

Министерство Императорскаго Двора

Полиція города Царскаго Села

Іюля 31 дня 1914 г.

№ 9604

Г. Царское Село.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

Дано сіе Сыну Статскаго Совѣтника Николаю Степановичу Гумилеву, согласно его прошенія, для представленія въ Управленіе Царскосельскаго Уѣзднаго Воинскаго Начальника, при поступленіи въ войска, въ томъ, что онъ за время проживанія въ гор. Царскомъ Селѣ поведенія образа жизни и нравственныхъ качествъ былъ хорошихъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ и нынѣ не состоитъ и ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ.

Что Полиція и свидѣтельствуетъ.

Полиціймейстеръ, Полковникъ [signature]

Письмоводитель [signature]

Первый снимок Н.С. Гумилева в форме, посланный из Расейняя, Литва, в октябре 1914, до начала боев. На обороте — стихотворные автографы.
Хранился у П.Н. Лукницкого. Нынешнее местонахождение неизвестно

Мост через реку Шешупе на границе с Пруссией, частично разрушенный во время войны, где Н.С. Гумилев принял первый бой 17 октября 1914.
Справа: **Современный вид моста начала 1990-х.**
Фото автора

Кречевицкие казармы под Новгородом, где началась служба Н.С. Гумилева в Запасном Кавалерийском полку и куда к нему приезжала А.А. Ахматова.
Фото автора

Немецкий городок Ширвиндт, уничтоженный двумя войнами, где Н.С. Гумилев получил боевое крещение

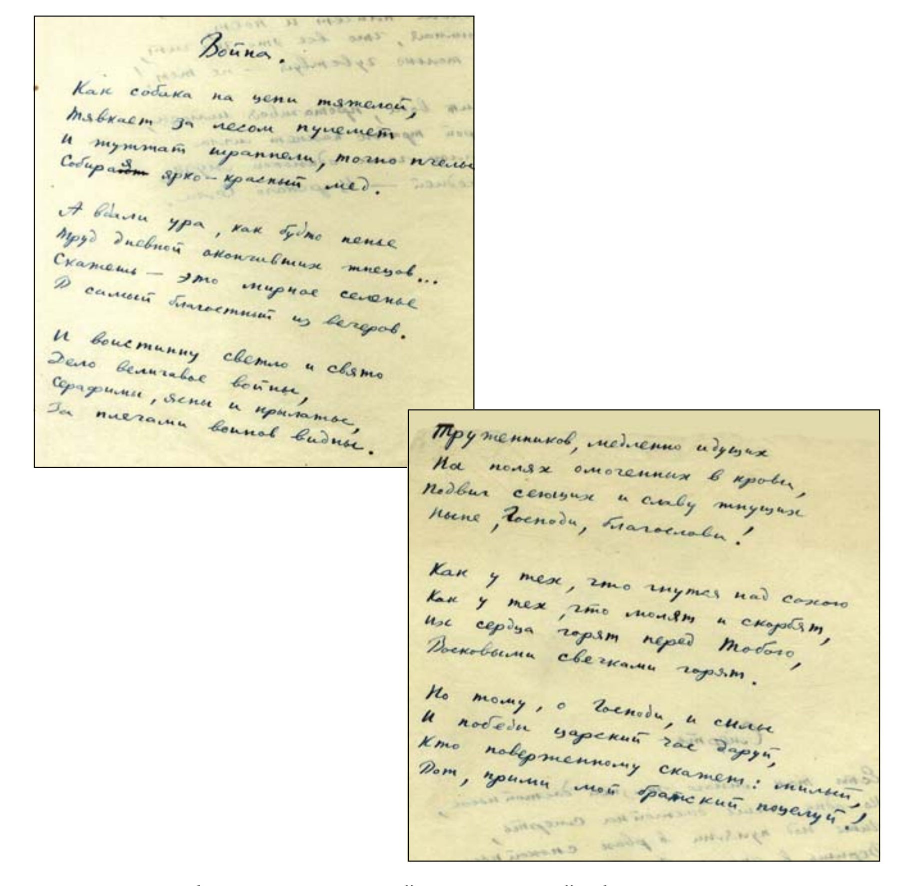

Брод через Шешупу около села Кубилеле, который форсировали уланы в разведывательном наступлении. Фото автора

Долина речки Пилицы (Польша), вдоль которой проходил Уланский полк

Война.

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, точно пчелы,
Собирают ярко-красный мед.

А вдали ура, как будто пенье
Труд дневной окончивших жнецов...
Скажешь — это мирное селенье
В самый благостный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих
Ныне, Господи, благослови!

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!

Автограф стихотворения «Война», посланный с фронта в Петроград. Впервые опубликовано 23 ноября 1914 в газете «Отечество». РГАЛИ

Современный Белхатов, за бои и разведку в окрестностях которого Н.С. Гумилев получил свой первый Георгиевский крест. Фото автора

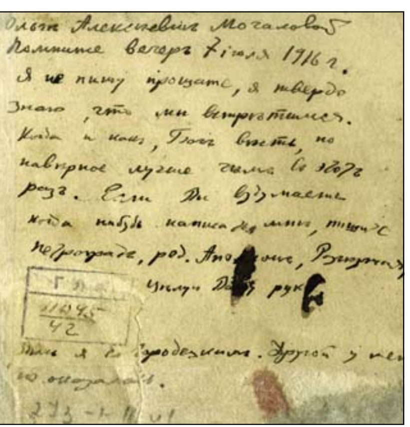

Река Пилица напротив Скотников.
Дом в Скотниках, где произошла встреча с ксендзом, описанная Н.С. Гумилевым

Село Иновлодзь на Пилице
и местный костел;
отсюда Н.С. Гумилев
наблюдал за боем

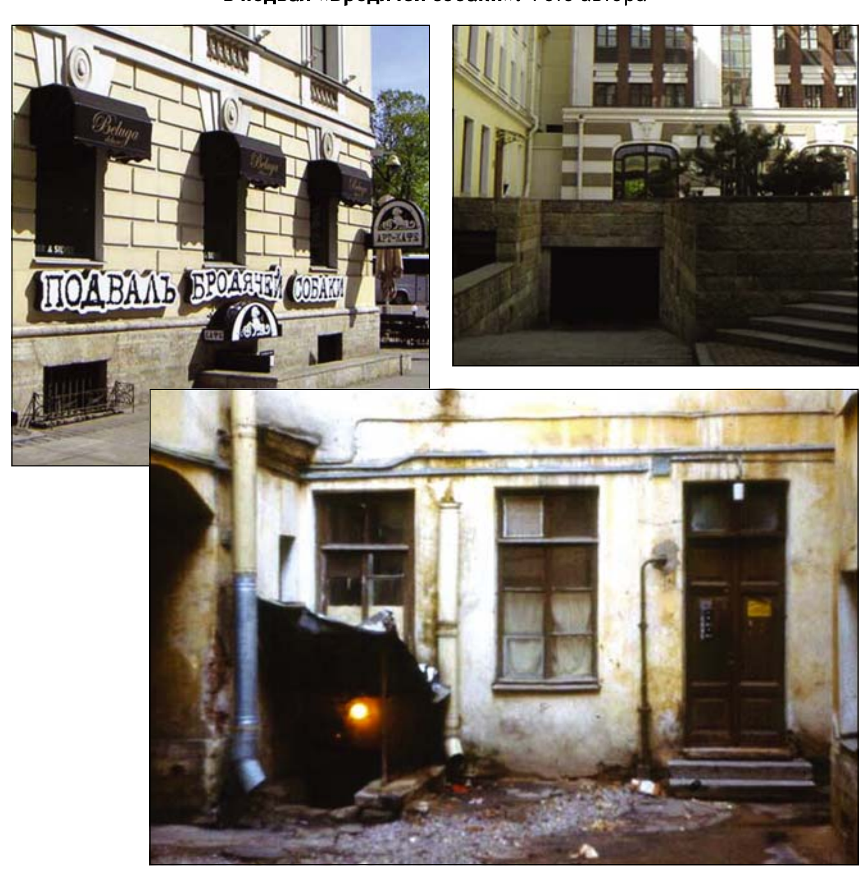

Ольге Алексеевне Мочаловой
Помните вечер 7 июля 1916 г.
Я не пишу прощайте, я твердо
знаю, что мы встретимся.
Когда и как, Бог весть, но
наверное лучше чем в этот
раз. Если Вы вздумаете
когда нибудь написать мне, пишите

Н.С. Гумилев и С.М. Городецкий. Снимок сделан в «Бродячей собаке».
На обороте *(справа)* **— дарственная надпись О. Мочаловой.** *Июль 1916.* РГАЛИ

Нынешный «Подвал бродячей собаки» и то, во что превратились два проходных двора, ведущих к ней. *Внизу:* **ныне уничтоженный вход в подвал «Бродячей собаки».** Фото автора

Письмо М.Л. Лозинскому с фронта. *2 января 1915*. Архив М.Л. Лозинского

Записки кавалериста.

Н. ГУМИЛЕВЪ.

Первая публикация «Записок кавалериста» в газете «Биржевые ведомости».
3 февраля 1915. Архив М.Л. Лозинского

1

Записки кавалериста.

II

Съ недѣлю мы пробыли около В. Кочи ~~[illegible]~~ оставались въ обширныхъ, но грязныхъ фольваркахъ, гдѣ угрюмые литовцы на всѣ вопросы отвѣчали неизмѣнное „не сопранту" (не понимаю). Спали по большей части въ сараяхъ, причемъ я узналъ, что спать въ соломѣ хотя и хорошо, но холодно, если же спать въ сѣнѣ, то на утро измучаешься, доставая изъ за ворота колючіе стебельки. Дни проводили за такими же фольварками, то прикрывая работающую артиллерію, то выжидая момента для небольшого набѣга. Дулъ пронизывающій западный вѣтеръ и навѣрно странно было видѣть у понурыхъ лошадей сотни молчаливыхъ [illegible] съ посинѣвшими лицами.

Наконецъ пришло отрадное извѣстіе, что наша тяжелая артиллерія пристрѣлялась по сильнымъ непріятельскимъ окопамъ въ Ш. и по словамъ вернувшихся развѣдчиковъ они буквально завалены трупами. Было рѣшено предпринять общее наступленіе.

Невозможно лучше передать картины наступленія, чѣмъ это сдѣлалъ Тютчевъ въ четырехъ строкахъ:

...„Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли"!

Я сомнѣваюсь, чтобы утро наступленія могло быть не солнечнымъ, столько бодрости, столько оживленія разлито вокругъ. Команда звучитъ особенно отчетливо, солдаты заламываютъ фуражки набекрень и молодцевато устраиваются въ сѣдлахъ. Штандартъ простреленный и французами и турками

Первая из трех сохранившихся страниц единственного автографа варианта «Записок кавалериста». РГАЛИ

Район Лейпун, дорога на Копциово и господский дом, где, возможно, размещался штаб Уланского полка. Фото автора

Район фальварка Шадзюны, за деревней Салтанишки, где разъезд Н.С. Гумилева столкнулся с немцами. Озеро Снежно, от которого тянулось обнаруженное Гумилевым проволочное заграждение. Фото автора

Семейная фотография
3 апреля 1915. Царское Село. Из архива Л.Н. Гумилева

Семейная фотография
3 апреля 1915. Царское Село. Из архива О.Н. Высотского

Дорога из Заболотце («деревни З.») к Бугу, в Джарки; лес и поле перед Бугом. Здесь произошел бой, за который Н.С. Гумилев получил второй Георгиевский крест. Фото автора

Село Столенские Смоляры на Буге, со старинной мельницей и каштаном-коновязью, где уланам был предоставлен отдых с 22 по 27 июля 1915. Отсюда Н.С. Гумилев направил несколько писем А.А. Ахматовой. Фото автора

НА РУССКО-ГЕРМАНСКОМЪ ФРОНТѢ:

7-го іюля боевыя столкновенія происходили въ раіонѣ къ западу отъ Митавы.—Непріятель бомбардировалъ Остроленку и пытался продвинуться между Рожанами и Пултускомъ.—На правомъ берегу Нарева мы успѣли нѣсколько потѣснить непріятеля.—Атаки непріятеля въ направленіи Зволинъ—Гнѣвашевъ были безуспѣшны.

НА РУССКО-АВСТРІЙСКОМЪ ФРОНТѢ:

Наступленіе непріятеля на фронтѣ Ходэль—Пяски нами остановлено.—У Вепржа германцы, отбитые нами, понесли существенныя потери.—На Бугѣ наши войска потѣснили непріятеля; въ упорномъ бою нами захвачено до 1000 плѣнныхъ.

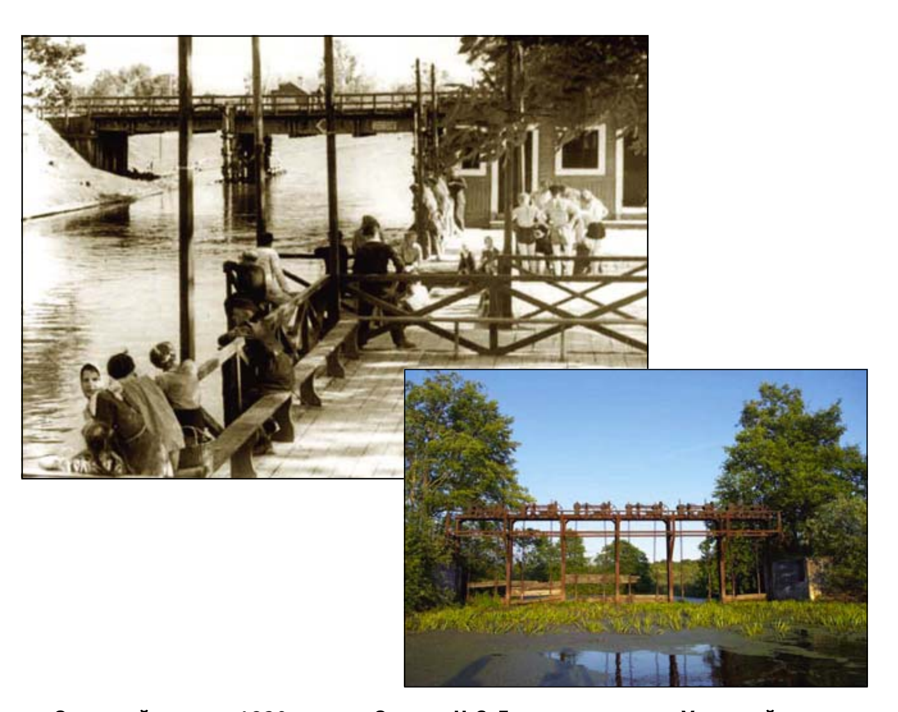
Газетное сообщением о бое на Западном Буге, в котором участвовал Н.С. Гумилев

Деревня Стригин и река Ясельда в районе Стригин — Пересудовичи, где произошел бой, описанный в главе 15. Фото автора

Хутор Костюки, деревня Большие Матвеевичи и старожил села В.П. Омелюсик, помнящий обстрел деревни, занятой немцами. Фото автора

Огинский канал в 1920-е годы. Отсюда Н.С. Гумилев, покинув Уланский полк, отправился в школу прапорщиков. Остатки шлюзов на Огинском канале. Фото автора

Деревни Козики и Святая Воля; ручей-канава, пересекающая дорогу между деревнями, где залег эскадрон улан с Н.С. Гумилевым во время боя, описанного в главе 16. Фото автора

Село Колбы, где служил Александр Блок. ***Вверху:*** **рисунок часовни, выполненный поэтом. Интерьер мемориального музея А.А. Блока в Лопатине. Колбы располагались в непосредственной близости от тех мест, которые покинул Н.С. Гумилев в сентябре 1915.** Фото автора

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ

[illegible] Лейбъ-Гвардіи Уланскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ полка Николая ГУМИЛЕВА.

Прохожденіе службы.

Прибылъ въ Л.-Гв. Уланскій ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ полкъ [illegible] добровольцемъ на правахъ вольноопредѣляющагося въ эскадронъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА — 1914 Авг. 24

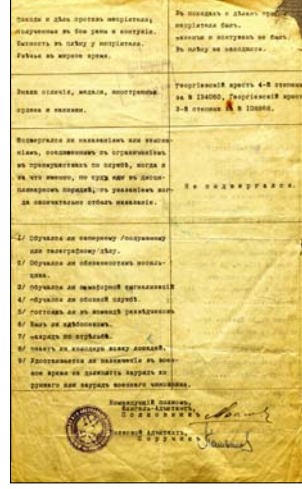
[illegible] по Гвардейскому кавалерійскому корпусу отъ 24 Декабря 191[illegible] г. за № [illegible] награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4 степени за № 134060 — 1915 Янв. 13

[illegible] произведенъ въ ефрейторы

За отличія въ дѣлахъ противъ германцевъ произведенъ въ унтеръ-офицеры — 1915 Янв. 15

Приказомъ по 2-й Гвардейской кавалерійской дивизіи за № [illegible] отъ 5 Декабря 1915 года за отличія въ дѣлахъ противъ германцевъ

Награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 3 степени за № 108868 — 1915 Дек. 25

Походы и дѣла противъ непріятеля, полученныя въ бою раны и контузіи. Бытность въ плѣну у непріятеля. [illegible] въ мирное время. — Въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля былъ. Раненъ и контуженъ не былъ. Въ плѣну не находился.

Знаки отличія, медали, иностранные ордена и награды. — Георгіевскій крестъ 4-й степени за № 134060, Георгіевскій крестъ 3-й степени за № 108868.

Подвергался ли наказаніямъ или взысканіямъ, соединеннымъ съ ограниченіемъ въ преимуществахъ по службѣ, когда и за что именно, по суду или въ дисциплинарномъ порядкѣ, съ указаніемъ когда окончательно отбылъ наказаніе. — Не подвергался.

1/ Обучался ли саперному /подрывному или телеграфному/ дѣлу.
2/ Обучался ли обязанностямъ [illegible].
3/ Обучался ли семафорной сигнализаціи.
4/ Обучался ли обозной службѣ.
5/ Состоялъ ли въ команде разведчиковъ.
6/ Былъ ли [illegible].
7/ [illegible] по стрѣльбѣ.
8/ [illegible] ли командир своему [illegible].
9/ Удостаивается ли назначенія въ военное время на должность [illegible] или [illegible] военнаго чиновника.

Командующій полкомъ, Флигель-Адъютантъ, Полковникъ

Полковой Адъютантъ, Поручикъ

«Послужной список» полученный Гумилевым в Люцине в Уланском полку для передачи в Гусарский полк. РГВИА. Публикуется впервые

Городок Лудза, бывший Люцин, где стоял Уланский полк весной 1916, куда прибыл Н.С. Гумилев, чтобы попрощаться с боевыми товарищами

Д.С. Гумилев и его жена А.А. Гумилева-Фрейганг. *Справа:* **А.А. Гумилева-Фрейганг сестра милосердия. Их имение «Крыжуты» располагалось рядом с Люцином**

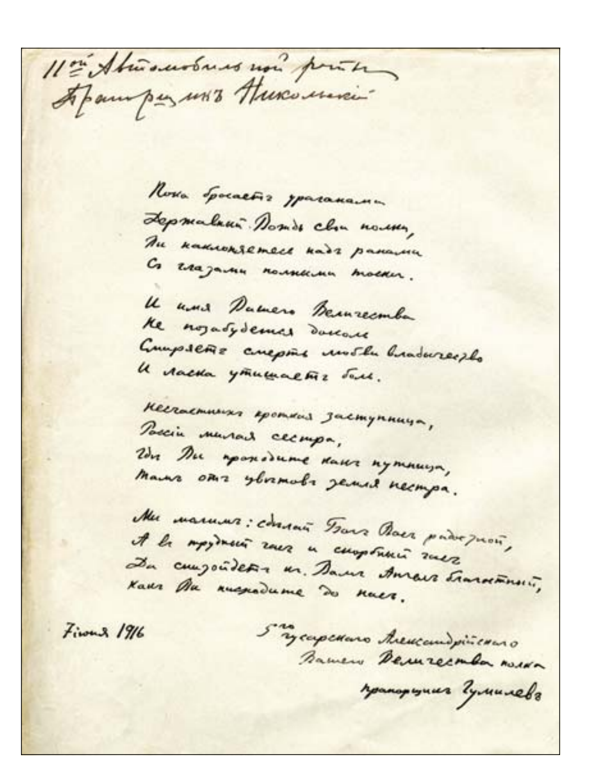
Бывший фольварк Рандоль, куда прибыл Н.С. Гумилев после зачисления в Гусарский Александрийский полк. На террасе этой усадьбы он 11 апреля 1916 беседовал с В.А. Карамзиным. Фото автора

В.А. Карамзин, однополчанин Н.С. Гумилева, оставивший воспоминания о прибытии поэта в полк и о совместной службе

С.А. Топорков, сослуживец Н.С. Гумилева, оставивший воспоминания о пребывании поэта в полку

11-ой Автомобильной роты
Прапорщикъ Никольскій

Пока бросаетъ ураганами
Державный Вождь свои полки,
Вы наклоняетесь надъ ранами
Съ глазами полными тоски.

И имя Вашего Величества
Не позабудется доколе
Смиряетъ смерть любви владычество
И ласка утишаетъ боль.

Несчастныхъ кроткая заступница,
Россіи милая сестра,
Гдѣ Вы проходите какъ путница,
Тамъ отъ цвѣтовъ земля пестра.

Мы молимъ: сдѣлай Богъ Васъ радостной,
А въ трудный часъ и скорбный часъ
Да снизойдетъ къ Вамъ Ангелъ благостный,
Какъ Вы нисходите до насъ.

7 іюня 1916

5-го Гусарскаго Александрійскаго
Вашего Величества полка
прапорщикъ Гумилевъ

Автограф стихотворения Н.С. Гумилева, посвященного Императрице и вписанного в ее альбом. *7 июня 1916*. ГАРФ

В.А. Петрушевский, однополчанин Н.С. Гумилева, впоследствии известный вулканолог и поэт, оставивший стихи, посвященные его памяти

Офицеры, однополчане Н.С. Гумилева по Гусарскому полку. Снимок сделан 1 мая 1917 года, когда Гумилева в полку не было. РГВИА. Публикуется впервые

Усадебный дом в Шлосс-Лембурге (Малпилс), где располагался полк Н.С. Гумилева летом 1916, и местный костел. Фото автора

Имение в Спаре, где располагались гусары. *Справа:* **старожил этих мест кузнец Скрастыньш из Иерики.** Фото автора

Б И Л Е Т Ъ

Предъявитель сего 5-го гусарскаго Александрiйскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ полка Прапорщ. Гумилевъ командированъ въ гор. Петроградъ для держанiя офицерскаго экзамена при Николаевскомъ кавалерiйскомъ училищѣ.

Въ чемъ подписью съ приложенiемъ казенной печати удостовѣряется.

Командиръ полка,

Полковникъ

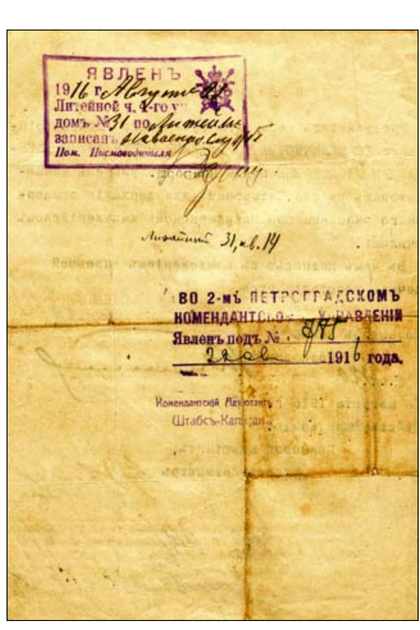
№ 2120

18 августа 1916 г.

Дѣйствующая армiя.

Полковой адъютантъ,

Штабсъ-Ротмистръ

ЯВЛЕНЪ

1916 г. Августа

Литейной ч. 4-го уч.

домъ №31 по Литейному

записанъ

Пом. Письмоводителя

Литейный 31, кв. 14

ВО 2-мъ ПЕТРОГРАДСКОМЪ КОМЕНДАНТСКОМЪ УПРАВЛЕНIИ

Явленъ подъ №

1916 года.

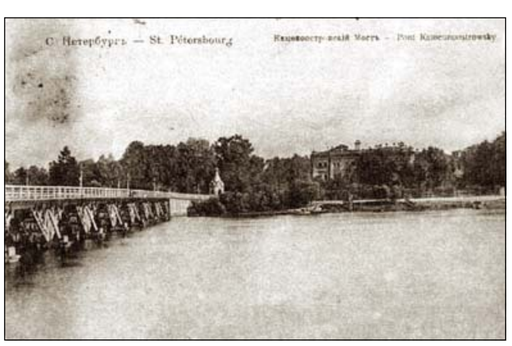
Комендантскiй Адъютантъ

Штабсъ-Капитанъ

Билет на командировку в Петроград для держания офицерского экзамена. *Справа:* **автограф Н.С. Гумилева, указывающий на адрес, где он остановился: Литейный проспект, д.3 1, кв. 14. РГВИА.** Публикуется впервые

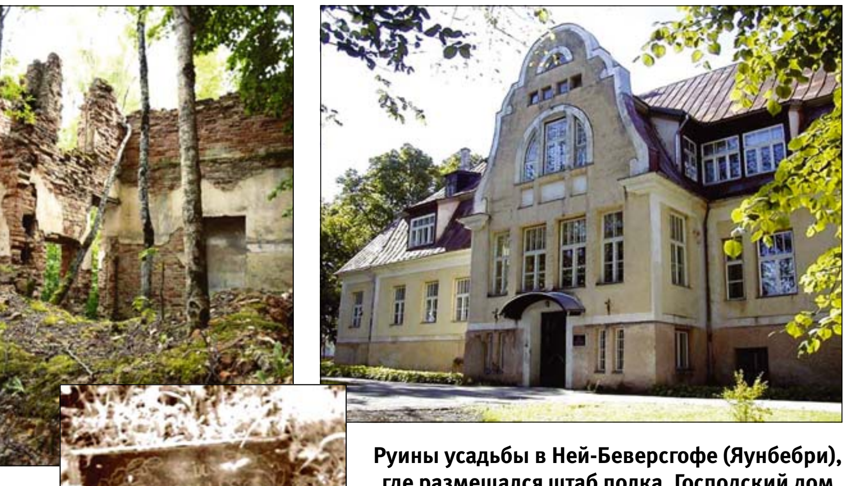

Лариса Рейснер. *Середина 1910-х*

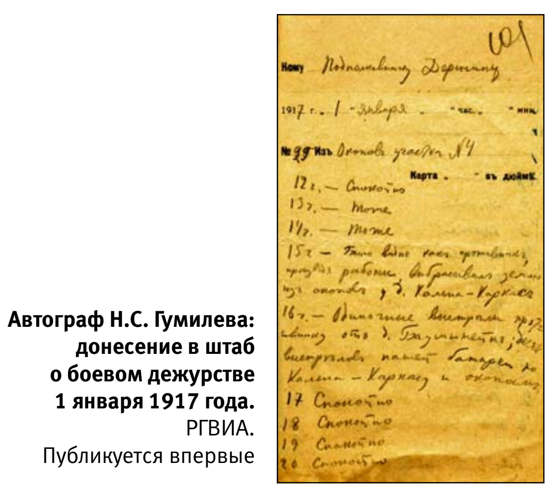

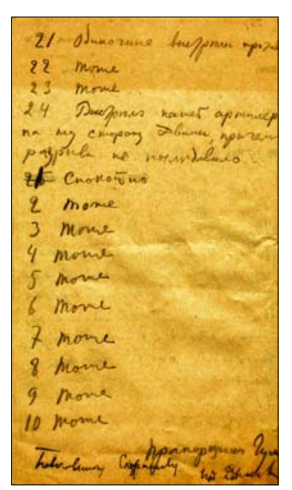

Часовня Христа Вседержителя *(не сохранилась)* **в конце Каменноостровского проспекта, на левой стороне, у Каменноостровского моста**

Руины усадьбы в Ней-Беверсгофе (Яунбебри), где размещался штаб полка. Господский дом в Альт-Беверсгофе (Вецбебри), в котором гусары располагались осенью 1916. *Слева:* братская могила в Яунбебри воинов, погибших в Первую мировую войну.
Фото автора

Автограф Н.С. Гумилева: донесение в штаб о боевом дежурстве 1 января 1917 года. РГВИА. Публикуется впервые

Затопленный водохранилищем замок в Кокенгаузене (Кокнесе) Последнее место на Двине, где дежурил Н.С. Гумилев в начале 1917. Фото автора

Предписание от 23 января 1917 года направить одного офицера на заготовку сена, с резолюцией: «Прапорщика Гумилева». РГВИА. Публикуется впервые

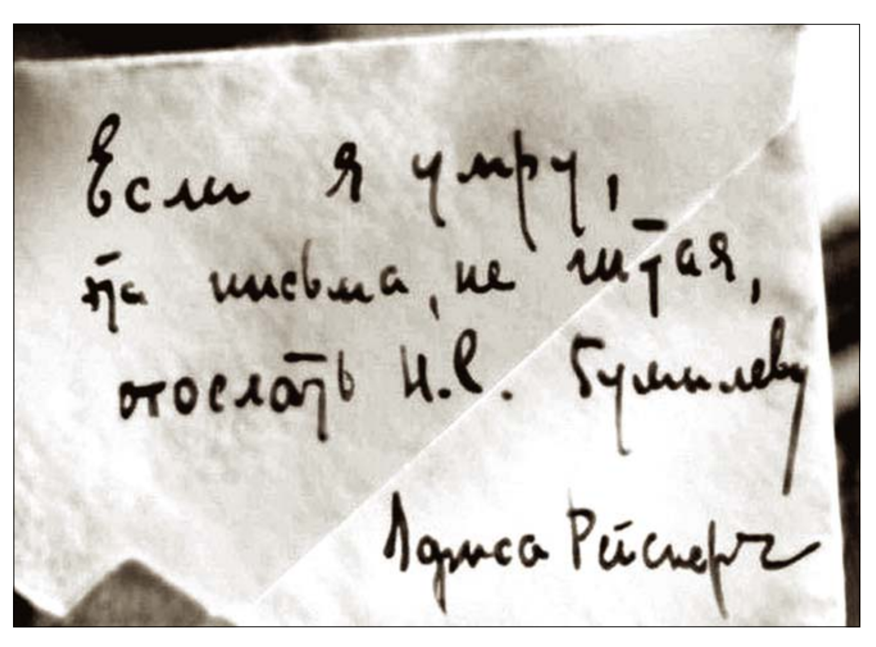

Открытка Н.С. Гумилева Ларисе Рейснер от 22 февраля 1917 из Москвы с «Канцоной» («Бывает в жизни человека...»). ОР РГБ

Открытка Н.С. Гумилева Ларисе Рейснер от 23 февраля 1917 из Москвы с «Канцоной» («Лучшая музыка в мире – нема...»). Такую же, без «Канцоны», он послал матери (музей в Твери). ОР РГБ

Если я умру, — эти письма, не читая, отослать Н.С. Гумилеву

Лариса Рейснер

Надпись Л.М. Рейснер на конверте с письмами Н.С. Гумилева. ОР РГБ

Общий вид Бергена и его Ганзейской части — Брюггена

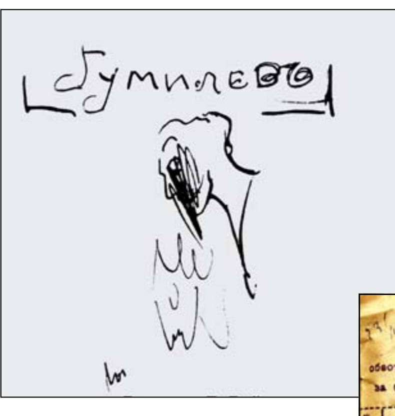

Рисунок Л.М. Рейснер на обороте черновика стихотворения «Медный всадник» с попыткой изобразить Н.С. Гумилева. ОР РГБ

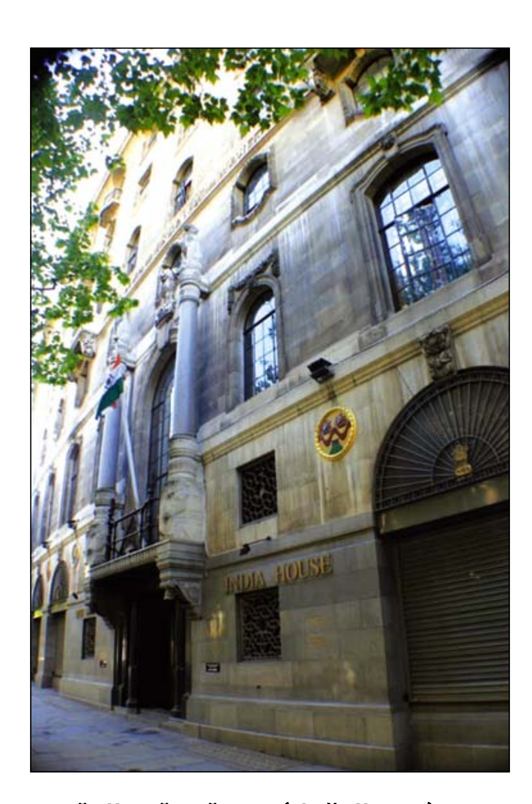
СПИСОКЪ

обер-офицеровъ 5-го гусарскаго Александрійскаго полка, представляемыхъ за боевыя отличія къ наградамъ.

№ по пор.	Чинъ, имя и фамилія.	Какія награды испрашиваются.
1	Поручикъ Иванъ ВАРПЕХОВСКІЙ..........	Мечи къ ордену Св.Станислава 3 ст.
2	Корнетъ Николай ЛАНГЕНЪ I-й	Орденъ Св.Станислава 3 ст.съ мечами и бантомъ.
3	Прапорщикъ Николай ГУМИЛЕВЪ..........	Орденъ Св.Станислава 3 ст.съ мечами и бантомъ.
4	Прапорщикъ Феодоръ Г Е Й Н Е..........	Орденъ Св.Станислава 3 ст.съ мечами и бантомъ.

Полковой Адъютантъ,
Штабсъ-Ротмистръ

Представление Н.С. Гумилева за боевые отличия к награждению орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. РГВИА. Публикуется впервые

Так называемый «Индийский дом» («India House»), где размещались русские военные службы. Н.С. Гумилев зимой 1918 года служил там в Шифровальном отделе. Фото М.Г. Козыревой

**Лондон. Понд-стрит, 4, где жил Борис Анреп,
у которого часто бывал Н.С. Гумилев**

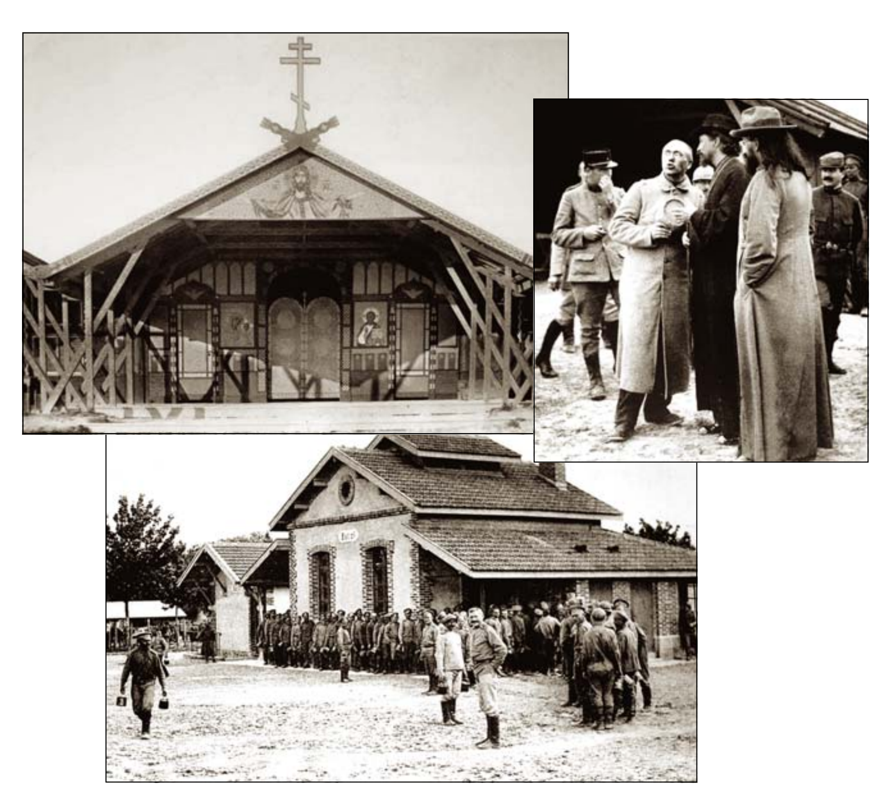
**Имение Гарсингтон Мэнор в Оксфордшире.
Леди Оттолин Моррелл, которую 16 июня 1917 навестил Н.С. Гумилев**

**Лондон. Ченсери-лейн, 63, где жил К. Бехгофер,
у которого Н.С. Гумилев останавливался летом 1917**

Отель Истгейт в Оксфорде, где Н.С. Гумилев останавливался 17 июня 1917.
Современный вид. Фото М.Г. Козыревой

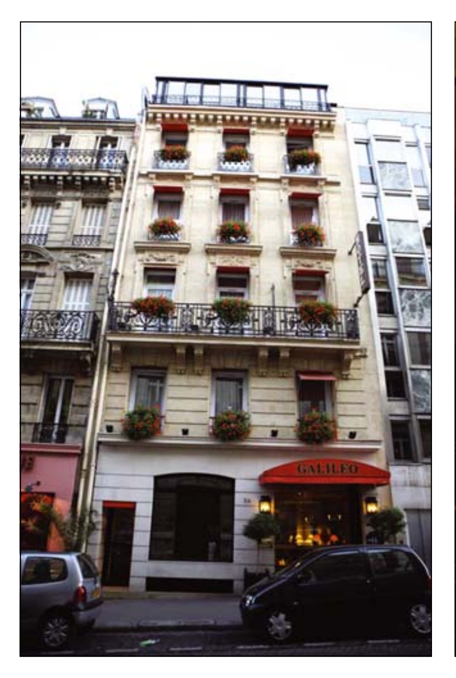
Русский лагерь Майи во Франции. Русская церковь, расписанная Д.С. Стеллецким; *справа*: **художник Д.С. Стеллецкий со священниками;** *ниже*: **раздача солдатам еды в лагере.** Фотографии из собрания Андрея Корлякова (Париж)

Слева: **М.И. Занкевич.** *Справа:* **поездка Е. Раппа в Ля Куртин в июле. Слева за ним идет Военный комиссар С. Сватиков.**
Фотографии из собрания Андрея Корлякова (Париж)

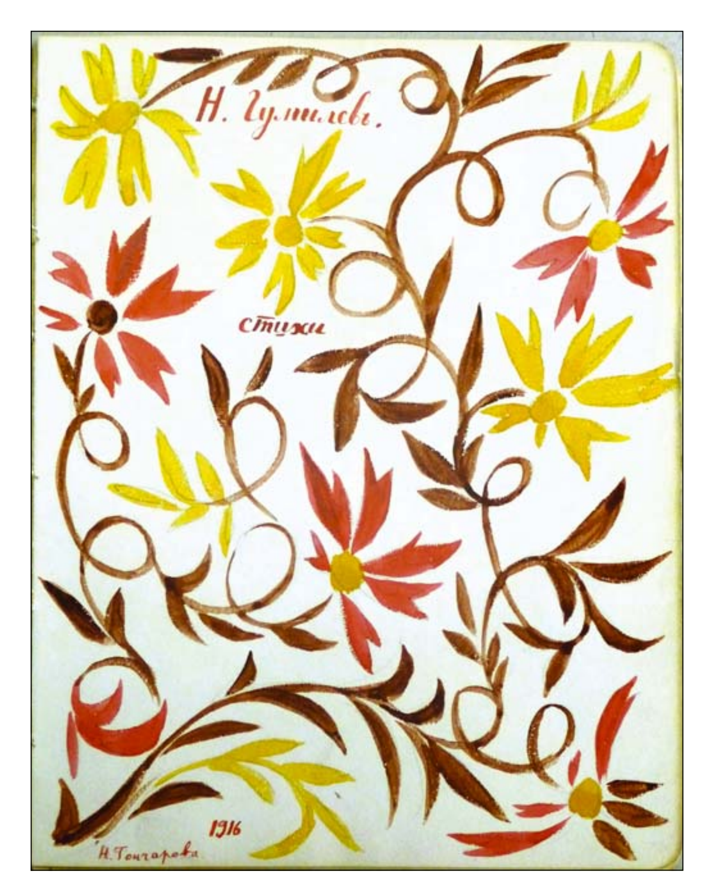
Первый Парижский адрес Н.С. Гумилева — гостиница «Galilée» на rue Galilée, 54.
Фото Т.М. Федоровой

Второй Парижский адрес Н.С. Гумилева — сквер Альбиони, 1, под станцией метро Пасси.
Фото Т.М. Федоровой

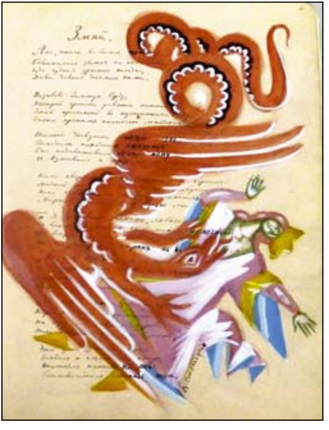

Н.С. Гончарова. Христос. С надписью под рисунком: «Николаю Степановичу Гумилеву на память о нашей первой встрече в Париже. Береги Вас Бог, как садовник розовый куст в саду. Н. Гончарова». ОГ ГТГ

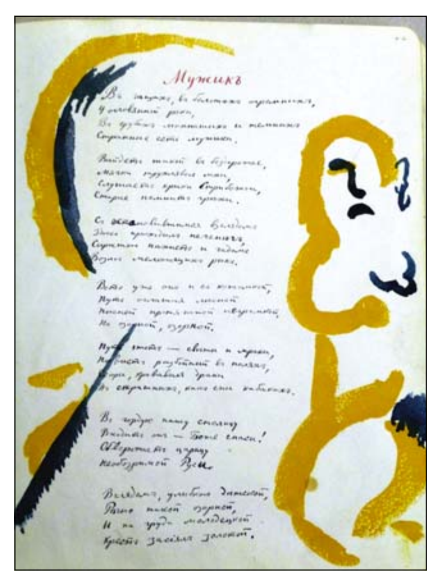

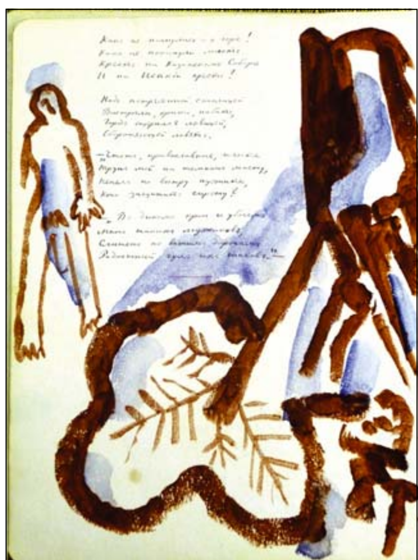
«Парижский альбом» Н.С. Гумилева. Обложка, оформленная Н.С. Гончаровой
Архив Гуверовского института

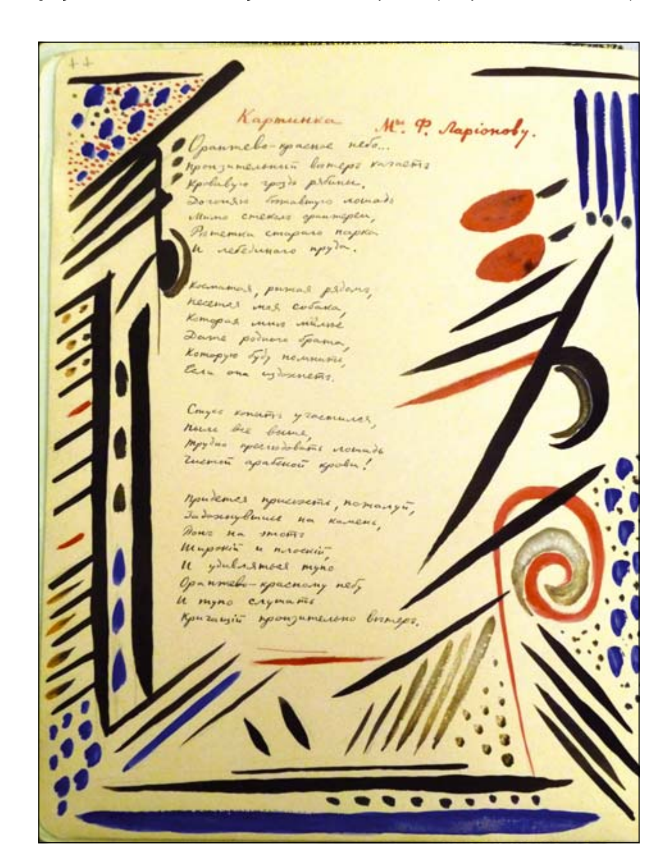

«Парижский альбом» Н.С. Гумилева. Стихотворение «Змей», оформленное Д.С. Стеллецким. Архив Гуверовского института

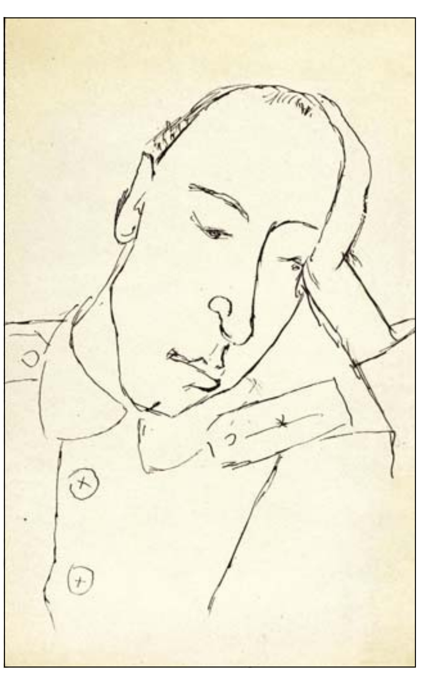

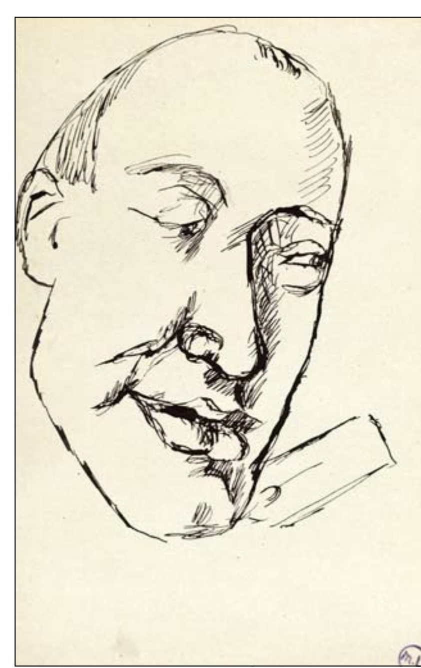

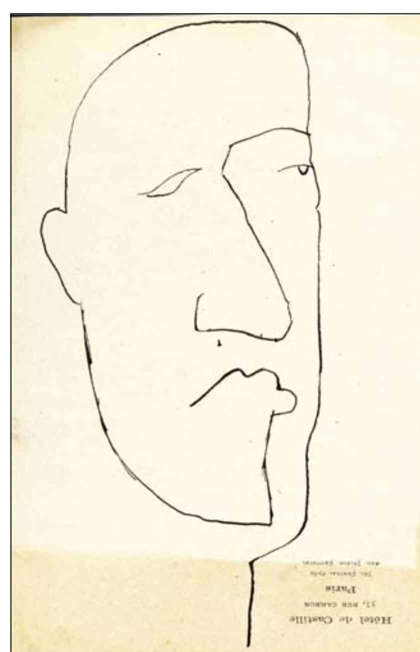
«Парижский альбом» Н.С. Гумилева. Стихотворение «Мужик», оформленное М.Ф. Ларионовым. Архив Гуверовского института

«Парижский альбом» Н.С. Гумилева. Стихотворение «Картинка», с посвящением М.Ф. Ларионову, оформленное Н.С. Гончаровой. Архив Гуверовского института

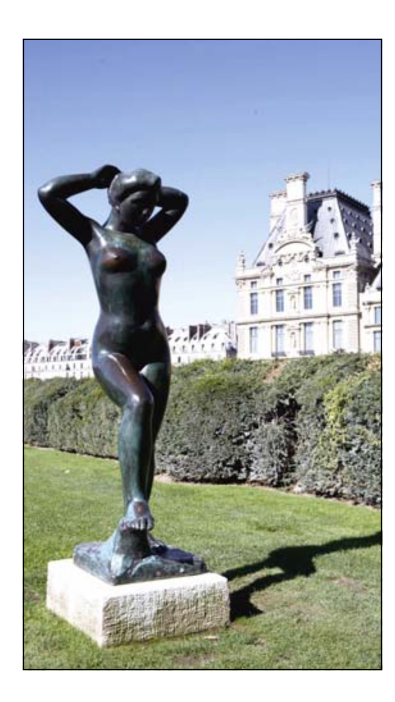
Портретные зарисовки Н.С. Гумилева, выполненные М.Ф. Ларионовым в Париже, видимо, летом 1917. ОГ ГТГ

Офицерские погоны Н.С. Гумилева, оставленные им в Лондоне.
Архив Гуверовского института. *Выше:* **портретные зарисовки Н.С. Гумилева, выполненные М.Ф. Ларионовым, на которых видны эти погоны.** ОР ГТГ

Статуя в саду Тюильри, в овале рук которой Н.С. Гумилев увидел «Синюю Звезду».
Фото Т.М. Федоровой. *Справа:* **«Синяя Звезда» – Елена Карловна Дюбуше**

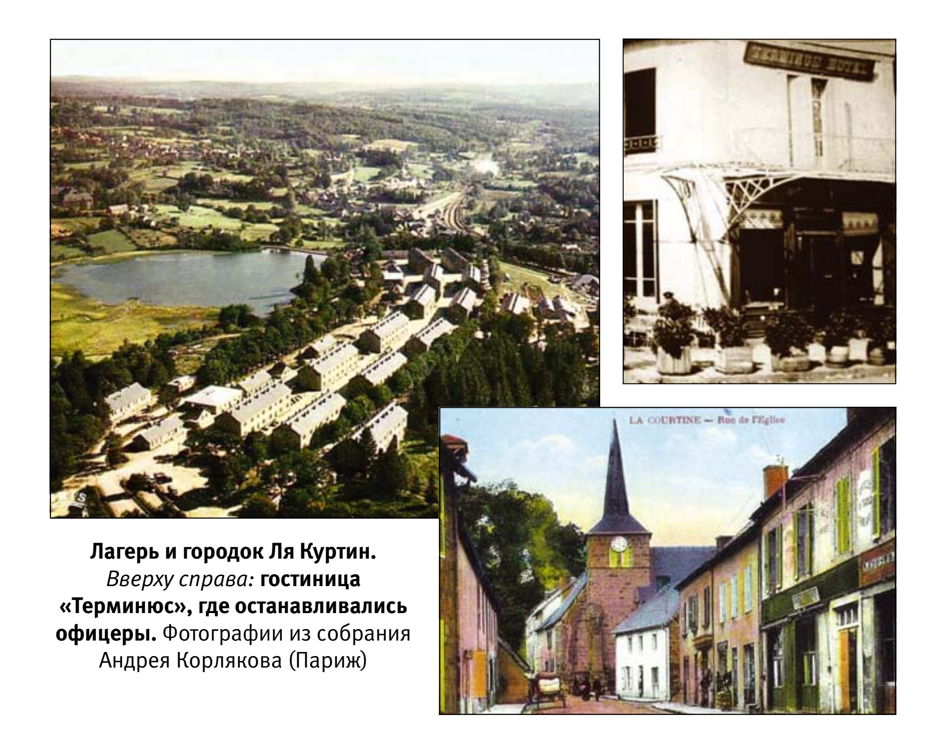
Улица Декамп в Париже, упоминаемая Н.С. Гумилевым в стихотворении «В этот мой благословенный вечер...»:

И пошли мы, пара вслед за парой,
Словно фантастический эстамп,
Через переулки и бульвары
К тупику близ улицы Декамп...

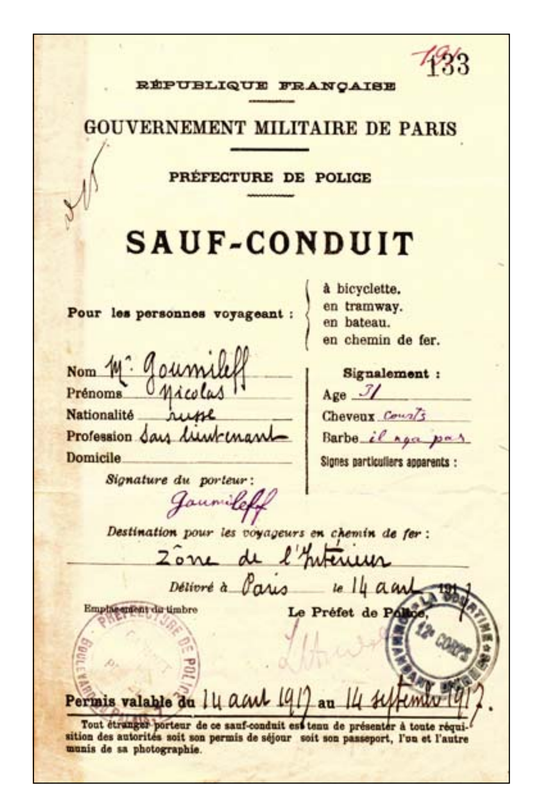

Париж, улица Пьера Шаррона, 59 (59, Pierre-Charron).
Комиссариат Е. Раппа, где служил Н.С. Гумилев. Фото Т.М. Федоровой

Лагерь и городок Ля Куртин.
Вверху справа: **гостиница «Терминюс», где останавливались офицеры.** Фотографии из собрания Андрея Корлякова (Париж)

133

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

GOUVERNEMENT MILITAIRE DE PARIS

PRÉFECTURE DE POLICE

SAUF-CONDUIT

Pour les personnes voyageant : à bicyclette, en tramway, en bateau, en chemin de fer.

Nom Mr. Goumileff
Prénoms Nicolas
Nationalité russe
Profession Sous lieutenant
Domicile

Signalement :
Age 31
Cheveux courts
Barbe il n'ya pas
Signes particuliers apparents :

Signature du porteur : Goumileff

Destination pour les voyageurs en chemin de fer : Zône de l'Intérieur

Délivré à Paris le 14 aout 1917

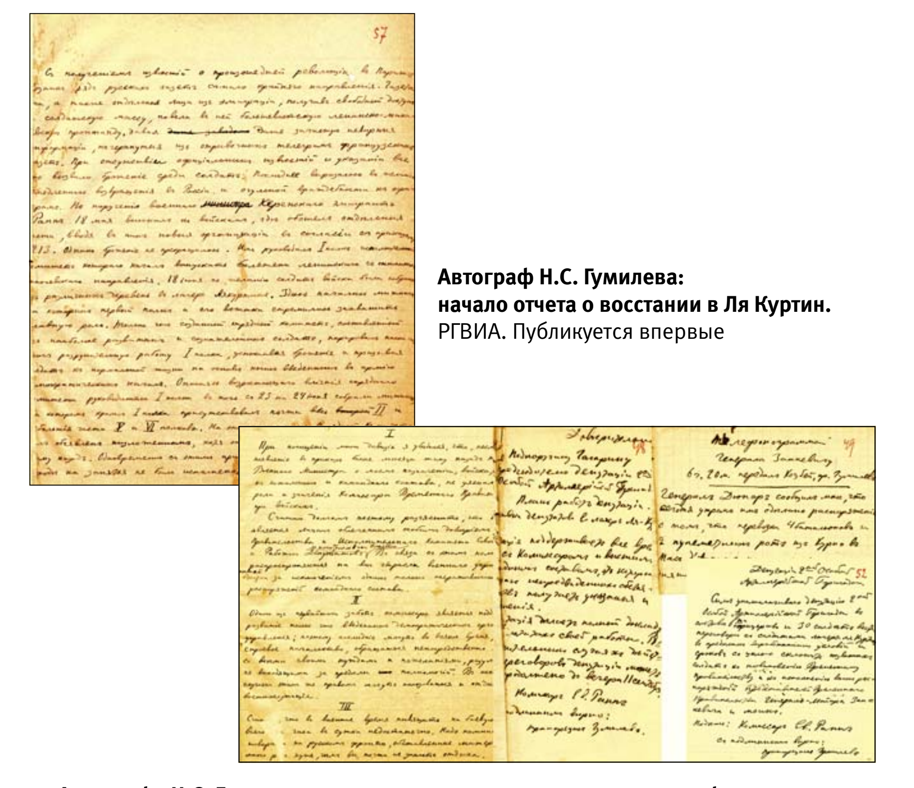
Emplacement du timbre

Le Préfet de Police,

Permis valable du 14 aout 1917 au 14 septembre 1917.

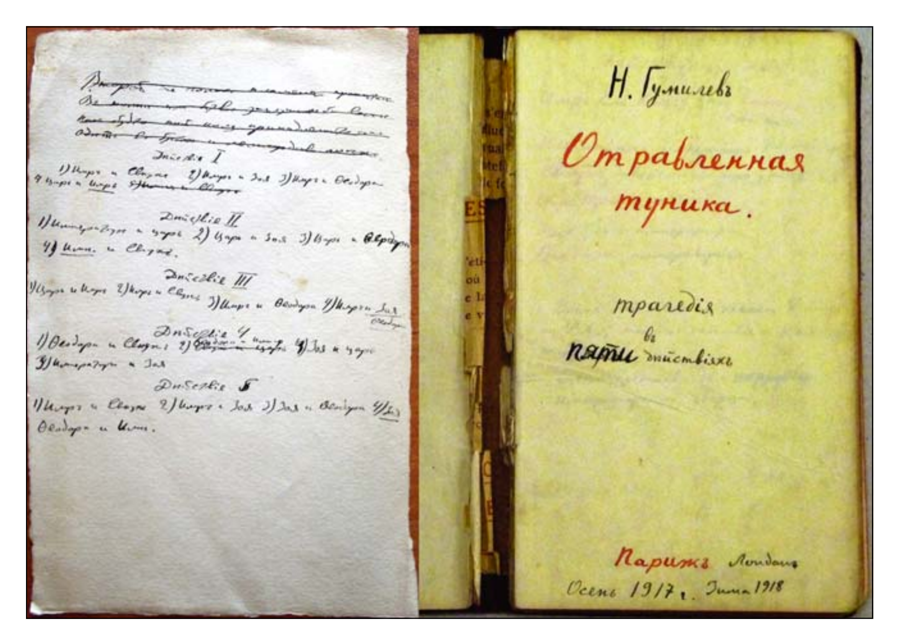
Tout étranger porteur de ce sauf-conduit est tenu de présenter à toute réquisition des autorités soit son permis de séjour soit son passeport, l'on et l'autre munis de sa photographie.

Пропуск, выданный Н.С. Гумилеву 14 августа и разрешающий ему поездки по Франции в военное время. РГВИА. Публикуется впервые

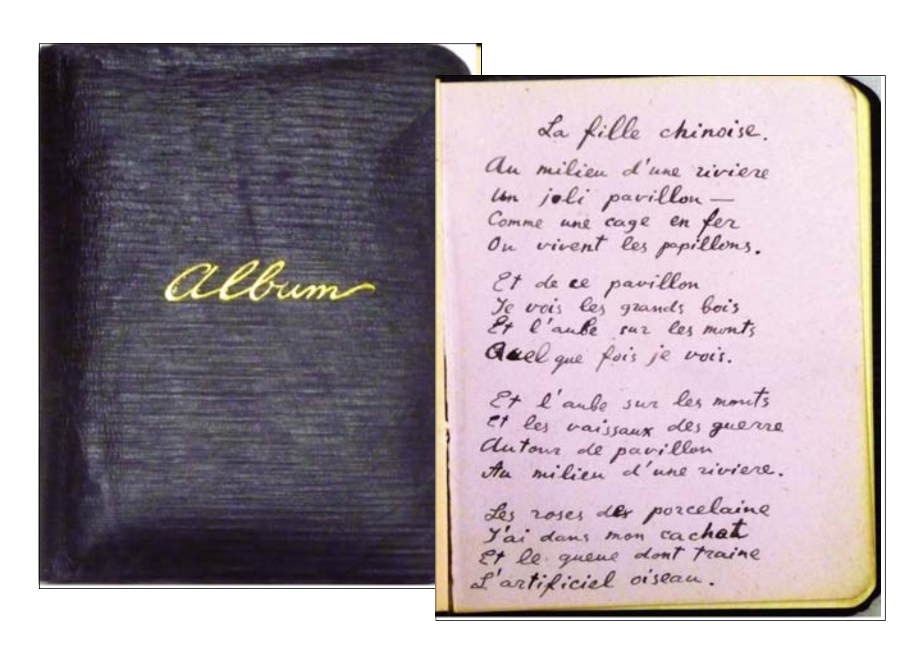

Автограф Н.С. Гумилева:
начало отчета о восстании в Ля Куртин.
РГВИА. Публикуется впервые

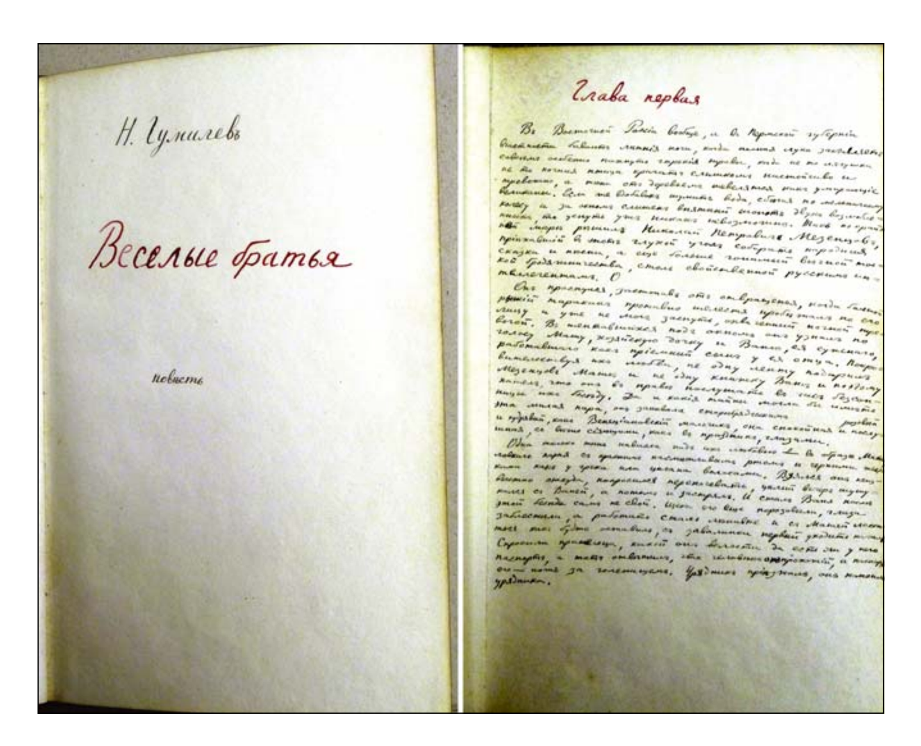
Автографа Н.С. Гумилева: проекты приказов, предписания, телефонограммы, распоряжения. РГВИА. Публикуется впервые

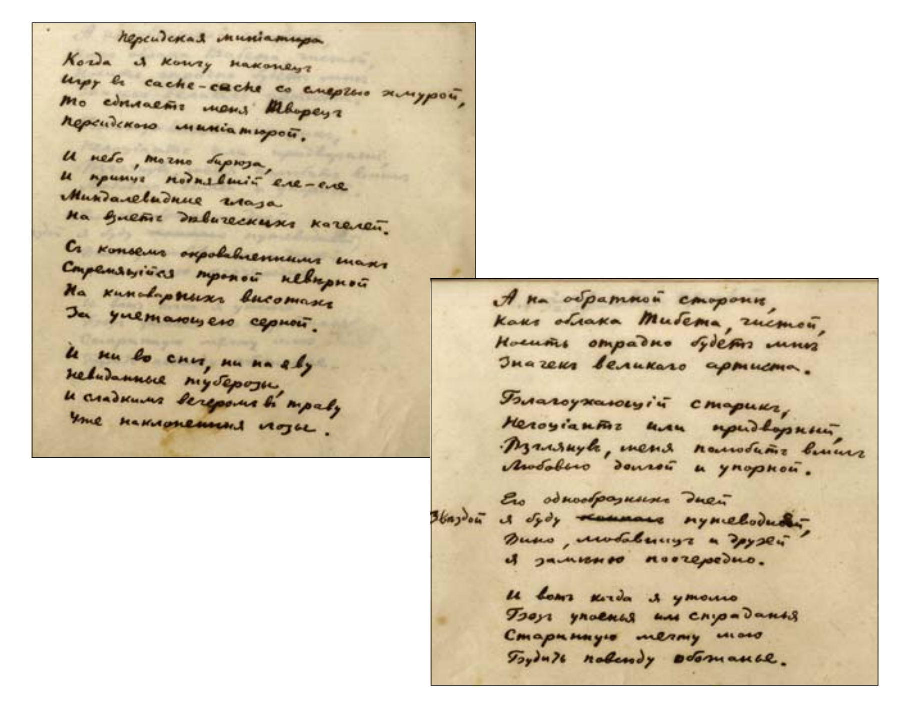
Слева: **первый Парижский план пьесы «Отравленная туника».** ОР ГТГ
Справа: **черновая тетрадь с пьесой, оставленная Н.С. Гумилевым в Лондоне.**
Архив Гуверовского института

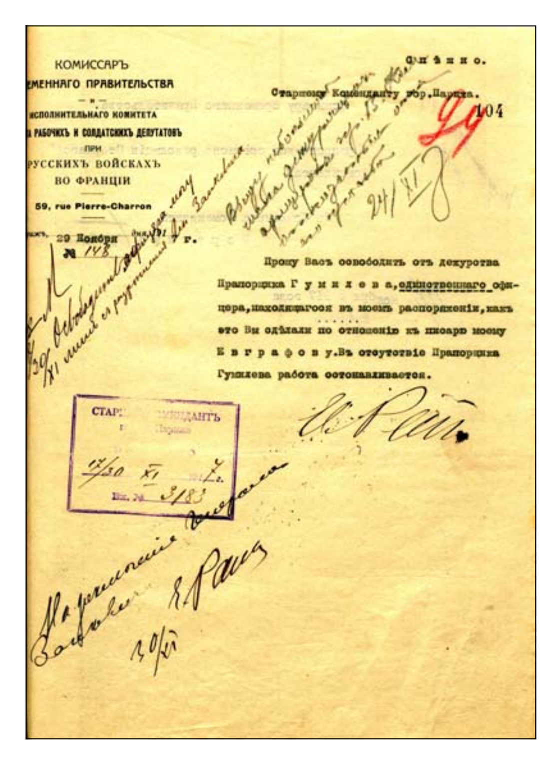
Альбом с «французскими стихами».
Архив Гуверовского института

Черновик начала повести «Веселые братья». Архив Гуверовского института

Автограф русского текста стихотворения «Персидская миниатюра». Архив РГАЛИ

КОМИССАРЪ
[ВР]ЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
— и —
ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА
[СОВЕТ]А РАБОЧИХЪ И СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ
ПРИ
РУССКИХЪ ВОЙСКАХЪ
ВО ФРАНЦІИ

59, rue Pierre-Charron

29 Ноября 1917 г.
№ 148

Спѣшно.

Старшему Коменданту гор. Парижа.

104

Прошу Васъ освободить отъ дежурства Прапорщика Г у м и л е в а, единственнаго офицера, находящагося въ моемъ распоряженіи, какъ это Вы сдѣлали по отношенію къ писарю моему Е в г р а ф о в у. Въ отсутствіе Прапорщика Гумилева работа останавливается.

Е. Рапп

Рапорт Е. Раппа коменданту Парижа об освобождении Н.С. Гумилева от дежурства.
РГВИА. Публикуется впервые

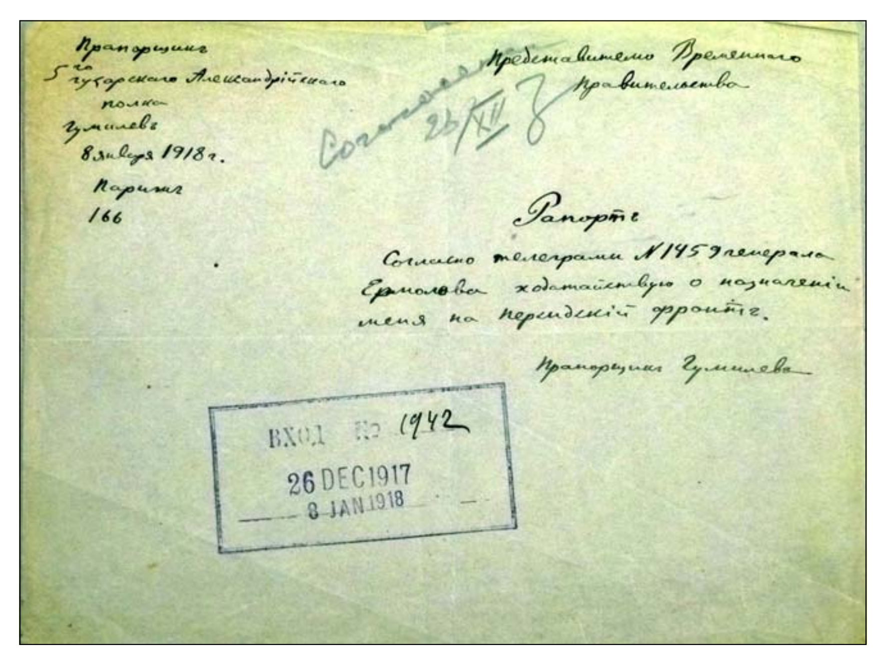
London 30, Bedford square
Russian Consulat, минѣ.

IMPERIAL HOTEL,
RUSSELL SQUARE, LONDON.

8. 15 PM
POST CARD.
ONLY THE ADDRESS TO BE WRITTEN HERE.
ONE PENNY

Paris
M-r Larionoff
rue Cambon, hôtel Castille

Открытка Н.С. Гумилева М.Ф. Ларионову из Лондона о том, что на Восток
он уже не едет. На открытке — вид отеля «Империал», где остановился поэт. ОР ГТГ

Прапорщикъ
5 гусарскаго Александрійскаго
полка
Гумилевъ
8 января 1918 г.
Парижъ
166

Представителю Временнаго
Правительства

Согласенъ 23/XII

Рапортъ

Согласно телеграммы № 1459 генерала Ермолова ходатайствую о назначеніи меня на персидскій фронтъ.

Прапорщикъ Гумилевъ

ВХОД № 1942
26 DEC 1917
8 JAN 1918

Рапорт Н.С. Гумилева от 8 января 1918
с просьбой направить его на Персидский фронт.
Архив Гуверовского института

Лондон, здание на площади Бедфорд-сквер (30, Bedford square),
где размещалось Русское Консульство. Этот адрес указал Н.С. Гумилев,
как обратный на посланной М.Ф. Ларионову открытке

Лондон. Здесь, на улице Варвик Роуд (24, Warwick Road),
жила Софья Ренненкампф, которой Н.С. Гумилев в начале 1918-го
посвятил стихотворение «Приглашение в путешествие»

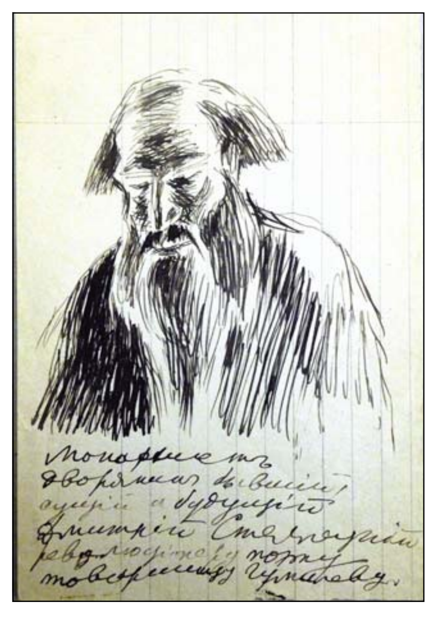
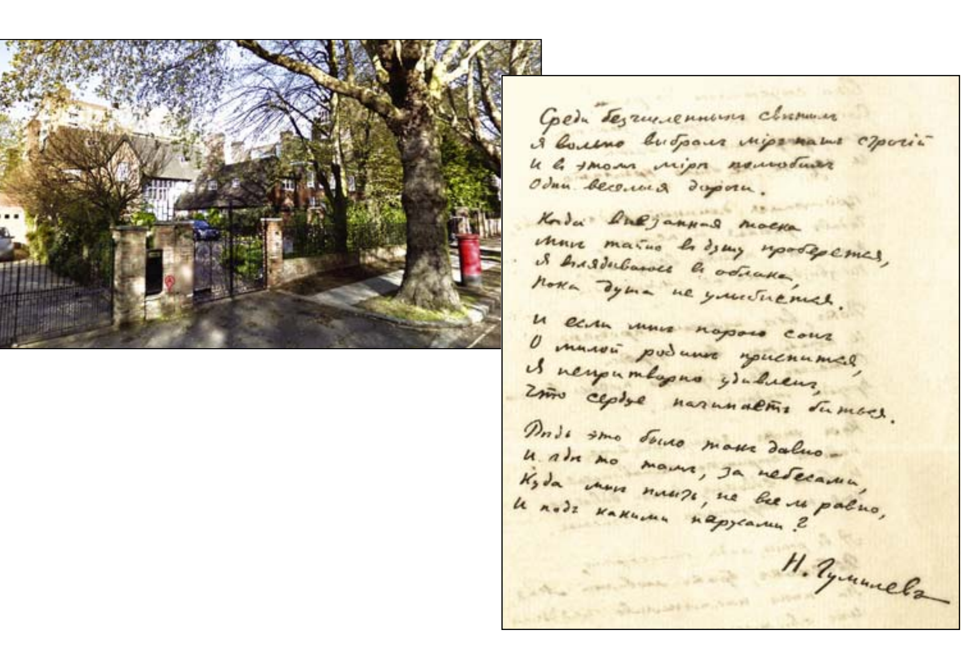

Рисунок Дмитрия Стеллецкого, на котором предположительно изображен
Г. Распутин, с дарственной надписью Н.С. Гумилеву.
Справа: **портрет Д.С. Стеллецкого работы Б.М. Кустодиева.** ОР РТГ

Среди безчисленныхъ свѣтилъ
Я вольно выбралъ міръ нашъ строгій
И въ этомъ мірѣ полюбилъ
Одни веселыя дороги.

Когда внезапная тоска
Мнѣ тайно въ душу проберется,
Я вглядываюсь въ облака,
Пока душа не улыбнется.

И если мнѣ порою сонъ
О милой родинѣ приснится,
Я непритворно удивленъ,
Что сердце начинаетъ биться.

Вѣдь это было такъ давно —
И гдѣ-то тамъ, за небесами.
Куда мнѣ плыть, не все ли равно,
И подъ какими парусами?

Н. Гумилевъ

Лондон. Улица Авеню Роуд (85, Avenue Road, NW), где жило семейство
Софьи Андреевны Абаза, которой Н.С. Гумилев посвятил первоначальный вариант
стихотворения «Среди бесчисленных светил...» Автограф стихотворения – РГАЛИ

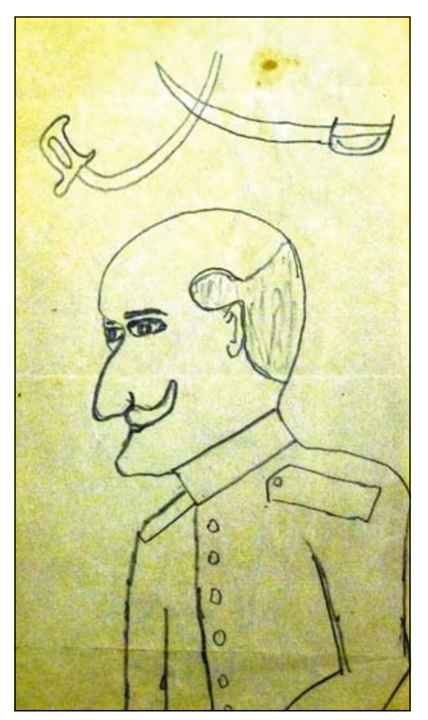
Поэт и коллекционер Константин Льдов.
Парижский дом Льдова на улице Франсиса Сарсэ (4, rue Francisque Sarcey),
где бывал Н.С. Гумилев

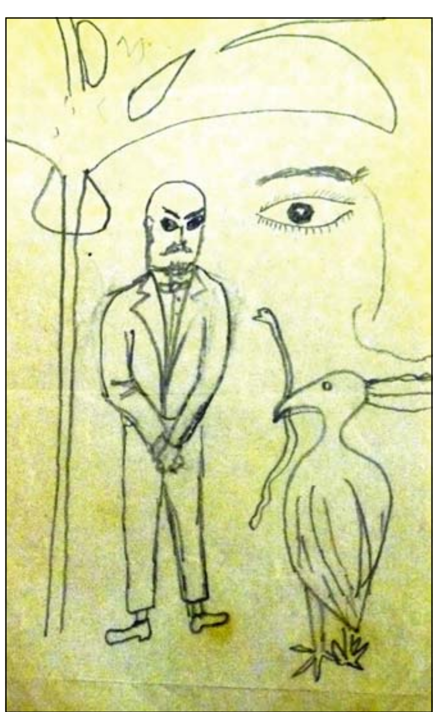

Слева: **Н.А. Алексеев, унтер-офицер во Франции.** *Справа:* **спустя десятилетия в России, на охоте**

Титульный лист книги Никандра Алексеева «Венок павшим», отрецензированной Н.С. Гумилев в солдатской газете

Два рисунка Н.С. Гумилева. На них предположительно изображены: *на левом —* **Е. Аничков,** *на правом —* **Е. Рапп.** Архив Гуверовского института

Николай Губский и его книга «Инородные тела («Foregn Bodies»), в которой описаны встречи с Н.С. Гумилевым в 1918 году

Художник Генри Лэм — «Семья Анрепа в конце 1910-х годов»: Борис Анреп, его жена Хэлен Мэйтланд и их дети — дочь Анастасия и сын Игорь. *Справа:* **мозаика Бориса Анрепа «Шестое чувство», посвященная памяти Н.С. Гумилева**

Предполагаемое место расстрела Н.С. Гумилева на Ириновской железной дороге и Рябовском шоссе, в районе бывшей деревни Старое Ковалево, на Ржевском артиллерийском полигоне, недалеко от остатков порохового погреба.
Автограф Н.С. Гумилева из «Альбома» В.А. Сутугиной:
«Ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Н. Гумилев». РО ИРЛИ

Портрет Николая Гумилева,
который висел над рабочим столом его сына Льва Николаевича Гумилева

Жизнь Гумилева-1991 — Жизнь Николая Гумилева. Воспоминания современников. Л.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1991.

Записки кавалериста-1991 — Гумилев Н. Записки кавалериста и комментарии к ним Е.Е. Степанова в «Гумилев-1991–2». С.440–474.

Записки кавалериста-2005 — Гумилев Н. Записки кавалериста и комментарии к ним Е.Е. Степанова в ПСС-6. С.464–504.

Игнатьев-1986 — Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986.

Исследования-1994 — Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994.

Казнина-1997 — Казнина О.А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997.

Корпус-2003 — Корляков Андрей, Горохов Жерар. Альбом «Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках. 1916 — 1918». Paris: YMCA-PRESS, 2003.

Крайнева-2009 — «Я не такой тебя когда-то знала…» Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории / Сост. Н.И. Крайнева. СПб.: Изд. дом «Мир», 2009.

Крейд-1990 — Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Сост. В. Крейд. М.: Вся Москва, 1990.

Кружков-2001 — Кружков Г.М. Ностальгия обелисков. Литературные мечтания. М.: НЛО, 2001.

Кружков-2008 — Кружков Г.М. У.Б. Йейтс. Исследования и переводы. М.: РГГУ, 2008.

Кузмин–Богомолов-2005 — Кузмин М. Дневник 1908 — 1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005.

Купченко-2002 — Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002.

Курляндский-1 — Курляндский И.А. Рапорт прапорщика Гумилева: К биографии поэта Н.С. Гумилева // Наше наследие. 1991. № 1. С.36–38.

Курляндский-2 — Курляндский И.А. Адъютант комиссара Временного правительства // Н. Гумилев и русский Парнас. Материалы научной конференции 17 — 19 сентября 1991 г. СПб., 1992. С.116–130.

Курляндский-3 — Курляндский И.А. Поэт и воин // Исследования-1994. С. 254–298.

Курляндский-4 — Курляндский И.А. «Франция, на лик твой просветленный я еще, еще раз обернусь…» // Вестник РХД. № 164. Париж; Нью-Йорк; М., 1992. С. 224–258.

Ларионов-1970 — Письма М.Ф. Ларионова о Н.С. Гумилеве / Публ. Г. Струве // Альманах «Мосты». № 15. Мюнхен, 1970. С.403–410.

Лесман-1989 — Письма Н.С. Гумилева / Публ. Р.Д. Тименчика // Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. М.: Книга, 1989.

Летопись-2005 — Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. Вып. 3. 1911 — октябрь 1917. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Лисовенко-1960 — Лисовенко Д.У. Их хотели лишить Родины. М.: Воениздат, 1960.

Лукницкая-1990 — Лукницкая В.К. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990.

Лукницкий-1 — Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. 1924–1925. Т. 1. Paris: YMCA-Press, 1991.

Лукницкий-2 — Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. 1926–1927. Т. 2. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1997.

Лукницкий-3 — Лукницкий П.Н. Дневник 1928 года. Acumiana. 1928–1929 / Публ. и коммент. Т.М. Двинятиной // Лица. Биографический альманах-9. СПб.: Феникс, 2002.

Лукницкий–Коллекция-2005 — Н. Гумилев. А. Ахматова. По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб.: Наука, 2005.

Лукницкая-4 — Лукницкая В. Любовник. Рыцарь. Летописец. Еще три сенсации из Серебряного века. СПб.: Сударыня, 2005.

Малиновский-1988 — Малиновский Р.Я. Солдаты России. М.: Воениздат, 1988.

Мец-2011 — Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время: анализ текстов. СПб., 2011.

Москва Гумилева-2012 — Степанов Е.Е. «Не случайно сердце России — простая Москва…» (Москва Николая Гумилева) / Toronto Slavic Quarterly. № 40. 2012. С.101–155.

Мочалова-2004 — Мочалова О.А. Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах / Сост., предисл. и коммент. А.Л. Евстигнеевой. М.: Молодая гвардия, 2004.

Мочульский–НЛО — К. Мочульский. Письма к В.М. Жирмунскому / Публ. А.В. Лаврова // НЛО. 1999. № 35. С. 117–211.

Мочульский–Томск — Мочульский К.В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999.

Муромский-2002 — Муромский В.П. Союз деятелей художественной литературы // Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1910–1930-х годов. Исследования и материалы. Кн.1. СПб.: Наука, 2002. С. 125–196.

Наше наследие-100…101 — Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев. Встречи в Париже в 1917–1918 годах. (По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве) // Наше наследие. 2011. № 100. С. 104–127; 2012. № 101. С. 102–129.

Неакадемические комментарии-1…4 — Степанов Е.Е. Неакадемические комментарии 1–4. В сетевом журнале: Toronto Slavic Quarterly (http://www.utoronto.ca/tsq/), № 17, 18, 20, 22 (2006–2007) соответственно.

Незабытые могилы-1–6/3 — Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2000: В 6 т. (в 8 кн.) / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2007.

Неизданный Гумилев-1952 — Неизданный Гумилев. Отравленная туника и другие неизданные произведения / С предисл. и вступ. статьей Г.П. Струве. Нью-Йорк, 1952.

Объединения-2002 — Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1910–1930-х годов. Исследования и материалы. Кн.1. СПб.: Наука, 2002.

ОГ ГТГ — Отдел графики Государственной Третьяковской галереи.

Одоевцева-1988 — Одоевцева Ирина. На берегах Невы. М.: Худож. лит., 1988.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи.

Парижское наследие-1999 — М. Ларионов. Н. Гончарова. Парижское наследие в Третьяковской галерее / Авторы-составители Е.А. Илюхина, И.В. Шуманова. М.: ГТГ, 1999.

Перченок-1995 — Перченок Ф., Зубарев Д. На полпути от полуправд. О таганцевском деле и не только о нем // IN MEMORIAM: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб.: Феникс-Atheneum, 1995. С. 362–370.

Письма-1987 — Неизвестные письма Н.С. Гумилева / Публ. Р.Д. Тименчика // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 46. 1987. № 1.

Перхин-2002 — Перхин В.В. Союз деятелей искусств и его литературная курия // Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1910–1930-х годов. Исследования и материалы. Кн.1. СПб.: Наука, 2002. С. 47–124.

Поэт на войне-1…7 — Степанов Е.Е. Поэт на войне. Публикации в рубрике «Книга в журнале». Ч. 1–3. Вып. 1–5 — Вокруг «Записок кавалериста». Вып. 6 — «Гусарская баллада». Вып. 7 — «Экспедиционный корпус». В сетевом журнале: Toronto Slavic Quarterly (http://www.utoronto.ca/tsq/), № 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31 (2008–2010) соответственно.

Привал комедиантов-1988 — Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989. С. 96–154.

ПСС-1…8 — Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 1–8. М.: Воскресенье, 1998–2007.

Пунин-2000 — Пунин Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000.

Рейснер-1983 — Рейснер Лариса. Автобиографический роман / Публ. А.И. Наумовой и Г.А. Пржиборовской // Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1983. С. 190–259.

Рейснер–Богомолов-1987 — «Лишь для тебя на земле я живу». Из переписки Николая Гумилева и Ларисы Рейснер / Публ. Н.А. Богомолова // В мире книг. 1987. № 4. С. 70–76.

Рейснер–Пржиборовская-2008 — Пржиборовская Г.А. Лариса Рейснер. М.: Молодая гвардия, 2008.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург). Отдел рукописей.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).

Ронен-2000 — Ронен Омри. Серебряный век как умысел и вымысел. М:. ОГИ, 2000.

Российское зарубежье-1…3 — Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой , 2008–2010.

Русские писатели-1…5 — Биографический словарь «Русские писатели. 1800 — 1917»: В 6 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 1989–2007. Т. 1–5.

Русский балет-1997 — Русский балет. Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия; Согласие, 1997.

Русский балет-2009 — История «Русского балета», реальная и фантастическая в рисунках, мемуарах и фотографиях из архива Михаила Ларионова. М.: ГТГ, 2009.

Сажин-1990 — Сажин В. Предыстория гибели Гумилева // Даугава. 1990. № 11. С. 91–93.

Сальман-2010 — Сальман М.Г. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Russian Literature. 2010. LXVIII-III/IV. С. 447–499.

Серпинская-2003 — Серпинская Н.Я. Флирт с жизнью (Мемуары интеллигентки двух эпох) / Сост. С. Шумихин. М.: Молодая гвардия, 2003.

Ставицкий-2004 — Ставицкий Василий. Секретные миссии. За кулисами тайных событий. М.: Терра-Книжный клуб, 2004.

Степанов-Звезда-2010–4–6, 9–11 — Степанов Е.Е. «И смерти я заглядываю в очи…». Ч. 1. Вокруг «Записок кавалериста» (1914–1915) // Журнал «Звезда». 2010. № 4–6. Ч. 2. Гусарские будни прапорщика Н.С. Гумилева (1916–1917) // Журнал «Звезда». 2010. №9–11.

Субъективные размышления — Степанов Е.Е. Субъективные размышления об отсутствующем герое / Toronto Slavic Quarterly. № 36, 2011. С. 141–191.

Тименчик-1990 — Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Подгот. текста и коммент. Р.Д. Тименчика. М.: Современник, 1990.

Тименчик-1998 — Тименчик Р. О «Трудах и днях» Ахматовой // НЛО. 1998. № 29. С.409–428.

Тименчик-2005 — Тименчик Р.Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto: Водолей Publishers; The University of Toronto, 2005.

Тименчик-2008 — Тименчик Р.Д. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008.

Тименчик-ДГ-1989 — Анна Ахматова. Десятые годы / Послесл. Р.Д. Тименчика. Сост. и примеч. Р.Д. Тименчика и К.М. Поливанова. М.: МПИ, 1989.

Тименчик-ПБГ-1989 — Анна Ахматова. Поэма без героя / Вступ. статья Р. Тименчика. Сост. и прим. Р. Тименчика при участии В. Мордерер. М.: МПИ, 1989.

Труды и дни — Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С. Гумилева. СПб.: Наука, 2010.

Фарджен-2003 — Фарджен Аннабел. Приключения русского художника. СПб.: Изд. журнала «Звезда», 2003.

Фидлер-2008 — Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Издание подготовил К. Азадовский. М.: НЛО, 2008.

Фидлер–Тименчик-1988 — Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С. Гумилева. (Вокруг дневников и альбомов Ф.Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С.171–186.

Хроника 1920*-х годов* — Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1–2. Москва и Петроград. 1917–1922 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Хроника-1991 — Степанов Е.Е. Николай Гумилев. Хроника // Гумилев Н. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1991. С. 344–429.

ЦГИА — Центральный государственный архив в Санкт-Петербурге.

Чистов-2010 — Чистов Ю.К. К истории одной научной экспедиции Музея антропологии и этнографии: поездка Н. Гумилева в Абиссинию в 1913году // Вестник истории, литературы, искусства / Гл. ред. Бонгард-Левин Г.М. М.: РАН, 2010. С. 470–500.

Чуковская-1997–1…3 — Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1966. В 3 т. М.: Согласие, 1997. Т. 1–3.

Чуковский–Дневники-1…3 — Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т.11–13. М.: Терра – Книжный клуб, 2006–2007.

Штейнберг-2009 — Штейнберг А.З. Литературный архипелаг. М.: НЛО, 2009.

Шубинский-2004 — Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб.: Вита Нова, 2004.

ACFRC-JJB — Архив Центра русской культуры в Амхерсте, США, фонд Якоба Бикермана (Amherst Center for Russian Culture, Jacob J. Bikerman Collection on Nikolai Gumilev, 1917–1931).

HIA-GSP — Архив Гуверовского института, Стэнфорд, США, фонд Глеба Струве (Hoover Institution Archives, Gleb Struve Papers).

Stanford-2014 — «New Studies in modern Russian Literature and Culture». Stanford Salvic Studies, t. 45. Стэнфорд, 2014. С.191–244.

Toronto Slavic Quarterly — Сетевой журнал Toronto Slavic Quarterly, соответствующие номера смотрите на вкладке «Archive» на сайте: http://www.utoronto.ca/tsq/ .

Ustinov-1993 — Ustinov Andrey. Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev // A Sense of Place: Tsarskoe Selo and Its Poets / Ed. by Lev Loseff and Barry Scherr. Columbus, 1993. P.297–311.

Vademecum-2010 — Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЭКСКУРСЫ

[1] Хроника-1991. С. 344–429 (см. «Список сокращений использованной литературы»). К сожалению, в «Хронике» из-за ограниченности места отсутствуют ссылки на соответствующие подтверждающие документы.

[2] Записки кавалериста-1991. С. 440–474.

[3] Неакадемические комментарии-1…4; четырем годам службы поэта посвящены публикации в рубрике «Книга в журнале»: Поэт на войне. Ч. 1–3. Вып. 1–7. См. сетевой журнал «Toronto Slavic Quarterly» (http://www.utoronto.ca/tsq/). № 24–29, 31. О первых трех годах службы Гумилева в Уланском и Гусарском полках рассказано также в публикации: «И смерти я заглядываю в очи…» // Звезда. 2010. № 4–6, 9–11.

[4] Ахматова-ЗК. С. 359 и 267.

[5] ПСС-8. № 140. С. 185–187. Архив Лозинского.

[6] Как надеется автор, тема Африки будет достаточно полно раскрыта на готовящейся Петербургской Кунсткамерой выставке, посвященной африканским странствиям Гумилева, и в сопутствующем ей полном научном, иллюстрированном каталоге. Открытие выставки, которое первоначально намечалось на осень 2008 года, все время переносится, в связи с чем автором готовится отдельная публикация на эту тему. Предварительные, документально подтверждаемые, сводные материалы обо всех пяти посещениях Африки Гумилевым в период с 1907 по 1913 год приведены в публикациях автора: Неакадемические комментарии-1…3. На эту тему в мае 2013 года был прочитан доклад в Русском географическом обществе, его можно посмотреть на сайтах: http://lektorium.rgo.ru/2013/05/afrika-n-s-gumilyova-15-05-13/ и http://nnosov.ru/?p=4847 . См. также: Чистов-2010.

[7] ПСС-4. № 42.

[8] Более подробное жизнеописание поэта дано в: Хроника-1991. С. 344–429.

[9] Большинство этих фотографий выложено на сайте Кунсткамеры: http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/items/items.seam?c=PHOTO&qt=s&t=сверчков .

[10] Эта дата проставлена на рукописных описях коллекций № 2154–2156 в Кунсткамере, составленных Н. Гумилевым. Помимо этого сохранилась опись коллекции насекомых, составленная Н.Л. Сверчковым, хранящаяся в Зоологическом музее (опись коллекции № 283). Она представляет собой еще один, своеобразный, датированный, четвертый «африканский дневник» на 26 отдельных карточках. Записи на них дополняют первый чистовой «Африканский дневник» (ПСС-6. № 12) и две дорожные «Записные книжки» (см.: Неакадемические комментарии-3).

[11] Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого РАН. Этаж II. Зал 3. Африка / Сост. Чекановский Я.В. Петроград, 1918. С. 27–30.

[12] *Азадовский К.М.* Н.А. Клюев и «Цех поэтов» // Вопросы литературы. 1987. № 4. С. 269–278. Книга хранится в библиотеке Института русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург. Ранее Гумилев в «Аполлоне» положительно отозвался о выходе первой книги Н. Клюева «Сосен перезвон» (Аполлон. 1912. № 1) и второй книги «Братские песни» (Аполлон. 1912. № 6). По церковному календарю действительно 19 октября отмечается день памяти пророка Иоиля.

[13] Об Оресте Николаевиче Высотском, о его матери Ольге Николаевне Высотской, об истории первой публикации «Африканского дневника», связанной с моей встречей с ним, — см.: Неакадемические комментарии-3. Встреча двух братьев произойдет только в 30-е годы. В 1938 году Ахматова и мать Ореста, О.Н. Высотская, будут некоторое время вместе стоять в тюремных очередях. Орест был освобожден в 1939 году и, в отличие от Льва Николаевича, более не репрессировался.

[14] О встречах и дружбе Анны Ахматовой и О.Н. Высотской рассказывала Л.К. Чуковская, см.: Чуковская-1997–1. С. 35–38, 50, 296. Сам Орест Николаевич позже сочинил много легенд о своем отце, даже написал книгу, изданную после его смерти: *Орест Высотский*. Николай Гумилев глазами сына. М.: Молодая гвардия, 2004. В книге преобладают фантазии и пересказы чужих воспоминаний, она производит грустное впечатление. И изложенные в книге версии собственной биографии были существенно «отредактированы» по сравнению с тем, что он рассказал мне при первой встрече, — до этого никто не обращался к нему по поводу его родства.

[15] Бродячая собака-1983. С. 180–181; Неакадемические комментарии-2, примечание [6]. Удалось установить, что встречались Гумилев и О.Н. Высотская в Петербурге по адресу: Офицерская улица, д. 50, кв. 19 (РГАЛИ. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 101). Это недалеко от дома А. Блока.

[16] Кстати о романах… Недавно вышел очередной биографический опус из жизни поэта, основанный, как следует из аннотации, на «новых, некогда секретных документах»: *Валерий Поволяев*. Браслеты для крокодила. Роман о Николае Гумилеве. ЗАО Издательский дом «Парад», 2006. Поначалу книга эта заинтересовала, так как, судя по аннотации, основные ее темы совпадают с тем, чем на протяжении многих лет я занимаюсь, — Африка и война. Как пример ее «документальности» приведу такой пассаж. Повествование начинается с того, как Гумилев едет по Африке в **купе** поезда с неким французом Жано. Поезд непрерывно обстреливается отравленными стрелами масаев, и чтобы отвлечься, Гумилев соглашается сыграть с французом в кости. Естественно, проигрывает ему все «экспедиционные деньги», собирается стреляться, но, как требует жанр, в последний момент ему выпадает «флешь», и он отыгрывается. Как следует из контекста, автор пытался «документально» рассказать о путешествии Гумилева 1910–1911 годов (см. «Неакадемические комментарии–2»). По ходу дела Гумилев, решив, что час настал и пора стреляться (проиграно все, включая нательный крестик), вспоминает «маленького Ореста», сына от О.Н. Высотской, о котором было только что сказано выше. Пересказывать дальнейшее не имеет смысла... Приведу лишь цитату из аннотации автора: «…произведение основано на мемуарах, новых, секретных документах, рисующих бунтующую личность поэта в мятущейся обстановке Первой мировой войны, революции…» В послесловии автор раскрывает имена помогавших ему «подлинных знатоков Гумилева» и хранителей «секретных материалов»: «…без помощи друзей, знатоков Гумилева, мне эту книгу вряд ли дано было осилить. Поэтому я хочу выразить глубочайшую благодарность кинодраматургу Владимиру Акимову, главному специалисту Генеральной прокуратуры Российской Федерации Георгию Миронову (*замечу, что его книга «Заговор, которого не было…» не лишена интереса, хотя не со всеми выводами автора можно согласиться, так как на самом деле заговор все-таки был. — Примеч. С.Е.)*, литературоведу Ивану Панкееву, заместителю директора завода "Красный пролетарий" Геннадию Кузнецову и генерал-лейтенанту запаса Леониду Шебаршину за помощь, оказанную в работе над романом. Если бы не ваши, друзья, советы, поправки, консультации, помощь словом и делом, этой книги могло бы и не быть». Предполагаю, что упомянутый Л.В. Шебаршин и был главным поставщиком «секретных материалов» для книги; как-никак, с 1962 года он — сотрудник Первого Главного управления КГБ СССР, с 1983-го заместитель, а затем начальник информационно-аналитического управления ПГУ КГБ СССР, с 1987 года — заместитель начальника внешней разведки, а после августа (до сентября) 1991 года исполнял обязанности председателя КГБ. И «секретными материалами» своего ведомства он, видимо, поделился с автором книги. В дальнейшем будут приведены примеры того, как эти службы используют хранящиеся у них материалы и как их сохраняют… В конце книги — «научные комментарии», из которых читатель узнает о таких малознакомых ему понятиях, как «Лувр», «Царское Село», «Аничков мост», «верста», о малоизвестных литераторах и политических деятелях — Корнее Чуковском, Вячеславе Иванове, Иване Бунине, Михаиле Кузмине, Осипе Мандельштаме, Керенском, Распутине, Деникине, Юдениче, Ворошилове, наконец, откроет для себя массу других ценнейших сведений, узнает даже, что — «Новый Свет — это Америка»…

Отметив книгу о Гумилеве, упомяну еще одну, пользующуюся огромным успехом у читателей, успевшую выдержать несколько изданий, посвященную его жене. Но это уже не роман, а «научное изыскание», о котором сказано в предисловии небезызвестным «скандалистом» Виктором Топоровым: «Перед нами вполне традиционное исследование в духе вересаевских "Пушкина" и "Гоголя". Главное слово предоставлено здесь очевидцам» (*Тамара Катаева*. АНТИ-АХМАТОВА. М.: ЕвроИНФО, 2007; 560 страниц убористого текста без иллюстраций). Автор книги решил «прокомментировать» всю жизненную и творческую биографию Ахматовой и «поставить» ее на то место, которое она заслу-

живает. Приводить цитаты из нее не хочется, слишком противно, однако пролистать ее полезно; книге создана шумная реклама, почему я и упомянул ее здесь. Отмечу лишь остроумную рецензию в журнале: Афиша. № 20 (211), 2007. С. 37. Она начинается как раз с цитаты (в такой стилистике написана вся книга): «Анна Ахматова, сытая, пьяная, получающая медали, желающая, чтобы ее 90 килограммов тела доставили — на правительственном! на специальном! самолете, в брюхе летучей рыбы или как там!.. — в Ленинград вместо нескольких мешков муки, чтобы она могла напомнить о себе любовнику...» Все позднее творчество Ахматовой объясняется Катаевой чисто медицинскими диагнозами — среди названий глав книги можно встретить такие красноречивые, как «Шпиономания» и «Попытка срама или Постменопауза». Парадоксально то, что хотя конечные цели и оценки автора повести о Гумилеве, автора «исследований» об Ахматовой и автора упоминаемых мною далее комментариев об обоих поэтах в 8 томе Полного собрания сочинений Н.С. Гумилева, которые «выставляются» ими своим героям, диаметрально противоположны, во всех случаях используются одни и те же приемы, наработанные десятилетиями развития советского псевдолитературоведения — подтасовка фактов и заранее выстроенные концепции, которые необходимо «научно» обосновать через приводимые «факты». Все это делается с учетом уровня подготовки читателя (как правило, низкого, но желающего узнать что-то новое о знаменитых поэтах, предпочтительно — пикантные подробности из личной жизни), с целью навязать свое мнение... Авторам это, к сожалению, удается. По крайней мере, «Анти-Ахматова» стала бестселлером, выдержавшим несколько переизданий. Главная беда состоит в полном отсутствии публикации подлинных документов.

У Т. Катаевой сразу же возникли последователи и подражатели. Недавно появилась в продаже книга из серии «Кумиры. Истории Великой Любви»: *Людмила Бояджиева*. Анна Ахматова. Гумилев и другие мужчины «дикой девочки». М.: АСТ, Астрель, 2011. Почти на 500 страницах излагаются истории «великих любовей» Анны Ахматовой, причем большая часть книги, естественно, посвящена ее отношениям с Николаем Гумилевым. Поражает в книге не столько бесстыдство, сколько невежество автора. Цитировать ее я не намерен...

Поскольку я коснулся здесь недавно вышедших книг, упомяну еще одну, прочитанную уже после «Анти-Ахматовой». Она как раз в огромной степени восполняет недостаток документальных подтверждений и непосредственно относится к рассматриваемой теме: *Виталий Шенталинский*. «Преступление без наказания». Документальные повести. М.: «Прогресс-Плеяда», 2007**.** Это третья часть его «трилогии», как написал об этом в предисловии поэт Владимир Леонович, — две другие книги: «Донос на Сократа» и «Рабы свободы». В.Шенталинский — председатель комиссии по творческому наследию репрессированных писателей, который смог ознакомиться с оригиналами многих «дел» на писателей. В этой книге приводится множество документов по делам Н.Гумилева, Л. Гумилева, Ахматовой и других жертв репрессий (в том числе с факсимильным их воспроизведением). Делам Гумилевых и Ахматовой отведено более 200 страниц. Хотелось бы порекомендовать заинтересованным читателям (и лично Тамаре Катаевой!) прочитать эти книги — параллельно. Вопросы о «шпиономании» Ахматовой и ее «сытой и пьяной жизни», о безразличии к судьбе сына можно было бы сразу же снять. Более всего меня потряс опубликованный в книге документ о судьбе огромного, трехтомного, на 900 страницах дела Ахматовой, составлявшегося органами КГБ на протяжении десятилетий, от начала 20-годов до 23 ноября 1958 года. Вот что пишет об этом сам автор: «...900 страниц, три тома. Хроника жизни поэта глазами госбезопасности. Наверняка со стихами. Бесценный материал! Литературный памятник! Так и издать бы все три тома, факсимиле. "Уничтожено, 24 июня 91-го, по приказу руководства КГБ по Ленинградской области", —таков был ответ, когда я официально, от лица Комиссии по творческому наследию репрессированных писателей, запросил это дело для изучения. Так, значит, уничтожили, и когда — перед историческим августовским путчем. Но зачем, ведь уже весь мир знает — это великий поэт, классик! И к своим прежним черным одеждам гэбисты могли бы хоть белую заплаточку пришить и потом сказать: зато мы вернули миру, спасли одно или, может быть, несколько стихотворений Ахматовой. И недостающие факты ее жизни. Объяснили: "Статья семидесятая отменена, держать материалы после отмены статьи незаконно... ‹...›" А впрочем, все ясно — заметали следы, чтобы оправдать свое ведомство в глазах потомства». От себя замечу — и для того, чтобы у нас вскоре появилось как можно больше таких писателей и «исследователей», как Поволяев, Катаева и Бояджиева. Страшно и то, что наверняка уничтожены были тысячи таких дел, с бесценными рукописями, которые, увы, горят. Преступление, которому не будет наказания...

[17] В дальнейшем ссылки на это издание будут приводится как ПСС-1...8, где цифра указывает на номер тома.

[18] По не зависящим от автора причинам, многие мои комментарии редакционной коллегией были либо искажены, либо опущены. Поэтому я буду вынужден иногда их цитировать по тексту книги и вносить в них соответствующие исправления и уточнения. Полемика с «академическими комментариями» в ПСС породила опубликованные автором «Неакадемические комментарии-1...4».

[19] Несколько слов о том, как готовился 8-й том ПСС с эпистолярным наследием поэта. Вначале шла интенсивная работа, в результате которой было выявлено множество совершенно новых сведений, фактов, документов. Книга складывалась в процессе переписки автора с известным исследователем творчества Гумилева англичанином Майклом Баскером, с другими специалистами. Тщательно сверенные с оригиналами тексты писем, со всеми сопутствующими описаниями и комментариями, отсылались в редакцию. Предполагалось, что будет действовать «обратная связь», так как изначально оговаривалось, что мы будем полностью в курсе того, что принимается, а что отвергается, с соответствующей аргументацией. (Замечу, что вся рабочая переписка сохранилась, надеюсь ею воспользоваться, если удастся переиздать книгу с другими комментариями.) Увы, ничего подобного не произошло. За все время — ни единого отклика. Мы наивно полагали, что молчание — знак согласия. На самом деле в ход пошли почти не выверенные начальные тексты комментариев (и часто — даже самих писем!), с очень сомнительными построениями и выводами вроде тех, о которых будет сказано ниже. Таких примеров в книге — множество, разбирать все их здесь не место. Кое-что из наших разысканий всетаки в книгу вошло, но отделить «зерна от плевел» читателю будет чрезвычайно трудно. Зато почва для новых «романов» подготовлена благодатная... Книга была сдана в издательство, но окончательного текста мы так и не увидели. Верстку из московского издательства «Воскресенье» удалось получить неофициальным путем в конце сентября 2006 года. В выходных данных тома указано — сдано в набор 26 июня 2006 года, подписано в печать 30 августа 2006 года. Я сразу же обратил внимание на фантастическое количество ошибок, описок, не внесенных исправлений — **даже в сверенные по автографам исходные тексты писем**. Не говоря уж о грубейших фактических ошибках. Приведу лишь один пример. Во вступительной статье полученной мною верстки было сказано (ПСС-8. С. 277–278): «Связность этого "эпистолярного повествования", являющегося неоценимым материалом как для биографов поэта, так и для историков "серебряного века" нарушается ‹...› периодом российской "смуты" осени 1917–весны 1918 гг., во время которой гумилевская корреспонденция из Парижа и Лондона либо не доходила до России, либо уничтожалась адресатами (либо исчезла впоследствии, как исчезли письма поэта к родственникам). По крайней мере, **никаких писем** Гумилева, помеченных **этим месяцами** *(sic! — ошибок и описок чудовищное количество, выделение. — С.Е.),* мы в настоящее время не знаем...» Тот, кто это писал, видимо, забыл заглянуть в содержание тома. В его состав, естественно, вошли письма 1917–1918 из Парижа и Лондона — Ахматовой, Лозинскому, Ларионову (№ 166–169). Эта верстка пошла в печать лишь в 2007 году, но все мои попытки внести исправления, хотя бы устранить явные ляпсусы, ошибки и описки, оказались безрезультатными. Книга пошла в печать без единой читки верстки. Содержание самих комментариев я в данном случае не рассматриваю — что есть, то есть, последнее слово остается всегда за редактором. Поэтому и остались в комментариях такие перлы, как фраза перед каждым письмом: «При жизни не публиковалось», но изъяты, как несущественные, описания конвертов с пометками и штемпелями, а также и самих писем (бумага, чернила и прочее). Мое наивное предположение, что первая верстка должна затем подвергаться хоть какой-то читке и корректуре, оказалось ошибочным. О таких «мелочах», как отсутствие «Именного указателя», можно и не говорить — кому он нужен в «эпистолярном» томе. На восьмом томе издание ПСС прервалось. Так и не вышел 9-й том с переводами Гумилева и заключительный, важный 10-й том, куда должны были войти дополнительные материалы, надписи на книгах (замечу, что из-за этого в ПСС не были включены многие стихи Гумилева, вошедшие в такие издания, как «Гумилев-1991–1», «Гумилев-БП-2000» и др.), библиография, исправленная и дополненная «Хроника-1991».

[20] Бродячая собака-1983. С. 214–215.

[21] А. Конге цитирует, и достаточно точно, не публиковавшееся при жизни стихотворение Гумилева «К***», ПСС-2. № 109, автографы: РГАЛИ. Ф.147. Оп.1. Ед.хр.4. Л.15; и в архиве Лозинского:

Если встретишь меня, не узнаешь!
Назовут — едва ли припомнишь!
Только раз говорил я с тобою,
Только раз целовал твои руки.

Но клянусь — ты будешь моею,
Даже если ты любишь другого,
Даже если долгие годы
Не удастся тебя мне встретить!

Я клянусь тебе белым храмом,
Что мы вместе видели на рассвете,
В этом храме венчал нас незримо
Серафим с пылающим взором.

Я клянусь тебе теми снами,
Что я вижу теперь каждой ночью,
И моей великой тоскою
О тебе в великой пустыне, —

В той пустыне, где горы вставали,
Как твои молодые груди,
И закаты в небе пылали,
Как твои кровавые губы.

[22] РГАЛИ. Ф.464 (Садовской). Оп.1. Ед.хр.73. Л.10–14. Впервые опубликовано Н.А. Богомоловым: Гумилев-1991–1. С. 565–566.

[23] РГАЛИ. Ф.837. Оп.1. Ед.хр.415. Л.15.

[24] РГВИА. Ф.3549. Оп.1. Д.284; Ф.3557. Оп.2. Д.19. Приведенные ниже сведения о профессорах, лекции которых посещал Гумилев, взяты из работы: Сальман-2010. С. 479–494. Там же (С. 484–488) приведен ряд документов из университетских дел Гумилева за 1908–1916 годы, хранящихся в ЦГИА.

[25] Введенский Александр Иванович (1856–1925), магистр философии, исполняющий должность ординарного профессора по кафедре философии.

[26] Петров Дмитрий Константинович (1872–1925), доктор истории западноевропейских литератур, секретарь историко-филологического факультета (с 13 октября 1911 года), ординарный профессор по кафедре романо-германской филологии.

[27] Шишмарев Владимир Федорович (1875–1957), магистр истории западноевропейских литератур, приват-доцент по кафедре истории западноевропейских литератур.

[28] Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944), доктор греческой словесности, заслуженный ординарный профессор по кафедре классической филологии.

[29] Булич Сергей Константинович (1859–1921), в университете — доктор сравнительного языковедения, заслуженный экстраординарный профессор по кафедре сравнительного языкознания, российский лингвист и этнограф; известен также как композитор и историк музыкальной культуры. Один из основоположников экспериментально-фонетических исследований; инициатор создания эксперимантально-фонетического кабинета при университете и его первый руководитель.

[30] Смирнов Александр Александрович (1883–1962), специалист по западноевропейской литературе, с 1913 года преподавал в учебных заведениях Петербурга.

[31] Придик Евгений Мартынович (1865–1935), магистр древнеклассической филологии, приват-доцент по кафедре классической филологии.

[32] Труды и дни. С. 340.

[33] Там же. С. 308.

[34] В посланном Блоку письме от 6 января 1914 года, Ахматова указывает свой адрес — Тучков пер., д.17, кв.29. Этот же адрес вписан рукой Гумилева в собственную визитную карточку, относящуюся как раз к осени 1913 года: «Николай Степанович Гумилев. Царское Село, Малая, 63, тел. 5–55»; от руки приписано: «В.О. Тучков пер. 17, кв.29». Карточка хранится в Зоологическом музее Зоологического института РАН (Петербург), попала она в музей при передаче туда африканских коллекций, см.: Чистов-2010. С. 485.

[35] Мочульский–НЛО. С. 136. Фидлер-Тименчик-1988. С. 182. ИРЛИ. Р.I. Оп.17. Ед.хр.582.

[36] Мочульский–НЛО. С. 151.

[37] Ахматова–Кралин-1. С. 159. Сам портрет был написан в мастерской Натана Альтмана, располагавшейся на Петроградской стороне, рядом со старым Тучковым мостом, упомянутым в стихотворении. Тучков переулок, где размещалась их квартира «Тучка», в доме напротив церкви Святой Екатерины, располагается на Васильевском острове и выходит прямо к новому Тучкову мосту, старый деревянный Тучков мост после 1920 года неоднократно перестраивался и в 1960-е годы был заменен на каменный. От дома всего за несколько минут можно было дойти до расположенного рядом университета.

[38] Причины эти — личного характера и связаны исключительно с важным для Ахматовой знакомством, о котором будет сказано ниже.

[39] Ахматова-ЗК. С. 620.

[40] Пушкинист. Историко-литературный сборник под редакцией проф. С.А. Венгерова. СПб., 1914. С. 235. В списке участников Пушкинского Семинария (1908–1913) против фамилии Гумилева проставлена «звездочка»; как сказано в книге, «проставлена при имени лиц, причастных к литературной и научной деятельности». Сказано также, что в университете он с 1908 года, а в Пушкинском Семинарии с 1909 года, поэт, изданы книги «Жемчуга» (1910) и «Чужое небо» (1912).

[41] Фидлер–Тименчик-1988. С. 181–182. Сальман-2010. С. 487.

[42] Кареев Николай Иванович (1850–1931), доктор всеобщей истории, сверхштатный ординарный профессор по кафедре всеобщей истории.

[43] Гумилев в это время воевал, участвуя в тяжелейших разъездах на территории Польши. Стояли сильные морозы, он заболел и в середине марта был эвакуирован в Петроград на излечение, где был помещен в госпиталь; об этом подробно будет рассказано в дальнейшем.

[44] РГВИА. Ф.3549. Оп.1. Д.284. В указанной «Записи студента» проставлен только один «зачет»: за несколько дней до отъезда в экспедицию в Африку, 1 апреля 1913 года, на практических занятиях в просеминарии Гумилев получает зачет у профессора Д.К. Петрова по староиспанскому языку. Видимо, это было как-то связано с тем, что именно Петров руководил университетским студенческим романо-германским кружком при историко-филологическом факультете, активным участником которого был Гумилев.

[45] Разрешение на издание журнала «Гиперборей» было получено 27 сентября 1912 года, его издателем и ответственным редактором был Михаил Лозинский. На протяжении 1912–1914 годов вышло 10 номеров. Журнал публиковал только стихи и краткие рецензии на поэтические книги. Он стал основным органом первого «Цеха поэтов». Первоначально редакция размещалась на квартире у М. Лозинского (Васильевский остров, Болховской пер., 2, кв. 27), а затем на Разъезжей ул., д. 3.

[46] Во всех публикациях сказано, что пьеса эта написана в сентябре, после возвращения Гумилева из экспедиции. Однако, учитывая тот краткий срок, который прошел с момента его возвращения из Абиссинии (20 сентября) до выхода журнала «Гиперборей» № 7 (начало октября), можно предположить, что пьеса была написана либо еще в Африке, либо, скорее всего, на обратном пути, на пароходе, две недели плывшем от Джибути до Одессы, мимо греческих берегов, где в Фивах, в Гаргафии разворачивается действие пьесы об Актеоне. Сочинительство во время дальних плаваний вошло у него в привычку, см., например, рассказ о написании поэмы «Открытие Америки» в 1910 году, по дороге в Африку (Неакадемические комментарии-2). Вернувшись в Петербург, Гумилев, видимо, сразу же отдал готовую пьесу «Актеон» в редакцию журнала.

[47] Газета «День». 1913. № 292. 28 октября. СПб, понедельник. Приложение ЛИН. № 4. С.3.

[48] Во многих редакциях строки из этого стихотворения — «Иль того ты видишь у своих колен, // Кто для белой смерти твой покинул плен?» — служили эпиграфом второй главы первой части Поэмы. См. также Ахматова-ЗК. С. 145, 189, 652.

[49] Летопись-2005. С. 274. По другим источникам последний номер журнала (№ 9/10) вышел в марте 1914 года.

[50] Повестки и протоколы всех заседаний «Цеха поэтов» сохранились в архиве Лозинского.

[51] Аполлон. 1910. № 9.

[52] Из письма Ахматовой С.Э. Радлову — Тименчик-1998. С. 417.

[53] Бродячая собака-1983. С. 215.

[54] Из письма М.А. Долинова к Б.В. Садовскому // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 21.

[55] Летопись-2005. С. 269. Аполлон. 1914. № 1/2. Раздел «Хроника».

[56] Фидлер–Тименчик-1988. С. 183.

[57] Бродячая собака-1983. С. 216.

[58] Фидлер–Тименчик-1988. С. 181. Также — Фидлер-2008. С. 617–618. ИРЛИ. Ф.649. Оп.2. Ед.хр.13. Л.31. Скопировав эту запись в своем дневнике, Фидлер сделал следующую приписку о Гумилеве: «Он был у меня одним из самых ленивых и озорных учеников. Теперь он рассказал, что всегда меня очень боялся» (ИРЛИ. Ф.649. Оп.1. Ед.хр.19. Л.186). Гумилев учился у Фидлера в гимназии Гуревича в 1897–1900 годах. Вот запись Фидлера от 17 апреля 1911 года (Фидлер-2008. С. 556): «…Гумилев был лет пятнадцать назад моим учеником в гимназии Гуревича; он посещал ее лишь до третьего класса, обратив на себя внимание всех учителей своей ленью. У меня он получал одни двойки и принадлежал к числу самых неприятных и самых неразвитых моих учеников». Фидлер с Гумилевым встретится во время войны, и после разговора с Гумилевым об отношении к немцам его мнение о своем нерадивом ученике переменится в лучшую сторону. Сам Ф.Ф. Фидлер (1859–1917) был немцем, и дневники его написаны по-немецки.

[59] Ахматова-ЗК. С. 621–622. Вот этот фрагмент:

Из главы «Трагическая осень»

Простишь ли мне эти ноябрьские дни
…………………………………………
Трагической осени скудны убранства ...

Первое выступление. А было это 52 года тому назад.

Свое первое публичное выступление, наверно, нельзя забыть.

... Осенью 1913, в день чествования в каком-то ресторане (у Альберта?) приехавшего в Россию Верхарна, на Бестужевских курсах был большой закрытый, т.е. только для курсисток, вечер.

Кому-то из устроительниц (дам-патронесс) пришло в голову пригласить меня. Мне предстояло идти чествовать Верхарна, которого я нежно любила не за его прославленный урбанизм, а за одно маленькое стихотворение. Я никогда не видела эти стихи напечатанными, но навсегда запомнила их наизусть с чьего-то голоса:

Ils étaient deux enfants de rois
Là bas, là bas au bout du monde
Et rien là bas qu'un pont de bois...
Ils s'aimèrent sait on pourquoi,
Parce que l'eau coulait profonde…*
(* Жили-были двое королевских детей
Далеко, далеко, на краю света,
И еще там был деревянный мостик...
Они любили друг друга. А почему?
Потому что вода ‹под мостиком› была глубока… *(фр.)*)

Но я представила себе пышное петербургское ресторанное чествование, почему-то всегда похожее на поминки, — фраки, хорошее шампанское и плохой французский язык, тосты и т.д., и предпочла курсисток.

В артистической встретила Блока. К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «Александр Александрович, я не могу читать после Вас». Он с упреком в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора!» В это время он был уже знаменит.

Я уже два года довольно часто читала мои стихи и в Цехе поэтов, и в Академии стиха, и на башне В. Иванова, но здесь все было совершенно по-другому.

Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает эстрада. М.б., я тогда почувствовала это в первый раз. Трибуна — что-то вроде плахи. Все присутствующие начинают казаться выступающему какой-то многоголовой гидрой. Владеть залой очень трудно — гением этого дела был М.М. Зощенко. Хорош на трибуне был и Пастернак.

Во-первых, меня никто не знал, и когда я вышла, раздался возглас: «Кто это?»

На этот вечер приехали и дамы. Одна из них, Ариадна Владимировна Тыркова (Вергежская, по второму мужу Вильямс. Мой отец за глаза называл ее — Ариадна Великолепная), знавшая меня с детства, сказала: «Вот Анечка для себя добилась равноправия». Тогда ли был шлиссельбуржец Морозов, который принял меня за курсистку?..

В Ташкенте Тараховская (детская писательница, сестра С. Парнок, которая надписала мне книгу:

Под крышей дома бесноватого
Живет звезда моя — Ахматова,

мы жили — ул. К.Маркса, 7, общежитие московских писателей), бывшая бестужевка, вспоминала, что была на этом вечере и запомнила меня. Тогда мы думали, что никогда не увидим ни Васильевского Острова, ни тех, с кем были разлучены.

Я спросила Блока, почему он не на чествовании Верхарна. Поэт ответил с подкупающим прямодушием: «Там будут просить выступить, а я не умею говорить по-французски». Кажется, не там, но на каком-то литературном вечере Блок, послушав Северянина, вернулся ко мне и сказал: «У него жирный адвокатский голос».

[60] Бродячая собака-1983. С. 217.

[61] *Хлебников В.* Собрание произведений: В 5 т. Т.5. Издательство писателей в Ленинграде. Л.: 1933. С. 327.

[62] Лукницкий-2. С. 32.

[63] Кузмин–Богомолов-2005. С. 416.

[64] Бродячая собака-1983. С. 218–219.

[65] Там же. С. 219. Летопись-2005. С. 276. «Диспут о футуристах». Газета «Речь». 1913, 11 декабря.

[66] РГАЛИ. Ф.5. Оп.1. Ед.хр.6. Л.114.

[67] Кузмин–Богомолов-2005. С. 418. Почти весь февраль 1912 года Кузмин жил у Гумилевых в Царском Селе (Кузмин–Богомолов-2005. С. 332–336). Гумилевы пытались его «спасать», и в дневнике Кузмина появились такие идиллические записи: «…Как тихо, мирно в Селе. У Гумилевых электричество, бульдог. ‹…› Спал в библиотеке. Печально, вольно и сладко. Очень странно. ‹…› Молли приходила (*бульдог*), трещали канарейки, бормотал попугай. Ели блины, приходили гости. ‹…› Тихо и хорошо, заброшенно. Писал стихи, играл. ‹…› Тихо и снежно. Спят. Молли обрадована. Что мне делать, не знаю. На “башне” какой-то разгром ‹…› Встал поздно. Блины. Думаю о Финляндии. Гуляли в парке. Солнце. Катался на лыжах. Тихо. Завтра постное. Писал хронику. Читал “Гулливера”. Что еще? Спорили о Иванове. Ленюсь и ни о чем не думаю. Что-то Сережа? ‹…› Поехал в Царское. Встретили как беглеца. Радушны. Был брат Гумилева. Коля хочет ехать в Киев, предлагая мне остаться. Беседовали. Что мне делать? ‹…› Хороший воздух. У Гумилевых по-прежнему, но, кажется, я стесняю их несколько. Гумми уговорил меня остаться… Ходили вечером, рассуждая о стариках и “Цехе”. Читал “Мечтателей” Анне Андреевне. Какое-то весеннее чувство во мне. ‹…› В Царском хорошо, но у Гумилевых скучно…» Царскосельская идиллия продолжалась с перерывами месяц, в начале марта Кузмин сбежал.

[68] Бродячая собака-1983. С. 220–221.

[69] ПСС-2. № 114. Современник. 1913. № 12.

[70] *Jean Chuzeville*. Anthologie des poètes russes. Paris. Éd. Crès., 1914. Выходу антологии предшествовала статья Жана Шюзевиля в «Mercure de France» (1 ноября 1913 г.) о новейшей русской поэзии «Футуризм, акмеизм, адамизм и прочее», где были даны характеристики Гумилева, Городецкого, Ахматовой и Цветаевой (Тименчик-1990. С. 333).

[71] Труды и дни. С. 346, 349.

[72] Бродячая собака-1983. С. 160–257.

[73] Там же. С. 222–223.

[74] Так как дата эта для нас существенна, отметим ошибку Ахматовой: согласно сохранившейся повестке, вечер этот состоялся не 6, а 3 января.

[75] Ахматова-ЗК. С. 277.

[76] Тименчик-1990. С. 329.

[77] Златоцвет. СПб. 1914. № 3. С. 16; Тименчик-1990. С. 361.

[78] Ахматова–Черных-2008. С. 88; РГАЛИ. Ф.131. Оп.1. Ед.хр.201. Л.86–87.

[79] День. 1914. № 16. 17 января. Подробнее о лекции см.: Блок–ЛН-92–3. С. 429; Тименчик-1990. С. 353.

[80] Россия. 1914. 8 февраля.

[81] Блок–ЗК-1965. С. 201.

[82] РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 47; Фидлер–Тименчик-1988. С. 181. Об этом вечере см.: Златоцвет. 1914. № 4. С. 16; Известия книжного магазина т-ва М.О. Вольфа. 1914. № 2. С. 25.

[83] Аполлон. СПб. 1914. № 5, май. С. 53.

[84] Летопись-2005. С. 286; Блок–ЛН-93–3. С. 428–429; «Диспут о литературе» // Речь. 22 января; «Символисты о символизме» // Завтра. № 2; «Символизм или реализм» // Современный мир. № 4.

[85] Бродячая собака-1983. С. 224; А. В-ъ. В «Бродячей собаке» // Златоцвет. 1914. № 7. С. 17; День. 1914. № 27. 28 января.

[86] Блок–ЗК-1965. С. 204.

[87] Бродячая собака-1983. С. 224.

[88] Тименчик-1990. С. 169–179, 327–331.

[89] Летопись-2005. С. 302; Тименчик-1990. С. 329.

[90] Тименчик-1990. С. 353–354.

[91] Фидлер–Тименчик-1988. С. 181–182.

[92] Обыграно название известной книги: *Бальмонт К.* «Фейные сказки. Детские песенки». М., 1905. (Примеч. Тименчика.)

[93] Фидлер-2008. С. 627–628.

[94] Неакадемические комментарии-4. Впервые фрагмент этой фотографии был опубликован Р. Тименчиком в журнале «Даугава» (1987. № 6. С. 112). Оригинал фотографии хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме).

[95] Фидлер–Тименчик-1988. С. 184; Бродячая собака-1983. С. 226. Видимо, сам диспут проходил в Тенишевском зале (Ахматова–Черных-2008. С. 89), а в «Бродячей собаке» он продолжился в «неформальной» обстановке, не понравившейся Фидлеру. Как записала Ахматова в «Записной книжке» (С. 661), «знакомство с ‹Артуром› Лурье. (Тенишевский зал) — 8 февраля 1914» .

[96] Кузмин–Богомолов-2005. С. 432.

[97] РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 412. Вечер тогда не состоялся, был перенесен на 7 марта, но выступил на нем один С. Городецкий: см.: Мец-2011. С. 121–123. Письмо приведено здесь, так как в нем указан адрес Недоброво. Как будет видно из дальнейшего, по этому адресу, начиная с осени 1913 года, часто бывала Анна Ахматова.

[98] Кузмин–Богомолов-2005. С. 434, 749.

[99] РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л.115. Дата подтверждается также по другому сохранившемуся пригласительному билету на это заседание: РНБ (С.П. Каблуков). Ф.322. № 28. Л.97 (Гумилев-БП-2000. С. 689).

[100] Аполлон. СПб. 1914. № 5, май. С. 53.

[101] Златоцвет. СПб. 1914. № 9. С. 18.

[102] РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 3. № 48.

[103] Златоцвет. СПб. 1914. № 2. С. 18.

[104] Летопись-2005. С. 191–192. *Горький М.* ПСС. Письма: В 24 т. Т.10. М.: Наука, 2003. С. 242–243.

[105] Текст экспромта — по Гумилев-1991–1. С. 465. Архив М. Лозинского. Имеется в виду книга: Мик. Африканская поэма. СПб.: Гиперборей, 1918. Строка — «Если и будет краснеть вторая» — относится к следующей книге издательства, сборнику Гумилева «Костер», название которого было оттиснуто на обложке красным цветом.

[106] Ахматова-ЗК. С. 280.

[107] *Степанов Евгений*. Неакадемические комментарии-3. См. также подробный рассказ директора Кунсткамеры Ю.К. Чистова об экспедиции 1913 года, где говорится обо всех коллекциях, привезенных Гумилевым из Африки и переданных в музеи Петербурга: Чистов-2010. С. 470–500.

[108] В этот же день, 1 марта, Гумилев с Ахматовой посетили в Царском Селе художников Кардовских; по словам Ахматовой, подписанное ею по просьбе хозяйки дома, О.Л. Кардовской, стихотворение в альбом, помеченное датой — 1 марта 1914 года, Царское Село, «Мне на Ваших картинах ярких…» — на самом деле принадлежало Гумилеву: «В альбоме Кардовской стихотворение, написанное рукой АА, принадлежит на самом деле Н.Г.—“Я тогда не знала, что написать, и Н.С. тут же придумал...”» (Жизнь Гумилева-1991. С. 39, 229. Лукницкий-1. С. 26).

[109] Текст экспромта — по: Гумилев-1991–1. С. 461. Архив М. Лозинского. Имеется в виду книга: *Теофиль Готье*. Эмали и камеи / Пер. Н. Гумилева. СПб.: Изд. М.В. Попова, 1914. Книга вышла в середине марта 1914 года.

[110] Книга «Эмали и камеи» с этим автографом была продана в 2009 году на аукционе в США и хранится в частном архиве.

[111] Лукницкий в Ленинграде с ним встречался, упомянул его в одной из записных книжек (Лукницкий-1. С. 28) как Алексея Николаевича Лаврова, типографа, хотя на самом деле он — Александр Николаевич.

[112] ПСС-8, письма к Гумилеву. № 33. РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 50. В письме речь идет о фактическом владельце издательства М.В. Попова — М.А. Ясном. Книга была напечатана в типографии А.Н. Лаврова и К°.

[113] Златоцвет. СПб. 1914. № 10. С. 17.

[114] Опубликовано в сборнике: *Шершеневич Вадим*. CARMINA. (Лирика 1911–1912). Кн. 1. М., 1913. Посвящение это написано еще до выхода «Эмалей и камей» и относится к подборке переводов Теофиля Готье, которую Гумилев включил в свой сборник 1912 года «Чужое небо»; три из пяти опубликованных там перевода, с небольшими разночтениями, вошли в «Эмали и камеи».

[115] Кузмин–Богомолов-2005. С. 437.

[116] Бродячая собака-1983. С. 228.

[117] Ахматова–ЗК. С. 518. Подробнее о выходе «Четок» и о рецензиях на книгу см.: Летопись-2005. С. 309–311. Вот что писали о «Четках» упомянутые Ахматовой рецензенты. *С. Бобров* (Современник. 1914. № 9): «Книга Ахматовой — еще одно подтверждение “мифа об акмеизме”, возникшем под знаком эпигонства, так как “необходимости обособления их от символистов” не было»; *Д. Тальников* (Современный Мир. 1914. № 10): «Эгоцентрическая поэзия, вращающаяся вокруг “я” и “меня”, не знающая иных отношений, кроме любовной игры… не знающая природы». Гумилев откликнулся на выход «Четок» рецензией в «Аполлоне» (1914. № 5. С. 38). О своем личном отношении к «Четкам» Ахматова высказалась в «Записных книжках» (С. 376): «Книга вышла 15 марта 1914 г. старого стиля, и жизни ей было отпущено примерно 6 недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из 19 в. сразу попали в 20-ый, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. С “Четками” этого не случилось... И потом еще много раз она выплывала и из моря крови, и из полярного оледенения, и побывав на плахе, и украшая собой списки запрещенных изданий (Index librorum prohibitorum) [*Каталог запрещенных книг — лат.*], и представляя собою краденое добро (издание Эфрона, Берлин и одесская контрафакция при белых (1919) (Habent sua fata libelli) [*Книги имеют свою судьбу — лат.*]».

[118] Лукницкий-2. С. 32.

[119] Ахматова–ЗК. С. 376–377.

[120] Лукницкий-1. С. 192.

[121] Летопись-2005. С. 304–305; Газета «Речь». 1914. 16 и 23 марта.

[122] Ранее, на страницах «Синего журнала» (1911. № 18. 23 апреля), их имена были поставлены рядом, при сравнении картин африканских художников, привезенных Гумилевым из Абиссинии, с картинами открывшейся в Петербурге выставки «Союза молодежи». См.: Неакадемические комментарии-2.

[123] Кузмин–Богомолов-2005. С. 440.

[124] Бродячая собака-1983. С. 229–231.

[125] Фидлер–Тименчик-1988. С. 181; РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 49; ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. 3а. Л. 21 и 24 об.

[126] Бродячая собака-1983. С. 231–232.

[127] ПСС-3. № 7. В сборнике все стихи, в том числе и стихотворение Гумилева «Долго молили о танце мы вас, но молили напрасно…», представлены как факсимильные воспроизведения автографов.

[128] Отчет о вечере Э. Старка — «Видение XVIII века» // Петербургский курьер. 1914. № 69. 30 марта; рецензия на сборник — Столичная молва. 1914. № 362. 8 апреля.

[129] *Тименчик Р.Д.* О Трудах и днях Ахматовой // НЛО. 1998. № 29. С. 419.

[130] Ахматова–Черных-2008. С. 92. Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Вагриус, 1999. С. 115.

[131] Бродячая собака-1983. С. 232.

[132] ПСС-8, письма к Гумилеву. № 32. РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 176.

[133] Жизнь Гумилева-1991. С. 47–48.

[134] Гумилев–БП-2000. № 499, 500. С. 586–587, 696.

[135] *Ги де Мопассан*. Сестры Рондоли: Рассказы / Пер. С. Ауслендера. М.: «Польза», 1914.

[136] Кузмин–Богомолов-2005. С. 444, 754.

[137] Блок–ЛН-92–3. С. 431; «Последние новости». Париж,1936. № 5538, 22 мая.

[138] Бродячая собака-1983. С. 233–234.

[139] *Кузмин М*. «Как я читал доклад в “Бродячей собаке”» // Синий журнал. 1914. № 18. С. 6 (Тименчик-1990. С. 354).

[140] Труды и дни. С. 366.

[141] Хранилось в частном собрании Луценко, фрагменты из него были использованы Р. Тименчиком в комментариях в публикации: Письма-1987. С. 70–71.

[142] Речь идет о проекте учреждения лекционного курса по стихосложению для начинающих поэтов «Литературный политехникум». В качестве лекторов Гумилев предлагал В.А. Чудовского и Е.А. Зноско-Боровского, но эти кандидатуры не устраивали Городецкого. Впоследствии Гумилев вернулся к этому проекту под тем же названием — см. письмо В.А. Рождественского к Н.О. Лернеру от 17 июля 1919 г. (РГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 292. Л.3). (Примеч. Тименчика.)

[143] Заявляя о своей непричастности к издательству «Гиперборей», Городецкий в своем письме добавлял: «То же самое ты со своими мог бы сделать относительно Цеха поэтов, мне дорогого и мной на произвол судьбы и гибель отнюдь не покидаемого». В статье об истории Цеха поэтов Городецкий писал: «Когда мы с Гумилевым после ряда бесед решили основать Цех поэтов, нами руководила идея именно совмещения влияний. Гумилев в то время был убежденным парнасцем, выше всего ставившим мастерство формы. Для меня вершиной достижений являлось слияние народной поэзии с литературой в форме предельного раскрытия символов, которое есть мифотворчество, по терминологии Вяч. Иванова. Мы решили слить свои искания и поставить под их перекрестный огонь творчество молодежи. Я привел своих, Гумилев своих, и таким образом создался Цех поэтов» (Закавказское слово, 1919, 26 апреля). «Своими» Городецкий считал в первую очередь В.И. Нарбута, Вас.В. Гиппиуса, Б.А. Верхоустинского. (Примеч. Тименчика.)

[144] Городецкий писал, что давно заметил в Гумилеве «уклон от акмеизма», который Гумилев не считает школой. (Примеч. Тименчика.)

[145] За этим следовала зачеркнутая фраза: «...которому я не сочувствовал с самого начала, не сочувствую и теперь». Городецкий писал: «Объяснения твои относительно появления изд‹ательства› “Гиперборей” я не могу признать достаточными». В 1912—начале 1914 года члены Цеха поэтов выпускали книги под маркой Цеха поэтов. В марте 1914 года вышли «Четки» Ахматовой под маркой «Гиперборея», затем — «Горница» Г. Иванова. Было также объявлено, что в этом издательстве готовятся: М. Лозинский, Стихотворения; О. Мандельштам. Камень. 2-е, дополненное издание; Н.Гумилев. Одноактные пьесы в стихах. Два первых издания осуществились через два года, третье — не состоялось. (Примеч. Тименчика.)

[146] Переправлено из: «та любовь, которую я питал к тебе». (Примеч. Тименчика.)

[147] Возможно, об этой перепалке Гумилева с Городецким Ахматова рассказала Лукницкому в 1927 году (Лукницкий-2. С. 255.): «Период “Тучки” (о том, как С. Городецкий захотел “увидеть” АА, и она ему сказала: “Приходите завтра в двенадцать”, — и как на следующий день, наглухо забыв об этих словах и не думая никак, что Городецкий примет их всерьез, мирно проснулась в 11 часов, пила кофе в постели (“на Тучке”), а Николай Степанович в халате сидел за столом и работал, и как в двенадцать часов явился Городецкий — заглаженный, с розой — и как резким голосом стал говорить с Николаем Степановичем, упрекал его за какое-то невыполненное дело...)».

[148] Переправлено из: «нашу дружбу». (Примеч. Тименчика.)

[149] Ахматова писала в очерке о Мандельштаме: «Я вижу его как бы сквозь редкий дым-туман Васильевского Острова и в ресторане бывшего Кинши (угол Второй линии и Большого проспекта; теперь там парикмахерская), где когда-то, по легенде, Ломоносов пропил казенные часы и куда мы (Гумилев и я) иногда ходили завтракать с “Тучки”. Никаких собраний на “Тучке” не было и быть не могло. Это была просто студенческая комната Николая Степановича, где и сидеть-то было не на чем» (Ахматова–Эллис Лак-1. С. 23).

[150] Письма-1987. С. 70–71. ПСС-8. № 132. Автограф черновика: РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 27.

[151] ПСС-8, письма к Гумилеву. № 34. Автограф: ИРЛИ. Р. 1. Оп. 5. № 502.

[152] В беловом варианте письма имелся и постскриптум, в сохранившемся черновике его нет.

[153] Ахматова-ЗК. С. 245.

[154] Труды и дни. С. 366. «Общество поэтов», или Новое Общество Поэтов «Физа», было основано по инициативе Е.Г. Лисенкова, Н.В. Недоброво и А.Д. Скалдина в марте 1913 года в Петербурге и существовало до мая 1914 года. См.: *Манфред Шруба*. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М.: НЛО, 2004. С. 153–154.

[155] Мец-2011. С. 113–130. В книге подробно рассказано об этом выступлении, о том, что ему предшествовало, и почему оно стало последним совместным выступлением акмеистов.

[156] День. 1914. 27 апреля. Мец-2011. С. 115–116.

[157] Отчет Агасфера (И.Я. Воронко) в газете: Воскресная вечерняя газета. 1914. 27 апреля. Мец-2011. С. 114.

[158] Тименчик-1990. С. 267–269.

[159] Тименчик-1998. С. 419–420.

[160] Истории взаимоотношений Анны Ахматовой и Николая Владимировича Недоброво (1882–1919) посвящены многочисленные публикации, но наиболее полно она изложена в Ахматова-III-1983. С. 371–427 (в Приложении к тому, в статье Г.П. Струве «Анна Ахматова и Николай Недоброво»; цитируемые письма были первоначально подарены Борисом Анрепом Г. Струве). Фрагменты из писем Н.В. Недоброво Борису Васильевичу Анрепу (1883–1969) цитируются по указанной работе. Оригиналы писем в настоящее время хранятся в РНБ., Ф. 1088, архив В.А. Знаменской. Николай Недоброво и Борис Анреп подружились в 1899 году, когда оба они оказались учениками 6-го класса 3-й харьковской гимназии. С Ахматовой Недоброво сблизился (познакомились они, видимо, раньше; в «Лукницкий-2» (С. 33) называется «до 1910») весной или летом 1913 года, и вскоре это знакомство переросло более чем в дружбу. Близкие отношения сохранялись до тех пор, пока в 1915 году Недоброво не свел Бориса Анрепа с Ахматовой. Это знакомство оказалось роковым для его отношений как с Анрепом, так и с Ахматовой.

[161] Ахматова-III-1983. *С.* 383–384.

[162] Ахматова-ЗК. С. 285. С Борисом Анрепом мы еще столкнемся несколько позже, но уже не как с «другом» Ахматовой, а как приятелем и сослуживцем Гумилева по военной службе в Лондоне в 1918 году. Здесь важно обратить внимание на хитросплетения личных взаимоотношений участников описываемых событий.

[163] Имеется в виду статья Н.В. Недоброво «Анна Ахматова», впервые опубликованная в журнале: Русская мысль. № 7. 1915. Разд. II. С. 50–68. Однако написана статья была, как свидетельствует сам Недоброво, в январе — марте 1914 года (Ахматова–Черных-2008–1. С. 89–90).

[164] Мозаика воспроизведена в книге: *Lois Oliver*. Boris Anrep. The National Gallery Mosaics. National Gallery Company. London, 2004. P.53. Подробное описание этой мозаики дано в книге: Кружков-2001. С. 398–408. Там же он предлагает интересную версию происхождения сюжета мозаики — акростих Гумилева (АННА АХМАТОВА) «Ангел лег у края небосклона...» (ПСС-III. № 54). Г. Кружков, знаток английской литературы, указывает и еще на одну мозаику Бориса Анрепа в соборе Христа Владыки (Christ the King) в маленьком ирландском городке Маллингаре. Как пишет Г. Кружков, «1954-й год в католическом мире был объявлен годом, посвященным Святой Марии, и многие церкви заказывали украшения в ее честь. Борис Анреп выполнил мозаику, изображающую “Введение Богородицы во храм”. В центре композиции — Святая Анна с большим нимбом вокруг головы и крупной надписью: S:ANNA. По мнению самих маллингарцев, черты Святой Анны на мозаике Анрепа имеют портретное сходство с Анной Ахматовой...». См., например — http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/9a/Saint_Anne_mosaic_Mullingar.JPG . Изображения этих мозаик Б. Анрепа воспроизведены также в «Неакадемических комментариях-4».

[165] Ахматова-III-1983. *С.* 384–385.

[166] Явная отсылка к стихотворению Ахматовой «Покорно мне воображенье / В изображеньи серых глаз / В моем тверском уединенье / Я горько вспоминаю Вас...». Стихотворение написано в июле 1913 года, но не очевидно, что обращено оно только к Недоброво.

[167] Ахматова-ЗК. С. 140.

[168] Отметим здесь (чтобы более к этому не возвращаться), как «интимные стороны жизни друг друга» отражены не в многочисленных «мемориях» и «художественных произведениях», а в некоторых документах, исходящих от самих участников событий,

заслуживающих внимания и не замеченных многими исследователями. Оправданием того, что я решился затронуть «*интимные стороны жизни друг друга*», может служить крайне любопытная выписка из дневника одного из участников событий, Н.В. Недоброво (*см.:* Тименчик-2005. С. *9, текст далее выделен Е.С.*): «Вчера, когда я лег спать и сначала не мог заснуть, я в полузабытьи думал о расчленении истории литературы. И мне пришло в голову следующее. Изучая поэта, надо изучать отдельно три порядка явлений: *все внешние влияния на поэта*, его интимный творческий процесс и вообще его думу, его произведение и восприятие его человечеством». Я постараюсь затронуть только «*первый порядок явлений*» — «*внешние влияния на поэта*», фактически — его реальную биографию, которую составляют часто случайные встречи и события, но которые не могут не влиять на *«интимный творческий процесс и вообще его думу»*. Считаю себя недостаточно компетентным, чтобы затрагивать сам творческий процесс, для этого есть серьезные специалисты, одному из которых, Р.Д. Тименчику, я особенно благодарен за ценные указания, замечания и дополнения. Правда, по этой причине данное примечание сильно увеличилось в объеме и вылилось в некое «лирическое отступление».

Наиболее полно «интимные стороны жизни друг друга» отразились в дневниках П.Н. Лукницкого, составленных на основе бесед с Ахматовой во второй половине 1920-х годов. Интерес к этой стороне жизни Гумилева, с одной стороны, Лукницкого, и откровения, с другой стороны, Анны Андреевны становятся понятными после публикации (от себя замечу — по этическим соображениям не вполне оправданной) «интимной тетради» Лукницкого в первой части последней книги В.К. Лукницкой (27.01.1927–6.04.2007) (Лукницкая-4. С. 35–69), в которой в качестве «Приложения» были впервые полностью опубликованы «Труды и дни» (С. 141–340). В дневниках Лукницкого Анна Андреевна отводит много места увлечениям Гумилева, неоднократно возвращается, по просьбе Лукницкого, к составлению «донжуанского списка» Гумилева (*Лукницкий*-1. С. 146*,* 148*,* 157*,* 179*,* 180*; Лукницкий*-2. С. 101*)*. Любопытно то, что в дневниках Лукницкого говорится именно о «донжуанском списке». По всей вероятности, такой «контекст» появился после выхода в 1923 году, в издательстве «Петроград», книги П.К. Губера «Дон-Жуанский список А.С.Пушкина». Ахматова была знакома с Петром Константиновичем Губером (1886–1941) лично, его имя упоминается в дневниках Лукницкого (*Лукницкий*-1. *С.* 52*)*. Но мне кажется более любопытным соседство имен, зафиксированное в «Хронике 1920-х годов», в записи от 11 февраля 1921 года: «Петроград. Торжественное собрание представителей литературных и культурно-просветительских учреждений и организаций Петрограда в связи с 84-й годовщиной смерти Пушкина (Дом литераторов); пред. Н. Котляревский; поч. пред. А. Кони. В президиуме — А. Ахматова, А. Блок, Н. Гумилев, М. Кузмин, М. Кристи, Б. Модзалевский, И. Садофьев, Ф. Сологуб, В. Ходасевич и П. Щеголев; секретари собрания — П. Губер и Б. Харитон…» Вряд ли можно сомневаться в том, что «Дон-Жуанский список Пушкина» Ахматова прочитала внимательно. Здесь неуместно приводить все составленные Ахматовой списки увлечений Гумилева, но стоит отметить, что как в записях Лукницкого, так и в собственных «Записных книжках» она почти ни словом не обмолвливается о собственных «романах», которые, безусловно, имели место. Что касается записей Лукницкого — единственным исключением, и то с оговорками, можно считать частые упоминания (естественно, помимо Гумилева) Бориса Анрепа. Например, Лукницкий записывает рассказ Ахматовой про Анрепа: «…во время войны Б. В. (Борис Анреп) приехал с фронта, пришел к ней, принес ей крест, который достал в разрушенной церкви в Галиции. Большой деревянный крест. Сказал: "Я знаю, что нехорошо дарить крест: это свой 'крест' передавать... Но Вы уж возьмите!.." Взяла. Потом опять не виделась с ним. Когда началась революция, он под пулями приходил к ней на Выборгскую сторону, и не потому, что любил, — просто так приходил. Ему приятно было под пулями пройти» (Лукницкий-1. С. 41). Оставим такую оценку поведения Анрепа на совести Ахматовой, но, согласитесь, довольно странно звучит — «не потому, что любил», а — «приятно было под пулями пройти»… Про Недоброво упоминаний много, но 99%—как об участнике литературной жизни и авторе статьи. Лишь в двух местах она «проговаривается», Лукницкий честно фиксирует ее слова, но, видимо, большого значения им не придает: «Недоброво — аристократ до мозга костей, замкнутый, нежный» (Лукницкий-1. С. 208). И, как мне кажется, более существенное свидетельство-опасение: «Мне надо выяснить, что из касающегося АА есть у Голлербаха. АА очень боится, что ее переписка с Недоброво в руках Голлербаха. (Когда Недоброво заболел туберкулезом и был отправлен на юг, его квартира в Ц‹арском› С‹еле› осталась пустая. Всеми пустующими квартирами, представляющими художественную ценность, заведовал, по службе, Голлербах. Он

не поленился, вероятно, узнать, что есть в квартире Недоброво, и если обнаружил там эту переписку, конечно, не постеснялся прибрать ее к рукам…» (Лукницкий-1. С. 129) Эти опасения оказались напрасными, но появление у Голлербаха хорошо сейчас известных писем к Сергею Штейну, в которых Аня Горенко подробно рассказывала о своем, возможно, первом серьезном увлечении, Владимире Викторовиче Голенищеве-Кутузове (1880–28.04.1934), вызвало бурный гнев: «"…Очень неприятно сознавать, что когда я умру, какой-нибудь Голлербах заберется в мои бумаги!" Я: "А почему именно Голлербах?" АА рассказала мне возмутительную историю о Голлербахе, незаконно завладевшем ее письмами к С. Штейну (при посредстве Коти Колесовой), и кроме того, напечатавшем без всякого права, без ведома АА, отрывок одного из этих писем в "Новой русской книге"...» (Лукницкий-1. С. 20). Отметим, что Э. Голлербах тогда привел лишь фрагмент из письма, касавшийся издания Гумилевым в Париже журнала «Сириус», где состоялся поэтический дебют Анны Ахматовой (тогда еще — Горенко), ни словом не коснувшись отраженной в письмах «личной жизни» Ани Горенко. Сами письма С. Штейна к нему попали отнюдь не случайно — после отъезда С. Штейна из Советской России, Голлербах женился на его второй жене, упомянутой Ахматовой Екатерине Владимировне Колесовой. Первой женой С. Штейна была родная сестра Ахматовой Инна, скончавшаяся в 1906 году. Смерть сестры как раз и послужила поводом к началу ее интенсивной, недолгой, но «исповедальной» переписки с Сергеем Штейном. Кстати, в этих же письмах (помимо Гумилева) мельком упоминается еще одно детское увлечение — поэтом А.М. Федоровым (1868–1948), которому посвящено одно из самых ранних сохранившихся стихотворений Ани Горенко — «Над черною бездной с тобою я шла…», написанное 24 июля 1904 года в Одессе. Публикации Голлербахом в 1922 году крохотного отрывка из этой переписки оказалось вполне достаточно, чтобы испытывать неприязнь к нему на протяжении всей жизни. Однако со Штейном переписывалась не Ахматова, а пока еще Аня Горенко. Сохранилось другое, любопытное, но очень похожее на предыдущее свидетельство Н. Пунина о судьбе его длительной переписки с Ахматовой. Вот фрагмент его дневника (Пунин-2000. *С.* 334), запись от 29–30 июля 1936 года (уже после первого ареста, вместе с Левой, и быстрого освобождения): «…любовь осела, замутилась, но не ушла. Последние дни скучаю об Ан. с тем же знакомым чувством боли. Уговаривал себя — не от любви это, от досады. Лгал. Это она, все та же. Пересмотрел ее карточки — нет, не похожа. Ее нет, нет ее со мной. ‹…› Проснулся просто, установил, что Ан. взяла все свои письма и телеграммы ко мне за все годы; еще установил, что Лева тайно от меня, очевидно по ее поручению, взял из моего шкапа сафьяновую тетрадь, где Ан. писала стихи, и, уезжая в командировку, очевидно повез ее к Ан., чтобы я не знал. От боли хочется выворотить всю грудную клетку. Ан. победила в этом пятнадцатилетнем бою…» Так что подпускать к подробностям своей личной жизни Ахматова не хотела никого и никогда. Однако, как мне подсказал Роман Тименчик, в беседах с Лукницким Ахматова однажды продиктовала ему и **свой личный** «донжуанский список»! Один его вариант можно найти в разрозненных, изрезанных дневниковых записях 1927 года, 30 июля (Лукницкий-2. *С.* 284–285*; кем дневник был изрезан, вряд ли удастся когда-нибудь установить, тем более узнать о том, что было вырезано)*. В отличие от «Пушкинского списка», с именами, этот список ограничен заглавными буквами, которые Лукницкий — видимо, позже — пытался расшифровать: «**В, Г, NN, Ч, Н, Л, З, Ц, Ф, К, Владимир Петрович**». Среди «расшифрованных» Лукницким фамилий: В — Вульфиус (по мнению Тименчика, в книге Тименчик-2008. С. 321 и 326, ошибочно); Г — Гумилев; NN, у Лукницкого — француз, адвокат, на самом деле это — Модильяни; Ч — Чулков; Н — Недоброво; Л — Лурье; З — Зубов. Некоторые инициалы Лукницкий на опознал — Ц, Ф, К. Заметим, что «список» этот, видимо, составлен «хронологически» — действительно, между Гумилевым и Недоброво были — Модильяни и Чулков. Отметим также, что, отправившись после возвращения Гумилева из второго путешествия по Абиссинии (*Неакадемические комментарии*-2) в одиночестве в Париж, в мае–июне 1911 года, Ахматова встречалась там и с Модильяни, и с Г. Чулковым. Из воспоминаний жены Г. Чулкова Н.Г. Чулковой: «Я впервые встретилась с Ахматовой в Париже в 1911 году. ‹…› Мы вместе совершали прогулки и посещали иногда вечерами маленькие кафе. ‹…› Она была очень красива, все на улице заглядывались на нее (Ахматова–Черных-2008. *С.* 65*)*. Тименчик приводит (Тименчик-2008. С. 326) еще один похожий «донжуанский список» Ахматовой, слегка отличающийся по составу, который сохранился в семейном архиве Пуниных: «Дж. Выс., Н.С. Г‹умилев›, Г. Ч‹улков›, Шуб‹ерский›, Бэби, Н.В. Н‹едоброво›, Арт‹ур Лурье›, Гриша, В.Шил‹ейко›, Цим‹мерман›, Н.Н. ‹Пунин›». Комментарии Тименчика: «О Григории Герасимовиче Фейгине («Гриша»)

см.: *Кравцова И.Г.* Об одном адресате Анны Ахматовой // НЛО. 1992. № 1. С. 257–262. Владимир Петрович Шуберский (1877–1958) — инженер и промышленник, обосновавшийся с середины 1920-х годов в Париже. Циммерман Михаил Михайлович — близкий друг Ахматовой в начале 1920-х годов; см. Ахматова-Черных-2008. С. 178–180.

На этом я остановлюсь, считая неуместным сочинять небылицы, копаться в непростой личной, особенно «интимной», жизни как своих любимых поэтов, так и любого человека.

[169] Ахматова-ЗК. С. 342.

[170] Имеются в виду знаменитые «Пятистопные ямбы» Гумилева. Так как Ахматова обозначает их как некий важный рубеж, напомним, что первоначально написаны они были незадолго до последней африканской экспедиции, в 1912 году, впоследствии, в 1915 году, существенно переработаны. Первая публикация — в «Аполлоне». № 3, март 1913 года, вторая редакция — в «Колчане» в 1916 году.

[171] Ахматова-ЗК. С. 360–361.

[172] Лукницкий-1. С. 40.

[173] Ахматова-ЗК. С. 529. Готов присоединиться к этим словам Ахматовой, но отнести их не к тем, о ком она пишет (Маковский и др.), а к некоторым нынешним толкователям и «исследователям», например, к упомянутым выше «сочинениям» Тамары Катаевой и Людмилы Бояджиевой. Я не за то, чтобы наводить глянец на образы поэтов, а за то, чтобы каждый занимался своим делом. Пусть писатели сочиняют любые небылицы, но не гоже заниматься этим или копаться в грязном белье тем, чей долг — поиск новых фактов и документов, попытка нащупать истину.

[174] ПСС-8. № 133. Автограф: Архив Лозинского. Так как в дальнейших сюжетах будет постоянно присутствовать Михаил Леонидович Лозинский (1886–1955), необходимо подчеркнуть, что он был ближайшим и самым верным другом как Гумилева, так и Ахматовой. Вот несколько разрозненных выписок из «Записных книжек» Ахматовой, свидетельствующих об этом (Ахматова ЗК. С. 600–601, 702–705): «Дружба наша началась как-то сразу и продолжалась до его смерти (31 января 1955 г.). ‹…› Я горда тем, что на мою долю выпала высокая честь принести и мою лепту памяти этого неповторимого, изумительного человека, который сочетал в себе сказочную выносливость, самое изящное остроумие, благородство и верность в дружбе. ‹…› Друзьям своим Мих. Леон. был всю жизнь бесконечно предан. Он всегда и во всем был готов помогать людям. ‹…› Верность была самой характерной для Лозинского чертою. Когда зарождался акмеизм и ближе Мих. Леон. у нас никого не было, он все же не захотел отречься от символизма, оставаясь редактором нашего “Гиперборея”, одним из основных членов 1-ого Цеха поэтов и другом нас всех. ‹…› Гумилев присоветовал Маковскому пригласить Лозинского в секретари в “Аполлон”. Лучшего подарка он не мог ему сделать. Бездельник и [лентяй] болтун Маковский ‹…› был за своим секретарем, как за каменной стеной. Лозинский прекрасно знал языки и был до преступности добросовестным человеком. ‹…› Ивановский, ученик и секретарь М. Л., сказал мне, что Лозинский ни одно письмо не отправлял, не оставив себе копии. Таким образом, я могу быть уверена, что все его письма ко мне существуют, несмотря на то, что оригиналы большинства из них погибли у меня, потому что, все что у меня, неизбежно гибнет ‹…›» Последнее свидетельство для нас важно, так как уникальнейший архив Лозинского полностью сохранился. Лозинский хранил не только добрую память об опальном поэте, но и уникальные документы, автографы и письма Гумилева. Можно не уточнять, что хранить все это на протяжении десятков лет в условиях советской действительности можно было только с риском для жизни. Сейчас архив по-прежнему находится в семье, у вдовы его сына Сергея И.В. Платоновой-Лозинской, и только малая часть из него пока опубликована. Выражаю искреннюю благодарность Ирине Витальевне Платоновой-Лозинской за предоставленную возможность воспользоваться некоторыми имеющимися у нее материалами.

[175] Лукницкий-1. С. 177. Этот «вечер» в дневнике П. Лукницкого, датированный 9 июня 1925 года, был посвящен расспросам обо всех «увлечениях» Николая Степановича. Начался он с вопросов о Тане Адамович и о том, «как произошло у Н.С. расхождение с Т. Адамович? АА рассказала, что она думает об этом. Думает она, что произошло это постепенно и прекратилось приблизительно где-то около выхода “Колчана”. Резкого разрыва, по-видимому, не было. Таня Адамович, по-видимому, хотела выйти замуж за Н.С.». Дальнейшая история с «разводом» относится к этому эпизоду. А завершается он таким признанием Ахматовой: «АА снова рассказывала, как она “всю ночь, до утра” читала письма Тани и как потом Н.С. никогда ничего об этом не сказала…»

[176] Эмиль Жак-Далькроз (1865–1950) — швейцарский композитор и педагог, создатель системы музыкально-ритмического воспитания, основанной на связи музыки с движением; система эта применялась в балетных школах и специальных институтах в разных странах, в том числе в России. Именно по его системе преподавала впоследствии Татьяна Адамович, см. следующее примечание.

[177] Сестра поэта Г. Адамовича Татьяна Викторовна Адамович, в замужестве Высоцкая (31.01.1894, Петербург – 2.04.1970, Варшава), с юности занималась танцами, позже, после революции, была создательницей собственной балетной школы в Польше. Ей посвящен сборник Н. Гумилева «Колчан». В 1918 году она вышла замуж за профессора музыки С. Высоцкого, сменив при этом фамилию, и всю жизнь прожила в Польше. В БСЭ-20 (1975), в статье «Польша», Т. Высоцкая упоминается как ведущий польский балетовед. В Варшаве, еще при жизни, она издала книгу воспоминаний, в которой имя Гумилева фактически не упоминается — ***Wysocka Tacjanna*** **. Wspomnienia . Warszawa,** 1962. Все, что удалось «наскрести» там, касающееся юности и России, вошло в книгу «Жизнь Гумилева-1991». С. 88, чуть более страницы сомнительного содержания, касающегося устраиваемых в доме приемов («jour-fixe») с участием поэтов, в том числе Ахматовой, Кузмина, Гумилева, Бальмонта, Блока, Есенина и др. Гумилев упоминается единственный раз, и только в этом ряду. Затем она перечисляет посетителей «Бродячей собаки» — Блок, Ахматова, Брюсов, Бальмонт, Есенин, Северянин и Вертинский. Весьма своеобразный «документ», опираться на который вряд ли стоит. Большого труда стоило найти ее не очень качественную фотографию «польского периода» (Неакадемические комментарии-4). Остается пока даже не выясненным, контактировала ли она с жившим в Париже братом. Пожалуй, наиболее достоверные и интересные сведения о Татьяне Адамович «петербургского периода» можно найти в книге Берберова-1996. С. 91–93, 101. Во время войны и до революции Татьяна Адамович преподавала в Петрограде, в гимназии — французский язык. У нее с осени 1914 года училась Нина Берберова. Любопытно, что именно Татьяна Адамович на вечере «Поэты — воинам», состоявшемся в «Зале Армии и Флота» на Литейном проспекте 28 марта 1915 года, познакомила юную Нину Берберову с Анной Ахматовой.

[178] Лукницкий-1. С. 100. Далее Ахматова рассказывает Лукницкому о случайной встрече с Блоком на станции Подсолнечная: «…Блок спросил: “Вы одна едете?” (Блок очень удивил этим вопросом АА: “Блок меня всегда удивлял!“) Поезд стоял минуту, может быть, 2–3, и АА уехала дальше… Потом приехала в Слепнево. В Слепневе это письмо Колино из Териок получила…»

[179] Ахматова-ЗК. С. 664. Запись эта сделана в 1965 году, в одной из последних записных книжек (№ 21), в разделе «Даты». Лукницкому Ахматова об этом визите Недоброво не обмолвилась. Встреча в Дарнице с Недоброво была, видимо, оговорена в одном из писем, которыми Недоброво собирался развлекать Ахматову в ее «тверском уединенье».

[180] Ахматова-ЗК. С. 669 и 671. «Подошла я к сосновому лесу» — Ахматова цитирует посланное Гумилеву 17 июля стихотворение, о котором будет сказано ниже.

[181] Об этом подробно: *Тименчик Роман*. Рим Анны Ахматовой: Horror Mortis (1964) // Toronto Slavic Quarterly. № 21.

[182] *Платонова-Лозинская И.* Летом семнадцатого года… О дружбе А.Ахматовой и М. Лозинского // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 65. В этой публикации ошибочно указано, что «День Купальницы-Аграфены» совпадает с днем рождения Ахматовой — 11/23 июня. О каком потерянном закладе пишет Ахматова — непонятно. Тональность же письма явно перекликается с первым, упоминавшимся мною и обращенным к Недоброво стихотворением про «тверское уединенье» (см. примечание выше): «…Вы, приказавший мне: довольно, / Поди, убей свою любовь! / И вот я таю, я безвольна, / Но все сильней скучает кровь. // И если я умру, то кто же /Мои стихи напишет вам, / Кто стать звенящими поможет / Еще не сказанным словам?»

[183] Ахматова-ЗК. С. 313.

[184] *Гумилева А.А.* Николай Степанович Гумилев // Жизнь Гумилева-1991. С. 74. Воспоминания жены старшего брата поэта Дмитрия (урожденной Фрейганг), хотя и содержат ряд мелких точных деталей, во многих местах малодостоверны, и к ним надо подходить с осторожностью. Ахматова излишне резко вообще отвергала их, что также несправедливо. Между братьями не было особой близости. Писались эти воспоминания спустя много лет — впервые они были опубликованы: Новый журнал. Нью-Йорк. 1956. № 46. С. 107–126. Наибольшие сомнения вызывает дата 5-летия свадьбы, 5 июля 1914 года, так как из «Послужного списка» (РГВИА. Ф. 409. № 153–923) следует, что 5 июля

1909 года Д. Гумилев пребывал в полку (временно командовал 12-й ротой) и, следовательно, на собственном бракосочетании присутствовать никак не мог. Точную дату их свадьбы пока документально уточнить не удалось.

185 Точный дачный адрес Гумилева и время его прибытия в район Териок удалось установить по письму М.В. Бабенчикова художнику Н.Н. Кульбину от 7 июля 1914 года: «…вчера приехал в Куоккалу на семь дней Н.С. Гумилев. Он Вас хотел бы повидать, его адрес пансион «Олюсино», комн. № 7» (ГРМ. Ф. 134. № 21. Л.5, впервые указано Р. Тименчиком: Письма-1987. С. 72).

186 ПСС-8. № 134. Автограф: Архив Лозинского.

187 ПСС-8, письма к Гумилеву. № 36. Автограф: РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 50.

188 Никаких ссылок на местонахождение указанного письма не дается, и вызывает большое сомнение сам факт его существования, потому что в этот же день сам Гумилев пишет письмо Ахматовой, указывая свой точный адрес.

189 ПСС-8. С. 526, 596. В сложное положение поставили Лозинского авторы комментариев . Ведь это так непросто — «принять на себя роль посредника-примирителя», ожидая со дня на день появления первенца, думая о здоровье жены, при этом оставаясь, как видно из его писем, в курсе всех литературных дел и поддерживая приятельские отношения с обеими сторонами «конфликта». Да и невозможно оказаться в Петербурге «между двух огней», **проживая (de facto!!!) — в Ваммельсуу!**

190 ПСС-8. № 135. Автограф: ИРЛИ. Р.1. Оп. 5. № 499.

191 ПСС-8. С. 527–528. Переписаны, с некоторыми дополнениями, комментарии Р. Тименчика из: Гумилев-1991–3. С. 339–340. В них раскрываются все перечисленные лица и реалии, повторять их здесь я не буду. Вызывает сомнение только чересчур глубокомысленная преамбула к ним: «“Гомеровский” перечень “знакомых из Териок”, очевидно призван стать “эпическим щитом” для лирического подтекста письма, написанного “беженцем из Либавы”…».

192 ПСС-8, письма к Гумилеву. № 37. Впервые опубликовано, с факсимильным воспроизведением письма: Аврора. 1989. № 6. Автограф: РГБ. Ф. 474. Альбом П.Н. Медведева № 1. Л. 34–40.

193 Имеется в виду Валерий Брюсов.

194 ПСС-8, письма к Гумилеву. № 38. Автограф: РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 43.

195 Ахматова–Кралин-2. С. 189 и С. 367. О взаимоотношениях Ахматовой с семейством Чулковых см. также публикацию: *Бень Е.* Ахматова и Чулковы // Русская мысль. Париж. 1994. 20–26 января; перепечатано в: *Бень Е.* Не весь реестр. М.; Орел, 2005. С. 140–145.

196 Видимо, намек на возможную встречу там.

197 ПСС-8. № 136. Автограф: ИРЛИ. Р. 1. Оп. 5. № 499.

198 ПСС-8. С. 526–529, 596–602. Именно несколько этих чисто житейского свойства июльских писем послужили поводом для многостраничных душещипательных комментариев, небольшие фрагменты из которых мне хочется привести здесь, не меняя стиль и орфографию. Мне кажется, что такие комментарии не столько помогают понять читателю поступки героев, сколько уводят его в сторону и никак не соответствует профилю академических комментариев. Комментарии растянуты на 10 страниц убористого текста и способны породить новые мифы из жизни поэтов и супругов. Я приведу лишь самые «выразительные» пассажи, не искажая сути, в чем легко убедиться, перечитав их полностью. При этом выделю только самые «пронзительные» места, приведя курсивом в скобках свои соображения. Основной массив информации сосредоточен в комментариях к первому письму Ахматовой Гумилеву: ПСС-8. № 37: «…Два письма Ахматовой Гумилеву из Слепневј (*sic!*), написанные 13 и 17 июля 1914 г., в самый канун Мировой войны, — единственные дошедшие до нас из всего их эпистолярного цикла. В сочетании с письмами Гумилева от 10/23 июля 1914 г. из Териок и от 17 июля 1914 г. из Петербурга они дают возможность хотя бы частичной реконструкции стилистики утраченной переписки, позволяют слышать **голоса великой супружеской пары в их диалогическом общении**. ‹…› У двадцатипятилетней Ахматовой впервые в ее отношениях с Гумилевым появилась сильная, настоящая “соперница”, и она очень болезненно переживала это. Отношения между супругами с зимы 1914 г. совершенно разладились, и нужен был лишь внешний толчок, чтобы скрытое неблагополучие вырвалось наружу. Именно это и произошло в середине июня в благополучной, с теннисом и гостями-соседями “дачной” слепневской жизни. **Реакция Гумилева была резкой и недвусмысленной** (*Далее следуют приведенная цитата из Лукницкого — про «развод», но почему-то с «сокращениями», искажающими смысл сказанного, рассказ про отъезд Гумилева, хотя очевидно, что Ахматова уехала раньше, про ее письмо Лозинскому, про встречу с Блоком и все в том же роде, без каких бы то ни было логических связей.*) ‹…› 9 июля ‹…› Гумилев “выныривает” в Териоках, в равном удалении и от Либавы, и от Слепнево ‹…› Здесь, в **Терионах** (*sic!*) он, здраво обдумав обстоятельства, принимает “соломоново решение”, и дает знать о себе — другу, Лозинскому, причем — посланием самого “обтекаемого” содержания (ПСС-8. № 134). Лозинский, который из-за последнего срока беременности жены не может отлучиться из дому, все же **идеально выполняет взятую им на себя “миссию примирения”**: пишет блестящее в своем роде, — “успокаивающее” и **со многими ободряющими “подтекстами”**, — послание попавшему в затруднительное положение Гумилеву (ПСС-8, письма к Н.С. Гумилеву. № 36), и немедленно связывается с Ахматовой, сообщая ей точные координаты **затерявшегося мужа. Та, подавив гордость, первая пишет настоящее — удивительное! — “примирительное” письмо** (*Заметим — на самом деле Гумилев написал письмо первым, 10 июля, в день приезда Ахматовой в Слепнево, а она пишет только 13-го! Далее, в комментариях (!) — повторяется письмо Ахматовой!*) Ахматова пишет это письмо, прилагая к нему два, созданных в эти дни гениальных стихотворения (**комментировать которые в этом контексте нет сил человеческих**) (*а у меня нет сил — комментировать **ЭТО***), — пишет, не зная, что пока **“шли переговоры” между Ваммельсуу и Слепнево** (*какие переговоры, когда Ахматовой в Слепневе еще и в помине не было!!!*), сам Гумилев, отдав визиты Чуковскому и С.К. Маковскому и допоздна проговорив с ними о текущих вопросах литературной политики, наутро собрался с духом и тоже, подавив гордость, **решил первым “пойти на мировую”** (*как-то странно — оба «первые»; далее повторяется письмо Гумилева! А чем занимался и с кем проводил время Гумилев именно в **эти дни**, известно совершенно точно, но рассказ об этом, разрушающий всю предложенную «реконструкцию» — впереди…*) ‹…› Это письмо **от** (*sic!*) отправляет в Дарницу, откуда Инна Эразмовна Горенко (**по всей вероятности, не менее взволнованная происходящим, чем Анна Ивановна Гумилева**) (*чем взволнована? может, тем, что у Ахматовой в Дарнице гостит Недоброво?*) немедленно пересылает его в Слепнево. Второе письмо Ахматовой — от 17 июля (ПСС-8, письма к Н.С. Гумилеву. № 38) — **вздох облегчения**, и **такое же** (*sic!*) вздох облегчения — письмо Гумилева от того же 17 июля, которое он пишет “синхронно” с женой, также **получив ее “мировую”**». (*Опять повтор части письма!*)

Думаю, мои сомнения в необходимости подобных «академических комментариев» понятны. Завершаются комментарии огромной цитатой из «Пятистопных ямбов», в «военной» редакции 1915 года, и такой высокопарной фразой: **«В истории мирового эпистолярного искусства найдется немного эпизодов, равных по драматизму, психологической глубине и исторической содержательности переписке Гумилева с Ахматовой в июле 1914 года».** Эта фраза напомнила мне известное изречение Сталина по поводу сказки Горького «Девушка и смерть»: «Эта штука посильнее “Фауста” Гете». Ничего не имею против Гумилева и Ахматовой (как и Горького), но чувство меры все-таки должно существовать! Далее следуют краткие литературные комментарии по тексту письма, но и здесь безобидная фраза Ахматовой про то, что *«меня очень мило похвалил Ясинский»*, помимо необходимого указания на ее происхождение трактуется как «несомненный скрытый “вызов” обиженной Ахматовой: Гумилев, ранее сотрудничавший с этим изданием, порвал все отношения с журналом и его редактором». Последующие комментарии к написанным в один день (17 июля) письмам трактуются как «момент благополучного разрешения конфликта супругов Гумилевых» (№ 136 Гумилева) и «окончательное примирение супругов Гумилевых после разрыва в июне 1914 г.» (№ 38 Ахматовой). Фактические неточности и субъективные интерпретации в комментариях, относящиеся к самому тексту писем, я опускаю — на то воля автора. Здесь же мне хотелось рассмотреть вопрос о допустимости самого такого подхода к комментариям, о возможности столь вольной интерпретации не текстов произведений и писем, а внутренней жизни их создателей — **при отсутствии фактов**, опираясь только на свои «внутренние ощущения». Я уделил этому вопросу столько времени потому, что факты как раз имеются, и, опираясь на них, приходишь к диаметрально противоположным выводам. Лично я считаю, что в комментариях, тем более «академических», относящихся к личной жизни героев, допустимо давать лишь **документально подтверждаемые факты**, но уж никак не выносить собственные трактовки и суждения. К счастью, комментатор не сделал (хотя и мог!) основополагающий вывод из своих комментариев о том, что именно из-за «семейного скандала» Гумилев «сбежал на войну», но убежден, что вскоре найдется сочинитель, который воспользуется «открытием», — ведь такой вывод из таких «комментариев» — вполне естественен!

[199] Ахматова–Кралин-1. С. 263. Начало «Пятой Северной элегии».

[200] Блок–ЗК-1965. С. 234.

[201] РНБ. Ф. 1201. № 79 (В.В. Алперс). Дневники 1910–1916 гг.; 4 тетради: № 1 — 4.12.1910–27.12.1912; № 2 — 2.03.1912–13.03.1914; № 3 — 15.03.1914–8.12.1914; № 4 — 27.09.1915–5.07.1916. В приложении к «Неакадемическим комментариям-4» приводятся все сделанные мной выписки (с сохранением орфографии и пунктуации автора дневника), относящиеся как к Н.С. Гумилеву, так и к некоторым другим, ставшим впоследствии известными личностям. Возможно, это привлечет к дневнику внимание и других исследователей. Я не взялся за его подробное комментирование, ограничившись беглыми заметками о некоторых упоминаемых лицах (выражаю искреннюю благодарность Роману Тименчику за помощь) и оставляя подробное комментирование для последующих исследователей. Возможно, дневником заинтересуются не только ценители Гумилева — дневник любопытен как документ эпохи, увиденной глазами молодой девушки, непредвзятый, хотя и субъективный взгляд на события и людей со стороны. Чем-то напоминающий старые фотографии, на которые случайно попадает то или иное лицо. Думаю, стоит опубликовать его целиком. Несколько слов об авторе дневника Вере Владимировне Алперс (1892–1982). В тетради № 2 имеется запись от 25 июня 1912 года: «В четверг ‹т.е. — 21.06.1912› ‹...› мне исполнилось 20 лет ‹...›». Следовательно, родилась Вера Владимировна Алперс 21.6/3.07.1892 года. Дружба ее с Сергеем Прокофьевым, тогда еще мало кому известным композитором, зародилась в годы их совместного обучения в Петербургской консерватории, куда они оба поступили в 1904 году. Вера Владимировна посвятила этому воспоминания, опубликованные в сборнике: Прокофьев Сергей. Статьи и материалы. М., 1962. Немало страниц из раннего, 1909 года, дневника своей подруги С. Прокофьев впоследствии включил в «Автобиографию» как документальные свидетельства юношеских лет (*Прокофьев Сергей*. Автобиография. М.: КЛАССИКА-XXI, 2007). О семье Алперсов, богатой творчески одаренными личностями, можно прочитать в публикации: Неизбывная сила восприятия жизни // Советская музыка. 1991. № 2. Зародившаяся в годы знакомства их переписка была едва ли не самой продолжительной в эпистолярном наследии композитора. Переписка эта продолжалась до самой кончины композитора в 1953 году. Заметим, что умер Сергей Прокофьев 5 марта от обширного кровоизлияния в мозг через 40 минут после смерти Сталина, наступившей по той же причине... За годы совместной учебы в консерватории у Прокофьева и Алперс сложился широкий круг общих знакомых, преимущественно музыкантов. Но, как следует из публикуемых мною страниц дневника, музыкантами круг знакомств не исчерпывался. Фотографии Веры Алперс удалось найти благодаря помощи сотрудников музея С. Прокофьева при детской музыкальной школе № 1 им. С. Прокофьева, директора школы И.Е. Прохиной и заведующей библиотекой В.Н. Горшковой, выражаю им свою благодарность. Опубликованы они в книгах: *Прокофьев Сергей*. Дневники 1907–1933: В 3 т. Paris, 2002; *Прокофьев Сергей*. Автобиография. М.: Классика XXI, 2007. Фотография В.В. Алперс и некоторые другие предоставленные музеем С. Прокофьева иллюстративные материалы воспроизведены: Неакадемические комментарии-4.

[202] Неакадемические комментарии-4. Приложение.

[203] Труды и дни. С. 381.

[204] Об этом много сказано в комментариях к рассказу: ПСС-6. С. 446–463. Об этом же, со слов Ахматовой, в дневниках Лукницкого: Лукницкий-1. С. 137–138.

[205] ПСС-6. С. 117.

[206] Лукницкий-1. С. 100.

[207] В дневнике Веры Алперс фамилия Бушен встречается неоднократно. Это сестра упоминаемого здесь художника Дмитрия Дмитриевича Бушена (1893–1992), Анна Дмитриевна Бушен, музыковед. О Дмитрии Бушене см. воспоминания «Со мной говорил Гумилев...» в книге «Жизнь Гумилева-1991». С. 85–88. Дмитрий Бушен состоял в родстве с Кузьмиными-Караваевыми, имение которых Борисково находилось недалеко от Слепнева, там он в юности часто бывал, сохранились его зарисовки усадебного дома. Между матерью Гумилева, урожденной Львовой, и Кузьмиными-Караваевыми тоже существовали прямые родственные связи. Отметим еще одну, пока, к сожалению, не распутанную «родственную» связь: в обозначенных выше воспоминаниях Татьяны Адамович (примечание 5) есть такая фраза: «...**Мой кузен, Димка Бушен**, в то время — ученик Академии искусств, приглашал своих коллег, молодых художников, которые зачастую делали эскизы портретов наиболее знаменитых наших гостей...» До сих пор Татьяну Адамович связывали с Гумилевым только через ее брата, поэта Георгия Адамовича. Если Татьяна Адамович не ошибается, она находится в каком-то родстве и с Гумилевым! К сожалению, решить эту «задачу» мне пока не удалось. Замечу, что доверять ее воспоминаниям следует с большой осторожностью, скорее всего, — это ее миф.

[208] Забегая вперед, отмечу, что, когда делалась эта запись в дневнике Веры Алперс, 24 августа, и она была «весь день занята Гумилевым», сам поэт уже 10 дней пребывал под Новгородом, осваивая воинское искусство.

[209] Провисела она целых три дня, потом бесследно исчезла. Фотографию дома с этой доской см.: Неакадемические комментарии-4.

[210] Б.п. ‹*Ермилов В.В.*› О поэзии войны // На литературном посту. 1927. № 10. 20 мая. С. 1–4.

[211] *Волков А.А.* Поэзия русского империализма. М., 1935. Этой книге предшествовали несколько публикаций того же автора: Акмеизм и империалистическая война // Знамя. 1933. № 7. С. 165–181; Война и ее барды // Литературная газета. 1934. 30 июля. № 96. С. 3. На книгу появилась рецензия А.Л. Дымшица: Д-ц, Ал. Волков А.А. Поэзия русского империализма. Рец. // Резец. 1936. № 5. С. 24. В том же духе и книга: *Цехновицер О.В.* Литература и мировая война 1914–1918 годов. М., 1937.

[212] *Михайловский Б.В.* Русская литература XX века. С 90-х годов XIX в. до 1917 года. М., 1939.

[213] *Г.А‹дамович›.* Советская литература в 1933 году // Последние новости. Париж, 1933. № 4313. 12 января. С. 3. В заметке был приведен более подробный план, видимо, полученный непосредственно из редакции журнала «Залп» или от одного из ее сотрудников, где, кстати, работали П. Лукницкий и друг Гумилева С. Колбасьев. «...Ежемесячник “Залп” вводит новый отдел: “литературно-политический архив”. В отделе будут напечатаны письма Леонида Андреева к брату во время войны, статьи Куприна о красной армии, неопубликованные дневники З. Гиппиус, “Записки кавалериста” Н. Гумилева, ряд неизвестных стихов Сологуба и Есенина, неизданные статьи Маяковского...»

[214] В этом смысле представляет интерес запись самого Гумилева 1918 года в т.н. «Лондонской записной книжке», о которой будет сказано ниже (HIA-GSP. Box 151. Fol.11. L. 22). Незадолго до возвращения в Россию он составил список всех своих стихотворений, хоть как-то связанных с военной тематикой, в который вошло 4 «военных» стихотворения и еще 8 стихотворений, содержание которых говорит, что они были написаны на войне. Факсимильное воспроизведение списка приведено в публикации: Наше наследие-101. С. 125.

[215] Количество «военных» стихотворений легко проследить по ПСС-3, где, в хронологическом порядке, представлены все стихи, написанные в 1914–1918 годах. Основной, справедливо критикуемый принцип составления этого издания — подача всего творческого наследия Гумилева в хронологическом порядке (так как при этом полностью разрушается авторская воля составления сборников стихов как композиционно оформленных книг) — в данном случае выступает как достоинство этого издания: читателю несложно будет проверить мое утверждение, пролистав этот том. Хотя замечу, что «хронология» расположения многих стихов нарушена, так как за критерии их размещения часто принимались ошибочные аргументы — дата публикации, чье-то суждение... Но для «качественной» и «количественной» оценки 3-й том, в который вошли все стихи военного периода, вполне подходит. Что касается прочих акмеистов... Убежден, что если их и можно было в чем-то упрекнуть (с точки зрения отображения «военной тематики»), так это — почти в полном ее игнорировании. Конечно, такой «акмеист», как С. Городецкий, оставаясь в Петрограде, обрушил на головы читателей многочисленные «патриотические стихи», но какой он акмеист — после 1914 года!

[216] Сальман-2010. С. 469–472.

[217] РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61522. Л. 13; факсимильное воспроизведение в книге: Шубинский-2004. С. 139. Подробно о попытке поступления Гумилева в армию в 1907 году и о связанных с этим событиях изложено в моих комментариях: ПСС-8. С. 342–344.

[218] *Зобнин. Ю.В.* Гумилев — поэт православия. С.-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. СПб., 2000. (Новое в гуманитарных науках. Вып. 7).

[219] ПСС-3. № 12. Автограф: архив М. Лозинского. Впервые опубликовано: Новый журнал для всех. 1915. № 2. Проставлена дата — 20 июля 1914. Сергей Михайлович Лозинский (1914–1985) впоследствии стал известным математиком. Именно благодаря ему (в настоящее время — благодаря его жене, Ирине Витальевне Платоновой-Лозинской, тоже математику) сохранился уникальный архив М.Л. Лозинского.

[220] Маргарита Константиновна Грюнвальд (1884–1969, иногда ее фамилия пишется как Гринвальд), подруга Е.И. Дмитриевой (она же — Черубина де Габриак) и хорошая

знакомая М.А. Волошина. Познакомилась она с Гумилевым, видимо, еще в июне 1909 года в Коктебеле, когда Гумилев приехал туда вместе с Дмитриевой. Однако об их отношениях мало что известно. Как записал в дневнике Лукницкий в ноября 1925 года (Лукницкий-1. С. 245–246), «днем был у М.К. Грюнвальд, чтобы получить ее воспоминания о Николае Степановиче. Она очень плохо помнит, и почти ничего не рассказала. ‹...› Потом я рассказал АА о моем визите к Грюнвальд. ‹...› Прочитал ей бессвязные воспоминания Грюнвальд и ушел».

[221] Труды и дни. С. 381. Однако в комментариях к этой записи (С. 382) последовательность событий и действий искажена, в частности не указано, что Гумилев дважды на протяжении недели ездил в Слепнево. Туда он отправился после того, как присутствовал при разгроме германского посольства на Исаакиевской площади, который продолжался три дня.

[222] Труды и дни. С. 383–384.

[223] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д.284. Судьбы документов часто складываются необычно. До 1988 года пакет с документами, которые Николай Гумилев представил в комиссию при поступлении в действующую армию, собранные им в июле 1914 года, хранился в фонде 5-го Драгунского Каргопольского полка (ф.3557. Оп. 2. Д.19), никогда не имевшего к Гумилеву никакого отношения. Среди десятков тысяч ни разу никем не востребованных хранящихся в РГВИА дел времен Первой мировой войны. Попали документы туда случайно, когда Гумилев, получив весной 1916 года младший офицерский чин прапорщика, переводился из лейб-гвардии Уланского полка (там он полтора года служил рядовым-вольноопределяющимся) в 5-й Гусарский Александрийский полк. Как оказалось, одно время полк этот входил, как и 5-й Драгунский Каргопольский полк, в 1-ю бригаду 5-й Кавалерийской дивизии. Видимо, при разборке дел в Штабе дивизии документы и попали не по адресу. В подшитой к «делу» папке, наряду с документами, относящимися непосредственно к поступлению в армию, сохранились документы, касающиеся его учебы в Петербургском университете, в частности, его зачетная книжка за два года учебы (1912–1914), так называемая «Запись студента», где перечислены все учебные курсы, которые прослушал Гумилев за 4 семестра, вплоть до весеннего, 1914 года. Выше эта «Запись студента» цитировалась. Сохранилась также качественная университетская фотография Гумилева. Приведенные ниже «Свидетельство № 91» и «Свидетельство» о благонадежности факсимильно воспроизведены в «Неакадемических комментариях-4». Там же представлена приложенная к «делу» фотография 1912 года.

[224] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д.284.

[225] Ахматова–ЗК. С. 672.

[226] Блок–ЗК-1965. С. 236.

[227] РГВИА. Ф. 8034. Оп. 1. Д.59. Л.669.

[228] РГВИА. Ф. 409. № 153–923 (№ 176788).

[229] ПСС-8. № 137. Автограф — РО ИРЛИ. Р.1. Оп. 5. № 499.

[230] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 9 сентября. Несколько слов о судьбе несохранившихся писем Гумилева к близким и матери, следы которых были недавно обнаружены автором. В основном все известные письма Гумилева сохранились случайно. Обширнейшая многолетняя переписка с Ахматовой несколько раз подвергалась «сожжению», уцелели лишь разрозненные письма периода «замужества» — Анна Андреевна никогда не отличалась склонностью их сохранять, хотя, безусловно, помимо полутора десятка уцелевших писем 1912–1917 годов были десятки — исчезнувших, посланных как из африканских путешествий, так и с фронта (не говоря уж о сотнях сожженных писем периода «сватовства»). Относительно полно сохранили все свои письма поэта лишь три адресата — В. Брюсов, М. Лозинский и Л. Рейснер. Но, пожалуй, особенно огорчает утрата его переписки с ближайшими родственниками, с матерью. А ведь, как стало недавно известно, письма эти сохранялись еще до войны (а может быть, и позже) — в Бежецке. Их видел и даже перечислил в своих записях Павел Лукницкий. По предварительной описи архива Лукницкого в РО ИРЛИ. Альбом III-7. № 67, в папке, озаглавленной «Биографическая канва», где собраны подготовительные материалы к «Трудам и дням», лежит много разрозненных листочков, разложенных по годам. На них Лукницкий отмечал просмотренные им документы и свидетельства современников, и среди них множество ссылок на письма родственникам, которые он видел и читал, как я думаю, когда в 1920-х годах посещал Бежецк, познакомившись там с Левой, Анной Ивановной Гумилевой и Александрой Степановной Сверчковой. Важно то, что Лукницкий называет все даты полученных матерью писем.

Причем указанные даты, по моему мнению, относятся к проставленным самим Гумилевым датам отправки (или датам на почтовых штемпелях отправителя). Хотя Гумилев далеко не всегда проставлял даты на письмах, замечено, что на большинстве сохранившихся фронтовых писем, Лозинскому, Ахматовой, Рейснер, они им проставлены. Вот приведенный Лукницким перечень прочитанных им военных писем Гумилева матери. За 1914 год: 9 и 25 сентября, 8, 17, 20, 23 и 31 октября, 2, 14, 18 и 31 декабря. За 1915 год: 10 января, 2 и 6 марта, 12 июня, 6 и 10 июля, 30 августа. Листки с выписками Лукницкого за 1916 год, видимо, потеряны, по крайней мере, в упомянутой папке их нет. За 1917 год: 9 февраля из Окуловки, 4 марта из Окуловки, 15 марта из лазарета, 22 апреля из Петрограда, 11 мая из Петрограда, 20 мая из Стокгольма, в этот же день, оттуда же — письмо Леве, 5 июня из Бергена, 9 июня из Лондона, 12/25 сентября из Парижа. К сожалению, Лукницкий, видимо, не переписал всех этих писем, только снабдил некоторые перечисленные даты важными пометками, говорящими о содержании соответствующего письма. Далее в тексте будут упомянуты все эти письма, с относящимися к ним пометками Лукницкого. Два сохранившихся письма к матери, вошедшие в ПСС-8 (№ 150 и 161 от 2.08.1916 и 17.02.1917), не входят в перечисленные выше списки писем.

[231] Ахматова–Эллис Лак-1. С. 206. Впервые опубликовано в журн.: Голос жизни. 1914. № 7. С. 8; под заглавием «Новгород».

[232] Имена многих сослуживцев Гумилева удалось обнаружить в недавно изданных справочных указателях: Российское зарубежье-1...3; Незабытые могилы-1...6–3; Волков-2002; Волков-2004. Если упоминаемые лица обнаруживаются в них, далее приводятся их краткие биографические сведения. Юрий Владимирович Янишевский (9.04.1893, Петербург — 17.05.1968, Нью-Йорк) окончил 1-ю гимназию в С.-Петербурге, учился в С.-Петербургском университете. Прослужил с Н. Гумилевым в России во всех трех полках: Запасном, Уланском и Гусарском. Воевал в белых войсках Северного фронта, с 24.12.1918 года во 2-м Мурманском полку, с октября 1919-го по март 1920 года служил в штабе 5-й Северной стрелковой бригады и на 1-м бронепоезде. В эмиграции состоял в Русском Корпусе. (Волков-2004. С. 612). Его некролог опубликован: Часовой. Париж–Брюссель, 1968. № 505.

[233] Гумилев-Струве-4. С. 535–536. Из письма Ю.В. Янишевского Д.В. Лихачеву от 11 сентября 1966 года. При дальнейшем комментировании «Записок кавалериста» его имя еще будет фигурировать, так как в полковых документах он упоминается неоднократно, часто — в неожиданных ситуациях. Странно, что Янишевский в своем рассказе не упомянул о том, что с Гумилевым он служил не только в Уланском полку, но и в 5-м Гусарском Александрийском полку, куда Гумилев был переведен весной 1916 года после получения, как и Янишевский, младшего офицерского чина прапорщика.

[234] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д.1186. Бобышко Лев Александрович (1.01.1883–25.10.1968, Нью-Йорк) — полковник Уланского полка, затем генерал-майор. Окончил Николаевское кавалерийское училище. В Гражданскую войну воевал на Украине, в Северо-Западной армии, был командиром 19-го пехотного Полтавского полка, начальником 5-й дивизии, затем начальником 1-й стрелковой дивизии 3-й Русской армии в Польше. В эмиграции — в Германии, Греции, в 1926 году был делегатом Российского Зарубежного съезда от Германии. Выехал в США. (Российское зарубежье-1. С. 175; Волков-2002. С. 67).

[235] Кропоткин Илья Алексеевич (7.04.1878, С.-Петербург — 23.02.1943, Канны) — полковник лейб-гвардии Уланского полка. Как следует из его Послужного списка за 1912 год (РГВИА. Ф. 409. № 1641), происходит из дворян, уроженец С.-Петербурга, выпускник Пажеского корпуса. На действительной службе с 1.09.1896. Корнет л.-гв. Уланского полка с 8.08.1898. Командир эскадрона ЕВ с 9.09.1911. Ротмистр с 6.12.1911. Эмигрировал во Францию в 1922 году и на Лазурном берегу занимался разведением кур. (Российское зарубежье-1. С. 761; Волков-2002. С. 257). Гумилев часто упоминает его в «Записках кавалериста», видимо, их связывали дружеские отношения, об этом будет сказано ниже.

[236] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 25 сентября. В «Трудах и днях» (С. 388) Лукницкий указывает, что Гумилев отправил «письмо матери из Пскова 24 сентября». Думаю, что речь идет об одном и том же письме. Действительно, Псков — промежуточный пункт на пути следования из Кречевиц (Новгорода) в Ковно и Россиены. Видимо, Лукницкий видел почтовый штемпель, и отправленное из Пскова письмо было получено матерью как раз 25 сентября.

[237] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 37.

[238] Составленный 10 мая 1917 года в 5-м Гусарском Александрийском полку «Послужной список» опубликован в книге «Исследования-1994». С. 258. Оригинал: РГВИА.

Ф. 409. Оп. 2. Д. 38441. Вариант этого списка впервые был опубликован Глебом Струве: Гумилев–Струве-1. С. XLVI–XLVII.

[239] Из самого позднего «Послужного списка», оставленного Гумилевым в Англии в 1918 году.

[240] РГВИА. Ф. 409. № 330–436. Согласно послужному списку, Дмитрий Максимович Княжевич (21.06.1874–1918) происходил из потомственных дворян Петербургской губернии. Окончил Пажеский корпус. На действительной службе с 1.9.1892. Участник Японской войны. Полковник с 6.12.1909, в этом чине был назначен командующим л.-гв. Уланским полком (24.12.1913) и вступил в войну. Генерал-майор с 1.1.1915. С 22.3.1915 генерал-майор Свиты Его Величества. После Октябрьского переворота был убит большевиками в 1918 году.

[241] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236—Приказы по лейб-гвардии Уланскому полку за 1914–1915 гг.; Ф. 3509. Оп. 1. Д.939—Участие 2-й Гвардейской Кавалерийской дивизии в боях, 27.7.1914–23.11.1915.

[242] Согласно «Расписанию сухопутных войск за 1914 год» (С.-Петербургская Военная типография, 1914), 2-я Гвардейская Кавалерийская дивизия (РГВИА. Ф. 3509), расквартированная в Петербургском округе, включала в свой состав: 1-ю бригаду, в составе лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка Свиты Его Величества (г. Старый Петергоф) (РГВИА. Ф. 3544) и лейб-гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк (г. Новый Петергоф) (РГВИА. Ф. 3549), и 2-ю бригаду в составе лейб-гвардии Драгунского полка (г. Старый Петергоф) (РГВИА. Ф. 3552) и лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка (г. Царское Село) (РГВИА. Ф. 3591). Каждый полк состоял из 6 эскадронов. В состав дивизии входили также дивизионы лейб-гвардии Конной артиллерии и конно-пулеметная команда. Но в ходе боевых действий происходило постоянное переформирование частей, отдельные полки временно выводились из состава дивизии, подключались к другим частям. И наоборот, часто к дивизии присоединялись другие пехотные полки, Казачьи полки и т.д. Там, где это будет требоваться, я буду давать соответствующие пояснения. Это необходимо, так как такие перемещения и взаимодействия с другими частями Гумилев постоянно отражал в своих «Записках кавалериста», естественно, по цензурным соображениям никогда не называя точных дислокаций, дат и названий боевых частей.

[243] Павел Карлович фон Ренненкампф (29.04.1854, замок Панкуль, Ревель — 1.04.1918, Таганрог, Россия) — российский военный деятель. Службу начал 13 мая 1870 года унтер-офицером в 89-м пехотном Беломорском полку. В 1881 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. В чине генерал-майора участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае в 1900–1901 годах. Участник Русско-японской войны. За боевые отличия произведен 30 июня 1904 года в генерал-лейтенанты. В начальный период Первой мировой войны Ренненкампф получил командование 1-й армией Северо-Западного фронта во время Восточно-Прусской операции. Однако ввиду неудачных действий был отстранен от командования армией 18 ноября 1914 года и назначен в распоряжение военного министра. Действия Ренненкампфа во время Лодзинской операции стали предметом разбирательства специальной комиссии. 6 октября 1915 года он был уволен в отставку «по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией». После Февральской революции был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, но по результатам следствия фактов для выдвижения против него обвинения собрано не было. Освобожден большевиками после Октябрьской революции из Петропавловской крепости вместе с некоторыми другими генералами, арестованными Временным правительством, и уехал в Таганрог, где жил под именем мещанина Смоковникова. При захвате города большевиками скрылся под именем греческого подданного Мандусакиса. Был опознан и по личному указанию В.А. Антонова-Овсеенко 3 марта привезен в штаб к красным. Антонов-Овсеенко предложил генералу поступить на службу в Красную армию. Ренненкампф отказался, за что был приговорен к расстрелу и убит в ночь на 1 апреля 1918 года. Сведения об этом держались в тайне, 1 апреля жене генерала Вере Николаевне выдали справку, что муж ее отправлен в Москву. А 18 мая при эксгумации останков жертв красного террора под Таганрогом «были обнаружены и вырыты два трупа в одном только нижнем белье, с огнестрельными ранами в голову. В одном из этих трупов В.Н. Ренненкампф безошибочно опознала труп покойного своего мужа, генерала от кавалерии Павла Карловича Ренненкампфа». Похоронен на старом кладбище Таганрога.

[244] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1186. Чичагов как поручик Ч. упоминается в «Записках кавалериста», и с ним мы будем встречаться часто. Чичагов Михаил Михайлович

(1886–20 марта 1932, Париж, похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа) — полковник Уланского полка. (Волков-2002.С. 523; Незабытые могилы-6/3. С. 252). Его некролог: Газета Возрождение. Париж. 1932. № 2486. 23 марта. В «Послужном списке» за 1910 год (РГВИА. Ф. 409. № 903) удалось уточнить, что родился он 15 сентября 1889 года, из потомственных дворян, уроженец С.-Петербургской губернии. Окончил Пажеский корпус, в действительной службе с 1.09.1907, в корнетах л.-гв. Уланского полка с 6.08.1909. На это время был холост и недвижимого имущества не имел.

[245] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 37об.

[246] Там же. Л. 38–42.

[247] Несмотря на это очевидное свидетельство, в комментариях к письму № 137, в ПСС-8, утверждается, что «Коля Маленький», племянник Н.Л. Сверчков, с которым Гумилев был в Абиссинии в 1913 году, служил вместе с «дядей» вначале в Запасном, а потом в Уланском полку.

[248] Автограф письма — в собрании М.С. Лесмана, поступившем в Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Конверт не сохранился, текст дан по автографу; в ПСС-8. № 138 в тексте имеются ошибки.

[249] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 8 октября.

[250] Неакадемические комментарии-4, фотография в конце публикации; Шубинский-2004. С. 416.

[251] Из стихотворения А. Блока 1908 года «На поле Куликовом».

[252] Из стихотворения Гумилева «Родос», посвященного памяти М.А. Кузьминой-Караваевой, ПСС-2. № 69. С. 102. Стихотворение вошло в «Чужое небо», но в сборнике вместо «сильные руки» — «крепкие руки».

[253] Эти «таинственные» «Курры и гуси» периодически встречаются в письмах Гумилева Ахматовой, иногда в тексте, иногда на полях. Возможно, смысл этой фразы поведал Гумилев Ирине Одоевцевой в последние годы своей жизни. Вот как она передает его рассказ в своих мемуарах «На берегах Невы»: «Я всегда весело и празднично, с удовольствием возвращался к ней. Придя домой, я по раз установленному ритуалу кричал: “Гуси!” И если она была в хорошем настроении, — что случалось очень редко, — звонко отвечала: “И лебеди” или просто “Мы!”, — и я, не сняв даже пальто, бежал к ней в “ту темно-синюю комнату”, и мы начинали бегать и гоняться друг за другом. Но чаще я на свои “Гуси!” не получал ответа и сразу отправлялся к себе в свой кабинет, не заходя к ней. Я знал, что она встретит меня обычной ненавистной фразой: “Николай, нам надо объясниться!», — за которой неминуемо последует сцена ревности на всю ночь» (Одоевцева-1988. С. 299–300).

[254] Лукницкий-2. С. 324–325. Хотя фотография эта иногда воспроизводится, где хранится ее оригинал с автографом Гумилева, установить не удалось.

[255] Чем грешат и многостраничные комментарии к стихотворению в ПСС-3. № 14. С. 321–327. В комментариях ошибочно утверждается, что стихотворение описывает участие поэта в первых боях.

[256] Текст дан по «Аполлону». В ПСС-3. № 14 дается исправленный автором вариант. Судя по тексту, опубликованному в «Аполлоне», приложенный к письму автограф стихотворения «Наступление» хранится в собрании В.А. Петрицкого (СПб) — ПСС-3. С. 321. Второй автограф хранится в архиве Лозинского, корректура с авторской правкой, в которой исключено наиболее пафосное пятое четверостишие про «крылья победы». В дальнейшем, в частности в «Колчане», это стихотворение печаталось по автографу Лозинского.

[257] «Записки кавалериста» в публикации даются по изданию Гумилев-1991–2. С. 287–349, наиболее точной, выверенной по газетам публикации. Попутно замечу, что до сих пор большинство «перепечаток» «Записок кавалериста» делается по их первой полной публикации в вашингтонском четырехтомнике, где было множество ошибок, случайных пропусков, иногда двусмысленных описок. В ПСС-6, хотя туда был передан выверенный текст, также имеются ошибки. В дальнейшем сохраняется принятое деление «Записок» на главы, в соответствии с номерами публикаций в «Биржевых ведомостях». При этом каждый фрагмент «Записок кавалериста» будет сопровождаться сопутствующими архивными документами, указывающими на место и время действия и одновременно подтверждающими каждый описываемый эпизод.

[258] «Записки кавалериста» публиковались почти в течение года в следующих номерах газеты «Биржевые ведомости» (номера публикаций I–XVII соответствуют условному

делению текста на главы): I. 3 февраля 1915 (№ 14648); II. 3 мая 1915 (№ 14821); III. 19 мая 1915 (№ 14851); IV. 3 июня 1915 (№ 14881); V. 6 июня 1915 (№ 14887); VI. 9 октября 1915 (№ 15137); VII. 18 октября 1915 (№ 15155); VIII. 1 ноября 1915 (№ 15183); IX. 4 ноября 1915 (№ 15189); X. 22 ноября 1915 (№ 15225); XI. 6 декабря 1915 (№ 15253); XII. 13 декабря 1915 (№ 15267); XIII. 14 декабря 1915 (№ 15269); XIV. 19 декабря 1915 (№ 15279); XV. 22 декабря 1915 (№ 15285); XVI. 8 января 1916 (№ 15310); XVII. 11 января 1916 (№ 15316).

[259] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939. В сводной таблице документа приведены официальные названия боев, в которых принимала участие 2-я Гвардейская Кавалерийская дивизия за период от 27.7.1914 по 23.11.1915. Официальные названия первых боев Гумилева: «Арьергардные бои по прикрытию отхода I Армии» — «Расположение по реке Шешупе и бои в р-не Владиславова (с 17.10 по 24.10). Переход границы Германии и бой у Куссена (25.10). Бои у Радцена, Крузена и занятие гор. Вилюнена (26.10). Переход границы Германии обратно (27.10)». Именно этот период охватывают I и II главы «Записок кавалериста».

[260] РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д.130. Приказ от 14.10.1914; в состав 1-й Отдельной кавалерийской бригады вошли 19-й Драгунский Архангелогородский полк, 4-я батарея лейб-гвардии конной артиллерии, лейб-гвардии Уланский полк и 221-й Рославльский пехотный полк. Уланский полк оставался под командованием барона Майделя до 27 октября. Именно в этот период Гумилев получил «боевое крещение». Барон Майдель Владимир Николаевич (1.04.1864–?) — генерал-майор, был назначен начальником 1-й Отдельной кавалерийской бригады 11 октября 1914 года. После революции он добровольно вступил в РККА. Включен в списки Генштаба РККА от 15.07.1919 и 07.08.1920. С 28.10.1921 Начальник Учебного Отдела Управления Военно-Учебных заведений Западного фронта. На 1930 год состоял на преподавательской работе в Москве. Дальнейшая его судьба неизвестна.

[261] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д.249.

[262] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 17 октября. В этом письме было рассказано о первом бое, что отражено в «Трудах и днях» (С. 391). Судя по кратким записям Лукницкого, в просмотренных им письмах к матери Гумилев описывал основные эпизоды своего участия в боях, но для нас они малоинформативны. Значительно точнее и полнее они отражены в подлинных документах.

[263] ПСС-3. № 15. Сохранилось два автографа, один — в архиве Лозинского, второй — в РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4–5. Причем в одном из автографов, видимо самом раннем, имеется строфа из «второго» военного стихотворения «Солнце духа», что говорит о параллельности их написания и обращении к одному и тому же эпизоду, а именно к самым первым дням участия поэта в боях. Вскоре Гумилев внес правку, указав ее в приведенном ниже «потерянном» письме Ахматовой. Все упомянутые стихотворения вошли в сборник «Колчан», вышедший в декабре 1915 года. Там это стихотворение идет сразу же за открывающим сборник стихотворением «Памяти Анненского». В середину сборника Гумилев поместил стихотворение «Солнце духа», а ближе к концу первое «военное» стихотворение «Наступление». Если добавить к этому поздний вариант «Пятистопных ямбов», дополненных «военными» строфами, то этим исчерпывается вся «военная» тематика «Колчана» (всего в сборнике — 44 стихотворения). Значительно больше там стихов, привезенных из Италии в 1912 году (чуть ли не треть!), хотя много и других, никак не связанных с войной стихотворений, в том числе и африканских. Стихотворение «Война» в сборнике впервые получило посвящение — командиру взвода поручику М.М. Чичагову. Сохранился и сам сборник «Колчан» с дарственной надписью Чичагову: «Многоуважаемому Михаилу Михайловичу Чичагову от искренне его любящего и благодарного ему младшего унтер-офицера его взвода Н. Гумилева в память веселых разъездов и боев. 27 декабря 1915 г. Петроград». (Хранилось в собрании М.И. Чуванова, Москва). Отметим здесь также, что образ из стихотворения «жужжат шрапнели, словно пчелы» будет повторен в XV главе «Записок кавалериста» — «пули жужжали как большие, опасные насекомые».

[264] ПСС-3. № 18. Опубликовано: Невский альманах жертвам войны. Вып.1. Пг., 1915. Третье четверостишие из этого стихотворения (которое входило в первую редакцию стихотворения «Война») попало в X главу «Записок кавалериста», относящуюся к событиям февраля 1916 года. Но последнее четверостишие этого стихотворения, начинающееся строками «Чувствую, что скоро осень будет, // Солнечные кончатся труды…», однозначно говорит, когда оно было написано. В ПСС-3 два военных, почти одновременно написанных стихотворения «хронологически» разбиты явно позже написанными двумя «условно военными» стихотворениями «Смерть» (№ 16) и «Священные плывут и тают ночи…» (№ 17), которое заканчивается часто вспоминаемыми Ахматовой в «Записных книжках» строками: «…И ведаю, что обо мне, далеком, // Звенит Ахматовой сиренный стих».

[265] ПСС-3. № 42.

[266] Например, «Смерть» начала 1915 года, ПСС-3. № 16; «Священные плывут и тают ночи…», ПСС-3. № 17; «Сестре милосердия» и «Ответ сестры милосердия», ПСС-3. № 25 и 26.

[267] «Мадригал полковой даме», ПСС-3. № 36; «Командиру 5-го Александрийского полка», ПСС-3. № 48; «Взгляните: вот гусары смерти!..», ПСС-3. № 50.

[268] «Пятистопные ямбы» 1916 года, опубликованные в «Колчане», ПСС-3. № 33, и «Память» 1919 года, открывающая последний сборник поэта «Огненный столп», ПСС-4. № 42.

[269] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 872.

[270] Там же. Д.249.

[271] Недавно в Калининграде вышла книга журналистки Л.В. Довыденко «Гумилевская осень» (Довыденко-2009), посвященная пребыванию Н.С. Гумилева на территории Калининградской области в октябре 1914 года. Весь фактографический материал книги опирается на опубликованные в 1991 году «Записки кавалериста-1991» и на публикацию «Поэт на войне-1», иногда даже со ссылками на нее, но чаще, для «солидности», на извлеченные из этой же публикации ссылки на номера архивных дел и на «труды» профессора РГУ имени Канта Г.В. Кретинина, которого она называет «первооткрывателем доказательств того, что здесь воевал Гумилев». Возможно, уважаемый профессор ей так и представился, забыв, по «профессорской рассеянности», упомянуть исходный источник своей информации, комментарии в «Записках кавалериста-1991». Увы, с такой «рассеянностью» в наше время приходится часто сталкиваться… Хочется отметить, что Л. Довыденко удалось посетить все упомянутые в публикации места, где пришлось воевать поэту, и в книге достаточно подробно описано, как они выглядят сейчас. Как следует из текста книги, усилиями местных краеведов удалось увековечить память о поэте-воине на Калининградской земле; приведены, в частности, фотографии мемориальной доски, установленной на Доме искусств в Калининграде (где Гумилев никогда не бывал; открылась 20 декабря 2001 года), и памятника в поселке Победино, бывшем Шиленене (открылся 26 октября 2002 года), во взятии которого Гумилев участвовал. Об этом будет сказано ниже.

[272] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 249.

[273] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 20 октября. Судя по «Трудам и дням» (С. 391–392), в этом письме Гумилев рассказал об обстреле Владиславова, об участии в разъездах.

[274] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 249.

[275] Полученную матерью «открытку с изображением Вильгельма», скорее всего, держал в своих руках Лукницкий; среди перечисленных им несохранившихся писем к матери (РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67) упоминается и письмо от 23 октября. Писал Гумилев матери в первый месяц часто, всего она получила пять писем — от 8, 17, 20, 23 и 31 октября.

[276] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 249.

[277] В вашингтонском издании, на которое я ссылаюсь, Георгий Владимирович Янишевский дается с инициалами Ю.В. Янишевский, т.е. «Юрий», что, как известно, одно и то же.

[278] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 1003.

[279] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 47–49.

[280] Там же. Л. 50.

[281] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 249.

[282] Как и все остальное, все железные дороги в этих местах в советское время были уничтожены. Об их истории и протяженности, о том, сколько дорог в Восточной Пруссии исчезло после 1945 года, можно узнать на посвященном этому сайте http://milovsky-gallery.ru/index_r.phtml?chnum=17. Протяженность железных дорог в этой части довоенной Восточной Пруссии составляла около 2 тысяч км, в том числе

двухколейных — 578, одноколейных — 803, узкоколейных — 442. Действовали 184 ж.д. вокзала и 240 остановочных пунктов.

[283] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 249.

[284] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 922.

[285] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 249.

[286] Не знаю, есть ли здесь какая-то закономерность… Напомню, что барон В. Майдель после октября 1917 года добровольно переметнулся к большевикам и вступил в РККА в 1918 году, а генерал-майор Д. Княжевич в тот же год был расстрелян большевиками.

[287] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 872.

[288] Там же. 249.

[289] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 51.

[290] РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 17.

[291] По-литовски — nesuprantu; точная транскрипция — ня супранту́.

[292] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 918—Приказы начала войны по 2-й кавалерийской дивизии.

[293] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 31 октября. В «Трудах и днях» Лукницкий ссылается (без каких бы то ни было подробностей) на ряд писем, посланных Гумилевым в течение ноября, но от этих писем, вплоть до последних чисел ноября, не осталось даже следов.

[294] Шилейко Владимир Казимирович (1891–1930) — выдающийся востоковед, поэт, с 1918 года второй муж А. Ахматовой. Его дружба с Лозинским отразилась во взаимных посвящениях стихотворений. Сближение их относится, по-видимому, к весне 1913 года. Текст стихотворения Шилейко, обращенного к Гумилеву (содержание которого можно понять из следующего письма Гумилева Лозинскому от 2.01.1915), неизвестен.

[295] ПСС-8. № 139, оригинал письма хранится в архиве Лозинского, датировка — по почтовому штемпелю. Письмо написано на так называемой «секретке» (вид почтового отправления, когда по периметру идет перфорация, как у почтовой марки, позволяющая раскрыть заклеенное письмо, только оторвав края). Даты Гумилев не проставил. На лицевой стороне указан адрес: Петроград, ЕВ Михаилу Леонидовичу Лозинскому. Редакция «Аполлона». Разъезжая, 8. Имеется три почтовых штемпеля: на лицевой стороне (отправителя) — Шанцынов 1.11.14; на обратной стороне (получателя) — Петроград 12–11–14–12 Гор. почта. В военное время письма шли достаточно долго, возможно потому, что они проходили военную цензуру.

[296] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 922.

[297] РГВИА. Ф. 3552. Оп. 1. Д. 29.

[298] Там же; Ф.4000. Оп. 1. Д. 1287.

[299] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.

[300] Там же.

[301] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[302] Там же. Д. 0924. Л. 495.

[303] К сожалению, автору не удалось самому побывать в описываемых Гумилевым этих живописных местах Южной Польши, однако желающие увидеть описываемые мною места, в том числе упоминавшиеся ранее и далее, могут обратиться к предшествовавшим книге публикациям, снабженным многочисленными фотографиями всех описываемых мест действия (снятых как самим автором, так и полученным из Интернета). См. публикации «Поэт на войне-1…7». Основным источником фотографий послужил сайт карт Google (http://maps.google.ru/), а также многочисленные сайты польских воеводств. Выражаю свою благодарность всем безымянным авторам обнаруженных фотографий!

[304] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1178; ф.4000. Оп. 1. Д. 1069.

[305] РГВИА. Ф. 3552. Оп. 1. Д. 29; ф.4000. Оп. 1. Д. 1287.

[306] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 924. Л. 513.

[307] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 9.

[308] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 924.

[309] Там же. Д. 1178.

[310] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 117.

[311] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 92.

[312] Там же.

[313] Там же.

[314] РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 473. Л. 139–146.

[315] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 63об.

[316] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 924.

[317] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[318] Текст письма дается по публикации: Лукницкая-1990. С. 172–174. Письмо это не вошло в «полное собрание писем» в ПСС-8, но написано оно в Польше, о чем говорит его содержание и вставленные в письмо исправления стихотворения «Война». «Первоначальный» его вариант был опубликован в газете «Отечество» 23 ноября, следовательно, получено письмо было уже после этой даты. «Исправленный» вариант был впервые напечатан в «Аполлоне» № 1 за 1915 год, с редакционной сноской: «Стихотворение это печатается дополненным и в новой редакции». Отправлено письмо явно до первого посещения Петрограда в конце 1914 года. После «сравнительно тихой недели» началось непрерывное отступление русских войск, и вряд ли после этого у Гумилева сохранился тот оптимизм, которым еще пропитано письмо. Изменение его настроения и отношения к войне видно из письма Лозинскому, посланному 2 января 1915 года. Хранилось это письмо Ахматовой (или список с него) в архиве П. Лукницкого и впервые было опубликовано в книге В.К. Лукницкой. Выше было сказано о судьбе несохранившихся писем Гумилева матери, следы которых были недавно обнаружены автором публикации. Это письмо в списке несохранившихся писем не обозначено; оно приводится в комментариях к «Трудам и дням» (С. 395–396), с явно ошибочной датировкой, 18 ноября 1914 года. Повторюсь, что сами «Труды и дни» в той их части, которая относится в пребыванию Гумилева на фронте, малоинформативны, поэтому выписки из них приводятся только тогда, когда там появляется хоть какая-то дополнительная информация, как правило, относящаяся к скрытому цитированию писем, которые Лукницкому удалось прочитать, но которые до нас не дошли.

[319] В публикации в «Отечестве» № 4 от 23 ноября 1914 года стихотворение было напечатано без посвящения Чичагову и без указанных в письме строк, но уже в «Аполлоне» № 1 за 1915 год эти строки и посвящение появились, с указанным выше редакционным примечанием. Эта новая редакция сохранялась и во всех последующих публикациях, в том числе и в сборнике «Колчан» (ПСС-3. № 15).

[320] ПСС-4. № 53.

[321] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 924. Л. 826; Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1178.

[322] РГВИА. Ф. 3552. Оп. 1. Д. 29.

[323] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 63об.

[324] Бродячая собака-1983. С. 237.

[325] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 176788. Несмотря на контузию, Д. С. Гумилев (1884–1922) в тот раз остался в строю. За годы войны он был награжден орденами Св. Владимира 4-й ст., Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 4-й и 3-й ст. и другими знаками отличия. Однако полученная контузия дала о себе знать, и он скончался в 1922 году в г. Режица (Резекне в Латвии), пережив всего на год своего брата.

[326] РГВИА. Ф. 5278. Оп. 1. Д. 4.

[327] РГВИА. Ф. 5252. Оп. 1. Д. 1.

[328] Там же.

[329] Там же. Д. 2. Уральской казачьей дивизией командовал генерал фон Кауфман Туркестанский, но 11 ноября он заболел и передал дивизию ген.-майору графу Петру Михайловичу Стенбоку. Его послужной список см. в РГВИА. Ф. 409. Д. 145–036.

[330] На сайте http://medalirus.ru/fotografii/orden-svyatogo-vladimira-3-stepeni-15.php представлена его фотография. Стенбокам принадлежали земли в Лахте под Петербургом — http://ru.wikipedia.org/wiki/Лахта_(исторический_район) . (Историю рода можно посмотреть в Википедии). Чтобы понять слова Гумилева — *«носитель одной из самых громких фамилий России»*, об истории этого рода надо сказать хоть несколько слов. Стенбок — шведская фамилия, известная еще с XIII века. В 1651 году род Стенбоков был возведен в графское достоинство. Шведский генерал Стенбок (граф Магнус, 1664–1717) принимал участие в Северной войне и много содействовал победе шведов под Нарвою в 1700-м. Потомки его поселились в Эстляндии (нынешняя Эстония). Среди носителей фамилии Стенбок на протяжении столетий было множество крупнейших военачальников и общественных деятелей. И поэтому для Гумилева (в отличие от нас!) он был действительно *«носителем одной из самых громких фамилий России»*.

[331] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 924.

[332] РГВИА. Ф. 5252. Оп. 1. Д. 8.

[333] РГВИА. Ф. 5252. Оп. 1. Д. 1.
[334] РГВИА. Ф. 5159. Оп. 1. Д. 4.
[335] РГВИА. Ф. 5278. Оп. 1. Д. 4.
[336] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 10.
[337] РГВИА. Ф. 5257. Оп. 1. Д. 2.
[338] РГВИА. Ф. 5256. Оп. 1. Д. 2.
[339] РГВИА. Ф. 5252. Оп. 1. Д. 1.
[340] РГВИА. Ф. 5159. Оп. 1. Д. 4.
[341] РГВИА. Ф. 5252. Оп. 1. Д. 1.
[342] Там же.
[343] Там же. Д. 8.
[344] РГВИА. Ф. 5256. Оп. 1. Д. 2.
[345] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 2 декабря. Судя по «Трудам и дням» (С. 396), в этом письме Гумилев сообщил матери о предоставленном полку кратком отдыхе.
[346] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 291.
[347] РГВИА. Ф. 5278. Оп. 1. Д. 4
[348] РГВИА. Ф. 5252. Оп. 1. Д. 1.
[349] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 118.
[350] В деле РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 118 имеется такая запись от 6 декабря 1914 г.: «…День простояли в деревне Малинец, где расстрелян жид и избиты прочие…»
[351] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 118.
[352] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 924.
[353] РГВИА. Ф. 5278. Оп. 1. Д. 4.
[354] Там же.
[355] РГВИА. Ф. 5252. Оп. 1. Д. 8.
[356] Там же. Д. 1.
[357] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[358] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 10.
[359] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 118.
[360] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[361] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 14 декабря. Судя по «Трудам и дням» (С. 396–397), в этом письме Гумилев кратко рассказал о своем участии в боях и о представлении к награждению Георгиевским крестом.
[362] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 918, Д. 1178; Ф. 5278. Оп. 1. Д. 4.
[363] Там же. Д. 1178.
[364] РГВИА. Ф. 5252. Оп. 1. Д. 1; Ф.4000. Оп. 1. Д. 1069.
[365] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[366] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 18 декабря.
[367] *Bechhofer C.E.* Letters from Russia // The New Age. Vol. XVI. № 13. 1915. January 28. P. 344. Перевод С.Е. Цитируемое стихотворение явно — «Наступление».
[368] Явно из области «мифотворчества» А. Кондратьева, прочитайте, например, его «Гимн» на возвращение Гумилева из Африки в 1911 году, см.: Неакадемические комментарии-2.
[369] РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 114. Л. 58.
[370] Архив ГТГ. Ф. 39. № 16. Белкин цитирует строку из первой редакции стихотворения «Наступление», опубликованной в журнал «Аполлон». Сам Гумилев более критично отнесся к этой строке и в последующих публикациях, в частности в сборнике «Колчан», исключил из стихотворения включающее ее четверостишие.
[371] Труды и дни. С. 398–399. Напомню, что по «Расписанию сухопутных войск за 1914 год» Уланский полк в мирное время был расквартирован в Новом Петергофе, а И.А. Кропоткин был командиром его эскадрона. Видимо, они с Ахматовой посещали его семью, и он исполнял там какие-то поручения своего начальника или просто передал жене письмо от мужа. Женой И.А. Кропоткина была баронесса Софья Леонардовна Кропоткина, урожденная Штейнгель.
[372] Имеются в виду знаменитые ворота Аушрос в Вильнюсе.
[373] ЗК Ахматовой. С. 665.

[374] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 31 декабря. О содержании этого письма можно судить по «Трудам и дням» (С. 399): «Прибыл в полк. Здесь его ждали — присланный ему собственный Георгиевский крест (№ 134060) и пачка писем, в числе которых были письма от жены, матери, брата (3 письма), М.Л. Лозинского, Т.В. Адамович и др. В день прибытия полк получил недельный отдых. Н.Г. дана отдельная комната на мельнице. Письмо матери и брату. (*Письма*)».
[375] ПСС-8. № 140.
[376] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 10 января. Судя по «Трудам и дням» (С. 403–405), Гумилев написал домой, что «полк на отдыхе. ‹…› Н.Г. прислал стихотворение “Священные плывут и тают ночи…” А.А. Ахматовой в письме с фронта. ‹…› Уехал в Петроград с поручением от полка».
[377] Ахматова–Черных-2008. С. 102: «25 января. А.А. вместе с А. Блоком, И. Северянином, М. Кузминым, О. Мандельштамом, Ф. Сологубом и др. выступает на вечере “Писатели — воинам” в Александровском зале Петроградской городской думы, читает военные стихи Н. Гумилева». Гумилева тогда в Петрограде еще не было.
[378] Бродячая собака-1983. С. 239–240. РГАЛИ. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 85.
[379] *Измайлов А.* Карнавальное // Биржевые ведомости. 1915. № 14642, 30 января.
[380] *В-н Ю.* Вечер поэтов в «Бродячей собаке» // Петроградский курьер». 1915. № 365, 29 января. С. 8. Автор, по-видимому, — критик Ю.С. Волин.
[381] РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 115.
[382] Там же. Ед. хр. 201. Л. 139.
[383] Тименчик-1998. С. 422.
[384] Лукницкий-1. С. 42.
[385] ПСС-3. № 17.
[386] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069. Приказ в дивизии был получен 3 февраля, в тот же день, когда началась публикация в «Биржевых ведомостях» «Записок кавалериста».
[387] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.
[388] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134; Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069; Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.
[389] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
[390] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[391] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 928. Л. 90.
[392] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 93 об. В приказе № 183 от 15 января 1915 года по Уланскому полку сказано: «§ 2. Улана из охотников эскадрона Ея Величества Николая Гумилева за отличия произвести в унтер-офицеры…» Фактически это было его первое боевое крещение в чине унтер-офицера.
[393] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134; Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069; Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.
[394] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 928. Л. 120–130.
[395] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.
[396] Там же. Д. 1069.
[397] Там же. Д. 1287.
[398] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 111.
[399] Там же. Л. 111об.
[400] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[401] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 928. Л. 223.
[402] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.
[403] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134, из Журнала боевых действий лейб-гвардии Гусарского полка.
[404] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 112.
[405] Гумилев здесь вспоминает «Вия» Гоголя, описанные им «бои» между киевской бурсой и семинарией.
[406] Жизнь Гумилева-1991. С. 78–84. Воспоминания относятся к «довоенному» периоду. Эти воспоминания — по моему мнению, не совсем объективно — очень не любила Анна Ахматова, однако там много интересных подробностей о жизни двух соседних имений — имения Гумилевых Слепнево и имения Неведомских Подобино.
[407] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.
[408] См. Неакадемические комментарии-2 о взаимоотношениях Гумилева со своими кузинами Машей и Олей Кузьмиными-Караваевыми. Маша и Оля были дочерьми Констанции Фридольфовны, урожденной Лампе, вышедшей замуж за А.Д. Кузьмина-Караваева. Сама же она была дочерью родной сестры матери Гумилева Варвары Ивановны

Львовой. Подробнее об этом см. также главы «Н.С.Гумилев и Кузьмины-Караваевы» и «Семь веков служат отечеству» в книге: *Сенин С.И.* «В долинах старинных поместий…». Тверь, 2002–2003. С. 33–39, 101–106.

[409] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 928. Л. 284.

[410] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069 и 1287.

[411] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 928. Л. 295.

[412] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 115.

[413] Там же. Л. 146 об.

[414] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.

[415] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[416] Там же. Д. 1287.

[417] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 115 об.

[418] Там же. Л. 111об.

[419] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.

[420] Упоминание в этой главе о девятистах пленных, видимо, ошибка при газетном наборе. Число пленных, скорее всего, составляло около 90 человек.

[421] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.

[422] Там же. Д. 1069.

[423] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 928. Л. 356.

[424] РГВИА. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 259.

[425] Тименчик-2008. С. 324–326. Первоначально опубликовано Р. Тименчиком в журнале: Даугава. 1993. № 5. С. 157–158; перепечатка из газеты: Сегодня. Рига. 1926, 9 мая 1926 г. (очерк «Русский конквистадор», подписано «А.М.»). Встреченный Гумилевым драгун Герберт-Анатолий Вульфиус (род. 3 июня 1884 г.) служил поручиком запаса армейской кавалерии, прикомандированным к л. -гвардии Драгунскому полку. В РГВИА сохранилась составленная 11.08.1916 года краткая записка о его службе (Ф. 3552. Оп. 1. Д. 158. Л. 25).

[426] Тиханович Петр Андреевич (15.01.1858–12.05.1917), в военную службу вступил 1 сентября 1876 года. С 1910 года — генерал-майор. Командовал 26-й пехотной дивизией с 16 января по 25 августа 1915 года. Награжден в это время Георгиевским оружием, а до этого имел множество наград.

[427] РГВИА. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 331.

[428] РГВИА. Ф. 2717. Оп. 2. Д. 33.

[429] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.

[430] РГВИА. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 259.

[431] Несколько замечаний по поводу использованных в работе архивных документов. Конечно, самое простое было бы использовать в работе исключительно дела Уланского полка. Если бы они все сохранились… РГВИА обладает богатейшей коллекцией подлинных документов времен Первой мировой войны, практически никем никогда не востребованных. Но если сосредотачиваться на документах любой отдельной воинской части, обнаруживается множество лакун. Например, архив Уланского полка (Ф. 3549) крайне не полон. Сохранилось большинство приказов по полку, списки полка, но ни одного журнала боевых действий. Спасало то, что на фронте одновременно действовало множество воинских подразделений, взаимодействовавших между собой, обменивающихся донесениями и указаниями. Это чрезвычайно затрудняло поиск, так как требовало просмотра буквально тысяч дел и документов, относящихся ко всем этим подразделениям, и каждое из дел могло включать сотни разрозненных листочков. Но, вместе с тем, это позволяло иногда делать небольшие «открытия», которые, в целом, позволили, практически полностью восстановить картину боевых действий, в которых участвовал Николай Гумилев. Сам поэт оказал в этом неоценимую услугу — в его рассказе полностью отсутствуют небылицы и байки, только подлинные факты, с которыми он лично сталкивался и которые точно описал в «Записках кавалериста». Наиболее ценный и полный из сохранившихся архивов — фонд 2-й Гвардейской Кавалерийской дивизии (Ф. 3509), в состав которой входил Уланский полк. В штаб дивизии стекались бесчисленные донесения от всех разведывательных разъездов всех полков, большая часть которых, к счастью, сохранилась. Удалось обнаружить большинство донесений от разъездов, в которых участвовал поэт. Сизифов труд — донесения писались от руки, в полевых условиях, часто неразборчивым почерком, и их в штаб дивизии каждый день поступало сотни. Чудом удавалось обнаруживать, например, донесения, подписанные М.М. Чичаговым, непосредственным начальником Гумилева, от тех разъездов, в которых участвовал поэт. Не исключено, что ряд их непосредственно составлялся Гумилевым — целый пласт неизвестных «автографов» поэта-воина. В своей работе я привожу лишь малую часть подлинных документов, напрямую иллюстрирующих «Записки кавалериста» и дополняющих их.

[432] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[433] Там же. Д. 1287.

[434] РГВИА. Ф. 2945. Оп. 2. Д. 29.

[435] РГВИА. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 259.

[436] Там же.

[437] ПСС-3. № 18. Четверостишие из стихотворения «Солнце духа» из сборника «Колчан»; вначале это четверостишие попало в первую публикацию стихотворения «Война», Отечество, 1914, 23 ноября. № 4. Читал он его и 27 января в «Бродячей собаке».

[438] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[439] Там же. Д. 1287.

[440] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.

[441] РГВИА. Ф. 2945. Оп. 2. Д. 29.

[442] РГВИА. Ф. 2717. Оп. 2. Д. 33.

[443] РГВИА. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 259.

[444] Там же. Д. 68.

[445] В конце 1914 года командующий Уланским полком Д. М. Княжевич был временно откомандирован в другую часть, и обязанности командира полка были возложены на полковника Михаила Евгеньевича Маслова, его помощника. В полк Д. М. Княжевич вернулся 22 апреля 1915 года — приказ по полку № 280, РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 146.

[446] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 928. Л. 438.

[447] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[448] Там же. Д. 1287; Ф. 2945. Оп. 2. Д. 29.

[449] Там же. Д. 1069.

[450] По непонятным причинам эта глава содержит много цензурных прочерков. Ранее такие вычеркивающие «многоточия» присутствовали лишь в трех первых главах «Записок кавалериста», что могло объясняться «неопытностью» начинающего «военного корреспондента», как Гумилев был представлен в газете. Далее, во всех последующих главах, вплоть до этой главы (как и во всех оставшихся главах), такие вычеркивания отсутствовали. Глава эта печаталась в «Биржевых ведомостях» 6 декабря, когда Гумилев уже давно и постоянно пребывал в Петрограде и мог внести правку лично. Видимо, Гумилев не мог при написании этой главы обойтись без упоминания географических названий, что было запрещено цензурой, и без согласования с автором, в последний момент, при печати, все такие места были заменены многоточиями.

[451] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 928. Л. 485.

[452] Там же. Л. 476.

[453] Там же. Л. 484.

[454] См.: «Неакадемические комментарии-3», эскизы из записных книжек.

[455] РГВИА. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 259.

[456] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 2 марта. Это первое упомянутое Лукницким письмо, никаких писем за февраль он не видел, поэтому столь лаконично отражен этот период в «Трудах и днях». С. 408: «Февраль — 1-я половина марта. На фронте. Письма с фронта матери, жене, М.Л. Лозинскому. В течение всего февраля участвует в боях. Кавалерийские рейды, разъезды, засады, наступления и отступления. Сильные морозы. Ночь в седле, в жару и бреду. Заболел воспалением почек и отправлен на излечение в Петроград». Разъезды, засады, жар, бред и прочее — явно из «Записок кавалериста», но не из писем.

[457] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.

[458] Там же.

[459] РГВИА. Ф. 2945. Оп. 2. Д. 29.

[460] РГВИА. Ф. 2717. Оп. 2. Д. 33.

[461] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 933.

[462] РГВИА. Ф. 2717. Оп. 2. Д. 33.

[463] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 933.

[464] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069; Д. 1287.

[465] Там же.

[466] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 6 марта. В «Трудах и днях» письмо это никак не отражено.

[467] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 933.

[468] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069; Д. 1287.

[469] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 176788 (Послужной список № 153–923).

[470] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 935.

[471] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 118–128.

[472] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 3. Д. 1—полевая книжка дивизионного врача Ильина.

[473] РГВИА. Ф. 2945. Оп. 2. Д. 29.

[474] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 126.

[475] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[476] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 935.

[477] Там же.

[478] Хотя вблизи тогдашнего расположения Уланского полка проходила железнодорожная ветка из Ковно до Олиты (Алитус), через Мариамполь, Кальварию, Кросно, большая ее часть была перерезана немцами, и в Петроград можно было отправиться только из Ковно.

[479] Не сразу, но Гумилев откликнулся на творчество «поэта Злобина» (Злобин Владимир Ананьевич, 1894–1967). В газете «Жизнь искусства» (1918, 1 ноября) была помещена его заметка о сборнике «Арион» (Тименчик-1990. С. 207, 336–337), в который попала подборка стихов Злобина; заметка весьма критическая.

[480] ПСС-8. № 39. С. 246, 602; РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 34.

[481] Рейснер-1983. С. 190–259. Подробнее о знакомстве Гумилева с Ларисой Рейснер см.: Рейснер–Пржиборовская-2008. Тема взаимоотношений Гумилева с Ларисой Рейснер в последнее время востребована. Однако, наряду с интересной книгой в ЖЗЛ, недавно появилась весьма «своеобразная» книга в серии «Мистика любви»: *Алексеева Адель*. Красно-белый роман. Лариса Рейснер в судьбе Николая Гумилева и Анны Ахматовой. М.: Алгоритм, 2008. Жанр ее — типичный «бульварный роман», комментировать который здесь не хочется. Как мне стало известно, на эту же тему вскоре выйдет еще один «женский роман» — явный перебор. Попутно замечу, что самому Гумилеву в серии ЖЗЛ крайне не повезло, об этом было сказано, например, в рецензиях Л. Егоровой в журнале «Вопросы литературы» (2008. № 6); С. Кормилова в НЛО (2008. № 90. С. 375–379). О своих претензиях к автору книги о Гумилеве в серии ЖЗЛ В. Полушину я высказал в Неакадемических комментариях-1 и повторять их здесь не буду.

[482] Жизнь Гумилева-1991. С. 48.

[483] ПСС-3. № 25 и 26. Оба впервые опубликованы в альманахе: Петроградские вечера. Кн.4. Пг., 1915.

[484] См.: Лукницкий-1. С. 148: «АА упомянула, что у Николая Степановича был роман с дочерью архитектора Бенуа, но что это нужно держать в строгой тайне». Об одном архитектурном сооружении Леонтия Николаевича Бенуа (1856–1928) будет рассказано ниже. У него было две дочери: Ольга (1883–1974) и Надежда (1895–1975). Кого из двух дочерей подразумевает Ахматова — сказать трудно. По возрасту более подходит Надежда. Отмечу только, что Надежда в 1920 году в Петрограде вышла замуж за Иону Платоновича Устинова (1892–1962), в том же году они эмигрировали в Англию, и там у них родился сын, впоследствии знаменитый английский актер и режиссер Питер Устинов (1921–2004).

[485] ПСС-3. № 24.

[486] Михаил Александрович Струве (1890–1948) — поэт, участник «Второго Цеха Поэтов». В стихотворении 1921 года «Н.С. Гумилеву» обращался к тени старшего друга: «С тобою говорю, как в Петербурге // За чаем иль за дружеским вином…» (Русская мысль. София, 1921. № 10/12. С. 36; Тименчик-1990. С. 335–336). М. Струве бывал в доме Гумилевых, хорошо знал его мать А.И. Гумилеву — именно он был первым, кто сообщил ей телеграммой в 1917 году, что Гумилев благополучно добрался до Лондона; только позже пришли открытки от самого Гумилева. См. Прил. 6.

[487] Труды и дни. С. 409–413. Хотя, как правило, в «Трудах и днях» периоды пребывания Гумилева в Петрограде во время войны отражены достаточно точно, эта запись грешит большим количеством неточностей, что, видимо, связано с тем, что от этого его пребывания в городе почти не сохранилось письменных или устных свидетельств современников.

[488] Оригинал фотографии с автографом хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

[489] *Степанов Евгений*. Николай Гумилев у Льва Гумилева // Информпространство. 2006. № 7(85). См. ссылку http://www.informprostranstvo.ru/N7_2006/history_7_2006.html . На втором варианте фотографии Гумилев с Ахматовой поменялись местами, и Гумилев обнял и прижимает к себе Леву. Появление этой фотографии опровергает до сих пор имеющий хождение бредовый домысел, который опирается на первую фотографию; на ней Леву прижимает к себе Ахматова — якобы Гумилев отстранился от Левы, так как не уверен, что это его сын.

[490] Подробно о сыне Гумилева Оресте Николаевиче Высотском рассказано в «Неакадемических комментариях-3».

[491] Обе фотографии представлены в выпуске «Поэт на войне-3» — см. сайт: http://www.utoronto.ca/tsq/26/stepanov26.shtml .

[492] ПСС-3. № 21—№ 32.

[493] ПСС-3. № 29. Его можно прослушать на сайте: http://www.gumilev.ru/audio/kantsona.mp3 . При первой публикации в «Новом журнале для всех» (1915. № 5) стихотворение было напечатано с заголовком «Жалобы влюбленных», затем оно вошло в сборник «Колчан» как первое стихотворение цикла «Канцоны». В 1920 году именно это стихотворение Гумилев выбрал для записи на восковой валик — этим занимался С.И. Бернштейн, позже его записи восстановил Лев Шилов. Впервые «голос» Гумилева был опубликован в журнале «Кругозор» (1989. № 12. С. 4–5). На рукописном автографе стоит посвящение «Татьяне Адамович»:

Словно ветер страны счастливой,
Носятся жалобы влюбленных.
Как колосья созревшей нивы,
Клонятся головы непреклонных.

Запевает араб в пустыне:
«Душу мне вырвали из тела».
Стонет грек над пучиной синей —
«Чайкою в сердце ты мне влетела».

Красота ли им не покорна!
Теплит гречанка в ночь лампадки,
А подруга араба зерна
Благовонные жжет в палатке.

Зов один от края до края,
Шире, все шире и чудесней,
Угадали ли вы, дорогая,
В этой бессвязной и бедной песне?
Дорогая с улыбкой летней,
С узкими, слабыми руками
И, как мед двухтысячелетний,
Душными, черными волосами.

[494] Подробнее см.: Звучащая литература. CD-обозрение *Павла Крючкова*. Лев Шилов: Незавершенное. (Звучащий альманах «Голос Гумилева»)» // Новый мир. 2007. № 2. (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/2/kr20-pr.html) Вот ориентировочный перечень сохранившихся записей: 1. «Китайская девушка» (ПСС-3. № 13). 2. «Осень» (ПСС-3. № 58, без начальных строк). 3–4. «Канцоны» (ПСС-3. № 29–30). 5. «Мик» (ПСС-3. № 7, 2-й фрагмент VIII главы поэмы). 6. «Гондла» (ПСС-5. № 6, отрывок из драматической поэмы). 7–8. «Дитя Аллаха» (ПСС-5. № 5, отрывки из пьесы). 9. «Поэма Начала» (ПСС-4. № 59, отрывки). 10. «Утешение». (ПСС-3. № 65). 11. «Золотой рыцарь» (ПСС-6. № 5, отрывок из новеллы). 12. «Эзбекие» (ПСС-3. № 96). Записи 1–5 можно прослушать на сайте http://gumilev.ru/voices/ . Государственный Литературный музей, хранитель всех этих уникальных фонограмм, готовит публикацию звучащего альманаха «Голос Гумилева». В статье в «Новом мире» уточняются датировки сделанных С.И. Бернштейном записей. Всего состоялось два сеанса записи: первый, с записью части стихов, 11 февраля 1920 года; вторая запись, на которую Гумилев пришел вместе с Анной Ахматовой (заметим, что Бернштейну он тогда представил ее как свою жену), была осуществлена в конце апреля того же года. Тогда были записаны драматические и прозаические отрывки, а также стихотворение «Эзбекие».

[495] Подтверждением упомянутой встречи С. Ауслендера с Гумилевым 22 марта 1915 года служит письмо А.А. Кондратьева — Б.А. Садовскому от 24 марта 1915 года: «Ауслендеру хочется потеснее сойтись с четой Гумилевых…» (De visu. 1994. № 1/2. С. 23).

[496] Кузмин–Богомолов-2005. С. 523.

[497] Неакадемические комментарии-4. См. в Приложении подробные «Выписки из дневника Веры Алперс».

[498] *Ауслендер С.А.* Книга злости // День. 1915. № 79, 22 марта. Ауслендер достаточно резко отозвался о книге Б. Садовского, сказав о ней, что «эта тоненькая брошюрка есть книга ренегата».

[499] Лукницкий-1. С. 51.

[500] Панорама искусств. М., 1984. Вып. 7. С. 329.

[501] Как Введенская, так и Гребецкая (ныне Пионерская) улицы упираются в Бол. Пушкарскую улицу на Петроградской стороне. От дома, где временно поселилась Ахматова, до Лазарета деятелей искусства, где лежал Гумилев, было не более 5 минут хода.

[502] Лукницкий-1. С. 101.

[503] Ахматова–Черных-2008. С. 106.

[504] Подробно об этом было сказано выше, см. также — Ахматова–Черных-2008. С. 104–106. Н.В. Недоброво познакомил Ахматову с Борисом Анрепом незадолго до мартовского приезда Гумилева в Петроград. Об этом она рассказывала Лукницкому (Лукницкий-1. С. 81): «1915, Вербная суббота. У друга — офицер Бор. Вас. Анреп. Импровизация стихов. Вечер; потом еще два дня, на третий день он уехал. Его провожала на вокзал. Стихотворение в “Белой стае”». Вербная суббота приходилась тогда на 14 марта. И в «Записных книжках (Ахматова-ЗК. С. 285): «С Анрепом я познакомилась в Великом Посту в 1915 в Царском Селе у Недоброво (Бульварная)». Анреп, как и Гумилев, служил в армии, уезжал на фронт, в Галицию.

[505] Лукницкая-1990. С. 177; Труды и дни. С. 413–414.

[506] ПСС-3. № 22.

[507] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[508] Там же. Д. 933.

[509] Там же. Д. 935.

[510] Там же. Д. 936.

[511] Там же. Д. 935.

[512] Там же.

[513] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[514] Там же. Д. 1287.

[515] Там же. Д. 1069.

[516] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 936.

[517] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.

[518] Там же.

[519] Там же. Д. 1069.

[520] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 936.

[521] Там же. Д. 935.

[522] Там же.

[523] Там же. Д. 936.

[524] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[525] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. № 1023 (Послужной список за 1912 г.). Маслов Михаил Евгеньевич (7.05.1867—до 18.04.1936, Париж) — из дворян, уроженец Рязанской губернии, сын статского советника, православный. Окончил Николаевский кадетский корпус. В действительной службе с 1.09.1888. В 1890 году окончил Николаевское кавалерийское училище, корнет Уланского полка с 10.08.1890, штабс-ротмистр с 6.12.1897. Командир эскадрона ЕВ с 11.11.1910. В 1912 году был еще холост. С 1914 года — полковник Уланского полка, затем генерал-майор свиты. Георгиевский кавалер. В эмиграции во Франции. (Российское зарубежье-2. С. 153; Волков-2002. С. 308). С семьей Масловых чета Гумилевых была знакома еще по Петербургу. По крайней мере, 16 июля 1915 года (см. ниже) Гумилев писал с фронта Ахматовой: «…Помнишь, Аничка, ты была у жены полковника Маслова, его только что сделали флигель-адъютантом…» Возможно, в связи с «неформальными» отношениями между исполнявшим тогда обязанности командира полка Масловым и его подчиненным, Гумилев был отправлен в Петроград без объявления об этом в приказе по полку, как это было принято (почему и неизвестна точная дата его отбытия). Но в этом случае Гумилев был бы временно снят с довольствия, то есть лишался бы части причитавшегося ему вознаграждения; как известно, материально его семейство было не слишком обеспечено, о чем свидетельствует переписка с женой — например, приведенное выше письмо Ахматовой от 17 июля 1914 года.

[526] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 146.

[527] Там же. Л. 149об.

[528] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[529] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1209.

[530] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 176788 (153–923).

[531] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.

[532] Там же. Д. 1069.

[533] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 938.

[534] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.

[535] ПСС-3. № 31; Биржевые ведомости. 1915. № 14837, 12 мая.

[536] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.

[537] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.

[538] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 938.

[539] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[540] Ахматова покинула Петроград, дождавшись отъезда Гумилева. Из письма Н.Г. Чулковой к Л. Я. Рыбаковой от 5 июня 1915 года: «Была вчера Ахматова — уезжает на лето в имение — прощалась. Она как-то приводила к нам своего сынишку лет 2-х. Очень забавно говорит и до смешного похож на Гумилева. Зовут Левой». (Тименчик-1998. С. 423).

[541] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 173–175.

[542] Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1974. С. 55; Ахматова–Черных-2008. С. 107.

[543] Труды и дни. С. 414.

[544] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 12 июня. Другие письма к матери за июнь у Лукницкого не отмечены.

[545] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 938.

[546] Там же. Д. 939.

[547] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[548] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 938.

[549] Там же. Д. 1188. Л. 11.

[550] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 175.

[551] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[552] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 938.

[553] Там же. Желающим найти эти места на карте Google даю латинскую транскрипцию упомянутых мест: Даукше — Daukšiai, озеро Амальва — Amalvas (в Литве). Места эти располагаются восточнее Мариамполя, южнее Ковно и станции Мавруце.

[554] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[555] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 938.

[556] Там же.

[557] Там же. Д. 939.

[558] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[559] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[560] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.

[561] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.

[562] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.

[563] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[564] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[565] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 938.

[566] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[567] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.

[568] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[569] Там же. Д. 938.

[570] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290. Информация об этом факте, в искаженном виде, попала в «Труды и дни» Лукницкого, в запись на 21–28 августа 1915 года (С. 418).

[571] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[572] Там же. Д. 939.

[573] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[574] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 942.

575 Там же. Д. 939.
576 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.
577 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 942.
578 Там же. Д. 939.
579 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
580 РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
581 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
582 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939. Л. 61.
583 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.
584 Для полной объективности, обо всех перестрелках и разъездах, память о которых «тускнеет по сравнению с тем днем», я постарался рассказать в предыдущей главке.
585 Здесь явная опечатка. Следует читать: «Шагах в двухстах-трехстах…»
586 РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 473. Наградные листы.
587 Там же. Ч. 2. С. 1–9. Петроградский военный округ: Наградные листы. Как следует из «Послужного списка» И. Кропоткина (РГВИА. Ф. 409. № 1641), женат он был на баронессе Софии Леонардовне Штейнгель. Сыновья Илья и Алексей родились 9.05.1909 и 23.07.1913. Имеет имение в 700 десятин в Рязанской губернии Спасского уезда. Как удалось установить, имение это располагалось на берегу Оки, в Троицкой волости, очень недалеко от близких и дорогих Гумилеву мест. Во-первых, от имения Березки в Затишьевской волости, где Гумилев проводил летние месяцы в юности, во-вторых, от мест, где родился его отец С.Я. Гумилев — в селе Желудево Желудевской волости. Можно предположить, что они в разговорах могли вспоминать об этом, и такое «географическое соседство» могло способствовать личному сближению командира эскадрона со своим подчиненным.
588 РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 473. Ч.2. Л. 10–17.
589 Там же. Л. 37–44.
590 РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
591 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.
592 Там же. Д. 1069.
593 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 942.
594 Там же.
595 Там же.
596 Там же. Д. 236. Л. 194 об.–195.
597 Сергей Владимирович Хлебников (7/19.08.1882, С.-Петербург — 30.7.1957, Париж, похоронен на кладбиже Сент-Женевьев-де-Буа) — из потомственных дворян. Окончил Пажеский корпус в 1895 году, в корнетах Уланского полка с 10.08.1902 года. Был женат на графине Ольге Евграфовне Комаровской. (Послужной список на 1906 г.: РГВИА. Ф. 409. № 317–705). Сведения о нем имеются в: Российское зарубежье-3. С. 447; Волков-2002. С. 507. Там сказано, что он участвовал в Гражданской войне, в эмиграции жил в Париже и его окрестностях. Член Главного правления Союза пажей. Председатель Парижского отдела объединения лейб-гвардии Уланского полка. О судьбе потомков раненого русского офицера С.В. Хлебникова рассказал в своей книге А.Б. Давидсон (Давидсон-2008. С. 184). После революции Хлебников оказался в эмиграции. Его сын Юрий Сергеевич Хлебников (о нем: Российское зарубежье-3. С. 447), с которым Давидсон познакомился на научной конференции в Нью-Йорке в 1987 году, где тот работал переводчиком в ООН, поведал Давидсону о том, что отца вскоре вызволили из плена, обменяв на двух немецких офицеров. Внука Хлебникова, совсем юного, Давидсон узнал тогда же. Встречался он с внуком и не так давно в Москве: это трагически погибший, убитый в Москве главный редактор журнала «Форбс» Павел, или, как у нас принято, Пол Хлебников. Странные судьбы: дед-дворянин выжил после ранения на войне, попав в плен, а внук погиб в мирное время в центре Российской столицы…
598 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
599 Биржевые ведомости. 1915. № 14951. Среда, 8/21 июля.
600 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1171. Л. 87.
601 РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 310 об.–311 об.
602 РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
603 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
604 Там же. Д. 942.
605 РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 6 июля.

606 Редкий случай: сохранились, видимо, все три письма Гумилева, посланные жене в июле 1915 года. Он всегда часто ей писал, но почему-то из писем с фронта она сохранила только три этих письма.
607 «…Вчера с этим покончили, кое-где выбили неприятеля и теперь опять отошли валяться на сене и есть вишни…» Это все, что написал Гумилев Ахматовой о вчерашнем бое. Никакой бравады. Но фраза про вишни, как мне кажется, возникла не случайно, а как отсылка к «Выстрелу» Пушкина, к описанию рассказа Сильвио о своем поединке, и через это — к намеку на то, что здесь, на фронте, все не так просто и благостно. Ахматова слишком хорошо знала Пушкина, чтобы этого не понять. Вспомним этот пушкинский фрагмент: «… Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. ‹…› Я увидел его издали. Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приближался, держа фуражку, наполненную черешнями. ‹…› Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит?..» Можно заглянуть еще дальше… Так вел себя сам Пушкин во время дуэли с офицером Зубовым, состоявшейся в июне 1822 года в Кишиневе. По рассказам современников, «на поединок с Зубовым Пушкин явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял. Зубов стрелял первый и не попал». Пушкин стрелять не стал и ушел, не помирившись…
608 Гумилев цитирует стихотворение Ахматовой «Долго шел через поля и села…» из сборника «Белая стая» (Ахматова–Эллис Лак-1. С. 232), написанное в мае 1915 года, когда они были вместе (хотя считается, что стихотворение это обращено к Борису Анрепу).
609 ПСС-8. № 141. Автограф: РО ИРЛИ. Р.1. Оп. 5. № 499.
610 ПСС-8. № 142. Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 215.
611 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
612 Там же. Д. 1290.
613 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
614 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
615 РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 10 июля. В письме Ахматовой от 25 июля Гумилев спрашивал, дошло ли это письмо. Дошло, но о его содержании нам ничего не известно, в «Трудах и днях» оно никак не отражено.
616 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1171.
617 Там же. Д. 939.
618 Там же.
619 Там же.
620 Там же. Д. 942.
621 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
622 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 942.
623 ПСС-8. № 143. Автограф: РО ИРЛИ. Р.1. Оп. 5. № 499. Любопытно, что в этот же день Ахматова, находясь еще в Слепневе, написала письмо Гумилеву, о его получении Гумилев написал ей в своем следующем письме. К сожалению, ни одного «военного» письма Ахматовой Гумилеву пока не обнаружено. Недавно стало известно, что сохранилось два письма Ахматовой, посланных в 1917 году в Париж, где Гумилев служил в Русском экспедиционном корпусе, см. Прил. 6.
624 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 942.
625 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
626 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 943.
627 Там же. Д. 942.
628 Там же. Д. 939.
629 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
630 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
631 РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
632 РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
633 Там же. Д. 942.
634 Во всех перепечатках этого письма (в том числе и в ПСС-8. № 144) сказано: «Ближайший город верст за восемь–десять…», однако я убежден, что следует читать не «восемь–десять», а «восемьдесят», что, с одной стороны, соответствует реальному

местоположению Столенских Смоляр (ближайшие относительно крупные города примерно в восьмидесяти верстах — Брест-Литовск и Ковель), а с другой стороны, если бы было «восемь верст» — разве это расстояние для кавалериста, да еще неделю стоящего на отдыхе, когда поблизости нет противника? В оригинале после слова «восемь» перенос на следующую строку, но тире или знак переноса в тексте отсутствует, видимо, Гумилев про него забыл, а конечное «Ъ» (ер) публикаторы принимали за «ь» (мягкий знак).

[635] Написанное в Слепневе 23 июня 1915 года стихотворение «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» (Ахматова–Эллис Лак-1. С. 238). Ахматова не вняла совету мужа и оставила не понравившуюся ему строку без изменений. Стихотворение обращено к Н.В. Недоброво.

[636] Второе стихотворенье — «Не хулил меня, не славил...» (Ахматова–Эллис Лак-1. С. 240) написано 12 июля 1915 года в Слепневе. Десять лет спустя Ахматова, перечитывая П. Лукницкому это письмо, говорила (Лукницкий-1. С. 189): «О стихотворении АА в письме Николаю Степановичу — где он протестует против “Архангела”... — “Из религиозного чувства протестовал...” Николай Степанович протестовал также против слова “еле” в строке АА: “И голос музы еле слышный...” Да. Для него муза не могла говорить еле слышным голосом. Ему она являлась в славе лучей и звонко говорила ему...». Второе стихотворение посвящено Борису Анрепу, который в своих воспоминаниях дал реальный комментарий к непонятным Гумилеву 9-й и 10-й строчкам про «душу»: «В 1915 году я виделся с А.А. во время моих отпусков или командировок с фронта. Я дал ей рукопись своей поэмы “Физа” на сохранение; она ее зашила в шелковый мешочек и сказала, что будет беречь как святыню». Рукопись поэмы Анрепа до сих пор не обнаружена (Ахматова–Кралин-1. С. 386).

[637] Гумилев, скорее всего, в первую декаду августа на несколько дней попал в Петроград. О предполагаемой дате его отъезда и возвращения будет сказано ниже. Судить об этом можно лишь косвенно, так как помимо позднего устного рассказа Ахматовой Лукницкому никаких других документальных свидетельств его поездки в Петроград обнаружить не удалось, в том числе и в военных документах. Поездка была краткосрочной, отсутствовал, судя по боевым делам, он не более недели, и с учетом достаточной удаленности места его службы от Петрограда (добираться никак не менее 1–2 суток), провел он в столице только несколько дней. Но есть вероятность того, что Гумилев побывал в Петрограде и в последнюю декаду августа.

[638] Получила, что следует из перечисленных Лукницким несохранившихся писем к матери. См. выше.

[639] ПСС-8. № 144. Автограф: РО ИРЛИ. Р.1. Оп. 5. № 499.

[640] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 942.

[641] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[642] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 943.

[643] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[644] Там же. Д. 1290.

[645] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[646] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.

[647] Там же. Д. 1069.

[648] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 942.

[649] Там же. Д. 939.

[650] В наше время Собибор (польск.—Sobibor, нем.—SS-Sonderkommando Sobibor) стал известен как один из крупнейших концентрационных лагерей, организованных нацистами в Польше. Действовал с 15 мая 1942 года по 15 октября 1943 года. Здесь было убито около 250 тысяч евреев.

[651] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 942.

[652] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[653] Там же. Д. 1290.

[654] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[655] Там же. Д. 946.

[656] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[657] Там же. Д. 1290.

[658] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[659] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[660] Там же. Д. 1290.

[661] Там же. Д. 1069.

[662] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.

[663] Там же. Д. 939.

[664] Там же. Д. 946.

[665] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[666] Русские войска оставили Варшаву 22 июля 1915 года.

[667] Лукницкий-1. С. 101, запись от 2.04.1925.

[668] Лукницкий-2. С. 321–322, запись от 6.12.1927. Вызывает удивление тот факт, что эта запись дословно повторяется и в первой части дневника Лукницкого: Лукницкий-1. С. 48, в записи от 3.03.1925. Скорее всего, это говорит о неаккуратности и неточности подготовки издания этих дневников. А что касается лета 1915... Возможно, вечер такой был, но пока не удалось уточнить дату его проведения. Вряд ли он мог состояться летом, когда жизнь в Петрограде затихала. Но на всякий случай обращаюсь к читателям с просьбой помочь уточнить эту дату. Известно, что Гумилев был в Петрограде как в начале лета, после болезни, до отъезда на фронт, так и в середине сентября, когда он был откомандирован в Петроград для сдачи офицерских экзаменов. Не исключено, что спустя 10 лет Ахматова могла просто забыть о точной дате его приезда или наложить различные его приезды один на другой. Попутно отметим, что в «Трудах и днях» изложенная Павлом Лукницким хроника этого периода грешит ошибками и неточностями. Да это и понятно, ведь никакими документами он не располагал и никаких «свидетельских показаний» у него не было, за исключением поздних рассказов самой Ахматовой. Правда, он упоминает единственно существенную свою собственную пометку, связанную с возвращением Гумилева в полк 29 августа 1915 года, но тогда из его же записей следует, что Гумилев за период от конца июля до конца августа побывал в Петрограде... дважды, что, по моему мнению, совершенно исключено. В «Трудах и днях» откуда-то возникли и такие записи: «21–28 августа. Просидел в обозе 2-го разряда» (С. 418). На самом деле, как раз в эти дни Гумилев участвовал в боях, описанных в «Записках кавалериста». Но тут же рядом стоит соответствующая действительности запись: «Встреча с В.К. Неведомским, который был прапорщиком артиллерии при штабе дивизии» (С. 418). Но, как у меня было сказано выше, с Неведомским он встречался часто, так как они служили в одной дивизии. Так что к «Трудам и дням» Лукницкого военного периода следует относиться весьма критически.

[669] Труды и дни. С. 418.

[670] ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 30 августа, с пометкой Лукницкого: «Вчера вернулся в полк».

[671] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[672] Там же. Д. 1290.

[673] Там же. Д. 1069.

[674] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 176788 (153–923).

[675] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[676] Там же. Д. 1290.

[677] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.

[678] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[679] Там же. Д. 1290.

[680] Там же. Д. 1069.

[681] Там же. Д. 1290.

[682] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.

[683] Там же. Д. 939.

[684] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.

[685] Там же. Д. 1069.

[686] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.

[687] РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 183. Л. 49. Автор признателен за эти сведения научному сотруднику ИРЛИ, автору многочисленных исследований о жизни и творчестве Ф. Сологуба, Маргарите Михайловне Павловой.

[688] Это следует из письма Гумилева Ахматовой от 16 июля 1915 года. Это же подтверждается архивными документами: РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1171; Маслов был назначен временно командующим полком непосредственно перед возможным отъездом Гумилева в Петроград — 22 августа. Вскоре, в конце сентября, он стал постоянным командиром лейб-гвардии Уланского полка, но Гумилева в полку тогда уже не было.

[689] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[690] Там же. Д. 939, 946; Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.

[691] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[692] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[693] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.
[694] Там же. Д. 1069.
[695] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[696] Сохранились 3 варианта мало отличающихся воспоминаний Н. Добрышина, опубликованных в «Новом Русском Слове». Самый ранний вариант, от 30 мая 1969 года, был перепечатан в книге «Жизнь Гумилева-1991» (С. 91–92) с неточными комментариями и ошибочной атрибуцией. В конце этой части, в Приложении, приводится другой, наиболее поздний и полный вариант воспоминаний Добрышина, соответственно прокомментированный и исправленный.
[697] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[698] Там же. Д. 939.
[699] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[700] Там же. Д. 1290.
[701] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[702] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.
[703] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[704] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[705] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
[706] Там же. Д. 946.
[707] Там же. Д. 939.
[708] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[709] Там же. Д. 1290.
[710] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[711] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[712] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
[713] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[714] Там же. Д. 1290.
[715] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1171.
[716] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.
[717] Там же. Д. 1069.
[718] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
[719] Там же. Д. 1171.
[720] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[721] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[722] Там же. Д. 1290.
[723] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[724] Там же. Д. 939.
[725] Там же. Д. 939.
[726] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[727] Там же. Д. 1290.
[728] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
[729] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[730] Там же. Д. 1290.
[731] Там же. Д. 1069.
[732] Там же. Д. 1290.
[733] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[734] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[735] Там же. Д. 1290.
[736] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[737] Там же. Д. 944. Л. 137.
[738] Труды и дни. С. 418.
[739] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1287.
[740] Там же. Д. 1290; Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1171.
[741] РГВИА. Послужной список. Ф. 409. Оп. 1. Д. 176788 (№ 153–923).
[742] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069 и Д. 1290.
[743] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[744] Там же. Д. 939.
[745] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.
[746] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.

[747] Труды и дни. Л. 419.
[748] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1171.
[749] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[750] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[751] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[752] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 227.
[753] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
[754] Там же.
[755] Скорее всего, М.М. Чичагов, командир взвода Гумилева.
[756] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[757] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
[758] Там же.
[759] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[760] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[761] Там же. Д. 1290.
[762] Там же. Д. 1069.
[763] Там же. Д. 1290.
[764] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[765] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[766] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[767] Там же. Д. 1290.
[768] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[769] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069 и Д. 1290.
[770] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[771] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[772] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[773] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[774] Там же. Д. 135.
[775] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[776] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[777] Командир 5-й батареи — полковник Трепов Федор Владимирович, родился 15 апреля 1883 года, погиб в бою 8 сентября 1915 года.
[778] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.
[779] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 232.
[780] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 135.
[781] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[782] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[783] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1290.
[784] Там же. Д. 1290.
[785] Там же. Д. 1069.
[786] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[787] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[788] Там же. Д. 135.
[789] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 233.
[790] Там же. Л. 232.
[791] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
[792] Об этом подробно рассказано в главе «Эвакуация в Петроград на лечение. Петроградские будни».
[793] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[794] Там же. Д. 1290.
[795] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[796] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[797] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[798] Там же. Д. 1290.
[799] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[800] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[801] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[802] Там же. Д. 1290. Из Послужного списка: штабс-капитан Владимир Петрович Чебышев, 26 февраля 1884 г. р., из дворян Орловской губ., женат. Он был назначен командиром 5-й батареи на место убитого полковника Ф. В. Трепова.

[803] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1171. Л. 87.
[804] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 134.
[805] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[806] Там же. Д. 1290.
[807] Там же. Д. 1069.
[808] Там же. Д. 1290.
[809] Там же. Д. 1069.
[810] Там же. Д. 1290.
[811] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 946.
[812] Там же. Д. 939.
[813] Там же. Д. 946.
[814] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.
[815] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
[816] Там же. Д. 1171.
[817] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 238. О Чичагове, командире взвода Н. Гумилева, неоднократно упоминалось ранее.
[818] Там же. Л. 240 об.
[819] Выше было сказано о дружбе Гумилева и Чичагова, о подаренном ему и подписанном Гумилевым сборнике «Колчан». Удивительны бывают иногда судьбы боевых реликвий. Недавно была обнаружена именная боевая офицерская шпага М.М. Чичагова, которую наверняка приходилось держать в руках и Гумилеву. Хранится она ныне не в случайном для Гумилева месте: в краеведческом музее поселка Шилово Рязанской области, где ряд стендов посвящен как поэту, так и его отцу С.Я. Гумилеву, уроженцу расположенного поблизости села Желудево. Как раз в Желудеве, при сломе дома, шпага была неожиданно обнаружена. Неподалеку располагалось упоминавшееся выше имение Березки, где Гумилев проводил летние месяцы, когда учился в гимназии. Как попала шпага Чичагова в Рязанскую глубинку — пока загадка. Возможно, это как-то связано с тем, что поблизости располагалось также имение командира их эскадрона И.А. Кропоткина, с которым у Чичагова были дружеские отношения. Находка шпаги М.М. Чичагова символична. Она сопровождала Гумилева в течение всей его службы в Уланском полку.
[820] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 238 об.
[821] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 939.
[822] В Приложении к следующей части, о службе Гумилева в Гусарском полку, приводится фрагмент из публикации Сергея Кулаковского «Блок и Гумилев на войне» из газеты «Россия и славянство» (№ 201. 1932, 1 октября), касающийся только Гумилева. Но безусловный интерес представляет часть, относящаяся к А. Блоку. В ней рассказывается о малоизвестных воспоминаниях сослуживца А. Блока по дружине В. Леха, описывающих службу А. Блока в Пинских лесах и представляющих его фотографии. Среди многочисленных работ, посвященных А. Блоку, не удалось обнаружить никаких ссылок на эту публикацию, поэтому на нее следует обратить внимание тем, кто интересуется биографиями и творчеством как А. Блока, так и Н. Гумилева, — знаменательно соединение двух имен на странице одной публикации, посвященной их пребыванию на войне.
[823] Труды и дни. С. 419.
[824] Шубинский-2004. С. 438.
[825] РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 388.
[826] См., например, сайт о чине прапорщика в русской армии: http://opoccuu.com/prapor.htm.
[827] По сведениям Р.Д. Тименчика, мужем сестры жены брата поэта, Д. С. Гумилева, был Сергей Михайлович Миштофт. В очерке Е.Л. Миллер (сестры М.Л. Лозинского) «Русские в Южной Африке» (1965 г., Бахметевский архив Колумбийского университета) сказано, что он был старожилом Южной Африки, сыном военного инженера, окончил корпус, участвовал в двух войнах, был контужен. Во время Гражданской войны воевал против красных, спас генерала Туркула. Был эвакуирован из Крыма. Во Вторую мировую войну поехал воевать против красных, попал в Германию. Двоюродный брат Гумилева (sic!). Жил и умер в ЮАР, в Йоханнесбурге. Не под влиянием ли рассказов Николая Гумилева семейство его родственников перебралось после революции в Африку и там осело? Известно, что, живя в Лондоне в 1918 году, Гумилев агитировал служивших там русских офицеров отправиться в Африку. И некоторые действительно уехали. Подробнее об этом будет рассказано в четвертой части книги.
[828] Труды и дни. С. 421–423.

[829] РНБ. Ф. 1201. № 79 (В.В. Алперс). Тетрадь № 4 – 27.09.1915–5.07.1916.
[830] Труды и дни. С. 419–420.
[831] *Хеллман Бен.* О финском доме Ахматовой // Ахматовский Сборник-1 / Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. Париж, 1989. С. 195–198.
[832] Фидлер–Тименчик-1988. С. 184.
[833] Фидлер-2008. С. 678.
[834] Труды и дни. С. 421–422.
[835] Не способен конкурировать в этом с «Красно-белым романом» Адели Алексеевой, с «главным биографом» поэта Владимиром Полушиным, выпустившим том в ЖЗЛ. Но не могу не отметить «титанический» труд Полушина по переписыванию моих комментариев из «Записок кавалериста-1991». Переписано все, дословно. Но по «рассеянности» Полушин «забыл» в обширнейшем списке использованной литературы сослаться на первоисточник. Аналогичным образом ранее им была составлена «Летопись жизни и творчества Н.С. Гумилева» — см. «Неакадемические комментарии-1», им же выпущено множество других «первопубликаций».
[836] ПСС-3. № 40.
[837] Фидлер–Тименчик-1988. С. 185.
[838] РНБ. Ф. 1201. № 79 (В.В. Алперс). Тетрадь № 4 — 27.09.1915–5.07.1916.
[839] Труды и дни. С. 426; ссылка на журнал «Аполлон». 1916. № 2. С. 555.
[840] Лукницкий-2. С. 52.
[841] Тименчик-1998. С. 424; ЗК-Ахматовой. С. 439.
[842] Труды и дни. С. 428; *Азадовский К.М.* Ахматова и Есенин (к истории знакомства) // Ахматовский сборник-1 / Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. Париж., 1989. С. 77–82.
[843] Лукницкий-1. С. 277.
[844] А.М. Кожебаткин приезжал в Царское Село в ноябре 1915 г. (Тименчик-1998. С. 424).
[845] Лукницкий-1. С. 252.
[846] Гумилев-1991–1. С. 461. В ПСС не вошло.
[847] О различных издателях книг Цеха поэтов сказано в: *Тименчик. Р.* Заметки об акмеизме // Russian Literature. № 7/8. 1974. С. 25–26. В частности, С. Городецкий в письме к М. Лозинскому от 24 декабря 1915 года высказал последнему обиду по поводу проставления марки «Альциона» на сборнике своих стихов: «Лишь кожебаткинского знака тебе простить я не могу» (архив Лозинского).
[848] Хроника-1991. С. 394.
[849] ПСС-3. № 42.
[850] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 310 об.–311.
[851] Всего в списке 90 фамилий.
[852] Неизвестно ни одной фотографии Гумилева с двумя Георгиевскими крестами, единственное изображение с двумя крестами — известный силуэт художницы Е.С. Кругликовой. В записях Лукницкого в «Трудах и днях» (С. 457), записанных со слов самой Кругликовой, сказано: «1916. Встреча с Е.С. Кругликовой у проф. Веселовского. Е.С. Кругликова сделала силуэт Н.Г.». Скорее всего, силуэт этот был сделан осенью 1916 года, когда Гумилев был откомандирован из 5-го Гусарского полка для сдачи офицерских экзаменов.
[853] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 135.
[854] ПСС-3. № 36. Текст приводится по первой публикации в «Посмертном сборнике». Пг.: Мысль, 1922. Первые две строки в других изданиях: «И как в раю магометанском // Сонм гурий в розах и шелку…» Точная дата написания экспромта неизвестна, но очевидно, что она относится к периоду его пребывания в Уланском полку.
[855] Новое Русское Слово. 1973, 4 ноября. Помимо первой публикации воспоминаний, опубликованных там же, в НРС, 30 мая 1969 г. (перепечатаны в «Жизни Гумилева-1991». С. 91–92), в НРС была еще одна публикация тех же воспоминаний, озаглавленных «Письмо в редакцию», 6 мая 1971 года. Удивляет почти полная идентичность всех трех вариантов, опубликованных в одном и том же издании на протяжении 4 лет.
[856] Добрышин попал в полк, видимо, ближе к лету 1915 года. В списке полка от 15 марта 1915 года он еще не числится. И вряд ли его домыслы, что «Гумилев все это знал до зачисления в полк», соответствуют истине, скорее всего, в Уланский полк Гумилев был назначен командованием; как вольноопределяющийся, он мог выбрать только род войск — кавалерию, но не конкретный полк.

[857] Именно данная фраза указывает на то, что познакомиться они могли в болотистых лесах Белоруссии, в самом конце пребывания Гумилева в Уланском полку. Дальнейший рассказ полон неточностей. Возможно, он написан либо по слухам, либо после личной встречи уже в то время, когда Гумилев покинул и 5-й Гусарский полк.

[858] Действительно, во 2-м эскадроне полка служил штабс-ротмистр Николай Дмитриевич Скалон. Но с этим утверждением вряд ли можно согласиться, свидетельством чему может служить дарственная надпись на сборнике «Колчан», подаренном Гумилевым взводному своего эскадрона ЕВ поручику М.М. Чичагову, и посвященное ему же стихотворение «Война»; вряд ли Гумилев стал бы дарить сборник и посвящать стихотворение человеку, чуждому поэзии.

[859] Там Гумилев лежал в мае 1916 года, попав туда уже из 5-го Гусарского Александрийского полка. В начале войны, весной 1915 года, он лежал в Лазарете деятелей искусства на Введенской ул., 1, где царственные особы не служили. И никаких контузий у Гумилева не было: каждый раз он попадал в госпитали по причине своего не слишком крепкого здоровья. И всякий раз ему приходилось убеждать докторов в своей способности продолжать службу.

[860] И эта часть воспоминаний относится к службе поэта в 5-м Гусарском Александрийском полку, когда он был откомандирован от полка осенью 1916 года для сдачи офицерских экзаменов (на повышение в чине, младший офицерский чин прапорщика Гумилев уже имел). Из Уланского полка Гумилев был откомандирован в школу прапорщиков, о чем сказано в этой части.

[861] Опять неточность — протекция императрицы не потребовалась, Гумилев был произведен в прапорщики при переводе из Уланского полка в 5-й Гусарский Александрийский полк, об этом — в следующей части. Заметим, что Александра Феодоровна была шефом обоих полков, в которых служил Николай Гумилев, — как лейб-гвардии Уланского полка, так и 5-го Гусарского Александрийского полка.

[862] Надпись на книге: *Блок А.* Стихотворения. Кн. 3. М.: Мусагет, 1916. Блок–ЛН-92–3. С. 56–57. На с. 57—факсимильное воспроизведение надписи.

[863] Труды и дни. С. 422.

[864] Там же. Княгиня Вера Игнатьевна Гедройц (26.3.1876, Киев — лето 1932, там же) закончила медицинский факультет Лозаннского университета, работала хирургом. Была связана с социал-демократами. Начиная с 1910 года, выпустила несколько сборников стихов, о которых Гумилев в «Аполлоне» (1910. № 6) высказался достаточно критично. Это не помешало ей материально поддержать издание акмеистического журнала «Гиперборей», в котором она также печаталась. О ее творческой биографии подробнее см.: Русские писатели-1. С. 535–536. В Царскосельском госпитале, которым заведовала Гедройц, Гумилев лежал весной 1916 года. Возможно, она как-то содействовала переводу Гумилева из Гусарского полка в Русский экспедиционный корпус во Франции весной 1917 года, но вряд ли принимала участие в «хлопотах» при переводе из Уланского в Гусарский полк зимой 1915–1916 годов.

[865] См. выше рассказ Янишевского о совместной службе с Гумилевым еще в сентябре 1914 года в Гвардейском запасном кавалерийском полку под Новгородом.

[866] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 312.

[867] Звание унтер-офицера Гумилеву было присвоено 15 января 1915 года за первый Георгиевский крест, об этом было сказано выше. Возможно, это был перевод из чина младшего унтер-офицера в чин старшего унтер-офицера, в армии такие различия существовали.

[868] ПСС-3. № 33 и примечания на с. 356–361.

[869] См. примечания в ПСС-3 к № 34–44. С. 361–371; Труды и дни. С. 432–434, 479–480.

[870] Аполлон. 1915. № 10 и 1916. № 1. Подробнее см.: Гумилев-1991–2. С. 146–160, 301–303, а также примечания к ПСС-7. № 67 и 68. С. 504–517.

[871] В мае 1916 года Гумилев получит от Чурилина из Симферополя благожелательный отзыв на эту рецензию, см.: ПСС-8. № 41, письма к Н.С. Гумилеву.

[872] Подробнее об истории создания пьесы «Дитя Аллаха» см.: Гумилев-1991–2. С. 400–401 и ПСС-5. С. 434–449. Постановка пьесы не была осуществлена, впервые она опубликована весной 1918 года: Аполлон. 1917. № 6/7, с иллюстрациями Павла Кузнецова, который также дал согласие оформить декорации и выполнить эскизы марионеток для кукольного спектакля (*Русакова А.* Павел Кузнецов. Л. , 1977. С. 145).

[873] Аполлон. 1916. № 4/5. С. 86. Сам автор, по всей видимости, остался доволен своим произведением, так как неоднократно читал его до публикации, в частности 22 марта 1917 года при посещении Ф. Сологуба.

[874] Труды и дни. С. 436.

[875] Биржевые ведомости. 1916. № 15439 (веч. вып.), 13 марта. Пржиборовская-2008. С. 135–136.

[876] Гумилев-1991–2. С. 397–398, ПСС-5. № 3, примеч. на с. 422–426. Пьеса была написана для намеченного на 13 декабря 1912 года в «Бродячей собаке» театрализованного представления «Парижский игорный дом на улице Луны, захваченный казаками в 1814 году», посвященного столетию победы над Наполеоном, однако вечер так и не состоялся. Поэтому Гумилев и отдал ее в «Альманах муз».

[877] Предполагаемое Лукницким посещение Гумилевым заседания ОРХС 5 апреля 1916 года (под председательством проф. Ф. Ф. Зелинского), посвященного вопросу о применении в русском стихосложении античных метров, скорее всего, не состоялось, так как он к этому времени должен был уже покинуть Петроград. Среди участников прений в журнале «Аполлон» (1916. № 4/5. С. 86) перечисляются С.К. Маковский, Н.В. Недоброво, Б.В. Томашевский, В.А. Чудовский, В.К. Шилейко, но Гумилев не упоминается (Труды и дни. С. 440).

[878] Труды и дни. С. 437–438. «Хождение Иштар» впервые опубликовано в книге: Ассиро-вавилонский эпос / Пер. с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко. СПб.: Наука, 2007.

[879] Труды и дни. С. 361.

[880] ПСС-8. № 141 и 143.

[881] Пунин-2000. С. 142.

[882] ПСС-3. № 43.

[883] ПСС-3. № 44.

[884] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1220. Л. 153.

[885] Исследования-1994. С. 199; Библиотека А.А. Блока: Описание / Сост. О.В. Миллер и др. Под ред. К.П. Лукирской. Л., 1984. Кн. 1. С. 253.

[886] РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 1220. Л. 154.

[887] Там же. Л. 244.

[888] Там же. Л. 245.

[889] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 189. Л. 415. Заверенная копия. Машинопись.

[890] Труды и дни. С. 441.

[891] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 240.

[892] РГВИА. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1069.

[893] Впервые воспоминания опубликованы: Новый журнал. Нью-Йорк, 1956. № 46. С. 107–126. Перепечатаны в книге: Жизнь Гумилева-1991. С. 61–77. Эти воспоминания, по-женски субъективно, «не переваривала» Анна Ахматова, о чем имеется множество язвительных заметок в ее «Записных книжках». Они действительно требуют существенной «фильтрации» и породили множество не имеющих отношения к реальности легенд, подхваченных современными биографами.

[894] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 176788(153–923); Д. С. Гумилев 26 января 1917 года был освидетельствован при Петроградском военном лазарете как нестроевой. Фактически же его воинская служба прервалась еще 8 августа 1916 года, когда он был отправлен на излечение в Перевязочный отряд 2-й Финляндской стрелковой дивизии (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 176788). В течение осени 1916 года его перемещали из одного лечебного учреждения в другое, пока в январе 1917 года он не был окончательно освидетельствован как негодный к строевой службе. За время войны он был награжден орденами Св. Анны 3-й и 4-й степени, орденом Св. Владимира 4-й степени, светло-бронзовой медалью на ленте ордена Белого Орла — свидетельство № 588, наконец, 7 августа 1916 года Дмитрий Гумилев получил свой последний орден — Св. Станислава 3-й степени.

[895] Труды и дни. С. 743.

[896] Часть приведенных сведений и представленные в выпуске «Поэт на войне-6» семейные фотографии — из частного письма от родственников А.А. Фрейганг, любезно предоставленного автору Р.Д. Тименчиком.

[897] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 148. Сам приказ № 3332 от 28 марта 1917 года сохранился в фонде штаба командования Западным фронтом: Ф. 2048. Оп. 2. Д. 1378. Л. 279.

[898] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 148.

[899] Там же. Д. 108.

[900] РГВИА. Ф. 3557. Оп. 2. Д. 19.
[901] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 284.
[902] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 148.
[903] ПСС-3. № 45. В газете «Одесский листок» стихотворение было напечатано без заголовка, с небольшими разночтениями относительно публикации в «Костре».
[904] *Тименчик Р.* «Над седою, вспененной Двиной…» // Даугава. 1986. № 8. С. 116.
[905] Автографы этого стихотворения сохранились в «Парижском альбоме» (1917), оставленном Б. Анрепу (HIA-GSP. Box 151. Fol. 19), и два автографа в архиве Лозинского, последние относятся к подготовке сборника «Костер» в июне 1918 года, где оно было напечатано.
[906] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 117.
[907] Там же. Д. 148.
[908] Там же. Д. 117.
[909] 5-му Гусарскому Александрийскому полку, или, как его еще называли, «черным гусарам», посвящен сайт: http://blackhussars.ru/. На нем изложена истории полка, проиллюстрирована его атрибутика, а также можно найти краткие биографии многих сослуживцев Гумилева, в том числе их фотографии. Часть информации в книге почерпнута с этого сайта, за что искренне благодарю его создателей.
[910] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 150; Ф. 409. Оп. 1. ПС91–898. Как удалось выяснить из его Послужного списка, Василий Александрович Карамзин (23.11.1885, Полибино — 30.06.1941, расстрелян) жил в Петербурге, закончил Петербургский университет, был зоологом и помогал отцу в работах по имению. В 1911 году он записался вольноопределяющимся в 5-й Гусарский Александрийский полк, в 1912 году был уволен в запас в чине прапорщика. С началом войны 9 августа 1914 года прибыл в свой полк, в том же году заработал два ордена, Св. Анны и Св. Станислава. В марте 1915 года был произведен в корнеты. В полку служил вместе с младшим братом Александром (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. ПС112–871), родившимся 8 января 1893 года, зачисленным в полк после окончания Николаевского кавалерийского училища в чине корнета в августе 1913 года. Как и старший брат, за годы войны заработал множество орденов. Был женат первым браком на девице, потомственной дворянке Прасковье Владимировне Карамзиной. В документах Гусарского полка А.А. Карамзин числился как Карамзин I, а В.А. Карамзин — как Карамзин II. Отец братьев Карамзиных, Александр Николаевич Карамзин (1850, Сызрань — 19 октября 1927, Харбин), внучатый племянник писателя и историка Н.М. Карамзина, владел крупным имением Полибино в Бугурусланском уезде Самарской губернии, с 1907 года был членом Государственного совета. Он прожил жизнь, достойную романа: исследователь, ученый, метеоролог, лесовод, орнитолог, автор множества книг, оставивший о себе память в виде вековых сосновых и смешанных лесов в Оренбургских степях. См. о нем на сайте: http://www.orenobl.ru/priroda/karamzin_polibino.php . В семье было шестеро детей. Третий по старшинству В.А. Карамзин после Гражданской войны переехал в Эстонию и поселился в Тарту. Там он, после романтического увлечения, 23 октября 1929 года женился на Марии Владимировне Карамзиной (ур. Максимовой, 19.01.1900, С.-Петербург–18.5.1942, Новый Васюган, Томская обл.). В Эстонию она эмигрировала со своим первым мужем, приват-доцентом, одно время ректором С.-Петербургского университета Иваном Давидовичем Гриммом (1891–1968), родным братом Эрвина Давидовича Гримма, тоже ректора университета, когда там учился Н. Гумилев. В Эстонии она влюбилась в бывшего гусара В.А. Карамзина, и вскоре они поженились. После женитьбы семья переселилась в глухое местечко Кивиыли, на северо-востоке Эстонии, недалеко от Нарвы, где В.А. Карамзин работал на комбинате по переработке сланцев. У них родилось двое сыновей — Александр (1930–2004) и Михаил (1933–?). С приходом советской власти В.А. Карамзин был арестован 21.03.1941 органами НКВД и расстрелян 30 июня 1941 года. Его жена, М.В. Карамзина, поэтесса, состоявшая в переписке с В. Ходасевичем, И. Шмелевым, И. Буниным и другими бывшими соотечественниками, издала в 1939 году в Нарве по рекомендации И. Бунина сборник стихов «Ковчег». Вскоре после ареста мужа, еще до его расстрела, 14 июня 1941 года была сослана с детьми в Сибирь и там умерла 15 мая 1942 года от голода и лишений. К счастью, остались живы их дети и внуки, сохранившие семейный архив. Недавно вышла книга: *Карамзина Мария*. Ковчег. Стихотворения. Судьба. Памятные встречи. Письма И.А. Бунина к М.В. Карамзиной / Сост. Людмилы Глушковской. Таллинн: «VE», 2008. В ней подробно рассказано о судьбе этой семьи, представлены уникальные материалы и фотографии.

[911] Гумилев–Струве-4. С. 538–540. Впервые воспоминания опубликованы: Встреча с Н.С. Гумилевым. (Из «Воспоминаний штабс-ротмистра Александрийского гусарского полка В.А. Карамзина) // Военно-исторический вестник. Париж, 1954. № 3. Июль. С. 46–47. Текст дан по этой, более полной, публикации.
[912] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 148.
[913] Там же. Д. 118.
[914] Там же. Д. 149.
[915] Сохранилась «Краткая запись о службе младшего офицера 5 Гусарского полка штабс-ротмистра Александра Карамзина» (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 176. Л. 415), в которой сказано, что родился он 8/21 января 1893 года (был младшим в семье А.Н. Карамзина), православный, из потомственных дворян. Женат на дочери потомственного дворянина Карамзина — девице Прасковье Владимировне. В полку с 10 апреля 1915, с 25 февраля 1916—поручик, с 9 ноября 1916—штабс-ротмистр. Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й ст. и Св. Анны 3-й и 4-й ст. В мартирологе (Волков-2004. С. 241) сказано: «Карамзин Александр Александрович (8/21.01.1893, Полибино — 8.02.1971, Сан-Франциско) — штабс-ротмистр 5-го Александрийского гусарского полка, адъютант командира 26-го армейского корпуса. Воевал в белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае (Шанхай), с 1949‹-го› жил на Филиппинах, остров Тубабао. С 1950 года — в США. Был художником. Женат, сын Алексей».
[916] В.А. Карамзин цитирует строки из стихотворения Гумилева «Галла», вошедшего в сборник «Шатер», изданный в 1921 году. Следовательно, брат В.А. Карамзина никак не мог его читать. Скорее всего, Гумилев подарил своему сослуживцу Александру Карамзину сборник «Колчан», вышедший в начале 1916 года.
[917] Андрей Павлович Мелик-Шахназаров (24.07.1887, Ставрополь — 31.10.1937, Минск) — ротмистр, сын генерал-лейтенанта Павла Дмитриевича Мелик-Шахназарова. Окончил Варшавский Суворовский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. С 1906 по 1918 год служил в 5-м Александрийском гусарском полку, в котором прошел путь от корнета до подполковника. В годы Первой мировой войны награжден 8 боевыми наградами, в том числе орденом Св. Георгия 4-й ст. за подвиг, совершенный 22 августа 1914 года. Как Георгиевский кавалер, в 1915 году был произведен во внеочередной чин ротмистра лично императором Николаем II. В 1918–1920 годах в чине полковника служил в армии Армянской республики — командиром 1-го армянского конного полка. В 1921–1930 годах командовал Армянской стрелковой дивизией. С 1935 года —командир 16-го стрелкового корпуса РККА в Белорусском военном округе в звании комдива. 6 июня 1937 года был арестован и 31 октября того же года расстрелян в Минске. Был единственным среди командиров корпусов РККА беспартийным. В 1958 году посмертно реабилитирован.
[918] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 148.
[919] Там же.
[920] Там же. Д. 165. Л. 42.
[921] Сергей Александрович Топорков (1881–21.01.1961, Париж, похоронен на клад. Банье) окончил Елисаветградское кавалерийское училище в 1903 году. В годы Гражданской войны воевал в Вооруженных силах Юга России и Русской Армии в составе своего Александрийского гусарского полка. С 1920 года в эмиграции, жил во Франции. В 1931 году возглавлял группу 5-го Гусарского полка в Ментоне, сотрудничал в журнале «Военная Быль». Основал в своей квартире музей полка, собрал полковые документы за 100 лет существования 5-го Гусарского полка. Подробнее о нем и его братьях В.А. Топоркове (1900–11.03.1931), служившем в том же полку, и историке Ю.А. Топоркове (?—4.08.1970), редакторе «Военно-исторического вестника», знатоке поэзии, занимавшемся изучением, в том числе творчества Н. Гумилева и А. Ахматовой, передавшем свои материалы Глебу Струве (HIA-GSP. Box 43. Fol. 15), см.: Волков-2004. С. 525–526; Российское зарубежье-3. С. 323.
[922] Действительно, при переформировании Гусарского полка в январе 1917 года Гумилев был определен в стрелковый полк, однако служить он там не стал. Вероятно, возможность перевода его в стрелковый полк послужила толчком к началу хлопот о переводе в Русский экспедиционный корпус для отправки на Салоникский фронт. Подробно об этом, опираясь на документы, будет рассказано ниже.
[923] Впервые воспоминания С.А. Топоркова опубликованы: Гумилев–Струве-4. С. 537–538. Другой вариант воспоминаний С. Топоркова сохранился в архиве: ACFRC-JJB. Box 1. Fol.3. № 3. Текст дан по этим двум источникам.
[924] Гумилев–Струве-4. С. 630.

[925] Триптих Н. Гончаровой можно увидеть в публикации автора: Наше наследие-101. С. 107.

[926] ПСС-3. № 48. Ничто не говорит о том, что этот экспромт был написан к празднику полка 30 августа 1916 года, как сказано в «Трудах и днях» (С. 456). Гумилев, как будет видно из дальнейшего, на этом празднике не присутствовал, а экспромт мог быть, например, написан на случай отбытия Коленкина в отпуск 27 апреля 1916 года, и Гумилев захватил черновик с собой, когда его неожиданно эвакуировали по болезни в начале мая.

[927] Труды и дни. С. 441–442. «Записки кавалериста», описывающие всю службу Гумилева в Уланском полку, были им полностью завершены, а повторяться и сочинять «Записки гусара» в его планы, видимо, не входило. Тем более, ярких и запоминающихся боевых эпизодов в Гусарском полку с ним не случалось, и там он служил уже не рядовым кавалеристом, а младшим офицером. Служба эта вылилась в рутинное исполнение воинского долга, от чего увильнуть (такие возможности у него были) он в силу своего характера не мог.

[928] Следует заметить, что публикаций, посвященных пребыванию Гумилева в 5-м гусарском Александрийском полку, было очень немного. Первая публикация об этом: *Тименчик Р.* «Над седою, вспененной Двиной...» // Даугава. 1986. № 8 С. 115–121. Эти заметки и сам их автор подтолкнули автора книги к дальнейшему изучению данной темы, которое первоначально вылилось в не отраженную ни в одном библиографическом указателе публикацию в том же журнале: *Степанов Е.Е.* Несколько страниц из жизни прапорщика гусарского полка Николая Гумилева // Даугава. 1994. № 2. С. 145–166. Журнал вышел уже после того, как Латвия обрела независимость, и популярное когда-то издание перестало доходить до российского читателя. Следует отметить также работу: «Лишь для тебя на земле я живу». Из переписки Николая Гумилева и Ларисы Рейснер / Публ. Н.А. Богомолова // В мире книг. 1987. № 4. С. 70–76 (в дальнейшем — Рейснер–Богомолов-1987).

[929] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 117.

[930] Там же.

[931] Напомню, что командиром эскадрона ЕВ был оставивший приведенные выше воспоминания о Гумилеве ротмистр Сергей Топорков.

[932] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 107.

[933] Там же. Д. 148.

[934] Там же. Д. 117.

[935] Там же.

[936] Там же. Оп. 2. Д. 182. Л. 208.

[937] Там же. Л. 238.

[938] Там же. Оп. 1. Д. 165. Л. 42–50.

[939] О Владимире Петрушевском и Александре Посажном, их воспоминаниях о Гумилеве и посвященных ему стихах будет рассказано ниже.

[940] Протасьев Николай Всеволодович (?–около 7.07.1934, Ницца) — штабс-ротмистр. Участник Гражданской войны. В эмиграции жил во Франции. Один из основателей Союза русских военных инвалидов во Франции. Похоронен 7 июля 1934 года на Православном кладбище в Ницце. Некролог: Последние новости (Париж). № 4858. 1934, 12 июля.

[941] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 118.

[942] ПСС-8. № 148. Автограф хранится в архиве Лозинского, в книге Шубинского он воспроизведен факсимильно (Шубинский-2004. С. 452). Уже упоминавшаяся Маргарита Марьяновна Тумповская (1891–1942) — поэтесса, переводчица, литературный критик. Участница второго Цеха поэтов, который пытались создать осенью 1916 года Г.В. Иванов и Г.В. Адамович, и третьего, гумилевского Цеха, в 1920–1922 годах. Ее стихи были опубликованы в альманахе «Дракон» (Пг., 1921). Гумилева познакомила с М.М. Тумповской ее подруга М.Е. Левберг в ноябре 1915 года и вплоть до осени следующего, 1916 года ее и поэта связывали близкие отношения. М.М. Тумповская — адресат любовной лирики Гумилева и автор одной из лучших прижизненных статей о творчестве поэта: *Тумповская М.М.* «Колчан» Н.С. Гумилева // Аполлон. 1917. № 6/7. С. 58–69. Подробнее о ней рассказано в очерках О.А. Мочаловой «Маргарита» в книгах: Жизнь Гумилева-1991. С. 312–314; Мочалова-2004. С. 88–92. См. также публикацию Р. Тименчика о ее творчестве, в которой приводится ряд ее стихотворений, в том числе предположительно посвященных Н.С. Гумилеву: *Тименчик Р.* Около акмеизма. 3. Из класса Гумилева // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 172–185.

[943] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 149; Ф. 3597. Оп. 2. Д. 182. Л. 265; Ф. 3597. Оп. 1. Д. 167. Л. 33. Согласно краткой записи о старшем полковом враче, Александр Гумилевский, коллежский ассесор, сын надворного советника, уроженец Симбирской губернии, родился 28 августа 1882 года.

[944] Труды и дни. С. 443.

[945] РГВИА. Ф. 12529. Оп. 1. Д. 14. Л. 211.

[946] Труды и дни. С. 444.

[947] *Блок А.* Записные книжки. М.: Худож. лит., 1965. С. 572.

[948] Арбенина-2007. С. 99–100.

[949] Мемуаристы расходятся во мнении, когда Гумилев познакомился с Анной Энгельгардт. Подробно об этом см. в очерке «Анна Энгельгардт — жена Гумилева (по материалам архива Д. Е. Максимова)». Публикация К.М. Азадовского и А.В. Лаврова в книге: Исследования-1994. С. 358–398. Автор придерживается мнения, что их знакомство состоялось весной 1916 года.

[950] Арбенина-2007. С. 101.

[951] *Ходасевич В.* Собрание сочинений. М.: Русский путь, 2010. Т. 2. С. 318–319.

[952] ПСС-8. № 46. Впервые опубликовано: ЛГ-Досье. 1992. № 2. Автограф: ГАРФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

[953] ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 18. Л. 49 об. Впервые опубликовано (с ошибками) в книге: Августейшие сестры милосердия / Сост. Н.К. Зверева // М.: Вече, 2006. С. 249. Там же, на С. 253, опубликовано приведенное выше приветствие Анастасии.

[954] Привал комедиантов-1988. С. 96–154. Хотя в приведенных там повестках «Поэтических вечеров» от 12 и 26 мая имя Гумилева не упоминается, о выступлении Гумилева в военной форме на вечере стихов в «Привале комедиантов» весной 1916 года вспоминает Оцуп: *Оцуп Н.* Океан времени. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник. 1993. С. 512, 547. Р. Тименчик в упомянутой выше публикации в сборнике Vademecum (Vademecum-2010. С. 184) приводит эпиграмму на Гумилева: «Когда с Георгиевским крестом свершаю подвиги в “Привале“...»

[955] Труды и дни. С. 446.

[956] *Елецкая О.* Лето в Слепневе // Россия (Нью-Йорк). 1958. 16 сентября.

[957] Георгиевским кавалерам полагалась выдача денег со дня совершения подвига. За Георгиевский крест 3-й степени — 60 руб. в год (5 руб. в месяц) (Учебник для пехотных команд / Сост. К. Адариди. Пг.: 1916. С. 7). Отдельные сведения в книге приводятся по статье И.А. Курляндского «Поэт и воин», опубликованной в книге: Исследования-1994. С. 254–298.

[958] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 188. Л. 671. Заверенная копия. Машинопись.

[959] С.В.П. — свод военных постановлений; В.В.—военное ведомство. В указанной статье значилось: «семейным офицерам ‹...› эвакуированным ‹...› в лечебные заведения, находящимся вне места жительства их семей, в каких бы они чинах ни состояли, полагаются суточные деньги: строевым офицерам., по 1 р. 50 коп. ‹...› за каждые сутки» (РГВИА. Ф. 12529. Оп. 1, д 9. Л. 386). Как семейный офицер, Гумилев, находясь в госпитале, получил эту выплату.

[960] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 189. Л. 270. Подлинник. На бланке начальника Царскосельского особого эвакуационного пункта. Машинопись.

[961] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 188. Л. 270 об.

[962] Подчеркнуто в тексте.

[963] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 188. Л. 170. Заверенная копия. Машинопись.

[964] Принадлежавшие тогда России Аландские острова на входе в Ботнический залив Балтийского моря.

[965] Труды и дни. С. 447.

[966] Там же.

[967] РГВИА. Ф. 3597, оп 1. Д. 189. Л. 563. Заверенная копия. Машинопись.

[968] РГВИА. Ф. 12529. Оп. 1. Д. 14. Л. 231.

[969] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 149; Ф. 3597. Оп. 2. Д. 182. Л. 352.

[970] Там же. Д. 189. Л. 562. Подлинник. Машинопись. На бланке Царскосельского уездного воинского начальника.

[971] См. воспоминания бывшего офицера полка А. Восняцкого на сайте — http://rus-mon.narod.ru/statji/vonsyackiy.html .

[972] Труды и дни. С. 448.

[973] Мочалова-2004. С. 35–42, 93–113. Ее воспоминания о Гумилеве первоначально опубликованы: Жизнь Гумилева-1991. С. 104–124.

[974] ПСС-8. № 149. Автограф: РГАЛИ. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1.

[975] Труды и дни. С. 449.

[976] Ахматова-ЗК. С. 665.

[977] Лукницкий-1. С. 102.

[978] У А.Н. Энгельгардта ошибочно указан 1915 год. Следует заметить, что, скорее всего, приведенные воспоминания относятся на самом деле не к 1916 году, а к лету 1918 года, кануну свадьбы. Вряд ли Гумилев мог в 1916 году относиться к Ане Энгельгардт как к «потенциальной невесте». Кроме того, не мог Гумилев в это время носить «изящный спортивный костюм», он мог быть только в военной форме. В тех же воспоминаниях А.Н. Энгельгардт пишет о знакомстве сестры с Гумилевым: «В этот период, весной 1916 года, она познакомилась с Николаем Степановичем Гумилевым. К тому времени я окончательно поправился и, выходя на улицу, впервые увидел Н.С. Гумилева, который зашел за сестрой, чтобы куда-то идти с ней. Он был одет в гвардейскую гусарскую форму, с блестящей изогнутой саблей. Он был высок ростом, мужественный, хорошо сложен, с серыми глазами, смотревшими открыто ласковым и немного насмешливым взглядом. Я расшаркался (гимназист III класса), он сказал мне несколько ласковых слов, взял сестру под руку, и они ушли, счастливые, озаренные солнцем». Но сам факт посещения Гумилевым Иванова-Вознесенска летом 1916 года в памяти отложился.

[979] Исследования-1994. С. 372. Свадьба действительно состоялась, но после окончательного возвращения Гумилева в Россию весной 1918 года. По свидетельству Лукницкого, со слов второй жены Гумилева Анны Николаевны, свадьба была устроена 25 июля по старому стилю — в день Св. Анны, или 7 августа по новому стилю, буквально через два дня после официального развода с Ахматовой, 5 августа 1918 года (Труды и дни. С. 538–539).

[980] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 149; Ф. 3597. Оп. 2. Д. 182. Л. 378.

[981] О получившем широкую известность в Париже, после эмиграции в 1921 году, композиторе, дирижере и музыкальном критике Фоме Александровиче Гартмане (21.9.1885–26.3.1956, Принстон, США) см.: Российское зарубежье-1. С. 345.

[982] Труды и дни. С. 450.

[983] РГВИА. Ф. 12529. Оп. 1. Д. 14. Л. 323.

[984] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 149. Ф. 3597. Оп. 2. Д. 182. Л. 388.

[985] Там же. Д. 118.

[986] Там же.

[987] Там же.

[988] Там же.

[989] Там же. Д. 149.

[990] Там же. Д. 183. Л. 3.

[991] Там же. Л. 4—машинопись. Л. 8—от руки; видимо, 1 экземпляр был отправлен в Уланский полк, другой — в штаб фронта.

[992] Впервые полный послужной список Гумилева был опубликован Г.П. Струве в: Гумилев–Струве-1. С. XLV–XLIX. Этот список составлен 2 декабря 1916 года в 5-м гусарском Александрийском полку, он наиболее полон. С ним Гумилев был откомандирован в мае 1917 года на Салоникский фронт, и он остался в Париже. В рапорте начальнику штаба Петроградского военного округа командующий полком Козлов писал 10 мая 1917 года: «При сем представляю послужной список прапорщика Гумилева, командированного в Ваше распоряжение для отправления на пополнение офицерского состава особых пехотных бригад, действующих на Салоникском фронте» (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 179. Л. 91). Имеется послужной список Гумилева от 29 августа 1916 года, заполненный чернилами, с пометкой: «Состоял больным в Петрограде. По выздоровлении 2 мая 1917 г. командирован в распоряжение начальника штаба Петроградского военного округа для отправления на пополнение офицерского состава особых пехотных бригад, действующих на Салоникском фронте. 21 сентября 1917 г. на основании сношения Главного штаба от 6 сентября 1917 г. за № 157201 исключен из списков полка (приказ № 281)» (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 116110). Третий послужной список опубликован И.А. Курляндским в книге: Исследования-1994. С. 258. Он составлен 10 мая 1917 года (РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 38441. Л. 4 об.–5). Отмечу, что, хотя здесь упоминается об отчислении Гумилева из Гусарского полка с 21 сентября 1917 года, сам приказ № 281 до Гусарского полка так и не дошел, и в приказах по полку, вплоть до его расформирования в конце 1917 года, приказ об отчислении Гумилева из списков полка отсутствует.

[993] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1 д.183. Л. 14–14 об.

[994] Там же. Д. 149.

[995] Там же. Д. 118.

[996] Там же.

[997] Там же.

[998] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 119.

[999] Там же.

[1000] Там же. Д. 149.

[1001] Иван Коневской (1877–1901, псевдоним Ивана Ивановича Ореуса) — поэт, один из основоположников русского символизма, почитаемый и следующим поколением поэтов, в частности, особенно его ценил В. Брюсов. Его отец, И.И. Ореус (1830–1909) вспоминал: «Коневской скончался 8 июля 1901 года, 23 лет от роду, едва кончив курс университета. Как и в предыдущие года, в этом году Коневской поехал в небольшое летнее путешествие (“странствие”, как говорил он), на этот раз по прибалтийским губерниям. Выехав из Риги, он вспомнил вдруг, что забыл в гостинице паспорт, и сошел на станции Зегевольде, чтобы дождаться встречного поезда и вернуться. День был жаркий. Около станции протекает река Аа (*ныне Гауя*). Коневской стал купаться... и утонул. Все эти подробности выяснились, конечно, позже, так как свидетелей его смерти не было. Тело Коневского было найдено через несколько дней и предано земле местным лютеранским пастором. Только после усиленных розысков отцу удалось узнать о судьбе единственного сына... Немецкая аккуратность местных властей сберегла все оставшееся от неизвестного покойника: одежду, вещи, бумаги. По этим признакам узнали безымянное тело и восстановили события последнего дня. Останки И. Коневского были вторично преданы земле уже по православному обряду. Особого православного кладбища в Зегевольде не оказалось. Тело Коневского было положено в лесу, прекрасно содержимом». Цитируется по книге: *Коневской Иван (Ореус)*. Мечты и думы. Томск: Водолей, 2000. С. 453. Его могила стала местом паломничества поэтов, своего рода поэтическим урочищем для ищущих идеальный мир. Там побывали В. Брюсов, О. Мандельштам (см. «Эрфуртскую программу» в «Шуме времени») и др.

[1002] ОР РГБ. Ф. 245 (Л.М. Рейснер). К.6. Ед. хр. 20. Л. 17. Текст эпиграммы впервые воспроизведен: Литературное наследство. Т. 92, кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 156; а также в книге: Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Библиотека поэта. Л. : Советский писатель, 1988. С. 525 (№ 1876). Под «папой» скорее всего подразумевается Валерий Брюсов, который создал в кругу символистов своего рода культ Коневского.

[1003] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 149; Ф. 3597. Оп. 2. Д. 182. Л. 382.

[1004] Там же. Оп. 1. Д. 171.

[1005] Константин Николаевич Скуратов (2.11.1874–16.02.1948, Париж, похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа) — полковник кавалерии, военный историк, писатель, общественный деятель. Окончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник Русско-японской войны. Служил вначале в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку, затем в 5-м Александрийском гусарском полку. В Гражданскую войну воевал на Юге России. В эмиграции во Франции написал и издал пятитомную историю этого полка — «Мирное и боевое прошлое лейб-гвардии Конно-гренадерского полка». Париж; Нью-Йорк, 1938–1951. (Российское зарубежье-3. С. 128; Волков-2002. С. 447; Волков-2004. С. 484).

[1006] Для обучения кавалеристов использовались различные игры, в том числе «Лисички» и «Парфорсная охота». (См. их описание на сайте: http://www.cavalerist.ru/vpv_ks_games.shtml). О «Парфорсной охоте» Гумилев в начале августа написал матери, см. ниже.

[1007] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 119.

[1008] Там же. Д. 171.

[1009] Обратите внимание на эту фразу Гумилева, явно противоречащую утверждению Лукницкого (со слов Ахматовой), что в Гусарском полку «полковое начальство, недоброжелательно и подозрительно относившееся к “писательству”, запретило Н.Г. печатать “Записки кавалериста”» (Труды и дни. С. 442). «Запретить» их печатать было невозможно, так как все они были уже опубликованы. А писать ему, естественно, никто не запрещал.

[1010] ПСС-8. № 150. Автограф: РО ИРЛИ. Р.1. Оп. 5. № 500.

[1011] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 149.

[1012] Там же. Д. 119. Про Каледина (24 октября 1861–29 января 1918) имеется обширная литература.

[1013] Труды и дни. С. 451.

[1014] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 149; Ф. 3597. Оп. 2. Д. 182. Л. 420.

[1015] Там же.

[1016] Там же. Д. 176. Л. 120.

[1017] Труды и дни. С. 452.

[1018] Как офицер, находившийся в служебной командировке, Гумилев столовался в Офицерском собрании армии и флота, находившемся недалеко от снимаемой им квартиры, на Литейном пр., 20; сейчас здесь размещается Дом офицеров (Труды и дни. С. 454).

[1019] Труды и дни. С. 453.

[1020] Подчеркнуто в тексте.

[1021] 2 марта 1916 года начальник ГУВУЗа писал в канцелярию Военного министерства: «Я полагал бы впредь, в течение настоящей войны, допустить замену экзамена по немецкому языку экзаменом по французскому или английскому языку...» (РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 387. Л. 49). Впоследствии в телефонограмме в ГУВУЗ от 25 октября 1916 года было сказано: «На офицерских экзаменах при Николаевском кавалерийском училище держали по французскому языку прапорщики: Гумилев, унтер-офицер Шенфальд и Горский. Все остальные... держали по немецкому языку». Помощник инспектора классов Толстов (РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 388. Л. 363). О плохом знании Гумилевым немецкого языка было сказано ранее, вспомните, например, его диалог с Ф. Ф. Фидлером 21 ноября 1915 года. В документе напротив слов «по немецкому языку» сбоку запись — «можно».

[1022] В архивном деле имеются еще два рапорта Гумилева: от 26 августа 1916 года о предоставлении им копии с аттестата зрелости № 3581 (в архиве не найден) и от 6 сентября 1916 года о предоставлении послужного списка, составленного 29 августа 1916 года, — этот послужной список приведен выше (Ф. 725. Оп. 50. Д. 388. Л. 160, 234). Послужной список и аттестат после не выдержанных Гумилевым экзаменов были отосланы обратно в полк 18 ноября (Ф. 3597. Оп. 1. Д. 176. Л. 157).

[1023] РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 388. Л. 115. Подлинник. Автограф.

[1024] Рецензии на сборники М. Струве и К. Ляндау, опубликованные в газете «Биржевые ведомости» 30 сентября 1916 года. Об этом см. ниже воспоминания Сергея Ауслендера.

[1025] О театре марионеток Юлии Леонидовны Сазоновой-Слонимской (1887–1957) и о заказанной для него пьесе-сказке Гумилева «Дитя Аллаха» см. выше.

[1026] Это намерение Гумилева не осуществилось, так как Гумилеву было предписано сразу же возвратиться в полк.

[1027] Андрей Андреевич Горенко (1886–1920) — брат Ахматовой.

[1028] По мнению Романа Тименчика, речь, возможно, идет о Елене Ивановне Страннолюбской (ур. Ахшарумовой), ближайшей подруге покойного к тому времени отца Ахматовой.

[1029] ПСС-8. № 152. Автограф из собрания М.С. Лесмана, хранящегося в Музее Ахматовой в Фонтанном доме.

[1030] См. примеч. 253.

[1031] Лукницкий-1. С. 102.

[1032] Лесман-1989. С. 370.

[1033] РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1–2. В 1916 году, скорее всего, Гумилев присутствовал только на первом заседании Второго Цеха поэтов.

[1034] Жизнь Гумилева-1991. С. 48.

[1035] РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 388. Л. 325а об.—326 об. Подлинник. Фамилия Гумилева значится в графе: «Не явившиеся на экзамены по уважительным причинам». Гумилев, как не сдавший экзамены по уважительной причине (возможно, из-за болезни, о чем сказано в воспоминаниях Сергея Ауслендера), мог быть допущен к переэкзаменовке и сдаче пропущенных экзаменов, что подтверждает отношение начальника ГУВУЗа начальнику Николаевского кавалерийского училища от 24 октября 1916 года о допустимости таких переэкзаменовок (РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 388. Л. 347–347 об.). Гумилев не воспользовался этой возможностью.

[1036] Предметы с подчеркнутыми в аттестационном списке «пятерками» считались сданными неудовлетворительно, и они требовали переэкзаменовки. Хотя, если бы Гумилев сдал все экзамены, и его средний балл составил не менее «9», возможно, переэкзаменовка бы и не потребовалась.

[1037] Экзамен по артиллерии, которого так боялся Гумилев и о чем он писал Ахматовой, он все-таки выдержал.

[1038] Прочерк на месте оценок означает, что экзамены по этим предметам Гумилев вообще не держал. Это опровергает утверждение Лукницкого (Труды и дни. С. 459) о том, что Гумилев «не выдержал экзамена по фортификации и в корнеты произведен не был». Этого экзамена Гумилев вообще не держал, «по уважительной причине».

[1039] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 176. Л. 157.

[1040] ПСС-6. № 14.

[1041] См. примеч. 852.

[1042] Труды и дни. С. 456–459.

[1043] Места традиционных прогулок Гумилева и Рейснер — Крестовский и Каменный острова, Летний сад. Лариса Рейснер жила недалеко от Крестовского острова, на ул. Большая Зеленина. Д. 28 (в то время — дом 26 б), кв.42. Гумилев почему-то в одних письмах указывал номер дома как «26 б», а в других — как «26 в». Далее каждый раз сохранено написание оригинала.

[1044] Здесь Гумилев упоминает подаренные Ларисе свои сборники: переводы Теофиля Готье «Эмали и камеи» (1914) и сборник стихов «Колчан» (1916).

[1045] Петроградский Психоневрологический институт, в котором в то время училась Лариса Рейснер.

[1046] ПСС-8. № 151; ПСС-2. № 49. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245 (Л.М. Рейснер). К. 6. Ед. хр. 20. Л. 1. Впервые вся переписка Н. Гумилева с Л. Рейснер была опубликована Н.А. Богомоловым: Рейснер–Богомолов-1987. С. 70–76. При подготовке книги тексты всех писем Гумилева и Ларисы Рейснер были тщательно сверены с хранящимися в архиве оригиналами. При этом были выявлены разночтения (в тексте не отмечаются) относительно их публикации в других изданиях, в частности в ПСС-8.

[1047] Наиболее добросовестно и корректно написана книга: *Пржиборовская Г.* Лариса Рейснер (в серии ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2008). Перенасыщена бурными фантазиями и измышлениями книга: *Алексеева Адель*. Красно-белый роман. (Лариса Рейснер в судьбе Николая Гумилева и Анны Ахматовой). М.: Алгоритм, 2008). Мало ему уступают «академические» комментарии в ПСС-8, примечания к письму № 151 на с. 540–544. Интересен «Автобиографический роман» самой Ларисы Рейснер: Литературное наследство. Т.93. М.: Наука, 1983. С. 190–259. Следует отметить также эссе Григория Кружкова «В случае моей смерти все письма вернутся к вам» в книге: *Кружков Г.* Ностальгия обелисков. М.: НЛО, 2001. С. 381–397.

[1048] ПСС-8. № 42, письма к Гумилеву. С. 248. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.5. Ед. хр. 3.

[1049] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 150.

[1050] Там же. Д. 120.

[1051] Там же. Д. 120 и 121.

[1052] Там же. Д. 148–150.

[1053] Ранее в приказах № 135, 167, 224 и 258 указывается его присутствие в апреле — мае (21 и 5 дней, соответственно, то есть с 10 апреля по 5 мая) и в июле–августе (7 и 16 дней, соответственно, то есть с 25 июля по 16 августа). В этих приказах указываются также причины и даты прибытия и убытия. В приказах № 356, *9*, 48 указано присутствие Гумилева в ноябре–декабре 1916 года и в январе 1917 года: 30, 31 и 22 дня, соответственно, то есть формально из полка он в этот период никуда не выезжал, получая полное довольствие.

[1054] ПСС-8. № 153. Печатается точно по автографу: ОР РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр. 20. Л. 3–4. В других публикациях имеются существенные расхождения с первоисточником.

[1055] Цитата из 1-го действия пьесы «Гондла»: ПСС-8. С. 108.

[1056] Это письмо либо не сохранилось, либо не дошло до адресата.

[1057] Эта фраза позволяет датировать следующее письмо Ларисы Рейснер как ответ на это послание.

[1058] Стихотворение И.А. Бунина «Одиночество» заканчивается строчками: «Что ж! Камин затоплю...»

[1059] «Столп и утверждение истины» — сочинение П.А. Флоренского, изданное в Петербурге в 1914 году.

[1060] Правильно — солипсизм (от лат. *solus*, «один», и лат. *ipse*, «сам»), в философии крайняя форма субъективного идеализма, в которой несомненной реальностью

признается только мыслящий субъект, а все остальное объявляется существующим лишь в сознании индивида.

[1061] «Актеон» — так Гумилев назвал свою пьесу, опубликованную осенью 1913 года, вскоре после возвращения из Африки. О ней было сказано в 1-й части. См. также: ПСС-5. № 4 и комментарии на с. 427–434. Многие монологи Актеона из пьесы перекликаются со строками письма.

[1062] Мадагаскар упоминается и в предыдущем письме Ларисы Рейснер Гумилеву. Видимо, это отголоски их длительных бесед во время петроградских прогулок по островам. В отличие от Ахматовой, Рейснер к предложению Гумилева отправиться после войны в Африку отнеслась, видимо, заинтересованно. Вспомним, что на Мадагаскар Гумилев звал и своего сослуживца Георгия Янишевского; см. рассказ последнего про совместную с Гумилевым службу в Запасном кавалерийском полку в сентябре 1914 года.

[1063] Труды и дни. С. 459.

[1064] Достаточно распространенная ситуация в то время; например, известно, что многие письма Марины Цветаевой восстановлены по их черновым наброскам в рабочих тетрадях. См.: *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т.6. Письма. М.: Эллис Лак, 1995. С. 5.

[1065] В некоторых публикациях между «денщик» и «профессиональный повар» стоит запятая, однако в оригинале письма ее нет, что, видимо, правильно. Вряд ли Гумилеву предоставили и «денщика», и «профессионального повара».

[1066] Юркун Юрий Иванович (1895–1938) — прозаик, близкий друг М. А. Кузмина. Здесь его фамилия употреблена в уничижительно-пренебрежительном смысле, как символ чуждых Ларисе Рейснер взаимоотношений.

[1067] Возможно, «Литейный» возник как воспоминание о встречах там с Гумилевым; до отъезда из Петрограда он снимал комнату на Литейном проспекте, д. 31.

[1068] ПСС-8. № 43, письма к Гумилеву. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.5. Ед. хр. 3. На этом месте письмо обрывается, в конце страницы. Следующая страница отсутствует.

[1069] Утверждение в ПСС-3, в комментариях к стихотворению «Девушка» (№ 60. С. 392–393), что этой часовней является часовня при храме Иоанна Предтечи на Каменном острове, не соответствует истине. Вызывает сомнение и то, что само комментируемое стихотворение «Ты говорил слова пустые…» («Девушка») обращено к Ларисе Рейснер.

[1070] Отмечу, что выше, во 2-й части, рассказывалось о коротком увлечении Гумилева, в апреле 1915 года, дочерью архитектора этой часовни Леонтия Николаевича Бенуа (1856–1928).

[1071] Фотографию часовни можно видеть в 6-м выпуске «Поэт на войне»; там же можно найти фотографии всех мест, связанных со службой Гумилева в Гусарском полку. Фотографии часовни можно также найти на сайтах, посвященных старому Петербургу — по адресу, имени архитектора и названию часовни.

[1072] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 150.

[1073] Там же.

[1074] Там же.

[1075] Там же. Д. 121.

[1076] ПСС-3. № 39. Справедливости ради надо сказать, что написано стихотворение ранее и впервые было опубликовано в журнале «Аполлон» (1916. № 1). Возможно, навеяно оно было до сих пор уцелевшим огромным дубом в родовом имении Слепнево, свидетелем тех лет, о котором Ахматова писала: «…Единственного в этом парке дуба // Листва еще бесцветна и тонка…». Кстати, стихотворение это написано 20 мая 1916 года в Слепневе, как раз в те дни, когда туда на пару дней заезжал Гумилев.

[1077] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 121.

[1078] Там же. Д. 150.

[1079] ПСС-8. № 44, письма к Гумилеву. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.5. Ед. хр. 3.

[1080] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 150.

[1081] Там же.

[1082] Там же. Д. 121.

[1083] Там же.

[1084] ПСС-8. № 154. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр. 20. Л. 5–6.

[1085] Труды и дни. С. 460.

[1086] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 121.

[1087] Распутин был убит в ночь с 16 на 17 декабря.

[1088] Лукницкий-1. С. 102–103.

[1089] Тименчик-1998. С. 412. Хотя Тименчик и оговаривается, что «отожествление может оказаться неверным», но документально оно вполне подтверждается.

[1090] Воспоминания об Ахматовой. С. 84.

[1091] Лукницкий-1. С. 42.

[1092] В книге было неправильно — «Marguis de Lanlay. Regueil de Posie», надо — «Marquis de Lanlay (?). Recueil de Poésie», «Маркиз де Ланлей. Сборник поэзии». Про «маркиза» см. ниже в письме Лозинскому от 15 января 1917 года.

[1093] Труды и дни. С. 461–463.

[1094] Речь идет об очередной редакции поэмы Гумилева «Мик» (ПСС-3. № 3 и комментарии на с. 300–312). Поэма была написана в конце 1913-го и начале 1914 года. Первоначально, под заглавием «Мик и Луи», она была прочитана на заседании ОРХС 25 февраля 1914 года. Поэма неоднократно перерабатывалась, предлагалась в различные издательства и журналы. «Два отрывка из абиссинской поэмы» вошли в сборник «Колчан». В письме Чуковскому речь, видимо, идет о публикации поэмы в журнале «Нива». Известны датированные 10 февраля 1917 года корректурные гранки, которые Гумилев увез с собой во Францию, и они сохранились в собрании Г.П. Струве. См.: Гумилев–Струве-2. С. 336. Оригинал гранок: HIA-GSP. Box 151. Fol.13. На гранках проставлен штемпель «Нива», и под ним от руки надпись: «№ 4. Для детей. 9 гранок». Подразумевается «Иллюстрированное приложение к журналу “Нива”», «Для детей», под редакцией К. Чуковского. Скорее всего, февральские события 1917 года помешали выходу этой публикации. Впервые поэма полностью была напечатана в издательстве «Гиперборей» 3 июля 1918 года, после возвращения Гумилева в Россию.

[1095] ПСС-8. № 155. Автограф: ОР РГБ. Ф. 620. К.63. Ед. хр. 44.

[1096] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 150.

[1097] Там же. Д. 121.

[1098] Дерюгин Михаил Феофанович (26.12.1876—?) — подполковник, командир 5-го эскадрона, куда перевели Гумилева и Ромоцкого. Окончил Тверское кавалерийское училище, офицерскую кавалерийскую школу. В службе с 16.08.1895 года, с 1.09.1898— корнет 15-го драгунского Александрийского полка. С 1909 года штабс-ротмистр 5-го Александрийского гусарского полка. Награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. (1906) и Св. Анны 3-й ст. (1909).

[1099] Имя Ю.Ф. Ромоцкого прозвучало здесь впервые, хотя, как неожиданно выяснилось, Ромоцкий был близким другом Гумилева за все время его службы в Гусарском полку, потому, видимо, их перевели вместе в другой эскадрон на время дежурства. Это выяснилось по его интереснейшим и на редкость точным воспоминаниям, записанным в начале 1930-х годов в Польше известным польским филологом Сергеем Кулаковским. Так как эти воспоминания охватывают весь период службы Гумилева в Гусарском полку, они будут приведены как приложение к этой части книги и снабжены необходимыми комментариями, хотя вся изложенная в них информация согласуется с приведенными выше документами, в том числе названия населенных пунктов и имена действующих лиц.

[1100] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 150.

[1101] Там же. Д. 121.

[1102] Там же.

[1103] Там же. Д. 216.

[1104] Там же. Л. 101–101 об.

[1105] Там же. Д. 111. Л. 154–154 об. — 3 января; Л. 167–167 об. — 5 января; Л. 194–194 об. — 7 января; Ф. 3597. Оп. 1. Д. 222. Л. 30–30 об. — 9 января.

[1106] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 222. В связи со сказанным выше, становится понятным, почему Гумилев писал донесения — «за Ромоцкого». Возможно, из-за того, что Ромоцкий был поляком, ему было неподручно самому писать донесения, и Гумилев помогал другу.

[1107] Гумилев–Струве-4. С. 540. (Запись 1937 года.) Короткая справка из его Послужного списка (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 167. Л. 8): «Алексей Васильевич Посажной на 18 июня 1916 года имел звание младшего офицера. Родился 12 октября 1880 г. Сын коллежского асессора, уроженец Петроградской губернии. Православного вероисповедания. Холост. Закончил Николаевский кадетский корпус и курс в Николаевском кавалерийском училище. На воинской службе с 1902 года, с 1909 года был в запасе. С 20 сентября 1914 г. — в 5-м гусарском Александрийском полку, в 4-м эскадроне, т.е. в одном эскадроне с Гумилевым. Имеет орден Св. Станислава 3 ст. с мечом и бантом. В штабс-ротмистры произведен 25 июля 1916 года». Но сравнение графиков их пребывания в полку (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 135, 167, 203 и др.) за все время нахождения там

Гумилева показало, что пересекались они достаточно редко. Когда Гумилев прибыл в полк (10 апреля 1916 г.), Посажной был в длительном отпуске (с 15 марта по 3 мая — как неожиданно выяснилось, по болезни, причем в том же госпитале, где вскоре оказался Гумилев). Напомню, что Гумилев покинул полк по болезни 6 мая. Все лето Посажной был в полку (заметим, что полк при этом стоял в резерве, далеко от линии фронта, не участвуя ни в каких боевых действиях), а Гумилев в это время находился в полку лишь с 25 июля по 16 августа. Наконец, когда Гумилев вернулся в полк с экзаменов (25 октября), Посажной опять отсутствовал в полку, вначале с 11 октября по 2 ноября, а затем с 16 ноября по 16 декабря. Гумилев зимой был на позициях дважды, с 4 по 18 декабря и с 29 декабря по 10 января. Причем в последний раз он дежурил не со своим эскадроном. Из этого следует, что доверять «показаниям» Посажного вряд ли следует. Не было никаких «двух месяцев в одной с Гумилевым хате». Тем более не было **ни одного боевого совместного дежурства**. Скончался А.В. Посажной в Русском инвалидном доме в Монморанси, недалеко от Парижа, 15 марта 1964 года.

[1108] Гумилев–Струве-2. С. 313–316. О Посажном и его творчестве есть статья в: Русское зарубежье-2. С. 516. Но там неверно указан год его рождения. В Париже он работал шофером и на протяжении многих лет издавал книги стихов, добавляя к названию каждого нового сборника номер «Легиона». Книга «Эльбрус. Стихи. Легион 6-й», куда попало его описание Гумилева, вышла в 1927 году. Случайно удалось обнаружить автограф еще одного его стихотворного сочинения, соседствующий в альбоме с приведенным выше стихотворным посвящением Гумилева императрице Александре Федоровне; написано, как и поэма, без знаков препинания (ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 18. С. 47):

Я лежал пораженный недугом
С сильной болью груди головы
Когда вместе с сестрою другой
Надо мной появилися Вы

Ободряя словами участья
Отгоняя душевный мороз
Удаляя болезни ненастья
Укрепляя для будущих гроз

Когда дети царя приходили
Тогда всем нам дышалось легко
И страданья тогда отходили
От болящих бойцов далеко

И в грядущие наши невзгоды
Уж быть может нося седины
Мы помяним про Ваши приходы
Как про детства волшебные сны.
Гусар Вашего Величества
Посаjной (sic!)
27.04.16 г.

Так что, практически не встречаясь друг с другом на полях рати, Посажной и Гумилев случайно оказались рядом друг с другом на полях страницы альбома с посвящениями императрице.

[1109] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 171. Л. 112.

[1110] Там же. Д. 251.

[1111] Там же. Д. 165. Л. 62. В списках полка на январь 1917 года он значится как штабс-ротмистр. Владимир Александрович Петрушевский (5.02.1891, Москва–30.08.1961, Сидней, Австралия) — из дворян, сын офицера, ученый-вулканолог, сейсмолог, поэт, литератор, общественный деятель. Хотя он родился в Москве, большая часть его жизни прошла на Дальнем Востоке, где его отец, крестник императора Александра III, служил в гренадерской артиллерийской бригаде. По наследству Владимиру досталась склонность к военному делу, он окончил Хабаровский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Служил в Уссурийском казачьем дивизионе. Когда началась война, записался в 5-й Гусарский Александрийский полк. Во время Гражданской войны воевал на Восточном фронте в армии Колчака, был начальником штаба Уфимской кавалерийской дивизии, там получил звание полковника. После завершения боевых действий, в поисках работы и более надежного пристанища, В. Петрушевский 24 августа 1920 года отчалил из Владивостока, входившего в состав ставшей просоветской

Дальневосточной республики, и высадился на находившемся под голландским протекторатом острове Ява. В 1921 году он поступил на службу в Горный департамент в отдел геологии, изучил голландский и малайский языки. Окончил в Париже Высшие военно-научные курсы генерала Головина. Начав работать рядовым чиновником вулканической службы, В. Петрушевский вскоре стал известным вулканологом, заняв должность начальника геологической службы разведки вулканов. Он принимал участие в 280 экспедициях по исследованию вулканических районов, изъездил, исходил и облетал все острова Индонезийского архипелага и длинный ряд мелких островов Океании. Работа была связана с постоянной опасностью для жизни, требовала от исследователя большого личного мужества. Деятельность Петрушевского получила признание среди его коллег-ученых: на послевоенном конгрессе геологов в Осло он был объявлен «чемпионом», так как оказался единственным, кто спустился на дно 68 кратеров. Один из вулканов на острове Ломблен, Малые Зондские острова, был назван в его честь «Петруш» — так его звали местные жители. В. Петрушевский написал 5 брошюр по вулкановедению, участвовал во многих научных конференциях и съездах, выступал с докладами.

Помимо этого В. Петрушевский был поэтом, писать стихи начал еще в Хабаровском кадетском корпусе. В 1930 году издал в Париже сборник стихов «Родине», снабдив его трогательным, но характеризующим автора предуведомлением «От автора»: «Весь чистый сбор от продажи этой книжки поступит в пользу Инвалидов: 75% в Зарубежный союз русских военных инвалидов, а 25% в пользу дорогих однополчан, Александрийских Ея Величества гусар для той же цели. Я не буду обижен, если читатель критически отнесется к моей Музе, но буду безгранично счастлив, если мои стихи заставят сильнее забиться сердца русских патриотов, находящихся на чужбине, и вдохнут в них надежду и веру в светлое и славное будущее дорогого нашего отечества. В. Петрушевский».

В 1950 году здоровье Петрушевского ухудшилось, и он вышел на пенсию. Переехал в Австралию, поселился в Сиднее, где занимался активной общественной и церковной деятельностью в среде русской эмиграции. Он входил в состав 14 общественно-политических, церковных, военных и казачьих организаций, был энергичным и инициативным защитником интересов своих соотечественников. Основатель и начальник Австралийского округа Корпуса Императорской армии и флота, представитель Союза русских военных инвалидов. Интересы Петрушевского отличались большой широтой: в результате многолетних занятий нумизматикой его коллекция насчитывала около 600 редких монет русской чеканки. Он обладал прекрасным собранием старинных книг, подлинных документов и фотографий, относящихся к российской истории. Все эти увлечения определялись единым мотивом — сохранить в изгнании связь с родиной, изучая ее прошлое, ее культурные корни. Замечу, что Владимир Александрович не пожелал изменить свое подданство в эмиграции и навсегда остался гражданином Царской России. Скончался он 30 августа 1961 года, оставив жену Марию Артуровну (урожденную Шмидт) и двоих детей: Ольгу (1932 г.р.) и Сергея (1934 г.р.). Похоронен на русском кладбище в Руквуде. В память о нем друзья и близкие выпустили книгу: Петрушевский В.А.: Поэт. Патриот. Солдат. Вулкановед. Книголюб. Нумизмат. Общественный деятель. Издание Австралийского округа. Корпус Императорских Армии и Флота. Сидней, 1966. Большинство сведений о нем из этой книги. См. о нем также: Российское зарубежье-2. С. 437; Волков-204. С. 408; на различных сайтах в Интернете, где приводятся его стихи.

[1112] Часовой. 1951. № 314(11). Декабрь. С. 15. Этой заметке предшествовала публикация: *Ширяев Б.* Последний Поэт-Гусар. (Часовой. 1951. № 313 (10). Ноябрь. С. 18.), в которой он, рассказывая о «гусарских традициях» в русской поэзии, начиная от Д. Давыдова и А. Пушкина, причисляет, в «духовном смысле», к последнему поэту-гусару Н. Гумилева, не зная точно, в каком полку служил поэт. Эта публикация послужила толчком к многочисленным письмам читателей в редакцию журнала, и редакция, так же точно не знавшая, где служил Гумилев, дала свой ответ.

[1113] Часовой. 1952. № 316 (2). Февраль. С. 12.

[1114] Там же. № 318 (4). Апрель. С. 19.

[1115] Выше было рассказано, как Гумилев готовился к полковому празднику Гусарского полка, который отмечался 30 августа/12 сентября. Тогда Гумилев не смог принять в нем участие, так как уехал в Петроград на сдачу офицерских экзаменов.

[1116] РГАЛИ. Ф. 693. К.1. Ед. хр. 9. Л. 8–8 об.

[1117] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 251.

[1118] Там же. Д. 216.

[1119] Подразумевается статья: *Жирмунский В.М.* Преодолевшие символизм. (Русская мысль. 1916. № 12), где разбиралось творчество акмеистов, в том числе и Гумилева.

[1120] Речь идет об изданиях: *Грээм К.* Золотой возраст. СПб., 1898; *Грээм К.* Дни грез. СПб., 1900; *Кальдерон П.* Сочинения. М., 1912. Т. 3. Внимание Гумилева к книгам английского детского писателя К. Грээма (Grahame K., 1859–1932) могло быть привлечено тем, что переводчицей их на русский язык была А.В. Гольштейн, видная фигура в русских литературных кругах Парижа в 1900-е годы, близкая знакомая семейства Деникеров (Письма-1987).

[1121] Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) — литературовед. Был хорошо знаком с Гумилевым — ср. в экспромте-акростихе Гумилева «Николай Гумилев»: «Лучше буду я курить табак, / А Мочульский пусть дает мне спички» (ПСС-2, № 90). Об их встречах в Петербурге перед войной было сказано в 1-й части. В ряде критических статей Мочульского о Гумилеве и акмеизме интересны возможные отражения бесед с Гумилевым. Ср., например, в его статье «Классицизм в современной русской поэзии»: «Борьба для Гумилева важнее, чем цель борьбы: определить программу новой школы он предоставляет критикам. Как только символизм кажется ему “преодоленным” — его воинственный жар гаснет. “Акмеизм” как будто забыт, знамя свернуто, и войско распущено» (Мочульский-Томск. С. 186). Рассказ о Мочульском будет продолжен в 4-й части.

[1122] Гумилева в это время мучили вопросы теории стихосложения, об этом же он написал в этот день и Ларисе Рейснер. (Видимо, его не устроила книга «маркиза», которую ему дал с собой Лозинский, когда он был в Петрограде.)

[1123] ПСС-8. № 156. Автограф в собрании М.Л. Лозинского.

[1124] Кстати, М.Л. Лозинский жил на Каменноостровском проспекте, д. 75, последний перед Невой дом по правой стороне, как раз напротив той домовой церкви Фирса и Саввы, рядом с которой стояла часовня, куда ходила Лариса Рейснер. Сейчас на этом доме посвященная ему мемориальная доска.

[1125] Оригинальные лыжи заказал себе Гумилев, явно чувствуется «рука спортсменки» Лери. «Telemark» — это провинция в Норвегии и особый способ спуска с гор на лыжах, утвердившийся там же, не прямолинейный, а зигзагообразный. Термин относится также к появившемуся там зауженному типу лыж. На таких лыжах было удобнее спускаться с гор, а по равнине — не шагать (это лучше делать на широких лыжах), а скользить. Крепление совершенствовалось вместе с самими лыжами, и один из вариантов более жесткого крепления мыса со свободной пяткой — указанное Гумилевым «Huitfeldt-Bindung», см. сайт http://www.skiclubhaid.it/default.asp?id=4&mnu=4&ACT=5&content=9 . См. также посвященный «Телемарку» сайт — http://www.rasc.ru/school/article02.shtml. Любопытно, что Гумилев заказал себе и лыжную мазь, которую стали использовать именно при скольжении. Но при этом он почему-то не стал заказывать лыжные палки. Возможно, поставлялись они вместе с лыжами. Но до лыж дело так и не дошло…

[1126] Ни одно из этих писем не сохранилось. Это подтверждает предположение, что никакого «возвращения» писем после возможного разрыва не было.

[1127] Эта фраза подтверждает то, что Гумилев вернулся в полк 28 декабря, следовательно, покинул он Петроград 27 декабря 1917 года.

[1128] «И даль свободного романа // Я сквозь магический кристалл // Еще не ясно различал…» («Евгений Онегин», гл.VIII, ст.L).

[1129] Гумилев перечисляет различные строфические формы, присущие французской поэзии. В отличие от традиции русского символизма Цех поэтов, возглавлявшийся Гумилевым, декларировал отказ от частого употребления твердых строфических форм. Ср. у И. Северянина: «Уж возникает “Цех поэтов” // (Куда бездари, как не в “Цех”!), // Где учат этих, учат тех, // Что можно жить без триолетов, // И без рондо, и без... стихов» (Рейснер–Богомолов-1987).

[1130] Теодор Фоллэн де Банвиль (1823–1891) — французский поэт, прославленный совершенным владением стихотворной техникой (Рейснер–Богомолов-1987).

[1131] Уильям Хиклинг Прескотт (1796–1859) — американский историк, автор книги «Завоевание Мексики» (1843). Гумилев пользовался изданием 1885 года, вышедшим под заглавием «Завоевание Мехики» (другое русское издание называлось «Завоевание Мексики Фердинандом Кортецем») (Рейснер–Богомолов-1987).

[1132] Сергей Васильевич Чехонин (1878–1936) — известный русский художник, мастерски владевший техникой книжной графики и миниатюрной живописи. Возможно, имеется в виду миниатюра-заставка к изданию поэмы «Мик» 1918 года, две заключительные главы которой, как было сказано выше, Гумилев должен был отправить Чуковскому. В издании 1918 года действительно имеется миниатюра с диким пейзажем и множество декоративных заставок, однако их автор нигде не указан. Принадлежность их С. Чехонину не очевидна. По мнению Г. Пржиборовской (Пржиборовская-2008. С. 183), слова о миниатюре могли относиться к одному из портретов Ларисы Рейснер, выполненных С. Чехониным. Известны три ее акварельных портрета работы Чехонина, однако, по мнению автора, все они относились к более позднему периоду, да и вряд ли Гумилев мог просить прислать ему на фронт живописный портрет своей возлюбленной. Скорее, речь могла идти о миниатюре для издания книги.

[1133] ПСС-8. № 157. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр. 20. Л. 7–8.

[1134] Кватроченто — итальянский XV век. Противопоставляя его эпохе Возрождения, Рейснер не совсем точна: по современным представлениям, Возрождение зарождается еще в XIV веке.

[1135] Содома (Джованни Антонио Бацци, 1477–1549) — итальянский художник. Гумилев упоминает его в стихотворении «Пиза» (ПСС-2. № 81).

[1136] Отсылка на уничтоженную картину Леонардо да Винчи «Леда с Лебедем», которую Гумилев упоминает в стихотворении «Флоренция» (ПСС-2. № 95).

[1137] Мазаччо (Томмазо ди Джованни ди Симоне Кассаи, 1401–1428) — итальянский художник, автор многих фресок. Один из изобретателей линейной перспективы.

[1138] Имеется в виду Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949).

[1139] В Болонье был открыт в XII веке один из старейших европейских университетов, его Гумилев упоминает в стихотворении «Болонья» (ПСС-2. № 97). Отметим, что в этом письме Лариса Рейснер обращается к Гумилеву как бы через призму его итальянских стихотворений в сборнике «Колчан», который он ей, безусловно, ранее подарил.

[1140] Увы, Лариса Рейснер оказалась права, замысел пьесы о завоевании Мексики так и не наполнился героями и содержанием. Вскоре в Париже он трансформировался в другую пьесу, наполненную другим содержанием и другими героями, но уже не имевшую отношения к автору письма.

[1141] ПСС-8. № 45, письма к Гумилеву. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.5. Ед. хр. 3.

[1142] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 251. Л. 32; Ф. 3597. Оп. 2. Д. 306. Л. 37.

[1143] Там же. Д. 176. Л. 191.

[1144] Там же. Д. 251. Л. 39.

[1145] Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 11. Рукописная копия.

[1146] Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 11.

[1147] ПСС-8. № 85.

[1148] В автографе описка: 22 января 1916 года.

[1149] Как было сказано выше, с 23 января полку было предписано занять прежние позиции по Двине. Полк стоял на позициях вдоль Двины с 24 января по 7 февраля. В сообщениях говорилось, что «все время буран, Двина встала» (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 216). Так что перспектива отправиться в «разведку на ту сторону Двины», если бы не командировка, для Гумилева была вполне реальной, это, видимо, обсуждалось в эскадроне.

[1150] Хотелось бы обратить внимание на эту фразу Гумилева. Пьеса о завоевании Мексики, для Ларисы Рейснер, написана не была. Заметим, что именно в эти дни вышел журнал «Русская мысль» (1917. № 1) в котором была напечатана «Драматическая поэма в четырех действиях» — «Гондла». Героиня ее — «Лера». Сама Лариса Рейснер первой откликнулась на эту публикацию рецензией в журнале: Летопись. 1917. № 5–6. С. 262–264: «Все в ней радуется своему большому росту, стих расправляется в монологах и диалогах, играет силой, нестесненной архитектурным, героическим замыслом». А следующей пьесой Гумилева, к которой он вскоре приступил, была именно «трагедия в пяти действиях» — «Отравленная туника» (ПСС-5. № 7). Возможно, замысел претерпел изменение, с одной стороны, из-за «невежества относительно мексиканских дел», но, с другой стороны, и по причине происшедших вскоре событий. Поэт перенес место действия из Мексики в Византию. При этом коллизии взаимоотношений поэта Имра и юной Зои не являются ли отголоском того, что произошло вскоре после написания этого письма между Гумилевым и Ларисой и что послужило причиной их расхождения? Мне кажется, что не слишком корректно все переводить в «физиологическое русло» (впрочем, как и в политическое), чем грешат «академические» комментарии к первому, стихотворному письму Гумилева Ларисе Рейснер (ПСС-8. № 151. С. 540–544).

[1151] Бахтиары — группа племен Юго-Западного Ирана. Видимо, уже в это время Гумилев начал всерьез подумывать о Русском экспедиционном корпусе, куда вскоре попал, оказавшись в Париже. А меньше чем через год он будет писать как шутливые,

стихотворные, так и вполне официальные рапорты с просьбами отправить его на Персидский фронт.

[1152] См., например, стихотворение «Персидская миниатюра»: ПСС-8. № 31.

[1153] *Жирмунский В.* Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. № 12. Перепечатано в его книге: Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. , 1977; см. также: Н.С. Гумилев: pro et contra. СПб., 2000. С. 397–427.

[1154] «Мессиада» — эпическая поэма Фридриха Готлиба Клопштока, служившая для русских поэтов XVIII — XIX веков образцом ненарушимой возвышенности предмета описания и его стиля. Поль де Кок — французский писатель, символизировавший для русского читателя XIX века высшую возможную степень эротизма (Рейснер–Богомолов-1987).

[1155] Этот список известен и представляет значительный интерес, так как является материалом для реконструкции читательских интересов Гумилева этого времени. В него вошли: из произведений русских авторов — «Тихие песни», «Кипарисовый ларец» и обе «Книги отражений» И. Анненского; «Кормчие звезды», «Прозрачность» и «Cor Ardens» Вяч. Иванова; три первых тома собрания стихов К. Бальмонта; два тома «Путей и перепутий», «Далекие и близкие», «Огненный ангел» В. Брюсова; три первые симфонии, «Золото в лазури», «Серебряный голубь» и «Петербург» Андрея Белого; «Ярь» С. Городецкого; рассказы А. Ремизова, стихотворения и сборник рассказов «Истлевающие личины» Ф. Сологуба; «Сети», «Осенние озера», «Глиняные голубки» и две книги рассказов М. Кузмина; «За синими реками» и рассказы А.Н. Толстого; философские и публицистические произведения Л. Шестова, М. Гершензона, Н. Бердяева, В. Розанова, П. Флоренского и Д. Мережковского. Среди немецких книг названы стихи Р.М. Рильке и Стефана Георге, рассказы М. Даутендея и произведения Ницше; из французских — стихи Ш. Бодлера, Ш. Леконт де Лиля, П. Верлена, А. Рембо, Т. Корбьера, Ж. Лафорга, М. Роллина, Ф. Вьеле-Гриффена, Ф. Жамма, П. Клоделя, романы Ж. Гюисманса, А. Франса, А. де Ренье и статьи Р. де Гурмона (Рейснер–Богомолов-1987).

[1156] ПСС-8. № 158. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр. 20. Л. 9–10.

[1157] ПСС-8. № 46, письма к Гумилеву. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.5. Ед. хр. 3.

[1158] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 251.

[1159] Лукницкий-2. С. 102.

[1160] Ахматова-ЗК. С. 342 и 313. См. также С. 272, 252, 361.

[1161] Судить о причине их расхождения — сложно. Здесь хотелось бы привести мнение, опирающееся на «женскую интуицию», мнение человека, любящего и прекрасно разбирающегося в творчестве Гумилева, «чувствующего» его, многие десятилетия серьезно занимавшегося сбором материалов о жизни поэта. Суждение, с которым я большей частью согласен, было высказано в процессе обсуждения этой работы:

«Причина их расхождения? По-моему, все банально до пошлости. Хотя дело не в “физиологии” и уж тем более не в политике, а скорее в психологии. Лариса полюбила понастоящему, но главное — поверила, что и Гумилев тоже. И вдруг, после **таких** писем — “мордой об стол” (вместо магического “Лера” — официальное “Лариса Михайловна”). После этого трудно не впасть в шок. Ахматова, опытная и нелюбящая, ничего особо не ждущая, и та после пафоса писем Гумилева была, мягко говоря, разочарована. Хорошо, что был Париж, Модильяни, и пошел ты хоть в Африку! Конечно, их разрыв — не драма для нашего героя, — отряхнулся и пошел к следующей девушке. Вряд ли он что понял — наука “сладко побеждать” уже стала ремеслом, все на “автомате“… Как же он презирал их всех — практически дословно говорил каждой одни и те же фразы. Даже когда просто насиловал, как Иду Моисеевну. Она до конца жизни не простила ему обиду. Бумаге она не могла доверить, а мне рассказывала. Впрочем, иные были счастливы, или принимали, как есть. А для Ларисы — драма! Оказалось — все ложь! Крах веры. Естественно — никаких встреч больше не было, и писем от нее не было. И — отдай мои “игрушки”, то есть письма, “мерзавец”. Может быть и отдал, что не успел выбросить. И в политику пошла, скорее всего, назло, хотя она пишет, потому что была сломлена. И паек потом отобрала у гада! Потому что любила, а Гумилев, как она поняла, просто “гусарил” или… (“PRO” писать не буду, сам все знаешь). Я тоже люблю виртуальный мир Гумилева, иначе зачем все. Будем считать, что соревнование с Богом, коим является творчество, он выдержал. Я просто написала со стороны Ларисы, то лишь — в “тот час”. И к его чести и славе, он **никогда** не опускался до цинизма нашего “солнца поэзии”, когда тот одной рукой пишет “Я помню чудное мгновенье…”, и тут же в письме приятелю чуть ли не матерными словами о том же…»

Это суждение хочется дополнить «исповедальным» письмом Ларисы Рейснер Михаилу Лозинскому, самому близкому другу Гумилева, посланным 24 марта 1920 года; в нем, безусловно, проступает «тень» разрыва с Гумилевым, и не исключено, что она предполагала, что эти ее мысли через Лозинского дойдут до «конечного адресата»: «Многоуважаемый Михаил Леонидыч! …Ведь вот уже 3 года, как не стало всего прежнего, библиотек, вечеров в “Аполлоне”, длинных и прелестных споров, Бог знает, о чем, — о поэзии, творчестве или душе, и я сама много раз рисковала жизнью ради полного и жесточайшего разрушения нашей прежней среды и, может быть, вместе с прежним обществом временно и прежней культуры. А теперь вот это письмо — точно куда-то в прошлое: его к Вам доставит уэллсовская машина времени. Так вот, Мих. Леонидыч. Однажды в очень тяжелую и мертвую минуту, когда вся моя двадцатилетняя жизнь рушилась, ну словом, было мне плохо-плохо, я придумала сказку о том, что есть еще выход, что я смогу вырваться, уехать далеко на Восток, забыть стихи, книги, улицы и людей, каждый день и час тащивших меня ко дну. Случайно получилась действительно возможность совершить большое путешествие — и тогда, не дожидаясь окончательного решения, я поехала к Вам проститься. Зачем я сочинила тогда эту запутанную и неправдоподобную сказку — я, право, не знаю. Как бы то ни было, но вечер, проведенный тогда у Вас, до такой степени укрепил иллюзию, так меня успокоил, освободил, что я совсем счастливой шла через белый Крестовский домой… Утром и обман и самообман — все это распалось, и мне до сих пор невыносимо вспомнить об этих часах полного отчаянья. Почему я не пошла тогда же утром к Вам или Вашей милой жене и не рассказала всего полудетского горя. Может быть, все пошло бы иначе, и лучше, и человечнее… Ну хорошо, вот мне уже и легче стало, все-таки Вы теперь не будете думать обо мне дурно. Раз уже я решилась совсем неприлично писать на четырех страницах о себе — договорю еще немного. Жизнь была ко мне очень доброй. Совсем сломленной и ничего не стоящей я упала в самую стремнину революции. Вы, может быть, слышали о том, что я замужем за Раскольниковым — мой муж воин и революционер. Я всегда его сопровождала — и в трехлетних походах, и в том потоке людей, который, непрерывно выбиваясь снизу, омывает все и всех своей молодой варварской силой. И странно, не создавая себе никаких иллюзий, зная и видя все дурное, что есть в социальном наводнении, я узнала братское мужество и высшую справедливость и то особенное волнение, которое сопровождает творчество, всякое непреложное движение к лучшему. И счастье. Не знаю, там, в Петербурге, слишком велик голод и упадок сил, чтобы почувствовать то нежное движение к новому, которое уже дышит и живет здесь, на окраинах. Войну мы кончаем. Что будет дальше? Не знаю, но, по-моему, то величественное и спокойное восхождение Солнца Духа, тот новый век Ренессанса, о котором мы все когда-то мечтали. В окно мне видна серебряная дельта и среди песков удобренные виноградники. Я свято и безмерно верую. Крепко жму Вашу руку и привет Вашей жене. Простите за это письмо». Если Михаил Лозинский получил это письмо, вполне вероятно, что он показал его Николаю Гумилеву. Солнце Духа — гумилевский образ. Это письмо могло бы предвосхитить приезд Ларисы, познакомить с ней, изменившейся... (Цит. по: Пржиборовская-2008. С. 315–316).

[1162] Пыхачев Николай Аполлонович (13.10.1851–октябрь 1932) — из потомственных дворян Полтавской губернии. Образование получил в 1-й Московской военной гимназии. В службу вступил 16.08.1867. Окончил 3-е военное Александровское училище (1869). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Генерал-майор с 1900 года. Командир 1-й бригады 2-й гв. пех. дивизии с 1904 года. В 1905 году переведен в распоряжение Главнокомандующего войсками Гв. и Петербургского ВО. Командующий 23-й пехотной дивизией с 1907 года. Генерал-лейтенант с 1907 года Командир Отдельного корпуса пограничной стражи с 16.04.1908. Генерал от инфантерии с 21.11.1911. С февраля 1917 года в отставке. После революции эмигрировал.

[1163] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 251. Л. 136; Ф. 3597. Оп. 2. Д. 306. Л. 128.

[1164] ОР РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр. 20.

[1165] Труды и дни. С. 466. Все дальнейшие записи Лукницкого в «Трудах и днях», связанные с пребыванием в Окуловке, опираются исключительно на письма к Л. Рейснер, поэтому приводиться они не будут.

[1166] Как следует из приведенного выше предписания, начальником Гумилева был полковник 4-го уланского Харьковского полка барон фон-Кнорринг.

[1167] ПСС-3. № 50. Появление «военного мадригала» связано с открыткой, изображающей взятых в плен гусар. Стихотворение не было включено ни в одну книгу Гумилева.

[1168] ПСС-8. № 159. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К. 6. Ед. хр. 20. Скорее всего, на открытке в имени художника — ошибка. Художник Михаил Иванович Авилов, участник Первой мировой войны, автор батальных полотен. Эту открытку и последующие пять, посланные Гумилевым Ларисе Рейснер, см. в журнале Toronto Slavic Quarterly, № 29, где они впервые воспроизведены в цвете.

[1169] 5-й Гусарский полк имел славную историю. Полк был сформирован 25 июня 1783 года. Про историю его создания и про его участие в боях против большевиков см. сайт: http://blackhussars.ru/ . Полковую песню можно прослушать на сайте http://files.pobeda.ru/music/entsiklopedia/imper_polki/chernye_gusary_2.mp3 в исполнении хора Валаамского монастыря, и на сайте http://blackhussars.ucoz.ru/mp3/NS.mp3 в исполнении эмигрантского ансамбля.

[1170] *Маковский С.* Николай Гумилев по личным воспоминаниям // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 95. Внешний вид формы «черных гусар» и эмблему полка см. в вып. 6 «Поэт на войне». Там же см. шесть посланных Ларисе Рейснер открыток.

[1171] *Тименчик Р.* «Над седою, вспененной Двиной…» // Даугава. 1986. № 8. С. 117. В другом варианте (ПСС-4. № 42. С. 193): «Где-то там змеиный шелест страха, / Но душа клялась забыть про страх / И была отмечена папаха / Черепом на скрещенных костях».

[1172] Труды и дни. С. 467–468.

[1173] Все три последующие открытки будут стихотворными.

[1174] ПСС-8. № 160. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр. 20.

[1175] Труды и дни. С. 267.

[1176] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 9 февраля 1917 года. В записи отмечено только, что это письмо из Окуловки. В «Трудах и днях» его содержание никак не отражено.

[1177] РГВИА. Ф. 3515. Оп. 2. Д. 10. Л. 11.

[1178] Документального свидетельства того, что был отменен перевод Гумилева в стрелковый полк, обнаружить не удалось. Видимо, это были просто слухи, которые вскоре развеялись, и Гумилев, оказавшись в начале марта по болезни в Петрограде, сразу же начал хлопотать о своем переводе в Русский экспедиционный корпус.

[1179] ПСС-8. № 161. Необычная история появления этой открытки изложена в газете: Московские новости. 1997. № 4 (870), 26.01–2.02. С. 21; она была случайно куплена на «барахолке» в Твери и передана в музей, где и хранится: ТГОМ (Тверской государственный объединенный музей). КП-23663. В перечне несохранившихся писем Гумилева к матери в РО ИРЛИ эта открытка не значится.

[1180] ПСС-3. № 51; ПСС-8. № 162. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр. 20.

[1181] Возможно, эти строки принадлежат перу иеросхимонаха отца Антония (Александра Ксаверьевича Булатовича), они приводятся в его листовке «Крест на Святой Софии», см. сайт — http://pravoslav.de/imiaslavie/antony/kple.htm . Именно по следам этого Булатовича Гумилев совершил свое самое длительное путешествие через Абиссинию в 1911 году, см. «Неакадемические комментарии-2». Вряд ли, крестообразно перечеркивая чужие стихи, Гумилев об этом задумывался…

[1182] ПСС-3. № 52; ПСС-8. № 163. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр. 20. Здесь текст дается по автографу с сохранением его орфографии.

[1183] Труды и дни. С. 468–470. Запись Лукницкого и комментарии к ней.

[1184] Лукницкий-1. С. 96–97. Приехав в Петроград, Гумилев попал в самую «горячую» точку февральских событий. Вокзал был оцеплен, и даже выйти за его пределы было невозможно. А Ахматова эти дни проводила с Б. Анрепом. Из его воспоминаний (Воспоминания об Ахматовой-1991. С. 86): «Революция Керенского. ‹…› Железнодорожное сообщение остановлено. Я мало думаю о революции. Одна мысль, одно желание: увидеться с А.А. Она в это время жила на квартире проф. Срезневского, известного психиатора, с женой которого она была очень дружна… Я перешел Неву по льду, чтобы избежать баррикад около мостов… Добрел до дома Срезневского, звоню, дверь открывает А.А. “Как, вы? В такой день? Офицеров хватают на улицах”. — “Я снял погоны”. ‹…› Мы некоторое время говорили о значении происходящей революции. Она волновалась и говорила, что надо ждать больших перемен в жизни. “Будет то же самое, что было во Франции во время Великой революции, будет, может быть, хуже”. — “Ну, перестанем говорить об этом”. Мы замолчали. Она опустила голову. “Мы больше не увидимся. Вы уедете” ‹…› С первым поездом я уехал в Англию». Где-то в это время Гумилев и звонил Ахматовой.

[1185] За все сведения о С.Н. Сыромятникове (1864–1934) я признателен Е.А. Резвану, который специально занимался его биографией в ходе работы над книгой «Русские корабли в Персидском заливе (1899–1903)» (*Rezvan E.* Russian Ships in the Gulf (1899–1903). London, Ithaca press, 1993. P. 9–10. Арабское издание. М., 1989). С.Н. Сыромятникову посвящены и другие публикации, которые без труда можно найти в Интернете. Гумилев мог узнать о Сыромятникове и раньше, в частности от своего учителя, директора гимназии И.Ф. Анненского — сохранилась их переписка: http://annensky.lib.ru/names/syromyat/syromyatnikov.htm . Следует заметить, что книги Сыромятникова входили в гимназические программы. По мнению Р. Щербакова (Гумилев-1991–2. С. 407–408), одним из источников для написания «Гондлы» была книга С.Н. Сыромятникова «Сага об Эйрике Красном» (СПб., 1890). Из нее взяты оба эпиграфа в разделе «Вместо предисловия».

[1186] ПСС-8. № 53, письма к Гумилеву. Автограф: РО ИМЛИ. Ф. 123. Оп. 3. № 123. В комментариях к этому письму сказано, что «личность автора настоящего письма не установлена». При этом автор письма обозначен как «Г. Сыромятников». Как любезно сообщил Е. Резван, на хранящемся в ИМЛИ автографе первая буква в подписи — неразборчива. Нет сомнения, что автор посланного Гумилеву письма — именно Сергей Николаевич Сыромятников.

[1187] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 2. Д. 306. Л. 140.

[1188] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 4 марта. В записи отмечено только, что это письмо послано из Окуловки. В «Трудах и днях» его содержание никак не отражено.

[1189] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 251; Ф. 3597. Оп. 2. Д. 306. Л. 199.

[1190] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 15 марта. В записи Лукницкого помечено, что это письмо послано из лазарета в Подобино.

[1191] Труды и дни. С. 470.

[1192] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 251. В этой папке собраны все последние приказы по полку, последний приказ — от 28 декабря 1917 года.

[1193] РГВИА. Ф. 3515. Оп. 1. Д. 522. Л. 746–746 об. Подлинник.

[1194] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 165. Л. 76.

[1195] Ланген Николай Александрович (?–20.08.1977, Париж) — корнет. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1915. В эмиграции во Франции. Некролог: Русская мысль (Париж). № 3172. 1977, 6 октября.

[1196] Гейне Федор Иванович (?–1937, Ландрон) — прапорщик. Окончил Училище правоведения в 1911 году. Произведен в офицеры за боевое отличие в 1915-м году. В Гражданскую войну сражался в Астраханской армии, затем в Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне своего полка, с января 1920 года командир эскадрона Александрийского гусарского полка. В эмиграции в Бразилии.

[1197] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 251. Сам приказ № 269 от 30 марта 1917 года сохранился в фонде 5-й армии: Ф. 2122. Оп. 2. Д. 13. Ч.1. Л. 379.

[1198] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 164. Л. 167.

[1199] Речь. 1917. 22 марта. Реконструкция событий 19 марта из публикации Тименчик-1998. С. 426.

[1200] *Гумилевский Л. И.* Судьба и жизнь // Волга. 1988. № 7. С. 160.

[1201] Лукницкий-1. С. 194.

[1202] В публикации Тименчик-1998 (С. 426) уточняется, что в этот вечер Ф. Сологуб вписал посвящение в альбом Ахматовой. Далее Тименчик приводит фрагмент воспоминаний Б. Витвицкой (Памяти Н.С. Гумилева // Рижский курьер. 1922. 2 сентября): «Общее внимание привлекал Гумилев, читавший одну из своих поэм в рукописи. Возле него сидела Анна Ахматова и слушала напряженно чтеца. Когда он останавливался и устремлял свои раскосые глаза в пространство, плохо разбирая рукопись и будто припоминая что-то, Анна Ахматова подсказывала ему нужную фразу. Поэму она знала уже наизусть».

[1203] Как уточняется в: Тименчик-1998 (С. 426), заседание Цеха поэтов, на котором Гумилев прочитал стихотворение «Мужик», проходило у С.Э. и А.Д. Радловых 21 марта. Этим днем датированы записи К.В. Мочульского и С.Э. Радлова в альбоме Ахматовой. Как указывает Р. Тименчик, «на этом собрании или на следующем — 23 марта (7 собрание Цеха поэтов у М.А. Струве; см. повестку М.А. Струве — М.А. Кузмину в РГАЛИ) Гумилев получил альбом А.Д. Радловой для вписывания стихотворения» (Гумилев-1991–1. С. 464, 575).

[1204] Стихотворение «Мужик», иносказательно обращенное к образу Распутина, вошло в сборник «Костер», изданный Гумилевым вскоре после возвращения в Россию в 1918 году. Весь сборник составлен из написанных в 1916–1918 годах стихотворений, то есть из тех стихов, которые были написаны Гумилевым, пока он оставался офицером и служил в Гусарском полку и в Русском экспедиционном корпусе во Франции. При этом в «Костре» практически не звучит тема войны. Разве что в пророческом стихотворении «Рабочий». Ниже, в заключительной части, будет приведена яркая оценка Мариной Цветаевой вклада Гумилева в поэзию, сделанная под впечатлением прочтения стихотворения «Мужик».

[1205] Другой вариант «Канцоны», посланной Ларисе Рейснер из Москвы 24 февраля 1917 года.

[1206] Это был, видимо, ранний вариант незаконченной повести «Веселые братья» (ПСС-6. № 18). Но, по моему мнению, в Париже ее текст был сильно изменен и полностью переписан. Ее черновики Гумилев оставил в Париже, и фрагменты были впервые опубликованы в вашингтонском четырехтомнике.

[1207] Точно установить, кто такой Апатов, не удалось. Возможно, это член будущей Петроградской комиссии по улучшению быта ученых А. Апатов, который был направлен КУБУ из Петрограда в Москву в первой половине мая 1920 года. «Очень прошу Вас, — писал Горький Ленину, — принять и выслушать А. Апатова, члена Президиума Комиссии по улучшению быта ученых». (См. сайт: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/rev94vr.htm.)

[1208] Труды и дни. С. 471–472. Свидетельства А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, М.Л. Лозинского, В.К. Шилейко, М.М. Тумповской, А.И. Гумилевой.

[1209] *Толстой С.Н.* Двадцать строк Гумилева // Альманах «Отечество». Вып. 5. 1994. С. 221–227.

[1210] Летопись-2005. С. 545.

[1211] Перхин-2002. С. 65–66.

[1212] Там же. С. 68–74.

[1213] Позже, когда Гумилев был за границей, прошло всего два заседания, 6-е — осенью и, последнее, 7-е — 20 февраля 1918 года. После этого, в марте 1918 года, литературная курия Союза деятелей искусств трансформировалась в Союз деятелей художественной литературы (СДХЛ), опять же под председательством Ф. Сологуба. Организационные собрания СДХЛ состоялись 13, 20, 27 марта и 10 апреля 1918 года. Гумилев тогда же (напомню, что сам он в это время находился в Лондоне) был введен во временный совет наряду с М. Горьким, Л. Андреевым, Ф. Сологубом, Н. Тэффи, В.И. Немировичем-Данченко, Ю. Слезкиным и некоторыми другими писателями (Хроника 1920-х годов. С. 126). 10 апреля Народный комиссариат имуществ выдал СДХЛ удостоверение, подписанное А. Луначарским, на основании которого Союз мог начать свою деятельность (Муромский-2002. С. 133). В период с 22 мая по 15 октября 1918 года прошло 18 заседаний, Гумилев присутствовал на 12 из них. Однажды ему пришлось отчитываться перед собранием, протокол этого заседания сохранился, вот представляющий для нас интерес его фрагмент: «Вопрос: “Вы состояли членом Союза с его основания?” — “Я был его инициатором до моего отъезда за границу. Потом, когда я вернулся из-за границы, Союз уже был организован, шел выбор членов Совета, и когда я приехал, мне сказали: ‘Начинайте посещать заседания’. Так что в организации Союза и в первые дни его деятельности я не участвовал”». (Муромский-2002. С. 174). 1 ноября 1918 года Ф. Сологуб вышел из СДХЛ, место председателя занял В.В. Муйжель, а Гумилев стал товарищем председателя.

[1214] Меблированные комнаты «Ира» на Николаевской улице (ныне — улица Марата, д. 2) были постоянным местом остановок Гумилева в Петрограде во время выездов с фронта и из Окуловки в 1916–1917 годах. Вот записанный Лукницким рассказ Ахматовой (Лукницкий-2. С. 66–67): «У Николая Степановича была тайно от АА комната — в меблированной гостинице “Ира”. АА, однако, эту тайну знала, но хранила ее свято и не показывала вида, что знает. Однажды Николай Степанович попрощался с нею (она жила у Срезневских) и сказал, что идет домой. “Где ты живешь?” — “Я тебе не скажу”. АА после ухода Николая Степановича подождала — с расчетом, чтобы он дошел до дома, — взяла телефонную трубку, нашла номер “Иры”, позвонила: “Дома Гумилев?” — “Да, он только что прошел к себе”. Николай Степанович подошел к телефону… АА заговорила с ним о каком-то деле. Николай Степанович ответил. Был очень недоволен — и никогда не поднимал разговора ни о том, как АА узнала его адрес, ни об “Ире” вообще».

[1215] Труды и дни. С. 475. Свидетельства А.А. Ахматовой, М.Л. Лозинского, М.М. Тумповской и др.

[1216] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 22 апреля. В записи отмечено только, что это письмо из Петрограда. Возможно, некоторые сведения в «Трудах и днях» почерпнуты из него.

[1217] В апреле В.М. Жирмунский выступил с критическим докладом о «Египетских ночах» В. Брюсова на заседании Пушкинского общества при Петроградском университете.

[1218] Труды и дни. С. 474–475.

[1219] ЗК Блока-1965. С. 320, 322.

[1220] РГВИА. Ф. 3515. Оп. 1. Д. 522. Л. 429. Подлинник, на бланке.

[1221] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 176. Л. 297.

[1222] Козлов Адриан Николаевич (1879—до 9.08.1929, Шанхай) — полковник. Происходил из старинной дворянской семьи Полтавской губернии. Окончил Воронежский кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище. Служил офицером в 5-м драгунском Каргопольском полку. Участвовал в Русско-японской войне. В белых войсках Восточного фронта с лета 1918 года; с весны 1921-го — командир Сводно-кавалерийского полка. В эмиграции в Китае. Покончил жизнь самоубийством в 1929 году в Харбине (застрелился). Жена Варвара Павловна (сестра милосердия госпиталя в Казани, убита в ЧК). Некролог: Руль (Берлин). № 2645. 1929, 9 августа.

[1223] РГВИА. Ф. 3515. Оп. 1. Д. 522. Л. 427.

[1224] Там же. Л. 428.

[1225] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 251.

[1226] Там же. Д. 188. Л. 1150. Заверенная копия. Машинопись.

[1227] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 11 мая. В записи Лукницкого отмечено, что письмо из Петрограда и «15 мая выезжает за границу». Именно это отмечено в «Трудах и днях». С. 479.

[1228] Труды и дни. С. 477–479. Утверждение Лукницкого о том, что Гумилев покидал Петроград «как штатский, в качестве корреспондента “Русской воли”», вызывает сомнение.

[1229] Блок-ЗК-1965. С. 327.

[1230] РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 181. Л. 136.

[1231] Справедливости ради замечу, что эти же слова Гумилев написал на сборнике «Костер», подаренном Ане Энгельгардт 9 июля 1918 года (хранился в собрании М.С. Лесмана, Санкт-Петербург). Возможно, были и другие адресаты… Но первым была — Лариса Рейснер.

[1232] ОР РГБ. Ф. 245. К.1. Ед. хр. 4. Л. 1. Скорее всего, это «Письмо» было написано в указанное в тексте время, как «комментарий» к переписке с Гумилевым. Хотя, по другим сведениям, оно появилось на год раньше, еще до начала переписки, и предназначалось для журнала «Рудин», № 1, вышедшего в ноябре 1915 года, уже после знакомства Ларисы с Гумилевым в январе 1915 года в «Бродячей собаке». По этим же сведениям, стихотворение не было тогда напечатано по цензурным соображениям.

[1233] ОР РГБ. Ф. 245. К.1. Ед. хр. 5. Ед. хр.12 и др. Как правило, это черновые наброски на отдельных листах бумаги, не предназначавшиеся для публикации. Некоторые стихотворения см.: Пржиборовская-2008. С. 192–193.

[1234] ОР РГБ. Ф. 245. К.1. Ед. хр. 6. Текст этого стихотворения приведен в книге: Пржиборовская-2008. С. 135. Стихотворение связано с созданием упоминавшегося выше литературно-художественного общества «Медный всадник», участником которого был и Гумилев (см. выше).

[1235] Рисунок этот воспроизведен в 6-м выпуске «Поэта на войне».

[1236] ПСС-8. № 164; ПСС-3. № 62. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр. 20. Стихотворение, с небольшими разночтениями (разбиение на строфы) вошло в сборник «Костер».

[1237] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 20 мая/3 июня. В этой записи Лукницкого отмечено, что письмо из Стокгольма и «завтра будет в Христиании». В этот же день оттуда же — несохранившееся письмо Леве.

[1238] Христиания — прежнее название столицы Норвегии Осло. Следует уточнить, что так Осло назывался до 1877 года. В период 1877–1924 годы городу было дано название Кристиания (норв. Kristiania). После 1924 года он получил нынешнее наименование — Осло.

[1239] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 5 июня. В записи отмечено только, что это письмо отправлено из Бергена в Подобино. Именно это и отражено в «Трудах и днях». С. 483.

[1240] ПСС-8. № 165. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.6. Ед. хр. 20.

[1241] ПСС-8. № 47, письма к Гумилеву. Автограф: ОР РГБ. Ф. 245. К.5. Ед. хр. 3.

[1242] По мнению Г. Пржиборовской, «письмо отослано осенью 1917 года, когда, по свидетельству ее названного брата Льва Рейснера, ей грозила опасность, и он молил ее уехать из Петербурга» (Пржиборовская-2008. С. 195). Не думаю, что письмо было «отослано», тем более — «осенью 1917 года», когда Гумилев был в Париже. Возможно, тогда все сохраненные письма были сложены в конверт с соответствующей надписью, с добавлением неотправленного письма-завещания.

[1243] С Федором Раскольниковым, с которым вскоре разошлась. Начались романы с К. Радеком, с Л. Троцким. Хорошая компания. Все — впоследствии ярые «враги народа». В их компанию, несомненно, попала бы и она сама, если бы не вызывающая вопросы неожиданная смерть, якобы от тифа, в кремлевской больнице 9 февраля 1926 года. Было ей 30 лет…

[1244] «Девочка Гумилева» — дочь Гумилева Лена от Ани Энгельгардт, родившаяся 14 апреля 1919 года. Умерла она в Ленинграде, в блокаду в 1942 году, от голода: «Сначала умер отец, потом мама, потом Аня, которая страшно мучилась от голода и холода. Лена умерла последней». По сведениям М.С. Лесмана, Анна Николаевна умерла в апреле, а дочь Гумилева Лена умерла в больнице им. Мечникова 25 июня 1942 года. (Исследования-1994. С. 375). Приведенное письмо Ларисы Рейснер — ответ на письмо матери Е.А. Рейснер, которая в конце 1922 года писала Ларисе в Афганистан: «Гумилев оставил жену и ребенка (девочку 2-х лет). Жена – лахудра, словом, надумала я взять девочку. Жаль мне одинокую и беззащитную. Одобряешь?..» (ОР РГБ. Ф. 245. К.7. Ед. хр. 58).

[1245] ОР РГБ. Ф. 245. К.5. Ед. хр. 15. Л. 58–60.

[1246] *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М.: «Книга», 1989. С. 103. Там же (С. 104) Н. Мандельштам пишет: «Я почему-то уверена, что, будь она в Москве, когда забрали Гумилева, она бы вырвала его из тюрьмы…»

[1247] Сергей Юлианович Кулаковский (1892–1949, Лодзь) — сын профессора Киевского университета Св. Владимира, автора многих научных трудов Ю.А. Кулаковского (1855–1918, Киев). Учился на филологических факультетах Киевского и Петербургского университетов, изучал медиевистику в Лейпциге и Париже, работал на кафедре древнерусской литературы в Киеве, был доцентом в Москве, печатал первые литературные и публицистические опыты по-русски, одну научную работу напечатал по-французски. Приехал в Польшу в 1925 году, где продолжил активное участие в польской литературной и научной жизни. В 1929 году в берлинском издательстве «Петрополис» вышла на русском языке книга «Современные польские поэты. В очерках Сергея Кулаковского и в переводах Михаила Хороманского». После войны Кулаковский заведовал кафедрой русского языка и литературы в Лодзинском университете. Продолжал заниматься польско-русскими литературными связями. Умер Сергей Кулаковский в 1949 году, похоронен на православном кладбище в Варшаве.

[1248] *Кулаковский Сергей*. Блок и Гумилев на войне // Россия и славянство. Париж. № 201. 1932, 1 октября, суббота. С. 3.

[1249] ACFRC-JJB. Box 1. Fol. 4. № 7. В краткую библиографию, посвященную Гумилеву, Бикерман включил эту публикацию, благодаря этому ее и удалось обнаружить.

[1250] В РГВИА пока не удалось обнаружить послужной список Ю.Ф. Ромоцкого, удалось только установить, что звали его Юрий. Как выяснилось из документов (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 167. Л. 41), Ю. Ромоцкий не состоял в штате полка, а был прикомандирован к нему с 11 августа 1915 года и постоянно нес в нем службу. Начальство ходатайствовало о зачислении его в полк в звании корнета, но было ли удовлетворено это ходатайство — выяснить не удалось. По крайней мере, за все время пребывания Гумилева в 5-м Гусарском полку их служба проходила совместно. Удалось обнаружить качественную фотографию офицеров полка, относящуюся к 1 мая 1917 года. К сожалению, Гумилев в это время отсутствовал, но на фотографии обозначены Ю.Ф. Ромоцкий, А.А. Карамзин и многие другие знакомые Гумилеву офицеры полка: РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 314.

[1251] Именно с боевого дежурства у фольварка Авсеевка (так в документах), недалеко от станции Ницгаль, началась служба Гумилева в Гусарском полку. Выше было описано происшествие с пожаром, возникшим в результате обстрела противника 23 апреля 1916 года, в тушении которого особо отличился эскадрон Гумилева и Ромоцкого.

[1252] Безусловно, подразумевается командир 4-го гумилевского эскадрона ротмистр А. Мелик-Шахназаров.

[1253] В списках полка значится член конно-пулеметной команды корнет Пилипенко (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. № 148. Приказ № 9). Обнаружился его Послужной список: РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. № 183. Л. 31–34). Константин Никифорович Пилипенко родился в Москве 19 мая 1889 года. Окончил Московский университет и Николаевское кавалерийское училище по I разряду. В 5-й Гусарский Александрийский полк зачислен 10 марта 1915 года в чине прапорщика. 26 февраля 1916 года произведен в корнеты. Со 2 июня 1916 года переведен в конно-пулеметную команду. В феврале 1917 года был переведен в Стрелковый полк. Холост.

[1254] Скорее всего, бывший командир 4-го эскадрона А. Радецкий, под командованием которого Гумилев начинал службу в полку.

[1255] В архиве Бикермана сохранилась записка (ACFRC-JJB. Box 1. Fol.4. № 9) с некоторыми биографическими сведениями. В частности, там упоминается встреча с В.В. Доможировым 7.11.1931, а рядом с этой записью сказано, видимо со слов Доможирова, что Гумилева в полку называли «полудоктор, так как старший врач полка назывался Гумилевский». Действительно, в полковых документах значится старший врач Александр Гумилевский. Сам подполковник Владимир Васильевич Доможиров (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 169. Л. 1) родился 12 мая 1875 года, из потомственных дворян Тамбовской губернии, на военной службе с 1899 года, во время войны был командиром 2-го эскадрона, а затем помощником по хозяйственной части. Позже, в Гражданскую войну, с декабря 1919 года, в чине полковника, он стал командиром 5-го Александрийского гусарского полка.

[1256] Это случилось в начале 1918 года. Тогда приказом по полку № 57 было объявлено, что «командиром отдельного корпуса пограничной стражи Генералом от инфантерии Пыхачевым за неотдание чести был арестован 28 сего января на одни сутки прапорщик Гумилев». Удивительна точность воспоминаний Ромоцкого!

[1257] На самом деле Гумилеву было тогда ровно 30, но все отмечают, что он выглядел старше своих лет.

[1258] Выше было приведено расписание занятий в конце июля — начале августа 1916 года, в которых принимал участие и Гумилев. Полк тогда располагался в Шлосс-Лембурге, недалеко от Зегевольда (нынешняя Сигулда), и учения предусматривали дальний переход к плацу у мызы Гросс-Кангерн. В письме к матери от 2 августа Гумилев рассказывал ей о «парфорсной охоте».

[1259] Именно в районе мызы Грюттерсгоф, недалеко от Кокенгузена (нынешнее Кокнесе), в излучине Двины, прошло последнее боевое дежурство Гумилева, когда они вместе с Ромоцким встретили в окопах новый, 1917 год. От этого дежурства сохранились своеобразные автографы Гумилева: несколько донесений о дежурстве, написанных как за себя, так и за Ромоцкого.

[1260] Как было сказано выше, осенью 1916 года Гумилев отлучался на два месяца из полка для сдачи офицерских экзаменов. Всех экзаменов он не сдал, и официально звание корнета ему тогда не присвоили. Однако, видимо, ему было обещано присвоить звание корнета чуть позже или при переводе в Экспедиционный корпус. По крайней мере, на обнаруженном в архиве Бикермана конверте первого письма к нему Ахматовой (ACFRC-JJB. Box 1. Fol.2. № 1) проставлен адресат: «Русский экспедиционный корпус. Корнету 5-ого Александрийского полка Николаю Степановичу Гумилеву». Вряд ли Ахматова могла самостоятельно «повысить» его в звании.

[1261] И это запомнил Ромоцкий! В приказе № 61 от 27 февраля (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 2. Д. 306. Л. 140) Гумилеву был назначен именно денщик Н. Дробот.

[1262] Скорее всего, числящийся в Гусарском полку вольноопределяющийся Балясный. Возможно, сын или родственник Константина Александровича Балясного (1860–1917), бывшего одно время самарским вице-губернатором.

[1263] В приказе по полку № 34 от 1 февраля 1917 года (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 251) было все-таки объявлено о переводе Гумилева в стрелковый полк, однако служить в нем ему не пришлось, см. об этом выше.

[1264] Фактически они расстались тогда, когда Гумилев приказом по полку № 24 от 23 января 1917 года (РГВИА. Ф. 3597. Оп. 1. Д. 251. Л. 39) был командирован на заготовку сена в Окуловку. Но, как следует из воспоминаний Ромоцкого, письмами они обменивались.

[1265] Струве Глеб Петрович (19.04.1898, Петербург — 4.06.1985, Беркли, США) — историк литературы, филолог-славист, критик, поэт, журналист, издатель. Сын политика и философа П.Б. Струве (1870, Пермь — 1944, Париж). Подробнее о Г.П. Струве см.: Российское зарубежье-3. С. 230–231. В 1960-е годы он издал в Вашингтоне первый четырехтомник сочинений Н.С. Гумилева — в дальнейшем: Гумилев–Струве-1…4. К нему перешли многие оставленные Гумилевым за границей материалы, которые упоминаются в примечаниях к каждому из томов Собрания сочинений. Большую их часть Гумилев оставил Борису Анрепу в Лондоне, перед самым возвращением в Россию. Впоследствии все это Анреп передал Глебу Струве, который использовал эти бумаги и документы в ряде публикаций. Впервые Г. Струве подробно рассказал о них в книге Неизданный Гумилев-1952. Среди переданных материалов — альбом со стихами, всего 76 чистовых автографов стихотворений, основная часть которых впоследствии составила сборники «Костер» и «Фарфоровый павильон». Еще один альбом, заполненный в Париже в 1917 году, был опубликован К. Мочульским в виде вышедшего в Берлине в 1923 году сборника «К синей звезде». Его нынешнее местонахождение неизвестно. Что касается переданных Анрепом гумилевских материалов, то все они ныне хранятся в Архиве Гуверовского института, Стэнфорд, США, в фонде Глеба Струве (Hoover Institution Archives, Gleb Struve Papers, в дальнейшем: HIA-GSP).

[1266] *Степанов Е., Устинов А.* Николай Гумилев. Встречи в Париже в 1917–1918 годах. (По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве) // Наше наследие. 2011–2012. № 100–101. (В дальнейшем: Наше наследие-100, 101).

[1267] Stanford-2014. Публикации Е.Е. Степанова, Р.Д. Тименчика и А.Б. Устинова. С. 191–244.

[1268] См. в списке литературы: Курляндский–1–4.

[1269] Следует заметить, что обобщенное название «Русский экспедиционный корпус» для действовавших на Западном фронте русских воинских подразделений утвердилось уже после его расформирования. Первоначально же, в документах, эти войска проходили как Особые бригады (всего — четыре), каждая из которых состояла из двух Особых пехотных полков.

[1270] Наиболее авторитетной и почти единственной работой на эту тему до недавних пор являлась книга умершего в 1926 году русского военного историка, генерала от инфантерии А.М. Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг.», первое издание которой вышло еще в 1924 году, при его жизни. До 1940 года было два переиздания, и наконец, за неимением ничего лучшего, книгу эту переиздали в 2000 году. В 1975 году в издательстве «Наука» вышла «История Первой мировой войны 1914–1918 гг.» под редакцией И.И. Ростунова, в 2 томах. В постсоветское время на эту тему не было подготовлено почти ни одной серьезной монографии. Работа В.Е. Шамбарова «За Веру, Царя и Отечество» (М.: Алгоритм, 2003) касается только действий на русском фронте, о Русском экспедиционном корпусе в ней упоминается лишь вскользь. Стоит выделить интересную, хорошо написанную монографию: *Уткин А.И.* Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. В ней объективно рассмотрен весь ход войны, начиная от причин ее развязывания и вплоть до воздействия на дальнейший ход событий XX века. Однако автор рассматривает лишь ключевые моменты войны, важнейшие стратегические операции, крупнейшие сражения. Участие в них русских экспедиционных войск, к сожалению, даже не упоминается. Их как бы и не существовало, хотя на полях Европы полегли многие тысячи наших соотечественников.

[1271] *Лисовенко Д. У.* Их хотели лишить Родины. М.: Воениздат, 1960.

[1272] *Малиновский Р.Я.* Солдаты России. М.: Воениздат, 1969 (1988).

[1273] Годовщина со дня окончания Первой мировой войны именовалась ранее праздником Победы, но теперь он обозначен в календарях западных стран как День перемирия. К сожалению, в нашей стране, понесшей в Первой мировой войне колоссальные потери, день ее окончания до сих пор никак не отмечается.

[1274] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. Есть как более ранние (довоенные), так и современные издания. Почему-то эту книгу до сих пор очень ценят и часто переиздают, хотя, как будет показано ниже, отношение к ней и ее автору нуждается в существенной коррекции.

[1275] *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918. Париж, 1933. Биографическую справку об авторе книги см.: Российское зарубежье-1. С. 461. Следует отметить, что Данилов после революции пытался служить в Красной армии, в начале 1918 года он возглавил группу военных экспертов при советской делегации в Брест-Литовске. По его инициативе эксперты направили руководству записку с аргументами против заключения Брестского мира, которая не была принята во внимание, после чего он вскоре вышел в отставку, уехал на Украину и перешел в расположение Добровольческой армии. Осенью 1920 года занимал пост помощника начальника Военного управления Русской армией в Крыму. Затем через Константинополь эмигрировал в Париж и занялся научной исторической деятельностью. В 1922–1930 годах он выступал с лекциями о мировой войне в Русском народном университете. Его труд «Россия в мировой войне» (Берлин, 1924) был признан одной из лучших книг о начальном этапе войны. А.И. Уткин в упомянутой выше монографии регулярно ссылается на эту книгу.

[1276] Данилов-1933. С. 4. Далее многочисленные выписки из этой книги, касающиеся отдельных исторических эпизодов и приводимых там же документов, даны в виде выделенных курсивом, заключенных в кавычки цитат, без уточняющих страницы сносок.

[1277] Необходимо отметить то, что Данилов работал во французских архивах до начала Второй мировой войны, когда они еще не были затронуты дальнейшими событиями. По имеющимся у меня сведениям, во время Второй мировой войны французские военные архивы, в том числе материалы по Русскому экспедиционному корпусу, были вывезены немцами в Германию, а затем захвачены Советской армией и долгие годы пролежали в совершенно недоступном закрытом Центральном государственном спецархиве, ныне в Российском государственном военном архиве (РГВА). В 1990-е годы архивные материалы, вывезенные из Франции, по взаимному соглашению между двумя странами, после частичного копирования, были возвращены в Париж. В настоящее время хранящиеся в РГВА документы стали доступны, они позволили уточнить некоторые детали и использованы в книге.

[1278] *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах. М.: Кучково поле, 2010. Недавно вышла еще одна книга, во многом дублирующая книгу Ю. Данилова, но также объективно освещающая боевые действия русских войск на Западном фронте. В ней упоминается и Николай Гумилев: *Павлов А.Ю.* «Русская одиссея» эпохи Первой мировой войны. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М.; СПб.: Вече, 2011.

[1279] *Корляков Андрей, Горохов Жерар*. Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках. 1916–1918. Paris: YMCA-PRESS, 2003. (В альбоме большого формата (24 см х 29 см) — 656 стр. и свыше 1000 фотографий.)

[1280] Фильм этот можно найти в Интернете (например, сайт — http://djrogoff.ru/50262-onlajnpogibli-za-franciyu-2009.html). Режиссер Сергей Зайцев. Продолжительность — 51 минута. В фильме кратко изложена история появления русских Особых бригад во Франции, рассказано об их участии в боевых действиях, об истории образования “Русского легиона” в 1918 году, после расформирования Русского экспедиционного корпуса. Рассказывается о русском мемориальном кладбище в Шампани, в Сент-Илер-Ле-Гран.

[1281] Должен заметить, что книга Данилова не грешит многословием, в ней лаконично, на основе подлинных документов излагается вся история боевых действий русских экспедиционных войск, поэтому мой рассказ в «Историческом отступлении» в основном построен на цитатах из книги и на кратком ее изложении.

[1282] Лохвицкий Николай Александрович (7.10.1868, Москва — 5.11.1933, Париж, Франция). См. о нем: Российское зарубежье-2. С. 86. Сын присяжного поверенного. Учитывая то, что, безусловно, Гумилеву в Париже приходилось встречаться с Лохвицким, следует отметить одно обстоятельство: его сестрами были две известные писательницы, с одной из которых Гумилев был хорошо знаком: поэтесса Мирра Лохвицкая (1869–1905) и Н.А. Тэффи (1872–1952). Тэффи с Гумилевым в 1909 году участвовала в создании журнала «Остров», этот эпизод отражен в ее воспоминаниях, написанных в эмиграции («Моя летопись»). Участвовала она с Гумилевым и в вечере в «Бродячей собаке» 27 января 1915 года, когда Гумилев на несколько дней приезжал в Петроград из Уланского полка; это было его единственное официальное публичное выступление как поэта во время войны. Не исключено, что с Лохвицким Гумилев был знаком еще до начала войны и что в их разговорах при встречах во Франции возникала тема родства Лохвицкого. С начала 1916 года Лохвицкий был назначен командиром 1-й Особой пехотной бригады, во главе которой отбыл во Францию. С начала июня 1917-го начальник Особой пехотной дивизии. После расформирования Русского экспедиционного корпуса в январе 1918-го года Лохвицкий был начальником русской базы в Лавале, где был сформирован так называемый «Русский легион», или «Легион чести». 28 июня 1918 года он был

вынужден уехать из Франции. В марте 1919 года Лохвицкий уехал на Дальний Восток, где командовал корпусом армии А.В. Колчака, затем — 1-й армией и 2-й армией. В период с 27 апреля по 22 августа 1920 года командующий Дальневосточной армией, представитель Каппелевской армии при штабе Семенова. В августе — декабре 1920 года начальник штаба главнокомандующего. С конца ноября 1920 года — в эмиграции в Китае. В декабре 1920 года вернулся в Европу, с 1923-го жил в Париже. С 1927-го председатель Общества монархистов-легитимистов, Совета по военным и морским делам при великом князе Кирилле Владимировиче. Одновременно служил в военно-исторической комиссии французского Военного министерства. Его подробный некролог опубликован: Последние новости. Париж, 1933. № 4612. 7 ноября. С. 4.

[1283] Нечволодов Михаил Дмитриевич (10.2.1867, С.-Петербург — 10.1.1951, Париж). См. о нем: Российское зарубежье-2. С. 276. Окончил 2-й кадетский корпус. Участвовал в Русско-японской войне. В начале Первой мировой войны командовал Батуринским пехотным полком. Георгиевский кавалер. Во Франции был награжден орденом Почетного легиона и Военным крестом. В эмиграции жил во Франции. Работал шофером такси.

[1284] Дьяконов Павел Павлович (4.2.1878, Москва — 1943, Челкар, Казахстан). См. о нем: Российское зарубежье-1. С. 520. Полковник, затем генерал-майор. Окончил Казанское пехотное училище. Участник Русско-японской и мировой войн. Во Франции был награжден орденом Почетного легиона. После 1917 года остался за границей. Был военным атташе от Белой армии в Лондоне. В 1918 году встречался там с Гумилевым. В 1920 году вернулся во Францию. В 1924 году был завербован советскими агентами. Работал журналистом. В 1937 году уехал в Барселону, где был военным корреспондентом. Вернулся во Францию. В начале Второй мировой войны был заключен оккупационными властями в тюрьму, затем освобожден. В 1941 году вернулся в СССР.

[1285] Дайрен — японское название бывшего русского тихоокенского порта Дальний, ныне китайский город Далянь.

[1286] См. публикацию Е. Степанова: «Неакадемические комментарии-3».

[1287] Более подробный рассказ о миссии Думера, эмоциональные воспоминания Лисовенко и Малиновского о встрече войск в Марселе и описания отправки трех других бригад во Францию и на Балканы приведены в расширенном «Историческом отступлении» в выпуске «Поэт на войне-7». Рассказ сопровождается иллюстрациями.

[1288] Лагерь располагался в Шампани, южнее Реймса и западнее Вердена, где в феврале 1916 года произошла одна из крупнейших и одна из самых кровопролитных военных операций Первой мировой войны. Во время Верденского сражения обе стороны потеряли около миллиона человек, среди которых убито было до 430 тысяч человек. Потери Франции — около 350 тысяч, что составляло свыше 25% всех потерь Франции за все время войны. Линия фронта к моменту прибытия русских войск проходила на небольшом расстоянии от лагеря.

[1289] Корпус-2003. С. 291. (См. также фотографии с «Мишкой» в выпуске «Поэт на войне-7».)

[1290] Хочется обратить внимание на этот приведенный Даниловым документ. Все эти деньги приходили на счет Военного Агента графа А.А. Игнатьева (1877–1954). Не отсюда ли — огромная «сэкономленная» сумма, которой он позже смог откупиться от большевиков и обеспечить себе спокойное, «графское» существование в СССР: в 1925 году он передал советскому правительству денежные средства, принадлежавшие России (**225 млн рублей золотом**) и вложенные **на свое имя во французские частные банки**. За эти действия Игнатьев был подвергнут бойкоту со стороны эмигрантских организаций, исключен из товарищества выпускников Пажеского корпуса и офицеров Кавалергардского полка. Под воззванием, призывавшим к суровому суду над отступником, подписался родной брат А.А. Игнатьева. Особенно безнравственными выглядят его действия после того, как выяснилось, в каком положении оказались русские военнослужащие после Октябрьского переворота, когда всяческие денежные поступления из России полностью прекратились и приходилось постоянно выкручиваться, чтобы поддержать их существование. Да и возвращение всех желающих в Россию при наличии этих утаенных сумм могло бы быть осуществлено еще в 1918 году. Я не говорю здесь о несостоявшейся командировке Николая Гумилева на Персидский фронт, о которой речь пойдет ниже. Ведь главным официальным препятствием для этого оказалось, опять же, отсутствие средств, и генерал Занкевич многократно обращался к Игнатьеву с просьбой помочь, на что получал неизменный отказ со ссылкой на отсутствие у него требуемой (ничтожной!) суммы денег. А ведь, попади Гумилев в английские войска на Персидском фронте, скорее всего, судьба его могла сложиться иначе...

[1291] Так ли на самом деле? На примере ряда приведенных ниже ведомостей содержания русского воинского контингента в Париже (в том числе и Гумилева) будет видно, сколько реально получали русские чины на руки. Все эти выплаты проходили через Военного Агента графа А.А. Игнатьева.

[1292] Гречневая каша.

[1293] Фотографии церкви: Корпус-2003. С. 105–115. Фото № 131, 147–150. Стеллецкий Дмитрий Семенович (1/13 января 1875, Брест-Литовск — 12 февраля 1947, умер в Русском Доме в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем, похоронен на местном кладбище), родился в семье военного инженера. Учился на архитектурном и скульптурном отделениях Академии художеств в Петербурге. Художник, книжный иллюстратор, скульптор, иконописец. В начале 1900-х годов он познакомился с Борисом Анрепом, который, под влиянием Стеллецкого бросил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и занялся изобразительным искусством. Не позже весны 1911 года Стеллецкий познакомился с Гумилевым, в частности он присутствовал 5 апреля на докладе Гумилева после его возвращения из полугодового путешествия по Африке. В 1914 году Стеллецкий уезжает в Париж. Во Франции, во время войны, наряду с росписями церкви в русском лагере Майи, выполнил в 1916 году в Шампани серию рисунков солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса, участвовавших в боях. Большой знаток и ценитель русской старины. Один из учредителей и член совета общества «Икона» (1927) в Париже. Наиболее известны его росписи храма Св. Сергия Радонежского на Свято-Сергиевом подворье в Париже (Eglise Russe Saint-Serge, Paris, 93 Rue de Crimée); образцом для них служили фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре. Подробнее о творчестве Д.С. Стеллецкого см. в книгах: Российское зарубежье-3. С. 207; *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 315–329; *Мнухин Л.* Итоги и истоки. Болшево, Моск. обл., 2008. С. 426–428.

[1294] 14 июля 1916 года русский батальон участвовал в параде в Париже, пройдя маршем по Елисейским Полям, площади Согласия, улице Руайяль, Большим бульварам. См.: Корпус-2003. С. 133–143.

[1295] Ношение «пальм» на ленточке военного креста разрешается только в том случае, если награждение военным крестом последовало властью командующего армией; награждение командира корпуса дает право на золотую звездочку, начальником дивизии — на серебряную и командиром бригады или полка — на бронзовую (*Примеч. Данилова*).

[1296] В районе этих высот немцами в марте 1918 года были установлены известные пушки «Берты», обстреливавшие Париж с дистанции свыше 100–110 километров *(Примеч. Данилова)*.

[1297] Михаил Константинович Дитерихс (5.4.1874–9.10.1937) родился в семье офицера (обрусевшего чеха) и русской дворянки. В 1894 году окончил Пажеский корпус. В 1900 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. После начала Русско-японской войны был назначен обер-офицером для особых поручений при штабе 17-го Армейского корпуса. Участвовал в сражениях под Ляояном, на реке Шахе, при Мукдене. Война завершилась для Дитерихса производством в подполковники и назначением на должность штаб-офицера для особых поручений при штабе корпуса. После Русско-японской войны вернулся в Московский военный округ. В 1914–1916 годах был начальником штаба 3-й армии Юго-Западного фронта, который в марте 1916 года возглавил генерал Брусилов. Под его руководством Дитерихс участвовал в разработке Брусиловского прорыва. В начале сентября 1916 года Дитерихс отправился вместе с возглавляемой им 2-й Особой бригадой из Архангельска в Салоники. В середине ноября 1916 года под его руководством были разбиты части болгарской армии, в результате чего союзники 19 ноября заняли город Монастырь. После Февральской революции был отозван в Россию и назначен начальником штаба Особой Петроградской армии. С сентября по ноябрь — генерал-квартирмейстер Ставки, а с 16 ноября по 20 ноября — начальник штаба генерала Духонина. 21 ноября бежал на Украину. С марта 1918 года — начальник штаба Чехословацкого корпуса, с которым он прошел до Владивостока (июнь 1918 года). Поддержал Колчака, который назначил его 17 января 1919 года руководителем комиссии по расследованию убийства царской семьи. Был начальником штаба Колчака. Во время отступления в конце 1919 года создавал Дружины Святого Креста и Дружины Зеленого Знамени. После поражения белых в конце 1919 года эмигрировал в Харбин.

23 июля 1922 года на Земском соборе во Владивостоке Дитерихс избран Правителем Дальнего Востока и Земским Воеводой. В октябре 1922 года был выбит из Владивостока и вынужден бежать в Китай, где проживал в Шанхае. В 1930 году стал председателем Дальневосточного отдела Русского Общевоинского Союза. Умер в Шанхае и там же похоронен. Автор книги «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале».

[1298] ПСС-6. № 18; ее черновики Гумилев оставил в Париже, и фрагменты были впервые опубликованы в вашингтонском четырехтомнике. В России никаких относящихся к повести черновиков до сих пор не обнаружено.

[1299] По старому стилю. В дальнейшем все заграничные датировки будут даны по новому, европейскому стилю. То есть по новому стилю Гумилев выехал из Петрограда 28 мая.

[1300] Гумилев–Струве-1. С. XLIX. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 2. Этот лист воспроизведен в: Наше наследие-100. С. 105. Возвращаясь в Россию, Гумилев, видимо, предполагая в апреле месяце 1918 года, что его может ждать в новой России, оставил свой Послужной список и другие военные документы и рукописи у Бориса Анрепа, который позже передал все хранившиеся у него бумаги и вещи Гумилева Глебу Струве. В своей книге (Неизданный Гумилев-1952. С. 5–6) Струве писал: «В 1942 или 1943 г. я получил в дар от моего доброго знакомого и тогдашнего сослуживца ‹…› Б.В. Анрепа небольшой “архив”, оставленный Н.С. Гумилевым в Лондоне перед возвращением в Россию в 1918 г. ‹…› Помимо офицерских погонов и **солдатского Георгиевского креста Гумилева**, а также ряда документов, относящихся к его военной службе, и нескольких карандашных зарисовок Гумилева в военной форме, сделанных художником М.Ф. Ларионовым, анреповское собрание заключает в себе несколько тетрадей и записных книжек, а также рукописей на отдельных листах, опись которых следует ниже…» Все документы и рукописи, которые далее перечисляет Струве, позже попали в его архив (HIA-GSP. Box 151–152). В том числе хранятся там и офицерские погоны Гумилева (HIA-GSP. Box 156), фотография которых впервые воспроизведена: Наше наследие-100. С. 109. К сожалению, в архиве пока не удалось обнаружить упомянутого Струве Георгиевского креста Гумилева; в описи он не значится. Почему-то не упоминает Струве его и в вышедшем в 1962 году первом томе Сочинений. Видимо, Гумилев выехал за границу с одним крестом, 3-й степени (№ 108868), полученным за бой 6 июля 1915 года на берегах Западного Буга. Согласно уставу Георгиевский крест никогда не снимался, а каждому награжденному Георгиевским крестом, со дня совершения подвига, назначалась ежегодная денежная премия, которую Гумилев исправно получал и в Париже, о чем свидетельствуют приведенные ниже архивные документы. Первый Георгиевский крест, скорее всего, Гумилев оставил в России, и о его местонахождении ничего не известно. Заметим, что все Георгиевские кресты нумеровались, и их номера известны. Так что теоретически они могут быть обнаружены в чьей-либо коллекции. На одном из парижских рисунков Гончаровой Гумилев изображен с одним Георгиевским крестом, что еще раз подтверждает — он был с ним во Франции. Хотя, судя по многочисленным рисункам Ларионова, носил он крест в Париже редко: на большинстве его набросков Гумилев изображен в форме, с погонами, но ни на одном — с крестом.

[1301] Труды и дни. С. 483–484.

[1302] Письмо Ахматовой — ПСС-8. № 166; письмо Лозинскому — ПСС-8. № 167. Кроме того, одновременно Гумилев послал из Лондона письмо матери. Из недавно обнаруженных ответных писем А.И. Гумилевой, А. Ахматовой и сестры поэта А.С. Сверчковой Гумилеву (ACFRC-JJB. Box 1. Fol.2. № 1, 4, 7) следует, что все письма дошли до адресатов достаточно быстро; А. Ахматова и А.И. Гумилева получили их не позже 12 июля и сразу же все трое написали ему. Скорее всего, их письма поэт не получил, однако благодаря этому они сохранились. См. Прил. 6.

[1303] Гумилев–Струве-4. С. 541–548; Письма-1987. С. 76–77; Лесман-1989. С. 370–371; Гумилев в Лондоне: неизвестное интервью / Публ. Э. Русинко // Исследования-1994. С. 299–309; Казнина-1997. С. 246–261; Шубинский-2004. С. 476–484; комментарии к письмам № 166 и № 167 в ПСС-8. С. 551–555; комментарии в «Трудах и днях». С. 484–493.

[1304] Эта работа также частично использовалась комментаторами «Трудов и дней», однако изложенные там трактовки и выводы не во всем совпадают с изложенным в настоящей книге.

[1305] Книги издательства «Гиперборей» (1914–1919), печатавшего в основном стихи членов Цеха поэтов.

[1306] Подразумевается редактор «Аполлона» С.К. Маковский, хотя обычное его редакционное прозвище было «папа́ Мако» (как в письме Лозинскому), видимо, между собой супруги его иронически переиначили. Во второй половине 1917 года стихи Гумилева в русской периодической печати не появлялись.

[1307] Оригинал в архиве Лесмана, хранящемся в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

[1308] ПСС-3. № 63 и № 59, соответственно.

[1309] Книга Ахматовой «Белая стая» вышла в свет под наблюдением Лозинского осенью 1917 года.

[1310] «Камень» О.Мандельштама вышел первым изданием в 1913 году, вторым, переработанным, — в 1916-м, третье издание в 1910-е годы не состоялось.

[1311] У Н.А. Клюева к этому времени вышли сборники «Братские песни» (1912), «Сосен перезвон» (1912), «Лесные были» (1912, 1913), «Мирские думы» (1916).

[1312] Драматическая сказка Гумилева «Дитя Аллаха» печаталась в «Аполлоне» (1917. № 6/7). Номер вышел в свет в марте 1918 года.

[1313] *Жирмунский В.* Преодолевшие символизм.

[1314] «Аполлон». 1913. № 1. Здесь напечатаны статьи Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии».

[1315] Во всех публикациях ранее было: «Я чувствую себя совершенно новым человеком, сильным, как был…» Письмо выверено по автографу, хранящемуся в архиве Лозинского.

[1316] Из стихотворения Пушкина «Художнику» (цитата неточная). Под «Дельвигом» Гумилев подразумевает, естественно, Лозинского, блестяще знавшего многие иностранные языки.

[1317] В.К. Шилейко.

[1318] Эльзас — регион на северо-востоке Франции, граничащий с Германией и Швейцарией. Столицей Эльзаса является Страсбург. В 1871 году, по Франкфуртскому договору, Германия аннексировала Эльзас. После окончания Первой мировой войны, по Версальскому мирному договору 1919 года, Эльзас вновь перешел под власть Франции.

[1319] Джованни Джолитти (27 октября 1842 – 17 июля 1928) — итальянский государственный политический деятель. Родился в 1842 году. Неоднократно занимал пост премьер-министра (май 1889—ноябрь1893, ноябрь 1903–март 1905, май 1906–декабрь 1909, март 1911–март 1914, июнь 1920–июнь 1921). Джолитти оказал большое влияние на политику Италии. Период итальянской истории с конца 1880-х до начала 1920-х годов, считающийся «золотым веком» итальянского либерализма, принято называть «эрой Джолитти». В годы премьерства Джолитти были проведены либеральные реформы. Первоначально Джолитти выступал за сотрудничество с социалистами. Однако в последующие годы изменил свою позицию и в 1913 году инициировал заключение «пакта Джолитти — Джентилонни» в целях противодействия избранию социалистов в парламент. При Джолитти Италия вела активную колониальную политику. В 1914–1917 годах выступал против участия Италии в Первой мировой войне, возглавив лагерь «нейтралистов».

[1320] Элефтериос Кириаку Венизелос (23 августа 1864–18 марта 1936) — греческий политик, несколько раз занимавший должность премьер-министра с 1910 по 1933 год. Взгляды Венизелоса периодически колебались, от либерального республиканизма до консервативного монархизма. Во время войны, в отличие от Короля Константина I (у Гумилева — «господин»), симпатизировавшего Германии и настроенного прогермански (об этом было сказано в «исторической части»), Венизелос был сторонником войны Греции на стороне Антанты. В результате конфликта между ним и королем в 1916 году Греция размежевалась на две части — контролируемые соответственно королем и Венизелосом (это событие известно как «национальный раскол»). Конфликт завершился давлением дипломатии и войск Антанты, отречением короля 12 июня 1917 года, коронацией его сына Александра, занятием Венизелосом поста премьер-министра в июле 1917 года и вступлением Греции в войну на стороне Антанты.

[1321] ПСС-3. № 68 («На Северном море»). Здесь текст дается по автографу в архиве Лозинского.

[1322] Гумилев–Струве-1. С.XLIX. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 2.

[1323] Лукницкий-1. С. 41–42.

[1324] ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 54.

[1325] Дальнейшие сведения о Борисе Анрепе — из указанной неопубликованной работы Майкла Баскера. См. также: Анреп–Каталог-2004; Казнина-1997. С. 226–246; Фарджен-2003.

[1326] *Анреп Б.* По поводу лондонской выставки с участием русских художников // Аполлон. 1913. № 2. С. 39–48.

[1327] *Kaznina O.* Boris Anrep: A Russian Artist in an English Interior // Journal of European Studies. 2005. № 35 (3). P.346; Казнина-1997. С. 229.

[1328] ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп. 1. Д. 8.

[1329] *Gubsky Nikolai.* Foreign Bodies. London. 1932. P.1. Оригинал на английском языке. Перевод С.Е.

[1330] В хранящихся в ГАРФ документах, относящихся к периоду ликвидации Правительственного Комитета и других русских служб, сохранились описи казенного имущества, сейфов, пишущих машинок, шкафов и мебели, с указанием занимаемых этажей и комнат в India House, Empire House и Canada House. Все эти здания располагались по соседству, с общим адресом: Лондон, улица Кингсуэй (London, Kingsway W.C. 2).

[1331] Гумилев–Струве-4. С. 541–545. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 11.

[1332] Там же. С. 541.

[1333] Впервые опубликовано: *Rusinko E.* Gumilev in London: an Unknown Interview // Russian Literature Triquarterly. 1979. № 16. P. 73–85. Перевод этой статьи см. в книге: Исследования-1994. С. 299–309.

[1334] Русские писатели-1. С. 523.

[1335] ПСС-7. № 60, рецензия на сборник «От жизни к жизни»: «Вадим Гарднер, при всей неопытности, отличающей молодых поэтов, написал прелестную книгу легких стихов…»

[1336] *Hellman Ben.* An Aggressive Imperialist? The Controversy over Nikolaj Gumilev's war poetry // Nikolaj Gumilev. 1886–1986. Papers from the Gumilev Centenary Symposium. Held at Ross Priory, University of Strathclyde, 1986 / Edited, with an introduction, by S.D. Graham. Berkeley Slavic Specialties, 1987. P. 149–150.

[1337] *Bechhofer C.E.* Letters from Russia // The New Age. Vol. XVI. № 13. January 28, 1915. P. 344. Об этом было рассказано во 2-й части, там же приведен перевод отрывка из заметки Бехгофера.

[1338] В различных публикациях транскрипция его имени (Bechhofer) звучит по-разному — Бечхофер, Бехховер, Бехофер, Бичхофер. Чтобы не было путаницы, везде оставлено написание его имени таким, как у Гумилева, — Бехгофер.

[1339] В 1925–1926 годах Бехгофер опубликовал несколько детективных и фантастических рассказов в журнале «The Strand Magazine». Перевод одного из этих рассказов, «Подводный остров» («The Island under the sea»), на русский язык появился в журнале «Всемирный следопыт» в 1926 году: *Бичхофер Робертс.* Подводный остров // Всемирный следопыт. М.: 1926. № 11. См.: *Окулов В.И.* О журнальной фантастике первой половины XX века. Липецк: Крот, 2008.

[1340] В комментариях Тименчика и Русинко ошибочно указывается, что инициалы «А.Е.» означают А.Э. Хаусмана, «профессора латыни в Тринити-Колледж, Кембридж, автора удивительно простых лирических стихотворений». Имя Хаусмана и его наиболее известная книга «Парень из Шропшира» (1896) упоминаются в записной книжке: «ЗК-8(об)», A.E. Housman «Shropshire Lad». Но отдельно, в той же книжке, на предыдущей странице («ЗК-7(об)»), в другом перечне различных, видимо, требуемых Гумилеву книг, указаны инициалы «А.Е.». Как показал Григорий Кружков (Кружков-2001. С. 177–183), эти инициалы «в английской поэзии прочно закреплены за другим поэтом — Джорджем Расселом, который на протяжении десятилетий печатался исключительно под этим псевдонимом, приучив и критику писать о себе только как о А.Е. ‹…› Разумеется, и публикации в "The New Age", подписанные А.Е., принадлежат Джорджу Расселу». Джордж Рассел (1867–1935), ирландский поэт, художник и мистик, был с юности ближайшим другом Йейтса и его соперником за титул лучшего ирландского поэта. Следовательно, из трех поэтов, которых Гумилев отмечает в своем интервью английской газете, англичанин, строго говоря, только один, а двое других — ирландцы, друзья и соратники по движению «Ирландское литературное возрождение».

[1341] Шарль Вильдрак и Жорж Дюамель вместе с Жюлем Роменом и Рене Аркосом создали в 1906 году в Париже поэтическую группу «Аббатство», участники которой пытались объединить свои интеллектуальные поиски и физический труд. Живя в Париже в 1906–1908 годах, Гумилев, через Валентина Кривича и его отца, поэта и учителя Гумилева И. Анненского, сошелся с семейством сестры своего учителя — Деникерами, отцом и сыном. Отец Жозеф Деникер, крупный ученый, натуралист и этнограф, мог повлиять на африканские увлечения Гумилева: Гумилев, бывая в доме Деникеров, расположенном на территории Ботанического сада (Jardin des Plantes), пользовался хранившейся там богатейшей библиотекой. Сын старшего Деникера, Никола Деникер, был поэтом и приятелем Николая Гумилева. Он был близок к группе «Аббатство», сохранился даже выпущенный издательством «Аббатство» сборник стихов Деникера с дарственной надписью Гумилеву. Подробнее об этом см. в комментариях к письму Валентину Кривичу из Парижа от 19 сентября 1906 года: ПСС-8. № 5. С. 291–299. Так что Гумилев мог познакомиться с Вильдраком уже тогда, в 1906 году. В 1910 году Вильдрак и Дюамель вместе работали над «Заметками о поэтической технике», которые оказали влияние на Паунда и имажистов. Вильдрак, владевший художественной галереей на Левом Берегу в Париже, был другом и корреспондентом Роджера Фрая. В записной книжке Гумилева есть парижский адрес мадам Роз Вильдрак, жены поэта, которая распоряжалась галереей, пока ее муж находился на фронте: «ЗК-13»: «M-me Vildrac / 12 ou 10 rue de Seine».

[1342] Interviews by C.E. Bechhofer. XIII. Mr. Nicholas Gumileff // The New Age. Vol. XXI. № 1294. New Series. № 9, June 28, 1917. P. 209. Полностью перевод этого интервью, с обширными комментариями, опубликован в книге: Тименчик-1990. С. 270–273, 356–357. Другой (менее точный) перевод дан в указанной выше статье Э. Русинко. См. Исследования-1994. С. 305–309. Приведенные выше отрывки даны в переводе Р. Тименчика.

[1343] The New Age. № 1296. New Series. Vol. XXI. № 11, 12 July 1917. P.255—информация из неопубликованной работы Майкла Баскера.

[1344] The New Age. № 1297. New Series. Vol. XXI. № 12, 19 July 1917. P.275—информация из неопубликованной работы Майкла Баскера.

[1345] ПСС-7. № 72 и комментарии к нему. С. 519–520. Рукопись — на «оборотной стороне» (л. 1–5) лондонской «Записной книжки»; на последующих листах приводится список имен английских поэтов. Очевидно, что набросок этот был занесен в книжку в июне 1917 года, но, видимо, необходимость срочно покинуть Лондон по делам службы не позволила Гумилеву довести эту статью до публикации в журнале. Исключено, как иногда утверждается, что статья эта писалась в 1918 году.

[1346] Бехгофер называет известного английского писателя и переводчика со славянских языков Пола Селвера (Paul Selver; (22.03.1888–6.07.1970), тогда сотрудника журнала The New Age, с которым Гумилев встречался в Лондоне, но имя которого не попало в записную книжку. В 1917 году Пол Селвер издал двуязычную антологию современной русской поэзии: Modern Russian poetry: texts and translations. London & New York, 1917. Список «современных поэтов» составили: К. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов, И. Бунин, З. Гиппиус, М. Лохвицкая, Д. Мережковский, Н. Минский, Ф. Сологуб, В. Соловьев. П. Селвер сам писал стихи, в 1918 году он издал сборник «Personalities». В 1919 году вышла составленная им антология современной славянской литературы в прозе и стихах: Anthology of modern Slavonic literature in prose and verse, London, 1919. Там появились имена Вяч. Иванова и С. Городецкого. Позже он сосредоточился на чешской литературе, и в Англии известен как переводчик Ярослава Гашека. Скорее всего, перечисленные Гумилевым в письме Лозинскому книги так никогда до Англии и не дошли, и желанию Бехгофера издать действительно современных русских поэтов не суждено было осуществиться. Любопытно, что среди переведенных Селвером на протяжении жизни иностранных авторов значится и любимый Гумилевым Т. Готье. Так что общаться он мог с Гумилевым как по-французски, так и, возможно, по-русски.

[1347] Это единственное свидетельство того, что Гумилев взял с собой один экземпляр сборника «Колчан». Судя по всему, Бехгоферу он его из Парижа не отослал, так как надеялся, что все книги, в том числе и «Колчан», будут высланы Лозинским в Лондон по прилагаемому в письме Гумилева списку.

[1348] Слова «по-русски» в письме написаны Бехгофером по-русски.

[1349] Подразумевается упомянутое выше начало пьесы «Дитя Аллаха», изначально предназначавшейся для театра марионеток.

[1350] Никакие книги до Бехгофера так и не дошли, поэтому издание предложенной Гумилевым Антологии современных русских поэтов не состоялось.

[1351] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.2. № 3. Оригинал письма на трех страницах, первая — на бланке: India House, Kingsway, London W.C. Выше обозначения бланка от руки вписан адрес Бехгофера. Письмо, написанное по-французски, дано в русском переводе,

выполненом Н. Иванниковой. Впервые документ опубликован: Stanford-2014. Публ. Е.Е. Степанова и А.Б. Устинова. С. 225–226.

[1352] Дальнейшие сведения о посещениях Бехгофером России и о его литературной деятельности — из указанной неопубликованной работы Майкла Баскера.

[1353] *Bechhofer C.E.* Through Starving Russia: Being the Record of a Journey to Moscow and the Volga Provinces in August and September 1921. London, 1921. С. 143–145. Перевод Майкла Баскера. У Бехгофера неверно указано название кафе, где собирались московские имажинисты; на самом деле это могло быть либо кафе «Стойло Пегаса» (Тверская, 37), либо расположенное поблизости кафе Союза поэтов «Домино» (Тверская, 18), где в начале июля того же года выступал и сам Н. Гумилев.

[1354] *Bechhofer C.E.* Russian Literature Today. To the Editor of The Times // Times Literary Supplement. № 1030. 13 October 1921. P.661. См. также: Исследования-1994. С. 305; Лесман-1989. С. 371.

[1355] Исследования-1994. С. 305, с ошибочным указанием даты.

[1356] *Bechhofer C.E.* Interviews. XI. Mr. Augustus John // The New Age. № 1292. New Series, vol. XXI, № 7, 14 June 1917. P. 161; ср. также: *Reckitt Maurice Bennington and Bechhofer-Roberts C E.* The Meaning of National Guilds. London, 1918.

[1357] *Alexander Blok.* The Twelve. Translated with an Introduction and Notes by C.E. Bechhofer. With Illustrations by M. Larionov. London: Chatto & Windus, 1920.

[1358] Олдос Леонард Хаксли (англ. Aldous Huxley; 26 июля 1894, Годалминг, графство Суррей, Великобритания — 22 ноября 1963, Лос-Анджелес, Калифорния, США) — английский писатель. Автор известного романа-антиутопии «О дивный новый мир» (1932). Дальнейшие сведения о Хаксли и о его встречах с Гумилевым — из указанной неопубликованной работы Майкла Баскера.

[1359] См.: Letters of Aldous Huxley. New York, 1969. P. 115; Ottoline at Garsington: Memoirs of Lady Ottoline Morrel, 1915–1918. London, 1974. P. 201–204.

[1360] Наверное, Гумилев знал об этом. Обращает на себя внимание «огненное» название этого сборника, как и двух последующих сборников Гумилева, «Костер», и «Огненный столп». Но, скорее всего, это простое совпадение. Само время подталкивало тогда к таким «горящим» названиям.

[1361] Letters of Aldous Huxley. Ed. by Grover Smith. New York, 1969. P. 126–127.

[1362] *Darroch Sandra Jobson.* The Life of Lady Ottoline Morrell. London, 1976. P. 157. Сведения о круге знакомств леди Оттолин Моррелл и о ее имении — из работы Майкла Баскера.

[1363] *Firchow Peter.* Aldous Huxley: Satirist and Novelist. Minneapolis, 1972. P. 16.

[1364] *Darroch Sandra Jobson.* The Life of Lady Ottoline Morrell. London, 1976. P. 83–84.

[1365] Анреп–Каталог-2004. С. 9.

[1366] Джайлз Литтон Стрэчи (Lytton Strachey, 01.03.1880–21.01.1932) — английский биограф, литературовед, эссеист, известен иронической трактовкой своих биографических героев. Родился в семье, игравшей важную роль в политической и культурной истории Великобритании со времен Испанской Армады (XVI век).

[1367] Дэвид Герберт Лоуренс (11.09.1885–02.03.1930) — английский писатель, автор знаменитого романа «Любовник леди Чаттерли» (1928).

[1368] Уильям Батлер Йейтс (William Butler Yeats, 13 июня 1865–28 января 1939) — крупнейший ирландский англоязычный поэт, драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года. В Лондоне встречался и беседовал с Гумилевым. Эти беседы, как мне кажется, оказали большое влияние на его последующее творчество. Или, возможно, высказанные Йейтсом мысли просто легли на «благодатную почву». По словам Р. Тименчика, «идеалом Гумилева были древнеирландские жрецы-поэты — друиды. О возвращении верховенства к ним после многовекового владычества других каст Гумилев говорил в стихотворении “Канцона третья” из сборника “Костер”» (Тименчик-1990. С. 362). Справедливости ради следует отметить, что еще в гимназии его заинтересовала ирландская мифология, и «ирландские мотивы» прозвучали уже в самом первом сборнике стихов Гумилева «Путь конквистадора».

[1369] Арнольд Беннет (Arnold Bennett, Великобритания, 1867–1931) — английский писатель, бывший клерк. Получив в 1893 году премию за рассказ «Письмо домой», Беннет оставил службу в конторе адвоката и стал литератором-профессионалом. Беннетом до 1928 года было написано 75 книг (романов, пьес, рассказов и литературно-публицистических статей).

[1370] Огастус Джон (1878–1961) — английский художник, был приятелем Бориса Анрепа. Представитель новых направлений в искусстве первой четверти XX в. Романтизировал образы цыган Северного Уэльса. Позднее — модный портретист. В конце 1910-х входил в «Группу улицы Фицрой». Цель группы, какой она была заявлена, — продавать работы по «ценам, доступным для людей умеренного достатка (картина стоит меньше, чем ужин в “Савое”)». То есть создавать работы для среднего класса.

[1371] Ottoline at Garsington: Memoirs of lady Ottoline Morrell, 1915–1918 / Ed. and introd. by Robert Gathorne-Hardy. London: Faber and Faber, 1974. P. 98. Более подробно об Анрепе в период 1916–1917 годов, см.: P. 157, 202–203. Знакомство Анрепа с кругом леди Моррелл описывается в ее мемуарах: Memoirs of Lady Ottoline Morrell: A study in friendship, 1873–1915 / Ed. by Robert Gathorne-Hardy. New York, 1964. P. 183, 230–231.

[1372] *Kelly John S.* A W.B. Yeats Chronology. London, 2003. P. 207.

[1373] Ottoline at Garsington: Memoirs of Lady Ottoline Morrel, 1915–1918. London, 1974. P. 128–129. Помимо «Влюбленных женщин» Д. Г. Лоуренса, «бытовая» жизнь и эксцентричные обитатели и гости Гарсингтон Мэнор получили множество литературных изображений; следует особо отметить первый роман О. Хаксли «Желтый крон» (Chrome Yellow, 1921), настоящий «roman à clef» («зашифрованный роман»), в котором, в частности, под художником Gombault сатирически не лестно выведен Борис Анреп. Подробнее см., например: *Kaznina O.* Boris Anrep: A Russian Artist in an English Interior. Journal of European Studies, 35 (3), 2005.

[1374] Полное название его обращения — «Finished with the War: A Soldier's Declaration» («Покончить с войной: декларация солдата»). Последующий рассказ об обращении Зигфрида Сассуна к английской общественности взят из работы Майкла Баскера, за что я еще раз хочу выразить ему свою благодарность.

[1375] *Wilson Jean Moorcroft.* Siegfried Sassoon: The Making of a War Poet. A Biography, 1886–1918. London, 1998. P. 350–351, 373–375.

[1376] Декларация Сассуна была прочитана в парламенте 30 июля и опубликована в газете «The London Times» 31 июля 1917 года.

[1377] Letters of Aldous Huxley. Ed. by Grover Smith. New York, 1969. P. 115.

[1378] Запись об этом в записной книжке выглядит так: «Lunch with Roger Fry / 1.30 Thursday 21 June / 21 Fitzroy St. W. 1 / (Bottom bell on the right / Нижний звонок направо)». Видно, что пока Гумилеву требуется перевод даже простейшей английской фразы, про звонок.

[1379] Кружков-2001. С. 178.

[1380] *Kelly John S.* A W.B. Yeats Chronology. London, 2003. P. 193. Дальнейшие рассуждения, относящиеся к биографии Йейтса, из неопубликованной работы Майкла Баскера, уточнившего, что, по хронологии жизнеописания Йейтса, в интересующий нас период Йейтс выехал из Ирландии в Лондон 21 мая, и там он находился примерно до 4 июля. 24 мая он побывал в Эдинбурге, где прочитал лекцию; 28 мая — переехал из Эдинбурга в Бирмингем, где 29 мая также прочитал лекцию. В Лондон он возвратился 30 мая, где провел весь июнь. Однако 3 дня, с 16 по 18 июня, он гостил в Мейденхеде (Maidenhead, 30 миль к западу от Лондона). В понедельник, 18 мая, он встречался также с делегацией членов ирландского парламента, и устраиваемый им литературный «понедельник» в этот день не состоялся.

[1381] *Alldritt K.* W.B. Yeats: The Man and the Milieu. London, 1999. P. 255.

[1382] *Brown Terrence.* The Life of W.B. Yeats: A Critical Biography. Oxford, 1999. P. 241–243.

[1383] ПСС-5, № 12.

[1384] *Струве Г.* Неопубликованный автограф Гумилева // Русская мысль, 27 августа 1981. Автограф сопровождается «африканским» рисунком Гумилева: солнце, пальма и крокодил. Факсимильно воспроизведен в выпуске «Поэт на войне-7»; в книгах: Кружков-2001. С. 214; Кружков-2008. С. 174.

[1385] *Кружков Г.* Загадка «Замиу». Николай Гумилев и графиня Кэтлин // Кружков-2001. С. 212–230, 257–265; Кружков-2008. С. 172–191, 217–225. В последнюю книгу включено «Дополнение к “Загадке Замиу”», в котором рассказывается о судьбе пока еще не исследованного архива адресата дарственной надписи на книге Надежды Александровны Залшупиной, высказывается мнение автора о происхождении книги с дарственной надписью Гумилева.

[1386] Кружков-2001. С. 115, 119–120, 250. В указанных выше замечательных книгах Г. Кружкова многие страницы посвящены теме «Йейтс и русский неоромантизм» (Кружков-2001. С. 113–410), подробному исследованию «Йейтс и Россия» (Кружков-2008. С. 11–336). Ряд глав раскрывает «параллельность» творчества двух поэтов, Йейтса

и Гумилева: «Загадка “ЗАМИУ”: Николай Гумилев и графиня Кэтлин» (в книге Кружков-2008: «Загадка “ЗАМИУ”: Приключения графини Кэтлин в России»); «Теория и игра маски: Гумилев и Йейтс»; «Гумилев, Йейтс и “А.Е.” (Лондон 1917)». В недавно вышедшее дополненное издание (Кружков-2008) вошло множество переводов из Йейтса, в том числе и перевод пьесы «Графиня Кэтлин».

[1387] ПСС-3, № 106. Стихотворение написано во Франции, после Лондона.

[1388] Библиотека А.А. Блока. Описание. Л., 1984. Кн. 1. С. 254. Подробнее об этой «политике» Гумилева см. в комментариях Р. Тименчика к «Программе курса лекций по истории поэзии», которые Гумилев читал в Институте живого слова по возвращении в Россию: Тименчик-1990. С. 361–362, или Гумилев-1991–3. С. 333–334.

[1389] *Kelly John S.* A W.B. Yeats Chronology. London, 2003. P. 193—из неопубликованной работы Майкла Баскера.

[1390] Именно в этой галерее состоялась первая персональная выставка Бориса Анрепа.

[1391] *Cournos J.* The Death of Futurism // The Egoist. 1917, Vol. IV, № 1. P. 6–7. Перепечатано под названием «Смерть футуризма» в 8–10-м номерах журнала «Аполлон» (1917). С. 8–10, 30–33. Джон Курнос (Cournos, 1881–1966), американский поэт и журналист русского происхождения (подлинная фамилия — Коршун), был близким другом многих английских поэтов-имажистов, в том числе Ричарда Олдингтона и Эзры Паунда. Благодаря его переводам Сологуба, Андреева и Розанова английские читатели познакомились с современной русской литературой. В октябре 1917 года Курнос приезжал в Петроград как член Англо-русской комиссии, встречался с Сологубом, Ремизовым и Корнеем Чуковским. Виделся он и с Ахматовой (его стихи вписаны в ее альбом). Так что укол в его адрес не совсем справедлив.

[1392] *Baring M.* With the Russians in Manchuria. London, 1905. Все сведения о Беринге — из неопубликованной работы Майкла Баскера.

[1393] A Year in Russia (Год в России). London, 1907; Russian People (Русский народ). London, 1911; What I Saw in Russia (Что я видел в России). London, 1913.

[1394] Landmarks in Russian Literature (Вехи русской литературы). London, 1910; An Outline of Russian Literature (Очерк русской литературы). London, 1914.

[1395] Указанная антология. С.XXXVII.

[1396] Гилберт Кийт Честертон (Gilbert Keith Chesterton; 29 мая 1874, Лондон, Кенсингтон —14 июня 1936, Биконсфилд, графство Бакингемшир) — выдающийся английский христианский мыслитель, автор около 80 книг. Его перу принадлежат несколько сотен стихотворений, 200 рассказов, 4000 эссе, ряд пьес, несколько романов.

[1397] Джозеф Хилэр Пьер Рене Беллок (Хилэр Беллок, англ. Hilaire Belloc, 27.7.1870–16.7.1953) был сыном англичанки и полуфранцуза-полуирландца. Родился он во Франции, но его увезли оттуда в раннем детстве. Позже он очень подчеркивал свое французское происхождение. Наиболее дотошные ученые называют его «Бэлок». Писатель и историк (с 1902 года подданный Великобритании), поэт, эссеист, автор юмористических стихотворений. Один из самых плодовитых английских писателей начала XX века. Был горячим приверженцем Римско-католической церкви, что оказало большое влияние на большинство его работ. Ближайший друг Г.К. Честертона.

[1398] Леди Джулиет Дафф (Juliet Duff, 1881–1965) — дочь графа Лонсдейлского. С 1903 по 1914 год была замужем за сэром Робином Даффом, ее первый муж был убит на войне в 1914 году; с 1919 по 1926 год — за майором Трэвером. Друг многих писателей, издала в 1916 году антологию, куда входили их стихи. Между прочим, она была также хорошо знакома с Дягилевым, покровительствовала Русским балетным сезонам.

[1399] Letters of Aldous Huxley. New York, 1969. P. 126.

[1400] Источник: The Autobiography of G.K. Chesterton. New York, 1936. P. 259–261. Перевод: *Гилберт Кийт Честертон.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Вечный человек. Автобиография. Эссе. СПб.: Амфора, 2008. Этой встрече Гумилева с Честертоном посвящена не лишенная интереса (однако чересчур безапелляционная) публикация Н.Н. Боровко «Беседа под бомбами», размещенная на сайте: http://samlib.ru/b/borowko_n_n/besedapodbombami.shtml . Не со всеми трактовками автора можно согласиться, однако он затрагивает некоторые существенные детали.

[1401] Полковник Чарльз Э. Реппингем (1858–1925) — военный историк и журналист.

[1402] Аристократический район Лондона.

[1403] *Адамович Г.* Литературные беседы. Кн. 2. «Звено» 1926–1928. Алетейя. СПб., 1998. С. 94–95.

[1404] Вортицизм (англ. Vorticism) — течение в изобразительном искусстве начала XX столетия в Англии, близкое к футуризму. Вортицизм представлял собой исключительно английское культурное явление и в равной степени противостоял как импрессионизму, так и классической художественной традиции. Предтечей вортицистов был знакомый нам уже английский художник Роджер Фрай, проложивший им дорогу своими выставками «Моне и постимпрессионизм» в 1910 году и «Вторая постимпрессионистская выставка английских, французских и русских художников» в 1912 году. Большое влияние на формирование вортицизма оказал итальянский футуризм. В 1914 году несколько английских художников, среди которых были Перси Уиндхем Льюис, Лоуренс Аткинсон, Дэвид Бомберг и поэт Эзра Паунд, создают художественное объединение, основанное на понимании решающей роли индустриального процветания и мегаполисов в будущей европейской цивилизации. Печатным органом этого художественного направления, просуществовавшего 2 года, был выпускавшийся Льюисом журнал «Blast», выходивший дважды, в июле 1914 и в июле 1915 года. Паунд был идейным вдохновителем течения. Вортицизм боролся с реалистическими тенденциями в живописи, отрицал моральный аспект искусства и настаивал на автономности каждого художественного творения. Вортицисты были антагонистами французской художественной школы и считали себя представителями нордического английского искусства. По их мнению, в духе современности чувствовался особый ритм, рожденный ураганом перемен. В то же время вортицисты видели всеобщий прогресс не в скоростных измерениях новых автомобилей и самолетов, а в изменении функциональных структур и внутренней организации общества. Свои работы представители вортицизма рассматривали как свой спор с современной индустриальной цивилизацией, в которой человек чувствует себя плененным огромными городами и массовыми промышленными производствами. Преклонение перед механическим движением, практикуемое итальянскими футуристами, вортицисты отклоняли как сентиментальный романтизм. Вортицизм как художественное течение угас ко времени окончания Первой мировой войны.

[1405] ПСС-8, № 158. С. 201.

[1406] Статья «Война и религия» напечатана в «The New Age» вместе с первым из «Писем из России» Бехгофера (1914, Vol.XVI, № 10, January 7. P. 239–240). Она была перепечатана в русском альманахе военного времени «В тылу» со значительными цензурными сокращениями. См. «Письмо» Бехгофера (1915, Vol.XVI1, № 21, September 23. P. 497–498).

[1407] ПСС-7, № 72. В записной книжке имеется только начало статьи — о Бальмонте.

[1408] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.1. № 7. Копия черновика на четырех страницах с частично обрезанными краями. Гумилев приводит по одному стихотворению Анненского и Кузмина и три стихотворения Ахматовой. Видимо, отсутствует последняя страница, так как на четвертой странице — лишь первые строки ее стихотворения «Бесшумно ходили по дому...» (У Гумилева — «Неслышно ходили по дому...»). Полностью документ впервые опубликован: Stanford-2014. Публ. Е.Е. Степанова и А.Б. Устинова. С. 232–237.

[1409] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.1. № 5. Автограф на четырех страницах, подписанный Гумилевым. Полностью документ впервые опубликован: Stanford-2014. Публ. Е.Е. Степанова и А.Б. Устинова. С. 228–230.

[1410] The Burlington Magazine. Vol. XXXIV. P. 112–118.

[1411] The New Age. 1922. Vol. XXX. № 15. February 9,1922. P. 195–196.

[1412] Ibid. № 13. January 26. P. 165.

[1413] Арундель Дель Ре, чей адрес также записан Гумилевым («ЗК-13»: Arundel del Re / Authors Club / 2 Whitehall Court / London S.W.1) — итальянский журналист и критик, связанный с футуризмом и Маринетти, писал статьи и переводил для нескольких английских журналов, некоторое время был редактором журнала «Поэтри Ревью» и «Поэтри энд Драма». Джованни Папини, рассказы которого печатались в «The New Age» в переводах Дель Ре, некоторое время был итальянским корреспондентом журнала символистов «Весы».

[1414] «ЗК-14» — Записка Arundel del Re к Giovanni Papini; «ЗК-15» — Записка A. del Re к L. Giovanola; «ЗК-16» — Записка A. del Re к P. Sgabellari.

[1415] Гумилев–Струве-4. С. 544–545.

[1416] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.6. № 2.

[1417] Я благодарен за эту информацию Антонии Уину и Ефиму Резвану.

[1418] Подробнее, с фотографиями, см.: http://ribalych.ru/2011/10/03/rozygryshi-ot-goraciya-koula/

[1419] Подробно об этом путешествии поэта см.: Неакадемические комментарии-2.

[1420] На самом деле — Мари-Жан-Леон Лекок, барон д'Эрве де Юшеро, маркиз д'Эрве де Сен-Дени (фр. — *Marie-Jean-Léon Lecoq, Baron d'Hervey de Juchereau,* ***Marquis d'Hervey de Saint-Denys,*** 5.5.1822, Париж–2.11.1892, там же). Известный в XIX веке французский интеллектуал, филолог, синолог-самоучка, третий заведующий кафедрой китайского языка Коллеж де Франс (1874–1892), с 1878 года — действительный член Академии надписей (*Académie des Inscriptions et de Belles-Lettres*).

[1421] Гумилев–Струве-4. Вашингтон, 1968. С. 542; оригинал в HIA-GSP. Box 151. Fol. 11. Другой вариант: ПСС-3, № 72. Гумилев неизменно придерживался написания «Саутгемптон», что видно из автографов, хотя правильное написание порта — Саутгемптон (Southampton). Эту заведомую ошибку поэта вполне можно было бы исправить, так как на ритмику стихотворения это никак не повлияет. Автограф из записной книжки воспроизведен в журнале: Наше наследие-100. С. 106. Как видно, стихотворению в записной книжке предшествует неразборчивый черновик четверостишия, в котором ранее Струве смог прочитать лишь две первые строки. Предлагаю варианты прочтения всего четверостишия, оговариваясь, что за точность прочтения отдельных слов, особенно последнего, не ручаюсь (жаль, что в дальнейшем автор к этому стихотворению не возвращался):

Как прежде над Северным Морем
Скользят боевые суда,
Нам тайно под синею мглою
Тяжелая ведома тьма.

Вариант: Нам тяжбы под синею мглою
Тяжелые, видно, суля (неся?).

[1422] Речь идет об альбоме с 76 чистовыми автографами стихотворений, оставленном Гумилевым в Лондоне Борису Анрепу, который впоследствии передал его Глебу Струве (HIA-GSP. Box 151. Fol. 19), в дальнейшем мы будем ссылаться на него как на «Парижский альбом». В отличие от другого, пока не обнаруженного, оставленного в Париже альбома с автографами, составившими сборник «К Синей звезде»; на этот альбом мы будем ссылаться как на «Альбом Дюбуше».

[1423] Ставицкий-2004. С. 2.

[1424] Там же. С. 3–4.

[1425] Там же. С. 4–5.

[1426] Там же. С. 13.

[1427] Исключение составляла только отправка в августе 1917 года артиллерийской бригады генерала Беляева для укомплектования 2-й Особой русской дивизии, участвовавшей в боевых действиях на Салоникском фронте, а до этого принявшей участие в подавлении мятежа в лагере Ля Куртин в сентябре 1917 года, когда там же оказался и Гумилев.

[1428] Вализа — специальная упаковка, то есть это распоряжение говорит о том, что командированные офицеры могли следовать через Скандинавию в своей военной форме, но без оружия.

[1429] ГАРФ, Ф. Р.5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 22. РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 61 об. Данное распоряжение относится к лету 1917 года, когда у власти находилось Временное правительство.

[1430] *Блок. А.* Последние дни императорской власти. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. С. 15.

[1431] Газета «Русская воля» начала выходить с 15 декабря 1916 года. Созданная по инициативе А.Д. Протопопова, она мыслилась ее создателями в качестве официозного правительственного органа, предназначенного, в первую очередь, для идейной борьбы с влиятельными и сильно досаждавшими властям оппозиционными изданиями. Газета сразу обрела на редкость скандальную известность как рупор откровенно черносотенных сил. От сотрудничества с газетой решительно отказались Горький, Короленко, Ив. Шмелев и многие другие писатели, в том числе Блок, которому возглавлявший литературный отдел «Русской воли» Леонид Андреев щедро обещал и «наивысший гонорар», и полную свободу выбора тематики и проблематики его выступлений в газете. «Мне все уши прожужжали о том, что это — газета протопоповская, и я отказался», — вспоминал он об этом в 1919 году (*Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л. , 1962. Т.6. С. 135). Так что, хотя в некоторых изданиях, противопоставляя Блока Гумилеву, приписывают последнему активное сотрудничество с этой газетой (публикация В.В. Базанова: Исследования-1994. С. 192–193), реальное сотрудничество Гумилева с «Русской волей» ничем не подтверждается.

[1432] Это вполне возможно. Как вспоминал в своих мемуарах посол в Лондоне К.Д. Набоков, с которым Гумилев сблизился в начале 1918 года, незадолго до возвращения в Россию, весной 1917 года был период «особо напряженной подводной войны. ‹…› Сообщение со Скандинавскими странами поддерживалось посредством пароходов, совершавших еженедельные рейсы под конвоем английских миноносцев» (*Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 81). Так что Гумилев мог просто дожидаться очередного конвоя.

[1433] ПСС-3, № 77; при жизни не публиковалось. Это стихотворение ярко отражает умонастроение Гумилева осенью 1917 года.

[1434] Интеллидженс сервис (англ.—Intelligence service) — собирательное наименование сети разведывательных и контрразведывательных служб Великобритании.

[1435] Уильям Сомерсет Моэм (англ. *William Somerset Maugham*; 25.1.1874, Париж — 16.12.1965, Ницца) — известнейший английский писатель. Первый успех на поприще литературы Моэму принесла пьеса «Леди Фредерик» (1907). Во время первой мировой войны сотрудничал с МИ-5, в качестве агента британской разведки был послан в Россию. Работа разведчика нашла отражение в сборнике новелл «Эшенден, или Британский агент» (1928, русский перевод 1992).

[1436] *Моэм С.* Луна и грош. Записные книжки: Роман, эссе / Пер. с англ. М.: Изд-во Эксмо, 2004.

[1437] Романы Роберта Л. Стивенсона.

[1438] Вспомните приведенные в 3-й части, сохранившиеся в памяти О. Мочаловой слова Гумилева: «Самое ужасное — мне в Африке нравится обыденность. Быть пастухом, ходить по тропинкам, вечером стоять у плетня. Старики живут интересами племянников и внуков, их взаимоотношениями, имуществом; а старухи уходят в поля, роются в земле, собирают травы, колдуют…»

[1439] Яков Григорьевич Жилинский (15.3.1853–1918) — русский генерал от кавалерии. Родился в дворянской семье. В 1876 году окончил Николаевское кавалерийское училище. Выпущен в Кавалергардский полк, заведовал учебной командой полка. В 1883 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. С 26 ноября 1885 года старший адъютант штаба 1-й гренадерской дивизии. С 11 февраля 1887-го младший, с 14 февраля 1894—старший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба. Принимал участие в работах по изучению и исследованию иностранных государств, результатом чего явились многочисленные печатные труды, в большинстве не подлежавшие оглашению. Со 2 мая 1898 года состоял в распоряжении начальника Главного штаба, был военным агентом при Испанской армии на Кубе во время испано-американской войны (1898). В 1899 году был делегатом от Военного министерства на Гаагской мирной конференции. С 18 августа 1899 года — командир 52-го драгунского Нежинского полка. С 3 августа 1900 года генерал-квартирмейстер, с 1 мая 1903 года 2-й генерал-квартирмейстер Главного штаба. 29 января 1904 года назначен начальником полевого штаба наместника на Дальнем Востоке Е.И. Алексеева, на котором оставался до отзыва Алексеева и расформирования штаба в октябре 1904 года. С 5 января 1905 года состоял в распоряжении военного министра. Командовал 14-й кавалерийской дивизией (с 27 января 1906), 10-м армейским корпусом (с 7 июля 1907). Генерал от кавалерии (18 апреля 1910). С 22 февраля 1911 года начальник Генерального штаба. С 4 марта 1914 года назначен командующим войсками Варшавского военного округа и Варшавским генерал-губернатором. 19 июля 1914 года назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта (там, где начал свою военную службу Николай Гумилев). По итогам боев в Восточной Пруссии 3 сентября 1914 года снят с поста Главнокомандующего армиями и генерал-губернатора и переведен в распоряжение военного министра. В 1915–1916 годах представлял русское командование в Союзном совете во Франции. Весной 1917 года отозван в Россию. 19 сентября 1917 года уволен со службы с мундиром и пенсией. После Октябрьской революции пытался выехать за границу, но был арестован и расстрелян большевиками.

[1440] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 5. Палицын Федор Федорович (28.10.1851–20.2.1923, Берлин, Германия), генерал от инфантерии (6.5.1907), был Представителем Его Императорского Величества при Французской армии. Образование получил в 1-м Павловском училище (1870) и Николаевской академии Генштаба (1877). С 1.1.1889 начальник штаба 2-й гвардейской кав. дивизии. С 19.11.1891 помощник начальника штаба

войск гвардии и Петербургского ВО. С 19.4.1895 начальник штаба гвардейского корпуса. Был одним из ближайших сотрудников великого князя Николая Николаевича, пользовался его протекцией. 21.6.1905 при поддержке великого князя занял пост начальника Генштаба, причем в это время Генштаб был самостоятельным органом, не подчиненным военному министру. Затем Генштаб был передан в состав Военного министерства, а Палицын 13.11.1908 потерял пост и был назначен членом Государственного совета. Во время войны — в распоряжении главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. В сентябре 1915 года сменил генерала Я. Г. Жилинского на посту представителя русской армии в Военном совете союзных армий в Версале. Снят вскоре после 1.5.1917. 11.10.1917 уволен от службы по прошению с мундиром и пенсией. В 1918–1920 председатель Военно-исторического и статистического комитета при Русском политическом совещании в Париже. Позже состоял членом Общества взаимопомощи офицеров Генштаба в Берлине; учредитель и 1-й председатель Общества взаимопомощи Союза офицеров в Париже. В конце жизни сильно нуждался. (Российское зарубежье-2. С. 391; *Залесский К.А.* Кто был кто в первой мировой войне // Биографический энциклопедический словарь. М., 2003).

[1441] Занкевич Михаил Ипполитович (17.09.1872 — 14.04.1945, Париж). Генерал-майор (07.09.1914). Окончил Псковский кадетский корпус (1891), Павловское военное училище (1893) и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Военный агент в Румынии (01.1905–10.1910) и в Австро-Венгрии (10.1910–07.1913). В годы Первой мировой войны командир 146-го пехотного полка (03.1915–05.1916). С 20.05.1916 начальник штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Генерал-квартирмейстер Генштаба (07.1916–02.1917). Начальник военной охраны Петрограда в феврале–апреле 1917 года. Представитель русской армии во Франции с мая 1917 года до расформирования служб в начале 1918 года. В июле 1918-го вернулся в Россию, принял участие в Белом движении: генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба; начальник штаба группы Северных армий (1-й и 2-й) генерала Н.А. Лохвицкого (08.1918–10.1919); генерал-квартирмейстер, затем начальник штаба Ставки главнокомандующего русской армией адмирала А.В. Колчака (11.1919–01.1920). Эмигрировал в 1920 году во Францию. Председатель объединения лейб-гвард. Павловского полка, с 1934 года — председатель объединения бывших воспитанников Псковского кадетского корпуса. Похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. (Российское зарубежье-1. С. 575–576).

[1442] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 30. Л. 29 об.

[1443] РГВИА. Ф. 15236. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 и далее.

[1444] РГВИА, 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 87–111. Уже в марте 1917 года была издана брошюра «Временное положение о военных комиссарах».

[1445] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 39 об.

[1446] В лице представителя Временного правительства при русских войсках во Франции генерала Занкевича, а также не подчинявшегося ему, но тесно с ним взаимодействовавшего, назначенного непосредственно Военным министром Керенским, Военного комиссара Е.И. Раппа.

[1447] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 7; приказ № 213 по Военному ведомству от 16/29 апреля 1917 г., там же. Л. 60–67; дополнение к этому приказу, приказ № 271 от 8/21 мая, там же. Л. 68–73.

[1448] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 30. Л. 44 об.

[1449] Там же. Л. 46 об.

[1450] Там же. Д. 19.

[1451] Евгений Иванович Рапп (1868–1946) был адвокатом по профессии, старым деятелем революционного движения, принадлежал к эсеровской партии. Вскоре его ближайшим помощником в Париже стал Николай Гумилев.

[1452] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 112.

[1453] Там же. Л. 114.

[1454] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 42.

[1455] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 119.

[1456] Там же. Л. 123.

[1457] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–4 — в этом деле приводится «Устав Полкового комитета 1-го Особого пехотного полка», утвержденный после посещения полка Раппом 2 июня 1917 года.

[1458] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 120.

[1459] Военный агент (так эта должность называлась до 1917 года в России, в дальнейшем — военный атташе) — представитель Военного ведомства при дипломатическом представительстве назначившего его государства (аккредитуется при МИД страны пребывания). Одновременно является советником дипломатического представителя по военным вопросам, пользуется привилегиями и иммунитетами наравне с дипломатическим персоналом. Часто военный атташе (или атташе по вопросам обороны) имеет штат сотрудников, называемый военный атташат. В. Ставицкий, именующий себя «профессиональным контрразведчиком», «ввел» Гумилева в состав «военного атташата особого экспедиционного корпуса Российской армии». Гумилев при Игнатьеве никогда не служил.

[1460] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 1. Д. 351.

[1461] Игнатьев-1986. С. 644.

[1462] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 19. Начальник Тылового управления Карханин Михаил Васильевич (12.10.1875, Новочеркасск–18.12.1958, Париж) — полковник Генштаба. Окончил Алексеевское военное училище и Николаевскую академию Генштаба. Участник Русско-японской войны, мировой и гражданской войн. После войны уехал на Дальний Восток и принял участие в борьбе против большевиков в Сибири. Эмигрировал во Францию. В Париже преподавал историю в русской гимназии. В газете «Русская мысль» в 1958 году, в восьми номерах (№ 1293… 1305), были опубликованы его воспоминания «Русский экспедиционный корпус на французском и македонском фронтах — 1916–18 гг.». Публиковался в журналах «Часовой», «Возрождение» (Российское зарубежье-2. С. 666–667).

[1463] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 7. О начальнике Санитарного отдела А.Н. Рубакине см. ниже. О помощнике Игнатьева, подполковнике Александре Фадеевиче Пац-Помарнацком (1885–1963, Брюссель) см.: Российское зарубежье-2. С. 410–411.

[1464] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 1.

[1465] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

[1466] Там же. Д. 42. Л. 2.

[1467] *Авдеев В.Б., Карпов В.В.* Секретная миссия в Париже. Граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. М.: Вече, 2009. См. также: Российское зарубежье-1. С. 618. П.А. Игнатьев (18.12.1878–2.12.1930, Париж, похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа), полковник Генерального штаба, в конце 1915 года он был направлен лично императором Николаем II в Париж для того, чтобы наладить обмен информацией с разведывательными службами других стран Антанты и создать агентурную сеть русской военной разведки в Германии и Австро-Венгрии, что было им выполнено.

[1468] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 65.

[1469] Там же. Д. 40. Л. 142; Ф. 15304. Оп. 2. Д. 41. Л. 5.

[1470] Гапаранда — город в шведской провинции Норрботтен, или Лулео, у северного конца Ботнического залива, близ устья реки Торнео, напротив пограничного, когда-то русского города Торнео (ныне — Торнио в Финляндии). Город основан после присоединения Финляндии к России.

[1471] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 41. Л. 22. Обратите внимание: когда в январе 1918 года генерал Ермолов намеревался отправить Гумилева из Лондона в Россию, выдав ему под расписку 54 фунта, он руководствовался теми же расценками стоимости проезда из Англии; об этом будет сказано ниже.

[1472] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 125.

[1473] Там же. Оп. 1. Д. 240. Д. 241. Д. 351.

[1474] Данилов-1933. С. 134–136.

[1475] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

[1476] Там же. Д. 18. Л. 31.

[1477] Там же. Д. 4. Л. 4.

[1478] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 19; Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 106.

[1479] Там же. Д. 46. Л. 9.

[1480] Ошибка Анрепа в отчестве Гончаровой: «Николаевна» вместо «Сергеевна». Действительно, свое первое письмо Г. Струве вскоре направил именно Гончаровой.

[1481] HIA-GSP. Box 73. Fol. 13.

[1482] Буклет *(фр.)*; отдельный буклет напечатан не был, однако две из восьми оформленных художниками страниц «Парижского альбома» были в черно-белом виде представлены во 2-м томе вашингтонского собрания сочинений. Также черно-белыми были воспроизведены две страницы со стихотворением «Мужик» в оформлении Ларионова

в монографии Энтони Партона: *Parton Anthony*. Mikhail Larionov and the Russian Avant-Garde. Princeton, N.J., 1993. P. 170–171. Впервые оформленные Ларионовым, Гончаровой и Стеллецким листы из «Парижского альбома» Гумилева воспроизведены в цвете, с оригинала в журнале: Наше наследие-101. С. 102.

[1483] ОР ГТГ. Ф. 180. № 1719. Машинопись на внутренней стороне бланка авиапочты США.

[1484] Письма М.Ф. Ларионова о Н.С. Гумилеве / Публ. Г. Струве // Альманах «Мосты». № 15. Мюнхен, 1970. С. 403–410. В дальнейшем **все ссылки на воспоминания Ларионова**, цитаты из них и комментарии их Глебом Струве относятся к этой небольшой публикации, и я не буду каждый раз указывать ее в сносках. Оригиналы двух писем Ларионова хранятся в HIA-GSP. Box 102. Fol. 5. Публикация в альманахе «Мосты» была сверена с этими оригиналами. То, что опубликованные письма Ларионова являются ответом на письмо Г. Струве к Н. Гончаровой, говорит начальная фраза в первом письме: «Пожалуйста, извините, что до сих пор ни Наталья Сергеевна, ни я не ответили на Ваше письмо. Надо было просмотреть то, что имеется от Николая Степановича. ‹…› Летом я должен был быть все время на воздухе. Теперь, хотя с задержкой, отвечу Вам на все Ваши вопросы. Относительно напечатания рисунков Нат. Серг. Гончаровой и моих, имеющихся в Ваших архивах и альбомах Николая Степановича Гумилева, мы Вам вполне разрешаем их напечатать и воспроизводить в издаваемой Вами plaquette ‹…›». Возможно, были и более поздние письма Г. Струве к М. Ларионову, но в архиве ГТГ они не обнаружены.

[1485] Полякова Альма Эдуардовна (?–1940, похоронена на кладбище Батиньоль) была вдовой Якова Соломоновича Полякова (1832–1909), представителя династии московских банкиров, промышленников, строителей железных дорог, финансиста, учредителя Азовско-Донского коммерческого банка, Донского земского банка и др. А.Э. Полякова была артисткой, благотворительницей, общественным деятелем. С 1920 года председатель Общества помощи бывшим русским воинам во Франции. Попечитель Союза русских военных инвалидов. Устраивала в своем доме благотворительные художественные вечера, в которых участвовали Н.В. Плевицкая, А.Ф. Вронская, Д. С. Стеллецкий и др. известные артисты, художники, музыканты, аристократы. Жила она в Париже по адресу: авеню Ош, д.3 (3, Avenue Hoche), на одном из «лучей», отходящих от Триумфальной арки (ГАРФ. Ф. 5903. Оп. 1. Д. 598. Список русских официальных представителей, живущих в Париже). Одной из первых стала пропагандировать во Франции русскую моду. В 1924 году награждена орденом Почетного легиона (Российское зарубежье-2.С490).

[1486] Публикуя письма Ларионова, Струве замечал: «В моем гумилевском архиве имеется его ‹Раппа› визитная карточка, на которой напечатано: “E. Rapp. Délégué du Ministre de la Guerre Russe” (*«Представитель русского Военного министра»*) и от руки приписано: “et du Soviet d'ouvriers et soldats” (*«И Совета рабочих и солдатских ‹депутатов›»*). Внизу сбоку, слева и справа — адрес и номер телефона (37, Rue Vaneau; Fleurus 03–11), а на обороте написано рукой самого Раппа: Mr. le S/Lt Goumileff est mon officier d'ordonnance de que je certifie. E. Rapp. 3 Août 1917 (*Г. Мл. лейтенант Гумилев является моим офицером для поручений, что я подтверждаю. — Е. Рапп.* 3 *августа* 1917). Кто такая Анна Марковна Сталь, выяснить не удалось». Визитная карточка была вложена в упоминавшуюся записную книжку (HIA-GSP. Box 151. Fol. 11). Ее оборот факсимильно воспроизведен в: Наше наследие-100. С. 108. Анна Марковна Сталь (1875, Москва–1960, Франция) — жена адвоката Алексея Федоровича Сталя (31.03.1873, Петербург–23.02.1949, Компьен, под Парижем), общественная деятельница, еще до революции перебравшаяся с мужем во Францию. См. о них: Российское зарубежье-3. С. 193. Имена ее и ее мужа упоминаются у А.А. Игнатьева, в его мемуарах «Пятьдесят лет в строю», где, как всегда, ища виноватых, он жаловался на интриги вокруг своего имени: «С трудом удалось узнать, что они исходили главным образом из салона некоей русской госпожи Сталь, уже немолодой, но считавшейся интересной женщины, проявившей, между прочим, особое покровительство Занкевичу. Муж ее, парижский адвокат Сталь, о котором до революции я и не слыхивал, оказался видным “революционным” деятелем и получил при Временном правительстве должность чуть ли не прокурора правительствующего сената, когда-то высшей судебной инстанции России» (Игнатьев-1986. С. 660). На самом деле А.Ф. Сталь был, как и Е.И. Рапп, политическим эмигрантом, с 1906 года жившим в Париже и занимавшимся совместо с Раппом адвокатской практикой. После Февральской революции он был избран членом Московской Судебной палаты и вскоре послан во Францию.

[1487] РГВИА. Ф. 15236. Оп. 1. Д. 7. Л. 43; Ф. 15304. Оп. 1. Д. 239; в деле также сохранилось письмо Соколова. Судя по тому, что в указателе «Российское зарубежье» имя С.А. Соколова не упоминается, в 1918 году, вскоре после закрытия Русской миссии в Париже, он покинул Францию. Других сведений о нем обнаружить не удалось.

[1488] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 20.

[1489] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 23 об.

[1490] Там же. Л. 24 об.

[1491] Там же. Л. 25 об.

[1492] Сергей Григорьевич Сватиков (1880–1942) — правовед, историк, философ, публицист, общественный деятель. Учился на юридическом факультете С.-Петербургского университета. Был исключен за участие в студенческом движении. Завершил образование в Гейдельбергском университете, получив в 1904 году степень доктора философии. Сотрудничал в журнале «Освобождение», издававшемся П.Б. Струве. Вступил в РСДРП, меньшевик. В 1905 году издал книгу «Общественное движение в России». Статьи и рецензии Сватикова публиковались в журналах «Былое», «Голос минувшего», «Исторический вестник», «Русское богатство», «Современный мир», «Русская мысль». В 1915–1917 преподавал на Бестужевских курсах. В период Первой мировой войны оборонец. Активный участник Февральской революции. Уже 1 марта, то есть еще до образования Временного правительства, занял место помощника Петроградского градоначальника по гражданской части. 18 марта 1917 года назначен помощником начальника Главного управления по делам милиции. В мае 1917 года направлен в качестве комиссара Временного правительства в западноевропейские страны для ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции и проверки дипломатических служб. Во Франции Сватиков встречался с Пуанкаре. По итогам командировки составил отчет Временному правительству. После октября 1917 года уехал на юг. Издал книгу «Русский политический сыск за границей» (Ростов-на-Дону, 1918; в 1941 году была переиздана НКВД «для служебного пользования»). Сотрудничал с генералами Алексеевым и знакомым по Петрограду Корниловым. В 1918–1919 годах работал в отделе пропаганды при Особом совещании генерала А.И. Деникина. Намеревался организовать за границей пропаганду в пользу белых (издание литературы, создание Российского телеграфного агентства); по-видимому, с этой целью выехал в феврале 1920 года в Париж, где и остался после поражения Деникина. Был парижским представителем Русского заграничного архива в Праге, членом правления Русской библиотеки им. И.Тургенева. Сотрудничал в газете «Общее дело», в журналах «Родимый край», «Донская летопись» (Вена), «Голос минувшего», «Пути казачества», в «Казачьем журнале». Читал в Сорбонне лекции по истории политических идей и студенчества в России. Участвовал в проведении литературных утренников для детей эмигрантов, Дней русской культуры, выступал с докладами и чтением произведений русских классиков. Автор книг «Россия и Дон (1549–1917)» (Белград, 1924), «Россия и Сибирь» (Прага, 1929), «Аркадий Гончаренко — основатель русской печати в Северной Америке» (Париж, 1938). В октябре 1934 года выступал свидетелем и экспертом на Бернском процессе по делу об авторстве «Протоколов сионских мудрецов». Доказывал на основании сведений, полученных им в 1917 году, что «Протоколы» — фальшивка. См. о нем: Российское зарубежье-3. С. 54.

[1493] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.

[1494] Корпус-2003. С. 534–535. См. также: Поэт на войне-7; Наше наследие-100. С. 112.

[1495] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 27.

[1496] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

[1497] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 138–138 об.

[1498] Там же. Л. 140.

[1499] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 51. Л. 4.

[1500] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 39.

[1501] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 46. Л. 33; Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 127.

[1502] Там же. Д. 19. Л. 106. Приказ о назначении Раппа был опубликован в только что учрежденной газете: «Русский солдат-гражданин во Франции». 1917. 13/26 июля (№ 2). Распоряжение о полномочиях Комиссара — 14/27 июля (№ 3). 16/29 июля (№ 5) было напечатано воззвание Е.И. Раппа ко всем русским солдатам во Франции. Как показали архивные поиски, большую часть текстов выступлений и документов для Раппа подготавливал Гумилев, так что не исключено, что он приложил руку и к этому воззванию. Гумилев участвовал в работе газеты, и его имя встречается на ее страницах.

[1503] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 30. Л. 177.

[1504] Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 8–8 об.

[1505] РГВИА. Ф. 15230. Оп. 1. Д. 30. Л. 167.

[1506] Гумилев–Струве-1. С.XLIX. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 2.

[1507] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 19. Л. 107.

[1508] Ф. 15223. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.

[1509] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 4. Л. 45.

[1510] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.2. № 5. Это письмо матери Гумилев, видимо, не получил, но оно сохранилось и полностью приведено в Приложении 6. Письмо Гумилева к матери от 27 июля 1917 года не сохранилось.

[1511] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.2. № 2. Письмо это Гумилев, видимо, не получил, потому оно и сохранилось. См. Прил. 6.

[1512] Михаил Федорович Ларионов (22.5/3.6.1881, г. Тирасполь, Херсонская губ.— 10.5.1964, Фонтене-о-Роз, под Парижем, похоронен на кладбище в Иври-сюр-Сен; в дальнейшем большинство биографических сведений приводится по книге Российское зарубежье-1…3; учтено также справочное издание: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2000 в 6 т. (в 8 кн.) / Сост. В.Н. Чуваков. М.: 1999–2007) — русский художник, один из основоположников русского авангарда, создатель «лучизма». Наталья Сергеевна Гончарова (21.6/3.7.1881. С. Нагаево Тульской губ. — 17 октября 1962, Париж, похоронена на кладбище в Иври-сюр-Сен) — русская художница, постоянная спутница М. Ларионова. Правнучатая племянница жены Пушкина, Натальи Николаевны, в девичестве Гончаровой. Коллекция обоих художников поступила в 1989 году в Третьяковскую галерею по завещанию вдовы художника Александры Клавдиевны Ларионовой-Томилиной (1901–1987) в качестве дара. В состав коллекции (в дальнейшем ссылки не нее — ОР ГТГ, фонд 180) вошло, с учетом отдельно хранящихся в Отделе графики ГТГ художественных произведений, более 20 тысяч единиц хранения, в том числе станковые живописные и графические работы, эскизы росписей и книжных иллюстраций, проекты театрального оформления, личные документы, записные книжки, фотографии, эпистолярное наследие и прочее. История ее появления в ГТГ и графическая часть коллекции кратко описаны в книге: М. Ларионов. Н. Гончарова. Парижское наследие в Третьяковской галерее / Авторы-составители Е.А. Илюхина, И.В. Шуманова // ГТГ. М., 1999.

[1513] Частично воспоминания Ларионова о Дягилеве и других его знакомых из круга «Русского балета» были реконструированы и опубликованы к 100-летнему юбилею балетных сезонов Дягилева в книге: История «Русского балета», реальная и фантастическая в рисунках, мемуарах и фотографиях из архива Михаила Ларионова. М., 2009.

[1514] Строки из начала поэмы Н. Гумилева «Открытие Америки. Песнь первая» (ПСС-2. № 12. С. 20). Поэма открывается строфой:

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: «Все покинь!» —
Перед дверью над кустом бурьяна
Небосклон безоблачен и синь,
В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь…

[1515] ОР ГТГ. Ф. 180. № 2233. Л. 1. Тетрадь в 36 нумерованных страниц с черновыми карандашными записями Ларионова. Хотя большинство тетрадей с заметками художника никак не датировано, в этой имеется запись, в которой Ларионов, говоря о «военной эпохе», вставил даты — «38–44», то есть очевидно, что запись сделана еще до окончания войны.

[1516] Всего в отделе графики ГТГ было идентифицировано 27 прижизненных натурных портретов-зарисовок Николая Гумилева, выполненных М. Ларионовым пером и тушью на небольших листах бумаги (размером 21 х 13,5 см), в основном на бланках гостиницы Castille (Отдел графики ГТГ, инв. № 10760–10786). Гумилев на них запечатлен анфас, полуанфас, в профиль, с разных сторон, с разными выражениями лица, на некоторых — в военной гимнастерке с погонами. Помимо этого в собрании ГТГ имеется несколько более поздних зарисовок Гумилева, выполненных М. Ларионовым по памяти. В публикации «Наше наследие-100–101» впервые воспроизведены все 27 портретов Гумилева, выполненных Ларионовым и идентифицированных сотрудниками Третьяковской галереи. Что касается двух известных набросков, то они попали к Глебу Петровичу Струве и сохранились в его коллекции в Архиве Гуверовского института (HIA-GSP. Box 152. Fol.6). Эти наброски неоднократно публиковались, всегда — без упоминания места хранения, и чаще всего — без указания места первой публикации. Первый набросок был опубликован в собрании сочинений Гумилева (Гумилев–Струве-3, фронтиспис). Вскоре он был повторен в книге памяти художников: Gontcharova et Larionov: Cinquante ans à Saint Germain-des-Prés. Témoignages et documents recueillis et présentés par Tatiana Loguine. Paris, 1971. P. 70. Второй набросок был впервые опубликован Андреем Устиновым (Ustinov-1993. P. 305).

[1517] До сих пор прижизненная портретная галерея Гумилева насчитывала чуть более 10 работ, включая несохранившиеся произведения и те работы, местонахождение которых неизвестно. См. об этом публикацию: *Савельева Г.Т.* Иконография Николая Гумилева // Гумилевские чтения. Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб., 1996. С. 200–230.

[1518] Фарджен-2003. С. 33.

[1519] «Синий журнал». 1911. № 18. 23 апреля. С. 12–13. См. воспроизведение этих страниц журнала в публикации: Неакадемические комментарии-2. Там же рассказано о неизвестных подробностях самого длительного путешествия Гумилева в Африку. Замечу, что тогда же, при представлении Гумилевым привезенных африканских картин и при его докладе о путешествии, в редакции журнала «Аполлон» присутствовал Д. Стеллецкий. Так что познакомились они не позже 5 апреля 1911 года (скорее всего — раньше).

[1520] Отдел графики ГТГ. Р-4570; бумага с водяным знаком и тиснением, гуашь, графитный карандаш, 56,3 х 77,4 см. Рисунок впервые воспроизведен в книге: М. Ларионов и Н. Гончарова. Парижское наследие в Третьяковской галерее. См. также: Поэт на войне-7; Наше наследие-100. С. 113.

[1521] Victoria and Albert Museum, Sketch-book № E.899–1961 / Prints & Drawings Study Room, level D, case 94, shelf D, box 721. Изображения Гумилева атрибутированы как: с.1. Портрет мужчины, держащего сигарету; с.2. Офицер в профиль; с.3. Портрет мужчины в военной форме с декоративным оформлением; с.4. Портрет мужчины в военной форме с декоративным оформлением. Судя по манере рисунков, в альбоме Гончаровой они были нарисованы М. Ларионовым, хотя не исключено и авторство Н. Гончаровой. На двух рисунках из Музея Виктории и Альберта Гумилев изображен с Георгиевским крестом. Видимо, крест он носил редко. Все эти четыре рисунка воспроизведены в книге, благодарю за это М.Г. Козыреву и Л. Салмину-Хаскелл, автора каталога Музея Виктории и Альберта: *Salmina-Haskell L.* Catalogue of Russian Drawings in the Victoria & Albert Museum. London, 1972. В Гуверовском архиве отсутствует карандашный портрет Гумилева работы Гончаровой, воспроизведенный на фронтисписе 4-го тома вашингтонского собрания сочинений, первоначально появившийся в газете «Россия и славянство» (1931, № 144). Местонахождение оригинала этого рисунка в настоящее время неизвестно. Некоторые портретные зарисовки Гончаровой воспроизведены в журналах «Наше наследие». № 100 и 101. (Наше наследие-100. С. 123; Наше наследие-101. С. 105, 107, 125).

[1522] ОР ГТГ. Ф. 180. № 2093 —машинопись краткой автобиографии М. Ларионова.

[1523] ПСС-8. № 7. С. 23; письмо Брюсову от 29 октября/11 ноября 1906 года.

[1524] ОР ГТГ. Ф. 180. № 3954 и 3955.

[1525] Там же. № 6808–6820. Письма, точнее открытки, малоинформативны, так как проходили цензуру. И.Ф. Ларионов пробыл в плену до конца войны, в декабре 1918 года возвратился в разоренную Москву и, как написала мать Ларионова в Париж, «9 марта 1920 года умер наш дорогой страдалец Ванечка от сыпного тифа на станции Грязи, где он служил помощником заведующего хозяйством при эпидемическом отряде» (ОР ГТГ. Ф. 180. № 6851).

[1526] Как отель «Galilée», где поселился Гумилев, так и отель «Castille», где несколько лет жили Ларионов с Гончаровой и где Гумилев провел последние дни перед отъездом в Россию, сохранились до наших дней и расположены по тем же адресам.

[1527] В 1917 году Гумилев мог встречаться в Париже с Никола Деникером и его окружением. Всех их он мог знать еще со времен первого пребывания в Париже в 1906–1908 годах.

[1528] Подробно о А. Цитроне и его переписке с М. Ларионовым относительно оставленных Гумилевым в Париже вещей и книг см. Прил. 6; впервые об этом см.: Ustinov-1993. P. 299–302.

[1529] Речь идет о «Парижском альбоме» (HIA-GSP. Box 151. Fol. 19). Публикуя письма Ларионова, Струве пояснял: «Речь идет о гумилевском альбоме с его стихами, который был в числе полученных мною от Б.В. Анрепа материалов. В него входили стихи, составившие цикл «К синей звезде», и некоторые другие». Во втором томе (Гумилев–Струве-2.

С. 273–275) Струве дает общее описание этого альбома. Помимо самих стихов в альбом вложен листок с составленными Гумилевым списками стихотворений, которые могли бы образовать четыре сборника: 1. «Отлунье», — 17 стихотворений; 2. Список из 17 стихотворений, включивший и ранние, не альбомные стихотворения; 3. Список из 15 стихотворений, включивший только альбомные стихотворения; 4. Список из 52 стихотворений, разбитый на четыре раздела, включивший только альбомные стихотворения. Подробное описание оставленных Гумилевым альбомов с указанием состава предполагаемых сборников см. в Прил. 3.

[1530] По замечанию Струве, «Елена Карловна Дюбуше, дочь известного русско-французского хирурга. Вышла замуж за американца, уехала в Америку и жила впоследствии в Чикаго. Ей посвящены стихи сборника "К синей звезде", изданного в Париже посмертно (1923) заботами К.В. Мочульского. В одном из стихотворений сборника Гумилев писал шутливо о подаренном им Е.К. Дюбуше альбоме со своими стихами, который (говорил он) "Будет в библиотеке стоять / Вашего расчетливого внука / В год две тысячи и двадцать пять". Местонахождение этого альбома в настоящее время неизвестно; может быть, он и стоит среди книг внука Е.К. Дюбуше».

[1531] Сад Тюильри в центре Парижа, расположенный недалеко от Лувра, между аркой «Карусель» и площадью Согласия.

[1532] Чтобы не вносить разнобой, в дальнейшем будем придерживаться установившегося написания ее имени — «Дюбуше», хотя правильно было бы писать — «Дю-Буше»; так она сама подписывалась в обнаруженных документах. Фотографии упомянутых Ларионовым скульптур в саду Тюильри и самой Е.К. Дюбуше см.: Наше наследие-100. С. 116–117.

[1533] В повести В.П. Катаева «Маленькая железная дверь в стене», где говорится о посещении больницы Дюбуше в детстве, в Одессе, когда тот извлек из пальца Катаева проткнувший его вязальный крючок, а также приведена мифическая история о том, как в Париже Дюбуше спас травмированную ногу товарища Ленина по партии — некоего Инока (Иосифа Дубровинского): «Дело в том, что я тоже знал знаменитого хирурга. Я даже был знаком с ним лично. Мы жили в Одессе, на так называемой даче "Отрада", где совсем недалеко от нас находилась больница Дюбуше, весьма популярная в городе, так как сам доктор Дюбуше слыл не только выдающимся хирургом, делавшим буквально чудеса, но также и очень "красным", как назывались в то время революционеры. Было известно, что в девятьсот пятом году, во время баррикадных боев, он оказывал медицинскую помощь раненым дружинникам и часто прятал их в своей больнице от полиции».

[1534] Цитируется по публикации: *Балаховский И.С.* Воспоминания об академике А.Н. Бахе — (http://www.inbi.ras.ru/history/bach/vnuk-o-bache.pdf). Семейству Дюбуше посвящена интересная публикация: Шарль Винчестер Дю-Буше — знаменитый хирург России и Франции // Клиническая хирургия. 1971. № 7. Киев. С. 88–90. В семействе было пять детей, три брата и две сестры, Елена — старшая. Один из братьев погиб на войне в 1918 году. Ш.В. Дю-Буше признан одним из выдающихся хирургов в мире. Последние годы его жизни прошли в Бостоне (США).

[1535] *Герштейн Э.* Из воспоминаний. Письма Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 252–253.

[1536] Важно, что Константин Васильевич Мочульский (1892–1948) был одесситом, потомственным филологом, сыном одесского русиста В.Н. Мочульского, а живший тогда же в Одессе близкий родственник семьи Д. Д. Мочульский был, как и известный всей Одессе Ш.В. Дю-Буше, хирургом; их адреса и род занятий можно найти в справочниках «Вся Одесса» за 1901–1904 годы. Вряд ли можно сомневаться, что эти две семьи были знакомы друг с другом. Возможно, по этой причине, когда Елена Дю-Буше решилась напечатать подаренный ей Гумилевым альбом стихотворений, она намеренно выбрала в качестве посредника именно давнего знакомого семьи Константина Мочульского.

[1537] ПСС-3. № 73. В «Парижском альбоме» автограф назван «Танка» (воспроизведен: Наше наследие-100. С. 118), что не совсем верно: «танка» — пятистрочная японская стихотворная форма, в отличие от трехстрочной формы — «хокку». В переписанных после возвращения в Россию автографах Гумилев исправил ошибку и «переименовал» это стихотворение на — «Хокка» (автограф с африканским рисунком в альбоме Н.Э. Радлова, воспроизведен: *Тименчик Р.* Неизвестные экспромты Николая Гумилева // Даугава. 1987. № 6).

[1538] Стихотворение было вписано Гумилевым только в «Парижский альбом».

[1539] Замечено Элен Русинко: *Rusinko Elaine.* «K Sinej Zvezde». Gumilev's Love Poems // Russian Language Journal. 1977. Vol. 31 (109). P. 166.

[1540] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.2. № 8.

[1541] Мещерский Борис Алексеевич (1.05.1889, Москва — 1957, Вашингтон) — художник, участвовавший, в частности, в росписи «Бродячей собаки» вместе с Сергеем Судейкиным. Из его послужного списка (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. ПС26–563. Л. 1–9), составленного в феврале 1918 года, следует, что происходит он из дворян Московской губернии. Воспитывался в Императорском Александровском лицее. Отец обладает недвижимым имуществом в селениях Московской и Гродненской губерний и домом в Петербурге. На службу поступил вольноопределяющимся в 4-ю батарею Гвардейской конно-артиллерийской бригады 29 сентября 1911 года, 15 июля 1913 года был уволен в запас прапорщиком запаса полевой конной артиллерии по Петроградскому уезду. Был мобилизован 26 июля 1914 года в 3-й Финляндский стрелковый парковый артиллерийский дивизион. Из его боевой характеристики: «Первый период кампании до февраля 1915 года находился на службе в парке. Перейдя на службу в батарее, таковую несет в высшей степени добросовестно и охотно. В целом ряде боев исполнял обязанности передового наблюдателя, оказывая этим большое содействие батарее, за что был награжден Георгиевским оружием. Очень дисциплинирован. 8.01.1917». Помимо этого князь Б.А. Мещерский получил награды: ордена Св. Анны 2, 3 и 4-й степени, ордена Св. Станислава 2 и 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени. См. о нем также: Российское зарубежье-2. С. 183–184.

[1542] Лорд Бернерс (Berners) (сэр Джералд Хью Тируитт-Уилсон, Барт) (1883–1950) — английский композитор, писатель, живописец.

[1543] Отторино Респиги (Ottorino Respighi) (1879–1936) — ведущий итальянский композитор-симфонист XX века.

[1544] ПСС-8. № 158. С. 201.

[1545] Напомню, что в дни, когда писалось это письмо, вышел журнал «Русская мысль» (1917, № 1), в котором была напечатана «Драматическая поэма в четырех действиях» «Гондла», обращенная к Ларисе Рейснер.

[1546] ПСС-5. № 7.

[1547] Гумилев–Струве-3. Вашингтон, 1966. С. 266–272; оригинал — HIA-GSP. Box 151. Fol. 16.

[1548] Н.С. Гончарова и М.Ф. Ларионов: Исследования и публикации / Публ. А.Г. Лукановой. М., 2001 (в дальнейшем — Луканова-2001). С. 111–112 .

[1549] Цит. по: *Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. М.: 1994. С. 268–269.

[1550] *Apollinaire Guillaume.* Parade et l'esprit nouveau // Oeuvres en prose complètes. Paris, 1991. T. 2. P. 865. В указанной выше книге Лифаря Аполлинер продолжил рассказ о «Параде»: «Из этого нового союза ‹…› в "Параде" вытекло подобие сюрреализма, в чем я вижу отправную точку появления этого Нового Духа, который, найдя сегодня случай выразить себя, не преминет соблазнить избранных и обещает в корне изменить искусство и нравы во всемирное веселье, ибо здравый смысл требует, чтобы они были, по крайней мере, на высоте научного и промышленного прогресса. В общем, "Парад" перевернет идеи многих зрителей…»

[1551] Буйабесс (фр. bouillabaisse) — оригинальный марсельский рыбный суп с добавлением овощей, морепродуктов и пряностей.

[1552] Имеется в виду французский художник — постимпрессионист, основатель «пуантилизма» Жорж Сера (Georges Seurat; 1859 –1891).

[1553] Луканова-2001. С. 103.

[1554] Отдел графики ГТГ. Инв. № ПЛ-5325.

[1555] Об этом свидетельствует стихотворение Г. Аполлинера «Моему другу Пабло Пикассо в память о его свадьбе 12 июля 1918 года» (*Аполлинер Гийом.* Стихотворения. Билингва. М.: 2008. С. 305). Кокто и Аполлинер были свидетелями на венчании, они держали золотые венцы над головами невесты и жениха, когда те трижды обходили алтарь русской православной церкви на улице Дарю.

[1556] HIA-GSP. Box 152. Fol. 4; этот рисунок представляет собой уникальную находку: он не учтен ни среди работ Кокто, ни в иконографии Пикассо. Впервые он воспроизведен: Наше наследие-100. С. 120.

[1557] Хотя не исключено, что с Аполлинером Гумилев мог быть знаком еще со времен своего первого пребывания в Париже в 1906–1908 годах, когда одним из его

ближайших друзей стал упоминавшийся Никола Деникер, приятель Аполлинера; см. об этом в комментариях к письмам Гумилева к Брюсову: ПСС-8. С. 294–295.

[1558] Луканова-2001. С. 98.

[1559] Примечание Г. Струве к публикации: «Фотокопии трех рисунков самого Гумилева я получил уже в 1969 г. от А.К. Томилиной-Ларионовой, вдовы М.Ф. ». Часть этих рисунков была опубликована Глебом Струве в 3-м и 4-м томах собрания сочинений поэта. В описи архива Струве выявлены лишь два карандашных портрета Гумилева , выполненных Ларионовым (HIA-GSP. Box 152. Fol. 6; оригиналы воспроизведены: Наше наследие-100. С. 124–125), и только два рисунка самого Гумилева (HIA-GSP. Box 152. Fol. 5; впервые представлены: Наше наследие-101. С. 118. Местонахождение других упомянутых Струве оригиналов и фотокопий в настоящее время неизвестно.

[1560] ОР ГТГ. Ф. 180, б/н. Скорее всего, рисунок представляет собой автопортрет Ларионова, дополненный автографами Гумилева. См.: Наше наследие-100. С. 122.

[1561] *Тименчик Р.* Гумилев — Футурист? // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева. М., 2000. С. 509.

[1562] Ustinov-1993. P.310.

[1563] HIA-GSP. Box 73. Fol. 13.

[1564] Сообщено Ефимом Резваном и приводится с его согласия. Изложено в подготовленном проекте постановки балета «Гафиз. 1921» (на правах рукописи).

[1565] HIA-GSP, Box 152. Fol. 7. Воспроизведен в журнале: Наше наследие-101. С. 104.

[1566] Вот эти стихи, по ПСС-3: 1) Война — № 15; 2) Наступленье — № 14; 3) Смерть — № 16; 4) Виденье — № 21 (Больной); 5) Солнце духа — № 18; 6) Рабочий — № 45; 7) В Северном Море — № 68; 8) Травы — № 44 (Детство); 9) Пятистопные ямбы — № 33; 10) Третий год — № 42 (Второй год); 11) Ода д'Аннунцио — № 31; 12) Рай — № 32. Автограф воспроизведен: Наше наследие-101. С. 125.

[1567] И вновь Струве дал пояснение: «Две первые из этих акварелей Н.С. Гончаровой были в 1931 г., к десятилетию со дня смерти Гумилева, воспроизведены в парижской еженедельной газете “Россия и славянство”» (№ 144. 1931. 29 августа. С. 3). Безусловно, речь идет о «Триптихе» Гончаровой. В 1953 году две крайние акварели триптиха были еще у Ларионова, но в переданном в ГТГ архиве они не обнаружены. Третья, центральная акварель попала в частное собрание Джона Стюарта (Лондон) и была впервые опубликована на авантитуле сборника трудов к 100-летию поэта: Nikolaj Gumilev. 1886–1986. Berkeley, 1987. См. также: *Есаян С.* «Дом, который построил Джон…» // Наше наследие. 1998. № 46. С. 114–127. Акварель была показана на выставке в Русском музее «Время собирать…» в 2008 году и воспроизведена в ее каталоге. В каталоге акварель датируется 1917 годом, но не исключено, что создан был «Триптих» позже, как дань памяти поэту, воину и путешественнику, возможно, вскоре после его гибели. На это намекают слова Ларионова о том, что эти акварели — «идеалистические», то есть созданы были не с натуры, а по памяти, восстанавливая идеальный образ поэта во всех его трех главных ипостасях: поэта, воина и путешественника. Так считал сам Гумилев, о чем писал в приведенном выше письме своему лучшему другу М. Лозинскому с фронта 2 января 1915 года: «‹…› Я буду говорить откровенно: в жизни пока у меня три заслуги — мои стихи, мои путешествия и эта война ‹…›». Отметим, что в том же номере газеты «Россия и славянство» опубликован, во-первых, еще один портретный набросок Гумилева работы Ларионова, который более никогда не воспроизводился и которого нет среди рисунков, переданных в ГТГ, хотя он явно относится к той же «серии»; во-вторых, портрет Гумилева работы Гончаровой, опубликованный Глебом Струве в 4-м томе сочинений, явно воспроизведенный не с оригинала, а с газетной публикации. Возможно, эти рисунки, как и две акварели «Триптиха», затерялись в редакции газеты или просто не были возвращены художникам. «Триптих» и два этих рисунка воспроизведены в журнале: Наше наследие-101. С. 105, 107.

[1568] Гумилев–Струве-4. Вашингтон, 1968. С. 591. Сам рассказ — ПСС-6. № 17. В архиве Струве (HIA-GSP. Box 88. Fol. 6) хранится присланная Ларионовым фотокопия автографа рассказа, датированного июлем 1917 года. Ни автограф «Черного генерала», ни индийская миниатюра в архиве Гончаровой и Ларионова в ГТГ не обнаружены.

[1569] ОР ГТГ. Ф. 180. № 6357. Биографических сведений об авторе письма обнаружить пока не удалось. Это письмо объясняет вторичную «первую публикацию» «Пантума» в 1931 году: возможно, номер «Сполохов» не попал к Ларионову или же он забыл об этой публикации.

[1570] ПСС-3. № 108. Нынешнее местонахождение автографа стихотворения неизвестно.

[1571] Анализу этого стихотворения и восточных мотивов в творчестве Гумилева посвящены публикации: *Тименчик Р.Д.* Николай Гумилев и Восток // Памир. 1987. № 3. С. 129–131; *Parton Anthony.* «Gončarova I Larionov» — Gumillev's pantum to art // Nikolaj Gumilev, 1886–1986. Berkeley, 1987. P. 225–242. Напомню, что в «Трудах и днях» (С. 472) есть относящаяся к весне 1917 года запись Лукницкого: «Бывает на вечеринках у Апатова (здесь вместе с М.Л. Лозинским постоянно писал шуточные пантумы)». Однако никакие другие «пантумы» Гумилева не обнаружены.

[1572] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 42. Л. 28.

[1573] Курляндский-2. С. 117–120; Курляндский-3. С. 271. Все остальные публикации ссылаются исключительно на эти работы Курляндского, работавшего при их написании в РГВИА.

[1574] *Гиппиус Зинаида.* Дневники. М., 1999. Т.2. С. 516, 521, 527, 529, 531, 536. См. также публикацию: *Серков А.И.* Парижская ажанда Зинаиды Гиппиус // Записки отдела рукописей РГБ. Вып. 51. М., 2000. С. 281–298.

[1575] Там же. Заметим, что Гиппиус упоминает тех же Сталей, о которых писали Ларионов и Игнатьев и с которыми Гумилев встречался в Париже в 1917 году.

[1576] *Бердяева Л. Ю.* Профессия: жена философа. М., 2002 (в дальнейшем — Бердяева-2002). Почти никаких других литературных и мемуарных источников, посвященных Раппу, помимо представленных в этой книге, обнаружить пока не удалось. Поэтому большая часть относящейся к Раппу информации взята из дневников самой Л. Ю.Бердяевой и из вступительной статьи составителя книги Е.В. Бронниковой.

[1577] Лидия Юдифовна Бердяева, урож. Трушева (20.08.1871–30.09.1945, Кламар, под Парижем) — религиозный деятель, поэтесса. Жена Н.А. Бердяева. В 1918 году перешла в католичество. Подробнее о ней: Российское зарубежье-1. С. 152.

[1578] Евгения Юдифовна Рапп, урож. Трушева (19.09.1875–5.11.1960, Кламар, под Парижем) — художник, скульптор, философ. Ближайший друг Н.А. Бердяева. В 1960 году передала в РГАЛИ архив Н.А. Бердяева и Л.Ю. Бердяевой. Подробнее о ней: Российское зарубежье-2. С. 577.

[1579] Виктор Иванович Рапп (1870, Харьков—?) — чиновник Харьковской контрольной палаты, совладелец издательства книг для народа («Книгоиздательство В.И. Рапп и В.И. Потапов»).

[1580] Евгений Иванович Рапп (1868, Харьков — 3.06.1946, Кламар, под Парижем, похоронен на местном кладбище) — выпускник Харьковского университета, присяжный поверенный, имевший довольно обширную адвокатскую практику. Подробнее о нем: Российское зарубежье-2. С. 577.

[1581] Отметим параллель с юношеской биографией Гумилева. Как пишет П. Лукницкий в «Трудах и днях», «1902. *Лето.* Гумилевы живут в Березках. ‹…› Летом в Березках — агитация среди мельников и неприятности с Рязанским губернатором» (Труды и дни. С. 49, 54). См. документальное подтверждение этой истории: *Трибунский П.* «Революционер» Николай Гумилев: мифы и реальность // Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 369–373. Юношеское «Дело об агитационной деятельности среди крестьян сына Статского Советника Николая Степановича Гумилева» от 16 июля 1902 года, сохранилось в архиве Рязанской области: ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3462. Незадолго до гибели, отвечая на анкету об отношении к поэзии Некрасова (Летопись Дома литераторов. 1921. 1 декабря (№ 3); ответы относятся к 1919–1920 гг.), Гумилев записал о своем увлечении поэзией Некрасова в 14–16 лет (то есть в 1900–1902 гг.): «Некрасов пробудил во мне мысль о возможности активного отношения личности к обществу. Пробудил интерес к революции». Быть может, юношеская агитация в Березках вспоминалась Гумилеву в беседах с Раппом в Париже.

[1582] Фонд Бердяева в РГАЛИ. Ф. 1496. В этом фонде хранятся и ее краткие воспоминания о Бердяеве (Оп. 1. Д. 932).

[1583] Игнатьев-1986. С. 642.

[1584] Бердяева-2002. С. 31.

[1585] Заметим, что в течение всего первого периода пребывания Гумилева в Париже в 1906–1908 годах там постоянно проживало как семейство З. Гиппиус и Д. Мережковского, так и семейство Е.И. Раппа. Как вспоминала Гиппиус (см., например: *Гиппиус Зинаида.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 274–275), в эти годы они с Мережковским часто общались с семейством Бердяева. Причем если Бердяевы появились в Париже в начале 1908 года, то, как пишет Гиппиус, «сестра жены его (он приехал с женой) давно жила в Париже. Мы ее знали, она была замужем за Раппом, русским

адвокатом, — эмигрантом ли — не помню». В 1907 году Гумилев издавал в Париже русский журнал «Сириус», что вряд ли прошло совсем незамеченным русскими парижанами. Поэтому осторожно предположим, что имя Гумилева могло оказаться на слуху среди них (по крайней мере, шаржированный образ Гумилева запечатлен в пьесе Гиппиус, Мережковского и Философова «Маков цвет» в образе «очень юного поэта» Гущина — «высокий, лицо мертвенное, голос подкошенный, шеей не ворочает от подпирающих его воротничков»). Все это могло вспомниться во время бесед с Раппом в 1917 году.

[1586] ПСС-8. № 10.

[1587] Не является ли посвященная Гафизу пьеса Гумилева «Дитя Аллаха» отголоском тех встреч?

[1588] Об отношениях Мочульского и Гумилева см.: *Мочульский К.* Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999; *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии / Коммент. и подгот. текста Р.Д. Тименчика. М., 1990. С. 286–287, 293; *Устинов А.Б.* О петербургской поэтической культуре: Цех поэтов и «новый классицизм» // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2001. С. 279–289.

[1589] Бердяева-2002. С. 88, 119, 147, 153, 178, 200.

[1590] В архиве Струве (HIA-GSP. Box 152. Fol. 5; листок был ему прислан вдовой художника А.К. Ларионовой-Томилиной) сохранился до сих пор не атрибутированный карандашный, слегка «сюрреалистический» рисунок Гумилева на вырванном из блокнота листке, на котором, скорее всего, изображен Рапп под «пальмой», рядом с птицей, держащей в клюве змею; на обороте автограф-записка Гумилева: «Гумилев заходил и грустит, что не застал». Возможно, изображенный рядом с Раппом женский глаз и записка обращены к «Синей звезде». Рапп атрибутирован нами на основе единственной обнаруженной его фотографии лета 1917 года, см.: Корпус-2003. С. 534. Рисунок Гумилева и фотография Раппа воспроизведены в: Наше наследие-100. С. 112.

[1591] Важные дополнительные сведения о Е.И. Раппе обнаружились в книге: *Серков А.И.* Русское Масонство. 1731–2000 // Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 684. В 1918 году Рапп был одним из организаторов Русского масонского комитета. В 1921 году вошел в Юридическую комиссию Отдела защиты русских граждан за границей. В газете «Русские новости» (Париж. 1946. № 57. 14 июня) опубликован некролог: «3 июня 1946 г. в Coulommiers (S. et M.) скончался присяжный поверенный Д-р Права Евгений Иванович Рапп и похоронен 6 июня на кладбище в Кламаре».

[1592] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 7. Л. 21–21 об. Любопытно, что через три дня в газете «Русский солдат-гражданин во Франции» (№ 5 от 16/29 июля 1917), когда Рапп был еще в Бресте, появилось его воззвание к солдатам. Как уже отмечалось, можно предположить, что к его тексту успел приложить руку Гумилев — так было со многими последующими подписанными Раппом приказами и распоряжениями.

[1593] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 4. Д. 149. Л.179.

[1594] «В истории со складами в Бресте еще в конце июня 1917 года было проведено расследование, материалы которого сохранились. Русское военное имущество постепенно приходило в негодность от небрежного хранения (тысячи ящиков с ржавыми касками, патронами, снарядами, автомобилями, гнилой конской сбруей). Все закупки на сумму в 20 миллионов (*в публикации — 20 миллиардов, явная описка. — С.Е.*) рублей и хранение приобретенного имущества находились в ведении графа Игнатьева, причем общая сумма ущерба от преступного недосмотра составила многие миллионы рублей». (*Ганин Андрей*. Любимые женщины братьев Игнатьевых. Во что они обошлись России? // Журнал «Родина». 2007. № 3).

[1595] Лагерь Курно (Camp Courneau) расположен рядом с Бордо, на восточной окраине. В основном там были размещены африканские части. После начавшегося разброда в русских бригадах французские власти, видимо, приравняли их к «африканцам». Сохранилась документальная хроника жизни в лагере Ля Курно во время Первой мировой войны. См. сайт: http://www.youtube.com/watch?v=FJHfGG4_rqw . На кадрах хроники среди африканцев изредка мелькают и русские лица.

[1596] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.

[1597] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 43.

[1598] Там же. Д. 40. Л. 131.

[1599] Там же. Л. 132–133.

[1600] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 19; Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 85; Ф. 391. Оп. 2. Д. 44.

[1601] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 44.

[1602] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 47.

[1603] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 7. Л. 26 об.

[1604] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 129. Л. 23.

[1605] Там же. Д. 34. Л. 99.

[1606] Там же. Л. 121.

[1607] Там же. Д. 129. Л. 55.

[1608] Подчеркнуто в тексте документа.

[1609] Слова «Г-н Штакельберг … продолжает исправно получать содержание», подчеркнуты карандашом, и на полях написано: «выяснить и составить ответ».

[1610] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 129. Л. 56–56 об.

[1611] Там же. Л. 52. Напомню читателю о «небольшой сумме» (в несколько сот миллионов), лежавшей на его личных счетах в банках Франции.

[1612] Так в тексте, Гумилев был прапорщиком.

[1613] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 29. Л. 20. Подлинник. Машинопись.

[1614] Там же. Оп. 3. Д. 7. Л. 32–32 об.

[1615] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 1. Л. 119. Документ, как и другие аналогичные документы, «делового» (не творческого!) характера, составленные первоначально Гумилевым, приводится в «отредактированном» виде — не указываются внесенные в него изменения, исправления, карандашные пометки.

[1616] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

[1617] ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 8–9. Лисовский Юрий Ипполитович (1879–1944) печатался под псевдонимом Евгений Вадимов (Российское зарубежье-1. С. 240). Полковник, прозаик, поэт, в 1917–1918 годах во Франции занимал должность военного прокурора при штабе генерала Н.А. Лохвицкого, писал из Франции военные корреспонденции для петроградской газеты «Новое время». В архиве сохранились его записи, изобличающие деятельность Военного Агента А.А. Игнатьева. В эмиграции издал несколько стихотворных сборников (1929–1938), книгу очерков «Корнеты и звери» (1929). Сотрудничал в газете «Россия и славянство», журнале «Часовой» и др.

[1618] Семенов Виктор Иванович (4.04.1874, Петербург — 16.10.1951, Монморанси, под Парижем, похоронена на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа) — капитан лейб-гвардии Саперного батальона, журналист, редактор, общественный деятель. В 1905 году вышел в отставку и стал специальным корреспондентом «Нового времени». В 1915 году выехал во Францию, где работал военным корреспондентом русских газет и курировал выпуск газеты для русских солдат во Франции. В начале 1920-х годов переехал в Польшу, где был избран председателем Российского общественного Комитета и защищал интересы русской эмиграции. В 1928 году, после закрытия Комитета, был арестован. Тогда же покинул Польшу и обосновался во Франции. Как сказано в его некрологе (Часовой. Париж. 1951. № 314(11), декабрь. С. 14), «человек исключительного благородства и большой отзывчивости, В.И. Семенов до конца дней своих живо интересовался русскими делами, посильно сотрудничал в прессе ("Русская мысль") и поддерживал связь со всем миром». См. также: Российское зарубежье-3. С. 77.

[1619] Возможно, Петр Михайлов (29.06.1883, Петербург — ?). Русское зарубежье-2. С. 203: Журналист. С августа 1917 года администратор-директор русского госпиталя в Париже на 121, av. des Champs-Élysées. Секретарь бюро военной русской прессы во Франции.

[1620] Адлерберг Василий Александрович (18.10.1896, Псков—?), граф, секретарь Бюро печати.

[1621] Алексей Антонович Вернер (1868–1932). Журналист, писатель. Сотрудник «Русских ведомостей» и «Русского богатства». Редактировал журнал «Вокруг света». Перед войной был корреспондентом «Русского слова» в Лондоне, затем в Париже. Жил в эмиграции (Российское зарубежье-1. С. 269).

[1622] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 50.

[1623] Николай Максимович Минский (наст. фам. Виленкин, 1856–1937). Подробнее о нем см.: Русские писатели-4. С. 79–84; Российское зарубежье-2. С. 196.

[1624] На самом деле они познакомились значительно раньше, и опять же — в Париже. 26 декабря 1906 года Гумилев сообщал Брюсову: «…я нашел самый радушный прием у бывшего сотрудника "Весов" Щукина. У него я познакомился с Минским и, может быть, познакомлюсь с Бальмонтом…» (ПСС-8, № 10. С. 33). Видимо, тогда знакомство было мимолетным, и Минский его не запомнил.

[1625] *Минский Н.* Рецензия на «Огненный столп» // Новая русская книга. Берлин. 1922. № 1. С. 14–16.

[1626] Людмила Николаевна Вилькина (5.12.1873, Петербург — 1920, Париж) — поэтесса, прозаик, переводчица. С 1890-х годов жена Н.М. Минского. Тогда же начала печататься в периодике. Была близка к символистам. С 1910-х годов проживала в Париже. Наиболее значительный литературный труд Л. Вилькиной — переводы пьес М. Метерлинка, которые переиздаются до сих пор. Подробнее о ней: Русские писатели-1. С. 442–443.

[1627] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.5. № 1. Мадригал впервые опубликован: Stanford-2014. Публикация Е.Е. Степанова и А.Б. Устинова. С. 231–232.

[1628] Валериан Яковлевич Светлов (наст. фамилия Ивченко) (17.10.1860, Петербург–18.1.1935, Париж). Подробнее о нем см.: Русские писатели-5. С. 507–509; Российское зарубежье-3. С. 56–57; Русский балет-1997. С. 415. Этим же псевдонимом воспользовался известный советский поэт Михаил Светлов (наст. фам. — Шейнкман). Как он пишет в поэме «Юность. Вступление», псевдоним ему подобрали сотрудники губкома комсомола: «Наконец натолкнулись / И, перебирая архивы, / Окрестили “Светловым” — / Покойным редактором “Нивы”». Замечу, что, когда писались эти строки, «покойный редактор» продолжал много писать о русском балете.

[1629] *Серж Лифарь*. Дягилев. СПб., 1993. С. 216.

[1630] Бродячая собака-1983. С. 232.

[1631] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 208. Л. 369.

[1632] Там же. Л. 512.

[1633] Ромов Сергей Матвеевич (наст. фамилия и имя: Роффман Соломон Давидович; 1.11.1883–12.2.1939, Москва, расстрелян). Подробнее о нем: Российское зарубежье-2. С. 644. О хитросплетениях судеб его самого и членов его семьи см. рассказ приемного сына: *Ромов Анатолий*. Романтика и конспирация времен Большого террора // Слово. 2005. № 47.

[1634] Иван (Исаак) Яковлевич Павловский (1852–1924, Париж, похоронен на кладбище Пер-Лашез), народник, в 1878 году бежавший из ссылки в Пинеге во Францию. См. о нем: Русские писатели. Т. 4. М., 1999. С. 500–501; Российское зарубежье-2. С. 384. Гумилев мог быть знаком с его сыном Андреем Исааковичем Павловским (1881–1961), архитектором, лейтенантом, воевавшим в составе отряда русских добровольцев на стороне Франции, проживавшим в Париже.

[1635] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 120.

[1636] ГАРФ. Ф. Р-6167 (1917–1920). Оп. 1. Ед. хр. 55.

[1637] Владимир Владимирович Драбович (1886–15.01.1943, Виши, деп. Алье). Журналист, врач-психолог. Ученик и ассистент академика И.П. Павлова. Участник Русского экспедиционного корпуса во Франции. Остался во Франции. Сотрудничал во французской периодической печати, в том числе в газете «Le Petit Journal» (1925–1932), в журнале «Revue Philosophique». В 1924–1927 годах сотрудничал в газете «Последние новости». Специалист по русским вопросам. Натурализовался в 1928 году. В 1934–1940 годах в Париже выступал с докладами по проблемам психологии в Научно-философском обществе и Социально-философском объединении.

[1638] «Русский солдат-гражданин во Франции». 1917. 18 августа (№ 21). С. 7. Из приведенных ниже воспоминаний П. Анненкова следует, что все-таки «литературное утро» состоялось как раз 18 августа, и на нем Гумилев читал свои «экзотические стихи», выступил там и Н. Минский. Так что, разъезжая в эти дни по лагерям, Гумилев в один из этих дней оказался в Париже и выступил на «литературном утре». К сожалению, сообщение об этом выступлении в газете не появилось.

[1639] «Русский солдат-гражданин во Франции». 1917. 22.7/4.8 (№ 10). С. 5.

[1640] Петр Петрович Анненков (1890–до 24 окт. 1970, Брюссель, похоронен на кладбище в Льеже, Бельгия). Военный чиновник. Во время Первой мировой войны служил в Управлении Российского военного агента в Париже. Работал в издательстве, помогал Никандру Алексееву при издании его стихотворных книжек, об этом сказано, например, в выходных данных книги «Ты-ны-ны». Потом работал в конторе газеты «Общее дело» В. Бурцева. В последние годы переехал в Бельгию и издавал в Брюсселе литературный ежемесячник «Родные перезвоны». Член церковного совета Храма-Памятника в Брюсселе, был инициатором сооружения колоколов в Храме-Памятнике и одним из первых сделал крупное пожертвование на это. В 1966 году в Мурмелоне (деп. Марн) участвовал в паломничестве на могилы русских воинов на местном военном кладбище и торжествах по случаю 50-летия прибытия Русского экспедиционного корпуса во Францию (Российское зарубежье-1. С. 62. Незабытые могилы-1. С. 98).

[1641] Владимир Львович Биншток (1868–11.03.1933, Париж) — юрист, писатель, журналист, переводчик, коллекционер. Окончил юридический факультет Московского университета. Работал помощником присяжного поверенного. Был корреспондентом газеты «Русские ведомости». В начале 1900-х обосновался в Париже. Печатал обзоры новинок русской литературы для журнала «Mercure de France». Переводил на французский язык Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова. Был членом бюро Комитета помощи русским писателям и журналистам во Франции. Собрал уникальную коллекцию автографов (Бодлер, Мопассан, Монтескье, Клемансо, Анна Павлова и др.). Сотрудничал в журнале «Иллюстрированная Россия». В декабре 1933 года в парижском зале Drouot состоялся аукцион, на котором была распродана его коллекция. В его коллекции вполне могли храниться и автографы Гумилева (Российское зарубежье-1. С. 166).

[1642] Газета «Русская мысль». Париж. 1926. № 2455, 23 апреля. С. 7.

[1643] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.

[1644] Там же. Л. 55.

[1645] Там же.

[1646] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 46. Л. 48.

[1647] ОР ГТГ. Ф. 180. № 6127. Машинопись, оригинал документа на французском языке.

[1648] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 31. Л. 46.

[1649] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 4.

[1650] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 54 об.

[1651] Там же. Л. 55 об.

[1652] Там же. Л. 57.

[1653] Там же. Д. 40. Л. 134–134 об.

[1654] HIA-GSP. Box 87. Fol. 9; подробнее см.: Ustinov-1993. P.304–306.

[1655] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 43. Л. 36.

[1656] Там же. Л. 33.

[1657] Там же. Д. 19. Л. 139.

[1658] Подчеркнуто в тексте.

[1659] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 47. Л. 6–7; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 46. Л. 101; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 30. Л. 152 об.

[1660] Там же. Д. 46. Л. 102.

[1661] Заграничный паспорт Ларионова сохранился — ОР ГТГ. Ф. 180. № 3960; паспорт был выдан 15.7.1915 и действовал по 1922 год. Вклеенная в паспорт фотография М. Ларионова воспроизведена: Наше наследие-101. С. 111.

[1662] Аничков Евгений Васильевич (1866–1937) — историк литературы, критик, позднее, опираясь на позиции своего друга Вяч. Иванова, так трактовал литературный путь Гумилева от символизма к акмеизму: «Самостоятельный, энергичный, вовсе не мечтатель, прямой, с умом простым и ясным, он почувствовал себя иным, чем поэты-символисты. С холодной сознательностью, твердо и спокойно разобравшись в тогдашних литературных течениях, Гумилев определил себе свой собственный путь. ‹…› Это значит, что все постороннее формам и красочности, вся запутанная осложненность идей и вообще мировоззрения, тревожность исканий, думы несвязные — все это сочтено посторонним. Повелась дружеская борьба против Вячеслава Иванова. ‹…› “Акмеизм” был только шагом назад, упрощением, отказом от трудной задачи, как в этом сознаются, сами того не замечая, его теоретики» (*Аничков Евгений*. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 108–109). Подробнее об Е. Аничкове см.: Русские писатели. М., 1989. Т. 1. С. 77–78; Российское зарубежье-1. С. 61.

[1663] О Борисе Алексеевиче Мещерском было сказано выше.

[1664] Судейкин Сергей Юрьевич (1884–1946) и его жена Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина (1890–1945) были в 1910-е годы близкими друзьями Гумилева и Ахматовой.

[1665] Трубников Александр Александрович (1882–1966, Париж, похоронен на кладбище Триво в Медоне) — искусствовед, прозаик, писавший под псевдонимом «Андрей Трофимов», сотрудник журналов «Старые годы» и «Аполлон». В 1917 году был назначен атташе Российского посольства в Риме. Подробнее о нем: Российское зарубежье-3. С. 351. См. также его мемуары: *Трофимов Андрей. (Трубников Александр)*. От Императорского музея к Блошиному рынку / Пер. с франц. Е.Н. Муравьевой. М.: Изд. журнала «Наше наследие», 1999.

[1666] РО ИРЛИ. Р.1. Оп. 5. № 499; ПСС-8. № 168.

[1667] ПСС-8, письма к Гумилеву. № 48. С. 253–254 и 607–609. Приведено в Прил. 1.

[1668] *Тименчик Р.* После всего. Неакадемические заметки // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 23.

[1669] *К.В. Мочульский.* Письма к В.М. Жирмунскому / Публ. А.В. Лаврова // НЛО. 1999. № 35. С. 189–190. Сам Мочульский написал Жирмунскому о встрече с Ахматовой 25 ноября, перед этим мрачно описав последние события в Петрограде: «Как приятно будет снова с Тобой свидеться после долгой разлуки и поговорить не о большевиках и дороговизне, а о красивых и вечных вещах ‹…› Был я раз у Ахматовой — она читала новые очень хорошие стихи. Я все думаю над ее Стаей — хочется что-нибудь написать». Его рецензия на «Белую стаю» была опубликована в газете «Одесский листок» 28 января 1919 года.

[1670] ПСС-3. № 90. Стихотворение было вписано Гумилевым только в «Альбом Дюбуше». Очевидно, что в этом стихотворении Гумилев ретроспективно перечисляет своих многочисленных литературных героев разных лет.

[1671] *Иваницкая Софья.* О русских парижанах. «Сколько их, этих собственных лиц моих?» М., 2006. С. 230–234. Софья Иваницкая в начале 1970-х годов вышла замуж за поляка и уехала из СССР в Польшу. В 1982 году, боясь вторжения войск в Польшу, перебралась в Париж, где вскоре познакомилась с Ириной Одоевцевой, став ее «доверенным» лицом. Некоторые эпизоды своей жизни, не вошедшие в книги «На берегах Невы» и «На берегах Сены», она поведала Софье Иваницкой. Большая часть книги — достаточно вольный пересказ их бесед. Однако словам Одоевцевой о том, что она специально ходила на улицу Декамп, можно поверить.

[1672] Начало стихотворения «Синяя звезда», ПСС-3. № 80. Входило в оба альбома, с разночтениями.

[1673] Гумилев–Струве-2. С. 306.

[1674] Основные памятные места Парижа, связанные с именем Гумилева, перечислены в Прил. 4.

[1675] *Платонова-Лозинская И.В.* Летом семнадцатого года… О дружбе А. Ахматовой и М. Лозинского // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 66.

[1676] Имеется в виду Яков Иосифович (Осипович) Бикерман (8.11.1898–11.6.1978), известный специалист по физической химии и коллекционер. В 1905 году семья Бикерманов (сведения об отце и брате-филологе приведены в: Российское зарубежье-1. С. 163) переехала из Одессы в Петербург, где Я.И. Бикерман закончил химический факультет Петроградского университета. Живя в Петрограде в 1918–1921 годах, он теоретически мог встречаться с Гумилевым или бывать на его лекциях, тем более что сам на досуге сочинял стихи. В 1922 году эмигрировал в Германию, в 1936-м был вынужден переехать в Великобританию, с 1945 года жил в США. В 1930-е годы Бикерман печатал свои стихи в берлинских сборниках «Роща» (1932), «Невод» (1933). Стихи его включены Р. Тименчиком и В. Хазаном в антологию: Петербург в поэзии русской эмиграции. Новая библиотека поэта. СПб.: Академический проект; ДНК, 2006. С. 141. См. также: Звезда. 2003. № 10. Отметим также, что имя Бикермана упомянуто в «Трудах и днях» Лукницкого (С. 514), а его переписка с Ахматовой, относящаяся к 1920-м годам, хранится в фонде Лукницкого в ИРЛИ.

[1677] HIA-GSP. Box 86. Fol. 23. О С. Топоркове, сослуживце Гумилева по Гусарскому полку, и его брате, историке Ю. Топоркове, предоставившем материалы по Гумилеву Г. Струве (HIA-GSP. Box 43. Fol. 15), см.: Российское зарубежье-3. С. 323.

[1678] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 28. Л. 11–17.

[1679] Там же. Д. 7.

[1680] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 27. Л. 17.

[1681] Там же. Д. 4. Л. 59.

[1682] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 46. Л. 87.

[1683] Беляев Михаил Николаевич (1868–1920) — генерал-майор, окончил академию Генштаба, участвовал в Русско-японской войне, в Первую мировую войну летом 1917 года был направлен со 2-й артиллерийской бригадой на Салоникский фронт. После возвращения в Россию погиб на Дальнем Востоке во время взрыва бронепоезда.

[1684] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 65. Л. 384.

[1685] Там же. Д. 34. Л. 119.

[1686] Там же. Д. 217. Л. 60.

[1687] Там же. Д. 217. Л. 61.

[1688] Игнатьев-1986. С. 652.

[1689] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.

[1690] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 19. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 45—утвержденный Занкевичем приказ; Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 47–47об.—черновик, написанный рукой Гумилева, с исправлениями Раппа.

[1691] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 47. Л. 87.

[1692] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 55.

[1693] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 40. Л. 60 об.

[1694] 9 сентября Керенский объявил генерала Корнилова мятежником всей стране, издал указ о смещении генерала Корнилова с поста Верховного главнокомандующего, прекратил преследование большевиков и обратился за помощью к Советам. 10 сентября генерал Корнилов, видя всю глубину направленной против него провокации Керенского с обвинением Верховного главнокомандующего в измене с якобы имевшим место ультимативным требованием о передаче «всей полноты гражданской и военной власти», решает отказать Керенскому в выполнении его требования (от 10 сентября) остановить движение на Петроград (отправленного туда ранее по решению Временного правительства и самого Керенского) корпуса генерала Крымова, принимает решение: «выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его: 1. исключить из своего состава тех министров, которые по имеющимся (у него) сведениям были явными предателями Родины; 2. перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть». Воспользовавшись для этого все тем же уже движущимся по указанию Керенского на Петроград конным корпусом, Корнилов дает его командиру генералу Крымову соответствующее указание. В дальнейшем Керенский, триумвират Савинков, Авксентьев и Скобелев, петроградская дума с А. А. Исаевым и Шрейдером во главе и Советы лихорадочно начали принимать меры к приостановке движения войск Крымова. Командующий корпусом генерал Крымов был обманным путем Керенским удален от войск, которые, в отсутствие командующего, были распропагандированы большевистскими агитаторами и сложили оружие. Генерал Крымов, осознав после встречи с Керенским в Петрограде, что его обманули, гневно обличает Керенского и, уйдя от него, кончает жизнь самоубийством (по другой версии, генерал Крымов был застрелен). Победа Керенского в его противостоянии с генералом Корниловым стала «прелюдией большевизма», привела к разложению армии и усилению крайних левых партий. В октябре 1917 года в результате вооруженного переворота власть в стране захватили большевики. Именно на таком фоне развивались события в Ля Куртин. И хотя во Франции, в отличие от России, временную победу одержали противоборствующие большевизму силы, общую ситуацию это не могло изменить. В этой прелюдии Гражданской войны принял участие и Николай Гумилев.

[1695] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 49–49а. Автограф, написанный рукой Гумилева. Сергей Константинович Война-Панченко (1878–11.11.1920), генерал-лейтенант артиллерии. Адъютант великого князя Сергея Михайловича. Член русской военной делегации во Франции. Был прикомандирован при штаб-квартире французских войск в качестве представителя иностранных военных формирований. После революции числился на французской военной службе. Награжден орденом Почетного легиона (Российское зарубежье-1. С. 297).

[1696] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 19.

[1697] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 54; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 19.

[1698] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 46. Л. 103.

[1699] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 52. Автограф, написанный рукой Гумилева.

[1700] Там же. Л. 48. Автограф, написанный рукой Гумилева.

[1701] Там же. Л. 50–50 об. Автографы, написанные рукой Гумилева.

[1702] Ее фотографию см.: Корпус-2003. С. 541. Фото 842. См. также выпуск «Поэт на войне-7».

[1703] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 53.

[1704] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 19.

[1705] *Райн Константин.* Ля Куртин. Из архивов // Русская мысль. № 2785. 9 апреля 1970. С. 4.

[1706] 24-летний младший унтер-офицер Афанасий Петрович Глоба, уроженец Екатеринбургской губернии, служивший в 1-й Особой бригаде с момента ее образования в 1916 году, и ранее не упоминавшийся в рапортах французского и русского военного командования. О нем говорили как о «большевистском лидере», «баптисте и фанатике». Стал для оставшихся в Ля Куртин солдат общепризнанным лидером. По некоторым

данным был близок к анархистам. После окончания Первой мировой войны он обратился к французским властям с прошением отпустить его в Россию, а «...лучше всего украинскому правительству (но не большевистскому), ибо я украинец» (*Чиняков М.К.* Мятеж в Ля-Куртин // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 57–73).

[1707] Лисовенко-1960. С. 188.

[1708] Малиновский-1988. С. 306.

[1709] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 65.

[1710] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 56.

[1711] Там же. Л. 57–66. Рукописный текст описания событий в Ля Куртин рукой Гумилева представлен на листах 57–58, 62, 62 об. Листы 59–61 и 63–66 написаны тоже от руки, но не Гумилевым. На листах 63–66 тот же черновой текст, что и у Гумилева, но другой рукой.

[1712] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 69–71.

[1713] Курляндский-1. С. 36–38; Курляндский-2. С. 127–130; Курляндский-3. С. 280–283.

[1714] В РГВИА хранится любопытная рукопись (автор не обозначен) «О русских бригадах во Франции» (Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 88–112). В частности, там сказано (Л.93–94): «Газеты потекли в солдатскую массу. Одним из самых излюбленных приемов газет такого рода была искаженная перепечатка французских газет с указанием на источник или толкование короткой телеграммы, удачно искаженной переводом».

[1715] Подразумеваются проводившие агитацию среди русских солдат такие члены РСДРП(б), как Д. З. Мануильский, М.Н. Покровский и другие.

[1716] Это, пожалуй, единственное упоминание Ленина Гумилевым. Махаевщина — анархистское течение, проповедовавшее враждебное отношение к интеллигенции. Лидер махаевщины польский социалист В.К. Махайский (1867–1926, псевдоним А. Вольский) выдвинул положение о том, что интеллигенция является паразитическим классом, который «монопольно владеет знаниями», живет за счет труда рабочих и готовит свое «грядущее мировое господство». Главной социальной базой революции, по мнению махаевцев, являлись деклассированные элементы. Как видно, Гумилев считал взгляды большевистских идеологов родственными махаевщине. Заметим, что последующее наше развитие показало, что для этого у него были некоторые основания, из чего следует, что в политике он все-таки разбирался.

[1717] Из упомянутой выше статьи «О русских бригадах во Франции» (Л. 104): «14 офицеров было отчислено из полков ввиду отсутствия доверия и даже явной враждебности к ним солдат. На пополнение идут новые офицеры из России, причем среди них много иск‹люченных› ком‹итетами› из полков; конечно, такие офицеры не имеют успеха у солдат».

[1718] Речь идет о приказе № 213 по армии и флоту — «О комитетах и дисциплинарных судах» от 27 апреля 1917 года, в котором вводилось два положения: «о полковых комитетах» и «о дисциплинарных судах», ознаменовавших введение демократических начал в армии (РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 69).

[1719] Лидером этого исполнительного комитета был руководитель восстания унтер-офицер Глоба.

[1720] Возглавлял отрядный комитет упоминавшийся ранее прапорщик Джинория. Этот отряд был вскоре переведен в лагерь Курно.

[1721] Гумилев здесь и далее называет 3-ю бригаду — «второй». О сложных взаимоотношениях между двумя бригадами было сказано ранее. Напомню, что во Францию были направлены 1-я и 3-я бригады, а 2-я и 4-я бригады воевали на Салоникском фронте.

[1722] Речь идет об упоминавшемся выше приказе по русским войскам во Франции № 15 от 24 июня/8 июля 1917 года.

[1723] Подчеркнуто в тексте.

[1724] Николай Сергеевич Русанов (16.09.1859–28.07.1939) — политический деятель, публицист, критик, мемуарист. С 1882 по 1905 год в эмиграции. Один из организаторов Группы старых народовольцев в Париже; под совместным редакторством его и П.Л. Лаврова в 1893–1896 годах было издано 7 выпусков непериодического сборника «Материалы для истории русского социал-демократического движения». В 1901 году участвовал в основании «Вестника русской революции», ставшего теоретическим органом партии эсеров. В 1917–1918 годах был за границей, в феврале 1918 года участвовал в съезде социалистов стран Антанты в Лондоне (когда там жил Гумилев). В Россию не вернулся. Подробно о нем: Русские писатели-5. С. 392–394.

[1725] Иосиф Петрович Голденберг (1973, Нижний Новгород–1922, Москва) — видный политический деятель. Учился на физико-математическом факультете в Париже, Сорбонна. С 1910 года — меньшевик. После Февральской революции член Петросовета, работал в его Международном отделе. Летом 1917 года в составе делегации выехал за границу для подготовки Международной мирной конференции социалистов в Стокгольме. После октября 1917 года вернулся в Россию, в 1920 году вступил в РКП(б), с 1921 года работал в Наркомате внешней торговли.

[1726] Хенрих Моисеевич Эрлих (1882, Люблин — 1942, Самара, погиб в тюрьме НКВД) — видный деятель Бунда, во время революции 1917 года был членом исполкома Петросовета. С 1918 года жил в Варшаве. С началом войны в 1939 году бежал в советскую зону и вскоре был арестован органами НКВД. В сентябре 1941 года был ненадолго освобожден, принял активное участие в создании еврейского антигитлеровского комитета, но через несколько месяцев вновь арестован и приговорен к расстрелу. В тюрьме покончил жизнь самоубийством. Муж хорошо знавшей Н. Гумилева с 1910 года поэтессы С.С. Дубновой-Эрлих (1885–1986). Она печаталась в «Аполлоне», в 1911 году Гумилев поместил там рецензию на ее первый сборник стихов «Осенняя свирель». См. ее воспоминания о Гумилеве: *Sophie Dubnova-Erlich.* Bread And Matzoth. Hermitage Publishers, 2005. P. 160–161, 171–172; Тименчик-1990. С. 309–310; Время и мы. 1987. № 97. С. 181–183.

[1727] Далее следует несколько больших фрагментов ранее не публиковавшегося текста из машинописного экземпляра (РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 69–71).

[1728] Телеграмма Керенского № 4817 о прекращении доставки довольствия и выдачи продовольствия в лагерь Ля Куртин была отправлена из Петрограда еще 1/14 августа, однако к этой мере прибегли только в сентябре.

[1729] Видимо, Константин Леонардович Балбашевский (1977, Тифлис–1948, Нантер, под Парижем) — подполковник русской армии и майор французской армии. С 1916 года служил в Париже при Военном Агенте А.А. Игнатьеве. Награжден орденом Почетного легиона и французским Военным крестом с пальмами. Там же, в составе Особого пехотного полка, служил его брат, видимо близнец, Валериан Леонардович Балбашевский (1977, Тифлис–1954, Белград) — полковник. В 1918 году он сформировал в России батальон Русского легиона и прибыл с ним на Французский фронт. В Гражданскую войну был комендантом Грозного, эвакуировался и работал в Югославии.

[1730] Подразумевается приказ № 68 от 1/13 сентября 1917 года, подписанный Занкевичем и Раппом, фактически повторяющий приведенный выше приказ № 62 от 6 сентября, но переносящий срок истечения ультиматума на 10 часов 16 сентября 1917 года (РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 19).

[1731] Лисовенко-1960. С. 228–230.

[1732] Малиновский-1988. С. 315.

[1733] Данилов-1933. С. 147–149.

[1734] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 65. Л. 10–28.

[1735] Там же. Д. 46. Л. 109, 110.

[1736] Малиновский-1988. С. 307–308.

[1737] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 51–51 об. Автограф, написанный рукой Гумилева.

[1738] РГВИА. Ф. 3515. Оп. 1. Д. 522. Л. 746–746 об.

[1739] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 65. Л. 17.

[1740] Там же. Д. 20. Л. 8.

[1741] Там же. Д. 65. Л. 1–9.

[1742] «Они получат свое! Наша возьмет!» *(франц. разг.—С.Е.).*

[1743] Прапорщик Гумилев был в эти дни в Куртине, состоя в распоряжении Представителя Временного правительства генерала Занкевича *(Примеч. К. Райна).*

[1744] *Райн Константин.* Ля Куртин. Из архивов // Русская мысль. № 2785. 9 апреля 1970. С. 4.

[1745] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 35.

[1746] Корпус-2003. С. 600, фото № 925.

[1747] РО ИРЛИ. Фонд Лукницкого. Альбом III-7. № 67. Ссылка на несохранившееся письмо к матери от 12/25 сентября 1917 года. Прочитав это письмо, Лукницкий сделал пометку: «...только что вернулся из двухнедельной командировки в центр Франции».

[1748] Труды и дни. С. 273.

[1749] Корпус-2003. С. 223. Фото 321. См. также выпуск «Поэт на войне-7».

[1750] Сохранился счет гостиницы «Galilée» (ACFRC-JJB. Box 1. Fol.1. № 2) с 30 сентября по 6 октября, из которого следует, что некоторое время после возвращения Гумилев хранил свои вещи в гостинице, но не жил там, иногда лишь обедал и завтракал. После 6 октября он окончательно перебрался либо в другую гостиницу, либо на частную квартиру, но пока еще не к А. Цитрону, который поселился в своей квартире в сквере Альбони у станции метро Пасси только в конце ноября, после чего смог пригласить к себе Гумилева. Счет сохранился, потому что на его обороте рукой Гумилева, видимо, обозначены библиотечные каталожные номера хранения книг по разным странам: Абиссиния, Америка, Мексика, Индия, Персия, Ява, Камбоджа. В правом столбце — книг по поэзии Явы и Индии (ACFRC-JJB. Box 1. Fol.1. № 2об.). Назначение этого списка пока неясно, возможно, уже тогда он начал готовить материалы для книги, названной в России «География в стихах», но так и не завершенной. Вышел только африканский сборник «Шатер».

[1751] Как показали недавно обнаруженные документы, подробно описанные в Приложении 6, А. Цитрон появился в Париже позже Гумилева, только 27 сентября 1917 года, и поначалу жил он в гостиницах на той же улице Карбон, где жили М. Ларионов и Н. Гончарова. В конце ноябре, сняв комнату или квартиру, он поселился в том месте, на которое указывает М. Ларионов. Тогда Гумилев и перевез к нему свои вещи и, возможно, поселился у него, так как А. Цитрон был человеком достаточно состоятельным. Где жил Гумилев после Ля Куртин до ноября — можно только предполагать, либо в гостинице, либо снял небольшую комнату, возможно там, где позже поселился А. Цитрон: в сквере на улице Альбони под станцией Пасси.

[1752] Письмо это упоминается в ответном, не дошедшем до адресата письме Анны Энгельгардт в Париж — ПСС-8, письма к Гумилеву, № 48: «…Знаешь, я перепутала адрес (вернее, он был напутан в твоей последней телеграмме) и, только получив твое письмо от 14 сентября (27 *по н. ст.*), узнала, что он совсем другой». Значит, были еще и телеграммы, отправленные из гостиницы «Galilée». Полностью ее письмо см. в Прил. 1.

[1753] HIA-GSP. Box 87. Fol.2.

[1754] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

[1755] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 22. Л. 14–15.

[1756] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

[1757] Там же. Д. 40. Л. 20 об.

[1758] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 61 об.

[1759] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

[1760] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 54. Л. 23.

[1761] Там же. Л. 34.

[1762] Первые изыскатели пришли на Мурман для разведки места возможного северного порта в 1912 году. Через три года, в 1915 году, во время Первой мировой войны, на правом берегу Кольского залива Баренцева моря был основан Мурманский морской порт. Его создание вызвано было стремлением России получить выход в Северный Ледовитый океан через незамерзающий залив, чтобы бесперебойно доставлять военные грузы от союзнических держав в условиях блокады Черного и Балтийского морей. Официальной датой основания города считается 4 октября 1916 года. В этот день на невысоком холме, где сейчас располагается Дворец культуры и техники имени Кирова, состоялась торжественная церемония закладки храма в честь покровителя мореплавателей Николая Мирликийского. Город стал последним городом, основанным в Российской империи, его назвали Романов-на-Мурмане. Через полгода, 3 апреля 1917 года, после Февральской революции, он принял свое нынешнее название — Мурманск. В 1917 году после победы Октябрьского восстания в Мурманске был создан временный революционный комитет, во главе которого встали большевики. Но уже в марте 1918 года с военных судов Антанты, которые еще до Февральской революции встали на якорь в Кольском заливе, был высажен на берег вооруженный десант. В 1919 году власть в городе перешла к белогвардейцам, а Временное правительство Северной области признало верховную власть адмирала Колчака. Осенью 1919 года войска Содружества были вынуждены эвакуироваться из Мурманска. 21 февраля 1920 года в городе произошло восстание, организованное большевиками, и власть опять перешла к ним.

[1763] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 63. Л. 58.

[1764] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 4. Л. 82.

[1765] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 32. Л. 109.

[1766] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 135.

[1767] Там же. Л. 136.

[1768] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 7. Л. 78.

[1769] Там же. Д. 7. Л. 92–95.

[1770] Там же. Оп. 1. Д. 63. Л. 148.

[1771] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 17. Д. 58. Заверенная копия телеграммы. Машинопись.

[1772] Там же. Л. 59.

[1773] Там же. Оп. 2. Д. 217. Л. 73.

[1774] Там же. Л. 81 об.

[1775] *Парчевский К.* Гумилев в Париже. Неизданные стихотворения // Звено. Париж. 1924. № 49. 7 января. Российское зарубежье-2. С. 404. Парчевский Константин Константинович (1891, Царское Село — март, 1945, Москва) — юрист, публицист, общественный деятель. Учился в консерватории в Вильнюсе. Окончил Психоневрологический институт, затем юридический факультет С.-Петербургского университета. В Петербурге опубликовал ряд книг по праву. В 1920 году эмигрировал через Стамбул в Болгарию, с 1923 года жил в Париже. Был секретарем Союза русских писателей и журналистов в Париже. Во Франции много публиковался. Его очерки о положении русской эмиграции «По русским углам» вышли отдельной книгой в Москве в 2002 году. В 1941 году возвратился в СССР, жил в Москве. Соавтор выдержавшего много изданий «Самоучителя французского языка».

[1776] Бобриков Николай Николаевич (2.8.1882, Красное Село Петербургской губ. — 2.2.1956, Париж, похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа) — из дворян, сын финляндского генерал-губернатора. В 1901 году окончил Пажеский корпус и в 1908 году Николаевскую академию Генерального штаба. Полковник лейб-гвардии Конного полка, в составе которого начал войну, награжден Георгиевским оружием. Был командирован во Францию в состав русской военной миссии (1916–1917). Вернувшись в Россию, вступил в Добровольческую армию. В 1920 году эмигрировал с семьей из Крыма в Турцию, затем жил в Болгарии и Франции. Член правления Общества офицеров Генерального штаба, член Конногвардейского объединения, член Союза Георгиевских кавалеров, член правления Союза пажей. Жена Екатерина Николаевна, ур. Фролова (2.04.1885–4.06.1966, Париж), и дочери, Екатерина (1909 г.р.) и Ольга (1914 г.р.), смогли эвакуироваться из Новороссийска на миноносце № 212 и присоединились к нему в Крыму. (Российское зарубежье-1. С. 175; Волков-2002. С. 67).

[1777] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 77 об.

[1778] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 30. Л. 195. Заверенная копия. Машинопись. Оригинал см.: РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 8. Л. 15.

[1779] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 20. Л. 25.

[1780] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 4. Л. 97.

[1781] Там же. Д. 37. Л. 2.

[1782] Там же. Л. 3–4. Автограф на бланке Военного комиссара Е.И. Раппа.

[1783] Там же. Д. 7. Л. 18–61 — протоколы заседаний Отрядного съезда.

[1784] Там же. Л. 19.

[1785] Там же. Л. 30.

[1786] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 80 об. Будущий командарм и маршал М.Н. Тухачевский начал войну в звании подпоручика, принимал участие в боях с австрийцами и немцами, был ранен, за проявленный героизм награжден 5 орденами за полгода. В феврале 1915 года его рота была окружена, он сам взят в плен. После четырех неудачных попыток бегства из плена его отправили в лагерь для неисправимых беглецов в Ингольштадт, где он познакомился с Шарлем де Голлем. В сентябре 1917 года пятая попытка бегства оказалась успешной, вскоре Тухачевский оказался в Париже, а 8 октября покинул его. В Русской миссии ему помогли вернуться в Россию. Безусловно, встречался он в Париже с Раппом и, как я думаю, с Гумилевым.

[1787] Штейнберг-2009. С. 170–176. Подробнее об этих воспоминаниях и об отношении Гумилева к Тухачевскому см. в заключительной части книги.

[1788] Александр Николаевич Рубакин (1889, Москва — 1979, Москва, похоронен на Новодевичьем кладбище) был сыном известнейшего книговеда, библиографа, просветителя и писателя Николая Александровича Рубакина (1862, Ораниенбаум — 1946, Лозанна; в 1948 году урна с прахом Н.А. Рубакина была перевезена в Москву и захоронена на Новодевичьем кладбище). Уникальная библиотека Н.А. Рубакина была завещана Советскому

Союзу, перевезена в 1948 году в Москву и размещена в качестве особого отдела (фонд Рб) в Ленинской библиотеке. В 1967 году в серии ЖЗЛ была издана его биография, написанная сыном, бывшим начальником Санитарного отдела русских войск во Франции. Сам А.Н. Рубакин был известным врачом-бактериологом и геронтологом, автором множества научных трудов и известной популярной книги «Похвала старости». С 1908 по 1944 год он жил в Париже. Окончил медицинский факультет Парижского университета, доктор медицины. Публиковался в российской периодике, в частности, являлся корреспондентом той же газеты «Русская Воля», от которой формально был послан в Салоники Гумилев. Во время Второй мировой войны попал в немецкий концлагерь, а после освобождения вернулся в СССР. Автор книги: *Рубакин А.Н.* В водовороте событий. Воспоминания о пребывании во Франции в 1939–1943 гг. М., 1960. Судя по «Вступлению» к этой книге, вспоминать о своем пребывании во Франции в годы Первой мировой войны в советские времена он не любил и соответствующих воспоминаний не оставил.

[1789] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 9. Л. 1

[1790] Там же. Л. 11—оригинал. РГВИА. Ф. 15304. Оп. 7. Д. 39. Л. 83. Заверенная копия. Перников Осип Александрович (1894, Тифлис–27.8.1952, Париж) — корнет, предприниматель, общественный деятель. С 1916 года был прикомандирован к Русской военной миссии во Франции. После революции жил в Париже. Вместе с братом создал во Франции ряд крупных мореплавательных и туристических обществ. В течение многих лет деятель Общества охранения русских культурных ценностей, входил в правление Общества любителей русской военной старины. Автор многих книг по туризму и истории, мемуаров. Член Федерации еврейских обществ во Франции. Награжден орденом Почетного легиона и Военным крестом с пальмами (Российское зарубежье-2. С. 422).

[1791] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 9. Л. 23.

[1792] Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 177 об.

[1793] Там же. Л. 211.

[1794] ПСС-3, № 77. Стихотворение это, в сильно переработанном виде, было впервые опубликовано вскоре после возвращения в Россию: Утренняя молва. 1918. 15 июня. Автограф этой публикации хранится в архиве М. Лозинского вместе со стихотворением «Франции». Здесь текст дан по парижским альбомам.

[1795] ПСС-8. № 158. С. 201.

[1796] Там же. № 169. Впервые опубликовано: *Струве Г.* Новое русское слово. 1971. 22 июля. Сейчас оригинал хранится в ОР ГТГ. Ф. 180. № 6126.

[1797] ОР ГТГ. Ф. 180. № 8173. Письмо написано по-французски и дано в переводе.

[1798] Оригинал письма — HIA-GSP. Box 87. Fol. 7. Письмо написано по-французски, дано в переводе. Впервые опубликовано: Ustinov-1993. P. 300–301.

[1799] ОР ГТГ. Ф. 180. № 8176. Письмо написано по-французски, дано в переводе.

[1800] Не вызывает сомнения, что Туссен имеет в виду Виктора Викторовича Голубева (1878–1945), известного ученого-востоковеда, исследователя культур Индокитая, путешественника и коллекционера, постоянно проживавшего в Париже с 1904 года. Голубев принимал участие в работе созданного в том же году Русского кружка художников, или Русского артистического кружка, с которым Гумилев был связан во время своего первого пребывания в Париже. По линии Красного Креста Голубев участвовал в Первой мировой войне, которую прошел в чине полковника от начала до конца на французско-немецком фронте. В 1917 году, оказавшись после русской революции в тяжелом материальном положении, Голубев был вынужден продать часть своей великолепной коллекции восточных миниатюр. Не исключено, что с этим как-то связано упоминание имени Голубева в письме Туссена Ларионову с просьбой организовать встречу с Гумилевым. В архиве Ларионова в ОР ГТГ (Ф. 180, б/н) сохранилась его визитная карточка: VICTOR GOLOUBEW, 11, rue Théodore de Banville (тоже недалеко от Триумфальной арки). Возможно, Гумилев приобрел какие-то миниатюры из коллекции Голубева. Подробнее о нем см.: Российское зарубежье-1. С. 388–389; *Рожнов Вячеслав.* Господин Голу // Вокруг света. 1993. № 5.

[1801] ОР ГТГ. Ф. 180. № 8174. Письмо написано по-французски, дано в переводе. Странное совпадение: два письма Туссена, в которых упоминается имя Гумилева, датированы весьма памятными для русской истории датами — 25 октября и 7 ноября.

[1802] О судьбе оставленной Гумилевым в Париже коллекции из купленных у коллекционеров картин, восточных миниатюр и книг будет рассказано в Прил. 6.

[1803] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 63. Л. 149. Подлинник. Машинопись, на бланке офицера для поручений при Военном комиссаре.

[1804] Одоевцева-1988. С. 75 и 88.

[1805] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 20. Л. 2–10.

[1806] Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.

[1807] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 67.

[1808] Там же. Л. 68.

[1809] Там же. Д. 41. Л. 48.

[1810] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 40. Л. 56–57.

[1811] Там же. Д. 40.

[1812] Там же. Д. 64. Л. 4.

[1813] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 65. Л. 226.

[1814] Там же. Л. 227. В одном из документов (РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 75. Л. 54) приводятся любопытные сведения о Владимире Яковлевиче Мартынове. Служа во французской армии, он получал немалое жалованье, 500 рублей в месяц, от Степана Ивановича Макова, проживавшего в Москве, 3-я Мещанская улица, 49. Его адрес в Париже — 8, Avenue de Verzy (авеню Верзи), Paris.

[1815] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 63.

[1816] Там же. Д. 40. Л. 60 об.

[1817] Там же. Д. 20.

[1818] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 1. Д. 351.

[1819] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 7. Л. 76.

[1820] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 63. Л. 154.

[1821] Там же. Л. 25.

[1822] Там же. Л. 24.

[1823] *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Кн. 1, ч. 1. Paris, YMCA-PRESS, 1975. С. 43. К сожалению, у Солженицына нет ссылок на соответствующие документы, скорее всего, документов таких и не было, были просто — «распоряжения». Гумилев успел вернуться раньше, в 1918 году. Но вспомнить об этом в 1921 году вполне могли.

[1824] Михаил Артемьевич Муравьев (13.09.1880–11.07.1918) был замечен Керенским, стал начальником охраны Временного правительства и произведен в подполковники. После Октябрьского переворота предложил свои услуги Советскому правительству и вскоре был назначен командующим войсками, действовавшими против войск Керенского. Прославился своей жестокостью и наполеоновскими планами; летом 1918 года выступил против большевиков и был убит.

[1825] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 63. Л. 21.

[1826] Там же. Л. 30.

[1827] Там же. Д. 64. Л. 7.

[1828] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 7. Л. 81.

[1829] Алексеев Никандр Алексеевич (21.9/3.10.1891, дер. Пидели Псковской губ.—30.09.1963, похоронен в Пскове на Мироносицком кладбище). Русский советский писатель. Родился в бедной крестьянской семье. В 13 лет отправился на заработки в Петербург. Первые стихи опубликовал в 1910 году. В 1916 году в Петрограде вышла книга стихов «Весна». С 1916 года воевал в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции, в Шампани. Во Франции находился до 1920 года. В Париже издал три книги стихов: «Венок павшим» (1917), «Ты-ны-ны» (1919), «Ветровые песни» (1920). Его стихи постоянно публиковались в газете «Русский солдат-гражданин во Франции», начиная с первого номера. В 1920 году он «своим ходом» вернулся в Россию. О своем первом деле на Родине он рассказал сам; воспоминания обнаружила в архиве деда и опубликовала его внучка М.Н. Алексеева в газете «Новости Пскова» в феврале 1996 года. Вот небольшой отрывок из них, отражающий важную, мало кому известную страницу истории создания Пушкинского заповедника: «1920, Москва. Первое советское учреждение, куда постучался возвратившийся на родину солдат русских войск во Франции, был литературный отдел Наркомпроса. Я имел право явиться сюда. У меня уже было четыре книги стихов. В Гнездниковском переулке я поднялся по внутренней лестнице в кабинет заведующего, к поэту Брюсову. ‹…› — Вы любите Пушкина? — вдруг спросил Брюсов. Я знал, что Брюсов, несмотря на свой ранний символизм, сделался пушкинистом-исследователем творчества талантливейшего русского поэта. Я обронил гордую фразу: — Пушкин — мой земляк. ‹…› — Очень рад! Мы можем вам дать командировку. Правда, там фронт. А сейчас — где их, фронтов, нет? Везде. На севере, на юге, на востоке, на западе... Поезжайте. Проверьте, что делается в Пушкинских местах. Луначарский тоже интересуется. Мы ничего не знаем. Кстати, там узнаете о своих родичах или повидаете...

Мне был вручен мандат за подписью заведующего литературным отделом Наркомпроса В.Я. Брюсова. ‹…› Осталось получить пропуск в ВЧК: в прифронтовую полосу без пропуска не пустят. ‹…› И вот родина. Недалеко фронт... Прифронтовой Псков, очищенный Красной Армией от виселиц Булаховича. Зарегистрировав в особом отделе пропуск ВЧК и мандат, беспартийный командировочный поэт предстал перед работником губкома партии. ‹…›—Из Михайловского пришлите нам немедленно правдивую статью о Пушкинских местах. Это первое. А второе — сразу же начните серию очерков о положении во Франции. Я согласился. ‹…› "Псковский набат" напечатал ряд очерков о Франции. ‹…› О том, что моя статья о Пушкинских местах появилась в "Псковском набате", я узнал из "Правды" и "Известий", выходивших в то время на двух страницах на оберточной бумаге. Две главнейшие газеты между лаконичными сообщениями о положении на фронтах, международной информацией и политическими материалами посчитали необходимым высказать беспокойство по поводу состояния уголка, связанного с памятью о гениальнейшем русском поэте. ‹…› Телеграмма РОСТА сообщала о моей статье, в которой рассказывалось: село Михайловское сгорело со всеми строениями, вторично после гибели А.С. Пушкина, что единственный сохранившийся домик с Пушкинских времен — Домик няни обветшал, углы прогнили, он разваливается. Пушкинский вековой лес вырубается. Все выступления газет немедленно сказались. Пушкинский Дом из Петрограда немедленно прислал художника, по проекту которого был отреставрирован домик няни. Штаб Башкирской бригады, стоящей в резерве в Святых Горах (ныне Пушкинские Горы), организовал охрану Пушкинского леса и парка. Домик няни великого русского поэта восстанавливали с топорами, с пилами и молотками в руках красноармейцы-башкиры. ‹…› Вот когда было положено начало Пушкинскому заповеднику. ‹…› Я отчитался перед Москвой в командировке. Мне разрешили остаться в Пскове. ‹…› На страницах губернской газеты стали появляться стихи, в залах бывшего губернского уезда (ныне — областная библиотека) устраивались лекции, выступления, поэтические дискуссии, в Пушкинском театре поставили пьесу "Новые люди", написанную мной на современном деревенском материале». Так что на самом деле у истоков Пушкинского заповедника стоял не всем известный С.С. Гейченко, как считают многие, а вернувшийся из Франции Никандр Алексеев. В результате его командировки постановлением Совета народных комиссаров от 17 марта 1922 года Михайловское, Тригорское и могила А.С. Пушкина были объявлены заповедными местами. В дальнейшем Н. Алексеев организовал одну из первых крестьянских газет «Псковский пахарь», редактировал журнал «Северные зори», был председателем сибирского общества крестьянских писателей. Никандр Алексеев прожил достойную жизнь. У него вышло много книг стихов и прозы, книг рассказов о природе и животных для детей. Творческим наследием Никандра Алексеева занимается проживающая в Пскове его внучка М.Н. Алексеева.

[1830] Расчеты жалованья — РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 20. Л. 2–10; Д. 43. Л. 10, 36, 88. «Аттестат» Никандра Алексеева — Ф. 15234. Оп. 3. Д. 43. Л. 104. Список личного состава миссии на 12 февраля и Приказ об откомандировании от миссии — Ф. 15234. Оп. 2. Д. 33. Л. 30, 35–37.

[1831] ОР ГТГ. Ф. 180. № 5505. Письмо на листе бумаги, с одной стороны, черными чернилами.

[1832] Книга была выставлена на совместном аукционе предприятия «Акция ЛТ» и общественной организации «Пресня-Книга» 12 мая 2007 года. В опубликованной на сайте аннотации был приведен фрагмент дарственной надписи: «Михаилу Федоровичу Ларионову. Нашему ‹…›—Русской национальной гордости от автора. 16 сентября 1917 Париж». Кому книга была продана — неизвестно.

[1833] «Русский солдат-гражданин во Франции». № 98 от 4/17 ноября 1917 года. С. 5. Любопытно, что ранее в этой же газете (№ 89; обратите внимание на дату выхода этой газеты — среда, **25 октября/7 ноября 1917 года!**) была опубликована другая рецензия на тот же сборник. Ее автор балетный критик В. Светлов. Рецензия Гумилева впервые была воспроизведена: Тименчик-1990. С. 206, 336.

[1834] *Алексеев Никандр*. Ты-ны-ны. Стихи. Париж, 1919. С. 13–15. Еще одно стихотворение этого сборника, «Приезжей» (С. 23), имеет эпиграф — «Вы глядите так несмело, / Что вы видели во сне?», представляющий контаминацию двух строф стихотворения Гумилева «Сон (Утренняя болтовня)»; само стихотворение воспроизводит метрический рисунок этой гумилевской строфы.

[1835] Как рассказала мне внучка поэта Марина Алексеева, до начала нашей переписки в семье считали, что хранившийся в доме дореволюционный сборник переводов Т. Готье выполнен «неизвестным переводчиком». В книге явно умышленно, скорее всего

самим Н. Алексеевым, была оторвана обложка и вырван титульный лист, на которых обозначено имя Гумилева; обычная для советских времен предосторожность, связанная с хранением книг опального поэта, тем более, с которым приходилось лично общаться во Франции. И сборник «Шатер» хранился без обложки… Переводы Теофиля Готье, выполненные Н. Алексеевым, хранятся в семье. В не так давно изданной книге (*Готье Теофиль*. Эмали и камеи / Сост., предисл. и коммент. Г.К. Косикова. М.: Радуга, 1989), включившей полный перевод Н. Гумилева, сказано, «что и по сей день [перевод Гумилева] остается единственным ***полным*** переводом "Эмалей и камей"». Оказывается, в рукописи существует еще один полный (или почти полный — уточнить у родственников не удалось) перевод — Никандра Алексеева. Установить, когда был выполнен этот перевод, довольно сложно. Мне казалось, что наиболее вероятны «крайние» даты: заниматься он мог им либо вскоре после возвращения из Франции в Россию, в начале 1920-х годов, когда были еще свежи парижские воспоминания, либо в конце жизни, после 1956 года, когда многие события жизни, как своей, так и всей страны, приходилось подвергнуть переоценке. В том числе в памяти мог тогда всплыть образ расстрелянного поэта, и Никандр Алексеев вновь обратился к переведенным Гумилевым стихам Теофиля Готье, повторив пройденный им переводческий, поэтический путь. «Семейные предания» подтвердили последнюю версию — Никандр Алексеев серьезно занимался этим переводом в последние годы жизни. Хотя это не исключает того, что сам замысел мог относиться еще к Парижу. Любопытен сохранившийся в семье французский оригинал сборника Теофиля Готье «Эмали и камеи». Как удалось выяснить, это французское издание 1930-х годов было специально заказано и получено Н. Алексеевым из "Государственной библиотеки иностранной литературы" в Москве (об этом говорит библиотечный штемпель с дополнительной пометкой — «выдача на дом»), скорее всего, в 1950-е годы, когда сам он жил в Новосибирске или уже переехал в Псков, после 1955 года. Перевод Алексеева можно было бы издать как память о когда-то знавших друг друга двух поэтах. То, что его осуществление было связано с памятью о Гумилеве, сомневаться не приходится.

[1836] Все-таки отмечу, что, к сожалению, и он не обошелся, после расстрела поэта, без «пинка» в его адрес. Вернувшись в Россию, став на страже «пролетарского духа», как он это называл, он помянул «покойного (расстрелянного за участие в заговоре проф. Таганцева) Н.Гумилева, в жизни – контрреволюционера, а в поэзии – служителя чистого искусства, этого "изысканного жирафа". — "На озере гад // Изысканный бродит жираф"». (*Скорее всего, в цитате не опечатка, а — такая «своеобразная шутка»*; опубликовано в журнале: Новая жизнь. Псков, 1922. № 1/2. С. 168). Последний комментарий из публикации: *Тименчик Роман*. К истории культа Гумилева-I // Тыняновский сборник. Вып.13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2009. С. 298–351. Будем считать обращение Никандра Алексеева в последние годы жизни к гумилевскому переводу Готье своеобразным «покаянием» за когда-то сказанные слова.

[1837] На чужбине. Сб. произведений русских воинов. Изд. газеты «Русский солдат-гражданин во Франции». 1919–1919. Книга разбита на разделы: Война. На чужбине. Плен. Африка, Македония. Родина. Революция. В приложении представлен список русских воинов, погибших на полях Франции. Книга дополнена документальными фотографиями, рассказывающими о жизни русских солдат на чужбине.

[1838] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 26. Л. 22.

[1839] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 63. Л. 36.

[1840] Там же. Л. 40. Николай Николаевич Духонин (13.12.1876, Смоленская губерния–3.12.1917, Могилев) — русский военачальник, генерал-лейтенант, исполнял обязанности Верховного главнокомандующего русской армией в ноябре–декабре 1917 года. 9/22 ноября Ленин, Сталин и Крыленко вызвали Духонина по телефону, потребовав немедленно вступить в мирные переговоры с австро-германским командованием. Духонин отказался и заявил, что такие переговоры может вести только центральное правительство, но не командующий армией. Тогда ему объявили, что его снимают с поста главнокомандующего, но он должен продолжать выполнять свои обязанности до прибытия нового главнокомандующего Крыленко. 19 ноября/2 декабря Духонин распорядился освободить из тюрьмы в Быхове генералов Корнилова, Деникина и др., арестованных после корниловского мятежа. 20 ноября/3 декабря в Могилев прибыл Н.В. Крыленко, который отдал приказ о своем вступлении в должность Главковерха и передал Духонину, что он будет отправлен в Петроград в распоряжение СНК. Когда Духонин на автомобиле Крыленко прибыл на железнодорожный вокзал, чтобы следовать в столицу, он был

растерзан разъяренной толпой. По другой версии, Духонин был убит матросами-охранниками нового Верховного Главнокомандующего Н.В. Крыленко, имевшего воинское звание (и то сомнительное) — прапорщика. Во время войны Крыленко вел в войсках агитацию, постоянно уклонялся от службы, неоднократно подвергался арестам.

[1841] Главное военно-техническое управление.

[1842] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 217. Л. 93.

[1843] Там же. Л. 91.

[1844] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 63. Л. 41. На бланке Представителя Временного правительства Занкевича.

[1845] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 63. Л. 42. На бланке Комиссара Временного правительства Раппа.

[1846] Там же. Д. 63. Л. 43.

[1847] Там же. Д. 54. Л. 34.

[1848] Там же. Д. 63. Л. 47.

[1849] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 12. Михаил Александрович Михайлов был назначен Военным комиссаром Временного правительства при Русских войсках на Македонском фронте, при нем был офицер для поручений поручик Чупринин. В ноябре он перебрался в Париж и вскоре сменил Е. Раппа, занимая должность комиссара до марта 1918 года. Проживал по адресу — Paris, 4, rue Lavoisier, Centre 98–52. Дальнейшая его судьба неизвестна.

[1850] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 64. Л. 11.

[1851] Там же. Д. 63. Л. 55–56.

[1852] Там же. Д. 20. Л. 110.

[1853] Там же. Д. 63. Л. 68. Монпелье (Montpellier), курортное местечко недалеко от Марселя на побережье, там находились на лечении и отдыхе русские солдаты и офицеры.

[1854] Алексей Алексеевич Маниковский (1865–1920) — генерал от артиллерии (1916). Был близок к части думской оппозиции, один из лидеров которой, Н.В. Некрасов, во время Февральской революции прочил Маниковского на роль военного диктатора. С 6 марта 1917 года — помощник военного министра. Временно управлял Военным министерством в конце апреля — начале мая и в октябре 1917 года. 25 октября 1917 года был арестован в Зимнем дворце вместе с министрами Временного правительства. В конце октября освобожден и принял на себя техническое руководство военным ведомством при большевистской власти. Пытался сохранить остатки боеспособности армии, выступил против выборности командиров, но был обвинен в нелояльности и 20 ноября (3 декабря) 1917 вновь арестован (вместе с начальником Генерального штаба В. В. Марушевским, бывшим начальником 3-й бригады, воевавшей во Франции). Через 10 дней его освободили. Служил в Красной армии, в 1918–1919 годах — начальник Артиллерийского управления, Управления снабжения РККА. Был постоянным членом Артиллерийского комитета. Во многом именно ему большевики были обязаны созданием своей артиллерии и организацией системы снабжения армии боеприпасами. В январе 1920 годах был направлен в командировку в Ташкент; направляясь туда, погиб при крушении поезда. После гибели генерала Маниковского был опубликован написанный им капитальный исторический труд «Боевое снабжение русской армии в Мировую войну».

[1855] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 34. Л. 207–208.

[1856] Подчеркнуто в тексте.

[1857] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 47. Л. 94.

[1858] Там же. Л. 93.

[1859] Там же. Л. 97.

[1860] Там же. Д. 20. Л. 106.

[1861] Там же. Д. 47. Л. 101,102.

[1862] Там же. Д. 20. Л. 107.

[1863] РГВИА. Ф. 2015. Оп. 1. Д. 26. Л. 66.

[1864] Рассказ Саломеи, которой посвящено стихотворение О. Мандельштама «Соломинка», взят из книги: *Васильева Л. Н.* Саломея // *Васильева Л.Н.* Альбион и тайна времени. М.: Современник, 1983. С. 221–222.

[1865] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 1. Л. 99 об. Повестка заседания Исполнительного комитета, состоявшегося 30 ноября 1917 года, включала в себя такие вопросы, как посылка членов Исполнительного комитета в Петроград, доклад полковника Коллонтаева о деле писарей и др.

[1866] Здесь и далее подчеркнуто в тексте.

[1867] Все тот же пресловутый, постоянно упоминаемый приказ № 213 уже не существующего Временного правительства «О комитетах и дисциплинарных судах».

[1868] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 1. Л. 99–99 об. На заседании комитета от 17(30) ноября 1917 года была принята резолюция, осуждающая действия подполковника Крупского и требующая его замену другим лицом. Однако и в этой «битве» ведомство Игнатьева отвергло все обвинения подполковника Крупского (Ф. 15304. Оп. 2. Д. 43. Л. 49–51).

[1869] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 43. Л. 46–47.

[1870] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 34. Л. 5–5 об.

[1871] Там же. Д. 20. Л. 62.

[1872] РГВИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 1571. Л. 131–136.

[1873] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 43. Л. 126. Документ частично отпечатан на машинке, а частично заполнен от руки.

[1874] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 20.

[1875] Там же. Д. 63. Л. 153.

[1876] Там же. Д. 40. Л. 60 об.

[1877] Там же. Д. 64. Л. 9.

[1878] Там же. Д. 63. Л. 122.

[1879] Там же. Д. 29. Л. 2.

[1880] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 42. Л. 93.

[1881] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 20.

[1882] Там же. Д. 63. Л. 90.

[1883] Там же. Д. 20. Л. 130–131.

[1884] Там же. Д. 20.

[1885] Там же. Оп. 3. Д. 42. Л. 3–4 и 9.

[1886] Там же. Оп. 1. Д. 46. Л. 224.

[1887] Там же. Д. 20.

[1888] Там же. Д. 64. Л. 12.

[1889] Там же. Д. 20.

[1890] Отдел генерал, квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, ведавший военной разведкой и контрразведкой.

[1891] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 34. Л. 3.

[1892] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 47. Л. 120.

[1893] Там же. Л. 122.

[1894] Там же. Л. 111.

[1895] Там же. Л. 112.

[1896] Там же. Л. 130.

[1897] Там же. Д. 20.

[1898] ОР ГТГ. Ф. 180. № 6125. Л. 2.

[1899] Там же. № 4905, 6773–6776; письма и записи относятся к 1926–1928 годам.

[1900] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 43. Л. 39.

[1901] Там же. Д. 34. Л. 39.

[1902] Там же. Д. 43. Л. 30–31.

[1903] Там же. Л. 28.

[1904] Там же. Л. 10.

[1905] Там же. Л. 36.

[1906] Там же. Оп. 1. Д. 20. Там же — уточнения по этим поездкам в Приказе по русским войскам № 6 от 10/22 января 1918 года.

[1907] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

[1908] Там же. Д. 20.

[1909] Гумилев–Струве-1. С.L. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 2.

[1910] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 20.

[1911] Примечание Глеба Струве в «Гумилев–Струве-4. С. 624: «Впервые, под названием “Записка об Абиссинии”», вместе с послужным списком Н.С. Гумилева, в статье Г.П. Струве (и в его переводе с рукописи в анреповском архиве) в газете «Новое Русское Слово» (Нью-Йорк) от 16 декабря 1947 года. Оригинал по-французски, с довольно многочисленными орфографическими и несколькими грамматическими ошибками. Первая часть меморандума написана как будто писарской рукой, но, начиная со слов «Помимо того в Абиссинии...», почерк, несомненно, самого Гумилева. Был ли дан этому меморандуму какой-нибудь ход, мы не знаем. В подлиннике меморандум носит заглавие: «Mémoire concernant une possibilité éventuelle d’un recrutement de contingents de

volontaires pour l'Armée Française en Abyssinie» *(«Докладная записка относительно одной возможной перспективы комплектования контингента добровольцев для Французской армии в Абиссинии»)*. В переводе, по сравнению с первой публикацией, нами сделаны некоторые стилистические изменения.

1912 Труды и дни. С. 478.

1913 Гумилев–Струве-4. С. 439–440. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 4.

1914 ACFRC-JJB. Box 1. Fol.5. № 4. Документ написан от руки, на листке бумаги, на английском языке, не рукой Гумилева, но, безусловно, под его диктовку. Его подписи на нем нет, видимо, это черновик, и трудно сказать, был ли дан ему ход. Ведь тогда же вскоре возник, как ему казалось, более надежный и привлекательный вариант — отправиться через Англию в Персию. Впервые документ опубликован: Stanford-2014. Публ. Е.Е. Степанова и А.Б. Устинова. С. 243.

1915 Джон Джозеф Першинг (John Joseph Pershing, 13 сентября 1860, близ Лэклейда, штат Миссури–15 июля 1948, Вашингтон) — участник Испано-американской и Первой мировой войн. Когда США вступили в Первую мировую войну на стороне Антанты, Джон Першинг был 10 мая 1917 года повышен в звании до полного генерала. Однако долгое время численность американской экспедиционной армии была невелика, существенную роль она впервые сыграла только во время второго сражения на Марне летом 1918 года, когда Гумилев давно уже был в России. После войны Джон Першинг приобрел огромную популярность в США. В 1919 году Конгресс США уполномочил президента присвоить ему высшее звание в американской армии — звание Генерала армий США (это звание было создано специально для Першинга и впоследствии было присвоено только Джорджу Вашингтону — посмертно, в 1976). В 1920 возникла идея выдвинуть Першинга в президенты США, однако он отказался. Во время Второй мировой войны был сторонником активной поддержки Великобритании. В честь Першинга названы танк и баллистическая ракета. Будучи во Франции, Першинг организовал и способствовал строительству в Париже на территории Венсенского леса стадиона, который стал называться стадион Першинг.

1916 РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 1 и 3.

1917 Кратко о том, что представлял собой Персидский, или Месопотамский, фронт, куда мог, но не попал Николай Гумилев. К концу 1916 года численность британской экспедиционной армии в Месопотамии составила 55 000 человек. К этому времени на сторону британцев перешло местное население: в это время уже началась Великая Арабская революция, и арабы повсюду встречали британские войска как освободителей. Командующий британскими войсками в Месопотамии генерал Фредерик Стенли Мод начал наступление 13 декабря 1916 года. Успешно сражаясь с турецкими войсками, британцы в феврале 1917 года вернули Эль-Кут, а 11 марта взяли Багдад. Город Эр-Рамади к западу от Багдада, в котором находился крупный османский гарнизон, удалось взять только со второй попытки. 18 ноября Мод умер от холеры, командование войсками перешло к генералу Вильяму Маршаллу. Весной 1918 года англичане планировали решающее наступление с целью разгрома турок и взятия Палестины и Сирии, однако успехи немцев на Западном фронте заставили британское командование отложить свои планы. Турецко-германское командование также планировало наступление, чтобы отбросить англичан, угрожавших Сирии, Анатолии и Месопотамии, но для этого у турецкой армии уже не хватало сил. Выправив положение на Западном фронте, англичане перебросили в Палестину подкрепления и тщательно подготовились к наступлению. Оно началось 19 сентября. Фронт был прорван. На следующий день британская кавалерия пробилась в Израэльскую долину и захватила Назарет. Турецкая армия была окружена и разбита. Это сражение вошло в историю как битва при Мегиддо. Завладев всей Палестиной, британцы вошли в Сирию. 1 октября они взяли Дамаск, 26-го — Халеб. Основные боевые действия на Палестинском фронте завершились 30 октября с подписанием Мудросского перемирия. Однако военные действия в Месопотамии закончились лишь 14 ноября, когда британская армия, не встречая сопротивления, заняла Мосул.

1918 РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 20.

1919 Ермолов Николай Сергеевич (28.9.1853–21.01.1924, Лондон) — генерал-лейтенант (с 29.3.1909). Окончил Петербургский университет, затем выдержал офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище и окончил Николаевскую академию Генштаба. Служил старшим адъютантом штаба гвардейского корпуса, начальником строевого отделения штаба Кронштадтской крепости. В 1891 году, по приказу Александра III, был назначен Военным Агентом в Англию, занимал эту должность, с небольшим перерывом, на протяжении 26 лет, вплоть до ноября 1917 года. В промежутке был начальником военного статистического управления отделения управления генерал-квартирмейстера Главного штаба (2.3.1905–10.5.1906), фактически состоя при этом во главе всей военной разведки России. После Октябрьской революции остался в Лондоне, продолжая формально исполнять обязанности Военного Агента, входя в кабинет бывшего министра иностранных дел С.Д. Сазонова.

1920 Лазарь Федорович Бичерахов (15.11.1882–22.06.1952) в 1915–1918 служил в экспедиционном корпусе в Персии, был командиром Терского казачьего отряда. В начале 1918 года сформировал в Персии небольшой отряд (около тысячи человек), состоявший на службе у англичан. Видимо, к нему и предполагалось направить Гумилева. Любопытна судьба этого отряда, которую мог разделить поэт. В июле 1918 года отряд через порт Энзели морем прибыл в Баку и вошел в состав войск, оборонявших город (где в это время правила Бакинская коммуна) от турецко-азербайджанских войск. Участвовал в свержении в Баку власти Бакинской коммуны (31 июля 1918 г.) и установлении власти т. н. Диктатуры Центрокаспия. После этого Бичерахов был назначен командующим войсками. Вскоре, в начале августа, в Баку прибыл небольшой английский отряд. Турецко-азербайджанские войска продолжали наступать на Баку и заняли его. Бичерахов со своим отрядом отступил в Дагестан. В январе1919 года отряд Бичерахова был переведен в Батум, где в апреле 1919 года он был расформирован. Личный состав и имущество отряда были переданы на пополнение Белой армии. Жил в эмиграции в Великобритании, а с 1928 года в Германии. Похоронен в Дорнштадте под Ульмом.

1921 РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 1 об. и Л. 4; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 9.

1922 Там же. Оп. 1. Д. 351.

1923 Гумилев–Струве-1. C.L-LI. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 5. Рапорт написан от руки самим Гумилевым. Впервые факсимильно воспроизведен: Наше наследие-101. С. 127.

1924 ПСС-3, № 109. Первая публикация, с «цензурной» купюрой: *Парчевский К.* Гумилев в Париже. Неизданные стихотворения // Звено. Париж, 1924. № 49. 7 января.

1925 РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 47. Л. 127–138.

1926 Там же. Д. 77. Л. 3.

1927 Там же. Д. 47. Л. 147.

1928 Там же. Оп. 2. Д. 33. Л. 4.

1929 РГВИА. Ф. 15236. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

1930 Там же. Л. 4.

1931 РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 152.

1932 Там же. Л. 158, 172.

1933 РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 20.

1934 Там же. Оп. 3. Д. 43. Л. 66–71. Упоминаемые в «Расчете» приложения: Аттестаты № 440, 441 и 442 и расчет на содержание Прапорщику Гумилеву — отсутствуют.

1935 РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 47. Л. 139.

1936 РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 7; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 25.

1937 Там же. Л. 8; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 10 об.

1938 Там же. Оп. 2. Д. 34. Л. 39.

1939 РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 78. Л. 2; Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 18. Два идентичных машинописных документа на французском языке, на бланках Русского представительства при французской армии, подписанных полковником Бобриковым.

1940 РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 16; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 78. Л. 3. Два идентичных машинописных документа на русском языке, на бланках Представителя Временного правительства при Французских армиях, подписанных полковником Бобриковым.

1941 РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 10; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 26, на обороте. Л. 26 об.—ходатайство за Перникова.

1942 Гумилев–Струве-1. C.L. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 2.

1943 РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 78. Л. 4.

1944 РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 15–15 об.

1945 РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 26 об.

1946 РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 17.

1947 Гумилев–Струве-1. C.LI-LII. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 8.

1948 РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 43. Л. 76.

1949 Там же. Д. 53. Л. 6.

[1950] Гумилев–Струве-1. С.LII. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol.6.
[1951] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 23.
[1952] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 9.
[1953] Там же. Оп. 1. Д. 20.
[1954] Там же. Оп. 3. Д. 43. Л. 127.
[1955] То есть Булонь-сюр-Мер (Boulogne-sur-Mer) — город на севере Франции в департаменте Па-де-Кале, расположенный на кратчайшем расстоянии от Англии.
[1956] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 13. Документ дан в переводе, оригинал на французском языке.
[1957] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 13; Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 5.
[1958] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 27 об.; Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 6.
[1959] Документ дан в переводе, оригинал на французском языке. Сохранилось два идентичных удостоверения. Одно из них, видимо, дубликат, оставленный в канцелярии Военного Агента в Париже, хранится в РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 14. Командировочное удостоверение, выданное ему на руки, Гумилев оставил в Лондоне, и оно опубликовано Глебом Струве в: Гумилев–Струве-1. С.LIII. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 7. Именно на этом удостоверении проставлен штемпель с датой его отплытия из Булони.
[1960] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 1 об. и Л. 4; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 9.
[1961] ПСС-8, № 158. С. 201.
[1962] Труды и дни. С. 501, 506, 514.
[1963] Колбасьев Сергей Адамович (3.5.1899, Одесса–30.10.1937, расстрелян) — русский и советский моряк, прозаик-маринист, поэт, радиолюбитель, энтузиаст джаза. Один из героев стихотворения Гумилева «Мои читатели». Подробнее о Колбасьеве и его знакомстве с Гумилевым см.: Москва Гумилева-2012. С. 106–109.
[1964] ГАРФ. Ф. Р-5508. Оп. 5. Д. 498. Л. 205–206; Ф. А-406. Оп. 24. Ед. хр. 825. Л. 1–44. Как следует из этих документов, помимо Франции и Парижа Российский бывал в Швейцарии, Бельгии, Германии, Австро-Венгрии (ГАРФ. Ф. Р-5221. Оп. 45. Д. 161. Л. 1). Как сказано в этом трудовом списке за 1928 год, Российский Александр Михайлович, еврей, сын врача, интеллигент, образование высшее, член ВКП, работник просвещения, имеет 3 детей. На вложенной в этот документ бумажке сказано, что он 11 мая 1931 года был отчислен из аспирантуры. Возможно, именно тогда он и был выслан из Москвы и обосновался на Урале, избежав тем самым репрессий 1930-х годов.
[1965] Составленные А.М. Росским анкеты противоречивы, содержат много «темных пятен» и умолчаний, и по ним трудно судить о его подлинной биографии. Видимо, ему было что скрывать. Возможно, в Париже он учился в Высшей школе социальных, политических и юридических наук. Из трех упомянутых в анкетах детей, только в одной, от 23.05.1923 года, он называет двоих, родившихся в Париже и привезенных им в Россию: сына Юрия, 16 лет, учится и проживает в Школе коммунистического воспитания рабочей молодежи, и дочь Анну, 11 лет, учится в школе Луначарской, проживает с матерью. Имени жены, видимо бывшей, Росский ни разу не называет.
[1966] Сведения о А.М. Росском предоставлены автору А.Л. Соболевым и А.Ю. Галушкиным, за что приношу им искреннюю благодарность.
[1967] Розанов Иван Никанорович (1874–1959), литературовед. Вел подробные дневники, важный хронологический источник по событиям литературной жизни Москвы 1910–1920-х годов, хранящиеся ныне в ОР РГБ (Ф. 653).
[1968] Федоров Василий Павлович (1883–1942), физик, поэт, переводчик, член СОПО и кружка «Литературный особняк», погиб в лагерях.
[1969] ОР РГБ. Ф. 653. К.4. Ед. хр. 6. Л. 3.
[1970] Мочалова-2004. С. 41.
[1971] *Шкурко Э.А.* Очерки истории евреев Башкортостана. 1990. С. 111. В этой же книге (С. 109) сказано, что Росский «преподавал скрипку в 1-й музыкальной школе» и что в 1949 году в Стерлитамаке, в последнем классе, у него училась Р.М. Горбачева. Так что умер он после 1949 года, но установить точную дату пока не удалось.
[1972] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 46. Выскажу осторожное предположение, почему от Ермолова сразу же пришел отказ на Пфеля и Перникова. Возможно, это было связано с их национальной принадлежностью. Про Перникова известно, что он впоследствии стал членом Федерации еврейских обществ во Франции. Антисемитские настроения как в русской армии, так и у союзников в Первую мировую войну, судя по просмотренным документам, проявлялись достаточно часто.
[1973] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 47–48.

[1974] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 25.
[1975] Имеется его рапорт — РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 19; капитан лейб-гвардии Стрелкового полка. Ниже будет рассказано о приятельницах Гумилева, с которыми он познакомился в последние месяцы пребывания в Лондоне. Одна из них носила фамилию — Евреинова. Не является ли она родственницей этого капитана?
[1976] Имеется его рапорт — РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 20. Поручик Аничков Евгений Васильевич, согласно его рапорту, служил в 13-м Уланском Владимирском полку. Это упоминавшийся в письме Ахматовой Е.В. Аничков. Он, как и Гумилев, пытался добраться до Персидского фронта, но тоже не доехал до Персии и вскоре из Лондона вернулся в Париж. Из его послужного списка (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. ПС79–094. Л. 1–2) следует, что Евгений Васильевич Аничков, обер-офицер для поручений отдела Генерал-Квартирмейстера Штаба IX Армии, был призван из ополчения на действительную службу и назначен обер-офицером военно-цензурного отделения 30 октября 1914 года. 20 января 1915 года он был откомандирован для службы в 13-й Уланский Владимирский полк. Позднее, в 1917 году, он был откомандирован во Францию, где и остался. Был одним из основателей Союза русских писателей и журналистов в Париже. Позже переехал в Белград, где и умер.
[1977] Имеется его рапорт — РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 22; поручик 17-го Драгунского Нижегородского полка, прикомандированный ко 2-й Особой пехотной дивизии.
[1978] Имеется его рапорт — РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 22. Ротмистр Аничков Вячеслав Юрьевич служил в Татарском конном полку.
[1979] Возможно, Попов Александр Сергеевич (1891–1953) — офицер, экономист, коммерсант, антиквар. Окончил Николаевское кавалерийское училище, участвовал в Первой мировой войне на Французском фронте. После войны обосновался в Париже. Имел антикварный магазин русской старины в Ницце, знаток русского фарфора. Участвовал в Обществе любителей русской военной старины (Российское зарубежье-2. С. 502). То есть и он, как все остальные из этого списка, не попал в Персию.
[1980] Только против фамилии Гумилева в списке имеется такая запись.
[1981] Возможно, это упоминавшийся ранее писатель и балетный критик Светлов, друг С. Дягилева.
[1982] Последняя фамилия вписана от руки.
[1983] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 43.
[1984] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 43. Л. 125.
[1985] Клягин Александр Павлович (24.08.1884, Орловская губ.—1.03.1952, Париж). Инженер-технолог, предприниматель, благотворитель, масон. Сыграл огромную роль в поддержке русского контингента после закрытия военных учреждений во Франции. Окончил С.-Петербургский технологический институт и Высшую техническую школу в Бельгии. Участвовал в строительстве Архангельской и Амурской железных дорог. В 1916 году был послан во Францию как представитель МПС для закупок материалов. В начале 1918 года выделил 1,5 миллиона франков М. Занкевичу на трехмесячное содержание военнослужащих, как следует из приказа, одним из которых был Гумилев. Во время Гражданской войны выполнял поручения генерала П.Н. Врангеля. С 1924 года жил в Париже. Работал как инженер и техник-изобретатель в области автомобилестроения. Стал миллионером. Принял французское подданство. Член Главного правления Союза бывших служащих российского ведомства путей сообщения. С 1929 году владел отелем «Наполеон» в Париже, где останавливались разные знаменитости. В 1936 году дал средства на строительство церкви Александра Невского в тунисском порту Бизерта, куда в 1920 году пришли 35 русских военных кораблей, команды которых отказались служить большевикам. Во время Второй мировой войны жил в Грассе по соседству с семьей И.А. Бунина, помогал писателю материально. Два своих имения около Грасса предоставил французскому Сопротивлению. Несколько раз был арестован, содержался в лагерях Дранси и Компьень. После войны стал владельцем нескольких фабрик, в том числе и по производству духов. Выплачивал стипендии 50 студентам. Предоставлял свои загородные владения для нужд детских колоний. Издал в Париже книги: «Страна возможностей необычайных» (1947, с предисловием И.А. Бунина), «Клад Мамая: Каспийская быль» (1948) (Российское зарубежье-1. С. 697; Незабытые могилы-3. С. 320).
[1986] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 20.
[1987] Гумилев–Струве-1. С.LIV. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 3.
[1988] ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп. 1. Д. 8. Л. 78, 103.

[1989] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 14; Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 2 и л.9.
[1990] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 14 об.; Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 11.
[1991] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 72. Л. 28 об.; Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 12.
[1992] Гумилев–Струве-1. C.LIII-LIV. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol.8.
[1993] Шведское генеральное консульство, куда чуть позже, безусловно, обращался Гумилев, размещалось по адресу: Лондон, Финсбери-пейвмент, д.63 (London, 63, Finsbury Pavement E.C. 2). (ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 24).
[1994] ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 94.
[1995] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 20.
[1996] Там же. Как было сказано выше, газета тогда устояла, просуществовала она до апреля 1920 года, вышло всего 465 номеров.
[1997] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 44. Л. 9.
[1998] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 78. Л. 13–14; Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 26–26 об.
[1999] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 42.
[2000] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 85.
[2001] Там же. Д. 20; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 85. Л. 55.
[2002] Там же. Д. 88.
[2003] Там же. Оп. 3. Д. 38. Л. 2.
[2004] Там же. Оп. 1. Д. 70.
[2005] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 1. Д. 351. Л. 192.
[2006] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 2. Д. 33. Л. 35–37.
[2007] РГВИА. Ф. 15236. Оп. 1. Д. 5. Л. 396.
[2008] Там же. Д. 4. Л. 286–301 и 479–494.
[2009] Там же. Д. 5. Л. 457.
[2010] Воспоминания Ирины Куниной, в замужестве Александер (1900–2003), озаглавленные «Моя гумилевская весна», были опубликованы в журнале: Литературное обозрение. 1991. № 9. С. 97–101.
[2011] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.
[2012] Там же. Д. 63. Л. 69; Ф. 15234. Оп. 1. Д. 52. Л. 51–54.
[2013] Там же. Д. 52. Л. 56–59.
[2014] Там же. Л. 64.
[2015] Барон Врангель Николай Александрович, согласно Послужному списку (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. ПС241–351. Л. 185–196), родился 15 августа 1869 года. Происходит из потомственных дворян Петроградской губернии. Воспитывался и окончил курс с чином X класса в Императорском Александровском лицее и выдержал экзамен на офицера Гвардии. На службу поступил в лейб-гвардии Конный полк на правах вольноопределяющегося 29 июля 1890 года. Корнет с 15 августа 1891 года. 15 декабря 1898 года назначен ординарцем и Начальником штаба войск гвардии и Петроградского военного округа. Полковник с 22 апреля 1907 года. Адъютант Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича с 26 января 1911 года. Верен был ему до конца. Участвовал в войне с Австрией в 1914–1916 годах. Первый его брак с фрейлиной Ее Императорского Величества девицей Марией Владимировной Скарятиной был расторгнут 19 июля 1908 года с дозволением вступить во второй брак. Имеет пять детей от первого брака. Имеет недвижимое имущество в Черноморской губернии Туапсинского округа. Бывал за границей: при принце Людвиге Баварском (1896), в Дрездене (1898), при шахе персидском (1898, 1900), с Михаилом Александровичем в Норвегии (1906), сопровождал Михаила Александровича в заграничном путешествии в 1910 году. В 1917 году был направлен в Англию, где служил при Военном Агенте Н.С. Ермолове. После окончания войны эмигрировал в Италию. Покончил жизнь самоубийством в Риме 7 марта 1927 года.
[2016] Всеобщее внимание Михаил Александрович впервые привлек к себе тайным вступлением против воли Николая II и императорской фамилии в морганатический брак с дважды разведенной дочерью московского адвоката Наталией Сергеевной Шереметьевской (1880–1952). Н.А. Врангель остался верным своему высокому покровителю.
[2017] См. «Неакадемические комментарии-2» в журнале Toronto Slavic Quarterly, № 18. Можно прослушать и посмотреть доклад автора об этом путешествии на сайте Русского географического общества (РГО): http://lektorium.rgo.ru/2013/05/afrika-n-s-gumilyova-15–05–13/
[2018] Тименчик-1990. С. 309.
[2019] ОР ГТГ. Ф. 180. № 6125. Открытка воспроизведена: Наше наследие-101. С. 117.
[2020] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 25. К списку прилагаются рапорты офицеров; в частности, рапорт поручика 13-го Уланского Владимирского полка Аничкова: Ф. 15304. Оп. 3. Д. 87. Л. 20. Рапорт самого Гумилева остался в Англии и был впервые опубликован Струве в Гумилев–Струве-1. Вашингтон, 1962. C.L-LI; оригинал: HIA-GSP. Box151. Fol.5. Факсимильно воспроизведен: Наше наследие-101. С. 127.
[2021] ГРВА. Ф. 1К. Оп. 1. Д. 3848. Л. 4. Телеграмма Н.Н. Бобрикова Е.В. Аничкову от 17 февраля 1918 года в Париж из Сент-Морица, Швейцария, с предложением перебраться в Берн. Видимо, в начале 1918 года многие офицеры Экспедиционного корпуса начали покидать Париж. На некоторое время тогда Е.В. Аничков перебрался в Швейцарию.
[2022] HIA-GSP. Box 152. Fol. 5; листок был прислан Струве вдовой художника А.К. Ларионовой-Томилиной. Изображенный на рисунке Гумилева персонаж вполне соответствует по возрасту Аничкову (который был на 20 лет старше Гумилева), а завитые вверх усы можно видеть, например, на его фотографии в энциклопедии «Русские писатели» (М., 1989. Т. 1. С. 77), где ошибочно указано, что он был откомандирован на Салоникский фронт. Этот рисунок Гумилева впервые воспроизведен: Наше наследие-101. С. 118.
[2023] HIA-GSP. Box 151. Fol. 14–15. В архиве Ларионова в ГТГ, уже после его разборки, неожиданно обнаружился автограф Гумилева (ОР ГТГ. Ф. 180. № 10666) с составленным в Париже планом пьесы, еще без названия. Над планом — четыре зачеркнутые строки из монолога Имра в первой сцене пьесы, вошедшие в окончательный текст в слегка переработанном виде. Документ этот интересен тем, что он является самым ранним автографом, относящимся к работе над пьесой «Отравленная туника». Все остальные автографы Гумилев захватил с собой в Лондон, где продолжил работу над трагедией. Часть автографов он потом оставил Анрепу, а наиболее законченные фрагменты и варианты увез в Россию. Парижский автограф впервые воспроизведен: Наше наследие-101. С. 119.
[2024] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 43. Л. 66–71.
[2025] Анреп-1970. С. 412. Оригиналы писем Б. Анрепа хранятся в HIA-GSP. Box 73. Fol. 12–15 и даются здесь по автографам. Воспоминаниям о Гумилеве посвящено письмо от 15.11.1968 (Box 73. Fol. 14).
[2026] ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 54.
[2027] Гермониус Эдуард Карлович (1864–1938) — генерал-лейтенант, инженер. Во время войны был направлен для закупки артиллерийского снаряжения в Японию, затем в Англию. Председатель Русского Правительственного комитета в Лондоне (1916–1918), затем председатель Совещания доверенных хранителей комитета. Занимался снабжением Добровольческой армии боевыми припасами. По окончании войны обосновался в Чехословакии. Последние годы жил в Ливане (Российское зарубежье-1. С. 360).
[2028] ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 40, 41, 104.
[2029] Там же. Л. 78.
[2030] Там же. Л. 84.
[2031] Там же. Л. 81.
[2032] HIA-GSP. Box 73. Fol. 14.
[2033] ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп. 1. Д. 8. Л. 114.
[2034] Фарджен-2003. С. 136. О переданном в 1918 году Гумилеву для Ахматовой шелковом отрезе вспоминал и Б. Анреп (Анреп-1970. С. 411).
[2035] ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 108. Бюллетень № 11 от 5 марта 1918 года.
[2036] Гумилев–Струве-1. C.LV, оригинал: HIA-GSP, Box 151. Fol. 9.
[2037] Парижский адрес Льдова был расположен в «гумилевском районе» — между Трокадеро, сквером у метро Passy и улицей Декам.
[2038] В ОР ГТГ. Ф. 180. № 7087 сохранилось письмо Льдова к М. Ларионову от 17 января, поясняющее ситуацию с Рембрандтом: «Многоуважаемый Михаил Федорович, в дополнение к нашей беседе, сообщаю Вам, что за портрет Рембрандта я получу 33 000 франков, если Вы продадите его всего за 35 тысяч; в противном случае, т.е. если Вы продадите дороже, то я получу, как мы первоначально условились, 35 000». Наличие этого письма заставляет предположить, что Ларионов вновь выступил советчиком Гумилева по вопросам собирательства и познакомил его с Льдовым и его коллекцией.
[2039] Возможно, в публикации письма ошибка, не А.Н., а А.М. В конце 90-х годов Льдов познакомился с дочерью известного скульптора и художника М.О. Микешина Анной Михайловной, по мужу Баумгартен. Новая привязанность оказалась в жизни Льдова сильной и продолжительной. Он посвящал Анне Михайловне стихи и книги, завещал ей право собственности на все свои труды и сочинения, утверждал, что «еще не было на свете женщины, способной так улавливать мельчайшие оттенки и изгибы художественного слова и философской мысли».

[2040] ПСС-8, письма Гумилеву. № 49; оригинал: HIA-GSP. Box 87. Fol.3. Впервые письмо и приложенные к нему стихи Льдова опубликованы Глебом Струве: Неизданные материалы для биографии Гумилева и истории литературных течений // Опыты. № 1. Нью-Йорк, 1953. С. 181–190. Подробно о Константине Льдове (настоящее имя и фамилия — Витольд-Константин Николаевич Розенблюм, 1862–1937) см.: Русские писатели. М., 1994. Т. 3. С. 432–433; Российское зарубежье-2. С. 99. Первые публикации Льдова приходятся на конец 1870-х годов, то есть еще задолго до рождения Гумилева. В 1914 году Льдов переехал в Париж. Как замечал Струве в своих комментариях, «из его письма можно заключить, что и со стихами Гумилева он познакомился лишь в Париже, после личного знакомства с ним. ‹…› Из письма явствует, что в Париже Льдов имел обстановку и даже ценные картины, которые собирался продавать с аукциона». Возможно, именно с этим его увлечением было связано их знакомство. С письмом Льдов прислал несколько своих стихотворений. Как писал Струве, «эти свеженаписанные стихотворения он посылал на суд Гумилеву. Как и вся поэзия Льдова, они большой поэтической ценности не имеют, но любопытны как свидетельство того, что этот совсем не молодой (Льдову тогда было 55 лет) и в сущности далекий от всякого “модернизма” поэт подпал — очевидно, в результате личного общения — под влияние самого Гумилева. Влияние это особо чувствуется в стихотворениях “Кабилы” и “Поэма”, отчасти в “Державине”. В “Поэме” в типично-банальную “нивскую” поэзию врываются гумилевские нотки. В “Кабилах” чувствуется гумилевская фактура, не говоря уже о самой теме ‹…›». Подробнее об отношениях Гумилева и Льдова см.: Ustinov-1993. P. 301, 310.

[2041] HIA-GSP. Box 87. Fol.3. Экспромт впервые воспроизведен в работе: Ustinov-1993. P. 310.

[2042] Гумилев–Струве-1. С. LV–LVI. Оригинал: HIA-GSP. Box 151. Fol. 10.

[2043] Привал комедиантов-1988. С. 143. Новые ведомости. Вечерняя газета. 1918. № 7. 25 января.

[2044] Привал комедиантов-1988. С. 149–151.

[2045] Аннабел Фарджен (Annabel Farjeon, 19.3.1919–8.2.2004) — жена сына Бориса Анрепа Игоря. В своей книге она ссылается на множество редких документов, хранившихся в семье.

[2046] Фарджен-2003. С. 120–121.

[2047] Губский Николай Михайлович (8.02.1888, С.-Петербург–1971, США) в сентябре 1900 года был зачислен в Императорский Александровский лицей, в 1908 году закончил последний, IX класс лицея с серебряной медалью. Его имя вписано в книгу: Памятная книжка лицеистов. Издание Собрания Курсовых Представителей Императорского Александровского Лицея. 1811, 19 октября 1911. СПб., 1911. Там сказано, что в 1911 году он был титулярным советником, чиновником особых поручений VII класса в Главном управлении землеустройства и земледелия (С. 180). В 1929 году во Франции вышла книга: Памятная книжка лицеистов за рубежом. Изд. Объединения бывших Воспитанников Императорского Александровского Лицея во Франции. Париж, 1929. Там, на с. 92, сказано, что он «служил в Министерстве Земледелия и в Канцелярии Особой Комиссии по заграничным покупкам в Великую Войну (Нью-кастль, Англия) (курс LXIL)». Год рождения и приблизительная дата смерти Губского сообщены его дальними родственниками. Ими же предоставлена фотография Н. Губского, за что автор им очень признателен.

[2048] *Gubsky Nikolai.* Foreign Bodies. London: Elkin Mathews and Marrot. 1932. *Gubsky Nikolai.* Angry Dust: An Autobiography. London: William Heine mann, 1937. Часть сведений о Губском почерпнута из работ, в которых имя его было впервые упомянуто: Казнина-1997. С. 252–254; Давидсон-2008. С. 203–206. Однако ими была использована только книга «Angry Dust».

[2049] Казнина-1997. С. 253. Там же О. Казнина пишет: «Н. Губский — писатель, не сравнимый с Набоковым по величине, но сравнимый по типу: тоже русский эмигрант, ставший “английским писателем”. Н. Губский, петербуржец, выучил английский язык в Лицее». Из мемуарной книги «Angry Dust» следует, что после лицея, в 1909 году, Губский пошел добровольцем во флот, два года прослужил на Черном море, в Севастополе. Служба на устаревшем броненосце его не вдохновила, и военную карьеру он продолжать не захотел. В 1911 году Губский демобилизовался, вернулся в Петербург и поступил на службу в Министерство земледелия. Отмечу несколько пересечений его биографии с биографией Н. Гумилева. Незадолго до войны он совершил путешествие в Египет, повторив морской путь Гумилева 1908 года: Одесса, Константинополь, Пирей, Каир, пирамиды. Как и у Гумилева, его устремление в Египет было связано с неудачами на личном поприще. Когда началась война, он решил поступить в Артиллерийскую академию, однако не прошел медицинской комиссии, у него нашли, как и у Гумилева, астигматизм. Но, в отличие от Гумилева, он не стал настаивать и в армию не пошел, продолжая работать в Министерстве земледелия, занимаясь вопросами снабжения армии фуражом и зерном. Однажды даже, от департамента Красного Креста, попал на фронт. В 1916 году он женился на Надежде Васильевне Азанчевской, представительнице знатного рода, в семье которой царили сложные взаимоотношения. Достаточно сказать, что ее мать, Ю.П. Азанчевская (урожденная Вакар — родственница сестры матери А.А. Ахматовой, А.Э. Вакар), была многие годы дружна с Г.Е. Распутиным, который часто бывал в их доме, хорошо знал всех трех дочерей. Сохранились воспоминания о нем Надежды Губской. Чтобы оградить жену от тяжелой для нее домашней атмосферы, Н. Губский добился, через влиятельного родственника, чтобы его командировали в Русский правительственный комитет в Лондоне, и осенью 1916 года оказался с женой в Англии, с твердым намерением больше в Россию не возвращаться, что им и было осуществлено. По рассказам О. Казниной, познакомившейся в Англии с его сыном и дочерью, после смерти жены в 1963 году Н. Губский отправился в Америку, там он вел образ жизни, близкий к природному, поселился в местах проживания индейцев. Умер он в 1971 году, точной даты и места смерти не знают даже его дети, родившиеся и выросшие в Англии.

[2050] Н. Губский (в соавторстве с Н.И.Л.) дебютировал басней «Аристократ и луна»: Лицейский журнал. 1904–1905 учебный год. № 2. С. 30. Однако в других найденных и просмотренных номерах журнала за последующие годы учебы в лицее его публикации не обнаружены.

[2051] Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 год / Сост. Н.М. Губский. Г.У.З. и З. Департамент землеустройства. Пг., 1915. 298 с.

[2052] *Губский Н.* О войне еще не думали… (БЫЛЬ). Пг., Тип. Акц. о-ва типограф. дела. 1916. 148 с.

[2053] ОР РГБ. Ф. 249 (В.В. Розанов). К.М4212. Ед. хр. 18. Л. 1. На письме пометка В. Розанова: «Не читал и не отвечал (изнеможение)».

[2054] Редакционная сноска на титульном листе книги представляет его как автора книг «The Gladiator» («Гладиатор», 1930) и «The Greatest of These» («Величайшие из этих», 1931).

[2055] Давидсон-2008. С. 204. Казнина-1997. С. 253–254. В оригинале: *Gubsky N.* Angry Dust: An Autobiography. London: New Jork. Oxford University Press. 1937. P. 262–263. Автор в этом романе, в отличие от более раннего «Foreign Bodies», надсмехается над рассказами Гумилева, хотя стоило ли, чтобы самому завершить свой жизненный путь где-то в индейском вигваме?

[2056] В примечаниях Прил. 5 указаны некоторые возможные прототипы, в том числе и раскрыт псевдоним самого автора романа «Foreign Bodies».

[2057] Саблин Евгений Васильевич (1875–1949, Лондон) — дипломат, публицист. С 1915 года первый секретарь Российского посольства в Лондоне, затем его управляющий. С 1919 по 1924 год исполнял обязанности посла, как представителя бывшего Временного правительства. Основал на свои средства Русский дом — центр эмигрантской культуры и общественной жизни. Лондонский корреспондент многочисленных парижских русских газет (Российское зарубежье-3. С. 16). Предполагаю, что Гумилев в 1918 году в Лондоне с ним пересекался, по крайней мере, когда готовился к возвращению и оформлял документы.

[2058] *Саблин Е.В.* Письмо от 29 августа 1946 г. // Leeds Russian Archive (Казнина-1997. С. 254).

[2059] Гильдебрандт Николай Федорович (сценический псевдоним Арбенин, 1853–1906) — артист Малого и Александринского театров, театральный критик, переводчик, отец О.Н. Гильдебрандт-Арбениной.

[2060] Арбенина-2007. С. 119–120.

[2061] Фарджен-2003. С. 127.

[2062] *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921. Константин Дмитриевич Набоков (1872–1927) — статский советник, камер-юнкер с 1901 года. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Государственную службу начал в Министерстве юстиции в 1894 году. В 1912–1915 годах генеральный консул России в Калькутте, в 1916-м направлен советником посольства в Великобритании. С конца 1916 года после смерти А.К. Бенкендорфа и до назначения нового посла С.Д. Сазонова формально исполнял обязанности поверенного в делах. С мая 1917 года

временно управлял посольством, оставаясь в должности советника с присвоением ему лично звания чрезвычайного посланника и полномочного министра (Указ от 14 мая 1917 г.: ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 7). Уволен от должности приказом Народного комиссариата иностранных дел от 26.11.1917, согласно которому дипломатические представители, отказавшиеся от сотрудничества с советской властью, были освобождены от своих обязанностей. Однако некоторое время продолжал оставаться на своем посту, так как посольство продолжало функционировать. После отставки часто бывал в Норвегии. Читал лекции по русской литературе в различных учебных заведениях, занимался переводами. Умер в Лондоне. См. о нем: Российское зарубежье-2. С. 240. Подробно о его службе в Англии: Казнина-1997. С. 20–26.

2063 Чуковский–Дневники-3. С. 459.

2064 «Ваш читатель Константин Дмитриевич Набоков»: Из писем К.Д. Набокова К.И. Чуковскому. 1909–1910 // Чтение в дореволюционной России. М., 1995. С. 136–152.

2065 *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. С. 24–25.

2066 ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп. 1. Д. 8. Л. 83, 88–90, 92–95.

2067 Анреп-1970. С. 411.

2068 Гумилев–Струве-4. С. 581. Оригинал стихотворения: HIA-GSP. Box 88. Fol.12.

2069 Эта оперетта упоминается и в романе Н. Губского: *Gubsky Nikolai.* Foreign Bodies. London. 1932. P. 187.

2070 ПСС-6. Дополнения к предыдущим томам. С. 539.

2071 Одоевцева-1988. С. 117. Как вспоминала И. Одоевцева, «Гумилев иногда из “экономии” даже посвящал свои мадригалы различным лицам. Всем, например, известно — об этом уже не раз говорилось в печати, — что “Приглашение в путешествие” посвящалось многим, с измененной строфой, смотря по цвету волос воспеваемой: “Порхать над царственною вашей // Тиарой золотых волос…”, то: “Порхать над темно-русой вашей // Прелестной шапочкой волос…” — были и “роскошные”, и “волнистые” шапки волос, и “атласно-гладкие” шапочки волос. Сам Гумилев в минуты откровенности рассказывал мне, сколько раз это “приглашение” ему “служило”, как и второе его “ударное” стихотворение “С тобой мы связаны одною цепью”. В моем альбоме их, конечно, не было, но в нем рукой Гумилева были записаны почти все его лирические стихи, сочиненные им в это время, вплоть до “Моим читателям“» (Одоевцева-1988. С. 267). Еще один вариант «Приглашения в путешествие» сохранился в письме О. Арбениной от 15 марта 1920 года, ПСС-8, № 178.

2072 Журнал «Возрождение». Париж. 1960. № 101. Май. С. 42–43.

2073 Газета «Русская мысль». Париж. 1960. № 1547. 5 июля. С. 6.

2074 Там же. № 1555. 23 июля. С. 6–7.

2075 Газета «Возрождение». Париж. 1930. № 1916. 31 августа. Воскресенье. С. 2. В газете стихотворение опубликовано без посвящения, без названия (как и в журнале в 1960 г.), но с проставленной датой — «Март 1918 г.». Мелкие различия в этих двух публикациях связаны лишь с ошибками при переписывании и наборе, устранить которые будет возможно только в том случае, если обнаружится оригинал автографа. Сейчас это представляется вполне вероятным.

2076 Напомню, что к этому роду принадлежал и генерал Павел Карлович Ренненкампф, который командовал I Армией в начале войны, и именно в составе этой армии Гумилев получил свое боевое крещение в Восточной Пруссии в октябре 1914 года. Так что ее фамилия была не безразлична поэту. Гумилев мог с нею поделиться воспоминаниями о своей службе в Уланском полку под началом командующего I Армией генерала Ренненкампфа, а она могла рассказать поэту об увлечениях своего родственника восточным искусством, предметами которого Гумилев интересовался во Франции и Англии. Коллекция китайского искусства, собранная Ренненкампфом во время подавления Боксерского восстания в Китае в 1900–1901 годах, выставлена в краеведческом музее Таганрога, места, где его расстреляли 1 апреля 1918 года и где он похоронен.

2077 Российское зарубежье-1. С. 174.

2078 Ее отец Николай Николаевич Ренненкампф (22.02.1869, Херсон – 1936, Нейи-сюр-Сен, под Парижем) был надворным советником, помещиком в Херсонской губернии, владел имением Николаевка в Подолье. Служил ревизором Военно-морского ведомства в Херсоне. Земский деятель, в частности работал по внедрению столыпинских земельных реформ в губернии. В 1916 году был командирован в Лондон в Русский правительственный комитет генерала Э.К. Гермониуса заведующим приемами английских военных поставок России. Его имя постоянно упоминается в протоколах заседаний руководства Русского правительственного комитета: ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 17. После революции отказался возвращаться в Россию, был прикомандирован к Русскому консульству в Париже. Служил в консульстве до признания Францией Советской России. Его жена (предположительно, с 1897) — Пискорская Мария Лукиановна (1877–1958). Софья — старшая дочь, у нее была сестра Анна (?–1940, Париж) (Российское зарубежье-2. С. 605).

2079 ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 36. Л. 44. Документ на английском языке, дан в переводе. Приказ о ее увольнении попал в предпоследний протокол № 16 Русского правительственного комитета от 17 апреля 1918 года: ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 122. В протоколе сказано, что г-жа Ренненкампф отчисляется с 1 мая из канцелярии председателя Комитета.

2080 ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп. 1. Д. 1. Л. 118–119, 142.

2081 Там же. Л. 119.

2082 Вторым браком с 1942 года она была замужем за Боане Михаилом Сергеевичем (1889–1962), носила двойную фамилию Боане-Ренненкампф. Детей от этого брака не было. К.И. Ренненкампф в детском возрасте, после развода родителей, переехал с матерью из Лондона в Париж. Был сержантом французской армии, инженером, педагогом-воспитателем, общественным деятелем. Он взял девичью фамилию матери. Женат на Александре Павловне, урожденной Нефедовой (дочь казачьего офицера Павла Ивановича Нефедова и Татьяны Николаевны, урожденной Арнолд). С 1942 года член Национальной организации витязей (НОВ). К.И. Ренненкампф, вместе с женой, вел организационную работу по открытию в Версале (под Парижем) в 1968 году русской школы для детей от 5 до 12 лет. Член-учредитель Союза потомков галлиполийцев. Хранитель семейного архива, историк НОВ, занимался изучением своей родословной, как он писал, «мне удалось восстановить последовательность 14 поколений моих предков с XVI века (я принадлежу к 13-му), а мои дети: Варвара, Елена Кулон, Марина Деларова и Александр, женатый на Наталии Сидоренко, — 14-е; и внуки — пока только дети у Елены Кулон — Александра, София и Алексей» (Российское зарубежье-2. С. 605). Возможно, жива еще его жена Александра Павловна Ренненкампф (род. 12.05.1937), служащая, иконописец, общественный деятель. До 1997 года она служила в секретариате ЮНЕСКО в Париже. Иконописи училась у о. Игоря в Интернате Св. Георгия в Медоне. Член Общества «Икона» (Российское зарубежье-2. С. 604.). Живы в Париже и многочисленные потомки С.И. Ренненкампф, так что есть вероятность, что удастся добраться до семейного архива, обнаружить как хранящийся в семье автограф Гумилева, так и фотографии лондонской возлюбленной поэта 1918 года, возможно, и другие документы, относящиеся к жизни в Лондоне в конце 1910-х годов. К сожалению, осуществить это, несмотря на многочисленные попытки, пока не удалось…

2083 Гумилев–Струве-2. С. 325–326.

2084 Перевод Эллиса.

2085 Дубровский Павел Алексеевич был коллекционером и писал стихи. Он родился в 1895 году, и в 70 лет, в 1965 году, выпустил в Париже сборник стихов «Пересеченье параллельных», в котором есть упоминание о расстреле Гумилева, эпиграфы к своим стихам он брал у Гумилева, Ахматовой и других поэтов, хотя его кумиром всегда оставался С. Есенин, — именно о пересечении параллельных судеб, своей и Есенина, и идет речь: родились в один год и почти в один месяц, в соседних губерниях. Ничего более как о его коллекции, так и его судьбе и годе смерти выяснить не удалось; нынешнее местонахождение автографа — неизвестно. Ни в каких библиографических указателях имя его не значится.

2086 Все эти варианты см. в ПСС-3. С. 189–191, 272–275. Еще один вариант приведен в письме Ольге Арбениной от 15 марта 1920 года (ПСС-8, № 178).

2087 Бенкендорф Александр Константинович (1.8.1849–29.12.1916/11.1.1917, Лондон) — дипломат. С 1902 по 1916 год — чрезвычайный и полномочный посол России в Великобритании. Был женат на Софье Петровне Шуваловой (16.10.1837–1.06.1928), дочери с.-петербургского губернского предводителя дворянства П.П. Шувалова (1819–14.07.1900). Но, как выяснилось, дочери Софьи у А.К. Бенкендорфа никогда не было. Была единственная дочь Наталья Луиза Бенкендорф (1.06.1886–14.03.1968), которая в 1911 году вышла замуж за сэра Джаспера Николаса Ридли (6.01.1887–1.10.1951), и два сына: Константин (15.09.1880–25.09.1959) и Петр (1882–1915, погиб на войне). Гибель любимого сына сильно повлияла на состояние здоровья А.К. Бенкендорфа, и он вскоре умер.

[2088] ПСС-3. № 111, опубликован «укороченный» вариант, видимо, переработанный в России, уже без «географической карты». Полный вариант приведен в разделе «Другие редакции» (С. 271).

[2089] Стихотворение это Гумилев после возвращения в Россию ни разу не публиковал, и даже в архиве М. Лозинского, кому Гумилев отдал все привезенное из Франции и Англии, отсутствует его автограф. Единственный автограф, видимо восстановленный поэтом по памяти позже, хранится в РГАЛИ, в фонде А.Л. Волынского: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 993. Л. 2. Он наиболее отличается от газетной публикации и альбомной записи, третья строфа также отсутствует.

[2090] Петр Андреевич Бобринский (15.11.1893–24.08.1962, Нейи-сюр-Сен, под Парижем). Окончил Пажеский корпус. Учился в Петроградском политехническом институте. Офицер Гвардейской конной артиллерии, журналист, поэт, масон. Участник мировой и Гражданской войн. В 1919 году служил в отряде Особого назначения по охране лиц императорской семьи. В 1920 году эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Париж. Участник группы поэтов «Перекресток», идеологом которого был В. Ходасевич. Публиковался в «Иллюстрированной России» и «Числах». Выступал с докладами о поэзии. Автор книги «Старчик Григорий Сковорода» (Париж, 1929). Член-основатель и член Совета ряда русских масонских лож. В 1941 году был арестован и помещен в лагерь Компьень. После Второй мировой войны постоянный сотрудник журнала «Возрождение». Работал техническим директором радиогенетической лаборатории в Париже. В 1969 году в Париже вышел его посмертный сборник «Стихи», собранный друзьями (Российское зарубежье-1. С. 178).

[2091] Тименчик-1990. С. 151, 320.

[2092] Граф Абаза Александр Алексеевич (3.12.1887–18.09.1943, Бордо, Франция), из потомственных дворян, его отец Алексей Михайлович Абаза (30.04.1853–1915) в 1895 году был капитаном 1-го ранга 13-го флотского экипажа, с 1901 года — контр-адмирал. А.А. Абаза окончил гимназию Мая в Петербурге. В службе с 1905 года. Окончил Морской корпус, в 1908 году произведен в корабельные гардемарины. В 1909 году участвовал в заграничном плавании в Средиземном море и произведен по экзамену в чин мичмана. Вошел в состав Гвардейского экипажа. В 1913 году Гвардейского экипажа мичман А.А. Абаза проживал с женой в Петербурге по адресу: Почтамтская, 4. С началом Великой войны призван из запаса. С 1916 года лейтенант Абаза состоял при Российском Морском Агенте в Великобритании Свиты Е.И.В. контр-адмирала Н.А. Волкова (1870–1954). Произведен в старшие лейтенанты. Кавалер многих русских и иностранных орденов. После 1917 года в эмиграции. Участник Гражданской войны, в 1919 году был в Белых войсках на Восточном фронте. В мае 1919 года, будучи помощником Морского Агента в Лондоне, по приказу адмирала Колчака, организовал в Лондоне службу военно-морской разведки и руководил всей разветвленной нелегальной разведывательной организацией под кодовым названием «ОК», направленной против Советской России. В эмиграции во Франции с 1922 года. Жил в Бордо. Член Русской колонии Бордо и Юго-Запада Франции (1937–1939). Избирался в Русскую эмигрантскую думу в Бордо (1938–1939). См.: Российское зарубежье-1. С. 9.

[2093] *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. С. 188.

[2094] ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп. 1. Д. 8. Л. 88. Познакомились они, скорее всего, в упоминавшемся здании Русского посольства, адрес которого А.А. Абаза указал как свой служебный адрес в анкете: The Russian Embassy, дом «Чешем-хаус» («Chesham House») на площади Чешем-плейс (Chesham Place).

[2095] Смотрите и слушайте: http://vk.com/video-7392286_163488094 .

[2096] Гумилев–Струве-2, № 333, примечание на с.319; см. ПСС-3, № 84.

[2097] Подразумевается хранившийся у Лоллия Львова экземпляр рукописи пьесы «Отравленная туника», одно время затерявшийся, но полученный Г. Струве в конце 1950 года при содействии Б.К. Зайцева. Об этом подробно рассказано в следующей главе.

[2098] Неожиданное появление этого имени! Напомню, что известный историк Византии Ю.А. Кулаковский был отцом С. Кулаковского, оставившего воспоминания о дружбе в Гусарском полку Гумилева с Ю. Ромоцким (Прил. к Части 3). И не случайно стихотворение было вписано именно в эту книгу. Очевидно, что Гумилев пользовался ею при написании пьесы «Отравленная туника», над которой работал вплоть до последних дней пребывания в Лондоне. Об этом письме брата, видимо, забыл Г. Струве, когда публиковал пьесу «Отравленная туника» вначале в книге «Неизданный Гумилев-1952», а затем в 1966 году в 3-м томе сочинений. Г. Струве писал о замысле пьесы: «Если он задумал ее еще в России, весьма вероятно, что он читал труды Ф. И. Успенского и Ю.А. Кулаковского».

(Неизданный Гумилев-1952. С. 25). А ведь книга была у поэта в Лондоне, и он подарил ее Н.В. Евреиновой со вписанным для нее стихотворением.

[2099] HIA-GSP. Box 37. Fol.11. Из письма А.П. Струве к Г.П. Струве от 11 декабря 1950 года.

[2100] Незабытые могилы-6. С. 163. См.: Возрождение. Париж. 1926, 10 июня. № 373. Там сообщалось: «Надежда Васильевна Рачковская, урожденная Евреинова, скончалась 3-го сего июня в г. Анси, о чем с глубоким прискорбием извещают мать и муж. Панихида в 9-й день в пятницу 11-го сего июня состоится ровно в 2 часа дня на кладбище Lilas. (Сборный пункт у ворот кладбища)».

[2101] ПСС-3. С. 289.

[2102] ЗК Ахматовой. С. 251, 359.

[2103] ПСС-4, № 53, комментарии на с. 323–326. К этой цитате мы еще раз обратимся в конце заключительной части.

[2104] В приведенных выше отрывках из писем Глебу Струве (Ларионов-1970. С. 404 и 407) М. Ларионов подтверждает слова Струве о его описании альбома и объясняет появление на его обложке даты 1916 год: «Альбом Николая Степановича, помеченный 1916 г., был начат им в Петербурге, но только начат — все, что там переписанного и заново написанного относится к 1917 году. ‹…› Я думаю, посмотрите альбом, наверное, российского происхождения. Во всяком случае, рисунок Наталии Сергеевны сделан в Париже и в 1917 году, так как уехали мы из Москвы в июне 1915 года. Рисунки Стеллецкого сделаны, по-моему, также в Париже — потому что Ник. Степ. часто здесь с ним видался и, насколько я помню, Стеллецкий рисовал ему в альбом. ‹…› Те, что Вы послали фото, совершенно точно: это ее и мой рисунок».

[2105] Гумилев–Струве-2. С. 273–275. Все перечисленные листы из альбома воспроизведены в цвете, с оригинала, в журнале: Наше наследие-101. С. 102.

[2106] Чтобы не перегружать основной текст избытком «статистических данных», точный состав альбома Струве, с рядом уточнений относительно каждого стихотворения, а также указанные Глебом Струве сведения по структуре альбома, вынесены в Прил. 3.

[2107] Можно пролистать «оригинал» этого сборника по ссылке: http://gumilev.ru/books/pavilion.html .

[2108] Гумилев–Струве-2. С. 303–308.

[2109] В рецензии явная ошибка, следует читать — «в 1917 г.».

[2110] Насколько книга соответствует подлиннику альбома Дюбуше — сказано ниже, см.: Прил. 6.

[2111] *Мочульский Константин.* Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Водолей, 1999. С. 344–345. Помимо рецензии в книге помещена статья об этой книге «Последние стихи Гумилева» (С. 214–217).

[2112] Состав парижского альбома см. в Прил. 3.

[2113] Гумилев–Струве-2. С. 267–270; комментарии на с. 345–346. В комментариях сказано, что «они печатаются с исправлением многочисленных у Гумилева ошибок в орфографии и пунктуации, по текстам в записных книжках Гумилева в архиве Г.П. Струве».

[2114] ПСС-1, № 104. Стихотворение «Камень» посвящено матери поэта — А.И. Гумилевой, ранее оно было послано в письме Брюсову 24.1/6.2 1908 года, ПСС-8, № 33. Выполненный «обратный» перевод полностью соответствует по смыслу и по числу строф русскому стихотворению.

[2115] ПСС-3, № 13. Стихотворение впервые было опубликовано в «Русской мысли» (1914, № 7).

[2116] Центральная часть «Триптиха» Н. Гончаровой (из собрания Джона Стюарта в Лондоне), о котором было сказано выше. Воспроизведен в выпуске «Поэт на войне-7», в журнале: Наше наследие-101. С. 105.

[2117] Гумилев–Струве-2. С. 346.

[2118] Стихотворение «Персидская миниатюра» впервые было опубликовано в сборнике «Огненный столп» (ПСС-4, № 31); самый ранний его русский автограф включен в хранящийся в РГАЛИ альбом «Стихотворения. 1919» (РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 16–17).

[2119] Заметим, что стихотворение с таким названием имеется у Ф. Тютчева, написано оно в 1829 году.

[2120] *Гумилев Н.* Стихотворения. Посмертный сборник. 2-е изд., доп. Пг.: Мысль, 1923.

[2121] ПСС-8, № 158. С. 201.

[2122] Гумилев–Струве-3. С. 245–250.

[2123] Вот сведения о нем из: Российское зарубежье-1. С. 208. Михаил Михайлович Бренстедт (18.05.1890, С.-Петербург — не ранее 1967, Волгоград) — общественно-политический деятель, публицист, журналист, масон. Подданный Дании. Окончил С.-Петербургский университет. После революции эмигрировал во Францию, жил в Париже. Через три года вернулся в Советскую Россию, с 1930 снова в Париже. Сотрудничал в «Последних новостях», шведской газете «Arbetarins», датской «Politikus». Литературный псевдоним Артемьев. Участвовал в работе молодежных клубов Русского студенческого христианского движения (РСХД), выступал на семинаре Н.А. Бердяева (1931), на диспутах и собраниях редакций журналов «Утверждения» и «Завтра» и газеты «Дни». В 1932 примкнул к пореволюционному движению, участвовал в Париже в работе Объединенного клуба пореволюционных течений, клуба «Свободная идеологическая трибуна» и др. Печатался в журналах «Путь», «Утверждения». Член ложи Северное сияние (с 1931). В 1936–1937 работал корреспондентом в Испании. Во время Второй мировой войны участвовал в Сопротивлении, сотрудничал с советской разведкой. Готовил издание газеты «Русский патриот» (1943–1944). После войны один из руководителей группы советских патриотов, продолжал сотрудничать с советскими органами. Член Союза русских писателей и журналистов. В 1947 из Союза вышел. Возвратился в СССР, жил в Волгограде до 1967 года.

[2124] Как предполагает Р. Тименчик, выполненная Павлом Лукницким копия трагедии «Отравленная туника» попала в руки ГПУ после его ареста и трехдневного заключения в конце июня 1929 года (Лукницкий-3. С. 342–343). Это пресекло его деятельность по собиранию наследия Гумилева и прервало общение с Анной Ахматовой. «Отравленная туника» «была использована как часть “легенды” разведчика. Она была доставлена в Париж из СССР вторично отправившимся в эмиграцию в 1930 году масоном и советским агентом М.М. Артемьевым-Бренстедом».—Из публикации: *Тименчик Роман.* К истории культа Гумилева-I // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 298–351. О том, что какое-то время рукопись, а затем снятая с нее копия пьесы хранились у П. Лукницкого, говорит запись в его дневнике 1928 года: «28 февраля. Позавчера — неприятность — открытка от А.Н. Гумилевой с просьбой принести ей рукопись “Отравленной Туники”. Вчера был у нее. — “Тунику” на верное исчезновение, на пропажу, принес ей. Она все так же ужасна — кукла с коротким заводом. И труслива и идиотична» (Лукницкий-3. С. 357).

[2125] Примечание Г. Струве: «Фраза в скобках на присланном мне экземпляре зачеркнута. Над нею карандашом рукой Маковского надписано: (Посмертное издание)».

[2126] Примечание Г. Струве: «О существовании такого книгоиздательства мне неизвестно. Возможно, что оно проектировалось, или же марка эта была придумана ad hoc» (*лат.—«к данному случаю»*).

[2127] Примечание Г. Струве: «*Ю. Терапиано.* Отравленная Туника. Новое Русское Слово. 22 октября 1950 г. Терапиано писал, что на первой странице полученной им рукописи было написано Гронским: “Переписано мною в июле 1934 года с копии копии подлинника для невесты моего друга. Н. Гронский”. Первые 46 страниц текста были настуканы на машинке, страницы 47–53 написаны рукой самого Гронского. На эту статью в той же газете отозвалась в № от 12 ноября 1950 г. К.В. Деникина, которая писала, что у Гронского было две копии “ОТ”. На первой, сделанной им в 1930 г. (дата эта расходится с датой, даваемой Львовым), была помета рукой Гронского: “Маргарите на память от Николая. 12 сентября 1930 г.”. В этой машинописи было 42 страницы. На второй копии, переписанной в 1934 г., было надписано: “II экземпляр рукописи Отравленная Туника. Трагедия в 5 действиях Н. Гумилева”. На последней странице машинописи Гронский написал: “Рукопись переписана мною в 1930 г. с копии подлинника”. Из дальнейшего письма Терапиано вытекало, что Гронским было сделано не две, а, по крайней мере, три копии. Ссылка Гронского на 1930 год, дважды повторенная, показывает, что либо он получил рукопись раньше Л. И. Львова, либо последний ошибся в годе. Нет никаких оснований думать, что копии Гронского восходили к другому “подлиннику”. Я видел только ту копию Гронского, которая оказалась у Терапиано».

[2128] Из более поздних писем Ларионова Глебу Струве следует, что к написанию пьесы Гумилев приступил сразу же, как попал в Париж, в июле 1917 года, вначале в связи с либретто для балета Дягилева. Недавно автором был обнаружен хранившийся у Ларионова автограф первоначального плана пьесы (ОР ГТГ. Ф. 180. № 10666), еще без названия. Факсимильно воспроизведен в журнале «Наше наследие-101». С. 119.

[2129] Гумилев–Струве-3. С. 245–250. Примечание Г. Струве: *Георгий Иванов.* Гумилев. Дни. 11 октября, 1925 г.

[2130] Труды и дни. С. 520, 521, 536.

[2131] Там же. С. 560. Хроника-1920-х годов. Т. 1, ч. 1. С. 390.

[2132] Подробнее об этом аресте Лукницкого и его последствиях см. публикацию: Лукницкий-3. С. 342–344.

[2133] Гумилев–Струве-3. С. 266–272.

[2134] Все эти записи, а также разночтения разных вариантов пьесы приведены в: Гумилев–Струве-3. С. 266–292.

[2135] Гумилев-1991–1. С. 397; ПСС-5. С. 341; Гумилев–Струве-3, № 415. С. 223–224.

[2136] Труды и дни. С. 502.

[2137] Гумилев-1991–2. С. 418–419. Сама пьеса: Там же. С. 157–171.

[2138] Владимир Степанович Чернявский (1889–1948) — поэт, чтец, участник студии В. Мейерхольда, с 1918 года актер в Театре экспериментальных постановок С. Радлова и в других театрах. Близкий приятель О. Арбениной и А.Н. Энгельгардт. В приведенном в Прил. 1 письме А.Н. Энгельгардт Гумилеву в Париж он фигурирует как ее знакомый «мальчишка» Володя Ч. См. о нем: Арбенина-2007. С. 110–111, 264–265 и др.

[2139] ПСС-8. № 156, 157.

[2140] Гумилев–Струве-4. С. 557.

[2141] Диаграмма воспроизведена в книге: Тименчик-1990. С. 359. Этими работами Гумилева в наше время заинтересовался такой известный ученый, как Вяч. Вс. Иванов. См. его публикацию: *Иванов Вячеслав Вс.* Николай С. Гумилев и Жорж Дюмезиль: роль поэтов и тройственность каст в древности // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Р.Д. Тименчика. М.: Водолей, 2005. С. 112–122. Как говорит он в своей работе, «новыми данными ‹…› проверяется и справедливость предположений Соссюра, и верность интуиции Гумилева. Подобно тому как в Дюмезиле Леви-Стросс видит предшественников структурного изучения мифов ‹…›, в “интегральной поэтике” Гумилева можно найти немало мыслей, пересекающихся с построениями Соссюра, Дюмизеля и структурно мысливших ученых, за ними следовавших» (С. 117).

[2142] Современные записки. Париж, 1922. № 9. С. 314. Цитируется по: Тименчик-1990. С. 359.

[2143] Впервые опубликован в журнале «Сполохи» (Берлин), 1922. № 10. С. 20–21.

[2144] Труды и дни. С. 477.

[2145] Гумилев–Струве-4. С. 591–595.

[2146] ППС-6. № 18. С. 184.

[2147] РГВИА. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 18. Л. 88–112.

[2148] *Эткинд Александр.* Хлыст. Секты, литература и революция. М.: Кафедра славистики Университета Хельсинки; Новое литературное обозрение. 1998. С. 131–132.

[2149] Помимо бумаг Гумилев прихватил из Лондона своеобразный «гардероб», в котором будет иногда щеголять, шокируя голодный Петроград.

[2150] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 176; Ф. 15304. Оп. 2. Д. 50. Л. 12.

[2151] *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. С. 194, 206.

[2152] Ставицкий-2004. С. 28.

[2153] Исторические чтения на Лубянке: 1997–2007. М.: Кучково поле, 2008. В выходных данных сказано: «Издание осуществлено при финансовой поддержке Региональной общественной организации “Объединение выпускников Высшей школы КГБ“».

[2154] Там же. С. 140–148.

[2155] Там же. С. 17–18.

[2156] Там же. С. 20.

[2157] ПСС-4, № 27.

[2158] Труды и дни. С. 515. Когда Лукницкий работал над «Трудами и днями», в 1920-е годы, паспорт, по которому Гумилев вернулся из Англии, еще существовал. По имеющимся сведениям, в семье Лукницкого он хранился, по крайней мере, до начала 1980-х годов. Во временных описях переданного в Пушкинский Дом архива Лукницкого обнаружить его не удалось. Уцелел ли паспорт и где он сейчас находится — неизвестно. В.К. Лукницкая передала далеко не весь архив своего мужа в Пушкинский Дом, однако в настоящее время, после смерти ее сына Сергея Лукницкого, установить судьбу оставшихся в семье бумаг и документов весьма затруднительно. Не смогла помочь в этом и вдова С. Лукницкого О.Л. Медведко.

[2159] Фарджен-2003. С. 123–124.

[2160] ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 87.

[2161] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 50. Л. 68.

[2162] ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 112. Циркуляр приложен к Бюллетеню Комитета № 11 от 5 марта 1918 года.

[2163] Последний Бюллетень № 17, о полном прекращении деятельности Русского Правительственного Комитета с 1 июня, вышел 2 мая 1918 года: ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 125.

[2164] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 50. Л. 34.

[2165] Там же. Л. 32. Документ на французском языке, переданный Игнатьеву 7 апреля 1918 года.

[2166] РГВИА. Ф. 15236. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

[2167] HIA-GSP. Box 151. Fol.12. Впервые опубликован: Гумилев–Струве-1. С.XXIX. Факсимильно воспроизведен: Наше наследие-101. С. 120.

[2168] Неизданный Гумилев-1952. С. 10.

[2169] *Анреп Борис.* О черном кольце // Воспоминания об Ахматовой-1991. С. 86.

[2170] Анреп-1970. С. 411; здесь цитируется по автографу — HIA-GSP. Box 73. Fol. 13.

[2171] Лукницкий-1. С. 34.

[2172] В письме от 31 декабря 1943 Анреп писал Струве: «Я был так занят личными работами, что еще не подумал приняться за Гумилева. Но сейчас же это сделаю» (HIA-GSP. Box 73. Fol. 12).

[2173] Анреп-1970. С. 410; HIA-GSP. Box 73. Fol. 13.

[2174] ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 17. Л. 95, 120, 144, 183, 203, 205, 208, 209.

[2175] Там же. Л. 203, 209. В Протоколе № 3 заседания Комитета от 18 апреля 1918 года, на котором присутствовал и Б. Анреп, принято решение «о преобразовании Русского Правительственного Комитета в смешанную Англо-Русскую Ликвидационную Комиссию», с сокращением состава Комитета до 50 человек и содержанием 1500 фунтов в месяц. В последнем Протоколе № 7 от 25 мая 1918 года было объявлено об официальном закрытии Комитета с 1 июня; об этом председатель Комитета генерал Гермониус зачитал свой приказ от 25 мая.

[2176] Фарджен-2003. С. 127.

[2177] Мозаика воспроизведена в цвете в «Неакадемических комментариях-4»; в книге: Анреп–Каталог-2004. С. 53.

[2178] ПСС-4. № 45. На эту мозаику Бориса Анрепа впервые указал в своей неопубликованной работе Майкл Баскер. Мозаика и семейный портрет Анрепов воспроизведены в книге: Анреп–Каталог-2004. С. 9, 51. Эти изображения можно видеть в выпуске: Поэт на войне-7.

[2179] На самом деле, около 12–15 апреля.

[2180] Подчеркнуто в письме Ларионовым. А это говорит о том, что он, по крайней мере, точно знал, что Гумилев ходил к кому-то прощаться помимо «Синей звезды». Выскажу предположение, с кем мог встретиться Гумилев перед возвращением в Россию. Ее имя еще ни разу не называлось, потому что нет никаких документальных подтверждений того, что они встречались в Париже в 1917 году. Но зато есть много важных свидетельств их близкого знакомства и встреч как при первом длительном посещении Парижа, в 1906–1908 годах, так и при втором кратком пребывании в Париже в 1910 году, во время свадебного путешествия с Ахматовой. Зовут ее — Мария Митрофановна Богданова. Женщина странной и удивительной судьбы, жизнь которой никем не описана, сведения о которой не попали ни в один библиографический указатель, неизвестны даже точные даты ее жизни. Зато известно, что, во-первых, она примерно с 1906 года постоянно проживала в Париже, и, во-вторых, ее хорошо знали, были с нею дружны носители таких громких имен, как Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский; все семейство Цветаевых — Марина, Анастасия и их родители, особенно мать — Мария Александровна Цветаева (урожденная Мейн; 1868–1906); семейство Бальмонтов, особенно его жена Екатерина Алексеевна Андреева-Бальмонт (1867–1952); М.А. Волошин; С.К. Маковский; наконец, Н.С. Гумилев. Список можно было бы продолжить. О ней и ее связях со всеми перечисленными лицами готовится публикация для журнала Toronto Slavic Quarterly. Здесь я ограничусь лишь тем немногим, что известно о ее происхождении, кратко упомянув о ее ранних пересечениях с Н. Гумилевым, о том, что она всю жизнь хранила память о поэте.

Ее родителями были: отец — полковник Митрофан Андреевич Богданов (24.04.1835–21.11.1895, Сызрань), мать — Анна Михайловна Богданова, дочь штабс-капитана Макарова (28.06.1857–20.01.1900, Москва, похоронена в Даниловском монастыре). Согласно послужному списку М.А. Богданова (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. ПС80–980. Л. 25 об.), в семье было четверо детей: старшая дочь Мария, род. 1.04.1882; сын Владимир, род. 11.09.1883; сын Борис, род. 23.06.1885; дочь Ольга, род. в 1887 году. Недвижимого или благоприобретенного имущества за семьей не числилось. Дети рано осиротели, сильно нуждались, поэтому мать Марины Цветаевой М.А. Цветаева, познакомившись с старшей дочерью Марией, внесла ее имя в свое завещание, назначив ей ежегодное пособие в 200 рублей. (Архив ГМИИ. Ф. 6. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 1–1 об.). В детстве Мария болела туберкулезом, ходила на костылях. Об этом сохранился рассказ в воспоминаниях А.И. Цветаевой. В 1909 году Марина Цветаева встретилась с нею в Париже, и они подружились. Первый раз Гумилев упоминает М. Богданову в письме к Брюсову от 24 марта 1908 года (ПСС-8. № 38): «…Я познакомился с одной барышней, m-lle Богдановой, которая бывает у Бальмонтов и у Мережковских, и однажды в café d'Harcourt она придумала отнести мое стихотворение “Андрогин” для отзыва З.Н. Гиппиус, не говоря ни моего имени, ни моих литературных заслуг. Стихотворение понравилось, было возвращено с надписью “очень хорошо”, и даже Мережковский отнесся к нему благосклонно. M-lle Богданову расспрашивали об авторе и просили его привести, но, конечно, ей не удастся это сделать. ‹…›». Это была своеобразная «месть» юного поэта за неудачный визит к маститым литераторам в декабре 1906 года (ПСС-8. № 10 и комментарии к № 11). В следующий раз Гумилев был в Париже в мае 1910 года, сразу после свадьбы. Лукницкий приводит такой рассказ Ахматовой (Лукницкий-1. С. 190): «Богданова приезжала в Царское Село, была у нас; потом уехала, написала письмо А.И., что гибнет там. Из музея Клюни в Париже АА выходила. Встретила Николая Степановича с Богдановой. Николай Степанович познакомил АА с ней». Лукницкий уточнил про эту встречу (Лукницкий-1. С. 175): «В Париже был шафером какого-то анархиста по просьбе М.М. Богдановой». Следовательно, Гумилев встречался тогда с Богдановой, без Ахматовой, а после Парижа Богданова приезжала в Россию, побывала в доме у Гумилевых, познакомилась там с его матерью Анной Ивановной.

Других документальных подтверждений встреч Гумилева с Богдановой нет, однако все последующие годы она оставалась в Париже, в частности, встречалась там с М. Волошиным в 1912–1916 годах, об этом есть в его «Трудах и днях» (Купченко-2002. С. 290, 295, 378, 391). Безусловно, М. Богданова жила в Париже в течение всего 1917 года, и вряд ли Гумилев мог не встречаться с нею, прожив там всю вторую половину года. Удалось установить ее парижские адреса этого времени. Домашний: улица Ласепед, д. 37 (37 bis, rue Lacépède); и служебный, она служила секретарем Комитета помощи русским инвалидам: улица Лаффит, д.40 (40, rue Laffite) (РГВА. Ф. 7К. Оп. 4. Д. 123. Л. 1–2.) Но, видимо, самой отличительной чертой М.М. Богдановой была ее «активная непубличность». Ничем другим нельзя объяснить столь малое число сведений о ней. А ведь прожила она в Париже, по крайней мере, до конца 1950-х годов! Об этом свидетельствует ее письмо к С. Маковскому от 20 декабря 1957 года (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 154. Л. 5): «Дорогой Сергей Константинович! Благодарю Вас за посланные приглашения на Вашу лекцию, но несчастье и катастрофа с моими близкими друзьями, в которых нельзя не принимать активного участия, не позволили мне на ней присутствовать, о чем я глубоко сожалею. Но интерес к Вашим лекциям — не меньший, и я позволяю себе попросить Вас прислать мне копию — **о Гумилеве** для прочтения, если бы Вы таковую имеете. Верну ее тотчас же по почте. ‹…›». На протяжении сорока лет М. Богданова помнила о поэте, и вряд ли это случайно. Поводом для этого могло послужить и то, что она была последней, с кем Гумилев простился, возвращаясь в Россию. Это запомнил М. Ларионов, знавший о ее «непубличности», а потому не сообщивший Глебу Струве ее имени — ведь когда они обменивались письмами в 1952 году, она была жива. Точную дату ее смерти установить так и не удалось. Последнее сохранившееся ее письмо к С. Маковскому датировано 10 октября 1958 года, и умирать она еще явно не собиралась. Гадать о ее отношениях с Гумилевым я не буду.

[2181] Ларионов-1970. С. 404–409. Упоминание Ларионовым района Пантеона — дополнительное косвенное свидетельство того, что Гумилев посетил тогда М.М. Богданову.

[2182] В. Гарднер постоянно служил в Русском Правительственном Комитете до весны 1918 года, и Гумилев, видимо, часто встречался с ним как в июне 1917 года, так и в начале 1918 года. Приказ о его увольнении попал в протокол № 5 Русского Правительственного Комитета от 29 января 1918 года: ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 97. В протоколе сказано, что с 1 марта отчисляется из Военного отдела, части Взрывчатых веществ и траншейной борьбы, г-н В. Гарднер.

[2183] Поначалу казалось, что упоминание в начале поэмы парка Dartnell поможет уточнить место службы Вадима Гарднера, следовательно, и остальных обитателей «India

House». Но оказалось, что единственная реалия с таким названием (улица Dartnell Park Road) расположена в селе West Byfleet, на юго-западной окраине большого Лондона, примерно в 20 милях от центра города. Как это место связано с биографией Гарднера — установить не удалось. Возможно, там, за пределами города, находились склады взрывчатых веществ, которыми занимался В. Гарднер в Комитете.

[2184] *Hellman Ben.* An aggressive imperialist? The controversy over Nikolaj Gumilev's war poetry // Nikolaj Gumilev. 1886–1986. Papers from the Gumilev Centenary Symposium. Held at Ross Priory, University of Strathclyde, 1986 / Edited, with an introduction, by Sheelagh Duffin Graham. Berkeley Slavic Specialties, 1987. P.152–154.

[2185] К сожалению, не удалось обнаружить упоминаний этого Лаврова при тщательном просмотре многочисленных документов, хранящихся в ГАРФ и относящихся к русским организациям в Лондоне (Русский Правительственный Комитет и Русско-Британское Братство).

[2186] Ассиро-Вавилонский эпос. Переводы с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко. СПб.: Наука, 2007. С. 353–358. Сам перевод вышел в марте 1919 года.

[2187] Труды и дни. С. 517.

[2188] Одоевцева-1988. Упоминаний очень много, поэтому страницы не указываю.

[2189] Серпинская-2003. С. 155.

[2190] Одоевцева-1988. С. 205–206.

[2191] Там же. С. 177.

[2192] РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1, ед.хр.57. Л. 114 об., 116 об.

[2193] «Моей прелестной царице…» (Пометы А.А. Ахматовой на книгах Н.С. Гумилева) / Публ. И.П. Сиротинской // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 1996. С. 320. Кстати, в ПСС-4, № 2 время написания этого стихотворения относится к возвращению в Россию, по дате его публикации в журнале «Нива» (1918. № 26). По содержанию оно в чем-то перекликается с тематикой повести «Веселые братья».

[2194] Труды и дни. С. 519–524.

[2195] Хроника-1920-х годов. Т. 1, ч. 1. С. 187. Объявление об этом вечере появилось в газете «Дело народа» 10 мая. В «Записных книжках» Блока об этом вечере сказано: «Люба читает "Двенадцать". Отказались Пяст, Ахматова и Сологуб» (Блок–ЗК-1965. С. 406).

[2196] Там же. С. 124.

[2197] ПСС-1. № 57. С. 110–111.

[2198] ПСС-3. № 114. С. 192–193. Автограф стихотворения хранится в архиве М. Лозинского вместе с переработанным вариантом приведенного выше стихотворения «Униженье», красноречиво переименованного в — «Позор». Видимо, не случайно эти два стихотворения, с явно политическим подтекстом, оказались рядом.

[2199] Хроника-1920-х годов. Т. 1, ч. 1. С. 222. «Костер» вышел в издательстве «Гиперборей» вместе с двумя другими книгами: «Фарфоровый павильон» и «Мик».

[2200] *Цветаева Марина.* История одного посвящения // Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 142.

[2201] Ахматова-ЗК. С. 486.

[2202] Хроника-1920-х годов. Т. 1, ч. 1. С. 142.

[2203] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 1. Д. 191. Л. 54–56.

[2204] Наше наследие-101. С. 123.

[2205] ОР ГТГ. Ф. 180. № 2232. Л. 16.

[2206] ПСС-8, № 48. Впервые опубликовано Глебом Струве: Гумилев–Струве-4. С. 545–548. Оригинал в собрании Ю.А. Топоркова.

[2207] Владимир Степанович Чернявский участвовал в постановке пьесы Н. Гумилева «Дерево превращений». Подробнее о нем см. на с. 799.

[2208] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 1. Д. 53. Л. 83, 94–95.

[2209] Воспроизведена в журнале: Наше наследие-101. С. 104.

[2210] Все оформленные художниками страницы альбома факсимильно воспроизведены с оригинала в: Наше наследие-101. С. 102.

[2211] Воспроизведена в журнале: Наше наследие-100. С. 118.

[2212] Примечание Г. Струве: «Среди бумаг, оставленных Гумилевым Б. Анрепу в Лондоне и находящихся сейчас в архиве Глеба Струве, есть листок, на котором на одной стороне набросан черновик этого стихотворения. В черновике шесть строф, и два последних четверостишия явно совсем другие, но, кроме отдельных слов, не поддаются расшифровке. В первых строфах, написанных более разборчиво, есть мелкие разночтения.

Под стихотворением, написанным чернилами, карандашом нарисована десятиконечная звезда. На другой стороне этого же листка — четыре строки из поэмы «Два сна» и Оглавление этой поэмы (см. примеч. № 397)» (Гумилев–Вашингтон-2. С. 290 и 342–343).

[2213] Хроника-1920-х годов. Т. 1, ч. 1. С. 219 и 222.

[2214] *Терапиано Юрий.* Встречи. «Блистательный Монпарнас» // Русский Париж. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 158. Ю. Терапиано, рассказывая о знаменитом парижском кафе La Closerie des Lilas («Клозри де Лиля») на бульваре Монпарнас, 171, пишет: «Бывая в Париже перед войной, Гумилев в честь Леконта де Лиля устроил там свою штаб-квартиру». Если это и было, то, конечно, не перед войной, а во время войны. Хотя, скорее всего, это отголоски чьих-то рассказов о гумилевском Париже 1906–1908 годов. См., например, воспоминания: *Биск Александр*. Русский Париж 1906–1908 годов // Там же. С. 45–53.

[2215] *Gubsky Nikolai.* Foreign Bodies. London. 1932. P.1–7.

[2216] Простонародный лондонский язык.

[2217] Английское «Yellow Blue Vase» (желто-синяя ваза) звучит по-русски почти как «Я люблю Вас».

[2218] Фешенебельная лондонская гостиница и ресторан на улице Пиккадилли, основанная швейцарцем С. Ритцом в 1906 году; ее название стало символом роскоши.

[2219] Марка дорогого автомобиля.

[2220] *Gubsky Nikolai.* Foreign Bodies. London. 1932. P. 88–124.

[2221] 18 апреля Гумилева уже не было в Лондоне. Описанные события относятся к концу марта – началу апреля 1918 года.

[2222] Даже на одной и той же улице Кингсуэй (Kingsway W.C. 2). На этой улице, по соседству, стояли три основных здания, в которых размещались службы Русского Правительственного Комитета: «India House» (Индийский дом), «Canada House» (Канадский дом) и «Empire House» (Имперский дом).

[2223] Артиллерийский департамент размещался в «Empire House» (Имперский дом), хотя сам Гумилев обычно сидел в Шифровальном отделе на 7-м этаже «India House» (Индийский дом), но вход в его отдел посторонним лицам был запрещен. В этом здании размещалось большинство служб Комитета. Гумилев, видимо, знал начальника Артиллерийского департамента, которым руководил полковник Беляев Николай Тимофеевич (26.11.1878, С.-Петербург–6.11.1955, Париж) — сын Тимофея Михайловича и Марии Николаевны Сентюриной. Металлург, историк, преподаватель химии и металлургии в Михайловской артиллерийской академии, в Первую мировую войну полковник 1-й гвардейской артбригады, контужен, по выздоровлении направлен в Англию для работы в Русском заготовительном комитете по снабжению русской армии, после революции остался в Англии, в 1930-е годы перебрался в Париж. Подробнее о нем: Российское зарубежье-1. С. 142.

[2224] В вышедший в 1912 году сборник «Чужое небо» Гумилев включил цикл «Абиссинские песни», и первая песня, «Военная», начинается четверостишием (ПСС-2. № 5. С. 12):

Носороги топчут наше дурро,
Обезьяны обрывают смоквы,
Хуже обезьян и носорогов
Белые бродяги итальянцы.

[2225] Точного соответствия эти двух строк со стихами Гумилева выявить не удалось, но как из «литературоведческого» экскурса автора, так и из последующего рассказа о поэте следует, что Н. Губский неплохо знал биографию Гумилева, как творческую, так и личную. Очевидно, что за «Хризопразами» 1910 года скрыты вышедшие в этом же году «Жемчуга», «мальчики с гобоями» — это «милый мальчик» из открывающего сборник стихотворения «Волшебная скрипка», посвященного В. Брюсову, «Валансьенские кружева» — кружева «брабантских манжет» из первого стихотворения цикла «Капитана», а приведенные две строчки из оды «Колумбы» — краткое изложение всего цикла «Капитаны»: «И кажется, в мире, как прежде, есть страны, // Куда не ступала людская нога…» Можно также вспомнить поэму «Открытие Америки» из сборника «Чужое небо».

[2226] Российское имение семьи Курчениновых, часто упоминаемое в книгах Н. Губского.

[2227] Ранее Н. Губский поведал, как Иван Курченинов с семьей (видимо, как и его пока не выявленный прототип) покинули Петроград сразу же после Октябрьского переворота. Его жена с детьми перешла ночью финскую границу, столкнувшись при этом с представителями ЧК и едва не погибнув, что произвело неизгладимое впечатление на

маленькую Шуру. До этого Иван занимал важный чин в полиции Петрограда, и после переворота все сразу же решили бежать от большевиков.

[2228] Как следует из повествования, рассеянный чуть позже в этой же книге миф об отсутствии в Абиссинии соли исходил не от Гумилева, а от героев романа. В более позднем автобиографическом романе «Angry Dust» Губский, по непонятным причинам изменивший свое мнение о Гумилеве в худшую сторону, желая его высмеять, приписал рассказ о дороговизне соли (и спичек) в Абиссинии Гумилеву.

[2229] Как следует из романа «Angry Dust», под семейством Каншиных автор зашифровал самого себя и свою жену Надежду Губскую. Судя по этой главе, сам Губский, возможно, почти не сталкивался с Гумилевым и воспользовался рассказами своих друзей и жены. Но это может быть и «литературным приемом» — желание «отстраниться». Еще замечу, что, если верить роману «Angry Dust», в это время семейство Губских временно проживало в доме Курчениновых, куда на описываемый ниже ужин явился Глубский-Гумилев, то есть ему и не надо было никуда ехать, чтобы встретиться с поэтом. Отмечу здесь, что во всех романах Н. Губского присутствуют одни и те же главные действующие лица, но, как и в «автобиографическом» романе, все подлинные имена изменены, о чем сам автор упомянул во вступительной части.

[2230] Очень важное свидетельство. Голубые озера Эфиопии Гумилев мог посетить только во время своего путешествия 1911 года, которое он, по предположению автора, завершил на территории Кении, за экватором, в Момбасе. Подробно об этом см. в публикации: Неакадемические комментарии-2, а также в выступлении автора в РГО: http://lektorium.rgo.ru/2013/05/afrika-n-s-gumilyova-15–05–13/. Озера эти расположены к югу от Аддис-Абебы, как раз на предполагаемом маршруте Гумилева. Наиболее крупные из них Кока и Звай, там же протекает река Аваш. До сих пор не было ни одного документального свидетельства посещения Гумилевым озерного края Абиссинии. Рассказ Губского — первое свидетельство, исходящее от самого Гумилева. Попали они и в стихотворение «У камина» из сборника «Чужое небо»: «…И в стране озер пять больших племен // Слушались меня, чтили мой закон…» Как написал автору прошедший по обоим маршрутам Гумилева известный ученый и путешественник Е. Резван, к югу от Аддис-Абебы есть «достаточно большие, реально голубые озера. На одном из них дачи дипломатов, хорошие гостиницы, ресторанчики, купание и рыбалка. Наш культурный атташе ловит там что-то вроде плотвички, солит, высушивает и потребляет с вполне пристойным местным пивом...» Так что именно эти места, видимо, Гумилев предлагал для поселения лондонским колонистам, и, как следует из приведенного выше современного описания, он их не обманывал. Все названия, естественно, придуманы Н. Губским.

[2231] Видно, что Губский неплохо знал биографию Гумилева, скорее всего, по его устным рассказам. Ведь второй Георгиевский крест Гумилев заработал в июле 1915 года за отбитую атаку именно австрийцев, на реке Буг. См. выше рассказ о «Записках кавалериста». И еще одна неожиданная параллель, касающаяся… «червячков». Если заглянуть в «Записки кавалериста» и перечитать фрагмент о том, как Гумилев заработал свой первый Георгиевский крест, можно найти фрагмент, описывающий, о чем он тогда, ночью, думал про себя: «…Как всегда зимою, я томился по жизни летней природы, и так сладко было, совсем близко вглядываясь в кору деревьев, замечать в ее грубых складках каких-то проворных **червячков** и микроскопических мушек. Они куда-то спешили, что-то делали, несмотря на то что на дворе стоял декабрь. Жизнь теплилась в лесу, как внутри черной, почти холодной головешки теплится робкий тлеющий огонек. Глядя на нее, я всем существом радостно чувствовал, что сюда опять вернутся большие диковинные птицы и птицы маленькие, но с хрустальными, серебряными и малиновыми голосами, распустятся душно пахнущие цветы, мир вдоволь нальется бурной красотой для торжественного празднования колдовской и священной Ивановой ночи...» Какова точность попадания у Н. Губского! На самом деле – думал о червячках! А ведь наверняка он вряд ли когда-либо слышал о «Записках кавалериста». Точное попадание!

[2232] «Кого бог хочет погубить, того он прежде всего лишает разума» *(лат.)*.

[2233] Документы ГАРФ подтверждают слова Губского. Фактически все работы были прекращены 1 мая, но официально сотрудники были уволены с 1 июня 1918 года. Вот документ, непосредственно касающийся Н. Губского (ГАРФ. Ф. Р-5822. Оп. 1. Д. 12. Л. 125): «Распоряжение № 17 от 2 мая 1918 г. Вследствие прекращения деятельности Русского Правительственного Комитета с 1-го июня нов. ст. с.г.—все вольнонаемные служащие Комитета освобождаются от занятий к указанному сроку. Относительно командированных служащих последует особое распоряжение». Губский был вольнонаемным служащим, для штатных служащих выпускались индивидуальные распоряжения, а он подпадал именно под это, «безымянное». Поэтому его имени в архиве обнаружить не удалось.

[2234] Полную опись архива см.: http://www.oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/tf3s2002t1/entire_text/

[2235] См.: Наше наследие-100, 101.

[2236] Оригинал письма — HIA-GSP. Box 102. Fol. 4. Впервые опубликовано: Ustinov-1993. P. 300–301.

[2237] Дается по оригиналу. Опубликовано в № 444 газеты. Письмо перепечатано (с ошибками): Гумилев–Струве 4. Вашингтон, 1968. С. 632–633, с пояснением Струве: «Письмо А. Цитрона стало мне известно лишь недавно, благодаря Ю.А. Топоркову, который сообщил мне копию его. Ни о судьбе самого Цитрона, ни об оставшихся у него книгах Гумилева мне ничего не известно. Картины, по всей вероятности, находятся в собрании М.Ф. Ларионова — может быть, в музее основанного недавно “Общества друзей М. Ларионова” на юге Франции. Когда я переписывался с М.Ф. Ларионовым в связи с подготовкой тома “Неизданный Гумилев”, он мне ничего об этих картинах, рисунках и альбоме не писал».

[2238] РГВА. Ф. 1К. Оп. 27. Д. 13015. Л. 27. По поводу его «неблагонадежности» из Франции в Англию был направлен запрос: «Париж, 5 сентября 1917. Нота для английской миссии. Срочно. Секретно. № 21232. По поводу Александра Цитрона. Штаб Вооруженных сил имеет честь просить Английскую миссию согласиться передать ему срочно все возможные сведения о некоем русском Александре Цитроне, который в Стокгольме и Копенгагене имел отношения с немецким агентом Фюрстенбергом и который покинул Петроград для Лондона в июне 1917 года. Эта личность спешно разыскивается на случай появления его во Франции. Директор отдела сбора информации». Как выяснилось, Яков Станиславович Фюрстенберг, он же Якуб Ганецкий (1879–1937), действительно был известным польским и русским революционером, впоследствии советским государственным деятелем. Он занимался коммерческой деятельностью, все средства от которой шли большевикам на революционные цели. Любопытно, что в 1930-е годы он занимал должность начальника Управления цирков и парков культуры и отдыха Москонцерта, и, по мнению многих литературоведов, его личность в этой должности послужила прототипом для персонажа по имени Римский, выведенного в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». 18 июля 1937 года он был арестован в своей квартире в доме правительства на набережной и расстрелян 26 ноября 1937 года. В 1954 году посмертно реабилитирован. Исключительно по коммерческим делам он и сталкивался с А. Цитроном, причем о его революционной деятельности Цитрон был осведомлен и докладывал об этом начальству (см. ниже). Однако это не помешало шведским властям выслать в 1916 году Цитрона из страны и установить за ним наблюдение.

[2239] РГВА. Ф. 1К. Оп. 27. Д. 13015. Л. 2. Донесение от 25 февраля 1918 года. Дата его рождения повторяется и в других донесениях, от других агентов, в том же документе на л. 12, 15, 48, 56, 57. Все документы написаны по-французски и даются в переводе Н.М. Иванниковой.

[2240] В письме М. Осоргина к А. Полякову от 5 ноября 1941 года сказано, что «я знаю, кроме Марка, еще двух Цитронов» (Диаспора. Новые материалы. Вып.1. Париж; СПб. 2001. С. 476). Так как было три брата, безусловно, под двумя Цитронами М. Осоргин подразумевал Александра и Исидора. То есть в 1941 году Александр был еще жив.

[2241] РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 13015. Л. 23. Донесение из Конкарно в Париж от 10 сентября 1918 года.

[2242] В некрологе И.Л. Цитрона, опубликованном в «Новом Русском Слове» 19 апреля 1951 года, было сказано: «7 апреля, в санатории Лонг Бич в Калифорнии скончался присяжный поверенный и журналист И.Л. Цитрон. В начале марта с И.Л. Цитроном случился сердечный припадок, осложненный параличом. После нескольких недель пребывания в госпитале он был переведен в санаторий, где и скончался. И.Л. Цитрон родился в 1882 г. в Киеве; по окончании Новороссийского университета занялся адвокатурой. Был сотрудником О.О. Грузенберга и, в этом своем качестве, принял участие в процессе Бейлиса. После нескольких лет жизни в Нью-Йорке переехал в Холливуд, где выступал с докладами и лекциями».

[2243] РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2323. Л. 1–12. А.Л. Цитрон. Письмо в редакцию газеты «Речь» и статья «Мелитопольский погром. Выборное преступление».

[2244] Из предисловия к книге самого А.Л. Цитрона «72 дня первого русского парламента» (часть тиража: «72 дня первой Государственной Думы»). (СПб.: Книгоиздательство Баум, 1906).

[2245] Первого издания книги нет даже в РГБ, 2-е издание только в Музее книги, выдают только третье. В 2011 году в Москве, к состоявшимся в декабре выборам в Государственную думу, эта книга была факсимильно переиздана: *Цитрон Александр.* 72 дня первого русского парламента. СПб.: Книгоиздательство Баум, 1906.В сопроводительной аннотации об авторе книги не сказано ни слова.

[2246] РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 844. Л. 2.

[2247] Библиография периодических изданий России 1901–1916. Л., 1959. Т. 2. С. 422. № 5231. Наша трибуна. Общественно-политический журнал. СПб., 1907. 1–2 раза в неделю. Редактор-издатель А.Л. Цитрон. 31 см. 16 с. Тираж 14 000 экз. № 1 (6 мая). № 2 — издание приостановлено 17.05.1907 г.

[2248] «103 дня Второй думы». СПб.: Изд. Думская Трибуна, 1907, VIII, 188 с. Следует обратить внимание, с учетом дальнейшей судьбы нашего главного героя, на фразу из предисловия А. Цитрона: «Н.С. Таганцев — жизнь посвятил борьбе против смертной казни вообще».

[2249] Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 161–162, 266, 531–532. Пока А.Л. Цитрон готовил свою вторую книгу, его шустрый брат Исидор опубликовал об этом знакомстве в «Одесских новостях» (1907. № 7290. 27 июля) заметку: «В гостях у Леонида Андреева». Годом позже о других встречах с писателем написал сам А.Л. Цитрон, под тем же названием, и почти идентичный текст опубликовал сразу в двух газетах (с которыми не порывал и переехав в Петербург): Южный край. Харьков, 1908, 26 ноября, № 9587; Одесские новости. 1908, 28 ноября, № 7680. На с.531–532 тома 72 ЛН текст приведен, как пример «развязной критики», хотя это просто запись беседы.

[2250] Об этом было сказано в приведенном выше некрологе И.Л. Цитрона. См. также: РГАЛИ. Ф. 901. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 1.—Письмо на бланке: «Помощник присяжного поверенного Александр Львович Цитрон от 10.02.1909. СПб, к Н.Н. Ходотову, по поручению Грузенберга». Грузенберг Оскар Осипович (1866, Екатеринослав — 1940, Ницца) —знаменитый российский юрист и общественный деятель. Вел уголовные дела и выступал защитником известных писателей, общественных и политических деятелей (в том числе Максима Горького, В.Г. Короленко, Корнея Чуковского, П.Н. Милюкова, Л. Троцкого и других). В 1913 году был одним из защитников М. Бейлиса на процессе по делу о ритуальном убийстве.

[2251] *Грузенберг О.О.* Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. Более всех он любил В.Г. Короленко и М. Горького: «…с большинством писателей я познакомился у Марии Валентиновны Ватсон…» (С. 48). Кстати, он, как и Н. Гумилев, высоко ценил ее переводы, особенно «Дон-Кихота». А в «Новом журнале» (Нью-Йорк. 1959. Кн.56. С. 251–258) вдова И.Л. Цитрона напечатала его неопубликованный очерк о В.Г. Короленко.

[2252] РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 13015. Л. 2. Как пример, его письмо к И.В. Гессену в газете «Речь» от 15.03.1913: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 844. Л. 1. Имя А. Цитрона встречается и в связи с «Новым журналом для всех», при разборе конфликта между А. Куприным и Н.А. Бенштейном-Архиповым в 1911 году: Блок–ЛН-92–2. С. 98.

[2253] Известия книгоиздательств «Пироговское тов-во» и «Сотрудник». Киев. 1910. Заметим, что, как писал 24 января 1910 года сам М. Цитрон знаменитому ученому Н.А. Морозову, сотрудничавшему с этими издательствами, «относительно Вашей математической книги могу сообщить Вам следующее: она будет издана книгоиздательством “Сотрудник” — фирмой моего отца, в которой я принимаю близкое участие. Пироговское Т-во издает лишь книги по естествознанию и гигиене». (Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. № 2030. Л. 18).

[2254] Весь Киев, 1910–1915. Весь Петербург, 1912–1916.

[2255] РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 13015. Л. 3, 39–42 и др.

[2256] По другим донесениям (РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 13015. Л. 36, 45, 57) А. Цитрон выехал из Петербурга 18 июня 1917 года. Побывал в Осло, Бергене, 29 июня 1917 года прибыл в Лондон. Якобы прибыл для того, чтобы писать статьи для «Русской Воли» о впечатлениях в Англии и Франции о событиях в России. 27 сентября через Гавр перебрался во Францию и Париж. В Париже поселился в отеле «Кастилия» на улице Камбон, нанес визиты в несколько крупнейших французских газет — Le Matin, Le Journal и другие.

[2257] Заметим, что в гостинице «Кастилия» на той же улице, но в доме 33 жили М. Ларионов и Н. Гончарова.

[2258] Как раз этот адрес указывает М. Ларионов как место, где у А. Цитрона поселился Н. Гумилев, — в сквере под станцией метро Пасси. Но, как следует из этого документа, поселиться там он смог не ранее конца ноября, то есть не более чем на два месяца.

[2259] Как следует из этого донесения, для безопасности и чтобы легче было объяснять многочисленным контролерам цель своей поездки, А. Цитрон пользовался тем же документом прикрытия, что и Н.С. Гумилев, месяцем раньше проехавший таким же маршрутом, — удостоверением корреспондента газеты «Русская Воля». Но если Гумилев, скорее всего, вскоре забыл об этом документе, попав в Париж и оставшись во Франции — по крайней мере, нет даже намека в воспоминаниях или письмах его знакомых о существовании у него такого удостоверения, да и его публикации в этой газете не обнаружены, — то А.Л. Цитрон еще долго и активно использовал удостоверение газеты, находясь в свободном поиске медицинских фирм в союзных странах и организуя надежную переправу медикаментов в Россию.

[2260] Вместе с Александром в Париже проживал его брат Исидор.

[2261] Наум Львович Аронсон (1872–1943) — русско-латышский и французский скульптор, общественный деятель. Окончил рисовальную школу в Вильне и муниципальную Школу декоративного искусства в Париже. Член жюри по скульптуре Французского национального общества изящных искусств. Кавалер ордена Почетного легиона. Постоянно проживал в Париже. Вот как его представлял в своем журнале «Аполлон» С.К. Маковский: «Среди современных русских скульпторов я не знаю более серьезного, более даровитого мастера… Аронсон знает все тайны мастерства. Обращается так же виртуозно и с мрамором, и с бронзой, и с гипсом, и с деревом. Он работает с одинаковым успехом в самых различных стилях, оставаясь самостоятельным, никому не подражающим художником». Хотя до сих пор имя Аронсона ни разу не упоминалось, он вполне мог попасть в число знакомых Гумилева по Парижу. Замечу, что их знакомство теоретически могло состояться и значительно раньше — во время первого пребывания Гумилева в Париже в 1906–1908 годах. Н. Аронсон был знаком с М. Волошиным и создал в Париже в 1904 году «Кружок русских художников».

[2262] РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 13015. Л. 2–4.

[2263] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 42.

[2264] РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 13015. Л. 22. Рапорт из Кемпера в Париж от 10 сентября 1918 года.

[2265] Там же. Л. 48. Депеша от 23 октября 1918 года. А. Цитрон ездил защищать интересы русских солдат в лагерь Курно, расположенный рядом с Бордо. После сентября 1917 года все мятежные русские солдаты были переведены из лагеря Ля Куртин в лагерь Курно.

[2266] Сообщения М.Ф. Ларионова в письмах к Г. Струве (Ларионов-1970); записи П. Лукницкого в «Трудах и днях» со слов А.М. Росского, А.А. Ахматовой (С. 502, 506).

[2267] Там же.

[2268] Этот документ интересен тем, что он является единственным свидетельством того, что к этому времени умер их отец, владелец издательства «Сотрудник». Скорее всего, издательство перешло к его брату Марку.

[2269] РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 13015. Л. 57–58. Аналогичный текст: Л. 36–38.

[2270] Там же. Л. 39 (документ на английском, перевод С.Е.).

[2271] Агенты подтверждают знакомство А. Цитрона (и Н. Гумилева) с А.М. Росским, о котором было подробно рассказано выше. До этого единственным свидетельством об этом была лаконичная запись в «Трудах и днях» П. Лукницкого (С. 506). Собственно у Лукницкого это было единственное свидетельство того, что Гумилев в Париже жил у Цитрона: «В Париже жил в квартире адвоката Цитрона (А.М. Росский)».

[2272] Скорее всего, имеется в виду поручик Чупринин, исполнявший ту же должность, что и Гумилев при Е.И. Раппе, — офицера для поручений при незаконно сместившем Раппа Военном комиссаре Временного правительства Салоникского фронта М.А. Михайлове, о нем было рассказано выше.

[2273] РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 13015. Л. 48.

[2274] Там же. Л. 17.

[2275] Основные продовольственные склады А. Цитрона размещались в Бресте, куда его не допускали, и он останавливался в расположенном поблизости Конкарно, а также в Лионе (РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 13015. Л. 12; в дальнейшем все документы относятся к этому делу, поэтому указывается только № листа), где он жил подолгу и куда перевозил, наряду со своим имуществом, сундук с вещами Гумилева. Почти все слежки за Цитроном в различных городах заканчиваются фразой типа: «Впрочем, весьма плотный надзор, объектом которого он был во время его проживания здесь (в Лионе), не дал никакого результата» (Л.12). Кстати, в Конкарно А. Цитрон сдружился и его «поручителями»

стали известный французский художник русского происхождения Морис Грун (Maurice Grün: 1870, Ревель, Россия — 1947, Франция), а также проживавший с ним совместно известный художник-медальер, тоже русского происхождения, Феликс Разумный (Felix Rasumny: 1869, Севастополь — 1940, Франция) (Л.10). Вскоре Феликс Разумный стал еще и родственником А. Цитрона. Как следует из одного донесения, сестра Феликса вышла замуж за брата А. Цитрона (Л.23). Этим братом мог быть только Исидор.

[2276] В газете «Возрождение» (Париж, 1926. № 441. 17 августа. Вторник. С. 4) была помещена заметка «Собрание русских агрономов», и в ней сказано: «В воскресенье 15 августа состоялось учредительное собрание союза русских агрономов во Франции. ‹…› Выступивший А. Цитрон сообщил собранию, что он владеет небольшим имением, в котором работают русские рабочие, и вполне успешно. В настоящее время он может принять двух русских рабочих. Может способствовать также устройству рабочих в 5 больших имениях, с которыми имеет контакт. Он предложил свои услуги возникающей организации и в отношении сельскохозяйственного кредита».

[2277] ОР ГТГ. Ф. 180. № 8523; впервые письмо было опубликовано по копии из HIA-GSP: Ustinov-1993. P. 300.

[2278] Судя по отсутствию оригинала письма в ОР ГТГ, Струве получил не копию, а оригинал, хранящийся ныне в архиве Струве: HIA-GSP. Box 87. Fol. 8.

[2279] Подразумевается приведенное выше «Письмо в редакцию» газеты «Последние новости».

[2280] Кусиков Александр Борисович (Сандро Кусикян, 1896–1977) — поэт, автор популярных романсов («Бубенцы», «Обидно, досадно...» и др.), активный участник «Ордена имажинистов», приятель и спутник Сергея Есенина, Вадима Шершеневича и др. В 1922 году уехал вместе с Борисом Пильняком в командировку в Берлин, где издал несколько сборников стихов. В Советскую Россию не вернулся, в 1923 году обосновался в Париже. См. о нем: Российское зарубежье-1. С. 790.

[2281] Яковлев Василий Николаевич (1893–1953) — советский художник, строгий приверженец академической живописной манеры, активный деятель АХРР, называвший себя «воинствующим реалистом», реставратор и педагог, лауреат Сталинской премии, постоянно проживал в Москве. В 1927 году совершил поездку в Париж. Выезжал из СССР на Запад и позже, в 1930-е годы встречался в Италии с М. Горьким.

[2282] ОР ГТГ. Ф. 180. № 8522. Первоначально в архиве письмо это было ошибочно датировано 1919 годом , хотя по содержанию очевидно, что оно относится к 1927 году.

[2283] ОР ГТГ. Ф. 180. № 8524.

[2284] Публикация: *Смирнов Алексей*. Заговор недорезанных // Зеркало. № 27–28. Тель-Авив, 2006.

[2285] ГТГ. Каталог собрания. Живопись конца XIX — начала XX века. № 359 и 362. М., 2005. Т. 5. С. 127.

[2286] По мнению А.А. Иванова (Государственный Эрмитаж), ведущего российского специалиста по проблеме, миниатюра создана в начале XX века персом-художником и каллиграфом в Париже. Я благодарен Ефиму Резвану за эту информацию.

[2287] Елизавета Максимовна Цитрон, урожденная Мандельштам (?—22.06.1927), известный графолог, была женой Марка Львовича Цитрона (?—5.03.1953), брата А. Цитрона. Напомню, что братьев связывали коммерческие дела, Гумилев в Париже жил рядом с А. Цитроном, и именно ему он оставил свои коллекции и книги. Е.М. Цитрон исследовала почерк и Гумилева. На эту тему имеется ее интересная публикация, касающаяся сравнительного анализа почерков А. Блока и Н. Гумилева: *Д-р Е. Мандельштам*. Почерк и характер. (Графологические силуэты русских писателей) // Руль. Берлин. № 1475. 1925, 8 октября. С. 2–3. Сам М.Л. Цитрон умер последним из братьев, его некролог опубликован в «Новом Русском Слове» 25 марта 1953 года: «Нам сообщают о кончине в ночь на 5 марта в маленькой французской деревушке Вильдье сюр Эндр одного из крупнейших издателей дореволюционной России начала нынешнего столетия, доктора М.Л. Цитрона. По многочисленным учебникам по русской словесности, географии, истории, математике, естествознанию и медицине, издававшимся покойным под фирмами “Сотрудник” и “Пироговское Т-во” (с участием внука знаменитого хирурга) учились, а по иным учатся еще и поныне на нашей далекой родине. Изданная М.Л. Цитроном в сотрудничестве с И.Д. Сытиным “Детская Энциклопедия” до сих пор переиздается в Советской России. После крушения всех попыток создания издательского дела сначала в Лейпциге, а потом в Париже, мобилизованный во время Первой мировой войны и служивший врачом Красного Креста на Юго-Западном фронте, М.Л. Цитрон уехал в деревушку Вильдье сюр Эндр, где ему было разрешено лечить местное население, почти лишенное частной медицинской помощи во время последней войны, но без вознаграждения. Деловые и личные связи с США помогали ему выписывать во время войны и отчасти после заключения мира недостававшие во Франции новые медицинские средства для борьбы с болезнями, и увлеченный работой, он, по-видимому, поздно заметил быстрое развитие собственного сердечного недуга, сведшего его в могилу…» Лекарства для брата закупал А. Цитрон.

[2288] Бикерман Илья Осипович (1.07.1897, Кишинев — 31.08.1981, Нью-Йорк) — брат Я. Бикермана, историк античности, учился на филологическом факультете С.-Петербургского университета. В 1922 году эмигрировал в Берлин. В 1933 году переехал во Францию, жил в Париже. В 1942 году уехал в США. Состоял профессором и преподавателем в Новой школе социальных исследований и Свободной Академии в Нью-Йорке. Почетный профессор древней истории Колумбийского университета (Российское зарубежье-1. С. 163).

[2289] Это отрывок из приведенного ниже письма Ахматовой к Гумилеву в Париж 1917 года.

[2290] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.3. № 1.

[2291] Видимо, Л. М. Цитрон была другом Я. Бикермана, с которым, скорее всего, была знакома по Союзу студенческой молодежи в Берлине.

[2292] Заметим, что они были знакомы, вероятно, еще по Берлину. Я. Бикерман присутствовал на лекции Глеба Струве «Сегодняшний день русской поэзии», прочитанной 9 января 1923 года в Русском студенческом союзе в Берлине, и принял участие в прениях, что было отмечено в отчете: «После доклада состоялся обмен мнений. С пространной, но не всегда понятной речью выступил студент Григорьев, сообщивший, что в нынешней русской поэзии нет ничего ценного. Студ‹ент› Бикерман говорил о творчестве А. Ахматовой» (Дни. № 61. 12 января 1923. С. 5).

[2293] 19 августа 1928 года М.Л. Цитрон писал из Парижа своему другу, народовольцу и ученому Н.А. Морозову, с которым его связывали издательские дела: «... о себе лично не могу писать ничего хорошего, потому что год тому назад в течение пяти недель лишился Елизаветы Максимовны и моей единственной дочери Лили, которых Вы знали по Киеву» (Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. № 2030. Л. 59).

[2294] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.3. № 3.

[2295] Нельзя не отметить упоминание Бикермана в их переписке (Исследования-1994. С. 538, 544). В письме П. Лукницкого от 8 апреля 1926 года сказано: «Бикерману вчерне письмо уже набросали, скоро напишем». А в письме от 2 июня 1926 года Л. Горнунг спрашивает: «Скажите, писали ли Вы Бикерману в Париж и нет ли от него каких-нибудь новостей?» В архиве Бикермана сохранилось как письмо из Ленинграда от П. Лукницкого (и А. Ахматовой), так и черновик его ответного письма.

[2296] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.3. № 2.

[2297] Опись коллекции размещена на сайте: https://www.amherst.edu/system/files/media/Gumilev%2520Finding%2520Aid.pdf.

[2298] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.4. № 10.

[2299] Сборник «Stanford Salvic Studies» Т. 45. Стэнфорд, 2014 (в дальнейшем: Stanford-2014). Публикации: Е. Степанова, Р. Тименчик и А. Устинова. С. 191–244.

[2300] Обозначены как: ACFRC-JJB. Box (Коробка) 1. Fol. (Папка) №. Документ №. В самом архиве документы идентифицируются по номеру папки и содержанию, но для удобства документам в папках присвоены порядковые номера, которые использованы для ссылок в тексте книги.

[2301] Е.А. Резван (Санкт-Петербург) в настоящее время готовит статью, посвященную дешифровке этого фрагмента.

[2302] Stanford-2014. С. 215.

[2303] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.1. № 3.

[2304] Stanford-2014. С. 216.

[2305] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.1. № 4.

[2306] Stanford-2014. С. 216.

[2307] Там же. С. 228–230.

[2308] Там же. С. 232–237.

[2309] Там же. С. 214–215.

[2310] Сохранились только два коротких письма матери, от 2.08.1916 из Гусарского полка и от 17.02.1917 из Окуловки, куда Гумилев был командирован на заготовку сена: ПСС-8. № 150 и 161.

[2311] Возможно, кроме письма Бехгофера, но и здесь получение письма — не очевидно, так как не замечена никакая реакция Гумилева на него.

[2312] Stanford-2014. С. 191–244.

[2313] Гумилев официально числился прапорщиком. Почему Ахматова могла «повысить» его в звании, было сказано в Приложении к части 3.

[2314] Так как дата на письме не проставлена, эти слова, а также то, что Ахматова успела получить приведенное выше письмо из Лондона, позволяют довольно точно датировать его отправку. Известно, что Ахматова в 1917 году перебралась в Слепнево в середине июня или чуть позже (Ахматова–Черных-2008. С. 123). Письмо же из Лондона она должна была получить с одновременно отправленным письмом Гумилева к матери. А.И. Гумилева, как известно из ее ответного письма, получила письмо от сына из Лондона 29 июня, или 12 июля по н.с. Следовательно, Ахматова послала свое письмо, по н.с., близко к 15 июля.

[2315] Книга А. Ахматовой «Белая стая» вышла в конце июля — начале августа. 11 августа она письмом поблагодарила за это М. Лозинского: «Очень счастлива, что могу наконец поздравить Вас, дорогой Михаил Леонидович, с благополучным окончанием Ваших трудов и от всего сердца поблагодарить Вас за то, что Белая Стая существует» (Ахматова–Черных-2008. С. 124).

[2316] Стихотворение «Стокгольм» (ПСС-3. № 63. С. 124). Любопытно, что стихотворение Гумилев вложил не в письмо к Ахматовой, а только матери.

[2317] Письмо из Парижа А.И. Гумилева получила 14/27 июля 1917 года, см. ниже.

[2318] О первом стихотворении сказано выше, второе — «Природа» («Так вот и вся она, природа…») (ПСС-3. № 59. С. 120), завершающееся строками:

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездою,
Огнем пронизанной насквозь!

Однако в «Аполлоне» эти два стихотворения так и не появились. Скорее всего, это было связно с тем, что выпуск журнала практически прекратился. Последним вышел сдвоенный № 6/7 за 1917 год — вместо положенного сентября журнал вышел только в марте 1918 года (там впервые была напечатана пьеса Гумилева «Дитя Аллаха»). Присланные стихи впервые вошли в выпущенный автором после возвращения «Костер» (июнь 1918).

[2319] Поэт Михаил Струве, познакомившийся с Гумилевым еще в марте 1915 года в лазарете «Деятелей искусств».

[2320] Брат Дмитрий Степанович Гумилев, тоже ушедший на войну, воевавший, в ноябре 1914 года контуженный, но оставшийся в строю. Награжден несколькими орденами, в конце 1917 года демобилизован по состоянию здоровья.

[2321] Сестра Александра Степановна Сверчкова и ее дочка Мария Леонидовна Сверчкова (1896–1918), болезненная девушка, скончавшаяся вскоре после переезда семьи в Бежецк.

[2322] «Коля Маленький» — сын А.С. Сверчковой и племянник Гумилева, с которым он ездил в экспедиции в Абиссинию в 1913 году. Он тоже, с первых дней войны, рвался на фронт. Это единственное свидетельство о его возможном переводе в Одесский округ, которое требует проверки.

[2323] Как сказано у Лукницкого, Гумилев уезжал за границу как корреспондент газеты «Русская воля», однако оклада в 800 франков от газеты он никогда не получал и никаких его публикаций там не замечено.

[2324] В доме Георгиевского, в Царском Селе, на Бульварной улице, 49, семья Гумилевых жила в 1909–1911 годах. Как раз в эти годы состоялась свадьба Гумилева и Ахматовой. Дом не сохранился.

[2325] То есть письмо, отправленное из Лондона 21 июня, было получено уже 12 июля (по н.с.) — шло ровно 20 дней, для военного времени недолго. В дальнейшем все значительно ухудшилось, и вскоре переписка почти полностью прекратилась.

[2326] Как это письмо матери, так и второе письмо Ахматовой позволяют по-новому взглянуть на часто обсуждаемый вопрос о том, хотела ли Ахматова уехать за границу. Она сама это всегда всячески отрицала. Да и в почти одновременно посланном письму Лозинскому (Гумилеву — 15-го, а Лозинскому 16 августа) она писала: «Буду ли я в Париже или в Бежецке, эта зима представляется мне одинаково неприятной» (Ахматова–Черных-2008. С. 124). Как видно из этих писем, во Францию она — стремилась! Но Лозинскому об этом не написала. Думаю, что, если бы Гумилев ее активно позвал, она бы уехала. Но такого приглашения она от него не получила. То ли потому, что письмо до него не дошло, а скорее потому, что он трезво смотрел на вещи и прекрасно понимал свое неустойчивое положение, поэтому не мог ничего обещать достаточно капризной супруге. Хотя в приведенном выше письме, написанном в конце августа в Париже и полученном Ахматовой, он не исключал возможности ее приезда.

[2327] Гумилевы в Бежецке жили на Рождественской улице (ныне ул. Чудова), д. 68/14, он сохранился. Вначале они занимали весь второй этаж, потом их уплотнили до одной комнаты. До 1929 года там жил Лева Гумилев. В этом доме умерли, вначале сестра матери, Варвара Ивановна Лампе (в декабре 1921 г.), затем 24 декабря 1942 года — мать Гумилева Анна Ивановна, последней, 25 мая 1952 года, — сестра Александра Степановна Сверчкова. На доме установлена мемориальная доска.

[2328] Об этом Ахматова писала Лозинскому 22 июля: «Деревня — сущий рай. Мужики клянутся, что дом (наш) на их костях стоит, выкосили луг, а когда для разбора этого дела приехало начальство из города, они слезно просили: “Матушка барыня, простите, уж это последний раз!” Тоже социалисты! ‹…› Вообще тьма кромешная царит в умах» (Ахматова–Черных-2008. С. 124).

[2329] Сестра матери Варвара Ивановна Лампе и ее дочка Констанция Фридольфовна Лампе.

[2330] Ахматова была не столь оптимистична, 31 июля она написала Лозинскому: «Приехать в Петербург тоже хочется и в Аполлоне побывать. Но крестьяне обещали уничтожить Слепневскую усадьбу 6 августа, пот‹ому› что это местный праздник и к ним приедут “гости”. Недурной способ занимать гостей. Я хожу дергать лен и пишу плохие стихи…» (Ахматова–Черных-2008. С. 124).

[2331] Брат Гумилева Д. С. Гумилев и его жена Анна Андреевна Гумилева, урожденная Фрейганг.

[2332] В этом единственном сохранившемся письме от сестры все ясно. Митя — это брат Гумилева Дмитрий Степанович, Коля — «Коля Маленький», племянник, которому Гумилев посвятил последний свой сборник, который держал в руках: «Памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова». Интересно начало экспромта Гумилева, которых сохранилось немного. Леонид — муж урожденной Александры Степановны Гумилевой — Леонид Владимирович Сверчков (1865–1902). Ну а друг Шура — единокровная сестра Александра Степановна Сверчкова (29.06.1869, Кронштадт — 25.05.1952, Бежецк). 29 июня, по ст. стилю, отмечают день Павла и Петра.

[2333] РГВИА. Ф. 15234. Оп. 3. Д. 9. Л. 86.

[2334] ПСС-3. № 99.С. 166.

[2335] ACFRC-JJB. Box 1. Fol.6. № 1.

[2336] Ibid. Fol.3. № 2.

[2337] Ibid. Fol.4. № 5.

[2338] ПСС-3. № 87. С. 150.

[2339] В оставшиеся три года Гумилев часто бывал в Бежецке, где жила его семья, покинувшая разоренное имение Слепнево. Туда же он вскоре отправил жену А.Н. Энгельгардт с родившейся у них дочерью Еленой. Дважды он ненадолго посещал Москву, где прошло несколько литературных вечеров с его участием, и один раз, за два месяца до гибели, был в Крыму, в Севастополе и Феодосии.

[2340] Соавтором тогдашних выступлений и главным исполнителем была Т.М. Лисичкина, с которой мы объездили и обошли все места, где происходили события.

[2341] Ахматова-ЗК. С. 359.

[2342] «Я не такой тебя когда-то знала…»: Анна Ахматова. Поэма без героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории / Изд. подготовила Н.И. Крайнева. СПб.: Изд. дом «Міръ», 2009. В книге почти 1500 страниц. В дальнейшем ссылки на эту книгу: Крайнева-2009.

[2343] Фрагменты «Поэмы без героя» (если особо не оговаривается, для текстов из других редакций) приводятся по «Критически установленному тексту» в книге: Крайнева-2009. С. 871–897. Цитируемые строки из других стихотворений Анны Ахматовой даются либо по двухтомнику: Ахматова–Кралин-1–2, либо по собранию сочинений в 8 томах: Ахматова–Эллис Лак-1–8.

[2344] Увлекательная, почти «детективная» история поиска происхождения термина «Серебряный век» и его смысла изложена в книге: Ронен-2000. Справедливости ради

замечу, что автор книги, обратив внимание читателей на это употребление понятия «Серебряный век» Ахматовой, находит более ранний источник использования этого термина, с которым Ахматова могла быть знакома.

[2345] *Лозинский Михаил.* Горный ключ. Стихи. 2-е изд. Пг.: Мысль. 1922. С. 117. Первое издание вышло в 1916 году. А на издании 1922 года, принадлежавшем А.А. Ахматовой, дарственная надпись автора («лесенкой»): «Все той же // Ахматовой // Все тот же Лозинский». Текст стихотворения дан по книге, являющейся своеобразной «энциклопедией» «Поэмы без героя»: Тименчик-ПБГ-1989. С. 88.

[2346] Любопытно история зарождения, развития и трансформации ее восприятия самим автором изложена младшим ее современником и царскоселом Д. Е. Максимовым («Несколько слов о "Поэме без героя"» в книге: А. Блок и его окружение // Блоковский сборник VI. Тарту, 1985. С. 137–158), впервые услышавшим поэму от автора 17 мая 1941 года и знакомого со всем процессом ее развития. В частности, он пишет: «После ряда разговоров с Анной Андреевной мне стало казаться, что созданное ею произведение в каком-то смысле озадачивает и самого автора. Обычно она говорила о своей поэме, не касаясь ее сути, видимо, затрудняясь в общем ее истолковании. Как будто не она писала поэму, а поэма приходила к ней извне, возникала само по себе, сомнамбулически. Ахматова прямо признавалась в то время, что не может объяснить свой "Триптих", а только подбирает к нему свои и чужие объяснения, как к музыкальному произведению. Поэтому и тогда, и впоследствии она с большим интересом и вниманием прислушивалась к отзывам слушателей и читателей поэмы». Ахматова как бы дала карт-бланш читателям «Поэмы без героя», и, уже исходя из этого, ее прочтение не может быть однозначным. Поэтому я хочу предложить свое, столь же субъективное ее прочтение, дать собственную трактовку одному из многочисленных внутренних стержней поэмы.

[2347] Вот что пишет об этом в указанной выше работе часто беседовавший с Ахматовой Д. Е. Максимов: «Содержащиеся в поэме признания о том, что "у шкатулки тройное дно", о "симпатическом письме", в вариантах — о "тайнописи", "криптограмме", "лунатизме" — не пустые декларации. ‹…› "Иррационализм", во всяком случае антирационалистичность, тайнопись проявились в "Поэме без героя" столько же в отношении к слову, сколько и в тематическом аспекте. Эти свойства поэмы мы находим в многосмысловой подаче тем и образов (прежде всего, в двоящемся реально-призрачном образе Петербурга), в "поэтическом воздухе", в максимальном использовании "реквизита таинственного" ("тайна", "сон", "маски", "зеркальность", "двойничество" "Владыка Мрака", "тень без лица и названья"), в зыбкости очертания персонажей и границ между ними, в нераскрытых намеках, в многозначности слов и умолчаний, в повествовательных и логических разрывах, в зазорах, отделяющих друг от друга словесные блоки (дискретность)».

[2348] Не буду перечислять всю эту литературу, сошлюсь только, во-первых, на упомянутую «энциклопедию» по «Поэме без героя», составленную Романом Тименчиком: Тименчик-ПБГ-1989. С. 3–384; к книге этой следует добавить многочисленные публикации Тименчика, касающиеся интерпретации «Поэмы без героя». Во-вторых, назову также упомянутый фундаментальный труд на полутора тысячах страниц, подготовленный Н.И. Крайневой. Наряду с обширными (но далеко не полными) библиографическими сведениями о посвященной поэме литературе в этом издании приводятся все десять известных редакций поэмы и так называемый «Критически установленный текст». Делается также попытка канонизировать все сопутствующие поэме прозаические отрывки Ахматовой, включая балетное либретто. Не давая здесь оценку этой книге, хочу лишь обратить внимание на излишнюю в ряде мест однозначность и безальтернативность трактовок со стороны составителя, но вместе с тем нельзя не отметить огромную проделанную работу по сбору воедино всех относящихся к поэме авторских рукописных материалов. Приведенные в книге десять редакций «Поэмы без героя», а также относящиеся к ней все прозаические тексты позволяют заглянуть в лабораторию поэта и сделать собственные выводы. Большая часть цитируемых в публикации строк из поэмы и прозы дана по «критически установленному тексту» поэмы и по приведенным там же прозаическим «текстам в окончательном чтении».

[2349] Отмечу три публикации на эту тему. Впервые присутствие, точнее «отсутствие», Гумилева в поэме было обозначено в публикации: *Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. № 6. С. 300. В этой работе гумилевский слой Поэмы был прослежен, по выражению Ахматовой, как «линия отсутствующего героя». Много интересных наблюдений зафиксировано в публикации: *Чечельницкая Инна.* Скрытое присутствие Н. Гумилева в «Поэме без героя» А. Ахматовой // Nikolaj Gumilev. 1886–1986. Papers from the Gumilev Centenary Symposium. Held at Ross Priory, University of Strathclyde, 1986 / Edited, with an introduction, by Sheelagh Duffin Graham. Berkeley Slavic Specialties, 1987. P. 77–101. Наконец, отмечу публикацию, концептуально совпадающую с моим подходом: *Финкельберг Маргарита.* О герое «Поэмы без героя» // Русская литература. 1992. № 3. С. 207–224. Автор, следуя отличным путем и используя иные доказательства, приходит к сходным выводам. Однако во многих случаях с системой использованных доказательств согласиться сложно.

[2350] *Тименчик Роман.* Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С. 113–121.

[2351] У автора сложное отношение к рассказам Ахматовой о попытках самоубийства Гумилева из-за любви к ней. См.: *Степанов Евгений.* Неакадемические комментарии // Toronto Slavic Quarterly. № 17.

[2352] Крайнева-2009. С. 1051.

[2353] Там же. С. 910; см. также — Тименчик–ПБГ-1989. С. 14.

[2354] Ахматова–ЗК-1996. С. 237, 258, 276.

[2355] Опубликована в двух номерах журнала «Северные записки» (1914, № 3 и 4).

[2356] Крайнева-2009. С. 1124.

[2357] Даугава. 1984. № 2. С. 121.

[2358] М.А. Линдеберг был влюблен в Анну Ахматову, и она об этом знала. Отмечу также, что, по мнению авторитетных исследователей творчества и биографии Ахматовой, именно Михаил Линдеберг был первым любовником Анны Горенко. По крайней мере, над многоточием, после слов «на другую катастрофу…», Ахматова вписала дату самоубийства Линдеберга. В связи с упоминанием Линдеберга приведу также одну странную параллель, связанную с единственной двухдневной встречей Анны Ахматовой с Мариной Цветаевой 7–8 июня 1941 года. Ахматова тогда прочитала ей фрагменты «Поэмы без героя», на что Цветаева «язвительно заметила: "Надо обладать большой смелостью, чтобы в 41 году писать об арлекинах, коломбинах и пьеро", очевидно, полагая, что поэма — мирискусничная стилизация в духе Бенуа и Сомова…» (*Ахматова–ЗК-1996. С.* 549). В ответ Цветаева тогда подарила Ахматовой «Поэму воздуха». Мне неизвестно, знала ли Ахматова о том, что поэма Цветаевой была посвящена почти однофамильцу ее первого любовника, американскому летчику Чарльзу Линдбергу, впервые перелетевшему в мае 1927 года через Атлантический океан, из США во Францию; предполагаю, что Цветаева вполне могла сообщить об этом Ахматовой. «Воздушная» же тема «полета» еще возникнет в дальнейшем рассказе о «Поэме без героя».

[2359] Ахматова–ЗК-1996. С. 652.

[2360] Любопытно примечание самой Ахматовой в этом месте: «Недоумевающий Лева повторял: "Баба Анна — пачет, мама — пачет, тетя Хуха — пачет". И завыли бабы по деревне».

[2361] Тименчик-ДГ-1989. С. 262.

[2362] Стихотворение посвящено памяти убитого поэта и бывшего мужа, однако в стихотворении она ощущает себя как его вдова; с таким восприятием мы столкнемся и в поэме:

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит…
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.

И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой…
Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.

[2363] Ахматова–Эллис Лак-6. С. 191. Ахматова–ЗК-1996. С. 295, 300. Отмечу также, что в упомянутой выше публикации Инны Чечельницкой пушкинские штудии Ахматовой, связанные с поисками Пушкиным могил декабристов, логично сопоставляются с ее собственными поисками места расстрела Гумилева.

[2364] Крайнева-2009. С. 902.

[2365] Ахматова–Эллис Лак-5. С. 37 (из воспоминаний о Мандельштаме). Кстати, именно в этом письме, думаю, благодаря той же ассоциации, Мандельштам писал Ахматовой: «Знайте, я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется…»

[2366] *Лукницкая В.К.* Перед тобой земля. Л. , 1988. С. 220. Скорее всего, посещение Лукницким Ахматовой именно в этот день было связано с памятной датой, и следствием этого стали строки «Вступления».

[2367] Чуковская-1997–1. С. 220.

[2368] По крайней мере, в опубликованном Крайневой раннем «Списке Л. К. Чуковской» это «Вступление» уже присутствует.

[2369] Ахматова–Эллис Лак-3. С. 520–521. См. также: Тименчик-ПБГ-1989. С. 25.

[2370] Аполлон. 1912. № 3/4. ПСС-7. № 40. С. 120–121.

[2371] Возможно, именно с этим связана строка из «Решки»: «Так и знай: обвинят в плагиате...» Сама строфика и метрика поэмы во многом была позаимствована Ахматовой у Кузмина, из его поэмы «Форель разбивает лед». Ахматова тогда не могла догадываться, что ее поэму впоследствии будут считать предтечей «постмодернизма». Легко убедиться что «Поэма без героя» удовлетворяет всем его критериям, сформулированным специалистами через много лет после ее смерти. См., например, публикацию: *Кихней Л. Г., Темиршина О.Р.* «Поэма без героя» Анны Ахматовой и поэтика постмодернизма // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2002. № 3. С. 53–62.

[2372] ПСС-5. С. 157. Ахматова запомнила, как эти же слова, скорее всего, вспоминая Гумилева, цитировал О. Мандельштам: «Несмотря на то что время было сравнительно вегетарианское, тень неблагополучия и обреченности лежала на этом доме. Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 г.), о чем говорили — не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: "Я к смерти готов". Вот уже 28 лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места» (Ахматова–Эллис Лак-5. С. 40). Позже эта строка вошла в поэму.

[2373] Эта заключительная строфа «Решки», в авторской транскрипции, является как бы продолжением предшествовавшей, она завершается закрытием кавычек, открытых в предыдущей строфе: «Но она твердила упрямо: // "Я не та английская дама // И совсем не Клара Газуль, // Вовсе нет у меня родословной, // Кроме солнечной и баснословной, // И привел меня сам Июль." ‹…›». Как мне кажется, такое разбиение закавыченного фрагмента можно объяснить следующими словами Ахматовой из «Прозы о Поэме» (Крайнева-2009. С. 1142): «И только сегодня мне удалось окончательно сформулировать особенность моего метода (в Поэме). Ничто не сказано в лоб. Сложнейшие и глубочайшие вещи изложены не на десятках страниц, как они привыкли, а в двух строчках, но для всех понятных. ‹…›». В самом деле, если бы не эти кавычки, тогда бы получалось, что та мысль, которую я здесь пытаюсь сформулировать, сказана Ахматовой — «в лоб».

[2374] Крайнева-2009. С. 13.

[2375] Там же. С. 1068–1067, 1144–1146.

[2376] Ахматова–ЗК-1996. С. 207–208.

[2377] (Примечание Ахматовой на полях страницы) — А для Николая Степановича я была чем-то средним между Семирамидой и Феодорой. (А еще Дева Луны в «Пути Конквистадоров».) Мои атрибуты всегда — луна и жемчуг («Анна Комнена»). У Амедео наоборот: он был одержим Египтом и поэтому ввел меня туда.

[2378] В вышедших двух первых изданиях книги «Anno Domini», 1921 и 1923 годов, этого стихотворения, возможно по этическим или цензурным соображениям, нет, однако Ахматова постоянно включала его как во все нереализованные планы сборников своих избранных стихов, так включила его и в раздел «Anno Domini» последней прижизненной книги «Бег времени», вышедшей в 1965 году. См.: *Гончарова Н.Г.* «Фаты либелей» Анны Ахматовой. РГБ. М.; СПб., 2000. С. 31–36, 151, 204.

[2379] (Сноска Ахматовой на той же странице, введенная в «Критически установленный текст», Крайнева-2009. С. 875): «Отчего мои пальцы словно в крови // И вино, как отрава, жжет? («Новогодняя баллада», 1923)».

[2380] Ахматова–ЗК-1996. С. 206–207; Ахматова–Эллис Лак-5. С. 189–190.

[2381] Ахматова–Кралин-1. С. 167.

[2382] Крайнева-2009. С. 1019–1192 («Проза о Поэме»). С. 1193–1322 («Наброски балетного либретто по "Поэме без Героя"»).

[2383] Существуют разные трактовки происхождения названия поэмы. Любопытны рассуждения об этом в книге: Омри Ронен-2000. С. 14–15, 45. Сам Ронен отсылает читателя к подзаголовку «Ярмарки тщеславия» У. Теккерея — «Роман без героя». Во вступительной статье к книге Вяч. Вс. Иванов добавляет еще два возможных источника: слова Байрона «I want a hero» из его поэмы «Дон Жуан» (строку из нее Ахматова взяла эпиграфом к первой части поэмы), а также строку из поэмы Б. Пастернака «Спекторский» — «Я б за героя не дал ничего». При этом Вяч. Вс. Иванов оговаривается: «Нельзя с точностью определить, какой конкретный процесс привел к формированию того или иного сочетания слов: оно вполне может восходить к слиянию нескольких источников. В то же время такие гипотетические построения могут больше сказать о читателе или исследователе, чем об авторе. Степень надежности зависит тут от множества разнообразных условий».

[2384] ПСС-2. № 55.

[2385] Стихотворение Ахматовой впервые опубликовано в 1914 году в сборнике «Четки». Воспоминания М.И. Будыко в книге: Воспоминания об Ахматовой–Кралин-1990. С. 490.

[2386] Пунин-2000. С. 142.

[2387] В свое время автор поделился этой версией с составителями Сочинений Ахматовой, и они включили ее в комментарии к поэме: Ахматова–Эллис Лак-3. С. 512.

[2388] Крайнева-2009. С. 1237 (публикация рукописи). С. 1248 (описание рукописи). С. 1296–1297 (тексты в окончательном чтении). С. 1320–1322 (комментарии к текстам в окончательном чтении). Оригинал — РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 205. Л. 7 об. Не могу не отметить, что этот фрагмент, на который почему-то долгие годы обращали мало внимания, был опубликован, с соответствующими дополнениями и комментариями, еще в 1989 году Романом Тименчиком, см.: Тименчик–ПБГ-1989. С. 288–293, а также его же публикацию: *Тименчик Р.Д.* Блок и его современники в «Поэме без героя». Заметки к теме // Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сборник IX. Памяти Д. Е. Максимова. Тарту, 1989. С. 114–123.

[2389] Так в оригинале — посередине и с подчеркиванием.

[2390] Исправлено. У Ахматовой (или в книге) ошибка: «и стать тем, что ты и есть — звездою».

[2391] Крайнева-2009. С. 1321. Тименчик–ПБГ-1989. С. 286.

[2392] ПСС-1. № 160.

[2393] Там же. № 133.

[2394] ПСС-3. № 59. Обратите внимание на то, что именно это стихотворение особо отметила Ахматова в недавно обнаруженном письме Гумилеву в Париж, от 15 августа 1917 года, см. Прил. 6 в части 4.

[2395] ПСС-4. № 39.

[2396] Там же. № 40.

[2397] В древнееврейской мифологии один из самых могущественных демонов, символ вожделения, ревности и одновременно — мести, ненависти и разрушения.

[2398] *Шкловский И.С.* Эшелон (Невыдуманные рассказы). М.: Изд-во «Новости», 1991.

[2399] Старт автоматической межпланетной станции «Венера-1» был осуществлен 12 февраля 1961 года в 5 часов 9 минут московского времени. Следовательно, статья Шкловского была опубликована вечером, в этот день. Тогда впервые в мире был осуществлен запуск космического аппарата с околоземной орбиты к другой планете.

[2400] Письмо сохранилось, его приводит Роман Тименчик в книге: Тименчик-2005. С. 523. И. Шкловский написал письмо в день именин Ахматовой, 16 февраля 1961 года: «Это пишет Вам незнакомый человек, не литератор, а астроном и физик. В ранней юности, еще до отечественной войны, я был очарован стихами Николая Степановича. И это осталось у меня навсегда. Жестокая несправедливость судьбы по отношению к такому поэту меня всегда оскорбляла. И вот представился неповторимый случай. Я сделал попытку, если так можно выразиться, реабилитировать его через Космос и этим, в меру моих скромных сил, отметить 75 годовщину его рождения. Я знаю, что это его последнее стихотворение. Я представляю, как оно писалось... Простите меня, дорогая А. А., что я допустил вольность, исказив текст: вместо "на далекой звезде..." написал "на далекой планете...". Иначе ничего не вышло бы. Весь расчет строился на этом и еще на ужасном цейтноте, в котором оказалась газета» (ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 1057).

[2401] ПСС-4. № 61.

[2402] Ахматова–ЗК-1996. С. 180.

[2403] В комментариях Крайневой (С. 934) сказано: «А твоей двусмысленной славе, // Двадцать лет лежавшей в канаве — подразумевается период 20–30-х годов (строфа создана в январе 1942 года), когда отношение к творчеству Ахматовой носило двойственный характер. С одной стороны, признавалось поэтическое мастерство Ахматовой ‹…›. С другой — Ахматову считали фигурой из прошлого, которой нет места в новом революционном обществе, обвиняли в "комнатной интимности", "исчерпанности" сюжетов и тем,

даже "враждебности". Почти 20 лет, с 1923 по 1940 год, не было напечатано ни одного стихотворения Ахматовой». Странный комментарий… А к чему тогда относится продолжение строфы — «Я еще не так послужу. // Мы с тобой еще попируем, // И я царским моим поцелуем // Злую полночь твою награжу». Получается, что она сама с собой «попирует» и наградит себя «царским поцелуем»!.. Вряд ли автор предполагал такую трактовку.

[2404] Крайнева-2009. С. 335–336.

[2405] Удалось точно установить дату, место и источник появления «Чаконы Баха» в поэме; см.: *Лисичкина Т.М., Степанов Е.Е.* В Старках у Шервинских // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 163–167.

[2406] Тименчик–ПБГ-1989. С. 285.

[2407] Лукницкий-1. С. 161–162.

[2408] Старший брат Ахматовой Андрей Андреевич Горенко (1887–1920) со своей женой Марией Александровной Змунчилло, не в силах перенести смерть ребенка, предприняли в 1920 году попытку самоубийства, приняв яд; Андрей умер, а Марию удалось спасти. Об этом Гумилев рассказал Ахматовой при их последней встрече. Копию предсмертного письма брата Ахматова получила от матери только 6 июня 1927 года, из Александровска на Сахалине (Лукницкий-2. С. 268).

[2409] Ахматова пишет в «Записной книжке» (Ахматова–ЗК-1996. С. 667): «В 1924 три раза подряд видела во сне Х. (*так она обозначала там Гумилева. — С.Е.*) — 6 лет собирала "Труды и дни" и другой материал: письма, черновики, воспоминания. В общем сделала для памяти все, что можно. Поразительно, что больше никто им не занимался. Так называемые ученики вели себя позорно. Роль Георгия Иванова. За границей они все от него отреклись».

[2410] Текст дан по: Тименчик–ПБГ-1989. С. 104–105.

[2411] ПСС-3. № 82. Впервые опубликовано сразу после возвращения в Россию в 1918 году, во вскоре запрещенном журнале Аркадия Аверченко «Новый Сатирикон», № 16, вошло в сборники «Костер», «К синей звезде».

[2412] «Когда я кончу наконец // Игру в cache-cache со смертью хмурой, То сделает меня Творец // Персидскою миниатюрой…». «Cache-cache» — по-французски «прятки»; это начало первоначально написанного по-французски стихотворения «Персидская миниатюра» (ПСС-4. № 31), о котором было сказано выше в главе «Лондон — подведение итогов».

[2413] Библиография по этому вопросу дана в работах: *Тименчик Р.Д.* По делу № 214224 // Даугава. 1990. № 8. С. 116–122. См. также: Перченок-1995. С. 362–370; Штейнберг-2009. С. 170–176, 358–362; Сажин-1990. С. 91–93.

[2414] Впервые опубликовано В. Крейдом: журнал «Панорама». Лос-Анджелес, 1989. 15–22 декабря. С. 16–17.

[2415] Евдокия Петровна Струкова — секретарь издательства «Всемирная литература», жена Б.П. Сильверсвана.

[2416] Штейнберг-2009. С. 171–173.

[2417] Сажин-1990. С. 92.

[2418] Одоевцева-1988. С. 275–277.

[2419] Перченок-1995. С. 366.

[2420] Там же. С. 370.

[2421] В опубликованном «Протоколе допроса» от 18 августа 1921 года Гумилев прямо заявил, что «в начале Кронштадтского восстания ко мне пришел Вячеславский с предложением доставлять для него сведения и принять участие в восстании, когда оно будет переноситься в Петроград. От дачи сведений я отказался, а на выступление согласился, причем сказал, что мне, по всей вероятности, удастся в момент выступления собрать и повести за собой кучку прохожих, пользуясь общим оппозиционным настроением. Я выразил также согласие на попытку написания контрреволюционных стихов…» И в последнем, четвертом протоколе, от 23 августа, за два дня до расстрела, Гумилев подтвердил: «Чувствую себя виновным по отношению к существующей в России власти в том, что в дни Кронштадтского восстания был готов принять участие в восстании, если бы оно перекинулось в Петроград…» (*Лукницкий С.* Есть много способов убить поэта… М.: Русский двор, 2002. С. 78–80. Листы следственного дела ВЧК № 214224—Л. 86 и 88). Напомню, что по тогдашнему уголовному праву, подписанному В.И. Лениным, предусматривалась «высшая мера» лишь за «намерение». Так что, дав такие показания, Гумилев подписал себе смертный приговор. Следовательно, расстрелян он был на «законном» основании и ни в какой реабилитации не нуждался.

[2422] Ахматова–ЗК-1996. С. 251. Ахматова повторяет почти все стихотворения, указанные выше при описании «Линии отсутствующего Героя».

[2423] Скорее всего, Ахматова подразумевала концовку знаменитого стихотворения «Рабочий», написанного весной 1916 года в начале офицерской службы в 5-м Гусарском Александрийском полку в Латвии:

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

[2424] «Нам брести в смертоносных равнинах, // Чтоб узнать, где родилась река, // На тяжелых и гулких машинах // Грозовые пронзать облака». Из стихотворения «Родос», вошедшего в посвященный Анне Ахматовой раздел сборника «Чужое небо» (ПСС-2. № 69). Само стихотворение — отклик на смерть Маши Кузьминой-Караваевой 11 декабря 1911 года и посвящено ее памяти.

[2425] Ахматова–ЗК-1996. С. 3–4, 220. В принятом сейчас каноническом переводе Библии эта фраза звучит несколько иначе (Исаия, 24–17) — «17. Ужас и яма и петля для тебя, житель земли!».

[2426] *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М, 1989. С. 269.

Указатель имен

Содержание

Евгений Евгениевич СТЕПАНОВ

ПОЭТ НА ВОЙНЕ. НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ 1914–1918

Редактор – *Б.Н. Романов*
Художественный редактор – *В.Н. Сергутин*
Корректор – *Л.Н. Морозова*
Оператор – *Т.Е. Барышникова*
Верстка – *А.Б. Метелкин*

Издательство «Прогресс-Плеяда»
Гл. редактор С.С. Лесневский
125009, Москва, Тверской бульвар, 14, стр. 1, офис 501
Тел./факс: (495) 648-07-86, 648-07-87
E-mail: progresspl@yandex.ru

Подписано в печать 4.07.2014.
Формат 70x100/16. Гарнитура «Прогресс». Печ. л. 53.
Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-7396-0321-0

9 785739 603210 >

Отпечатано в ППП «Типография "Наука"»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ №